

ПРОВЕРЕНА

706

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXVI.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ

СОБРАЛЪ И ОПИСАЛЪ

Д. РОВИНСКІЙ.

Книга IV.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

W 495

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Мартъ 1881 г.

Непрежѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Книга I.

1—7. Русскіе богатыри: **Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ**. Подъ этими нумерами представляется сводъ свѣдѣній о трехъ русскихъ богатыряхъ, раздѣленный на восемь отдѣловъ: I. Илья Муромецъ по сказкамъ; II. онъ же по былинамъ; III. онъ же, какъ преподобный, мощи котораго находятся въ Кіевскихъ пещерахъ; IV. онъ же по западнымъ сагамъ; V. Добрыня Никитичъ по сказкамъ; VI. онъ же по былинамъ; VII. Алеша Поповичъ по сказкамъ и былинамъ, и VIII. Лѣтописныя извѣстія о богатыряхъ Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ.

I. Илья Муромецъ по сказкамъ.

Наша лицевая сказка въ 8 картинкахъ (№ 1) представляетъ сокращеніе полной сказки, напечатанной И. Сахаровымъ по рукописному сборнику Бѣльскаго ¹⁾. Отдѣльной книжкой, безъ картинокъ, полная «Сказка о сильномъ и славномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ», была издана въ С.-Петербур-

¹⁾ При чемъ издателемъ сдѣланы значительныя измѣненія и поправки, съ цѣлю придать сказкѣ болѣе древній характеръ. Наша сокращенная сказка напечатана въ народныхъ русскихъ сказкахъ Аванасьева (III. 119), и у П. Безсонова (пѣсни Кирѣвскаго. I. стр. XVII) по тремъ лицевымъ изданіямъ, изъ которыхъ *самое старое* приведено у меня подъ лит. б; изданіе это означено у Безсонова лит. в.

бургѣ, 1839 г., въ осьмушку. Въ этѣхъ полныхъ сказкахъ, въ самомъ началѣ, прибавленъ разсказъ о томъ, что къ Ильѣ, въ то время, когда онъ еще сидѣлъ сиднемъ, приходили двое каликъ, и приказали ему встать и принести имъ пива. И по приказу ихъ Илья сталъ на ноги, пошелъ въ подвалы глубокіе, и принесъ каликамъ братину пива. — Выпей-ка самъ — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. Говорятъ ему калики перехожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину виномъ крѣпкимъ пуще того и подносилъ каликамъ перехожимъ. — Выпей-ка самъ — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спросали его, Илью, калики перехожіе: слышишь ли Илья свою силу? — И молвитъ Илья: слышу! — И спросали его, Илью, калики перехожіе: какъ велика твоя сила? — И молвитъ Илья: кабы былъ столбъ изъ земли до неба, и я перевернулъ бы всю землю. — Стали промежъ себя калики говорить: много дано силы Ильѣ: земля не снесетъ. Поубавимъ силы. И говорятъ ему калики перехожіе: сходи-ка за пивомъ, да напой насъ! — И взялъ Илья братину больше прежняго, пошелъ во подвалы глубокіе, опускался ниже того, наливалъ братину пивомъ крѣпкимъ пуще того, и подносилъ каликамъ перехожимъ. — Выпей-ка самъ — въ отвѣтъ молвятъ калики перехожіе. Хватилъ Илья братину за разъ. Только и видѣли пиво. И спросали его, Илью, калики перехожіе: слышишь-ли, Илья, свою силу? — И молвитъ Илья: поубавилось силы, кабы на семую часть. — Стали промежъ себя калики говорить: будетъ съ него. — И прощались съ Ильею калики перехожіе» (Сахаровъ, Русскія народныя сказки. С.-Петербургъ 1841, стр. 66). Этого разсказа въ нашей сказкѣ № 1 нѣтъ, а помѣщенъ онъ въ другой лицевой сказкѣ «объ Иванѣ богатырѣ крестьянскомъ сынѣ», подъ № 44.

Пріемъ у В. К. Владиміра переданъ въ полной сказкѣ тоже иначе: «Возговоритъ Владиміръ стольный князь Кіевскій: ты

скажись, молодець, кто твой родъ племень? По роду тебѣ можно мѣсто дать, по племени пожаловати. Отвѣчаетъ Илья: не великъ мой родъ племень, а почетенъ по міру; единъ былъ сынъ у батюшки, единъ сынъ у матушки, да и оба живутъ во селѣ Карачаевѣ, а и оба правятъ міромъ. — Ты скажи молодець: какъ доѣхалъ до стольнаго до города до Кіева? — Ъхалъ я тою дорогою прямоѣзжею, котора залегла ровно тридцать лѣтъ, а заложилъ ее Соловей разбойникъ, и не пропускалъ тамъ Соловей разбойникъ ни коннаго, ни пѣшаго.

Втапоры во теремѣ пошла молва неудалая: на него-то, Илью, косо посматриваютъ, про него-то Илью, худомъ поговариваютъ. Говорятъ тутъ могучіе богатыри: а и гой еси ты, ласковій Владиміръ Князь Кіевскій красное солнышко наше! Въ очахъ дѣтина завирается. А и гдѣ ему проѣхать тою дорогою прямоѣзжею? Залегла-ли та дорога тридцать лѣтъ отъ того-ли Соловья разбойника. — Говоритъ тутъ Илья Муромецъ. Гой еси ты, Осударь, Владиміръ Князь! Кладу голову во неправдѣ; дай судъ со правой на твоємъ широкомъ дворѣ, при старьихъ старикахъ. На передъ того посмотри на удалъ калики перехожаго: привезъ я къ тебѣ, стольному Князю Владиміру, Соловья разбойника на дворъ.

Втапоры пошелъ онъ, Великій Князь съ Ильею на широкъ дворъ смотрѣтъ на удалъ калики перехожаго. Выходили тутъ князья и бояре, и всѣ сильныи могучіи богатыри: Самсонъ богатырь Колывановичъ, Суханъ богатырь Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь и Полканъ другой, и семь братьевъ Збродовичи, еще мужики Залешане, еще два брата Хапиловы; а всѣхъ было тридцать молодцовъ безъ одинаго. Идетъ Илья ко тому Соловью разбойнику, и уговариваетъ его, Соловья: ты послушай меня, Соловей разбойникъ младъ! посвисти Соловей по соловьиному, попиши змѣй по змѣиному, зрявкай звѣрь по туриному, и потѣшь Князя Владиміра съ княгинею Апраксѣвною. — Засвисталъ Соловей по соловьиному, оглушилъ онъ во Кіевѣ князей и бояръ; зашипѣлъ злодѣй по змѣиному, поморилъ онъ старьихъ стариковъ; зрявкалъ звѣрь по туриному, побилъ онъ молодыхъ молодцовъ. Со того

ли свиста соловьиного князя и бояре испугались, на корачкахъ по двору напоззались; а сильны-то могучіе богатыри на земь присядали, да и круто ходомъ побранивали. И накуриль Соловей бѣды несносимыя: добры кони со двора разбѣжались, добры молодцы по улицамъ разходилися, молодья молодушки и всѣ дочери отецкія по теремамъ пряталися; а и самъ Владиміръ Князь едва живъ стоитъ, со душой Княгиней Апраксѣвною. Говоритъ тутъ ласковый Владиміръ Князь: а и гой ты еси Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ! Уйми ты Соловья разбойника, а и эта-та шутка намъ не надобна. — И за то онъ, Илья, убилъ его, Соловья. (Сахаровъ, Р. Н. Сказки, 85). Въ собраніи И. Забѣлина находится замѣчательный списокъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ, начала прошедшаго столѣтія: онъ еще полнѣе списка Бѣльскаго (Сахаровскаго), а мѣстами и другой редакціи. Начала, до битвы подъ Черниговомъ, въ списокѣ Забѣлина недостаетъ; въ самомъ рассказѣ сдѣланы слѣдующія прибавки: когда конь, отъ соловьиного свиста сталъ спотыкаться, Илья укоряетъ его: «что ты волчье мясо, травяной мешекъ». Приѣхавъ въ Кіевъ, Илья идетъ прямо въ церковь божію; Великій Князь Владиміръ посылаетъ по него Алешу Поповича. Илья не пошелъ на зовъ, и только выбранился: «пусть де пришлетъ Князь кого повѣжливіе, а то Алешу Поповича, бабью б...ь пересмѣшища». Тогда Владиміръ шлетъ Добрыню Никитича, который и приводитъ Илью въ княжескіе хоромы.

Въ сборникѣ Аванасьева напечатана другая «Исторія о Ильѣ Муромцѣ и о Соловѣѣ разбойникѣ», по рукописи XVIII вѣка, тоже принадлежащей И. Е. Забѣлину; въ этой исторіи Илья освобождаетъ не Черниговъ, а градъ Себежъ: «какъ будетъ онъ подъ градомъ Себежемъ, и тамъ стоятъ три царевича заморскіе, а силы съ ними триста тысячъ, и хотять они Себежъ-градъ за щитомъ взять, а самага царя Себежскаго въ полонъ взять. И тако поѣхаль Илья Муромецъ въ сугонь (т. е. въ погоню) за тремя царевичами и нагналь ихъ у морской пристани, и достальныхъ людей побилъ, а трехъ царевичей въ полонъ взялъ, и возвратился во градъ Себежъ...»

Побѣдивъ Соловья разбойника Илья спрашиваетъ его: «гдѣ твоя лежитъ злата казна? Отвѣчаетъ Соловей: лежитъ моя злата казна въ моихъ селахъ Кутузовыхъ, а гонцы гоняють (туда) по два мѣсяца, а скоро на скоро мѣсяцъ». Туда, въ жилище Соловья, и отправился Илья Муромецъ (Аван. III. 125).

Кромѣ того въ сборникѣ Аванасьева напечатано еще три сказки объ Ильѣ Муромцѣ, съ изустныхъ рассказовъ. Подъ № 175 (III. 128), въ сказкѣ новѣйшаго склада, рассказывается, какъ Илья Муромецъ до 18 лѣтняго возраста сидемъ сидѣлъ; и вошелъ къ нему въ избу старичекъ божій: «нутка», говоритъ, «встань съ постели, да принеси мнѣ водицы». И всталъ Илья, и принесъ ему ковшъ воды; и заставилъ его старичекъ божій ту воду выпить.

«Слышишь ли ты въ себѣ теперь силу?»—спрашиваетъ онъ Илью. «Слышу, старичекъ господень; еслибы утвердить въ землю кольцо, то я кажись за это кольцо ее бы повернулъ».

Тогда старичекъ приказалъ ему принести другой ковшъ воды; половину ковша этого онъ самъ выпилъ, а другую далъ выпить Ильѣ; силы у Ильи съ того полу-ковша и поубавилось.

«Ну будетъ съ тебя», сказалъ старичекъ божій, и пошелъ своей дорогой.

За тѣмъ начинаются подвиги Ильи: сперва онъ лѣсу съ корнемъ понавыворотилъ; потомъ, по приказу своего царя, ѣдетъ къ Королю его пріятелю; у этого де короля дочь красавица, и летаетъ къ ней двѣнадцатиглавый змѣй, и всю изсушилъ, и надо де ее отъ этого лиха избавить. Илья по дорогѣ къ Королю заѣзжаетъ къ тремъ Бабамъ-ягамъ, полонитъ Соловья разбойника, привозитъ его къ Королю, убиваетъ двѣнадцатиглаваго змѣя, и возвращается къ своему Царю, гдѣ встрѣчаетъ его, съ большими почестями, царская дочь, и выходитъ за него замужъ. Сказка эта сообщена Аванасьеву П. В. Кирѣевскимъ.

Въ другой сказкѣ (Аван. III. 425), тоже новѣйшаго склада, Илья является въ сообществѣ съ какимъ то Ѳедюхой Лыжниковымъ, подъ главною командой богатыря Ивана дурака. Всѣ они втроемъ приходятъ къ царю, и требуютъ у него дочь въ за-

мужество Ивану дураку; Царь высылаетъ на нихъ войско; Ое-дюха и Илья побиваютъ войско; Иванъ въ это время все валяется, да спитъ. Наконецъ высылаетъ Царь на нихъ своего богатыря Добрыню Никитича, отъ котораго Илья и Ое-дюха, со страху, дали тягу; устоялъ однако Иванъ богатырь; выхватилъ онъ свою саблю, и отсѣкъ Добрыни голову. Нечего дѣлать, отдалъ Царь свою дочь Ивану дураку.

Въ третьей сказкѣ (Аван. III. 429), богатыри Оома Берениковъ, Илья Муромецъ и Алеша Поповичъ ѣдутъ выручать Короля Прусскаго противъ Царя Китайскаго. Илья съ Алешей побили его войско, а Оома главному Китайскому богатырю голову себѣ. Король прусскій отдаетъ за него свою дочь за мужъ.

Въ 1-мъ выпускѣ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ, напечатаны слѣдующія любопытныя: *Отмѣтки изъ сказокъ и преданій въ народѣ объ Ильѣ Муромцѣ, В. И. Даля.*

«Отецъ Ильи—Иванъ Тимоѣевъ; мать Ефросинья Яковлева. Онъ сиднемъ сидѣлъ за какой-то грѣхъ дѣда своего, ушедшаго въ монастырь, въ Кіевъ. Когда странники его отпоили, то онъ сказалъ: «Кабы мнѣ столбъ съ кольцомъ въ него утвердить, я бы землю съ мѣста своротилъ», и этой-то силы ему поубавили.

Илья на печи, подъ собою, яму протеръ, такъ, что видна была только борода съ головою, да и та все ныряла; онъ день и ночь молился, поклоны клалъ. Сидя на печи, онъ слышалъ не разъ вѣсти про Соловья разбойника, который промежь Кіева и Чернигова дорогу залегъ; Илья задумывался, вздыхалъ и спрашивалъ объ этомъ дѣлѣ странниковъ. «Что тебѣ до него, дитятко?»—говаривалъ отецъ—и Илья замолкалъ, но во снѣ и наяву все въ очью видитъ Соловья разбойника: и молиться не даетъ, окаянный. — Есть одно преданіе, которое говоритъ, что Илья всталъ, когда возгласили въ церкви *Христосъ Воскресъ*, въ ночь на Свѣтлое Воскресеніе.

Коня богатырскаго Илья купилъ у Корачаровскаго дьячка, шелудивымъ жеребенкомъ, за три деньги, вывалялъ его въ росѣ на тридцати утренникахъ, и вывалялся жеребенокъ конемъ

богатырскимъ: ѣстъ онъ одну бѣлоярову пшеницу (пшеничку кукурузу), пьетъ одну росу утренню.

Пытая мечи булатные, Илья сокрушалъ рукояти ихъ, сжимая въ кулакѣ; кинулъ онъ мечи эти бабамъ лучину щепать, а самъ выковалъ себѣ, изъ трехъ полосъ булатныхъ, три стрѣлы, закаливъ ихъ во утробѣ матери сырой земли.

Когда Илья сталъ просить благословенія родительскаго въ Кіевъ, на богатырскіе подвиги, а Иванъ Тимоѣевъ недовѣрчиво усомнился, то онъ созвалъ понятыхъ людей, вышелъ на Оку, уперся плечемъ въ гору, сдвинулъ ее съ крутаго берега и завалилъ Оку; подъ Муромомъ и понынѣ указываютъ старое русло Оки, засыпанное Ильею. Тогда родители его благословили, наложивъ однако заклятіе ѣхать не на Черниговъ-градъ, гдѣ залегъ Соловей, а объѣхать на Кіевъ околицею; и, второе, не проливать напрасно христіанской крови, людей не обижать.

Илья, на прощанье, пустилъ корочку хлѣба по Окѣ рѣкѣ, за то, что понда и кормила его, и взялъ съ собою въ ладонку горсть родной земли.

Пустившись въ путь, Илья далъ первый ускокъ въ полпути до Муромъ (версты полторы): тутъ исподъ копытъ богатырскаго коня живой ключъ ударилъ, бьющій и понынѣ; надъ нимъ поставлена часовенка, во имя Пророка Іліи.—На родникъ этотъ и понынѣ медвѣдь ходитъ, испить водицы, понабраться богатырской силы.

За другимъ ускокомъ, Илья, на перелетѣ черезъ Муромъ, снялъ шапку и перекрестился, супротивъ Троицкаго монастыря; а за третьимъ ускокомъ, очутился уже подъ лѣсами Брынскими.

Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что ращепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенья ножевые, Илья наѣхалъ остовъ, костякъ богатырскій, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который—гдѣ-то—и теперь стоитъ.

Затѣмъ, онъ *освободилъ Кинешму отъ Литвы*, за что князь Кинешемскій и всѣ жители, кумирники, обратились въ Христіан-

ство. Также освободилъ онъ Черниговъ, бывшій въ осадѣ, и, полонивъ Соловья-разбойника на перепутьи, явился въ Кіевъ, на широкій княжій дворъ, къ вечернѣ того же дня, въ который отстоялъ утреню въ Корачаровѣ.

У Владиміра, ласкова князя Солнышка, было столованье, почестной пиръ, и рѣчь шла о Соловьѣ разбойникѣ, который много народу перегубилъ; въ это время докладываютъ, что чужой дѣтина пріѣхалъ, Соловья въ торокахъ привезъ. «Пріѣзжій дѣтина крѣпко завирается, коли Соловьемъ въ торокахъ похваляется», рѣшили всѣ застольные богатыри, и пошли всѣ, съ великимъ княземъ и со княгиней Апраксѣвной, на княжье широкое крыльцо. Тамъ увидали Соловья, въ сыромятныхъ путлищахъ, въ торокахъ; онъ однимъ глазомъ на Кіевъ, другимъ, по старой привычкѣ, на Черниговъ глядѣлъ; виситъ травянымъ мѣшкомъ, согнутъ корчагою. Илья сказываетъ князю похождения свои; девять сыновъ или зятьевъ Соловья, спасаясь отъ Ильи, обратились въ вороновъ, съ желѣзнымъ клювомъ, и живутъ понинѣ. Тутъ прискакалъ гонецъ исподъ Чернигова, съ вѣстью объ освобожденіи его Ильєю, котораго повели почетно за княжій пиръ, и проч. Илья побратался съ Добрыней, съ Алешей Поповичемъ дружно жилъ; съѣзжался съ Калѣчищемъ переходимъ, съ которымъ у дьячка *Корачаровскаго вѣсть грамотъ учился*; онъ-то надумилъ Илью, что чудище *Полканище, Полканъ Полкановичъ*, въ Кіевѣ *людей поодаетъ, по туриному жвачку жуетъ*. Илья обмѣнялся одежей съ Калѣкой и самъ, собираясь, прошелъ въ Кіевъ, былъ принятъ, какъ нищій, въ княжьихъ палатахъ, гдѣ засталъ Полкана у полдника: ему подавали цѣлаго быка за разъ, а брагу пилъ онъ изъ котла, подымая его за уши, какъ изъ стопочки. Стоя скромно у печи, Илья сказалъ ему пословицу: «У моего у сударя, у батюшки, была обжорлива кобыла, да не много нажила: разорвало ее, волчью сыть.» Полканъ обругался, прибавивъ:— Каковъ-то у васъ былъ Илья Муромецъ, я бы на него поглядѣлъ, и того бы ногтемъ прикрылъ, такъ бы только мокренько стало.—«А вотъ онъ каковъ», отозвался Илья, ударивъ Полкана

шляпою Калѣки переходжаго по головѣ: и вогналъ ему голову промежъ плечъ, раскололъ на двое *пса-богатыря*.

Илья, на Соколѣ-кораблѣ, вмѣстѣ съ Добрынею, поплылъ на Окіанъ-море, о которомъ до того и слыхомъ не слыхать было; Соколѣ-корабль насилу ушелъ отъ Сизаго-орла,—но вѣстей объ Ильѣ болѣе никакихъ. Куда онъ дѣвался, не говорится ни въ сказкахъ объ немъ, ни въ пѣсняхъ».

П. В. Безсоновъ прибавляетъ съ своей стороны слѣдующую замѣтку: Я слышалъ слѣдующій рассказъ о кончинѣ Ильи. Ѣздилъ онъ съ Добрыней и Алешей, наѣзжалъ на диво — Невеличку, поборолся; Невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крикнулъ: «невелика, говоритъ, птичка, а носокъ востѣръ». Покончивши съ нимъ, только что двинулись дальше: стоитъ каменный гробъ, безъ крышки. «Полѣзай», говорятъ Алѣшѣ; Алѣша влѣзъ: гробъ ему великъ. Попыталъ Добрыня: гробъ ему узокъ. «Видно гробъ по мнѣ», сказалъ Муромецъ и влѣзъ, снявши доспѣхи: откуда ни возмись каменная крыша, захлопнула его накрѣпко. Кричитъ оттуда Илья, крышу силится своротить, крыша не подается. «Берите мой мечъ кладенецъ, рубите имъ!» Мечемъ ударили, — а на гробу появились два обруча и еще крѣпче его сжали. «Рубите обручи!» — Рубятъ, — а ихъ стало четыре, потомъ шесть. «Пришелъ мнѣ конецъ», слышался голосъ Муромца: «прощайте, товарищи!» Раздѣлил онъ богатырямъ доспѣхи, разрядилъ все по завѣщанью, гробъ назначилъ гдѣ поставить, велѣлъ приходить на него молиться, и замолкъ».

II. Илья Муромецъ по былинамъ ²⁾ и преданіямъ.

1. Молодость Ильи. Въ славномъ городѣ Муромѣ, въ селѣ

²⁾ Названіе *былинны* попадаетъ и въ древнихъ литературныхъ памятникахъ, напримѣръ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесъ трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъ-славича! начати же съ той пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію бояню». Въ другомъ словѣ, о Задонщинѣ: «Лудчи бо намъ, братіе, на-

Корачаровъ^{2 а)} (по другимъ пересказамъ въ городѣ Кряковѣ, въ селѣ во Березинѣ³⁾.—Рыбн. III. 13) у крестьянина Ивана Ивановича (по другому преданію Ивана Тимофеевича и Ефросиньи Яковлевны.—Кирѣев. I. прил. XXXII) было дѣтище Илья Муромецъ (Рыбн. I. 34). И сидитъ Илья Муромецъ сиднемъ⁴⁾ трид-

чати повѣдати иными словесы. . . начати повѣдати по дѣломъ и по былинамъ (Изв. III. Отд. А. Н. VI. 345). Конечно названіе *былины* употреблено здѣсь въ томъ значеніи, что составитель словъ будетъ излагать не простые поэтическіе вымыслы, а то, что случилось въ дѣйствительности, и не имѣетъ прямого отношенія къ нашимъ *поморскимъ былинамъ*, которыя, какъ замѣчаетъ Буслаевъ, составлялись часто многими столѣтіями позднѣе тѣхъ событій, о которыхъ повѣствуютъ, и воспѣваютъ старину по старой памяти, но на новый ладъ (В. Буслаевъ, Разборъ кн. о былинахъ В. Стасова: 12-е присуд. Уваровск. премій, 55).

^{2 а)} Память и преданія объ Ильѣ Муромцѣ сохранились, по свидѣтельству нашихъ археологовъ, въ мѣстѣ его рожденія и до настоящаго времени. Въ предисловіи къ пѣснямъ И. Кирѣевскаго, П. В. Безсоновъ приводитъ разсказъ В. И. Дала о томъ, что въ селѣ Корочаровѣ, упоминаемомъ въ сказкѣ, есть крестъ Ильюшинъ и живутъ крестьяне Ильюшины (XXXII стр. 1-го т.), которые, по увѣренію г. Авенариуса, производятъ родъ свой отъ Ильи Муромца (Былины, XI). Близъ этого села находится деревянная церковь Ильи Пророка, построенная въ 1601—1604 г., въ память моровой язвы (Ежегодникъ Владим. Губ. Статистич. Комит. I. 1875 г., вып. 1, стр. 238—242); стоитъ она возлѣ дороги, пролегающей изъ Муромъ въ Касимовъ. Эта Комаринская, или точнѣе Комарицкая, дорога идетъ отъ г. Рязани по полямъ и лѣсамъ, не касаясь деревень; на перекресткахъ ея съ другими дорогами поставлены Пятницы, т. е. часовни съ иконами (Макаровъ, 28). О Комарицкой волости, какъ о волости заблглыхъ людей и разбойниковъ, говорится во многихъ старинныхъ грамотахъ. Изъ нея по всей вѣроятности выбѣжалъ и комарицкій мужикъ, съ своей знаменитой комарицкой пляской.

³⁾ Въ былинахъ упоминаются еще королевичи изъ г. Крякова, изъ села Березова, со улицы со Рогатицы (Гильфердингъ, 2534) и Василій Королевичъ, изъ города Крякова, изъ села Карачаева (Гильферд. 898).

⁴⁾ В. В. Стасовъ приводитъ примѣры такихъ сидней: одного (изъ пѣсни Сибирскихъ Киргизовъ) Акъ-хана, который просидѣлъ, не вставая съ мѣста, 70 лѣтъ; другаго (изъ пѣсни Минусинскихъ Татаръ) Канакъ-Калеша, который пролежалъ 40 лѣтъ на одномъ мѣстѣ, покрытый камнемъ (О происх. былины, стр. 653.—См. тоже Radlof. II. 387; Schiefner, Heldensagen. 424). При этомъ В. В. Стасовъ замѣчаетъ, что Илья Муромецъ сидитъ сиднемъ, въ бездѣйствіи, не отъ недостатка, а отъ избытка силъ (655). Илья, выпивъ воды, говоритъ, что у него сила великая; но не говоритъ, чтобы силы у него отъ воды *прибавилось*, а послѣ третьяго раза у него силы поубавилось наполовину. Разсказъ этотъ напоминаетъ легенду о Рустемѣ (изъ Шахъ Наме): Рустемъ получилъ первоначально отъ Бога такую силу, что когда становился на камень, обѣ ноги его углублялись туда. Его печалила такая чрезмѣрная сила, и онъ сталъ просить

цать лѣтъ (Рыбн. I. 34; по другому пересказу 33 года.—Кир. I. 1. 3), за грѣхи своего дѣда (Кир. I. XXXII). По сказкѣ и преданію учился онъ грамотѣ, вмѣстѣ съ калечищемъ (Кирѣев. I. прил. XXI. XXXIV. Сказка № 1, стр. 6) въ школѣ у Карачаровскаго⁵⁾ дьячка⁵⁾.

2. Приходъ Каликъ. Разъ, когда родителей Ильи не было дома, приходятъ къ нему Калики, самъ Христосъ съ двумя апостолами (Кирѣев. II. 1); по другимъ пересказамъ двое Каликъ (Рыбн. I. 34; Гильферд. 646); по третьимъ одинъ старичекъ божій (Кир. II. 1), и приказываютъ они ему: «ты поиди Илья, принеси испить!»⁶⁾

«Нища братія, я безъ рукъ безъ ногъ», отвѣчаетъ Илья.

«Ты вставай Илья, насъ не обманывай!» говорятъ Калики; всталъ Илья, принесъ имъ чашу въ полтора ведра (воду, квасъ.—Рыбн. III. 16; питье медвяное.—Рыбн. I. 34, или же чанъ съ пивомъ, который «осмерыми не могли прежде стащить»—Кир. I. 2).

И приказали ему Калики выпить чашу; и выпилъ Илья первую чашу⁷⁾. «Многоли, Илья, чуешь въ себѣ силушки?»—спрашиваютъ его Калики; «а еслибы отъ земли столбъ былъ до неба, къ столбу было золотое кольцо, за кольцо бы взялъ, Святорускую

создателя, чтобы тотъ взялъ у него часть его силы, для того, чтобы ему можно было ходить по дорогамъ. Пресвятый Богъ убавилъ у него силы. Но когда въ единоборствѣ съ богатыремъ Сограбомъ Рустемъ былъ побѣжденъ, тогда онъ пошелъ къ находившемуся тамъ протоку, выпилъ изъ него воды, омылъ себѣ лицо, тѣло и голову, и потомъ обратился съ такой молитвой къ Богу: О всемогущій и пресвятый Боже! Отдай мнѣ ту силу, какую вначалѣ даровалъ мнѣ! И Богъ отдалъ ему прежнюю силу и увеличилъ ее настолько же, насколько прежде убавилъ (655). Такъ и у Ильи Калики силы не прибавили, а убавили; впоследствии же, когда въ томъ случилась надобность, прежняя сила была возвращена Ильѣ вслѣдствіе молитвы его Николаю Чудотворцу.—У О. Миллера приведены указанія на сидней въ германскомъ эпосѣ (Илья Муромецъ, 174).

⁵⁾ Грамотѣ Илья зналъ, и самъ даже на камнѣ надписи дѣлалъ; см. ниже его поѣздки.

⁶⁾ Сказаніе о чудесныхъ странникахъ и богахъ въ видѣ странниковъ приведены у О. Миллера по Гриму (Илья Муромецъ, 177; Grimm, D. Mythol., Vorrede. XXXIV).

⁷⁾ У В. В. Стасова приведено множество примѣровъ (стр. 654 и 655), изъ древнихъ легендъ, въ которыхъ богатырь получаетъ новую силу отъ воды и

(землю) поворотилъ», отвѣчаетъ Илья⁸⁾. И заставили Калики Илью выпить другую чашу; и съ этой чаши у него силы убавилось на половину (Кир. I. 2).

Въ другомъ пересказѣ старецъ просить у Ильи подь окномъ милостыню; «я сиднемъ сижу тридцать лѣтъ», говоритъ ему сперва Илья; на вторую просьбу старца онъ встаетъ съ мѣста и подаетъ ему большой хлѣбъ; но старецъ уже пропалъ изъ виду. Тогда сталъ Илья силу пробовать: схватилъ онъ чанъ пива, который только въ силу было семерымъ или восьмерымъ поднять, да и поставилъ его на чердакъ (Кирѣев. IV. 2).

Прощаясь съ Ильей, Калики заказали ему драться съ Святогоромъ богатыремъ, — «его и земля на себѣ черезъ силу носить»; съ Самсономъ богатыремъ, — «у него на главѣ семь власовъ ангельскихъ»; съ родомъ Микуловымъ (Селяниновича), — «его любить матушка сыра земля», и съ хитрымъ богатыремъ Вольгой Сеславичемъ; при этомъ Калики объявили Ильѣ, что смерть въ бою ему не писана (Рыбник. I. 35)⁹⁾.

другихъ напитковъ. Въ Гаривансѣ, Рама (воплощеніе Бога Вишну), отправляя на богатырскіе подвиги Кришну съ его братомъ Санкаршаной, даетъ имъ выпить молока отъ своей коровы... отъ котораго они получаютъ новую силу. Тамъ же мать Кришны, Прадіумна, поить его чудодѣйственными напитками, отъ которыхъ онъ получаетъ необыкновенно быстрый ростъ и силы. Въ Магабаратѣ, богатырь Бнима, выступая на послѣдній рѣшительный бой съ богатыремъ Карной, пьетъ напитокъ, который удваиваетъ его силу (Holzmann, Ind. Sagen, I. 125). Въ одной литовской сказкѣ три дѣвы подземнаго царства, чтобы дать герою силы для поднятія волшебнаго меча, велѣтъ ему выпить цѣлый сосудъ «воды-силы» (Schleicher, Littauische Märchen, 136. 137). Германоскандинавскій Сигурдъ пьетъ напитокъ, подносимый ему женщинами—эльбами, и чрезъ это получаетъ силу, равную силѣ 12 человекъ (Grimm, Deut. Mythol. I. 345). Рустемъ получаетъ прежнюю свою силу тоже отъ воды. Въ Германскихъ былинахъ Троль тоже даетъ Королевичу выпить изъ рога, чтобы надѣлать его силою (Буслаевъ, Очерки, I. 25).

⁸⁾ Въ одномъ «рѣшии живота и смерти» по списку XVI в., подобныя слова говорить смерть: Самсонъ сильный не богатырь ли былъ не силен ли былъ такъ говорилъ еще было коце вземлю вдѣлано и я бы всѣмъ свѣтомъ воротилъ да и того я взяла (Некрасовъ, Рѣчь произнес. въ Новоросс. Университ. Авг. 1869 г., стр. 28).

⁹⁾ Сербскій герой Марко Королевичъ тоже не могъ быть убитъ рукою богатыря; его могъ погубить одинъ Богъ (Dozon, Poésies popul. des Serbes, 108). Точно также не умираютъ и западные герои: Карлъ великій, Барбароса,

3. Приготовленія Ильи къ подвигамъ. Послѣ ухода Каликъ Илья какъ въ былинахъ, такъ и въ сказкѣ, отправляется силу пробовать: выворачивать дубы съ корнемъ (Рыбн. I. 35) и чистить займище¹⁰⁾ (Гильфер. 648); по другому пересказу Илья, проводивъ Каликъ до бугра, залегъ спать, и спалъ 12 днѣнь (Кир. I. 2).

Затѣмъ сталъ Илья готовиться къ подвигамъ: покупаетъ себѣ шелудиваго¹¹⁾ жеребенка у мужика (по В. Далю у Корочаровскаго дьячка за три деньги.—Кирѣев. I. XXXII; по другимъ пересказамъ за пятьдесятъ съ полтиною.—Рыбн. I. 25); выкармливаетъ его пшеничнымъ тѣстомъ (Рыбн. I. 25), пшеномъ бѣлоярнымъ, поить водой ключевой, и выкатываетъ въ три росы¹²⁾. Грива у бурушки выросла «трехъ локоть», хвостъ въ три сажени, а шерсть трехъ прядей¹³⁾ (Гильф. 1855), и когда бурушка (тучападушко.—Рыбн. IV. 16) сталъ исправно черезъ тынь и въ ту и въ другую

Артуръ, мудрецъ Мерлинъ, финскіе богатыри: они засыпаютъ въ глубокихъ пещерахъ, гдѣ, погребенные подъ гранитными глыбами, ожидаютъ, когда придетъ ихъ время (Rimbaud, 81).

¹⁰⁾ У В. Стасова приведенъ подобный же рассказъ изъ цейлонскихъ буддѣйскихъ книгъ «Магаванзо», въ которомъ богатырь Готимбира, будучи еще мальчикомъ, имѣлъ необыкновенную силу, но не хотѣлъ ходить на работу. Однажды шесть братьевъ, расчищавшіе поле и рубившіе толстыя деревья, для того, чтобы потомъ засѣять его, оставили часть земли нерасчищеною: пускай, дескать, тамъ поработаетъ младшій братъ. Готимбира пошелъ на поле, вытаскалъ съ корнями всѣ стоявшія тамъ деревья, будто это были какія-нибудь корни, и выворотилъ всю почву мотыкой... Послѣ того онъ отправился на царскую службу (Стасовъ, 653; Turner, The Mahawanso. Ceylon. 1837, I. 140).

¹¹⁾ У Марка Королевича, въ Сербской пѣснѣ, тоже былъ паршивый конь, Шарацъ, котораго онъ излечилъ виномъ; такіе же паршивые кони были и у многихъ другихъ богатырей (Angelo de Gubernatis, Mythologie zoologique, P. 1874. I.). И Ерусланъ, уходя изъ дома, взялъ съ собою коростовую клячу (I. 44).

¹²⁾ Купанье въ росѣ, для пріобрѣтенія силы, встрѣчается и въ германскомъ эпосѣ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 182).

¹³⁾ Наши древніе князья особенно дорожили своими конями: князь Андрей даже приказалъ любимаго коня своего, павшаго въ битвѣ, похоронить «надъ Стрымемъ» (Ипатьев. Лѣт. 47); про нѣкоторыхъ знаменитыхъ коней въ лѣтописяхъ даже означено, какой они были масти; такъ у Мстислава былъ конь *сивый*, у Давида—*индой* (Ипатьев. 161. 174); у сербскаго Молочила былъ конь крылатый (Буслаевъ, Разб. на 12-ю Уваров. премію, 68 и 69). Въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ конь названъ Арашемъ (въ персидскомъ оригиналѣ Ракшъ), а подъ Ивашкой конь сивъ, алый тягилай (I. 44), какъ это замѣчено В. В. Стасовымъ.

сторону перескакивать, Илья осёдлалъ его сѣдломъ черкасскимъ, на двѣнадцать подпругъ шелковыхъ, на 13-ю, на булатахъ «не для красы, а для крѣпости», взялъ плетку шелковую, добылъ саблю вострую, копье мурзачское^{13 а)}, — только видѣли богатыря сѣдучись, да не видѣли его ѣдучись (Гильф. 984).

Онъ и бьетъ коня по крутымъ бедрамъ
Пробиваетъ кожу до чернаго мяса,
Ретивой его конь осерчается,
Прочь отъ земли отдѣляется;
Онъ и скачетъ выше дерева стоячаго
Чуть по ниже облака ходячаго
Первый скокъ скочилъ 15 верстъ,
Въ другой скочилъ колодезь сталь (Кир. I. 35)¹⁴⁾.

Летитъ бурушка, въ каждый скокъ дѣлаетъ версту мѣрную (Рыбн. I. 45).

По былинѣ, записанной Гильфердингомъ въ Кивжахъ, Илья добываетъ себѣ коня другимъ способомъ; послѣ очистки займища онъ находитъ неподвижный камень, на которомъ была такая надпись: «сопри камень съ мѣста, подъ нимъ найдешь ты коня богатырскаго, соболиную шубку, шелковую плеточку и булатную палицу». И нашелъ Илья все то подъ камнемъ, и когда сѣлъ на коня, то конь сперва спросилъ его человѣческимъ голосомъ: «можешь ли Илья владѣть конемъ богатырскимъ?» — а потомъ объявилъ ему, что это Господь послалъ ему и коня богатырскаго и ангеловъ милостивыхъ, которые дали ему руки, и ноги, и что смерть ему въ бою не написана (Гильф. 649).

^{13 а)} Такоеже сѣделечко черкасское и плеточку шелковую беретъ и Ерусланъ Лазаревичъ (I. 45). Выдѣлкой оружія и конеконной сбруи издавна занималось кавказское племя Кубечей (Савельевъ, Мухамед. нумизм. въ отношеніи къ русск., LVIII. LIX.).

¹⁴⁾ Между урочищами города Муромъ и теперь еще называютъ горы: богатыреву и скаковую. Три ускока—три шага встрѣчаются въ Индійскихъ былинахъ (В. Стасовъ, Вѣстн. Евр., Янв. 1868. 206) и въ германскихъ (О. Миллеръ, 261).

Передъ отъѣздомъ на подвиги, Илья испросилъ благословеніе отъ родителей, съѣздить въ славный столичный Кіевъ градъ:

Помолитесь чудотворцамъ Киевскимъ,
Заложитесь за Князя Владиміра,
Послужить ему вѣрой — правдою,
Постоять за вѣру христіанскую (Кир. I. 34).

Благословили его родители, взявъ съ него зарокъ:
«Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина
Не пролей въ пути крови христіанскія» (Кир. I. 34. 41)¹⁵⁾.

4. Встрѣча Ильи Муромца съ Святогоромъ богатыремъ, отъ котораго Илья получаетъ новую силу, а затѣмъ и самая смерть Святогора рассказаны въ особой пѣсни, записанной Рыбниковымъ на Кижскомъ погостѣ (въ Петрозаводскомъ уѣздѣ). Разказа этого нѣтъ ни въ сказкѣ, ни въ другихъ былинахъ. Выѣхалъ Илья въ чистое поле, смотритъ шатеръ стоитъ, а въ шатрѣ богатырская кровать, десять сажень вдлину, и шесть въ ширину; вошелъ Илья въ шатеръ, легъ на кровать, и заснулъ, — «сонъ богатырскій крѣпокъ», — заснулъ на три дня и три ночи.

«На третій день услыхалъ его добрый конь великій шумъ изъ подъ сѣверной сторонюшки: Мать сыра земля колыбается, темны лѣсушки шатаются, рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются. . . Ѣдетъ къ шатру Святогоръ Богатырь». Насилу конь добудился Илья; всталъ Илья, да со страху скорѣе отъ Святогора на дубъ залѣзъ, спрятался. Видитъ онъ — «ѣдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго, головой упираетъ подъ облаку ходячую, на плечахъ везетъ хрустальный ларецъ. Приѣхалъ онъ къ сыру дубу, снялъ съ плечъ хрустальный ларецъ, отмыкалъ ларецъ золотымъ ключемъ: выхо-

¹⁵⁾ Точно такъ, замѣчаетъ О. Миллеръ, приказываетъ Мономахъ въ своемъ завѣщаніи: ни праваго ни виноватаго не убивайте и не повелѣвайте убить, хотя бы онъ и заслуживалъ смерти, все таки не губите никакой души христіанской (О. Буслаевъ, Хрестоматія, 243; О. Миллеръ, Опытъ, 281).

дитъ оттолъ жена богатыря. Такой красавицы набѣломъ свѣтъ не видано и не слыхано: ростомъ она высокая, походка у ней шапливая, очи яснаго сокола, бровушки чернаго соболя, съ платъица тѣло бѣлое. . . . и пошелъ съ женою Святогоръ, прокладатися въ разныя забавы заниматься. Тутъ богатырь и спать — заснулъ» (Рыбниковъ, I. 37). Красавица между тѣмъ вышла въ поле и запримѣтила Илью на дубѣ. «Ступай сюда, дѣлай со мною любовное, не то разбужу Святогора и обнесу тебя», говоритъ Ильѣ. Нечего дѣлать, слѣзъ Илья съ дуба, сотворилъ съ дѣвкой любовное¹⁶).

¹⁶ Рассказъ этотъ заимствованъ цѣликомъ изъ 1-й главы арабскихъ сказокъ 1001 ночи: Шахриаръ и Шахзенанъ, убѣдившись въ невѣрности своихъ женъ, отправились путешествовать, чтобы разсѣять свое горе. Дорогой сѣли они отдохнуть у моря, вдругъ слышатъ страшный шумъ и крикъ, который привелъ ихъ въ такой страхъ, что они поспѣшили спрятаться, и залѣзли на дерево. Море всколебалось и вышелъ изъ него точно черный столбъ, который доходилъ до облаковъ. Это былъ громадный великанъ, который несъ на головѣ большой хрустальный ларецъ, запертой на четыре стальные замка.

Великанъ опустилъ ларецъ на землю и отперъ его золотымъ ключемъ; изъ ларца вышла дама въ богатой одеждѣ, высокаго роста и чудной красоты. Поговоривъ съ нею о своей любви, великанъ улегся спать; онъ положилъ свою огромную голову на колѣна красавицы, протянулъ ноги до самого до моря, и захрапѣлъ на весь берегъ.

Въ это время дама нечаянно взглянула на верхъ и увидила обоихъ Шаховъ; она тотчасъ же приказала имъ сойти съ дерева и сотворить съ ней любовь, страшая въ случаѣ несогласія ихъ на это, разбудить великана и погубить ихъ. Удовлетворивъ свое желаніе, красавица выпросила у каждаго изъ Шаховъ по перстню и спрятала ихъ въ коробочку, въ которой было уже названо на снуркѣ 98 разныхъ драгоценныхъ перстней. «Видите ли вы эти перстни», сказала она имъ, «я выпросила ихъ на память отъ тѣхъ 98 мужчинъ, съ которыми я имѣла связь; съ вашими двумя перстнями число ихъ дойдетъ до сотни. Такимъ образомъ, не смотря на то, что великанъ постоянно сторожитъ меня, запираетъ въ хрустальный ларецъ и держитъ на днѣ морскомъ, я таки успѣла позабавиться съ сотней любовниковъ; вы видите изъ этого, что захочетъ женщина, то и сдѣлаетъ, несмотря ни на мужа, ни на любовника; лучшебы мужьямъ не стеречь своихъ женъ, жены сдѣлались бы тогда благодарными». О сходствѣ сказки 1001 ночи съ былинной о Святогорѣ замѣчаетъ и Ralston, въ своихъ «The Songs of the Russian people» (Lond. 1872, 60), и Rambaud, въ «La Russie érique» (Paris 1876, стр. 50). О. Миллеръ приводитъ рассказъ на эту же тему изъ персидскаго сборника Тутти Наме (XIV в.; сокращенная передѣлка его XVII в.): однажды увидѣлъ одинъ человекъ въ степи слона съ носилками на спинѣ. Съ испугу онъ взлѣзъ на дерево. Слоно съ случайно подошелъ къ тому же дереву, стряхнулъ со спины носилки и пошелъ себѣ далѣе пастись въ полѣ. Вдругъ упомянутый человекъ замѣчаетъ на носилкахъ прекрасную

Потомъ взяла она Илью, да и посадила Святогору въ карманъ. Когда Святогоръ проснулся, заперъ красавицу свою въ ларецъ и поѣхалъ въ поле, конь началъ спотыкаться и жаловаться, «что де трехъ приходится везти; жену твою да двухъ богатырей»; тогда Святогоръ вытащилъ Илью изъ кармана; Илья разсказалъ ему подробно все какъ было; Святогоръ убилъ свою красавицу, а Илью назвалъ меньшимъ братомъ (Рыбн. I. 40).

Святогоръ привезъ Илью къ себѣ въ гости, и говоритъ ему: «Когда приведу тебя къ батюшкѣ, ты руки ему не подавай, накали желѣзо да и подай». Такъ и сдѣлалъ Илья. Какъ захватилъ великій старикъ, отецъ Святогора, желѣзо, такъ и сдѣлалъ его и говоритъ: «Крѣпкая твоя рука Илья, хорошій ты богатырь» (Рыбник. III. 6)¹⁷). У Д. И. Минаева рассказъ этотъ записанъ въ другой редакціи: передъ поѣздкою въ Кіевъ Илья идетъ на поклонъ къ богатырю Старчищу Билогремлищу¹⁸), который въ былое время носилъ на головѣ колоколъ въ 300 пудъ, и билъ въ него булавою, скликаю свою дружину. Отецъ Илья говоритъ

женщину; онъ сходитъ съ дерева и старается заслужить ея благосклонность; и ей онъ понравился, и она начала говорить съ нимъ именно такъ, какъ надобно было для достиженія общей ихъ цѣли. Коротко сказать, они удовлетворили обоюднымъ желаніямъ. Далѣе говорится о томъ, какъ она вынула изъ кармана шнурокъ съ узелками и сдѣлала на немъ новый узелъ. На вопросъ же его, что это, она отвѣчала: мой мужъ чародѣй, обернулся слономъ и носить меня на спинѣ своей по полю, и между тѣмъ не смотря на то, что онъ сторожитъ меня такимъ образомъ, я уже позабылась съ цѣлой сотней мужчинъ (столько и узелковъ на шнуркѣ). О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 166.

¹⁷ Гриммъ приводитъ сказку о слѣпомъ великанѣ, которому, вмѣсто руки, подали раскаленный желѣзъ; стиснувъ его, великанъ завопилъ: «не велика же у васъ сила» (D. Mythol. 907). У О. Миллера (Илья Муромецъ, 290) и А. Рамбо (La Russie érique, P. 1876, 50) приведены другіе примѣры, болѣе отдаленнаго сходства, изъ германскихъ и индѣйскихъ источниковъ. Въ еврейскихъ сказаніяхъ есть рассказъ на этотъ же мотивъ: когда Іаковъ пріѣхалъ въ Египетъ къ Іосифу, то Іосифъ, зная страшную силу отца своего, подсунулъ ему, на первомъ свиданіи, вмѣсто себя, деревянный столбъ; слѣпой Іаковъ такъ сильно сжалъ этотъ столбъ, что изъ него потекъ сокъ. Не употреби Іосифъ этой хитрости, Іаковъ въ пылу радости задушилъ бы его въ своихъ объятіяхъ.

¹⁸ Это старчище билогремлище (передѣланное изъ старчища пилигримища) напоминаетъ старчище изъ сказки о новгородскомъ богатырѣ Васильѣ Буслаевѣ. Старецъ пилигримъ является дѣйствующимъ лицомъ и въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ (I. 97).

ему, чтобы не подавалъ своей руки старчищу, не то сдѣлаеть онъ изъ нея бросовую рукавицу; такъ и сдѣлалъ Илья, и на зовъ старика дать ему руку, попытать, горяча ли у него кровь, Илья попросилъ погрѣться съ мороза, а между тѣмъ накалилъ свою мѣдную палицу въ 25 пудъ въ печи, да и подалъ ее старчищу. Жметъ старчище палицу, только искры сыплются, да послѣ каждаго жома глубокіе перехваты остаются. «Ну», говоритъ, «Ильюшка, горяча твоя кровь, а супротивъ нашей не будетъ» (Ст.: Допетровская женщина, Библ. для чтенія 1864 г. IX. 8, съ разсказа 1822 г.—Л. Майковъ, Журн. Мин. Народ. Пров. 1868. Май, 624).

У Гильфердинга первое знакомство Ильи Муромца съ Святогоромъ описывается иначе: засталъ его Илья на конѣ въ чистомъ полѣ и подумалъ: это должно быть богатырь недобрый; напустилъ онъ на него коня и ударилъ по головѣ палкой; думаетъ убилъ богатыря съ конемъ; а богатырь сидитъ себѣ и назадъ не оглянется; ударилъ его Илья во второй разъ, — таже исторія; только послѣ третьяго удара Святогоръ назадъ обернулся, сказавъ: «я думалъ кусаютъ русскіе комарики, а тутъ славный богатырь Илья Муромецъ»¹⁹⁾; и взялъ онъ Илью и съ конемъ на три дня въ карманъ къ себѣ посадилъ (Гильферд. 2001)²⁰⁾. Тоже самое разсказывается у К. Аксакова (по устному преданію):

¹⁹⁾ Въ младшей эддѣ (германск. поэмѣ) Торъ ударяетъ молотомъ по головѣ спящаго великана Скримира. «Это должно быть листокъ упалъ», замѣчаетъ проснувшійся Скримиръ. Торъ ударяетъ его второй разъ, еще сильнѣе. «Это должно быть жолудь попалъ мнѣ въ лице», промычалъ великанъ, и опять заснулъ. Еще сильнѣе ударяетъ его Торъ въ третій разъ; великанъ, пробудившись, почесалъ себѣ щеку и произнесъ: «надо мною тамъ, на деревѣ, должны быть птицы и пометъ ихъ падаетъ съ вѣтвей мнѣ на голову» (Grimm, D. Mithol. 508. 509; О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 170). Подобнымъ же великаномъ, по Талмуду, является Адамъ, который, въ первые дни своего созданія, былъ такъ громаденъ, что распростерся отъ востока до запада и касался тверди небесной (Bartoloni, Biblioth. rabbinica, I. 65).

²⁰⁾ Германскій Торъ тоже ночуетъ въ пальцѣ перчатки богатыря Скримира. Сажаніе въ карманъ встрѣчается и въ Эстнискон поэмѣ (О. Миллеръ, 181). Мотивъ этотъ употребляется тоже въ пѣсняхъ и легендахъ народовъ тюркскаго племени; онъ часто встрѣчается и въ пѣсняхъ нашихъ южно-сибирскихъ народовъ (См. Radloff, Proben, I. 395. 398; В. Стасовъ, 667).

Илья Муромецъ, послѣ многихъ, совершенныхъ имъ, богатырскихъ подвиговъ, не имѣя себѣ равнаго силою, слышалъ, что есть одинъ богатырь силы непомѣрной, котораго и земля не держитъ и который на всей землѣ нашелъ одну только, могущую выдержать его, гору, и лежитъ на ней. Илья Муромцу захотѣлось съ нимъ помѣряться. Пошелъ онъ искать этого богатыря, и нашелъ гору, а на ней лежитъ огромный богатырь, самъ какъ гора. Илья наноситъ ему ударъ. «Никакъ я зацѣпилъ за сучокъ», говоритъ богатырь. — Илья, напрягши всю свою силу повторяетъ ударъ. «Вѣрно я за камешекъ задѣлъ», говоритъ богатырь; оборотясь, онъ увидалъ Илью Муромца, и сказалъ ему: «а это ты, Илья Муромецъ! Ты силенъ между людьми, и будь между ними силенъ, а со мною нечего тебѣ мѣрять силы. Видишь какой я уродъ: меня и земля не держитъ; нашелъ себѣ гору и лежу на ней (Кирѣев. I. XXXI)^{20 а)}.

Бдутъ Илья со Святогоромъ къ севернымъ горамъ, — стоитъ на дорогѣ гробъ, а на немъ подпись: «кому суждено въ гробу лежать, тотъ въ него и ляжетъ». Легъ въ него сперва Илья; не по немъ пришелся; за нимъ легъ Святогоръ; гробъ какъ разъ точно для него сдѣланъ; прикрылъ себя Святогоръ крышкою, а ужъ потомъ и не могъ ее долой поднять; не могъ ее поднять и Илья²¹⁾. Говоритъ ему Святогоръ: «руби крышку моимъ мечомъ-кладенцомъ»; да не подъ силу пришелся тотъ мечъ Ильѣ. Тогда Святогоръ подулъ на Илью въ щелочку богатырскимъ духомъ, и прибыло въ Ильѣ силы, противъ прежняго втрое; сталъ онъ рубить крышку, да гдѣ ударить, — тутъ желѣзный обручъ поперегъ гроба и ляжетъ.

«Наклонись ка къ щелочкѣ», говоритъ ему Святогоръ, «чувствую свой конецъ, я тебѣ всю силу свою передамъ».

«Будетъ съ меня силы, большой братецъ», отвѣчалъ Илья, «а то и земля носить перестанетъ».

^{20 а)} Это повтореніе исторіи Тора со спящимъ великаномъ.

²¹⁾ У Гильфердинга записана пѣсня, въ которой тоже самое происходитъ между богатырями Святогоромъ и Самсономъ Самойловичемъ (стр. 646); а по сказочнымъ преданіямъ въ гробъ ложится Илья Муромецъ (Кирѣев. I. XXXIV).

«Хорошо сдѣлалъ, что не послушалъ меня», промолвилъ Святогоръ, «а то ядохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ, и ты легъ бы мертвъ подлѣ меня» (Рыбниковъ I. 40)²²⁾.

²²⁾ Въ сборникѣ Гана (Griechische und albanesische Märchen, Leipzig 1864, I. № 3) есть сказки о Прекрасномъ и о великанѣ Дракѣ, представляющія, по замѣчанію О. Миллера, поразительное сходство съ рассказомъ о Святогоровой гробницѣ. Король даетъ Прекрасному разныя трудныя порученія: онъ долженъ украсть у великана Драка коня, одѣяло со звонками и т. д. Благодаря глупости великана, Прекрасный исполняетъ все эти порученія; тогда король приказываетъ ему достать самага великана; Прекрасный проситъ только двухлѣтняго срока, чтобы отросить бороду, съ которой великанъ не узнаетъ его. По истеченіи двухъ лѣтъ онъ отправляется въ путь и, въ усугубленіе предосторожности, мѣняется платьемъ съ встрѣчнымъ каликою (подобно Ильѣ Муромцу). Дракъ въ это время дѣлалъ ящикъ; онъ не узнаетъ Прекраснаго. «Что это ты тутъ дѣлаешь», спрашиваетъ его Прекрасный. «Да вотъ натворилъ у меня всякихъ бѣдъ Прекрасный, такъ я и готовлю для него этотъ ящикъ: какъ удастся поймать, такъ и запру его». — «Знаю я этого негодяя», возражаетъ Прекрасный, «вѣдь онъ тебѣ меня и привелъ въ нищету; только этотъ ящикъ малъ для него». «Помилуй» отвѣчаетъ Дракъ, онъ и для меня довольно великъ». «Да вѣдь Прекрасный почти съ тебя ростомъ; поди ка, попробуй, коли ты туда влѣзешь, такъ влѣзетъ и онъ». Вотъ тутъ Дракъ и улегся въ ящикъ, Прекрасный же закрылъ крышку и закричалъ: «поприжми же, чтобы видѣть, не треснетъ ли ящикъ».

Дракъ нажалъ, что есть мочи, и закричалъ, въ свою очередь: «крѣпко, крѣпко, только открой поскорѣе». Прекрасный же, вмѣсто того, еще крѣпче прибилъ крышку гвоздями, взвалилъ себѣ ящикъ на спину, и понесъ къ королю.

Этому послѣднему захотѣлось взглянуть на Драка; прорѣзалъ онъ себѣ дыру въ ящикѣ, до пришлась она какъ разъ противъ рта великанова, и чуть король заглянулъ туда, Дракъ проглотилъ его.

Въ примѣчаніяхъ своихъ (во II части) Ганъ приводитъ четыре пересказа этого сказанія: въ одномъ изъ нихъ Прекрасный нанимается къ Драку въ работники; въ другомъ Прекрасный, подъ именемъ Костанти, переодѣтый каликою, начинаетъ рубить платановое дерево, красующееся противъ башни великана, чтобы сдѣлать изъ него *гробъ* для врага великанова и якобы своего. Великанъ до того радъ, что самъ выдѣлываетъ гробъ и самъ ложится въ него, для примѣра. Наложивъ крышку, Костанти относитъ гробъ къ королю, и предлагаетъ ему приподнять его. «Отворить же крышку», говорить, «прикажи старшему моему брату» (его ненавистнику). Народъ сходится отовсюду, чтобы присутствовать при этомъ открытіи. Когда же братъ Костанти отворяетъ гробъ, великанъ проглатываетъ его, а самъ убѣгаетъ домой, гдѣ находитъ жену свою, которая передъ тѣмъ была засажена хитрымъ Костанти въ печь (Рыбниковъ, IV. III). На сходство этой сказки съ былинною Святогора уже указывалъ Аѳавасевъ (Поэтич. возвр. Славянъ. I. 589).

Въ сказаніяхъ Кашубовъ есть одна повѣсть, въ которой портной съ великаномъ срубили дубъ и сдѣлали изъ него большой гробъ; сперва легъ въ него

«А теперь съѣзди ты на Палавонскую гору, къ моему древнему батюшкѣ, и попроси у него для меня прощенія». Приѣзжаетъ Илья къ отцу Святогорову съ нерадостною вѣстью, — заподозрилъ его отецъ Святогоръ: «звать убилъ ты Святогора», говоритъ онъ ему, и хочетъ самага его убить палицею; но Илья тутъ увернулся, а старикъ образумился, и далъ онъ Ильѣ вѣчное прощеніе своему сыну; и привезъ Илья Святогору отцово прощеніе, простился съ нимъ; и «кончился Святогоръ» (Гильферд. 9). По другому пересказу, Илья съ отцемъ Святогора приѣхали на святія горы и сталъ Святогоръ преставляться, пошелъ отъ него великій потъ; и лизнулъ того пота Илья два раза, а въ третій разъ не лизнулъ; и преставился Святогоръ (Гильф. 1201). Или же: пошла отъ Святогора пѣна, и сказалъ Святогоръ Ильѣ: «ты лижи мою пѣну, и не станешь ты бояться никакого сильнаго богатыря» (Гильф. 1218). Передъ смертію Святогоръ завѣщалъ Ильѣ Муромцу свой мечъ кладенецъ (Рыбн. I. 42).

5. Три поѣздки Ильи Муромца. Отправляясь на подвиги, Илья прежде всего выѣзжаетъ на конѣ *погулять по дикой степи*; и наѣхалъ онъ: посередь трехъ дорогъ²³⁾ лежитъ горячъ камень (сервалюць-камень.—Рыбн. IV. 16), а на камнѣ томъ подписано: «по правой ѣхать богату быть, по лѣвой женату быть, а по средней быть убитому!»

«Мнѣ жениться не во молодости», разсудилъ Илья, «да и худой взять не хочется, а хорошей не дадутъ (Рыбн. III. 40); богатство не къ радости, — поѣду по средней дорогѣ: убить меня не за что»; и наѣхалъ онъ на станичниковъ (камышничковъ.—Кирша

портной, но гробъ пришелся ему не по мѣркѣ; тогда улегся въ него великанъ, ему гробъ пришелся какъ разъ. Портной накрылъ его крышкой и заколотилъ ее (Гильфердингъ, Остатки Славянъ на южн. бер. Балт. моря; въ Этногр. Сбор. 1862, V. 132. 126.—О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 240). Еще большее сходство съ исторіей о смерти Святогора представляетъ исторія о томъ, какъ волшебникъ Мерлинъ, соблазненный Вивіанюю, заключилъ самага себя въ заколдованный гробъ (Rambaud, 52).

²³⁾ Подобныя же три дороги встрѣчаются и въ ново-греческихъ сказкахъ (у Гана, III. 50) и въ нашей сказкѣ объ Иванѣ Царевичѣ (I. № 40).

Данил. 412; Кир. I. 27) или попросту разбойниковъ²⁴⁾. Не захотѣлъ Илья съ ними драться, только пустилъ калену стрѣлу въ сырой дубъ, — разщепилъ его въ ножевые черенья; ужаснулись разбойники (Кир. I. 15. 21).

«Всѣ они съ добрыхъ коней попадали,
Безъ ума часовъ пять лежать,
А и стали они пробужатися,
Встаетъ Сѣма—перѣсемываетъ,
Встаетъ Спира—поспириваетъ»

(Саратовскія пѣсни, собр. Костомаровымъ и Мордовцевой: Тихонравовъ, Лѣтописи Лит., Т. IV. Отд. II. 12). Просятъ они у Ильи милости, предлагаютъ ему коней, цвѣтнаго платья и всякой казны (Кир. I. 18. 32), и зовутъ въ атаманы надъ собою (Кир. I. 20. 24. 27). Илья отъ всего отказывается. По одной пѣснѣ, онъ беретъ часть казны, сказавъ: «это мое заработное». По другимъ пересказамъ Илья, встрѣтивъ разбойниковъ, говоритъ: «всякъ человекъ завѣтъ завѣчаетъ, а не всякій завѣтъ справляетъ»; вырвалъ онъ съ корнемъ дубъ и перебилъ имъ всѣхъ разбойниковъ (Рыбн. III. 17). Еще по другимъ пѣснямъ Илья перебилъ разбойниковъ: шелковымъ колпакомъ своимъ въ 40 пудъ (Рыбн. III. 41; Гильф. 1023); желѣзной палицей въ 190 пудъ (Рыбн. II. 319); каленой стрѣлой, при чемъ, пуская ее, наговариваетъ: «всѣхъ убей сорокъ человекъ разбойниковъ, всѣхъ убей ночныхъ подорожничковъ» (Рыбн. I. 63; III. 47).

Вернувшись къ горючь камню, Илья подписалъ на немъ: «во дороженьку ѣздилъ—убить не былъ, а нонѣце поѣду, гдѣ женату быть и съ дѣвицей спать»; и поѣхалъ по второй дорогѣ. Недоѣзжая Индіи богатой и проклятыхъ Корель, стоитъ большой, богатый теремъ, и выходитъ изъ него прекрасная королевична

²⁴⁾ Разбойниковъ этихъ по разнымъ пересказамъ насчитано: 44 (Рыбн. I. 15); 40 (Рыбн. III. 56; Кир. I. 10. 21); 41 (Кир. I. 32); сорокъ тысячъ (Кир. I. 87; Рыбн. III. 40); 401, изъ которыхъ Илья убилъ 400, а одного привязалъ къ стремени и увезъ съ собою (Гильф. 650).

(Зенира.—Рыбн. IV. 25); принимаетъ она Илью за руки, цѣлуетъ старого въ уста сахарныя, поить, кормить его, а сама говоритъ: «не наѣдайся до сыта не напивайся ты до пьяна, чтобы тебѣ потомъ съ премладой королевичной позабавиться». Но Илья съ длинной дороги наѣлся таки до сыта и напился до пьяна. И зоветъ его королевична: «У ты есть ли охота, горить ли душа, со мною съ дѣвицей позабавиться?—ложись ка ты спать на мою кроватьку къ стѣночкѣ». «Нѣтъ», говоритъ Илья, «ты сама ложись ко стѣночкѣ, у меня, старого, мочь не держится, надо часто ходить мнѣ до вѣтра» (Рыбн. II. 321; III. 43). И схватилъ Илья королевичну за груди бѣлыя, бросилъ ее на кроватьку тесовую; а подъ той кроватькой былъ выкопанъ глубокой погребъ²⁴⁾; провалилась туда королевична, пошелъ вслѣдъ за нею и самъ Илья, и нашелъ онъ тамъ сорокъ царей, сорокъ царевичей, да сорокъ королей, сорокъ королевичей (въ томъ числѣ и богатырей Алешу Поповича и Добрыню Никитича.—Рыбн. IV. 20); всѣхъ ихъ освободилъ онъ изъ полону; а самое королевичну разорвалъ на четыре четверти, привязавъ къ тремъ жеребцамъ (Рыбн. I. 64; или: просто отсѣкъ ей голову и разрубилъ на части.—Рыбн. II. 321).

И опять поѣхалъ Илья къ горючь-камню, стеръ прежнюю подпись и на ново помѣтилъ: «въ дорожиньку ѣздилъ—убить не былъ, и въ другую ѣздилъ—женатъ не былъ; въ третью поѣду, гдѣ богату быть». И поѣхалъ Илья третьей дорогою, и подѣхалъ къ камню большущему; отвалилъ онъ тотъ камень, а подъ камнемъ сундукъ, а въ сундукѣ казна несчетная, и подпись вверху: «кому этотъ животь достанется, тому соорудить церковь Индейскую²⁵⁾, да церковь Пещерскую». — Какъ построилъ Илья церковь Индѣйскую, да какъ началъ строить церковь Пещерскую — *тутова старъ и окаменья* (Кир. I. 89; Рыбн. III. 53).

²⁴⁾ О такой постелѣ упоминается въ сказкахъ Перро (Perrault. Contes. L'adroite Princesse: Rambaud, 62).

²⁵⁾ Названіе Индѣйской церкви могло произойти отъ индѣйскаго царя Иоанна, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскій пресвитеръ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 768).

По другому пересказу Илья насыпаетъ три мисы: золота, серебра и жемчугу; хочетъ строить три церкви: Спасу, Николѣ Можайскому и Егорію храброму (Рыбн. III. 45), и нанимаетъ на то хитро-мудрыхъ плотниковъ (Гильф. 1204). Еще по другому пересказу Илья, на полученныя сокровища, строитъ на полѣ монастыри богомольные, да церкви соборныя (Рыбн. II. 322).

6. Илья освобождаетъ Черниговъ. Покончивъ свои три поѣздки, Илья отправляется въ Кіевъ; по дорогѣ встрѣтился ему городъ Черниговъ (Рыбн. I. 56), а по другимъ пересказамъ: Чернягинъ (Кир. I. 26), Смолягинъ²⁶⁾ (Рыбн. II. 326), городъ Бекетовецъ (Рыбн. I. 47) или Бекешовъ (Гильф. 298), городъ Кидешъ²⁷⁾ (Кир. I. 79) или Покидошъ (Кир. III. IX), городъ Бѣжеговъ (Рыбн. III. 17), городъ Турговъ²⁸⁾, село Орѣхово, гдѣ мужики Турговцы (безъ князя) выносятъ Илѣ золотыя ключи, и просятъ его быть у нихъ воеводою, и беречь ихъ отъ поганыхъ татаръ (Рыбн. IV. 9), и наконецъ городъ Кряковъ, при освобожденіи котораго Илѣ помогаетъ Соловей разбойникъ²⁹⁾ (Кир. II. 4).

Илья Муромецъ разбиваетъ обложившее городъ басурманское войско (Кир. I. 36; или: трехъ царевичей. — Кир. I. 35; Литву поганую. — Рыбн. I. 47); звали его горожане хлѣба соли откупать и воеводою у нихъ остаться; не согласился Илья исполнить ихъ

²⁶⁾ П. В. Безсоновъ объясняетъ, что Смолягинъ есть испорченное Чернягинъ (Рыбн. II. 326), а можетъ быть и Смоленскъ, о которомъ упоминается въ норвежской сагѣ; см. ниже: Извѣстія объ Илѣ Муромцѣ изъ сагъ.

²⁷⁾ П. В. Безсоновъ помѣстилъ въ 4-мъ выпускѣ пѣсней Кирѣвскаго подробное сказаніе объ этомъ городѣ, который прозывался Большимъ Китижемъ, и скрылся подъ землею во время набѣговъ Батыя. Мѣсто, гдѣ онъ былъ выстроены до сихъ поръ указывается въ Нижегородской губерніи, въ 40 верстахъ отъ города Семенова, близъ села Владимірскаго, Люнда-тожъ (Кир. IV. СХVІІІ; Миллеръ, И. М., 295). По преданію, записанному В. И. Далемъ, Илья освободилъ передъ тѣмъ городъ Кинешму отъ Литвы, вслѣдствіе чего Кумирники Кинешмцы, со своимъ княземъ, обратились въ христіанство (Кир. I. XXXIII).

²⁸⁾ По О. Миллеру это древній историческій Туровъ (Рыбн. IV. X).

²⁹⁾ Въ Кижской былинѣ Илья встрѣчаетъ подъ Кряковымъ не войско басурманское, а Одолице поганое, съ которымъ ведетъ тотъ же разговоръ, что помѣщенъ въ нашей сказкѣ № 2 (съ Идолицемъ въ Кіевѣ); это Одолице онъ побѣдилъ, и привязалъ его къ стремени, къ которому уже былъ привязанъ имъ прежде того станичникъ—разбойникъ (Гильф. 652).

просьбу, и прямо поѣхалъ въ Кіевъ (Кир. I. 36). Въ одномъ пересказѣ однакоже Бекетовцы подносятъ Илѣ три мисы золота, серебра и жемчугу; Илья принимаетъ дары, сказавъ: «это мое заработное» (Рыбн. I. 47).

7. Бой Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ. Прямоѣзжей дорогой отъ Чернигова до Кіева, какъ сказали Илѣ, было 500 верстъ, а окольной — тысячу (Гильф. 440). На прямоѣзжей дорогѣ было три заставы: первая застава великая, — Ольги-топучія (или грязи Смородинскія. — Рыбн. 25; рѣчки Черниговки. — Гильф. 208); вторая: Соловей разбойникъ у Пачей рѣчки; третья: сорокъ одинъ сынъ Соловья, да любимая его дочь Марья Соловьевна (Рыбн. III. 19). Въ деревнѣ Обалковщинѣ мужики Обалковцы говорятъ ему, что прямая дорога къ Кіеву завалена дубьемъ да колодами, и свито на ней гнѣздо Соловья разбойника, мимо котораго воинъ не проѣзживалъ и птица не пролетывала, отъ свисту соловьиного *живы не могли бывать* (Гильф. 597)^{29 а)}.

Сидѣлъ тотъ Соловей, воръ Ахматовичъ³⁰⁾ (Кир. I. 79. 82; Адихмановичъ. — Рыбн. I. 51; Рахмановъ³¹⁾. — Рыбн. III. 14; птица Рахманная. — Гильф. 987; Догмантьевичъ. — Гильф. 8. 70;

^{29 а)} Точно также, въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ, сторожилъ царство Вахрамея Ивашка—бѣлая епанча, и мимо его ни одинъ человѣкъ не проѣзживалъ и никакой звѣрь не прорывался, и птица не пролетывала (I. 55).

³⁰⁾ Ахматъ былъ царь Золотой орды, современникъ царя Ивана III (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 328).

³¹⁾ Славянскій учоный Ягичъ проводитъ весьма остроумную параллель между Соловьемъ разбойникомъ и Соловьемъ Будимировичемъ и между симъ послѣднимъ и царемъ Соломономъ. Соловей разбойникъ зовется въ былинахъ Рахмановичъ, т. е. Брахмановичъ, что указываетъ на его индѣйское происхожденіе; точно такъ и о Соломонѣ говорится, что онъ пошелъ съ философами въ страну дальнюю ко царю Индѣйскому, и что онъ *дытище индѣйскія веси боатыя*. У Соловья разбойника жилье было устроено на семи дубахъ; а въ его семейномъ жильѣ было построено три терема златоверхіе, — *вершечки съ вершечками свивалися* (Рыбн. II. 333). Соловей Будимировичъ тоже строитъ себѣ три терема, такъ, чтобы *верха съ верхами свивалися*; а Соломонъ «взгради себѣ градъ *въ древесныхъ плетенихъ* вельми мудро». Царь Соломонъ былъ мудрецъ и колдунъ.—Соловей разбойникъ тоже вѣщій человѣкъ. Соловей разбойникъ свиститъ по соловьиному, шипитъ по змѣиному и зрякаетъ по звѣриному; такъ точно и Соломонъ «полетѣть подъ нѣбеса яснымъ соколомъ. . . поиде по земли лютымъ звѣремъ и поплы въ морѣ шукою» (Archiv, S. 122 et 123; Тихо-

Алатырецъ некрещеный³²⁾. — Кир. II. 2) въ гнѣздѣ свитомъ на девяти дубахъ (Кирша Д. 353, Кир. I. 42, II. 3; на двухъ дубахъ, — Кир. I. 31; на двухъ берегахъ, — Рыбн. II. 329; на пяти дубахъ, — Рыбн. IV. 9; на трехъ дубахъ, на семи сукахъ, — Рыбн. III. 25; на двѣнадцати дубахъ³³⁾ сорочинскихъ, — Гильф. 17. 20; на тридевяти дубахъ, — Кир. I. 36; на сорока дубахъ, —

прав. Лѣтоп. IV. Отд. II. 120). Самая повѣсть о Соломонѣ, Китовросѣ и Соломоновой женѣ, переведена, какъ удостовѣряетъ Ягичъ, съ Латинскаго текста, почти безъ измѣненій (Archiv. I. 106). О. И. Буслаевъ указываетъ на сходство Соловья разбойника съ другими личностями изъ нашихъ лѣтописныхъ сказаній. Въ славяно-русской хроникѣ упоминается о поганомъ бискупѣ (жрецѣ) Лыздейкѣ, который былъ найденъ Витенемъ въ *иньдѣ орловои въ пущи* (Журн. Мин. Нар. Пр., Апр. 1871, 255); высшій жрецъ Богомилъ въ Новгородѣ былъ *сладкорѣчїа ради нарѣченъ Соловей* (232). Противникомъ ему былъ тоже сладкорѣчивый посадникъ *Воробей*. Соловьемъ стараго времени названъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ вѣщій Боянъ (221). О. И. Буслаевъ приводитъ и другія сопоставленія Соловья разбойника съ сказочными разбойниками Мордвиномъ и Могутомъ (233); съ древними древолазцами—бортниками, промышлявшими медомъ и имѣвшими свое божество—Дидилада (234).

³²⁾ О значеніи названія *Алатырецъ* толкуется разное; оно могло быть передѣлано изъ словъ *Алаторецъ*: *Чюкши и Алаторы*, мелкіе сибирскіе народы, враждебные Россіи, упоминаются въ былинахъ у Кирши Данилова (196 стр.). Замѣчу, что въ Симбирской губерніи есть уѣздный городъ *Алатырь*, и что Алатырскіе нищїе пользовались въ народѣ извѣстностью еще въ концѣ прошедшаго столѣтія (см. картинку: денежный дьяволъ, № 245). Производятъ слово Алатырецъ и отъ Латыря, который, по объясненію П. В. Безсонова, означаетъ янтарь, добываемый изъ Балтійскаго моря (онъ же бѣлъ—горючъ камень.—Калики, II. 362), и о которомъ упоминается въ стихѣ о Голубиной книгѣ:

«Ахъ Латырь—море всѣмъ морямъ отецъ.
Латырь—камень, камнямъ отецъ. . .
Ляжетъ онъ сириди моря. . .
Идутъ по морю много корабельшиковъ,
Берутъ много съ яво снадобья,
Посылають по всему свѣту бѣлому (Калики, II. 362).

Въ духовныхъ стихахъ это камень, на которомъ стоялъ крестъ съ распятымъ Христомъ; на немъ же стоялъ Христокъ, когда училъ народъ (Кирѣв. IV. VIII). См. баба Латыгорка.—Слово Алатырецъ могло быть передѣлано и изъ Лютерца, т. е. лютеранина.

³³⁾ Въ одномъ заговорѣ для человѣка, идущаго на войну, упоминается: «*отъ змѣй, который убить двѣнадцатью богатырями подъ двѣнадцатью Муромскими дубами*», (Сахаровъ, Сказанія русск. нар. I. 89). Въ 54 верстахъ отъ Брянска и въ 15 в. отъ Карачева есть желѣзно-дорожная станція *девятъ дубовъ*; отъ Бреста же въ 182 в. находится село *Киверим*.

Рыбн. III. 14). Отправился Илья по прямой дорогѣ: лѣвой рукой онъ коня ведетъ въ поводу, а правой дубы рветъ, да мосты моститъ (Рыбн. III. 19)³⁴⁾.

Заслышавъ Илью, Соловей засвисталъ по Соловьиному,

«А въ другой зашипѣлъ разбойникъ по змѣиному,
А въ третью зрываетъ по звѣриному³⁵⁾ —
Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ вѣдь на кукорачъ³⁶⁾ (Кирша Д., 353).

Усидѣлъ таки Илья на конѣ: уши себѣ онъ заткнулъ передъ тѣмъ маковымъ цвѣтомъ; говоритъ онъ коню: «ахъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ, воронья ты крику не слыхивалъ» (Гильф. 301)^{36 а)}. И пустилъ онъ калену стрѣлу въ Соловья, наговаривая: «вереди ему сердце ретивое» (Кир. I. VI); въ первый разъ Илья недострѣлилъ, во второй перестрѣлилъ, а въ третій попалъ (Кир. I. 37) прямо въ правый глазъ (въ правое крыло, — Кир. I. 28); и вышла стрѣла у Соловья въ лѣвое ухо (Гильф. 301); и сва-

³⁴⁾ Такое мощеніе дороги въ грязныхъ мѣстахъ фашиникомъ, изъ связаннаго пучками хвороста, или же круглымъ лѣсомъ, извѣстно у насъ съ древнѣйшихъ временъ; до шоссе по такой *душетрапской* дорогѣ приходилось ѣхать изъ Москвы до самаго Петербурга. Въ лѣтописяхъ князь Владиміръ, собираясь въ походъ противъ Ярослава, говоритъ своимъ людямъ: «требите путь и мостите мостъ» (Полн. собр. лѣтоп. I. 54).

Калина, по народному прозвищу *немилючка* и *чистое дерево*, растетъ у насъ во множествѣ по сырмъ мѣстамъ, точно такъ, какъ и смородина (самородина), и употреблялась въ видѣ хвороста на *мощеніе* мостовъ, отсюда и названіе *мосты калиновые, рѣчка смородинка*.

³⁵⁾ В. В. Стасовъ дѣлаетъ сближеніе описанія битвы Ильи Муромца съ Соловьемъ разбойникомъ съ одною пѣснею чернолѣскихъ татаръ (у Телецкого озера), въ которой, между прочимъ, представленъ чудовище—великанъ, семиголовый Иельбегенъ; одной головой онъ свисталъ на дудочкѣ, другой пѣлъ, третьей вопилъ, четвертой волховалъ, пятой ревѣлъ. Богатырь Тана убиваетъ этого Иельбегена восьмивострой плетью (О проих. былинъ, 660).

³⁶⁾ Спотыканіе коня считается недобрымъ признакомъ: у князя Глѣба, незадолго передъ его убіеніемъ, конь «*потчеся во рвѣ и наломилъ ногу мало*» (О. Миллеръ, Христомат., 238).

^{36 а)} Точно такъ Еруславъ выговариваетъ своему коню: «о несытая кляча» (I. 46).

лился Соловей изъ гнѣзда, какъ овсяный снопъ^{36 6)} (Кир. IV. 4; или комомъ, — Кирша Д., 354). По другому пересказу Соловей стоялъ въ гнѣздѣ и Илья ударилъ его дубиной въ грудь (Рыбн. II. 3).

Илья привязалъ Соловья къ стремени, отвязавъ напередъ разбойника и одолище, привезенныхъ изъ Крякова (Гильф. 653), и поѣхалъ въ Соловьевы палаты. Дворъ у Соловья былъ на семи верстахъ, и около двора желѣзный тынъ, а на всякой тычинкѣ, на маковкѣ, по головѣ богатырской (Кирша Д., 355). На дворѣ было три терема златоверхіе, вершечки съ вершечками свивались, — разсажены были вокругъ сады зеленые, устроена усадьба красовитая (Рыбн. II. 333).

Увидѣла Илью молодая Соловьева жена, *наводила трубками нѣмецкими*, и посылаетъ она зятьевъ выносить Ильѣ золотую казну; но девять зятьевъ ея *закорилися*, хотятъ обернуться черными воронами съ носами желѣзными, разклевать Илью Муромца (Кирша Дан. 356; Кир. I. 33).

По другимъ пересказамъ Илью встрѣтили Соловьевы дочери Невея, Ненила и Пелька³⁷⁾, а зятя (въ числѣ ихъ упомянуты Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ), по наущенію матери, Акулины Дудентьевны (Рыбн. III. 20), вышли было на Илью съ рогатинами; но Соловей остановилъ ихъ.

По сказкѣ, Илья убилъ копьемъ старшую дочь Соловья Пельку, — она же Алена (Рыбн. I. 49; II. 331), или Марья

^{36 6)} Какъ *овсяный снопъ* свалился и Ивашка — бѣлая епанча отъ удара Еруслана Лазаревича (I. 55).

³⁷⁾ Въ другихъ пѣсняхъ, вмѣсто Пелька, упоминается Катюшка перевозчица, которую Илья впоследствии убилъ плетью за то, что она отказалась перевезти его черезъ рѣку Смородину (Кир. I. 81). Перевозомъ русскія женщины занимались издавна. По преданію, перевозчицею была и великая княгиня Ольга: князей перевозила, — кого перевезетъ, кого утопитъ; Игорь познакомился съ нею на перевозѣ (Ө. И. Буслаевъ, Журн. Мин. Нар. Просв., Апр. 1871, 230). Въ поморьѣ до настоящаго времени перевозомъ по рѣчкамъ, озерамъ и порогамъ занимаются однѣ женщины; онѣ даже перевозятъ богомольцевъ изъ Кеми въ Соловки на лодкахъ по открытому морю. Имя Невей встрѣчается въ числѣ лихорадокъ на образѣ препод. Сисинія (См. прим. къ № 1035).

Соловьевна (Рыбн. III. 19), или же Настасья Соловьевна (Рыбн. IV. 12) за то, что она хотѣла пришибить его подворотнею въ 40 пудъ (90 и 100 пудъ. — Рыбн. I. 49; II. 331) — вышла на него съ рогатиной (Рыбн. I. 9. 10; II. 63).

По однимъ пересказамъ, Илья убилъ Пельку плетью; по другому застрѣлилъ стрѣлой (Кир. I. 29); по третьему: «схватилъ за тресту за заднюю, да подбросилъ; и пала Пелька на землю, тутъ у ней кожа треснула и рубашка лопнула отъ бѣлой шеи до п...ы» (Рыбн. I. 50); по четвертому: Илья Настасью Соловьевну «пнулъ подъ гузно лѣвой ногой; она изъ угла въ уголь по двору начала перелѣтывать, нажила увѣчье въковѣчное» (Рыбн. IV. 12; Гильф. 622); по пятому: Илья Алenu (волшебницу) просто «пнулъ подъ ж...е» (Гильф. 990).

Вынесенныхъ ему даровъ и золотой казны Илья, по однимъ пересказамъ, не принимаетъ; по другому: беретъ три чаши: золота, серебра и жемчуга, сказавъ: «это мое заработное» (Рыбн. I. 51); по третьему: Илья воткнулъ въ землю копье свое, и приказалъ засыпать его золотой казной доверху (Гильф. 622); по четвертому: Илья говоритъ Соловьятамъ, чтобы они везли сокровища свои въ Кіевъ, тамъ де можетъ быть отдадутъ имъ Соловья (Рыбн. II. 333), «а можетъ тамъ Соловья на вино пропью на колачъ проѣмъ» (Рыбн. II. 63); наконецъ по пятому: Илья спрашиваетъ Соловья, отчего у него всѣ дѣти «во единый лякъ»; «отъ того», отвѣчаетъ Соловей, что «сына вырощу, — отдамъ за него дочь; а дочь вырощу, — отдамъ за сына, чтобы Соловейкинъ родъ не переводился». За досаду показались эти слова Ильѣ Муромцу, вынулъ онъ саблю свою вострую, прирубилъ у Соловья всѣхъ дѣтушекъ (Кир. I. 37).

8. Прибывъ въ Кіевъ, Илья ѣдетъ прямо на Княжескій дворъ; Соловья онъ оставляетъ съ конемъ, приказывая ему сторожить коня, а коню наказываетъ: «ужъ ты паче всего береги Соловья, чтобы не ушелъ отъ стрѣмянъ булатныхъ» (Рыбн. II. 333).

Увидала ихъ дочь князя Владиміра, показался ей перстень у Соловья на рукѣ, схватилась отнять его, — да Соловей ей палець откусилъ.

Приемъ, сдѣланный Ильѣ Княземъ, рассказывается разнo: по однимъ пѣснямъ, Илья принятъ былъ съ почетомъ; по другимъ, при дворѣ не учествовали гости и между Ильею и Княземъ прямо начинается ссора.

Начнемъ съ пересказовъ *перваго разряда*: Владиміръ принимаетъ пріѣхавшаго Илью съ почетомъ; онъ уже ждалъ его, и съ первыхъ же словъ жалуетъ его конемъ; Илья отказывается, говоря, что у него есть свой конь латынскій, богатырскій. «Бери у меня», говоритъ Владиміръ, «золотой казны, города съ пригородками, села съ приселками, деревни съ крестьянами, чинъ великій»; отказался отъ всего Илья: «только дай мнѣ одно село Корачаево», бьетъ челомъ онъ Князю Владиміру (Рыбн. IV 24)³⁸⁾.

Пошелъ онъ съ Владиміромъ Соловья смотрѣть, и проситъ Владиміръ Соловья показать свое искусство; отказалъ ему Соловей: «хотя твой хлѣбъ кушаю, не тебя слушаю» (Гильф. 995)^{38 а)}; «да и раночки мои кровью запечатались, и не хотятъ мои уста сахарныя». Тогда дали Соловью чару зелена вина въ полтора ведра (Гильферд. 1002), и приказалъ ему Илья показать свое искусство въ полсвиста, а самъ на то время Князя да Княгиню взялъ къ себѣ подъ пазуху и прикрылъ шубою (Кир. I. 38).

Но соловей засвисталъ по змѣиному, заревѣлъ по туриному

³⁸⁾ Въ повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 980 годомъ, говорится, что Владиміръ роздалъ Варягамъ, пришедшимъ въ его дружину, города (Полн. собр. лѣт. I. 34); а подъ 1036 г. сказано, что Мстиславъ Владиміровичъ «любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденя не браняше» (Полн. собр. лѣт. I. 65). Былины позднѣйшей редакціи скорѣе всего имѣли въ виду прошедшее столѣтіе, когда крестьяне постепенно обращались въ крѣпостничество, въ особенности же въ царствованіе свободолюбивой Екатерины, которая раздавала ихъ своимъ богатырямъ цѣлыми волостями. Своимъ безкорыстіемъ Илья напоминаетъ Еруслана, которому Царь Киркоусъ предлагалъ разные дары, чтобы уговорить его остаться у него на службѣ; но Ерусланъ ничего не беретъ, а говоритъ: «Государь царь! одно взяти: либо корыстовать или богатыремъ слыти» (Лѣтописи Тихонрав. III. 107). Убивъ Ивашку бѣлую паленицу, Ерусланъ тоже разсуждаетъ, «взять мнѣ Ивашковъ конь или ратное оружіе, и мнѣ разбойникомъ прослыть; и не взялъ Ерусланъ того погрому ничего» (Тихонр. Лѣтоп. III. 122).

^{38 а)} Тоже слово говорилъ Иванъ богатырь китайскому царю: «я не твой слуга и не тебѣ служу» (I. 767).

во весь голосъ; хотѣлъ онъ уходить Илью Муромца (Кир. II. 6); и отъ того свисту крыши съ палатъ полетѣли, испугалися бояре и богатыри; всѣ на земь попадали, «на корачкахъ по двору напозаляся; самъ Владиміръ заходилъ раскорякою, три часа безъ души лежалъ, со стула палъ (Гильф. 363); устоялъ только одинъ Муромецъ» (Кир. I. 45. 38; Рыбн. I. 54)^{38 в)}. За такую пакость Илья убилъ Соловейку, расшибъ его о землю, застрѣлилъ стрѣлой (Гильф. 303), отрубилъ ему голову (Рыбн. I. 61), разрубилъ на мелкія части, разбросалъ по полю (Рыбн. I. 54).

Въ другихъ пересказахъ конецъ Соловейки описывается иначе: Владиміръ предлагаетъ Соловью: «посажу тебя въ Кіевъ воеводою»; отказывается Соловей: «всѣ де отъ меня въ Кіевѣ будутъ выть, сердце мое разбойническое». «Посажу тебя въ благовѣщенскій монастырь строителемъ», говоритъ Владиміръ. «Не строителемъ буду я монастыря, а разорителемъ», отвѣчаетъ Соловей (Гильф. 303).

По другому пересказу Соловей самъ проситъ Владиміра, чтобы отпустилъ его на волю: «онъ де повыстроитъ кругомъ Кіева села, да города, да монастыри». Илья возражаетъ на это: «что де Соловей не строитель, а разоритель», — и посадили Соловья въ глубокой погребъ, пескомъ засыпали и травой замуравили. Пріѣзжаютъ дѣти Соловьевы съ золотой казной; позарился было Владиміръ на сокровища, да Илья остановилъ его: «везите», говоритъ Соловьятамъ, «сокровища ваши назадъ къ себѣ; это вамъ на пропитаніе отецъ вашъ оставилъ» (Рыбн. II. 345).

«Какъ это тебя взялъ Илья Муромецъ», спрашиваетъ Соловья Владиміръ въ третьемъ пересказѣ; «я въ то время пьянъ былъ, у меня старшая дочь была имянинница», отвѣчаетъ Соловей. Не полюбила Ильѣ эта рѣчь, схватилъ онъ Соловья за вершиночку, подбросилъ кверху подъ самое облако; расшибъ тутъ Соловейка свои косточки (Кир. I. 39).

^{38 в)} Этотъ эпизодъ напоминаетъ сцену, которая часто писалась на античныхъ вазахъ, и изображала испугъ Ерисея, когда Геркулесъ привелъ къ нему изъ ада трехголоватаго Цербера (Rambaud, 54).

Потомъ пошли всѣ пировать къ обѣду Княженецкому (Кир. I. 39)³⁹⁾. «Увидали тутъ вси русскіе могучіи богатыри⁴⁰⁾

³⁹⁾ О пирахъ Кн. Владиміра Святославича и его богатствѣ, въ лѣтописяхъ, подъ 996 годомъ, говорится: «Се же пакы творише людемъ своимъ по вся недѣля, устави на дворѣ въ гридниці пиръ творити и приходити бояромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десятицкимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя: бываше множество отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины, бяше по изобилью отъ всего. Егда же подѣньяхуться, начьняхуть роптати на князь, глаголюще: «зло есть нашимъ головамъ! да намъ ясти деревянными лѣжницами, а не серебряными». Се слышавъ Володимеръ, повелѣ исковати ложици сребряны ясти дружинѣ, рекъ сице: «яко серебромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу серебру и злату, якоже дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и серебра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думал о строи земленѣмъ, и о рестехъ и уставѣ земленѣмъ» (Полн. собр. русск. лѣтоп. I. 54). Большимъ гостепрѣимствомъ отличался и соименный Владиміру Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ (Русск. достопамят. I. 69).

⁴⁰⁾ При дворѣ Владиміра были собраны богатыри изъ разныхъ мѣстностей русскихъ: оборотень Волхъ Всеславичъ, изъ Кіева; Алеша Поповичъ, изъ славянаго Ростова; Добрыня Никитичъ, изъ Рязани; Илья, изъ Муромца; Дюкъ Степановичъ (Дуса) и Михайла Казарянинъ, изъ Волыни красна—Галичя; Суrowецъ, изъ Суздаля (Буслаевъ, Очерки, I. 679); древніе богатыри Самсонъ Кольвановичъ, Суханъ Домантьевичъ, Свѣтогоръ богатырь, пещь-богатырь Полканъ, семь братьевъ Збродовичей, два брата Хапиловы, мужики Залешане (Кирша Д., 358) и богатыри Притченки (Кир. IV. 63).

Въ лѣтописяхъ встрѣчаются имена богатырей, не воспѣтыхъ въ былинахъ: Янъ Усмошвецъ, Рогдай Удалой, «яко наѣзжаше сей на триста воиновъ» (Никоновск., подъ 7000 г.); при Мстиславѣ Вечеславичѣ—Демьянъ Куденостовичъ съ слугою своимъ Таропомъ (Никонов., подъ 7778 г., IX. 68), слывшій, за «человѣка божьяго» (Полн. Собр. IX. 777 и 778); въ Липецкой битвѣ, кромѣ Александра Поповича, упоминается еще Нефедій Дикунъ; при Константиѣ Ростовскомъ да при Мстиславѣ Удаломъ: «мужи храбри zelo и велицы богатыри, яко лвы и яко медвѣди, не слыша на себѣ ранъ» (Русск. Лѣт. по Ник. спис. II. 325). Затѣмъ лѣтописи упоминаютъ о Мстиславѣ Тмутороканскомъ, который убилъ великана—богатыря Редедю, и о битвахъ Славянъ съ великанскимъ народомъ Обрами. Лѣтописныя извѣстія о богатыряхъ не идутъ далѣе XIII вѣка.

Въ Клинецкомъ иконописномъ подлинникѣ гр. С. Г. Строгонова упоминаются тѣже богатыри: Янъ Усмошвецъ (седѣльникъ), Рогдай удалой, который противъ трехъ сотъ могъ выходить на бой, и авсѣхъ 37 богатырей.

Богатыри Збродовичи—жители съ броду, объясняетъ Ѳ. И. Буслаевъ (Журн. Мин. Нар. Просв., апр. 1877, 220), а можетъ быть всякій сбродъ съ мелкихъ рѣчекъ. Залешане—или отъ *за олься*, или отъ *за оленья*, *оленшиковъ*, т. е. топкихъ мѣсть, поросшихъ ольхою. Что же касается до самаго слова *богатырь*, то оно употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ для обозначенія татарскихъ воеводъ, какъ варянтъ монгольской формы *baghatur* (Монгольское *baghatur*, по персидски *bagader*, а по польски *bahater*). Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1240 г., между Батыевыми воеводами показаны: Се бѣдѣй (Себедѣй) *богатурь*

Стара казака Илью Муромца:

Будь же ты нашъ, старый казакъ Илья Муромецъ,
Будь же намъ до вѣка большій братъ
Держимъ мы на тебѣ надежу великую.
Будь-ка ты граду Кіеву у насъ защитникомъ!»
(Былина Щеголенкова: О. Миллеръ, И. М. 451).

И побратался Илья съ Добрынею Никитичемъ и Алешею Поповичемъ (Кир. I. прим. XXI. XXXIV).⁴¹⁾

9. Ссора Ильи съ княземъ Владиміромъ и причины этой ссоры разсказываются тоже въ четырехъ пересказахъ:

Пересказъ 1-й: Илья прѣзжаетъ съ Соловьемъ разбойникомъ на княжескій дворъ, и бросивъ коня, не спрашиваючися, прямо идетъ въ княжескія палаты. На вопросъ князя: «откуда ѣдешь ты дѣтина сельщина, деревенщина?» Илья разсказываетъ ему о половѣ Соловья. «Врешь ты дѣтина сельщина, полыгаешься, да надо мной надъ княземъ насмѣхаешься» говорятъ, Владиміръ. Пошли они на дворъ смотрѣть Соловья, — все какъ въ прежнихъ пересказахъ; посмотрѣвъ Соловья Илью позвали обѣдать; выпилъ онъ чашу

Бурундай *богатырь* (Полн. Собр. Лѣтоп. II. 177); подъ 1243 г. Половчанинъ Актай прѣѣзжалъ въ Холмъ сказать Даниилу, что «Батый воротился есть изъ Угорь, и отрядилъ есть на тя два *богатыря* возыскати тебя, Монъмана и Балая» (Ѳ. Буслаевъ, 14-е Присужд. Уваров. преміи, 80). Богатырями титулуются у Монголовъ и Турокъ такіе воины, которые трижды вторгались въ ряды непріятели и убивали по крайней мѣрѣ одного врага (Энциклопед. Слов. Плюшара. II. 152; О. Миллеръ, Илья Муромецъ, XXIII). Производить это названіе и отъ словъ «Богъ и Богатырь» (богатырь); такъ въ одной южнорусской сказкѣ у Рудченко (I. 162): «богатырь дивится чѣмъ худакъ живится». По замѣчанію ориенталиста Шатта, слово богатырь стало употребляться у Славянъ со времени нашествія Монголовъ (О. Миллеръ. Илья Муромецъ XXV).

⁴¹⁾ Подобныя побратимства, послѣ испробованія силы и послѣ боя, были въ обычаѣ, не только въ западномъ рыцарствѣ, но и на русской землѣ. Въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подъ 968 годомъ, записано: «Рече князь Печенѣжскій къ Прѣтичу: «буди ми другъ»; онъ же рече: «такъ сотворю». И подаста руку межю собою, и въдасть Печенѣжскій князь Прѣтичу конь, саблю, стрѣлы; онъ же дастъ ему броню щить, мечъ» (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 28). Въ сказкѣ № 15 Бова королевичъ, послѣ упорнаго боя, тоже бротається съ Полканомъ богатыремъ (I. 106), а въ сказкѣ № 10 Ерусланъ Лазаревичъ бротається съ Иваномъ богатыремъ (I. 49). Сравни тоже у Ѳ. И. Буслаева (I. 438) предложеніе дьявола побрататься съ Богомъ.

вина въ полтора ведра, да еще чашу въ два ведра, съ водочкой, да съ наливочкой; его маленько и *ошабурило*; захотѣлъ онъ *поладиться* да *поправиться*, да всѣхъ гостей, купцовъ, бояръ и богатырей и прижалъ въ большой уголь, погнулъ сваи желѣзныя, которыя были промежъ богатырскихъ мѣстъ закалочены, чтобы богатыри, напившись, не *сталживались* ⁴²⁾. И сталъ его Владиміръ уговаривать: «зачѣмъ ты помѣшалъ у насъ всѣ мѣста; изволь ты у насъ попить — поѣсть, и оставайся воеводой жить; бери де себѣ что хочешь и садись куда хочешь: одно мѣсто тебѣ противъ меня, другое подлѣ меня, а третье, гдѣ тебѣ угодно» ^{42 а)}. Не полюбилась Ильѣ эта рѣчь, вставалъ онъ на ножки на рѣзвья, выхватилъ свою шелковую плеть о семи хвостахъ, съ проволокой, и давай хлестать на право и на лѣво: «на пріѣздѣ, де, гостя не употчивали, и на поѣздахъ не учествовали»; всѣхъ отхлесталъ до послѣдняго, одинъ «царь за печку задвинулся, со-больей шубкой закинулся» (Кир. I. 85) ⁴³⁾.

Пересказъ 2-й. Илья приходитъ во дворецъ Владиміра, въ то время, когда тамъ идетъ пиръ богатырямъ (его на пиръ этотъ не позвали. — Кир. I. 97). Илью никто не узнаетъ; самъ же онъ назвался Заолѣшаниномъ, почему Владиміръ и посадилъ его за столъ

⁴²⁾ Подобно Муромцу, богатырь Тана (въ одной пѣснѣ Чернолѣскихъ татаръ) вступивъ въ юрту Печети-Хана, садится на желѣзный стулъ, и стулъ подъ нимъ ломается (В. Стасовъ, Былины, 662). Въ одномъ пересказѣ говорится что Владиміръ жаловалъ Илью тремя мѣстами: «первое мѣсто, садись около меня, второе — супротивъ меня, а третье — куда хочешь тутъ и сядь», — и засѣлъ «Илья со конничка и пожалъ богатырей, да и очутился противъ самаго Владиміра». Не полюбилось то богатырю Алешѣ Поповичу, пустилъ онъ въ Илью ножемъ; но Илья увернулся, поймалъ ножъ на лету и воткнулъ его въ столъ (Кир. I. 39).

^{42 а)} Эти же самыя слова царь Киркоусъ говоритъ Еруслану Лазаревичу, и получаетъ отъ него почти такой же отвѣтъ (I. 53. 63).

⁴³⁾ Слѣды расправы народа съ своимъ княземъ встрѣчаемъ мы и въ лѣтописяхъ: Въ 1185 году, побѣжденные Суздальцами, Новгородцы возвратились во свояси; князь Всеволодъ Мстиславичъ задумалъ бѣжать «въ Нѣмцы»; но Новгородцы задержали его и посадили подъ стражу, обвиняя его: «почто не блюде черныхъ людей. . . почто не крѣпко бися, и почто напередъ всѣхъ побежалъ, и почто возлюбилъ ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше и не управляше» (Никоновск. Лѣт.: Полн. Собр. IX. 159; Новгородск. III. 7).

съ боярскими дѣтьми. Ильѣ не показалось, что «самъ Владиміръ сидитъ съ воронами, а его садитъ съ воронятами»; началъ онъ буйнить; и сталъ на него Владиміръ выпускать богатырей, по три человекъ. «Тебѣ князь охота потѣшиться», говоритъ Илья, «такъ гляди на меня теперь, снимешь охоту тѣшиться»; и сталъ онъ богатырей попихивать, такъ что всѣ по гриднѣ заползали, ни одинъ на ноги не можетъ встать, и не могъ Владиміръ Илью на пиру удерживать. «Не умѣлъ ты гостя на пріѣздѣ учествовать», говоритъ старый, «на отъѣздѣ гостя не учествуешь» (Кир. IV. 49). Вышелъ Илья на улицу и началъ стрѣлять по *божымъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ, по золотымъ маковкамъ*, что на царскихъ окошкахъ (Кир. I. 97; повывломалъ кресты съ церковей божіихъ, — Гильф. 458), и сталъ кричать во всю голову: «охъ вы голъ кабацкая, доброхоты царскіе, ступайте пить со мною зелено вино, обирать маковки золоченые» (Кир. I. 97) ⁴⁴⁾. Пьютъ голи, да и призадумались: «что то намъ отъ князя достанется, пропиваемъ мы

⁴⁴⁾ Этихъ латинскихъ голей Илья Муромецъ попомнилъ за ихъ *допадливостъ*. Въ одной пѣснѣ рассказывается, что послѣ боя съ разбойниками Илья вѣхалъ въ какой то городъ, перескочивъ на конѣ черезъ стѣну прямо въ кабакъ (точно такъ перескакиваетъ черезъ городскую стѣну и Бова королевичъ. — I. 95). Въ кабакѣ на ту пору сидѣли голи, — смѣты нѣтъ; догадались они сложиться по полшечкѣ, — купили полтора ведра вина и поднесли «старой собацѣ матерой выпить съ дороги». Понравилось это вниманіе Муромцу; посылаетъ онъ голей къ Латинскому королю: «чтобы несъ дары драгоцѣнные, я де разбилъ заставу великую». Король несетъ ему три обычныхъ чаши даровъ; но Муромцу онѣ не надобны; отворика ты погреба съ напитками; пейте голи Латинскія, коли умѣли вы старую собаку съ дороги стрѣтити» (I. 63). Въ другой пѣснѣ это пришествіе рассказывается иначе. Пришелъ Илья Муромецъ въ кабакъ и требуетъ у цѣловальниковъ подъ залогъ золотого креста дать вина на пятьсотъ рублей, «а ежели разопыюсь и на тысячу»; цѣловальники отказываютъ Ильѣ въ кредитѣ; тогда догадались голи кабацкіе, сложились по денежкѣ и купили старому полтора ведра. Раззадорило Илью зелено вино, попиналъ онъ съ крючьевъ ворота крѣпкіе, зашелъ въ погреба глубокіе; взялъ одну бочку подъ пазуху, другую тудаже, третью бочку ногой покатылъ, и выкатилъ на площадь торговую, перепоилъ голей со всѣхъ кабаковъ. А происходило все это у царя Константина Боголюбовича (Гильферд. 1050). Есть еще другой рассказъ, въ которомъ цѣловальники не пускаютъ Илью въ кабакъ: «покамѣсть идетъ пиръ у князя и не изойдутъ срѣки тому пиру княженецкому, не имѣемъ мы права отпереть кабака», говорятъ они Ильѣ; но Илья разбилъ таки кабацкія (три) двери (Гильф. 992).

его маковки!» Увидаль это Муромецъ: «пейте вы голи», говорить, «не сумняйтесь, я завтра буду во Кіевѣ княземъ служить, а у меня вы будете предводителями»^{44 а)}. Испугался князь, посылаетъ Добрыню Никитича (Скомороха Скомороховича.—Гильф. 994) упросить Илью. Добрыня зашелъ къ Ильѣ *съ задѣ*, и успѣлъ таки уговорить его; только Илья потребовалъ, чтобы князь разослалъ тотчасъ же указы по Кіеву и Чернигову, чтобы отворены были всѣ конторы, кабаки и пивоварни на трое сутокъ, и чтобы весь народъ пилъ, кто зелено вино, а кто пиво да медъ, прибавивъ: «ежели не сдѣлаеть князь по моему, то онъ процарствуетъ только до утрія». И когда были посланы такіе указы, идетъ Илья вмѣстѣ съ голями въ палаты княжескія, не садится онъ на мѣсто на большое, а садится на мѣсто среднее, а возлѣ себя садитъ голей кабацкихъ. И пили всѣ и ѣли до сыта.

Слѣдуютъ еще два пересказа, въ которыхъ ссора Ильи съ Владиміромъ происходитъ, въ одномъ, по случаю недовольства Ильи пожалованнымъ ему подаркомъ, а въ другомъ—по случаю обличенія Ильєю Владиміра въ распутствѣ; оба кончаются заключеніемъ Ильи въ погребъ.

Пересказъ 3-й. Былъ у князя Владиміра пиръ во дворцѣ и дарилъ князь своихъ богатырей, кого чѣмъ: кого жемчугомъ, кого золотой казной; и говорить ему его княгиня: «всѣхъ ты одарилъ, одѣлилъ, одного только удалаго Илью Муромца ничѣмъ не дарилъ!» «Ты еси княгиня неразумная», отвѣчаетъ Владиміръ, «подарю я удалаго молодца тѣми дарами, которые мнѣ пришли отъ татарина, подарю я его тою шубою соболіною». Взялъ Илья Муромецъ шубу ту за одинъ рукавъ, сталъ ее бить о кирпичный полъ, а самъ приговариваетъ: «велитъ мнѣ Богъ шубу бить, велитъ ли мнѣ Богъ бивать татарина басурманина? Судитъ ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина, какъ таскаю шубу соболіною, такъ и оттаскалъ бы Калина царя». Придворные же (Гильф. 1277) донесли Владиміру, что Илья говорилъ про «собаку

^{44 а)} Рыбниковъ находить въ этихъ словахъ «Summa majestas populi».

князя Владиміра» (Гильферд. 1267). «Всѣмъ то намъ твои дары по любви пришли», доносили бояре,

Одному то удалому молодцу
Дары тѣ не по любви пришли,
Что поимени Ильѣ Муромцу» (Пам. и образ. 306)⁴⁵⁾.

Не стерпѣлъ князь такой обиды, приказалъ своимъ скурлатамъ немилостивымъ⁴⁶⁾ бросить Илью въ погребъ глубокіе на сорокъ дней, чтобы умеръ съ голоду (Гильферд. 1177); задернуть рѣшетками желѣзными, засыпать хрящемъ—камнемъ. И пробылъ Илья Муромецъ въ погребѣ ровно три года,—за все это время поила и кормила его тайкомъ княгиня (дочь Владиміра.—Гильферд. 305; Рыбн. III. 208); вдовица Апраксія, княгиня (Гильферд. 1177)^{46 а)}.

⁴⁵⁾ Митрополитъ Никифоръ укоряетъ Мономаха въ томъ, что слушаетъ наушниковъ (Росс. Древн. I. 71. 72). По словамъ Данила Заточника: «князь не самъ впадаетъ въ вещь (злую) а доумы вводятъ. Съ добрымъ доумцею доумая князь высокаго стола додоумаетъ, а съ лихими доумицами доумаетъ и малаго лишень будетъ (Изв. III Отд. А. Н. X. 270).

⁴⁶⁾ Скурлаты—нарицательное имя отъ Малюты Скуратова, народного палача временъ Ивана Грознаго. Сажали въ глубокой погребъ, закладывали и засыпали пескомъ и Бову Королевича (I. 99).

^{46 а)} Въ одной Сербской пѣснѣ по приказу Султана посаженъ въ тюрьму Марко Королевичъ; три года сидитъ онъ тамъ; между тѣмъ разбойникъ Мусю сталъ разорять государство и никто не могъ съ нимъ сладить; вспомнили о Маркѣ и вывели его совсѣмъ одичалаго и слѣпаго изъ тюрьмы. Султанъ уговариваетъ его помочь плачущей сиротинкѣ; Марко отвѣдается, получаетъ прежнюю силу, бьется съ Мусей и срубаетъ ему голову (О. Миллеръ, 675). Замѣтимъ, что во время сидѣнія Марка въ темницѣ, ему доставляетъ тихонько пищу Ходжа. Въ одной телеутской легендѣ разсказывается, что къ князю Конгодою пришли три человекъ съ желѣзными луками и сказали ему: «кто выстрѣлитъ изъ этихъ луковъ, тому мы будемъ платить дань; и если Конгодой не можетъ выстрѣлить, пусть платитъ намъ дань». Никто не могъ натянуть ихъ луковъ; тогда вспомнили про старшаго сына Конгодою богатыря Шеню, который по злобѣ своихъ братьевъ былъ посаженъ въ глубокую яму. Шеню вынимаютъ изъ ямы и откармливаютъ. Въ другой пѣснѣ, сибирскихъ Киргизовъ, ханъ Конгдаиди сажаетъ въ яму своего сына Суну, по навету придворныхъ. Между тѣмъ привозятъ изъ Монголіи огромный лукъ, съ такимъ объявленіемъ, что если у Киргизовъ кто натянетъ этотъ лукъ, то Монголы будутъ платить имъ дань, а если нѣтъ, то должны платить дань Монголамъ Киргизы. Никто небылъ въ состояніи натянуть лукъ; пришлось вынуть изъ ямы Суну; его открыли, вы-

Ровно черезъ три года подступилъ къ Кіеву царь Калинъ (Смарадоновичъ.—Гильферд. 1293; Калинъ царь.—Рыбн. III. 214), съ несмѣтною силою; призадумался Владиміръ: некому выручить Кіева; тогда княгиня объявила ему, что Илья живъ; отрыли погребъ, а Илья тамъ у стола сидитъ, святое Евангеліе читаетъ, а на столѣ восковая свѣча теплится (Гильферд. 365)⁴⁷⁾. Выбравшись изъ погреба, Илья Муромецъ сперва порубилъ своихъ противниковъ, что про него князю наклепали, а потомъ въ трое сутокъ перебилъ всю силу басурманскую⁴⁸⁾.

Пересказъ 4-й. Въ былинѣ про «Василису Данилову», Илью Муромца сажаютъ въ погребъ за его дерзкія слова: «Ужъ ты батюшка Владиміръ князь! Изведешь ты ясна сокола! не пымать тебѣ бѣлой лебеди!». Слова эти сказалъ онъ, когда Владиміръ собирался взять себѣ въ жены Василису отъ живаго мужа; а мужа приспѣшники хотѣли извести смертію (Памятники великорусск. нарѣч. 1855).

мазали сметаной, откормили мозгомъ изъ костей и тогда Суну натянулъ всѣ три лука, выстрѣлилъ изъ нихъ и сказалъ: «Берите прочь эту дрянъ, и убирайтесь вонъ!» И тогда тѣ три челоуѣка пошли прочь, и стали платить дань (Стасовъ, 665; Radloff, Proben, I. 206).

⁴⁷⁾ Въ запискахъ Барскаго (СПБ. 1800, стр. 1800) есть повѣсть объ иконѣ Богородицы *Олтарницы*, которая могла послужить (въ древней редакціи) мотивомъ при составленіи разсказа о выходѣ Ильи изъ погреба. Во время нашествія Сарацынъ на Аѳонскіе монастыри въ 862 году, одинъ изъ стражниковъ опустилъ эту икону, вмѣстѣ съ крестомъ, въ колодезь, «и съ ними купно свѣщу возженну и покрыю съ веру искусно». Черезъ сто лѣтъ стражникъ тотъ возвратился изъ плѣна, раскрылъ колодезь, въ глубинѣ котораго икона была совершенно цѣла «и свѣща предъ нею горяща». Эта же легенда разсказывается объ иконѣ нерукотвореннаго Спаса; (см. № 1063: III. 432). Мнѣ помнится еще одна легенда о замурованіи греческаго священника турками; священникъ этотъ черезъ 100 лѣтъ былъ найденъ живымъ и съ горящею передъ нимъ свѣчею; не могу припомнить, гдѣ я читалъ или слышалъ ее. Рембо приводитъ въ параллель съ разсказомъ о заключеніи Муромца легенду объ Ожье, который былъ посаженъ въ темницу Карломъ Великимъ, и котораго, во время заключенія, кормили архіепископъ Туринскій и сама императрица (Rambaud, 59). Ф. И. Буслаевъ припоминаетъ по этому же случаю о томъ, что и В. К. Ольга приказала бросить Древлянскихъ пословъ въ глубокую яму (Журн. Мин. Народ. Просв., Апр. 1871, 230).

⁴⁸⁾ Басурманъ—отъ (Бассора) Bassora-man, точно такъ, какъ и Мусульманъ отъ (Моссулъ) Mossul—man??

Мишатычка Путятинъ сынъ совѣтуетъ Владиміру жениться на Василисѣ Никуличѣ, женѣ Данилы Денисьевича, а мужа ея напередъ уморить. Согласившись на это, Владиміръ приказываетъ послать Данилу къ ключу греческому, поймать птичку бѣлогорлицу для княжескаго стола, да еще льва лютаго; отправляется Данило,—но вмѣсто звѣрей находитъ у ключа силу русскую, посланную Владиміромъ на его погибель; только что онъ побилъ эту силу своей саблею, какъ смотритъ, на него идутъ бранью братья его родной Никита Даниловичъ, да братья названный Добрыня Никитовичъ; не стерпѣлъ Данило того, что «братъ на брата съ боемъ идетъ», упалъ онъ на вострое копье свое „спороль себѣ груди бѣлыя“.

Не отдалась таки Владиміру и жена его Василиса; выпросилась она повидаться съ убитымъ мужемъ своимъ и надъ его трупомъ *спороль себѣ груди бѣлыя* булатнымъ ножомъ (Кир. III. 33). Такимъ образомъ сбылись слова Ильи Муромца. Владиміръ освободилъ его изъ погреба, а Мишатычкѣ «котель смолы пожаловалъ» (Кир. II. 38)⁴⁹⁾.

10. Битвы Ильи Муромца съ басурманами описываются во многихъ, разнообразныхъ пересказахъ: по однимъ изъ нихъ, Илья бьется, одинъ на одинъ, съ поганымъ Идолицемъ, по другимъ, вмѣстѣ съ богатырями и съ племянникомъ Ермакомъ Тимоѣевичемъ, освобождаетъ Кіевъ отъ нашествия Калина Царя, Батыя Батыевича (онъ же Мамай) и бабищи Мамаишны.

Пересказъ 1-й: Бой Ильи съ Идолицемъ. Бѣдитъ Илья по чистому полю 12 лѣтъ (Кир. IV. 18); въѣздъ въ Кіевъ въ эти годы былъ ему заказанъ (Кир. IV. 19. 36). Попадаетъ ему на дорогѣ Калика сильный Иванище (Кир. IV. 18), съ которымъ Илья еще въ Карачаровѣ грамотѣ учился (по сказкѣ), и говоритъ ему, что Кіевъ городъ обнасилничалъ Идолице поганое^{49 а)} (Едолице, Батыга Батыговичъ.—Гильфер. 1149; или чудище Полка-

⁴⁹⁾ Въ этой исторіи Владиміръ сопоставляется съ Иваномъ Грознымъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 620). Напоминаетъ она и библейскую исторію царя Давида съ Уріемъ.

^{49 а)} Въ лѣтописяхъ Половцы и Татары называются «погаными, хотящими прольяти кровь хрестыанскую» (Полн. Собр. Лѣтоп. I. 133).

нице.—Кир. I. XXXV); не приказано де въ Кіевѣ просить милостыни спасенія и не по старому въ Кіевѣ звонъ звонятъ. Сидитъ Идолище у Владиміра въ новомъ теремѣ, а руки у княгини держитъ въ пазухѣ, и нѣкому въ Кіевѣ съ нимъ перевѣдаться. «Ай же ты калика перехожая», говоритъ ему Илья, «молодца въ тебѣ въ два меня, и силы то у тебя въ три меня, а смѣлости нѣтъ и въ полъ меня; скидывай ты платье каличье, и надѣвай на себя мое платье богатырское (насилъно отнялъ у Калики Иванища клюку—Рыбн. I. 86)⁵⁰⁾».

Переодѣлся Илья въ каличье платье, и отправился въ Кіевъ, прямо въ княжескій теремъ. Увидалъ его Идолище и спрашиваетъ, — откуда пришелъ и знаетъ ли Илью Муромца, и помногу ли Илья хлѣба ѣсть и пива пьеть. Отвѣчаетъ Илья, «буде хочешь узнать богатыря Муромца, на меня гляди; и ѣсть Илья по калачику, пьеть по стаканчику». Посмѣялся надъ нимъ Идолище: «я по сороковкѣ къ выти пива пью, да по три печи хлѣба съѣдаю»^{50 а)}.

«У моего батюшки, у нашего попа у Левонтыя Ростовскаго (Гильферд. 24) «сказалъ Илья,» было старое коровище обжорище (кобылице объѣдище.—Гильферд. 908) ста годовъ; вышло оно на задворье, обожралось дробиною, да тутъ и треснуло»⁵¹⁾. Не понравились эти слова Идолищу; бросилъ онъ ножомъ въ Илью; а Илья снялъ съ себя шляпу земли греческія, да и пришибъ Идолище

^{50 а)} *Выть*—земельный участокъ положенной мѣры, даваемый на прокормленіе; отъ выти—повытье или столъ,—повытчикъ, завѣдывающій вытиями или столоначальникъ. Служащимъ и царскимъ мастерамъ, вмѣсто земельныхъ участковъ, выдавалось денежное жалованье и хлѣбный кормъ, тоже деньгами, который считался на *юфти*, причемъ въ каждой юфти полагалась четверть ржи и четверть овса. Знаменнику и рѣзчику оружейной палаты выдавалось напримѣръ, въ 1620 году, денежное жалованье по 8 рублей, да хлѣбнаго деньгами за 8 юфтей (В. Румянцевъ въ моей книгѣ: Русскіе граверы. стр. 361).

⁵⁰⁾ Точно такъ переодѣвается и Бова Королевичъ: «увидѣлъ старца, щепы гребеть и рече Бова старцу, дай ты мнѣ старецъ съ себя черное платье: а возьми съ меня мое цвѣтное платье; старецъ сталъ говорить: государь храбрый витязь Бова королевичъ непригодно мнѣ твое цвѣтное платье, а мое тебѣ черное платье, въ цвѣтномъ мнѣ милостыни не подадутъ, и Бова ударилъ старца о землю, снялъ съ себя цвѣтное платье, и надѣлъ на себя черное платье» (I. 101).

⁵¹⁾ Дробина—ячменное зерно, оставшееся послѣ выварки изъ него пива.

(Кир. IV. 21)^{51 а)}. У Даля Идолище названъ Полканомъ; Илья ударилъ его плетью и расколлъ надвое *пса-богатыря* (Кирѣв. I. XXXIV). Вывелъ Идолище на дворъ: «не честь де окровавить крылечко княжеское»,—и тамъ расшибъ его (Гильф. 888)⁵²⁾.

По одному пересказу, послѣ казни Идолища, Илья возвращается къ Иванищу, мѣняется съ нимъ платьемъ и говоритъ ему:

^{51 а)} Отсюда, должно быть, произошла и хвастливая поговорка русская: «шапками забрасаемъ!»

⁵²⁾ По другой пѣснѣ тоже дѣло происходитъ въ Иерусалимѣ; странникъ калика Данило Игнатьевичъ рассказываетъ Илѣ о томъ, какъ Одолище завладѣло царемъ Константиномъ Боголюбовичемъ и царицей Еленой Александровной. Илья убиваетъ Одолище (Кир. IV. 35) и беретъ за это съ царя три мисы сокровищей, сказавъ: «это мое заслуженое; три часа всего послужилъ тебѣ, а получилъ и слово привѣтливое и хлѣбъ соль мягкую; у Владиміра князя служилъ я тридцать годовъ, да ничего не выслужилъ» (Кир. I. 94). Рембо полагаетъ, что эта былина могла образоваться вскорѣ послѣ взятія Турками Константинополя въ 1453 году (Rambaud, 62).

У Гильфердинга есть пѣсня, въ которой Илья, убивъ идолище Батыгу Батыевича, ѣдетъ за городъ, и уничтожаетъ всю его басурманскую силу; потомъ онъ ѣдетъ къ Литовскому королю, у котораго высватываетъ любимую его дочь Марью Митревну за своего названнаго брата, Ивана могучаго (Гильф. 131). По другой пѣснѣ, Илья, переодѣвается въ платье *старчища Пилирмища* и бьется съ Идолищемъ, которое ѣздитъ подъ облакомъ на крылатомъ конѣ, подобно Тугарину. По молитвѣ Ильи у Идолищина коня подмочило крылья дождичкомъ; и спустился Идолище на землю и убилъ его Илья клюкой въ голову (Рыбн. III. 33). Есть сказка, въ которой Идолище жидовское, Скоропитъ (скорпионъ?) и Тугаринъ Змѣвичъ состоятъ богатырями на службѣ въ Царьградѣ у царя Константина Боголюбовича и царевны Елены Александровны. Русскіе богатыри: Илья Муромецъ, дворянинъ Залѣшаничъ, Алеша Поповичъ, Глапичъ, Суханъ Домантьевичъ, дворянинъ Бѣлая Палица, да Добрыня Никитичъ,—всего семь человекъ, уѣхали тайкомъ изъ Кіева къ Царьграду погулять; въ полѣ встрѣтили они калику Никиту съ каликами, возвращающихся изъ Иерусалима, помѣнялись съ ними одеждой и пріѣхали въ Царьградъ. Царь Константинъ хвастаетъ передъ ними своими богатырями; Идолище проситъ отпустить его съ богатырями въ Кіевъ, «привезутъ де они оттуда князя Владиміра и его княгиню, и въ Кіевѣ сдѣлаютъ съчъ великую». Потомъ стали богатыри Царьградскіе хвастаться своими конями; но русскіе калики завели съ ними драку, поколотили ихъ, отобрали у нихъ коней и увели съ собой Тугарина Змѣвича; Идолъ Скоропитъ остался у царя Константина. Впрочемъ и Тугарина Змѣвича Владиміръ возвратилъ Константину, такъ какъ богатыри дали обѣщаніе царицѣ Еленѣ отпустить его (Памятн. Русск. Лит., т. II; Кир. IV. 38). Л. Майковъ замѣчаетъ, что Мономахъ посылалъ въ 1116 г. свое войско противъ византійскаго императора Комнена Алексѣя (Полн. собр. русск. лѣтоп., Ипатьевская лѣтоп., II. 8).

«въ другой разъ такъ не дѣлай, а защити крещеную землю отъ татарина». Еще въ другомъ разсказѣ, — Идолице летаетъ по поднебесью на бумажныхъ крыльяхъ; Илья выпрашиваетъ у Бога дождя, чтобы подмочилъ Идолицу крылья; Идолице съ замокшими крыльями падаетъ на землю, и Илья убиваетъ его (Сравни Добрыню и Алешу Поповича и прим. 52 на стр. 41).

Пересказъ 2-й: Калинъ Царь. Подступилъ къ Киеву Калинъ Царь, или Каинъ, — Калинъ Калиновичъ (Гильферд. 864), съ зятемъ своимъ Сартакомъ и сыномъ Лоншекомъ⁵³). «Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?» говоритъ былина про это время,

«Зачѣмъ не разступится?
Отъ пару было отъ конинаго;
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго

Не можно крещенымъ намъ живымъ быть» (Кирша Даниловъ. 242). Въ тѣ поры былъ въ Киевѣ богатырь Василий пьяница; взбѣжалъ онъ на башню стрѣлецкую, пустилъ стрѣлу въ Калина царя, да не попалъ въ него, а попалъ въ его зятя въ Сартака, прямо въ глазъ, да и убилъ его на повалъ⁵⁴).

⁵³) К. Аксаковъ замѣчаетъ, что Калинъ-царь имѣетъ весь видъ татарскаго хана; его нашествіе дышетъ ужасомъ нашествія Татарскаго (К. Аксаковъ, Сочиненія, I. 373). Пѣсня о Калинѣ царѣ, говоритъ О. И. Буслаевъ, «является отгѣчаетъ періодъ татарскій, когда съ особой энергіей совершился переходъ въ народной фантазіи, отъ миеовъ древнѣйшаго періода къ эпосу собственно историческому» (Очерки, I. 373).

Въ сказаніи о нашествіи Батыя есть мѣста, напоминающія наши былины: «И небѣ слышати въ градѣ глаголюще другъ къ другу въ скрипаніи телѣгъ его». «И ту бѣ видѣть ломъ копейный, щитомъ скепаніе, и стрѣлы омрачиша свѣтъ». . . «единому рязанцу битися со стомъ татаринѣвъ».

Евпатій, притупивъ о татаръ свои собственные мечи, «семя мечи татарскіе, сѣчае ихъ». Онъ же, «исполнивъ сый, силою наѣха на Хоздовула богатыря и разсѣче его на полы до сѣдла и многихъ богатырей и татаръ побивъ: овы на полы просѣкая, а иные до сѣдла крояше».

⁵⁴) О подобномъ происшествіи записано въ Никоновской Лѣтописи: въ 1381 году, во время осады Москвы Тохтамышемъ, почти все населеніе, застигнутое въ располхъ и лишенное возможности защищаться, предалось пьянству;

И посылаетъ Калинъ царь въ Киевъ, чтобы выдали ему виновнаго. Приунылъ князь Владиміръ; да пришелъ выручить его Илья Муромецъ; насыпали они три мисы (три телѣги ордынскія. — Гильф. 378) золота, серебра и жемчуга; самъ князь нарядился поваромъ, вымаравшись котельной сажей, и отправился съ Ильей къ Калину, просить на три дня отсрочки⁵⁵). Дары Калинъ царь отъ нихъ принялъ, а отсрочки не далъ, да еще Илью Муромца, за дерзкія его рѣчи, приказалъ связать шелковыми чембурами, и сталъ ему плевать въ глаза. Не понравилось это Ильѣ Муромцу, изорвалъ онъ чембуры на могучихъ плечахъ⁵⁶), схватилъ татарина за ноги, да и давай имъ помахивать, — перебилъ всю силу татарскую⁵⁷). Потомъ схватилъ за руки Калина царя: «васъ то царей не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ», согнулъ его корчагою, поднялъ выше головы, ударилъ о горячъ камень и расшибъ въ дребезги; а самъ вернулся въ Киевъ, отыскалъ тамъ на Петровскомъ Кружалѣ Василя Пьяницу Игватѣева, назвалъ съ нимъ братомъ, и стали они у Владиміра попивать зелено вино (Кирша Даниловъ, см. выше; Кир. I. 76). Владиміръ предлагаетъ Ильѣ золотую казну, села съ приселками, — Илья ничего не принимаетъ: «дай мнѣ», говоритъ, «похвальный листъ своей руки» (Гильф. 865).

По другой пѣснѣ подступаетъ подъ Киевъ Батый Каймановичъ (Каймаковичъ?) съ двумя сыновьями и зятемъ Лукаперомъ^{57 а}).

немногіе дѣйствовали со стѣнъ противъ непріятеля и между прочимъ, «нѣкто гражданинъ Москвитинъ суконникъ, именемъ Адамъ, со Фроловскихъ воротъ пусти стрѣлу изъ самострѣла и уби нѣкоего отъ Князей ордынскихъ, сына нарочита и славна суца; і печаль велику сотвори Тахтамышу царю і всѣмъ княземъ его (Р. Л. по Никонов. спис. IV. 135).

⁵⁵) Въ одной пѣснѣ Владиміръ ѣдетъ къ Басурманамъ въ коляскѣ, а Илья Муромецъ становится къ нему на запятки (Гильф. 706). Коляска отъ коло = колесо.

⁵⁶) Въ одной пѣснѣ къ Ильѣ прибѣгаетъ его конь, и перегрызаетъ чембуры, которымъ онъ былъ связанъ (Гильф. 309). *Чембуры*, по казачьи *повалецъ*, — третій, одиночный поводъ уздечки, за который водятъ и вяжутъ верховаго коня; на немъ даютъ коню *повалиться* (Кирѣев. I. 75).

⁵⁷) Такимъ же способомъ расправлялся съ врагами и Ерусланъ Лазаревичъ: И ухвати Урусланъ одново богатыря, и убилъ ево до смерти, да тѣмъ многихъ богатырей побилъ (Тихонравовъ, Лѣтоп., III. 118).

Въ тѣ поры Илья Муромецъ былъ усланъ въ землю Латинскую закупать коней богатырскихъ; Добрыня—за черкасскими седлами; Алеша Поповичъ закупать пшено въ землю Сорочинскую; дома остался одинъ Василій Казнѣровичъ Пьяница: его идутъ звать на помощь и выводятъ изъ кабака (который онъ самъ и держитъ). Сперва Пьяница ломается, озарничаетъ: раздѣваетъ бояръ до нага, обираетъ у нихъ платье, колотитъ ихъ и выгоняетъ; потомъ когда, идетъ упрашивать его самъ Владиміръ, Пьяница выпиваетъ три чаши вина: одну похмѣльную чарочку, что пьетъ Илья Муромецъ въ полсѣма ведра, другую чарочку за здравную, Добрынину, въ полпята ведра, и третью чарочку веселую, Алешу Поповича, въ полтретья ведра; отправляется стрѣлять въ непріятельскіе таборы и попадаетъ прямо въ глазъ Лукаперу. Осердился Батый, требуетъ выдать ему Пьяницу; бояре просятъ Владиміра выдать его; тогда Пьяница *смакнулъ* съ себя чудный крестъ, и отправляется къ Батюю съ словами: «принимаетъ ли ты насъ, добрыхъ молодцовъ, мы съ тобой возьмемъ вмѣстѣ Кіевъ градъ, возьмемъ, вызжемъ, вырубимъ, божьи церкви на дымъ пустимъ, князя со княгиней въ полонъ возьмемъ, а князей—бояръ въ котлѣ сваримъ» (Кир. II. 94). По другимъ пѣснямъ, Пьяница, подпивши у Батюя, побиваетъ его войско (Кир. II. 96)⁵⁷).

⁵⁷) Богатырь Лукаперъ заимствованъ изъ сказки о Бовѣ Королевичѣ (I. 95).

⁵⁸) У Кулиша приведена подобная же легенда о золотыхъ Кіевскихъ воротахъ (Записки о Южн. Руси, I. 3), сходная съ былинной о Василѣ Пьяницѣ: Подступилъ къ Кіеву Татаринъ; былъ въ то время въ городѣ богатырь Михайликъ; взошелъ онъ на башню, да пустилъ изъ лука стрѣлу, такъ, что попала она Татарину прямо въ миску. Только что сѣлъ Татаринъ обѣдать, только что благословился было поѣсть, стрѣла и воткнулась въ жаркое. «Э!» говоритъ, «да тутъ есть сильный богатырь! Выдайте мнѣ», говоритъ онъ Кіевлянамъ, «Михайлика, такъ отступлю. «Вотъ Кіевляне начали совѣтоваться: «а чтожы? отдадимъ?» А Михайликъ имъ на то: Коли выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣть вамъ Золотыя Ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ Кіевлянамъ и проговорилъ: «Ой, Кіяне, Кіяне, честная громада! Поганая ваша рада! Когда Михайлика не выдавали, — пока свѣтъ солнца—враги бы Кіева не достали?» И поднялъ онъ копьемъ ворота—вотъ какъ подымаетъ снопъ святаго жита—и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ, а Татары и не видятъ его.

Пересказъ 3-й: Калинъ царь и Ермакъ. Подступилъ къ Кіеву Калинъ царь и посылаетъ онъ къ князю Владиміру посла татарина сказать ему, хочеть де онъ княгиню Опраксію, отъ живаго мужа, за себя за мужъ взять. Пригорюнился князь, зоветъ богатырей на помощь; но богатыри Добрыня, Потапъ Михайловъ, по подговору Ильи Муромца, а потомъ и самъ Илья, отказываются драться съ татарами: «примахались де наши бѣлыя ручки, прискакались рѣзвыя ножки, помутились ясныя очи; не можемъ больше стоять за Кіевъ градъ». Тогда Владиміръ зоветъ своего племянника Ермака Тимоѣевича, который и отправляется драться съ татарами, въ то время, какъ другіе богатыри забавляются въ шатрѣ въ шашки — шахматы. Ермакъ бился съ татарами три дня и три ночи; тогда позвалъ Илья Муромецъ богатырей къ нему на помощь; и прибили они всю силу татарскую въ три часа; самага же Калина царя Илья стащилъ съ кровати рыбій зубъ⁵⁹), изъ подъ одѣяльца соболинаго, переломалъ ему ноги да руки, другому татарину выкололъ глаза, привязалъ ему Калина за плеча, а самъ выговаривалъ: «Нутко татаринъ, неси домой, а ты, собака, дорогу показывай» (Рыбн. I. 106).

Пересказъ 4-й: Батый Батыевичъ. Приходитъ подъ Кіевъ изъ за Чернаго моря царь Батый Батыевичъ съ своимъ сыномъ Таракашкой (Тараканомъ Карабликовымъ. — Гильферд. 361) и зятемъ Улюшкой, и шлетъ онъ Бурзу-Мурзу Татаровича съ ярлыкомъ, чтобы выдали ему трехъ богатырей: Илью Муромца,

А вотъ какъ онъ открылъ ворота, чужеземцы ввалились въ Кіевъ, да и пошли потоптомъ. А Богатырь Михайликъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ; передъ нимъ стоитъ стаканчикъ воды, да просвирка лежитъ: больше ничего не ѣсть. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И какъ идучи мимо, ктонибудь скажетъ: «О Золотыя Ворота! Стоятъ всѣ опять тамъ, гдѣ стояли!» то золото такъ и засіяетъ. А если не скажетъ, или подумаетъ: «Нѣтъ ужъ, не бывають вамъ въ Кіевѣ!»—то золото такъ и померкнетъ.—И будетъ, говорятъ, такое время, что Михайликъ вернется въ Кіевъ и постановитъ ворота на свое мѣсто (Буслаевъ, Очерки, I. 422).

⁵⁹) *Рыбья кость*—въ поморѣ такъ называется моржевый зубъ, который цѣнится дороже слоновой кости, ибо крѣпче ее и не желѣетъ отъ употребленія. Въ поморѣ, въ прежнее время, изъ моржеваго зуба точили много подѣлокъ; теперь онъ вывозится почти цѣликомъ за границу.

Добрыню, да Алешу Поповича; «иначе де богатырей подь мечь склоню, князя съ княгиней, добрыхъ молодецвъ да красныхъ дѣвиць станицами полною, а божьи церкви на дымъ спущу». Сильно призадумался князь Владиміръ: Апраксія княгиня посоветовала Владиміру по всѣмъ по губерніямъ выпустить на волю *затюремщиковъ*, да позвать на пирь могучихъ богатырей да козака Илью Муромца; «хоть онъ и сердить на тебя, а можетъ придетъ на пирь (Гильферд. 376). Встрѣчаетъ Владиміръ Илью Муромца, переряженнаго каликой; а Илья напредь того за двѣнадцать лѣтъ уже отъ Кіева было отказано.

И поклонился князь Илья до земли и сталъ онъ уговаривать его, постараться за вѣру христіанскую: «не для меня и не для княгини Апраксіи, не для церквей и монастырей, а для бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей»⁶⁰⁾. Смиловался Илья, и отправился онъ съ Владиміромъ къ Батыю просить отсрочки на три года и три мѣсяца. Угостилъ ихъ Батый зеленымъ виномъ, но отсрочки далъ имъ всего на три дня.

За это время Илья съѣздилъ за Дунай рѣку и привелъ оттуда братановъ богатырей; бой устави́ли они такъ: Самсону Колывановичу, племяннику Ильи, досталась правая рука⁶¹⁾, Никитѣ съ

⁶⁰⁾ По одному пересказу, Илья сидѣлъ въ это время въ погребѣ, по приказу Владиміра. Выслушавъ просительныя рѣчи, онъ говоритъ: «Я иду служить за вѣру христіанскую, и за землю россійскую, да и за столичный Кіевъ градъ, за вдовъ, за сиротъ, за бѣдныхъ людей, и за тебя молодую княгиню вдовицу (?) Апраксію. А для собаки-то князя Владиміра да не вышелъ бы и вонъ изъ погреба» (Гильф. 1179).

⁶¹⁾ Въ одной пѣснѣ крестный отецъ Ильи «Самсонъ Манойловичъ» отказывается идти драться за князя и княгиню: «Князь де бояръ все слушаетъ, а богатырей не почитаетъ (Рыбн. III. 210). В. Стасовъ приводитъ монголо-калмыцкую поэму Джангаріаду, изъ которой заимствованы отдѣльные эпизоды нашей былинны о Калинѣ царѣ и Ермакѣ. Ханъ Шарро Гурго посылаетъ къ Хану Богда-Джангару своего Бурзу—Бѣкѣ—Цагана требовать, чтобы онъ отдалъ ему лучшаго своего коня и двухъ богатырей Хонгора и Алтана—Цедши, и что въ противномъ случаѣ Гурго засыплетъ его царство и уничтожитъ его имя. Бурза пріѣзжаетъ къ Джангару, бросаетъ коня своего на дворѣ, безъ привязи, и объявляетъ Джангару требованіе Гурги. Богатырь Хонгоръ гнѣвно отвѣчаетъ Бурзѣ, что требованіе его выполнять тогда, когда погибнуть всѣ богатыри. Затѣмъ Хонгоръ ѣдетъ тайкомъ въ лагерь Гурга, выносить его соннаго изъ палатки; но конь его отказывается скакать далѣе; и Хонгоръ бро-

Алешей, — лѣвая, а самому Илья Муромцу середка силы, *матюца*. И рублились богатыри съ Батыемъ двѣнадцать дней *не пиваючи не ѣдаючи, добрымъ конямъ вздоха недаваючи*; и поѣхали богатыри отдохнуть, только Илья одинъ отдыхать не поѣхалъ; и говоритъ ему конь человѣческимъ голосомъ: «смотри Илья, накопаны у татаръ три рва глубокіе, понатыканы въ тѣхъ рвахъ копыя да сабли; изъ перваго подкопа я выскочу, изъ втораго тоже выскочу; а въ третьемъ останемся и ты и я»⁶²⁾.

Не повѣрилъ Илья коню своему, бьетъ его по крутымъ ребрамъ и ругаетъ: «охъ ты волчья сыть, травяной мѣшокъ! ты не хочешь служить за вѣру христіанскую», — и пала лошадь въ третій подкопъ, и взяли Илью татары въ полонъ.

Предлагалъ ему Батый поступить къ нему на службу на три года, — да не полюбилось то Ильѣ; «послужилъ бы я», говоритъ «по твоей по шеѣ, по татарскія!»⁶³⁾, и приказалъ Батый за то разстрѣлять его стрѣлами калеными; и сталъ просить его Илья: «ты де такъ казни, какъ на Руси богатырей казнятъ; у насъ выведутъ на поле на Куликово^{63 а)}, сложать голову на плашку на липовую, да по плечи отсѣкутъ буйну голову»^{63 б)}.

саетъ Гургу о земь и скачетъ назадъ; его настигаютъ враги, происходитъ бой, — Хонгоръ начинаетъ уже изнемогать; но обращается съ мольбой къ золотому талисману, полученному имъ отъ великаго Ламы. Силою этой молитвы Джангаръ узнаетъ, что Хонгору приходится плохо, онъ спѣшитъ къ нему на выручку. 72 мѣсяца длится бой его съ войсками Гурги; Алтанъ-Цедши бьется всрединѣ, Джангаръ въ правой рукѣ, Хонгоръ въ лѣвой. Дѣло кончается полной побѣдой надъ Гургой. (Стасовъ, 672.—Bergmann, *Nomadische Streifereien unter den Kalmucken*, Riga 1805, IV. 190). Въ нашихъ пѣсняхъ Илья Муромецъ является товарищемъ, не только Ермаку Тимофеевичу, но и Стенькѣ Разину (Сахаровъ, Сказ. Русск. Нар., I. 245).

⁶²⁾ Такую же яму, наполненную копьями и мечами, приказалъ вырыть Кабульскій царь; Рустемъ съ своими воинами попалъ въ нее и погибъ тамъ со всѣми конями (Стасовъ, 674.—Mohl, IV. 705).

⁶³⁾ Такія же слова говорятъ въ пѣсняхъ: Кн. Пожарскій Крымскому хану (Сахаровъ, Сказ. Русск. Нар., I. III. 258) и Краснощековъ Левенгаупту (тамже, 242). Тоже самое рассказывается въ другомъ пересказѣ про Царице поганое и Владимірова богатыря Михайлу Данильевича (Рыбн. III. 111).

^{63 а)} По замѣчанію П. Витовтова, здѣсь упоминается Куликово поле Петербургское, на которомъ рубили головы при Петрѣ; отъ этого поля вѣроятно вышла и пословица: ступай къ черту на кулички.

^{63 б)} Подобную же хитрость употребилъ царь Соломонъ, попавшись въ

Показалось то слово Батью, и приказалъ онъ вывести Илью на поле Куликово; и взмолился Илья угоднику Николаю: «погибаю я за вѣру христіанскую!» И прибыло у него силы вдвое; схватилъ онъ за ноги татарина, да и началъ около себя помахать; и тутъ подскочилъ къ нему его вѣрный конь; сѣлъ на него Илья и побилъ онъ татаръ чуть не до одинаго (Кир. IV. 46)^{63 в)}.

Пересказъ 5-й: Подступаетъ къ Киеву Мамай съ девятью сыновьями, девятью дочерьми, и девятью зятьями; даетъ онъ Владимиру сроку на три дня; послѣ этого срока, начинаетъ драться съ татарами племянникъ Ильи Ермакъ Тимоѳеевичъ; бьется онъ ровно двѣнадцать дней, — тутъ уже подоспѣваютъ къ нему и прочіе богатыри съ Ильєю Муромцемъ, и побиваютъ Мамаевы полчища (Кир. I. 63).

Пересказъ 6-й: Ермакъ и Бабица Мамашина. Послѣ побѣды надъ Калиномъ царемъ богатырей спровадили потѣшаться на Куликово поле; въ Киевѣ имъ жить не приходится: «разгуляются, распотѣшатся, стануть всѣхъ толкать, народу не вытерпѣтъ, — котораго толкнуть, — тому смерть да смерть».

На Куликовомъ полѣ приѣзжаетъ къ богатырямъ *Бабица Мамашина*; головеще у ней съ дощанище, глазища съ пивные корцы⁶⁴⁾. Вызываетъ она богатырей: «вы де побили всю нашу

плѣнь къ царю Китоврасу (или же Пору). Когда Китоврасъ приказалъ повѣсить его, то Соломонъ упросилъ устроить ему казнь торжественную на полѣ; вѣходя на висѣлицу, Соломонъ просить позволенія поиграть на трубѣ; по первой трубѣ войско Соломоново въ Иерусалимѣ сѣдлаетъ коней; по второй садится на коней, а по третьей скачетъ въ Китоврасово царство и выручаетъ Соломона (Изд. общ. любит. древн. письмен., № XV, 1876).

^{63 в)} Точно такъ, когда по приказу Салтана Салтановича повели Бову на висѣлицу, тридцать юношей за правую руку, тридцать за лѣвую, и увидѣлъ Бова рели и петлю, пролезился, и сказалъ самъ себѣ: «какая моя неправда, за что погибаю!» И вложи Богъ мысль въ его сердце, чтобы онъ сильный и славный богатырь не погибъ, и трахнулъ Бова правою рукою и тридцать юношей убилъ, и побегалъ отъ задонскаго царства (I. 98). Въ другомъ мѣстѣ въ бою его съ Полканомъ богатыремъ помогаетъ Бовѣ Королевичу его конь. (I. 106).

⁶⁴⁾ *Дощанище* = чанъ; *дощаники* = лодки изъ легкихъ досокъ, на которыхъ возвращались, въ былое время, волжскіе бурлаки, послѣ ляточной тяги. У огородниковъ дощаниками называются лари, съ квашеной капустой, зарытые въ землю. Корецъ = большой деревянный ковшъ; тоже хлѣбная мѣра поменьше гарница.

силу Мамаеву, и царя моего убили, счастье ваше, что меня тогда съ нимъ не было; выходите-ка теперъ со мной биться, да по одному, а всѣмъ вамъ вдругъ биться нечестно». Хотѣлъ было порасправиться съ нею Илья Муромецъ, да не допустилъ его къ тому молодой Ермакъ Тимоѳеевичъ: пошелъ самъ на Мамаишну; и бились они съ ней двѣнадцать дней, и сталъ было Ермакъ изнемогать, — да научилъ его Илья, какъ надо бабу бить: за бѣлы груди схватить, да о сыру землю бросить. И послушалъ дядю Ермакъ, и убилъ Бабицу (Кир. I. 66).

Пересказъ 7-й: Соколъ корабль. Тридцать лѣтъ гуляетъ по морю по Хвальнскому *Соколъ корабль*, тридцать лѣтъ (13 лѣтъ, — Кир. I. 40) онъ на якорѣ не стаивалъ; хорошо Соколъ корабль разукрашенъ, бока его сведены по звѣриному, носъ да корма по змѣиному, на кормѣ править Полканъ богатырь, а всѣмъ кораблемъ Илья Муромецъ. На Ильѣ кафтанъ (Кир. I. 40, рудожелтой камки); пуговицы золотыя, а на каждой пуговкѣ по лютому звѣрю, по заморскому льву; онъ по кораблю похаживаетъ — тросточкой по пуговкамъ поваживается. И напали на Соколъ корабль разбойники, горскіе Татары съ Калмыками: повелъ Илья по пуговкамъ тросточкой, пуговицы разгремѣлися, лютые львы разревѣлися, а разбойники съ испугу разбѣжались (Кир. I. 22).

Въ другихъ пересказахъ атаманомъ на кораблѣ былъ Святогоръ богатырь, а подъ-атаманомъ Илья Муромецъ, и нападаетъ Соколъ корабль на Турецкой флотъ (Кир. I. 23). Или же: командуетъ кораблемъ Симеонъ богатырь, да второй богатырь Илья Муромецъ; на кораблѣ этомъ устроено было два торгова, да четыре кабака (Кир. I. 40).

Пересказъ 8-й: Савишина. Собиралъ князь Владиміръ войско на *Загорскаго Тугарина Белевича*⁶⁵⁾; и порѣшили бояре, что рать

⁶⁵⁾ По замѣчанію П. В. Безсонова, Тугаринъ почти несомненно Половецкій князь Тугорканъ, у котораго Святополкъ Михаилъ взялъ въ замужество дочь, и на внука котораго Мономахъ женилъ своего сына Андрея. Онъ убитъ въ битвѣ противъ русскихъ, и похороненъ въ Киевѣ. Въ Лаврентьевской лѣтописи объ этомъ событіи говорится подъ 1096 годомъ: Святополкъ и Владиміръ побили Половцевъ, «и князя ихъ убиша Тугоркана, и сына его и ини князи...

поведетъ на врага Илья Муромецъ; и послали гонца къ нему, чтобы спѣхомъ спѣшили въ Кіевъ. Въ тѣ поры Илья на охотѣ далече полеваль; дома случилась только молодая жена его Савишна. Выслушала она княжескій наказъ, и говоритъ гонцу: «ты гонецъ назадъ бѣги, а Илья будетъ за тобой»; а сама одѣлась въ платье богатырское и поскакала къ Кіеву; повела рать противъ Тугарина и разбила его на голову; убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскіе, проклиная богатыря Илью Муромца; а богатырь Илья Муромецъ знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, кто за него бился съ Тугариномъ (Кир. I. 58).

11. Бой Илья Муромца съ сыномъ и съ дочерью. Промежъ Кіева и Чернигова стояла руская застава⁶⁶⁾, атаманомъ на ней былъ Илья Муромецъ, подъ-атаманомъ Добрыня Никитичъ (или Дунай Ивановичъ. — Кир. I. 52), есауломъ Алеша Поповичъ; еще были у нихъ богатыри: Гришка боярскій сынъ, да Васька Долгопольй (Кир. I. 51); еще семь братьевъ Грядовичей или Збродовичей, мужики Залешане, Потыкъ сынъ Ивановичъ (Рыбн. I. 75) и два брата Агрикановы (Рыбн. II. 346)^{66 а)}. И завидѣли богатыри

Назавтра же налѣзоша Тугоркана мертвого и взя и Святополкъ акы тѣсти своего и врага, и привезше и къ Кіеву погребоша и на Берестовѣмъ, межю путемъ идущимъ на Берестовъ и другимъ въ монастырь идущемъ» (Кирѣев. IV. CXVI).

⁶⁶⁾ Слово застава, «еже есть сторожевой постъ», встрѣчается въ Никоновской Лѣтописи подъ 1367 годомъ (IV. 21); но употребленіе сторожевыхъ пограничныхъ ставокъ извѣстно было гораздо ранѣе; такъ въ сагѣ объ Олафѣ Тригвазонѣ видимъ, что этотъ Норманъ служилъ у Владиміра начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ (*Antiquités Russes*, I. 278). И въ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ не разъ упоминаются *сторожи* въ томъ же смыслѣ (Л. Майковъ: О былинахъ, 79).

^{66 а)} Агриканъ богатырь упоминается въ сказкѣ о Добрынѣ Никитичѣ (I. 24); кромѣ того, въ житіи Петра и Февроніи Муромскихъ говорится о мечѣ (а не о копѣѣ) Агриковомъ. Этотъ мечъ принадлежалъ древнему герою Агрику, былъ завѣщанъ имъ народу и заложенъ въ стѣну храма; Петръ Муромскій добылъ этотъ мечъ, и убилъ имъ змѣя дьявола, летавшаго въ образѣ брата Петрова на ложе снохи его. Сказаніе это находится во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка. Въ печатные Миней и Прологи оно не вошло (Снегиревъ: Лубочн. карт., М. 1861, 96; Рыбн. II. XXV). Чулковъ упоминаетъ о могилѣ Агрикана: «сей курганъ или холмъ виденъ днесъ и находится верстахъ въ трехъ отъ Оренбурга, въ правой сторонѣ, ѣдучи къ сему городу отъ Казани (Русск. сказки, I. 108).

разъ, мимо ихней заставы богатырь жидовинъ проѣхалъ; стали совѣтъ держать кому за Нахвальщикомъ ѣхать⁶⁷⁾; Гришка — рода боярскаго, боярскіе роды хвастливые, на бою — дракѣ призахвастается; послать Алешу Поповича, — Алешенька рода поповскаго, поповскіе глаза завидушіе, поповскія руки загребушія; увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ золото, — золоту позавидуетъ, погибнетъ Алеша понапрасному (Кир. I. 51). Залешане — мужики «бѣда дремать», продремлютъ богатыря въ чистомъ полѣ; послать Сбродовичей, — ребята они молодые, ни за что погибнуть ихъ головушки; послать Ваську Долгополага, — «у Васьки полы долгія, ходитъ по землѣ заплетаются, на бою погибнетъ по напрасному».

Рѣшили послать Добрыню Никитича; однако Добрыня испугался, увидѣвъ Нахвальщика, вернулся назадъ на заставу, рассказываетъ, что Нахвальщикъ хвастается:

«Коль легко я верчу острымъ копьемъ,
Толь легко буду вертѣть Ильей Муромцемъ» (Кир. I. 53).

Бѣдитъ Нахвальщикъ по полю и требуетъ себѣ поединщика⁶⁸⁾. По одной сибирской пѣснѣ драться съ Нахвальщикомъ, Борискомъ, ѣдетъ Алеша Поповичъ; Бориска схватилъ его за руки и такъ

⁶⁷⁾ Этотъ Нахвальщикъ, сынъ Илья Муромца, носитъ въ пересказахъ множество разныхъ названій: Татарченкокъ (Кир. I. 2, 3, 5), Борисъ Козловъ (Кир. I. 6); Соколыничекъ, сынъ Илья отъ бабы Латымирки изъ орды (Рыбн. I. 79), сынъ Семигорки бабы Владимірки (Гильф. 626); сынъ бабы Латыгорки (Кир. II. 17), Семигорки (Рыбн. II. № 34); Соловниковъ, сынъ Настасьюшки изъ за синя моря (Рыбн. I. 84); Петръ Царевичъ, или Васька, сынъ старой дѣвки Сиверьяничны (Гильф. 1085; Рыбн. III. 59); Збуть Борисъ Королевичъ или Бориска, сынъ короля Задонскаго и тоже сынъ Илья Муромца (Кир. I. 13), Бориска, сынъ Илья отъ поленицы Авдотьи Горынчанки, которую Илья одолѣлъ въ бою; славное Аполонище, онъ же сынъ дѣвки Сиверьяничны изъ Золотой Орды (Гильф. 1151). Ему показано 12 лѣтъ, точно такъ какъ и Зорабу (Рыбн. I. № 13).

⁶⁸⁾ Требовать поединщика на единоборство — было въ обычаѣ у русскихъ издревле. Левъ Діаконъ рассказываетъ, что во время схватки русскихъ съ греками, вождь русскій выѣхалъ впередъ, на средину, и махая копьемъ, сталъ вызывать грековъ на единоборство (Чертковъ, Описаніе войнъ В. К. Святослава, стр. 45).

отетегаль шелепугой⁶⁹⁾, что Алеша насилу до заставы добрался (Кир. I. 9).

Пришлось ѣхать самому Ильѣ Муромцу; догналъ онъ Нахвальщика, и начали они драться, — сперва палками, потомъ саблями и наконецъ въ рукопашную. Три дня боролись они, и на третій день поборолъ Нахвальщикъ Илью. И сталъ говорить Илья такое слово: «неладно у Святыхъ отецъ написано, неладно у Апостоловъ удумано было, не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому, а теперь Илья подъ богатыремъ» (Кир. I. 51). И сталъ Илья молиться Спасу и Богородицѣ, обѣщая служить до смерти за церкви Божія и вѣру крещеную (Кир. I. 54)⁷⁰⁾. И лежучи, у Ильи втрое силы прибыло; спибу онъ съ себя Нахвальщика, повалилъ его и отсѣкъ ему голову (Кир. I. 51).

По другимъ пѣснямъ Илья допрашиваетъ Нахвальщика, кто онъ; оказывается, что Нахвальщикъ его сынъ Сокольникъ отъ Омелфы Тимошеевны⁷¹⁾, она же баба Латыгорка⁷²⁾ (Кир. II. 17) Илья отпускаетъ его съ поклономъ къ матери; но Сокольникъ недоволенъ тѣмъ, что *по примѣтамъ онъ вышелъ въ . . . . . ъ или зауольничекъ*; отрубилъ онъ матери своей голову⁷³⁾; потомъ вер-

⁶⁹⁾ *Шелепуга* или *шелепъ* — плеть изъ толстаго ремня, а также изъ куска пеньковаго каната (См. просьбу монаховъ; прим. къ № 174).

⁷⁰⁾ Это обѣщаніе напоминаетъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи о боѣ Мстислава съ богатыремъ Редедю: «И ястася бороти крѣпко, и на долѣ борючимася има, нача изнемогати Мстиславъ, бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мстиславъ: «о пречистая Богородица! помози ми аще бо удалю сему, сзижю церковь во имя твое». И се рекъ удари имъ о землю и вонзе ножь, зарѣза Редедю» (Полн. собр. лѣтоп. I. 63). Рустемъ (въ Шахъ Наме), отражая нашествіе туранцевъ на царство Кей Кауса, тоже обращается съ воззваніемъ къ божеству; сила его увеличивается, и онъ побѣждаетъ непріятели (Славянск. 656).

⁷¹⁾ Имя Омелфы Тимошеевны въ былинахъ носятъ еще: мать Василья Буслаева и мать Добрыни Никитича (Рыбн. II. 13).

⁷²⁾ Въ Псковской лѣтописи упоминаются народы Латыгора: «бѣ бо Псковичи подвели нѣмцы Чюдъ и Латыгору (Латыши?) и Любъ» (Полн. собр. лѣтопис. IV. 178; О. Буслаевъ, Разборъ сочин. на XIV премію гр. Уварова, 82). См. примѣчаніе о значеніи слова Алюторецъ.

⁷³⁾ О. Миллеръ сопоставляетъ этотъ мотивъ съ рассказомъ средневѣковой германской поэмы *Ottrut*. Въ поэмѣ однакоже богатырь только хотѣлъ съечь мать за то, что она не была вѣрна своему мужу и родила его, богатыря, незаконно; но потомъ былъ отвлеченъ отъ своего намѣренія (Илья Муромецъ, 21).

нулся, чтобы убить Илью Муромца; напалъ на него спящаго; но саблей ударилъ прямо въ тѣльной крестъ Муромца; проснулся Илья, схватилъ Сокольникъ головой подъ пазуху, и задушилъ⁷⁴⁾. Въ другой пѣснѣ:

«Подбросилъ его подъ облаки,
И назадъ его не подхватывалъ,
И предалъ ему смерть скорую,
И самъ говорилъ таково слово:
«Два чада на вѣку было спорожено,
Да и тѣмъ отъ своихъ рукъ смерть предана» (Рыбн.
III. 59)⁷⁵⁾.

Въ другихъ пересказахъ, вмѣсто нахвальщика — сына Ильи, выведена его дочь, удалая Поленица; всѣ богатыри отъ нея на утекъ; самъ Илья, отправляясь съ нею драться, потрухиваетъ и проситъ богатырей, если съ нимъ случится безвременье, чтобы поспѣшили къ нему на выручку. Послѣ драки на разныя манеры, сталъ Илья съ Поленицей бороться; подошла къ нему Поленица, *подхватила его на косу бедра* (т. е. на бедро), *здынула выше головы* и повалила подъ себя на землю. Точно такъ какъ и въ рассказѣ о Нахвальщикѣ, Илья сбиваетъ съ себя Поленицу, и хочетъ расплатать ее⁷⁶⁾, но узнаетъ, что она незаконная дочь его отъ

⁷⁴⁾ Рассказы о встрѣчѣ и боѣ отца съ сыномъ, незнающихъ вначалѣ другъ друга, попадаются въ нѣмецкой пѣснѣ VIII вѣка (о Гильтебрантѣ и Гадрубатѣ), а также и въ Кельтскихъ и Персидскихъ повѣстяхъ; они подробно разобраны въ 1-й главѣ изслѣдованія О. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ и у Рембо (*La Russie épique*, 183). Такой же рассказъ находится и въ нашей сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ (I. 70). Развязка въ пѣснѣ о Гильтебрантѣ не дошла до насъ; въ другихъ нѣмецкихъ поэмахъ развязка счастливая. У Фирдоуси бой Рустема съ сыномъ его Зорабомъ оканчивается трагически. Въ нашихъ былинахъ трагическіе концы преобладаютъ. У Гильфердинга такой же бой происходитъ между двумя королевичами изъ города Крякова, изъ села Березина, родными братьями Лукою и Васильемъ Петровичами; они узнаютъ другъ друга только по окончаніи боя, когда Лука Петровичъ одолѣлъ Василья Петровича (956).

⁷⁵⁾ Должно полагать, что подъ двумя чадами разумѣются здѣсь Нахвальщикъ и Поленица, незаконные сынъ и дочь Ильи Муромца.

⁷⁶⁾ Пластаніе и вырѣзываніе сердца — исконный обычай въ Скандинавской жизни (О. Буслаевъ. Разб. 12 Уваров. преміи, 70). Въ восточной сказкѣ

вдовы калачницы «изъ темной орды, хороброй Литвы» (Рыбн. I. 73; или изъ земли Тальянской.—Гильф. 466). Тогда говоритъ ей Илья Муромецъ:

«Выхаживаль дани—выходы отъ князя Владиміра,
И жилъ я у твоей родителя у матушки,
Спаль я на кровати, на тесовыя,
На той на перинкѣ на пуховой,
У нея у самой на правой рукѣ».

Илья отпускаетъ ее на волю; но Поленица, точно такъ какъ и Нахвальщикъ; *пораздумалась*, что де ее Илья назвалъ вы... кой. а мать ея б...ью; задумала она убить спящаго Илью; ударила она его рогатиной въ грудь, да и попала прямо въ чудный крестъ, что висѣлъ у Ильи на воротѣ; пробудился Илья, схватилъ Поленицу, разорвалъ ее на двое, разрубилъ на мелкія части, скормилъ сѣрымъ волкамъ, да чернымъ воронамъ (Рыбн. I. 78).

12. **Дополнительные разказы о встрѣчахъ Ильи Муромца съ разными богатырями.**

А. Богатыри Илья да Добрыня, да старая сѣдая Калика стали дѣлить между собою животы; и сталъ Калика дѣлить на четыре части. «Кому это ты четвертую часть мѣтишь?»—спрашиваетъ его Илья; «а тому, кто бѣлъ горючъ камень черезъ плечо перекинетъ», отвѣчаетъ Калика⁷⁷⁾. И стали богатыри подымать камень: поднялъ Илья по колѣна,—по колѣна увязъ въ землю; поднялъ Добрыня до пояса,—по поясъ ушелъ въ землю^{77 а)}; а Калика сѣдая (или старчище пиригримище,—Рыбн. II. 77) взялъ

о Ерусланѣ тоже рассказывается, что «вспороль Ерусланъ у Зеленаго царя могучую грудь» (Тихонрав. Лѣтоп. III. 118).

⁷⁷⁾ По другому пересказу: тому, кто изъ камня сдѣлаетъ богатыря Михайлу. И говоритъ Илья Муромецъ Каликѣ: «если сдѣлаешь изъ этого камня богатыря, бери себѣ всѣ животы; намъ ничего не надо» (Рыбн. II. 69).

^{77 а)} Сравните разказъ о сумочкѣ, въ которой земная тяга была и которую Святогоръ не могъ съ земли поднять. Разказъ о сумочкѣ напоминаетъ легенду о св. Христофорѣ, который переносилъ Христа черезъ рѣку и подъ тяжестью его (которая все болѣе и болѣе увеличивалась) такъ согнулся, что чуть было не утонулъ (Wollner, 81).

камень съ одного конца, да черезъ плечо его и перекинулъ; камень ударился объ землю, лопнулъ, и выскочилъ изъ него богатырь Потыкъ Михайловичъ (котораго туда королевична Марья лебедь бѣлая засадила.—Гильф. 200).

Б. Дюкъ Степановичъ, ѣдучи въ Кіевъ, встрѣтилъ въ полѣ шатеръ⁷⁸⁾, и сталъ вызывать богатыря на бой; но узнавъ, что въ шатрѣ былъ Илья Муромецъ, поклонился ему до земли: «одинъ де на Руси могучъ богатырь Илья Муромецъ, кто смѣетъ съ нимъ поборотися, тотъ боками отвѣдаетъ матки травы». Полюбилась эта рѣчь Ильѣ, и говоритъ онъ Дюку: «если на тебя въ Кіевѣ стануть люди налегать, то пиши грамотку, да припечатавъ къ стрѣлѣ, пусти въ часто поле; соколъ мой принесетъ мнѣ ту стрѣлу и помогу я твоему горю».

Въ Кіевѣ Дюкъ очень ужъ расхвастался своимъ житемъ-бытиемъ въ Галичѣ и богатствомъ своей матери (Емерфы Тимоеевны.—Рыбн. III. 165); не полюбилось то Чурилѣ Пленковичу, и вызвалъ онъ Дюка щипить — басить (щеголять) по Кіеву три года, кто кого перещипитъ, поставивъ съ проигравшаго зарокъ 500 рублей. По Чурилѣ поручился весь городъ; а по Дюку никто не поручился; и вызвалъ онъ стрѣлою Илью Муромца; поручился Илья за него своимъ конемъ и головою. И перещипилъ Дюкъ Чурилу Пленковича (Рыбн. III. 158). Въ другой разъ побились Дюкъ съ Чурилой скакать на коняхъ черезъ рѣку Днѣпру,—кто не перескочетъ тому рубить голову. Перескочилъ Дюкъ,—проигралъ Чурилу; но Илья Муромецъ не далъ рубить ему головы (Рыбн. II. 145, 150, 183).

В. Когда у Добрыни была драка съ бабой Горыинкой, и Добрыня уже сталъ ослабѣвать, тогда Илья подоспѣлъ къ нему и научилъ его какъ съ бабой драться; «по титкамъ бей да подъ г...но» (Гильф. 1096). По этому рецепту Добрыня покорилъ бабу

⁷⁸⁾ Шатры извѣстны въ военномъ обиходѣ русскихъ съ давняго времени; въ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ упоминается за диво, что Святославъ не имѣлъ шатровъ во время похода (Поли. собр. лѣтопис. I. 27). Шатеръ у Ильи Муромца былъ съ золотыми кистями; у другихъ богатырей шатры были простые (Рыбн. I. 117).

Горынинку. Повела она богатырей показывать свои сокровища, которыя были спрятаны въ глубокомъ погребцѣ; покуда Илья отвернулся отъ Добрыни высматривать сокровища,— не стерпѣлъ Добрыня и, несмотря на запретъ Ильи, отрубилъ бабѣ голову (Рыбн. I. 15).

Г. П. В. Безсоновъ приводитъ еще слѣдующій рассказъ: Ъздилъ Илья съ Добрыней и съ Алешей, наѣзжаютъ они на диво-невеличку; поборолся съ нимъ Илья; невеличка помялъ ему бока, такъ что Муромецъ крикнулъ: «невеличка», говоритъ, птичка, а носокъ востеръ» (Кир. I. XXXIV)^{78 а)}.

Д. У Гильфердинга есть пѣсня, въ которой Илья Муромецъ миритъ подравшихся богатырей Добрыню и Алешу Поповича (Гильф. 246; см. ниже въ сказаніяхъ о Добрынѣ).

^{78 а)} Этотъ рассказъ напоминаетъ встрѣчу Еруслана Лазаревича съ старымъ человѣкомъ, который единымъ духомъ сдулъ его съ коня и положилъ на сырую землю (I. 72). Вообще нельзя не обратить вниманія на необыкновенное сходство многихъ подробностей рассказовъ о Ерусланѣ Еруслановичѣ въ нашей лицевой сказкѣ (№ 10) съ таковыми же въ былинахъ, распѣваемыхъ объ Ильѣ Муромцѣ. Уходя изъ дома, Ерусланъ беретъ себѣ точно также, какъ и Илья, *коростовую* клячу (I. 44); на коня своего надѣваетъ *седльце черкасское*, а въ руку беретъ *плетку шелковую* (45); точно также называетъ коня: *о несмтая кляча* (46) и бьетъ его по *крутымъ бедрамъ* (48). Царь Картаусъ говоритъ Еруслану тѣже слова, что Владиміръ Ильѣ Муромцу: «бери себѣ, что тебѣ угодно, мѣсто тебѣ противъ меня, а другое подлѣ меня, а третье, гдѣ самъ хочешь» (53 и 63); но Ерусланъ, по примѣру Ильи, не захотѣлъ въ царствѣ Картауса жить, а поѣхалъ казаковать (53). Ивашка бѣлая епанча, мимо котораго 30 лѣтъ никакой человѣкъ *не проѣзживалъ* и никакой звѣрь *не прорыскивалъ* и птица *не пролетывала*, и который былъ сбитъ Ерусланомъ съ коня и упалъ на землю *какъ овсяный снопокъ* (55), положительно напоминаетъ исторію Соловья разбойника; точно также какъ бой Еруслана съ сыномъ напоминаетъ бой Ильи Муромца съ Нахвальщикомъ. Битва Еруслана съ трехглавымъ змѣемъ, котораго онъ сначала пощадилъ, а потомъ убилъ, очень сходна съ битвой съ змѣемъ другого богатыря Добрыни Никитича (66). Сравните тоже эпизодъ о встрѣчѣ Еруслана съ человѣчкомъ-невеличкой съ рассказомъ о томъ, какъ Илья Муромецъ встрѣтился съ невеличкой съ ноготокъ. При этомъ однако замѣчу, что подробности эти выбраны изъ лицевой сказки позднѣйшаго изданія, во многомъ несходнаго по редакціи съ болѣе древнимъ спискомъ сказки, (напечатанной въ лѣтописяхъ Тихонова); такимъ образомъ составитель лицевой сказки заимствовалъ для нея подробности изъ былинъ сказителей; а можетъ быть и сказители дѣлали *заимствованія* изъ готовой, напечатанной сказки, которую случалось мнѣ видѣть въ ихъ рукахъ въ немаломъ числѣ экземпляровъ.

Е. Въ одной былинѣ рассказывается, какъ Илья Муромецъ встрѣтилъ въ полѣ разѣздную походную красную дѣвицу, которая ему жаловалась, что была де она прежде дочь гостинная, а бѣжала съ новыхъ сѣней отъ того «Олѣши Поповича, отъ насмѣшника пересмѣшника»; на это Илья отвѣчаетъ ей: «чтожъ ты это мнѣ давно не сказала, ябы съ Олѣши снялъ буйную голову» (Кир. I. 5).

Ж. К. Аксаковъ слышалъ слѣдующее преданіе объ Ильѣ Муромцѣ: «когда Илья, взявъ благословеніе у отца и матери, пустился въ путь, по направленію къ Кіеву, то, слѣдуя по берегамъ Оки, встрѣтилъ онъ въ узкомъ мѣстѣ богатыря (помнится Зюсю, по имени), который одинъ тащилъ разшиву. «Съ дороги!» кричалъ богатырь. Обидно показалось Ильѣ; онъ не далъ дороги, а схватилъ богатыря въ руки и кинулъ вверхъ, и потомъ опять подхватилъ его на руки, и поставилъ на землю. Богатырь, пока летѣлъ вверхъ и падалъ внизъ, успѣлъ сказать сто разъ: «виноватъ Илья Муромецъ, впередъ не буду» (Кирѣв. I. XXX)⁷⁹⁾.

13. Смерть Ильи Муромца рассказывается по былинамъ въ слѣдующихъ пересказахъ:

А. *Илья просто пропалъ безъ вѣсти*: «Илья то тутъ былъ и нѣтъ, нѣтъ ни вѣсти, ни повѣсти, нынѣ и до вѣку» (Кир. I. 86).

Б. Приѣзжаетъ старый въ Кіевъ градъ, къ пещерамъ Кіевскимъ, и прилетѣла невидимая сила ангельская, и взидала его съ добраго коня, и заносила въ пещеры Кіевскія; и тутъ *старый опочивъ держалъ* (Гильф. 313). Илиже: «самъ заѣхалъ въ пещеры въ глубокія, тамъ и преставился; понынѣ теперь его мощи нетлѣнныя» (Гильф. 1204).

В. Какъ соорилъ Илья церковь Индѣйскую, да какъ началъ строить церковь Пещерскую, *тутова старъ и окаменѣлъ* (посхимился?—Кир. I. 89; IV. 52). Одинъ пѣвецъ рассказывалъ г. Хари-

⁷⁹⁾ Германскій Торъ тоже подбрасываетъ врага кверху и подхватываетъ его на лету.

тонову, что въ Кіевѣ и теперь еще есть огромная *окаменѣвшая фигура* Ильи Муромца (Кир. IV. 52)⁸⁰).

Г. Разъ въ бою съ Калиномъ царемъ прирубили богатыри всѣхъ татаръ, и подумалъ старый козакъ Илья Муромецъ: «если бы была вся сила небесная, прирубили бы и всю силу небесную». И не прошла ему эта похвальба мимо, — разгорѣлись сердца богатырскія: разрубить татарина одного, — сдѣлается два; разрубить двоихъ, — сдѣлается четыре⁸¹); умножилось въ полѣ войска поганого. И рубилъ его Илья Муромецъ, и *перестылся* (надорвался), и *закаменѣвши конь его* богатырскій на этомъ полѣ чистомъ (Рыбн. I. 119). «И сдѣлались мощи да святыи, да со стара».

Въ Сибирской пѣснѣ, похвальные слова говорятъ не Илья Муромецъ, а Алеша Поповичъ; и какъ онъ промолвилъ слово неразумное, такъ и явились двое воителей, «давайте», говорятъ,

⁸⁰) Въ малороссійской сказкѣ *прекращеніе* богатырей разсказывается иначе: *последній богатырь* былъ взятъ въ рекруты и поставленъ на караулъ ко дворцу; надоѣло ему держать ружье на плечо, — взялъ онъ пушку, да и спитъ себѣ; увидалъ его царь и смекнулъ, что это былъ богатырь; струсивъ его силы, приказалъ онъ богатыря того заковать въ цѣпи и посадить въ подземелье; такъ и кончился послѣдній богатырь (Драгомановъ: Древн. и Новая Россія 1875, № IX). По Смоленской легендѣ в. муч. Георгій, въ ночь на Ивана купала, окаменилъ дѣвицъ и женъ, собиравшихся на бѣсовское сборище: «и быша окаменѣни вси, иже ту обрѣтшися, аки люди стоящи, на полѣ томъ (около Смоленска) видими суть и доньшѣ, въ наказаніе намъ грѣшнымъ еже тако не творити» (Цвѣтникъ 1665 г. въ Синод. Типогр.: О. Буслевъ, Журн. Мин. Нар. Пр. 1871. Апр., 224). Каменные люди, какъ межевые знаки, упоминаются въ Книгѣ Большаго Чертежа: «а на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ человекъ каменный и у него кладутъ изъ Бѣлграда станичники доѣздныя памяти, а другія памяти кладутъ на высотѣ и у дву дѣвокъ каменныхъ, а отъ каменнаго человека до Самары версть съ 80 (тамъ же, 234). Въ Крыму сохранилось много легендъ объ окаменѣннхъ людей и животныхъ. Подъ пещернымъ городомъ Качи—Кальномъ, недалеко отъ Бахчисарая, стоятъ на виду два одинокіе камня очень любопытной формы; преданіе говоритъ, что это превращенныя въ камень мать и дочь. См. примѣры обращенія въ камни у Аванасьева, въ его: Поэтич. возр. слав., II. 676.

⁸¹) Такъ точно у Лернейской Гидры вмѣсто одной отрубленной (Геркулесомъ) головы, вырастаетъ двѣ, — замѣчаетъ О. Миллеръ (Илья Муромецъ, 791). Въ разсказахъ Ардши Бордши, царь Викрамидитіа бьется съ бѣсами, которые размножаются отъ каждаго удара его, точно такъ какъ и въ нашей былинѣ; но Викрамидитіа и самъ начинаетъ *умножаться* и выпускаетъ по льву противъ каждаго бѣса (Rambaud, 82).

«богатыри съ нами драться, не глядите, что васъ семеро, а насъ только двое». И завязался бой; налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ пополамъ, и ихъ стало четверо, — бросились другіе богатыри, стали силу колоть — рубить, а сила все растетъ, да растетъ, да на витязей съ боемъ идетъ. Бились витязи три дня, три часа и три минуты, а сила все растетъ; испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры: какъ побѣжитъ витязь къ горѣ, такъ и окаменѣетъ; какъ побѣжитъ другой, такъ и окаменѣетъ; какъ побѣжитъ третій, такъ и окаменѣетъ; съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси (Кирѣев. IV. 114)⁸²).

III. Свѣдѣнія объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о преподобномъ, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ св. Антонія.

Имя Ильи Муромца, какъ преподобнаго, встрѣчается въ двухъ народныхъ картинкахъ духовнаго содержанія, за №№ 1519 и 613. Въ III-й книгѣ нашего изданія, подъ № 1519, помѣщено описаніе тетради съ отдѣльными отпечатками 32-хъ досокъ изъ Кіевскаго Патерика 1661 года и съ 8-ью новыми картинками, отпечатанными въ этой тетради въ первый разъ и невошедшими ни въ одно изъ изданій Патерика. Въ числѣ этихъ восьми картинокъ находится изображеніе преподобнаго Ильи Муромскаго, «іже вселіся», какъ сказано въ надписи, «впещеру пр^л. Антонія

⁸²) Образы нездѣшнихъ воителей, ангеловъ, неразъ являются въ нашей старинной литературѣ, см. Никон. Лѣт. II. 42 и 43, разсказъ о битвѣ Русскихъ съ Половцами на р. Сальницѣ въ 1112 г.; сказанія о Невскомъ побойщѣ, Никон. Л. подъ 1241 г. (III. 13), Лаврент. Лѣт. подъ 1263 г. (Полн. Собр. I. 206); Сказаніе о Меркуріѣ Смоленскомъ въ Историч. Очерк. Буслева (II. 174). Въ Лаврент. Лѣт. подъ 1110 г., по поводу знаменія, бывшаго въ Печерскомъ монастырѣ, записано: «ангелъ приставленъ къ которой убо земли, да соблюдаютъ куюждо землю, аще суть и погани; аще Божій гнѣвъ будетъ на кую либо землю, повелѣвая ангелу тому на кую либо землю, бранью ити, то оной землѣ ангелъ не воспротивится повелѣнью Божью. Яко и се бяхе и на ны навелъ Богъ, грѣхъ ради нашихъ, иноплеменники поганыя, и побѣжахуть ны повелѣньемъ Божиимъ: они бо бяху водими ангеломъ, по повелѣнью Божью» (Полн. Собр. Лѣт. I. 122; Л. Майковъ, 112).

вкѣвѣ. идеже до нѣтъ нетлѣнен пребывает». Преподобный Илья Муромскій представленъ въ ростъ, въ старческомъ возрастѣ, съ воздѣтыми къ небу руками; на плечи его накинута плащъ, которымъ онъ и прикрытъ сзади; спереди же прикрыта плащомъ одна нижняя часть живота преподобнаго. Волосы на головѣ его короткіе; борода средняя, клиномъ; тѣло изнуренное; вокругъ головы вѣнецъ. Сзади преподобнаго, справа—видна церковь, входъ въ пещеры преподобнаго Антонія, и деревья; а слѣва—холмъ и дерево.⁸³⁾

Мощи Ильи Муромскаго и донынѣ почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ (см. № 613 планъ пещеръ 1661 г.). Вопросъ о томъ, составляетъ ли Кіевскій угодникъ, преподобный Илья Муромскій, одно лице съ нашимъ богатыремъ, Ильею Муромцемъ, подвергался изслѣдованію нашихъ ученыхъ, Безсонова, Буслаева, Стасова и Миллера. Въ обширномъ трудѣ этого послѣдняго (стр. 799) сдѣланъ общій сводъ извѣстій и мнѣній по этому предмету. Славянинъ Лассота, бывший въ Кіевѣ въ 1594 году и подробно описавшій въ дневникѣ своемъ его святыни (Tagebuch des Erich Lassota von Steblau. Halle, 1866), упомянувъ о гробницахъ в. к. Ярослава и его супруги, находящихся въ одномъ изъ придѣловъ (capelle) Софійскаго собора, прибавляетъ, что въ другомъ придѣлѣ, внѣ церкви (in einer andern Capelle an der Kirchen ausserhalb), была гробница славнаго богатыря Ильи Муромца (Bohater Elia Morowlin), о которомъ рассказываютъ много басень. По словамъ Лассоты, гробница эта (Begräbniss) въ то время была уже разрушена; а подлѣ, въ той

⁸³⁾ Рѣзавшій эту картинку, монахъ Илья, тезоименитый преподобному, изобразилъ его въ такомъ видѣ съ очевиднымъ желаніемъ отмѣнить святорусскаго богатыря отъ прочихъ печерскихъ угодниковъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ подлинниковъ, образъ Ильи Муромца описывается иначе: «Надсѣдъ, брада Θεодосіева, разохами. Власы съ ушей на плечахъ. Клобукъ чернь. Риза преподоби. Исподъ вохра (Клинцов. подл. XVIII в.: Буслаевъ, Очерки, II. 356). Преподобный Илья Муромецъ упоминается и въ книгѣ о російскихъ святыхъ (Θ. Буслаевъ, разб. 45 прем. гр. Уварова, 82); но самаго житія Ильи не помѣщено, ни въ Минеяхъ Макарія и Дмитрія Ростовскаго, ни въ Прологахъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 799), хотя изображеніе Ильи помѣщено на образѣ печерскихъ святыхъ (подъ № 153; см. прим. къ № 1517).

же часовнѣ, находилась другая гробница, цѣльная, товарища Ильи; по предположенію О. Миллера, это была гробница богатыря Добрыни Никитича. По словамъ другаго писателя, Кальнофойскаго, преподобный Илья жилъ за 450 лѣтъ до его времени, т. е. около 1188 г., и по народному назывался Чеботкомъ (Czobotkiem: Terratourgema lubo cuda, ktore byly tak wsamym swieto cudotwornym monastyru pieczarskim Kyowskim, tako u w obudwa swietych pieczarach. 1638 г. стр. 16 и 70).

Въ Кіевскомъ полномъ мѣсяцесловѣ, подъ 19 декабря, значится: «память преподобнаго отца нашего Иліи Муромца, Чудотворца Печерскаго, въ XII вѣкѣ бывшаго».

Русскій паломникъ 1701 года, отецъ Леонтій, въ запискахъ своихъ о Кіевскихъ святыхъ, пишетъ: «видѣхомъ храбраго воина Илью Муромца, въ нетлѣнии, подъ покровомъ златымъ; ростомъ яко нынѣшніе крупные люди; рука у него лѣвая пробита копіемъ, язва вся знать; а правая его рука изображена крестнымъ знаменіемъ» (Черниговскій Листокъ 1862 г., № 4). На эту руку Ильи Муромца ссылались и составители поморскихъ отвѣтовъ въ оправданіе стараго перстосложенія (IV. № 797); но вслѣдъ затѣмъ, не болѣе какъ черезъ 25 лѣтъ, въ сочиненіи Θεофилакта Лопатинскаго «Обличеніе неправды раскольническія» (Москва, 1745 г.), въ числѣ *благословящихъ и молитвенныхъ* рукъ, представленныхъ *въ обличеніе раскольниковъ*, за подписью соборныхъ старцевъ Кіевопечерскія Лавры, таже рука Ильи Муромца изображена два раза, но уже въ доказательство правоты триперстнаго сложенія (съ надписями: «Прѣбнаго Иліи Муромца рука на ѿворотъ» и «таяжъ рука по верхнему виду»^{83 а)}). Однакоже удостоеніе соборныхъ старцевъ не убѣдило раскольниковъ: былинный сказитель Щеголенковъ сказывалъ Гильфердингу, что раскольники *выправляли* въ Кіевъ довѣренныхъ людей, разузнать, какъ сложены персты въ мощахъ Ильи Муромца; эти люди, воро-

^{83 а)} Такая ссылка сдѣлана была на томъ основаніи, что поморы издавна признаютъ Илью *за древняго святорусскаго богатыря*, по старой вѣрѣ; онъ и въ былинахъ кладетъ крестъ *по писаному*.

тившись, рассказывали, что персты у него растянувши, такъ что не видно, какъ онъ слагалъ ихъ при крестномъ знаменіи (Гильферд. 659).

Всѣ эти данныя приводятъ къ положительному убѣжденію, что народъ нашъ съ давняго времени считалъ святорусскаго богатыря Илью Муромца за одно лице съ преподобнымъ Ильею Муромцемъ, мощи котораго покоились сперва при Софійскомъ соборѣ и перенесены оттуда въ пещеры преподобнаго Антонія еще до 1661 года, и что тождество это признавалось и со стороны церкви; послѣднее видно и изъ того обстоятельства, что изображеніе преподобнаго Илья Муромца было изготовлено для Патерика, и хотя не вошло въ него, точно такъ, какъ не вошло въ него и описаніе сказочныхъ подвиговъ этого святаго, слишкомъ несходныхъ съ обиходными житіями прочихъ преподобныхъ печерскихъ,—но все таки было включено въ тетрадку съ изображеніями этихъ угодниковъ.

IV. Сказанія объ Ильѣ Муромцѣ по западнымъ сагамъ.

Извѣстія объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о русскомъ богатырѣ время Владиміра, встрѣчаются и въ иностранныхъ источникахъ XIII вѣка и даже ранѣе. Въ одной сагѣ, написанной, по видимому, Норвежцемъ, около половины XIII вѣка, основанной на рассказѣ очевидцевъ, жителей Вестфальскаго ганзейскаго города Susat'a (Soest, Susat), и носящей названіе «Thidrekssaga», объ Ильѣ упоминается, какъ о братѣ Владиміра святаго. У Гертнида Холмоградскаго⁸⁴⁾, сказано тамъ, было три сына: Озантриксъ,—король Вильцинланда, Вальдемаръ—король русскій и Ярль Иронъ (Илія) изъ Греціи (Iarl Iron af greka), рожденный отъ наложницы.

⁸⁴⁾ Гертнидъ называется въ другихъ мѣстахъ саги «König der Ruzemänner»; жена его Настасья (Ostacia)—волшебница, Илья русскій называется тоже королемъ.

У этого Ирона былъ сынъ Гертнидъ (Von Riuzen) и дочь Гильдунда⁸⁵⁾.

Въ этойже Тидрексагѣ рассказывается, какъ король Аттила опустошилъ и разорилъ царство короля русскихъ Владиміра (Waldemar van Ruzenmänner). Владиміръ кликнулъ кличъ, чтобы къ нему собирались всѣ, которые могутъ носить оружіе, и, набравъ войско, далъ Аттилѣ большое сраженіе, въ которомъ Ярль его (Iarl König Waldemars von Greka⁸⁶⁾, по другому же списку Von gerseka Borg⁸⁷⁾—ein Blutfreund Königs Wladimir) ударилъ такъ сильно копьемъ рыцаря Гильдельбрандта, что вышибъ его изъ сѣдла. Аттила побѣдилъ таки Владиміра, и взялъ Полоцкъ (Palteskia, Paltisca, Faltisca)⁸⁸⁾.

Въ другомъ мѣстѣ саги рассказывается, какъ Аттила осадилъ Смоленскъ⁸⁹⁾, въ которомъ находился въ то время Ярль Иронъ (Iarl Iron), братъ Короля Владиміра. Ярль, созвавъ воиновъ, сказалъ имъ: «намъ предстоятъ двѣ доли на выборъ—или защищаться до послѣдней крайности и пасть отъ меча Аттилы, или же покориться ему». Сказавъ это, онъ снялъ сапоги съ своихъ ногъ, и босой отправился, въ сопровожденіи воиновъ, въ станъ Аттилы, который благосклонно принялъ его и, по общему совѣту, поставилъ его главою надъ русскимъ царствомъ (Razsmann; S. 323). Въ тойже сагѣ помѣщены и слѣдующія извѣстія о сыновьяхъ Ярла Илья: къ королю Озантриксу (Osantrix, König in Wilcinenland) приѣхали два молодые воина, сыновья его брата Илья (Ilias des Iarls van Greka; ibid., S. 167); ихъ звали: Hertnit и Herdir. Гертнитъ былъ самый прекрасный и самый храбрый

⁸⁵⁾ Müllenhoff: Zeugnisse und Excurse zur Deutschen Heldensage, XXIV. 348; въ XII томѣ: Zeitschrift für Deutsches Alterthum, herausgegeben von Moritz Haupt. Berlin, 1859. Въ этомъ извѣстіи Илья смѣшанъ съ самимъ Владиміромъ.

⁸⁶⁾ Греками называли ганзейцы—русскихъ

⁸⁷⁾ Т. е. Городище города Новгорода.

⁸⁸⁾ Die Sagen Von den Wölsungen... in der Thidrekssaga, von Aug. Razsmann. Hannover, 1858 (S. 315 et 317).

⁸⁹⁾ Въ одной пѣснѣ Илья Муромецъ тоже освобождаетъ Смоленскъ; см. выше стр. 24.

изъ всѣхъ рыцарей; его Озантриксъ сдѣлалъ начальникомъ своей дружины, далъ ему имя (титуль) *Ярла*, которое носилъ его отецъ *Илья*, и большое имѣніе въ Вильциландѣ. Впослѣдствіи Озантриксъ посылалъ Гертнита къ королю Гунновъ Миліусу просить въ супружество его дочь; но Миліусъ отвергъ подарки Озантрикса, сказавъ, что пошлетъ ему за нихъ въ жены своихъ слуганокъ, а не дочь, и заключилъ Гертнита въ темницу (S. 170). Озантриксъ пошелъ войною на Миліуса, побѣдилъ его и взялъ его дочь Оду себѣ въ жены⁹⁰). Отъ нея онъ имѣлъ дочь Ерку, которая впослѣдствіи была похищена вмѣстѣ съ своею сестрою Бертою графомъ Родольфомъ, причемъ Ерка сдѣлалась женою Атиллы, а Берта женою похитителя Родольфа⁹¹).

⁹⁰) Этотъ эпизодъ напоминаетъ, съ одной стороны, лѣтописное сватовство Владиміра на Рогѣдѣ, съ другой—былину о похищеніи Дунаемъ богатыремъ двухъ дочерей короля Етмануйла Етмануйловича, на одной изъ которыхъ, Афросинѣ, женится Владиміръ, а на другой, Настасѣ, самъ Дунай (Кирша Даниловъ, 85). Въ другомъ мѣстѣ саги, про Гертнита (или Ортнида) сказано, что онъ изъ Гортена, сынъ Ильи изъ Новгорода (Nogarden), перешелъ въ Ломбардію, и былъ избранъ королемъ въ Римѣ; при чемъ Гортенъ=Новгородъ смѣшанъ съ мѣстечкомъ Гарда, на озерѣ тогоже имени.

Въ сагѣ Битерольфа, составленной тоже въ половинѣ XIII вѣка, Илья упоминается подъ именемъ «Elias Van Reussen». Мюленгофъ не сомнѣвается, что всѣ эти «Pias van Greka, Iarl Iron, Ilias Van Riuzen и Elias van Reussen», означаютъ одно и тоже лице,—нашего Илью Муромца. Л. Майковъ, раздѣляя это мнѣніе, прибавляетъ, что имя Pias von Riuzen славянское и очевидно взято съ славянскаго разсказа; въ противномъ случаѣ это вѣтхозавѣтное имя, по обще-германскому употребленію, было бы передано словомъ Elias (Былины, 31). Въ сѣверо-германскихъ сагахъ и актахъ имя Ильи упоминается еще ранѣе, въ XII и даже XI вѣкѣ, съ разными прозвищами: «Pias de Entichoven, de Chamera, de Antichoven» (Haupt, S. 350). Наконецъ имя Ильи—Шаха встрѣчается и въ Турецкихъ эпическихъ сказаніяхъ, о чемъ было сообщено г. Смирновымъ на собраніи ориенталистовъ (Голосъ, 1876, № 240).

⁹¹) Наши изслѣдователи по части былинъ дѣлаютъ слѣдующіе выводы о значеніи Ильи Муромца въ средѣ русскихъ богатырей:

К. Аксаковъ. Илья Муромецъ пользуется у насъ общею извѣстностью больше всѣхъ другихъ богатырей; полный неодолимой силы и непобѣдимой благодати, онъ—представитель, живой образъ русскаго народа. Богатырь-крестьянинъ Илья Муромецъ—это величайшая тѣлесная сила, соединенная съ кротостью и силою духа. При томъ Илья—первая *человѣческая* сила, въ противоположность другимъ богатырямъ, которыхъ сила нечеловѣческая, а *стихійная*. Илья составляетъ переходъ отъ этихъ стихійныхъ, старшихъ богатырей къ младшимъ, человѣческимъ (Соч. К. Аксак. I. 368—369). «Нельзя

V. Богатырь Добрыня Никитичъ по сказкамъ.

Наша сказка о богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ (№ 6) перепечатана дословно изъ книги Чулкова: «Русскія сказки» (Москва. Ч. I), съ весьма незначительными измѣненіями, напрямѣръ: вмѣсто «Зимцерлы», въ № 6 поставлена «Заря»; пѣсня (на страницѣ 29) у Чулкова помѣщена въ видѣ примѣчанія, а въ № 6 она напечатана

не замѣтить (говоритъ С. Аксаковъ) приема Ильи, къ которому онъ не разъ прибѣгаетъ въ схваткахъ богатырскихъ: приемъ этотъ—схватить на руки и кинуть вверхъ, а потомъ подхватить и безвредно опустить на землю. Илья бьетъ неохотно, только въ крайнихъ случаяхъ; а гдѣ нѣтъ этой, неприятной для него, необходимости, онъ только показываетъ безародно свою богатырскую силу, чтобы заставить уступить себѣ, чтобъ заставить смириться своего врага: такъ мечетъ онъ вверхъ своихъ противниковъ; такъ, когда нападаетъ на него толпа разбойниковъ, онъ стрѣляетъ не въ нихъ, а въ дубъ, который разлетается въ дребезги,—разбойники падаютъ.

Самый полный сводъ всего, что было гдѣ либо писано и сказано объ Ильѣ Муромцѣ, сдѣланъ О. Миллеромъ, въ его книгѣ: «Илья Муромецъ и богатырство кievское». Разбирая этотъ громадный трудъ, г. Буслаевъ дѣлаетъ о немъ такой отзывъ: «изслѣдованіе г. Миллера, по основательности и полнотѣ и по замѣчательной добросовѣстности, оставляетъ за собою далеко все то, что до сихъ поръ было сдѣлано въ нашей ученой литературѣ по русскому народному эпосу (14-е присуд. наградъ гр. Уварова, стр. 10). Въ своихъ тезисахъ О. Миллеръ приводитъ объ Ильѣ Муромцѣ слѣдующія положенія:

Какъ Владиміръ кievскій служитъ въ эпосѣ *средоточіемъ внѣшнимъ*, такъ *средоточіемъ внутреннимъ, душой эпоса* является у насъ крестьянскій сынъ Илья Муромецъ. Эпосъ отдаетъ ему постоянное, ни въ какомъ случаѣ не колеблющееся предпочтеніе передъ Владиміромъ (полож. 15-е).

Первоначальныя пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ должны были сложиться въ суздальской Руси, куда, вмѣстѣ съ средоточіемъ исторической жизни, могъ перейти и первоначальный кievскій (vladimirovъ) эпосъ. Окончательное слiянiе съ нимъ эпоса суздальскаго должно было происходить подъ влiянiемъ того объединенiя Руси, которое зачалось еще въ суздальскiй, а окончательно совершилось только въ московскiй періодъ (полож. 16-е).

Съ полною объединенностью Руси, доставшеюся нашему эпосу кievскому только отъ московской поры, онъ идеально соединяетъ заботу о ненарушимости свободныхъ порядковъ, сохраненныхъ имъ отъ древней вѣчевой поры. Представителемъ этой заботы, безтрепетно выдерживающимъ грозу осуровившагося, по многимъ былинамъ, князя, какъ и постояннымъ оберегателемъ земщины отъ всякихъ внѣшнихъ враговъ, исторически возникавшихъ на русской землѣ, является Илья Муромецъ (полож. 17-е).

Первенствующее лицо въ нашемъ эпосѣ, Илья Муромецъ, представляетъ такой, выработавшійся вѣками, совершенно живой, вполне удавшийся идеалъ народный, которому ничего соотвѣтственнаго не можетъ представить наша литература, до сихъ поръ отличающаяся замѣчательными со-

въ текстѣ сказки, и т. п. Сказка о Добрынѣ Никитичѣ составлена Чулковымъ изъ разныхъ волшебныхъ повѣстей и не имѣетъ ничего общаго съ старинными русскими сказками и былинами объ этомъ богатырѣ, за исключеніемъ послѣдней части, въ которой описывается битва Добрыни съ Тугариномъ Змѣвичемъ.

Зданіями преимущественно въ отрицательномъ родѣ, съ другой же стороны скорѣе вооружающаяся противъ всего идеальнаго неудачностію своихъ по большей части заоблачныхъ, беспочвенныхъ идеаловъ (полож. 24-е).

Рыбниковъ находитъ, что въ Ильѣ Муромцѣ: Русской народъ выразилъ сознание полноты своей духовной, нравственной и физической силы. Ему на бою смерть не опасна не потому только, что онъ всѣхъ сильнѣе, но потому, что онъ безсмертенъ. Въ Ильѣ сознание силы сливается съ сознаниемъ нравственнаго совершенства и непобѣдимаго мужества. Зная, что онъ всю жизнь стоялъ за вѣру христіанскую, за вдовъ и сиротъ, за народъ, онъ не можетъ усумниться въ себя, въ своей участи. Когда бывалъ побѣжденъ другой богатырь, на него нападаетъ тогда страхъ, или наконецъ онъ готовится къ смерти съ мужествомъ смиренія, страдательнымъ. Когда одолѣли Илью Муромца, когда у него на груди сидитъ побѣдитель, кажется «напугалъ весь какъ лысый бѣсъ», а ни на минуту не падаетъ духомъ и не теряетъ надежды побѣдить: «скопяетъ онъ силу въ одно мѣсто», или «начинаетъ изъ поддobia выглядывать, по плечу себя оружины высматривать» (Рыбниковъ, Пѣсни, I. II). Илья Муромецъ—первой Русскій славный богатырь, старый казакъ Илья Муромецъ (Рыбн. II. 80); одинъ Донской казакъ святой Руси (II. 28 и 30); старинишка Донской казакъ (Кир. I. 18): «не стало атамана Ильи Муромца, помутился тихій Донъ, помѣшалъ весь казацкій кругъ» (Плачъ: Кир. I. 90).

По *Безсонову*: Илья выборный дружины земской и никакъ не членъ дружины княжеской,—а потому представитель всей земли, міра, народа русскаго (Замѣтка П. Безсонова: Кир. IV. XII. XV).

Аванасевъ не признаетъ въ типѣ Ильи идею служенія личности—земству (О. Миллеръ, 34 присуд. Демидов. наградъ. СПб. 1866, 102).

Буслаевъ говоритъ, что «величавая личность Ильи Муромца въ основныхъ своихъ чертаніяхъ, можетъ быть, напоминала идеальные типы полубоговъ, сокрушителей всего зловреднаго на землѣ; можетъ быть, она была снимкомъ съ мифическаго идеала какого-нибудь Перуна, этого громовержца Тора Славянской мифологіи. Но въ эпоху историческую, когда сложился циклъ Владиміровъ, Илья Муромецъ сталъ могущественнымъ представителемъ силъ простаго народа и защитникомъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины. Потому отзываются уже позднѣйшимъ протестомъ всѣ тѣ пѣсни, гдѣ удалой Муромецъ господствуетъ своего физическою силою и своимъ благородствомъ надъ прочими сословіями, гдѣ и князья, и бояре, и гости богатые, и вся родня Алеши Поповича, намѣренно выставляются въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ сравнительно съ его чистою, простонародною личностію. Борьба Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ, также и битва Добрыни съ бабою Горынынкою, могутъ относиться къ первобытному мифологическому эпосу; но

У Сахарова сказка о Добрынѣ Никитичѣ напечатана изъ сборника Бѣльскаго (рукопись XVIII вѣка), съ большими измѣненіями въ языкѣ и самой редакціи⁹²). Сказка начинается съ того, что подъ Кіевъ подступилъ басурманскій богатырь Тугаринъ Змѣвичъ. Калика, по приказу Владиміра, три раза кличетъ кличъ,

сословныя отношенія этихъ двухъ богатырей другъ къ другу внесены въ Владиміровъ циклъ уже гораздо позднѣе. Точно также къ позднѣйшей эпохѣ разлада между классами народа надобно отнести насмѣшки Ильи Муромца надъ прочими богатырями и видимое къ этимъ послѣднимъ презрѣніе. Въ пользу любимой народомъ личности, эпическая фантазія не пощадила даже самаго Владиміра. По одному эпизоду, этотъ послѣдній хочетъ жениться на одной прекрасной женщинѣ, мужа которой усердные приспѣшники хотятъ для того извести смертію, но только одинъ Илья Муромецъ возмутился отъ такого нечистаго дѣла. «Ужъ ты батюшка, Владиміръ князь!» воскликнулъ онъ: «изведешь ты янова сокола! не пымать тебѣ бѣлой лебеди». И за это слово былъ онъ посаженъ въ глубокой погребъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ позднѣйшею сословною раздражительностію даже нарушается величавый характеръ любимаго народомъ героя. Тогда Муромскій герой теряетъ свое обычное, торжественное спокойствіе и снисходительность—эту лучшую прикрасу своего могущественнаго характера, и безъ всякаго милосердія побиваетъ княженецкую дружину. Наконецъ превращеніе муромскаго мужика въ донскаго козака объясняется тѣмъ же протестомъ, который позднѣйшія поколѣнія хотѣли заявить въ лицѣ своего избраннаго представителя» (Буслаевъ, Очерки, I. 418). Илья—могучій представитель силъ простаго народа и защитникъ его интересовъ предъ исключительнымъ господствомъ дружины (Буслаевъ, Очерки русск. слов., I. 418).

Стасовъ, въ своемъ изслѣдованіи о былинахъ, доказываетъ, что сказанія объ Ильѣ Муромцѣ не заключаютъ въ себя ничего русскаго и созданы первоначально не у насъ, а у народовъ азиатскихъ. Мнѣнія за и противъ этихъ положеній повели къ цѣлому ряду критическихъ статей.

M. Carrière (Die Kunst im Zusammenhange der Culturentwicklung und die Ideale der Menschheit. Leipz. 1868. III. 2 Abt. 26) замѣчаетъ, что у Муромца нѣтъ и въ поминѣ вассальной службы: ни Богъ, ни князь Кіевскій не являются сюзеренами; ни приказъ, ни обѣщаніе награды не становятся двигателями вполне независимаго богатыря, но исключительно и единственно спасеніе народа—надъ нимъ только умиливается Илья Муромецъ; между тѣмъ какъ въ Илиадѣ цѣлыя тысячи должны пасть, чтобы умиловился Ахиллъ, а въ франкскомъ сказаніи обиженный Карломъ Оже не ранѣе соглашается выступить противъ невѣрныхъ, какъ послѣ выдачи ему на отмыщеніе королевскаго сына—его врага (О. Миллеръ, Илья Мур., 685).

Илью Муромца сравнивали съ Сидомъ Шевыревъ и Буслаевъ, первый съ тѣмъ, чтобы указать на ихъ несходство, а второй—на многія между ними общія черты.

⁹²) «Ибо я», какъ онъ самъ выражается, «для способности къ чтенію, приуроченъ былъ оныя по большей части переложить на нынѣшнее нарѣчіе» Русск. Народ. Сказки. СПб. 1841, LXVII).

ктобы вышелъ съ чудищемъ биться; богатыри прячутся другъ за друга; и вотъ въѣзжаетъ на дворъ Добрыня Никитичъ; идетъ онъ прямо къ князю Владимиру; объявляетъ, что приѣхалъ изъ Новгорода, и берется убить Тугарина. На утро назначается бой. «Поднимается Тугаринъ выше лѣса стоячаго; а у Тугарина, собаки, крылья бумажныя, и летаетъ онъ, собака, по поднебесью. Взвился конь Добрыни выше лѣсу стоячаго, до облака ходячаго; самъ-то Добрыня мечемъ рубить Тугарина, а Торопъ-то пускаетъ калену стрѣлу въ Тугарина Змѣевича, въ его крылья бумажныя. И упалъ онъ Тугаринъ на сыру землю; и тутъ ему Добрыня голову срубилъ, на копые взоткнулъ, и самъ коня ко граду Кіеву вернулъ».

И сталъ жить Добрыня у Владимира; три года стольничалъ, три года приворотничалъ, да три года чашничалъ; и выпросился онъ у Владимира погулять по Кіеву; далъ ему позволенье князь, заказалъ только ходить въ узкій переулокъ, гдѣ стоялъ Маришкинъ дворъ. Не удержался таки Добрыня, зашелъ на тотъ дворъ и видитъ онъ: сидятъ на Маришкиномъ теремѣ два сизые голубка, цалуются да милуются, будто надъ Добрынею насмѣхаются; загорѣлось сердце богатырское; пустилъ въ нихъ Добрыня калену стрѣлу, да не попала стрѣла въ сизыхъ голубей, а попала она въ окошко косящатое, пробила оконницу стекольчатую, разбила причалину серебряную, разбила зеркальце стекольчатое.

А въ ту пору Маринка мылась-бѣлилась, въ цвѣтное платьѣ наряжалась; бросила она бѣлыя бѣлилы, выбѣжала на красное крылечко въ одной рубашечкѣ, безъ юбочки, въ однихъ чулочкахъ, безъ чоботовъ, и стала она бранить Добрыню за его невѣжество. Добрыня стоитъ, усмѣхается, надъ Маришкой издѣвается, а угрозы ея ни во что ставитъ.

И брала Маришка слѣды молодецкіе, разжигала ихъ въ печкѣ муравчатой, а сама приговаривала: «какъ бѣлодубовы дрова разгораются, такъ бы разгоралось сердце молодецкое у Добрыни Никитича: Какъ слѣды молодецкіе разгораются, такъ бы загоралась кровь богатырская у молода Добрыни Никитича». И сталъ

тосковать Добрыня, не ѣтся ему, не спится; идетъ онъ въ узкій переулокъ на Маришкинъ дворъ; смотритъ, собрались у Маришки жены молодецкія, молодыя молодущечки, да красныя дѣвицы душечки; и слышитъ Добрыня, какъ съ Маришкиныхъ словъ надъ вчерашнимъ его невѣжествомъ и удалью усмѣхаются; досадно стало ему, схватилъ онъ бревно толстое, и сталъ бить въ двери желѣзныя. И бросилась Маришка его бранить, а за нею и другъ ея, Змѣище Горынище, хотѣлъ было Добрыню огнемъ спалить, хоботомъ ушибить. Вынимаетъ Добрыня саблю острую и хочетъ онъ змѣя изрубить; струсилъ змѣй еретикъ Горынище, хвостъ онъ поджалъ, прочь бѣжитъ, заклинается: «Охъ не приведи, лихой лиходѣй, у Маринѣ въ дому бывать, еще у молодой на вечерницѣ пировать; есть у Маринѣ не одинъ другъ, есть у молодой лучше меня, а и лучше меня и повѣжливѣе».

Взяло Маринку за ретиво сердце, срывала она съ себя цвѣтное платьѣ, сунулась въ окошечко косящатое въ одной рубашечкѣ, безъ пояса, и сама говоритъ: «воротися, милъ надежъ, воротися, другъ сердечный! У меня, у Марины, ты одинъ сердечный... А и хочешь ли я Добрыню клячей водовозною оберну; будетъ Добрыня на тебя и на меня воду возить; а и хочешь ли я Добрыню гнѣдымъ Туромъ оберну?» Убѣжалъ Змѣй, а Добрыню Маринка оборотила гнѣдымъ туромъ: «походитко», говоритъ, «съ девятью моими турами по полю за красной дѣвицей; будь имъ всѣмъ турамъ наибольшій, и нато жалую тебѣ золотые рога».

И не знаетъ никто въ Кіевѣ, куда дѣлся Добрыня Никитичъ; только къ матери его, Афимѣ Ивановнѣ, заходилъ калика переходжій, заказалъ ей править сорочины: живо де ее дѣтище Добрынюшка. Собрала Афимья Ивановна сорочины великія, собрала гостей за дубовы столы; откуда ни взялась молода Марина, садилась сама за столъ непрошенная, незваная. И пошла за столомъ бесѣда веселая. Стала хвастаться своимъ житьемъ-бытьемъ Анисья Севастѣевна, жена Анкудина Ивановича, воеводы Кіевскаго. «Велика милость Божія до вѣку», отвѣчаетъ ей Настасья Ивановна, крестная мать Добрыни Никитича, «была единая у насъ

радость въ семьѣ, Добрыня Никитичъ, и того нынѣ не стало; завелось у насъ во Кіевѣ еретничество неслыхано, неслыхано-не видано». А молвивши, сама на Маришку поглядывала. Взяло Маришку за ретивое, и стала она, еретица, похвалятися: «гой еси вы, боярыни старыя! Всѣ ваши похвальбы некрасныя, некоростные. Скажу я вамъ слово вѣстное, великое, а вы послушайте. Какъ и нѣтъ-то во Кіевѣ хитрѣ меня: что задумаю со полуночи, ко бѣлу свѣту состряпаю; что задумаю со вечера, ко полуночи придѣлаю. Ужъ я-де обернула девять молодцовъ сильныхъ, могучихъ богатырей; а нынѣ отпустила десятаго молодца, молода Добрыню Никитича».

За то-то слово вѣстное матера вдова Аѳимья Ивановна изымается, изъ-за стола поднимается, наливаетъ чару зелена вина, подноситъ чару молодой вдовѣ Настасьѣ Ивановнѣ, а несучи, сама заплакала: «гой еси ты, молода вдова Настасья Ивановна! примай чару зелена вина, поминай своего любимаго крестника, Добрыню Никитича. Извела его еретица, злая Маришка». — Молода вдова Настасья Ивановна принимала чару зелена вина, а сама молвила: «я-де сама слышала рѣчи Маришкины, и всѣ ея рѣчи похваленныя». Выпила чару зелена вина, подходила къ Маришкѣ. — «А и ты-то, еретица, извела Добрыню Никитича!» — И молвивши, ударила Маришку по щекѣ, сбивала со рѣзвыхъ ногъ, топтала еѣ по бѣлымъ грудямъ, а сама причитывала: «ай ты, еретица, безбожница, Маришка окаянная! За чѣмъ ты извела моего любимаго крестника, молода Добрыню Никитича? Я-де хитрѣ тебя, я сижу на пиру, не хвастаю; а и хочешь-ли, я тебя сукой оберну? А и станешь ты по городу ходить, людей смѣшить».

Не успѣла молода вдова Настасья Ивановна взозрети, какъ Маришка перекинулась на крылечко красное, скидала съ себя цвѣтно платье, и обернулась ласточкой. И только видѣли Маришку.

Прилетѣла Маришка во чисто поле, во то чисто поле, гдѣ-то ходять девять туровъ, десятый туръ Добрыня Никитичъ. А сѣла Маришка къ Добрыни на правой рогъ, а сидючи, Добрыню уговариваетъ: «гой еси ты, Добрыня Никитичъ! Послушай мою рѣчь

простую; сколько молодцу по чисто полю не гулять, зыбучія болота не топтать, чисто поле принаскучить, зыбучи болота опротивять. Ужъ ты ли, Добрынюшка, на возрастѣ, а я ли, Марина, на выданьѣ. Возмешь-ли ты, Добрыня, меня, молоду, за себя? Женишься-ль, Никитичъ, на мнѣ?» — «А и право возьму! Ей Богу возьму!» — «Бысть дѣлу такъ» — молвила Марина — «а и сдѣлаю тебя по старому, по прежнему». И обернула его, Добрыню, добрымъ молодцомъ по прежнему, а сама обернулась красной дѣвицей. И пошли они ко Кіеву. А въ поры гости были на расходѣ. Молода вдова, честна Настасья Ивановна, выходила на крылечко на красное съ матерой вдовой, Аѳимьей Ивановной. И тутъ-то Добрыня на встѣчу имъ. Пошла радость великая, бесѣда веселая. А и сталъ Добрыня Маришку учить: онъ перво ученье далъ — руки отсѣкъ; а рубючи, самъ приговаривалъ: «та-то рука мнѣ не надобна» — трепала она Змѣя Горынчища.» — Второе ученье далъ — ноги прочь отсѣкъ; а рубючи, самъ приговаривалъ: «тѣ-то ноги мнѣ не надобны — соплеталися ноги со Змѣемъ Горынчищемъ». — Третье ученье далъ — рубилъ губы прочь; а рубючи, самъ приговаривалъ: «тѣ-то губы мнѣ не надобны — цѣловали губы Змѣя Горынчища». — Четвертое ученье далъ — голову прочь отсѣкъ; а рубючи приговаривалъ: «та-то голова мнѣ не надобна — знала голова дѣла еретическія». Съ той поры задумалъ Добрыня въ законъ вступить; и взялъ онъ себѣ жену у гостя торговаго Микулы Никитича, дочь его Настасью Микуличну; дружкою былъ у него Илья Муромецъ, тысяцкимъ самъ князь Владиміръ, свахою княгиня Апраксѣвна, а въ поѣзжанахъ — всѣ князья да бояре Кіевскіе (Сахаровъ, Сказки, 37).

Въ «Альбомѣ русскихъ сказокъ и былинъ», изданныхъ Гоппе, подъ редакціею П. Н. Петрова (СПБ. 1875), напечатана сказка о Добрынѣ Никитичѣ, по рукописному сборнику особой редакціи, сходной съ нашею (Чулковскою). Все начало сказки сходно съ нашею сказкою (Чулкова), только въ немъ не говорится, чтобы Добрыня былъ вырѣзанъ изъ утробы своей матери; волшебница, воспитывавшая Добрыню, названа Добродушею. Похождение

Добрыня въ окаменѣломъ городѣ, битва съ великаномъ и освобожденіе каменной царевны, — рассказаны въ томъ порядкѣ, какъ и въ нашей сказкѣ, только гораздо короче. Затѣмъ Добрыня встрѣчаетъ огромную голову богатыря, которая научаетъ его, какъ добыть себѣ заговоренное копьё Африканово (въ нашей сказкѣ Агриканово — Нямвродово) и мечъ у Змѣя Горынича.

Въ Африкановомъ погребѣ нашелъ себѣ Добрыня вѣрнаго слугу Торопа; при помощи его побѣдилъ Змѣя Горынича, взявъ у него мечъ кладенецъ и съ этимъ мечомъ прѣхалъ въ Кіевъ, послужить князю Владиміру.

«И сталъ жить Добрыня въ Кіевѣ; а межъ тѣмъ подослалъ Горыничъ въ Кіевъ свое отродье, Маришку Кайдалевну, — дѣвку раскрасавицу, размерзавицу. Ничего у Маришки нѣтъ завѣтнаго, уловляетъ Маришка мужей у женъ. Звала Маришка къ себѣ Добрынюшку; богатырь былъ въ своемъ умѣ, — посмѣялся ей: «Гожа ты мнѣ, Маришка, стадо пасти; ужь дай заведу на заставѣ табунъ — другой, поставлю тебя, дѣвка, старостихой надъ всѣми жеребцами горячими». — «Не смѣйся молодецъ, можетъ взмолишься!» Засверкала Маришка очами яркими, повела бровью соболиною, хлестнула длинной косой, черной тучею, и ушла къ себѣ въ теремъ на узкую улицу.

Попилъ-поѣлъ Добрыня, пображничалъ, отвелъ душу бесѣдой во гриднѣ княжеской; спустилась ночь — потемки на сыру землю, и поѣхалъ богатырь на заставушку; ѣдетъ слободой, и напала блажь, — «дакъсь заѣду къ Кайдалевнѣ; семъ-ка навѣстимъ ее гнѣвливаю». Вздумалъ, и заѣхалъ добрый молодецъ. «Дома-ли Марина, дожидаетъ-ли? Звала угощаться — вотъ мы жулемъ».

«Была пора время, посмѣялся мнѣ, а теперь, Добрыня, наша очередь. Хотѣлъ меня Добрыня въ табуны пустить, — ступай-късь прежде мои пасти». Ударилъ Добрынюшку на отмашь — оборотила богатыря въ тура златорогова. Пустила тура въ свои луга поемные: «пусть будетъ у туровъ моихъ старостой».

Слышитъ-прослышитъ Владиміръ князь: нѣтъ на заставѣ богатыря могучаго; рыскаетъ туромъ-волоомъ Добрынюшка.

Ждалъ день, и другой, и третій Добрыню Торопъ слуга; узналъ — оборочень въ тура господинъ его. Больно Торопу стала вѣсть эта. Заплакалъ Торопъ со злой кручинушки. Слышитъ, словно зоветъ его кто; оглянулся, — стоитъ боярыня, изъ себя румяная, привѣтливая; называетъ Торопа по имени: «ты, говоритъ, коли любишь-чтишь Добрыню по прежнему, можешь его, Торопушка, выручить. Подарилъ онъ мнѣ перстень съ руки; поѣзжай къ Пучай-рѣкѣ, припадай къ самой волнѣ, что сѣчетъ-рѣжетъ, палить и жжетъ; да смахни въ горстку съ волны пѣночку; опусти смѣло въ Пучай-рѣку ту руку, на какой перстень надѣтъ, не сожжетъ, не спалитъ тебя струя Пучай-рѣки; а сберешь въ горсть пѣнку, спусти въ корецъ, да держи скорѣе путь къ поемнымъ лугамъ. Прысни изъ корца на тура златорогова, и воротится къ Добрынѣ прежній образъ ево».

Торопъ повторять не заставилъ наказа, сѣлъ на коня, и былъ таковъ. Подѣхалъ онъ къ Пучай-рѣкѣ, теремъ Горынича ярко горитъ; припалъ Торопъ къ Пучай-рѣкѣ, набралъ въ корецъ пѣны, и пустился въ обратный путь — туда, гдѣ паслись Маришкины туры, и отыскалъ онъ златорогова тура, прыснулъ на него изъ корца пѣною, и сталъ изъ тура по прежнему Добрыня Никитичъ.

И поѣхали они въ Кіевъ градъ. А въ тѣ поры случилось надъ княземъ Владиміромъ несчастье: унесъ Змѣй Горыничъ любимую племянницу его, Запаву Путячичну.

«Не горюй князь», говоритъ ему Добрыня, «отыщемъ мы княжну твою, только дай намъ расправиться съ Кайдалевной». Вотъ ѣдетъ Добрыня съ Торопомъ ко двору Маришкину; провѣдала злодѣйка бѣду неминуемую, — стала кидаться, ломать бѣлыя руки; схватилъ ее Добрыня за косу, да и разорвалъ на двое, а какъ разорвалъ, — заплакалъ самъ: «единую ту слабость я на свѣтѣ зналъ». Потомъ отправился онъ съ Торопомъ къ Змѣю Горыничу; побилъ его, освободилъ изъ плѣна Запаву и многое множество бояръ, князей, женъ и богатырей, заполоненныхъ Горыничемъ; Запаву съ Торопомъ впередъ отослалъ, а самъ къ сѣдлу приковалъ Горынича, пропустивъ ему цѣпь сквозь ноздри багровья,

да обручъ поперегъ тѣла. И чествовалъ Владиміръ Добрыню богатыря, и Добрыня величалъ Торопа братеникомъ, а Запаву Путятичну выдали за мужъ за Алешу Поповича. Змѣя же Горыничча приковали на дворѣ на княжескомъ; и сталъ онъ жалобно хоботкомъ водить, себѣ святой милостыни просить (Альбомъ Гоппе, стр. 162 и 163).

VI. Сказанія о Добрынѣ Никитичѣ по былинамъ ⁹³⁾.

1. Рожденіе и молодость его; бой со змѣемъ. Когда Скимень звѣрь (скиперъ.—Кир. II. 2, т. е. левъ) *зачуялъ нарожденіе* Добрыни, то побѣжалъ онъ къ Непрѣ рѣкѣ ⁹⁴⁾; за нимъ бѣжало стадо звѣриное—змѣиное; становился скимень на крутомъ берегу, закричалъ онъ по гусиному, зашипѣлъ по змѣиному, засвисталъ по соловьиному (Кир. II. 10); всколебалась земля, посыпался съ крутыхъ береговъ песокъ, помутилась вода въ Нѣпрѣ, темны лѣса къ землѣ склонились, зелена трава въ полѣ повянула: родился на Руси Добрыня сынъ Никитѣвичъ (Кир. II. 1. 2) ⁹⁵⁾; люди говорили, что онъ убьетъ змѣя (Кир. II. 51). Отецъ Добрыни—

⁹³⁾ Подробное оглавленіе рассказовъ о Добрынѣ, помѣщенныхъ въ пѣняхъ Кирѣвскаго, составлено Безсоновымъ (IV. 42).

⁹⁴⁾ Нѣпръ, вмѣсто Днѣпра; точно такъ же говорится: Икона Непрской Богородицы, вмѣсто Днѣпровской (См. IV. № 1311). Скуми или Скумень львовыхъ,—по объясненію Скорины, въ его псалтыри, изданной въ Прагѣ въ 1571 году, значать молодые львенята.

⁹⁵⁾ Такими же чудесными явленіями сопровождалось рожденіе *Гелми*, въ старой Эддѣ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 433); Индійскаго Бога Кришны (В. Стасовъ, О происхожд. былинъ, 645; *Narivansa*, I. 268); Александра Македонскаго (въ Александріадѣ); и наконецъ праотца Авраама: въ тотъ часъ, когда родился Авраамъ, явилась на востокѣ звѣзда и поглотила четыре звѣзды. Новорожденный былъ скрытъ кормилицей отъ гнѣва Нимрода въ пещеру, гдѣ и оставался до 10 лѣтъ (Сказанія изъ книги Мидрата: *Dict. des arse.*, III. 1104; Порфирьевъ, 44); у Рембо приведено еще нѣсколько примѣровъ по этой части (*La Russie érique*, 165). По справедливому замѣчанію Вольнера, явленія, бывшія при рожденіи Добрыни, неимѣютъ ничего общаго съ дальнѣйшей жизнью Добрыни и заимствованы безъ всякой цѣли изъ другихъ былинъ; такія явленія происходили при рожденіи Волха Сеславича (лѣтописнаго князя Олега, колдуна-волшебника) и здѣсь они совершенно у мѣста:

богатый Рязанскій гость Никита Романовичъ (Кир. II. 49. 69); мать—Амелфа Тимоѣевна ^{95 а)} (Кир. II. 7), Афимья Александровна (Кир. II. 14. 19). Семи лѣтъ Добрыню посадили учиться грамотѣ, и грамота ему въ прокъ пошла; двѣнадцати лѣтъ у Добрыни уже заведена была своя дружина.

Разъ въ Петровскіе жары сталъ онъ проситься у своей матери, отпустить его погулять на Сафатъ рѣку (Кир. II. 50) ⁹⁶⁾; далъ ему отецъ благословеніе (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 480); отпустила и мать, наказывая не купаться въ Пучай-рѣкѣ ^{96 а)} (Израй рѣкѣ.—Кир. II. 50; рѣкѣ Кострюнѣ.—ib. II. 41): рѣка эта свирѣпая, «средняя струйка въ ней какъ огонь сѣчетъ» (Кир. I. 40).

Не послушался таки Добрыня совѣта матери, поѣхалъ на Пучай-рѣку. На той рѣкѣ въ тѣ поры мыли платье дѣвицы портюмнойцы, и говорятъ Добрынѣ, что у нихъ въ Пучай-рѣкѣ не купаются нагимъ тѣломъ, а купаются въ рубашечкѣ; не послушался и ихъ Добрыня, раздѣлся до нага, и пошелъ купаться ⁹⁷⁾; переплылъ онъ за среднюю струю, а самъ говоритъ: «понапрасну говорила мнѣ матушка, что Пучай-рѣка свирѣпая, а Пучай-рѣка есть кротка смирна, она будто лужа дождевая».

Не успѣлъ онъ выговорить, откуда ни взялась темная туча, и налетѣла на Добрыню Змѣище Горыничше (восьмиглавое.—Гильф. 666), хочетъ Добрыню сжечь; сама говоритъ: «что захочу теперь съ Добрыней, то и сдѣлаю,—захочу съѣмъ-сожру, захочу потоплю,

отъ пятилѣтняго Волха дрожитъ земля, и спасаются звѣри, рыбы и птицы; 12-ти лѣтъ Волхъ тоже кончилъ свое обученіе и собралъ себѣ дружину въ 30 богатырей (Wollner, 48).

^{95 а)} По мнѣнію г. Лавровскаго, имя Амелфы есть имя жены Пентефрія, встрѣчающееся въ апокрифическомъ завѣщаніи Иосифа; въ русскомъ переводѣ имя это передѣлано въ Амемфію, Мемфію, Амемфрію, Амемсфрію.—Ягичъ тоже согласенъ съ этимъ мнѣніемъ (Духовный Вѣстникъ 1864 г.: Ягичъ, *Die christlich-mythologische Schlicht*. В. I. Н. 1, 102; Wollner, 47).

⁹⁶⁾ О названіи *Сафатъ* см. Учен. Зап. Ак. Наукъ, Русск. отд., II. вып. 2. стр. 231.

^{96 а)} Почай или Пучай рѣка отъ пучи=пучина (См. № 250). Она же Израй рѣка.

⁹⁷⁾ По одной пѣснѣ: «сталъ купаться въ полотняной рубашечкѣ» (Гильф. 665).

захочу въ хобота возьму». Увернулся таки отъ нее Добрыня: гораздъ онъ былъ плавать⁹⁸); вынырнулъ надругой берегъ,— анъ платя его нѣту, мечъ бурзамецкаго тоже, лежитъ одинъ его пуховый греческій колпакъ; насыпалъ онъ въ него земли, махнулъ въ змѣю, да и спибъ ей всѣ двѣнадцать хоботовъ (палицей. — Рыбн. I. 121)⁹⁹); упала змѣя на землю, и вскочилъ ей Добрыня на «бѣлыя груди» (а на крестѣ Добрыни былъ булатный ножъ. — Рыбн. III. 62)¹⁰⁰); взмолилась тутъ ему змѣя: «положимъ мы заповѣдь великую; не летать мнѣ на святую Русь, не носить больше людей русскихъ, а тебѣ не топтать милыхъ змѣенышей, не выручать моихъ полоновъ». На томъ и поладили. Змѣя обѣщала Добрынѣ достать въ жены царевну красавицу, и привела ему красную дѣвицу; сталъ Добрыня ту дѣвицу спрашивать: «хочетъ ли она пойти за него за мужъ?» — «Воля есть де ваша», отвѣчаетъ дѣвица. И началъ тутъ Добрыня дѣло дѣлати (Записано Е. В. Барсовымъ: О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 426). Хотѣлъ на ней Добрыня жениться, да мать уговаривала его оставить ту дѣвицу изъ невѣрной стороны.

Осерчалъ сильно Владиміръ на Добрыню за то, что онъ не убилъ змѣя (Гильф. 666). Летѣла змѣя Горынчище мимо Кіева, увидала князеву племянницу Запаву Путятичну^{100 а)} (дочку цар-

⁹⁸) Въ одной пѣснѣ Добрыня говоритъ змѣю: «не честь тебѣ на нагое тѣло напущатися, и пролетѣлъ змѣй мимо (Кир. II. 51). По другой пѣснѣ Добрыня переплылъ первую и вторую струю, третья его сама подхватила, и принесла въ пещеры бѣлокаменны (Кир. II. 50).

⁹⁹) По одной пѣснѣ Добрыня тутъ же и убилъ змѣя дубиной и повѣсилъ его сушить на осину на клядую; а самъ поплылъ на дубинѣ въ пещеры бѣлокаменны (Кир. II. 52).

¹⁰⁰) Ѳ. И. Буслаевъ замѣчаетъ, что въ пораженіи змѣя Добрыня тѣсно связанъ съ Великомуч. Георгіемъ (Разб. соч. О. Миллера, Журн. Мин. Народ. Просв. 1871, СЛIV. Отд. 2. Стр. 216). В. В. Стасовъ сопоставляетъ бой Добрыни со Змѣемъ—съ боемъ Индѣйскаго Кришны съ пятиглавымъ змѣемъ, которому онъ послѣ побѣды тоже даетъ пощаду (О происх. былинъ, 656), замѣчая при этомъ, что рассказы о томъ, какъ герой освобождаетъ воды известной мѣстности отъ чудовищъ, существуютъ и въ древней Азіи (668).

^{100 а)} Запава Путятична: имя Путяты историческое—въ Кіевѣ былъ воевода Путята при князѣ Святополкѣ Михаилѣ. Татищевъ, приводя русскую пословицу: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ», замѣчаетъ: въ пѣс-

скую, Марѣиду Всеславьевну.— Гильф. 316), схватила ее, да и увнесла къ себѣ въ нору глубокую. Три дня скликалъ князь Владиміръ волшебницъ, кто бы могъ съѣздить за его племянницей. И говоритъ ему Алеша Поповичъ: «пошли за нею Добрыню Никитича— у него съ змѣей заповѣдь положена; и достанетъ онъ Забаву Путятичну безъ драки-кровопролитія (Кир. II. 30; Рыбн. I. 124)— онъ змѣи крестовый братъ (Гильф. 32). И накинулъ Владиміръ ту службу на Добрыню, говоритъ ему: «если не достанешь Забаву, прикажу тебѣ голову срубить» (Гильф. 32). Съѣлъ Добрыня на своего бурушку, провожаетъ Добрыню его матушка; давала ему на прощанье шелковую плетку да шелковый платокъ, говорила ему: «платкомъ утирайся, а плеткой бей бурушку промежъ ушей да промежъ ногъ, и станетъ онъ поскакивать, да змѣенышей отряхивать». И поѣхалъ Добрыня въ горы Сорочинскія; и какъ началъ конь его топтать молодыхъ змѣенышей, стали змѣеныши коню щеточки подтачивать; и не можетъ *бурушко поскакивать и змѣенышей отъ ногъ отряхивать*; и бралъ Добрыня плетку шелковую, и бьетъ онъ бурко противъ ушей да промежъ заднихъ ногъ,— и сталъ бурушка поскакивать, и змѣенышей отъ ногъ отряхивать, притопталъ ихъ всѣхъ до одинаго (Кир. II. 30). И выходитъ тутъ змѣя проклятая, и говоритъ Добрынѣ: «ты зачѣмъ нарушилъ заповѣдь, притопталъ всѣхъ моихъ малыхъ дѣтушекъ?» «А тебя», отвѣчаетъ Добрыня, «черти несли черезъ Кіевъ градъ; зачѣмъ ты взяла Забаву Путятичну; отдай ее безъ драки-кровопролитія». Не отдала змѣя Путятичну и стала драться съ Добрыней¹⁰¹). Дрались они трое сутокъ (Кир. II. 30; Рыбн. I. 127).

няхъ старинныхъ о увеселеніяхъ Владиміра такъ поютъ: «Противъ двора Путятина, противъ терема Забытина, стараго Путяты— темный, темный лѣсъ». Отсюда, замѣчаетъ Ѳ. И. Буслаевъ, былинная Запава Путятична (Журн. Мин. Народ. Просв., Апр. 1871, 232).

¹⁰¹) Въ одной Олонецкой пѣснѣ о змѣѣ говорится: «Невѣжа то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ, по ночамъ ходитъ Змѣемъ Тугариновымъ, а по зарямъ то ходитъ добрымъ молодцемъ» (Рыбн. II. 16). Невѣжа застаётъ Добрыню въ Пучай-рѣкѣ; но Добрыня увернулся отъ него, разсѣкъ змѣя на мелкія части, и сжегъ (Рыбн. II. 17). Боя съ огненнымъ змѣемъ попадаютъ въ сказкахъ у многихъ народовъ; сличите: Сказки Аонасьева (I. 71. 97); духов-

Утирался Добрыня шелковымъ платкомъ, набирался отъ того новой силы (Гильферд. 346); ужъ хотѣлъ было Добрыня змѣю бросить, какъ слышитъ съ неба гласъ ему: «бился ты три дня, побейся еще три часа»^{101 а)}; и бился Добрыня съ змѣей еще три часа, и убилъ ее; и затопила змѣиная кровь около Добрыни всю землю; трое сутокъ ждалъ тутъ Добрыня, и наконецъ, по наставленію того же небснаго голоса, ударилъ копьемъ землю,—земля разступилась и пожрала кровь змѣиную (Рыбн. III. 66)¹⁰²⁾.

Тогда отправился Добрыня въ глубокую нору; смотритъ, сидятъ тамъ старички, да старухи; у грудей у нихъ висятъ малые змѣеныши (Гильф. 1252), да многое множество князей, королевичей, царей и царевичей,—всѣхъ вывелъ ихъ на свѣтъ божій, да еще простой силы тамъ въ плѣну сорокъ тысячъ насчиталъ; нашелъ онъ и Забаву Путятичну (или тетушку свою Марью Дивовну.—Кир. II. 52), говорить ей: «за тебя это я такъ странствую,

ныя стихи Кирѣвскаго; житіе св. Петра и Февроніи у Ѳ. Буслаева (Очерки, т. I); тоже лицевую сказку о Еруслаѣ Лазаревичѣ, бой котораго съ змѣемъ очень напоминаетъ былинный бой Добрыни Никитича. Борьба витязя съ огненнымъ змѣемъ, изъ за похищенной этимъ послѣднимъ женщины, воспѣвается у многихъ народовъ (Ѳ. Буслаевъ, Очерки, I. 284; Hahn, № 70). Георгій храбрый побиваетъ цѣлые стада змѣенышей, и освобождаетъ царевну; а Ѳеодоръ Тиронъ освобождаетъ отъ змѣя свою матушку. Легенда о св. Георгіи напечатана въ Золотой Легендѣ Іакова де Ворогине; самый рассказъ о боѣ его съ змѣемъ заимствованъ изъ греческой сказки о Персеѣ и Андромедѣ (Wollaer, 54). Въ седьмой сказкѣ Пентамерона Тіенцо (купецъ), подходя къ дурацкому царству, видитъ, что тамошнюю царевну Менехеллу торжественно ведутъ на съѣденіе седмглавому змѣю, который заполонилъ дурацкое царство. Тіенцо бьется съ змѣемъ, срубаетъ ему всѣ семь головъ, освобождаетъ Менехеллу и получаетъ ее въ жены (Der Pentamerone, Breslau 1846, I. 96). Прототипъ седмглаваго змѣя представленъ въ апокалипсисѣ: «великъ и чермень... имѣй. . . роговъ 10 и хоботъ» (хвостъ; см.: III. № 810. Апокалипсисъ Кореня), который хотѣлъ затопить жену, напустивъ на нее цѣлую рѣку изъ зѣва; но земля разверзлась и приняла въ себя воду (Апокалипсисъ: 3, 12, 15, 16).

^{101 а)} Такой же гласъ былъ Ѳеодору Тирону, когда онъ ходилъ освобождать свою мать, и нашелъ ее въ пещерѣ змѣиной: она была одѣта дѣвушкой, 12 змѣй обвивали ее, а супротивъ сидѣлъ на золотомъ тронѣ старый змѣй; всѣ они и разные гады, лежавшіе кругомъ, караулили ее (Тихонравовъ, Памят. Отреч. Лит., II. 93—99).

¹⁰²⁾ Точно такъ утопаютъ въ крови змѣиной Георгій Храбрый и Ѳеодоръ Тиронъ.

поѣдемъ со мной въ Кіевъ къ ласковому князю Владиміру, а вамъ вѣзмъ, господа, воля вольная»^{102 а)}. И поѣхалъ онъ съ княжной къ рѣкѣ, и видитъ въ сторонѣ богатырскій слѣдъ прошелъ,—нагналъ онъ Алешу Поповича, проситъ его доставить княжну въ Кіевъ, наказывая: «везъ же я Забаву въ честности, такъ и ты не стыди ей личика бѣлаго,—пристыдишь, пожалуется, голову срублю (Гильф. 36); а самъ поѣхалъ по богатырскому слѣду (Кир. II. 30; Рыбн. I. 128).

2. Добрыня и Маришка. Три года Добрыня у князя стольничалъ, три года харешничалъ, три года въ приворотничкахъ былъ (Кир. II. 41), и выпросился онъ у матери по Кіеву погулять; отпустила его мать, только заказала ходить на Андреевскую улицу (на Марьину улицу, Игнатъевскій переулочекъ.—Рыбн. III. 92), гдѣ живетъ Маринка (Кир. II. 44), Кайдалевна, Королевична (Гильф. 25)¹⁰³⁾.

Не послушалъ Добрыня матери, пошелъ таки искать по Кіеву Маринкинъ дворъ (Кир. II. 42); а Маринкинъ дворъ на семи верстахъ на семи столбахъ (Кир. II. 48); кругомъ двора желѣзный тынъ, на каждой тычинкѣ позолоченая маковка (Кир. II. 42; да по молодецкой голушкѣ.—Кир. II. 44; или: на каждомъ окошечкѣ голубь съ голубушкой.—Рыбн. III. 92), а на дворѣ два терема Златовѣрхіе¹⁰⁴⁾. Въ то время Маринка умывалась,

^{102 а)} За эту службу князь Добрыню ничѣмъ не пожаловалъ (Гильф. 321); а по другимъ пересказамъ: жаловалъ казною и платьемъ цвѣтнымъ (Гильф. 346).

¹⁰³⁾ Если взять во вниманіе, замѣчаетъ Снегиревъ, внѣшнее сходство именъ и дѣйствій, то подъ Кіевскимъ Добрынею Никитичемъ не разумѣется ли Филаретъ Никитичъ? потому что самое слово *Добрыня* равнозначенательно Филарету, любителю доблести: отъ *φιλέω*—люблю и *ἀρετή*—доблестъ, добродѣтель. Еретичка Маринка, обратившаяся послѣ данной ей пощечины въ ласточку, не есть ли Маринка Сендомирская, жена разныхъ Самозванцевъ, которая, по сказанію народному, превратилась въ сороку, проклятую святителемъ Алексіемъ Митрополитомъ?—съ тѣхъ поръ де сороки перевелись на Москвѣ. Въ Змѣѣ Горыничѣ поэтому нельзя не видѣть изображенія Самозванца (Снегир., Лубочн. Карт., М. 1861. 100). Наконецъ самый Игнатъевскій переулочекъ и отчество Маришки,—Игнатъевна,—указываютъ на бывшаго въ смутное время два раза патриархомъ Игнатія; про эту же Маринку поется нѣсколько пѣсенъ, какъ она съ Гришкой разстрижкой во время обѣдни въ мыльнѣ мылась, блудъ творила (Рыбн. III. 265).

¹⁰⁴⁾ Это повтореніе описанія двора Соловья разбойника (См. выше, стр. 28).

собиралася на пирь къ князю Владиміру. Видитъ Добрыня, на окошечкѣ у ней сидятъ два голубя, цѣлуются, межъ себя милуются; за досаду стало ему, натянулъ онъ свой лукъ, да и пустилъ въ нихъ калену стрѣлу; но въ голубей не попалъ, а попалъ въ окошко; разбила стрѣла причалы серебряные, оконенку стекольчатую (Кир. II. 54)¹⁰⁵), убила у Маришки милова змѣя (Кир. 41; Притугаленика. — Кир. II. 48; Ивана Царевича Туга Змѣевича. — Гильф. 116). Разболѣлось у нея сердце ретивое по миломъ другѣ (Кир. II. 42); бросилась она въ одной рубашечкѣ, кричить: «а кто это невѣжа въ окошко стрѣлялъ, расшибъ зеркальце стекольчатое (Кир. II. 54), самъ пусть за стрѣлочкой придетъ» (Рыбн. III. 93). Звала Маринка Добрыню къ себѣ хлѣба-соли откушать; плюнулъ Добрыня, прочь пошелъ (Рыбн. II. 11); зоветъ его: «сдѣлай со мною любовь» (Гильф. 26); зоветъ, чтобы взялъ ее за себя за мужъ (Гильф. 116). Пришелъ къ ней Добрыня, схватилъ онъ Маринку за бѣлы груди, кинулъ ее о дубовый полъ, и взялъ свою стрѣлочку каленую (Рыбн. III. 93).

Собрала тогда Маринка слѣдочки Добрынины, вырѣзала ихъ ножечкомъ, побросала въ печь, сама приговаривала: «гори, гори, слѣдочки Добрынюшкины, боли, боли сердечко молодецкое» (Кир. II. 44; или: нашептала на листочки на лазуревые. — Рыбн. II. 11)^{105 а)}. Взяло Добрыню за сердце пуще остраго ножа; не пьетъ онъ хлѣба съ вечера, съ полуночи ему не уснется; бѣлаго свѣта все дожидается; всталъ онъ ранешенько и прямо къ Маринкѣ на широкій дворъ; пришелъ, проситъ Маринку сдѣлать съ нимъ любовь (Гильф. 26). Въ это время шировали у Маринки жены моло-

¹⁰⁵) Этотъ эпизодъ напоминаетъ слѣдующій рассказъ изъ еврейскихъ апокрифовъ: когда Вирсавія мылась въ своей комнатѣ, окно которой было закрыто рѣшеткой, царь Давидъ стоялъ на крышѣ своего дворца; дьяволъ принялъ образъ птицы и сѣлъ на окно Вирсавіи. Увидавъ птицу, Давидъ пустилъ въ нее стрѣлу, стрѣла разбила рѣшетку; Вирсавія предстала передъ Давидомъ въ ослѣпительной наготѣ своей и Давидъ палъ (Порфирьевъ, 69).

^{105 а)} Сосѣдка Лютеровой матери тоже извела преслѣдовавшаго ее пастора, собравъ его *слэды* и опустивъ ихъ въ заговореную воду. Нѣмцы собираютъ свѣжіе слѣды вора и сжигаютъ въ трубѣ, отчего воръ долженъ высохнуть (Grimm, D. Myth., 4 Aufl. II. 915).

децкія, молодыя молодушечки, да красныя дѣвицы душечки; и стала Маринка Добрыню изъ окна бранить; хотѣлъ было Добрыня прочь уйти, да увидѣлъ онъ змѣя Горынича, зло взяло его, схватилъ онъ бревно, да и выломилъ въ теремѣ двери желѣзныя. Какъ бросилась ругать его Марина Игнатьевна: «деревенщина ты, дѣтина засельщина, вчера на дворѣ заходилъ, расшибъ у меня зеркало стекольчатое»; бросился было на него и змѣй; да Добрыня пригрозилъ изрубить его. Струсилъ Горыничъ, побѣжалъ вонъ, хвостъ поджавъ, страсть взяла его, зачалъ пердѣть, околышки металл по три пуда и бѣгучи онъ заклинается: «не дай богъ бывать у Марины въ домѣ, есть у нея не одинъ я другъ, есть лучше меня и повѣжливѣе». А Маришка въ то время высунулась по поясъ въ одной рубашкѣ, кричитъ ему: «воротись, милый другъ, хочешь я оберну Добрыню клячей водовозною, станеть онъ на меня и на тебя воду возить»; и обернула Добрыню гнѣдымъ туромъ (Кирша Данилов.; Кир. 55; ленемъ рыскучимъ — Рыбн. III. 93).

Или: стала Маринка Добрыню обвертывать, сперва обернула сорокою, потомъ вороною, потомъ свиньею и наконецъ гнѣдымъ туромъ (Гильф. 833); «оберну, говоритъ, тебя туромъ золоторгимъ, отъ золоторогово тура поворотъ — отъ есть, еслиже обвернуть тебя жабой подколодною, — отъ жабы и поворота нѣтъ». Сдобрилась Мариночка, обернула его туромъ (Гильф. 1090). Обернула Добрыню мірскимъ кобелемъ: «ты ходи по городу, собирай кусочки подстолийи»; ходилъ Добрынюшка кобелемъ ровно сутки, и обернула его Маринка морскимъ туромъ (Гильф. 1327)^{105 б)}.

Ходилъ Добрыня туромъ шесть мѣсяцевъ (Кир. II. 57), притопталъ всѣ стада своей тетушки Авдотьи Ивановны, и гусиное, и лебединое, и коровъ, и овецъ, и лошадей всѣхъ; догадалась

^{105 б)} Примѣровъ такихъ превращеній можно найти множество въ 1001 ночи. Принцъ Базимъ, напримѣръ, встрѣчаетъ принцессу, которая сперва дѣлается его любовницей, а потомъ хочетъ обратить его въ лошака; принцъ однакоже успѣваетъ обернуть ее, еще прежде, ослицей; но за то и самъ принужденъ обратиться въ птицу, и т. д. Вольнеръ приводитъ много такихъ примѣровъ (стр. 59).

Авдотья Ивановна, что то не туръ гуляль, а родной племянничекъ Добрынюшка (Гильф. 28)¹⁰⁶).

Сидѣла Марина на вечеринкѣ у князя Владиміра; больно напилась она и стала похваляться: «нѣ де въ Кіевѣ хитрѣе и умнѣе меня; обернула я девять богатырей гнѣдыми турами, а нынѣ отпустила десятаго молодца Добрыню Никитича». Подносила мать Добрынина Афимья Александровна чару вина любимой своей кумушкѣ Аннѣ Ивановнѣ, выпила Анна Ивановна чару, да за тѣ похвальныя слова ударила она по щекѣ Маринку, сшибла ее съ рѣзвыхъ ногъ, топтала по бѣлымъ грудямъ, стала Маринку ругать сестра Добрынина: «чѣмъ ты это б...ь хвастаешься; оборочу я тебя сѣрой сукою и станешь ты бѣгать позадь гумна съ борзымъ кобелемъ» («станешь ты Маринка за собой много псовъ водить» — Кир. II. 59). И взяла она дубовыхъ дровъ и зажгла ихъ съ заговоромъ: «загоритесь, загоритесь, дубовыя дрова, разгорись, разболѣйся у Маришки ретиво сердце по Добрынѣ Никитичѣ». И разгорѣлось сердце Маришкино, побѣжала она въ зеленыя дуга, созвала своихъ туровъ (Кир. II. 42), обернулась косаточкой, прилетѣла въ поле, да сѣла Добрынѣ на правый рогъ, говоритъ ему: «возьмитко меня Добрыня за себя замужъ, да скажи, что не станешь бить до смерти, и оберну тебя по прежнему добрымъ молодцемъ». И говоритъ ей Добрыня: «право возьму, ей Богу возьму, только дамъ тебѣ Маринка поученьице, какъ

¹⁰⁶ Въ одной пѣснѣ разсказывается, что узнала про Добрыню превращеніе Афимья Александровна, стала докторовъ по Москвѣ искать, чтобы отвернуть Добрынюшку, да не нашла; и поѣхала она въ Кіевъ градъ, нашла тамъ бабушку задворенку, которая обѣщала ей вернуть Добрыню; поѣхали они обѣ въ Москву на Вшивую горку, взяла здѣсь бабушка лукъ Добрынинъ, и пустила изъ него стрѣлу, наговаривая: «доищи ты Добрынюшку, пусть бѣжитъ въ Москву на Вшивую горку». И прибѣжалъ туда Добрынюшка добрымъ молодцемъ; а Маришку бабушка задворенка обернула собакою (Рыбн. III. 94).

По другому пересказу мать Добрыни нарядилась старухой, пришла къ Маринкѣ, говоритъ ей: «поверни ты своихъ девять туровъ добрыми молодцами, а не повернешь, оберну тебя сорокой погуменною, и летай ты до вѣку». Испугалась Маринка, повернула туровъ своихъ добрыми молодцами: «подите», говоритъ, «къ своимъ домамъ, къ своимъ женамъ, ко отцамъ—матерямъ, а молитте Бога за старуху за старую!»

мужья своихъ женъ учать» (Кир. II. 59). Оборотила Маринка Добрыню по прежнему добрымъ молодцемъ, сама она обернулась дѣвицей; повѣнчались они кругъ ракитоваго куста¹⁰⁷), и пошли въ Кіевъ въ Маришкинъ теремъ. Входитъ Добрыня въ покой и говоритъ Маринѣ: «и что это у тебя Марина въ теремѣ Спасова образа нѣтъ; некому помолиться, а и чай моя сабля острая заржавѣла» (Кир. II. 60); или: говоритъ Добрыня Маринкѣ: «ты Маринка б...ь не годишься мнѣ». И сталъ онъ Марину учить: первое ученье отсѣкъ руку, — «рука де мнѣ эта не надобна, трепала она змѣя Горыничя»; второе ученье, отсѣкъ ей ногу, — оплеталась де она съ Змѣемъ Горыничемъ; третье, отрѣзалъ губы съ носомъ, — цѣловали эти губы Горынице; а четвертое ученье, отсѣкъ Маринкѣ голову и языкъ прочь, зналъ де онъ дѣла еретическія (Кир. II. 60)¹⁰⁸). Собиралися попы, протопопы всѣ, дѣлали огни палящіе, жгли Маринкино тѣло; какъ во всякомъ суставѣ у ней по змѣеньшу, да по гаденьшу (Гильф. 835). По другимъ пересказамъ Маринка кончилась иначе: по одному — Катерина Никитична обернула Маринку въ суку долгохвостую; кобели за Маринкой гоняются, малы ребята палками въ нее мѣтаются (Кир. II. 48); по другому — Добрынина мать обернула Маринку въ щей сорокой; она изъ подъ гумна всѣхъ сорокъ повыгоняла, изъ чиста поля всѣхъ сорокъ повытащила (Гильф. 1090).

Есть еще нѣсколько пересказовъ о волокитствѣ Добрыни за Маринкой.

¹⁰⁷ Или, какъ говорится въ народѣ, вѣнчались вокругъ ели, а черти пѣли (Ф. Буслаевъ, Очерки, I. 83). О вѣнчаніи вокругъ ракитоваго куста по языческимъ обрядамъ см. у Аванасьева: Поэтич. возр. II. 324.

¹⁰⁸ Въ одной пѣснѣ Сагайцевъ, богатырь Ай-Толызы, желая наказать свою невѣрную жену, рубить ей ноги до колѣнъ, руки до локтей, и потомъ выбрасываетъ ее за окно (Radloff, Proben, II. 191). Такого рода казни встрѣчаются въ индійскихъ и германскихъ источникахъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 426). Отрѣзываніе губъ напоминаетъ народное преданіе о томъ, что Петръ приказалъ отрѣзать губы у Фрейлины Гамильтонъ, которая была казнена за убійство своего незаконнорожденнаго ребенка. По духовнымъ законамъ, отрѣзываніе носа и ушей назначалось за любодѣянне съ попадѣй или черницей.

А. Задумалъ Добрыня жениться на Маринкѣ; отговариваетъ его старшая сестра его Катерина Никитична: «девять князей жениховъ своихъ извела де Марина, изведетъ и тебя десятаго». Не послушалъ таки Добрыня; обернулся онъ сизымъ голубемъ и прилетѣлъ на окно въ Маринкинъ теремъ свататься.

Въ тѣ поры лежала Маринка на постелюшкѣ, на рукѣ у ней лежалъ лютый змѣй, а на другой два змѣеныша; и хотятъ они Добрыню зажечь-запалить; и вскочила Маринка съ постели, схватила Добрыню за руки, стала его цѣловать въ уста сахарныя,—да и обернула его бѣлымъ туромъ: «иди де во чисто поле, выдирай тамъ траву съ ржавчиной, запивай траву водой болотною» (Кир. II. 46).

Б. Пришелъ Добрыня къ Маришкѣ, смотритъ она съ Змѣемъ въ полотняной палаткѣ сидитъ, *кладится* (вѣжится); не стерпѣлъ Добрыня такого вида, застрѣлилъ Горынчища, и говоритъ Маринкѣ: «хочешь за меня за мужъ идти». Согласилась Маринка; и повѣнчались они въ чистомъ полѣ, кругъ ракитова куста; и становилъ ее Добрыня противъ себя, и далъ ей три поученьца, (см. ниже), т. е. отрубилъ ноги, руки и голову (Гильф. 470).

В. Маринка, увидѣвъ Добрыню, зазвала его къ себѣ въ теремъ, подносила ему всякія яства и чару съ питьемъ; въ ту чару было змѣиной силы положено. Плеснулъ изъ нея Добрыня кобелю мелединскому (меделянскому?),—рѣзорвало кобеля; и вынулъ Добрыня саблю острую, и отсѣкъ Маринкѣ голову (Рыбн. I. 173).

Г. Обѣщаетъ Туръ жениться на Маринкѣ; отворотила она его добрымъ молодцемъ и обвѣнчалась съ Добрынею въ Кіевѣ у князя Владиміра. Приходятъ они въ свои палаты, и кричитъ Добрыня, чтобы подали ему саблю вострую. Тутъ его Маринка обернула сперва горностаемъ, потомъ соколомъ; вымолился ей Добрыня, отвернула его опять добрымъ молодцемъ. Тутъ Добрыня саблю схватилъ и голову ей отсѣкъ (Гильф. 29).

Д. Наконецъ есть еще одинъ пересказъ, въ которомъ вмѣсто Маринки выведена Настасья Митревна. Раскинулъ Добрыня

бѣлъ шатеръ и сталъ забавляться съ Настасьею Митривной; и наѣзжаетъ нечистый духъ Гришка-Растришка, говоритъ Настасьѣ: будешь за Добрыней, станутъ звать тебя бабой портомойницей; за меня пойдешь, станеть тебѣ старый да малый кланяться». И схватила Настасья Добрыню за желтыя кудри, и приковала его къ дубу, а сама стала забавляться съ нечестивымъ. Прилетаютъ на ту пору три голубка, и кричатъ они звонкимъ голосомъ: «за что это головушка прикована, ради дѣвки дуры, б... и-сводницы?» Видитъ Настасья Митревна, бѣда неминучая, и говоритъ она Добрынѣ: «не станешь бить меня, пущу, не то палицей убью». И сорвалъ Добрыня сырой дубъ, и далъ онъ Настасьѣ поученьце (т. е. отсѣкъ руки, ноги и голову, какъ Маринкѣ.—Гильф. 934)¹⁰⁹).

3. Женитьба Добрыни; ссора изъ за жены съ Алешей Поповичемъ. Про женитьбу Добрыни въ былинахъ находятся два совершенно разныхъ пересказа. Въ одномъ Добрыня женится двѣнадцати лѣтъ на Акулинѣ Микуличнѣ (Кир. II. 11), она же—Аграфена Григорьевна (Кир. II. 14), Настасья Гурьевна или Гурьешна (Кир. II. 17) и Настасья Никулична (Кир. II. 20). По другому же пересказу, чисто мифическому и стоящему въ исторіи Добрыни особнякомъ, женитьба Добрыни происходитъ слѣдующимъ образомъ: послѣ того какъ Добрыня убилъ Змѣища Горынчища и передалъ освобожденную имъ Запаву Путятичну Алешѣ Поповичу для доставленія ея въ Кіевъ, наѣзжаетъ онъ на *паленицу, женщину великую*, и ударилъ онъ ее въ голову своей палицей булатною; паленица и назадъ не оглянулась^{109 а)}; *приужахнулся* Добрыня, отъ-

¹⁰⁹) Это повтореніе исторій о томъ, какъ училъ жену свою Настасью Митревну Иванъ Гоудиновичъ, за то, что она связалась съ царемъ Афромеемъ (Кирша Даниловъ, 145); въ другомъ пересказѣ Иванъ Гоудиновичъ замѣненъ Иваномъ Богатыремъ (Рыбн. III. 118). Въ Пантштантрѣ такое же наказаніе производится надъ злою женщиной, измѣнившей своему мужу (Wollner, 61); рассказъ очень сходенъ съ рассказомъ о Гоудиновичѣ.

^{109 а)} Точно такъ Андроновъ поваръ ударилъ Бову въ голову горячею голубнею, «и Бова на мѣстѣ не тряхнулся» (I. 101). Также точно ударилъ Бову по головѣ Полканъ богатырь цѣлымъ дубомъ (I. 106); сравните выше сказаніе о Святогорѣ богатырѣ.

ѣхалъ въ сторону, смотритъ дубъ толщиной шесть сажень стоитъ, ударилъ онъ его палицей, весь по ластынямъ (на драни) расшибъ; самъ говоритъ про себя: «сила у Добрыни по старому, а смѣлость не по старому». Догналъ онъ паленицу въ другой разъ, и въ другой ударилъ ее въ голову, паленица назадъ и не оглядывается; попробовалъ силу свою Добрыня въ другой разъ надъ дубомъ въ двѣнадцать сажень, и этотъ разшибъ онъ на ластынья. Собрался Добрыня, ударилъ паленицу въ голову въ третій разъ; тутъ только паленица назадъ *приоглянулася*, сама говоритъ: «думала я комарики покусывають, а это русскіе могучіе богатыри пощелкивають», схватила Добрыню за желтыя кудри, да и посадила его къ себѣ въ карманъ. Трое сутокъ возила она его въ карманѣ (какъ Святогоръ Илью Муромца), и сталъ конь ея жаловаться: «не могу де Настасья Никулична васъ съ богатыремъ везти; конь у богатыря *супротивъ меня*, а сила у богатыря *супротивъ тебя*». И сказала паленица: «ежели богатырь старый, я ему голову срублю, ежели молодой—въ полонъ возьму; а ежели въ любовь придетъ—за него за мужъ пойду». Выкинула она Добрыню изъ кармана, понравился ей Добрыня; и поѣхали они въ Кіевъ вѣнчаться (Кир. II. 30; Рыбн. I. 129)^{109 6)}.

Случилось Добрынѣ, по приказу князя Владиміра, въ дальнюю сторону ѣхать, и приказываетъ онъ женѣ своей (Памелѣ Тимоѳеевнѣ—Кир. II. 7) ждать его 12 лѣтъ (три года—Кир. II. 11; девять лѣтъ—Лѣтоп. Тихонр.; Костоморовъ. IV. Отд. II. 8), а потомъ говоритъ: «выходи хоть за князя, за барина, хоть за та-

^{109 6)} По справедливому замѣчанію Вольнера, этотъ бой Добрыни съ Настасьей составляетъ въ былинѣ о Добрынѣ совершенно недущую къ дѣлу вставку и прямо заимствованъ изъ разсказа о Святогорѣ, котораго Илья три раза колотилъ въ голову и который наконецъ взялъ его, да съ конемъ въ карманъ посадилъ (стр. 66). Такое дѣйствіе вполнѣ прилично Святогору богатырю, котораго и земля насилу носить, и ни сколько не гармонируетъ съ разсказами о Настасьѣ, женѣ Добрыни.—Дѣвки поляницы извѣстны и въ германскомъ эпосѣ (О. Миллеръ, Илья Муром., 83). Богатырская Валькирія Брунегильда, вышедши за мужъ за Гюнтера и потерявъ дѣвство, и наша паленица, вышедши за Добрыню,—обѣ теряютъ прежнюю богатырскую свою силу и дѣлаются обыкновенными женщинами (Rimbaud. 67).

тарина; только не выходи за Алешу Поповича» (Кир. II. 7; за Чурилу Пленковича—Рыбн. II. 23)¹¹⁰⁾.

Стала ждать Настасья Добрыню; ждетъ три года, день за днемъ будто дождь дожжитъ, недѣля за недѣлей какъ трава растеть, а годъ за годомъ какъ рѣка бѣжитъ,—ждетъ она еще три года;—въ ту пору приѣзжаетъ изъ чистаго поля Алеша Поповичъ, привозитъ онъ вѣсточку нерадостную, что де нѣтъ въ живыхъ Добрыни Никитича: лежитъ онъ въ чистомъ полѣ, буйна голова испроломлена, могучи плечи испрострѣлены. *Желешенько* плакала его матушка, *слезила она* очи ясныя по своему родномъ дитяткѣ. И сталъ къ женѣ Добрыниной поѣзживать князь Владиміръ, сталъ посватывать Настасью Никуличну,—«нельзя де тебѣ жить молодой вдовой». Отказала ему Настасья Никулична,—«ждала де я Добрыню шесть лѣтъ,—исполню заповѣдь его, прожду его еще шесть лѣтъ». Прошли и заповѣдные шесть лѣтъ, не бывалъ Добрынюшка съ чистаго поля; и порѣшила Никулична выдти за мужъ за Алешу Поповича (Кирѣев. II. 33; обвинчалъ ее съ Алешей князь Владиміръ силою—Рыбн. II. 26). А Добрыня былъ въ то время у Царя-града; и сталъ подъ нимъ конь спотыкаться: «ахъ ты волчья сыть, ты медвѣжья шерсть; зачѣмъ это ты спотыкаешься?»—говоритъ Добрыня. И отвѣчаетъ ему конь голосомъ человѣческимъ, что де Настасья Никулична за мужъ пошла за Алешу Поповича, что у нихъ третій день уже пиръ идетъ, а сегодня имъ принимать по злату вѣнцу¹¹¹⁾.

Разгорячился Добрынюшка, бьетъ своего бурку въ хвостъ и въ голову; съ горы на гору его бурушко поскакиваетъ, рѣки—озера перескакиваетъ, мимо башни черезъ стѣну городовую перемахнулъ, и прямо на дворъ приѣхалъ къ Мамелѣ Тимоѳеевнѣ (Кирѣев. II. 34). Дома Добрыня застаётъ одну мать, которая

¹¹⁰⁾ Въ другомъ пересказѣ: ни за купца, ни за барина, ни за московскаго гостя, а за русскаго богатыря.

¹¹¹⁾ Въ другой пѣснѣ эту вѣсть разсказываетъ голубъ своей голубкѣ, Добрыня ихъ подслушиваетъ (Рыбн. III. 87); еще въ другой, вѣсть эту разсказываетъ служаночка Добрынина, которая прилетаетъ къ нему, обратившись въ колицу (Гильф. 177).

сперва не признала его; но онъ показываетъ ей знадебку (родинку)¹¹²⁾ на правой ногѣ (Кир. II. 16; подъ правой ладьюхой.— Рыбн. II. 29; бороздинку на лицѣ.—Гильф. 1305); тогда мать узнаетъ Добрыню и объявляетъ ему, что Настасья выходитъ за мужъ за Алешу Поповича; у нихъ тысяцкимъ самъ князь Владиміръ, а въ дружкахъ Илья Муромецъ, и въ этотъ часъ играютъ они свадьбу. Добрыня переодѣвается скоморохомъ, беретъ гусли и идетъ на свадебный пиръ (Кир. II. 7. 37; Каликой.—Кир. II. 13; накрутился Каликою.—Рыбн. I. 12); здѣсь начинаетъ онъ наигрывать пѣсню: «лежали де гусельки кряду шесть лѣтъ, да еще три года, да еще годъ, а на десятомъ играть стали»,—да еще другую пѣсню: «гдѣ это видано да слыхано, отъ жива мужа за мужъ идти» (Кир. II. 7). Подноситъ Добрыня Настасью чару вина, а въ чару опустилъ свой перстень: «выпей, говоритъ, чару до дна, а не выпьешь до дна, не увидишь добра». Выпила Настасья чару до дна, видитъ на днѣ обручальный ея перстень; говоритъ Владиміру: «не тотъ мужъ, который подлѣ меня, а тотъ, который супротивъ меня», и выскочила изъ за стола дубоваго, да налила чару зелена вина въ полпята ведра, и подноситъ Добрыню (Кир. II. 8, 9, 38), падаетъ ему въ ноги, говоритъ: «ты прости жонку неразумную» (Кир. II. 14), кричитъ: «прямо скачу, обезчещу столы!».

И говоритъ ей Добрыня: «а и ты, душка Настасья Никулична, прямо не скачи, не безчести столы, будетъ пора—кругомъ обойдешь», и вывелъ Настасью изъ за убранныхъ столовъ, и говорилъ такое слово: «гой еси мой названный братъ Алѣша Поповичъ младъ! Здравствуй женимшись, да не съ кѣмъ спать» (Кир. II. 22, 23)¹¹³⁾. «Я, говоритъ Настасья, ждала, да в. к. Владиміръ нудилъ, какъ не пойдешь за мужъ не будетъ тебѣ мѣста ни въ Кіевѣ, ни за Кіевомъ» (Рыбн. III. 83).

¹¹²⁾ Эпизодъ этотъ напоминаетъ Улика и его кормилицу въ Одиссеѣ. О родинкахъ, см. у О. Миллера: Илья Муром. 526.

¹¹³⁾ Вся эта исторія о возвращеніи безъ вѣсти пропавшаго мужа къ женѣ, со всѣми приговорками: «прямо скачу...» и «не съ кѣмъ спать», почти дословно повторена изъ прекрасной былины о Соловѣ Будиміровичѣ и Запавѣ

По другому пересказу, Настасья сама себя Алешѣ Поповичу просватала и уѣхала съ нимъ жить въ Смоленскъ, куда на пиръ къ Алешѣ являлся Добрыня (О. Миллеръ, Илья Муром., 494). «Не дивлюсь я, отвѣчаетъ ей Добрыня, разгулу женскому, что волосъ дологъ, да умъ коротокъ^{113 а)}; ихъ куда ведутъ, они туда идутъ, а дивлюсь солнышку Владиміру да княгинѣ Апраксіи, что они живаго мужа жену просватали; кабы ты не Владиміръ князь, назвалъ бы я тебя сводникомъ а государыню княгиню сводницей»

Путятичѣ (Кирша Даниловъ, 12), гдѣ она рассказана оригинальнѣе несравненно. Племянница в. к. Владиміра Запава Путятична зашла сама въ теремъ къ Соловью Будиміровичу, захотѣла полюбопытствовать, что у него дѣлается.

«Вта поры Соловей, онъ догадливъ былъ,
Подхватилъ дѣвицу за бѣлыя ручки,
Клалъ на кровать словныхъ костей,
Да на тѣ ли перины пуховыя;
«Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы де оба на возрастѣ».
«А и я-де дѣвица на выданѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься».
Тутъ они и помолвили».

Но этимъ не кончилось; мать усылаетъ Соловья за море,—прошелъ слухъ, что онъ померъ; Владиміръ рѣшаетъ отдать Запаву за Голаго Щапа. Уже сыграли свадьбу, пиръ идетъ горой,—въ это время являлся Соловей. «Вотъ мой прежній обрученный женихъ, кричитъ Запава, пустите меня къ нему, не то: «Прямо сударь скачу—обезчещу столы!»

Но до этого конечно не довели дѣла; Запаву выпустили къ Соловью, и сѣли они на большое мѣсто. Не утерпѣла таки Запава и тутъ, чтобы не отбрызнуть голаго Щапа:

«Здравствуй!»—говоритъ ему, «женимши, да не съ кѣмъ спать» (Кирша Даниловъ, М. 1818, 12).

Сказаніе о неожиданномъ возвращеніи мужа къ женѣ, въ то время, когда она выходитъ за мужъ за другого, встрѣчается въ нѣмецкой повѣсти о рыцарѣ Брауншвейгѣ (Bulletin de l'Acad. Imp. des Sc. de S. Pétersb. IV. 279; статья Акад. Шифнера), и въ другихъ повѣстяхъ (О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 526).

^{113 а)} Эти слова повторяются и въ сказкѣ о Бовѣ Королевичѣ; тамъ же рассказывается эпизодъ, напоминающій исторію Добрыни съ женою: Бова много печалился о потерѣ супруги своей Дружевны, и рѣшился жениться на царевнѣ Мельчигриі, которая передъ тѣмъ сама за него насильно сваталась. Когда у Бовы шелъ сватѣбный пиръ, дѣти Дружевны вошли въ палату и объявили ему, что Дружевна жива; Бова оставилъ Мильчигрию и отправился къ прежней женѣ своей (I. 113).

(Рыбн. III. 75). *И солнышку Владимиру къ стыду пришло*; и говоритъ Алешенька Григорьевичъ (Кир. II. 39): «прости меня братецъ названный за то, что посидѣлъ я подлѣ твоей молодой Настасьи Никуличны». «Въ этой винѣ», отвѣчаетъ Добрыня, «я прощаю тебѣ, только не прощу тебѣ другой вины, что привозилъ ты моей матушкѣ вѣсточку нерадостную, что Добрыня убить-лежитъ въ чистомъ полѣ, буйна голова испроломлена, могучи плечи испрострѣлены, что слезила моя матушка свои очи ясныя и желешенько по мнѣ плакала; этой вины я тебѣ не прощу».

И выхватилъ онъ Алешу изъ за дубоваго стола, бросилъ его о кирпичный полъ, выдернулъ шалыгу подорожную (гусями яровчатыми—Гильф. 138), да и началъ его шалыгой ухажи вать (Рыбн. I. 39; Кир. II. 40), такъ что и не разберешь оханья отъ хлопанья. Насилу Илья Муромецъ удержалъ его, а тобы совсѣмъ Алешу убилъ (Рыбн. I. 145).

Въ другомъ пересказѣ, Добрыня Алешу совсѣмъ убилъ (Гильф. 357); въ третьемъ рассказывается, какъ послѣ пира Добрыня съ Алешей сѣзжаются на смертный бой (Кир. VII. доп. 11); а въ четвертомъ говорится, что Алеша постригся посихмился, пошелъ въ монастырь (Гильф. 1097).

4. Служба при князѣ Владимірѣ и другіе подвиги Добрыни.

А. Говоритъ Владиміръ своимъ богатырямъ: «а ктобы сослужилъ мнѣ службу дальнюю, ктобы сѣздилъ въ орды немирныя, да очистилъ дороги прямоѣзжія до моего тестя любимаго Этмануйла Этмануйловича, вырубилъ бы Чудь бѣлоглазую, прекратилъ Сорочину долгополую, да Черкесь Пятигорскихъ, да Калмыковъ съ Татарами, и Чукшей и Алюторовъ». Позамялись богатыри, хоронится большой за меньшаго; одинъ Добрыня Никитичъ впередъ вышелъ, и взялся исполнить княжеское порученіе (Кир. II. 18)¹¹⁴. Передъ отѣздомъ Добрыня жалуется на свою судьбу матери: «Лучше бы ты снарядила меня бѣленькимъ горячимъ камешкомъ, завернула въ тонкій льняной въ рукавичекъ,

¹¹⁴ По другому пересказу: ѣдетъ въ землю Тальянскую (Гильф. 637).

Спустидабы меня въ синѣ море:
Я бы вѣкъ Добрыня въ морѣ лежалъ,
Я не ѣздилъ бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивалъ Добрыня неповинныхъ душъ,
Не пролилъ бы крови я напрасныя,
Не слезилъ Добрыня отцовъ, матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ» (Кир. II. 30).

Б. Невѣжа требуетъ отъ князя Владиміра поединщика; выходитъ противъ него Добрыня (Рыбн. III. 70), и убиваетъ его (Рыбн. II. 16).

В. Князь Владиміръ посылаетъ богатыря Василя Казиміровича въ большую орду Заоданскую (въ Астрахань.—Кир. II. 91), къ царю Батыю (Батяну Батяновичу.—Гильф. 488) везти дань: 12 соколовъ, 12 кречетовъ и три мисы золота, серебра и жемчуга¹¹⁵). Выпросилъ себѣ Василій Казиміровичъ въ товарищи Добрыню Никитича, да Марка Паробка (Кир. II. 84; Иванушку Дубровина.—Рыбн. 148). И поѣхали богатыри въ орду, не взяли они съ собой ни дани ни пошлыны, взяли одинъ лучишко дорожный. Приѣзжаютъ они къ Батыю, Добрыня остался въ сѣняхъ; Василій Казиміровичъ одинъ въ палаты пошелъ, и говоритъ онъ Батыю: «изволь де принять дани и пошлыны отъ ласкова князя Владиміра». Не принимаетъ отъ нихъ даровъ Батый; «не видать вамъ богатыри земли Русской», говоритъ онъ имъ (Кир. II. 91). Тогда выходитъ Добрыня и предлагаетъ ему держать три заклада на голову (Кир. II. 92).

Въ первый закладъ играетъ царь съ Добрыней въ тавлеи вальящеты¹¹⁶); Добрыня обыгрываетъ его на четвертомъ ходу

¹¹⁵ По замѣчанію А. Хомякова, долгополый Василій Казиміровичъ представляетъ типъ стариннаго дьяка—граматника (Моск. Сб. 1852 г., 329).

¹¹⁶ Бергманъ рассказываетъ, что у Калмыковъ въ большомъ употребленіи персидская игра, называемая по калмыцки *narrg*, а по русски *тавлея*: играютъ на низенькомъ столикѣ, у каждаго игрока по шести мѣстъ (квадратиковъ), по которымъ мечутъ бѣлые и черные камешки (Стасовъ, Вѣстн. Европы 1868,

(Кир. II. 85; или же: Добрыня проигрываетъ 1-ю игру и въигрываетъ вторую и третью. — Рыбн. I. 156).

Второй закладъ былъ на борьбу: Добрыня пошелъ бороться съ татарами, а король Бутеянъ Бутеяновичъ съ Васильемъ Казиміровичемъ и съ Иванушкой Дубровичемъ пошли на балконы королевскіе, смотрѣтъ на борьбу богатырскую. И сталъ Добрыня татаръ понихивать; а татары стали на него наступать по двое и по трое, а потомъ цѣлыми десятками. Видитъ Добрыня дѣло плохое, схватилъ онъ одного татарина за ноги, сталъ имъ по сторонамъ помахивать, а самъ закричалъ во всю глотку: «ай же братцы мои крестовые! поспѣвайте ко мнѣ на выручку». Побѣжалъ тутъ Иванушка Дубровинъ на широкій дворъ, схватилъ ось желѣзную, и сталъ татаръ поколачивать; бились богатыри цѣлыя сутки *не пдаючись, не пиваючись*, и сталъ просить король Бутеянъ Бутеяновичъ Василья Казиміровича унять ихъ: «возьми де отъ меня грамату повинную, буду платить дани князю Владиміру до вѣку» (Рыбн. I. 161; Гильф. 494).

Въ третій закладъ царь предлагаетъ Добрынѣ стрѣлять изъ лука. Триста татаровей приносятъ громадный царскій лукъ; взялъ его Добрыня въ руки, натянулъ тетиву, лопнулъ лукъ¹¹⁷; тогда

Июль, 303; О. Миллеръ, Илья Мур. 508). Кромѣ игры въ шахматы и тавлеи въ XVII вѣкѣ существовали еще игры въ саки и бирки, какъ это видно изъ приказа (13 сент. 1680 г.): взять изъ Оружейной полаты доски шахматныя, тавлейныя, сачныя, бирковыя, шахматы, саки, тавлеи, бирки и прислать наскоро (Расходи кн. Оруж. Пал.: Забѣлинъ, Бытъ Царей, стр. 132). Шахматы также часто встрѣчаются и въ Западныхъ легендахъ XII вѣка: западные богатыри не только играютъ въ шахматы, но въ принадлежѣ гѣва проламываютъ другъ другу шахматными досками головы (Рембо, La Russie épique, 188).

Самое названіе *тавлея* происходитъ отъ греческаго τὰβλί, латинск. tabula; на древненѣмецкомъ tavala, среднентаал. tavele (Θ. Буслаевъ, 12 присудж. Уваров. награда, 71). Въ нашихъ былинахъ подъ этимъ именемъ разумѣется простая игра въ шахматы (ступилъ ходъ—мать получила); эта игра у поморъ и теперь въ употребленіи.

¹¹⁷ В. В. Стасовъ указываетъ на сходство съ этимъ рассказомъ рассказа изъ Гариванзы, въ которомъ Кришна ломаетъ огромный лукъ, принадлежащій царю Кансѣ; затѣмъ, вмѣстѣ съ Сонкаршавой, борется съ тремя борцами, и убиваетъ ихъ; борьба эта происходитъ въ театрѣ, гдѣ царь Канса сидитъ въ особой царскій ложѣ (балконѣ); наконецъ Кришна убиваетъ самаго Кансу (стр. 658). Въ Рамаиѣ лукъ привозятъ на колесахъ, съ трудомъ, 800 человекъ; Рама

приноситъ ему Михайло паробокъ дорожный его лучишко; а въ томъ лукѣ были устроены гусли, и заигралъ на нихъ Михайла, такъ что всѣ заслушались; взялъ лукъ Добрыня, выстрѣлилъ онъ въ матерый дубъ, расшибъ весь дубъ на ножевое черенъе, да еще дальше полетѣла стрѣла въ пещеру бѣлокаменную, убила тамъ змѣя троеглаваго (или же: стрѣляетъ три раза на ножевое остріе, такъ что стрѣла, разрѣзавшись на двое, пролетаетъ сквозь кольцо)¹¹⁸). Вскочили наши богатыри на добрыхъ коней, не дали Батью ни дани ни пошлыны, уѣхали въ Кіевъ (Кир. II. 89). По другому пересказу закладъ былъ такой, чтобы разсѣчь стрѣлою копье пополамъ и на трое и на четверо. Сталъ стрѣлять Батый, натянулъ тетиву, и лопнулъ его лукъ. Тутъ богатыри сѣли на своихъ коней, и начали бить силу татарскую; взмолился имъ Батый: «не надо мнѣ вашей ни дани ни пошлыны, только оставте мнѣ людей хоть на сѣмена» (Кир. II. 92).

Г. Рассказъ о томъ, какъ Добрыня ѣздилъ съ Ильею и другими богатырями въ Царьградъ къ царю Константину Боголюбовичу, и какъ они перебили тамъ его богатырей, помѣщенъ выше (Кир. IV. 38).

Д. Тамъ же помѣщенъ рассказъ о томъ какъ под-атаманъ Добрыня съ атаманомъ Ильей Муромцемъ и есауломъ Алешей Поповичемъ стояли на заставѣ, и какъ Добрыня былъ посланъ за Нахвальщикомъ. Струсилъ тогда Добрыня Нахвальщика, Господу взмолился и мати Пресвятой Богородицѣ: «унеси Господи отъ Нахвальщика» (Кир. I. 49).

Е. По приказу князя Владиміра ѣздилъ Добрыня въ землю Волинскую, въ городъ Галичъ, къ матери богатыря Дюка Степановича, смотрѣтъ, точно ли у нихъ такое богатство во всемъ, какъ Дюкъ рассказываетъ (Рыбн. III. 163).

натягиваетъ его и разламываетъ по поламъ; за этотъ подвигъ царь Гонока отдаетъ за него красавицу Ситу (Рамаана, I. 176; Стасовъ, 660). См. у О. Миллера сопоставленіе этого эпизода съ рассказомъ о натягиваніи лука Улисомъ въ Одисеѣ (Илья Мур. 114).

¹¹⁸ По одному пересказу Добрыня стрѣляетъ три раза: въ первый разъ онъ перестрѣлилъ, во второй не дострѣлилъ, а въ третій не попалъ вовсе (Рыбн. I. 159).

Ж. Добрыня въ Кіевѣ побратался съ богатырями Потапомъ Михайловымъ, Алешей Поповичемъ (Кирша Д. 215) и Ильєю Муромцемъ. Этотъ послѣдній особенно любилъ Добрыню¹¹⁹⁾, такъ что только одинъ Добрыня и могъ усмирять гнѣвъ расхваливагося Ильи Муромца (Рыбн. II. 345). По наставленію Ильи Муромца, Добрыня пересиливаетъ и побѣждаетъ Бабу Горынянку; по его же наущенію Добрыня отказывается идти въ бой на Калина царя, отзываясь усталостію (Рыбн. I. 106).

З. Въ одной пѣснѣ о Добрынѣ рассказывается тоже, что и объ Ильѣ Муромцѣ, какъ онъ перескочилъ на конѣ своемъ черезъ двѣ закопани, и попалъ въ третью; тамъ напали на него татары, связали и собирались уже отрубить ему голову; но Добрыня оправился, сорвалъ съ себя кандалы и перебилъ татарскую силу (Рыбн. II. 36). См. выше рассказъ о борьбѣ Ильи Муромца съ Невеличкой.

И. Случилось, что Добрынюшка проштрафился противъ князя Владиміра, и приказалъ князь Владиміръ посадить его въ темницу крѣпкую; сидитъ Добрыня три мѣсяца; и прознала про то его матушка, пришла Владиміру выговаривать, за что онъ безъ вины Добрыню въ темницу посадилъ; и задумалъ Владиміръ погубить Добрыню, посылаетъ его въ поганую Литву къ Литовскому королю, выправлять дани за двѣнадцать лѣтъ (Гильф. 605)¹²⁰⁾.

К. Выручаетъ Добрыню его жена; она переодѣвается богатыремъ и, назвавшись посломъ земли турецкой, побѣждаетъ высланнаго противъ нея богатыря тѣмъ, что попадаетъ стрѣлою въ кольцо; никто изъ богатырей не можетъ этого продѣлать. По ея требованію Владиміръ принужденъ вызвать изъ темницы Добрыню Никитича и отдать ей (Гильф. 670)¹²¹⁾.

¹¹⁹⁾ Въ одномъ пересказѣ Добрыня поименованъ въ числѣ зятьевъ Соловья разбойника (Кир. I. 28. см. выше).

¹²⁰⁾ Извѣстія о посылкѣ за данью богатырей встрѣчаются и въ лѣтописяхъ: въ 1071 году былъ посланъ собирать на князя дань въ Бѣлоозерскомъ краю воевода Янъ сынъ Вышатины (Поли. Собр. Лѣтопис. I. 85).

¹²¹⁾ Это—сокращенное повтореніе пѣсни о Ставрѣ бояринѣ. Князю Владиміру донесли на Ставра, будто хвастаетъ онъ, что у него палаты богаче княжескихъ и дворъ лучше Кіевского. Владиміръ приказываетъ посадить Ставра

Л. Есть особая пѣсня о боѣ Добрыни Никитича съ Алешей Поповичемъ: ѣдетъ Добрыня по полю, видитъ шатеръ поставленъ,

въ тюрьму, дворъ его запечатать, а молодую жену доставить къ нему въ Кіевъ. Узнала про то Ставрова жена, переодѣлась въ мужское посольское платье, и пріѣхала, съ великой свитою, къ Владиміру грознымъ посломъ изъ Золотой Орды Васильемъ Ивановичемъ, требовать отъ него дани пошлины за двѣнадцать лѣтъ, по три тысячи за годъ. Струсилъ Владиміръ; говоритъ тутъ ему Апраксѣвна: «не печалуйся, государь, не грозный то посолъ Василій Ивановичъ, а то Ставрова молодая жена Василиса Микулична». И сталъ князь посла испытывать; сперва выслалъ противъ него богатырей бороться, и изуродовалъ ему посолъ трехъ богатырей; потомъ стали стрѣлять богатыри въ сырой дубъ, посолъ изъ своего лука каленаго стрѣлою сырой дубъ въ ножевые черенья изщепилъ, Владиміръ князь окорачъ напоздался, всѣ могучіе богатыри встаютъ, какъ угорѣлые. Заставилъ Владиміръ посла играть *въ шахматы золотыми тавлеями*; поигралъ посолъ первую и вторую заступъ, и въ третью заступъ *шахъ и матъ* далъ Владиміру. Нечѣмъ Владиміру платить дани пошлины. «Изволь меня посолъ головой взять, съ женой», говоритъ онъ послу. Сталъ онъ потомъ посла угощать и всякими весельями забавлять; и спрашиваетъ его посолъ: «нѣтъ ли у тебя кому въ гусли поиграть?» И вспомнилъ Владиміръ про Ставра боярина, велѣлъ его расковать, и привести на пиръ. Привели Ставра; сталъ онъ на гуслихъ наигрывать,

«Сыгришь сыгралъ Царя-града,
Танцы навелъ Іерусалима,
Величалъ Князя со Княгиною,
Сверхъ того игралъ Еврейскій стихъ».

И говоритъ посолъ Владиміру: «не нужны мнѣ твои дани выходы, отдай мнѣ одного Ставра боярина»; отдавалъ князь Владиміръ послу Ставра съ великой радостію, провожалъ онъ посла со княгиною; и становился посолъ у Днѣпра въ палаткѣ,

«Раздѣвался посолъ изъ своего платья посольскаго,
И убирался въ платье женское,
При томъ говорилъ таково слово:
«Гой еси, Ставръ, веселый молодецъ!
Какъ ты меня не опознаешь?
А доселева мы съ тобой въ свайку игравали:
У тебя-де была свайка серебряная,
А у меня кольцо позолоченое,
И ты меня поигрывалъ,—
А я тебѣ толды вселды» (Кирша Д. 134).

И догадался Ставръ, что то была жена его.

По другому пересказу жена говоритъ Ставру: «моя была чернильница серебряная, а твое было перо позолочено,

А я то помакивалъ тогда—сѣгды,
А ты то помакивалъ всегда—всегда.

дверь за замкомъ, и на замкѣ надпись: «кто въ шатеръ заходитъ, живъ изъ него не выходитъ»; сбиль Добрыня замокъ, вошелъ въ шатеръ, смотреть—столы съ разными яствами поставлены; поѣлъ онъ-попилъ, еще болѣе того добра на землю пролилъ, да потопталъ, и легъ уснуть. Приѣзжаетъ на то время богатырь Алеша Поповичъ, садится онъ на Добрынинова коня и будитъ Добрыню копьемъ, тупымъ концемъ. Просыпается Добрыня, хватается онъ свою палицу булатную и бѣжитъ биться съ Алешей. Бьются они трое сутокъ: Алеша ѣздитъ на добромъ конѣ, Добрыня поскокиваетъ пѣхотою; только наѣхалъ на нихъ Илья Муромецъ, и помирилъ онъ ихъ; и назвали Добрыня съ Алешей крестовыми братьями, Добрыня старшимъ, а Алеша младшимъ (Гильф. 246).

М. У Рыбникова приведенъ разговоръ Аники воина съ смертію, въ которомъ имя Аники замѣнено именемъ Добрыни (Рыбн. II. 36).

Н. Выѣхали въ поле семь богатырей: Годенко Блудовичъ, Василій Казиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Иванъ Гостиный сынъ, Алеша Поповичъ, Добрыня Никитичъ, да Илья Муромецъ. Наѣхалъ Добрыня на татарскаго богатыря и побился съ нимъ въ рукопашную; татаринъ одолѣлъ Добрыню, убилъ его, распоролъ грудь и вынулъ сердце съ печенью. Провѣдалъ про то Алеша Поповичъ, сыскалъ татарина, одолѣлъ его и уже хотѣлъ зарѣзать, какъ прилетѣлъ на это черный воронъ и говоритъ человѣческимъ голосомъ: «не рѣжь татарина, принесу тебѣ мертвой и живой воды, вспрыснешь ты Добрыню и станетъ онъ опять живъ». Принесъ воронъ тѣхъ двухъ водъ; вспрыснулъ Алеша Добрыню мертвой водой, срослось его тѣло бѣлое, затянулись раны кровавыя; спрыснулъ живой, и пробудился Добрыня отъ мертваго сна, и отпустили богатыри татарина.

О. По другому пересказу Добрыня выѣзжаетъ въ поле, ставитъ шатеръ, живетъ въ немъ долгое время, никого не видитъ; наконецъ приѣхалъ въ поле богатырь-поединщикъ; Добрыня бьется съ нимъ, побѣждаетъ, хочетъ пластать его, но узнаетъ, что то былъ Бухарскій король изъ Золотой орды (должно понимать

его сынъ, —повтореніе эпизода съ Ильей Муромцемъ); онъ подымаетъ его и посылаетъ къ матери съ подарками и челобитьемъ отъ себя. Затѣмъ Добрыня вернулся въ шатеръ и залегъ спать. Бухарскій король тоже вернулся тайкомъ съ дороги, чтобы зарѣзать Добрыню, но тотъ проснулся во время и предалъ короля скорой смерти (Рыбн. III. 81).

П. Добрыня является къ женѣ стараго Пермьты, Катеринѣ прекрасной, поиграть съ нею въ шахматы; два раза обыгралъ онъ ее, а въ третій разъ Катерина не даетъ ему ступить: «не могу де смотрѣть на твою на красу; мое тѣло ходуномъ ходить, тонка бѣлая рубашечка къ тѣлу льнетъ, полны чоботы воды натекли». И сталъ тутъ Добрынюшка попихивать, а тесовая кроваточка поскрипывать (Гильферд. 694). Въ тѣ поры дѣвка поваренка побѣжала къ старому Пермьтѣ, да обо всемъ и рассказала ему; взялъ Пермьта саблю вострую и отрубилъ онъ Добрыни голову (Гильф. 694)¹²²).

¹²²) Этотъ рассказъ сложенъ про Чурилу Пленковича; Чурило Пленковичъ забрался въ теремъ къ Катеринѣ прекрасной, женѣ стараго Бермяты; донесла на нихъ Бермятѣ дѣвка чернавка; Бермята срубилъ Чурилѣ голову, а Катерина сама приколотась (на мечъ пала); послѣ чего, по однимъ пересказамъ, Бермята женится на дѣвкѣ чернавкѣ, а по другимъ онъ (молодой Безмѣръ Васильевичъ) отрубаетъ годовы Чурилѣ и Катеринѣ, дѣвкѣ чернавкѣ и самому себѣ (Гильферд. 78). Этотъ Чурило Пленковичъ—богатырь Алешинной масти, потаскунъ и бабій соблазнитель; про красоту его поется такъ: «двѣ свѣчки горятъ, то Чуриловы ясны очи глядятъ, шея у Чурилы быдто бѣлый снѣгъ, а личико быдто маковъ цвѣтъ, очи быдто у ясна сокола, брови быдто у черна соболя». Глядя на него: «стары старухи костыли грызутъ, а молоды молодичи мошны дерутъ, а красныя дѣвки въ голенища сцутъ». Есть пѣсня, въ которой рассказывается, какъ Чурилою плѣнилась похотливая княгиня Апраксѣвна и какъ она, рушая лебедь, засмотрѣлась на Чурилу, да порѣзала себѣ руку (подобно женѣ Пентефорія). Безъ стыда пристааетъ она къ князю Владиміру, чтобы приставилъ Чурилу къ ней въ постельники. «Суди тебѣ Богъ», сказалъ ей наконецъ взбѣшенный Владиміръ, «что ты мнѣ въ любовь пришла, а то срубилъ бы я тебѣ по плечи буйну голову, что при всѣхъ ты господахъ обезчестила» (Гильф. 1064.—Сравни тоже сказку о Бовѣ Королевичѣ, I. 91). Самое слово Чурило значитъ по сербски—дѣтородный удъ (Миллеръ, Илья Муромецъ), которымъ чурались древнія Римлянки, и котораго носили въ числѣ амулетовъ отъ *глаза* и *порчи*. Отчество Чурилы—«Пленковичъ» (отъ плѣнки), объясненія не требуетъ. Чурилу особенно жаловалъ

Р. Смерть Добрыни. Добрыня подъѣзжаетъ къ рѣкѣ Смородинѣ, и говоритъ ей: «охъ ты рѣчущка быстрая и глубокая Смородина, скажи намъ, есть ли на тебѣ переходы-переброды?» Отвѣчаетъ ему Смородина человѣческимъ голосомъ красной дѣвицы: «перебродовъ на мнѣ нѣтъ, а есть только два моста калиновыхъ и то они вдальчѣ въ чистомъ полѣ, а перевозу беру по добру коню, по сѣделечку черкасскому, да по добру молодцу; а тебя за ласково слово и такъ перепущу». Переѣхалъ Добрыня черезъ рѣку, и сталъ похваляться: «сказали про рѣчущку, что она и широка и глубока, а она хуже озера стоячаго, какъ дождевая калужина». Какъ взговоритъ ему рѣчущка: «воротись Добрыня Никитичъ, позабылъ ты за мной два ножа, да булатныхъ». И вернулся молодецъ за рѣку; онъ на перву ступень ступилъ,—сѣдличко черкасское потопилъ; на третью ступилъ,—самъ утонулъ (Кирѣев. II. 63).

По другому пересказу Добрыня окаменѣлъ, вмѣстѣ съ другими богатырями, подъ Кіевскими пещерами (см. выше стр. 59)^{122 а)}.

Петръ I; у него всѣ чины всешутѣйшаго собора звались Чурилами, съ разными прибавками. Вѣроятно въ его время сложена и пѣсня про Чурилю Игуменю, которая въ монастырѣ у себя лечитъ монахиню Стафиду Давидьевну, княженецкую племянницу, разными питьями. У Кирши Данилова рассказывается, какъ этой Давидьевнѣ разъ не оказалось во время службы, не оказалось въ то время и пономаря Иванушки (Кирша Д., 385). Эта скоромная Игуменья напоминаетъ *обрюзмыхъ* отъ пьянства бабъ, представленныхъ въ нашей пародіи на всепѣнѣйшій соборъ (№ 118). Сравните тоже имена похотливаго блудника Хотена Блудовича и вдовы Чесовой (отъ чесаться), составленные по чуриловскому образцу. П. В. Безсоновъ, въ примѣчаніяхъ своихъ къ пѣснямъ Кирѣевскаго, приводитъ разныя объясненія о значеніи словъ Чурила и Чуръ (Кир. IV. LVIII—XCVIII); а К. С. Аксаковъ замѣчаетъ, что и теперь одно мѣсто близъ Кіева зовется Чуриловщиною (Сочин. I. 336).

^{122 а)} О характерѣ Добрыни Никитича встрѣчаемъ у нашихъ изслѣдователей слѣдующія заключенія.

Хомяковъ: «Добрыня типъ удалаго наѣздника. Кажется, въ немъ воображеніе народныхъ поэтовъ олицетворило дружину варяжскую. Онъ—дружинникъ высокаго происхожденія, онъ ищетъ приключеній ради самихъ приключеній. Болѣе смѣлый наѣздникъ, чѣмъ сильный воинъ, онъ всегда подвиженъ, всегда молодъ; но русское чувство дало беззаботному богатырю мягкость и человѣколюбіе, которое рѣзко отдѣляетъ русскаго отъ татарина, равно жестокаго, какъ къ иноплеменникамъ, такъ и къ своимъ товарищамъ и подданнымъ» (Москов. Сборн. 1852, 327).

VII. Богатырь Алеша Поповичъ по сказкамъ и былинамъ.

По сказкамъ. Сказка про Алешу Поповича, помѣщенная въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аванасьева (III. 136), заимствована изъ сказки и пѣсенъ объ Ильѣ Муромцѣ. Алеша Поповичъ сынъ Леонтыя попа, а въ товарищахъ у него Марышко Парановъ сынъ. Приѣзжаютъ они къ Великому Князю Владиміру, а тамъ Тугаринъ Змѣевичъ залатынилъ все царство; съ княгиней обнимается, а

К. Аксаковъ: «Добрыня—дядя Владиміра по лѣтописямъ и племянникъ его по пѣснямъ. Самое названіе «Добрыня» уже обрисовываетъ нравъ этого богатыря; и точно, доброта и прямотушіе—его отличительныя свойства» (Сочиненія, I. 342).

Безсоновъ: «Благородство Добрыни по происхожденію, его боярство видно всюду: даже въ этомъ постоянномъ отчествѣ—Никитичъ, въ этомъ «дородствѣ», которое преимущественно ему приписывается. Особенное благородство разлито и во всемъ его образѣ: мягкость въ отношеніяхъ, изящество въ приемахъ, рыцарство въ подвигахъ. Если Муромецъ, въ своей простотѣ и вѣрности назначенію, часто близокъ къ суровости и даже къ грубости, напоминая намъ въ этомъ случаѣ Ахилла и Марка королевича, то Добрыня—нашъ Гекторъ, нашъ Милошъ. Народъ называетъ въ немъ всю совокупность этихъ свойствъ *вѣжствомъ* или *вѣжествомъ*, вѣжливостью, знаніемъ, какъ съ кѣмъ и гдѣ обойтиса, учтивостью, внушающею почѣтъ и умѣющею почтить: «у Добрыни вѣжество рожденное и ученое», по природѣ и по воспитанію, по сложившемуся въ жизни навыку. Съ другой стороны, чѣмъ тоньше черты въ этомъ изящномъ образѣ, тѣмъ способности онѣ расплываться въ неопредѣленность; чувство, которому ближе всего говоритъ Добрыня, само по себѣ уже уступчивѣе и неопредѣленнѣе строгаго разума и стойкаго разумѣнія жизни. Потому, какъ ни ярокъ образъ Добрыни, въ опредѣленности онъ уступаетъ значительно Ильѣ Муромцу. Илья представляется постоянно старше, и не по однимъ лѣтамъ: онъ старше потому, что глубже его основы, старше и потому, что разумнѣе, что стоитъ въ головѣ и смотритъ впередъ. Только что успѣлъ русскій народъ прочнѣе сложиться, при своемъ появленіи на поприще бытописанія, онъ уже успѣшилъ огласить себя былевымъ словомъ, какъ Греки, какъ всѣ народы съ ихнимъ эпосомъ: это былевое слово есть первый кругъ или циклъ нашихъ пѣсенъ, время Владимірово и Муромецъ—высшее его выраженіе, главный образъ среди народныхъ образовъ. Потому черты его такъ опредѣленны и законченны, что ихъ невозможно смѣшать ни съ чѣмъ другимъ, такъ точно, какъ невозможно битвъ съ разбойниками, съ Соловьемъ и Идолицемъ приписать кому либо другому, кромѣ Муромца. Но какъ сложившійся народъ русскій на первыхъ же порахъ закрѣпилъ складъ своего народнаго духа христіанскими началами, такъ онѣ-же проникаютъ и все существо Ильи, не смотря на видимую его суровость и даже грубость. На оборотъ, мы видѣли, что событія изъ жизни и дѣятельности Добрыни уже расплываются въ народномъ представленіи, сбиваются и перемѣшиваются въ разныхъ пѣняхъ. При та-

надъ княземъ Владиміромъ играетъ-ругается. «Онъ кладетъ ковригу за щеку, а другую—за другую кладетъ; на языкъ кладетъ цѣлаго лебедя; пирогомъ потянулъ, все вдругъ проглотнулъ». Тутъ и говоритъ ему Алеша Поповичъ: «было у нашего батюшки коровище обжорище, ходила по пивоварнямъ, съѣдала цѣлыя кадцы гущи, дошла до озера, всю воду выпила; взяло тутъ ее и розорвало». На эту брань Тугаринъ пускаетъ въ Алешу свой мечъ, отъ котораго Алеша увертывается; Марышко хочетъ убить Тугарина, но Алеша не дозволяетъ ему этого, и зоветъ Тугарина биться на завтра въ полѣ; бой этотъ кончается смертью Тугарина.

Пересмѣшникъ Алеша Поповичъ является у Аонасьева еще въ сказкѣ о Данилѣ Безчастномъ. Данило взялъ себѣ въ жены волшебницу Лебедь-птицу; Алеша похваляется, что знакомъ съ

комъ свойствѣ образа, въ народное творчество гораздо легче было вторгаться недавнимъ свѣжимъ еще представленіямъ язычества; и вотъ въ числѣ подвиговъ Добрыни мы находимъ весьма многое, что отводитъ насъ въ глубь языческихъ вѣрованій: эти змѣи, хожденіе по ихъ пещерамъ, эта волхвующая Марина, превращеніе въ Тура, и т. д. Однимъ словомъ, кому, во чтобы то ни стало, хочется непременно отъ древней Руси язычества, тотъ, съ прискорбіемъ отказавшись отъ Муромца, можетъ совершенно успокоить свою жажду на Добрынѣ и утѣшить пылливость свою тысячью баснословныхъ выводовъ» (Кирѣевск. II. XXI).

Буслаевъ: «Вѣжливость и образованіе Добрыни соотвѣтствуютъ его княжескому происхожденію. Первоначально эпосъ воспѣвалъ въ немъ, вѣроятно, брата Мадуши, клюшницы Ольгиной, отъ которой родился князь Владиміръ» (Русск. Вѣстн. 1862, V. 524).

И. Рыбниковъ говоритъ, что «Добрыня, специальный противникъ Змѣищ Горынчищ и Тугарина Змѣевича, ничто иное, какъ Индра, поражающій драконовъ; отсюда объясняется и похищеніе Забавы змѣемъ» (Рыбниковъ, II. VI).

В. Стасовъ находитъ, что пѣсни о Добрынѣ представляютъ въ измѣненіи, а главное въ сокращенномъ видѣ, рассказъ о подвигахъ Кришны, при чемъ однакоже нельзя сказать, чтобъ наши пѣсни были прямымъ переводомъ или заимствованіемъ изъ Гаривансы (Стасовъ, 659).

Рембо замѣчаетъ, что съ мнѣической стороны Добрыня, въ качествѣ покорителя темнаго змѣя, представляется какъ бы двойникомъ Ильи Муромца (Raimbaud, 66); да и по былинамъ Добрыня тоже представляетъ значительное сходство съ личностію Муромца: онъ также почти всю жизнь свою проводитъ въ поѣздкахъ въ орду и въ битвахъ съ басурманами за родную землю; даже самое освобожденіе богатырей, которыхъ Добрыня вывелъ изъ змѣиныхъ пещеръ, повторено въ рассказѣ о второй поѣздкѣ Ильи и освобожденіи имъ богатырей изъ плѣна волшебницы королевичны.

его женою¹²³). Князь Владиміръ рѣшаетъ, чтобъ Алеша доказалъ похвалѣбу свою; докажетъ,—Данилѣ голову рубить, а не докажетъ Алеша,—то ему самому безъ головы быть. Алеша, при помощи Яги, воруетъ у жены Даниловой золотую цѣпочку; приходится Данилѣ голову рубить. Тогда Данило зоветъ князя Владиміра къ себѣ на пиръ. Лебедь-птица выстроила ему дворецъ на пустомъ мѣстѣ, въ одинъ день. Пируетъ князь со дворомъ своимъ, идетъ пиръ на весь міръ; только не показывается гостямъ жена Данилы. «Еслибъ это моя жена съѣдала», говоритъ Алеша, «я бь ее научилъ мужа слушать». Услыхала это Лебедь-птица, вышла на крылечко, махнула крылышкомъ: «вотъ какъ васъ мужей учать», говоритъ; въ мигъ все пропало, и дворецъ и сады, и пусто стало кругомъ по прежнему: море да горе, да мохъ, да охъ.

Въ другихъ сказкахъ Алеша служитъ богатырямъ Ивану и Оомѣ Береникову (Кир. IV. CLII, CLIII).

Въ сборникѣ сказокъ Чулкова помѣщена повѣсть объ Алешѣ Поповичѣ, составленная по образцу французскихъ волшебныхъ повѣстей; Алеша названъ въ ней сыномъ Чурилы Пленковича; рассказаны подвиги его съ Царь-дѣвицей, которую онъ засталъ спящею, привязалъ за руки и за ноги къ кровати и наслаждался ея красотой, и другой—въ заколдованномъ домѣ пана Твардовскаго, гдѣ Алеша покоряетъ Вельсевула, избавляетъ самаго Твардовскаго отъ загробныхъ мученій, и помогаетъ дочери его сочетаться бракомъ съ избраннымъ ею женихомъ¹²⁴).

Въ позднѣйшихъ козацкихъ пѣсняхъ Алеша называется Олексіемъ¹²⁵ Поповичемъ Пирятинскимъ, писаремъ войсковымъ,

¹²³ Волшебница Лебедь-птица или Бѣлая-лебедь была за мужемъ за богатыремъ Потыкомъ Михайловымъ (Кирша Даниловъ, 215).

¹²⁴ Есть новѣйшая компиляція объ этомъ богатырѣ, подъ названіемъ: «Алеша Поповичъ, представленіе въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненное по стариннымъ Русскимъ былинамъ Павломъ Дмитріевичемъ Голохвастовымъ» (Римъ. 1863). Москва 1869.

¹²⁵ Имена Александръ и Алеша смѣшиваются въ одно имя черезъ посредство Олексы, т. е. Алексѣя; случай такого смѣшенія находимъ въ Софійскомъ временникѣ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. V. 87), гдѣ Олекса—Алексѣй принять за Александра (Л. Майковъ, 25).

казакомъ лестровымъ, и дѣйствуетъ на морѣ (Кирѣев. IV. XXIII; Основа 1862, № 8, стр. 20).

По былинамъ Алеша Поповичъ^{125 а)}—сынъ стараго попа Ростовскаго Феодора (Кир. II. 75); въ другихъ мѣстахъ называется то Ивановичемъ (Кир. III. 88), то Григорьевичемъ (II. 33); то Леонтьевичемъ (II. 26). Грамоты онъ не знаетъ, за то всѣхъ лучше говоритъ по татарски; горделивъ, спѣсивъ, мастеръ ругаться, задоренъ и грубъ (Кир. IV. 13; Кирша Дан., 233).

Пріѣзжаетъ онъ въ Кіевъ послужить князю Владиміру, и по роду своему получаетъ большое мѣсто (Кир. II. 70. 75).

Бдутъ изъ славнаго города Ростова могучіе богатыри Алеша Поповичъ да Екимъ Ивановичъ, наѣзжаютъ они на горячъ камень, и на немъ подписано три дороги: одна въ Муромъ, другая въ Владиміръ, а третья въ Кіевъ. И поѣхали богатыри на Кіевъ градъ; встрѣчаютъ они калечище: шуба на немъ соболья, лапки семи шелковъ—подковырены чистымъ серебромъ, шляпа Сорочинская земли греческой, шелепуга подорожная—пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго, и говоритъ имъ калика, видѣлъ де онъ Тугарина Змѣевича, въ вышину онъ трехъ сажень, промежъ плечъ косая сажень, промежъ глазъ калена стрѣла, конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь, изъ хайлица пламень пышетъ, изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ. Переѣхалъ Алеша съ каликой платьями и пошелъ за Сафатъ рѣку. Тутъ увидѣлъ его Тугаринъ Змѣевичъ, заревѣлъ на него зычнымъ голосомъ: «не видалъ ли онъ гдѣ Алеша Поповича». «Не слышу, говоритъ Алеша, подойди ты братъ поближе», и какъ подѣхалъ къ нему Змѣевичъ, сшибъ Алеша его шелепугой съ коня долой, отрубилъ ему голову, а платье его на себя надѣлъ.

И сталъ Алеша догонять Екима Ивановича съ Каликой; увидя его, Екимъ Ивановичъ подумалъ, что гонится за нимъ Тугаринъ Змѣевичъ, метнулъ свою боевую палицу въ тридцать пудъ, угодилъ Алешѣ прямо въ грудь, и сшибъ его съ коня замертво;

^{125 а)} Безсоновъ помѣстилъ подробный указатель всему, что разсказывается объ Алешѣ Поповичѣ въ пѣсняхъ Кирѣевского (Кир. IV. 55).

ужъ хотѣлъ онъ ему пороть груди бѣлья, какъ увидалъ на немъ чудный золотой крестъ и узналъ Алешу. И стали они съ каликой Алешу трясти и качать, потомъ дали ему питья заморскаго, и сталъ Алеша здоровъ, всталъ, переодѣлся въ свое богатырское платье, и поѣхали всѣ вмѣстѣ въ Кіевъ. Здѣсь князь Владиміръ принялъ Алешу съ почетомъ. Во время пира 12 богатырей приносятъ на золотой доскѣ Тугарина Змѣевича¹²⁶⁾; усѣлся Тугаринъ за столъ подлѣ княгини Апраксѣвны, сталъ онъ нечестно хлѣбъ ѣсть, по цѣлой ковригѣ монастырской за щеку мечетъ, по цѣлой чашѣ въ полтретья ведра отхлестываетъ. И говоритъ Алеша Владиміру: «что у тебя за болванъ пришелъ, что за дуракъ неотесанный, нечестно у князя за столомъ сидитъ, къ княгинѣ онъ, собака, руки за пазуху кладетъ, цѣлуетъ во уста сахарныя, тебѣ князю насмѣхается. Была у моего отца собачища старая и костью она подавилася, взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ; отъ меня Тугарину тоже будетъ». Почернѣлъ Тугаринъ, какъ осенняя ночь; Алеша Поповичъ сталъ, какъ свѣтелъ мѣсяць. Принесли потомъ лебедь бѣлую, и стала ее княгиня рушать, и обрѣзала себѣ ручьку лѣвую, и говоритъ такое слово: «либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую, либо смотрѣть на милъ животъ, на молода Тугарина Змѣевича». А Тугаринъ взялъ лебедь бѣлую, да всю вдругъ проглотилъ, да тутъ же еще и ковригу монастырскую. И говоритъ тутъ Алеша Владиміру: «была у моего батюшки Феодора, попа Ростовскаго, коровища старая, выпила она чанъ браги прѣсныя, да и лопнула; взялъ онъ ее за хвостъ, да подъ гору махнулъ; и Тугарину отъ меня тоже будетъ». Не стерпѣлъ Тугаринъ, бросилъ въ Алешу чингалищемъ; увернулся таки Алеша, а чингалище подхватилъ Екимъ Ивановичъ. «Самъ ли ты бросишь въ него или мнѣ велишь», спрашиваетъ Екимъ. «Ни самъ не брошу, ни тебѣ не приказываю», говоритъ ему Алеша, «а завтра съ нимъ перевѣдаюсь». На завтра назначенъ смертный бой; всѣ за Тугарина поруки держатъ:

¹²⁶⁾ Который, какъ выше сказано, уже былъ убитъ; такимъ образомъ два разные пересказа о побѣдѣ Алеша надъ Тугариномъ соединены здѣсь въ одну пѣсню.

князья кладутъ по сту рублевъ, бояре по пятидесяти, крестьяне по пяти, гости купеческіе три корабля съ товарами подписываютъ; а за Алешу подписалъ одинъ владыка Черниговскій.

Вышелъ Тугаринъ изъ палатъ, сѣлъ на коня своего и поднялся на бумажныхъ крыльяхъ подъ небо. И вскочила Апраксѣвна на рѣзвыя ноги, стала пенять Алешѣ: «деревенщина ты, засельщина, не далъ посидѣть другу милому!» На утро сталъ Алеша молиться Богу, чтобы послалъ тучу грозную¹²⁷⁾, и послалъ Богъ дождь, замочило Тугарину крылья бумажныя, опустился онъ на землю, лѣзетъ драться съ Алешей. И говоритъ ему Алеша: «гой еси Тугаринъ Змѣевичъ, у насъ былъ великъ закладъ биться одинъ на одинъ, а за тобою нынѣ силы смѣты нѣтъ». Оглянулся Тугаринъ назадъ, а втапору Алеша подскочилъ, да ему голову срубилъ¹²⁸⁾. Возвратился Алеша въ Кіевъ съ почетомъ, сдѣлалъ ему столъ Владиміръ и уговорилъ его остаться у него на службѣ. Только Апраксѣвна выговаривала ему: «деревенщина ты, засельщина, разлучилъ меня съ другомъ милымъ, съ молодымъ Змѣемъ Тугариннымъ (такъ)»; отвѣчалъ ей на то Алеша: «а ты гой еси, матушка княгиня Апраксѣвна, чуть не назвалъ я тебя сукою, сукою-то волочайкою!» (Кирша Даниловъ; Кир. II. 72).

О богатырскихъ подвигахъ Алеши въ былинахъ находятся слѣдующіе рассказы:

А. Какъ Алеша съ богатырями въ Царь-градъ ѣздилъ (IV. 41).

Б. Какъ Алеша есауломъ на заставѣ стоялъ вмѣстѣ съ Ильей и Добрыней, въ то время, когда мимо заставы Нахвальщикъ проѣхалъ. Хотѣли было Алешу за Нахвальщикомъ послать, да отдумали: Алешенька рода поповскаго, поповскіе глаза завидушіе, поповскія руки загребушія; увидитъ Алеша на Нахвальщикѣ золото, — золоту позавидуетъ; погибнетъ Алеша понапра-

¹²⁷⁾ Повтореніе того, что говорилось объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ Никитичѣ.

¹²⁸⁾ Эта хитрость заимствована изъ разсказа объ Александрѣ Македонскомъ (II. 9 и 11).

сному и т. д. (Кир. I. 51)^{128 а)}. На этой заставѣ Алеша былъ и казначеемъ, какъ видно изъ словъ, которыя говоритъ Добрыня Никитичъ Нахвальщику: «зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь? атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ, податаману Добрынѣ Никитичу? есаулу Алешѣ въ казну не кладешь на всю нашу братію наборную?»

В. Въ одной былинѣ разсказывается о томъ, что Алеша Поповичъ, по приказу Владиміра, ѣздилъ въ Сорочинскую землю закупать пшеницу¹²⁹⁾ (Кир. III. 62; II. 93).

Г. Въ другой пѣснѣ поется, какъ Алеша Поповичъ плаваетъ на Соколь-кораблѣ и побиваетъ напавшихъ на него разбойниковъ (Саратовск. пѣсни, собр. Костоморовымъ и Мордовцевой: Тихонрав. Лѣтоп. IV. Отд. II. 9).

Д. Любовныя похожденія Алеши Поповича Пустохвостовича (Миллеръ, Илья Мур., 488) гораздо многочисленнѣе его богатырскихъ подвиговъ: охочъ онъ былъ смѣяться чужимъ женамъ, да молодымъ вдовамъ, да краснымъ дѣвушкамъ (Кир. I. 3); отъ его преслѣдованій бѣжала красна дѣвица, дочь гостиная, и сдѣлалась походной красавицей (Кир. I. 5). Въ этомъ же смыслѣ поется о немъ и хороводная пѣсня, дѣвичье покорище (Сахаровъ, Сказ. русск. нар., II. 98). За гостиную дочь грозилъ Алешѣ и Илья Муромецъ (Кир. I. 5).

Е. О томъ, какъ Алеша Поповичъ хотѣлъ жениться на женѣ Добрыни Никитича (по другому пересказу на Запавѣ, невѣстѣ Соловья Будиміровича) и какъ онъ былъ жестоко побитъ за это Добрынею, разсказано выше на стр. 90. Въ былинахъ есть

^{128 а)} По одной сибирской пѣснѣ Алеша таки поѣхалъ за Нахвальщикомъ, да тотъ его отстегалъ шелепугой.

¹²⁹⁾ Сорочинина (Сарацны) упоминается въ лѣтописяхъ уже подъ 1116 годомъ (Поли. Собр. Лѣтоп. I. 128). Въ былинахъ говорится еще о томъ, какъ Алеша указывалъ князю Владиміру невѣсту и ѣздилъ за нею съ Дунаемъ (Кир. III. 62), какъ онъ научалъ Владиміра отправить Добрыню на опасное порученіе, въ бой съ Змѣищемъ Горынчищемъ (см. выше, стр. 77) и какъ доставилъ въ Кіевъ Запаву Путятичну, по порученію Добрыни (см. выше, стр. 79).

еще три разсказа о любовныхъ похожденияхъ Алеши (въ послѣднемъ изъ нихъ онъ уже является сводникомъ, поставляющимъ любовника княгинѣ Апраксѣевнѣ):

Ж. Сидѣли бесѣдовали (во время пира у кн. Владимира—Кирѣев. IV. 67) два брата; похвалялись они своей сестрою: и скромна она, и на улицу не ходитъ, и въ хороводы не играетъ... Откуда ни возьмись Алеша Поповичъ, и говоритъ имъ: «не хвалитесь вы своей сестрой, я у нее былъ, да двѣ ноченьки ночевалъ, да по два раза завтракалъ, обѣдалъ, да ужиналъ». И сдѣлали братья повѣрку, по кому снѣга въ комнату къ сестрѣ пустили; и говоритъ оттуда сестра: «не шути шутку Алеша, ступай прямо въ теремъ; моихъ братьевъ дома нѣтъ». Сковали братья сабельку, да и срубил сестрѣ голову. «А Богъ суди Алешу, не далъ пожить на свѣтѣ» (Кир. II. 65). По другому пересказу тоже дѣло происходитъ между двумя братьями Збродовичами и сестрою ихъ Настасьей Збродовичной. Въ концѣ Алеша уговариваетъ Збродовичей не рѣзать сестру, а отдать за него за мужъ (Кир. II. 69).

З. «Ѣхалъ Алеша съ Ильей Муромцемъ, и не случилось имъ по пути ни сѣраго гуся, ни бѣлаго лебедя, ни мелкой пташки, начемъ бы сердце пріутѣшити; и побѣжалъ Алеша въ степь; смотреть, на дубу вѣщій воронъ сидитъ, съ ноги на ногу переступаетъ; хочеть онъ ворона того подстрѣлить, и говоритъ ему воронъ: «тебѣ на мнѣ сердца не утѣшити, а бѣги ты черезъ степь Саратовскую къ рѣчкѣ Саратовкѣ, тамъ два Татарина некрещенные русскую дѣвицу полонили—увеземъ тебя, говорятъ, къ себѣ въ орду, отдадимъ за татарина за дороднаго, въ косу сажень, всѣ мы ему поклоняемся». И побѣжалъ Алеша къ рѣчкѣ Саратовкѣ, одного Татарина онъ конемъ стопталъ, другого мечемъ зарубилъ, посадилъ онъ дѣвицу на своего коня, сталъ ее спрашивать какого она роду племени; и отвѣчаетъ дѣвица: «роду я ни царскаго, ни боярскаго, ни купеческаго, ни крестьянскаго, а я дочь пона Ростовскаго». «Думалъ я получить себѣ подвѣчницу», говоритъ Алеша, «а выручилъ родну сестрицу», и

побѣжалъ онъ къ своему батюшкѣ, попу Ростовскому» (Кирѣев. II. 82)¹³⁰).

И. Однажды пришли къ княгинѣ Апраксѣевнѣ, по пути въ Иерусалимъ, калики съ атаманомъ своимъ Касьяномъ; напоила ихъ княгиня, накормила; сильно приглянулся ей молодой Касьянъ; посылаетъ она Алешу Поповича уговорить его, чтобы пришелъ къ ней:

«На долгіе вечера посидѣти,
Забавныя рѣчи побантти,
А сидѣть бы на единѣ въ спальнѣ съ ней».

Касьянъ не пошелъ на такой соблазнъ; за это Алеша Поповичъ, по наущенію Апраксѣевны, подложилъ ему въ сумочку серебряную чарочку, а потомъ обвинилъ въ воровствѣ. Уличеннаго Касьяна калики по *завѣту* окопали въ землю, а сами ушли въ Иерусалимъ. Ровно черезъ полгода, возвращаясь изъ Иерусалима, калики нашли Касьяна цѣлаго и невредимаго и привели его къ Владимиру. А тѣмъ временемъ княгиня Апраксѣевна за свою напраслину «лежала въ скорби недоброй, въ великомъ гноищѣ»; повинилась она передъ Касьяномъ; «а и дунуль на нее Касьянъ духомъ святымъ своимъ», и избавилъ ее отъ недуга. Тогда устроилъ Владимиръ пиръ всѣмъ каликамъ; вышла къ нимъ и сама княгиня,

¹³⁰ По другому пересказу трое татаръ наѣздниковъ полонили молодую княжну Марю Петровну. Плачетъ она, разливается, чуетъ ее сердце, что будутъ вечеромъ расплетать ей косу злые татары, да еще втроемъ. «Не плачь душа дѣвица», утѣшаетъ ее одинъ изъ нихъ, «мы не тронемъ тебя; а повезу я тебя къ себѣ и отдамъ въ жены моему сыну». Но тутъ является Кіевскій богатырь Михайла Казарянинъ; перваго татарина онъ копьемъ скололъ, втораго конемъ стопталъ, а третьяго о сыру землю бросилъ; потомъ взялъ красну дѣвицу за бѣлыя ручки и повелъ во бѣлъ шатеръ грѣхъ творить, съ нею блудъ блудить. Однако послѣ первыхъ же распросовъ Марья Петровна оказалась Казарянину родной сестрой; на томъ дѣло и остановилось (Кирша Даниловъ, 211). Еще въ другомъ пересказѣ дѣло кончается иначе: полонили дѣвицу три богатыря—Татаринъ, Полякъ и Русскій; они такъ круто облюбили ее, что красавица на утро стала ругать ихъ: «ой вы Татары, злы вы поганы! не могу ставати, рукъ поднимати» (Кирѣев. VIII. 325).

«Молоду Касьяну покланяется
Безъ стыда, безъ сорому,
А грѣхъ свой на умѣ держитъ» (Кирша Д., 226).

К. Смерть Алеши Поповича описывается въ былинахъ разнo: въ одномъ разсказѣ о женитьбѣ Алеши на женѣ Добрыни, Добрыня убилъ Алешу на смерть (см. выше стр. 90); въ разсказѣ о томъ, какъ перевелись на землѣ Русской богатыри, Алеша произноситъ похвальныя слова противъ силъ небесныхъ, и вслѣдъ за тѣмъ, во время боя съ этими силами, окаменѣваетъ вмѣстѣ съ другими богатырями. По лѣтописямъ Александръ Поповичъ убитъ въ сраженіи при Калкѣ¹³¹⁾.

¹³¹⁾ О характерѣ Алеши Поповича Л. Майковъ говоритъ слѣдующее: «Алеша Поповичъ, подобно Ильѣ Муромцу и Добрыни Никитичу,—одно изъ главныхъ лицъ среди всего круга былинныхъ героевъ. Эти три богатыря—братья названные между собою; когда они съ другими богатырями стоятъ на заставѣ богатырской, то занимаютъ главныя должности: Илья Муромецъ атамана, Добрыня подъ-атаманя, Алеша есаула (Кир. I. 49); когда Батый подступаетъ къ Киеву, то требуетъ выдачи ихъ троихъ, какъ перваго условія (Кир. IV. 41). Но между тѣмъ какъ былины въ Ильѣ и Добрыни изображаютъ два вполнѣ сочувственныхъ народу лица, Алешу онѣ противопоставляютъ этимъ богатырямъ, какъ воплощеніе нѣсколькихъ свойствъ порочныхъ; эти пороки былины представляютъ, отчасти же признаютъ отличительными чертами того сословія, къ которому принадлежитъ Алеша по происхожденію» (Л. Майковъ, 127). «По личнымъ своимъ качествамъ Алеша особенно отличается смѣлостію; онъ считаетъ себя всѣхъ богатырей поудалѣе, а своего коня порыскачѣе» (Кир. I. 8); онъ даже «зарывчатъ» (Рыбн. I. 76); поэтому съ нимъ случается, что онъ «изорветъ силу» до встрѣчи съ противникомъ; увлекшись побѣдой надъ земными врагами, Алеша вызываетъ на бой даже силу нездѣшнюю; Алеша горделивъ, спѣсивъ, бранчивъ, задоренъ и грубъ (Кир. IV. 13; К. Д. 233). Въ бою онъ не то, что силенъ и храбръ, какъ Илья, но вертокъ (К. Д. 190) и хитеръ: хитростію онъ подманиваетъ къ себѣ Тугарина, чтобы удобнѣе его поразить (К. Д. 184); хитростію дѣлаетъ онъ и другія дѣла житейскія. Онъ насмѣшникъ—пересмѣшникъ женскій (Кир. I. 5. 12; Рыбн. I. II); онъ смѣется надъ княгиней Апраксѣвной, что ей нравится Тугаринъ (К. Д. 194); отъ его преслѣдованія бѣжала красна дѣвица, дочь гостиная (Кир. I. 3); онъ опуталъ было своими кознями и жену Добрыни, а сестру братьевъ Збродовичей, и совѣмъ было опозорилъ (Кир. II. 67). Наконецъ Алеша слыветъ и судейскимъ перелестничкомъ (Кир. II. 6). Былины не рассказываютъ его похождения прямо по этой части, но знаютъ однако нѣчто подобное, повѣствуя о томъ, какъ онъ плутовалъ, уговариваетъ Каличьего атамана погостить у княгини Апраксѣвны, какъ

VIII. Свѣдѣнія о Добрыни Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ по лѣтописямъ.

973 г. Лаврентьевская лѣтопись (изд. Археол. Ком.): «Въ лѣто 6478... Въ се же время придоша люде Ноугородьстїи, просяще князя собѣ: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ»; и рече къ нимъ Святославъ: «абы пошелъ кто къ вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ; и рече Добрыня: «просите Володимера». Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, ключницѣ Ользины; сестра же бѣ Добрыня; отецъ же бѣ има Малкъ Любечанинъ (разнорѣчіе: Малко Любчанинъ), бѣ Добрыня уй (т. е. дядя по матери) Володимеру... И пояша Ноугородьци Володимера къ собѣ, и иде Володимеръ съ Добрыною уемъ своимъ Ноугороду».

983 г. «Въ лѣто 6488. Володимеръ же посади Добрыну уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрына Наугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховымъ, и жряху ему люде Ноугородьстїе аки Богу».

985 г. «Въ лѣто 6493. Иде Володимеръ на Болгары съ Добрыною съ уемъ своимъ въ лодяхъ, а Торьки берегомъ приведе на конихъ, и побѣди Болгары. Рече Добрына Володимеру: «сѣглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ».

Степенная книга (Москва 1775, I. 145): «Преосвященный же Митрополитъ Михаилъ Кіевскій и вся Русїи, ... съ нимъ же шесть Епископовъ, иже Фотій Патріархъ даде ему на помощь, съ нимъ же и Анастасъ Корсунянинъ, и Добрыня дядя Владимировъ, пришедше въ великій Новъ-градъ, вся идолы сокруши и требища раззори, и многіе люди крести. ... кумира же Перуна посѣче, и верже на землю, повязавше ужы, влечаху его по калу, біюще

подкладываетъ атаману Владимірову чарочку и потомъ, обвинивши каликъ въ воровствѣ, является къ нимъ на обыскъ (К. Д. о 40 Каликахъ; Л. Майковъ, 129). Буслаевъ замѣчаетъ, что «характеръ Алеши Поповича, очерченный народною фантазією съ очевидными признаками иронїи, указываетъ уже на столкновеніе частныхъ интересовъ съ церковными» (Буслаевъ, Очерки, I. 417).

жезліемъ и пхающе». По другимъ, старшимъ лѣтописямъ, дѣло это приписывается одному епископу Новгородскому Іоакиму. Сравните объ участіи *Добрыни* въ крещеніи Новгорода въ Іоакимовской Лѣтописи у Татищева (Москва 1768, I, 38—40).

1000 г. *Никоновская* лѣтопись (Полн. собр. IX. 68). Подъ 6508 г.: «Приде Володарь съ Половцы къ Кіеву, забывъ благодѣянія господина своего князя Владимира, дѣмономъ наученъ. Володимеру же тогда въ Переславцѣ на Дунай, и бысть смятеніе веліе въ Кіевѣ, и изыде ношцію въ стрѣтеніе имъ *Александръ Поповичъ*, и уби Володаря и брата его и иныхъ множество Половецъ изби, а иныхъ въ поле прогна. И се слышавъ Володимеръ, возрадосая зѣло, и возложи нанъ гривну злату, и сотвори и вельможа въ полатѣ своей». По замѣчанію Л. Майкова (О былинахъ, 27) это событіе занесено подъ 1000 годомъ ошибочно, а должно быть отнесено къ 1110 году: въ этомъ году Владимиръ Мономахъ дѣйствительно былъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ, между тѣмъ какъ въ его отсутствіи Володаръ Перемышльскій могъ поднять противъ Кіева Половцевъ.

1001 г. Подъ 6509 годомъ: «*Александръ Поповичъ* и Янъ Усмошвецъ, убивый Печенѣжскаго богатыря, избиша множество Печенѣгъ, а князя ихъ Родмана, и съ трема сыны его въ Кіевъ къ Володимеру приведоша. Володимеръ же сътвори празднованіе свѣтло, и милостыню многу раздаде по церквамъ и монастыремъ, и убогимъ и нищимъ, и по улицамъ болнымъ и клоснымъ великіа кади и бочки меду и квасу и перевары и вина поставляше, и мяса, и рыбы, и всякое овозіе, что кто требоваше, и ядыше» (Полн. собр. русск. лѣт. IX. 68).

1004 г. Подъ 6512 г.: «Идоша Печенѣзи на Бѣлѣградъ; Володимеръ же посла на нихъ *Александра Поповича* и Яна Усмошвеча съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле» (Полн. собр. русск. лѣтоп. IX. 68).

1216 г. *Никоновская* лѣтопись. Подъ 1216 годомъ: ... «Князь Костянтинъ Всеволодичъ Ростовскій ста на рецѣ на Липице со всѣю силою своею снимже и два храбра, *Добрыня Сла-*

*мый поясъ*¹³²⁾, да *Александръ Поповичъ* ссвоимъ слугою с Горопомъ, славныя богатыри... И приде на него (на кн. Новгородскаго Мстислава Мстиславича Удалого, союзника Кн. Константина) Александръ Поповичъ имѣя мечъ нагъ, хотя разреши его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онже восопи глаголя, яко азъ есмь князь Мстиславъ Мстиславичъ Новгородскій; онже уставися, и тако спасе его богъ, от смерти. I рече ему *Александръ Поповичъ*: «Княже, то ты не дерсай, но стой и смотри; егда убо ты глава убиенъ будеши, и что суть иныя, и камо ся имъ дѣти» (Русск. Лѣт. по Никон. списку. СПб. 1768, II. 323, 300, 331). Въ этой же битвѣ пали *сильные зло* Іевъ Поповичъ и слуга его Несторъ (Карамз., И. Г. Р., III. Прим. 168).

1217 г. Въ одномъ хронографѣ греческой редакціи занесено другое извѣстіе, относящееся до *Александра Поповича*: «Влѣто

¹³²⁾ Прозваніе *златый поясъ* означаетъ по мнѣнію Буслаева такую же *гривну*, какая была возложена на Александра Поповича (Журн. Мин. Народн. Просв., Апрель 1871, 236). И. М. Снегиревъ замѣчаетъ, что въ отечественной исторіи встрѣчается не одинъ Добрыня; были двое Добрыни, бояре Кіевскіе: Добрыня посадникъ Новгородскій, и Добрыня Рязачичъ, златый поясъ, богатырь убитый въ 1224 году; третій еще Добрыня—Судиславичъ, богатырь, историческое лице, современникъ Владимира, его дядя и сподвижникъ, правитель Новгорода, поставившій тамъ истуканъ Перуновъ на берегу Волхова; потомъ съ воеводой Путятою, сдѣлавшись ревнителемъ Христіанской вѣры, онъ вводилъ ее мечемъ и огнемъ, по древней пословицѣ: «Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ» (Лубочн. Карт. 96).

По замѣчанію Ф. Буслаева Добрыня можетъ быть сынъ Мала или Низкина, убившаго Игоря. «Въ Древлянскій сагѣ упоминается имя князя Древлянскаго *Мала*. По Лаврентьевскому списку, князь *Малъ* убилъ Игоря, и сватался къ Ольгѣ. По Густинской лѣтописи, *Маломъ* названъ только тотъ князь, который убилъ Игоря; послы же Древлянскіе, пришедши къ Ольгѣ, просили ее выдти замужъ, «за своего князя *Нискина*». По Якимовской Лѣтописи «Князь Древлянскій *Малъ* сынъ *Нискининъ* присла послы къ Ольгѣ просить да идетъ занъ» (Татищевъ, I. 36). По хроникѣ Словено-русской *Малъ* и *Низкина* (а не *Нискина*, у Длугоша—*Miskina*) одно и то же, и притомъ не просто *Малъ*, а *Малъ-дядѣ* (сличи у Мавроурбина *Малдиттѣ*). Такимъ образомъ, говоритъ Буслаевъ, «какъ въ Ольги былъ женихомъ *Малъ* или *Малъ-дѣдъ*, такъ и у сына ея Святослава была наложницею *Малуша*, дочь *Мала* или *Малка*; употребляемое въ былинахъ отчество Добрыни—*Никитичъ*», замѣчаетъ онъ же, «не передѣлалось ли изъ древнѣйшаго *Низкиничъ*?» (Журн. Мин. Нар. Пр. 1871, Апрель. 224).

сѣке бысть бой князю Юрю Всеволодовичу съ княземъ Константиномъ Ростовскимъ на рѣцѣ на Гдѣ, и поможе богъ Константину Всеволодовичу брату; а правда егоже пришла. И было со княземъ Константиномъ два храбра *Добрыня Златый* поясъ, да *Александръ Поповичъ* с своимъ слоугою с Торопомъ» (Поповъ, Хронографы, I. 196).

1223 г. Лѣтопись по списку типографской библиотекы № 3. 752 — 10 (писанная рукою Юрія Крижанича), листъ 9 обор.: «Въ лѣто 67... Бой бысть князю Юрію (Всеволодовичу) съ княземъ Константиномъ (Ростовскимъ и Ярославскимъ), и одолѣ старѣиши братъ. Съ Константиномъ было 2 богатыря, *Добрыня Златопоясъ* да *Александръ Поповичъ*, съ слоугою своимъ *Торопомъ*. Въ лѣто 6731 брань бысть на Калкахъ... Тогда убиша *Александра Поповича*, и иныхъ много богатырей» (Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ III. стр. XVIII).

1224 г. Въ Тверской лѣтописи (Полн. собр. XV. 336) есть особое сказаніе о битвѣ при Калкѣ, которая соединена здѣсь съ битвою Липецкою. «Бѣ нѣкто отъ Ростовскихъ житель *Александръ, малолетый Поповичъ*, и слуга бѣ у него именемъ Торопъ... *Александръ* же выходя многы люди великого князя Юрія избываше, ихже костей накладены могилы великы и донинѣ на рѣцѣ Ишнѣ, а нини по ону страну рѣки Усіи». Вмѣстѣ съ Поповичемъ въ Липецкой битвѣ Тверская лѣтопись называетъ не *Добрыню*, а *Тимою Златой поясъ* (Ө. Буслаевъ, Ж. М. Н. П., Апр. 1871. 237).

Въ той же лѣтописи сказано, что по смерти князя Константина, опасаясь мщениа князя Георгія, особенно за убіеніе его «безумнаго боярина Ратибора», *Александръ Поповичъ* «вскорѣ смысливъ посылаетъ своего слугу ихже знаше храбрыхъ, прилучившихся въ то время, и съзываетъ ихъ къ собѣ въ городъ, обрываетъ подъ Гремичимъ Колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопъ (валъ) стоитъ пустъ. Ту бо събравшися съвѣтъ сътвориша, аще послужити начнутъ княземъ по разнымъ княженіямъ, то и не хотя имуть перебитися, понеже княземъ въ Руси велико неустроеніе

и части боеве; тогда же рядъ положивше, яко послужити имъ единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ» (Полн. собр. лѣт. XV. 338).

1224 г. Новгородская 4-я: «Въ лѣто 6732... убиша *Александра Поповича*, а съ нимъ богатырь 70».

1225 г. Львовская (СПБургъ 1792, I. 397). О томъ же: «тогдажъ и *Александръ Поповичъ* убіенъ бысть со инѣми седмьюдесять храбрыхъ вой...»

1225 г. Степенная книга. Въ разсказѣ о битвѣ при Калкѣ: «идѣже *Александръ Поповичъ* убіенъ бысть, съ нимъ же и иныхъ 70 храбрыхъ».

1225 г. Никоновская: «Въ лѣто 6733... воинственныхъ людей толико бысть побіено яко ни десятый отъ нихъ возможе избѣжати, и *Александра Поповича* и слугу его Торопа, и *Добрыню Рязанича Златого пояса* и седмьдесятъ великихъ и храбрыхъ богатырей, всѣ побѣени быша гнѣвомъ божиимъ за грехи наша отъ Татаръ («О Калкскомъ побоици» 1224 года; сравни Воскресенск. лѣтоп. въ Полн. собр. лѣт. VII. 132).

Вопросъ о происхожденіи русскихъ сказокъ-былинъ и времени ихъ составленія остается до настоящаго времени спорнымъ. Одни ученые полагаютъ, что былины образовались первоначально въ Кіевѣ; съ паденіемъ же Кіева и перенесеніемъ великокняжескаго престола на сѣверъ, перешли туда и былины, и въ доказательство такого положенія приводятъ прежде всего то обстоятельство, что въ былинахъ постоянно говорится о Кіевѣ и о князѣ Владимірѣ, о Москвѣ же вовсе не упоминается¹³³). Другіе, напротивъ того, утверждаютъ, что былины—произведеніе чисто русскаго сѣвера, исключительно великорусской вѣтви, потому что онѣ совершенно чужды и незнакомы всему малорусскому племени,—а это едвали было бы возможно, еслибы онѣ были пря-

¹³³) Л. Майковъ, Былины.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

мымъ остаткомъ глубокой старины¹³⁴). Этотъ послѣдній и очень вѣскій доводъ остается до сихъ поръ неопровергнутымъ.

Еще болѣе споровъ возникало между нашими учеными относительно самаго состава былины. По мнѣнію однихъ, замѣчаетъ Пыпинъ, «былина привязана къ эпохѣ великаго князя Владиміра почти случайно, собственно-же ея начало и содержаніе относятся къ отдаленнѣйшимъ временамъ доисторической жизни; ея основное содержаніе—не историческое, а мифологическое; ея герои только перерожденіе древнѣйшихъ божествъ, и та сторона былины, въ какой мы знаемъ её теперь, есть только позднѣйшая ступень ея развитія. Такимъ образомъ основной личности, являющейся въ былинѣ въ видѣ князя Владиміра, слѣдуетъ искать вовсе ни въ исторіи, а въ доисторической мифологіи; въ его эпитетѣ «краснаго солнышка» надо видѣть не поэтическое украшеніе, а уцѣлѣвшій намекъ на солнечное божество, о которомъ говорилъ древнѣйшій эпосъ¹³⁵); Илья Муромецъ и другіе богатыри точно также первоначально не историческія, а мифологическія личности; ихъ борьба съ мрачными, губительными чудовищами объясняется борьбой стихійныхъ божествъ, свѣта съ тьмой, весны съ зимой и т. п. Исслѣдователи, принявшіе эту точку зрѣнія, сдѣлали скоро много открытій, которыя были-бы очень любопытны, еслибы были доказаны; именно они и старались снять съ народнаго эпоса его позднѣйшій наростъ и открыть первобытный мифъ, лежащій въ его основѣ. Такимъ образомъ, князь Владиміръ былъ удаленъ съ непрінадлежащаго ему мѣста, которое въ однихъ случаяхъ заняло солнечное божество, въ другихъ—мифическій исполинъ и мудрецъ Волхванъ; Соловей разбойникъ оказался стихійнымъ божествомъ и т. п.» (Вѣст. Европы 1877. Январь, 451).

¹³⁴) Костомаровъ: Русская Старина 1877 г. Январь, 174.

¹³⁵) Славянскій ученый Ягичъ отвергаетъ мифическое значеніе, придаваемое нашими исслѣдователями-мифологами Ильѣ Муромцу и в. кн. Владиміру, указывая при этомъ на то, что названіе *краснаго солнышка*, которое дается въ былинахъ кн. Владиміру, очень часто придавалось византійскими писателями и греческимъ императорамъ и особамъ царскаго рода (Archiv, I. 160).

Другой взглядъ на былины заключается въ томъ, что: «хотя между сюжетами былинь есть и такіе, которые можно возвести къ эпохѣ доисторическаго сродства индоевропейскихъ преданій, тѣмъ не менѣе, все содержаніе былинь, а въ томъ числѣ и эти древнѣйшія преданія, представляются въ такой редакціи, которая можетъ быть приурочена только къ положительно историческому періоду; причемъ прежде всего слѣдуетъ отыскивать сходство между дѣйствующими лицами былины: кн. Владиміромъ, Добрыней, Алешей Поповичемъ и другими богатырями,—съ одноименными съ ними историческими лицами, упоминаемыми въ лѣтописяхъ» (Л. Майковъ, О былинахъ Владимірова цикла. СПб. 1863, стр. 22).

«Третій взглядъ, сближающійся», по замѣчанію Пыпина, «иногда съ первымъ и вторымъ, поставилъ себѣ особенной задачей символическій, прообразовательный смыслъ народнаго эпоса: былина съ ея многообразными героями и ихъ похождениями, съ величайшею точностію, изображала княжескія, дружинныя и земскія отношенія древней Россіи, такъ что ея смыслъ былъ не столько историческій или мифическій, сколько общественный». Защитники этихъ трехъ взглядовъ, отстаивая оригинальность русской былины, не отрицали однакоже и нѣкотораго вліянія на составленіе ея со стороны западныхъ и восточныхъ сказаній».

Въ недавнее время образовался еще новый взглядъ на наши былины, при чемъ доказывалось, что русскія былины не заключаютъ въ коренной основѣ своей ничего историческаго и даже ничего русскаго; что въ нихъ напрасно искать характеристики народныхъ сословій и описанія дѣйствительныхъ татарскихъ нашествій на Русь; что всѣ главныя личности былинь и сказаній и темы ихъ взяты съ востока, всего чаще изъ позднѣйшихъ буддійскихъ источниковъ и пѣсень, и изъ сказаній восточныхъ народовъ, географически болѣе близкихъ къ Руси, причемъ наша былина утратила очень многое сравнительно со своими восточными первообразами; что восточные оригиналы ихъ, иногда прозаическіе, но

гораздо чаще стихотворные, легко узнаются, при изученіи древне-восточной поэзіи и литературы, и что трудами западныхъ изслѣдователей, особливо Бенфея¹³⁶⁾, доказано, что почти вовсе нѣтъ на западѣ такихъ сказокъ, которыя были бы самостоятельны, и не происходили бы съ Востока, изъ Азіи (В. Стасовъ, О происхожденіи былинь: Вѣстникъ Европы 1868).

«Наконецъ стала высказываться и еще одна точка зрѣнія. По мѣрѣ того, какъ расширялось знаніе старой рукописной литературы, не только оказывалось, что въ ней былъ цѣлый обширный отдѣлъ народныхъ сказаній, но очевидно становилась близкая связь ея съ тѣмъ, что считалось чисто народнымъ, не книжнымъ, преданіемъ и вѣрованіемъ. Историки старой литературы все больше и больше находили между рукописными сказаніями и народнымъ преданіемъ параллельности, которая показы-

¹³⁶⁾ По мнѣнію Бенфея, большая часть Европейскихъ сказокъ составила въ Индіи; оттуда онѣ перешли вмѣстѣ съ буддизмомъ къ Монголамъ, этими послѣдними занесены къ Славянамъ, а отъ Славянъ перешли на Западъ (Пантша—Тантра, предисловіе). Академикъ Шифнеръ, въ предисловіи къ монгольскому сборнику сказокъ Шидди-Куръ, держится того-же мнѣнія и въ этѣхъ сказкахъ видитъ не одни образцы монгольской и калмыцкой поэзіи (Этнограф. Сборн., кн. VI). Въ разборѣ сборника Радлофа онъ однакоже замѣчаетъ, что произведенія творчества могли перейти къ Монголамъ и Туркамъ отъ Запада, вмѣстѣ съ товарами, развозимыми предприимчивыми людьми (Новгородцами и козаками) въ глубину Азіи (Отчетъ Акад. Наукъ 1864 г., XVIII и XIX). Мнѣніе о происхожденіи нашихъ сказокъ отъ индѣйскихъ и монгольскихъ было высказано еще прежде этихъ ученыхъ Бергманомъ (Bergmann, Nordadische Streiferei unter den Kalmucken. Riga 1803.—Снегир., Луб. Карт., 105) и русскимъ изслѣвателемъ Макаровымъ. «Въ нашихъ царевичахъ съ ягами», говоритъ Макаровъ, «и вообще въ разсказахъ о подсолнечныхъ королевичахъ есть что-то такое, что пахнетъ берегами Ганга, или Гангеса! По инымъ отношеніямъ: эта-же самая древность могла быть подновлена Монголами и Татарами, уже во времена гораздо того позднѣйшія, а впоследствии совсѣмъ передѣлаться на русскіе нравы. . . Чисто къ монгольскимъ сказкамъ принадлежатъ: всѣ наши Иваны царевичи съ подсолнечными королевами и ягами. Въ подражаніе къ восточнымъ языкамъ, появились и всѣ наши Иванушки дурачки. Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ и другія ей подобныя не дошли ли къ намъ отъ новѣйшихъ Славянскихъ народовъ? Бова-Королевичъ—повѣсть итальянско-французская, къ намъ принесена она Славяно-Итальянцами едва ли ранѣе временъ Іоанна III, а послѣ переложена на русскіе нравы» (Московск. Телеграфъ 1831, № 21, стр. 157).

вала наконецъ, что послѣднее во многихъ случаяхъ имѣло часто книжный источникъ. Въ послѣдніе годы число подобныхъ сличеній постоянно увеличивалось, и теперь не подлежитъ сомнѣнію, что многія произведенія народной поэзіи, цѣликомъ или частями, и отдѣльными подробностями, многія повѣрья, которыя прежде считались всего чаще собственнымъ созданіемъ народа, отголоскомъ его исконной мифологіи,—имѣли свой источникъ въ книгѣ, слѣдовательно имѣютъ начало вовсе не доисторическое, а, напротивъ, болѣе или менѣе позднее, доступное хронологическому опредѣленію»¹³⁷⁾.

Главная причина, по которой до чрезвычайности трудно опредѣлить время составленія былинь, заключается въ томъ, что текстъ былинь оставался безъ письменнаго закрѣпленія до конца прошедшаго вѣка. Конечно и въ рукописныхъ сочиненіяхъ такое закрѣпленіе не представляло еще достаточно обезпеченія противъ порчи оригинала. «Каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало по малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не далеко до передѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ, и удерживалъ комментарий; третій распространялъ его, замѣняя частныя національныя черты подлинника другими, взятыми изъ русскаго быта, отъ чего книга, передѣланная на русскіе нравы, теряла свою иноземную внѣшность и принимала колоритъ домашняго произведенія»¹³⁸⁾. Если такія передѣлки происходили въ рукописной литературѣ, то понятно, что при изустной передачѣ характеръ сказителя и пѣвца долженъ былъ отражаться на произведеніи гораздо сильнѣе. Плохой, заурядный сказитель заучиваетъ былину со словъ своего старшаго, твердо, не позволяя себѣ ни какихъ отступленій; всѣ варианты у такихъ сказителей состоятъ единственно въ

¹³⁷⁾ А. Пыпинъ, рецензія на журналъ Ягича (Вѣст. Европы 1877. Январь, 452).

¹³⁸⁾ А. Пыпинъ, Очеркъ Литерат., стр. 4 и 5.

переираніи географическихъ названій и собственныхъ именъ¹³⁹), и въ переносѣ цѣлыхъ былинъ съ одного богатыря на другого¹⁴⁰). За то опытные сказители, всегда грамотные и, по народному, развитые, включаютъ въ былины свои не только новые, слышанные ими, рассказы, но зачастую вставляютъ въ нихъ цѣлые эпизоды изъ книжной литературы¹⁴¹), не заботясь при этомъ ни о характерѣ воспѣваемыхъ ими лицъ, ни о значеніи рассказываемаго событія. Понятно, что въ рукахъ такихъ опытныхъ сказителей былина мало по малу подвергалась такимъ разнообразнымъ и разнохарактернымъ наслоеніямъ, что добраться до

¹³⁹) Въ этомъ искусствѣ доморощенное наше производство дошло до удивительныхъ результатовъ; кому напримѣръ придетъ въ голову, что русскій столярный инструментъ *струцинокъ* произошелъ отъ нѣмецкаго Schraub-Zwingel; рыле—отъ Leyer; Сафать—отъ Юсафать; Одесса—изъ Эдеса; не говоря уже о намѣренныхъ извращеніяхъ и упрощеніяхъ иностранныхъ и своихъ собственныхъ названій; я зналъ одного русскаго садовника изъ *ученикъ*, получившаго до нѣкоторой степени классическое образованіе, т. е. переиравшаго латинскія названія цвѣтовъ шиворотъ на выворотъ: геліотропъ у него назывался шлѣпъ-трѣпъ, амарантусъ-каудатусъ—просто кишкатусъ; также намѣренно—перевраны въ солдатской средѣ имена предводителей изъ нѣмцевъ: Болтай-да-и-только, Индюкъ-въ-решетѣ, Филька-въ-шубѣ и т. д.; на этотъ-же манеръ наши матросики и свои мудренныя кораблики перекрестили: корабль трехъ Герарховъ (добрая память покойнику!) вышелъ у нихъ—трахъ-тарарахъ,—а другой, Аустерлицъ,—просто,—ус...сь. Г. Безсоновъ, въ примѣчаніяхъ къ пѣснямъ Кирѣвскаго, приводитъ остроумные примѣры такихъ превращеній въ былинныхъ именахъ. Припомните тоже у гр. Л. Толстаго, въ его «Война и миръ», несравненную страницу 223 тома VIII-го (Соч. М. 1873).

¹⁴⁰) До чего доходитъ при этомъ плодовитость сказителей,—можно заключить изъ того, что, записывая ихъ пересказы, покойный Гильфердингъ, въ продолженіе всего 48 дней, составилъ громадный томъ въ 2000 страницъ.

¹⁴¹) Не слѣдуетъ забывать при этомъ многочисленныхъ обмановъ и поддѣлокъ, которые практиковались новѣйшими сказителями въ виду бойкаго требованія на ихъ товаръ; довольно указать на *откровенное* признаніе Рыбникова о томъ, какъ одинъ волостной писарь «надулъ его», приславши шесть старинъ, которыя онъ отъ слова до слова списалъ у Кириши Данилова (Рыбн. II. XVI), и какъ другой сказитель началъ пѣть Гильфердингу совершенно новую балладу Щербини «Ово и Мара», на старинный ладъ. Поэтому особенно драгоценнымъ для насъ является сборникъ былинъ Кириши Данилова, составленный по порученію Демидова въ концѣ прошедшаго вѣка, когда еще на товаръ этого рода не было такого бойкаго спроса и сказителямъ не предстояло надобности дѣлать изъ былинъ спекулятивные изводы.

первоначальной древней основы ея, сквозь эти новѣйшіе узоры и вышивки, не представляется подъ часъ ни какой возможности.

Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ своду былинъ о трехъ старшихъ богатыряхъ нашихъ приведены мною, *по возможности*, тѣ мѣста изъ западныхъ и восточныхъ сказаній, а также изъ рукописныхъ и книжныхъ источниковъ, которыя представляютъ *наглядное* (безъ натяжки) сходство съ текстомъ былины; изъ этѣхъ замѣтокъ, чисто компилятивнаго характера, каждый легко убѣдится, что въ былинахъ есть мѣста, которыя намекаютъ на извѣстныя историческія событія и даже прямо заимствованы изъ лѣтописи; что многое въ нихъ заимствовано изъ западныхъ и юго-славянскихъ легендъ и сказокъ; что не менѣе этого сдѣлано въ нихъ заимствованій и изъ еврейскихъ, византійскихъ и монголо-индѣйскихъ источниковъ¹⁴²); что затѣмъ самый важный матеріалъ, изъ котораго сказители черпали полной горстью, заключается въ рукописной и книжной литературѣ, и что въ этомъ отношеніи не можетъ быть допущено никакой исключительной теоріи о происхожденіи нашихъ былинъ отъ одной какой либо чуждой намъ народности.

Дѣло будущихъ изслѣдователей разобрать всю эту путаницу, отдѣлать древнѣйшіе мотивы отъ новѣйшихъ пересказовъ, сравнить русскія сказки и былины съ чужеземными и опредѣлить, въ какое время переселились къ намъ западные образцы: перешла ли къ намъ, напримѣръ, сказка о Святогорѣ съ ларцемъ изъ 1001 ночи въ *глубокой древности* или же передѣлана сказителями въ былинную въ недавнее время, съ печатнаго подлинника; много-ли выработалось у нашего народа своеобразнаго, и что принадлежитъ ему одинаково съ другими народами¹⁴³? Въ этомъ

¹⁴²) При чемъ однакоже не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и теорію такъ называемыхъ *обратныхъ теченій*, по которой, напримѣръ, русское сказаніе, перешедшее къ Монголамъ, могло возвратиться отъ нихъ же обратно на Русь, съ разными прибавленіями и измѣненіями, подъ видомъ монгольской легенды.

¹⁴³) О. Миллеръ, 34-е присужд. Демидов. нагр. СПб. 1866, 81.

отношеніи приходится повторить то, что было сказано А. Н. Пыпинымъ еще въ 1858 году, что въ этомъ вопросѣ, точно такъ, какъ и вообще въ вопросѣ о старой нашей литературѣ, «опредѣленіе фактовъ есть дѣло первой необходимости; только оно можетъ указать съ точностію предѣлы, въ которыхъ совершилось развитіе Русской мысли и фантазіи, и дальше которыхъ оно не имѣло силы проникнуть, и можетъ дать лучшее разрѣшеніе споровъ, поднимаемыхъ сантиментальными партизанами старины и ихъ скептическими противниками»¹⁴⁴). Только такая разработка можетъ поставить вопросъ о былинахъ на почву разумной критики и устранить изъ дѣла, такъ называемое, *чутье*, которое у каждаго автора, конечно, *самое лучшее*, но нисколько не убѣдительно для остальныхъ и ни на шагъ не подвигаетъ впередъ общаго дѣла.

Впрочемъ заимствованіе сюжетовъ для разсказовъ съ разныхъ сторонъ, нисколько не можетъ умалить значенія былинны и ея простонародныхъ авторовъ; такія заимствованія практиковались и на западѣ, и въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Въ статьяхъ Дунлопа, Буслаева и Пыпина можно прослѣдить, какимъ образомъ *разъ хорошо сказанное слово*¹⁴⁵) повторялось несчетное число разъ, и какъ одна и таже *бродячая повѣсть* обходила все европейскія литературы, подвергаясь мѣстной обработкѣ и попадала не только въ старинныя легенды, но и въ творенія знаменитыхъ писателей, какъ на примѣръ въ Боккачьевъ Декамеронъ и Лафонтеновы сказки. Въ этомъ отношеніи обработка чужихъ сюжетовъ нашими простонародными сказителями представляетъ много своеобразнаго и даже художественнаго; они очень рѣдко переносятъ заимствованный разсказъ въ былинную цѣликомъ; по большей части такой разсказъ подвергается у нихъ существенной переработкѣ, и при этомъ не только обставляется другими подробностями, но и приводитъ къ совершенно другому концу:

¹⁴⁴) А. Пыпинъ, Очеркъ литературы, 302.

¹⁴⁵) Keightley, Tales and popular fictions, their resemblance and transmissions from country to country. London 1834.—Dunlop, XVII.

такъ, на примѣръ, повѣствованія о смерти Святогора, о Святогоровомъ ларцѣ, о борьбѣ Ильи съ сыномъ, и т. д. въ былинахъ оканчиваются совершенно иначе, чѣмъ въ оригиналахъ, изъ которыхъ они заимствованы.

Особенно ярко и образно въ былинахъ нашихъ выведена личность народнаго богатыря Ильи Муромца. Старый козакъ Илья Муромецъ—первый богатырь между русскими богатырями (Рыби. II. 8. 28. 30) и нѣтъ его на свѣтѣ сильяѣ. Никакого врага онъ не боится, ибо смерть ему отъ человѣческой руки въ бою *не написана*. Онъ ѣздитъ въ *поле* отыскивать подвиговъ, супротивниковъ своихъ онъ бьетъ съ разборомъ, притомъ не ради рыцарскаго занятія, а *за дѣло*: такимъ образомъ бьетъ онъ разбойниковъ, станишниковъ, собравшихся его грабить; убиваетъ Соловья разбойника, заложившаго прямоѣзжую дорогу для православныхъ; убиваетъ поганое Идолице, которое обнасилничало Кіевъ и князя съ княгиней; убиваетъ колдунью королевичну за то, что она заплонила множество богатырей и его, Илью, загубить хотѣла; убиваетъ нахвальщика за то, что и онъ его убить соннаго хотѣлъ. Подвиги свои Илья Муромецъ дѣлаетъ столько же для пользы общей, сколько и ради князя Владиміра, которому онъ служитъ вѣрной защитой. Сказка говоритъ, что Илья прямо изъ дому ѣдетъ въ Кіевъ, чтобы послужить князю Владиміру; подстрѣливъ Соловья, онъ везетъ его къ тому же князю; того же князя онъ избавляетъ отъ насилій Идолица и татаръ; наконецъ, въ промежуткахъ военныхъ дѣйствій, Илья стоитъ на княжеской заставѣ, вмѣстѣ съ другими богатырями, да и съ Нахвальщикомъ бьется, главное за то, что тотъ мимо заставы *не заплативъ пошлины* проѣхалъ.

Роду Ильи крестьянскаго; но крестьянскою работою онъ занимается только одинъ разъ въ жизни: корчуетъ пни подъ пашню, послѣ ухода каликъ; затѣмъ онъ ѣдетъ на богатырскіе подвиги, и до самой старости своей ни разу не возвращается *къ крестьянству*, а дѣлается настоящимъ дружинникомъ; онъ защищаетъ слабого отъ сильнаго, даже дѣтей Соловья разбойника отъ корысто-

любія князя Владиміра, защищаетъ вдовъ и сиротъ отъ татарскаго насилія и городскихъ кабацкихъ голей отъ притѣненія¹⁴⁶⁾.

Но, при этомъ, Илья не считаетъ князя полновластнымъ владыкой своей богатырской личности, и часто заводятъ съ нимъ жестокия ссоры. Впрочемъ, въ этѣхъ ссорахъ Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ чувствуется прежде всего протестъ простаго народа противъ правительственныхъ притѣсненій, противъ увеличенія сборовъ съ *царскихъ кабаковъ*, вздорожанія вина и непомѣрныхъ поборовъ съ простонародной *юм*. Самыя причины ссоры очень неясны¹⁴⁷⁾; впрочемъ былинику нуженъ былъ какой нибудь, хотя бы и пустой, поводъ, только бы привести дѣло къ ссорѣ и заставить Илью заступиться за бѣднаго человека, за голь; и вотъ, начинается у него Муромецъ уничтожать все казенное: хлещеть-колотить княжескихъ богатырей-застольщиковъ и самаго князя, обламываетъ съ дворца золотыя маковки, разбиваетъ царскіе кабаки, тутъ же стаскиваетъ и кресты съ церковей, — хотя церкви и Божіи, но кресты на нихъ поставлены не по *писаному*, а никоновскіе крыжи, и потому не за грѣхъ такіе крыжи Ильѣ Муромцу съ голями и на вино пропить. Это тотъ-же самый протестъ, который, въ болѣе беззубой формѣ, перешелъ въ позднѣйшія народныя картинки: мыши кота погребаютъ (№№ 166—170), котъ казанскій (№ 172), драка бабы яги съ крокодиломъ и съ плѣшивымъ старикомъ (№№ 37—39), нѣмка верхомъ на старикѣ (№ 220), и въ слова Ильи царю Калину¹⁴⁸⁾ «васъ-де царей не казнятъ и не вѣшаютъ»;

¹⁴⁶⁾ Нигдѣ Илья не является защитникомъ исключительно крестьянскаго сословія; даже въ самомъ началѣ его повѣсти, въ то время, когда калики надѣлили его богатырскою силою, они сочли за нужное наказать ему, чтобы онъ не ходилъ драться съ родомъ Микулы Селяниновича, его-де мать-сыра земля любить.

¹⁴⁷⁾ Одна только изъ нихъ—волокиство Владиміра за чужей женой—и могла еще возбудить гнѣвъ Муромца; но пересказъ объ этой ссорѣ не исполнѣ народенъ и удаченъ, такъ какъ Илья попадаетъ въ немъ въ тюрьму, и, стало быть, протестъ его оканчивается безъ всякаго результата; бунитъ-же изъ за плохаго подарка или изъ за мѣста *не по чину*—было вовсе не въ его духѣ:

¹⁴⁸⁾ А также и князю Владиміру; см. IV, стр. 43, 36 и 46.

протестъ, который, въ наше предусмотрительное время, переведенъ на личность *фатальнаго фишера* въ Петрушкѣ.

До самой смерти своей Илья остается холостымъ, и, судя по общему смыслу былинъ, *дѣственникомъ*: такъ смотрятъ на него и старообрядцы; противорѣчащая этому понятію легенда о женѣ его Савишнѣ, ходившей за него воевать съ Тугаринымъ Бѣлевичемъ, стоитъ совершенно особнякомъ, и никакого отношенія къ другимъ рассказамъ объ Ильѣ Муромцѣ не имѣетъ; также мало отношенія къ нимъ представляетъ и былина о нахвальщикѣ сынѣ Ильи, заимствованная изъ сказки о Ерусланѣ Лазаревичѣ, и другая былина о Святогоровой женѣ, блудившей съ Ильєю, взятая также цѣликомъ изъ 1001 ночи.

Илья въ былинахъ отличается отъ прочихъ богатырей отсутствіемъ честолюбія и безкорыстіемъ: по окончаніи подвиговъ Илья отказывается отъ всякихъ почестей, отъ атаманства у разбойниковъ, отъ воеводства въ Черниговѣ, и отъ золотой казны и чиновъ у кв. Владиміра. Онъ ничего не беретъ отъ разбойниковъ, предлагавшихъ ему золото и сокровища; ничего не беретъ за избавленіе города Чернигова отъ басурмановъ, ничего не беретъ и съ дѣтей Соловья, — напротивъ того, когда, послѣ смерти Соловья, Владиміръ хочетъ забрать себѣ Соловьевы сокровища, Илья не даетъ ему покорыствоваться, и говоритъ Соловьятамъ, чтобы везли ихъ домой, «это-де вамъ отъ отца вашего на прожитокъ оставлено». Разъ только Илья ѣздилъ по той дорогѣ, гдѣ *богату бытъ*, и добылъ несчетныя сокровища; но и эти сокровища онъ употребилъ не на свои надобности, а на построение церковей.

Необузданный въ гнѣвѣ своемъ, Илья, однако-же, скоро приходитъ въ себя, также скоро забываетъ нанесенную ему кровную обиду, и всегда готовъ идти на службу за землю русскую, стольный градъ Кіевъ, и за вдовъ и сиротъ его. Въ этомъ отношеніи, какъ замѣчаетъ французскій ученый Рембо, въ правдивой книгѣ своей о русскихъ былинахъ, — «Илья Муромецъ выше греческаго Ахилла и датскаго Ожье; а какъ покровитель слабыхъ, онъ можетъ быть поставленъ на ряду съ

самыми высокими идеалами западнаго рыцарства. . . . Онъ далеко выше героевъ греческихъ и германскихъ, въ особенности-же выше сербскаго героя Марка, человѣка жестокаго, безжалостнаго, и ненасытнаго пьяницы»¹⁴⁹).

Такова вполнѣ симпатичная и вполнѣ русская личность богатыря нашего Ильи Муромца по сказкамъ и былинамъ; былина придала ей всѣ тѣ качества и добродѣтели, которыя должны быть достояніемъ богатыря въ народномъ и человѣческомъ значеніи этого слова.

Съ неменьшимъ сочувствіемъ отнеслись наши сказители и къ личности коня Ильи Муромца.

Кони русскихъ богатырей, точно такъ, какъ и на западѣ, съ давняго времени пользовались любовью и уходомъ со стороны своихъ хозяевъ; князья наши очень дорожили ими: князь Андрей, напримѣръ приказалъ любимаго коня своего, павшаго въ битвѣ, въ знакъ особаго почета похоронить надъ Стрѣмемъ; про нѣкоторыхъ знаменитыхъ коней въ лѣтописяхъ даже означено какой они были масти и какихъ именъ: такъ у Мстислава былъ конь сивый, у Данила гнѣдой, у сербскаго Молочила былъ конь крылатый, у Марка королевича былъ чудный конь Шарацъ, напоминающій названіемъ своимъ коня Еруслана Лазаревича—Араша. Илья Муромецъ, какъ рассказывается въ сказкахъ и былинахъ, купилъ себѣ жеребенка шелудиваго, точно такъ, какъ и сербскій Маркъ королевичъ; цѣлые три мѣсяца держалъ онъ его въ срубѣ и выкармливалъ пшеномъ; потомъ началъ выводить его на волю и катать по зарѣ въ трехъ росахъ,—«и сталъ бурушко исправно черезъ тынъ, и въ ту и въ другую сторону, перескакивать»; тогда Илья осѣдлалъ его сѣделчкомъ черкасскимъ, на двѣнадцать подпругъ шелковыхъ, тринадцатую клалъ булатную,—«не для красоты, а для крѣпости»; сѣлъ Илья на коня своего, бьетъ онъ его по крутымъ бедрамъ, пробиваетъ кожу до чернаго мяса; ретивый его конь осерчается, прочь отъ земли

¹⁴⁹) A. Rembaud, La Russie épique. Paris 1876, 64.

отдѣляется; онъ и скачетъ выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго (Кир. I. 35); первый скокъ скочилъ 15 верстъ; въ другой скочилъ, колодезь сталъ. . .»; «летитъ бурушка скокъ версту мѣрную дѣлаетъ, рѣки, озера перескакиваетъ, темные лѣса промежь ногъ пушаетъ» (Рыби. I. 45); «видѣли богатыря на коня седучись, да не видали его ѣдучись» (Гильфердингъ, 984).

И сталъ конь Ильѣ и слугою и другомъ: онъ оберегаетъ его во время сна; будитъ его, когда опасность подходитъ (когда напримѣръ завидѣлъ Святогора богатыря); стережетъ прикованнаго къ стремени Соловья разбойника; помогаетъ Ильѣ биться съ врагами и столько же топчетъ бусурманъ копытами, сколько Илья побиваетъ ихъ мечемъ. Передъ опаснымъ боемъ съ нахвальщиками, Илья обращается къ коню съ человѣческой рѣчью о помощи: «ай-же ты мой, бурушко косматенькій! Послужитка ты мнѣ вѣрою и правдою, послужи по старому по прежнему, чтобы не побилъ-бы насъ поганый въ чистомъ полѣ, не срубилъ бы онъ моей буйной головушки, не распласталъ-бы онъ моей груди бѣлыя» (Рыби. I. 69). Въ другой разъ конь самъ предупреждаетъ его объ опасности: «три ямы, говоритъ онъ Ильѣ, вырыты въ полѣ басурманами, черезъ первую я тебя перенесу, черезъ вторую тоже, а въ третьей мы съ тобой оба останемся». Не послушалъ Илья Муромецъ своего коня, поѣхалъ въ поле, провалился въ третью яму, и былъ взятъ въ плѣнъ басурманскими; но и тутъ выручилъ его вѣрный конь: прибѣжалъ въ время, перегрызъ чембуры, которыми былъ связанъ Муромецъ, и улетѣлъ съ нимъ во свояси¹⁵⁰). Нельзя не согласиться, что въ этихъ описаніяхъ богатырскаго коня, не смотря на всю простоту рассказа, вложено нашими сказителями много чувства и искренности.

На страницахъ 62—64 приведены извѣстія объ Ильѣ Муромцѣ по норвежскимъ сагамъ, и сказанія о немъ, какъ о свя-

¹⁵⁰) Святогоръ конь даже приноситъ хозяину своему жалобу, съ тайнымъ умысломъ вывести на свѣжую воду его любовницу (IV, стр. 17). Въ лицевыхъ сказкахъ конь Добрыни Никитича припадаетъ къ нему; конь Бовы королевича, отъ радости, что увидѣлъ его, обнимаетъ Бову ногами (I. 13. 101).

томъ, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ преподобнаго Антонія. Въ сагахъ имя Ильи греческаго упоминается въ XII и даже XI вѣкѣ. Въ норвежской Титриксагѣ, половины XIII вѣка, Илья названъ Ярломъ¹⁵¹⁾ и братомъ великаго князя Владиміра, родившимся отъ наложницы; такимъ образомъ онъ смѣшанъ здѣсь съ самимъ Владиміромъ, который, по лѣтописному разсказу, происходитъ тоже отъ наложницы. Далѣе, изъ этой саги видно, что Илья былъ сильный богатырь, дрался въ войскѣ Владиміра и былъ намѣстникомъ въ городѣ Смоленскѣ¹⁵²⁾, въ то время, когда его осаждали варвары. Ученый Мюлленгофъ не сомнѣвается, что подъ именемъ Ильи греческаго въ сагахъ разумѣется нашъ русскій богатырь Илья Муромецъ (IV. 62).

Что касается до извѣстій объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о преподобномъ, то уже въ 1594 г. славянинъ Лассота видѣлъ въ одной изъ часовенъ Кіево-Софійскаго собора полуразрушенную гробницу *Или Моровлина*. Вскорѣ послѣ того, при Петрѣ Могилѣ, останки Ильи были перенесены въ обновленныя пещеры преподобнаго Антонія, гдѣ они показаны на планѣ 1660 года (III. № 613). Въ это-же время монахъ Илья, рѣзавшій доски для изданія Кіевского Патерика, вырѣзалъ изображеніе тезоименитаго себѣ преподобнаго Ильи Муромца, въ видѣ полунагаго калечища (№ 1519). Картинка эта не была однако-же включена въ патерикъ, по той причинѣ, вѣроятно, что составитель патерика не рѣшился включить въ него свѣтски-сказочнаго житія богатыря Ильи Муромца.

Въ заключеніе замѣчу, что Илья Муромецъ пользуется особеннымъ уваженіемъ со стороны старообрядцевъ, какъ *столпъ православія*; въ поморскихъ отвѣтахъ своихъ они приводятъ руку Ильи Муромца въ подтвержденіе защищаемаго ими перестосложенія для крестнаго знаменія; противъ этого довода ихъ тогдашнее православіе и не возражало, хотя вслѣдъ за тѣмъ ловкій

¹⁵¹⁾ Почетный титулъ (earl).

¹⁵²⁾ Въ одной былинѣ Илья Муромецъ освобождаетъ Смоленскъ (IV. Стр. 24. Прим. 26).

Еоофилактъ Лопатинскій, въ своемъ обличеніи неправды раскольнической, въ 1745 году, въ числѣ разныхъ благословящихъ и молитвенныхъ рукъ, приводитъ ту-же руку Ильи Муромца, но уже въ подтвержденіе триперстнаго сложенія (IV. 61).

Личности двухъ другихъ богатырей, Алеши Поповича и Добрыни Никитича, вышли въ былинахъ гораздо блѣднѣе.

Алеша богатырь рода Поповскаго, какъ повѣствуютъ сказители: «горделивъ, спѣсивъ, глаза поповскіе завидуци, руки загребуци»; на княжеской заставѣ онъ завѣдуетъ казной; онъ такъ жаденъ, что даже, убивъ Идолице, позарился на его красивое платье, переодѣлся въ него и въ этомъ платьѣ чуть-чуть не былъ убитъ своими-же собратіями, которые приняли его за самаго Идолица (IV. 102).

Въ сказкѣ Алеша названъ сыномъ извѣстнаго потаскуна Чурилы Пленковича¹⁵³⁾; по былинамъ онъ и является достойнымъ сыномъ такого батюшки: бабій потаскунъ, пересмѣшникъ и пустохвостовичъ, — какъ выражается сказитель, — гораздъ смѣяться чужимъ женамъ и молодымъ молодухамъ; да въ заключеніе всего, и сводникъ, который, по порученію Апраксѣвны, красавца Касьяна зоветъ къ ней въ спальную «на долгіе вечера» посидѣтъ на единѣ.

Какъ богатырь, Алеша Поповичъ представляется, также какъ и Добрыня, почти двойникомъ Ильи Муромца. Точно такъ, какъ Илья Муромецъ, побиваетъ онъ поганое Идолице (IV. 103); бьется съ Тугариномъ Змѣвичемъ, которому говоритъ тоже самое, что говоритъ Илья Муромецъ Идолицу, хотя при этомъ и сдѣлана прибавка изъ исторіи Александра Македонскаго¹⁵⁴⁾;

¹⁵³⁾ Чурило по сербски значитъ дѣтородный удъ; о дальнѣйшемъ значеніи этого слова, а также родственныхъ ему: Чурилы Игуменьи, Хотена Блудовича и Чесовой вдовы, см. въ алфавитн. указателѣ.

¹⁵⁴⁾ Передъ битвою Алеша говоритъ Тугарину: «у насъ былъ великъ закладъ битвы одинъ на одинъ, а за тобою нынѣ сила идетъ несмѣтная»; оглянувшись Тугаринъ назадъ, «а въ поры Алеша подскокилъ, да ему голову срубилъ» (IV. 104). Эти-же слова говоритъ Александръ Македонскій Пору, царю

вмѣстѣ съ Ильею Муромцемъ и Добрынею Никитичемъ стоятъ онъ на заставѣ княжеской и дерется въ битвѣ противъ басурманъ, и вмѣстѣ съ ними окаменѣваетъ въ бою противъ небесныхъ воетелей.

Особенно большое количество былинь, съ многочисленными пересказами ихъ, поется сказителями про богатыря Добрыню Никитича. Въ личности Добрыни изслѣдователи наши находятъ типъ удалаго наѣздника, варяжскаго дружинника высокаго происхожденія, который, какъ рыцарь, постоянно ищетъ приключеній ради самихъ приключеній. Нельзя не замѣтить однакоже, что эти качества, а равнымъ образомъ и княжеское его образование, ограничивавшееся, впрочемъ, умѣньемъ играть въ шахматы и скоморошничать на гусяхъ, не особенно ярко выставлены въ былинахъ. Замѣчаніе Безсонова, что образъ Добрыни по былинамъ значительно уступаетъ въ опредѣленности образу Ильи Муромца, вполне справедливо: качества и подвиги этого послѣдняго такъ типичны и оригинальны, что ихъ нельзя приставить и присвоить другимъ богатырямъ; подвиги-же Добрыни, напротивъ того, не исключая даже битвы его съ Змѣемъ на Израй рѣкѣ, понабраны кусочками изъ разныхъ источниковъ и подвергнуты при этомъ только самой незначительной переработкѣ.

Начнемъ съ рожденія Добрыни; въ былинахъ рассказывается, что когда пришло время ему родиться, произошли разныя явленія въ природѣ: всколебалась земля, прибѣжало стадо змѣиное, да стадо звѣриное со львомъ во главѣ. По справедливому замѣчанію Вольнера, явленія эти заимствованы изъ былины о Волхѣ Сеславичѣ; тамъ они на своемъ мѣстѣ, и въ связи съ будущими подвигами колдуна Волха, отъ котораго, уже отъ пятилѣтняго, дрожала земля и спасались звѣри, птицы и рыбы; между тѣмъ какъ жизнь и подвиги Добрыни не представляютъ ничего общаго съ такимъ громкимъ началомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже

индѣйскому, на картинкѣ № 294; въ новѣйшее время находчивость эта повторена въ Офенбаховой «Синей бородѣ».

является трусомъ, какъ напримѣръ при встрѣчѣ съ нахвальщикомъ, отъ котораго онъ отмаливается Спасомъ и Богородицей: «унеси Господи отъ нахвальщика»¹⁵⁵).

Разсказъ о боѣ Добрыни со змѣемъ представляетъ смѣшеніе легендъ о великомученикѣ Георгіѣ и Фодорѣ Тиронѣ и полное сходство съ ними не только въ главныхъ чертахъ, но и въ самыхъ подробностяхъ относительно освобожденія женщины изъ змѣиной пещеры, стоянія въ змѣиной крови и поглощенія этой крови разверзшеюся землею. Даже гласъ съ небесъ былъ слышанъ при этомъ Добрынею такой же точно, какой былъ слышанъ боровшемуся съ змѣемъ Фодору Тирону.

Другой разсказъ о томъ, какъ Добрыня встрѣтилъ поленицу Настасью и, чтобъ испробовать ея силу, началъ колотить ее въ голову, и какъ Настасья его къ себѣ въ карманъ положила, а потомъ замужъ за него вышла, заимствованъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ, котораго Святогоръ въ карманъ запряталъ; здѣсь разсказъ этотъ о боѣ богатыря Ильи, какъ обыкновеннаго смертнаго, съ полубогомъ Святогоромъ вполне осмысленъ, между тѣмъ какъ, въ былинѣ о Добрынѣ, титаническая богатырша Настасья представляетъ какую-то шутовскую вставку и несколько не вяжется съ кроткою и любящею личностью жены Добрыни, Настасьи Никуличны, которая никакими богатырскими подвигами во всю жизнь свою не занималась. Замѣчу, что даже подробности въ этомъ разсказѣ, и слова, которыя говоритъ Добрынѣ поленица: «думала, что это русскіе комарики покусываютъ, а это русскіе богатыри пощелкиваютъ», — тѣ-же самыя, что и въ разсказѣ о встрѣчѣ Ильи Муромца съ богатыремъ Святогоромъ.

Былина о томъ, какъ жена ждала Добрыню 12-ть лѣтъ и потомъ, получивъ извѣстіе, что Добрыня померъ, вышла за мужъ за Алешу Поповича, и какъ Добрыня явился на сватѣбный пиръ

¹⁵⁵) Сходство начала былины о Добрынѣ съ былиной о Волхѣ идетъ еще далѣе: объ этомъ послѣднемъ рассказывается, что онъ, точно также, какъ и Добрыня, 12-ти лѣтъ кончилъ свое обученіе и собралъ себѣ дружину изъ 30-ти богатырей (IV. 75).

и разстроилъ свадьбу, — заимствована почти цѣликомъ изъ другой превосходной былины о Соловьѣ Будиміровичѣ и Запавѣ Путятинѣ. Соловья усылаетъ мать за море, точно такъ, какъ князь Владиміръ усылаетъ Добрыню къ басурманамъ; о Соловьѣ, точно такъ, какъ и о Добрынѣ, прошелъ слухъ, что онъ померъ, вслѣдствіе чего въ обѣихъ былинахъ князь Владиміръ является сватомъ и насильно заставляетъ выходить за мужъ, въ первой былинѣ Настасью за Алешу Поповича, а во второй Запаву за Голаго Щапа. И тамъ и тутъ настоящій мужъ является на сватебный пиръ¹⁵⁶), а невѣста кричитъ, чтобъ еѣ пустили къ нему, не то, дескать: «прямо скачу, обезчещу столь», и затѣмъ отпускаетъ оконфуженному жениху остроу поморскаго засола: «здравствуй женимши, да не съ кѣмъ спать». Въ былинѣ о Добрынѣ Никитичѣ, въ концѣ, примѣшанъ только прозаическій эпизодъ о томъ, какъ Добрыня Алешу Поповича бросалъ о кирпичный полъ, ухаживалъ гусельками и забилъ почти до смерти.

Что касается до сказокъ и былинъ о похожденияхъ Добрыни съ Мариной Игнатьевной, то составленіе ихъ не могло имѣть мѣста ранѣе XVII вѣка, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ Маринкой разумѣется Марина Мнишекъ, жена Самозванца; Игнатьевной же она названа въ былинѣ по имени Игнатія, бывшаго два раза патриархомъ въ смутное время. Змѣй Горыничъ изображаетъ Самозванца Отрепьева, а прогвавшій его Добрыня Никитичъ есть никто иной, какъ Филаретъ Никитичъ, ибо и самое греческое имя Филарета, въ переводѣ на русскій языкъ, равнозначуще имени Добрыни (IV. 79). Хотя рассказъ этотъ долженъ быть признанъ до нѣкоторой степени русскимъ издѣліемъ, однако и здѣсь

¹⁵⁶) Въ первой былинѣ Добрыня Никитичъ является изъ дальней отлучки сперва въ свой домъ и открывается матери, которая узнаетъ его по родинкамъ, точно такъ, какъ кормилица узнаетъ Улисса въ Одиссеѣ. Долговременная отлучка витязя, во время которой жена его готовится вступить во вторичный бракъ, возвращеніе его въ образѣ странника, кольцо опущенное въ кубокъ, по которому жена узнаетъ своего мужа, — всѣ эти эпизоды встрѣчаются въ чешской повѣсти о Брунцвигѣ, передѣланной въ XVI вѣкѣ изъ нѣмецкой поэмы о Рейнфридѣ Брауншвейгскомъ и переведенной на русскій языкъ (А. Веселовскій: Исторія русск. литерат. Галахова, 444).

нѣтъ ни одной оригинальной подробности; всѣ онѣ понабраны изъ разныхъ источниковъ, своихъ и чужихъ. Въ описаніи двора Маринки повторено описаніе двора Соловья разбойника изъ былины; рассказъ о томъ, какъ Добрыня пустилъ стрѣлу въ голубей миловавшихся на окнѣ Маринки, какъ стрѣла разбила оконницу, и какъ передъ Добрыней предстала Маринка въ одной рубашечкѣ, — прямо взяты изъ еврейскаго апокрифа о Давидѣ и Вирсавіи; превращенія Добрыни въ Тура и разныхъ другихъ звѣрей, а также и самой Маринки, сперва въ ласточку, а потомъ въ долгохвостую суку или сороку, сильно напоминаютъ арабскія сказки 1001 ночи; казнь Маринки взята изъ былины Ивана Годиновича, въ которой Годиновичъ, отрубивъ у жены руки, ноги, губы, голову, говоритъ даже тѣ самыя слова, которыми учитъ Маринку Добрыня; такимъ образомъ изъ всего рассказа оригинально остается одна голая канва.

Затѣмъ въ сборникахъ слѣдуетъ цѣлый рядъ былинъ, сложенныхъ про другихъ богатырей, и въ которыхъ только имена этихъ богатырей замѣнены именемъ Добрыни; сюда относятся: рассказъ, цѣликомъ взятый изъ былины о бояринѣ Ставрѣ и его женѣ съ курьезной загадкой поморскаго засола (IV. 95); одинъ изъ рассказовъ о Чурилѣ Пленковичѣ, забравшемся къ молодой женѣ стараго Бермяты, Катеринѣ, тоже съ поморскою солью; рассказы о томъ, какъ рѣчка Смородинка утопила Добрыню за его хвастливость, относящійся совершенно къ другому богатырю, и какъ Добрыня велъ со смертью разговоръ, который на картинкѣ № 751 ведетъ съ нею воинъ Аника; три рассказа о Добрынѣ, изъ которыхъ одинъ, о битвѣ съ Тугариномъ Змѣвичемъ съ бумажными крыльями, вполне сходенъ съ такимъ-же рассказомъ объ Алешѣ Поповичѣ, другой, о битвѣ Добрыни съ Алешей Поповичемъ, переименованъ изъ битвы Еруслана съ Иваномъ богатыремъ, а третій, о томъ, какъ Алеша Поповичъ воскресилъ изрубленнаго въ куски Добрыню, посредствомъ живой и мертвой воды, которую принесъ ему воронъ, заимствованъ изъ сказки объ Иванѣ Царевичѣ и Сѣромъ Волкѣ (№ 40), и наконецъ нѣсколько раз-

сказовѣ, цѣликомъ заимствованныхъ изъ былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, а именно: о томъ, какъ Добрыня перескочилъ на конѣ своемъ двѣ басурманскія ямы, а въ третьей увязъ, но потомъ, подобно Муромцу, высвободился изъ нея и перебилъ силу басурманскую, какъ Добрыня бился съ нахвальщикомъ, который оказался его сыномъ, королемъ бухарскимъ. Въ виду такихъ капитальныхъ позаимствованийъ нельзя не сознаться, что, какъ въ основѣ всѣхъ былинъ и сказокъ про Добрыню Никитича, такъ и въ обработкѣ ихъ подробностей, чрезвычайно мало оригинальнаго¹⁵⁷).

Имена Добрыни и Алеши Поповича встрѣчаются и въ нашихъ лѣтописяхъ; въ Никоновской лѣтописи, подъ 1216 годомъ, и у многихъ другихъ лѣтописцевъ, упоминаются богатыри: Добрыня Рязаничъ, златой поясъ, и Александръ¹⁵⁸ Поповичъ, *силенъ богатырь*, со своимъ слугою Торопомъ¹⁵⁹; всѣ они были убиты въ битвѣ при Калкѣ (IV. 110), вмѣстѣ съ 70 другими богатырями. Кромѣ Добрыни Рязанича, златаго пояса, въ исторіи нашей упоминаются еще Добрыня Судиславичъ, дядя Владиміра, правитель Новгорода, поставившій тамъ истукана Перуна на берегу Волхова, а потомъ сдѣлавшійся такимъ ревнителемъ христіанской вѣры, вмѣстѣ съ воеводой Путятой, что о нихъ сложилась старинная пословица: «Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ» (IV. 111). Странно, что ни въ одной изъ лѣтописей не упоминается о старѣйшемъ изъ всѣхъ богатырей нашихъ, Ильѣ Муромцѣ, хотя имя его, какъ мы замѣтили выше, не разъ встрѣчается въ норвежскихъ сагахъ, гдѣ онъ названъ братомъ Владиміра отъ наложницы; по догадкамъ Буслаева, Добрыню можно считать

¹⁵⁷ Рембо справедливо замѣчаетъ, что Добрыня, и въ качествѣ покорителя темнаго змѣя, представляется какъ бы двойникомъ Ильи Муромца (Rambaud, Russie épique, 66). Такое же сходство представляетъ онъ съ Муромцемъ и по своимъ битвамъ съ басурманами; въ этомъ отношеніи онъ съ Муромцемъ и Алешей Поповичемъ представляетъ нераздѣльную боевую троицу.

¹⁵⁸ Былинное имя Алексѣя передѣлано изъ Александра или Олексы (см. выше, стр. 101).

¹⁵⁹ Въ сказкѣ Торопъ является слугою Добрыни (I. № 6).

братомъ незаконной матери Владиміра, наложницы Святослава, Малуши (IV. 111); догадки эти можно бы повести еще далѣе: наши богатыри Ильѣ Муромецъ и Добрыня Никитичъ — не составляютъ ли одно и то же лице, и христіанское имя Ильи не принято ли Добрынею при крещеніи, взамѣнъ его языческаго имени? Поморскія былины не противорѣчатъ такому предположенію; а родовитость Ильѣ, какъ брата или дяди Владиміра, подтверждается извѣстіемъ Лассоты о томъ, что гробница его показывалась рядомъ съ гробницей другаго богатыря (можетъ быть другаго брата Владиміра), причемъ обѣ гробницы были поставлены, каждая *въ особомъ придѣлѣ*, при соборной церкви въ Кіевѣ (IV. 60)¹⁶⁰.

8. Богатырь Усыня Горыничъ. Въ сказкѣ Аванасьева Усыня и Горыня (онъ же Валигора и Вертигоръ) представлены двумя отдѣльными богатырями: Горыня цѣлый вѣкъ свой ворочаетъ горы, а Усыня лежитъ на берегу рѣки, сперъ ее ртомъ, и ловитъ усамі рыбу (Аванас. I. 373—381); по его усамі, словно по мосту, пѣшіе идутъ, конные скачутъ, обозы ѣдутъ. Какъ Усыня, такъ и Горыня ведутъ войну съ длиннородымъ карликомъ (Аванасьева IV. 120); въ нашей картинкѣ оба эти богатыря соединены въ одно лице*). Въ каличьихъ пѣсняхъ Усыня Горыничъ *змѣй*, и называется тоже *горыничцемъ* и *пещерной змѣей* (П. В. Безсоновъ, Калки, I. 505). Въ сказкахъ упоминается еще о богатырѣ Горыничѣ такой непомѣрной силы, что и земля его не могла держать (См. выше стр. 19).

Изъ богатырей этого разряда въ русскихъ сказкахъ встрѣчаются еще *Дубыня* или вертидубъ, специальность котораго заключается въ выворачиваніи съ корнемъ дубовъ (Аванасьева, IV. 120) и *Дуиня* (I. 381).

¹⁶⁰ Причемъ Ильѣ названъ Моровлинъ (morovlin), т. е. строитель-каменщикъ (муровщикъ), — имя Муромца могло быть передѣлано изъ муровлеца народными сказителями, изъ числа ходившихъ смотрѣть руку Муромца, и не понявшихъ хорошенько настоящаго его названія (IV. 61).

*) Ему должно быть съ родни приходится баба Горыничка, которой Добрыня голову срубилъ (IV, стр. 55 и 94).

9. **Сильный богатырь Буслай Буслаевичъ.** Въ былинахъ про Буслая рассказывается: «Жилъ былъ Буславъ въ Новѣ-градѣ, жилъ Буславъ девятисто лѣтъ, жилъ Буславъ цѣлу тысячу; живучи Буславъ не старился, не старился переставился. Съ Новымъ-городомъ Буславъ не спариваль, съ каменной Москвой преты не было» (Рыбн. III. 233). По словамъ жены его, Амелфы Тимофеевны, «не имѣлъ онъ въ карманѣ вѣдь ста рублей, а имѣлъ онъ дружину хоробрую» (Кир. V. 21. 32; Рыбн. I. 356, II. 202. 207; Кирша Даниловъ 9).

Въ сказкахъ Чулкова (Кир. IV. 209) Буслай или Богуслай названъ княземъ Новгородскимъ, умершимъ 90 лѣтъ отъ роду; послѣ него осталась вдова Амелфа Тимофеевна и сынъ Василій Буслаевичъ, подвиги котораго, заключавшіеся въ усмиреніи новгородскихъ вѣчниковъ, описываются въ сказкѣ. Картинка наша, по всей вѣроятности, и должна представлять этого послѣдняго врага новгородской вольницы, а не отца его, человѣка ничѣмъ не замѣчательнаго.

Отрокъ Василій Буслаевъ, рассказывается въ сказкѣ, оставшись сиротою послѣ смерти отца своего, для препровожденія времени началъ рвать руки и головы посадскимъ ребятамъ, а потомъ подобралъ себѣ двухъ товарищей Оому да хромага Потаню. Описание выбора этихъ богатырей очень характерно. Василій Буслаевъ поставилъ чанъ водки, приказалъ спустить въ вино чарки въ 30 пудъ каждую, и кликнуть кличь: «кто хочетъ въ холѣ пожить, пусть придетъ на дворъ, не обсылаючи, спросясь только съ своей силою». И пришелъ на дворъ Оома Ременниковъ, взялъ себѣ чару въ 30 пудъ въ руки, зачерпнулъ изъ чана вина, и напился. Увидавъ такую силу, Буслаевъ бѣжитъ внизъ съ вязовою дубиною, налитую свинцомъ, и прямо грохъ Оому въ правое ухо. На Оомѣ головушка и не тряхнулася! И назвалъ его Василій Буслаевичъ себѣ братомъ и товарищемъ. Точно такимъ же манеромъ посвященъ въ товарищи и хромай Потаня; только его уже колотилъ дубьемъ по уху не одинъ Буслаевичъ, а вдвоемъ съ Оомою; за то Потаня и силою былъ повыше Оомы: онъ просто

на просто взялъ себѣ чанъ съ водкою за ушки да и выпилъ все вино залпомъ, не прибѣгая къ чаркѣ. За тѣмъ въ сказкѣ рассказывается, какъ Новгородцы хитростию заманили Буслаева къ себѣ на пиръ и напоили его, какъ Буслаевъ сталъ похвалиться, что быть ему княземъ надъ всею Русью новгородскою, и какъ Новгородцы, обидѣвшись на это, послали на Буслаева рать изъ посадскихъ. Рать эту побилъ сперва, находившаяся въ услуженіи у Буслаева, дѣвка чернавка чугуннымъ коромысломъ въ 300 пудъ, а потомъ доколотилъ самъ Буслаевъ дубовою осью. Тогда Новгородцы уже покорились подъ его власть.

Очень характеренъ при этомъ рассказъ, какъ Новгородцы, видя погибель посадскихъ отъ Буслаева, прислали на помощь къ нимъ богатыря-старчице (Андронице—Рыбн. III. 239), который уже много лѣтъ передъ тѣмъ въ кельѣ сидѣлъ, никуда не выходилъ. Старчице снялъ съ колокольни вѣчевой колоколь въ 600 пудъ, надѣлъ его себѣ на голову, вмѣсто шапки, и выступилъ противъ Буслаева; но Буслаевъ однимъ ударомъ разбилъ колоколь въ дребезги; а старчице поставилъ на колѣна. Тѣмъ и покончилась вѣчность Новгородская.

10. **Сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ.** Кромѣ двухъ изданій, приведенныхъ у насъ въ описаніи, существуютъ еще два изданія: 1) 1827 года (годъ этотъ означенъ въ концѣ сказки), гдѣ первая страница текста заканчивается словами: «свою мѣлось црскую». Въ этомъ изданіи, въ текстѣ, сдѣланы нѣкоторые выпуски, на мѣстѣ которыхъ оставлены пробѣлы; а именно:

На стр. 10-й, послѣ словъ: «входитъ онъ въ белъ шатеръ», выпущено: «образу божию молится».

На стр. 12-й, послѣ словъ: «въходитъ въ белъ шатеръ», выпущено: «не устрашаючись забылъ и образу божию помолиться».

На стр. 13-й, послѣ словъ: «вшелъ в белъ шатеръ», выпущено: «образу божию молится».

На стр. 16-й, послѣ словъ: «и пять черни миллионовъ», выпущено: «а священнаго чина всѣхъ», и послѣ словъ: «оплача своего», выпущено: «образу божию молится».

На стр. 23-й, выпущено: «образу божию молится» и: «младенцевъ крестилъ всею вѣру».

На стр. 24-й, выпущено: вѣдаю, что нехочетъ богъ смерти грешникомъ».

На стр. 26-й, выпущено: «повелѣлъ имъ въ церковь идти», «со обрученною княгинею» и: «новообрученный князь».

На стр. 29-й, выпущено: «и надѣлъ на себя порфиру царскую и золотой вѣнецъ (Ерусланъ)».

2) Изданіе *г*, съ тѣми же пропусками, но безъ пробѣловъ.

Оба изданія находятся въ собраніи П. А. Ефремова.

Текстъ нашей сказки почти дословно перепечатанъ изъ книги: «Лѣкарство отъ задумчивости и бессонницы, или настоящія русскія сказки. З. С. И.» СПБ. 1786. 16°*), — съ незначительными измѣненіями.

Въ Лѣтописяхъ Тихонравова (III. Отд. II. Стр. 100) сказка эта напечатана по старинному рукописному оригиналу, написанному совершенно другимъ языкомъ и въ другой редакціи, противъ нашей, подновленной; многія мѣста въ ней полнѣе и подробнѣе, другія же значительно сокращены, причемъ большинство именъ собственныхъ лицевой сказки, въ древнемъ спискѣ выпущены**). Нашъ царь Картоусъ названъ въ Тихонравовскомъ спискѣ Киркоусомъ Киркодановичемъ, дядя его — Залазаремъ Залазаревичемъ, Ерусланъ — Урусланомъ (карт. 1). Въ нашей

*) Безъ лицевыхъ изображеній сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ напечатана еще отдѣльными книжками: въ С.-Петербургѣ, въ 1792 и 1797 г., и въ Москвѣ, въ 1820 году.

**) Въ сборникѣ, въ которомъ находится эта сказка, помѣщены, кромѣ того: повѣсть о царѣ Михаилѣ, Троянская исторія и др.; въ концѣ его сдѣлана слѣдующая приписка: «Сия книга, глаголемая собраніе исторіевъ вознесенскаго дѣвicha монастыря монахини Любви Степановой, которую подарилъ Чюдова монастыря монахъ іерей Каріонъ Істоминъ» (въ Москов. пуб. музеѣ, изъ собр. В. Ундольскаго, № 930).

сказкѣ Ерусланъ уѣзжаетъ изъ отеческаго дома 12 лѣтъ (а не 15) на *коростовой* кобылѣ, о которой въ древнемъ спискѣ не упоминается. Ивашкинъ конь въ древнемъ спискѣ называется сивтегилай, а въ лицевой — алой тигилай (карт. 3). Конь Еруслана въ древнемъ спискѣ названъ Арашемъ (карт. 5). Названія «бѣлая епанча, сорочинская шапка», прибавленнаго къ имени «Ивашки бѣлой поляницы», въ древнемъ спискѣ нѣтъ; тоже нѣтъ въ немъ и имени царя Далмата (карт. 13). Царь пламенный щитъ названъ въ древнемъ спискѣ: «зеленый царь, пламенный щитъ». Царевенъ, съ которыми забавляется Ерусланъ въ шатрѣ, по древнему списку только двѣ, а не три; въ немъ нѣтъ тоже названій: Щитинъ градъ, градъ Дерби, и именъ царевенъ Поликаріи, Настасьи Вахрамѣевны, Продоры, Тибубриги, Легіи, царицы Епистиміи, царя Вахрамѣя и богатыря Росланея Прохоровича или Прохозовича.

Кромѣ того, въ древнемъ спискѣ находятся два слѣдующіе разсказа, изъ которыхъ первый въ нашей сказкѣ переименованъ, а второй совсѣмъ выпущенъ.

1) Рать Θεодула змѣя побиваетъ не одинъ Иванъ Русскій богатырь, а вдвоемъ съ Урусланомъ: «сколько де, брате, чаешъ рати битъ», говоритъ Урусланъ», а тогъ болши смотри, чтобъ не ушелъ Θεодулъ змей; какъ онъ побезитъ, такъ мнѣ скажи: язъ еще ево не знаю; и толко онъ нынеча убежитъ, Θεодулъ змей, и намъ ево не добытъ, а тебѣ красной царевны не видати. И такъ пособилъ Богъ Уруслану, побили съ половиною рати и Θεодулъ змѣи побезалъ, и Урусланъ издалече усмотрилъ и по указу опозналъ его конъ Θεодуловъ, Кутасъ зеленъ: и Урусланъ погонился за Θεодуломъ змеемъ на своемъ вещемъ Араше, а молвилъ Урусланъ: Брате де мой, доброй конъ, вещей Арашъ! служи ты мнѣ ту службу первую: не упусти ты мнѣ не друга брата моего князя Ивана, занежъ есмь съ нимъ впервые познался. И вещей Арашъ молвитъ: Господине де Урусланъ: тобя, государя своего, блюдусъ, а тотъ конъ, что подъ Θεодуломъ змеемъ, мнѣ большой братъ, а оба есмь кони отъ водяныхъ коней приращеніе наше, а нынеча тебѣ, государю своему, послужу, толко не уполо-

шейся: скачи на озеро, не бояся. Уруслан же добре учинился тому слову весел и напустил своег доброго коня за Θεодулом змеем. И какъ прискакалъ близко, Θεодул змей на озеро побежал, кон под ним какъ сокол полетел. И Уруслан пустил своег вещег Араша на озеро, и доброй кон, вещеи Араш по озеру, поверхъ воды какъ сокол полетел, что по мосту скачетъ. И какъ угонил Уруслан Θεодула змея и бурой кон молвит, которой подъ Θεодулом Змеем, своему брату Урусланову коню, вещему Арашу: Брате мой Араш! вѣдаеш и сам, что я тебѣ большой брат, а ты хош чти Уруслановъ, что за мною гонишься: а яз чти хочю великому царю Θεодулу змею. Арашъ де вещеи молвит: Брате мой, бурой кон! ты хошъ чти Θεодулу змею не на долго, до тѣхъ меств, покаместъ Θεодула змея достанетъ Урусланова рука, и яз своимъ государемъ векъ коротати хочю. И какъ де Θεодул змей утек в каменные ворота городовые, и по божию веленю Уруслан Θεодула достал по шелому и розсѣкъ ево на двое до седла и бурово коня пересѣкъ на двоежъ» (Лѣтописи русск. литерат. III. 110)*).

2) Послѣ того какъ Урусланъ рѣшился добыть печень Зеленаго Царя, пламеннаго щита: «и поѣхал изъ княз данилова княжения Бѣлово, а самъ, едучи раздумывает на великом своемъ разуме, гдѣ достат Зеленог Царя: ни в которой земли слухом не слыхано. И поехал Уруслан в далные земли и сам не вѣдаетъ, куды ѣхат. И наѣхал Уруслан, в поле стоит дуб краковистъ велик добре, стоитъ среди поля: со всѣ стороны ни откуду лѣсу нѣтъ, а около тог дуба мног дорог пробито, а езжено перед ним недавно. И Уруслан учал мыслити на своем умѣ: откуды тѣ дороги пробиты и которой земли и какие тою дорогою люди ездили. И учал Уруслан тѣ дороги разѣзжати, и учал дивитися,

*) Въ качествѣ змѣйнаго покорителя имя Еруслана упоминается даже въ одномъ малороссійскомъ заговорѣ противъ змѣйнаго укуса: «На осіанскомъ мори стоитъ дубъ, а въ томъ дубѣ Яруславъ Лазуреничъ: Яруславъ Лазуреничъ! не будеш ты своего гаду сбирати, изъ желтой кости зуба вынимати—полевой,-медовой, травяной, болотвяной—побьетъ тебя день Середа! Аминь» (А. Веселовскій: Исторія русск. литерат. Галахова, 432).

что стоит дуб велик ис пустоши, а дороги около дуба все лежат. И стал Урусланъ под дубом, притуляс и учал стеречи, кто тѣ дороги пробил. И какъ будет тогож дни въ полдни, ажно летит великое стадо птиц хохотуней, да учили около дуба садитися кругом; посидев немного, да сошли з дуба на землю да учили изметоватися красными девицы*). И Уруслан, стоячи, ужаснулся, а се молвил себе: По ся мѣсть де я никакова человекъ не уполошевлялся; а самъ напустил на них вещег своего Араша, добраго коня. И девки все взлетели птицами на дуб, и Уруслан ухватил девку и девка учала изметоватися всякими зверми, и всякою птицею, и всякою гадиною. И Уруслан держитъ еѣ крепко и, как девка всем переметалас и не могла ничем перекинутися, и девка молвитъ Уруслану: Чего, Сударь, хочеш у меня, что держишь меня крепко? И Уруслан молвит: Девка. У вас крыле, вы летаете по многим землям и по многим царствам; скажи мнѣ: слыхали ли есте на море Зеленог Царя, вогненног щита, пламенного копья, а ездит он на осмероногомъ конѣ? И девка молвит: Господине Уруслан! есть Зеленой Царь, да никаков человекъ не может живъ его видети. И Уруслан молвит: Девка! того ты мнѣ не сказывай: не поставиш ты меня, в царстве Зеленог царя часа тог, тобѣ живой не быти и отпуску себѣ не чай отъ меня. И девка молвит: Господине Уруслан! до Зеленого царя далеко: одному ехати от сѣхъ мѣсть 12 мѣсяцовъ, и яз того часу поставлю у Зеленог царя, толко меня не издержи ты, отпусти. И Уруслан молвит: Девка! как ты меня поставишь у Зеленог царя, тот часть тебя отпущу, не издержу. И девка молвит: Господине Уруслан! коли ты так говоришь, і ты зажмурся, а яз тебя посѣтавлю у Зеленог царя в царстве. И Уруслан зажмурился, да ступил трижды на своемъ добромъ конѣ, вещеи Араше, и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. Ажно Уруслан стал на чистом поле под царством Зеленого Царя, и Уруслану на ум не взойдет, что

*) См. о такомъ же превращеніи голубицъ въ красныя дѣвицы въ сказкѣ о Иванѣ Царевичѣ и Царь дѣвицѣ (I. 131).

девка отпустит — ино назад не быти, дороги не познати. И Уруслан молвил: Девка! убьет меня Зеленой Царь, ино готова тебѣ простыня; а буду жив, и ты поставь меня во княз данилово княжение Бѣлово. И приковал Уруслан девку у стремени у доброго своего коня, а сам Уруслан пошел к царству Зеленого царя».

Когда Урусланъ убилъ Зеленого царя то «вспорол ему могучую груд и емлет в вошаночку кров горячую и вымает свежую печен и обертел в шириночку и положил въ саадак, и вышел Урусланъ из царства Зеленого царя вонъ. И пришел к своему доброму коню, вещему Арашу, и учал девку откавыват; а сам учал говорит: Девка! постав ты меня во княз данилово княжение Бѣлово часа тог. И девка молвит: Господине Уруслан! поставлю яз тебя под тем же дубомъ, под которым яз тебя взяла. И девка молвит: Господине Уруслан! Зажмурся. А вещей Араш трижды ступил и девка молвит: Господине Уруслан! прозри. И Уруслан прозрил: ажно стал под темже дубом, под которым его девка взяла. И стал Уруслан добре рад и девку от стремени откавал да отпустил на волю. И девка полетела птицею хохотунею; и сама девка молвит: Не дай Богъ вперед под темъ дубом бывати, хотя векъ не играти» (Лѣтописи древн. лит. III. 118).

Ученый Гримъ еще въ 1831 году замѣтилъ, что сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ составляетъ отрывокъ изъ цѣльной поэмы, и что можно предположить, что въ сказкахъ о Ерусланѣ и Ильѣ Муромцѣ заключается главная основа эпическихъ народныхъ поэмъ, которыхъ стиль и размѣръ походятъ на таковыя же въ сербскихъ поэмахъ*). Велѣдъ за Гриммомъ и большинство нашихъ археологовъ признали за этой чисто восточной сказкой азиатское происхождение. В. В. Стасову выпала честь доказать это положение Гримма самымъ нагляднымъ и несомнѣннымъ способомъ:

*) In einigen Erzählungen möchte man, nach ihrem ganzen Gang zu schließen, die Grundlage eines epischen Volksliedes, im Stil und Metrum der Serbischen vermuthen, namentlich in Nr. 17. von Ieruslan und in Nr. 6. von Piija. . . Russische Volksmärchen. . . von A. Dietrich mit einem Vorwort von Iacob Grimm. Leipzig, 1831. S. VII.

по его изслѣдованіямъ оказалось, что сказка объ Ерусланѣ заимствована изъ персидской поэмы Шахъ-Наме, при чемъ, по русскому обычаю, имена собственныя передѣланы по своему: изъ Зальзера вышелъ Лазарь, изъ Кейкауса — Киркоусть Киркодамовичъ, а изъ персидскаго коня Ракша — Арашъ*). Въ описаніи приключеній Еруслана Лазаревича сходство нашей сказки съ поэмою Шахъ-Наме еще очевиднѣе. Главнѣйшія черты той и другой, какъ замѣчаетъ Стасовъ, вполне тождественны: добываніе богатырскаго коня, бой съ дракономъ (который замѣненъ въ сказкѣ богатыремъ Иваномъ) и помощь, оказываемая при этомъ со стороны коня Ракша, побѣда надъ дивомъ Θεодуломъ-Змѣемъ, побѣда надъ бѣлымъ дивомъ — княземъ Даниломъ бѣлымъ, излеченіе слѣпоты царя посредствомъ вражьей крови, рожденіе сына Ерусланова, единоборство Еруслана съ этимъ сыномъ (они не знали другъ друга), — все это существуетъ, какъ въ нашей сказкѣ, такъ и въ персидскомъ оригиналѣ. Въ концѣ подробнаго изслѣдованія своего Стасовъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: «богатырская сказка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ происхожденія нерусскаго — она ведетъ свое начало съ Востока, но вышла не изъ сказокъ, а изъ поэмъ, легендъ, пѣсень и сказаній древнѣйшаго востока. Нельзя указать, по крайней мѣрѣ теперь, одного отдѣльнаго произведенія, откуда она была бы переведена или заимствована: она имѣетъ многочисленные пункты ближайшаго сходства съ весьма разнообразными произведеніями восточной литературы, и представляется всего скорѣе какъ бы народной компиляціей, въ продолженіе долгаго времени сложившейся мозанкой, изъ разнородныхъ древнихъ мотивовъ (стр. 174); цѣльной же повѣсти о Ерусланѣ Лазаревичѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ нашей русской сказкѣ, не найдено до сихъ поръ ни на одномъ языкѣ». По замѣчанію О. Миллера, иноземная основа восточной поэмы подверглась въ нашей сказкѣ чисто русской

*) У Марка Королевича былъ тоже конь *Шарацъ*; оба эти названія Арашъ и Шарацъ очевидно передѣланы изъ одного и тогоже Ракша.

переработкѣ*), хотя большое число иностранныхъ именъ, сохранившихся въ нашей сказкѣ и неимѣющихъ ничего общаго съ персидскими названіями**), и самое измѣненіе характера героя сказки***), а равно и незначительная вставка русскихъ именъ, богатыря Ивана и поляницы Ивашки****),—наводятъ на мысль, что русская сказка скорѣе всего *переводная*, съ готоваго западнаго или юго-славянскаго*****) оригинала.

11. А. Бой Еруслана съ Змѣемъ. Прибавить другой переводъ этой картинки: Ерусланъ бьется съ десятиглавымъ змѣемъ, у котораго три головы уже отрублены. Подпись также, что и на № 11; картинка листовая, гравирована на мѣди въ концѣ прошедшаго вѣка (Въ моемъ собраніи).

15. Исторія о Бовѣ. У меня есть еще два изданія сказки о Бовѣ: *e*—конца прошедшаго вѣка, въ которомъ послѣдняя строка текста 1-й картинки состоитъ изъ полуслова: «идано», и *ж*—съ той же доски, но грубо выправленной рѣзцемъ; земля, на которой стоитъ Бова во 2-й картинкѣ, заштрихована въ изданіи *e* въ одну черту, а въ изданіи *ж*—въ двѣ, накрестъ.

18. Сказка о Бовѣ Королевичѣ полная, въ 32-хъ картинкахъ. Кромѣ поименованныхъ изданій, есть еще изданіе, сдѣланное съ досокъ изданія *b*, но съ помѣтою на первой страницѣ: «Печ. Поз. 1839 г. Маія 12 д. Ценз. Михайла Коченовскій» (У П. А. Ефремова). Наша сказка (полная) о Бовѣ перепечатана дословно съ типографскаго изданія, носящаго названіе: «Знатная сказка о

*) О. Миллеръ, Илья Муромецъ, 46.

**) Продора, Легія, Тибубрига, Назарія, Поликарія, Епистимія, Прохозъ, Далмать, Кандаула, градъ Дерби, градъ Шитинъ.

***) Которому въ сказкѣ приданъ рыцарскій характеръ, такъ на примѣръ: въ Шахъ-Наме Рустемъ выручаетъ Кей Кауса и принимаетъ отъ него дары; въ сказкѣ, напротивъ того, Ерусланъ ничего не беретъ отъ Киркоуса, говоря: «либо корыстовать, или богатыремъ слыть»; точно также не взялъ онъ ничего и послѣ Ивашки бѣлой поляницы.

****) Имя Еруслана—татарское: въ Оренбургской губерніи есть рѣка Ерусланъ, а въ Самарской—уѣздный городъ Бугурусланъ.

*****) На что намѣкаетъ и имя Еруслановой супруги, названной на одной картинкѣ прекрасной Миленой (№ 35).

славномъ, храбромъ витязѣ бовѣ королевичѣ». СПб. 1790. Другія изданія ея: СПб. 1791 и 1815; Москва 1820, 1857 и мн. др.

Въ нашихъ рукописныхъ источникахъ сказка о Бовѣ появляется въ сборникахъ XVII—XVIII в. *). Относительно происхожденія исторіи о Бовѣ королевичѣ Яковъ Гриммъ первый указалъ на заимствованіе ея изъ четвертой книги поэмы *Reali di francia*, сочиненной, какъ полагаютъ, въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка Алкуиномъ. Въ «*Collezione di opere inedite, Bologna 1872*» приведены разныя редакціи романа Бовы; изъ нихъ англійская редакція существенно разнится съ текстомъ нашего Бовы: въ ней приведены не только другія имена, но и другія происшествія. Отецъ Бовы, Гюйонъ Ханстонскій, живетъ въ Англии. Жена его Брандорія, недовольная старымъ своимъ мужемъ, объясняется въ любви (какъ и въ нашей сказкѣ) Дуну изъ Маинца, который приходитъ на ея зовъ, убиваетъ Гюйона, и женится на Брандоріи, которая, вслѣдъ за тѣмъ, приказываетъ продать сына своего Бову въ Армянское царство; здѣсь влюбляется въ него дочь короля Гермина Іозіана. Спустя малое время на царство Гермина нападаютъ Дамасскій король Брайдамонтъ и персидскій Данебусъ, и берутъ Гермина въ полонъ. Но Бова садится на своего коня Арунделя, разбиваетъ обоихъ королей, и освобождаетъ Гермина. Въмѣсто благодарности Герминъ, обозлившись на Бову за любовь его къ Іозіанѣ, предательски посылаетъ его отнести Брайдамонту письмо, въ которомъ заключалось при-

*) У Пыпина (Очеркъ, 248) поименованы слѣдующіе списки ея: 1) Пуб. Биб.—сборникъ конца XVII в., 27 л., 365: «сказаніе про храбраго витезя про Бову Королевичу»; 2) Пуб. Биб.—сборн. нач. XVIII в., съ тѣмъ же почти заглавіемъ; 3) Погод. № 1773—сборн. XVIII в.: «сказаніе о храбрости витязя Бовы королевича зѣло послушати дивно»; оно начинается такъ: «Бысть иѣкій король именемъ Гвидонъ въ славномъ градѣ Антоновѣ, младъ (юноша) велми храбръ, и збиралъ себѣ въ градѣ храбрыхъ витязей въ златыхъ поясахъ, и охочъ былъ въ чистомъ полѣ тѣшитца съ соколы и ястребы и съ выжлецы» и т. д.; вообще съ такими прибавками, замѣчаетъ Пыпинъ, которыхъ въ другихъ спискахъ обыкновенно не бываетъ (248), и 4) Погодин. № 1778—1780. Забѣлинъ упоминаетъ кромѣ того о потѣшной книгѣ, въ лицахъ, о Бовѣ Королевичѣ, принадлежавшей царевичу Алексѣю Петровичу въ 1693 году (Быть царей, 117).

казаніе умертвить Бову. Брайдамонтъ запираетъ Бову въ темницу, изъ которой тотъ однакоже бѣжитъ, и возвращается къ Іозіанѣ, уже помолвленной въ то время за короля Иворина. Влюбленные бѣгутъ; Иворинъ посылаетъ вслѣдъ за ними гиганта Ахопарта, который, какъ и нашъ Полканъ, побѣжденъ Бовою, принимаетъ христіанство и становится другомъ Бовы. Вскорѣ послѣ того Бова оставляетъ жену свою въ Кельѣ (Colonia), а самъ отправляется въ Лондонъ, гдѣ обвиняетъ передъ королемъ Вильгельмомъ короля Дува въ убійствѣ отца, дерется съ Дуномъ на поединкѣ, и убиваетъ его. Затѣмъ слѣдуетъ рассказъ о разныхъ подвигахъ Бовы, которые не имѣютъ никакого отношенія къ нашей сказкѣ и заканчиваются извѣстіемъ, что одного изъ сыновей Бовы (отъ Іозіаны) Вильгельмъ король англійскій назначаетъ своимъ наследникомъ, а другой сынъ Бовы дѣлается наследникомъ царства Армянскаго (стр. 122).

Издатель «Collezione», съ своей стороны, полагаетъ, что эту англійскую редакцію не слѣдуетъ считать древнѣйшею; что, судя по мѣстностямъ, описываемымъ въ романѣ, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что всѣ событія, изложенныя въ повѣсти, происходили въ Италіи, а не въ Англии, и что англійская редакція есть передѣлка итальянской редакціи Reali, въ которой Бова является предкомъ Роланда¹⁾ (хотя замѣтимъ, что и по рассказамъ Reali дѣйствіе происходитъ въ Англии, а не въ Италіи). Итальянскіе пересказы исторіи Бовы извѣстны въ пяти разныхъ редакціяхъ; ближе всего изъ нихъ къ нашей русской сказкѣ подходит четвертая глава Reali²⁾ и сѣверс-итальянская поэма о Бовѣ, написанная въ виршахъ; послѣдняя представляетъ, по замѣчанію А.

¹⁾ Есть народное изданіе «I Reali di francia. Italia Libreria di Santo Stefano 1864. 16°», въ которомъ сказаніе о Бовѣ передѣлано изъ англійской редакціи, причемъ подробно рассказаны любовные переговоры Друзіаны съ Бовою и совсѣмъ выпущены приключенія Бовы съ Полканомъ; а вторая половина нашей сказки сокращена такъ, что составляетъ всего полъ страницы; за то въ концѣ прибавленъ рассказъ о смерти Бовы и Друзіаны и о дѣяніяхъ сына Бовы.

²⁾ Я пользовался изданіемъ: Venezia e Milano, 1679.

Веселовскаго особенное сходство въ именахъ (Исторія литерат. Галахова. СПБ. 1880, 452).

Впрочемъ тексты поэмы и 4-й главы Reali гораздо страннѣе нашей сказки; въ нихъ вставлено множество эпизодовъ, которые въ сказкѣ совершенно выпущены, какъ напримѣръ: о происхожденіи Полкана (въ Reali), о битвахъ Бовы съ Пепиномъ, королемъ Французскимъ и т. д. Съ другой стороны въ сказкѣ есть такіе эпизоды, — какъ напримѣръ рассказъ о прежней любви Милитрисы къ Додону, — которыхъ нѣтъ ни въ поэмѣ, ни въ Reali. Наконецъ нѣкоторыя происшествія изъ поэмы и Reali — въ сказкѣ совершенно переименованы; такъ напримѣръ: въ сказкѣ Бова отрубаетъ голову королю Додону и подноситъ ее въ даръ матери Милитрисѣ, Милитрису же приказываетъ закупорить въ бочку и пустить въ море, въ поэмѣ и въ Reali — Бова убиваетъ Додона въ битвѣ (прокалываетъ насквозь копьемъ), Милитрису въ Reali четвертують, а въ поэмѣ замуравываютъ въ стѣну; въ битвѣ Бовы съ Полканомъ, по сказкѣ, побѣждаетъ Полкана Бова, а въ поэмѣ и въ Reali одолеваетъ Бову Полканъ, и только заступничество Дружневны избавляетъ Бову отъ вѣрной смерти. Имена собственныя нашей сказки представляютъ больше сходства съ именами поэмы, чѣмъ съ именами Reali: Милитриса = Blandoia = *meltris*; Личарда = Rizardo (въ Reali вмѣсто него называется Антоніо); Салтанъ Салтанъчъ = Soldan di Sadonia; Мильчигрія = Мальгарія; Урій = Orio; Тервисъ = Teris. Но въ текстѣ рассказа, поэма, какъ это видно изъ подстрочныхъ примѣчаній, приведенныхъ ниже, подъ извлеченіемъ изъ текста Reali, представляетъ много разницы съ текстомъ сказки, даже болѣе, чѣмъ самъ текстъ Reali. Изъ этихъ сближеній и сравненій должно придти къ тому заключенію, что наша сказка не передѣлана непосредственно ни изъ 4-й главы Reali, ни изъ виршевой поэмы, о которой говорено выше, а скорѣе переведена съ чужой готовой передѣлки Reali (скорѣе всего польской, судя по оборотамъ перевода), изъ числа тѣхъ, которыя издавались во множествѣ, въ видѣ поэмъ и

романовъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ³⁾. Что касается до времени появленія у насъ сказки о Бовѣ королевичѣ, то она могла быть занесена къ намъ заѣзжими итальянцами, сопровождавшими царевну Софью, впоследствии супругу великаго князя Иоанна III. На такой ранней переходъ ея къ намъ указываетъ между прочимъ и та родственная связь, которая давно уже установилась между нею и нашими былинами, въ пересказѣ однихъ и тѣхъ-же подробностей, а такъ же и заимствованіе изъ сказки о Бовѣ богатыря Пуликана, который закрѣпленъ въ нашихъ былинахъ⁴⁾. Предлагаю здѣсь содержаніе 4-й главы изъ Reali, для нагляднаго сравненія итальянскаго разсказа о Бовѣ съ текстомъ

³⁾ У Пыпина упоминаются: 1) стихотворный романъ: «Beuves d'Antone et sa mie Sosianne fille du roi d'Armenie»; 2) англ. поэма: «Sir Bevis of Hampton»; 3) романъ въ прозѣ: «Le livre de Beufues danthonne et de la belle Josyenne sa mye»; 4) нидерландская народная книга: «Beuvyn und Susiame»; и 5) англійскій романъ: «Syr Bevis of Hampton» (Очеркъ, 245). Reali di francia, въ шести книгахъ, изданы въ первый разъ въ 1491 году, въ Моденѣ; исторія Бовы занимаетъ въ нихъ четвертую книгу; въ 5-й разсказана смерть Бовы. Стихотворное переложение исторіи Бовы напечатано въ первый разъ въ Болоньѣ, въ 1480 г. Въ Collezione di oregi.... (Bologna 1872) упоминается о двухъ разныхъ редакціяхъ этого переложенія; одна изъ нихъ, очень сходная съ текстомъ нашей сказки, напечатана на стр. 491 и слѣд. (всего 2225 стиховъ).

⁴⁾ На такое происхожденіе Полкана указываютъ Котляревскій, Пыпинъ, Вольнеръ (стр. 75) и А. Веселовскій (Истор. лит. Галахова). Рыбниковъ (II, ССХХХVI) и Безсоновъ не соглашаются съ ними и не допускаютъ, чтобы Пуликанъ итальянскихъ пантомимъ могъ служить прототипомъ былиннаго богатыря Полкана. По мнѣнію Безсонова, Полканъ происходитъ отъ слова: *Пол-кони*; за всѣмъ тѣмъ происхожденіе Полкана отъ Пуликана, какъ справедливо замѣтилъ Вольнеръ, до сихъ поръ ничѣмъ не опровергнуто (стр. 75). Прибавлю съ своей стороны, что Полканъ въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ не представляетъ ничего унизительнаго: онъ является въ ней настоящимъ богатыремъ, и притомъ личностью весьма симпатичною, неимѣющею никакого сходства съ его соименникомъ, позднѣйшимъ Пуликаномъ итальянскихъ мимъ; Полканами въ старину назывались вообще люди необыкновенной силы, въ этомъ смыслѣ названіе это встрѣчается и въ лѣтописяхъ: въ сказкѣ Добрыни Полкана собираются на битву цѣлыми полками (I. № 6), Аникѣ воину смерть является тоже въ видѣ Полкана (III. № 751). Въ одномъ азбуковникѣ XVII в. про Полкана сказано, что онъ получеловѣкъ и полуселъ. Древнѣйшій Полканъ-Кентавръ совершенно другаго, античнаго греческаго, происхожденія: это Кен-тавръ, конь-быкъ, или конь-туръ, Кентаврусъ, а въ русской переделкѣ Китоврасъ. Имя Полкана не разъ встрѣчается въ нашихъ сказкахъ (см. I, стр. 10, 17, 162) и легендахъ: Полканъ вмѣстѣ съ Ильей Муромцемъ

нашей лицевой сказки. Дѣло происходитъ въ Англии. Герцогъ Гвидонъ изъ Антона (Гамптона) взялъ себѣ въ жены дочь короля Оттона изъ Бордеуса въ Гасконіи—Брандорию⁵⁾, которая въ первый-же годъ родила ему сына Бову⁶⁾. До десяти лѣтъ Бова воспитывался у дядьки Синибальда въ Рока Сансимоне, вмѣстѣ съ сыномъ Синибальдовымъ Териджіемъ, а потомъ привезенъ ко двору Гвидона⁷⁾. Брандория, наскучивъ своимъ старымъ мужемъ, задумала погубить его, и для того послала слугу своего Антонія къ молодому герцогу Маганцкому Дуоду⁸⁾, отецъ котораго былъ убитъ Гвидономъ, и предложила ему придти въ Англию, отомстить смерть отца, избавить ея отъ мужа и взять ея себѣ въ жены. Чтобы привести въ исполненіе свой замыселъ, Брандория, какъ и въ сказкѣ, проситъ Гвидона застрѣлить ей венря и затѣмъ, когда онъ отправляется на охоту, приказываетъ запереть городскія ворота; Додонъ убиваетъ Гвидона и женится на Милитрисѣ. При видѣ такого злодѣйства Синибальдо взялъ Бову и побѣжалъ съ нимъ въ Сансимоне, но Додонъ настигъ его и отнял Бову. Бову сажаютъ въ темницу; мать хочетъ отравить его лепешкой, но прислужница (самегіега)⁹⁾ предупреждаетъ его объ этомъ и выпускаетъ Бову на свободу. Бова вскорѣ отыскалъ корабль, гдѣ корабельщики приняли его на бортъ. Приѣхавъ въ царство короля Ерминіона въ Ерминіи¹⁰⁾, корабельщики продали Бову самому

правителю Соколомъ кораблемъ (см. выше, стр. 48); въ другомъ мѣстѣ Илья Муромецъ убиваетъ Чудище Полканище, пса-богатыря (стр. 41); имя Полкана упоминаетъ и смерть въ разговорѣ своемъ съ Аникой воиномъ (№ 751).

⁵⁾ Въ поэмѣ точно такъ, какъ и въ сказкѣ, названъ *Гвидонъ* изъ града *Антонъ*; вмѣсто *Оттона* изъ Бордеуса, поставленъ *Кирбитъ Верзоуловичъ*, а *Брандория* передѣлана въ *Милитрису* или *Меретриксу*—отъ слова *meretrix*, соотвѣтствующаго имени дѣвицы *Brandoria* названной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *Blandoia*; въ поэмѣ она прямо такъ и названа: «E la *meltris*». Разсказа изъ 1-й картинки о томъ, какъ сватался за Милитрису Гвидонъ, ни въ поэмѣ, ни въ Reali нѣтъ.

⁶⁾ Бова въ сказкѣ родился черезъ три года.

⁷⁾ Дядька въ сказкѣ названъ *Симбалдой*, сынъ его *Териджъ—Терезомъ*, а Росса *Sansimone*—градомъ *Суминимъ*.

⁸⁾ *Антоній* въ поэмѣ и сказкѣ названъ *Личардой*, а *Duodo*—*Додономъ*.

⁹⁾ Въ сказкѣ прислужница обращена въ дѣвку-чернавку.

¹⁰⁾ Въ сказкѣ—Армянскаго царства царь *Зензевей Андроновичъ*, въ поэмѣ—царь Арменіи *Арминьонъ*.

королю въ услуженіе, подъ именемъ Агостино¹¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ въ Reali помѣщенъ разсказъ о томъ, какъ король подарилъ Бовѣ коня Ронделло, который такъ былъ прирученъ Бовою, что слушался каждаго его слова; ни одна лошадь не могла опередить Ронделло. Въ Ерминіи въ Бову влюбилась дочь короля Друзіана и выпросила его къ себѣ въ услуженіе. На вопросъ ея, кто онъ и откуда, Бова отвѣчалъ, что онъ сынъ мельника, а мать его прачка. Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Друзіана поцѣловала Бову, и какъ Бова ушелъ отъ нея,—въ томъ-же порядкѣ, какъ и въ сказкѣ; но затѣмъ въ Reali помѣщенъ разсказъ, не вошедшій въ сказку: о турнирѣ, данномъ въ честь Друзіаны, на которомъ Бова побѣдилъ польскаго короля Макабруна¹²⁾ и всѣхъ прочихъ рыцарей, сватавшихся за Друзіану. По окончаніи турнира на Бову былъ возложенъ вѣнокъ, по поводу котораго разсказывается то-же, что и въ сказкѣ. Король Ерминій почти уже рѣшилъ отдать Друзіану за мужъ за Макабруна, но въ это время подъ городъ его подступилъ Булдрасскій король со своимъ сыномъ, гигантомъ Лукаферромъ¹³⁾, и съ несчетнымъ Сарацынскимъ войскомъ, требовать руки Друзіаны. Друзіана посвящаетъ Бову въ рыцари; узнаетъ отъ него, что онъ сынъ герцога и обручается съ нимъ; какъ и въ сказкѣ, Бова побиваетъ враговъ и освобождаетъ изъ плѣна Макабруна, Ерминіона и его брата Уголино. Потомъ разсказывается исторія объ измѣннической посылкѣ Бовы къ Булдрасскому королю съ письмомъ, какъ и въ сказкѣ, съ тою разницею, что посылаетъ Бову не дворецкій Орлопъ, а братъ короля Уголино; Бова встрѣчаетъ путешественника¹⁴⁾, который опилъ его соннымъ питьемъ и обобралъ; проснувшись, Бова отправляется къ Булдрасскому королю и отдаетъ ему письмо. Король хотѣлъ было

¹¹⁾ Въ сказкѣ: *Agostino* передѣланъ въ *Амусса*, а *Drusolina* въ *Дружневну*; въ Reali встрѣчается подобное же имя—*Drugiolinia* (жена Фіорованте), которое могло навести на имя Дружневны.

¹²⁾ Въ сказкѣ король *Маркобрунъ* изъ *Данска*.

¹³⁾ Въ сказкѣ *Лукаперъ* и отецъ его *Салтанъ Салтановичъ*, а въ поэмѣ *Lucafer* и *Soldan de Sadonia*.

¹⁴⁾ Въ сказкѣ *Пилиримъ*.

умертвить его, но дочь его Маргарита¹⁵⁾ упростила отца оставить Бову въ живыхъ и женить на ней; однако не могла она уговорить Бову на это дѣло, и царь приказалъ запереть Бову въ темницу. Между тѣмъ, въ отсутствіе Бовы, король Ерминій принудилъ Друзіану обручиться съ Макабруномъ, съ тѣмъ, чтобы ей сдѣлаться настоящею женою его только по истеченіи года. Когда этотъ годъ прошелъ Друзіана отправилась въ Польшу къ Макабруну, выпросивъ себѣ у отца въ проводники богатыря Пуликана. Этотъ Пуликанъ былъ на половину человѣкъ, на половину собака; родился онъ отъ знатной христіанской синіоры, съ которою долго воевалъ одинъ турокъ и, не могши побѣдить ее, предложилъ ей жениться на ней, обѣщая перейти въ христіанскую вѣру. Получивъ ея согласіе, турокъ приказалъ ее раздѣть до нага, привязать къ скамейкѣ и случить съ огромнымъ кобелемъ; потомъ отправилъ ее къ королю Ерминіону, гдѣ она и родила Пуликана (стр. 270); Ерминіонъ сперва приказалъ было сжечь чудище, но Друзіана выпросила ему помилованіе и воспитала его (стр. 272). Когда-же Пуликанъ сталъ подростать, то Ерминіонъ, опасаясь чудища, приказалъ посадить его въ темницу на цѣпь¹⁶⁾. Между тѣмъ Бова сидѣла три года и четыре мѣсяца въ темницѣ, куда Маргарита посылала ему тихонько пищу. Однажды стражи полюбопытствовали узнать, что съ нимъ дѣлается, и стали спускаться къ нему по двое; Бова отыскалъ въ ямѣ своей мечъ сталъ рубить имъ стражей и порубилъ ихъ восемь человѣкъ; потомъ стражи, оставшіеся вверху, вытащили его изъ темницы (думая, что тащатъ своихъ товарищей); Бова и этихъ стражей перебилъ, ушелъ изъ города, сѣлъ на корабль и уплылъ въ море¹⁷⁾, къ Константинополю; но буря сбила его съ пути и по-

¹⁵⁾ Въ сказкѣ *Мильчирія*, въ поэмѣ *Малмарія*.

¹⁶⁾ Объ уговорѣ о годичномъ срокѣ и о происхожденіи Пуликана, который названъ *Полканомъ*, въ сказкѣ не говорится; въ поэмѣ Друзіана просто выходитъ замужъ за Макабруна.

¹⁷⁾ Въ сказкѣ точно такъ, какъ и въ поэмѣ, есть цѣлый разсказъ о томъ, какъ король, хватившись Бовы, преслѣдовалъ корабельщиковъ и требовалъ у нихъ его выдачи, и какъ Бова перебилъ корабельщиковъ и остался съ одними ярыжными (I. 100); въ Reali этотъ разсказъ выпущенъ.

вернула корабль къ Польшѣ (Polonia). Здѣсь встрѣтилъ Бова рыбака, который рассказалъ ему, что король этой земли Макабрунъ и что въ этотъ день у него большой праздникъ, ибо онъ женится на королевнѣ Друзіанѣ. Послѣ того Бова встрѣчаетъ Пилигримма и отнимаетъ покраденныя имъ вещи; буянитъ на Макабруновой кухнѣ. За тѣмъ его узнаютъ: сперва конь его Ронделло, а потомъ и сама Друзіана; Макабруна онъ поитъ забытымъ питьемъ и убѣгаетъ изъ Польши вмѣстѣ съ Друзіаной. Все это рассказано согласно съ текстомъ нашей лицевой сказки, но съ гораздо большими подробностями. Между тѣмъ герцогъ Санквино разбудилъ Макабруна и рассказалъ ему, что и какъ было; послали они въ погоню за Бовой Пуликана; Пуликанъ нагналъ бѣжавшихъ и началъ биться съ Бовой; вскорѣ онъ изранилъ Бову, тогда какъ Бова никакъ не могъ схватить его, и Бова, отъ потери крови, сталъ ослабѣвать¹⁸⁾. Тогда Друзіана начала вспоминать Пуликана, что онъ обязанъ ей своимъ спасеніемъ и что по этому онъ не долженъ губить ея мужа. Пуликанъ тронулся ея словами и побратался съ Бовой. Преслѣдованіе бѣглецовъ Макабруномъ и пребываніе ихъ въ замкѣ Монтефельтроне у герцога Каноро¹⁹⁾ рассказаны согласно съ текстомъ сказки. Урилъ погибаетъ въ плѣну у Макабруна (а не отъ Полкана, какъ въ сказкѣ). Затѣмъ бѣглецы продолжаютъ свой путь; въ лѣсу Друзіана родитъ двухъ сыновей: Гвидона и Синибальда²⁰⁾; Бова оставляетъ еѣ здѣсь подъ присмотромъ Пуликана, а самъ идетъ отыскивать какое нибудь жильѣ; по возвращеніи своемъ онъ не находитъ болѣе Друзіаны и дѣтей, а на мѣстѣ видитъ только трупы Пуликана и двухъ львовъ.

¹⁸⁾ Въ сказкѣ битва Бовы съ Полканомъ рассказана совершенно иначе: Бова съ перваго-же раза, при помощи своего коня, побѣдилъ Полкана, и только по его мольбамъ оставилъ его въ живыхъ и побратался съ нимъ. Въ поэмѣ битва Бовы съ Полканомъ сходна съ Reali.

¹⁹⁾ Въ сказкѣ градъ *Костелъ* (Castello Montefeltrone) и герцогъ *Урилъ*, какъ и въ поэмѣ (*Castel* и *Orio*).

²⁰⁾ Въ сказкѣ *Личарда* и *Симбалда*; въ поэмѣ имена тѣже, что и въ Reali.

Отсюда исторія Бовы наполнена такимъ множествомъ подробностей и новыхъ эпизодовъ, не вошедшихъ въ нашу сказку, что намъ не представляется никакой надобности слѣдить за рассказомъ Reali. Въ концѣ концовъ Бова, черезъ 12 лѣтъ послѣ исчезновенія Друзіаны, хочетъ жениться на Маргаритѣ²¹⁾, но въ самый день брака Друзіана является къ нему съ двумя сыновьями; затѣмъ Бова съ сыномъ Синибальдо Териджи, перерядившись докторами, хотятъ убить Дуодо ди Маганца, однакоже милуютъ и его и его сына Галіона, единоутробнаго брата Бовы.

Въ Reali слѣдуетъ длинный рассказъ о томъ, какъ французскій король Пепинъ, по просьбѣ Дуодо ди Маганца, переѣзжаетъ въ Англію и осаждаетъ Бову въ городѣ Антонѣ; Бова побѣждаетъ Пепина, беретъ его въ плѣнъ и мирится съ нимъ. Въ этой же битвѣ Бова убиваетъ Дуода ди Маганца, проколовъ его насквозь копьемъ (стр. 300). По усилению требованію Бовы, Пепинъ приговариваетъ Брандорию къ смерти: ее разрубаютъ на четыре части и каждую часть тѣла ея прибавляютъ къ однимъ изъ городскихъ воротъ (392); сына ея Галіона Бова отпускаетъ на свободу²²⁾. Четвертая глава Reali заканчивается смертію Бовы, котораго предательски убиваетъ въ капеллѣ (во время молитвы) его единоутробный братъ Галіонъ, и наконецъ смертію Друзіаны (стр. 340).

28. А. Прибавить: „Царь Салтанъ Салтановичъ“, скачетъ на конѣ вправо. Листовая картинка, гравированная на деревѣ. Въ Олсуф. собр. (IV. 1208); тойже работы, что и № 28.

²¹⁾ Въ сказкѣ и поэмѣ, о кончинѣ Милитрисы (Брандори) и Додона рассказывается совершенно иначе: въ сказкѣ Милитрису, закупоривъ въ бочку, пускаютъ въ море, а Додону Бова отрубаетъ голову; въ поэмѣ Милитрису замуравливаютъ въ стѣну, а Додонъ погибаетъ въ битвѣ. Варианты изъ поэмы заимствованы мною изъ статьи А. Н. Веселовскаго (Галаховъ, Исторія литер. Спб. 1880), такъ какъ самой поэмы у меня въ рукахъ не было.

²²⁾ Въ поэмѣ Бова побѣждаетъ Пассамонте и освобождаетъ отъ него Мальгарію; по его просьбѣ Мальгарія (наша Мильчигрія) принимаетъ христіанскую вѣру и вступаетъ съ нимъ въ бракъ, но тутъ является Друзіана въ видѣ арфистки-скоморошки съ своими дѣтьми, которыя пляшутъ подъ ея игру; Бова узнаетъ ихъ, соединяется съ Друзіаной, а Мальгарію выдаетъ замужъ за Териса, сына Синибальда.

29. Эта подпись сдѣлана на новгородскомъ нарѣчїи, въ которомъ: во 1-хъ, буква *и* часто замѣняется буквою *ч* и говорится, напримѣръ, вмѣсто *цѣль*, *царь*, — *чѣль*, *чарь*; и во 2-хъ, вмѣсто *e* пишется *io*, которое выговаривается однако какъ простое *ë*; такъ и на нашей картинкѣ «могутюнъ и хараборъ» слѣдуетъ читать: могутень и хараберъ. Такія особенности встрѣчаются и въ письмѣ новгородской лѣтописи (сообщено мнѣ В. И. Ламанскимъ).

30—34. Повѣсть о князѣ Петрѣ золотыхъ ключахъ. Есть еще изданіе этой повѣсти (*e*) 1820—30-хъ годовъ, въ которомъ первая строка страницы заканчивается словами: «петре златы», у П. А. Ефремова. Наша сказка заимствована изъ французскаго романа: «Histoire de deux vrais et parfaits amoureux Pierre de Provence et la belle Magellone Fille du roy de Naples. Paris. 4° (по Низару — 1490 г.: Histoire des livres populaires, II. 411), причѣмъ сдѣланы весьма значительные выпуски и сокращенія. Французскій романъ попадаетъ въ провансальскихъ рукописяхъ уже въ XIV вѣкѣ; по увлекательности разсказа, нѣжности выраженій и силѣ чувства, онъ представляетъ одно изъ самыхъ поэтическихъ произведеній, написанныхъ въ стилѣ трубадуровъ. На западѣ онъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и имѣлъ болѣе 24-хъ изданій (Brunet, Bibliographie Universelle). У Симрока помѣщенъ полный переводъ его съ нѣмецкаго изданія, вышедшаго въ Нюрнбергѣ, при чемъ означено, что переводъ сдѣланъ съ французскаго подлинника, и герой романа Петрѣ названъ рыцаремъ серебряныхъ ключей. На русскій языкъ повѣсть о князѣ Петрѣ Золотые ключи переведена съ польскаго еще въ XVII вѣкѣ (Пыпинъ, Очеркъ, стр. 10); другой переводъ ея напечатанъ въ 1796 году въ Смоленскѣ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Исторія о славномъ рыцарѣ златыхъ ключей Петрѣ Прованскомъ и о прекрасной Магелонѣ. Переведена съ французскаго Д. М.» (16°), съ портретомъ Петра и подписью подъ нимъ: «любовь все побѣждаетъ». Въ этомъ переводѣ, противъ подлинника, сдѣланы во многихъ мѣстахъ, сокращенія, а слишкомъ нѣжныя мѣста, —напримѣръ, какъ Магеллона заснула на колѣняхъ Петра

и какъ Петрѣ, любуясь на ея красоту, разстегнулъ ей сперва воротъ, а потомъ и все платье, и сталъ любоваться на снѣжную бѣлизну ея гѣла, и «хватать ее за бѣлыя груди» (et tastoit ses douces mamelles), — выпущены цѣликомъ; въ этомъ отношеніи лицевая сказка наша (№ 30) полнѣе печатной.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ самомъ провансальскомъ оригиналѣ этой повѣсти многія мѣста заимствованы изъ восточныхъ повѣстей. Два эпизода въ немъ разсказаны, почти безъ измѣненій, изъ арабскихъ сказокъ 1001 ночи. Первый разсказъ — о томъ, какъ Бадуръ и Камарципани отправились для свиданія съ родителями Камарципани; на дорогѣ Бадуръ заснула на колѣняхъ у Камарципани; Камарципани вынулъ у нея изъ за пазухи мѣшечекъ съ талисманомъ, и сталъ разсматривать его; въ это время налетѣла птица и, схвативъ талисманъ, унесла его; Камарципани бросился бѣжать вслѣдъ за нею и, преслѣдуя ее, заблудился, — точно такъ, какъ и нашъ Петрѣ (ночь 222-я). Въ другомъ мѣстѣ разсказано (ночь 225-я), какъ Камарципани, чтобы скрыть отъ матросовъ перевозимыя имъ сокровища, насыпалъ золотой песокъ въ горшки, а сверху прикрывъ его оливками; подобная же исторія разсказана и на 7-мъ листѣ нашей сказки.

Исторія Петра Провансальскаго помѣщена Сервантесомъ въ его Донъ Кихотѣ. Гѣрре предполагаетъ, что романъ Магеллоны заимствованъ изъ дѣйствительности: въ Провансѣ до сихъ поръ сохраняется гробница этой принцесы; подлѣ Марсея одинъ изъ острововъ носитъ даже ея имя, а въ Мадридскомъ арсеналѣ показываютъ ключъ, которымъ Петрѣ Провансальскій заводилъ своего коня (Снегиревъ, Лубоч. карт. М. 1861, 109). Въ Россіи имя этого витязя извѣстно не только по сказкѣ, но и по одному урочищу, находящемуся въ Саратовской губерніи, которое зовется: «Петрѣ златые ключи» (Снегиревъ, Лубоч. карт., 109).

36. Сказка о Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ перепечатана дословно изъ книги «Лекарство отъ задумчивости» (СПБ. 1786, Москва 1819 и 1839); она напечатана также въ сборникахъ Аванасьева IV. 173, и Худякова III. 108 1793 и 1815; (съ

измѣненіями: здѣсь царевенъ похищаютъ вихри), въ Московскомъ Телеграфѣ 1825 г. № 11, въ Иллюстраціи т. I. стр. 87 (въ передѣлкѣ Полеваго) и отдѣльной книжкой, Москва 1838 г.

Въ Пентамеронѣ Базили находится разсказъ «Три брата-звѣри», послужившій очевидно первообразомъ для нашей сказки. У одного царя, по прозванію Зеленый холмъ, было три дочери, уже просватанныя за трехъ братьевъ королевичей, но злая волшебница обращаетъ жениховъ ихъ въ звѣрей — Сокола, Оленя и Дельфина, послѣ чего родители отказываются отдать дочерей своихъ за оборотней. Тогда братья-звѣри собираютъ своихъ подданныхъ, опустошаютъ царство короля и принуждаютъ его выдать имъ дочерей Фабіеллу, Басту и Риму. Вскорѣ послѣ того королева родитъ королю сына Титона. Достигнувъ шестнадцатилѣтняго возраста, этотъ Титонъ отправляется розыскивать своихъ сестеръ; отыскиваетъ ихъ точно также, какъ и царевичъ Иванъ въ нашей сказкѣ (безъ эпизодовъ съ бабой ягой и съ лѣшми), причемъ мужья-звѣри точно также переговариваются со своими женами и обѣщаютъ полюбить и обласкать пришедшаго къ нимъ брата. На прощанье мужья даютъ Титону одинъ свое перышко, другой — шерстинку, а третій — чешуйку: когда выдетъ-де въ насъ нужда, скажи только: «приходи сюда», и мы явимся къ тебѣ на помощь. Идетъ отъ нихъ королевичъ домой; на дорогѣ видитъ озеро, на озерѣ островъ, на немъ башня, а въ башнѣ, въ окно, видна чудная красавица — сидитъ она у ногъ спящаго дракона; увидала она Титона королевича и слезно молитъ его: «освободи меня, добрый молодець, отъ позорнаго плѣна». Взялъ королевичъ перышко, шерстинку и чешуйку, подбросилъ ихъ кверху и закричалъ: «приходите сюда!» Тотчасъ явились передъ нимъ Соколъ, Олень и Дельфинъ, — что-де тебѣ требуется. И сталъ ихъ просить королевичъ: «освободите эту красавицу отъ дракона, и дайте мнѣ ея въ жены». Тогда, по приказанію Сокола, спустилась въ окно башни колесница, запряженная грифонами, дѣвица сѣла въ нее и вылетѣла на свѣтъ божій. Вслѣдъ за тѣмъ проснулся драконъ; онъ бросился было за нею въ погоню, но

Олень послалъ на него львовъ, тигровъ и волковъ, которые и растерзали его на мелкія части; а между тѣмъ Дельфинъ приказалъ волкамъ разрушить башню. Послѣ этого подвига, братья-звѣри приняли человѣческіе образы: срокъ ихъ превращенія уже окончился, и всѣ они, въ сопровожденіи своихъ женъ, Титона и его дѣвицы, отправились къ старому королю и поселились жить въ его владѣніяхъ.

Отдѣльный разсказъ о дракѣ двухъ великановъ (вмѣсто двухъ лѣшихъ — сказки № 36) помѣщенъ тоже въ сборникѣ Аванасьева (II. 105). У Боричевского (Повѣсти и преданія народовъ Славянскаго племени, III. 124) разсказана черногорская сказка о мѣдной горѣ, во многомъ схожая съ нашей сказкой объ Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ. Въ мѣдной горѣ царевичъ Милой встрѣчаетъ двухъ чертей, которые ссорятся и не могутъ подѣлить наслѣдства: шапку невидимку, сапоги семимильные и кій-бій (дубинка поколачивай). Милой миритъ ихъ, обѣщая присудить наслѣдство тому, кто скорѣе другаго сбѣгаетъ въ Кіевъ и оторветъ хвостъ у самой старшей вѣдьмы. Черти бѣгутъ, а Милой спасается, забравъ оставленное наслѣдство въ свою пользу. У Рыбникова такимъ-же обманомъ отнимаетъ у разбойниковъ шапку невидимку, скатерть хлѣбосолку и коверъ самолетъ — Иванъ боярскій сынъ. Разбойники спорили кому владѣть вещами; Иванъ пустилъ стрѣлу изъ лука и послалъ ихъ догонять ее, — кто-де догонитъ, тому и находка; затѣмъ Иванъ продѣлываетъ со своими волшебными находками разныя сказочныя штуки (Рыбн. III. 309).

Въ черногорской сказкѣ, кромѣ того, разсказано, какъ къ рѣкѣ прилетали двѣнадцать голубицъ, обратились въ дѣвицы и стали купаться, — точно такъ, какъ и въ сказкѣ № 36; но потомъ прибавленъ эпизодъ, невошедшій въ нашу сказку, — о томъ, что Милой утащилъ крылья у одной изъ дѣвицъ, которая оказалась царевной*). Милой женился на ней впоследствии, но царевна, получивъ послѣ вѣнца свои крылья, улетѣла отъ мужа.

*) Сравните сказку о Ерусланѣ Лазаревичѣ, стр. 139.

Въ нашей сказкѣ однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ является Баба-Яга, или Ягая-Баба. Ягой въ Сибири, по удостовѣренію Снегирева, зовутъ сарафанъ съ длинными и широкими рукавами, похожій, по замѣчанію Макарова (стр. 81), на одежду рязанскихъ бабъ, а также ерчакъ, родъ верхней одежды, сшитый изъ двухъ мѣховъ, шерстью наружу (Лубочн. карт., 87). «Одинъ изъ древнихъ мѣовъ въ Славянорусскомъ мірѣ, замѣчаетъ Макаровъ, тождественный съ Индѣйскою богиней смерти (Магана, Ježi-Baba и Zla-Baba), есть Яга-Баба, которая играетъ замѣчательную роль въ нашихъ сказкахъ. Это безобразная старуха, съ костяною ногой; задъ ея жилистый, передъ стриженный; у ней двѣ сестры и 12 сыновей. Эта людоедка, кудесница и колдунья живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, среди чащи лѣсной; тамъ она лежитъ, протянувшись изъ угла въ уголь и упершись ногами въ потолокъ. Жилище ея обнесено заборомъ изъ костей человѣческихъ, на коихъ торчатъ черепы съ глазами; вмѣсто верей у воротъ, ноги человѣческія; вмѣсто запоровъ, руки; вмѣсто замка, ротъ съ острыми зубами. Избушка ея обращена къ лѣсу передомъ и поворачивается по призыву: «избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» При встрѣчѣ съ людьми, зашедшими къ ней въ трущобу, она восклицаетъ: «Фу, фу! доселева Русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ Русскій духъ въ очью проявляется!» Баба-Яга, какъ вѣдьма, присутствуетъ на сборищахъ вѣдовскихъ, можетъ предвѣщать будущее, разумѣть таинственный смыслъ загадокъ, распоряжается силами природы, пожираетъ похищенныхъ ею дѣтей; у ней хранится живая и мертвая вода. Она ѣздитъ въ желѣзной ступѣ, пестомъ погоняя, помеломъ заметая. Три Яги-бабы сестры похожи на трехъ Паркъ и, подобно имъ, прядутъ нитки. Изъ нихъ то одна, то всѣ три являются дѣйствующими лицами въ лубочныхъ сказкахъ объ Иванѣ царевичѣ и царь-дѣвицѣ, объ Ильѣ Муромцѣ, о трехъ царствахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ, и въ другихъ». Въ Собраніи Русскихъ Сказокъ Аванасьева объ этомъ чудищѣ помѣщено нѣсколько сказокъ. Изъ

нихъ видно, что лихія мачихи отдавали своихъ постылыхъ падчерицъ въ услуженіе Ягѣ-Бабѣ, которая задавала имъ самыя трудныя работы; но мыши, накорменныя сиротою, выручали её. Въ другой сказкѣ Котъ избавляетъ отъ гибели дѣвушку, посланную мачихой къ Ягѣ-Бабѣ и уже обреченную людоедкой этой на съѣденіе. Котъ даетъ сиротинкѣ гребешекъ и полотенце, съ коими она спасается бѣгствомъ. Баба-Яга гонится за нею; преслѣдуемая бросаетъ полотенце—дѣлается рѣка; кидаетъ гребешекъ—является дремучій лѣсъ. Гонительница, сколько ни грызла лѣсъ, но сгрызть его не смогла и ни съ чѣмъ воротилась въ свою трущобу (Аванасьевъ I. 39, IV. 52; Лубоч. карт., стр. 86).

Двѣ сказки о Бабѣ-Ягѣ изданы въ Москвѣ, въ 1794 году, особыми книжками; одна изъ нихъ русскаго изобрѣтенія, а другая переводная,—о томъ, какъ Зигейскій король женился на прекрасной Агіонѣ, и какъ тетка его, Баба-Яга, подмѣнила Агіону свою дочь, а брата Агіоны, Ивана, обратила въ барашка. Въ двухъ другихъ сказкахъ, изданныхъ тоже въ Москвѣ въ 1794 году, въ одной о «финифтяномъ перышкѣ», и въ другой «о Василѣ Королевичѣ», дѣйствуетъ тоже Баба-Яга. Въ послѣдней сказкѣ она, подобно Индѣйскому отшельнику Ариштѣ, вздумала было выпить море, но, не выпивъ его даже до половины, лопнула.

Есть еще русская сказка о Сизомъ Орлѣ, гдѣ Баба-Яга находится подъ командою у этого Орла; лежитъ она въ избѣ, изъ угла въ уголь, уперши носъ въ потолокъ, губы висятъ на притолокѣ; у дверей у нея сидитъ котъ Еремѣй Казанской, разумъ Астраханской, усъ усастерской, пѣсни поетъ и сказки сказываетъ (сравни примѣч. къ № 166). Въ сборникѣ Чулкова, въ сказкѣ о Тарбелесѣ и Любанѣ, объясняется самое происхожденіе Бабы-Яги: «Сатана варилъ въ котлѣ, для какой-то potrzeby, двѣнадцать злыхъ женъ, да какъ-то нечаянно плюнулъ въ варево,—вышла изъ него Баба-Яга. Сперва Сатана думалъ, что эта Баба-Яга будетъ на землѣ всѣхъ золь злѣе, но потомъ, свѣсивъ ее и сравнивъ съ нѣкоторыми свѣтскими госпожами, нашелъ, что, и безъ переварки, онѣ не уступятъ ей правомъ ни на золотникъ. Съ досады

Сатана ударилъ Ягу объ полъ, такъ, что ноги у ней отлетѣли прочь. Впослѣдствіи Сатана придѣлалъ ей ноги костяныя, и, для выѣзда изъ ада, подарилъ одну изъ своихъ ступъ» (Чулковъ, изд. 1820 г., V. стр. 118). Нашему Ивану Царевичу Баба-Яга, по сказкамъ, приходится теткой; человѣку смѣлому Яга бываетъ большой подмогой: такой человѣкъ, какъ и нашъ Иванъ царевичъ, на первые вопросы ея о русскомъ духѣ и т. д., отвѣчаетъ коротко: «что ты старая сука расфикалась, не накормивъ, не напоивъ», и т. д., и станетъ она гостя ласково принимать, въ банѣ парить, угощать и всякую службу ему править. Баба-Яга крадетъ дѣтей и ѣсть ихъ; въ польской сказкѣ у нея было 12 дочерей красавицъ, которыхъ хотѣли взять за себя 12 сыновей короля (Боричевскій, I. 125); Бабу-Ягу можно убить, зарядивъ ружье двѣнадцатымъ гвоздемъ изъ подковы (Боричевскій, I. 185)*).

Въ Итальянскихъ сказкахъ Баба-Яга — старая колдунья (дикая баба) хрычевка. Въ Пентамеронѣ (Изд.: Breslau 1846, I. 159) одна такая Баба-Яга держитъ въ заперти въ башнѣ дѣвушку; принцъ освобождаетъ плѣнницу; но Баба-Яга гонится за бѣглецами. Дѣвушка бросаетъ за собою, одно за другимъ, три волшебныя яблока, которыя превращаются: одно въ собаку, другое въ льва, а третье въ волка; послѣдній съѣдаетъ Бабу-Ягу (сравните у Аванасьева № 39, ч. I).

37 и 38. Баба-Яга дерется съ крокодиломъ. Крокодилами назывались въ старину вообще дикіе звѣри; въ Псковской первой лѣтописи, подъ 1582 годомъ, упоминается, что: «изъ рѣки (Волхова) вышли коркодилы лютіе звѣри, и путь затвориша, людей много поядоша и ужасошася людіе, и паки спряташася, а иныхъ избиша». Въ одномъ Цвѣтникѣ 1665 года (Синод. библ. № 908, л. 19; Буслаевъ, Очерки, II. 8) записано, что тѣло чародѣя Волоха, удавленнаго бѣсами, доплывшее до Перьяна, было погребено тамъ съ великою тризною и что черезъ три дня послѣ

*) Сравните статью Потемни о Бабѣ-Ягѣ, въ Читеніяхъ Москов. Общ. Истор. и Древн. 1865 г., III. 88.

того земля разверзлась и пожрала его «мерзкое тѣло крокодилово»*)

«О Сиренѣхъ и коркодилѣ» говорится въ Амартолѣ (Погодин. спис., л. 186 об.). «О птицѣ неяснѣ, о ехиднахъ, о аспидѣ змиѣ, о коркодилѣ звѣрѣ» есть толкованіе Максима грека (Востокова, Румянц. собр., л. 386).

О Бабѣ-Ягѣ говорено въ примѣчаніи къ № 36-му; впрочемъ, наша Баба-Яга не имѣетъ ничего общаго съ Ягой, теткой Дмитрія царевича; это чухонка, въ чухонской одеждѣ, съ чухонскими вышивками и чухонскими украшеніями. По разнымъ признакамъ видно, что авторъ имѣлъ въ виду представить Ягу изъ царскаго рода, а съ нею и крокодила, ея супруга, съ которымъ она вмѣстѣ то пьетъ, то дерется. Старообрядцы и донинѣ зовутъ своего недруга Петра перваго крокодиломъ; замѣтите, что подъ крокодиломъ стоитъ маленькій корабликъ, а подъ кустомъ *сткляница съ виномъ*, до которыхъ Петръ былъ истый любитель. Если припомнить здѣсь, что у Бабы-Яги въ послугахъ состоитъ знаменитый *Астраханскій котъ* (см. стр. 157) и что, по тексту картинки № 170, послѣ смерти этого державнаго кота осталась вдова, *чухонка Маланья*, то дѣйствующія лица картинокъ №№ 38 и 39, а также и № 40, могутъ быть названы безошибочно.

40. Сказка о Иванѣ царевичѣ, жарѣ птицѣ и о сѣромъ Волкѣ. Есть еще изданіе этой сказки: *ов*, начала нынѣшняго вѣка, сдѣланное съ досокъ изданія *с*. Есть тоже новое изданіе ея 1838 года, безъ картинокъ, напечат. въ типографіи Евреинова.

Сказка эта дословно перепечатана изъ книги: «Дѣдушкины прогулки» (СПБ. 1790, стр. 108). Варіанты этой сказки напеча-

*) Въ одномъ хронографѣ, приведенномъ кн. Вяземскимъ, крокодилъ описывается слѣдующимъ образомъ: «Коподѣлже звѣрь великъ есть купно же и рыба до хвоста ноги ему четыре хвостъ ему великъ и остръ, хребетже ему едина кость аки чень камень изъостренъ аки пила зубы и тѣми бьетъ на нихъ же гибается, егдаже Синеть весь есть уста. Убиваетъ же сего индрия иже образомъ аки песь обалавшися входитъ усты его во чрево и расторгши скоро исходитъ усты же его ибо коркодилъ сна усты отверсты имать (Изъ Физіологій—Кн. Вяземскій и Ф. Булгаковъ: Памятники древней письменности. СПБ. 1878, стр. 72).

таны: въ сборникѣ Аванасьева I. 68, IV. 191, I. 445 (здѣсь мать царевича уноситъ Кашей безсмертнѣй) и II. 1; въ сборникахъ Худякова I. 1 и Рудченко I. 54; отдѣльной книжкой: «Жаръ Птица и сильный могучій богатырь Иванъ Царевичъ, побѣдитель Змѣя Горыныча и братьевъ его. Москва 1839»; въ Москвитинѣ за 1852 г., XXI. 15—38, съ изслѣдованіемъ барона Шепинга.

Въ сборникѣ Боричевского (III. 108) есть рассказъ о томъ, какъ Трое-сыне добывалъ Жаръ-Птицу, яблонь съ золотыми яблоками и Царь-Дѣвицу, — весьма сходный съ нашею сказкою № 40. Въ нѣмецкой народной сказкѣ — *Der Goldne Vogel* — начало точно такое-же, какъ и въ нашей сказкѣ: старшіе братья безуспѣшно караулятъ яблоню отъ Жаръ-Птицы, но младшій подстрѣливаетъ птицу и вырываетъ у ней золотое перо изъ крыла; затѣмъ онъ отправляется отыскивать самую птицу, и въ этихъ поискахъ помогаетъ ему лисица (Grimm, № 57).

Отдѣльные эпизоды изъ нашей сказки встрѣчаются въ валахской сказкѣ «*Petru Fritschell*» (№ 50); въ Пентамеронѣ (I. № 7); въ *Nordische Märcchen*, стр. 25; въ новогреческихъ сказкахъ (Hahn, Griech. und Albanes. Märcchen. Leipzig 1861, I. 285; II. 49) и у Аванасьева (IV. 191)*). Стасовъ подробно разбираетъ нашу сказку (№ 40) въ своихъ изслѣдованіяхъ о происхожденіи русскихъ былинъ, выводитъ первообразы ея изъ индѣйскихъ сказокъ Сомадевы и татарскихъ пѣсень, и приходитъ къ такому заключенію, что «хотя и нельзя указать (покуда) одного единичнаго оригинала, отъ котораго происходитъ сказка о Жаръ-Птицѣ, обращающаяся, какъ въ нашемъ, такъ и у мѣстныхъ европейскихъ народовъ, — но восточное ея происхожденіе несомнѣнно, и въ ней мы находимъ сохраненными, въ очень близкой

*) Въ сборникѣ его помѣщена эта сказка въ другомъ пересказѣ, несходномъ съ № 40: Иванъ Царевичъ крадетъ изъ подъ головы спящей Царь-Дѣвицы пузырекъ съ живою водою; и не могъ онъ сдержать своего слова, полюбавшись такъ на ея красоту, или, какъ она выразилась потомъ: у меня былъ, квась пѣлъ, да не покрылъ; и съ этого квасу понесла она поносъ и родила двухъ сыновей.

передачѣ: цѣлыя отрывки, полные эпизоды изъ древнѣйшихъ поэмъ и пѣсень древней Азіи» (стр. 220).

Относительно живой воды, о которой упоминается въ нашей сказкѣ, у В. Стасова приведенъ, совершенно сходный съ текстомъ ея, рассказъ изъ сибирской пѣсни о богатырѣ Катанджуду. Живая вода извѣстна и въ юго-славянскихъ сказкахъ: въ одной сербской она замѣнена водою Иорданскою (Ягичъ, *Achiv*, II. 271). Въ одной болгарской рукописи о живой водѣ рассказывается, что Александръ Македонскій найдя живую воду, наполнилъ ею *кришндиръ* и, запечатавъ, далъ приказаніе *недопулу* своему Андрею никому той воды не показывать. Дочь Александра Панора начала приставать къ Андрею, чтобы тотъ сказалъ ей, что было въ сосудѣ, но всѣ домогательства ея остались тщетными; тогда она предложила Андрею самое себя; Андрей *слелся* съ нею, и отдалъ ей сосудъ. Вслѣдъ затѣмъ Панора убила заснувшаго Андрея, выпила воду изъ *кришндира* и сдѣлалась невидимой и безсмертной (Ягичъ, III. 611).

Что касается до имени *Ивана*, придаваемого нашимъ сказочнымъ царевичамъ, то Снегиревъ замѣчаетъ, что имя Ивана самое употребительное у Русскихъ и что въ Болгаріи всѣхъ русскихъ иначе не зовутъ, какъ Иванами (Дубоч. картин., стр. 107). Впрочемъ, имя Ивана, какъ имя первѣйшаго изъ святыхъ — Иоанна Предтечи, въ такомъ же употребленіи и въ остальной Европѣ: у нѣмцевъ *Iohann*'овъ не меньше нашихъ Ивановъ; *John Bull*, т. е. Иванъ быкъ, — сдѣлался историческимъ именемъ у англичанъ; а *Jean de Paris*, какъ истый Парижанинъ, вошелъ не только въ народныя легенды, но и въ пѣсни Беранже.

41 и 42. Сказка о Силѣ царевичѣ и Ивашкѣ бѣлой рубашкѣ. Сказка эта дословно перепечатана изъ книги: «Лекарство отъ задумчивости». СПБ. 1786. 16°. У Аванасьева есть сокращенный пересказъ ея (IV. 442 и 446); другой пересказъ записанъ Безсоновымъ со словъ слѣца, въ примѣчаніяхъ къ IV выпуску пѣсень Кирѣевского (XXVI). Сказка эта заимствована съ иностраннаго оригинала, на что указываетъ, между прочимъ, и имя царевны

Труды (Гертруда). По мнѣнію И. П. Хрущева, сказка эта — «не народное, а книжное произведеніе, подвергшееся на нашей почвѣ нѣкоторому измѣненію. Она имѣетъ характеръ совершенно легендарной повѣсти, писанной съ цѣлью наставительною, и только ея форма нецерковная даетъ ей мѣсто среди сказокъ. Сверхъ того, она принадлежитъ къ эпохѣ средневѣковаго мистицизма, когда писатель-историкъ приписывалъ происхожденіе цѣлаго народа отъ женщинъ и бѣсовъ. Какъ иногда въ церковномъ сказаніи, напримѣръ, объ Андрѣ Критскомъ или Георгіѣ, въ русской редакціи, можно видѣть основу языческую, мифъ, подвергшійся переработкѣ, такъ и въ рассматриваемой сказкѣ, несмотря на «живую воду», «трехъ братьевъ» и нѣкоторыя другія черты, сквозитъ легенда поучительнаго характера, перешедшая въ сказку (Докладъ Общ. Любит. Древ. Пис.).

43. **Исторія о принцѣ Адольфѣ Лапландійскомъ.** Доски изданія б были отпечатаны новымъ тисненіемъ (бб), съ помѣтою на первой страницѣ: «печ. поз. м. 8 Окт. 1858 г. Цензоръ Фонъ Крузе; въ Металлогр. Логинова» (у П. А. Ефремова).

Исторія эта встрѣчается въ нашихъ сборникахъ XVIII вѣка въ болѣе полной редакціи. Судя по оборотамъ рѣчи и нѣкоторымъ словамъ, переводъ сдѣланъ съ итальянскаго языка. Начало повѣсти, — о томъ, какъ Адольфъ попалъ въ пещеру вѣтровъ, — повторено въ сказкѣ: «объ Арабскомъ царевичѣ Шекерѣ» (Москва, 1784). Въ сборникѣ Ирландскихъ сагъ и сказокъ Ерина (Egin, Auswahl vorzüglicher irischer Erzählungen. Stuttgart. 1847, I. 163) рассказана сказка: «Oschin und das Land der Jugend», сходная съ № 43. Ошинъ (т. е. Оссіанъ) отправляется караулить хлѣбное поле, съ тѣмъ, чтобы поймать неизвѣстнаго звѣря, который производитъ въ немъ потравы. Ночью увидалъ онъ на немъ кобылку, погнался за нею, схватилъ ея за гриву, и былъ занесенъ въ невѣдомое подземное царство (какъ въ Ершовскомъ Конькѣ Горбункѣ), гдѣ кобылка обратилась въ прелестную дѣвушку; за тѣмъ съ Ошиномъ и этой дѣвицей происходитъ тоже, что и съ нашимъ Адольфомъ и его принцессой. Послѣ бѣшеной

любви и долгихъ наслажденій Ошину стосковалось по родинѣ; любовница его даетъ ему волшебнаго коня, на которомъ онъ въѣзжаетъ на землю; но здѣсь глазъ его не находитъ ничего знакомаго: оказывается, что Ошинъ пробылъ въ царствѣ юности 300 лѣтъ. Въ отчаяніи онъ рѣшается вернуться къ своей красавицѣ; но вотъ, подлѣ одной рѣчки встрѣчается ему рабочій, который при переѣздѣ уронилъ въ воду небольшой мѣшокъ ржи; Ошинъ беретъ помочь ему, въѣзжаетъ въ рѣку, хочетъ вытащить мѣшекъ, не слѣзая съ лошади, но небольшой мѣшекъ оказывается очень тяжелымъ, Ошинъ слѣзаетъ съ лошади, и тогда въ одно мгновеніе исчезаютъ и работникъ, и волшебная лошадь Ошина, и Ошинъ обращается въ дряхлаго старца.

44. **Сказка объ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ** — сходна со сказкою объ Ильѣ Муромцѣ: онъ тоже сидѣлъ, и силу получаетъ отъ калекъ, какъ о томъ рассказывается по былинамъ объ Ильѣ Муромцѣ (см. выше, стр. 11). Сказка эта напечатана у Аванасьева (IV. 391); варианты ея у Рудченки (I. 47, 48), у Худякова (I. 4), въ сборникѣ Бронницына (61), въ Московскомъ городскомъ листкѣ (№№ 153 и 155) и отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: «Сказка о тридцати трехъ лѣтнемъ сидѣ Иванѣ крестьянскомъ сынѣ. СПБ. 1788».

45. **Сказка о Булатѣ молодцѣ** *) перепечатана дословно изъ книги: «Дѣдушкины прогулки. СПБ. 1790». 16°. Исторія о превращеніи въ нищаго царя, у котораго было украдено его одѣяніе, встрѣчается въ разныхъ источникахъ. Въ одной сербской сказкѣ негръ крадетъ у принца кольцо, и выдаетъ себя за принца (Ягичъ, Архивъ, II. 271). Въ Небѣ новомъ (стр. 206) рассказана исторія, какъ ангелъ унесъ у купавшагося царя его одежды, одѣлся въ нихъ, пошелъ въ городъ, и занялъ его мѣсто, а царь обратился въ нищаго. Потомъ, когда царь покаялся въ своей гордости, и помолился Богородицѣ, то былъ прощенъ и

*) Такая-же сказка есть въ сборникѣ Аванасьева (I. 242). Въ сказкѣ о Булатѣ Молодцѣ есть обстоятельства, схожія съ англійской сказкой о Робертѣ дьяволѣ; см. Alt. Engl. Sagen und Märchen, W. I. Thomas, Braunschweig 1830.

снова пожалованъ въ цари (Изъ Антонин., ч. 2, тит. 3, гл. 2). Такому-же наказанію подвергся и царь Соломонъ, отдавшій перстень своей женѣ Аглинѣ; легенда объ этомъ помѣщена въ примѣчаніи къ № 798-му.

46. Сказка о трехъ королевнахъ передѣлана изъ легенды о Женевьевѣ, обращавшейся во Франціи въ числѣ лицевыхъ народныхъ изданій (Nizard, livres populaires). Наша сказка переведена съ французскаго, причемъ королевна Катерина, изъ Catherine la sottе, переименована въ Катерину сатерину.

47. Сказка о трехъ царствахъ напечатана у Аванасьева (I. 264, 265 и 283), съ измѣненіемъ въ подробностяхъ; тоже въ сборникѣ Худякова (I. № 2; II, № 43; III, № 82) и у Эрленвейна (№№ 4 и 41).

48. Сказка о Золотой горѣ. Прибавить: У П. А. Ефремова есть другое изданіе этой сказки, начала нынѣшняго столѣтія; текстъ и картинки тѣ-же, что и въ изданіи б, съ незначительною разницею; 12-я страница заканчивается такъ: «и такъ они обладали сво | ихъ подь данныхъ такъ же и всеми го | сударствами которые поставлены были | на одномъ море | *конецъ* | сей русской сказки».

У Боричевского разсказана сказка о подземномъ краѣ (I. 109), въ которой младшій царевичъ точно такъ же, какъ и въ Золотой горѣ, выручаетъ трехъ красавицъ изъ мѣдной и серебряной комнаты; онъ спускаетъ этихъ красавицъ внизъ къ своимъ братьямъ, на полотнахъ, и затѣмъ братья обрѣзываютъ полотна и покидаютъ его. Конецъ сказки сходенъ съ концемъ № 48. Сказка о Золотой горѣ напечатана у Аванасьева (136, III. 11—31, IV. 90 и 167), въ сборникѣ Гана (I. 15) и отдѣльными книжками: Москва 1782 и Москва 1793 (съ двумя другими сказками).

49. Эта картинка помѣщена здѣсь по ошибкѣ: она уже была описана подь № 8-мъ.

50—53. „Гисторія о Евдонѣ и Берфѣ“ попадаетъ въ нашей рукописной литературѣ въ спискахъ XVIII вѣка. Дѣйствующія лица въ ней тѣже, что и въ Нейстовомъ Роландѣ. Исторія эта

извѣстна тоже подь именемъ исторіи разбойника Барбоса, играющаго въ ней большую роль. Въ одной изъ рукописей Чертковской библіотеки (Всеобщ. библ. Росс. I. 526) означено, что «куріозная гисторія о Евдонѣ и Берфѣ, переведена съ Нѣмецкаго языка на Русской» (Пыпинъ, Очеркъ, 286).

Переводъ этого романа, сдѣланный съ нѣмецкаго въ началѣ прошедшаго вѣка, есть и въ Спбуржской Публичной Библіотекѣ (Θ. XIV. 27). Въ началѣ романа Евдонъ спасаетъ Берөу отъ разбойниковъ; влюбившись въ нее, онъ упрашиваетъ ее склониться на его предложенія, но Берөа отказывается быть его *метресюю*. Однажды Евдонъ хотѣлъ даже застрѣлиться у ея ногъ, но Берөа остановила его, объявивъ, что сама его любитъ, и желаетъ быть его женою. Затѣмъ за Берөу сватаются: сперва Аленкомъ, котораго Евдонъ убиваетъ на поединкѣ, а потомъ разбойникъ Роландъ, которому отецъ Берөы и обѣщаетъ отдать ее. Тогда Берөа убѣгаетъ изъ дома родительскаго съ Евдономъ; войны, посланные за ними въ погоню, берутъ Евдона въ плѣнъ; Берөа же спасается въ монастырь. Роландъ обманываетъ любовниковъ подложными письмами, въ которыхъ удостовѣряется, что Евдонъ и Берөа убиты. Между тѣмъ Евдонъ получаетъ свободу, ѣдетъ въ Парижъ и тамъ, за военные подвиги противъ разбойниковъ, производится въ фельдмаршалы. Однажды въ монастырѣ, въ которомъ постриглась Берөа, произошелъ пожаръ; Евдонъ съ своими воинами поспѣшилъ туда на помощь, при чемъ въ числѣ монахинь узналъ Берөу и спасъ ее отъ смерти. По его просьбѣ Берөу выпускаютъ изъ монастыря и позволяютъ ей выйти за него за мужъ. Въ концѣ романа Евдонъ дѣлается французскимъ королемъ.

54. „Гисторія о Ипполитѣ, графѣ Аглинскомъ, и о Жуліи, графинѣ Аглинской-же, любезная и всѣму свѣту куріозная инвентура“ извѣстна въ нашей рукописной литературѣ XVIII вѣка, по нѣсколькимъ спискамъ (Пыпинъ, 285).

54. А. Прибавить: „храбрыи витезь вінціанъ Францел“,—онъ скачетъ на конѣ, держа въ рукѣ штандартъ. Листовая картинка,

гравированная на деревѣ, изъ разряда Штелиновскихъ; въ собраніи В. А. Яковлева. «Исторія о храбрѣмъ Рыцарѣ Францѣ Венціанѣ и о прекрасной королевѣ Ренцывенѣ» была напечатана нѣсколькими изданіями въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго вѣка (Напр.: Москва 1789. 16°, 2-е изд.). По мнѣнію А. Н. Пыпина, она была извѣстна въ нашей рукописной литературѣ уже въ XVII вѣкѣ, на что указываютъ архаизмы, и самое изложеніе одной изъ редакцій ея, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ И. Е. Забѣлину (№ 69), подъ слѣдующимъ названіемъ: «Гисторія о храбрѣмъ Гишпанскомъ рыцарѣ Венціанѣ, а въ Малтійскихъ островахъ по свидѣтельству Малтійскихъ кавалеровъ, за храбрую ево поступку, нарекли ему, второе кавалерское имя Францель, — и о прекрасной Гишпанской королевѣ Пресіанѣ, выписано изъ древнихъ гравографовъ»... (Пыпинъ, стр. 287). Въ другихъ спискахъ Пресіана названа великобританской королевой Роксаной.

54. Б. Прибавить: „Походъ славнаго рыцаря колеандра лодвіна“. Въ старинной царской каретѣ, въ родѣ тѣхъ, которыя хранятся въ Московской Оружейной Палатѣ, сидятъ двое господъ; карета запряжена шестерикомъ, цугомъ, съ однимъ форрейторомъ на передней парѣ; впереди двое верховыхъ; у кареты, съ боку, гайдукъ и два пажъ; одинъ пажъ еще сзади на запяткахъ. Двухлистовая картинка, гравированная на деревѣ¹⁾. Дѣйствующія лица заимствованы изъ: «гисторіи о Колеандрѣ, цесаревичѣ Греческомъ, и о прекрасной Неонидѣ, цесаревнѣ Трапизонской» (рукопись находится въ библиотекѣ Казанскаго Университета: Журналъ М. Н. Просв. 1854. Августъ, 31. — Пыпинъ, 289). Въ СПбургской Публичной Библиотекѣ есть тоже переводъ этого романа (рукопись XVIII вѣка; Ф. XV. № 40), съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Гисторія о греческомъ цесаревиче Колеандрѣ и о трепизонской цесаревнѣ Неонидѣ переведена з греческаго на словенскій языкъ».

55. Шемякинъ судъ. Дополнить: Съ досокъ изданія з сдѣ-

¹⁾ Изъ разряда Штелиновскихъ; въ собраніи В. А. Яковлева.

лено новое изданіе (е), съ помѣтой на первой страницѣ: «печат. поз. М. 1839 года Маія 30. Цен. В. Флеровъ. въ Метало. Сергѣевой» (у П. А. Ефремова)²⁾.

Повѣсть о Шемякинѣмъ судѣ сохранилась въ русской рукописной литературѣ въ спискахъ конца XVII и начала XVIII вѣка; въ нынѣшнемъ-же столѣтіи она была издаваема много разъ нашими и иностранными учеными, а именно: 1) Въ 1808 году напечатана она, въ нѣмецкомъ переводѣ, въ Журналѣ г. Гейдеке «Janus», изданномъ въ Ригѣ; этотъ переводъ перепечатанъ Бенфеемъ въ его Panschatantra (1859, I. 394). 2) Въ 1831 году, въ сказкахъ Дитриха (Russische Volksmärchen, Leipzig. 1831). 3) Въ передѣлкѣ, въ особой книжкѣ, съ картинками (Москва 1794 г.), подъ заглавіемъ: «Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ баснями въ лицахъ»; въ предисловіи авторъ, А. Оленинъ, говоритъ, что картинки рисовалъ и гравировалъ онъ самъ. 4) Въ русскихъ сказкахъ Сахарова (1841, 269), въ неполномъ видѣ, съ рукописи Бѣльскаго. 5) А. Н. Пыпинымъ, по двумъ спискамъ: Забѣлинскому и Толстовскому (Архивъ Калачева 1859, отд. V, стр. 1, и Очеркъ литерат., 300). 6) Ф. И. Буслеевымъ по списку, ему принадлежащему (Историч. Христоматія 1861 г., стр. 1443). 7) Н. С. Тихонравовымъ, въ его Лѣтописяхъ литературы (1861 г., V. 34). 8) Въ Памятникахъ Старинной Литературы, изданныхъ гр. Кушелевымъ (II. 405), по Толстовскому списку. 9) А. Аонасьевымъ въ его сказкахъ, по двумъ новѣйшимъ редакціямъ, съ особымъ прибавочнымъ рассказомъ впереди, о томъ, какъ жили два брата (въ другомъ спискѣ два пустынноика): одинъ бѣдный, другой богатый; какъ бѣдный проработалъ у богатаго цѣлое лѣто за двѣ мѣры ржи и т. д. 10) Академикомъ М. И. Сухомлиновымъ — сводный текстъ Шемякина Суда по разнымъ спискамъ, съ приложеніемъ цѣлаго изслѣдованія о происхожденіи этой повѣсти (Приложеніе къ XXII тому Записокъ Имп. Акад. Наукъ, 1873 г.).

²⁾ Есть еще изслѣдованіе г. Булгакова о Шемяк. Судѣ (съ воспроизведеніемъ лицевой сказки) — въ изданіяхъ Общ. любит. древней письменности.

Бенфей первый указалъ на индѣйское происхожденіе Шемякина суда и на сходство его съ Тибетской сказкой Дзанглуна и съ индѣйской сказкой о Каирскомъ купцѣ (Pantschatantra 1859, I. 394); нѣмецкій ученый фонъ-деръ-Гагенъ замѣтилъ, хотя и вскользь, подобное-же сходство Шемякина суда съ нѣмецкою пѣснью о судѣ Карла Великаго (Literar. Grundriss... Berlin 1872, 172). «Въ Тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ, браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія: онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждами мѣсто, бѣднякъ задавилъ лежавшаго подъ одеждами ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполнѣ сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ: такъ какъ отвѣтчикъ, приведя быка ничего не *сказалъ* объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколотъ *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку-отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка царь приказываетъ бѣдняку взять еѣ себѣ въ жены и прижить съ нею другаго ребенка, и т. д. Въ Индѣйской сказкѣ о Каирскомъ купцѣ подсудимый — солдатъ, взявшій у жида займы деньги подъ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая влѣдствіе этого выкидываетъ. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастье: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе; по остальнымъ обвиненіемъ — тѣже приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской» (Сухомлиновъ, 13). Въ пѣснѣ о судѣ Карла Великаго повторяется рассказъ о фунтѣ мяса, который жиду предстояло вырѣзать изъ тѣла купца; за-

тѣмъ купецъ идетъ на судъ императора; дорогой онъ заснулъ и лошадь его раздавила ребенка, — къ дѣлу прибавляется новый истецъ, отецъ ребенка; далѣе, въ ожиданіи суда, купецъ заснулъ въ горницѣ и вывалился изъ окна, причемъ задавилъ стараго рыцаря, сидѣвшаго подъ окномъ на лавкѣ; прибавляется еще истецъ, — сынъ рыцаря; приговоръ Карла Великаго вполнѣ сходенъ съ Шемякинѣмъ (Сухомлиновъ, 15). Случай о томъ, какъ каменщикъ упалъ съ башни и раздавилъ сидѣвшаго внизу человѣка, и какъ вызванный въ судъ, сыномъ убитаго, предложилъ ему: «войди на башню и бросься на меня и убей меня до смерти», — рассказанъ и въ польской передѣлкѣ нѣмецкаго Eulen Spiegel'я, (Sowi-Zrzal, т. е. совиное зеркало)³⁾ и въ нѣмецкихъ смѣхотворныхъ сборникахъ (Museum für Altdeut. Lit., II. 283).

У польскаго писателя XVI вѣка Рея изъ Нагловицъ мы находимъ рассказъ о камнѣ, который отвѣтчикъ показывалъ судѣ, и который судья, во время суда, принималъ за мѣшекъ съ деньгами. Въ концѣ суда отвѣтчикъ объясняетъ ему, что этотъ камень полетѣлъ-бы ему въ лобъ, еслибы дѣло было рѣшено имъ неправильно (Тихонравовъ, Лѣтописи, V. 37). Симрокъ, въ своемъ сочиненіи объ источникахъ Шекспира (Die Quellen des Shakspeare. 1870 I. 213—254) перечисляетъ множество матеріаловъ для сравнительнаго изученія этой повѣсти.

О. И. Буслаевъ, въ статьѣ о странствующихъ повѣстяхъ, приводитъ, по этому предмету, слѣдующія замѣтки:

«Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ болонскаго изданія памятниковъ италянской литературы напечатаны, съ примѣчаніями Алессандро Д'Анкона, Новеллы Джованни Серкамби (1347—1424), которыя вообще предлагаютъ много интереснаго по вопросу о литературномъ заимствованіи⁴⁾. Между ними есть одна

³⁾ Въ русской передѣлкѣ: «Прохожденіе хитраго и забавнаго шута Совѣст-Драла большаго носа; переводъ съ Польскаго и дополнено съ другихъ языковъ». (1793, II. 173).

⁴⁾ Scelta di litterarie, 1871, № 119. Рецензію Рейнг. и Кёлера см. въ Jahrbuch f. roman. u. englische Liter. 1871, XII, стр. 347 и слѣд.

подъ названіемъ *О праведномъ судѣ* (№ IV), въ которой трактуется сюжетъ нашего *Шемякина Суда*. Сравнивая эту италіянскую новеллу съ современнымъ ей нѣмецкимъ стихотвореніемъ мейстерзенгера о Судѣ Карла Великаго, замѣтимъ, что она ближе стоитъ къ русскому сказанію и, вмѣстѣ съ однимъ древне-англійскимъ стихотвореніемъ, замѣняетъ извѣстный мотивъ о кускѣ мяса тяжбою о недочетѣ денегъ, которая въ свою очередь является въ странствующихъ сказаніяхъ самостоятельнымъ сюжетомъ. Отвѣтчикомъ на судѣ является у Серкамби крестьянинъ Ландрея. Разъ жена его приноситъ домой чемоданъ, который нашла на дорогѣ; не раскрывая положили они его въ сторону и сами стали обѣдать. Между тѣмъ владѣлецъ чемодана, богатый купецъ изъ Лукки, замѣтивъ потерю, немедленно отправился на поиски, и тотчасъ-же нашелъ у бѣдныхъ людей свой чемоданъ, котораго они еще не успѣли и раскрыть. Однако купецъ увѣрялъ, что въ чемоданѣ было сто флориновъ, а не девяносто, оказавшіеся налицо, и, обвиняя Ландрею въ утайкѣ десяти флориновъ, повелъ его на судъ въ Лукку. На пути Ландрея помогаетъ одному мужику, везшему дрова, выгнать изъ грязи лошадь, но, ухвативъ ее за хвостъ, обрываетъ его, и мужикъ тоже идетъ бить на него челомъ въ Лукку.

Послѣ того они встрѣтили одну благородную даму: лошадь подѣй испугалась Ландрею и сбросила съ себя даму. Дама была на шестомъ мѣсяцѣ беременности, и тутже на мѣстѣ выкинула недоноска. Мужъ дамы присоединился къ двумъ прежнимъ истцамъ. У самой Лукки Ландрея съ отчаянія бросается съ моста въ воду и убиваетъ въ лодкѣ одного мушину. Братъ убитаго тоже идетъ въ судъ съ жалобой. Судьи въ Луккѣ постановили такой приговоръ: во первыхъ, чемоданъ съ девяносто флоринами истцу не принадлежитъ, потому что у него было положено сто; пусть отвѣтчикъ оставитъ чемоданъ у себя до тѣхъ поръ, пока сыщется его владѣлецъ. Во вторыхъ, Ландрея обязанъ держать у себя лошадь до тѣхъ поръ, пока у ней отростетъ хвостъ, и тогда воротить владѣльцу. Втретьихъ, онъ-же обязанъ

взять къ себѣ даму и жить съ нею до шестаго мѣсяца ея новой беременности, и съ этимъ приподомъ передать мужу, и наконецъ Ландрея былъ приговоренъ сѣсть въ лодку подѣй мостомъ, чтобы истецъ бросился съ мосту и ушибъ его до смерти. Тоже самое содержаніе было обработано въ стихахъ о нѣкоторомъ водовозѣ Буссотто, которые не разъ были издаваемы въ XVI и XVII столѣтіяхъ. По древне-англійскому стихотворенію, нѣкоторый купецъ потерялъ мѣшокъ съ сотнею фунтовъ, и тому кто найдетъ обѣщаль выдать двадцать фунтовъ. Мѣшокъ нашелъ одинъ бѣднякъ и отдаетъ купцу, но купецъ уже утверждаетъ, что было не сто, а сто двадцать фунтовъ, и потому онъ не обязанъ платить обѣщанную награду, такъ какъ нашедшій распорядился самъ и взялъ, что ему слѣдуетъ. Чтобы рѣшить тяжбу оба идутъ въ судъ къ самому Соломону. На пути встрѣтилась дама на лошади, которая испугалась бѣдняка. Дама упала и выколола себѣ глазъ. Ея мужъ тоже идетъ къ Соломону съ жалобой. Когда они шли вдоль моря, бѣднякъ рѣшился было утопиться, но попалъ съ берега въ лодку и убилъ въ ней рыбака. Братъ убитаго присоединился къ истцамъ. Соломонъ затрудняется какъ рѣшить дѣло, и поручаетъ его своему шуту Marke, Moge, вѣроятно Маркольфу или Марольфу, извѣстному наперстнику Соломона, въ народныхъ книгахъ объ этихъ двухъ лицахъ. Приговоръ все тотъ-же, только вариантъ о дамѣ рѣшается тѣмъ, что рыцарь долженъ промѣнять свою одноглазую жену на жену бѣдняка съ обоими глазами (Стр. 703 и 704.—См. также А. Веселовскаго, Сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 75).

Всѣ эти кривосуды представляютъ видимую пародію на древній законъ Моисеевъ: «око за око, зубъ за зубъ», и попадаются даже въ древнихъ еврейскихъ источникахъ. Въ Вавилонскомъ Талмудѣ, на примѣръ, разказывается, что въ Содомѣ были четыре судьи: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-Дина (Кривосудъ). Если кто приберетъ беременную женщину и она выкинетъ, то судьи приговаривали мужу отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беремен-

ною. Отсѣкаль-ли кто ухо у чужаго осла,—судьи отдавали осла во владѣніе обидчику, пока у осла не выростетъ новое ухо (Трактатъ Синедріонъ, л. 109; Сухомлиновъ, 25)*). Такая пародія на право возмедія должна была найти полное сочувствіе въ допетровской Россіи, гдѣ право это проведено не только въ обычаяхъ, но и въ самомъ законѣ, который повелѣвалъ зажигателя—сжечь, убійцу—казнить смертію, дѣлателямъ фальшивой монеты—залить горло оловомъ (Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, Гл. XXI. 75; V. I; X. 228). По этому-же обычаю, еще прежде того, казнилъ Иванъ Васильевичъ одного дьяка, который принялъ въ *посулг* жаренаго гуся, начиненнаго деньгами. Когда дьяка вывели на площадь, царь спросилъ палача, который-бы умѣлъ разрѣзать жаренаго гуся, и приказалъ сперва обрѣзать дьяку ноги до вкръ, потомъ руки, повыше локтя, и наконецъ голову «чтобы онъ совсѣмъ былъ похожъ на гуся» (Флетчеръ, О госуд. русск., 36). По свидѣтельству Котошихина (О Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, изд. 1840, стр. 95), несостоятельный должникъ отдавался въ услуженіе заимодавцу; «если-же господинъ тому человѣку учинитъ наругательство, съ сердца переломитъ руку, или ногу, или глазъ выколеть, или губы, или носъ, или уши, или иное что обрѣжетъ, и ему противъ того-жъ будетъ указъ учиненъ самому рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ тогожъ».

Текстъ русской повѣсти о Судѣ Шемяки, по древнѣйшему списку конца XVII или начала XVIII вѣка (Публич. Библиот. Q. № 41, лл. 42—45 об.), слѣдующій: «Богатый-же ссужая многа лѣта убогова и не возможе его скудости исполнити, и по нѣколику времени приде убогій къ богатому просити лошади на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый не хотя убогому брату лошади дати и рече ему: брате, ссужахъ тебя многа а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. И нача у

⁵⁾ Подробно выписанъ этотъ трактатъ въ Судѣ Шемяки, изд. общ. любителей древней письменности: СПб. 1879. № XXXVIII. (см. предисловіе О. Булгакова, стр. 41).

него просити: хомута нѣтъ, и оскорбися на него богатый братъ, и нача ему поносити и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ! И не даде ему хомута. Убогій-же поиде къ себѣ, и пришедь взя свои дровни, и привяза дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ; и насѣкши дровъ и накладчи на дровни елико лошади возможно везть, и повезе къ двору своему. И привезчи дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ; лошадь же изо всей мочи бросяся зъ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогій же возьмъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ-же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и поиде на него бить челомъ во градъ въ лошади. За нимъ-же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка.... чтобъ ему ѣзду приставамъ не платить. И придоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый поиде ночевать къ попу того села по знакомству. Убогій же братъ приде къ тому же попу, и приде ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывати про лошадь свою чего ради идетъ въ городъ; потомъ нача попь зъ богатымъ ужинати и пити и ясти. Убогій-же нача съ полатей смотреть что попь зъ братомъ его пьетъ и естъ, а его не позовутъ, и незапу убогій урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ-же видѣ сына своего смерть и совершася (совѣщася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бить челомъ на убогаго-же въ убійствѣ сына своего. И придоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій-же иде за ними-же. И внидоша всѣ во градъ, и какъ убогій поиде мостомъ мостъ же сдѣланъ надъ глубокимъ рвомъ и нѣкій человѣкъ житель того града рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій-же размышляя въ себѣ, что ему отъ брата и попа будетъ погибель, и умысля въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упале на стараго человѣка — сынъ его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Того-жъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку. Убогій же мышляше какъ-бы ему бѣды избыти, и умысля взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку, и ста не-

редъ судьейю, и принесе братъ его исковую челобитную въ лошади и подаде судѣ. Судья-же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати. Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченый камень и показавъ де и поклонися.

Судія-же надѣяся, что ему отъ дѣла сулитъ, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: въ то время у него лошадь возьми». Потомъ нача другій судъ быти, и подаде попъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій такъ же выня платъ съ каменемъ и такожь судѣ показаль. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другаго суда сулитъ убогій-же. Рече судія попу: когда той убогій ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою нападю. Потомъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевѣ смерти, что тотъ убогій же бросился съ мосту, ушибъ у него отца. Убогій-же вынявъ изъ шапки тотъ-же заверченый камень въ платѣ и показа судѣ. Судья-же чая, что ему третій узолъ сулитъ и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты убогій-же, стань подъ мостомъ, и съ мосту бросися на того убогаго, якоже бросился на отца своего. Убогій же нача Бога хвалити что судія по немъ судъ судилъ. Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказовъ, и нача богатый просити убогаго лошадя своей. Онъ-же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выростетъ, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богатый же даде убогому брату своему 200 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ (хвоста). Потомъ же убогій нача попады просити по судейскому указу, чтобы ему взявъ попадю ребенка у ней добыть а съ ребенкомъ бы попу попадю отдать. Попъ же нача убогому битъ челомъ, чтобы у него попады не ималь, а убогій же нача носитися и попадю хотя у попа взять, и даде попъ убогому за попадю 50 рублевъ денегъ да кобылу съ жеребенкомъ, да быка съ коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомъ же нача убогій третьему истцу по

судейскому указу говорить: я де стану подъ мостомъ, а ты взыди на мостъ, а ты съ мосту бросися на меня такоже якоже азъ на отца твоего. Онъ-же размышляя въ себѣ: аще мнѣ броситися, его будетъ не убити, а себя буде убити. И нача истецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ да лошадь съ коровою. Судія-же высла человекъ своего къ отвѣтчику и велѣлъ у него взять показанные три узла. Человекъ-же судейскій нача у него трехъ узловъ просити; онъ-же вынявъ изъ шапки заверченый камень въ платѣ, показа тому человекъ, и человекъ нача его выпрошати, что то за за камень кажешь. Онъ же рече: я де того ради сей камень судѣ казалъ, кабы онъ не по мнѣ судилъ и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибти. И пришелъ человекъ и сказалъ судѣ. Судья же слыша отъ человекъ своего и рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ; акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убогій отыде въ домъ свой радуясь и хваля Бога. Аминь» (Сухомлиновъ, 8).

Такимъ образомъ основа русской повѣсти не представляетъ ничего оригинальнаго: отдача по суду лошади отвѣтчику до тѣхъ поръ, пока отростетъ у ней новый хвостъ, напоминаетъ Судъ Содомскихъ судей объ ослиномъ ухѣ; смерть попава ребенка и рѣшеніе судьи по этому случаю, а также и смерть больнаго человека, повторяются, какъ было указано выше, во многихъ источникахъ; а эпизодъ съ камнемъ, — польскаго происхожденія. Завсѣмъ тѣмъ повѣсть эта не переведена съ какого нибудь языка дословно, но она только заимствована или передѣлана изъ польскихъ или нѣмецкихъ сказаній, съ прибавленіемъ чисто русскихъ подробностей: самый судъ названъ Шемякинымъ, по имени Галицкаго князя Дмитрія Шемяки, прославившагося въ XV вѣкѣ своими беззаконіями, по приказанію котораго были выколоты глаза в. кн. Василию Темному. «Отъ сего убо времени», какъ свидѣтельствуемъ одинъ хронографъ, «въ велицей Русіи на всякаго судью и восхитника въ укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ»⁶⁾ (Снегиревъ, Лубочн. карт. М. 1861, стр. 59).

⁶⁾ Происхожденіе этой пословицы профессоръ Соловьевъ объясняетъ

Затѣмъ появленіе на судѣ, въ числѣ истцевъ, русскаго попа, приговоръ объ отнятїи у него понады, раздумье отвѣтчика о томъ, что хоженаго дать нечего и что де не быть живому при тогдашнихъ судейскихъ порядкахъ, — все это, какъ справедливо замѣчаетъ Сухомлиновъ, внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками (стр. 30).

Въ сказкахъ новѣйшаго изобрѣтенїи, записанныхъ у Аванасьева, къ этимъ припискамъ присоединены еще другія русскія особенности: о горемыкѣ, закабалившемъ себя за двѣ мѣры ржи, о снѣжныхъ сугробахъ, изъ которыхъ приходится вытаскивать проѣзжихъ; нежеланіе мужичка отдать дитя свое на воспитаніе въ чужую семью ни за какія деньги, рожденіе вымоленнаго у Бога ребенка и зарокъ взять въ кумовья. Мы не приводимъ здѣсь текста этѣхъ сказокъ, какъ по новости ихъ языка и разсказа, такъ и потому, что онѣ не имѣютъ прямой связи съ нашимъ судомъ, хотя и составлены какъ бы въ видѣ особаго къ нему вступленія.

55. А. Прибавить повѣсть: «О дворянинѣ и мужикѣ. Дворенїнъ некій дорогою шелъ впередї. а мужикъ крестьянинъ | ехалъ позади. которой весь на лошади дровъ продать, чемъ | себя і жеву здетмі пїтать, і крїчалъ тому дворенїну господинъ поберегїсь, ви-

слѣдующимъ образомъ: «Положеніе Шемяки въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василїя, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ прїобрѣсти расположеніе другихъ князей. . . Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступить отъ своихъ прїобрѣтенїй. . . Обязанный уступать требованїямъ князей-союзниковъ въ ущербъ силѣ Московскаго Княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованїямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему не расположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ Шемякинѣ, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значенїемъ суда несправедливаго». По замѣчанію А. Веселовскаго самое имя Шемяки—восточное и примѣненїе Шемякина суда къ исторической личности Дмитрія Шемяки—чисто виѣшнее (Исторїя русск. литерат. Галахова, 433).

дїшъ свозомъ еду посторонїсь. гѣдїнъ же того бутто, не слыха^т, мужїкже на лошедї оглоблею вспїну попа^т. втомъ велїкую обїду показа^т, на томъ гѣдїне епанчу разодра^т. вїдя гѣднъ сталъ снїмъ бранїтца, схватїлъ мужїка поїдемъ судїтца. или заплаги за епанчу, то ужъ ксуду непоташу. мужїкъ-полна гѣднъ якрїчалъ поберегїсь, покїнь лутче со мной не судїсь. а ты лїха спесївъ болно сталъ, того радї і вспїну оглоблею попалъ. гѣднъ нетъ мужикъ бестїя я учїно надтобой отместїе. когда сталъ теперь бранїтца, поїдемъ стобой судїтца. і прїшедъ педесудїю сталъ объявлять, Какую обїду мужїкъ могъ показать. гѣднъ судья прошу стакого вїду стоящей здѣ мужїкъ показа^т мне обїду. прошу мїлость сомной явїть, втомъ деле ево спросїть. мужїкъ толко на судью взїраеть, нїкакї^х речей ему необъевляе^т. судья неоднократно крича^т, дабы что нїбудь ему отвеча^т. свїрепо закрїча^т слышышлї, что говоря^т, тебя вїтъ чучїлу браня^т. вїдя судья сказа^т нечево немова і судїть, когда нїчего судья не говорї^т. гѣднъ судья не^т сударь я о томъ уже ве^т, сей мужїкъ їстїнно не^т. вотъ сїмъ часо^т ехалъ бодро і крїча^т во все горло. пѣторонїсь пѣторонїсь гѣднъ, извол вїдетъ еду свозо^т неодїнъ слыша^т. судья расмеялся почтожъ ты просїшь втакой только себя стыдъ прїводїшь когда онъ крїчатъ громко тшїлся, для чево ты ему не посторонїлся. і велель гѣдїна прогнать втолчкї, дать вспїну хорошїе тычки. тако мужїкъ явлїся правъ, а господинъ понесъ на себѣ штрафъ. мало то годитца умному съ глупымъ судїтца». Листовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева. Она раздѣлена на два отдѣленїя: въ первомъ мужикъ наѣхалъ съ возомъ на господина; во второмъ господинъ судится съ мужикомъ, приставъ гонїтъ его въ толчки (Въ моемъ собранїи).

56 и 57. Сказка о семи Симеонахъ родныхъ братьяхъ перепечатана цѣликомъ изъ книги: «Лекарство отъ задумчивости». СПб. 1786 г. 16°. Оттуда же она перепечатана и въ сборникѣ Аванасьева (IV. 134). Другіе пересказы этой сказки напечатаны: въ сказкахъ Сахарова (стр. 174); имъ-же въ Отеч. Запискахъ 1841 г.

№ 1; Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1841 г. № 1, стр. 17 (въ передѣлкѣ); у Худякова, I. 24; и еще разъ у Аванасьева, I. 394. По замѣчанію Аванасьева (IV. 142), сказка эта сходна съ рассказами, напечатанными въ сборникѣ Валявца (стр. 44—47), въ Slav. Citanka (39—42), въ книгѣ: Westslawischer Märchenschatz (140—3), въ Kinder-und Hausmärchen (II. 129), и въ Пентамеронѣ Базили (II. № 47), подъ названіемъ: «пять сыновей».

Въ этой послѣдней сказкѣ одинъ братъ воръ, другой корабельщикъ, третій стрѣлокъ, четвертый понимаетъ птичій языкъ, а пятый знаетъ отыскивать живую траву. Они берутся возвратить царю его дочь, унесенную лѣшимъ (дикимъ человѣкомъ), похищаютъ ее и увозятъ на корабль; третій братъ убиваетъ лѣшаго, пустившагося было ихъ преслѣдовать, а пятый достаетъ живой травы и оживляетъ ею умершую отъ страха царевну. Въ концѣ братья предъявляютъ права свои на царевну, причемъ каждый утверждаетъ, что сдѣлалъ для освобожденія ея больше другихъ; царь разрѣшилъ ихъ споръ тѣмъ, что отдалъ дочь въ замужество ихъ отцу (Pentamerone, II. 220).

Нѣкоторые мотивы сказки о семи Симеонахъ встрѣчаются тоже въ 5-мъ рассказѣ Пентамерона—«блоха». Одинъ царь потихоньку выкормилъ на своей головѣ блоху, такъ что стала она съ цѣлаго барана. Снялъ онъ съ нея шкуру, и обѣщалъ отдать свою дочь Порціеллу тому, кто угадаетъ съ кого снята была шкура. Загадку разгадалъ лѣшій (по запаху), онъ уводитъ Порціеллу; но семь сыновей одной старухи спасаютъ ее: одинъ изъ нихъ бросилъ камень,—башня выросла, другой—стрѣлокъ безъ промаха, третій—вѣтку вверхъ бросилъ,—лѣсъ выросъ и т. д. (Der Pentamerone. 1846, I. 66). Снегиревъ несправедливо указываетъ, что сказка наша заимствована изъ *Sieben weisen Meister или* изъ исторіи въ виршахъ (у Scheible) *Die Sieben Schwaben*; ни та, ни другая повѣсть не имѣютъ ничего общаго съ сказкой о семи Симеонахъ (Лубочн. карт., стр. 110). Въ заключеніе замѣчу, что въ нашей сказкѣ упоминается царь Адоръ; имя это, какъ имя цѣлаго народа, находится и въ «Сказаніи о

Синагрипшѣ царѣ Адоровѣ», помѣщенномъ въ одномъ сборникѣ съ словомъ о полку Игоревѣ и повѣстью о богатой Индіи. Въ изданіи пѣсенъ Рыбникова Безсоновъ дѣлаетъ сближеніе сказки о семи Симеонахъ съ древними греческими легендами о царицѣ Еленѣ (Рыбниковъ, II. СХХІХ), а по замѣчанію В. В. Стасова, сказка наша имѣетъ сходство, какъ въ главныхъ частяхъ, такъ и въ подробностяхъ, съ Монгольско-Калмыцкой повѣстью Шидди Куръ, о шести товарищахъ (Въ VI т. Этнограф. Сборника Географ. Общ.). Нѣкоторое сходство съ Симеонами, укравшими Елену, представляетъ Волхвъ, который, по порученію царя Китовраса (изъ Лукорья), отправляется на корабль въ Иерусалимъ, крадетъ тамъ жену царя Соломона, напустивъ на нее передъ тѣмъ сонъ, и увозитъ еѣ къ Китоврасу (См. изд. Общ. любит. древней письменности, 1876. № XV).

58. — Мною приобрѣтено еще старѣйшее изданіе этой сказки, въ 16 картинкахъ, гравированныхъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Послѣдняя строка текста первой картинки оканчивается такъ: «остался домъ».

58 и 59. Сказка объ Емельянѣ дурачкѣ. Сказка эта заимствована изъ Пентамерона Базили, но съ разными измѣненіями. Въ Пентамеронѣ архи-болванъ и лѣнтій Первонто, по приказанію матери, идетъ въ лѣсъ нарубить дровъ. Здѣсь видитъ онъ на полянѣ, на полденномъ солнцѣ, лежатъ-спятъ трое юношей; жалко ему стало ихъ; вотъ нарубилъ онъ вѣтокъ и построилъ надъ ними шалашъ. Когда юноши проснулись, то похвалили любезность Первонто, и въ награду дали ему волшебную силу: что онъ ни пожелаетъ, все будетъ дѣлаться (по щучьему велѣнію русской сказки). Прежде всего Первонто нарубилъ огромную кучу сучьевъ и приказалъ ей отправиться домой. Поскакала куча по пямямъ и по буграмъ, по дорогѣ въ городъ, по улицамъ мимо дворца; посмотрѣла на эту продѣлку изъ окошка царская дочь и захотела во все горло (до того времени она ни разу даже и не улыбнулась).

Увидалъ ее Первонто, очень она ему понравилась: «хочу», говоритъ, «чтобъ сія принцесса тотчасъ-же отъ меня забрюхатѣла!» и ушелъ домой. А принцесса между тѣмъ понось понесла, и черезъ девять мѣсяцевъ родила двухъ сыновей; не придумаетъ царь, отъ кого бы родила она тѣхъ дѣтей; и посовѣтывали ему мудрецы: подождемъ-де семь лѣтъ, когда подростутъ ребята, созовемъ со всего государства знатныхъ людей, къ кому начнутъ они ласкаться, тотъ значить и отецъ имъ. Прошло семь лѣтъ; созвали всѣхъ знатныхъ: ни къ кому не ласкаются принцессины сыновья. «Попробуемъ», говорятъ мудрецы, «созовемъ всѣхъ мѣщанъ и крестьянъ, и всякую голь; женскій вкусъ не разберешь, пожалуй что и съ дрянью слюбилась». Созвали, — и какъ разъ ребяташки прибѣжали къ Первонто, и вѣшаются къ нему на шею. Значить отысканъ виновникъ. По общему приговору сдѣлали бочку, посадили туда всѣхъ четверыхъ: принцессу съ Первонто и двухъ сыновей ихъ, и пустили по морю. Конецъ сказки такой-же, какъ и у насъ: по просьбѣ принцессы Первоно приказываетъ бочкѣ превратиться сперва въ корабль, а потомъ въ роскошной дворецъ; вечеромъ царь, отецъ принцессы, заблудившійся на охотѣ, проситъ пустить его во дворецъ, гдѣ находятъ Первонто, преобразившагося изъ пентюха въ благозрочнаго принца, свою дочь и внуковъ и благословляетъ ихъ на новую жизнь (Der Pentamerone v. G. Basili. 1846, I. 43. Pervonto.—Dunlop, 407). Точно такъ, какъ нашъ Емельянушка соглашается исполнить всякую просьбу не иначе, какъ послѣ трехъ приставаній, въ Неаполитанской сказкѣ Первонто исполняетъ просьбы своей принцессы послѣ того, какъ она три раза покормитъ его фигами и черносливомъ.

Въ сборникѣ Аванасьева напечатаны русскіе варианты этой сказки (№№ 100, 101, 158 и 162) и перечислены подобныя же сказки на польскомъ, сербскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ (IV. 187—189). Отдѣльно сказка эта напечатана въ Москвѣ, въ 1787 году. В. И. Даль напечаталъ её, въ литературной передѣлкѣ, въ своихъ повѣстяхъ Казака Луганскаго (II. 415).

60. Сказка о хозяинѣ и работникѣ. Прибавить: есть еще два изданія этой сказки: *z*, — послѣдняя строка текста заканчивается въ немъ словами: «началь варить яйца» (въ моемъ собраніи) и *o*, съ помѣтою: «въ Метал: Сергѣевой» (у П. А. Ефремова). Вариантъ этой сказки напечатанъ у Худякова (II. 70).

61. Смирный мужикъ и драчливая жена. Есть еще изданіе этой сказки, начала нынѣшняго столѣтія; первая страница заканчивается словами: «онъ въ дремучій лѣсъ» (у П. А. Ефремова). У Боричевского (I. 120) рассказана польская сказка, сходная съ № 61; но съ другимъ концемъ и съ нѣкоторыми разнициами въ подробностяхъ. Мужикъ дуракъ спасъ колдуна, — тотъ даритъ ему за это сперва златоруннаго барана, потомъ курицу, несущую золотыя яйца, и наконецъ волшебную скатерть; старая колдунья подмѣняетъ у мужика всѣ эти вещи. Наконецъ колдунъ даетъ мужику мѣшокъ, изъ котораго по приказу хозяина выскакиваютъ двѣ палки и колотятъ, кого приказано. Этимъ послѣднимъ подаркомъ мужикъ оплатилъ колдунѣ—палки забили её до смерти, самъ же онъ пристроился ко дворцу и женился на царской дочери. Варианты на эту сказку напечатаны въ сборникѣ Аванасьева (II. 109, двое изъ сумы), гдѣ поименованы и иностранныя сказки, сходныя съ нашею.

Въ Пентамеронѣ Базили рассказаны приключенія Антона дурачка, напоминающія конецъ нашей сказки. Антонъ дурачекъ, за необыкновенную свою глупость, былъ выгнанъ матерью изъ дому; въ лѣсу онъ встрѣтилъ лѣшаго (дикаго человѣка), и нанялся къ нему въ услуженіе. Года черезъ два сталъ онъ проситься на побывку къ матери; лѣшій отпустилъ его и еще подарилъ за службу осла, который, какъ скажешь ему «агге сассауге», испражнялся золотомъ. Дорогой дуракъ остановился на ночевку въ гостинницѣ; отправляясь спать, онъ отдалъ осла своему хозяину, предупредивъ его, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не говорилъ ослу «агге сассауге», — не то худо будетъ. Конечно хозяинъ не послушалъ запрещенія, сказалъ завѣтныя слова, и оселъ нало-

жилъ ему полный мѣшокъ золота. Затѣмъ хозяинъ подмѣнилъ осла. Антонъ пріѣзжаетъ домой, приводитъ осла къ матери и объявляетъ ей чудныя его свойства; сдѣлалъ пробу, при которой вмѣсто золота отъ осла получилось совсѣмъ другое, — и мать по прежнему выгнала глупаго Антона въ лѣсъ; опять сталъ Антонъ служить лѣшему. Но не прошло и года, какъ Антону снова всгрустнулось по родинѣ; отпустилъ его лѣшій и подарилъ при этомъ скатерть самобранку, съ которой повторилась у хозяина гостиницы и у матери таже исторія. Въ третій разъ лѣшій, отпустивъ Антона на родину, подарилъ ему волшебную дубинку. По обыкновению Антонъ по дорогѣ зашелъ въ знакомую гостиницу и, лежа спать отдалъ дубинку на сохраненіе хозяину, предупредивъ его, чтобы онъ ей словъ «встань дубинка» не говорилъ. Къ ночи хозяинъ заперся съ женой своей въ спальню, положилъ передъ собой дубинку, и только что сказалъ ей запрещенныя слова, какъ дубинка пошла ходить по ихъ слянямъ и почемъ ни попало, и такъ обработала ихъ, что они, разбудивъ Антона, отдали ему и волшебнаго осла, и скатерть самобранку, и выпроводили съ дубиной изъ гостиницы. Антонъ вернулся съ своими сокровищами домой и конечно былъ принятъ домашними съ большимъ почетомъ (*Der Pentamerone von G. Basili. Breslau 1846. I. 15. Der wilde Mann*).

Въ одной старинной повѣсти о царѣ Соломонѣ занесенъ рассказъ, напоминающій начало нашей сказки, — о женщинѣ, которая жаловалась Соломону на вѣтеръ, развѣявшій у нея муку (Тихонравовъ, *Лѣтописи*литерат.*, IV. 147).

62. Сказка о купцовой женѣ и о прикащикѣ. Есть еще изданіе (*св*) начала нынѣшняго столѣтія; послѣдняя строка первой страницы въ немъ состоитъ изъ словъ: «одинъ разбираешъ» (У П. А. Ефремова).

Текстъ этой сказки заимствованъ, съ довольно значительными измѣненіями, изъ сказки «О лукавой женѣ и о прикащикѣ», помѣщенной въ «Старичкѣ весельчакѣ» (стр. 50) и написанной тоже

виршами. Въ сказкѣ этой начальныхъ словъ: «во Франціи былъ» — нѣтъ; слова эти прибавлены только въ лицевомъ народномъ изданіи Первоначальные мотивы этой повѣсти находимъ мы въ индѣйскомъ сочиненіи, извѣстномъ подъ названіемъ *Семидесяти рассказовъ попуая* (Шукасапгати), переложенномъ на персидскій языкъ персіяниномъ Нахшеби († 1329 г.), подъ названіемъ *книги попуая*. Въ 8-й ночи этой книги помѣщенъ рассказъ о царѣ, его сынѣ и мачихѣ; мачиха влюбилась въ своего пасынка; пасынокъ отвергаетъ ея любовь; разсвирѣпѣвшая мачиха облыгаетъ его передъ царемъ, своимъ мужемъ, и царь повелѣваетъ казнить сына. Здѣсь начинаются увертки: совѣтникъ или воспитатель сына рассказываетъ царю притчи о женскихъ злобахъ, вслѣдствіе которыхъ царь убѣждается, что спѣшить казню не слѣдуетъ, и отмѣняетъ казнь; затѣмъ рассказываетъ такія-же притчи мачиха, въ доказательство того, сколько вреда можетъ принести царю злой сынъ, если онъ будетъ оставленъ въ живыхъ; царь убѣждается этими рассказами, и снова приказываетъ казнить сына, который, по совѣту воспитателя, въ продолженіе семи дней притворяется нѣмымъ, а на седьмомъ заговорилъ и обличилъ свою мачиху. Повѣсть оканчивается казню мачихи. Въ восьмой ночи (или главѣ) этой повѣсти рассказывается объ одномъ холостякѣ, который занимался изслѣдованіемъ женскихъ хитростей, и какъ двѣ женщины показали ему такія двѣ увертки, которыхъ онъ никогда не видалъ. Одна изъ этихъ увертокъ перешла почти цѣликомъ въ нашу сказку о *купцовой женѣ и о прикащикѣ*. Царица угощаетъ холостяка у себя въ спальней, и ласкается къ нему; въ эту минуту слышны шаги царя; царица прячетъ любовника въ сундукъ и запираетъ его на замокъ. Царь, видя приготовленный ужинъ, спрашиваетъ, что это значитъ; царица отвѣчаетъ, что она пировала съ любовникомъ, и сейчасъ только заперла его въ сундукъ. Царь уже идетъ къ сундуку, чтобы открыть его, какъ вдругъ царица разразилась громкимъ хохотомъ и говоритъ: «я хотѣла испытать твою мудрость! какой-же ты глупый, подумай, сказала-ли бы я тебѣ, если бы въ самомъ дѣлѣ пришелъ ко мнѣ любовникъ, и я

спрятала бы его въ сундукъ». Царь ушелъ пристыженный¹⁾ (Буслаевъ, Странствующія повѣсти: Р. В. СХ. 716).

Повѣсть о царѣ, его сынѣ и мачихѣ въ свою очередь заимствована изъ древняго индѣйскаго произведенія, извѣснаго подъ именемъ *Синдибаба*. Въ персидскихъ и арабскихъ передѣлкахъ эта повѣсть значительно измѣнена и дополнена, получивъ при этомъ названіе *Исторіи семи визирей или семи мудрецовъ*; на испанскій языкъ она переведена съ арабскаго въ 1255 году, для инфанта донъ Альфонса, подъ названіемъ: *Книга о женскихъ обманахъ и продѣлкахъ*; въ нѣмецкую народную литературу повѣсть эта перешла подъ именемъ: «Die sieben weisen Meister» (Simrok, XII. 115)²⁾; подъ этимъ же именемъ она извѣстна и въ другихъ европейскихъ литературахъ, въ томъ числѣ въ чешской и въ русской рукописной XVII вѣка (повѣсть о семи мудрецахъ); въ очеркѣ старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ А. Н. Пыпина (стр. 254) подробно изложено происхожденіе и литература этой повѣсти. Въ наши народныя картинки она не перешла.

63. Сказка о ворѣ и бурой коровѣ. Текстъ этой сказки перепечатанъ, съ незначительными измѣненіями, изъ Старичка весельчака (СПБ. 1790, стр. 18), причемъ въ началѣ, неизвѣстно съ чего, прибавлено, что дѣло происходитъ во Франціи; въ Весельчакѣ же она передѣлана изъ повѣсти, помѣщенной въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, подъ названіемъ. „О индерленскомъ татѣ» (А. Пыпинъ, 267); въ сборникѣ XVIII в., принадлежащемъ Забѣлину, повѣсть эта рассказана въ прозѣ и съ большими подробностями, и озаглавлена: «О индерланскомъ плутѣ краву оукрадшему» (№ 62, л. 24-ой). И. И. Гольшевъ приводитъ другое изданіе этой сказки, во всемъ почти сходное съ нашимъ; начало

¹⁾ Въ новыхъ индѣйскихъ сказкахъ А. И. Минаева (СПБ. 1877 г., 46) одна индѣянка поступаетъ еще хитрѣе: мужъ выносить изъ дому, во время пожара, сундукъ съ ея любовникомъ, воображая, что въ этомъ сундукѣ находится женино приданое.

²⁾ Которая ближе всего къ русской редакціи.

его такое: «Злоумышленной воръ нѣкій былъ, Во многіе грады для кражи ходилъ», — а конецъ: «который за простоту свою тяжело по буренушкѣ своей вздохнулъ. Старинная пословица: чего не досмотришь, то карманомъ доплотишь» (Луб. карт., стр. 39—41).

64. Диво Дивное. — Подобная сказка есть и у нѣмцевъ (Grimm, Kinder- und Hausm., I. 64): «о золотомъ гусѣ» (Аванасьевъ, IV. 334.). Въ сборникѣ Аванасьева сказка эта перепечатана дословно съ лубочнаго изданія, а между тѣмъ внизу помѣчено, что: «она записана въ Архангельской губерніи». Сказка русская «диво дивное, чудо чудное» напечатана особой книжкой, безъ картинокъ: С.-Петербургъ, 1788. Насчетъ прилипанія гуся есть рассказъ въ Пентамеронѣ (II. 152)—о гусѣ, который былъ выброшенъ изъ окошка и прилипъ къ задницѣ одного принца; никто не могъ отодрать его оттуда, кромѣ дѣвушки Лоллы, которой этотъ гусь принадлежалъ.

65. О пѣтухѣ и о курицѣ. — Въ журналѣ: «И то и сію», 1769 г., подшучивается надъ славными сочиненіями, «подъ которыми господа авторы для вѣчной и безсмертной себѣ славы не ставили своихъ именъ»; въ числѣ такихъ сочиненій упоминается и о нашей исторіи «о побѣгѣ изъ пушкарскихъ улицъ бѣлаго пѣтуха отъ курицъ» (Пыпинъ, 289).

66. Утка съ золотыми ячками. Поправить: изданіе *д* исключить, а вмѣсто него поставить: *д*, изданіе начала нынѣшняго столѣтія; послѣднія слова текста 1-й картинки: «по золотому ячку». Добавить: есть еще изданіе (*ж*), въ которомъ первая страница заканчивается словами: «всякой день будтъ»; съ цензур. пропускомъ В. Флорова, 10 Мая 1839 г. «Въ метало: Сергѣевой» (у П. А. Ефремова). Варианты этой сказки помѣщены у Аванасьева (II. 150), Худякова (I. 25 и 26; III. 119) и Эрленвейна (10). Птица, несущая золотыя яйца и дорогіе камни, упоминается въ

сказкахъ сербскихъ (Караджича, 26), нѣмецкихъ (Grimm, I. 60; III. 102), сборникѣ Гальтрина (№ 6), сборникѣ греческихъ сказокъ Гана (I. 36). Кто съѣстъ голову такой птицы, тотъ будетъ царемъ, а по сербской сказкѣ, —будетъ знать все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и что думаютъ люди. Сказка эта издана особой книжной, безъ картинокъ: СПБ. 1789 г. Кавалеръ Луга (Lucas) нашей сказки указываетъ на италіанское ея происхождение. Снегиревъ замѣчаетъ, что народная поговорка *Өетинья Роговна* могла относиться къ невѣрности сказочной Өетиньи, приставившей рога своему мужу, и что сказаніе объ избраніи Өетиньиного сына въ цари сходно съ Московскимъ преданіемъ: когда-то случилось Москвѣ быть безъ царя; народное вѣче присудило избрать того, при входѣ котораго въ Спасскіе ворота, сама засвѣтится свѣча у надворотнаго образа. Наконецъ одинъ человекъ въѣхалъ въ ворота, при этомъ зажглась надворотная свѣча и человекъ тотъ былъ нареченъ царемъ (Лубоч. карт., 104).

67. **Разсказъ о женатомъ волокитѣ** есть дословная перепечатка сказки Аблесимова: «Волокита» (Соч. Аблесимова въ изд. Смирдина. СПБ. 1849, стр. 148). Александръ Онисимовичъ Аблесимовъ (1742—83), стихотворецъ-самоучка въ комическомъ родѣ, служилъ въ лейбкампанской канцеляріи при Сумароковѣ и, переписывая его стихи на бѣло, самъ почувствовалъ стремленіе къ сочиненію таковыхъ же. Первые сказки его, въ стихахъ, изданы въ С.-Петербургѣ, въ 1769 году (2-е изданіе—въ Москвѣ, 1780 г.). Всѣмъ извѣстна его опера «Мельникъ», имѣвшая долгое время большой успѣхъ на сценѣ (Слов. свѣтск. писат. Евген., I. 1).

68. — Въ этой картинкѣ перепечатана дословно басня Хемницера: «*Желаніе кашей*» (Полное собр. сочин. Русск. Авторовъ. Сочиненіе Хемницера, изд. 2-е А. Смирдина. СПБ. 1852 г., стр. 67).

69. **О старомъ мужѣ и молодой женѣ.** Текстъ этой картинки взятъ изъ Старичка-Весельчака (СПБ. 1790, стр. 16); самый

же сюжетъ повѣсти заимствованъ изъ Декамерона Боккаччіо (День VII, новелла IV), съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями. Въ Декамеронѣ разсказъ носитъ названіе: «справившійся ревнивецъ»; дѣйствующія лица въ немъ: богатый ревнивый мужъ, Тофано, любящій выпить (но вовсе не старый, какъ въ русской повѣсти), и молодая красивая жена его Джитта, которой до того наскучила несправедливая ревность мужа, что она, съ досады, рѣшилась завести себѣ любовника. Пользуясь наклонностію мужа къ вину¹⁾, она подпаивала его почти ежедневно, и не только принимала любовника у себя на дому, но даже и бѣгала къ нему по ночамъ на квартиру. Кончилось тѣмъ, что мужъ замѣтилъ ея похождения, и, чтобъ поймать ея на дѣлѣ, притворился пьянымъ и легъ спать. Какъ только Джитта убѣжала къ любовнику, мужъ всталъ съ постели, заперъ двери дома на замокъ и самъ сѣлъ у окна. Джитта вернулась поздно ночью; на всѣ мольбы ея, Тофано объявилъ, что онъ хочетъ, за ея невѣрность, нанести ей публичное посрамленіе и дверей не отопретъ. Тогда Джитта объявила, что она утопится въ колодецѣ, а такъ какъ мужъ ея извѣстенъ за человека грубаго и жестокаго, то онъ непременно будетъ обвиненъ въ ея убійствѣ и казненъ. Затѣмъ она бросила въ колодезь большой камень, и притаилась у дверей дома. Тофано, испуганный поступкомъ жены, схватилъ бадью съ веревкой, и растворивъ двери, побѣжалъ къ колодецу спасать жену; въ это время Джитта вошла въ домъ, заперла за собою двери, усѣлась передъ окошкомъ, и начала выговаривать мужу, что онъ каждый день напивается, возвращается къ ней поздно ночью и т. д. Тофано, въ бѣшенствѣ, поднялъ шумъ на всю улицу²⁾; сперва на дворъ къ нимъ явились сосѣди, а потомъ и родственники жены. Выслушавъ взаимныя жалобы и обвиненія супруговъ, родственники конечно повѣрили во всемъ Джиттѣ, избили Тофано и увели жену его къ себѣ въ домъ. Впоследствии Тофано, наскучивъ одиночествомъ,

¹⁾ Объ этой наклонности въ русскомъ разсказѣ не упоминается.

²⁾ Начиная съ этого мѣста, весь конецъ повѣсти въ русскомъ разсказѣ выброшенъ.

убѣдилъ жену вернуться домой, при чемъ обѣщалъ ей бросить ревность и не мѣшать ей въ любовныхъ дѣлахъ, съ тѣмъ, чтобы она занималась ими въ тихомолку. Новелла эта была извѣстна въ нашей рукописной литературѣ еще въ XVII вѣкѣ, и находится въ Толстовскомъ сборникѣ (л. 58—62), подъ названіемъ: «О женѣ оболотившей мужа якобы ввержеса въ кладезь,» и въ сборникѣ Забѣлина (л. 53—56), подъ названіемъ: «О гражданинѣ упивающемся и о женѣ его». Боккаччо самъ заимствовалъ содержаніе этой Новеллы изъ Фабліо «de celui qui enferma sa femme en une tour» (Barb. Méon, II. 99—107); она повторяется и у другихъ итальянскихъ новеллистовъ (Пыпинъ, Очеркъ, 277).

69. А. — Снегиревъ упоминаетъ еще объ одной картинкѣ, съ заголовкомъ „О старомъ мужѣ и молодой женѣ“, съ слѣдующей подписью: «Златоустъ рече: Корова носить млеко не для себя, а для прочихъ; овца носить руно, не для себя, а для прочихъ; старикъ женится на молодой, — не для себя, а для прочихъ». На этой картинкѣ представлена крестьянка, доящая корову, крестьянинъ стригущій овцу, и старикъ съ молодою женою (Лубоч. карт., 14); мнѣ не случилось видѣть такой картинки.

70. Повѣсть о шутѣ и трактирщикѣ дословно перепечатана изъ Старичка весельчака (СПБ. 1790 г., стр. 63). Мною приобрѣтено другое изданіе этой картинки (б), гравированное, судя по работѣ, мастеромъ Чуваевымъ; картинка скопирована съ французскаго оригинала; стѣны комнаты въ ней затушеваны, тогда какъ въ изданіи, описанномъ подъ № 70, онѣ оставлены бѣлыми.

71. Безстыжій въ трактиръ вошелъ — переводъ стараго французскаго анекдота, гдѣ въ прибавокъ къ тому, что говорится въ нашей картинкѣ, безстыжій говоритъ: «А будь негодяй тотъ, кто ложки своей не съѣстъ» (Русскій Архивъ 1874 г., 1098).

Дѣлавшій эту картинку мастеръ *Петръ Николаевъ Чуваевъ*

(П. Н. Ч.) гравировалъ народныя картинки для Ильи Яковлева Ахметьева, который въ 1750—80 годахъ содержалъ въ Москвѣ заводъ для печатанія этихъ картинокъ. Работы Чуваева отличаются отъ работъ прочихъ лубочныхъ мастеровъ нѣкоторою исправностію рисунка и смѣлой гравировкой крѣпкою водкой; большая часть изъ нихъ скопирована или передѣлана съ французскихъ образцовъ (См. Русскіе граверы, стр. 321 и 322).

72. Разговоръ дворянина съ крестьяниномъ и лукавая жена. Текстъ разговора почти совершенно сходенъ съ текстомъ сказки: «о дворецкомъ большого барина и о мужикѣ», въ Старикѣ весельчакѣ (СПБ. 1790); вторая повѣсть «Лукавая жена» перепечатана изъ тогоже Весельчака дословно (стр. 11). У Боричевского приведенъ разговоръ польскаго шляхтича съ мужикомъ, по замыслу и концу очень сходный съ разговоромъ дворянина: шляхтичъ хотѣлъ подтрунить надъ мужикомъ, а остался самъ отъ него въ дуракахъ (III. 119).

73. Женская разсѣянность. Разсказъ этотъ напоминаетъ повѣсть изъ Гептамерона, Наварской королевы Маргериты (сестры Франциска I-го). Одна дама рассказывала въ обществѣ, какъ молодой офицеръ забрался въ спальную женщины, въ которую былъ страстно влюбленъ, и увѣщаніями и угрозами добился отъ нея взаимности; утромъ онъ ушелъ никѣмъ не замѣченный, но при этомъ задѣлъ шпорой за одѣяло и сдернулъ его съ постели. «Представьте себѣ, каково было мое удивленіе», — прибавила рассказщица, — «когда я очутилась совершенно голая» (l'Heptameron. Paris 1862, p. 502). Текстъ нашей картинки перепечатанъ изъ письмовника Курганова (въ 11-мъ изданіи М. 1837. № 79, стр. 185). Тамъ же, на стр. 192, помѣщена другая разсѣянность, на которую тоже была, какъ сказывалъ мнѣ московскій старожилъ В. О. Щербаковъ, народная картинка. «Одна дѣвушка, покушавъ чрезмѣрно плодовъ, получила запоръ. Лекаръ хотѣлъ было поставить ей клистиръ, но ей казалось сіе столь противно,

что она лучше хотѣла умереть; мать же ее сказала, что неотмѣнно то надобно сдѣлать. Бѣдная дѣвка не могла болѣе отговариваться; заплакавъ, молвила «теперь-то я знаю, какъ безвинные страдаютъ за виновныхъ».

Николай Гавриловичъ Кургановъ родился въ Москвѣ въ 1726 году, обучался на Сухаревой башнѣ математическимъ наукамъ, потомъ въ Морской Академіи; въ 1774 г. получилъ отъ Академіи Наукъ званіе профессора; умеръ въ Кронштадтѣ въ 1796 г. 13 января, на 69-мъ году. Напечаталъ много дѣльныхъ книгъ по части математики и навигаціи и всѣмъ извѣстный Письмовникъ (Евгеній, Слов. свѣт. писат., I. 327). Первое изданіе этой книги носило названіе: «Россійская универсальная Грамматика, или общее писмословіе. СПБ. 1769 г.». Многія «веществословія» этого письмовника, служившаго въ Россіи долгое время единственнымъ сборникомъ энциклопедическихъ знаній, вошли въ наши народныя картинки; содержаніе ихъ довольно нескромно.

Въ первой части письмовника помѣщены: грамматика, сборъ пословицъ, разные анекдоты, шутки, повѣсти, аподегмы, свѣдѣнія о навигаціи, геральдикѣ и мифологіи. Во второй—собраніе разныхъ стихотвореній и идиллій, сонеты, рондо, мадригалы, притчи, всеобщій чертежъ наукъ и художествъ, свѣдѣнія объ исторіи священной, свѣтской и естественной, и о философіи, нравоученія, историческіе анекдоты, словарь разноязычный и мелкія статьи. Книга эта имѣла такой успѣхъ, что изданія ея слѣдовали одно за другимъ, въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, расходились въ огромномъ числѣ экземпляровъ, и, подобно народнымъ картинкамъ, исчезали въ народѣ отъ *употребленія* и времени.

74. Скажи, о чемъ ты смѣялся. Исторія эта цѣликомъ заимствована изъ арабскихъ сказокъ 1001 ночи (изъ самаго начала ихъ). Визирь рассказываетъ ее своей дочери Шехеразадѣ, которая, не смотря на всѣ его доводы, объявила ему, что хочетъ непременно сдѣлаться женою султана. Въ сборникѣ Аванасьева (IV. 323) исторія эта помѣщена съ отмѣткою, что она записана въ Оло-

непкой губерніи; варианты ея напечатаны у Аванасьева же (II. 461) и Худякова (I. 143).

Что касается до оригинала нашей картинки, т. е. Арабскихъ сказокъ 1001 ночи, то первоначальный источникъ ихъ до сихъ поръ неизвѣстенъ; полагаютъ, что онѣ заимствованы съ Персидскаго (Hesâr efsâne, т. е. 1000 сказокъ Расти). Сказки эти были переведены еще въ VIII вѣкѣ, при Калифѣ Мансурѣ; въ IX-мъ вѣкѣ Джехестаби составилъ сборникъ персидскихъ, индѣйскихъ и арабскихъ сказокъ, подъ названіемъ тысячи ночей; въ сборникѣ, впрочемъ, было помѣщено всего 400 ночей. Полагаютъ, что этотъ сборникъ и послужилъ началомъ сказокъ 1001 ночи. Въ нынѣшней редакціи сказки 1001 ночи были извѣстны въ Египтѣ уже въ XV вѣкѣ; Габихтъ издалъ ихъ въ 1825 г. (лучшее изданіе: Nabicht v. d. Haagen und Schall, Tausend und eine Nacht. 2-e Ausg. Breslau. 1827. 13 Bde). Во французскомъ переводѣ сказки 1001 ночи изданы Galland'омъ (Paris 1704. 12 vol.). Въ русскомъ переводѣ арабскія сказки 1001 ночи изданы невольнѣ въ 1839 году.

Въ нашихъ древнихъ рукописяхъ встрѣчается исторія о Синагрипѣ, царѣ Адоровъ, заимствованная изъ 1001 ночи и указывающая на то, что существовалъ греческій переводъ этихъ арабскихъ сказокъ (Пыпинъ, 84).

75. Зачѣмъ мать сына худо учила. Прибавить: Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (e) этой картинки, конца прошедшаго вѣка; въ немъ 1-я строка текста заканчивается такъ: «ненаказавши поглядѣ».

Исторія эта заимствована изъ Притчей Езоповыхъ, о которыхъ говорится въ примѣчаніи къ № 87. Въ притчахъ исторія короче, и рассказана въ слѣдующей редакціи: «37. *Отрокъ и мати*. Отрокъ у товарища своего въ школѣ украдыи книгу, къ матеріи своей принесе. она же не наказывая пріять его. возрастая же и большая нача красти. нѣкогда же на самомъ воровствѣ ятъ на смерть связанныи веденъ бысть. мати же провождаше и пла-

каше его. онъ же у спекулятора проси позволенія, да скажетъ матери своей нѣчто на ухо. егда же мати пріложілася къ нему ухомъ, онъ же взявъ зубами, угрызе ухо тоя; мать же і прочіи начаша его кленути яко не точію покраде, но і къ матери своей слочестівъ явіся. отвѣща онъ, яко та есть погібелі моя вѣновна аще бы мя наказала, егда азъ укралъ книгу, не прішелъ бы я сѣмо, и не былъ бы изведенъ на смерть. Прілогъ. Притча знаменуется, яко иже исперва не бываютъ наказывани, тѣи умножаютъ вся слая дѣла». На картинкѣ представленъ отрокъ, откусывающій у своей матери ухо; палачъ тащитъ его по лѣстницѣ на висѣлицу (точно такъ, какъ и на картинкѣ № 76); слѣва стоитъ солдатъ съ алебардой.

78. Мужъ наѣдка. Этотъ самый рассказъ въ другой, болѣе подробной редакціи, помѣщенъ въ сказкахъ Чудинскаго (Москва 1864 г., стр. 48).

80 и 81. Разсѣянная молочница. № 80 заимствованъ изъ басни Лафонтена: «La laitière et le pot au lait» (VII. 10). Θ. И. Буславевъ въ своей статьѣ: «Странствующія повѣсти» (Русск. Вѣст., СХ. 682) указываетъ на первоначальные мотивы обѣихъ картинокъ въ Пантштантрѣ. «Тамъ дѣйствующимъ лицомъ является браминъ, по имени Горемыка, который, поужинавъ, собралъ оставшуюся кашу въ горшокъ; горшокъ прицѣпилъ къ гвоздю и повѣсилъ на стѣнѣ, а внизу ухитилъ себѣ постель, и всю ночь любовался на горшокъ, думая про себя: «Горшокъ полнехонекъ каши. Вотъ если будетъ голодъ, за одинъ этотъ горшокъ дадутъ мнѣ сто серебряныхъ монетъ. На нихъ куплю пару козъ; что ни полгода, будетъ отъ нихъ по козленку, и вотъ тебѣ цѣлое стадо. Отъ козъ перейду къ быкамъ; коровы будутъ телиться, а я телятъ продавать. Отъ быковъ къ буйволамъ! Отъ буйволовъ къ лошадямъ! кобылы станутъ жеребиться, и сколько будетъ у меня коней! На нихъ выручу много золота. Куплю большой домъ о четырехъ корпусахъ, чтобы такъ и шли четвероугольникомъ. Тогда придетъ ко

мнѣ браминъ и предложитъ мнѣ въ жены прекрасную дѣвицу съ богатымъ приданымъ. Родитъ она мнѣ сына. Я дамъ ему имя Сомасарманъ. Когда онъ немножко подрастетъ, буду я его качать у себя на колѣняхъ. И вотъ возьму я книгу, пойду въ конюшню, сяду тамъ и буду читать. Сомасарманъ видитъ меня, ему хочется покачаться у меня на колѣняхъ, онъ скользитъ изъ рукъ матери и прямехонько подъ копыта лошади. Во гнѣвѣ кричу я женѣ: «Возьми ребенка! Возьми ребенка!» А она, занявшись по хозяйству, и не слышитъ. Я вскочилъ и даю ей ногою толчекъ». И будучи погруженъ въ эти гаданія, браминъ такъ сильно лягнулъ ногою, что горшокъ разлетѣлся въ дребезги, а самого его выбѣлило всего пшенной кашею. Потому я и говорю, заключаетъ расказаикъ: кто неразумно загадываетъ о будущемъ, съ тѣмъ можетъ случиться, какъ съ отцемъ Сомасармана: будетъ выбѣленъ пшенной кашею».

«Въ Гитопадешѣ притча эта потерпѣла значительныя измѣненія. Бесѣда идетъ между министромъ Коршуномъ и его царемъ. Царь размечтался о томъ, какіе бы онъ могъ получить выгоды отъ сосѣдняго государства. «Государь», улыбаясь, прервалъ его министръ, «кто впередъ радуется себѣ тѣмъ, чего добыть не можетъ, бываетъ посрамленъ, какъ браминъ, который перебилъ горшки». «Какъ это было?»—спросилъ царь, и министръ рассказалъ слѣдующее. «Въ городѣ Девикотѣ жилъ браминъ, по имени Девасарманъ. На праздникъ весенняго равноденствія дали ему блюдо пшена, и онъ отправился съ нимъ къ одному гончару въ амбаръ, весь наполненный горшками, и, утомившись отъ жары, прилегъ въ углу и вздремнулъ, а въ рукѣ держалъ палку, чтобы охранять свое пшено, и задумался: «если продамъ это блюдо съ пшеномъ, то выручу десять копѣекъ. Куплю горшокъ и тарелокъ, продамъ и опять куплю, а тамъ стану торговать перцемъ, одежею и всякимъ другимъ товаромъ, и разбогатѣю. Тогда заведу себѣ четыре жены; младшая изъ нихъ, самая красивая, будетъ моею любимицей. Другія жены озлятся и станутъ съ нею ссориться, а я возьму палку, да вотъ такъ ихъ!» И разгорячившись онъ швырнулъ палкою, и переколотилъ въ дребезги множество горшковъ, въ томъ числѣ и

свое блюдо съ пшеномъ. Заслышавъ шумъ и громъ, прибѣжалъ гончаръ, а видя разбитые горшки, сталъ ругать брамина и выгналъ его вонъ. Потому я и говорю, заключилъ разкащикъ: кто впередъ радуется себѣ тѣмъ, чего добыть не можетъ, бываетъ посрамленъ, какъ браминъ, который перебилъ горшки».

«Въ арабскомъ переводѣ Калилы и Димны Индійскій браминъ становится отшельникомъ или инокомъ, а въ греческомъ Стефанитѣ и Ихнилатѣ—просто бѣднякомъ или нищимъ. Вотъ уже въ какой обстановкѣ и въ какомъ видѣ является наша притча въ этомъ послѣднемъ сборникѣ: «Скажи мнѣ философъ,—говорилъ царь своему совѣтнику,—чему подобенъ тотъ, который, сильно желая какой-либо вещи, прежде чѣмъ добывать её, торопится уже взглянуть на нее, какова она на самомъ дѣлѣ.—Философъ отвѣтствовалъ.— Жили, говорятъ, мужъ съ женою, и однажды мужъ сказалъ женѣ: надѣюсь, жена, у насъ родится сынъ, намъ на радость. Подумаемъ-ка теперь, какое бы дать имя.—А она*ему: перестань болтать! Вишь какъ сладко выводить, точно тотъ, у кого по бородѣ текло масло съ медомъ, а въ ротъ не кануло. Рассказываютъ объ одномъ нищемъ, какъ онъ около своей постели держалъ горшокъ съ медомъ и масломъ. Однажды ночью смекалъ онъ: «Медъ и масло продамъ; на деньги куплю десять козъ, и черезъ каждые пять мѣсяцевъ будетъ приплоду столько-же, а въ пять лѣтъ будетъ у меня ихъ цѣлыя четыре сотни. На нихъ куплю сто головъ рогатаго скота и стану обрабатывать землю. Отъ телятъ и отъ земледѣля въ пять лѣтъ я сдѣлаюсь богачемъ и построю себѣ домъ, весь золотомъ украшенный, о четырехъ корпусахъ. Накуплю невольниковъ и женюсь. Жена родитъ мнѣ ребенка и я дамъ ему имя Прекрасный. Ужъ непременно будетъ у насъ мальчикъ. Какъ слѣдуетъ, буду я его воспитывать, ну, а если будетъ полѣнливаться, я ему вотъ этой палкой такихъ надаю....» При этихъ словахъ онъ схватилъ палку и такъ хватилъ ею по горшку, что онъ разлетѣлся въ черепки, и медъ съ масломъ потекли по бородѣ. И ты—присовокупила жена, обраща-

ясь къ мужу—когда такъ говоришь, мелешь такую же чепуху» (Буслаевъ, 686).

Въ одномъ повѣствовательномъ сборникѣ XIII в., носящемъ название: «Бесѣда животныхъ отлично морализованная (Dialogus creaturarum optime moralizatus)», помѣщена притча, вполне сходная съ нашею баснею № 80-й. «Сколько безумно предаваться безопасности—поучаетъ эта назидательная книга—столько-же глупо возлагать надежду на пустяки; ибо суета суеть дѣла человѣческія, какъ сказалъ Давидъ и какъ повѣствуется въ одной притчѣ о работницѣ, которую хозяйка послала въ городъ продавать молоко, но она сѣла отдохнуть на краю ямы и стала рассчитывать, какъ на вырученныя съ молока деньги купить она курицу, курица выведетъ цыплятъ, цыпляты выростутъ курами, она продастъ куръ и заведетъ свиней; продавъ свиней, купитъ овецъ; продавъ овецъ, заведетъ коровъ. Когда она разбогатѣетъ, её сосватаетъ женихъ изъ благородныхъ и, радуясь заранѣе, она уже представляла себѣ въ какой славѣ она поѣдетъ къ вѣнцу на конѣ, а сама будетъ понукать его, покрикивая: ну, ну! И начала топтать ногою, будто въ самомъ дѣлѣ погоняетъ коня шпорами, но поскользнулась и упала въ яму, а молоко пролилось. Такъ и осталась она безъ барышей» (Разговоръ 100-й).

Въ первой половинѣ XIV столѣтія, когда инфантъ Донъ Хуанъ Мануэль составлялъ свой сборникъ притчей и повѣстей, по восточному обычаю, въ общихъ рамкахъ назидательной бесѣды между графомъ Луканоромъ (откуда и самое названіе этого сборника) и его совѣтникомъ Патроніемъ, въ Испаніи слышали уже о несбывшихся замыслахъ нѣкоторой торговли, даже называли её по имени Труханою, только разногласили въ томъ, чѣмъ именно она промышляла, когда задумала разбогатѣть. Графъ Луканоръ однажды между прочимъ сообщилъ своему собесѣднику объ одномъ выгодномъ предпріятіи знакомаго ему человѣка, которое если будетъ приведено въ исполненіе, то можетъ принести большія выгоды. «Сеньоръ графъ Луканоръ, — возразилъ Патроній, — всегда я слыхалъ, что человѣкъъ благоразумный долженъ бить на

вѣрняка, а не полагаться на авось, потому что съ тѣми, кто гоняется за мечтами, обыкновенно сбывается то, что случилось съ доньей Труханою». — «Что же это такое?» спросилъ графъ, и Патроній рассказалъ ему притчу о томъ, какъ Трухана несла однажды на базаръ продавать горшокъ съ медомъ, держа его, какъ Лафонтенева Перрета, на головѣ и размечтавшись такъ же, какъ она, сначала расчитывала купить яицъ, изъ которыхъ выведутся цыпляты и т. д., и наконецъ разбила горшокъ» (Буслаевъ, 688).

Въ 176-й ночи арабскихъ сказокъ пятый братъ тоже фантазируетъ о прибыляхъ, которыя будутъ получены имъ отъ продажи посуды; фантазіи его кончаются также, какъ и фантазіи Мелинты. Такіе-же рассказы помѣщены въ нѣмецкой народной сказкѣ: *der faule Heinz* (Grimm, *Kinderm.*, 2. 160) и во многихъ позднѣйшихъ басняхъ (Dunlop, 502. — Пыпинъ, Очеркъ, 166. — Минаевъ, Индѣйскія сказки. СПб. 1877, 21).

81. А. — Прибавить: «Мысли ветренныя»; листовая картинка, гравированная на деревѣ; текстъ и сюжетъ тѣже, что и на картинкѣ, описанной подъ № 81, съ разницею въ переводѣ (Въ собраніи В. А. Яковлева).

82. На всѣхъ не угодишь. Текстъ этой картинки есть перепечатка: предметъ басни и самая картинка заимствованы изъ басни Лафонтена «*Le paysan, son fils et l'âne*»; эта же послѣдняя взята изъ повѣсти Ганса Сакса «*Der Waldbruder mit dem Esel. Der argen Welt thut niemand recht*». У Сакса повѣсть рассказываетъ такъ: въ одномъ лѣсу жили-были старикъ со своимъ сыномъ, двадцатилѣтнимъ малымъ; изъ лѣсу на свѣтъ Божій они никогда не выходили и на всѣ вопросы молодаго о томъ, какъ живутъ и что дѣлается на свѣтѣ, старикъ отвѣчалъ: «я переселился въ лѣсъ въ то время, когда ты былъ еще ребенкомъ; я навсегда бросилъ ненавистный свѣтъ, въ которомъ нѣтъ правды и никогда одинъ не бываетъ доволенъ другимъ». Однако юноша уговорилъ отца посмотрѣть на свѣтъ Божій; они собрались въ путь, и взяли

съ собой осла. Еще въ лѣсу встрѣтился имъ солдатъ; онъ посмѣялся на то, что сами они идутъ пѣшкомъ, а осла ведутъ за собой безъ пользы. Тогда старикъ посадилъ на осла мальчика. Не успѣли они проѣхать нѣсколько шаговъ, какъ повстрѣчалась имъ старая баба, которая упрекнула мальчика за то, что онъ, молодой, покойно ѣдетъ на ослѣ, тогда какъ старый отецъ его плетется сзади пѣшкомъ. Тогда сынъ слѣзъ съ осла, а сѣлъ на осла отецъ. Затѣмъ повстрѣчался имъ мужикъ, который упрекнулъ отца за то, что онъ самъ покойно усѣлся на осла, а сына заставляетъ брести пѣшкомъ. Тогда сынъ влѣзъ тоже на осла и усѣлся сзади отца. Въ этомъ видѣ встрѣтили они нищаго; «вотъ дурачье, — закричалъ онъ, — вдвоемъ взгромоздились на бѣднаго осла и хотятъ задавить несчастную скотину». Не зная какъ угодить на всѣхъ, старикъ съ сыномъ слѣзли съ осла, взвалили его себѣ на плечи и понесли далѣе. Теперь имъ встрѣтился дворянинъ, который выбранилъ ихъ хуже прежнихъ. — «Я говорилъ тебѣ, что въ свѣтѣ на всѣхъ не угодишь», говоритъ отецъ сыну. — «Ну что-же», отвѣчаетъ сынъ, — «убьемъ осла, тогда свѣту не за что будетъ насъ бранить». — Порѣшили и сдѣлали. На крикъ околѣвающаго осла прибѣжалъ охотникъ. — «Что вы дѣлаете, скоты вы такіе, зачѣмъ вы убиваете осла: живой онъ служилъ-бы вамъ, а теперь мертвый онъ ни на что болѣе не годенъ». — «Ты правду говорилъ мнѣ отецъ на счетъ свѣта», — сказалъ тогда юноша, — «когда онъ за одинъ день столько бѣдъ заставилъ насъ вытерпѣть, что-же было бы съ нами, если бы мы остались жить въ немъ навсегда». — Съ этими словами оба ушли въ свой лѣсъ и не возвращались изъ него болѣе на бѣлый свѣтъ. У Сакса притча эта напечатана типографскимъ шрифтомъ на большомъ (двойномъ) листѣ; верхнюю часть его (почти половину всего мѣста) занимаетъ картинка, составленная изъ шести отдѣлений, на манеръ нашихъ сказокъ; въ этихъ отдѣленіяхъ представлены всѣ шесть эпизодовъ ослинаго путешествія, описанные въ притчѣ. Переводъ Сакса — другой, не сходный съ переводомъ русской картинки № 82 (Новый перепечатокъ этого листа въ книгѣ: «*Hans Sachs im Gewande seiner*

Zeit... Gotha, in der Beckerschen Buchhandlung, 1821», gr. Folio).

Гансъ Саксъ, знаменитый народный писатель XVI столѣтія, родился въ Нюренбергѣ 5 ноября 1494 года; ремесломъ сапожникъ, въ свободное-же время отъ работы занимался писаніемъ повѣстей, притчъ для народа и сатиръ на папство и на испорченность тогдашнихъ нравовъ. Притчи эти печатались имъ обыкновенно на отдѣльныхъ листахъ, съ картинкою въ заголовкѣ, на манеръ нашихъ народныхъ картинокъ; онѣ разносились по Германіи иконниками и офенями и были въ большомъ ходу даже у крестьянъ, которые наклеивали ихъ въ избахъ на стѣны и на двери. Въ 1567 году Саксъ собралъ всѣ свои сочиненія, числомъ 6048, и издалъ ихъ въ пяти книгахъ, присоединивъ къ нимъ свое жизнеописаніе (до 72 года), которое заключилъ слѣдующимъ пожеланіемъ: «благословеніе Богу, который ниспослалъ меня на землю, милостиво одарилъ человѣка, который не ученъ не только греческому, но и латинскому языку. Пусть повѣсти мои зелено растутъ и цвѣтутъ и много плодовъ приносятъ, вотъ чего желаетъ Гансъ Саксъ».

Изъ жизнеописанія Сакса мы узнаемъ, что онъ, въ 1514 году, былъ въ Мюнхенѣ въ качествѣ мастерзингера, и вслѣдъ за тѣмъ содержалъ во Франкфуртѣ первую школу; онъ былъ три раза женатъ, и умеръ 20 января 1576 года, 82-хъ лѣтъ отъ роду.

Портретъ его былъ выгравированъ на деревѣ въ 1545 году (какъ кажется Шефелейномъ); новые отпечатки со старой доски приложены къ вышеупомянутой книгѣ: «Hans Sachs. Gotha, Becker, 1821». Въ этой книгѣ Беккеръ отпечаталъ всѣ сохранившіяся до его времени оригинальныя доски иллюстрацій Сакса, съ прибавленіемъ къ нимъ текста, и въ томъ самомъ видѣ, какъ они были изданы въ первый разъ при жизни Сакса. Такъ какъ картинки Сакса по замыслу и способу изданія имѣютъ большое сходство съ нашими народными картинками, то мы приводимъ здѣсь перечень досокъ, отпечатанныхъ въ изданіи Беккера: Содомъ и Гоморра. Бѣгство Лота и грѣхопаденіе его. Давидъ, соблазняющійся на Вир-

совію. Подвигъ Юдѣи. Сусанна и старики. Судъ Данила и Данилъ во рву львиномъ. Бракъ въ Канѣ Галилейской. Добрый пастырь и пастырь худой; послѣдній въ видѣ папы, сидящаго на церковной крышѣ. Христіанское терпѣніе, въ видѣ женщины, плывущей на лодкѣ; въ нее пускаютъ стрѣлы: смерть, дьяволъ и свѣтъ. Два проповѣдника (лютеранскій и католическій), или: такъ говоритъ Господь, и такъ говоритъ Папа. Жалоба двухъ дикихъ людей (деревянныхъ) на неправды міра сего и жалоба міра на свою испорченность. Объясненіе картины Суда, написанной Апеллесомъ для царя Антіоха (двойнаго размѣра, противъ прочихъ). Молва по объясненію Виргилія; она изображена въ видѣ женщины съ крыльями, все тѣло ея покрыто перьями и глазами. Гнусный порокъ и его двѣнадцать качествъ. Жалоба истинной дружбы на христіанскій народъ. Полезный совѣтъ людямъ, хотящимъ жениться. На всѣхъ не угодишь (см. № 82). Четыре чудесныя качества вина. Хедерлейномъ меня называютъ, и всѣ забіяки меня хорошо знаютъ. Быль о миролюбивомъ дворянствѣ. Разговоръ изъ пяти порсонъ, называется совиная западня. Похвала городу Нюренбергу.—Замѣчу, что большинство этѣхъ картинокъ гравировано извѣстнымъ Гансомъ Шефелейномъ; всѣ повѣсти и притчи сочинены виршами, и отпечатаны типографскимъ шрифтомъ.

83. Снѣжный ребенокъ. Это дословная перепечатка басни А. Е. Измайлова (См. его Соч. въ изд. Смирдина, I. 107); Измайловъ-же заимствовалъ еѣ изъ «Cent nouvelles nouvelles» (Cologne 1701. № 19. «L'enfant de neige»), авторъ которыхъ заимствовалъ еѣ, въ свою очередь, изъ «Fabliaux Le Grand» (3, стр. 86. «L'enfant, qui fondit au Soleil»). Сказка эта напечатана и въ книгѣ: Hagen, Gesammt Abenteuer. Tübingen 1850, II. S. 379.

85. Повѣсть о курѣ и о льстивой лисицѣ. У меня есть еще три изданія этой картинки начала нынѣшняго вѣка; въ двухъ изъ нихъ, (a) и (b), текстъ и переводъ скопированы съ изданія (a); но тѣло ли-

сицы (въ послѣднемъ отдѣленіи), которое въ изданіи (а) все затѣнено штрихами, въ изданіяхъ (б) и (в) затѣнено только съ боковъ, середина-же его оставлена бѣлою; изданіе (б) отпечатано на синей бумагѣ, а изданіе (в), съ истертой доски, на сѣрой бумагѣ; надпись сверху—та же, что и въ изданіи (а): «повесть о куре...». Изданіе (д), въ меньшемъ размѣрѣ и съ подписью: «повесть о куре и о льстивой лисицы». Текстъ этой повѣсти представляетъ извлеченіе, съ передѣлкою во многихъ мѣстахъ самыхъ виршей, изъ сказки «о курѣ и лисицѣ», помѣщенной въ Старицкѣ Весельчакѣ (СПБ. 1790, стр. 26—42). Въ Весельчакѣ сказка напечатана на 16-ти страницахъ и поэтому втрое пространиѣе № 85. Самый сюжетъ заимствованъ изъ Фроловскаго сборника (лл. 33—52), гдѣ она помѣщена подъ названіемъ: «Куріозное дѣйствіе кура и лисицы», и далѣе: «Исторія о прекрасномъ курѣ доброгласномъ, какъ онъ прииде на покаяніе къ лисицѣ къ премудрой духовницѣ». Въ сборникѣ И. Е. Забѣлина находится такая же исторія (Пыпинъ, 293). У Афанасьева напечатана сказка, подъ заглавіемъ: «Котъ, пѣтухъ и лиса» (I. 17),—впрочемъ, несходная съ нашей; въ этой сказкѣ котъ, по приказанію стараго хозяина, стережетъ пѣтуха въ избѣ; лисица выманиваетъ пѣтуха пѣснями, горошкомъ и пшеничкой; котъ два раза выручаетъ петю изъ когтей лисы, но въ третій разъ петя попался и былъ съѣденъ ею (Афанасьевъ, IV. 12).

Повѣствованіе о шашняхъ и хитростяхъ лисицы были въ большомъ ходу на западѣ въ XVII вѣкѣ; извѣстная поэма Reineske Fuchs имѣла множество изданій и нѣсколько разъ иллюстрирована знаменитыми живописцами и граверами; аллегорическое же погребеніе лисицы изображалось въ средніе вѣка на церковныхъ барельефахъ (Champfleury, Caricatur. au Moyen âge, 29).

У Гильфердинга, въ числѣ пѣсень, приведенъ рассказъ о пѣтухѣ и лисицѣ. Лисица сманила *пѣтушкой* съ нашествия на землю и уже хотѣла порѣшить его, но сжалилась на ласковыя слова и отпустила. Пошла она на боярскій дворъ, захотѣлось ей курицу поймать; закричалъ пѣтухъ, сбѣжались дѣвки и бабы, едва не

убили лисицу; задумала лисица порѣшить пѣтуха за эту продѣлку, сманила его опять съ нашествия и задавила: «вы-де блудники беззаконники, по девяти, по десяти женъ держите»; крылушки ему обломала, перушки общипала, и съѣла. (Гильфед. 152). А Веселовскій (въ Исторіи Литерат. Галахова, 2-е изд., 510) приводитъ еще рукописную: «Повѣсть о курѣ, то есть пѣтухѣ, и лисицѣ», которая, увидавъ пѣтуха на деревѣ, принимается расхваливать его голосъ и приглашаетъ спуститься на землю, чтобы принести ей о своихъ грѣхахъ чистое покаяніе. Она—«преподобная и убогая, кроткая и смиренная вдовица, чернубурная лисица», «всѣмъ звѣрямъ и птицамъ духовница». Пѣтухъ въ началѣ не довѣряетъ *«Захарьевну»*, но потомъ послушался ея и попадаетъ къ ней въ когти. Не зная, какъ вышутаться изъ бѣды, онъ принимается рассказывать ей, будто на Крутицахъ умеръ главный пѣвчій басовщикъ и крутицкій архіерей приглашаетъ его, пѣтуха, къ себѣ на правый клирость. А когда я тамъ буду, и о тебѣ начну просить, чтобы тебя взяли въ просвири: станешь ты по вся дни печи просвиры мягкія, варить каноны сладкіе, разводить сыту медвяную, и тою сладостною пищею всѣ твои косточки и суставы наполнены будутъ. — Лисица развѣсила уши, распустила когти, а пѣтухъ взлетѣлъ на дерево. — Потому тому куру честь и хвала, а лисицѣ укоризна вѣчная, смерть и поношеніе въ роды родовъ».

86. *Лисица и журавль*. Прибавить: У меня есть еще два изданія этой картинки конца прошедшаго вѣка, скопированныя точь въ точь съ изданія № 86; только рамка въ нихъ сдѣлана изъ зигзаговъ, тогда какъ въ № 86 она прочерчена прямыми штрихами. Одно изъ этихъ изданій (б)—на синей бумагѣ 1800 года; другое (в)—на сѣрой бумагѣ 1810 г.

87. *Лисица и куклы*. Картинка и текстъ заимствованы изъ книги: «Эсоповы притчи повелѣніемъ Царскаго величества напечатаны въ Санктпетербургѣ Лѣта Господня 1717, Апрѣля въ 5 день».

16°. Впереди въ этой книгѣ помѣщено житіе Езопа, а за нимъ сорокъ притчей, съ сорока одною картинкою; наша притча помѣщена въ ней въ слѣдующей редакціи.

«2. Лісіца. Лісіца в шедши въ домъ кукольніковъ, или комедіальный, всѣ орудія его пересмотрѣла, обрѣте же тамо лярву или харю, сѣрѣчь страшіло, въ подобіи лица и главы человѣческой, изрядно устроенныя, и взявши ту въ лапы, рече: о какова глава, а мозгу въ ней нѣтъ. Прілогъ: Притча знаменуетъ тѣхъ людей, которые суть красны и веліки тѣлесы, обаче умомъ неразеудни».

89 и 90. **Старикъ и смерть.** Картинка и текстъ заимствованы изъ Езоповыхъ притчей, поименованныхъ въ примѣчаніи къ № 87, съ нѣкоторыми измѣненіями; въ притчахъ басня эта напечатана въ слѣдующемъ видѣ: «4. *Старикъ и Смерть*: Стары человекъ нарубѣвъ нѣкогда дровъ, несъ далече, и истомѣвся отъ велікаго труда, положилъ дрова на нѣкоемъ мѣстѣ, и начатъ смерть прізывать. Смерть же пришедши спросила онаго, почто еѣ прізывалъ. и старикъ внезапно ужаснувся, и отвѣчалъ, того ради прізывалъ, да бы дрова помогла миѣ нести. Прілогъ. Притча знаменуетъ, яко всякому человеку любезенъ есть животъ, хотя нищъ и слошастенъ бы кто былъ».

90. А. — Прибавить: „Притча орлы и скворцы. Въ лѣсу между полей . . . Павелъ Сумароковъ, въ Санктпетербургѣ, въ Императорской типографіи 1806 года»; двухлистоваго формата. Здѣсь напечатана вся басня Сумарокова; гравюра сдѣлана крѣпкой водкой въ академическомъ вкусѣ (Въ моемъ собраніи).

91. **Житіе Езопа.** Прибавить: Есть еще два изданія житія Езопа: а, 1-я строка 3-й страницы въ немъ заканчивается словами: «Смоквей господинъ» (Въ моемъ собраніи) и б, изданіе первой четверти нынѣшняго вѣка, съ надписью на первомъ листѣ: «1. Житіе Славнаго баснотворца Езопа. Природу вещей . . .»; текстъ не представляетъ значительныхъ измѣненій, листы пере-

нумерованы: «1—16», 3-й листъ заканчивается словами: «миѣ кто хоцешъ» (Въ собраніи П. А. Ефремова)¹⁾.

О существованіи Езопа неизвѣстно ничего вѣрнаго, многіе даже считаютъ Езопа мифомъ; въ Европѣ басни его собраны въ одно цѣлое Планудомъ, которымъ написано при этомъ и жизнеописаніе Езопа. Русскій переводъ басенъ и жизнеописаніе въ такомъ видѣ сдѣланы были въ 1608 году переводчикомъ греческихъ словъ и польскихъ, Ѳедоромъ Касьяновымъ Гозвинскимъ, въ Москвѣ (Опис. Румянц. Собр. л. 450; Собр. Сухтелена въ Пуб. Библиот. XIV F. 5). Въ 1700 году напечатано по повелѣнію Петра I-го первое изданіе басенъ, безъ житія Езопова, въ Амстердамѣ, а второе въ Санктпетербургѣ, въ 1717, какъ упомянуто выше, съ житіемъ. Въ Очеркѣ литературы русскихъ повѣстей А. Н. Пыпина подробно изложены всѣ относящіяся до этого предмета матеріалы на страницахъ: 4, 64, 70, 159, 169, 175 и 179.

Наше лицевое житіе перепечатано съ нѣкоторыми выпусками изъ 2-го Санктпетербургскаго изданія басенъ Езопа, которое, въ свою очередь, представляетъ сокращенную редакцію нѣмецкаго текста житія, напечатаннаго Симрокомъ.

Варианты между текстомъ народнаго изданія притчей, изданія 1717 года и нѣмецкаго изданія Симрока — слѣдующіе:

Стр. 280 (кн. 1, нашего текста). Во народн. изд.: «и се некто мимо есопа идоша»; въ изд. 1717 г.: «и се нѣщии . . .»; въ нѣмецкомъ же изданіи сказано, что шелъ мимо жрецъ Исида; хозяинъ Езопа названъ Агатопусомъ.

Стр. 282. Въ изд. 1717 г., послѣ слова «студентъ», поставлено въ скобкахъ: «или школяръ».

¹⁾ Есть еще полублочно издание этого житія, съ заглавіемъ «Житіе славнаго баснописца Езопа. Leben des berühmten Fabeldichters Esops. 12 листовъ in-8° вдлину; изъ нихъ 6 текста и 6 картинокъ, отпечатанныхъ въ первую годову (съ одной стороны); подъ первой картинкой помѣченъ годъ 1745, подъ 2-й 1746, подъ 3-й 1747, подъ 4-й 1748, подъ 5-й 1749 и подъ 6-й 1750 (Губерти, Матеріалы для русск. библиогр. М. 1878).

Стр. 285. Передъ § 7-мъ изъ обоихъ русскихъ изданій выпущенъ разсказъ нѣмецкаго изданія: «Ксанѳъ пошелъ впередъ и началъ на ходу мочиться; Езопъ сказалъ ему: если ты не продашь меня, то я отъ тебя убѣгу, ибо ты мочишься на ходу.—На это Ксанѳъ отвѣтилъ ему: не безпокойся этому есть три причины; во первыхъ теперь полдень и я боюсь остановившись запалить голову солнцемъ, во вторыхъ нехочу обжечь ногъ моихъ мочею, и въ третьихъ не хочу имѣть подъ носомъ вони отъ мочи.—Езопъ похвалилъ отвѣтъ».

Стр. 287. Передъ § 10 въ народн. изд. пропущено: «по днехъ же нѣкихъ, поїде . . . ».

Стр. 289. Передъ § 14 тамъ же выпущено: «Пиршеству же преставшу Схоластіцы и филозофи предложиша между собою нѣкая совпрошенія и едїнъ отнїхъ рече: когда будетъ велїкъ мятежь въ челоуцѣхъ. Есопъ же стоя создади, отвѣща: егда стануть мертвіи искати своихъ пожитковъ. И схоластіцы смѣющеса рѣша: разумень есть новокупленный сей; другїи рече: коея ради причїны овца влекома на заколенїе, молчитъ, а свїнїя вїзжїтъ. Есопъ отвѣща: овца по обычаю своему; егда доять оную и стрїгутъ, послѣдуетъ молча, чающи, что хотять ею дойти или стрїщъ. И сего ради не крїчїтъ, а свїнїя не доена ни стрїгома бываетъ, и егда оную повлекутъ, тогда и за неволю вїзжїтъ. Сїя же рекшу есопу: паки схоластіцы похвалили его» (въ изд. 1717 г., стр. 36; въ нѣмецкомъ изд. Симрока, XIII. 177).

Стр. 294. Послѣ § 18 въ русскихъ изданїяхъ выпущенъ слѣдующїй разсказъ: «послѣ бани Ксанѳъ спросилъ Езопъ: скажи мнѣ почему челоукъ послѣ испражненїя оборачивается посмотреть на стольчакъ?—Это оттого, отвѣчалъ Езопъ, что одинъ мудрецъ въ давнее время, сидя долго на стольчакѣ вмѣстѣ съ нечистотами выпустилъ и свой разсудокъ; съ тѣхъ поръ всякій и оглядывается назадъ, неоставилъ-ли онъ подъ стольчакомъ своего разсудка. Ты-же хозяинъ этого не бойся; ты не можешь потерять, чего не имѣешь» (Симрокъ, стр. 185).

Стр. 295. Въ концѣ § 20 выпущенъ слѣдующїй разсказъ, помѣщенный въ изданїи 1717 г. (стр. 55) и у Симрока (стр. 188): «но иди за врата, и ежели увїдиши двѣ вороны, скажи мнѣ (доброе бо знаменїе сїе) ащеже увїдиши едїну, то сло есть, есопъ же шедъ вїдѣ двѣ вороны, и возвести Занѳу, Занѳъ же изшедъ вїдѣтъ двухъ, и ее улетѣ едїна. Занѳу же увїдѣвшему едїную, показася тяжко рече есопу: не реклъ ли ты мнѣ проклятыи, что ты вїдѣлъ двѣ, но се едїна: отвѣща есопъ, двѣ были, но едїна улетѣла. Занѳъ же сїе токмо рече, твое дѣло, еже мнѣ насмѣхатїся, и абїе повелѣ обнажїть и бїть его. Есопу же бїему; прїиде нѣкто звати Занѳа на обѣдъ, и есопъ еще бїенъ возопи, увї мнѣ бѣдному, я вїдѣлъ двѣ вороны, и се бїемъ есмь, а ты Занѳе вїдѣвъ едїну идешъ ясти и пїти, смертное бо бѣ (по ихъ тогда нечестївому словѣрїю) таковое знаменїе: Занѳъ же есопову разуму подївїся, не велѣ къ тому бїть его».

Послѣ сего у Симрока помѣщенъ слѣдующїй разсказъ: Чрезъ нѣсколько дней Ксанѳъ приказалъ Езопу изготovitъ богатый обѣдъ. Езопъ закупилъ всякой провїзїи и принесъ домой. Жена Ксанѳова въ то время спала ничкомъ на скамейкѣ, а такъ какъ Езопу нужно было снова куда-то уйти, то онъ и попросилъ ее постеречь, чтобы провїзїю не съѣла собака. «Ступай,—сказала ему хозяйка,—будь покоенъ, посторожу, у меня на ягодицахъ есть глаза». Изготovitъ обѣдъ, Езопъ вернулся и нашелъ хозяйку въ томъ же положенїи; тогда онъ поднялъ ей платье до пояса и оставилъ спать. Когда прїшелъ хозяинъ съ гостями и, увидавши хозяйку въ такомъ срамномъ вїдѣ, набросился на Езопъ, тотъ преспоконно передалъ ему слова хозяйки и объяснилъ, что поднялъ ей платье съ тѣмъ, чтобы она могла лучше вїдѣть нижними своими глазами. «Ты большая скотина,—сказалъ ему Ксанѳъ,—я не хочу наказывать тебя ради гостей, но при первомъ случаѣ прикажу казнить тебя» (стр. 189).

Стр. 296. Въ изданїи 1717 года, послѣ словъ: «и вопроси есопъ изъ двора греческїмъ языкомъ»,—прибавлено: «Тї сїи о кїонъ: еже есть сказуется, что трясетъ песь» (стр. 57).

Стр. 296. Въ изданіи 1717 года напечатано (§ 22): «увидѣ сѣя писмѣна грѣческая. А, в, д, е, е, х. Преводнѣже да будутъ...» (стр. 60). У Симрока приведены только латинскій текстъ и буквы.

Стр. 30. Въ изд. 1717 г. пріемышъ Езопа названъ Енною, а другъ его Ерминонь. У Симрока §§ 5 и 6 (стр. 200) рассказано здѣсь гораздо пространнѣе. Пріемышъ Езопа Енусъ связался съ Езоповою наложницею и, боясь гнѣва его, оговорилъ своего усыновителя передъ царемъ Ликуріусомъ въ измѣнѣ. Ликуріусъ приказалъ царедворцу своему Ермину умертвить Езопа; но Ерминъ былъ другомъ Езопа и, вмѣсто того чтобы умертвить его, спряталъ въ пустую могилу, — имѣніе же Езопово было передано Енусу. Спустя нѣсколько времени Нектабанусъ царь Египетскій прислалъ Ликуріусу приказъ построить ему башню между небомъ и землею... Потомъ рассказано, какъ Ерминъ объявилъ царю, что Езопъ живъ, какъ Езопъ оправдался передъ царемъ по взведенному на него оговору и выпросилъ у царя прощенія своему пріемышу. Затѣмъ слѣдуютъ цѣлыхъ двѣ страницы наставленій, которыя даетъ Езопъ Енусу, и наконецъ рассказъ о построеніи воздушной башни и разговоры Езопа съ египетскимъ царемъ Нектабанусомъ: Езопъ приказалъ наловить молодыхъ орловъ; къ четыремъ изъ нихъ онъ подвязалъ корзинки, а въ корзинки посадилъ дѣтей и наклакъ мяса; дѣти манили орловъ мясомъ то кверху, то книзу. Этихъ-то строителей Езопъ привезъ къ Нектабанусу и потребовалъ матеріаловъ для постройки воздушной башни. Нектабанусъ, увидя такую находчивость Езопа, призналъ себя побѣжденнымъ²⁾. Вотъ разговоры Нектабануса

²⁾ Также самая исторія рассказывается въ повѣсти объ Акирѣ премудромъ. Царь велитъ казнить Акира, но служитель, которому это поручено, казнилъ вмѣсто него другаго, на него похожаго, а его самого посадилъ въ темницу. Между тѣмъ египетскій царь Фараонъ, услышавъ, что мудраго совѣтника Синагрипа нѣтъ болѣе въ живыхъ, шлетъ Синагрипу такое посольство: пусть пришлетъ ему мудраго дѣлателя, который построилъ бы домъ между небомъ и землею и отвѣтилъ бы на другіе его вопросы; если пришлетъ такого, то онъ обѣщаетъ платить ему дань въ теченіи четырехъ лѣтъ; въ противномъ случаѣ

съ Езопомъ: Съ чѣмъ ты меня сравниваешь? спрашиваетъ Нектабанусъ. Съ солнцемъ, отвѣчаетъ Езопъ, а окружающихъ тебя съ сіяніемъ его. — А съ чѣмъ ты сравниваешь Ликуріуса? Съ луною, и какъ солнце затемняетъ луну, такъ и твое царство заслоняетъ царство Ликуріуса. — Мнѣ привели изъ Греціи кобыль, которыя понесли отъ жеребцовъ въ Вавилонѣ, никогда не бывши въ этомъ городѣ; скажи, какъ это случилось? Я отвѣчу на этотъ вопросъ завтра, сказалъ Езопъ; — а на завтра онъ досталъ большаго кота, и началъ его бить. На вопросъ Нектабануса — за что онъ кота наказываетъ, Езопъ сталъ жаловаться, что этотъ котъ въ прошедшую ночь заѣлъ у царя Ликуріуса самага лучшаго пѣтуха. — Этого быть не можетъ, сказалъ Нектабанусъ, кошка не могла сбѣгать въ одну ночь въ Вавилонъ и прибѣжать назадъ. «Точно также, какъ и ваши греческія кобыль», отвѣчалъ Езопъ. Нектабанусъ не могъ нахвалиться мудростію Езопа.

Затѣмъ Нектабанусъ призвалъ для состязанія съ Езопомъ двѣнадцать мудрецовъ, изъ Солнечнаго града. За обѣдомъ первый мудрецъ спросилъ Езопа: я посланъ сюда самимъ Богомъ для предложенія тебѣ вопросовъ. Богъ запретилъ людямъ лгать; а

придется платить ее Синагрипу. Царь не знаетъ какъ быть; Анадонъ не даетъ совѣта, и всѣ поминають Акира. Тогда выступилъ служитель и винится передъ царемъ, что онъ, противно его велѣнію, соблюлъ Акира отъ смерти. Царь въ великой радости, Акиръ выпущенъ на свободу и идетъ посломъ въ Египетъ, гдѣ отвѣчаетъ на мудреные вопросы царя, противопоставляя имъ другіе, столь же мудреные, и такимъ образомъ доводя его ad absurdum. Такъ требованіе царя: сдѣлать ему дворъ между небомъ и землею, онъ обходитъ слѣдующей уловкой: двѣ орлицы, наученныя ястребниками Акира, взлетаютъ на воздухъ съ клѣткой, къ которой припряжены; въ клѣтку посаженъ мальчикъ и кричитъ: вотъ дѣлатели доспѣли, понесите каменіе и известь! Говоритъ Акиръ царю: повели, чтобы несли каменіе и известь, дабы не медлили дѣлатели. Какъ нести ихъ на такую высоту? отвѣчаетъ царь и принужденъ оставить это дѣло. Такой же reductio ad absurdum разрѣшается и другая задача царя: свить веревку изъ песку. Характеромъ обыкновенной загадки отличается третья: что такое: — стоитъ дубово бревно, на немъ двѣнадцать сосенъ, на каждой 30 колесъ и т. д. Бревно — это годъ, толкуетъ Акиръ, 12 сосенъ — 12 мѣсяцевъ и т. д. «И адорѣсти коноси то вѣдають». Это дѣйствительно одна изъ самыхъ распространенныхъ народныхъ загадокъ (А. Веселовскій, Исторія Русск. Лит. Галахова, 418).

потому видно одно, что ты его не боишься. Другой мудрецъ задалъ ему слѣдующую загадку: стоитъ большой храмъ, внутри большой столбъ, на столбѣ двѣнадцать городовъ, и каждый городъ покрытъ тридцатью бревнами, по которымъ двѣ женщины бѣгаютъ, не переставая. Эту загадку знаютъ въ Вавилонѣ малыя дѣти, отвѣчалъ Езопъ: храмъ—это небо; столбъ—это годъ; двѣнадцать городовъ—двѣнадцать мѣсяцевъ, тридцать бревенъ—тридцать дней, а двѣ женщины—это день и ночь. Тогда Нектабанусъ сказалъ: справедливость требуетъ, чтобы я заплатилъ Ликуріусу дань; но мудрецы просили предложить Езопу еще слѣдующій вопросъ: «что такое, чего мы не видали и не слыхали до сего времени?» Езопъ обѣщалъ приготовить отвѣтъ къ завтрашнему дню. На другой день онъ принесъ сочиненное имъ письмо, въ которомъ Нектабанусъ благодарилъ Ликуріуса за присылку тысячи фунтовъ серебра.—Мы никогда объ этомъ даже ничего и не слыхали, и серебра этого не видали,—говорятъ мудрецы и Нектабанусъ.—Если вы говорите правду, то я разрѣшилъ вашу вчерашнюю задачу, — отвѣтилъ Езопъ. Затѣмъ Нектабанусъ щедро одарилъ Езопъ и отпустилъ его къ Ликуріусу; а Ликуріусъ приказалъ поставить въ городѣ въ честь его золотую колонну.

Все это выпущено, какъ въ народномъ изданіи, такъ и въ изданіи 1717 года; §§ 27—30 въ этихъ-же изданіяхъ изложены съ большими сокращеніями противъ Симроковскаго нѣмецкаго изданія, и выпущено три притчи, которыя Езопъ разсказалъ Дельфійцамъ передъ смертію. Первая притча о глупой дѣвицѣ: у одной матери была глупая дочь; мать часто молила боговъ, чтобы они вбили въ нее хоть немного разсудка. Разъ дочь эта идетъ полемъ и видитъ молодаго пахаря, который билъ своего осла; что ты это дѣлаешь? спросила она его;—я забиваю въ него разсудокъ, а то больно дурить,—отвѣчалъ пахарь. Ахъ, милый пахарь, набей мнѣ немножко разсудка,—проситъ дѣвица; мать тебѣ за это будетъ очень благодарна.—Послѣ того, какъ пахарь понабилъ ей разсудка, дѣвица возвратилась къ матери и разсказала обо всемъ какъ было.—Ну, дочь,—сказала ей

мать,—до сихъ поръ въ тебѣ была хоть одна капля разума, а теперь ты стала совсѣмъ дура душой (стр. 212).

Другая притча: одинъ крестьянинъ состарѣлся, не видавши никогда сосѣдняго города; захотѣлось ему увидеть его. Товарищи посадили его въ телѣгу, запрягли ослъ, и сказали: «погоняй ихъ, они привыкли бѣгать въ городъ, знаютъ хорошо дорогу». Но вскорѣ сдѣлался сильный вихрь; воздухъ наполнился пылью, ослы сбились съ дороги и понесли несчастнаго прямо къ пропасти. «За что я долженъ погибнуть!»—взмолился онъ Юпитеру,—«я никогда не преступалъ твоихъ заповѣдей, избавь меня отъ злой смерти».

Третья притча: одинъ человекъ, возгорѣвшись страстью къ своей дочери, отослалъ свою жену въ деревню, чтобы удобнѣе исполнить свое желаніе. Когда дочь его понесла отъ него, то сказала: «отецъ, ты сдѣлалъ страшное дѣло, я лучше бы согласилась имѣть связь съ цѣлой сотней любовниковъ, нежели съ однимъ тобою».

Въ этихъ притчахъ Езопъ сравнивалъ себя то съ глупой дѣвицей, то съ старымъ человекомъ, пожелавшимъ взглянуть на городъ, то съ дочерью развратнаго отца; но ничто не подѣйствовало на Дельфійцевъ, и они умертвили его.

Въ изданіи 1717 года конецъ сокращенъ еще значительнѣе; послѣ словъ: «и пришедъ въ дельфы много ихъ ползоваше» (народн. изд. § 27), вмѣсто §§ 28—30, придѣланъ короткій конецъ: «сказуя дельяне же за сіе не токмо его не почтили, но облічаеми отъ него за неблагодарство ихъ разлічными баснями не стерпѣвши извѣдоша за градъ и вринувши въ глубокую пропасть вонючую, тако житіе сего и басни смертію покрыли, сами же отъ взыскавшихъ его слѣ пострадали» (стр. 75 и 76).

92. Масляница и Семикъ. Прибавить: у меня есть еще два изданія этой картинки: *в* и *г*; оба они, равно какъ и изданіе *д*, отличаются отъ изданія *а* тѣмъ, что въ открытую дверь въ первомъ отдѣлѣ не видно трехъ березокъ, которыя находятся въ изданіи *а*, отличить-же ихъ другъ отъ друга можно по 21-му отдѣленію: въ этомъ отдѣленіи земля раздѣлена на двѣ полосы

продольною чертою, въ родѣ веревки; въ изданіи *б*, какъ ипжняя полоса, такъ и верхняя заштрихованы въ одну черту; въ изданіи *с*—нижняя полоса грубо перекрещена въ двѣ черты, а верхняя тушевана въ одну; въ изданіи же *г*—обѣ полосы заштрихованы въ двѣ черты на крестъ. Масляница—последній зимній праздникъ, а Семикъ—первый весенній праздникъ, олицетворены и соединены въ народной картинкѣ вмѣстѣ. Масляница самый бѣшеный и самый разгульный праздникъ и въ городѣ и въ деревнѣ; въ это время народъ еще весь въ сборѣ, дома; въ отлучкѣ только годовики, а потому и веселиться въ деревнѣ есть кому. Въ эту недѣлю, въ особенности же въ послѣдніе четыре дня ея, вездѣ устраивались въ старину кулачные бои, приходили вожаки съ медвѣдями и бродячій кукольникъ съ своимъ *Петрушкой*¹⁾. Всѣ эти потѣхи, а равно и ряженье въ маски, такъ называемое *москолоудство*, ведутъ начало свое съ глубокой древности. Изъ посланія архіепископа Луки Жидаты видно, что *москолоудство* (т. е. ряженье въ маски) было въ обычаѣ еще въ XII вѣкѣ. Въ грамотѣ 1648 года говорится о томъ, что въ Бѣлгородѣ и другихъ православныхъ городахъ «накладываютъ на себя личины и платье скоморошное, и межъ себя наряда кобылку водятъ, учиняютъ гаданія, пляски съ медвѣдями и собаками, сурны, домры, гудки, гусли, волюнки, всякіе гудненныя бѣсовскіе сосуды и хари во всеобщихъ позорищахъ на улицахъ и поляхъ пѣсни слушаютъ богомерзскія . . . и въ кулачныхъ бояхъ между собою драку дѣлаютъ и на качеляхъ колышутся во кругъ и на веревкахъ и на доскахъ (Ивановъ, Опис. Архива, 296—8). Впрочемъ качели были уже запрещены грамотами 1649 года, потому что «многіе въ семь убиваются до смерти» (Сахаровъ, Сказанія, II.—Акты Историч. IV. 124). Литье олова, воска, скаканье на доскахъ, кулачные бои, ряженье, медвѣжья и собачья пляски запрещены были тогдаже, конечно для одной проформы; въ одной изъ грамотъ (Акты Исто-

¹⁾ О кулачныхъ бояхъ см. примѣч. къ №№ 198—201; о медвѣдяхъ съ козою—примѣч. къ № 177, а такъ-же и въ заключеніи; тамъ же говорится и о русскомъ Петрушкѣ.

рич. IV. 124) даже народныя пѣсни и праздники порицались наравнѣ съ волхвованіемъ и чародѣйствомъ.

Кукольная комедія, или такъ называемый *Петрушка*, ведетъ начало свое тоже съ глубокой древности; Олеарій, въ путешествіи своемъ по Россіи (Vern. Moscow. Reisebeschr., Schleswig 1656, стр. 109), говоритъ, что Петрушка всегда сопровождалъ медвѣжьяго вожака, а изъ приложенной при этомъ разсказѣ картинки видно, что представлялась и въ то время таже самая нехитрая комедія о покупкѣ Петрушкой у цыгана лошади, о побіеніи имъ доктора и полицейскаго, которая представлялась еще въ недавнее время подъ Новинскимъ. Устройство бродячаго кукольнаго театра чрезвычайно простое: на двухъ палкахъ развѣшивается простыня изъ крапешины, и изъ-за этой простыни кукольникъ высовываетъ свои куклы и производитъ свои представленія; аккомпаньментъ къ этимъ представленіямъ, въ древнее время (на картинкѣ у Олеарія), состоялъ изъ гусяра и гудочника, теперь оба они замѣнены шарманкой²⁾. Рядомъ съ кукольными

²⁾ Въ Бѣлоруссіи, по описанію П. В. Безсонова, бродячій кукольный театръ устраивается нѣсколько сложнѣе: «дѣлается ящикъ, въ родѣ нашего райка со стеклышкомъ, чаще съ подвижною или поднимающеюся стѣнкою, иногда-же съ дверцами; въ ящикѣ извѣстныя декорации; полъ устланъ шкурой; прорѣзаны дорожки для движенія куколъ; самыя куклы въ цвѣтныхъ доскутьяхъ, дѣйствуютъ посредствомъ проволокъ или веревочекъ, привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тѣла (какъ въ театрѣ маріонетокъ); разговоры дѣйствующихъ лицъ передаются самимъ хозяиномъ ящика или его слугою; свѣтъ въ ящикѣ падаетъ сверху; ящикъ иногда порядочно великъ, въ родѣ подвижнаго балаганчика, и носятъ его два человѣка; начало и антракты имѣютъ музыку: волюнку или скрипку; хозяинъ—антрепренеръ и товарищъ его, служитель, порою два, три служителя, иногда завѣдуетъ цѣлою компаніею. До послѣдняго Польскаго возстанія не было на Бѣлой Руси порядочнаго околodka, на который не приходилось бы хотя по одному такому подвижному балагану или ящику, наслѣдованному изъ стари, починенному или вновь сколоченному съ большими хлопотами въ теченіи Филиповокъ; нѣтъ почти мѣстности, особенно въ деревнѣ и селѣ, гдѣ бы хоть разъ въ коляду не отправлено было описанное нами представленіе въ томъ или другомъ видѣ. Любимѣйшее содержаніе этихъ сценъ, на сколько уцѣлѣли онѣ, составляетъ, во первыхъ, Бѣлорусскій *глонтъ* во всевозможныхъ его видахъ, преимущественно въ трагикомическихъ отношеніяхъ его къ *пану*, котораго онъ тѣмъ или другимъ ставитъ въ тупикъ; къ *жиду*, съ коимъ расправляется по свойски за ловкое торгашество, надуватель-

представлялись и *персонныя комедіи*; до чего эти комедіи или интермедіи были незатѣйливы, можно видѣть изъ описанія интермедіи, устроенной извѣстнымъ воромъ-сыщикомъ Ванькой-Каиномъ. Этотъ Ванька-Каинъ на масляницѣ устроилъ, близъ мытнаго двора, гору для народнаго увеселенія. Гора эта и до сихъ поръ называется Каиновой. Всю масляницу народъ катался съ Каиновой горы; въ послѣдній-же день Каинъ нанимаетъ тридцать комедіантовъ и устраиваетъ на горѣ представленіе. Два шута разыгрываютъ судъ царя Соломона. Одинъ шутъ представляетъ царя Соломона, другой, изъ фабричныхъ, воруетъ у Соломона деньги. Вора ловятъ, раздѣваютъ, надѣваютъ на него крестьянскую шапку, галстухъ и большія рукавицы, а на спину медвѣжьей шкуру, и проводятъ шесть разъ «сквозь строй», состоящій изъ 200 зрителей, которые хлыщутъ его по спинѣ метлами (розгами) до крови. За это фабричный (суконщикъ) получаетъ отъ Ваньки рубль денегъ и новую шубу.

Въ Петербургѣ, въ 1765 году, на масляницѣ былъ устроенъ на Брумбергской площади, близъ Мойки, огромный театръ, гдѣ каждый день, въ 4 часа, играло подъ открытымъ небомъ комедію общество, состоявшее изъ наборщиковъ, переплетчиковъ, фабричныхъ и другихъ мастеровыхъ; они получали за труды отъ полиціи по 50 коп. на человѣка за каждый разъ (Штелинъ, СПБ. Вѣстн., Сент. 1779. 173). На нашихъ картинкахъ масляница справляется въ селѣ Покровскомъ; въ историческихъ опытахъ И. Е. Забѣ-

ство и неоплатные свои долги; къ доктору и учителю, которые въ дуракахъ передъ цѣльною натурою крестьянина; къ *женѣ*, которая наказана за вѣроломство, или наказываетъ мужа за корчму; нужно только сказать, никогда почти не выставлено дурное отношеніе между крестьяниномъ и *духовенствомъ*, — къ чести того и другого; далѣе — Еврейскій *шабашъ*; степенность и неуклюжесть *Литвина*, и т. п. Изъ старыхъ исторически-сказочныхъ — сцена *Соломона* и *Морольва* (она-же самый древній печатный тискъ Кракова), конечно обезображенная, гдѣ релъ Китовраса Морольва и Дѣтины Повареннаго — по чернотѣ своей — замѣщаетъ цыганъ, т. е. въ родѣ нынѣшняго нашего *Петрушки*, совмѣщающаго крохи той же исторіи съ образами Пьеро и Арлекина. Наконецъ ближе къ быту выставляются продѣлки простаго цыгана съ лошадыю; тѣ-же на сценѣ журавли, медвѣди и т. д.» (Безсоновъ, Бѣлорусскія пѣсни. Москва. 1871, I. 99).

лива (II. 470) подробно описаны увеселенія, происходившія въ этомъ селѣ на масляничной недѣлѣ въ 1763 году. Кромѣ ледяной катальной горы и качель, устроены были: кегли, карусели, доска для скаканья и разныя увеселенія; все это стоило болѣе 18,000 руб. Катальныя горы въ послѣдствіи были отданы на откупъ съ тѣмъ, чтобы съ оныхъ дозволено было кататься дворянству, купечеству и всякаго чина людямъ, *кромѣ подмыхъ* (II. 479). Затѣмъ ледяныя горы переведены были сперва на Москву рѣку, потомъ подъ Новинское и наконецъ на Дѣвичье поле.

Что касается до Семика, который бываетъ на 7-й недѣлѣ послѣ поста, — отъ нее онъ и получилъ свое прозваніе, — то въ этотъ день погребали тѣла умершихъ, скопившіяся за зиму при убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ говоритъ Стоглавъ (вопросъ 23), по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, «и егда учнутъ скоморохи и гудцы и прегудницы играти, они-же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити» (Стоглавъ, вопросъ 23). Въ Семикѣ дѣвушки завиваютъ вѣнки и вѣшаютъ ихъ на березки: чей вѣнокъ до Троицына дня разовьется, той и выдти въ томъ году замужъ. Такая березка съ завитыми вѣнками приносилась въ Троицынъ день въ избу; въ городахъ, въ этотъ-же день, всѣ дома превращались въ березовую рощу. Въ послѣднее время, въ видахъ лѣсосбереженія, привозъ березокъ (идущихъ въ деревняхъ милліонами на метлы и на хворостъ, въ нечѣ) въ городъ запрещенъ (Сравни тоже о собачкахъ въ примѣч. къ № 177).

Въ Москвѣ гулянье въ Семикѣ справлялось въ Марьиной рощѣ, принадлежащей гр. Шереметеву (что за Крестовской заставой); она называлась въ 1665 году Князьковлевской (по имени кн. Черкаскаго), а въ 1676 и въ 1677 гг. Марьицкою. Въ ней ставили шатры, въ которыхъ цари переодѣвались при походахъ своихъ къ Троицѣ (Выходы Царей, Строева; Алфав. 51). Съ 1877 года гулянья эти настоящимъ владѣльцемъ рощи запрещены.

95. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе (i) этой картинки, скопированное точь въ точь съ Чуваевскаго; первая строка текста заканчивается такъ: «её поималъ».

96. По старинѣ. Олеарій и Корбъ говорятъ, что хозяйка дома должна была, поднося вино и напитки, поцѣловать почетнаго гостя въ губы. Такой обычай былъ не въ укоръ въ то время, потому что, по русской пословицѣ: «поцѣлуй въ пазуху не лѣзетъ» *). Наша картинка сдѣлана съ иностраннаго образца, что можно замѣтить изъ того, что одинъ изъ гостей сидитъ за трапезой въ шляпѣ, о чемъ въ древнемъ русскомъ обиходѣ, какъ замѣчаетъ И. Снегиревъ, нельзя было и подумать (Снегиревъ, Лубоч. картин., 17). Подробныя указанія о томъ, какъ ѣли наши предки въ XVII вѣкѣ можно найти во II томѣ Актовъ историческихъ (про царей); перечень обиходнаго боярскаго стола XVI в. находится въ приложеніи къ Домострою (Временникъ Истор. Общ., 1850. V); о томъ, какъ ѣли монахи и чего имъ хотѣлось поѣсть, видно изъ текста картинки № 174.

97. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе (ii), скопированное точь въ точь, но на оборотъ: второй кавалеръ стоитъ слѣва; изданіе конца прошедшаго вѣка.

97. А. — Таже картинка, только переводъ состоитъ изъ четырехъ персонъ; текстъ тотъ-же, но надпись другая: «знай всякой самъ себя, и указывай своему дому»; 1810—1820 годовъ (въ моемъ собраніи).

99. Славный объедало. Сочиненіе скопировано съ французской каррикатуры: «Le Ci devant Grand Couvert de Gargantua Moderne en famille!!!!!!» (Jaime, Musée de caricature, vol. I. pl. 10 g). На французской карриктурѣ въ видѣ Гаргантюа пред-

*) Замѣтка И. М. Снегирева (Русскія пословицы, II. 119).

ставленъ Лудовикъ XVI ¹⁾; онъ сидитъ за столомъ; справа его семейство. Множество прислуги несетъ къ столу разную провизію: жареную птицу, рыбу, пироги, омаровъ; работникъ и работница взбираются по лѣстницѣ, приставленной къ столу (какъ и въ русской картинкѣ), и ссыпаютъ изъ крошней на блюдо золото и ассигнаціи. Король поднятъ на вилкѣ цѣлаго поросенка; передъ нимъ большое блюдо жареныхъ сердець; внизу подпись: «Gargantua a son Petit Couvert», и стихи:

«Que dans un seul repas il consume de Viures!
Un boeuf pour lui. N'est qu'un lapin,
D'un coup u Uuide Un muid de vin,
Il ne fait qu'un morceau d'un pain de douze liures.
Qui diable d'un pareil Cadet
Voudrait etre obligé de remplir la bedaine?
Jaimerais presqu'autant Saóuler Une douzaine
De jeunes Clercs du Châtelet.

C. Duer inv. — C. Dumonstier sculpsit. — Se Vend à paris chez charle Dumonstier graueur Rue mondetour au evin de la rue de la chanverrie au 4-e et Presentement chez Danisi rue St Iacques a Paris ²⁾. — Avec permission de Mr Herault ³⁾.

Въ русской картинкѣ семейство Гаргантюа выпущено, объедало пожираетъ провизію одинъ; выпущена тоже и королева,

¹⁾ Говорятъ, что Рабле написалъ своего Гаргантюа, имѣя въ виду Герцога Jean d'Albert'a, безобразнаго пьяницу, который расхаживалъ по своимъ поданнымъ и напивался до безчувствія (Dunlop, 326).

²⁾ Этотъ второй адресъ прибавленъ впоследствии и обозначаетъ 2-е изданіе.

³⁾ Есть еще французская карриктюра на эту-же тему: «Mylord Richerpanse et mylédís Gloutonne à la renommée des têtes de veau à la Frémont du Puits Certain. Rue Serpente № 14. Déposé»; на ней представлены: Лудовикъ XVI, королева и Mademoiselle, объедающіеся телячьими головками подъ раковымъ соусомъ.

представленная на французской каррикатурѣ сзади короля, съ стаканомъ въ рукѣ, въ который Булье цѣдитъ кровь изъ горла работника; подробности тоже переименованы на русскій ладъ. Людовикъ XVI пользовался славою большого обжоры; въ Музеѣ карикатуры Жема есть еще двѣ хорошія карикатуры на него по этой части: одна—подъ названіемъ «Le Gourmand Scène à Vaugennes 21 Juin 1791», гдѣ Людовикъ пожираетъ свинную голову (I, pl. 45 g); другая—на которой Людовикъ представленъ по поясъ въ бочкѣ съ виномъ, а Генрихъ IV спрашиваетъ «Ventre St pris ou donc est mon petit fils Louis!!» (II. 164 g).

Въ англійскихъ народныхъ листкахъ есть исторія своего туземнаго объѣдалы: «The great eater of Kent or past of the admirable teeth and stomach Exploits of Nicholas Wood, of Harrisson. . . by John Taylor. London 1630» (Hindley, The old book collect. Lond. 1873. 3 vol). Этотъ господинъ съѣлъ за разъ цѣлаго барана, за котораго было заключено 16 шиллинговъ; осталась одна шкура, шерсть, рога, да кости.— Наши русскіе обжоры ничто въ сравненіи съ англійскими и американскими обжорами, которые заявили такія необычайныя способности своего брюха во время всемірной Филадельфійской выставки (это Щербининскіе жрецы въ полномъ смыслѣ), когда они съѣдали по цѣлому барану и вышивали по нѣскольку ведеръ пива на чело-вѣка. Въ нашихъ сказкахъ всѣ богатыри объѣдаются и описываются; идолище представляетъ апофеозисъ обжорства, дружку которому можно подыскать только въ индѣйскихъ и монгольскихъ легендахъ. Крайнимъ обжорствомъ отличались и наши предки въ XVII и XVIII вѣкахъ, да и самъ Петръ и его приближенные. Такъ, на примѣръ, во время пребыванія своего въ Англии, Петръ остановился въ гостинницѣ въ Годельмингѣ, съ своею свитою, самъ 21; за *завтракомъ* было съѣдено ими: полъ барана, четверть ягненка, десять куръ, двѣнадцать цыплятъ, семь дюжинъ яицъ, и выпито три кварта коньяку и шесть квартъ глинтвейну; за *обѣдомъ* они съѣли: $1\frac{1}{4}$ пуда говядины, цѣлаго барана ($1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ), $\frac{3}{4}$ ягненка, плечо и филе телятины, 8 куръ, 8 кроли-

ковъ, и выпили 54 бутылки столоваго вина и 12 краснаго (Статья И. Фирсова: Древ. и Нов. Россія 1877, IX. 77). Петръ постоянно пилъ много; случалось, утверждаютъ англійскія газеты, что онъ выпивалъ поутру кружку коньяку и бутылку хересу, а послѣ обѣда до восьми бутылокъ столоваго вина—и, какъ ни въ чемъ небывало, отправлялся въ театръ. Съ Кормартеномъ онъ часто проводилъ вечера, попивая *perreg and brandy* (коньякъ на перцѣ); особенно полюбился Петру крѣпкій напитокъ, изобрѣтенный какимъ-то спекуляторомъ подъ именемъ *Nectar Ambrosia*; Петръ закупилъ его достаточное количество (статья И. Фирсова въ Древней и Новой Россіи 1877, IX. 75). Во время переѣздовъ Екатерина то и дѣло присылала Петру *крѣпшша*. Одинъ изъ старообрядцевъ увѣрялъ насъ, что картинка «объѣдало» составлена на его личность; другіе-же говорятъ, что объѣдало представляетъ знаменитаго Таврическаго князя Потемкина, который въ дѣдѣ отличался рѣдкою прожорливостью: помимо обычныхъ блюдъ, которыя онъ пожиралъ съ одинаковымъ аппетитомъ, какъ самыя дорогія, такъ и самыя дешевыя, онъ еще постоянно лакомился пирожками и бисквитами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ, даже у постели (Русская Старина, кн. IV: Путешествіе Вил. Кокса).

99. На страницѣ 314, вмѣсто № 99, поставитъ — 99 А, — и прибавитъ: въ моемъ собраніи есть еще изданіе *ж* этой картинки, отпечатанное доскою изданія *д*, пройденною вновь рѣзцемъ.

99. Б. — Въ моемъ собраніи есть еще другой переводъ этой картинки — копія съ № 99, съ подписью: «Славной объѣдала и Веселой подпивала», и съ сокращеннымъ текстомъ. Гравюра на мѣди, конца прошедшаго вѣка.

101. Пляска. По духовнымъ правиламъ пляска считалась дѣломъ позорнымъ и проклятымъ, и съ давнихъ временъ подверга-

лась порицанію со стороны духовныхъ писателей, наравнѣ съ игрою въ карты и музыкой. Въ Великомъ зеркалѣ помѣщены статьи: о еже не мня быти грѣхъ, кто играетъ картами и шахматы, и прочими *катырскими* играми (гл. 60); о еже не глумиться и играми не забавлятися (гл. 120), о пляшущихъ и танцующихъ, и како пляшущіе въ нощи Рождества Господа нашего І. Х. въ проклятій цѣлый годъ плясаша (гл. 160). Плясаніе осуждается и въ главахъ 826—833, «како зла вещь есть плясаніе, и колько есть мерзко предъ Господемъ, отъ видѣнія является» (Пыпинъ, 201).

Въ древности святые отцы были еще строже къ этимъ забавамъ; о пляшущихъ и занимающихся музыкою «рече святыи Нифонтъ: яко же труба гласящи собирають вой, молитва же творима совокупляють ангели Божія, а сопѣли, гусли, пѣсни неприязньскы, плясанья, плесканья собирають около себе студныя бѣсы, держай же сопѣльника, въ сласть любяи гусли и пѣнья, плесканья и плясанья чтитъ темнаго бѣса, иже желаетъ и тщитъ пожрети весь міръ» (Памятники старин. рус. литерат., вып. I, стр. 207). Въ другомъ рукописномъ сборникѣ разсказана на устрашеніе плясуньямъ слѣдующая легенда: «Дѣвка нѣкая во дни святыя, егда паче слово Божіе проповѣдается, обаче въ играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребываше, и нѣкоего дни от заутра даже и до вечера въ гуменихъ и в танцѣхъ пребываше». Возвратившись домой, она уснула и во снѣ была восхищена отъ бѣсовъ, которые опалили ей на головѣ всѣ волосы, покрыли тѣло ея вередями, а одинъ демонъ ей «главно горячую в уста вонзе и рече: имѣи сіе за пѣсни и за танцы и прелестныя ризы, ризы же ея ни слѣду опаленія пріяша». Когда она проснулась и разсказала всѣмъ бывшее съ нею, былъ призванъ священникъ, и на исповѣди «ни единого смертнаго грѣха обрѣте, едино се, еже все тщаніе имѣ танцевати и пѣсни пѣти» (Памятники старин. рус. литературы, вып. I, стр. 209). Но книжныя угрозы этѣ оставались въ безсиліи и жизнь шла своимъ чередомъ, невнимая духовноспасительнымъ воплямъ. По указу Петра приказано было танцовать

всѣмъ російскимъ дѣвицамъ, начиная съ 14-ти лѣтняго возраста, подъ страхомъ жестокаго наказанія, — а затѣмъ заплясали и наши Императрицы. Особенно отличалась въ танцахъ Елизавета Петровна, которая при этомъ очень любила танцовать за мушину; рядилась въ мужское платье въ маскарадахъ и Екатерина II-я, а въ 1764 году великій князь Павелъ Петровичъ явился публично въ балетѣ Адисъ и Галатея и, въ роли бога Гименея, «искусными и благородными танцами своими удивилъ всѣхъ зрителей» (Штелинь, СПбургск. Вѣстн. 1779, Сентябрь. 169).

О русскомъ танцѣ своего времени академикъ Штелинь говоритъ слѣдующее: «простой русскій танецъ хотя есть древняго славянскаго происхожденія, однако-же онъ имѣетъ нѣчто и *татарское*. Съ танцами прочихъ *европейскихъ* народовъ оный ни въ чемъ не сходствуетъ, ибо не состоитъ ни въ топаньи, ниже въ прыганьи, но единственно въ нѣкоей нѣжной и тихой, со стороны женщины, походкѣ, а со стороны мужчины въ нѣкихъ наклоненіяхъ и выправленіяхъ, или въ нѣкоей присядкѣ, дѣлающейся посредствомъ скорого выворачиванія и сжиманія колѣнъ. Кто *Китайцевъ*, *Бухарцевъ*, *Мунгалъ* и *Татаръ* танцующихъ видѣлъ, тотъ легко можетъ примѣтить, что въ русскихъ танцахъ есть нѣчто взятое изъ танцевъ сихъ народовъ. . . . Во время царя Алексѣя Михайловича въ Россіи не знали и не употребляли другихъ никакихъ кромѣ природныхъ танцевъ; однако же при его уже дворѣ иногда танцовывали веселые *украинскіе* и важные *польскіе* танцы, для которыхъ тогдашнее длинное русское платье весьма хорошо было. Въ 1767 году балетмейстеръ Анжоліни, который имѣлъ случай, живя въ Москвѣ, узнать всѣ роды русскихъ танцевъ «дабы показать пріятство ихъ, сочинилъ огромный въ русскомъ вкусѣ балетъ, и въ музыку онаго вмѣстѣ русскія мелодіи, симъ новымъ ума своего произведеніемъ удивилъ всѣхъ и приобрѣлъ всеобщую себѣ похвалу». Уже въ началѣ царствованія Петра Великаго перестали при дворѣ и въ знатныхъ домахъ танцовать *русскіе* танцы и носить долгое платье, вмѣсто

котораго «сей государь введши иностранное, съ онымъ ввелъ и иностранные танцы, яко то: нѣмецкіе, англійскіе, а послѣ и французскіе, которые удивительно скоро пришли въ славу, ибо при немъ уже вмѣняли въ стыдъ благороднаго рода женщинамъ и мужчинамъ, если они не могли порядочно протанцевать минуэта, контретанца или польскаго. Во время же царствованія императрицы Елизаветы Петровны искусство танцеванія до такого совершенства доведено было, что г. Ланде, одинъ изъ первыхъ французскихъ балетмейстеровъ, публично говаривалъ: «кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и непринужденно менуэты танцевать надобно, долженъ приѣхать къ Императорскому Россійскому Двору». «Сіе изрѣченіе конечно не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елизавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору примѣръ правильнаго и нѣжнаго танцеванія; она также чрезвычайно хорошо танцевала и природные русскіе танцы, которые хотя, какъ выше сказано, вообще и не употребляются больше при дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однако-же иногда, а особливо во время придворныхъ маскарадовъ, ихъ танцуютъ. Всѣ роды европейскихъ танцевъ не могутъ сравниться съ природнымъ *русскимъ*, когда его прекрасная русская дѣвушка, въ русскомъ своемъ платьѣ танцуетъ, и смѣло сказать можно, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти. Почти всякій годъ императрица Анна Іоанновна, во время придворныхъ веселостей, бывающихъ о масляницѣ, изволила приказывать быть при оныхъ гвардейскимъ унтеръ-офицерамъ съ молодыми ихъ женами, между которыми бывали совершеннѣйшія танцовщицы, дабы имѣть удовольствіе видѣть ихъ танцующихъ русскіе танцы; съ ними иногда также танцовывали и придворные кавалеры» (Штелинь, СПб. Вѣстникъ 1779, Октябрь. 243).

Рядомъ съ разными заморскими нововведеніями, появился въ Россіи и балетъ; онъ такъ понравился нашимъ предкамъ, что они стали обучать балетнымъ танцамъ своихъ *крѣпостныхъ двоекъ* и устраивать изъ нихъ крѣпостные балеты. У Мельникова «Въ

Лѣсахъ» весьма ярко рассказаны подвиги тогдашнихъ помѣщиковъ по этой части. Впрочемъ и высшія власти подавали имъ въ этомъ хорошій примѣръ; такъ напримѣръ, императрица Елизавета Петровна, услышавъ объ оригинальности Камчадалскихъ танцевъ и пѣсенъ, приказала привезти ко двору шесть Камчадалскихъ дѣвушекъ; посланъ былъ за ними особый фурьеръ, Шахтуровъ; выбрали шесть дѣвицъ самыхъ красивыхъ и изъ самыхъ почетныхъ семействъ; везъ ихъ Шахтуровъ по Сибири цѣлый годъ, и такъ за ними ухаживалъ, что всѣ шесть еще въ Сибири *разрѣшились отъ бремени* (Древ. и нов. Россія 1877, II. 224).

Дѣйствующія лица на нашей картинкѣ № 101 танцуютъ вѣроятно одинъ изъ танцевъ Елизаветинскихъ временъ: *матрадуръ*, *менуэтъ*, *манимаску* или *цавотъ*.

Дама Арина и плясунъ-музыкантъ (на гитарѣ) — послѣдній справа — скопированы, въ увеличенномъ размѣрѣ, съ *Ricciolina* и *Mezetin* изъ № 8 «*Balli di Sfassania*», гравированныхъ Каллотомъ; полишинель, пляшущій между ними, передѣланъ изъ *Capitano Cardoni* тѣхъ-же «*Balli*» № 22; арлекинъ, ввизу, упражняющій музыкантшу заиграть бычка, передѣланъ изъ *Capitano Cerimonia* № 3 «*Balli*». Первая нѣмецкая труппа буффъ съ Гельфертингомъ въ роли Панталона и Сколяри въ роли Арлекина и въ костюмахъ подобныхъ тѣмъ, которые мы видимъ на картинкѣ № 101, появилась въ Петербургѣ въ 1757 году (Штелинь, СПб. Вѣстникъ 1779 г., Сентябрь. 163). Иностранные танцы введены были при дворѣ и въ барскихъ домахъ еще ранѣе.

На картинкахъ №№ 100 и 101 представлены двѣ женщины, играющія на *рыле*. Въ № 101 это *рыле* имѣетъ видъ савоярдскаго ручнаго органчика *Leyer* (*Leyermann*) или *Vicille*¹⁾; наша музыкантша вертитъ одною рукою ручку органчика, а другою пе-

¹⁾ Віало или фіоль, извѣстное у насъ уже въ XVII вѣкѣ. Въ разрядныхъ записяхъ 1676 г. говорится, что въ Преображенскомъ играли для потѣхи Петра иноземцы комедію Алаферна «и въ органы играли и на фіолахъ и на струментахъ и танцевали» (Штелинь, СПб. Вѣст. 1779, IV. 84).

ребираетъ по грифу; это и есть настоящее *рыле*, на которой играютъ и въ настоящее время въ Малороссіи *лирники* или *рылейщики* (см. въ Живописной Украинѣ Жемчужникова портретъ лирника Дмитро съ рисунка Кулиша). У другой музыкантши, на № 100, рыле имѣетъ видъ *цитры* или маленькихъ гуслей²⁾, и лежатъ они у ней на колѣнахъ; музыкантша перебираетъ по струнамъ пальцами. *Гусли*, всесвѣтнѣйшій инструментъ, представляютъ лежачую арфу съ декою снизу; её кладутъ на колѣна, а играютъ съ одной верхней стороны; струны въ нихъ металлическія и натянуты на колкахъ, какъ въ фотепіано. Сложныя гусли имѣютъ до пяти октавъ; *дѣзы* (полутонныя струны) натянуты въ нихъ пониже *мажоровъ* (на полъ-пальца); при этомъ вверху, на свободномъ треугольничкѣ деки, натягивается еще рядъ струнъ, составляющихъ дополнительные дисканты (нѣмецкій Гакебретъ);—въ простыхъ гусляхъ только 17 струнъ. Видоизмѣненіе гуслей представляютъ *цимбалы*, на которыхъ играютъ палочками или молоточками, и *цитра*. Въ этой послѣдней струны частью металлическія, а частью кишечныя; играющій надѣваетъ на большой палецъ правой руки желѣзное кольцо съ *ногтемъ*, которымъ и играетъ по металлическимъ струнамъ мелодію, а на кишечныхъ перебираетъ пальцами акомпанементъ (См. II. 487). Гусли извѣстны были у насъ на ряду съ органами съ глубокой древности. Преподобный Θεодосій, вошедъ въ храмину, гдѣ обѣдалъ кн. Святославъ Ярославичъ, «видѣ многыя играющыя прѣдъ нимъ овы *гусльныя* гласы испущающы другыя же *оранныя* гласы поущы, и нѣмъ мусикинскыя (замърныя) писькы гласящымъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимъся, яко же обычай іестъ прѣдъ княземъ» (Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, II. 2. 192). Въ поученіи преподобнаго Θεодосія Печерскаго—«діаволъ лститъ... скоморохи, *гусльми*, *сопльми* и всякими играми» (Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, т. II. в. 2. 195; то же: Тихонравовъ, Лѣтописи, IV). На фрескахъ Кіевского собора, на

²⁾ По мнѣнію Кугача (Опис и повѣстъ народныхъ гласбала юго славена)—гусли (по чешски housle=скрипка) изобрѣтены Славянами.

лѣстницѣ, въ числѣ скомороховъ представлены два музыканта съ трубами, и одинъ играющій на четырёхугольныхъ гусляхъ, поставленныхъ вертикально, въ видѣ арфы; тутъ же представлена женщина, играющая на гитарѣ (торбѣ), и двое пласуновъ, изъ которыхъ одинъ въ тоже время играетъ на флейтѣ, а другой бьетъ въ тарелки. Въ нашихъ былинахъ Добрыня Никитичъ и Ставръ играютъ на *гусляхъ* яровчатыхъ; Ставръ «натягивалъ тетивочки шелковыя на тыя струночки золоченыя» (Рыбн. I. 136. 149. 167; II. 31), а у Добрыни гусли были вдѣланы въ лукъ.

102. Пласунъ и скоморохъ. Пласунъ пляшетъ бычка, онъ-же трепакъ или камаринская; объ этомъ танцѣ говорится въ заключеніи. Названіе бычка или трепака пляска эта получила потому, что въ ней пласунъ собственно не танцуетъ, а *трепляется* и *бычкомъ* выдѣлываетъ разныя колѣнца и выверты, для которыхъ въ народномъ языкѣ есть цѣлый рядъ техническихъ названій*). Ко-

*) Еще зовется эта пляска разгульнымъ именемъ камаринской; названіе это она получила повидимому или отъ заглушной Камаринской дороги, или отъ извѣстной «забѣлыми людьми» Камарицкой волости. Камаринская, или точнѣе Камарицкая дорога идетъ отъ Рязани по полямъ и лѣсамъ, не касаясь деревень; на перекресткахъ ея съ другими дорогами поставлены пятницы, т. е. часовни съ иконами (Макаровъ, 22). Камарицкая волость упоминается въ статьяхъ о сыскѣ бѣглыхъ людей и крестьянъ, данныхъ сыщикамъ, отправленнымъ въ города Бѣлгородскаго вѣдомства (Полное собраніе законовъ, № 1645, 1698 года). Изъ этихъ статей видно, что изъ Камарицкой волости много народа бѣжало Бѣлгородскаго полку въ украинныя городахъ. При этомъ «Камарицкихъ бѣглыхъ солдатъ», которые «написаны въ службу», рѣшено оставить на мѣстахъ,—тѣхъ изъ нихъ, которые «живутъ въ городахъ, укрываясь и переходя, а въ службу никакую не написаны, тѣхъ написать въ службу; тѣхъ же, «которые живутъ за вотчинники и за монастыри, и тѣхъ съ женами и съ дѣтьми сводить въ Камарицкую волость на прежнія ихъ жилища»; наконецъ: «которые бѣглыхъ камарицкихъ солдатъ бѣглыя жены, вдовы и дочери и свойственницы вышли замужъ за помѣщиковыхъ и вотчинниковъ крестьянъ, и тѣхъ крестьянъ, по тѣмъ вдовамъ, съ женами ихъ и съ дѣтьми и съ животы и съ хлѣбомъ стоячимъ и съ молоченнымъ изъ за тѣхъ помѣщиковъ въ Камарицкую волость выводить, и велѣтъ имъ быть въ службѣ и въ тягѣ на тѣхъ жеребьяхъ, на которыхъ были прежніе мужья ихъ написаны, или гдѣ пристойно; а по дѣвкамъ тѣхъ помѣщиковыхъ крестьянъ не выводить, а имѣтъ на тѣхъ помѣщикахъ и вотчинникахъ выводъ за дѣвку по 10 рублевъ».

лѣнца эти и самый танецъ чрезвычайно ярко описаны въ «Садко Новгородскій Купецъ» гр. Толстаго. — Садко попалъ въ царство къ водяному царю, который приказываетъ ему поиграть на гу-
сляхъ:

„Ударилъ Садко по струнамъ трепака,
Самъ къ чорту шлѣтъ царскую ласку,
А царь, ухмыляясь, *упѣрся въ бока,*
Готовится, дрылая, въ пляску.
Сперва лишь *на мѣсть поводитъ усомъ,*
Щетинистой бровью *киваетъ.*
Но вотъ *запыхтѣлъ* и надулся, какъ сомъ,
Все болѣ его разбираетъ;
Пожаживать началъ, плечми шевеля,
Подпрыкивать мимо царицы,
Да вдругъ какъ пойдетъ *выводитъ вензеля,*
Такъ всё затряслись половицы,
Пустился *на вывертъ* пятами *мѣситъ,*
Закидывать ногу за ногу;
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядѣтъ индо страшно, ей-Богу!
То, *выпятя грудь,* на придворныхъ онъ *прѣтъ,*
Ломаетъ колѣнца и взадъ и впередъ,
Валяетъ заребомъ и скокомъ;
И все веселѣй и привольнѣй ему,
Колѣнца выходятъ все *круче,*
Отчаяннѣй бьетъ пятернями Садко,
Царь бѣшенный *мѣситъ ногами;*
Въ присядку понесъ его чортъ *ходуномъ,*
Онъ *фыркаетъ,* пышетъ и дуетъ.
Гремитъ плясовая, колеблется домъ.
И море реветъ и *бушуетъ.*»¹

104. Азъ есмь хмѣль. Текстъ картинки заимствованъ изъ старинной легенды о хмѣлѣ, которая напечатана въ Памятникахъ ста-

ринной русской литературы гр. Куселева; въ ней разсказывается, что: жилъ нѣкій человекъ въ дебрѣ, и не стало у него пищи, и пошелъ онъ искать чего нибудь себѣ въ снѣдь, и нашель траву, у которой сорвалъ смоквицу, — и начала трава та ему говорить: «Азъ есмь хмѣль . . .» и т. д., почти тоже самое, что говорится въ народной картинкѣ № 104. Въ концѣ хмѣль говоритъ человеку (въ легендѣ): «отложи прочь отъ себя смоквицу сію, якоже еси сорвалъ, да не увидиши зла надъ собою» (I. 449). Человекъ тотъ бросилъ смоквицу на землю и ушелъ въ свою хижину, размышляя о великомъ вредѣ вина. Въ сборникахъ XVII вѣка встрѣчается много вариантовъ этой легенды; они перечислены и разобраны въ Очеркахъ Буслаева (I. 558 и слѣд.). Въ одномъ изъ нихъ разсказывается, какъ человекъ нѣкій, поймавъ *хмѣля*, связалъ ему руки и ноги и сталъ допрашивать: «повѣдай мнѣ свой родъ и славу и всё твой козни?» На это хмѣль отвѣчаетъ: „Азъ . . . силенъ и богатъ; добра у себя никакого неимѣю, а имѣю ноги тонки, а утробу прожорливую, а руки мои обдержатъ всю землю» и т. д., — въ томъ же родѣ, какъ и въ народныхъ картинкахъ №№ 104—107; легенда кончается тѣмъ, что этотъ нѣкій человекъ хмѣля отъ узъ разрѣшилъ и отпустилъ къ его поспѣшнику, пьянственному бѣсу. Легенды о происхожденіи вина и винокурения попадаются тоже во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII и XVIII вѣка (Буслаевъ, Очерки, I. 560. — Востоковъ, Рум. муз., СССLXIII. л. 410 и 412).

Первымъ «упившимся отъ вина» былъ Ной; по апокрифическимъ рукописямъ и преданіямъ упивался онъ два раза, — до потопа, и послѣ онаго. Въ лицевой Библии XVII вѣка, принадлежащей гр. Уварову, есть двѣ картинки, относящіяся къ первому упитію Ноя: 1-я (л. 21) — «и прииде сатана къ женѣ Ноевѣ і пренесе ветвь хмѣлевую і рече ей в семъ овощу сотвори квасу и дай мужеви своему і допроси у него куды онъ отъ тебя ходитъ»; копія съ этого рисунка приложена къ I-му тому Очерковъ Буслаева (стр. 440). На второмъ рисункѣ (л. 22) Ной бесѣдуетъ «з женою своею и рече жена Ноеви повѣждь ми господине куды ходиша, и Ной

повѣда женѣ своей», а сатана слушаетъ у окошка. На 3-мъ рисункѣ (л. 23) изображенъ разоренный ковчегъ, съ подписью: «Прииде Ной на гору и виде ковчегъ, разоренъ и нача плакати і ангель Господень даде ему древо а ему рече за что повѣдалъ еси дѣло свое женѣ своей»¹⁾.

Въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I. стр. 137), о происхожденіи винокурения рассказывается въ слѣдующемъ видѣ: Сатана назвалъ одного изъ своихъ бѣсовъ «пьяный еси бѣсъ, возлюбленный мой» и приказалъ ему идти на землю, достать той травы, которою была прельщена Ноева жена на Аравицкихъ горахъ, и посредствомъ ея смутить родъ человѣческой. Отправился пьяный бѣсъ на землю; встрѣчаетъ онъ на пути въ Палестину нищаго и говоритъ ему: пойдѣмъ со мною и будешь богатъ и пожалованъ царемъ. И пошли они къ источнику и устроилъ тутъ бѣсъ кубы и принесъ аравитской травы «еже есть хмѣль»; началъ варить ее и перегонять изъ нея питье. Питье это нищій понесъ ко двору; тамъ царь и придворные напились его и пошло веселіе: нищій былъ пожалованъ отъ царя великимъ вельможею и другомъ царевымъ; а пьяный бѣсъ «бысть великъ у сатаны» и сатана далъ ему 300 бѣсовъ на помощь. Легенда заканчивается извѣстіемъ: «и оттолѣ разнеса то хитрое зеліе сирѣчь нынѣшнее вино, рѣкомая горѣлка, по всемъ странамъ и градомъ, въ Цари, і въ Литву, і въ Немѣцы, и во вся града, и к намъ в свято-русскую землю» (по замѣчанію редактора рукопись эта относится къ XVI вѣку). Таже легенда перепищена у Боричевского въ слѣдующую бѣлорусскую сказку:

¹⁾ Въ сказаніи о Ноѣ Меодія Патарскаго, помѣщенномъ въ Памятникахъ гр. Кушелева (III. 18; изъ Толстов. собр.: Публ. Библиот. Отд. XVII. Q. № 82), о второмъ *упитіи* Ноя рассказывается, что послѣ потопа Ной спросилъ Господа: «насажду ли виноградъ?» Рече ему Богъ: «насади да не упейся отъ него, еще-бо Адамля преступленія въ немъ корень есть». И насадилъ Ной виноградъ; но не могъ воздержаться и упился имъ. По сказанію Богомиловъ, райское древо познанія добра и зла было *виноградное*; его посадилъ въ рай Сатанаилъ; во время потопа оно было вынесено изъ рая, а послѣ потопа отыскано Ноемъ и, съ благословенія Божія, вторично посажено (Порфирьевъ, Апокрифич. сказ., Казань 1873, 39.—См. прим. къ № 892).

чортъ укралъ у бѣднаго пребѣднаго мужика Сидора послѣднюю краюху хлѣба. «На здоровье», сказалъ Сидоръ, «сегодня не поѣмъ, Богъ дастъ за одинъ день не помру съ голода». Когда на другой день Сатана выслушивалъ доклады о подвигахъ своихъ подчиненныхъ и чортъ похвастался, какъ онъ укралъ у Сидора краюху и что на это сказалъ Сидоръ, то Сатана сдѣлалъ ему строгій выговоръ впередъ такихъ добродушныхъ людей не обижать, за подобныя-де обиды приходится потомъ тяжело расплачиваться, и приказалъ чорту заслужить Сидору. Тогда чортъ наваялся у Сидора въ батраки, жилъ нѣсколько лѣтъ честно, прикопилъ Сидору много добра, но наконецъ таки не смогъ, напакостилъ, научилъ Сидора курить вино изъ хлѣба и перепоилъ всю деревню (III. 167). Въ другой, малорусской, сказкѣ куцый чортъ, желая нагадить людямъ, вздумалъ варить горѣлку изъ хвороста, огнище разложилъ такое, что даже небо закурилось. «Что, вы чуете дымъ?» спрашиваетъ Богъ; «чуемъ, да не знаемъ отколѣ», отвѣчаютъ святые. Господь посылаетъ справиться св. Петра. «Что ты тутъ дѣлаешь?» спрашиваетъ онъ у нечистаго; «да вотъ людямъ питье варю: пусть пьютъ, меньше воды стануть пить». «Какой-же добрый! Что-жъ, хорошо оно?» — «Да вотъ, попробуй». Тотъ какъ хватилъ, — «знамо, человѣкъ непьюшій», тутъ же и упалъ. Тоже приключилось и съ св. Павломъ, который былъ посланъ вслѣдъ за Петромъ. Наконецъ Господь посылаетъ на землю козака Юрка (св. Георгія), съ копьемъ и саблей; онъ раскачалъ Петра и Павла, и всѣ въ-троемъ такъ принялись за нечистаго, что у него щетина посыпалась и треснула шкура. Дорого обошлась ему его выдумка, да и людямъ не дешево: долго они раздумывали, какъ это горѣлку изъ хворосту сварить; изъ нехворосту не сварили, а изъ святаго хлѣба какъ разъ потрафили. Того нечистому и было нужно²⁾.

²⁾ Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы, стр. 17—18. По средневѣковому греческому сказанію, мотивы котораго не безызвѣстны были и на западѣ, вино—это кровь Гроздія, осужденнаго на смерть кривосудіемъ другихъ плодовъ; легенда о немъ являлась пародіей на судопроизводство, либо травестіей мученическаго житія; въ послѣднемъ случаѣ «блаженный» Гроздій игралъ роль мученика. Въ этомъ видѣ легенда перешла въ

106. Прибавить: у меня есть еще три издания этой картинки: одно *e*, съ окончаніемъ: «Глаголетъ вопросъ»; другое *ж*, святое съ доски изданія *e*, но грубо пройденной вновь рѣзцомъ; и 3-е *з*, съ окончаніемъ 1-й строки: «такъ глаголетъ».

107. Пьянственная страсть. Текстъ этой картинки составленъ какимъ нибудь виршеницемъ изъ разныхъ источниковъ; начало и конецъ переименованы изъ повѣсти о хмѣлѣ, а наставленіе о чаркахъ, сколько пить, — изъ Пчелы; вирши же, помѣщенные всрединѣ (на страницахъ 324-й и 325-й), приведены дословно изъ сборника XVII вѣка, упоминаемаго въ Очеркахъ Буслаева (I. 570), только въ картинкѣ они приведены съ выпусками и нѣсколько

сербское сказаніе о «Блаженномъ Гроздіи и о осужденіи его», сохранившее шуточно-торжественный тонъ подлинника и его готовую, византийскую обстановку. «Царствующую великому Гдунію (айва), ипатствующую Яблоку, желтому Померанцу предстоящую съ Лимономъ и великимъ протонотаріемъ Грушею» — приходитъ радостно-блаженный Гроздіи и вопіеть воплемъ крѣпкимъ: Увы, помилуй мя, великій Гдуній, братъ-Смородина хочеть убить меня и мечемъ голову отсѣчь. — Говорить ему великій Гдуній: Имашь-ли о томъ свидѣтелей? — Отвѣчаетъ Гроздіи: Имашь всѣхъ безъ порока и достовѣрныхъ, — и онъ называетъ ихъ: между ними киръ Орѣхъ шумящій, Миндалъ желтый остроносецъ, сладкій Каштанъ, Фасоль черноокая и Горохъ «твердожило-крѣпитель», Чечевица домостроительница и Маслина добрая игуменя. — Тогда выступаетъ, въ багряной одеждѣ, Лукъ, гордыми словами возносится и, обращаясь къ Гроздію «нагласильно-мощно, люто-плачноочно, съ клятвою великою» и призвавъ во свидѣтели брата своего, бѣлаго чистаго Чеснока смертоульца, долгобрадаго Порья зеленого, и побратима Горчицу, и суроваго Хрѣна, и Перца протонотарія любимаго, — обвиняетъ блаженнаго Гроздія въ клеветѣ. — Участь его предрѣшена, и Гдуній не тратитъ времени на разбирательство дѣла: «если онъ несправедно оклеветалъ вась, говоритъ онъ, то да повѣсятъ его на кривомъ деревѣ и да отрѣжутъ его ножемъ и понесутъ корзинами въ топтало, и да топчутъ его ногами мощно, кровь-же его да хранится въ прохладномъ мѣстѣ, и да будетъ вино, веселящее сердце. И кто выпьетъ его довольно, да отнимется у него умъ и начнетъ онъ говорить неразумно, шатаясь отъ стѣны къ стѣнѣ, не видя дороги и нечестно и смѣшно возсѣдая въ калѣ». — Таковы злыя дѣянія вина; о добрыхъ не говорю: оно всегда полно смѣха, радости и веселія, старыхъ укрѣпляетъ, юныхъ веселитъ, умножаетъ любовь и губитъ душу. — Въ концѣ шутка сводится къ обычному поученію: «Охъ, охъ, охъ, зри, любимиче, бѣгай сего винопитія! Виномъ премудрый Соломонъ покорился и поклонился идоламъ и остави Бога, виномъ крѣпкій Самсонъ свою премудрость и крѣпость погуби и предадеся иноплеменикомъ и душу свою въ погибель предаде» (Веселовскій — въ Истор. русск. лит. Галахова, стр. 481).

смягчены, особенно тѣ, которыя относятся до духовнаго званія; именно: «аше содружится со мною попъ, — и онъ будетъ аки кабацкій котъ» и «аше содружится со мною игумень, ходитъ начнетъ съ сумою межъ гуменъ» (стр. 570) — выпущены цѣлкомъ, а вирши: «аше содружится со мною чернецъ, — и онъ будетъ аки верченый жеребецъ» — измѣнены; всего о попахъ и духовныхъ находится въ виршахъ картинки — пять двоестишій¹⁾.

Кромѣ разныхъ словъ о пьянствѣ и наставленій Пчелы, Буслаевъ (Очерки, I. 568) упоминаетъ о Тропникѣ Иннокентія папы римскаго, заключающемъ въ себѣ различныя изрѣченія и настав-

¹⁾ О невоздержности этого сословія имѣется множество документовъ разнаго времени; въ древнѣйшемъ изъ нихъ, грамотѣ 1503 года, приказывается, если попъ напьется пьянъ, то на другой день ему обѣдни не служить (Акты Археограф. Экспед., I. 486).

Въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Купчелова-Безбородко, вып. I, стр. 148), въ легендѣ о Ляхѣ и пресвитерѣ, рассказано, какъ, во время разоренія Московскаго отъ Ляховъ, одинъ Ляхъ привелъ въ церковь (Новоторжскаго уѣзда, въ пустынѣ Каменкѣ) русскую пѣлницу: «вниде съ дерзновеніемъ во святыи алтарь и дерзнулъ сняти со престола образъ пресвятныя Богородицы, и изнесе изъ алтаря в церковь, поверже на землю и богомерзское свое проклятое безстыдство зжевою оною на образѣ томъ содѣла».

Свидѣтель этому происшествію пресвитеръ храма, спрятавшійся со страху подъ трапезою, «умильно въздыхалъ» къ Богородицѣ, почто допустила она «толикое безстыдство на образѣ своемъ содѣлать»; на что «бысть ему гласъ отъ образа: «о пресвитере! это сдѣлалъ безстыдный иноязычникъ, но хуже дѣлаешь ты, понеже ввечеру упиваешься до пьяна, а заутра служиши святыю литургію и предъ симъ моимъ образомъ отрыгаеши оный гнусный пьянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганника». Въ позднѣйшее время митрополитъ Амвросій о московскомъ духовенствѣ писалъ: «въ Москвѣ праздныхъ священниковъ и прочаго духовнаго притчта людей премногое число шатается, которое къ крайнему соблазну, стоя на Спаскомъ Крестѣ для найму къ служенію по церквамъ, великія дѣлаетъ безобразія, производятъ между собою торгъ, и при убавкѣ другъ передъ другомъ цѣны, вмѣсто надлежащаго священнику благоговѣнія, произносятся, съ великою враждою, сквернословную брань, они даже дѣлаютъ и драку. А послѣ служенія, не имѣя собственнаго дому и пристанища, остальное время или по казеннымъ питейнымъ домамъ и харчевнямъ провождаютъ, или-же допиваются до пьяна, по улицамъ безобразно скитаются». — С. М. Соловьевъ (Р. Старина. 1876. Окт., 197) рассказываетъ со словъ очевидцевъ, что крестцовые попы эти стояли съ калачами въ рукахъ, и когда нанимающій служить обѣдню давалъ мало, кричали ему: «неторгуйся, а то сейчасъ закушу (и затѣмъ не могу служить обѣдню)».

ленія по части пьянства. Въ числѣ находящихся тамъ повѣстей замѣчательны рассказы о томъ, какъ: «Греческій царь Михаилъ со игроцемъ Василиемъ въ пьянствѣ изгубили зеркало, «а то зеркало винныхъ людей безъ суда обличало». Да среди двора царева стояло райское древо со многими птицами, да на царевѣ-жъ дворѣ была палата отъ дровъ негнющихъ, а въ палатѣ были три камня, акы корчаги день и ночь свѣтили, то все въ пьянствѣ изгубили» (заимствовано изъ хронографовъ). Тамъ же помѣщена другая исторія о томъ: «какъ стоялъ Владиславъ Жигмантовичъ подъ Москвою, то смѣтили Поляки, миромъ вина подвезли на Ходынку, продавали питія ковшъ по Московскѣ. И Московскіе люди на вино падки: множество вино покупая, пили. И тогда Поляки на Ходынкѣ за семь верстъ отъ бѣлаго города Московскихъ людей посѣкли 2030». Въ заключеніи замѣтимъ, что фигура голаго Бахуса на нашей картинкѣ (№ 107) скопирована съ печати, пожалованной Петромъ I-му Донскому войску: на этой печати былъ представленъ голый козакъ, сидящій на бочкѣ; въ рукахъ его—въ правой ружье, а въ лѣвой чарка, вокругъ надпись: «Печать войска Донскаго» (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1846. IV. 142, гдѣ помѣщенъ и рисунокъ печати).

111. Исторія о пьющемъ и непьющемъ. Текстъ картинки представляетъ извлеченіе, съ значительными сокращеніями, изъ «разговора трезваго съ горькимъ пьяницей», помѣщеннаго въ «Старичкѣ весельчакѣ» (СПБ. 1790 г., стр. 42) и занимающемъ въ немъ восемь страницъ; разговоръ же «Весельчака», въ свою очередь передѣланъ изъ рукописной «исторіи о двухъ товарищахъ, имѣющихъ между собою разговоры, изъ которыхъ одинъ любилъ пить вино, а другой не любилъ» (XVIII в. Толстовск. рукоп. — Пыпина, Очеркъ литерат., 206). Наставленіе: первую чару пить-здраву быть... и т. д. заимствовано (съ перемѣнами) изъ слова о пьянствѣ, помѣщенномъ на картинкѣ № 107¹⁾. Въ Пчелѣ, сбор-

¹⁾ Князь Владиміръ, угощая богатыря Василья Пьяницу, подноситъ ему три чары: первую чару похмѣльную, вторую—заздравную, и третью—веселую

никѣ наставительнаго содержанія, переведеннаго съ греческаго языка, въ словѣ о пьянствѣ, чарокъ предлагается только семь: «когда сядешь въ пиру, то первую чашу вступишь въ жажду, вторую въ сладость, третью во здравіе, четвертую въ веселіе, пятую въ пьянство, шестую въ бѣсовство, а послѣднюю въ горькую смерть, кому люто, кому молва, кому суды, кому сварь и пря, кому сокрушеніе вотще, кому сини очи? не пребывающимъ ли въ корчмѣ, назирающимъ, гдѣ пиры добывать? Не буди винопійца! Всякъ бо пьяница обнищаетъ и облечется въ утлая и коропьяная (вретіще) ризы (л. 203 об. Синод. рукоп. XVII в. № 854)²⁾.

(Кирѣевскій, II. 95). Преподобный Феодосій въ словѣ противъ пьянства позволяетъ спѣть за столомъ три тропаря, т. е. другими словами выпить три чаши: во славу Божию, Пресвятой Богородицы и за здравіе Государа. Обличая пьянство, Феодосій говоритъ: «къ бѣсоватому придетъ іерей, сотворитъ молитву,—и прогонитъ бѣса, а къ пьяному хотя бы сошлись іереи всей земли и сотворили надъ нимъ молитву,—то не прогнали бы отъ него бѣса самовольнаго пьянства». Онъ вооружается противъ привычки праздновать христіанскіе праздники не духовно, а тѣлесно, и противъ той старой привычки, о которой Владиміръ говорилъ проповѣдникамъ магометанскимъ: «Веселіе есть Руси пити, не можемъ безъ того жити» (О. Миллеръ, Опытъ историч. обзор. рус. слов. СПб. 1865, 253). По наставленію Матвѣя епископа Сорайскаго, не слѣдуетъ принуждать призваннаго въ домъ чернеца или причетника пить болѣе трехъ чашъ. См. тоже объ изрѣченіяхъ по этой части греческаго философа Арсахарсеса, встрѣчающихся въ русскихъ рукописяхъ (А. Веселовскій, Истор. литерат., 473).

²⁾ На эту же тему существуетъ относительно пьянства талмудическая легенда о Ноѣ и дьяволѣ, присосѣдившемся къ нему, когда онъ садилъ виноградныя лозы: сатана закалываетъ при этомъ овцу, льва, обезьяну и свинью. Оттуда разнообразное дѣйствіе вина: выпьетъ его человекъ немного—будетъ овцой, выпьетъ больше—то львомъ, а далѣе онъ становится прыгающей обезьяной и грязной валяющейся свиньей (Fabricii, Codex pseudepigr. Vet. Testam., p. 275, прим.). Рассказъ этотъ перешелъ въ Римскія Дѣянія (cap. 159) и другіе средне-вѣковыя памятники (Oesterley, Gesta Romanorum, прим. къ № 159). Между Нижегородскими татарами онъ существуетъ въ такомъ видѣ, будто, приготавливая вино, чортъ подмѣшалъ туда сначала лисей, потомъ волчьей, а наконецъ и свиной крови. Оттого, если человекъ немного выпьетъ—голосъ бываетъ у него гладенькій, слова масляныя, такъ лисой на тебя и смотреть; а много выпьетъ—сдѣлается у него свирѣпый, волчій нравъ; а еще больше выпьетъ — и какъ разъ очутится въ грязи, словно боровъ. Наиболѣе интересное отраженіе этого разсказа представляетъ греческая сказка изъ Беотіи, поэтически при-мѣшавшая къ талмудической баснѣ юный образъ Діониса. Когда Діонисъ былъ еще мальчикомъ и, странствуя по Элладѣ, сѣлъ отдохнуть на камнѣ, онъ

111. А. — Прибавить: есть еще издание этой картинки, конца прошедшаго вѣка, повтореніе изданія б № 111, но безъ листа съ надписью между разговаривающими; первая строка втораго столбца подписи заканчивается здѣсь такъ: «будемъ обще». — Въ моемъ собраніи.

112. На страницѣ 335, во второй строкѣ, вмѣсто словъ: «вторая строка», поставить: «первая строка».

113. Картинка эта скопирована точь въ точь съ французскаго оригинала, находящагося въ одномъ изъ (двухъ) томовъ *Fauecien*, въ Парижской библиотекѣ. Подпись подъ французской картинкой слѣдующая:

«Desolation. Sans que jamais on nous consolle
Pleurons nostre mauvais destin;
En perdant l'honneur du festin,
Nous auons perdu la parole
Ayons tousiours en la pensée
Pour irriter nostre douleur,
Qu'il n'est point de plus, grand malheur
Qu'ene Bouteille renuersée.
J. Ragot excud».

115 и 116. О пьяницѣ пропившемся на кружалѣ. Въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбо-

увидѣлъ у своихъ ногъ небольшое растеніе, пробивавшееся изъ-подъ земли. Оно приглянулось юному богу и онъ взялъ его съ собой, а для того, чтобы предохранить его отъ солнечныхъ лучей, спряталъ его въ птичью кость. Но растеніе принялось такъ быстро, что скоро выросло изъ своего вмѣстилища, такъ что Діонису пришлось спрятать его сначала въ львиную, а потомъ въ ослиную кость. Когда онъ прибылъ въ Наксось, оказалось, что его корни такъ плотно обвили всѣ три кости, что его пришлось посадить въ землю какъ есть. Лоза вскорѣ принесла прекрасныя гроздья, изъ которыхъ Діонисъ приготовилъ первое вино и далъ его пить людямъ. Тогда-то было чудо: въ началѣ они распѣвали какъ птички, пили больше и становились львами, а подъ конецъ обращались въ ослы» (А. Веселовскій, Истор. Русск. Литерат., 470)

родко, вып. I. стр. 141) помѣщена подобная-же легенда, но въ другой редакціи и другого характера: въ легендѣ пьютъ *въ корчмѣ* «нѣщныя челоуѣцы честніи», и одинъ изъ нихъ, между прочими разговорами, въ видѣ похвалы и кощунства, смѣется надъ тѣмъ, что, по словамъ іереевъ, «по смерти души живутъ»; товарищи его тоже начали всѣ смѣяться; тогда является дьяволъ, покупаетъ у кощунника душу и уноситъ самаго его въ адъ. Въ лубочной картинкѣ вопросъ о кощунствѣ и похвальбѣ устраненъ; въ ней представляетъ простой пьяница, постоянный посѣтитель кабака, пропившійся *на кружалѣ* (*) до нага; не зная, чтобы еще пропить съ себя, онъ, въ пьяной простотѣ, объявляетъ, что готовъ бы продать душу за вино.

Въ тѣхъ же Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко, вып. I, стр. 145) помѣщена и другая легенда о продажѣ души дьяволу: о воинѣ, который «отдаде себе на всякую игру, вниже рвеніе, распря, гнѣвъ, зависть, сварь», «и всѣхъ обыгрывалъ». Попущено было отъ Бога, чтобы съ тѣмъ воинемъ игралъ дьяволъ и обыгралъ его дочиста. «И вскочи воинъ разгнѣваясь, рече: «или дьяволъ еси?» Тогда дьяволъ объявилъ о себѣ, кто онъ, и такъ какъ у воина для игры серебра не достало, то онъ и унесъ его въ адъ; только чрево и внутренности воина остались въ хранилѣ (изъ сборн. Румянц. Муз. № 363; по замѣчанію редактора — XVI вѣка). См. тоже повѣсть о горѣ злочастіи, въ которой молодецъ-пьяница рассказываетъ свои похождения и конецъ по пьянственной части (А. Веселовскій, Истор. русск. литерат., 476).

118. Посвященіе изъ простыхъ людей въ чиновные чумаки и въ настоящіе цѣловальники представляетъ до нѣкоторой степени пародію на Петровскій чинъ поставленія членовъ всешутѣйшаго и всепья-

*) Въ Лифляндіи корчмы и кабаки и теперь называютъ *Kruch* (древнее кружало или крухало); въ Лифляндскомъ Крухѣ на ставкѣ, вмѣсто нашихъ: крючка, косушки и шкалика, стоятъ: *Kruch* (кружка) и *Schalle* (шаликъ).

нѣйшаго собора. Этотъ чинъ начинается разговоромъ поставляющаго и поставляемаго:

„Что убо брате пришелъ еси и чего просиши отъ нашея немѣрности?“

«Еже быти сыномъ и сослужителемъ вашей немѣрности».

«Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою! Како содержиши законъ Бахусовъ и во ономъ подвизаешься?»

«Ей, Орла подражательный и всепьянѣйшій отче! Возставъ по утру, еще тмѣ сущей и свѣту едва являющуся, а иногда и о полуднощи, сливъ двѣ или три чарки, испиваю. И продолжающуся времени не иначе, но симъ же образомъ препровождаю. Егда же придетъ время обѣда, пью по чашкѣ немалой; такожде перемѣняющимся брашнамъ всякій рядъ разными питьями; пачеже виномъ, яко лучшимъ и любезнѣйшимъ Бахусовымъ чрево свое, яко бочку добрѣ наполняю; тако, что иногда и ядѣмъ, мимо рта моего носимымъ отъ дрожанія моего десницы предстоящей въ очесахъ моихъ мглѣ. Инако же мудрствующія отвергаю, и яко чужды творю, и е.....ю всѣхъ пьяноборцевъ. Но я же выше рѣхъ, творити обѣщаюсь до скончанія моей жизни, съ помощію отца нашего Бахуса, въ немъ же живемъ, а иногда и съ мѣста не движимся, и есть ли мы или нѣтъне вѣдаемъ; еже желаю тебѣ отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь». Поставляющій глаголетъ: «Пьянство Бахусово да будетъ съ тобою, затемнѣвающее, и дрожащее, и валяющее и безумствующее ты во вся дни жизни твоея». Потомъ поставляемый ляжетъ персями, руками и главою на предлежащую делву; а жрецы поютъ пѣснь Бахусову (*). Затѣмъ поставляемаго облачаютъ, съ слѣдующими возгласами архижрецовъ. При возложеніи одежды: «Облачается въ ризу невѣденія своего». Наплечниковъ: «возлагаю, яко жерны сельскіе о выи твоей!» Флягу возлагая: «сердце исполнено вина да будетъ въ тебѣ!»

*) По замѣчанію М. И. Семевскаго, пѣснь эта составляетъ возваніе: «о всепьянѣйшій отче Бахусе, отъ сожженныхъ Семиллы рожденный»... и т. д. (Рус. Стар., VIII. 869).

Нарукавники: «да будутъ дрожащи рудѣ твоя!» Отдавая жезлъ: «Дубина Дидана вручается ти; да разгониши люди твоя!»

Первый жрецъ помазуетъ крѣпкимъ виномъ главу его и около очей образъ круга, глаголя: «такое да будетъ кружиться умъ твой, и такіе круги разными видами, да предстануть очесамъ твоимъ отъ сего во вся дни живота твоего. Такожь обѣ длани и четыре перста, ими же и чарка приеется образомъ лученки, глаголя: тако да будутъ дрожать рудѣ твои во вся дни жизни твоей».

Потомъ налагаютъ руки архижрецы и первый изъ нихъ читаетъ: «рукополагаю азъ пьяный сего нетрезваго, во имя всѣхъ кабаковъ, во имя всѣхъ табаконъ, во имя всѣхъ водокъ, во имя всѣхъ винъ, во имя всѣхъ каразиновъ, во имя всѣхъ брагъ, во имя всѣхъ бочекъ, во имя всѣхъ ендовъ, во имя всѣхъ ковшей, во имя всѣхъ плошекъ, во имя всѣхъ чарокъ, во имя всѣхъ стакановъ; такожь во имя всѣхъ вкупѣ собранныхъ канарейки, синицы, жаворонка, снигиря, соловья, чайки, сойки, грача, лебедя, сокола, кречета, орла великаго, корабля и кита, носящаго ихъ». Потомъ налагаютъ шапку, съ возгласомъ: «вѣнецъ мглы Бахусовой возлагаю на главу твою. Да не познаеши десницы твоей, ниже шуйцы твоей, во пьянствѣ твоёмъ!» — Послѣ чего поетъ: «аксіось!» Потомъ сядетъ на свой престолъ и вкушаетъ Орла, и прочимъ подаетъ. И такъ оканчивается (Русская Старина, VIII. 870).

121. Прибавить: Есть еще изданіе *д*, точная копія съ изданія *а* (гравированнаго Чуваевымъ); отличить это изданіе *д* отъ изданія *а* можно по Ванюшкиной шляпѣ: въ изданіи *д* она тушевана въ одну черту, а въ изданіи *а*—въ двѣ черты на крестъ.

122. Черный глазъ поцѣлуй хоть разъ. Картинка изданія *с* награвирована на старой счищенной доскѣ, на которой было вырѣзано, какъ видно изъ сохранившейся на правомъ боковомъ полѣ надписи: «Пребываніе наполиона на островѣ святыхъ елены». Слѣды прежней гравировки видны по всей картинкѣ. Въ Музеѣ

Григоровича *) (Общества Поощр. Художествъ въ СПетербургѣ) есть старинное нѣмецкое блюдо, нѣсколько напоминающее нашу картинку № 122; на немъ представлены, въ однихъ грубыхъ контурахъ, обнимающіе другъ друга дама и кавалеръ, съ подписью:

«Jch liebe dich allein, kein andern mehr».

123. У меня есть еще два изданія этой картинки, скопированныя съ Ахметьевскаго, и одного съ нимъ времени; въ одномъ изъ нихъ (d) — первая строка подписи кончается такъ: «изволь лишь» (въ изданіи a: «изволь лишь»); въ другомъ (e) — 1-я строка начинается такъ: «пожалуй отъдай».

131. Старикъ на колѣнахъ у молодой. Прибавить: есть еще изданіе г этой картинки, точная копія съ изданія б; но въ немъ, кругомъ всей картинки, сдѣлана рамка изъ сѣтки, которой въ изданіи б нѣтъ. (Въ моемъ собраніи). № 132, а также и №№ 217 — 220, составлены на стариковъ, которые, не смотря на свои сѣдины и лѣта, подлипаютъ къ молодыцамъ и женятся на нихъ, какъ говоритъ пословица, не для себя, а для другихъ. Въ рукописной литературѣ особенно ярко изложенъ рассказъ о томъ, что говорила старому волокитѣ молодая дѣвица, въ которую онъ влюбился, и какъ отговаривала его отъ сватовства на себѣ: «Мужъ, вельми старъ, брадою сѣдъ, а тѣломъ младъ, костью храбръ, плотію встанливъ, умомъ совершенъ», вздумалъ свататься «ко прекрасной дѣвицѣ», сулилъ ей богатство и счастье: «государынею въ дому будешь, станешь, моя миленькая, на многоцѣнныхъ коврахъ сидѣть, пити, і ясти, і веселиться со мною . . . начну тебя согрѣвати въ теплой банѣ . . . украшу тебя аки паву, пиръ сотворю и на пиру велю всякую потѣху играти гусельникамъ и трубнокомъ и пляску. . . . отца и матеръ твоихъ одарю многоцѣнными

*) Этотъ огромный и въ высшей степени замѣчательный Музей составленъ стараніемъ и упрямой волей одного человѣка, на которомъ, какъ это и во всемъ слѣдуетъ дѣлать для полнаго успѣха, — лежала даже вся черная и самая мелочная работа по его составленію.

дары». На всѣ эти приставанья дѣвица отказывается напрямикомъ, безъ хитростей и уловокъ: если ты на мнѣ женишься, говоритъ она, то «храбрость твоя укоротится, сѣдины пожелтѣютъ, тѣло почернѣетъ, кости изсохнутъ . . . уды твои ослабѣютъ и плотскому моему естеству не утѣха будешь; тогда азъ дѣвица отъ распаленія вниду впреступленіе со младымъ отрокомъ . . . а не с тобою с вонючею душею, с понурою свинею . . . Тебѣ пора о спасеніи души своей подумать, а не о томъ, какъ угождать женѣ». Если же отецъ и мать выдадутъ за тебя неволею, то я «стану ходить не по твоему докладу . . . аще велишь сдѣлать кисло, сдѣлаю пресно, а мякова тебѣ у меня хлѣба не видать . . . младому отроку моему мяхкия крупчатыя колачики и здобные пироги, и различныя овощи, да сахаръ на блюдѣ, да вино в кубце, в золотомъ вѣнцѣ, да сверхъ тово ему мяхкая, хорошая, лебединая перина да чижовое зголовье да соболиное одѣяло, а тебѣ у меня старому смерду спать на полу или на кутникѣ на голыхъ доскахъ съ собаками, а в головы тебѣ из под жерновъ дресватый камень; да пожалую тебя, велю тебѣ дать соломеную рогожу, да пей болотную воду да ешь сухой хлѣбъ . . . а тебѣ, старому смерду, побѣрещеной рожѣ, неколотой потылицѣ, жаровой шеѣ, лещевымъ скорынямъ, сомовѣ губѣ, щучимъ зубамъ, понырой свине, раковымъ глазамъ, потхилому гузну, опухлымъ пятамъ, синему брюху, рогозиннымъ рукавицамъ, поскокная борода, желтая сѣдина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржевая кожа в воде варена, чертова болота; свинной пастухъ, сидель бы ты на печи, чтобы у тебя всмерда, вшее скрыпело, а в роже храпело, а в носѣ сапѣло, а гузиѣ шипѣло, жилъ бы ты что жукъ въ говнѣ, что желна въ дуплѣ, что червь за корою, что сверчекъ за опечью, костямъ бы твоимъ ломота, зубамъ щепота».

Ругательства эти однако не подѣйствовали на старика; онъ все таки сталъ свататься за дѣвицу; все имѣніе свое отдалъ на сватовство; но дѣвица не далась ему и вышла таки замужъ за своего «молодца хорошева». «Младому дѣвица честь и слава», прибавлено въ присказкѣ, «а старому мужу коровай сала; младая жена

лишняя сухота; отъ людей старь бѣгаетъ, въ пиру не сидитъ, к людямъ не пристанетъ, и отъ воротъ не отстанетъ; самъ себѣ досадилъ старой мужъ, три года бѣгалъ и удавился» (Памятн. стар. русской литературы, вып. II. стр. 453). Совѣтую прочесть.

Въ письмовникѣ Курганова помѣщено жгучее посланіе по этой же части одного старичка, да еще отшельника, къ молодой красавицѣ (II. 91).

132. **Съдина въ бороду.** Персона, которая представлена на этой картинкѣ, встрѣчается и въ другихъ картинкахъ, напримѣръ: въ № 222 дамская персона, полька Херсоня, а на №№ 217—220 такой же масти нѣмки. Польша и Германія издавна поставляли этотъ товаръ въ Россію (см. №№ 124—127, 131, 134, 135). Впрочемъ и Русскія дамы не уступали иностранкамъ; Олеарій рассказываетъ, что торговые ряды были наполнены женщинами, которыя продавали разный товаръ, выставя его на показъ, — и продавали въ тоже время другой товаръ, котораго не показывали. Особенно дисциплинированно-привилегированнаго класса изъ этихъ госпожъ, на парижскій манеръ, у насъ до нынѣшняго вѣка не существовало; всѣ мѣры по этой части ограничивались угрозами и приказами выгонять непотребныхъ женщинъ изъ полковъ (въ 1696 г. Полн. Собр. № 1540), отправлять ихъ въ главную полицію (1750 г. № 9789), отсылать на поселеніе (1765 г. № 12391), не держать въ трактирныхъ домахъ (1736, № 6947) и закрывать подозрительные дома (1718, № 3203, п. 9.). Въ народѣ госпожи этого рода прозывались синьками и сороками; въ пѣсняхъ у Рыбникова находимъ по этому предмету слѣдующія прибаутки (II. LXXIX):

«Сорока на морѣ кабацкая
Съ ножки на ножку пляшетъ,
Молодыхъ молодцовъ она прибираетъ».
«А сорока та кабацкая жонка
Съ ножки на ножку скакала,

Высоко подоль поднимала,
Тѣмъ свою голову питала;
Синка б...а вертлива;
Она работы работать не умѣетъ,
Тѣмъ она голову питала,
Что она скоро скакала,
Отъ того сыта пребывала».

132. А. — Прибавить: тоже изображеніе похотливаго старика, на отдѣльной листовой картинкѣ, гравированной на мѣди. Вирши тѣ-же. — Въ моемъ собраніи.

134. Въ моемъ собраніи есть изданіе *д*, скопированное съ Ахметьевскаго *и*; но въ этомъ изданіи квадратикъ на полу затушеваны въ двѣ черты на крестъ, а въ изданіи *и* они затушеваны только въ одну черту.

135. А. — Прибавить: «Семь бабъ про штаны дерутца, а что внихъ датово недоберутся. Кнамъ нынешнаго числа нелехкая занесла сего Прелюбодѣя которой трехъ было содея видишли сеи кинжалъ что вшанахъ прежде лежалъ другая кричить я башмакомъ готова дратца нечева и боятца третья гласитъ неворчи у самой есть ключи а четыре молодцы мы ради до полицы за штаны все умремъ недадимъ а раздеремъ чортъ васъ возми такихъ задорныхъ курвава б...ъ незговорныхъ видя едакую драку лутче лежать оголя с...у жаль одну толко бѣдняжку что лежитъ огля ляшку сколко вамъ бабы недраца а етова кинжала должны боятца потому что онъ сердитъ агде станетъ колотъ такъ тамо и засвербить». Листовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева. Бабы дерутся, одна ключами, другая башмакомъ, третья кинжаломъ, а четыре деруть на части штаны; справа видѣнъ удаляющійся любодѣй, съ котораго должно быть и сняты спорные штаны. — Въ моемъ собраніи.

137. Исправить: изданіе *д* исключить (это есть изданіе *и*).

137 и 138. **Разговоръ жениха съ свахою.** Въ концѣ этого разговора сваха говоритъ жениху, что у нея есть *приворотный корень*, и что она ему приведетъ невѣсту козу съ рогами. На эту тему есть сказка о Вавилѣ (Москва 1795); этотъ шутъ Вавила перерядился въ женское платье, нанялся въ работницы къ одному крестьянину и женилъ на себѣ его сына. Въ первую ночь онъ ушелъ отъ пьянаго новобрачнаго и приволокъ ему на постель козу (стр. 29). У Аванасьева рассказаны двѣ подобныя-же сказки (III. 360): въ одной переодѣтый шутъ дѣлаетъ ту же продѣлку съ купеческимъ сыномъ; бѣдную козу забиваютъ дубинами, полагая, что это новобрачная-оборотень; а въ другой рассказывается, какъ дѣвка вышла замужъ за крестьянскаго дурня. Ночью она попросилась у него погулять на дворъ; дурень отпустилъ её, но привязалъ къ холсту, чтобъ не ушла совсѣмъ; дѣвка холстъ съ себя сняла, и привязала къ нему козу, которую новобрачный и втащилъ, съ пьяна, къ себѣ на постель, вмѣсто жены. Превращеніе невѣсты въ козу описывается и въ Пентамероне Базили (I. стр. 110).—Что касается до приворотнаго корня, то извѣстіе о немъ мы встрѣчаемъ въ одномъ судебномъ документѣ XVII вѣка. Въ дѣлѣ 1661 года о дьяконѣ Θεодосѣ портной Тимошка сдѣлалъ доносъ, что тотъ дьяконъ научилъ его составъ дѣлать для приворота къ себѣ мужска и женска полу, *какъ женку приворачивать къ мужику для блуднаго дѣла*. На разпросѣ Тимошка повинился, что все это сказано имъ на дьякона напрасно, по наущенію сотника Михайлова и поляка Ольшевскаго. Тоже самое онъ подтвердилъ послѣ пытки, 12-ти ударовъ кнутомъ и огня; послѣ чего дьяконъ Θεодосѣ всетаки былъ поднятъ на дыбу, битъ 15-ю ударами и жженъ огнемъ (Записки Отд. Русск. и Слав. Археол., II. 609).

Въ другомъ дѣлѣ встрѣчаемъ мы антиподъ приворотному корню: *невстанишный корень*: въ 1670 г. стольникъ кн. Василій Оедоровичъ Одоевскій женился; во время сватъбы его испортили *«ускомомъ»*, — подложили *«невстанишный корень»* подъ порогъ въ крестовой палатѣ. Князь Василій самъ допрашивалъ объ этомъ

человѣка своего Гришку, который въ застѣнкѣ повинился, сказавъ, что корень тотъ получилъ онъ отъ Ивашки, гулящаго чело-вѣка, съ тѣмъ, чтобы впоследствии предложить князю Василю ле-карство и взять съ него за это деньги. Въ застѣнкѣ чего не покажешь; но, судя по исходу дѣла и по тому, что кн. Василій не рѣшился пить въ банѣ приготовленное ему лекарство, онъ такъ и остался при невстанишномъ корнѣ (Записки Отд. Рус. Археол., изд. подъ редакцію В. Ламанскаго. СПб. 1861, II. 397).

139. **Разсужденіе о женитьбѣ.** Текстъ этой картинки перепечатанъ цѣликомъ изъ Письмовника Курганова (11-е изд., стр. 347); подобное-же разсужденіе мы находимъ въ сказкѣ у Караджича (пч. 41—«невојка, удовица и пуштеница»). Одинъ чело-вѣкъ задумалъ жениться; ему предлагали въ жены: одни—дѣвушку, другіе—вдову, третьи—жену, разведеную съ мужемъ; всѣ три нравились ему одинаково и онъ совершенно недоумѣвалъ, которую изъ нихъ выбрать; наконецъ одинъ старикъ посоветовалъ ему идти къ премудрому. Пришедши на Соломоновъ дворъ, онъ увидѣлъ ребенка, раздѣжавшаго верхомъ на палочкѣ, и спросилъ его о своемъ дѣлѣ; Соломонъ, — это былъ именно онъ, — отвѣчалъ ему: женился на дѣвушкѣ—будешь хозяиномъ въ домѣ; женился на вдовѣ—она станетъ управлять тобой; женился на разведенной—берегись, чтобъ не сдѣлалось съ тобою того-же, что и съ первымъ мужемъ (Пыпинъ, Очеркъ, 122)*.

По поводу описанія красоты невѣсты представляю четыре изображенія типовъ женской красоты: 1—по нашимъ былинамъ, 2 и 3—по понятіямъ XVII и XVIII вѣка и въ заключеніе 4—типа красоты духовной, измышленнаго по требованіямъ Пчелы, Измарагда, Златоструя и другихъ сказаній о женахъ злыхъ и добрыхъ. Вотъ какъ описывается въ одной пѣснѣ невѣста в. кн. Владиміра, Афросинья Королевична:

*) У Рабле есть тоже замѣчательный разговоръ о томъ, слѣдуетъ-ли жениться, или лучше остаться весь вѣкъ холостымъ.

«Станомъ статна, и умомъ совершенна,
Бѣлое лице какъ бы бѣлый снѣгъ,
А ягодицы (щеки) какъ маковъ цвѣтъ,
Черныя брови какъ-бы соболи,
Ясныя очи какъ у сокола (Кирша Даниловъ. М. 1818, стр. 87).

Въ хронографѣ Кубасова жертва сластолюбія разстриги, царица Ксенія, дочь Годунова, описана такъ: дѣвица замѣчательнаго разума и красоты необыкновенной, бѣла и румяна лицомъ, съ большими черными глазами, блиставшими свѣтомъ, особенно когда въ жалости обливались они слезами; тѣломъ полна, и будто-бы облита молочною бѣлизною; брови имѣла союзныя; возрастомъ была ни высока, ни низка; косы имѣла черныя, большія какъ трубы, лежали онѣ по плечамъ (Буслаевъ, Очерки, I. 525).

При текстѣ картинки, описанной за № 139, въ Письмовникѣ Курганова помѣщено слѣдующее описаніе женской красоты: «Женское пригожество составляютъ: младость, средній ростъ и дородство; стройность всѣхъ частей, длинные и бѣлокурые волосы, тѣло нѣжное и чистое, здоровая и румяная бѣлизна, ровное чело и не мускулистые виски; брови прямыя, глаза свѣтло-сѣрые, большіе, не на выкатѣ, но ровно съ лицомъ, имѣющіе пріятный взоръ; носъ долговатъ, щеки съ небольшими ямками; губы румяныя, малой ротъ, бѣлые и ровные зубы, нѣсколько продолговатую бороду съ ямкою; небольшіе уши, прилегшіе къ головѣ; грудь бѣлая и круватая, кисти у рукъ бѣлыя, длинноватыя и полныя, островатые пальцы, ногти жемчужные и овальные; тихое дыханіе, пріятный голосъ и добрый пріемъ, съ перехватомъ станъ, благородная и скромная походка».

Типъ нравственной красоты женской представленъ довольно оригинально въ житіи Юліаніи Лазаревской, написанномъ ея сыномъ (рукопись XVII в.): «Госпожа эта смѣха и всякой игры удалялась, была послушлива ко всякому человѣку. Изъ дѣтства имѣла обыкновение по сто поклоновъ до земли творити ежедневно — и мужа своего наставляла тоже творить. Не требовала, чтобы кто

ей на руки воды подаль, или, отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ; но все сама собою творила. Въ молодости ея, въ отсутствіе мужа, ненавистникъ добра, дьяволъ, думалъ было смутить еѣ мечтаніями, но она, сильно того испугавшись, закуталась въ одѣяло, и легла въ постель, при чемъ имѣла святое видѣніе. Затѣмъ уговорила она мужа своего не имѣть съ нею супружескаго союза; ему дѣлала обыкновенную постель, а сама затворялась въ отходной клѣтѣ, и тамъ упражнялась въ молитвахъ. Сапоги на босыя ноги обувала, и подъ подошвы, вмѣсто стелекъ, орѣховыя скорлупы и вострые черенки подкладывала, и тѣмъ плоть свою усмиряла» (Буслаевъ, Очерки, II. 253).

Относительно русскихъ красавицъ сѣверныхъ и поморскихъ странъ и ихъ нравовъ и обычаевъ въ народныхъ пѣсняхъ поется: „Дешевы поцѣлуй Бѣлозерскіе, Сладкіе поцѣлуй Новоладожскіе, . . . Рядные сарафаны—Кенозерочки; Пучеглазья молодки—Слобожаночки; Толстобрюхія молодки—Лексимозерочки; . . . Обосраные подолы—Олонецкіе (Рыбниковъ, II. XXXI).

140. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще три изданія этой картинки: *к* — повтореніе изданія *е*, съ подписью: «разсужденіе холостаго человѣка о женидбе», *л* — копія съ французскаго оригинала: дамы въ длинныхъ локонахъ, а женихъ завитой и въ французскомъ кафтанѣ, — первая строка текста заканчивается въ этомъ изданіи такъ: «себе помышляе^{тсѣ}», и изданіе *м*, снятое съ доски изданія *и*, но пройденной вновь рѣзцомъ.

142. А. — Прибавить: таже картинка; переводъ сходенъ съ № 141 изд. *г*, но женихъ представленъ въ видѣ арлекина; надпись на листѣ, который держатъ двѣ дамы: «реэстръ|о дамахъ|і о прекасны^х девицахъ». Листовая картинка, гравированная на мѣди во второй половинѣ прошедшаго столѣтія. — Въ моемъ собраніи.

143. У меня есть еще два изданія этой картинки: *г* и *д*; въ нихъ такъ же, какъ и въ изданіи *е*, справа изображенія сдѣлана

рамка изъ четырехугольниковъ; въ изданіи *с* — эти четырехугольники заштрихованы, одинъ въ одну черту, слѣдующій въ двѣ черты и т. д.; въ изданіи *г* — всѣ они заштрихованы въ одну черту; въ изданіи же *д* — всѣ они заштрихованы въ двѣ черты, накрестъ.

143. **Роспись приданому.** Это пародія на древнія рядныя записи, въ которыя съ чрезвычайною подробностію вписывались всякія мелочи, поступавшія въ приданое за невѣстой. Представляю выписку изъ двухъ такихъ записей: 1718 и 1730 годовъ, напечатанныхъ П. И. Савваитовымъ въ XI томѣ Записокъ Археолог. Общества (стр. 596) и заключающихъ въ себѣ тѣже названія и вещи, какія поименованы въ нашей картинкѣ.

Запись 1718 г. начинается перечисленіемъ образовъ; затѣмъ идутъ драгоценныя вещи: «ларецъ серебряный плетеный и въ немъ бѣлильница съ румяницею, бочечка, тазикъ, суремница, клеанка, зеркало, серебряныя золочены; ларецъ костяной, внемъ бѣлильница с румяницею серебряныя позолочены; серьги двойчатки, изумруды съ яхонты; чепецъ по алому атласу; рукавицы, фантажъ, шапка соболя, муфта соболя, платки, повойники»; опять чепцы, галстуки, манжеты, юбки; изъ платья: шамлукъ, самара штофная, кафтанцы шелковые, бастрокъ; постеля, съ подробнымъ описаніемъ подушечекъ, занавѣса, наволокъ и простынь; въ концѣ забыты мѣдные рукомоиникъ и лахань, три таза да кунганъ, и выведенъ итогъ всему имѣнію на 1500 рублей; послѣ итога перечислены вотчины, отдаваемыя въ приданое.

Въ другой рядной, 1730 г., переписи недвижимому имѣнію нѣтъ, а въ числѣ названій попадаютъ такія, которыхъ нѣтъ ни въ нашей росписи, ни въ рядной 1718 года: «серьги трясилки, тресило яхонтовое, огонки на шею соболя пластинчатыя, кроночко кружевное, два нацейха, агажанты подъ самару». Въ этой рядной еще подробнѣе описаны: сармары, юбки, плафроки, корсеты, башмаки, чулки и постеля съ постельнымъ бѣльемъ, периною съ изголовьемъ и подушечками пуховыми; разные

ларцы холмогорскіе, китайскіе, нѣмецкіе; посуда и тазы. Въ числѣ женскихъ туалетныхъ принадлежностей поименованы: «Серебра на уборной столъ: зеркало большое, оправа серебряная сканная; лохань большая серебряная вызолочена, местами чеканная, на ней лица; рукомоиникъ серебряной чеканной, местами золоченъ, с кровляю, на немъ травы серебряныя; блюдо серебряное белое уборное, по немъ обронная работа вырезано, края чеканныя; ларецъ прорезной травами накладными, на ношкахъ, серебряной чеканной, в—ысподи цка серебряная золоченая; пять коробочекъ с сердцами серебряныя сканныя, под ними цка серебряная золоченая, в томъ числе две большихъ; коробочка зделана серцомъ серебряная сканная, в ней семь араматиковъ с оиниотью золоченыя с колечками серебряными, в середине осмой поболше сканной серебряной; два блюдишка уборныя серебряныя чеканныя траечетыя по краямъ, в середине вызолочено; две четвертинки с тисками серебряныя лосчатыя четверогранныя, местами травки нарезаны; два подсвешника серебряныя с оутляромъ серебрянымъ, по краямъ золочены, птица попугай сидитъ на стуле, серебряной чешуйчетой; колоколчикъ серебряной Немецкой работы; коробочка серцомъ серебряная сканная; коробочка серебряная гладкая вызолоченая; арамастикъ серебряной лебеткомъ с чепочкою серебряною; арамастикъ серебряной грушею; три подушечки низаныя жемчюгомъ; суремница низаная жемчюгомъ с—ызумрудами, в ней спичка низаная; шесть подушечекъ шитыхъ серебромъ и золотомъ волоченымъ; два мешечка тканые з замочками серебряными; готовалня оклѣна бархатомъ, а в ней ножечекъ серебряной, шилцо серебряное, коробачка серебряная, ноженки, чернильница ентарная с песочницею, четвертинка ентарная, две ложечки ентарныхъ, ножечекъ ентарный; под вышеписанной уборъ серебряной на столъ чехоль желтой таютяной с сеткой серебряной».

Эта рядная, по упоминаемымъ въ ней предметамъ, ближе всего къ тексту нашей картинки; очень жаль, что г-жа Авдѣева, въ своей статьѣ «Старинная русская одежда, измѣненія въ ней и

моды новаго времени» (От. Зап. 1853, LXXXVIII. VII. 182), не имѣла въ виду этихъ матеріаловъ, и не объяснила намъ встрѣчающихся въ нихъ техническихъ названій; представляю объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, со словъ старѣйшихъ московскихъ портнихъ Денисовой и Киселевой *).

Агонки, см. огонки.

Ароматикъ,—сткляночка съ духами; въ росписи 1730 г. упоминается коробочка сердечкомъ, въ ней пять ароматиковъ.

Бастрокъ,—короткій кафтанъ изъ такъ называемой *мочальной* (плетеной на подобіе рогожки) матеріи. Въ Сардамѣ Петръ одѣлся въ короткій бастрокъ, «какъ одѣваются ватерландскіе жители» (Нартовъ, Анекдоты: Москвитянинъ 1842, ч. 2, стр. 445).

Балахонъ,—шинель съ рукавами.

Башмаки начали входить въ употребленіе въ XVII вѣкѣ (Савваитовъ, 423).

Брыжи,—воротнички, высовываемые изъ за гасуха; также кружева и оборки, которыми обшивали манишку.

Бѣлильница,—коробочка съ бѣлилами, румянами и кисточками для наводки ихъ.

Галстукъ (Halstuch),—шейный платочекъ; онъ бывалъ и «жемчужный съ такими же кистями» (росп. 1730 г.).

Душегрѣйка,—тѣлогрѣйка; коротенькая кофточка на мѣху или на ватѣ.

Епанча,—короткая шинель.

Зголовье, или изголовье,—нижняя подушка на двухспальной кровати (Савваитовъ, 440); изголовье иногда дѣлалось во всю ширину ея.

Исподница,—рубашка.

*) Нѣкоторыя объясненія заимствованы изъ описанія старинныхъ одеждъ П. И. Савваитова (Записки Русск. Археол. Общества. СПБ. 1865, XI). Въ Древней Россійской Вивлиоикѣ (VIII. 353) помѣщенъ образецъ рядной—конца XVII вѣка, которая впрочемъ представляетъ мало общаго по языку и по самымъ предметамъ, въ ней перечисляемымъ, съ нашею картинкой.

Каптуръ, или капоръ; шелковый и мѣховой, соболій.

Кожухъ,—тулупъ; «не снимай кожуха до Святаго Духа, да и по Святомъ Духѣ ходи въ кожахѣ», говоритъ русская морозная поговорка.

Козырь,—стоячій воротникъ, на манеръ нынѣшняго мундиранаго (смотритъ козыремъ).

Колпакъ для спанья; также шапка съуженная кверху (валеный колпакъ съ хохломъ, см. № 112, 169).

Карнетъ, или корнетъ,—уборъ на голову, въ видѣ остроконечной шапочки.

Коробья, для укладки приданаго, славились Новгородскіе, окованные бѣлымъ желѣзомъ.

Корсетъ,—верхнее платье, лифъ на китовыхъ усахъ; въ росписи 1730 г. упоминается корсетъ шитый золотомъ и шелками; впоследствии корсетомъ называли только лифа на китовыхъ усахъ, надѣвавшіеся подъ платье, для приданія женскому стану и талии извѣстной формы.

Кроночко кружевное,—наколка на голову въ видѣ коронки.

Лабронъ, см. робронъ.

Ларцы китайскіе и нѣмецкіе для разной туалетной рухляди.

Наволочки,—чехлы на подушки и на перину.

Нахца,—наволочка, которая надѣвалась на подушку на ночь (Nacht-Zeuch).

Огонки,—мѣховое боа на шею или хвосты соболя.

Ожерелье (ошерелье),—нитки изъ бусъ или низанныхъ камней (росп. 1718 г.).

Пологъ,—матерчатый навѣсъ надъ кроватью; лѣтомъ навѣсъ изъ кисеи или рѣдины, для защиты отъ мухъ и комаровъ.

Портки,—штаны (отъ порты—одежда; Савваитовъ, 511);

Роба,—парадное платье для выѣзда.

Робронъ (Robe ronde),—платье съ пышной юбкой, у которой низъ подшитъ китовымъ усомъ или тростникомъ.

Рожекъ,—въ которомъ обыкновенно держали нюхательный табакъ; табатерки ввелись у насъ уже въ XVIII вѣкѣ; во времена

Екатерины даже барышни нюхали табакъ и носили табатерки, называвшіяся «Voitures d'amour», такъ какъ черезъ нихъ передавались любовныя письма.

Сармара, или **Самара** (simarre), — длинная одежда, какую встарину носили женщины (Савваитовъ, Опис. одежды, 598).

Сережки двойчатки, т. е. состоящія изъ двухъ ярусовъ («изумруды съ яхонтами» — росписи 1718 и 1730 г.). Въ розыскѣ 1611 г. упоминаются серьги *двоенки*, далы съ яхонтами на золотѣ (Забѣлинъ, Бытъ царей; матеріалы, 18).

Складень, — по нынѣшнему медальонъ.

Суремница, — корбочка съ составомъ и спичка для сурменія бровей и вѣкъ.

Танцелеревой балахонъ, т. е. танцевальный.

Тресилки (висюльки), — длинныя подвѣски къ серьгамъ, фермуару и броши, а также и къ большимъ булавкамъ, употребляемымъ какъ головное украшеніе.

Фишменная юбка (отъ Fischbein), — юбка, подшита китовымъ усомъ.

Фантажъ (Fontange), — гофрированный стоячій воротникъ около шеи (росп. 1718 и 1730 г. г.).

Шлафрокъ, или женское пальто-халатъ; упоминается въ росписи и *шлафоръ* гулевой, для вечера, съ золотымъ шитьемъ и металлическими пуговками (рядная 1730 г.).

Шубейка, — коротенькая шубка женская.

144. Прибавить: есть еще два изданія этой картинки: *e*, въ которомъ первая строка текста заканчивается словами: «блюдо въ 6 аршинъ», и *ж*, отпечатанное доскою изданія *e*, грубо пройденною рѣзцемъ.

147. Повидимому это поздравительный листъ на бракосочетаніе Петра III съ Екатериною II.

150. Есть два изданія этой картинки; въ первомъ — *a* — цензурное дозволеніе 1839 г. (Флерова) поставлено внизу справа;

во второмъ — *b* (другая доска) — оно поставлено внизу въ срединѣ.

151. **Доброе домосодержаніе**. Наставленія, какъ жить въ семьѣ и править домою, составлялись съ давнихъ временъ. Въ рукописной литературѣ нашей есть по этой части особый такъ называемый *«вождь по жизни»* и цѣлый Домострой, составленный извѣстнымъ сподвижникомъ Грознаго, попомъ Сильверстомъ (Домострой: Голохвастовъ, М. 1849. — Некрасовъ, М. 1873) *). Составитель Домостроя начинаетъ книгу свою обращеніемъ къ семьѣ: «благословляю азъ грѣшный, и поучаю и наказую, и вразумляю сына своего, и его жену, и ихъ чадъ и домочадцевъ: быть во всякомъ христіанскомъ законѣ». . . . и т. д.; потомъ слѣдуютъ наставленія о таинствахъ, о почитаніи духовенства, царя и властей, родителей и старшихъ, и излагаются правила домашняго обихода, какъ содержать дворъ, чтобъ онъ вездѣ былъ крѣпко отыненъ (огороженъ), ворота всегда приперты, а къ ночи заперты, собаки были бы сторожливы.

Хозяйство, описываемое въ Домостроѣ, заведено на большую руку — это хозяйство зажиточнаго боярскаго дома: въ немъ есть не только ключникъ и конюхъ, но даже и хлѣбникъ и пивоваръ; всякій запасъ дѣлается на цѣлый годъ;стряпная описывается съ большими подробностями.

Наставленію тогдашней *русской дамъ* посвященъ цѣлый отдѣлъ: въ гости она ходитъ и къ себѣ зоветъ и *ссылается*, только съ кѣмъ велитъ мужъ; въ обществѣ *отнюдь бы сама пьяна не была — пьяный мужъ дурно, а жена пьяна въ міру не приложе*. Не слѣдуетъ ей сплетничать, а о комъ что спро-

*) Въ 1850 году Забѣлинъ, издавая дополненіе къ Домострою, привелъ одно указаніе, заимствованное изъ 1-й главы списка Домостроя, принадлежавшаго Погодину; въ первой главѣ, въ которой сказано: «Благословляю я грѣшный Сильвестръ, и поучаю, и наказую, и вразумляю едино сына своего Анеима, его жену Пелагею и ихъ домочадцевъ», и послѣ которой не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что составителемъ Домостроя былъ знаменитый Сильвестръ (Некрасовъ, стр. 2).

сятъ, отвѣчать: не вѣдаю ничего, и не слыхала, и сама о надобномъ не спрашиваю, ни о княгиняхъ, ни о боярыняхъ, ни о сосѣдяхъ не пересужаю (стр. 58). Если-же, заключаетъ Домострой, жена всего этого не выполняетъ, то мужу слѣдуетъ ее *пользовать страхомъ на единь, не передъ людьми*; если же и это не подѣйствуетъ, а равно и за *страшное ослушаніе и небреженіе, то, смотря по винь, снявъ рубашку, плеткою вежливоенько побить, за руки держа. А по уху ни по лицу не бить; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ, не колоть; ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить. И кто въ сердцахъ, или съ кручины такъ бьетъ, — многія бѣды и притчи отъ того бывають: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнутъ, и голова и зубы болятъ* (стр. 68).

Домочадцамъ предписывается тоже не сплетничать и ссоръ между господами не заводить. Кормить прислугу слѣдуетъ передъ господскимъ столомъ, «чтобъ она *стряпала не въ кручинь*; а по окончаніи господскаго стола, за хорошую стряпну, опять *прохладить и накормить*. Слугамъ, когда они посланы къ чужимъ господамъ, *носа не копать перстомъ, а отшедь на сторону, вычистить носъ, или выкашляться: такъ будетъ не скародно и въжливо; а сморкнутъ или плюнуть заворотясь, да потереть ногою: такъ всякому челоуьку приожже*» (Буслаевъ, Очерки, I. 476).

Домострой запрещаетъ «всякія забавы, пѣсни бѣсовскія, плясаніе, скаканіе, гудѣніе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди и птицы и собаки ловчія . . . чарованіе и волхвованіе . . . игру . . . всякое дьявольское угодіе, гаданіе и чародѣйство . . . и скоморохи и зернь и шахматы и тавлею, а также и кормленіе медведей, собакъ и ловчихъ птицъ, на *глумленіе*, и на ловленіе и на прельщеніе простѣйшихъ челоуьковъ».

Въ XVII главѣ, «како дѣти учить и страхомъ спасти», составитель Домостроя говоритъ: «косни сына своего отъ юности его, и покоитъ ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его,

не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, и душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли имаши: положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ; да не посрамиши лица своего; да въ послушаніи ходитъ; за не свою волю приимши и въ неразуміи прокудитъ дѣвство свое, и сотворитъ тя знаемымъ твоимъ въ посмѣхъ, и посрамятъ тя передъ множествомъ народа; аще бо отдаш дщерь свою безъ порока, то яко велико дѣло совершиши, и посреди собора похвалишися при концы не постонеши на ню; сыну не дажь власти въ юности, но сокруши ему донележа ростеть, а, ожесточавъ, не повинитъ ти ся».

Забѣлинь, въ Опытахъ своихъ (I. 182), указываетъ на источникъ всѣхъ этихъ наставленій: XX гл. Домостроя цѣликомъ заимствована изъ словъ Іоанна Златоуста о женахъ добрыхъ (гл. 157); глава XVII Домостроя, какъ дѣтей учить, взята оттуда же (гл. 160); изъ этого же источника черпали полною рукою всѣ наши сборники: Златоусты, Златоструи, Измарагды, Торжественники и т. д. Подробныя указанія на источники Домостроя и на критическія статьи объ этой книгѣ нашихъ изслѣдователей сдѣланы въ сочиненіи Н. Некрасова: О Домостроѣ, Москва 1873 г. Во Французской народной литературѣ наставленія по части домоводства гораздо полнѣе; существуетъ, напримѣръ, наставленіе новобрачной, какъ ей въ первый разъ входить въ спальную супруга «стыдливо, но съ рѣшимостью пожертвовать собою», и раздѣться такъ, чтобы супругъ не видалъ этого (Nisard, I. 312); есть цѣлыя сочиненія (XVIII в.), руководящія супруговъ въ дѣлѣ любви, съ скандальными картинками (I. 227); есть и наставленія XVII в.), напоминающія нашъ Домострой, какъ слѣдуетъ вести себя въ людяхъ, не грызть ногтей, не ковырять въ зубахъ, не вонять, не харкать, не сморкаться въ руку и въ рукавъ, а отвернувшись сморкнуться; какъ чихать съ учтивостію и не икать; если же будетъ позывъ на рвоту, то рвать въ уголь (Nisard, II. 385).

152. Худое домоправительство. Картинка эта скопирована,

безъ всякихъ измѣненій, съ нѣмецкаго оригинала первой половины XVIII вѣка; надписи въ семь послѣднемъ слѣдующія:

Вверху: «Glaubt, die ihr auf das Freijen denckt,
Diss Abentheur ist Kein Gedichte:
Liebt was euch Gott und Glücke schenckt,
Sonst zeugt euer Ehstand gleiche Früchte».

Надъ мужемъ: «Ich frage, wer ist schuld daran, Dass mich mein Weib so zausen kan?» Надъ женой: «Soll ich magd seyn bey Geld und muth, Ein Mannvergnugt noch nicht mein Blut». Надъ дьяволомъ: «Den Krebsgang schreib wo mans so treibt». На гирѣ: «1000 El Ein un gleich Paar, Führt Zentner Wahr, Wo es Zum Ziel, gleich diesem will». На лѣвомъ пьедесталѣ: «Was hilfft doch Kunst und viel verstehen? Wo es muss so verkehrt Zugehen». На правомъ: «Ein böses Weib mit Kinder noth ist auf der Welt schon Höll und Todt». Подъ коробомъ, въ которомъ сидитъ курица: «Wiltu mit mir nicht stimmen ein, So will ich Hahn im Korbe sein».

Подъ картинкой: «Das Böse Haushalten

Verdorben ist der hier zunennen,
Der Glück und Weib sich so erkiest
Von dem er sich bald wünscht zutrennen,
Da er schon fest verbunden ist.
Dem der im Bette Kranck muss liegen,
Dem hilfft oft Kraut Safft oder Gifft;
Allein der liegt im letzten ziegen,
Der seinen Ehstand wal nicht trifft».

Нѣмецкій подлинникъ находится въ моемъ собраніи.

153. Упрямая жена. Разсказъ этотъ составляетъ перепечатку басни Измайлова. По удостовѣренію В. О. Щербакова, существовала народная картинка на эту же тему, составленная по извѣст-

ному разсказу изъ Великаго Зерцала (гл. 845): «Мужъ съ женою единою иде чрезъ ниву, рече: изрядно зѣло есть сія земля покошена; жена-же противнымъ образомъ рече: нѣсть се покошена, но пострижена, сопротивляющися мужу много; егда же мужъ глаголаше, яко покошена, а жена глагола: пострижена. Мужъ-же на гнѣвъ подвигшися, вверже ю въ воду; егда же въ водѣ вящше не можаше глаголати, протяже руку отъ воды, творяше знаменіе перстами на подобіе ножницъ, являюще, яко быти пострижена, и сопротивляющися даже до смерти». Этотъ разсказъ заимствованъ изъ старинной французской басни «du pré tondu», и извѣстенъ у насъ по пословицѣ: «стриженный» не бритый».

154. Глупая жена и кошка. У меня есть еще два изданія этой картинки: *d*—отпечатокъ доски изданія *a*, на синей бумагѣ 1800 года; въ немъ, въ концѣ предпоследней строки, буквы «же» затерты, а пониже ихъ видно пятно отъ крѣпкой водки, и *e*—изданіе 1830—1840 г.; послѣднее слово первой строки въ немъ: «оловянное». Текстъ этой картинки представляетъ безграмотное сокращеніе разсказа въ виршахъ, помѣщеннаго въ Старичкѣ Весельчакѣ (СПБ. 1790) подъ заглавіемъ «о глупой женѣ»; нѣсколько иначе разсказанъ онъ въ «Бабушкиныхъ Сказкахъ» Друковцева (М. 1781): «парень женился на лѣнливой дѣвкѣ, увѣривъ мать, что у него въ домѣ работы никакой не будетъ; все дѣлаетъ котъ, и варить, и жарить, и рубашки шьетъ. Въ первый день парень сказалъ: жена вели коту сварить щи; умница взяла мяса и дала коту, который его тотчасъ-же и съѣлъ. Увидавъ такую притчу, парень сказалъ женѣ, что котъ его избаловался, и, что его надобно наказать; снялъ съ жены сарафанъ, посадилъ ей кота за пазуху и началъ стегать, по чемъ ни попало. Ученье пошло въ прокъ, и на слѣдующій день жена не стала дожидаться кота, а сама сварила мужу щи» (стр. 42).

157. Рожденіе тятеньки. Это одна изъ поздравительныхъ картинокъ, которыми дѣти дарили своихъ родителей въ день именинъ,

точно такъ, какъ взрослые дарили въ такіе дни другъ другу чашки и чайники съ разными поздравительными подписями.

158. Разговоръ мужа съ женой. Четыре стиха: «Напрасно мужъ. . . . и жни» перепечатаны изъ Письмовника Курганова (стр. 228); впереди ихъ въ Письмовникѣ рассказана такая исторія:

«Одному придворному смѣялись, что онъ безсиленъ, а онъ ни мало не хотѣлъ въ томъ признаться; и нѣкогда, встрѣтившись съ однимъ насмѣшникомъ, сказалъ: Знаете-ли негодные порицатели, что моя жена недавно родила мнѣ сына?—Поздравляю, государь мой!—отвѣчалъ тотъ,—да о вашей женѣ никогда и не сомнѣвались». Затѣмъ слѣдуютъ вышеприведенныя вирши нашей картинки.

О безпорядочномъ поведеніи дѣвицъ семнадцатаго вѣка и о выходѣ ихъ въ замужество, даже съ готовымъ брюшкомъ, встрѣчаемъ извѣстія въ сочиненіи: «Книга о злонаправныхъ женахъ, зѣло потребна, и женамъ досадна» (Опыты И. Е. Забѣлина, I, 127). «Ей ехиднѣ уподобишася нынѣшнія дѣвицы. Многія бываютъ мужамъ жены, въ утробѣ имѣютъ блудомъ прижитое дитя а родити еще не время, и онѣ чрево свое гнетутъ и утѣсняютъ и помышляютъ себѣ, егда отроча изъ чрева изыдетъ, и како бы задушити его своими колѣнами, и тѣмъ дѣвическую свою печаль избыть: таковой женской злой нравъ; дѣвицею именуется, ибо образомъ яко дѣвица, а нравомъ — истинная блудница. Кому прилучится зри ее: ходитъ быстро, очами обзорлива, нравомъ буява и во всемъ неистова (и ни въ чемъ не счастлива».

Кромѣ приведенныхъ выше четырехъ стиховъ, въ Письмовникѣ Курганова находимъ по предмету нашей картинки слѣдующее четверостишіе:

«Вчера свершился мой съ тобою бракъ
 Что я хотѣлъ найти, не сдѣлалось такъ.
 Жена ему на то: не тѣ ужъ нынѣ годы,
 Трудненько то найти, что вывелось изъ моды»

и пикантный разговоръ въ прозѣ: «Молодецъ, женись, сказалъ

своей женѣ на первой ночи: ежели бы я тебя такъ зналъ прежде, тобы никогда на тебѣ не женился. — Это правда, отвѣчала она, я сама то думала, потому что меня прежде разъ пять обманули, и я опасалась болѣе въ такой обманъ даться». Щербаковъ завѣряетъ, что все это было воспроизведено въ народныхъ картинкахъ.

161. Въ моемъ собраніи есть еще изданія: *d*, въ которомъ первая строка текста кончается такъ: «рубить позабуди»; изданіе *e*, отпечатанное пестертой Ахметьевскою доской, и изданіе *жс*, отпечатанное тою же доской, но грубо выправленной рѣзцемъ.

162. У меня есть еще изданіе этой картинки—*b*, копія съ изданія *a*, въ обратную сторону: рейтаръ ѣдетъ вправо. Рейтары, или конные стрѣльцы, неоднократно упоминаются въ актахъ XVII вѣка (Выходы царей, стр. 297).

163. Прибавить: есть еще изданіе рейтарши (*g*), отпечатанное доскою изданія *a*, но сильно выпечатанною; причемъ на доскѣ, около герба внизу справа, видна трещина.

164. Терпѣливый отецъ. Русская картинка скопирована точь въ точь съ нѣмецкой, на оборотъ (старикъ идетъ влѣво); но въ нѣмецкой картинкѣ на люлькѣ и корзинкѣ наклеены два клапана, на которыхъ изображены мышеловки и другія издѣлія изъ олова; когда эти клапаны закрыты, старикъ представляется продавцемъ мышеловокъ; когда ихъ б, то подъ ними оказывается куча ребятъ и продавецъ мышеловокъ обращается въ добраго старика съ ребятами въ люлькѣ и корзинѣ. Стихи внизу картинки слѣдующіе:

«Hechelen Mauss faller Maustfaller.
 kommt Kauffet die Razen und mäuse zu fangen,
 hier allerhand fallen nach euren Verlangen.
 schaut öffnet dieselben die alle hab ich,
 gefangen, ein jeder kauff eine für sich».

Подлинникъ, гравированный на $\frac{1}{2}$ листѣ, въ концѣ XVII вѣка, находится въ моемъ собраніи.

Въ западной литературѣ существуетъ множество рассказовъ о простоватыхъ мужьяхъ, которые не только пропускаютъ мимо глазъ проказы своихъ женъ, но еще сами наводятъ ихъ на любовниковъ; одинъ изъ такихъ рассказовъ помѣщенъ въ Лимонарѣ (листъ 88): «Нѣкій юноша неимѣя дѣтей отъ своей жены просилъ Авву Даниила придти въ домъ его, сотворить молитву. И пришелъ въ домъ его Авва Даниилъ, и сотворилъ молитву; и зачала жена юноши отъ той молитвы; и стали всѣ говорить въ народѣ, что юноша неплоденъ, и что жена его зачала отъ Аввы Даниила. Когда же родился у юноши сынъ, пришелъ къ нему Авва Даниилъ, и, взявъ на руки двѣнадцатидневнаго младенца при всѣхъ спросилъ его: кой твой отецъ? и младенецъ указалъ перстомъ на юношу! И всѣ видѣвшіе прославили Господа!» Сюда слѣдовало бы отнести и картинку о лукавой женѣ, описанную подъ № 72-мъ.

166—170. Мыши кота погребаютъ. До насъ дошло шесть совершенно различныхъ переводовъ этой картинки: изъ нихъ три двухлистные на деревѣ, одно трехлистное на мѣди и два двухлистные тоже на мѣди (одно зимнее, другое лѣтнее). Работа двухлистной картинке № 167, гравированной на деревѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Стасовъ, имѣетъ много общаго съ гравюрой лицевой библии мастера Кореня 1696 года: «и здѣсь шерсть мышей и кота выражена посредствомъ параллельныхъ, правильныхъ чертъ, которыми усѣяно тѣло животнаго; сверхъ того, глаза и мышей и кота имѣютъ точь въ точь такое очертаніе, какъ у всѣхъ людей и животныхъ въ лицевой библии Кореня: очень продолговатая миндалина со зрачкомъ, прикрѣпленнымъ къ верхней вѣкѣ» (разборъ моей книги: Русскіе граверы, стр. 67). Разница въ томъ, что картинка лицевой библии вырѣзаны съ бѣльшею тщательностію и съ хорошихъ рисунковъ мастера Григорія, которые граверъ Корень, не смотря на всю неумѣлость свою, не могъ до конца обезобразить своимъ грубымъ и толстымъ

рѣзцомъ (см. № 810). Судя по этому, можно заключить, что дошедшіе до насъ отпечатки на бумагѣ второй половины XVIII вѣка сдѣланы съ досокъ болѣе древняго времени, въ особенности погребеніе № 166, отпечатанное доскою сильно попорченною, потертою и съ обколочившимися буквами въ текстѣ.

Вопросъ о томъ, откуда взялась эта картинка въ нашемъ лубочномъ мірѣ и съ какого времени, уже давно занималъ нашихъ археологовъ. Макаровъ, въ одной изъ своихъ статей (Вѣст. Евр. 1821 г. № 9, стр. 53), говоритъ, что въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую-же сатиру, какую Лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинке была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва Лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ, и что затѣмъ сатира эта перенесена на личность Ивана Грознаго. Снегиревъ, замѣчая, что такое мнѣніе подтверждается нѣсколько изображеніемъ любимаго кота Ивана Грознаго, которое, по свидѣтельству г. Чицова, хранится въ Дрезденской галлерей, отвергаетъ однакоже возможность появленія подобной картинке въ то время, когда книгопечатаніе и гравированіе были еще впервые заведены въ Россіи и посвящены единственно религіознымъ предметамъ (Лубоч. карт. М. 1861, стр. 130).

Стасовъ, просматривавшій Чешскую хронику Гайка, не нашелъ въ ней приписки, указываемой Макаровымъ. Съ своей стороны замѣчу, что ни въ Дрезденскомъ музее, ни въ другихъ собраніяхъ, нѣтъ гравюры, изображающей кота царя Ивана Васильевича: въ Дрезденѣ, въ галлерей, выставлена довольно рѣдкая гравюра работы Hollar'a, съ подписью «Le vray portrait du Chat du grand Duc de Moskouie 1661»; такіе-же экземпляры ея находятся въ Петербургской публичной библиотекѣ

и въ моемъ собраніи. Такимъ образомъ родословіе кота нашего отъ Лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными; еще менѣе представляется данныхъ къ производству этого-же кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи приводятъ въ примѣръ индѣйскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индѣйскимъ богомазомъ въ новѣйшее время¹⁾; тамъ сидитъ котъ Видало, рыжій, съ черными пятнами и съ чернымъ хвостомъ. По обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши: одна спереди, другая сзади. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же ошейнику; у задней въ лапахъ копье. Кромѣ того на спинѣ у кота сидятъ маленькія мышки и держатъ въ лапахъ нѣчто въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на престолѣ (въ видѣ табурета) сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящею мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ.

Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я накупилъ множество такихъ картинокъ, дѣланныхъ отъ руки, въ Бомбей, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи: въ числѣ ихъ есть двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками; въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ, на остаткѣ древняго египетскаго папируса, — на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышинными войсками; въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой-же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ, — кошки подносятъ ей разные дары (Champfleury, Hist. de la Caricat. antique, p. 24); въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камей, на которомъ представлена кошка, играющая на скрипкѣ, — передъ нею пляшетъ мышь (тамъ-же, 81); въ Парижской библиотекѣ, въ «collection Hennin» (XVIII. 21), есть народная картинка — война мышей

¹⁾ Она привезена изъ Индіи Е. И. Барановскимъ.

съ кошками, съ подписью: «A Lyon par Leonard Odet, au coin de rue Ferrandière, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits»; внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ ни одна изъ этѣхъ картинокъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ погребеніемъ; съ перваго же взгляда ясно, что ни въ индѣйскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ нѣтъ положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего Казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашей картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картинка — чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ Нюрнбергскими похоронами охотника, — на которые указываетъ Снегиревъ, — ни съ другими западными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта, — это вполне оригинальное произведеніе русскаго народнаго буффа.

Что касается вопроса о томъ, на кого могла быть сдѣлана наша сатира, то внимательное разсмотрѣніе текста ея приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Нашъ котъ *брысъ*, онъ-же *Алабрысъ*, не простой смертный, а знатная особа; титулы его: котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій. . . . прямо указываютъ на царское его происхожденіе.

2) По многимъ признакамъ можно заключить, что покойникъ былъ *знатный подпивало и веселый обзѣдало*, любилъ сладко поѣсть (съ хорошими послѣдствіями такой ѣды) и выпить, а потому на тризну къ нему со всѣхъ сторонъ *отъ вольныхъ домовъ*²⁾, изъ

²⁾ *Вольными* домами назывались трактиры (Полное Собраніе Зак. № 6566, 1734 г.), въ которыхъ однако же запрещено было держать непотребныхъ дѣвокъ *вольнаго* обращенія (№ 6947, 1736 г.). Иностранцу Милле дозволено было завести трактиръ на Васильевскомъ островѣ въ 1718 г. (№ 3299).

большихъ питейныхъ погребовъ, везуть и несутъ: горѣлку, вино и пиво въ ушатахъ, бочкахъ и скляницахъ.

3) Покойникъ хотя и былъ русскій, но состоялъ въ близкомъ родствѣ съ *чухнами*: тѣло его везется на чухонскихъ дровняхъ, да и *чухонка вдова* Маланья, о которой говорится въ картинкѣ, по видимому самое близкое къ нему лице—его собственная вдова, такъ какъ отъ нее несутъ главные предметы поминанья—пиво и олады: «двѣ мыши съ рожновой горы отъ *чухонки вдовы* тащатъ изъ шинка ушатъ мерзкаго пива летошняго года изъ подъ *Маймистскаго* захода»—и далѣе «мышь отъ *чухонки Маланьи* везетъ полны сани оладьевъ».

4) Покойникъ былъ права крутаго: «когда въ живности пре- бывалъ, по цѣлому мышенку глоталъ» (№ 168), и много изобидѣлъ онъ въ жизни своей народа; за то эти обиженные и собрались посмотрѣть на своего недруга и съ радостію привѣтствуютъ стараго лиходѣя: здѣсь и тренка (Гренко) изъ убогаго дома веселыя пѣсни воспѣваетъ, безъ кота добро жить возвѣщаетъ (170. 9), и охтенская переведенка несетъ раненаго котомъ мышенка (21); тутъ же и мышенокъ *отшибено рыло* (50) и старая подовинная мышь³⁾ смотритъ въ очки, — у ней котъ изорвалъ ж... въ клочки (19); въ двухъ мѣстахъ бредутъ *лазарейскія* и *хворья* мыши, а въ третьемъ *лазарейская* мышь тащится на *костыляхъ*, вѣроятно тоже вслѣдствіе котовой баталіи (34); мыши изъ ямской *хворыхъ* мышей на себѣ везуть, прогоновъ не берутъ (26). *Татарскимъ* мышамъ покойникъ пришелся особенно солонъ, — онѣ участвуютъ въ церемоніи въ четырехъ мѣстахъ: мышь татарская Оринка наигрываетъ въ волюнку (10); мыши татарскіе хаджи (т. е. хаджи)⁴⁾ несутъ вилки да ножи (42); мышь

³⁾ Снегиревъ читаетъ: «Подовинская», по бывшему у него въ рукахъ испорченному новому тексту, и предполагаетъ, что въ этомъ названіи заключается намекъ на кн. В. В. Голицына, жившаго подъ Новинскимъ монастыремъ.

⁴⁾ *Хаджи*, богомольцы — паломники, преимущественно мусульманскіе богомольцы, побывавшіе въ Меккѣ у Магометова гроба.

татарская изъ Крыму⁵⁾ несетъ кобыляго молока крину (54) и наконецъ мыши изъ подъ татарской мечети промежь собою по татарски лепечуть—какъ-бы поглубже велѣтъ про кота яму обрывать и поглубже его зарыть (29). Изъ другихъ русскихъ мышей участвуютъ въ процессіи представительницы вновь приобрѣтенныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка сосѣднихъ съ Петербургомъ областей: *Олонки*, *Корелки*, *Охтенка*, *Шушера изъ Шлюшина* (несетъ съ Ладоги сѣги, — ѣшь да плотно сяди, 51); а также и представительницы немногихъ областей русскихъ: мышь *Украинская*, *Новгородская* и мыши съ *Рязани*, по прозванію *Макары*. Прочія мыши собрались на погребеніе кота съ разныхъ Московскихъ улицъ и урочищъ: всѣ онѣ въ большой радости по случаю кончины державнаго Алабрыса, поютъ, скачутъ, играютъ на разныхъ инструментахъ⁶⁾ и бранятъ возниковъ, чтобъ скорѣе

⁵⁾ Въ новыхъ изданіяхъ ошибочно поставлено *изриму*, какъ и прочелъ И. М. Снегиревъ въ своихъ комментаріяхъ по поводу Римскаго Папы.

⁶⁾ Въ числѣ ихъ на древнейшемъ переводѣ (деревенская мышь) *Чурилка Сурначъ* (т. е. *зурначъ*, отъ зурны) въ *сопель* играетъ, мышь аринка играетъ въ *волюнку* и еще одна мышь въ *балалайку* играетъ, гостей созываетъ. *Сопель*, *сопелька*, *сиповка*, — деревянная дудка, которая дѣйствительно издаетъ сиповатые звуки, сопить (см. №№ 167, 168 и 170): въ одной изъ пѣсень, собранныхъ Кирѣевскимъ (вып. 8, стр. 34), упоминается *сиповочка серебряна*. *Сурна* или *зурна* (на № 166)—труба, которая и до сихъ поръ въ ходу въ Грузіи; сурны и сопели въ древности употреблялись въ войскахъ и не разъ упоминаются въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ другомъ переводѣ поставлено: *Чурилка сарначъ* въ свирѣлку играетъ. *Свирель*, флейта съ тремя дырочками (изображена на № 679, см. II. 493; упоминается въ №№ 166, 167 и 170), — инструментъ, бывший въ большомъ употребленіи въ шутовскихъ Петровскихъ процессіяхъ. Изъ другихъ музыкальныхъ инструментовъ въ погребеніи упоминается *Волюнка*; это духовой инструментъ, — цѣльный мѣхъ, содраный съ козла или барана, шерстью вверхъ; въ него вставляются четыре трубки: двѣ изъ нихъ внизу, басовыя, составляютъ гармоническій однообразный аккомпаниментъ, — онѣ постоянно открыты, какъ и третья дискантовая, имѣющая равно видъ флейты; на дырочкахъ этой послѣдней волюнчикъ перебираетъ пальцами мелодію. Всѣ три трубки двухъ-составныя и настраиваются въ тонъ на каждую пѣсню, посредствомъ ихъ удлинненія или укорачиванія; въ трубкѣ, въ самомъ соединеніи ея съ мѣхомъ, помѣщены язычки, какъ въ кларнетѣ. Въ четвертую трубку волюнчикъ постоянно надуваетъ свою волюнку, т. е. наполняетъ ее воздухомъ: волюнку держать онъ подъ мышкой, а звуки производитъ, подавливая еѣ локтемъ, причемъ воздухъ, проходя въ первыя три трубки, даетъ мелодію и аккомпаниментъ. Въ

везли, поспѣшали съ веселіемъ ката поминать и похмельныхъ охмелять (17). Даже мышь съ Рязани, Сива въ сарафанѣ (въ другихъ изданіяхъ въ синемъ сарафанѣ), которая, судя по наряду, вмѣстѣ съ мышами Ермаками (13), мышами Елесеями (12) и мышами пѣвчимп, шествующими впереди, представляетъ въ процессіи духовный элементъ, — и та горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ.

5) Въ текстѣ, въ четырехъ мѣстахъ, упоминается о *лаптяхъ*: должно быть покойникъ особенно интересовался этой отраслью народного богатства. Въ самомъ началѣ картинки, съ нѣкоторой проницей замѣчено, что онъ хотя и *плелъ лапти*, но самъ *носилъ сапоги* (170); въ самой процессіи: шутъ-мышка Фарносикъ красный носикъ растоптала *лапти*, ознобила лапки (33); другая мышка, сѣвши на пенекъ, надувается третій день, *въновь лапти* обувается (31); а въ № 28 мыши идутъ: одна съ метлой, другая съ ветлой, по пути дорогу *лаптями* устилаютъ, а сами по сторонамъ *посикаютъ* 7).

Малороссіи волынка носитъ названіе Кобзы, а волынщикъ зовется Кобзаремъ. Волынка — національный инструментъ у Шотландцевъ, на югѣ Франціи, у Итальянцевъ, у которыхъ она устроена сложнѣе нашей; въ настоящее время волынка вывелась изъ употребленія почти повсемѣстно. Она представлена и упоминается на нашихъ картинкахъ въ №№ 102, 166, 168, 170 (8 и 10). *Балалайка* или *домра* (итальянская *Calascione*), — самая простая склеена изъ четырехъ треугольныхъ дощечекъ, съ придѣланнымъ къ нимъ грифомъ и ладами; струнъ на русской балалайкѣ три, — бываетъ и двѣ, но рѣдко. Балалаечникъ или *мажетъ* пальцами взадъ и впередъ по всѣмъ струнамъ разомъ, безъ перемежки, производя (тремя пальцами лѣвой руки) рядъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ аккордовъ; или же *перецѣпываетъ* по струнамъ свою мелодію. На этомъ, до крайности простомъ и незатѣпливомъ, инструментѣ московскій любитель Радивиловъ (въ пятидесятыхъ годахъ) давалъ публичные концерты и извлекалъ изъ трехъ струнъ его очень полные и пріятные звуки; Радивиловъ игралъ и на однострунной балалайкѣ. Балалайка изображена на № 166. *Бубень* или *барабанъ* упоминается въ №№ 169, 170 и 679; *ложки* или *кастаньеты* съ бубенчиками изображены на картинкѣ № 191; *доски желѣзныя, клепала* и *била* описаны въ примѣч. къ № 174.

7) Встарину, впереди духовныхъ процессій, шли метельщики и прометали дорогу метлами. Такое метеніе изображено и у Олеарія на картинкѣ: «Eine moscowitische Procession» (*Viel- vermehrte moscov. Reisebeschr., Schlesswig 1656, стр. 46*). Въ пѣснѣ о Дюкѣ Степанычѣ рассказывается, что когда идетъ его мать, то передъ нею расчищаютъ дорогу сперва лопатники, потомъ

6) Изъ картинки видно, что похороны происходятъ зимою и съ музыкой; погребальныя дровни везутъ *восемь мышей*, впереди идутъ пѣвчіе: «съ балчуга старая изъ мучныхъ рядовъ крыса поминаетъ ката Илабриса, съ Збрысу по *нотной книгѣ* выпѣваютъ и малыя ея дѣти тутже съ визгомъ провожаютъ».

7) Наконецъ изъ заголовка древнѣйшаго экземпляра Котова погребенія видно, что казанскій уроженецъ умеръ въ *спрыи* (т. е. зимній) *четвергъ*, въ *шестопятое* число, въ жидовскій шабашъ (№ 166).

Петръ I скончался въ четвергъ сѣраго — зимняго мѣсяца января, съ пятого часа на шестой (въ первой четверти 6-го) или, какъ сказано на картинкѣ, въ шестопятое число. Кромѣ того мы знаемъ, что въ первый разъ въ Россіи музыка была допущена на похоронахъ Лефорта въ 1698 году; что на похоронахъ Петра I была тоже музыка, и что тѣло его было перевезено на погребальныхъ саняхъ на восьми лошадяхъ. (Описаніе порядка держанного при погребеніи Петра Великаго. М. 1726, стр. 24.)

Эти существенные признаки, кажется намъ, достаточно указываютъ, что державный покойникъ нашъ никто иной, какъ славный протодіаконъ всешутѣйшаго и всепѣнѣйшаго собора Пахомъ Михайловъ, — и что самая процессія его погребенія представляетъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя устраивались Петромъ на разные случаи съ цѣлью сладко поѣсть, попить и повеселиться. Не онъ ли приходился лютымъ звѣремъ и крокодилу, какъ его называютъ раскольники, и — Охтенкѣ, насильно переведенной изъ роднаго края на Питерское болото, и бѣдному Гренкѣ съ Дона, и Шушерѣ изъ Шлюшина, которыхъ онъ переводилъ, переселялъ, обкладывалъ разными тяжелыми работами и повинностями? Худо пришлось отъ него татарамъ; но за то и дома у него развелось много лазарецкихъ мышей — калекъ на костыляхъ, вернувшихся домой съ разныхъ баталій: даже и на похоронахъ одна мышъ бьетъ дробь въ бубень, — походъ-де будетъ. Искалеченныхъ лазарец-

метельщики, а затѣмъ уже постельщики постилаютъ сукно (Рыбниковъ, III. 161. 173).

нихъ мышей ямскія мыши на себѣ везуть и прогоновъ не берутъ, конечно потому, что прогоновъ имъ не платятъ ⁸⁾).

Относительно плетения лаптей мы знаемъ отъ Голикова и Штелина, какую заботу прилагалъ Петръ о распространеніи этого искусства у чухонцевъ. «Примѣтя на чухонскихъ мужикахъ весьма худую обувь, спросилъ онъ у одного изъ нихъ: для чего они не столько же хорошо плетутъ лапти, какъ русскіе мужики. И получа отвѣтъ, что они лучше не умѣютъ, приказалъ Монархъ изъ Нижегородской или Казанской губерніи, откуда лучшіе привозятся на продажу лапти, привезть въ Петербургъ шестерыхъ наилучшихъ лапотниковъ, и отправилъ оныхъ въ Выборгскую губернію, повелѣвъ ихъ раздѣлить по уѣздамъ, чтобъ они подъ надзоромъ сельскихъ пасторовъ обучали мужиковъ плести лапти по русскому образцу, и не были-бы прежде отпущены, пока чухонцы не выучатся плести оныхъ такъ чисто и прочно, какъ и они; а пасторы должны были всякій мѣсяцъ подавать въ Выборгское правленіе извѣстіе, сколь далеко простерлось тамъ обученіе; и русскіе оныя лапотники получали по указу его отъ правленія денежную сумму, изъ коей каждому изъ нихъ давалось по рублю въ недѣлю кормовыхъ денегъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Штелинъ, мужики во всей Россійской Финляндіи научились въ нѣсколько мѣсяцевъ плести хорошіе лапти какъ изъ лвы, такъ и изъ липы и другихъ годныхъ лыкъ, и попечительный отецъ отечества достигъ своего намѣренія, научивъ новыхъ своихъ подданныхъ сохранять свои ноги, и предостерегъ тѣмъ жителей сей земли отъ разныхъ, и обыкновенно дотолѣ случавшихся, болѣзней, кои прежде сего всегда происходили отъ худой, яко не защищавшей

⁸⁾ «Мыши изъ ямской хворыхъ мышей на себѣ везуть, прогоновъ не берутъ» (26)—указываетъ на недавно еще практиковавшуюся перевозку больныхъ солдатъ и арестантовъ: часовой, сопровождающій больного, завидѣвъ извозчика, останавливаетъ его за воротъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, садится на него съ своимъ больнымъ и ѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не попадетъ по дорогѣ другой порожній извозчикъ; такимъ простымъ и бесплатнымъ способомъ оба достигаютъ до мѣста назначенія, конечно при помощи городовыхъ и будочниковъ, помогающихъ часовому *придерживать* извозчиковъ, которые, завидѣвъ *лазарейскую мышь*, толпой узлепетываютъ въ переулки.

отъ мокроты ногъ, обуви» (Голиковъ, Дѣянія Петра I, III. 222.—Штелинъ, Любопытныя и достопамятныя сказанія о Императорѣ Петрѣ Великомъ, 215 и 216)⁹⁾.

На тождественность Алабрыса со всешугѣйшимъ протодіакономъ указываютъ и другія подробности, разбросанныя въ текстѣ картинки:

8) Дровни тянутъ мыши съ Рязани, а *прозваніемъ они Макары*; Снегиревъ объясняетъ это мѣсто встрѣчу, сдѣланною Петру I въ Рязани: онъ спросилъ одного изъ подававшихъ хлѣбъ соль — «какъ тебя зовутъ?» — «Макаромъ, надежа Государь», отвѣчалъ тотъ. «Очень хорошо», промолвилъ Петръ; а прочіе, услыхавъ такой отзывъ, подумали, что имя Макаръ ему очень понравилось, и на вопросъ его объ ихъ именахъ, всѣ оказались Макарами. — «Будьте-же вы всѣ Макарами», приказалъ Петръ; съ того времени Рязанцевъ и стали прозывать Макарами (Луб. карт., стр. 127).

9) Въ процессіи, въ верхнемъ ряду, одна мышь везетъ боченокъ, верхомъ на ней сидитъ другая, маленькая мышь, и куритъ изъ коротенькой голландской трубочки; надъ нею поставлена надпись: «мышка тянетъ табачишка». Куреніе табаку въ Россіи было запрещено подъ страхомъ смертной казни указомъ царя Михайла Оедоровича въ 1634 году, а по Уложенію о наказаніяхъ царя Алексѣя Михайловича курильщиковъ наказывали кнутомъ, рвали имъ ноздри и рѣзали носы (Улож. XXV. гл. 11 и 16). Не смотря на это, *нитухи* и *пропойщики*, занимавшіеся куреніемъ табака, встрѣчались въ народѣ въ людяхъ *всякихъ чиновъ* и, по

⁹⁾ Рядомъ съ этими лаптями слѣдуетъ поставить и другое распоряженіе Петра о томъ, чтобы юфть изготовлялась не съ легтемъ, а съ ворваннымъ саломъ; кто-же будетъ готовить по прежнему, того ссылатъ на каторгу (впрочемъ по истеченіи годового срока). Существуетъ легенда, что Петръ и самъ учился плести лапти, и что силетеный имъ форменный лапотъ хранился въ числѣ его вещей въ Эрмитажѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—Лапти плетутся, или ковыряются въ *однорядъ*: или простой плетенкой, *чисто-ковыромъ*, или-же съ *подковыркой*, причемъ подошвы и носокъ подковыриваютъ, т. е. проплетаютъ въ другой разъ; такія лапти прочнѣе и дороже. На передкѣ или личикѣ, подковырка дѣлается иногда и узорчатая (Кирѣевск. II. 71).

свидѣтельству Карлейля, бывшаго въ Вологдѣ въ 1663 году, всѣ русскіе были охотники употреблять табакъ, въ особенности курительный, и упивались дымомъ его до обморока. Дозволеніе ввозить (по десяти тысячъ бочекъ въ годъ) травы никоціаны— дано было въ первый разъ Петромъ англійскому маркизу Кармартену въ 1698 году на семь лѣтъ, причемъ дозволено ему привозить и нѣмецкія никоціанныя трубки, коробочки и другія мелочи къ никоціанскому куренію (Полн. Собр. Зак. № 1628). За тѣмъ указами 1723 и 1727 г. (Полн. Собр. № 4381, п. 3 и 5164) объявлено было о *вольной продажѣ* табака и даже приказано разводитъ его въ Россіи повсемѣстно. Раскольники однакоже продолжали по прежнему чуждаться табачнаго зелья, посаженнаго сатану¹⁰⁾.

¹⁰⁾ Въ книгѣ «Миръ съ Богомъ», переведенной съ греческаго въ царствованіе Михаила Федоровича, табакъ названъ зельемъ проклятымъ; въ «Сказаніи отъ книги глаголемыя Пандокъ» разсказывается, что о появленіи въ свѣтъ табачнаго зелья возвѣщено было въ пророческомъ сновидѣніи «нѣкоему царю эллинскому, именовъ Анапсию». Ему видѣлась дѣва въ царскомъ вѣнцѣ и одѣяніи, возсѣдающая на престолѣ, прекрасная и радостная; вокругъ нея множество народа: старики любятъ на нее и трепещутъ, и умираютъ отъ изнеможенія и страха; юноши взбираются на ихъ трупы, чтобы поглядѣть на нее, но и ихъ постигаетъ та-же участь; за юношами слѣдуютъ младенцы, такъ что отъ множества труповъ нельзя было узрѣть ни дѣвы той, ни престола ея царскаго. Царь просыпается въ ужасѣ и, не повѣдавъ никому о своемъ снѣ, бѣжитъ отъ царства своего, покинувъ власть. Онъ идетъ три дня и три ночи, смиряя себя постомъ и трудомъ, но Господь посылаетъ къ нему ангела, который, явившись передъ нимъ въ образѣ вельможи-каженика, велитъ ему вернуться: то, что онъ видѣлъ, не предвѣщаетъ зла ни ему, ни его царству, а имѣетъ сбыться въ послѣдніе дни, теперь-же зло только начало приэмлетъ; черезъ двѣнадцать лѣтъ и ты увидишь его, о царь. Анапсій возвратился на свое мѣсто и царствовалъ двѣнадцать лѣтъ, никому не повѣдавъ по вѣсть сію. Былъ въ то время врачъ Тремикуръ, родомъ эллинъ: однажды, когда онъ отправился въ поле искать врачевнаго зелья, сатана вложилъ въ него мысль сорвать и обнюхать «траву ту новораствующу, что произрасла надъ трупомъ блудницы. И воземъ Тремикуръ и обоня вноздрями своими и обвеселился, яко забыты ему вся печали житейскія». Онъ посадилъ сѣмена той травы въ свой огородъ, а отъ него она расплодилась и у другихъ; и всѣ принялись обонять то зелье, «и пьянствовать начаша; мнози же на огонь того былія полагающе и дымъ его цѣвницами вдыхаху во уста, и обледаша, иные обмираютъ, ови умираютъ, инии яко мертвыи лица, разслабленнымъ умомъ растлѣнны вертятся, безчинно ходяше, во умѣ пьяны сущи и во умѣ своемъ сице имущи кійждо сошедшеся глаголаху: сіе зелье за вся далъ веселія ради вмѣсто хмѣль-

10) Составитель картинки не забылъ прибавивъ, что у Алабрыса усъ сусастерскій: котскій усъ (усъ съ уса стерскій, т. е. торчкомъ къ верху стоящій) такой точно, какой носилъ отецъ протодіаконъ,—и что одинъ мышенокъ ѣдетъ въ любимой Петромъ одноколкѣ (двухколесной телѣжкѣ), которая до него была запрещена указомъ царя Феодора Алексѣевича (28 декабря 1681 г.).

11) Въ процессіи мыши несутъ, въ мѣшкахъ, студеное кушанье, которое по указу Князя Папы приказано было имѣть всегда на готовѣ для всешутѣйшаго собора¹¹⁾.

наго питія, якоже во иныхъ земляхъ бываетъ; у насъ же здѣсь сіе зелье насъ веселитъ». Анапсій, увидѣвъ передъ палатами толпу бѣсновавшихся и обмиравшихъ людей, подвергаетъ ихъ допросу и велитъ Тремикуру указать мѣсто, гдѣ онъ нашелъ пьянственное зелье. Начали копать и добрались до зловоннаго трупя; оказалось, что на мѣстѣ томъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ жила блудница. Тогда царь уразумѣлъ пророчество, бывшее ему отъ ангела, и замыслилъ принять святое крещеніе; дѣвица христіанка является первой его просвѣтительницей, епископъ города Еладетера креститъ его и, по наученію ангела, торжественно проклинаетъ «то зелье, законопреступленія плодъ». Ослушниковъ ожидаетъ адъ; кто-же «престанетъ отъ сего вкуса и покается съ постомъ и молитвами, чистымъ сердцемъ, со слезами и воздыханіемъ чистымъ, и то малую отраду и ослабу приметъ себѣ, и между рая и мукою учинитъ будетъ, а въ рай невоидимъ будетъ». Тогда благовѣрные мужи и жены новокрещенные искоренили то зелье изъ вертоградовъ своихъ; тѣже, что противились Божію закону, развезли то зелье по дальнимъ поганымъ странамъ, а оттуда оно зашло и къ христіанамъ. Господь во гнѣвѣ своемъ насылалъ на грѣшныхъ людей грозу и трусь; ангелъ Господень явился къ епископу, повелѣвая ему отлучать непокорныхъ отъ церкви и причащенія святыхъ тайнъ. «Слышавъ же епископъ отъ ангела и написа сія. По многихъ же лѣтѣхъ бысть явленіе на Красной Горѣ недужной дѣвицѣ Феоклѣ: Богородица предстала передъ ней и велѣла идти въ мѣръ, возвѣщая Божіе повелѣніе, чтобы люди праздники господскіе почитали, въ воскресные дни не работали, въ церковь бы ходили и отъ всего имѣнія Богу давали бы десятую часть, пьянство бы оставили, а табакъ отнюдь не пили—проклятъ бо есть отъ Бога и отъ святыхъ отецъ (А. Веселовскій въ Истор. Литер. Галахова: 2 изд., 464.—А. Пыпинъ, Очеркъ, 207).

¹¹⁾ Относительно *студенаго кушанья*, которое мыши несутъ *мешками*, надо припомнить, что всепомянутый, всепьянѣйшій и всешутѣйшій соборъ Петра I развѣзжалъ постоянно по знатымъ и богатымъ домамъ для пированья; есть указъ князя папы, чтобы для приѣма собора хозяева въ убытокъ не входили и ядей никакихъ не готовили, подъ опасеніемъ большаго орла, а держали бы на готовѣ холодныя закуски: хлѣбъ, соль, калачи, икру, сельдей, окорока, сухихъ куръ или зайцевъ, сыръ, масло, колбасы, языки, огурцы, капусту, яйца и шабашъ (т. е. довольно). «И надъ всѣми-же сими превозлюбленные наши вины,

12) Изъ мышей и крысъ, участвующихъ въ процессіи, самая высокая по росту изъ всѣхъ, рязанская мышь Сива въ сарафанѣ синемъ, безспорно представляетъ Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго. Мышь съ молотомъ Савка, которая «стучить да хвалить, что пироги ѣсть сладки» (59), напоминаетъ Савву Рагузинскаго, который на свадьбѣ Зотова былъ одѣтъ въ веницейскомъ платьѣ и игралъ на свирѣлкѣ; онъ пользовался такимъ уваженіемъ въ царскомъ семействѣ, что даже погребенъ на ряду съ царскими особами въ церкви Благовѣщенія Невскаго монастыря¹²⁾ (Богдановъ, Описание СПБ., 375). Кого нибудь да представляютъ и Емелька¹³⁾ приспѣшникъ (онъ же и могилякъ) и Гренко съ Дону, старая крыса съ Арбата, мышь татарская Оринка, старая мышь Брудня, Дорошка Ерошка потяпъ¹⁴⁾. Мышь съ шутовскимъ прозваніемъ Өарнось красный носъ вѣроятно означаетъ одного изъ шутовъ, до которыхъ Петръ I былъ такой охотникъ (см. № 209). Въ процессіи участвуетъ еще мышь *палена*, напоминающая старинный обычай выводить мышей: вымазывали мышь саломъ и, подпаливъ ее затѣмъ, выпускали на свободу; говорятъ, что такая паленая мышь выгоняла своимъ запахомъ всѣхъ остальныхъ мышей изъ подполья.

пиво, и медъ, сего что вяще, то намъ угоднѣйше будетъ, ибо въ томъ живемъ и не движемся и есть-ли или нѣтъ, не вѣдаемъ» (Русская Старина 1872, VIII. 878).

¹²⁾ Савва *Рагузинскій*, выходецъ изъ Турціи, былъ сперва тайнымъ агентомъ Россіи въ Константинополѣ; послѣ окончательно перешелъ въ Россію, хотя Турки требовали выдачи его. За вѣрное служеніе ему была дана привилегія торговать въ Россіи (Полн. Собр. Закон. IV, 20441), а въ 1712 г. ему отана на откупъ пристань корабельнаго дѣла въ Архангельскѣ; онъ велъ заграничную торговлю, отправлялъ корабли, имѣлъ конторы, отличался чрезвычайной скупостію и безобразіемъ; былъ старъ, сѣдъ и безъ зубовъ; при этомъ занимался литературой и переводами (Пекарскій, I. 253).

¹³⁾ По пѣснямъ, Емелька попъ ѣхалъ въ поѣздѣ въ пятыхъ саняхъ за Гришкой да Маришкой, гдѣ онъ «крестомъ благословляетъ, а самъ восклицаетъ: ступайте вы, дѣти, въ чужія кѣлти; если Богъ поможетъ, попа не забудете, если чортъ обрушитъ, попа не клепайте» (Кирѣев. VIII. 311).

¹⁴⁾ Св. Героеей, епископъ Авинскій, извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Ерофея Офени (Мельниковъ, Въ дѣсахъ, I. 267). Дорошка Ерошка потяпъ — напоминаетъ и козака-потяпа, гетмана Петра Дорофеевича Дорошенку.

13) Цензура съ давняго времени подозрѣвала настоящее значеніе Алабрысова погребенія и въ этомъ отношеніи, чутьемъ своимъ, опередила нашихъ изслѣдователей: сперва было исключено ею означеніе дня, въ который скончался Алабрысъ, находящееся въ древнѣйшемъ переводѣ его погребенія; затѣмъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ картинки, чтобы уничтожить всякое по этому поводу сомнѣніе, вмѣсто зимняго погребенія на дровняхъ, устроено лѣтнее — на телѣгѣ и выпущены всѣ мѣста — о вдовѣ чухонкѣ, о маймистскомъ заходѣ, а потомъ и о лаптяхъ, — которыми переполнена трехлистовая картинка № 170¹⁵⁾.

Замѣтки наши о котѣ и его погребенія закончимъ здѣсь однимъ смѣхотворнымъ объявленіемъ, хотя и не относящимся прямо къ нашему предмету, но трактуящемъ о *Казанскихъ котяхъ*, которые и въ половинѣ XVIII вѣка пользовались еще особою извѣстностію. Въ 1745 году, Высочайшимъ указомъ приказано было сыскать въ Казани *здѣшнихъ породъ* кладеныхъ самыхъ лучшихъ и большихъ тридцать котовъ, удобныхъ для ловленія мышей, и прислать въ Петербургъ. Объ этомъ было сдѣлано объявленіе, съ тѣмъ, что у кого есть такіе коты, чтобъ донести, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, штрафа (Русск. Стар. 1871. 643).

171. У меня есть два изданія этой картинки: *а* и *б*, отпечатанныя одною и тою-же доскою; въ изданіи *б* доска эта грубо пройдена рѣзцомъ.

171. А. — Прибавить: такое же *Катанье*, повтореніе № 171, въ обратную сторону: ѣдутъ вправо. — Въ моемъ собраніи.

¹⁵⁾ Въ заголовкѣ нашей картинки сказано, что она «небылица въ лицахъ, найдена въ старыхъ свѣтлицахъ, обернута въ черныхъ тряпичахъ». Указывая на эту присказку, Снегиревъ замѣчаетъ, что такая оговорка сочинителя не означаетъ-ли со стороны его опасенія огласить свою личность въ тотъ вѣкъ, когда подобная картинка легко могла довести его до застѣнка въ Преображенскомъ или въ ссыльномъ приказѣ, гдѣ стали бы у него вымучивать на дыбѣ, подъ ударами кнута, сознаніе, кого именно онъ разумѣлъ подъ изображеніемъ кота и мышей и съ какимъ умысломъ выдалъ такой пасквиль?» (Дуб. карт., 12'6)

172. А. — Прибавить: такой же *Котъ*, копія (на деревѣ-же) съ № 172, въ обратную сторону (клеимо съ надписью справа). Въ моемъ собраніи.

172. Б. — Прибавить: еще *Котъ*; картина четырехлистоваго размѣра, гравированная на деревѣ, — отпечатокъ на бумагѣ со знакомъ 1808 года, со старой доски, рѣзанной на манеръ Штеллиновскихъ. *Котъ* по переводу сходенъ съ № 172. Въ правомъ верхнемъ углу прибавлена большая вѣтка съ цвѣтами и сидящими на нихъ двумя птицами. Въ верхнемъ лѣвомъ углу надпись: «котъ каза|нской а у|мъ астра|ханской | сусасте|рской сл|авно жил|ъ слатко | ель сла|ко бздель».

По разсказамъ иностранныхъ путешественниковъ, наши прадѣды были большіе знатоки по этой части и издавали надстольные звуки и подстольные выстрѣлы не только у себя въ домѣ и въ церкви, но даже и во время царскаго стола, безъ всякаго *комфуза*; всѣ бояре напротивъ того привѣтствовали каждый такой откровенный выстрѣлъ *лежкою пороха* (см. картинку № 175) съ большою радостію и смѣхомъ. По этой части разсказываютъ:

Петрей (1615 г.): «die Musskowiter.. schemen sich gleicher massen nicht, wenn Sie Mahlzeit halten, seyn zu gaste, in der kirchen . . . mit dem hindertesten etliche lauffen lassen, vnd darzu lachen vnd grosse Frewde haben» (Petreius de Erlesunda, Historien. Lipsiae 1620, p. 592).

Мейербергъ (1661 г.): «Durante convivio erumpunt frequentissime in repentinos sonorissimi bombi ructus, qui per allij, separum, raphanorum, et vini adusti indigestam mixturam foetidi, et, licentia stoicorum, qui ructus et crepitus liberos esse volunt, crepitis imi ventris exhalationibus mixti pestilentissima mephiti adstantes afflant» (Mayerberg, Iter in Moschoviam, p. 20).

Брандъ (1673 г.): «Kaum hatten wir uns in unsere ordnung gestellt, da lässt einer auss denen dreyzehn Boyaren einen solchen rülps, dass wir alle erschrecken, und noch mehr uns verwun-

derten, dass solches ohne eintzige alteration des Czaren und andrer bedienten geschehen» (Ioh. Arn. v. Brand, Reysen. Wesel 1702, p. 229 *).

173. *Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ сынѣ Щетинниковѣ*. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки—*d*, точная копія съ изд. *a*, и одного съ нимъ времени; въ немъ 33 нумера и слѣдующій заголовокъ: «поветь о ерше . . .» (въ изд. *a*: повесть о ерше . . .), и *e*, отпечатанное доскою изданія *a*, но грубо подрѣзанною рѣзцомъ. — И. П. Сахаровъ напечаталъ повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ въ Литерат. Газетѣ за 1841 годъ.

Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ, встрѣчается въ рукописной русской литературѣ XVII и XVIII вѣка въ многочисленныхъ спискахъ и редакціяхъ; Аванасьевъ относитъ сочиненіе ея даже къ XVI вѣку. Повѣсть эта представляетъ забавную пародію на древнее судопроизводство, съ вѣрнымъ повтореніемъ всѣхъ формъ словеснаго суда и расправы, извѣстныхъ намъ по правымъ грамотамъ, напечатаннымъ въ юридическихъ актахъ. До сихъ поръ было напечатано, кромѣ текста нашей лубочной картинки, семь разныхъ списковъ этой повѣсти: четыре изъ нихъ въ сборникѣ Аванасьева — 1 и 2 въ видѣ сказокъ въ прозѣ, 3 въ виршахъ (помѣченъ 1729 годомъ) и еще 4, съ заголовкомъ: «списокъ суднаго дѣла слово въ слово какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ» (Народн. русск. сказки Аванасьева. М. 1873, I. 41); три другихъ списка напечатаны — 5 въ Пермскомъ сборникѣ (I. 125 — 6), 6 въ Телеграфѣ 1832 г. № 18 (одинъ отрывокъ) и 7 въ Русск. народныхъ сказкахъ Сахарова, съ слѣдующимъ заглавіемъ: «сказаніе о Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетининѣ, о ворѣ, о разбойникѣ, о лихомъ чловѣкѣ, и какъ съ

*) Эти свѣдѣнія сообщены мнѣ г. Феттерлейномъ. Стасовъ читалъ у одного изъ иностранныхъ путешественниковъ по Россіи XVII в. разсказъ о томъ, какъ во время торжественнаго приѣма пословъ издалъ *einen rülps* самъ царь Алексѣй Михайловичъ; на чтѣ бояре почтительно встали со своихъ мѣстъ и пожелали ему *здравствовать*.

нимъ тягались рыбы лещъ да головель» (Русск. Сказ. 1841, 157—174).

Текстъ народной картинки, описаной подъ № 173, заимствованъ, въ самомъ краткомъ извлеченіи, изъ списка суднаго дѣла (№ 4); конецъ же его, о ловлѣ Ерша и его погубленіи, составленъ изъ виршеваго списка (№ 3). Самый любопытный и замѣчательный изъ всѣхъ списковъ это послѣдній, 7-й, составленный въ видѣ сказки. Въ судной избѣ по Ершову дѣлу сидятъ судьи: Осетръ бояринъ и Сомъ воевода отъ моря Хвалынскаго, и выборные мужики: Судакъ и Щука съ Волги и Дона. При судѣ показаны должностныя лица: Карась-доводчикъ¹⁾, который читаетъ челобитье; Вьюнъ, который писалъ судное дѣло, разрѣшавшееся по грамотамъ суднымъ; Ракъ, который печаталъ грамоту своей клешней; понятой Язь, которому были сданы челобитчики; приставъ Окунь и понятые—Моли. Лещъ съ товарищами жалуется, что Ершъ насильно завладѣлъ Ростовскимъ озеромъ, попросившись только переночевать въ немъ. Челобитная такъ начинается: «Господа судьи! Богомъ вы сотворены. Вѣдая свое дѣло правое, били челомъ по правдѣ и въ томъ

¹⁾ По объясненію Татищева (Судебникъ Ц. Іоанна Васильевича. М. 1786, 8), это губной староста, разбиравшій дѣла, какъ областной судья; онъ состоялъ при воеводахъ въ качествѣ недѣльщика или пристава (Снегиревъ, Луб. карт. 1861, 64). Впрочемъ объясненіе это не подтверждается текстомъ сказки: губнымъ старостой Ростовскаго озера состоитъ здѣсь большая рыба Севрюга, доводчикъ же рыба малая, всего Карась. Доводчикъ, судя по самому названію его, на судѣ доводилъ дѣло до рѣшенія. Такіе доводчики существуютъ до настоящаго времени въ Китаѣ: въ Кантонѣ мнѣ случилось присутствовать въ засѣданіи суда по одному важному дѣлу о грабежѣ; судья сидѣлъ почти все время молча и предлагалъ обвиняемымъ сторонамъ только первые вопросы, затѣмъ уже разъяснялъ дѣло дальнѣйшими распросами и чтеніемъ актовъ другой китаецъ—чина неважнаго (потому что онъ все время передъ судьей стоялъ), но въ которомъ заключалось вся суть дѣла: онъ представлялъ собою прокурора и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдователя, который всѣхъ спрашивалъ и говорилъ во все время безъ умолку, защитника же на судѣ не полагалось; въ промежуткахъ слѣдствія обвиняемые подвергались пыткамъ и батогамъ,—одинъ изъ нихъ былъ запятанъ почти на смерть, а въ заключеніе этого праваго и скораго суда всѣ привлеченныя къ дѣлу лица и даже свидѣтели были перепороты бамбукомъ.

ручаемся животоми и жизнію: да какъ вы посудите, такъ тому и быть». Выслушавъ челобитную и поговоривъ промежъ собою, судьи посылаютъ приставомъ Окуня—поставить Ерша на судъ къ отвѣту. Когда приставъ, который обыкновенно вызывалъ отвѣтчика *приставною грамотой*, поставилъ Ерша на судъ, тогда доводчикъ Карась прочелъ жалобу челобитчиковъ. Ершъ, вызвавшись доказать ихъ неправость, просилъ на нихъ суда и расправы *въ дѣлѣ великомъ*, что они въ челобитной поносили его и безчестили, называли «воромъ, ябедникомъ, Ершишкою, волочайкою и укрывальцею»: за это требовалъ съ срамителей доправить большое безчестье съ проторы и убытки. На вопросъ судей Лещу съ товарищами: «если дѣло неправое по суду отвѣтчикову доказано будетъ, чѣмъ они ручаются за большое безчестье?»—«Животоми и жизнію», отвѣчали они, утверждая, что «Ершъ затѣялъ дѣло неправое, взвелъ лихой извѣтъ, кабы судъ проволочить». Судьи, поговоря промежъ собою, приговорили: лихой извѣтъ оставить, а Ершу указали—безъ проволочки чинить отвѣтъ на судѣ по челобитью истцовъ. Въ отвѣтѣ своемъ Ершъ доказывалъ, что Ростовское озеро изстари было его, что имъ владѣли отцы его и дѣды, что оно дано было въ отчину старому Ершу, его дѣду, и потому жъ «оно прочно за нимъ въ вѣкъ», что родъ его происходитъ отъ дѣтей боярскихъ, мелкихъ бояръ Переславскихъ, а «челобитчики де бывали у отца его въ холопѣхъ», и что онъ Ершъ, по батюшкиной душѣ, отпустивъ ихъ на волю, велѣлъ имъ жить за собою, поитися и кормитися самими собою; а какъ Ростовское озеро отъ великихъ засухъ повысохло и стала скудость великая и голодь, то бывшіе холопи его сами сволоклися на Вырпу рѣку и по затокамъ расселились, умышляя лихое дѣло на господскую голову, послѣ стали отъ крестьянства отбиваться и воровствомъ въ Ростовскомъ озерѣ промышлять, между тѣмъ какъ онъ живетъ въ Ростовскомъ озерѣ отцовскимъ домишкомъ, какъ добрый человекъ, а не тать и разбойникъ, и живетъ своею силою и кормится своею отчиной». «Меня Ерша», примолвилъ онъ, «знаютъ на Москвѣ большіе князья и бояре, и околичіе и дво-

ряне, и дьяки и гостинья сотни, и всѣхъ чиновъ люди въ иныхъ городахъ и во многихъ селахъ». — Затѣмъ судьи спросили Леща съ товарищи: на кого они шлутся, что Ростовское озеро ихъ, а не Ершово? Тѣ сослались на свидѣтелей, добрыхъ людей, Новгородской области Ладожскаго озера: на Бѣлугу, на Бѣлюю рыбицу съ Бѣлаозера. Въ лубочной картинкѣ Лещъ сослался на Сига и Ладогу; и тамъ, какъ и здѣсь, Ершъ отвелъ этихъ свидѣтелей потому, что онѣ рыбы великія и водятъ хлѣбъ-соль, кумовство и сватовство съ Лещемъ. Подъ такимъ же предлогомъ отвелъ Ершъ и Сельдь Переславскую, приведенную его соперниками въ свидѣтели, между прочимъ и за тѣмъ, что, по убожеству его, нечѣмъ платить за ѣзду поѣзжаное приставу съ понятыми. Лещъ-истецъ возразилъ, что извѣтнымъ словамъ Ерша нельзя вѣры имать безъ доводчиковъ и крѣпкой поруки. Судьи, поговоря межъ собою, приговорили: «послать, мимо истцевъ и отвѣтчиковъ, приставомъ Окуня, а понятымъ Линя». Въ притчѣ Сомъ отозвался неспособностью, а въ сказкѣ Линь хворостью, слабостью зрѣнія и памяти. Въ уваженіе сего, вмѣсто Линя, судьи выбрали Язя.

Въ судномъ дѣлѣ (№ 4) это обстоятельство рассказано иначе: «приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Мня (т. е. налима) и Мень Окуню-приставу ссулить посулы великіе, и рече: господине Окуне! азъ негожуся въ понятыхъ быть, брюхо у меня велико—ходить не смогу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ добрыми людьми говорить не умѣю. Приставъ же Окунь емлетъ въ понятыхъ Головля и Язя». Въ другихъ спискахъ (1 и 2) въ число понятыхъ берутся двѣ горсти Молей (снѣтковъ). Понятые съ приставомъ поставили Переславскую Сельдь къ отвѣту на судъ. Сельдь похвалила Леща и опорочила Ерша, что онъ Ершъ изстари не бывалъ въ дѣтяхъ боярскихъ, холопей за собою при дворѣ не имѣлъ, а живалъ въ бобыляхъ, что его Ерша знаютъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ и селѣхъ на кружалахъ не князья и бояре, не стольники, не дворяне, не дьяки и торговья сотни, но ярыжки, бражники и зерщики. На вопросъ судей: чѣмъ Ершъ опорочиваетъ рѣчи сви-

дѣтельскія?—Ершъ отвѣчалъ, что Сельдь говоритъ съ похмѣлья, показавъ истцамъ и то, что она его никогда не видывала. Въ своихъ рѣчахъ Ершъ положилъ порукой Налима, какъ человѣка добраго; между тѣмъ доводчикъ Карась прочелъ судное дѣло, да потому жъ проговорилъ отвѣтчиковы и свидѣтельскія рѣчи и, взявъ у нихъ сказки въ томъ за ихъ руками, положилъ ихъ предъ судьями. Налимъ на судѣ отозвался невѣдѣніемъ. Тщетно Ершъ ссылался на старыхъ старожилловъ, на Плотвицу съ товарищи; но судьи приговорили Ершу за оболганіе Сельди и Налима очныхъ ставокъ болѣе не давать. По совѣщаніи, они истцевъ и челобитчиковъ выслали изъ суда вонъ, сдавъ ихъ на руки понятому Язю, а судное дѣло велѣли писать Выюну, вершить по грамотамъ суднымъ, а грамоту печатать Раку своею клешней. Наконецъ они рѣшили: Леща съ товарищами оправить, а Ерша обвинить и выдать его Лещу головою. Для исполненія дана слѣдующая память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ Северюгѣ съ товарищи: «Въ прошлыхъ де годѣхъ 7110, явясъ на судъ, челобитчики Ростовскаго озера рыба Лещъ съ товарищи били намъ челомъ и подали свое челобитье за руками; а въ томъ ихъ челобитѣ писана на Ерша Ершова, сына Щетинникова, жалоба великая: онъ де Ершъ изъ Волги рѣки Вырпою рѣкою пришелъ къ намъ въ Ростовское озеро зимою, не въ погожую пору, и выпросился обманомъ у насъ рыбы Леща съ товарищи одну ночь въ Ростовскомъ озерѣ ночевать, а послѣ онъ де Ершъ просился у насъ рыбы Леща съ товарищи покормиться съ женишкою и дѣтишками, и онъ де Ершъ у насъ, рыбы Леща съ товарищи, поллѣта прожилъ и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху за Карпушкина сына выдалъ; да онъ де Ершъ, стакався съ своими племянники и дѣтишки, приговорили насъ рыбу Леща съ товарищи перебить, и животинки наши разграбить, и изъ отчины вонъ выгнать, и тѣмъ Ростовскимъ озеромъ завладѣть напрасно. А по сыску и допросу въ томъ судѣ оказалось, что де онъ Ершъ воръ и разбойникъ, живетъ де онъ Ершъ по озерамъ и болотамъ бобылемъ, и онъ де Ершъ говорилъ въ судѣ, будто

онъ изъ боярскихъ дѣтей, мелкихъ бояръ Переславскихъ, и что де та рыба Лещъ съ товарищи изстари были за отцемъ его крестьянами,—и то онъ Ершъ лаялъ напрасно. И какъ къ тебѣ ся наша память придетъ, и ты бы того Ерша съ товарищи взялъ къ себѣ въ губную избу, учинилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батоги нещадно, чтобы впредь имъ и всѣмъ братіямъ, на то смотря, такъ дѣлать было неповадно, и, учиня имъ наказаніе, доправилъ бы, безъ Московскія волокиты ²⁾, съ него Ерша всѣ проторы и убытки, выдалъ бы того Ерша ему Лещу головою, и велѣлъ бы его Ерша, вода по торгамъ, бить кнутомъ, а бивъ кнутомъ, повѣсить противъ солнца. И о томъ о всемъ прислалъ бы еси къ намъ записку безъ замедленія (моччанья).

Снегиревъ, въ своей книгѣ о Лубочныхъ картинкахъ (М. 1861 г., стр. 64), откуда заимствовано мною содержаніе сказки, замѣчаетъ, что «такое судное дѣло въ Ростовѣ, нѣкогда Великомъ, намѣкаетъ на какое-то значительное событіе въ Ростовскомъ мірѣ и на лица, тогда почему либо замѣчательныя: Лещъ—исконный владѣтель Ростовскаго озера, а Ершъ—пришлецъ, приплывшій изъ рѣки Вырпы, впадающей въ Оку (а не въ Волгу), въ Калужской губерніи. Въ эту же рѣку Вырпу Лещъ съ товарищи сволокся, когда Ростовское озеро повысохло отъ великихъ засухъ. Подобнаго событія не находимъ въ лѣтописцѣ. Содержаніе самой сказки, по видимому, беретъ начало въ политическихъ отношеніяхъ Ростова къ Москвѣ, которая нѣкогда скупала его по частямъ: Ростовскіе князья продали Великому Князю Московскому сперва одну, потомъ другую половину своей отчины и, оставаясь въ ней *окупными князьками*, пользовались только нѣкоторыми опредѣленными доходами».

Въ спискѣ съ суднаго дѣла (№ 4), по которому судъ производили также, какъ и въ народной картинкѣ: осетръ, бѣлуга и бѣлорыбица, послѣ словъ сельди, что лещъ «человѣкъ добрый,

²⁾ Т. е. безъ вошедшей въ пословицу *московской* медленности въ производствѣ.

христіанинъ божій, живетъ своею а не чужою (силою), а Ершъ, господа, змѣй-человѣкъ, Щетинникъ»,—говоритъ Осетръ: «азъ, господа вы, не въ правдѣ и мне въ послушествѣ, а впрямь слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не ѣдятъ, сколько расплюютъ. Да еще, господа, вамъ скажу божіею правдою о своей обидѣ: когда я шелъ изъ Волги-рѣки къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать, и онъ меня встрѣтилъ на устьѣ Ростовскаго озера и нарече мя братомъ; а я лукавства его не видалъ, а спрошати про него, злаго человѣка, никого не случилось, и онъ меня спроси: братецъ Осетръ, гдѣ идеши? И азъ ему повѣдалъ: иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать. И рече ми Ершъ: братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ толще тебя и долѣ, бока мои терли у Волги-рѣки береги, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же мой былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ, иду изъ Ростовскаго озера. Азъ же, господа, слышавъ такое его прелесное ³⁾ слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро къ рѣкамъ жировать; дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ. Да еще вамъ, господа, скажу: тотъ же Ершъ обманулъ меня Осетра, стараго мужика, и привеле меня къ неводу и рече ми: братецъ Осетръ, поидемъ въ неводъ; есть тамъ рыбы много. И я его нача посылати напередъ. И онъ Ершъ мнѣ рече: братецъ Осетръ, коли мѣншей братъ ходитъ напредъ большаго ⁴⁾? И я на его, Господа, прелесное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да увязъ, а неводъ что боярскій дворъ — итти ворота широки, и вытти узки. А тотъ Ершъ за неводъ выскочилъ въ ечею ⁵⁾, а самъ мнѣ насмѣхался: ужели ты, братецъ, въ неводу рыбы наѣлся! А какъ меня поволокли вонъ изъ воды, а тотъ Ершъ нача прощатися: братецъ, братецъ Осетръ! прости, не поминай лихомъ. А какъ меня му-

³⁾ Въ рукописи вставлены здѣсь слова: «къ рѣкамъ жированье».

⁴⁾ Въ рукописи слѣдуютъ за этимъ слова: «кои честь».

⁵⁾ Ячей или клѣтки, изъ которыхъ состоитъ неводъ.

жики на берегу стали бить дубинами по головѣ, и я нача стонать, и онъ Ершъ рече ми: братецъ Осетръ, терпи Христа ради!» (Аванасьевъ, Сказки, I. 138). Въ сказкѣ № 2 судить Петръ-Сетръ (осетръ) праведный, а въ сказкѣ № 1 — рыба, мелкая и крупная, въ виду беззаконій Ершевыхъ, «собралась въ единъ кругъ и стала выбирать себѣ судью праведную, рыбу Сомъ большимъ усомъ». Судъ начинается безъ всякой жалобы, прямо съ допроса Ерша: «почему онъ Ростовскимъ озеромъ завладѣлъ». Ершъ отвѣчаетъ, что «я вашимъ озеромъ потому завладѣлъ, что ваше озеро Ростовское горѣло съ низу и до верху, съ Петрова дня и до Ильина дня, выгорѣло оно съ низу и до верху и запустѣло». Въ этомъ онъ ссылался сперва на сорогу-рыбу (плотва), которая на пожарѣ была, глаза запалила, и понынче у нея красны, потомъ на рыбу окуня, который «на пожарѣ былъ, головешки носилъ, и понынче у него крылья красны», на щуку рыбу — вдову честную, притомъ не мотыгу, которая на пожарѣ была, головешки носила и понынѣ черна, и наконецъ на налима, который отъ пожара де и понынѣ чернъ. Налимъ предъ Сома его величества стать побоялся, — у меня, говорятъ, «губы толсты, брюхо большое, въ городѣ не бывалъ, предъ судьями не ставалъ, говорить не умѣю, кланяться право не могу; нате братцы вамъ гривну на труды и волокиту». Всѣ прочіе свидѣтели обличили Ершова лжи, что де Ростовское озеро никогда ни горывало и что де, кто ерша знаетъ да вѣдаетъ, тотъ всегда безъ хлѣба обѣдаетъ. Затѣмъ, послѣ суда и приговора, Ерша повѣсили; но по Ершовымъ молитвамъ Богъ далъ дождь да слякоть, Ершъ изъ петли-то да и выскочилъ и ушолъ. Точно также уходитъ онъ и по другимъ спискамъ; но въ концѣ концовъ, какъ и на картинкѣ, Ершъ пойманъ, сваренъ и съѣденъ.

Привожу здѣсь эти концы, такъ какъ они имѣютъ прямое отношеніе къ тексту нашей картинки. По 1-му списку: «въ Камѣ рѣкѣ идутъ щука да осетръ; куда васъ чортъ понесъ? — говоритъ Ершъ. Услыхали рыбаки ершовъ голосъ тонкой и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко кропочишко, ершишко пагуб-

нишко! Пришелъ Бродька — бросилъ ерша въ лодку, пришелъ Петрушка — бросилъ ерша въ плетушку: наварю, говоритъ, ухи, да и скушаю. Тутъ и смерть ершова!»

Во второмъ спискѣ окончаніе совершенно другое. На судѣ ершъ говоритъ осетру: «ну, послушай же и мою челобитную — они сами обидчики, межи-борозды вытерлись⁶⁾, а берега водою подмыло, а я ѣхалъ тѣмъ берегомъ вечеромъ поздно, торопился, рѣзко⁷⁾ гналъ, да съ берега въ озеро попалъ, такъ и свалился съ землею! Петръ-Осетръ праведный, прикажи собрать государевыхъ рыбаковъ, да раскинуть неводы тонкіе, погони рыбу въ одно устье; тогда узнаешь, кто правъ, а кто виноватъ: правой въ неводѣ не останется, а всё выскочитъ. Петръ-Осетръ праведный выслушалъ его челобитную, собралъ государевыхъ рыбаковъ и погналъ всю рыбу въ одно устье. На почивѣ ершишка попалъ въ неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазѣнки вытаращилъ и съ неводу впередъ всѣхъ выскочилъ. «Видишь, Петръ-Осетръ праведный! кто правъ, кто виноватъ?» — «Вижу, ершъ, что ты правъ; ступай въ озеро, да гуляй. Теперь никто тебя не обидитъ, развѣ озеро высохнетъ, да ворона тебя изъ грязи вытащитъ». Пошелъ ершишка въ озеро, при всѣхъ похваляется: «доброже, рыба севрюга, калуга! достанется и всѣмъ язамъ, головлямъ! да не прощу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! да достанется и сому толстобрюхому: ишь говорить не умѣетъ, губы толсты, а зналъ какъ челобитную подавать! Всѣмъ отпладу!» Шель Любимъ, ершовой похвалы не возлюбилъ; шель Сергѣй, несъ охалку жердей; пришелъ бѣсъ, заколотилъ ѣзъ⁸⁾; пришелъ Перша, поставилъ на ерша вершу; пришелъ Богданъ, ерша въ вершу Богъ далъ; пришелъ Устинъ, сталъ вершу тащить, да ерша упустилъ. С. 1729 года мѣсяца сентября 16 числа» (Аванасьевъ, Сказки, I. 128).

Въ сказкѣ въ виршахъ конецъ тотъ же, что и въ нашей картинкѣ, съ нѣкоторыми прибавками и измѣненіями: «Ершъ семгѣ

⁶⁾ Сгладились, уничтожились.

⁷⁾ Очень много.

⁸⁾ Заколъ рыбный.

подивовалъ и самъ на утренней зарѣ вздремалъ, мужику въ морду⁹⁾ попалъ. Пришелъ Никонъ, заколилъ приколъ¹⁰⁾; пришелъ Перша, поставилъ вершу; пришелъ Богданъ, и ерша Богъ далъ; пришелъ Вавила, поднялъ ерша на вила; пришелъ Пимень, ерша запинилъ¹¹⁾; пришелъ Обросимъ, ерша оземь бросилъ; пришелъ Антонъ, завергълъ ерша въ балахонъ; пришелъ Амосъ, ерша въ клѣтъ понесъ; идетъ Спира, около ерша стыритъ¹²⁾; Амосъ Спиру да по рылу: «ахъ ты, Спира! надъ эдакой рыбой стыришь, у тебя эдака рыба вѣкъ въ дому не бывала!» Пришелъ Вася, ерша съ клѣти слясилъ¹³⁾; пришелъ Петруша, ерша разрушилъ¹⁴⁾; пришелъ Савва, вынялъ съ ерша полтора пуда сала; пришелъ Юда, расклатъ ерша на четыре блюда; пришла Марина, ерша помыла; пришла Акулина, ерша подварила; пришелъ Антипа, ерша сти-палъ¹⁵⁾; пришелъ Алупа, ерша слупалъ; пришелъ Елизаръ, блюда облизалъ; пришелъ Власъ, попучилъ глазъ; пришла Ненила, и блюда обмыла!» (Аванасевъ, Сказки, I. 134).

174. *Просьба Кашиинскому Архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря.* Пародія эта составлена въ концѣ XVII вѣка и напечатана по рукописи, принадлежавшей В. М. Ундольскому (Моск. Муз. № 1073), въ Русскомъ Архивѣ Бартенева (1873 г., стр. 1776).

Лица, упоминаемая въ челобитной, не вымышленныя: архіепископъ Симеонъ, на имя котораго она адресована, дѣйствительно былъ Тверскимъ архіепископомъ съ 1676 по 1682 г.; около этого же времени управлялъ Калязинскимъ монастыремъ и архимандритъ Гавріилъ. Текстъ просьбы, напечатанной подъ № 174-мъ, сходенъ съ текстомъ рукописной челобитной; но рукописная челобитная написана не по пунктамъ и изложена нѣ-

⁹⁾ Т. е. въ вершу.

¹⁰⁾ Т. е. сдѣлалъ заколъ.

¹¹⁾ Т. е. запищалъ (пихать, пнуть).

¹²⁾ Стыритъ—дразнить.

¹³⁾ Т. е. стащилъ (лясить—лѣстить).

¹⁴⁾ Т. е. разрѣзалъ.

¹⁵⁾ Т. е. укралъ.

сколько иначе, въ концѣ же ея сдѣлана слѣдующая прибавка, которой въ № 174 нѣтъ: «А въ Калязинѣ обитель не малая, казна большая, послѣ мору старыхъ лѣтъ въ запасѣ осталось, въ хлѣбнѣ по подловичью стулья да чепи валяются, въ мукосѣйнѣ по спицамъ шелепы да плети висятъ, въ караулнѣ по подлавичью снопы ба-тоговъ лежатъ, и у насъ богомольцевъ твоихъ отъ того страху очи не видятъ, а у малодушныхъ за плечами кожа вертится, отъ того и ночью не спится. И о семъ дивимся, что онъ архимандритъ въ Колязинѣ живетъ, а по нашему пить не научится и нашу братью смирать гораздъ. Не лутче-ли ему прочь отъ насъ? А на его мѣ-сто охочихъ будетъ много изъ нашей братьи великаго смысла; а на пустое жить не станемъ, а въ анбарахъ простору прибавимъ: рожь да ячмень въ солодъ изростимъ, да пиво наваримъ, овсяныя бражки поставимъ, а на деньги вина прикупимъ, начнемъ крестья-нами наряжать, прикажемъ колокола отвязать, велимъ въ Кашинѣ сослать и на вино промѣнять: и такъ намъ много они зла учинили, всѣхъ насъ оглушили и нищими въ вѣкъ насъ нарядили.

А какъ мы того лихаго архимандрита избудемъ, а добраго добудемъ, который бы съ нами гораздъ лежа вино да пиво пить, а въ церковь не ходить, а насъ бы не томить, и мы начнемъ при-быль чинить, вино въ чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое затирать, а иное станемъ на дрожжи наливать, а въ доски и въ колотовки не станемъ бить, а на погребъ готовы и безъ звону ходить, ладону да свѣчь не станемъ жечь, пиво да вино съ лучиною станемъ пить, а ризы да книги въ сушило вынесемъ, цер-ковь замкнемъ, а печать и въ лубокъ загнемъ, пономарей вышлемъ въ слободу жить, прикажемъ имъ почаще въ монастырь ходить, изъ недѣли въ недѣлю въ годъ по одиножды.

Милостивый государь, преосвященный Симеонъ, архіепис-копъ Тверскій и Кашиинскій, пожалуй насъ богомольцевъ своихъ, вели государь его архимандрита счесть, колокола да чепи вѣсомъ, а уголья мѣрою, доски и колотовки числомъ, а въ утерной убы-точной казнѣ отчетъ бы намъ далъ: крылосскіе люди живутъ не богато, нажитку не имѣютъ, только у насъ плошки да лошаки. А

будеть ему архимандриту и перемѣны не будетъ, и мы богомольцы твои ударимъ объ уголь плошки да лошки, а въ руки возьмемъ по сошкѣ, да ступимъ по дорожкѣ въ иной монастырь, а гдѣ пиво да вино найдемъ, тутъ и поживемъ; а когда тутъ допьемъ, въ иной монастырь пойдемъ. А съ похмѣлья да съ тоски, да съ третьей бродни, да съ великія кручины назадъ въ Колязинъ пойдемъ и въ житницахъ и въ анбарахъ все пересмотримъ. Господинъ, смилуйся! А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мазаевъ, да Антонъ Дроздовъ, Кирилла Мельникъ, да Романъ Бредникъ, да Оома Веретенникъ.

Зри очима, слушай ушима, внимай сердцемъ, пиши рукою, сиди крѣпко; у Бога милости проси, да и молися, не плоши». Точно такой-же списокъ этой челобитной (скорописью конца XVII вѣка), съ небольшими сокращеніями и измѣненіями, находится въ собраніи рукописей И. Е. Забѣлина.

Калязинской монастырь основанъ въ половинѣ XV вѣка; въ 1609—1610 г. онъ былъ сборнымъ пунктомъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ князя Михаила Скопина Шуйскаго, а въ 1654 году, во время моровой язвы, въ немъ проживала царская семья. Монастырь этотъ не пользовался въ народѣ доброй славой, и въ этомъ отношеніи даже упоминается въ народныхъ лѣсняхъ. Не отставали отъ него и другіе монастыри и пьянство въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходило до того, что передъ всенощною въ алтарь приносились ведра съ пивомъ и съ медомъ и монахи поочереды ходили въ алтарь подкрѣпляться; отсюда сложилась и поговорка: «правый клиръ поеть, а лѣвый въ алтарь пиво пьетъ¹⁾». Богатство и жадность монастырскія тоже послужили темою для многихъ пословицъ (Опытъ изслѣдов. объ имуществѣхъ монастырскихъ,

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ монаховъ и соборныхъ старцевъ клирикъ Григорій, современникъ Кашинскихъ монаховъ, подававшихъ челобитную:

«Самолюбіемъ одержими. И сребролюбіемъ обьяшася. И братоненавидѣніемъ соплетошася. И скупостию связашеся . . . Сами убо безвременно всегда ядяху различныя брашна. Насъ же (клириковъ) худыми брашны не хотяху питати. Виноже и всякое питіе всегда пяху» . . . и т. д. (Безсоновъ, Калики, II. XIV).

СПБ. 1876). Чернецы жили вмѣстѣ съ черницами, въ общихъ обителяхъ, и только при Иванѣ Грозномъ было строго запрещено такое наивное сожительство (Соборн. грам.: Акты Археогр. Экспед., I. 486). По словамъ Флетчера (1588 г.), монахи были въ его время самыми оборотливыми купцами въ государствѣ и торговали всякаго рода товарами; при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ монастыри даже брали на откупъ таможенные и ярморочныя пошлины. Не смотря на прямыя обличенія ихъ въ безпутной жизни (Посланіе Грознаго къ Кирилловъ монастырь: Акты Историч., I. 204), не смотря на возгласы Валаамскихъ преподобныхъ Сергія и Германа о томъ, что «подобаетъ инокамъ питатися отъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и крестьянскими слезами», и что пожалованіе монастырей вотчинами служить инокамъ «въ душевредство и вѣчную погибель» (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1859. № 3),—монахи продолжали вести тунеядственную жизнь и, пользуясь ханжествомъ и суевѣріемъ, прибирать къ рукамъ своимъ лѣса, земли и цѣлыя крестьянскія волости. Петръ I, не обращая вниманія на старинныя уставы, которые грозили отлученіемъ отъ церкви и вѣчною погибелью тѣмъ, кто вздумалъ-бы отнять у церкви «села и озера» или другую какую собственность,—составилъ цѣлый планъ окончательнаго уничтоженія монастырей и обращенія ихъ доходовъ на дѣла, въ самомъ дѣлѣ богоугодныя. Указъ объ этомъ (31 января 1724 г.) былъ уже составленъ Теофаномъ Прокоповичемъ, но остался безъ исполненія за смертію Петра. Въ этомъ указѣ, описавъ при какихъ условіяхъ монашество основалось и расплодилось, авторъ продолжаетъ: «что же потомъ произошло, когда къ Греческимъ Императорамъ нѣкоторые ханжи подошли, а паче къ ихъ женамъ, и монастыри не въ пустыняхъ уже, но въ самыхъ городахъ и въ близъ лежащихъ отъ оныхъ мѣстахъ строить начали и денежныя помочи требовали для сей мнимой святыни; еще же горше, яко и трудится, но трудами другихъ туне питатися восхотѣли, къ чему Императоры паче своей должности, въ чемъ было имъ трудится надлежало, сею мнимою святынею или

обмануты отъ оныхъ, или сами къ тому какой ради страсти весьма склонны явились и великую часть погибели самимъ себѣ и народу стяжали, какъ Исторіи Цареградскія повѣствуютъ, что на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царяграда, которой не болѣе 30 верстъ протягается, 300 монастырей; что же по другимъ мѣстамъ оныхъ было, всѣ съ великими доходы; и тако какъ отъ прочаго неусмотрѣнія, такъ и отъ сего въ такое бѣдство пришли, что когда Турки осадили Царь-городъ, ниже 6000 человекъ воиновъ сыскати могли.

Сіе и у насъ зѣло было распространяться начало, подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ, яко же и у Римлянъ, какъ выше писано, но еще Господь богъ прежнихъ владѣтелей такъ благодати своей не лишилъ, какъ Греческихъ въ неразсмотрѣніи сего излишества, которыя во умѣренности оныхъ держали, ибо когда стали было вотчины продавать и отдавать разными образы въ монастыри, тогда оное престоережено ради вышписанныхъ причинъ и во время дѣланія уложенія въ 7157 году оное запрещено, какъ въ явствуетъ въ томъ Уложеніи въ 17 главѣ, а именно въ 42 пунктѣ, понеже нынѣшнее житіе монахомъ точію видъ есть и поносъ отъ иныхъ законовъ, не мало же и зла происходитъ, понеже большая часть тунеядцы суть и понеже корень всему злу праздность; то сколько забобоновъ, расколовъ, но и возмугителей произошло, всѣмъ вѣдомо есть; такожь у насъ почитай всѣ изъ поселянъ, то что оные оставили, явно есть не точію не отреклись, но приреклись доброду и довольному житію, ибо дома былъ троеданикъ: то есть дому своему, Государству и помѣщику, а въ монахахъ все готовое, а гдѣ и сами трудятся, то токмо вольные поселяне суть, ибо только одну долю отъ трехъ противъ поселянъ работаютъ. Прилежать же ли разумѣнію Божественнаго писанія и ученія? — всячески нѣтъ. А что говорятъ, молятся, то всѣ молятся, и сію отговорку отвергаетъ Василій Святый, какъ выше показано. Что же прибыль обществу отъ сего? во истинну токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ

есть. Находится же оной способъ житія празднымъ симъ не праздной, но богоугодной и не зазорной, еже служить прямымъ нищимъ, престарѣлымъ и младенцемъ». Вслѣдствіе чего указомъ этимъ опредѣляется, чтобы монастыри были не иначе, какъ въ пустыняхъ, чтобы монахи жили уединенно, не домогаясь «прочихъ трудами туне насыщатися»; «поселить въ монастыри отставныхъ солдатъ, инвалидовъ и нищихъ, монаховъ же опредѣлить къ нимъ для служенія, одного на двухъ или трехъ, излишнихъ же монаховъ посадить на землю. Крылошанъ не имѣть, старцевъ по селамъ не держать; а для надзиранія посылать за служками старыхъ и не часто. Исходъ изъ монастыря крѣпче положить: свободный выѣздъ намѣстнику, келарю, казначею для нуждъ монастырскихъ; а по селамъ для надзиранія опредѣлить старыхъ непремѣнныхъ, не болѣе четырехъ человекъ въ большомъ монастырѣ, а въ прочихъ по пропорціи; прочимъ же монахамъ весьма выѣздъ отсѣчь, ибо когда оставили міръ, уже возвращаться въ оный не подлежитъ».

Наша картинка была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила свой планъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и безъ сомнѣнія — съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, могли бы подвергнуться обвиненію не только въ кощунствѣ, но и въ богохульствѣ. Картинку, судя по работѣ, дѣлалъ тотъ-же мастеръ, который гравировалъ и картинку Жуковыхъ (№ 332), которая тоже была издана по волѣ Императрицы.

Но всѣ единичныя мѣры противъ монаховъ не помѣшали имъ изобрећи новые способы для увеличенія своихъ доходовъ и снова забрать въ свои руки огромную земельную собственность и денежные капиталы. Въ настоящую минуту, по словамъ составителя изслѣдованія о монастырскихъ доходахъ (СПБ. 1876), монастыри уже успѣли скопить себѣ болѣе 675,000 десятинъ лѣса и разныхъ угодьевъ; они получаютъ въ пособіе отъ государственнаго казначейства болѣе 400,000 руб.; всѣ-же различные доходы ихъ простираются до 9 милліоновъ, включая въ это число деньги за молебны,

за просфоры (въ Троицкой лаврѣ болѣе 28,000 руб.), за свѣчи (тамъ-же до 40,000 р., въ Кіевской еще болѣе), отъ явленныхъ и чудотворныхъ иконъ (въ Иверской часовнѣ до 70,000 р.), за могилы (въ Александро-Невской лаврѣ до 50,000 р.), съ лавокъ, погребовъ, трактировъ, кабаковъ въ монастырскихъ домахъ (въ Москвѣ болѣе 50 домовъ) и неприкосновенныхъ капиталовъ (болѣе 23 мил. руб.)²⁾. Въ нынѣшнемъ столѣтіи единовременныя пожертвованія на монастыри отличались особенно крупными цифрами: лѣсные участки Троицкая лавра получала цѣлыми тысячами десятинъ; Ивановскому монастырю въ Москвѣ купчиха Мазурина пожертвовала одновременно 300,000 р., да ежегодно по 18,000; Иерусалимскому монастырю въ Таганрогѣ г. Варвацій подарилъ 660,000 р.; Никола Угрѣшскій въ 1850—59 гг. получилъ до 600,000 р.; Юрьевскій Новгородскій отъ одной графини Орловой приобрѣлъ 900,000 р. Прибавимъ къ этому, что большинство монастырей живутъ въ самой безпредѣльной праздности, не исключая въ этомъ отношеніи и пресловутаго Соловецкаго монастыря, такъ увлекательно описаннаго г. Немпровичемъ-Данченко. Эта, такъ сказать, монашеская республика существуетъ положительно на счетъ самаго бѣднаго народнаго класса, — нужняка-помора. Монастырю необходимо выбрать съ этихъ нищихъ богомольцевъ, въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, 80,000 руб., для своего обихода, иначе монастырской братіи предстоитъ голодъ. Все въ монастырѣ покупное, даже лѣсъ на постройки; только рыба, и то одна мелкая, ловится въ озерахъ, за крупной же: треской, семгой, — монастырь тоже посылаетъ на Мурманъ; причемъ самъ монастырь ничего не производитъ и не продаетъ и, не смотря на громадное число братіи и такъ называемыхъ годовиковъ (которыхъ бываетъ до 400 человекъ), остающихся (безвозмездно) послужить угодникамъ Зосимѣ и Саватию на полъ года, на годъ и даже болѣе, — нанимаетъ на всякія свои нужды постоянныхъ работниковъ.

²⁾ Г. Покровскій (Православное Обозрѣніе 1876 г. Ноябрь) называетъ цифры эти преувеличенными.

Въ нашей челобитной упоминается о желѣзныхъ доскахъ, въ которыя били желѣзными колотушками, точно такъ, какъ и въ *клепала*, т. е. склепанные изъ кровельнаго желѣза колокола, которые употреблялись встарину за недостаткомъ мѣдныхъ колоколовъ. Кромѣ клепалъ, для этой-же цѣли устраивались на вислѣцахъ била³⁾. Эти три инструмента сохранились въ первобытной ихъ формѣ въ монастыряхъ на Афонѣ и въ русскихъ раскольническихъ скитахъ, въ которыхъ колокольный звонъ запрещенъ. Эти била сдѣланы изъ сухой ясеновой доски вершка въ полтора толщины, съ двумя или тремя отверстіями по краямъ; такихъ билъ при часовнѣ бываетъ по два и по три: одно изъ нихъ носитъ названіе *малаго древа*, оно аршина въ полтора длины и вершка два ширины; другое — *большое древо*, аршина въ три длины и въ полъ аршина ширины; висятъ они на веревкахъ, иногда скрученныхъ изъ толстыхъ струнъ. Бьютъ въ била желѣзнымъ молоткомъ или большимъ гвоздемъ (троетеснымъ). Сначала въ било ударяютъ медленно, потомъ скоро и громко, съ повышеніемъ и пониженіемъ звуковъ и разными переливами, что зависитъ отъ болѣе или менѣе сильныхъ ударовъ молотка. *Деревянный звонъ*, какъ называютъ его въ скитахъ, гармониченъ, особенно издали и если производитъ его опытная рука. Въ скитахъ дорожили искусными *звонарихами*, умѣвшими владѣть такими не затѣйливыми инструментами (Мельниковъ, Въ лѣсахъ, II. 261). Жидовская игра на палочкахъ представляетъ обращикъ такой усовершенствованной деревянной музыки въ миниатюрѣ.

175. А. Вятская баталія. Прибавить: у меня есть другое изданіе этой картинки, полуторалистовое, — копія съ предыдущаго; над-

³⁾ Происхожденіе била весьма древнее: о немъ упоминается въ еврейскихъ апокрифахъ, гдѣ говорится, что при построеніи ковчега Богъ приказалъ Ною сдѣлать било изъ индійскаго дерева, въ три локтя длины и полтора ширины, и молотокъ изъ того-же дерева и ежедневно ударять въ било утромъ, въ полдень и вечеромъ, чтобы собирать работниковъ на работу и распускать ихъ (Порфирьевъ, 108). По нашимъ апокрифамъ, Богъ приказалъ Ною ударять въ биле для того, чтобы созвать въ ковчегъ животныхъ (Куселевъ, Памяти, III. 17 и 18).

пись въ немъ и самый текстъ—тѣ же, но съ небольшими измѣненіями и смягченіями (наприм., текстъ № 6: «хотябъ былъ у сеи гадины червякъ въ хвосте и я бы у него разъковырялъ этими рогами дукостей»; № 20: «лутче тутъ сидеть а нежели набаталы умирать»).

Посадъ Варта, о которомъ упоминается въ текстѣ картинки, находится въ Турекскомъ уѣздѣ Калишской губерніи; что же касается до словъ: «вятское гражданство противу серпа воевало», то объясненіе этого выраженія находимъ въ сказкѣ «о старушкѣ и ея сынѣ» (М. 1794). Одинъ парень ушелъ отъ своей матери, необыкновенной дурь, погулять по бѣлу свѣту. Послѣ разныхъ походе-ній у разныхъ дураковъ, которые оказались еще глупѣе его матери, онъ набрелъ на ржаное поле, гдѣ бабы жали рожь не серпами, а перегрызая солому зубами. Парень заказалъ кузнецу серпъ, и въ то время, когда народъ весь былъ на отдыхѣ, нажалъ нѣсколько сноповъ, заткнулъ въ одинъ изъ нихъ серпъ и влѣзъ на дерево посмотреть, что изъ этого будетъ. «Вскорѣ посемъ собрался народъ на полѣ и, увидя снопы связанные, закричали: ахъ! сколько червякъ попортилъ хлѣба у насъ. Одинъ изъ нихъ казался похитрѣе и, увидя серпъ, заткнутый въ снопъ, сказалъ: братцы! вотъ еще и червякъ то здѣсь. Всякой сътремглавъ побѣждалъ въ свой домъ, кто за шестами, кто за баграми, кто за веревками, и, пришедъ опять въ поле, не осмѣливались приблизиться къ снопу, опасаяся, чтобы червякъ не переѣлъ ихъ самихъ. Разумные крестьяне начали сперва серпъ потрогивать шестами и баграми, чтобы его отдернуть отъ снопа; на послѣдокъ загнули мертвую петлю и удалось имъ оною зацѣпить за серпъ; потомъ нѣсколько человекъ, ухватясь за веревку, тащили червяка сего къ рѣкѣ топить. Серпъ-же, будучи самъ по себѣ легокъ, отъ скорого тащенія крестьянъ то вскакивалъ, то зацѣплялся за кочки; они удивлялись сему и переговаривали между собою, что червякъ мечется на нихъ. Наконецъ къ несчастію ихъ какъ-то серпъ вско-чилъ на шею одному мужику и зацѣпился. Крестьяне, желая по-собить сему горю, чтобы червякъ не заѣлъ мужика, сильно веревкою тянули серпъ, которымъ перерѣзали шею бѣдному крестья-

нину». Наконецъ крестьяне дотащили серпъ до рѣки, выбрали жеребьему кому топить его посередѣ рѣки, привязали жеребьеваго къ бревну за ноги и спустили его на воду. Кончилось тѣмъ, что серпъ былъ потопленъ, но съ нимъ вмѣстѣ пошелъ ключемъ ко дну и топившій его жеребьевый. Въ сказкѣ однакоже не сказано, чтобы дѣло это происходило въ Вяткѣ (стр. 25). На этотъ же сюжетъ есть сказка у Аванасьева (III. 384). Вятчи и на самомъ дѣлѣ были прозваны слѣпородами, за то, что въ 1480 году они, ночью, предводительствуемые Розсохинымъ, напали на Устюжанъ, пришедшихъ къ нимъ съ Аноаломъ на помощь противъ татаръ, и только съ разсвѣтомъ они увидѣли, что били своихъ сосѣдей и союзниковъ (Сахаровъ, Сказан. Русск. Народа. СПб. 1841 г., I. 109.—Снегиревъ, Луб. карт., стр. 132).

176. Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ. Есть еще два изданія этой картинки: *г*, 1820—30 годовъ, въ которомъ первая строка текста заканчивается словами: «мясникомъ ког», и *д*, второй половины прошедшаго вѣка,—копія точь въ точь съ изданія *г* (въ обратную сторону противъ изданія *а*); въ немъ строеніе, у котораго стоитъ на караулѣ жена дворянина, тушевано въ двѣ и три черты, въ изданіи же *г*—оно тушевано въ одну черту. Первоначальные мотивы этой картинки можно подыскать во многихъ западныхъ произведеніяхъ: въ средневѣковыхъ миниатюрахъ есть изображенія мушны, посаженнаго за прялку; у Ганса Сакса зайцы жарятъ охотника на вертелѣ (Scheible, Das Schaltjahr, I. 409); въ нашемъ Эрмитажѣ есть картина знаменитаго Поттера, на которой представленъ судъ звѣрей надъ охотникомъ. Но полнѣе всего мотивы *септа наизворотъ* представлены на заглавномъ листѣ англійскаго лубочнаго изданія: «Mad fashions, odd fashions, All out Fashions, or, The Emblems of these Distracted times, By John Taylor. London, Printed by John Hammond, for Thomas Banks, 1642 (Old book Collectors, ed. by Ch. Hindley. London 1873, vol. III); на этой картинкѣ, гравированной на деревѣ и ближе всего подходящей къ нашему № 176, представлены: человекъ,

у котораго на рукахъ, вмѣсто перчатокъ, надѣты сапоги со шпорами, а на ногахъ перчатки; церковь внизъ крышей, свѣча внизъ огнемъ; лошадь, на заднихъ ногахъ и съ кнутомъ въ передней ногѣ,—она замахивается на вывалившася изъ телѣжки сѣдока; собака, бѣгущая отъ зайца, кошка отъ мыши; рыба, плавающая въ воздухѣ; текстъ въ виршахъ, — въ немъ объясняется, что въ Британскомъ королевствѣ идетъ теперь все навыворотъ, точно такъ, какъ это представлено на картинкѣ.

Наша картинка подвергалась неоднократнымъ запрещеніямъ: начальство смущалось то быкомъ, который будто бы представлялъ крѣпостнаго крестьянина, то попугаемъ, который мужика въ клетку посадилъ для того, чтобъ онъ говорилъ; говорили, что это сатира на сельскихъ засѣдателей, а въ послѣднее время, — что это можетъ быть сочтено за намекъ (заднимъ числомъ) на новое земство и т. д.

177—179. Медвѣдь съ козою. О держаніи медвѣдей для потѣхи упоминается еще въ Домостроѣ; нѣтъ сомнѣнія, что забава эта ведетъ начало свое со временъ незапамятныхъ. Бои людей съ медвѣдями велись еще во времена Ивана Грознаго: Малюта Скуратовъ держалъ медвѣдей, которыхъ травилъ для потѣхи; а у Ромодановскаго были и такіе ученые медвѣди, которые, по знаку хозяина, бросались на провинившагося гостя (Русская Старина, VIII. 850). Петръ I не разъ употреблялъ медвѣдей въ своихъ потѣшныхъ процессіяхъ, а въ пыткахъ у него существовалъ медвѣдевъ ящикъ съ инструментами, въ числѣ которыхъ находилась и «медвѣдева лапа» (едвали не имъ и изобрѣтенная). Самъ онъ охоты на звѣрей не любилъ, но иногда занимался травлею свиней для потѣхи; такимъ образомъ въ 1722 году было заключено посадской вдовѣ Иринѣ Семиреткиной за свинью, которую загрызла собака Левикъ, полтина (Есиповъ, II. 105); а въ Нижнемъ дано человѣку Строганова, Борису Максимовичу Гремзанову, за двѣ свиньи, которыхъ травилъ собаками, два рубля (Есиповъ, 106). С.-Петербургскій преосвященный Феодосій (1745—1750) былъ

страстный любитель медвѣдей; келейникъ его Карповъ обучалъ молодыхъ медвѣжатъ ходить на заднихъ лапахъ и плясать, въ платьѣ и безъ платья, и дѣлать *разныя фигуры*. Императрица Елизавета Петровна любила держать медвѣжатъ въ дворцовой передней; по ея приказу ихъ отправляли въ Невскую лавру къ келейнику Карпову для обученія. Такимъ образомъ въ 1754 году было послано Карпову два медвѣженка; одного изъ нихъ онъ обучилъ ходить на заднихъ лапахъ, *даже въ платьѣ*, «а другой медвѣденокъ», доносилъ онъ въ рапортѣ дворцовому кабинету, «къ наукѣ непонятенъ и весьма сердитъ» (Древн. и Нов. Россія 1876. Декабрь, 419). Обыкновеніе ходить съ медвѣдями по городамъ и деревнямъ ведется тоже съ глубокой древности, не только у насъ, но и въ Западной Европѣ (до тѣхъ поръ, пока тамъ были медвѣди). Въ грамотѣ 1649 г. говорится о томъ, что въ Бѣлгородѣ и другихъ городахъ, въ числѣ разныхъ бѣсовскихъ игрищъ, «учиняють гаданіе и пляски съ медвѣдями и собаками»; при чемъ медвѣжьи и собачьи пляски запрещены были тогда же (см. примѣч. къ № 92). Несмотря на это запрещеніе, медвѣди продолжали танцовать на Руси, и Олеарій, въ своемъ путешествіи по Россіи и Персіи, рассказываетъ, что вожаки съ танцующими медвѣдями въ его время ходили по всѣмъ деревнямъ и что при нихъ всегда находилась и кукольная комедія. У Олеарія помѣщена по этому поводу чрезвычайно любопытная картинка, на которой представлены такая *бродячая* кукольная комедія и танцующій медвѣдь (Vermehrte moscowitische und persianische Reisebeschreibung. Schlesswig 1656, стр. 103). Болѣе подробное описаніе этихъ потѣхъ см. въ заключеніи.

178. Прибавить: Въ послѣднее время мною купленъ экземпляръ древнѣйшаго изданія перевода *a*, съ котораго скопирована доска изданія *a*, работы мастера Чуваева. Вторая строка надписи заканчивается въ немъ словами: «медведь пляшу».

180. Медвѣдь и баба. У меня есть еще изданіе (*g*) этой картинки, работы мастера Чуваева (безъ его имени), скопированное

съ изданія *а*; текстъ начинается такъ: «и пошла баба влестъ за грибами на встречу». . . (въ изд. *а*: «за грибами» и «на встречу»).

181. Есть у меня еще изд. *г*, прошедшаго столѣтія, гдѣ 1-я строка заканчивается словами: «у троіцы в».

183. Походженіе о носѣ и о сильномъ морозѣ. У меня есть еще два изданія этой картинки: *ж*, конца прошедшаго вѣка; первая строка въ немъ заканчивается словами «на кабакъ вышедъ»; и — *з*, отпечатанное доской изданія *г*, но подправленной рѣзцомъ.

Кромѣ этой картинки, про Морозку сложено нѣсколько сказокъ; одна изъ нихъ помѣщена въ сборникѣ Афанасьева (I. 52). Жестокость и продолжительность нашихъ морозовъ хорошо извѣстны и сельскому и городскому жителю; но самый большой вредъ наносятъ хлѣбу и хозяйству ранніе осенніе и поздніе весенніе морозы. «Бѣдствіе ими причиняемое, иногда, особенно на сѣверѣ Россіи, такъ велико, что память о нихъ сохранилась даже въ лѣтописяхъ. Въ 1127—1128 годахъ, въ сѣверныхъ областяхъ, особенно въ Новгородской, отъ жестокаго холода вымерзли озими; снѣгъ лежалъ до 30-го апрѣля. Голодъ. — 1161. Въ сѣверныхъ областяхъ все лѣто продолжались жары и засухи; а къ осени морозъ побилъ всѣ яровыя поля. Дороговизна хлѣба и голодъ. — 1215. Въ Новгородѣ осенній морозъ побилъ рожь. Голодъ и моръ. — 1230. Сентября 14-го жестокій морозъ побилъ всѣ озими; ужасный голодъ во всей Россіи, кромѣ Кіева. — 1318. Морозъ побилъ рожь въ сѣверной Россіи. Голодъ въ Твери и Псковѣ. 1419. Глубокій снѣгъ выпалъ 15-го сентября, когда еще не былъ убранъ хлѣбъ съ поля; снѣгъ шелъ три дня и три ночи. 1435. Въ концѣ іюля морозъ побилъ хлѣбъ во Псковѣ. — 1466. Въ Новгородской и Устюжской провинціяхъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, отъ великихъ морозовъ, случившихся около 29-го іюня, всѣ полевыя растенія позыбли. — 1601. Іюля 28-го морозъ побилъ хлѣбъ; цѣна на него дошла до 15 руб. сер. за четверть.

1682. Въ Новгородской и Устюжской провинціяхъ столь же гибельный морозъ случился 22-го іюля, причемъ снѣга выпало на 7 вершковъ. — 1735. Іюня 5-го въ Соликамскѣ былъ такой морозъ со снѣгомъ, что крестьянки, шедшія изъ деревень въ городъ, померзли» (К. Веселовскій, О климатѣ Россіи, 124). На моемъ вѣку четыре раза замерзали въ Московскомъ округѣ всѣ яблони, въ томъ числѣ два раза до корня замерзали воздушныя вишни и сливы. Морозы бывали въ маѣ и даже іюнѣ (въ 1879 г. 4-го числа), и побивали не только дубы, ясени и клены (до корня), но даже и неприхотливую сѣверную липу и березу (листья). Что давно не было такихъ временъ, свидѣтельствовали яблони въ Коломенскомъ, которыя при прежнихъ климатическихъ условіяхъ доросли до столѣтняго возраста. Поэтому крестьянинъ старается такого незваннаго гостя, какъ морозъ, всячески задобрить; Афанасьевъ рассказываетъ, что во многихъ мѣстностяхъ, накануне Рождества и на «Великъ день», въ каждой крестьянской семьѣ старикъ беретъ ложку кутьи или киселя и, высунувъ на вѣтеръ, говоритъ: «Морозъ, морозъ, приходи киселя ѣсть. Морозъ, морозъ, не бей нашъ овесъ» (Поэтич. возвр. Слав., I. 319). Подробнѣе объ этомъ предметѣ говорится у насъ въ заключеніи, по поводу 1812 года.

184. Прибавить: есть точная копія съ этой картинки, отпечатанная на бумагѣ съ знакомъ 1810 года; на ней Данилкинъ рукавъ (его лѣвой руки) заштрихованъ въ одну черту, тогда какъ въ оригиналѣ онъ заштрихованъ въ двѣ черты; копистъ помѣстилъ внизу и подпись Чуваева, находящуюся на оригиналѣ: «Петръ Н.», но подпись эта затерта и едва видна. — Въ моемъ собраніи.

185. Захаръ, Пантюха и Филать. Копія точь въ точь съ Чуваевской картинки, но безъ его монограммы; рамка кругомъ состоитъ изъ четырехугольниковъ съ прямолинейными сторонами, въ Чуваевской же картинкѣ стороны четырехугольниковъ состоятъ изъ зигзаговъ. — Въ моемъ собраніи.

187. Тарасъ плѣшивый. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе (e), гдѣ 1-я строка текста заканчивается словами: «и по».

Текстъ картинки заимствованъ изъ фацеціи (жарта) Поджіо: «juvencularum a salvo quodam faceta dilusio». Пыпинъ, въ изслѣдованіи своемъ, приводитъ повѣсть «о молодыхъ и о старомъ», такоготоже содержания (изъ сборника Забѣлина XVIII в., въ которомъ она помѣщена въ числѣ «жартовъ о женахъ и ихъ хитростяхъ»; Пыпинъ, 269). Въ другомъ сборникѣ Забѣлина рассказъ этотъ изложенъ въ слѣдующей редакціи: «Издевка молодыхъ надъ старикомъ. Некия младыя жены сретоша стара плешива рекоша ему хоцеша ли имети власы на плешу мы тебе скажемъ лекарство на се Он же рече скажите И жены отвѣщаша помочай главу уриною женскою И тако вскоре увидиши власы на плешу Старикъ отда жартъ показа стыдливы удъ глаголя молодужны уже сорокъ летъ женскою уриною полощу а власовъ не нарощу».

Въ сборникѣ повѣстей (скоропись XVII в.), принадлежащемъ Обществу любит. древней письменности, этотъ жартъ изложенъ съ нѣкоторыми измѣненіями: «Издѣвка молодыхъ надъ старикомъ. Нѣкия младыя жены срътоша стара и плешива рѣкоша ему: хоцеша ли имѣти власы на плешу мы тебѣ скажемъ лекарство на не. онъ же рече скажите и жены отвѣщаша: помочай главу уриною жены и тако вскоре увидиши власы на плешу. Старикъ отда жартъ показа имъ на тайный удъ глаголя: молодужки, 40 лѣтъ жениною уриною полощу а власовъ никакъ не нарощу» (Ө. Булгаковъ, Памят. древ. писм. СПб. 1878, стр. 133).

Имя Тараса плѣшиваго давно извѣстно въ исторіи русскаго шутовства: англичанинъ Самуиль Коллинсъ, бывшій восемь лѣтъ врачомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1658—1666), рассказываетъ, что Иванъ Грозный послалъ какого-то воеводу въ Казань за Тарасомъ плѣшивымъ; воевода же, не разслышавши приказанія, велѣлъ привести *полтора ста плѣшивыхъ* (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1846 г., I. Матер. иностр., стр. 14). Вполнѣдствіи эта исторія рассказана въ анекдотахъ Балакирева, при

чемъ Иванъ Грозный замѣненъ Петромъ Великимъ, а тугоухій воевода шутомъ Балакиревымъ. Имя Тараса встрѣчается и въ штатѣ придворныхъ дураковъ Петровскаго времени: въ расходной книгѣ 1719 года записано, что дураку Тараскѣ куплены сапоги за 2 руб. по приказанію государя Петра (Есиповъ, Матер., II. 85). По старой пословицѣ, Тарасъ ѣсть пряники гораздъ; другихъ добродѣтелей за нимъ не полагается.

188. У меня есть еще изданіе (d), конца прошедшаго вѣка; 1-я строка текста въ немъ заканчивается словами: «о промысла».

188, 189 и 205. Ерема, Оома и Парамошка. Текстъ картинки № 188 заимствованъ (съ большими сокращеніями) изъ слѣдующей повѣсти, находящейся въ рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка (СПБургской Публичной Библиотеки, XVII. Q. 4. лл. 8 и 9).

«Повѣсть о двухъ братехъ—о Еремѣ и Оомѣ.
 Были себѣ да жили два человѣка—
 Торговые люди—Ерема да Оома.
 Славные люди! Славно живутъ!
 Сладко пьютъ и ѣдятъ, носятъ хорошо!
 У Ереме клѣтъ, а у Оомы—изба.
 Ерема и Оома—торговые люди;
 Ерема въ торгъ, а Оома на базаръ.
 Ерема за капусту, а Оома—за крупы,
 У капусты не прикупъ, а у крупъ наложить;
 Гдѣ они ни стануть, вездѣ накладывають.
 Похотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Оомою—
 Сѣсти поѣсти, позавракати;
 Ерема сѣлъ на лавку, а Оома—въ скамью,
 Ерема за рѣдку, а Оома за чеснокъ,
 Ерема чеснокъ лупитъ, а Оома толчѣтъ,
 Только сидятъ, ничего не ѣдятъ,
 Коя бѣда ѣсть, (коли нѣтъ ничего?)»

Вставши они, другъ другу челомъ,
 (Другъ другу челомъ,) а не вѣдаютъ о чемъ.
 Еремей щепливъ, а Өома ломливъ;
 На Еремѣ шляпа, а на Өомѣ колпакъ,
 Ерема въ сапогахъ, а Өома въ чеботахъ,
 Ерема въ чужомъ, а Өома не въ своемъ.
 Захотѣлось двумъ братомъ—Еремѣ съ Өокою,
 (Еремѣ съ Өокою)—къ обѣдни итить;
 Ерема въ церковь, а Өома на паперть,
 Ерема креститься, а Өома кланяется,
 Ерема въ книгу глядитъ, а Өома поклоны устанавливаетъ.
 Ерема не учитъ, а Өома не умѣетъ.
 И пришелъ къ нимъ, двумъ братомъ, лихой пономарь,
 И учаль просить денегъ на молебень;
 Ерема въ мошну, а Өома—въ карманъ,
 У Ереме ни пула, и у Өомы—ничего;
 Осердился на нихъ лихой пономарь
 Ерему въ шею, а Өому въ толчки.
 Ерема въ двери, а Өома въ окно,
 Ерема ушелъ въ лѣсъ, а Өома—въ сосникъ;
 Стали они другъ другу говорить:
 «Кого мы боимся, да одно себѣ бѣжимъ?»
 У Ереме гусли, а у Өомы домра.

.....
 Разгладивши усокъ, на братиночку глядитъ,
 Братиночка добра, и часть хороша.
 Ерема наливаетъ, а Өома испиваетъ,
 Ерема играетъ, а Өома напѣваетъ.
 Ерема кричитъ, а Өома не молчитъ.
 Ерема кривъ, а Өома съ бѣльмомъ.
 Осердился хозяинъ на Ерему и на Өому:
 Ерему въ шею, а Өому въ толчки!
 Ерема ушелъ, а Өома убѣжалъ,
 Ерема въ овинъ, а Өома подъ овинъ,

Ерему сыскали, а Өому нашли,
 Ерему били, а Өомѣ не спустили,
 Ерема ушелъ въ березнякъ, а Өома—въ дубнякъ.

Еще стали они себѣ жеребьи метать:
 Ерема за зайцы, а Өома за лисицы,
 Ерема хва(та)етъ, а Өома перенимаетъ,
 Ерема загагалкалъ, а Өома закричалъ.
 Ерема Өомѣ говоритъ:
 «Брате Өома, хватай, въ кошель сажай!»
 —Коя бѣда хватать, коли нѣтъ ничего?
 (Кои нѣтъ ничего,) жидовина-ли хватать?

Ерема усталъ, а Өома отдыхаетъ,
 Ерема сталъ въ рожь, а Өома въ ячень,
 Рожь помяли, а ячень потоптали;
 Ерема припалъ, а Өома прикокорнулъ,
 Ерему сыскали, а Өому нашли,
 Ерему и Өому бить стали;
 Ерему по спинѣ, а Өому по бокамъ,
 Ерема ушелъ, а Өома убѣжалъ.

Сѣли они въ сани да поѣхали сами,
 Встрѣчу имъ трое саней,
 Ерема задѣлъ, а Өома зацѣпилъ,
 Ерему бить стали по ушамъ, а Өому—по глазамъ,
 Ерема ушелъ къ рѣкѣ, а Өома—на рѣку.

Захотѣлось двумъ братомъ утятинки поѣсть;
 Взяли они по палочкѣ,
 Ерема броскомъ, а Өома шибкомъ,
 Ерема не попалъ, а Өома не ушибъ.
 «Стой, брате Өома, не тереби!»
 —Кая бѣда теребить, коли нѣтъ ничего?
 (Кои нѣтъ ничего) жидовина ли теребить?

Ерема сѣлъ въ лодку, а Оома въ ботникъ,
Лодка утла, а ботникъ безо дна;
Ерема поплылъ, а Оома не остался;
Какъ будутъ они среди рѣки,
Стрѣтился имъ на рѣкѣ шатунъ;
На Ерему навалился, а Оому выпрокинулъ,
Ерема (въ) водѣ, а Оома на дно;
Оба упрямы, со дна не бывали.

Какъ будетъ Еремѣ да Оомѣ третій день,
Сходилось на ту рѣку народу смотрѣть;
Ерема былъ плешивъ, а Оома шелудивъ,
Брюхаты, пузаты, бородаты,
Носы покляпы, умомъ оба равны. . . .
Нѣкто б . . . . ч сынъ одинъ добывалъ. . . .
Колико бы и жить, а зла не творить. . . .
Стали они имѣть себя въ великой любви жить:
Единъ безъ одного хлѣба не ѣдали
И чарки вина не испивали,
И въ гостяхъ другъ безъ друга не бывали.
А дворъ у нихъ былъ въ горѣ,
А окошки были къ небу, ни сухими, ни мокрымъ путемъ

И тако двумъ братомъ конецъ! Еремѣ съ Оомою, обѣимъ дуракамъ упрямымъ, смѣхъ и позоръ».

Въ Лѣтописяхъ Тихонравова напечатана слѣдующая пѣсня, записанная въ Саратовской губерніи Костомаровымъ:

«Ерема съ Оомой были брательнички,
Они ладно живали, хорошо хаживали; —
Ерема-то въ рогожкѣ, Оома въ тортицѣ;
У нихъ бороды, ка бороны, усы, какъ кнуты;
Они вздумали бородушки на торгъ везти:
Ерема взялъ полтину, Оома восемь алтынъ,
Ерема купилъ мерина, Оома жеребца,

Ереминъ-то не тянетъ, Ооминъ-то не везетъ, —
Ерема въ бокъ неможенъ, Оома шкуру на рожонъ.
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, пашенку пахать,
А наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться.
Ерема-то въ церковь, а Оома-то въ алтарь,
Ерема-то за ризу, а Оома-то за стихарь,
Ерема-то кадитъ, Оома кланяется,
Оома кланяется—величается.
Какъ Ерему-то поймали, а Оому-то сгребли,
Ерема-то ушелъ, Оома вырвался,
Ерема-то бѣжить—не оглянется,
А Оома-то за нимъ лупитъ—не останется;
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, Богу молиться;
А наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать.
Ерема-то въ клѣть, а Оома-то въ подклѣть,
Ерема-то за коробъ, а Оома-то за сундукъ,
Ерему-то поймали, а Оому-то сгребли.
Ерема-то ушелъ, Оома вырвался,
Ерема то бѣжить—не оглянется,
А Оома-то за нимъ лупитъ—не останется.
Они сойдутся, не разойдутся,
Растоскуются, разгорюются:
Какъ не наше съ тобой дѣло, братъ, клѣти ломать,
А наше съ тобой дѣло, братъ, рыбку ловить.
Ерема-то въ лодку, а Оома-то въ ботикъ,
Ерема упалъ въ воду, а Оома-то на дно,
Ерема-то на дно, а Оома-то тамъ давно» (IV. Отд. II. 75).

Изслѣдованіе о разныхъ варьянтахъ этой повѣсти помѣщено въ Отечественныхъ Запискахъ 1841 г. (V. Библиогр. 58) и въ статьѣ г. Аристова, въ Древней и Новой Россіи (1876 г., IV. 359). Въ этомъ послѣднемъ изслѣдованіи, кромѣ сказки о Оомѣ

и Еремъ изъ Аонасьевскаго сборника и нѣсколькихъ пѣсень, записанныхъ въ разныхъ губерніяхъ, напечатаны двѣ пѣсни про Оому и Ерему, записанныя самимъ авторомъ, — одна въ Липецкомъ¹⁾, другая въ Тамбовскомъ уѣздѣ; обѣ онѣ въ сущности сходны съ текстомъ нашей повѣсти.

Шутовскія фигуры Оомы и Еремы представлены на нашей картинкѣ въ томъ видѣ, въ какомъ они описаны въ рукописной повѣсти. Кромѣ ихъ, на картинкѣ помѣщенъ еще Парамошка, который подчуется ихъ топками и пинками. Этотъ Парамошка никто иной, какъ лихой пономарь рукописной повѣсти, который выгналъ Оому и Ерему въ шею изъ церкви (Аристовъ, 363); вдали видна и самая церковь. Этого самага Парамошку, въ полномъ нарядѣ пономаря, съ большими очками на носу и съ косичкой на затылкѣ, мы встрѣчаемъ въ «аптекѣ цѣлительной съ похмѣльемъ»: онъ тамъ играетъ въ карты съ Савоськой (№ 11)²⁾; на

¹⁾ Въ Липецкомъ пересказѣ упоминается: «игралъ Губкинъ на гитарѣ», — этотъ Губкинъ (а не Губинъ) былъ извѣстный торбанистъ и гитаристъ сороковыхъ годовъ, игравшій по Московскимъ трактирамъ и гуляньямъ; пѣсня, о которой упоминаетъ г. Аристовъ, сочинена самимъ Губкинымъ и пѣлась въ такомъ видѣ:

«Въ рошѣ Марьиной гулянье
Въ самый день тотъ, какъ семякъ;
Всѣ красотки веселятся,
Вмѣстѣ съ ними и старикъ;
Игралъ Губкинъ на гитарѣ,
Спиридонъ пошелъ плясать,
А Андрюшка косолопый
Сталъ ногами загребать».

(Андрюшка и Спиридонъ трактирные пѣвцы-плясуны).

²⁾ Игра въ карты, на равнѣ съ игрою въ зернь и кости, какъ азартная, была издавна строго запрещена: виновныхъ постановлено было казнить кнутомъ (указъ 1668 г.: Полн. Собр. Зак., № 436); запрещеніе играть зернью повторено и въ 1761 году (Полн. Собр., 11 282); въ этомъ-же году дозволено играть въ карты, но только для препровожденія времени (11 275); конечно всѣ эти дозволенія относились къ простымъ смертнымъ: баре играли постоянно, а при Екатерининскомъ дворѣ — въ фараонъ, марьяжъ, ломберъ, мушку и тинтере заигрывались не только мужчины, но и барыни. Запрещенія играть въ карты и другія азартныя игры въ трактирахъ повторялись до нашего времени; не смотря на это, въ заглавныхъ мѣстахъ, въ кабакахъ и трактирахъ,

другихъ картинкахъ, представляющихъ ту же игру Савоськи съ Парамошкой (№№ 191 и 192), Парамошка изображенъ въ простомъ, не пономарскомъ, нарядѣ. Пыпинъ замѣчаетъ, что въ лицахъ Оомы и Еремы олицетворены глупость и нелѣпость. Впрочемъ въ другой сказкѣ Аонасьевскаго сборника, «о плеткѣ живилкѣ», Оома и Ерема являются хотя и шутами, но шутами смысленными; въ одной сказкѣ у нихъ называется третій братъ, Кузьма (Аонасьевъ, III. 366)³⁾.

191. Савоська и Парамошка. Гудокъ — трехструнный первообразъ скрипки, корпусъ его безъ выемки; играютъ на немъ смычкомъ, по всѣмъ тремъ струнамъ разомъ, причемъ на дискантовой струнѣ выводится (перебирая лады) тема, а двѣ нижнія подъ смычкомъ постоянно *гудятъ* однообразный аккомпаниментъ (аккордъ изъ терціи и квинты). Гудокъ упоминается на №№ 191 и 205.

192. У меня есть еще изданіе *ж*, конца прошедшаго столѣтія; окончаніе въ немъ тоже, что и въ изд. *в*: «и парамошка»; но надъ всѣми тремя буквами «а» въ изданіи *ж* поставлено по двѣ точки.

простонародными игроками велись азартныя игры, въ три листика и трынку, и болѣе простыя, но не менѣе азартныя игры, въ орелъ и рѣшетку или орлянку. Высшія классы и до сихъ поръ играютъ въ клубахъ въ азартную стуколку, — видоизмѣненіе игры въ банкъ, которая была запрещена еще въ 1786 году (Полное Собраніе Законовъ, № 16440).

³⁾ Дурацкія персоны Оомы и Еремы являются и въ былинѣ о Щелканѣ, въ которой Возвягъ Таврульевичъ суды разсуживалъ,

Всѣ дѣла приговаривалъ,
И князьевъ бояръ жаловалъ
Селами, помѣстьями,
Городомъ съ пригородами,
И Хому дарилъ Тотьюмою,
И Ерему Новымъ-городомъ (Гильферд. XLII. №№ 235, 269, 283. —

А. Веселовскій, Истор. русск. лит. Галахова, 504). См. тоже «Хвомку и Еремку» въ сказкѣ о Баринѣ-разстригѣ (Колосовъ, Собрн. Русск. Отд. Ак. Наукъ, XVIII. 187).

193. У меня есть еще издание этой картинки—б, конца прошедшего столѣтія; вторая строка подписи подъ Ларею кончается такъ: «Страшень а на» (въ Ахметьевскомъ изданіи: «кожуся страшень»).

195. Дополнить текстъ: «Софронка и Ховронія союзъ получили ксебе ворону приучили». Ворона издревле составляла принадлежность дурака: въ «Stultifera navis» дураки представлены съ воронами (карт. 19 и 31); ворона есть и у Фарноса и у Гоноса (см. имена этихъ шутовъ).

196. Дуракъ и дура кормятъ котенка. Есть еще два изданія этой картинки: в — копія съ изданія а, въ ту-же сторону (конца прошедшего вѣка), только внизу четыре мышенка (а не пять, какъ въ изд. а), и г — копія съ изданія а (1830—1840 г. г.), съ такимъ исковерканнымъ текстомъ: «неумѣемъ мы дураки зделать робенка ста|немъ кормить серова катека авось подста|рость намъ станетъ намъ по|ймасть чернова мышонка». — Въ собраніи Акад. Никитенки.

199—201. Борцы и кулачные бои. Борьба и кулачные бои издавна составляли любимую потѣху для русскаго народа ¹⁾.

У Кирши Данилова въ 5-й пѣснѣ поется, какъ шуринъ царя Ивана Васильевича, Матрюкъ Темрюковичъ, боролся съ московскими борцами. Борцы сперва спросили: «смѣтъ-ли имъ царскаго шурина побороть?» На что получили отъ царя позволеніе не только побороть, но если поборять, то и раздѣтъ побѣжденнаго до нагѣ, и взять его платье себѣ.

Борьба у Матрюка Темрюковича, говорится въ пѣснѣ, ученая, борьба черкесская, колесомъ онъ бороться пошелъ. Первый пошелъ съ нимъ бороться Мишка Борисовичъ и бросилъ его съ носка о землю. «Исполать тебѣ молодцу, что чисто борешься», по-

¹⁾ Бои на копьяхъ или другомъ оружіи были не въ русскомъ народномъ духѣ: рыцарствовало этими кровавыми потѣхами одно высшее сословіе; такъ въ Троицкой лѣтописи подъ 1390 годомъ записано, что въ этомъ году вел. кн. Олегъ былъ «поколонъ на колоткѣ въ игрушкѣ».

хвалилъ его царь. За нимъ пошелъ бороться хромой (на костылѣ) Потанька; онъ *сробился* за плеча Матрюковы.

«Согнетъ корчагою, воздымалъ выше головы своей».

Опустилъ о сыру землю — Матрюкъ безъ памяти лежитъ. Послѣ чего съ него по уговору сняли все платье и пустили нагпшемъ, «на корачкахъ домой» (Кирша Даниловъ. М. 1818, 43).

По другой пѣснѣ, записанной г. Костомаровымъ въ Саратовской губерніи, бороться съ Мамстриюкомъ выходитъ крестьянскій сынъ: «съ ноги на ногу онъ прихрамываетъ, съ ноздри на ноздрю присапываетъ, языкомъ пришепетываетъ»; одолѣлъ онъ таки князя, приподнялъ выше могучихъ плечъ и ударилъ зѣмертво, о сыру землю. Но затѣмъ (по другой пѣснѣ) князь вызываетъ его на новую борьбу, «на драку смертнующую»; сцѣпилися они за воротъ и возились вплоть до вечера, — и одолѣлъ князь крестьянина, разорвалъ его тѣло синее, разметалъ по широкому двору (Тихонравовъ, Лѣтописи, IV. Отд. II. 19). У Гильфердинга съ Кострюкомъ Кострюковичемъ (Дебрюкомъ Дебрюковичемъ) борются три брата — московскіе борцы: Васенька, Потанюшка и Мишенка (хромой и маленький). Царь Иванъ Васильевичъ обѣщаль имъ за борьбу по 25 руб. деньгами, по голубому кафтану, да по листу похвальному — торговать по ярмаркамъ безошлинно. Побороли московскіе борцы Кастрюка Кастрюковича, а Кастрюкъ оказался красной дѣвушкой — «побѣжала она закрывшись правой ладонью» (Гильфердингъ, 1331).

Въ пѣсняхъ-былинахъ упоминается еще о царевичѣ Петроѣ ²⁾, который былъ весьма обученъ бороться объ одной ручкѣ, подошелъ онъ къ Поляницѣ, схватилъ ее на косу бедра, да и спустилъ на сыру землю (Гильфердингъ, 538) ³⁾.

²⁾ Здѣсь разумѣется вѣроятно царевичъ казанскій Куйдакулъ, братъ Алегаловъ, который 21 декабря 1505 г. былъ крещенъ въ Москвѣ и названъ Петрою; въ началѣ 1506 г. вел. кн. Василій Ивановичъ выдалъ за него сестру свою Евдокію; въ 1509 г. Петръ ѣздилъ съ нимъ въ Новгородъ, а въ 1510 во Псковъ (Истор. Гос. Рос. Карамзина, VII. 7. 21. 26.).

³⁾ Это пріемъ древней борьбы Ильи Муромца, Поляницы, Добрыни и др. (Кир. I. 6. 12. 13; IV. 16. 113—116; Алфав. Безсонова. 41).

У Кирѣвскаго (Пѣсни, 8. 38) есть пѣсня, какъ Петръ Первый боролся съ молодымъ драгуномъ; тотъ поборолъ его и въ награду получилъ дозволеніе безденежно по кабакамъ вино пить (а если бы не поборолъ, — былъ бы казненъ; такой уговоръ сдѣланъ).

Въ первой четверти прошедшаго столѣтія кулачные бои производились и въ Петербургѣ и во многихъ урочищахъ, и притомъ съ большимъ ожесточеніемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго именнаго указа, объявленнаго 21 іюля 1726 года генераль-полицеймейстеромъ, графомъ Девіеромъ: «Понеже Ея Императорскому Величеству учинилось извѣстно, что въ кулачныхъ бояхъ, которые бывають на Адмиралтейской сторонѣ на лугу позади двора Графа господина Апраксина и на Аптекарскомъ островѣ и въ прочихъ мѣстахъ въ многолюдствѣ, отъ которыхъ боевъ случается иногда, что многіе, ножи вынявъ, за другими бойцами гоняются, а иные, въ рукавицахъ положи ядры и каменя и кистени, бьютъ многихъ безъ милости смертными побоями, отъ которыхъ боевъ есть и не безъ смертныхъ убійствъ, которое убійство между подлыми и въ убійство и въ грѣхъ не вмѣняютъ, также и пескомъ въ глаза бросаютъ; чего ради нынѣ Великая Государыня Императрица, для охраненія народа, указала: по Именному Своему Императорскаго Величества указу, тѣмъ кулачнымъ боямъ при Санктпетербургѣ безъ позволенія Главной Полицеймейстерской Канцеляріи не быть, а ежели они эти кулачные бои будутъ безъ позволенія имѣть, то тѣ люди будутъ наказаны, смотря по состоянію вины и дѣла; а кто впредь къ такимъ кулачнымъ боямъ для увеселенія будетъ имѣть желаніе, то имъ выбрать межъ себя, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, являться въ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи, гдѣ ихъ имена записываютъ, и для того боя показываютъ указныя мѣста изъ полиціи; но такъ-же и въ тѣхъ мѣстахъ онимъ боямъ быть подъ присмотромъ тѣхъ сотскихъ и прочихъ, что имъ означенныхъ предерзостей отнюдь не чинить, и за ними того имъ смотрѣть въ такой силѣ, что имъ каждому своему десятку или сотни осмотрѣть чтобъ у нихъ ни-

какого оружія и прочихъ инструментовъ ни подъ какимъ видомъ къ увѣчному бою не было, какъ выше показано, да и во время того бою и дракъ между собою бы не чинили, кто упадетъ, а лежащихъ никого не били бѣ; а ежели же не противъ вышписаннаго будетъ поступлено, то какъ съ тѣми сотскими и пятидесятскими и десятскими, также и съ бойцами поступать противъ вышписаннаго же, чего надсматривать и отъ Главной Полицейстерской Канцеляріи; и для того при С.-Петербургѣ публиковать и у приказу приказать, дабы невѣденіемъ не отговаривались» (Полн. Собр. Зак., т. VII. № 4939). Въ заключеніи представлено мною описаніе кулачныхъ боевъ, происходившихъ въ присутствіи графа А. Г. Орлова, здѣсь же приведу описаніе одного кулачнаго боя, который былъ устроенъ гр. Орловымъ на показъ, по случаю приѣзда англійскаго путешественника Вильяма Кокса въ 1778 году, — со словъ самого Кокса: «Мы отправились въ манежъ, гдѣ застали толпу изъ трехъ сотъ крестьянъ (крѣпостныхъ графа Орлова). Они раздѣлились при насъ на двѣ партіи; изъ нихъ каждая выбрала себѣ распорядителя, который вызывалъ бойцовъ и ставилъ ихъ другъ противъ друга: въ бою участвовало всегда не болѣе одной пары. На рукахъ бойцовъ были рукавицы изъ такой жесткой кожи, что они съ трудомъ сжимали кулакъ: многіе били прямо ладонью. Бойцы выдвигали впередъ лѣвую сторону тѣла и, размахивая правою рукою, которую держали нѣсколько наотлетъ, лѣвой отбивались отъ противника; они никогда не наносили ударовъ прямо, а большею частью кругообразно, и били только въ лицо и голову . . . . Если которому нибудь бойцу удавалось повалить своего противника на землю, то его немедленно провозглашали побѣдителемъ; затѣмъ выступала другая пара. Мы видѣли до двадцати подобныхъ свалокъ. Нѣкоторые изъ бойцовъ отличались большою силой, но они не могли сдѣлать вреда, благодаря самому способу драки; здѣсь не бываетъ тѣхъ переломовъ и ушибовъ, какими часто сопровождаются кулачные бои въ Англии. Обѣ партіи принимали живое участіе въ успѣхѣ своихъ бойцовъ и нѣсколько разъ порывались вступиться за нихъ; но

графъ Орловъ, при малѣйшемъ поползновеніи къ спору или дракѣ, останавливалъ ихъ ласковымъ словомъ или жестомъ» (Русская Старина 1877 г. Февраль, стр. 319).

Объ одномъ изъ знаменитыхъ бойцовъ, любимцевъ графа Орлова, фабричномъ Семенѣ Трещалѣ, баснописецъ Измайловъ говорить, въ сказкѣ своей «Кулачные бойцы», въ слѣдующихъ виршахъ:

«Въ Москвѣ фабричный былъ Семень, силачь, боець:
Заразь изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятерней;
Когда же, на бою являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.
Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
А клики радости и похвала за нимъ.
По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья . . . » (Изд. Смирдина, I. 179).

Въ прошедшемъ вѣкѣ на бойцовъ была вездѣ мода: искусство драться на кулакахъ въ Англіи, напримѣръ, входило въ курсъ джентельменскаго образованія; въ наше же чахлае время бои и борьба почти вывелись, а если гдѣ и случаются, то о нихъ печатаютъ, какъ о явленіи чрезвычайномъ. Въ Англіи, у «этой образованной націи», и въ Америкѣ бои составляютъ по прежнему одно изъ любимыхъ занятій какъ нисшаго, такъ и самого высшаго сословія: еще недавно въ Лондонѣ Персидскій шахъ былъ свидѣтелемъ англійскаго бокса. «Боксировать—значитъ драться на кулачкахъ», замѣтилъ онъ въ своемъ курьезномъ журналѣ, «что требуетъ большаго искусства и ловкости. На руки надѣвается нѣчто въ родѣ большихъ перчатокъ, набитыхъ шерстью и бумагой: безъ этихъ перчатокъ, бойцы убили бы другъ друга. Это было очень смѣшно и забавно»; только не всегда, прибавимъ мы, потому что боксы эти нерѣдко кончаются увѣчемъ и даже смертными случаями.

Вотъ напримѣръ выписка изъ Нью-Йоркской полицейской газеты за 1876 годъ (№ 1.609) объ одномъ кулачномъ боѣ; находящаяся при статьѣ картинка изображаетъ кулачный бой на смерть въ присутствіи многочисленной публики; у многихъ въ рукахъ пачки денегъ—признакъ пари, которые они держатъ за того или другаго бойца. «Бой этотъ происходилъ недавно въ городѣ Пенсвилль штата Нью-Йоркъ, среди бѣлаго дня, по всѣмъ правиламъ кулачныхъ боевъ: въ кругу, при посредникахъ; бойцы были одѣты въ трико. При торжественныхъ аплодисментахъ начался бой, причемъ каждый поклялся: или лечь мертвымъ или побѣдить. Семьдесятъ шесть разъ бой начинался и, послѣ нѣсколькихъ обоюдныхъ ударовъ, прекращался для отдыха. Что это былъ за бой, можно судить потому, что одинъ изъ бойцовъ, Уокеръ, избитый въ грудь, лицо, съ затекшими отъ ударовъ глазами, упалъ мертвый. Побѣдитель Уидденъ далъ мертвому ударъ ногою на прощанье и спокойно, съ избитымъ лицомъ, отошелъ къ своей партіи. Уидденъ и свидѣтели арестованы до суда. Онъ показалъ, что съ убитымъ жилъ мирно и дружно, злобы другъ противъ друга не имѣли». Въ Англіи кулачные бои были въ повсемѣстномъ обычаѣ еще въ 1840—50 годахъ; на нихъ собирались десятки тысячъ зрителей, какъ въ Испаніи на тауромахіи (бои быковъ); устраивались эти бои зачастую шайками грабителей и воровъ. Площадка для бойцовъ и зрителей, платившихъ до 5 и 10 шиллинговъ, обставлялась кругомъ телѣгами; за этимъ кругомъ стоялъ неплатящій людъ; пока шель бой, мошенники изъ шайки бойцовъ очищали карманы зрителей, а другіе бѣгали по домамъ и обворовывали квартиры; въ концѣ боя телѣги раздвигались, толпа врывалась въ кругъ, и начинались грабежъ и давка въ полномъ смыслѣ (Библ. для Чтен. V. vij. 41. № 8).

200. У меня есть еще изданіе б этой картинки; послѣднія слова въ немъ написаны такъ: «въ смятку».

202 А. Козакъ и солдатъ, въ огромной треуголкѣ и съ косячкой, дерутся на кулачкахъ (въ длинныхъ рукавицахъ); слѣва

летитъ вверхъ тормашками третій боецъ, должно быть изъ кучеровъ; подписей нѣтъ. Полулистовая картинка, гравированная въ манерѣ мастера Чуваева. — Въ моемъ собраніи.

Солдаты славились хорошими борцами и бойцами уже во времена Петра I-го. Въ анекдотахъ Нартова находимъ любопытный рассказъ объ одномъ бойцѣ шотландцѣ, который билъ всѣхъ лбомъ въ грудь; Петръ I-й выставилъ противъ него своего гренадера на пари и выигралъ 500 гиней, такъ какъ гренадеръ успѣлъ ударить шотландца по шеѣ и свалить его съ ногъ. «Этотъ гренадеръ, какъ самъ сказывалъ, хаживалъ одинъ за Сухаревой башней противъ кулачной стѣны. Послѣ этого единоборства Петръ приказалъ своимъ гренадерамъ, а были то все люди отборные по росту и силѣ, сперва побороться, а потомъ и подраться на кулачки, чтобы показать англичанамъ русскія ухватки» (Москвит. 1842 г., ч. 2., стр. 452). Въ сборникѣ Кирѣевского есть пѣсня о томъ, какъ самъ царь Петръ Алексѣевичъ борется съ 15-ти лѣтнимъ драгуномъ на закладъ: «когда поборешь ты меня, тогда милую тебя; а я поборю,—казнить буду тебя». Подпоясывалъ Царь шелковый кушакъ; драгунъ лѣвой рукой его побарывалъ, правой подхватывалъ, *непускалъ Царя на сыру землю* и поборолъ его. На вопросъ Петра чѣмъ его жаловать: селами-деревнями или золотой казной,—драгунъ отъ всего отказался: «дай ты мнѣ только безденежно по царевымъ кабакамъ вино пить» (Кир. VIII. 38).

203. Воръ на яблонѣ. Эта картинка заимствована изъ весьма распространенной французской народной повѣсти «*Нужда-добрякъ*» («*Histoire du bonhomme Misère*» 1719: Champfleury, Imag. popul., 109.—Nisard, Hist. des livres pop., I. 407). Однажды, рассказывается въ этой повѣсти, въ деревню, гдѣ жилъ Нужда-добрякъ, зашли Петръ и Павелъ; погода была страшная, дождь шелъ ливнемъ. Путники постучались было переночевать къ богатому крестьянину, но тотъ не пустилъ ихъ; тогда они зашли къ Нуждѣ-добряку, тотъ съ радостію принялъ ихъ. Раз-

ставаясь, они спросили его: чего-бы хотѣлось ему на этомъ свѣтѣ? «У меня всего имущества моя избушка да вотъ эта груша, моя кормилица», сказалъ Нужда; «другой годъ повадился лаять на нее воръ, такъ что мнѣ ничего не остается на продажу и я пришелъ въ большую бѣдность; хорошо бы сдѣлать такъ, чтобы воръ, залѣзши на дерево, не могъ сойти съ него, покуда я не отпущу его». — «Хорошо», сказали Петръ и Павелъ, «будетъ по твоему».

Утромъ странники ушли. Выходитъ Нужда изъ избушки и видитъ: воръ, который такъ долго оббиралъ его груши, сидитъ на деревѣ и не можетъ слѣзть съ него; Нужда не отпустилъ его, не смотря на его мольбы и обѣщанія. На бѣду пришли двое сосѣдей, попробовали было снять вора, но и сами прилипли къ вѣткѣмъ подлѣ него. Спустя нѣсколько времени пришла за Нуждою Смерть, и начался у нихъ такой разговоръ: «ты кажется меня вовсе не боишься, Нужда, а вѣдь меня боятся и цари и богатые».

«Чего мнѣ бояться тебя, я бѣденъ, у меня ничего нѣтъ, кромѣ этой груши; дай мнѣ твоей косы достать вотъ эту спѣлую грушу и полакомиться въ послѣдній разъ».

«Отчего не полакомиться; только косы я тебѣ не дамъ, полѣзай за грушей самъ».

«Да вѣдь я старъ, не влѣзу».

«Ну такъ и быть, я тебѣ сама достану». Тутъ Смерть влѣзла на дерево и достала грушу, но что за оказія: назадъ слѣзть дерево её не пускаетъ; поняла Смерть, что попалась Нуждѣ на удочку, взмолилась она ему: «пусти меня! никогда не приду къ тебѣ, только подъ конецъ вѣка, когда всѣхъ людей передешу, тебя послѣдняго подкошу».

Отпустилъ её Нужда съ дерева, убѣжала старая чертовка. Съ той поры живетъ Нужда, старый и бѣдный по прежнему; Смерть обходить его и не умереть онъ, Нужда-добрякъ, до скончанія вѣка *).

*) Повѣсть эта въ западной народной литературѣ столько же распространена, сколько и легенда о Вѣчномъ Жидѣ; безчисленные изданія ея выходятъ

Во французскомъ оригиналѣ Нужда, въ разорванномъ кафтанѣ, несетъ котелокъ; въ нашей картинкѣ изъ Нужды сдѣланъ какой-то подбоченившійся сторожъ въ военной шляпѣ; слѣва прибавлена собачка. Текстъ совершенно другой, не имѣющій никакого отношенія къ французской повѣсти.

204. Прибавить: у меня есть еще изданіе (*ж*) этой картинки, точная копія съ изданія *б*; но въ изданіи *б* душегрѣйка хозяйки оторочена по низу полоскою узорчатой матеріи, чего въ изданіи *ж* не сдѣлано. Наша картинка заимствована съ нѣмецкаго народнаго листа (XVIII вѣка), но текстъ въ ней совершенно другой: въ нѣмецкой картинкѣ воръ утащилъ курицу, чтобъ попользоваться отъ нея яйцемъ; женщина бѣжитъ за нимъ безъ ухвата; вверху надпись: «*Der hennen taster. Du bist ein wunderlicher gast, Das du die henen hast so fast*»; внизу вирши, тоже неимѣющія никакого сходства съ виршами нашей картинки. Нѣмецкій оригиналъ находится въ моемъ собраніи.

205. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки, конца прошедшаго вѣка; въ нихъ первая строка заканчивается такъ: въ изд. *и* — «муз^ну разум», въ изданіи *к* — «взалипъ рукаміи».

209 А. Прибавить: **Фарность красный носъ**; онъ ѣдетъ на свиньѣ особой породы и трубитъ въ большую трубу. Листовая картинка, гравированная на деревѣ; подлинникъ находится въ собраніи Яковлева. Надпись вверху: «я детина не богатой а имею носъ горбатой собою весьма важеватой зовутъ меня Фарность красной носъ, три дня надувался, какъ втанцовалные башмаки обувался, а колпакъ съ перомъ надель, полны штаны набздель, совсемъ

до настоящаго времени (1719—1851); въ 1878 году въ Парижѣ легенда эта была поставлена на сцену, съ декораціями и обстановкой въ готическомъ стилѣ, и имѣла большой успѣхъ.

оболокся, на виноходной свиньѣ поволокся, а свинья моя хрюкаетъ, лакомства своего нюхаетъ».

209 Б. Прибавить: **Шуть Гоносъ**. Дуракъ въ шапкѣ съ ослиными ушами ѣдетъ верхомъ на палочкѣ (съ лошадиной головкой), которую онъ погоняетъ бичемъ; у задницы его подпись: «дхъ п^нзаду своего испущаю темъ ся откамаровъ защищаю»; подпись внизу: «У меня дурака имя гоноса. тяшко и велико бремя носа. Брада власами акі лесъ густая, а голова мозгомъ что дупло пустая. вкавантъ азъ облекся полосаты. а пуговицы на немъ узловаты исчириками купно смазные. но и пуговицы на нихъ вырезные. впутъ азъ ноги свои приуготовляю и бичь долги коню своему являю. дабы конь мой бежалъ неспотыкался и шпорами вребра неударялся. а за плечами сию ворону ношу. пенія слаткаго штонья прошу зане гласъ ее село преслатки но токмо пребываетъ кратки». Листовая картинка, гравированная на деревѣ, изъ разряда Штелиновскихъ; въ собраніи В. И. Яковлева.

Въ расходныхъ книгахъ Оружейной Палаты за 1633 годъ сохранились куріозныя свѣдѣнія о построеніи дурацкихъ костюмовъ дурамъ и потѣшнымъ слѣпымъ. — «143 г. мая 31 государева жалованья потѣшнику Науму Слѣпому здѣлано платья: *однорядка* сукно аглинское зелено, на подпушку 1 ар. безъ чети киндяку лазоревого, на строку пошло золотникъ шолку багрового, нашиты петли хамьяные, пришито 12 пугвиць серебряныхъ бѣлыхъ, на отлошки лоскуть отласу золотного; всего *однорядкѣ* цѣна 3 р. 1 алт. 4¹/₂ д.; *ферези* киндякъ лимонной, на подпушку зендени черленой 1 ар. безъ чети, на подкладку пол-5 аршина крашенины лазоревой, на настилку бумаги хлопчатой полфунта, нашивка шолкъ черлень съ мишурою, всего *ферезямъ* цѣна 3 алт. 3 д.; *кафтанъ* дороги гиланскіе черлены, на подпушку 9 вер. киндяку лимонново, на ожерелье вершокъ отласу золотного по черленой землѣ, на подкладку пол-4 ар. крашенины лазоревой, на простилку полфунта бумаги хлопчатой, нашита нашивка на снуркѣ шолкъ рудожолтъ, всего кафтану цѣна рубль 28 алт. пол-6 д.; *сапоги* сафьянныя

желты, 15 ал.; шапка сукно черлено съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; а пожаловалъ государь ево въ приказъ, приказалъ государевымъ словомъ бояринъ Бор. Ив. Морозовъ.—143 г. іюля 11 государева жалованья потѣшникомъ слѣпымъ Якункѣ да Лукашку по однорядкѣ сукно настрафиль, единцовые, татарскіе, съ круживы и съ завязки по 3 р. по 11 алт. однорядка; по кафтану крашенинному по 23 алт. 2 д. кафтанъ; взялъ однорядки комнатной сторожъ Тимоха Омеляновъ, а кафтаны потѣшной сторожъ Перша Гурьевъ; а присылалъ ево государевымъ словомъ бояр. Бор. Ив. Морозовъ.—144 г. окт. 22 государева жалованья Янкѣ слѣпому шапка сукно вишнево съ пухомъ, 26 ал. 4 д.; сапоги сафьянные желты 16 ал. 2 д.; штаны сукно аглинское зелено 21 ал. 4 д.; кафтанъ крашенинной холодной, ожерелье бархатѣль съ мишурою 30 ал.; а приказалъ государевымъ словомъ стряпчей съ ключемъ Ив. Мих. Оничковъ.—144 г. марта 31 въ хоромы сдѣлано шутихѣ жонкѣ Манкѣ слѣпой сарафанъ крашенинной лазоревъ, крашенины пошло пол-9 ар. по 9 д. арш., на подкладку пошло пол-8 ар. холста по 4 д. арш., пришита пугвица нитная денга; ей же сукня сукно настрахиль черлено, сукна пошло $3\frac{1}{4}$ арш. по 20 алт. арш., на подолку 2 арш. крашенины лазоревой, на опушку около ворота 7 верш. киндяку зеленого $1\frac{1}{2}$ ал., нашита нашивка шолкъ зеленъ, пугвицы оловяныя 9 алт.; всего сукни цѣна 2 р. 12 алт. съ деньгою; а приказывалъ царицынымъ словомъ дякъ Сурьянинъ Торокановъ.

145 г. окт. 31, по имянному приказу государыни царицы уродивому Елистю сермяга сукно муравское бѣлое, пошло съ моченьемъ 7 арш. 7 вер., на подкладку 9 арш. крашенины лазоревой, пришита нашивка втычная шелкъ бѣлъ, на петли пошло $10\frac{1}{2}$ арш. шурка шелкъ бѣлъ; всего сермягѣ цѣна 2 р. 29 алт. пол-5 д.; а приказалъ царицынымъ словомъ дякъ Сурьянинъ Торокановъ, взялъ игольникъ Карпъ Кириловъ.—148 г. декабря 30 по приказу стольника Ивана Ѳедоровича Стрѣшнева Меншова велѣно сдѣлать на Казенномъ дворѣ двѣ тафьи суконные настрафильные одну червчету, а другую желтую; и тѣ тафьи принять къ

царицѣ въ хоромы онъ же Иванъ Ѳедоровичъ, а сказалъ, что тѣ тафьи государыня пожаловала дѣвкамъ дуркамъ Орюткѣ да татаркѣ Дункѣ.—168 г. іюня 28 государева жалованья богомолцу Исаю сдѣланъ *шофай* изъ дороговъ кармазиновыхъ; пошли цѣлыя дороги, въ прибавку 2 арш., на подпушку аршинъ дороговъ зеленыхъ гилянскихъ, на подкладку 10 арш. крашенины, пришито 25 пугвицъ серебряныхъ. Ему-жъ сдѣланъ *шофай* киндяшной, въ кроенье пошло киндякъ узкой, на подкладку $8\frac{3}{4}$ арш. холста; ему-жъ сдѣлана шапка вершокъ вишневъ соболь полтора рубли, на подборъ пупокъ соболей, на тулю 8 хребтовъ бѣлыхъ; рубашка да порты тонкіе 40 ал., сапоги да башмаки сафьянные $1\frac{1}{2}$ р.; а приказалъ о томъ Ѳед. Ал. Полтевъ дяку Данилу Панкратьеву; и то платье взялъ потѣшныхъ хоромъ сторожъ Сава Максимовъ.—169 г. окт. 10, въ потѣшную полату сдѣлано *нопуаю* на постилку изъ киндяка красного длина $\frac{3}{4}$, ширина пол-аршина, пол-фунта бумаги хлопчатой; взялъ постилку потѣшной палаты сторожъ Сава Максимовъ (Забѣлинъ, Бытъ царицъ; матер., 152).

210. Голландскій ленарь, помолаживающій старухъ. Мотивъ картинки заимствованъ изъ нѣмецкихъ народныхъ листовъ. Въ Берлинскомъ музеумѣ есть картина Луки Кранаха младшаго (№ 593), на которой представлено, какъ старики везутъ своихъ старухъ цѣлыми возами и бросютъ ихъ въ молодящее озеро; на другомъ берегу тѣже старухи, но помоложенныя, пируютъ и веселятся.

212 А. Точильщикъ носовъ. Прибавить: копія съ изданія а, конца прошедшаго столѣтія; фонъ сзади мастера, обтачивающаго носъ (справа), затѣненъ зигзагами, тогда какъ въ изданіи а онъ затѣненъ въ одну черту (Въ моемъ собраніи). Русская картинка скопирована точь въ точь съ нѣмецкаго оригинала, конца XVII вѣка (судя по бумажному знаку), грав. на мѣди. Русскій мастеръ прибавилъ двухъ длинноносыхъ, которыхъ везутъ къ доктору, а вмѣсто парня, который въ нѣмецкомъ оригиналѣ, сидя на под-

ставкѣ, пакостить на обтачиваемый носъ, представилъ парня, накачивающаго на носъ воду изъ насоса. Впрочемъ на цензурный просмотръ московскаго полиціймейстера была представлена картинка, вполне согласная съ нѣмецкимъ образцомъ, и фигура парня измѣнена послѣ; поправки и выбоики на доскѣ еще видны, равнымъ образомъ слова: «насосомъ поливать» и «старайся больше» вырѣзаны по выскобленному и вмѣсто нихъ первоначально стояли выраженія, болѣе крѣпкія. Надписи и текстъ русской картинки переведены съ нѣмецкой дословно; привожу ихъ съ нѣмецкаго подлинника, находящагося въ моемъ собраніи. Вверху: «Der Nasen Schleiffer bin Ich genand, Allen Gross-Nasen wohl bekandt».

«Hör wunder über wunder doch,
Was neues muss man hören noch,
Ein neuer schleiffer ist vorhanden
Der zeucht herum in allen landen,
Hat auch ein Jungen hübsch v. ran,
Der mit dem Arsch aufgiessen kan».

Внизу: «Ey holla holla kombt Ihr Leüt,
All die mit Nasen seynd bekleidt,
Sie seyen breit lang oder dick,
So wil Ich in eim augenblick,
Sie schleiffen dass Er warten kan,
Und hett Er hundert Knipffel dran,
1 *). So wird mein Jung sich auch befleissen,
2. Dir tapffer auf die Nass zu scheissen,
So bald die Nass das Wasser spürt,
Alssdenn sie wieder kleiner wird,
3. Alss wie des Bauren so hie stalt,
4. Der Meister Ihm geholffen hat,
Wilt aber dein Nass stättlich zieren,

*) № 1 стоитъ надъ парнемъ, который пакостить на точило; 2-й надъ обтачиваемымъ носомъ; 3-й надъ мужикомъ съ обточеннымъ уже носомъ; 4-й надъ мастеромъ и 5-й надъ подмастерьемъ, который наводитъ на носы глянецъ.

5. So Kan sie mein Gesell poliren,
Und magst du wiederumb heim gehn,
Bey diesem schleiffen wohl verstehn,
Wer sein Nass in alln dreck wil stecken,
Der muss dess Jungen wassers lecken».

Въ книгѣ Райта (Wright, Histoire de la caricature. Paris 1875, стр. 337) помѣщена карикатура на англійскаго короля Карла II-го, которому пресвитеріанскій епископъ обтачиваетъ носъ на такомъ же точилѣ; вертитъ точило шотландецъ «Jockie». Эта карикатура, направленная противъ пресвитеріанцевъ, вышла 14 іюля 1661 года, послѣ Ворчестерской битвы. Въ подробностяхъ и положеніи фигуръ она очень напоминаетъ нашу картинку подъ 212 номеромъ. Точеніе носовъ, какъ видно изъ самаго текста картинки, представляетъ одну изъ интерлюдій или интермедій, которыя давались въ антрактахъ между дѣйствіями настоящей драмы или комедіи. Такія интермедіи, съ потасовками, пѣніемъ, танцами и разными *нахабствами*, составляли въ былое время необходимую принадлежность каждаго представленія; большинство публки только для нихъ и являлось. Въ нашей рукописной литературѣ XVIII вѣка сохранилось множество интермедій, состоящихъ изъ разговоровъ гаера, шляхтича, цыгана, купца, раскольника, молодокъ и пр. (Пекарскій, Наука, I. 457). Въ Европѣ интермедіи-экспромпты съ политическимъ характеромъ были въ ходу между странствующими актерами, которыхъ поэтому правительство строго преслѣдовало. Въ Англии въ XVI вѣкѣ неоднократно издавались указы, запрещавшіе: «Stage-Plays, Interludes and common Players»; а парламентскимъ актомъ 11 февраля 1647 года велѣно было сломать всѣ *ходячія комедіи*, актеровъ сажать въ тюрьмы, а съ зрителей брать пени по пяти шиллинговъ съ человѣка, въ пользу бѣдныхъ. У насъ цензура нравовъ добралась до этого отдѣла не такъ рано, да впрочемъ противъ-правительственныхъ политическихъ тенденцій кажется въ нашихъ интермедіяхъ искать было нечего: соленый разговоръ съ крѣпкимъ словомъ, закончен-

ный хорошею потасовкою, вполне удовлетворялъ неприхотливыхъ зрителей; до чего подобныя интермедіи были иногда просты и пошлы сравните примѣч. къ № 92.

213. Еремушка и бабушка. Обыкновеніе лечить накидываніемъ горшковъ ведется въ захолустныхъ деревняхъ нашихъ и до настоящаго времени: бабушка покрываетъ брюхо больному мокрой тряпкой, кладетъ въ горшокъ горсть пакли, зажигаетъ ее и затѣмъ накидываетъ горшокъ на брюхо, пакля постепенно глѣетъ и брюхо больного втягивается въ горшокъ; отъ каковаго процесса происходитъ для него облегченіе. Горшки вмѣстѣ съ банею составляли еще очень недавно почти единственныя радикальныя средства для нашихъ деревенскихъ больныхъ ¹⁾. Что касается до крѣпкихъ приговорокъ, которыми Еремушка сопровождаетъ свою рѣчь къ бабушкѣ, то обычай такихъ приговорокъ ведется на Русской землѣ съ издавна; еще Фотій Митрополитъ, въ посланіи къ своей паствѣ, говорилъ (въ 1410 г.): «учите своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы престали отъ скверныхъ словесъ, что лаютъ отцевымъ и матернымъ» (Снегиревъ, Русск. въ своихъ послов., II. 121); въ Румянцевскомъ сборникѣ XVIII вѣкѣ (Вост. № 370 и 177) есть на этотъ предметъ особое душеполезное слово. Замашка ругать родителей — чисто восточная, гдѣ нѣтъ того обиднѣе, какъ выбранить чьего либо отца. У насъ впрочемъ крѣпкія слова *по матери* да-

¹⁾ Въ древности врачеваніемъ занимались духовныя лица — священники и монахи; эти послѣдніе устраивали даже больницы при своихъ монастыряхъ: преподобный Антоній «служаше самъ болящимъ» (Патерикъ печерск., 6); за то и народъ относился съ полнымъ уваженіемъ къ истинно полезной и трудовой ихъ дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ въ заглушномъ быту нашего крестьянина нѣтъ лица, которому ближе и удобнѣе можно бы поручить тѣлесное врачеваніе паствы: въ деревняхъ священникъ призывается почти всегда въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда въ городахъ призывается медикъ (котораго въ заглушной деревнѣ *никогда* и быть не можетъ), и своевременная медицинская помощь его при этомъ можетъ спасти не одну сотню простаго человѣка; новая *полезная* дѣятельность уничтожить старинныя народныя пословицы о поповской жадности и обезпечить бытъ духовенства, не отягощая при этомъ крестьянина новыми налогами.

леко не сохранили того браннаго характера и составляютъ въ народномъ разговорѣ не болѣе какъ приговорку, которая:

«Какъ соль ко щамъ, какъ масло къ кашѣ
Вкусъ придаетъ рѣчамъ»,

какъ мѣтко выразился макароническій, но чрезвычайно талантливый и народнѣйшій нашъ писатель Барковъ, и нисколько не даетъ повода обвинять простой народъ нашъ въ нравственномъ развратѣ. Сравните лексиконъ ругательствъ другихъ народовъ и вы увидите насколько они злѣе, грубѣе и ехиднѣе нашихъ. Нашъ ругательный лексиконъ очень кратотъ, — на все и про все почти одно и то же крѣпкое слово; смотря по тону, съ которымъ оно сказано, выражаетъ оно и горе, и радость, и брань, и божбу, и похвалу; безъ него не можетъ обучиться ни рекрутъ своей службѣ, ни ремесленникъ своему мастерству; да и никто и не обижается имъ, если оно сказано «съ усмѣшкой, безъ сердцовъ». И не у одного простаго народа было въ употребленіи крѣпкое русское слово: еще очень недавно употреблялось оно лицами, очень и очень высоко поставленными, на ученьяхъ, смотрахъ, въ строяхъ и даже на парадахъ. Въ XVIII вѣкѣ приговорка *по матери* приобрѣла гражданство даже въ тогдашней литературѣ и переводчикъ Мольеровой комедіи «Дорогія несмѣяныя» (*les précieuses ridicules*) слово «*garbleu*» незадумался перевести по русски: «растакую твою мать» (Сухомлиновъ). Иностранные путешественники наговариваютъ на насъ въ этомъ отношеніи много напраслины. Ульфелдъ замѣчаетъ, что Русские: «*A juramentis . . . absunt . . . sed per matrem, canem, caniculae filium, spuriumque jurant et maledicunt, dicentes: Pudi matter, Sabach, Suginsin, Pledinsin*» (Ulfeld, Hodoeporicon Rvthenicvm. Francofurti, 1608. Pag. 21). Олеарій рассказываетъ, какъ одинъ придворный заспорилъ съ провожавшимъ его приставомъ, о томъ, кому сидѣть на старшемъ мѣстѣ, и при этомъ оба подбивали другъ друга крупными словами: «*Bledisin, Sukkinsin, butz fui matir, Huren Sohn, Hund, vnd andere schmebliche Worte*» (Vermehrte Moskowitische vnd Persianische Reisebeschreibung.

Schlesswig 1663, S. 190). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про народъ: «Sie haben nichts gemeiners auff der Zungen, als: Bledinsin, sukkinsin, sabak, butzfui mat, jabonamat, Hurkind, Petzen Sohn, Hund, ich schende deine Mutter ins Grab. In os ipsius; in oculos, vnd was dergleichen schändliche Reden mehr seynd, so nicht alleine Erwachsene vnd Alte sondern auch kleine Kinder, ehe sie Gott, Vater vnd Mutter zu nennen wissen, dass jebutzfui mat im Munde führen, vnd gegen die Eltern, gleich die Eltern gegen die Kinder heraus stossen» (ibidem, S. 191). У другихъ путешественниковъ по этой части находимъ, — у Лизека: «nihil in eorum ore frequentius, quam *Sukkinsin* quod spurium, *Bledinsin* quod adulterinum significat: item *je bionamat* corrumpam matrem tuam, *je blufemat* corrupti matrem tuam et similis materiae elogia . . .» (Lyseck, Relatio eorum quae circa S. C. M. ad Magnum Moscorum Czarum ablegatos Bottoni et Terlingerenum de Guzman a. 1675 gesta sunt. Salisburgi, 1676. Pag. 99); у Рейтенфельса: «Quocunque modo irritati, matrem adversarii Hebraeam, Paganam, impuram, caninam, et publice infamandam, vocant. Inimicos, servos, liberosque catulorum, et spuriorum vocabulis dehonstant; aut oculos sese illis, aures, nasum, os, et matrem violaturos turpiter comminantur» (Reutenfels, De rebvs Moschoviticis. Patavii, 1680. Pag. 183); у Таннера: «Pudy, Pudy, bledyn syn» и «In rixarum occasionibus pessima usurpant scommata, uti Blendin Syn: Stulti filius, Sukin Syn: Canissae filius; Sobaka, canissa» (Tanner, Legatio polonolithuanica in Moscoviam. Norimbergae, 1689. Pag. 88 et 99).

Особенно былъ крѣпокъ на слово Петръ Великій, который публично ругалъ по матери и своихъ вельможей и иностранныхъ. Фельдмаршалу Огильви напиримѣръ, когда тотъ, не стерпя грубаго его обращенія, попросилъ уволить его въ отставку и отпустить къ великому цесарскому величеству, онъ при всѣхъ, не задумавшись, закричалъ: «Ja plun na Tebe ij na Cesare, snaislij eto gebionamat?» (Der Ehrliche Simon Petersen wider den Schelmischen. Altona, den 10 Septemb. Anno 1705); тоже слово сказалъ онъ

майору Киркеры въ Архангельскѣ, передъ цѣлымъ фронтомъ (Neugebauer, Schreiben eines vornehmen deutschen Officierers an einen Geheimen Raht eines Hohen Potentaten, wegen der üblen Handthierung der frembden Officirer, so die Moscowiter in ihre Dienste locken. Jetzo zum Achtenmahl nachgedruckt, und mit unterschiedenen neuen Historien und Anmerckungen vermehret. Anno 1705, листъ E. 2). Бояре тоже неотставали отъ него; однажды, когда персидскій посоль на публичномъ угожденіи отказался пить вино за здоровье Государя, такъ какъ вино было запрещено пить по его закону, и просилъ подать себѣ другаго питья, то одинъ изъ бояръ выплеснулъ ему стаканъ вина въ лицо и громко сказалъ ему, что онъ «Gebionamat, Hurensohn» (ibid., листъ B. 4). Служившій при Петрѣ I въ русской службѣ офицеръ Нейгебауеръ сравниваетъ Московію того времени «cum *canino canino*, qui ingressum quidem praebet facilem, egressum verò difficillimum» (ibid., листъ C. 4) ²).

214—215. Бани. Встарину на Руси бани были общія; въ Стоглавѣ (Стогл. I. LI. вопр. 18) упоминается о такой банѣ у Псковитявъ, гдѣ безъ зазора мылись «мужи, жены, черницы и черницы». Хотя такія бани и были запрещаемы указами 1743, 1760 и 1785 гг., а равно и уставомъ благочинія (§§ 220, 262), но общія бани существовали въ Москвѣ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Въ 1799 году изданы купцомъ Вальзеромъ 12 видовъ Москвы, писанные Адамомъ де ла Бартомъ и отлично выгравированные за границей Ейхлеромъ; на одномъ изъ этихъ видовъ представлены Серебряницкія бани: мужчины и женщины моются и купаются вмѣстѣ на берегу Яузы. На другой картинкѣ, гравированной знаменитымъ скульпторомъ Козловскимъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, представлена тоже баня, въ которой женщины моются вмѣстѣ съ мужчинами. Въ Финляндіи

²) Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ К. О. Феттерлейномъ.

и въ настоящее время, въ баняхъ и купальняхъ, посѣтителей моютъ женщины. По рассказамъ Снегирева, передбанники, гдѣ раздѣвались въ торговыхъ баняхъ, были отдѣльные для мужчинъ и для женщинъ, а мылись и парились они вмѣстѣ, въ одной банѣ, размѣщаясь при этомъ на разныя стороны (Лубочн. карт., 118). Въ деревняхъ русскихъ крестьяне парятся и моются цѣлой семьей, по очереди, въ печахъ, а окачиваться выходятъ на дворъ, на морозъ. Изображеніе этого рода бань можно видѣть въ путешествіи барона Рехберга. Оларій (стр. 104) рассказываетъ, что, во время его путешествія, женщины не разъ выходили къ нему на встрѣчу изъ избы совсѣмъ голыя. Отличительное свойство русской бани—распариванье тѣла на полкѣ, въ 60-ти градусной жарѣ, и сѣченіе его вѣниками. Для простаго народа такая паровая баня, съ каменкой, составляетъ одну изъ первыхъ жизненныхъ потребностей: разъ въ недѣлю идетъ онъ выпариться, вымыться, пережарить расплотившееся на немъ чужеродное звѣрье и *облегчить* свое тѣло отъ передѣланныхъ за семь дней работъ. Здѣсь бабы правятся животами, старики и старухи выправляютъ кости и выпариваютъ простуду, *чемы* и *ломы*. Такъ велось съ глубокой древности. Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ (XVII в., въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ), въ описаніи путешествія Андрея Первозваннаго, приводится рассказъ о томъ, что онъ былъ въ Новгородѣ у Славянъ и видѣлъ, какъ тамошніе люди мылись въ банѣ: «и удивися имъ!» Бани, рассказывалъ онъ въ Римѣ, у нихъ деревянныя, въ нихъ наваленъ камень, который накаляютъ до красна; тогда они раздѣваются до нага и обливаются «квасомъ кислымъ и возмут на ся прутіе младое, и біются сами. И того ся добіютъ, едва излѣзутъ еле живи, и обліются водою студеною». Такъ дѣлаютъ они каждый день, прибавляетъ св. Андрей, «и не мучими никимъ же: но сами ся мучатъ и то творятъ омовеніе себѣ а не мчѣніе» (Сухомлиновъ, О древн. русск. лѣтоп. СПб. 1856, 18). Такая баня предлагалась каждому путешественнику и гостю: когда Древляне прибыли въ Кіевъ съ предложеніемъ сочтаться вел. кн. Ольгѣ бракомъ съ ихъ княземъ, то она «повелѣ угото-

вати ихъ ради баню велію, и посла къ нимъ, моля ихъ, да первѣе по трудѣ путемъ измыются въ баню и почиютъ» (Минеи Четьи. Житіе Ольги, стр. 290). Въ Никоновской Лѣтописи тоже упоминается: «строеніе банное» (Русск. лѣтоп. по Никонов. списку. СПб. 1767 г., I. 192).

216. *Подъячій и смерть*. У меня есть еще два изданія этой картинки: *д*, конца прошедшаго вѣка, гдѣ 1-я строка текста заканчивается словами: «все хватаетъ», и *е*, съ тѣмъ же окончаніемъ, только дверь, передъ которой стоитъ смерть, тушевана въ одну черту, тогда какъ въ изд. *д* — она тушевана въ двѣ черты, на крестъ.

220. *Нѣмка верхомъ на старикѣ*. Картинка эта, по мнѣнію раскольниковъ, представляетъ царя Петра Алексѣевича; она имѣетъ отношеніе къ рассказамъ, ходившимъ въ народѣ о большой слабости его къ шведской дѣвицѣ. С. М. Соловьевъ приводит по этому поводу любопытное показаніе, данное въ Преображенскомъ, въ застѣнкѣ, подъ пыткой, гуляющимъ челоукомъ Никитой Мининымъ, который объявилъ, что жена дворцоваго повара Якова Чуркина при немъ говорила: «Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ, и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ, — а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица. И та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду, и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была именинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: «Пожалуй, государыня, ради такого своего дни, выпусти его государя!» И она имъ сказала: «Подите, посмотрите; буде онъ валяется, и для вашего прошенія выпущу». И князья и бояре, посмотря его государя, ей сказали: «Томень, государыня». И она имъ сказала: «Коли томень, и вы его выньте». И они его выневъ отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ бояромъ, и бояре перекрестились, сдѣлали бочку, и въ ней набили гвоздя, и въ тое бочку хотѣли его положить. И про то увѣдалъ стрѣлецъ и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ, и

говорить: «Царь-Государь, изволь встать и выйти! Ничего ты не знаешь, что надъ тобою чинитца». И онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ, на его мѣсто; и бояре пришли, и того стрѣльца, съ постели схватя и положи на тое бочку, бросили въ море» (Чтенія Моск. Общ. Истор. и Древн. 1862 г., кн. IV). Самый мотивъ картинки заимствованъ изъ исторіи объ Аристотелѣ, осѣдланномъ любовницей Александра Македонскаго; эта исторія рассказывалась съ глубокой древности и изображалась даже въ церквахъ, на барельефахъ. Такія же исторіи о философѣ, осѣдланномъ женщиной, помѣщены: въ Пантша-Тантрѣ (Deslongchamps, Essai sur les fables Indiennes, p. 50), у Петра Альфонса въ Cent nouvelles nouvelles № 23, въ баснѣ Vogel mit drei Lehren (Schmidt, 106), въ повѣсти о Варлаамѣ и Іасафѣ (Dunlop, 483).

227. Раскольникъ и цырульникъ. Относительно брадобритія въ 40-й главѣ Стоглава сказано слѣдующее: «Также священныя правила православнымъ христіаномъ всѣмъ возбраняють, ни брити брадъ и усовъ, ни постригати. Таковая бо нѣсть православныхъ, но латынская и еретическая преданія, греческаго царя Константина Ковалина. И о семъ апостольская и отеческая правила весьма запрещають и отрицають, правило святыхъ апостолъ еще глаголетъ: аще кто браду брѣть, и преставится тако, не достоинъ надъ нимъ служити, ни сорокоустія по немъ пѣти, ни просвиры ни свѣщи по немъ въ церковь не приносить¹⁾; съ не-

¹⁾ Однако великій князь Василій Ивановичъ, вступивъ въ бракъ съ Еленою въ 1525 году, обрилъ себѣ бороду, чего прежде, какъ замѣчаетъ Герберштейнъ, никто изъ великихъ князей не дѣлалъ (Adelung, Herberst., 175—182). Г. Михневичъ посвятилъ исторію о бородѣ рядъ фельетоновъ въ «Новостяхъ»; начальный обычай брити бороду имѣлъ чисто практическую цѣль, независимо отъ прихотей моды. Рассказываютъ, что Александръ Македонскій, предпринимая походъ въ Индію, узналъ, что тактика тамошнихъ воиновъ заключается въ томъ, чтобы во время боя прежде всего хватать своихъ противниковъ за бороды. Въ предупрежденіе этой военной хитрости, Александръ приказалъ своимъ воинамъ сбрити бороды, и, какъ извѣстно, стяжалъ себѣ въ Индіи неувидаемые лавры. Такимъ образомъ, бритые бороды незамѣтно

вѣрными да причтется: отъ еретикъ бо се навикоша. О томъ же правило 11-е шестаго собора, иже въ Труллѣ Полатнемъ, о стризаніи брадъ: что же о постриженіи брады, не писано ли есть въ законѣ: не постригайте брадъ вашихъ? себо женамъ лѣпо, мужемъ же не подобно: создавъ Богъ судилъ есть, Моисеови бо рече: постригало да не въздетъ на браду вашу, себо мерзость есть Господеви; имъ отъ Константина царя Ковалина еретика се узаконено есть; на томъ бо всѣ знаютъ, яко еретическія слуги, иже суть брады имъ постризаны. Вы же се творяще, человѣческаго ради угодія, противящесе закону Божию, ненавидими будете отъ Бога, создавшаго насъ по образу своему. . .» Въ словѣ о брадобритіи, приписываемомъ патриарху Адриану, объ этомъ же предметѣ говорится, что: «Богъ всеблагій въ Троицѣ поемый. . . . мужа и жену сотвори, положивъ разнство видное между ими, яко знаменіе нѣкое: мужу убо благолѣпіе, яко начальнику — браду израсти, женѣ же яко несовер-

вошло въ обычай въ македонскомъ войскѣ, а изъ подражанія ему стали впоследствии бриты въ Греціи и всѣ граждане. Римляне, во всемъ подражавшіе грекамъ, въ свою очередь переняли и этотъ обычай, а отъ нихъ сталъ онъ мало по-малу распространяться и среди варваровъ, съ которыми греко-римскій міръ приходилъ въ соприкосновеніе. Этимъ путемъ бритые бороды было заимствовано и нѣкоторыми нашими предками-славянами еще до введенія христіанства. Извѣстно, что малороссы, поляки и южные славяне до сихъ поръ брѣютъ бороды; въ Малороссіи отпускаютъ бороды только маститые старики, выражая этимъ какъ бы отчужденіе отъ міра и обращеніе помысловъ къ Богу. Христіанская Европа среднихъ вѣковъ носила бороды, хотя въ пошеви ихъ, стрижкѣ и прическѣ соблюдались прихоти измѣнчивой моды. Бритые бороды и усовъ вводится въ цивилизованной Европѣ одновременно съ возрожденіемъ классицизма—во времена новѣйшія, во времена такъ называемаго «Renaissance'a». Извѣстно, что въ подражаніи древнимъ псевдо-классики доходили до странныхъ и даже смѣшныхъ крайностей. Такою же ненужною крайностью была мода брити бороды и усы, явившаяся единственно изъ подражанія грекамъ и римлянамъ. Мода эта даже пережила времена увлеченія классицизмомъ. Уже въ XVIII вѣкѣ вся образованная Европа была безбородая. Позднѣ наступили времена романтизма, вслѣдъ за ними—реализма, а обычай брити бороду все еще упорно держался и даже и до сихъ поръ далеко не исчезъ окончательно. Царство бороды въ культурныхъ странахъ началось весьма недавно, какихъ-нибудь лѣтъ двадцать пять назадъ—не болѣе; но и теперь еще въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ и для нѣкоторыхъ профессій она считается почти неприличіемъ.

шенной но подначальнѣй, онаго благолѣпія не даде, яко да будетъ подчинена, зрящи мужа своего красоту, себя же лишенну тоя красоты и совершенства, да будетъ смиренна всегда и покорна. О веліе зло человецы, созданныи по образу Божію, измѣниша доброту зданія его, и зракъ свой мужескій обругаша, уподобляющесе женамъ блудовиднымъ, ради угожденія сквернаго, или паче рещи — подобящесе безсловеснымъ нѣкіимъ, яко скотомъ или псомъ и подобнымъ имъ: тѣмъ бо усы простершы брады же не имуть тако и человекычъ младо умни, или паче свойственнѣе рѣщи, безумнии, усы простирающе». Тамъ же упоминается, что мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій... «по принятіи святаго крещенія пострадаша въ Вильнѣ за брадобрітіе и ношеніе тафей отъ нехристіанскаго еще литовскаго князя Олгерда» (изъ подлин. XVIII в., принад. гр. Строгонову). Въ другомъ словѣ о брадобрітіи, помѣщенномъ въ сборномъ подлинникѣ (гр. Строгонова; XVIII в.) раскольничьей редакціи, прибавлено еще убѣдительное свидѣтельство о святости бороды: «Взирайте часто на икону страшнаго втораго Христова пришествія, и видите праведныя въ деснѣхъ странѣхъ Христа стоящи, вси имуща брады; на шуйей же стоящи бесерменны и еретики, люторы и поляки и иныя подобныя имъ брадобритенники, точію имущія едины усы, яко имуть кошки и псы...» (Буслаевъ, Очерки, II. 234).

Въ одной рукописи XVI вѣка, волошкаго письма, принадлежавшей профессору Григоровичу, въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ, находимъ разсказъ о томъ, почему брѣть бороду католическое духовенство: «А зачѣмъ Папа вашъ стрижетъ бороду?» — спрашиваетъ Панагіоть. Азимитъ отвѣчаетъ: «Пришоль Ангелъ Господень ночью къ Папѣ и сказалъ: «если хочешь быть такъ, какъ ангелъ, остриги свою браду, потому что ангелы безъ брадые предстоятъ престолу Божію». «Не такъ», отвѣчаетъ Панагіоть, «ты солгалъ Азимише! Слушай же, и я скажу тебѣ сущую правду, понеже писано есть: аще вы умолчите, каменія возглаголютъ. Вотъ Папа хотѣлъ имѣть жену, жена же, пославъ къ нему, велѣла сказать ему: «если хочешь, чтобы я была

твоею, то остриги бороду свою и сотворишь безбраденъ и младъ къ любви моею». Но когда жена увидала его съ остриженною бородкою, сказала: «Осрамотилъ еси свою почесть и погубить хочешь свой святительскій чинъ, о безумный, за мой худой и нечистый полъ и за похоть скверную. Того ради живъ Господь Богъ и душа моя! Не приду къ тебѣ обезумѣвшему и развратившемуся». Папа, видя смѣхъ и паденіе отъ жены, предался было великой печали; но потомъ, раздумавъ, написалъ епистолю и созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ епископовъ, и сказалъ имъ: «Миръ вамъ, чада мои духовныя! Услыште, что скажу вамъ о любви Божіей, иже объяви мнѣ Господь смиренному о вашемъ спасеніи. Господь послалъ ко мнѣ ангела съ этою епистолюю и велѣлъ сказать мнѣ: Аще хочещи быти яко ангелъ, то остризи браду свою. Такъ я и сдѣлалъ. Такъ же сдѣлайте и вы, остригите брады свои; понеже ангелы безбрады, а Папа возрадовался радостію великою. И этого обычая и до нынѣ вы держитесь» (Буслаевъ, Очерки, I. 502)».

Бороду встарину, какъ сказано выше, считали священною принадлежностію всякаго мужа. Князь Ростовскій, завѣряя Ивана Грознаго въ томъ, что не переписывался съ Польскимъ королемъ, клялся: «не видать мнѣ моею бороды» (Снегиревъ, Русск. пос., II. 47); Коллинсъ (1659 г.) говоритъ, что одному слову бородатаго въ Москвѣ вѣрятъ больше, чѣмъ клятвѣ безбородаго (Чтен. Москов. Общ. Истор. 1846, I. 21). Споры насчетъ святости бороды и ея неприкосновенности продолжались долгое время и послѣ смерти Петра Перваго; за бороды сильно держались еще въ половинѣ XVIII вѣка, и не только раскольники, но и православные сомнѣвались—брить ли ихъ. Подъ №№ 1435 и 1436 приведено два изображенія св. Димитрія Митрополита Ростовскаго, гравированныя около этого времени, съ цѣлію укрѣпить брѣющихъ бороды и поколебать правоту раскольничьяго вѣроученія. Въ текстѣ одного изъ этихъ изображеній говорится, что въ 1705 году, когда св. Димитрій былъ въ Ярославлѣ, то въ одинъ день послѣ литургіи подошли къ нему двое бородачей, за совѣтомъ: «намъ велятъ

бороды наши брить, а мы готовы скорѣе наши головы за брады положить»²⁾). Непайдя чтобы отвѣтить имъ изъ св. писанія, св. Димитрій спросилъ ихъ: «что отростетъ—голова или борода?»— «борода», отвѣчали бородачи; «а голова отростетъ развѣ при общемъ воскресеніи». Выслушавъ этотъ отвѣтъ, святой пошелъ въ свою келію, вошли съ нимъ и многіе честные граждане, и было у нихъ разглагольствія довольно о брадобритіи и небрадобритіи. Въ другомъ изображеніи (№ 1436) въ текстѣ говорится, что обрившіе по указу бороды сомнѣваются въ томъ: не испортили ли они тѣмъ подобіе Божіе; св. Димитрій отвѣчаетъ, чтобы никто не усумнился въ спасеніи своемъ, «понеже они не по своему произволенію обрили свои бороды, а по велѣнію властей».

При Екатеринѣ II либерализмъ относительно брадобритія пошелъ уже въ другую сторону; сбрилъ себѣ бороду священникъ Самборскій и, несмотря на протесты Митрополита, отправлялъ въ такомъ видѣ священническія требы. Въ Русской Старинѣ 1876 года (Май, стр. 13: Записки Гарновскаго) приведенъ по этому случаю слѣдующій весьма характерный разговоръ: При освященіи Софійскаго собора Новгородскій Митрополитъ не хотѣлъ служить вмѣстѣ съ протопопомъ Самборскимъ. «Зачѣмъ ты здѣсь, говорилъ онъ ему, я съ тобою служить не стану! Знаешь ли ты, что изъ Кіева пишутъ? Неурожай въ хлѣбѣ отъ того, что ты бороду брѣешь, ты новую ересь заводишь. Брадобритіе подаютъ поводъ къ расколамъ и къ возмущеніямъ народнымъ. Что ты умничаешь! Отрости бороду, или предамъ и предаю тебя суду Божію. Воды освящать не позволяю и къ причастію Святыхъ тайнъ не нахожу тебя достойнымъ. Лицемѣръ! я не признаю тебя за протопопа!» На это Самборскій между прочимъ отвѣчалъ: «Отецъ

²⁾ Въ одной пѣснѣ у Кирѣвскаго о козакахъ при французахъ разсказывается, что «прогнѣвался на нихъ царь Александръ; онъ велѣлъ съ нихъ обратъ платье цвѣтное, обрядить въ платье штатское, онъ велѣлъ имъ обрить всѣмъ бороды; ужъ и тутъ они его ослушались: охъ ты гой еси нашъ батюшка, православный царь Александръ Павловичъ! Не приказывай ты намъ обрить бороды, прикажи ты намъ рубить головы» (Кир. X. 83).

мой, священникъ, ходилъ съ бородою и въ такое время, когда по случаю неурожая въ хлѣбѣ былъ моръ, отъ коего спасти борода отца моего не въ состояніи была. Не умничаю, но не нахожу, чтобы борода составляла таинство вѣры» и т. д. Въ заключеніе привожу выборку изъ памяти 1705 года, откуда видно, что Государь указалъ: «впредь усы и бороду брить» на Москвѣ и во всѣхъ городахъ: царедворцамъ, приказнымъ, дворовымъ, гостяномъ, гостинной сотни и черныхъ слободъ посадскимъ людямъ; если же брить усы и бороды не захотятъ, то брать съ нихъ въ годъ: съ царедворцовъ и дворовыхъ приказныхъ — по шестидесяти рублей съ человѣка, съ гостинной сотни отъ 60-ти до 100 рублей, съ посадскихъ, Московскихъ городовыхъ жителей и съ церковныхъ причетниковъ, кромѣ поповъ и дьяконовъ, по 30-ти рублей съ человѣка, въ годъ, и давать имъ изъ приказа земскихъ дѣлъ знаки и тѣ знаки имъ на себѣ носить; изъ другихъ городовъ за тѣми знаками пріѣзжать въ Москву, а въ Сибирскіе дальніе города и Поморскіе — знаки послать изъ Москвы (Полевой, Русск. Вивлюеика. М. 1833, I. 381). Въ собраніи извѣстнаго нумизмата Ю. Б. Иверсена есть два мѣдныхъ жетона, которые выдавались въ видѣ квитанціи въ томъ, что пошлина за право ношенія бороды внесена. На первомъ изъ нихъ, кругломъ, на лицевой сторонѣ представлена борода съ усами и носомъ; надъ ними надпись: «денги взяты»³⁾; кругомъ жетона лавровый вѣнокъ; на оборотѣ такойже лавровый вѣнокъ, двуглавый орелъ и надпись: «аѳѣ году». Другой жетонъ—квадратной формы; по краямъ его фестончики, а в серединѣ надпись: «сбороды (пошлина) взята 1725»; обратная сторона жетона гладкая, а на гуртѣ надпись: «борода—лишь—ная тягота» (Изображеніе этого жетона помѣщено у Шодуара: Табл. 23. № 1).

Взаключеніе представляю перечень указовъ, вышедшихъ до 1764 года къ притѣсненію раскольниковъ и въ ограниченіе ихъ правъ:

³⁾ Подъ буквами «вз» выбитъ штемпелемъ двуглавый орелъ.

1705 г. Кромѣ поповъ и дьяконовъ всѣмъ брить бороды и усы, а съ небрѣющихъ взыскивать пошлины (Полн. Собр. № 2015).

1714. Подтверждено о наказаніи за ношеніе бороды (П. С. 2874).

1722. Установлено для бородачей платье особаго покроя и запрещено принимать отъ бородачей челобитныя, если они будутъ подавать ихъ не въ указанномъ платьѣ; всякаго такого бородача велѣно приводить (П. С. 3944). Не вѣнчать раскольниковъ съ православными (П. С. 4009). Не вѣнчать раскольниковъ между собою, а за брачное сожитіе предавать суду (П. С. 4009, п. 9). Освободить отъ штрафа бородачей, которые обрѣютъ бороды (П. С. 4041). О тѣхъ, кто будетъ бороды подстригать (П. С. 4034).

1723. Съ торговыхъ бородачей брать штрафъ (П. С. 4245), съ крестьянъ не брать его (тамъ же).

1724. Для бородачей установлено особое платье и знаки для бороды; учреждена контора при сенатѣ для сбора съ нихъ денегъ (П. С. 4596). Запрещено назначать ихъ въ такія должности, гдѣ они могутъ имѣть подначальныхъ (тамъ же).

1726. Приѣзжающимъ въ Петербургъ для работъ, кромѣ крестьянъ, брить бороды (П. С. 4944). Подтверженіе брать съ бородачей штрафъ (П. С. 4985, п. 1. 2. 3. 6. 7. 9.).

1728. Непахатныхъ людей бородачей писать въ двойной окладъ и брать за бороду по 50 рублей (П. С. 5349).

1735. Вѣдомости о бородачахъ присылать въ раскольниковую контору (П. С. 6780).

1748. Подтверженіе бородачамъ носить указанное платье (П. С. 9479).

1752. Подтверженіе, чтобъ носили указанное платье и знаки (П. С. 1752).

1762 (П. С. 11, 725) и 1764 (П. С. 12, 067). Предоставлено раскольникамъ носить бороду, усы и ходить въ неуказанномъ платьѣ.

Относительно раскольниковъ платья, Голиковъ пишетъ, что Петръ придумалъ для раскольниковъ особый нарядъ: «приказалъ

имъ носить на спинѣ продолговатый четырехугольникъ изъ краснаго сукна и стоячій на затылкѣ козырь изъ желтаго сукна ⁴⁾, съ тѣмъ, что ежели кто изъ нихъ съ бородою и безъ сихъ знаковъ на ихъ староманерномъ платьѣ придетъ въ приказъ о чемъ просить, то, вигдѣ ни о чемъ просьбъ ихъ не принимая, взыскивать, не выпуская изъ приказу, по 50 рублей штрафу; также кто увидитъ кого съ бородою безъ таковаго платья, то бѣ приводили оныхъ къ Комендантамъ и Воеводамъ и къ приказнымъ, и онымъ тотъ же штрафъ съ нихъ взыскать и приводцамъ онаго штрафа половину, и платье раскольниковъ отдавать...; изъ сего монархъ исключилъ только однихъ крестьянъ, да и тѣхъ точно пашенныхъ, а не торговыхъ». Это повелѣніе послѣдовало послѣ покушенія на жизнь Петра со стороны одного раскольника, который, подъ видомъ подачи просьбы, пробрался къ нему въ кабинетъ съ ножомъ въ рукахъ (Голиковъ, Дѣянія Петра Великаго, VIII. 150. — Анекдоты Штелина, стр. 42).

227 А. Прибавить: **Компанія нюхающихъ табакъ** (8 человекъ); внизу подпись: «Иностранныя народы изволятъ нюхать табакъ на разныя манеры насъ табакъ забавляетъ и глаза наши исцеляетъ».

227 Б. **Компанія курящихъ табакъ** (8 человекъ); внизу подпись: «Господа Иностранцы Изволятъ заниматься табакомъ потому табакомъ макроту выгоняютъ отого И здравы бывають».

Двѣ полулистовыя картинки, гравированныя на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева, должно быть копіи съ иностранныхъ оригиналовъ; нѣкоторыя фигуры скопированы въ нихъ съ известной карикатуры Гогарта: «A midnight modern conversation» (Въ моемъ собраніи). О введеніи табака въ Россію см. примѣч. къ № 166.

⁴⁾ Это описаніе имѣетъ нѣкоторое сходство съ одеждой раскольника на картинкѣ № 227, хотя здѣсь онъ представленъ въ короткой голландской епанчѣ, неимѣющей ничего общаго съ длиннополою раскольниковою одеждою.

227 В. Прибавить: въ моемъ собраніи есть полулистовая картинка, гравированная на мѣди и изображающая двухъ табачниковъ; изъ нихъ одинъ, который постарше, подчуетъ другаго табакомъ изъ своей табатерки; внизу вирши:

«Здравствуй почтенной Старичокъ
Я вижу что ты нюхаешь табачокъ
О! какъ я къ чужому табаку привыкъ
Отъ того у меня и носъ великъ
Я мало себѣ табаку покупаю
А все по чужимъ табатеркамъ носъ набиваю.
Екой твой проклятой носъ
Не шутъ-ли тебя Ко мнѣ поднесъ
Мнѣ было бы на цѣлой день
А ты захватилъ въ одну пядень
Прощай шутъ будь съ тобою
И не встречайся ты со мною
Ты меня вовсе разорилъ табакомъ
Нестолько вынюхаешь Сколько разсоришь».

228. Реестръ о цвѣтахъ. Въ Письмовникѣ Курганова (11-е изд. ч. II, стр. 357) помѣщено *мнѣніе о цвѣтахъ*, во многомъ впрочемъ несходное съ нашею картинкою, а именно: «Алый, пріятство. Алый съ чернымъ, печальное прощаніе. Бѣлый, чистота, цѣломудріе, правда. Бѣлый съ брусничнымъ, лукавство. Брусничный, ласкательство. Васильковый, гордость. Вишневый, обманство. Гвоздичный, уныніе. Голубой съ чернымъ, злобство. Гуляфный, праздность. Голубой, постоянство. Дымчатый, услужливость. Жаркой, свиданіе, веселіе. Желтый, сомнѣніе. Желтый съ чернымъ, сбойство. Зеленый, надежда. Кофейный, смиреніе. Коршневой, благодарность. Крапивный, крюкотворство, шумство. Красный, миръ. Лимонный, простота. Лазоревый, непріятство. Маковый, желаніе. Малиновый, лицемѣрство. Осиноный, сутяжество. Песочный, удовольствіе всего. Померанцовый, радость. Перловый,

ученость. Пунцовый, величество. Розовый, нѣжность, глупость, мудрость. Сливный, коварство. Соломенный, снисхожденіе, уничтоженіе. Сѣрый, непостоянство. Синій, мужество. Свинцовый, скупость, бережливость. Темнозеленый, вѣрность. Черный, печаль *).

228, 230 и 231. Карлики составляли издавна, съ глубокой древности, необходимую принадлежность всякаго Двора. «Калечище малъ малешинекъ» былъ у воротъ теремовъ в. к. Владиміра и ударялъ въ набатъ къ сбору богатырей на княжій дворъ (Кирша Даниловъ, 27). Въ нашихъ актахъ находимъ извѣстіе, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, устраивая брату своему Петру какъ-бы особый штатъ, подарилъ ему, между прочимъ, четырехъ карликовъ (Есиповъ, Матер., I. 23). Въ 1697 году, при русскомъ посольствѣ въ Амстердамѣ, находились тоже четыре карлика: Ермолай Мишуковъ, Денисъ да Ѳеодоръ Еремѣевы и Екимъ Іевлевъ (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, III. 34). Кромѣ карловъ при дворѣ Петра I-го были аралы, гайдуки, бандуристы, гудошники, гудошницы, скороходы и множество шутовъ. По другой переписи этого же времени карликовъ при дворѣ значилось 70 человекъ. Петръ очень занимался своими карликами Лукою Честихинымъ **) и Екимомъ Волковымъ. Въ 1710 году на свадьбу Волкова было собрано, по его приказанію, 30 карли-

*) Для сравненія цвѣтовъ прилагаю списокъ различныхъ цвѣтовъ матерій и одеждъ, встрѣчающихся въ царскихъ выходахъ 1632—1682 гг. (Строевъ, Алфав., 102): алый, червчатый, багровый, темнокоричневый, брусничный, песочный, вишневый, гвоздичный, голубой, дымчатый, жаркій, огненный, рудожелтый, зеленый, лазоревый, празелень, кирпичный, коричный, лимонный, крапивный, маковый (темный), малиновой, осиноный, сахарный, сизовый, сливный, соломенный, сѣрогорячій, таусинный (синій темный), ценинный, шафранный.

**) Изъ расходной росписи видно, что этому Честихину въ 1716 году сдѣланъ *сартукъ* изъ краснаго сукна, а въ 1717 году купленъ въ Гагѣ у *парукера* парикъ за 25 гульденовъ (Есиповъ, II. 51, 57). Въ 1719 г. Его Величество издержалъ на покупку сапогъ дураку Тарасу 2 р. и Екиму карлъ 23 алтына 2 деньги. Въ 1722 году Екатерина I купила скороходу Ильѣ сапоги (II. 140); въ этомъ же году упоминаются придворные гайдуки, бандуристы, гудошница Наталья (II. 145), гудошникъ Коневъ (II. 167), Иванъ и Денисъ бандуристы (II. 139, 114, 145, 147, 148), Арапъ Араповинъ (II. 128, 151), Калмыченка и карлы

ковъ; самая сватьяба эта была награвирована въ 1711 году Алексѣемъ Zubовымъ, съ слѣдующею подписью: «бракъ и веселіе Его царскаго величества Карлы, бывшее въ Санктъ-Петербургѣ на которое собрано было множество Карлъ въ домѣ его свѣтлости князя Александра Даниловича Меньшикова Ноября въ 14 день. 1710. Грыдороваль въ Санктъ Питеръбургѣ Алексій Zubовъ 1711; а какимъ порядкомъ оно определено было и то указываетъ въ семь градированномъ начертаніи по нумерамъ: 1. Столъ, гдѣ изволилъ сидѣть его царское величество и свѣтлѣйшій князь и ближніе люди. 2. Высочайшіе его царскаго величества дамы и надъ брачными короны и балдахины. 3. Ближніе его царскаго величества люди и нѣкоторыя дамы. 4. Офицеры. 5. Женихъ и при немъ чиновные люди Карлы. 6. Невѣста съ ближними дѣвицы. 7. Маршалъ и шаферы. 8. Чиновники и дѣвицы. 9 Музыка, трубы и лигавры». Картинка гравирована рѣзцомъ; вышина ея 9 франц. дюймовъ и 8 линий, ширина 10 и 3 (см. Русскіе Граверы, стр. 199). Въ 1713 году была устроена еще смѣхотворная сватьяба карлика, а въ 1715 году такія же похороны (Weber, N. R., I. 385). У кн. Меньшикова были свои карлы (Русск. Арх. 1875. 479); на одномъ ужинѣ, данномъ у него въ честь Петра Перваго, двѣ карлицы *сюрпризомъ* выскочили изъ большаго паштета, стоявшаго на столѣ (Weber, I. 392). У царевенъ были часто свои карлицы; Голиковъ упоминаетъ о карлицѣ Марѣ Даниловой, числившейся въ комнатахъ при Аннѣ Петровнѣ (Дѣян. Петра В., VII. 378). Обычай имѣть при себѣ карловъ и карлицъ велся на Руси и въ нынѣшнемъ столѣтіи: карловъ держали не только знатные и богатые вельможи, но и дворяне средней руки, причемъ карлы и карлицы цѣнились наравнѣ съ самыми дорогими звѣрьми и собачками *).

Петръ Бисеровъ (I. 33), Верхоцѣнскій (I. 33), Петръ (I. 37, 46, 262), Алексѣй Ивановскій (I. 33), Ермолай (I. 298, 340, 341), семья Муратовыхъ — четыре карла (I. 112) и Пятовъ (I. 33, 328).

*) Правдивую повѣсть объ этихъ *человѣчкахъ* можно прочесть въ «Собранияхъ» Стебницкаго, гдѣ, рядомъ съ Пломасовскими карликами, выставлены и высоко художественные и симпатичные типы сельскаго духовенства.

На картинкѣ № 228 внизу сдѣлана надпись: «чево ты смотришь розиня», причемъ буквы поставлены въ разбитную; такой манеръ писать нерѣдко употреблялся встарину. Еще въ большемъ употребленіи было такъ называемое письмо *тарабарщиною*, для котораго составлялись отдѣльные ключи, иногда буквами, иногда цифирью. Самая простая тарабарщина заключалась въ замѣнѣ однихъ согласныхъ буквъ другими, по слѣдующему ключу:

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

232—238. Сатиры на моды и на высокія прически. Всѣ поименованныя картинки скопированы съ французскихъ оригиналовъ, откуда, съ половины XVIII вѣка, получались въ Москвѣ и Петербургѣ законы на моду и прически. О прежнемъ времени Коллинсъ, въ своемъ путешествіи по Россіи (въ 1659 г.), говоритъ, что московскія женщины употребляютъ румяны, похожія на краски, которыми въ Англіи красятъ трубы, и бѣлила шпанскія, отъ которыхъ только портятся зубы; что онѣ кромѣ того чернятъ зубы и бѣлки глазъ, любятъ розовую воду и не терпятъ мускуса (Чтен. Москов. Общ. 1846, I. 21). Въ примѣчаніи къ №№ 783—785 можно прочесть описаніе кокетки того времени, прихорашивающейся для выхода *на устрѣляніе сердецъ*. Въ XVIII вѣкѣ, въ журналѣ «Модное ежемѣсячное сочиненіе», издававшемся съ 1779 г. (всего вышло 12 книжекъ), помѣщено 9 картинокъ модъ и причесокъ: 1, Щеголиха на гуляньѣ (съ огромнымъ хохломъ, въ родѣ того, который представленъ на нашихъ картинкахъ), 2, Счастливый щеголь, 3, Головной уборъ по манеру шишака Минервина или по драгунски, 4, Разцвѣтающая пріятность, 5, Покрытыя прелести, 6, Прелестная простота, 7, Рогъ изобилія, 8, Уборъ а-ла-бель-пуль (на головѣ цѣлый корабль на парусахъ, какъ въ балетѣ Камарго), 9, Леванскій турбанъ (Русск. Стар. 1873 г. Апр. 586, замѣтка г. Неустроева; причемъ приложены копии съ нѣкоторыхъ картинокъ).

Въ 1791 году издавался: «Магазинъ английскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ новыхъ Модъ», съ гравированными картинками; издание это подробно описано г. Неустроевымъ, а нѣкоторыя картинки изъ него (головной уборъ «пчелиный улей», роба на манеръ королевиной, à la Triomphe, по крестьянски и à la Reine) помѣщены въ Русск. Старинѣ (1875. Янв. 226). Богатый матеріалъ по части модъ можно найти въ старинныхъ рядныхъ записяхъ, а также и въ текстѣ картинки: роспись приданому (№№ 143 и 144). Что касается до прически, то въ этомъ отношеніи московскія дамы доходили до сумашествія даже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія. Къ извѣстному балу, напримѣръ, всѣмъ барынямъ хотѣлось чесаться у знаменитаго въ то время парикмахера Глазова; въ виду многочисленной практики у этого послѣдняго, пныя дамы причесывались наканунѣ бала, рѣшаясь такимъ образомъ лучше просидѣть въ вертикальномъ положеніи цѣлую ночь на стулѣ, чѣмъ быть причесанной другимъ парикмахеромъ, а стало быть и хуже своихъ товарокъ.

238 А—Л. Прибавить: одиннадцать листовъ, изображающихъ ѣзду въ саняхъ и на дрожкахъ; полулистовыя картинки, гравированныя на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева; чрезвычайно любопытныя по костюмамъ и упряжи:

А. Дама ѣдетъ на извожикѣ, въ саняхъ, вправо.

Б. Дама съ дѣвочкой, въ саняхъ, на извожикѣ; ѣдетъ влѣво.

В. Двѣ дамы въ саняхъ въ одну лошадь, впереди кучеръ; ѣдутъ влѣво.

Г. Господинъ въ треуголкѣ, ѣдетъ на *волочкѣ*, въ одну лошадь (безъ кучера).

Д. Въ такомъ же экипажѣ, безъ кучера, ѣдутъ кавалеръ съ дамой, влѣво.

Е. Тоже: дама въ кокошникѣ и покрывалѣ.

Ж. Они же ѣдутъ вправо.

З. Въ такомъ же экипажѣ ѣдетъ одна дама съ распущеннымъ зонтикомъ; впереди кучеръ (ѣдутъ вправо).

И. Въ такомъ же экипажѣ ѣдутъ вправо кавалеръ съ дамой; впереди ихъ кучеръ.

К. Кавалеръ въ коляскѣ, парой въ дышло, ѣдетъ вправо; самъ править лошадьми; на запяткахъ мальчикъ.

Л. Такая же упряжь; ѣдетъ дама влѣво; сама править.

Всѣ находятся въ моемъ собраніи.

238 М. Прибавить: Пастушекъ развязываетъ поясъ у спящей пастушки; подлѣ лежатъ три овечки.

238 Н. Пастушекъ подноситъ пастушкѣ овечку; сзади еще пастушеская пара.

238 О. Три полулистовыя картинки, гравированныя въ манерѣ мастера Чуваева, на каждой представлено по три фигуры (фокусники?); всерединѣ дама, показывающая карту—бубновый тузъ; по сторонамъ ея два плясуна съ палками. — Въ моемъ собраніи.

239. Нравоученія эти извлечены изъ книги: *Житіе и дѣла Марка Аврелія Антоніна цесаря римскаго*, при томъ собственныя и премудрыя ево разсужденія о себѣ самомъ; съ нѣмецкаго на російской языкъ перевелъ Академіи наукъ Секретарь Сергей Волковъ. Въ Санктпетербургѣ въ 1738 и 1739 году. А напечатана сія книга по высочайшему повелѣнію . . . . СПБ. 1740 г.

240. *Похвала розгъ*. Изображенія, подобныя нашей картинкѣ, встрѣчаются во множествѣ и въ западной калькографіи. Въ моемъ собраніи, напримѣръ, находится старинная нѣмецкая народная картинка XVII столѣтія, на которой представлено благочестивое семейство за трапезой; вверху, въ лѣвомъ углу картинки, отецъ одной рукой нагибаетъ молодое дерево, а другою, большимъ пуч-

комъ розогъ, пореть мальчика; подъ картинкой надпись: «Des Baume nutz ist Iung gebogen, Der Kinde wohlfahrt Iung gezogen». Привожу еще двѣ редакціи розочныхъ виршъ, въ родѣ тѣхъ, которыя помѣщены на картинкѣ № 240: одну изъ рукописнаго сборника XVII—XVIII вѣка и другую изъ букваря 1679 года.

1. Розгою Духъ Святый дѣтище бити велить:
 Розга убо мало здравія вредить.
 Розга разумъ въ главу дѣтямъ погоняетъ,
 Учитъ молитвѣ и злыхъ убо всѣхъ стрезаеетъ.
 Розга родителемъ послушны дѣти творить;
 Розга Божественнаго писанія учитъ.
 Розга аще убіемо, но не ломить кости,—
 Дѣтищъ оставляетъ всякіе злости.
 Розгою аще часто мати біетъ дѣти,
 Избавитъ души ихъ отъ всякаго грѣха.
 Розга учитъ дѣлати ради приснаго хлѣба;
 Розга дѣти ведетъ до неба.
 Розга всякимъ убо добротамъ научаеетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей добрыя претворяетъ.
 Розгою мати, яже дѣтище не біетъ,
 Удаву на выю ему скоро увіетъ.
 Вразуми Боже матери и учителя.
 Розгою малыхъ дѣтей бити хранители!
 Благослови Боже онья лѣса,
 Яже розги родятъ на долгія времена!
 Къ малымъ розга березова ко умилению,
 А старымъ жезлъ дубовый къ подкрѣпленію.
 Младъ убо безъ розги не можетъ сего умѣти:
 Тоже старъ сый безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще безъ розги измала возрастется;
 Старости не достигъ, безвременно скончитца (Буслаевъ,
 Очерки, I. 585).

2. Хочеши чадо, благъ разумъ стяжати,
 Тщися въ трудѣхъ выну пребывати.
 Временемъ раны нужда есть терпѣти,
 Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти
 Розги малому, бичъ большимъ требѣ . .
 То орудія глупыхъ исправляютъ,
 Плоти цѣлости ничтоже вреждаютъ.
 Розга умъ остритъ, память возбуждаеетъ
 И волю злую въ благу прелагаеетъ.
 Учитъ Господу Богу ся молити
 И рано въ церковь на службы ходити . .
 Жезлъ лѣвивыя къ дѣлу понуждаеетъ,
 Рождшихъ слушати во всемъ поучаеетъ . .
 Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
 Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте,
 И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
 Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.
 Сіе же слово за даръ благъ возмите,
 Не злословьте ми, но благословите:
 Иже вамъ благихъ всяческихъ желаю».

Относительно размѣровъ наказанія розгами, въ рукописи XIV вѣка, извѣстной подъ названіемъ «Златая цѣпь», говорится: «если домочадцы тебя не слушаютъ, . . . то лозы на нихъ не щади, до шести розогъ и даже до двѣнадцати. Если велика вина, то и двадцать розогъ. Если очень велика, то и тридцать розогъ лозою: но больше тридцати не велѣно» (Буслаевъ, Очерки, I. 584). О томъ, какое примѣненіе имѣла розга на практикѣ не совсѣмъ давняго времени, можно прочесть въ запискахъ Варооломѣя Шевченки, обучавшагося въ школѣ села Кириловки, Звенигородскаго уѣзда Киевской губерніи (Древн. и Нов. Россія 1876. Май)*).

*) Въ заключеніе привожу народную пѣсню о значеніи розогъ въ школѣ, сочиненную извѣстнымъ воромъ Ванькой Каиномъ:

242 А—Е. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще 6 картинокъ работы того-же мастера (№ 242), рѣзцемъ:

242 А. Листовая картинка: двое ребятъ—одинъ здоровый, другой истыканный оспой; внизу вирши:

1-й столбецъ: «Куда хорошъ дѣтина
Горбатъ и кривошей, рябая образина!
Вотъ шитая-то рожа, вѣзенной, братцы, носъ!
Трегубъ и кривоносъ и косъ!
Отъ ногъ до головы весь пѣгой!

Житье въ школѣ не по насъ,
Въ одинъ день сѣкутъ пять разъ.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

И лозами по бедрямъ,
И пазями по рукамъ.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Придешь въ школу не готовъ,
Не припомнишь разныхъ словъ.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Ни съ другога слова въ рожу,
Со спины деруть всю кожу.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Не дадутъ и погулять,
Только пенсами морятъ.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Учителя не гнѣви,
За столомъ смирно сиди.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Въ кашницѣ хоть ложки мой,
Не крупной пахнетъ—водой.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Ударь ложкою, щелкнетъ;
Пузырь на ней не вскокнетъ.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Оккупацию слагай,
А пусты щи вырызгай.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

О проклятое чернило!
Сердце наше иссушило:

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

И бумага и перо
Сокрушаютъ насъ зѣло.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Какъ учителя узришь,
Полумертвъ въ школѣ сидишь.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

Хоть какого молодца
Скрушить школа до конца.

О горе, бѣда!
Сѣкутъ завсегда.

(Обстоятельная и вѣрная исторія двухъ мошенниковъ: Ваньки Каина... и Картуша. Москва 1794).

Не даромъ дѣвки всѣ зовутъ тебя: прочь бѣгай!
А я благодаря разумнымъ лѣкарямъ,
Да батькѣ съ матерью, сговорнымъ старикамъ,
Какъ видишь чистъ лицомъ, кровь съ молокомъ здоровъ.
Мнѣ воспа привита безвредная съ коровъ».

2 столбецъ: «Ты правъ, да и меня пожалуй не вини,
Что рябъ я и уродъ виной отцы одни.
Вольно имъ не давать привить и мнѣ коровьей
И я бъ тогда имѣлъ хорошее здоровье.
Теперь я дѣвичьи насмѣшки всѣ сношу
Не требую ихъ ласкъ, ихъ милости прошу.
И чувствую притомъ отказы ихъ позорны;
Для васъ, для красиковъ, онѣ на все сговорны.
Вамъ стоитъ дѣвкѣ разъ лишь глазомъ повести,
Растаитъ сердце въ ней, и дѣвушка прости;
А я ставъ чучеломъ отъ оспы мнѣ наносной
Въ нихъ толку не добьюсь и въ годъ весь высокосный».

242 Б.—Листовая картинка: двѣ бабы—здоровая и рябая, при каждой по трое ребятъ; внизу вирши:

1-й столбецъ: «Какой позоръ рябымъ уродливымъ мальчишкамъ,
Смотрите какъ они хорошимъ ребяташкамъ
Дурными кажутся, и какъ отъ нихъ бѣгутъ.
Товарищами ихъ въ игрушкахъ не зовутъ,
Съ уродами (жъ) играть какъ будто все боятся
И такъ спешатъ отъ нихъ скорѣе прочь убраться».

2-й столбецъ: «Вотъ батюшка родной
Вѣдь ты тому виной,
Что съ нами не играютъ
И съ страхомъ убѣгаютъ
Калибъ истинно любилъ,
Каровью-бъ оспу намъ привилъ».

242 В. Листовая картинка: рябой старикъ и три здоровыхъ молодухи; внизу вирши:

„Ахъ вы дѣвушки подружки
Поглядитятка на чуду
На рябова-та Филатку
Ека рожа та дурная
Ека харя та рябая
Щеки бледныя рябыя
Тараканы знать кусали
И глаза ево косые
Знать то куры изклевали.
Вы красавицы Молотки
Перестанте вы смѣяться
Нада мною забавляться
Тому мать съ отцемъ виною
Что такъ страшень я собою
Коровью оспу бы привили
То здоровья-бъ не лишили
Меня наносная згубила
Всей дародности лишила».

242 Г. Полулистовая картинка: рябая Акулина и гладкая Степанида; внизу вирши:

«Акулина: Завидую тебѣ любезна Степанида
Что столь хорошаго ты вида
А я дурна, ряба, незнаю какъ и жить.
Степанида: Несчастіе твое могла бы отвратить
Коровью оспу лишъ въ младенчествѣ-бъ привить.
То также и тебя-бъ пригожей сохранили.
Отцы и матери, вотъ вся тому вина
Что дѣти ваши страшны такъ собою.
Коль зла сего хотитѣ избежать
Спешите дѣтямъ все коровью оспу прививать».

242 Д. Полулистовая картинка: двое ребятъ, истыканныхъ оспой, и трое здоровыхъ; внизу вирши:

1-й столбець: «Оглянись назадъ Ипатка,
Что за чучелы тамъ ходять?
То Антипка и Филатка
Все одни какъ стени ходять.
Ихъ всѣ дѣвки убѣгаютъ,
Въ хороводы не пускаютъ».

2-й столбець: «Не пугайтесь такъ вы насъ,
Были-бъ мы не хуже васъ:
Насъ отцы наши згубили,
Коровей оспы не привили
Какъ наносная напала
Такъ и рожи намъ вспахала».

242 Е. полулистовая картинка: баба съ ребятами, истыканными оспой, и другая, здоровая, съ двумя здоровыми ребятами; внизу вирши:

1-й столбець: «Полно Фекла пустомелить,
И моимъ словамъ не вѣрить.
Въ городахъ таво не трусятъ,
Коровью оспу прививаютъ
Я послушалась людей,
Тѣмъ спасла своихъ дѣтей».

2-й столбець: «Вижу Гурьевна любезна,
Коровья оспа что полезна.
Ушь пришло теперь рѣшиться
Чтобъ въ передъ всѣмъ нашимъ дѣтямъ
Не вѣря болѣ бабимъ бреднямъ
Коровью оспу прививать».

242 Ж. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще летучій листокъ, въ видѣ афиши; текстъ отпечатанъ типографскимъ шриф-

томъ: «Наставленіе о прививаніи предохранительной оспы... С.-П.-Бургскаго Импер. Воспит. Дома, Главный докторъ Лейбъ-Медикъ, Дѣйств. Ст. Совѣт. и разныхъ Орденовъ Кавалеръ Яковъ Кильвейнъ». На правой сторонѣ отпечатаны мѣдной доской двѣ картинки, одна подъ другой. На верхней представлены «Пагубныя дѣйствія наносной оспы, уродство, болѣзнь, краткость жизни, смерть»: двѣ крестьянки и хромоу крестьянинъ плачутъ надъ умирающими отъ оспы дѣтьми; справа видно кладбище, крестьянинъ несетъ гробикъ (фигура заимствована изъ картинки № 242), за нимъ идутъ его жена и дочь. Въ нижней картинкѣ изображены «Спасительныя дѣйствія прививной оспы: красота, здоровіе, долготѣіе, жизнь»: одинъ крестьянинъ играетъ на балайкѣ, другой пляшетъ съ крестьянкой трепака; шесть мальчиковъ вертятся въ хороводѣ; справа мать указываетъ на эту картину оспеннаго счастья своей дочери. Подъ этими двумя картинками отпечатаны красной краской: «Видъ оспы въ 4-й день — въ 6-й день — въ 10-й день — въ 18-й день». На картинкѣ бу-мажный знакъ 1818 года.

Всѣ наши картинки (№№ 241 — 242) относятся къ привитію коровьей оспы. Что касается до привитія натуральной оспы, въ видѣ предупрежденія отъ оспы наносной, наводившей появленіемъ своимъ ужасъ на европейское населеніе, то привитіе ея практиковалось въ Россіи съ давняго времени. Первые опыты правительственнаго оспопрививанія были дѣлаемы въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; а въ 1765 году былъ вызванъ въ Петербургъ извѣстный англійскій инокуляторъ Оома Димсдаль, который и привилъ натуральную оспу, какъ самой императрицѣ Екатеринѣ II, такъ и наслѣднику престола, получивъ за сѣ 10.000 фунтовъ стерл. единовременно, да пенсіи по 500 фунтовъ ежегодно; мальчикъ съ котораго брали оспу для Высочайшей прививки, получилъ дворянское достоинство и фамилію *Оспенный*. Объ этомъ счастливомъ событіи будетъ упомянуто подробнѣе въ заключеніи; здѣсь же приведу подлинный текстъ красно-

рѣчиваго привѣтствія, принесеннаго Императрицѣ и ея наслѣднику Правительствующимъ Сенатомъ, по случаю означеннаго привитія и счастливаго исхода оспенной болѣзни.

Полн. Собр. Зак. № 13. 204; 1768 года Ноября 20. Сенатскій указъ: «О принесеніи Ея Императорскому Величеству и Его Императорскому Высочеству Государю и Наслѣднику благодаренія за великодушный и знаменитый подвигъ къ благополучію своихъ подданныхъ привитіемъ оспы и объ установленіи торжественія въ 21 день Ноября каждаго года», съ приложеніемъ Высочайшаго отвѣта и Сенатскаго указа. — «Объявляется всенародно. Не прошло еще семи лѣтъ, какъ Всевышній промыслъ, благословляя Россію, благоволилъ Скипетръ ея правленія вручить Великой Екатеринѣ, а уже отечество наше на такой степень блаженства возведено, какого и во многіе годы ожидать намъ едва было возможно. Сіе всякій, не только явственно видитъ, но и ощущаетъ самъ въ себѣ, пользуясь тѣми учрежденіями, каковыя насъ почти отъ всякихъ роду человѣческому свойственныхъ злочлюченій ограждаютъ, словомъ сказать, въ толь краткое премудраго Ея правленія время, юношество, отъ всѣхъ съ ихъ лѣтами наразлучныхъ поползновеній, предохранено добрымъ воспитаніемъ, мужескій возрастъ отъ всѣхъ рокомъ и злостію наносимыхъ бѣдствій защищенъ премудрымъ въ правительствахъ распоряженіемъ, обремененная службою и тягостію лѣтъ старость достойнымъ воздаяніемъ награждена, почтена и успокоена. А сверхъ того, попеченіе нашей чадолюбивой Матери отечества простирается не на одно настоящее, но и на будущія времена, что бы тожь самое блаженство, которое мы отъ Нее получили, чувствовали и наши потомки; въ чемъ безсмертнымъ свидѣтельствомъ быть можетъ, собственнымъ Ея Величества трудомъ сочиненный и Коммисіи о новомъ Уложеніи данный Наказъ, споспѣшествуе мымъ и ново устанавливаемымъ на основаніи онаго закономъ.

Но не на томъ только остановилась Сей Великой Монархини къ подданнымъ Ея любовь и милость. Видѣла она, въ коликѣмъ

трепетѣ и содроганіи вѣрныя Ея подданные быть должны о томъ, что Она и дражайшій Ея Сынъ и Наслѣдникъ, въ которомъ состоитъ для будущихъ временъ вся Россійскихъ сыновъ надежда, ежечасно подвержены отъ оспы той опасности, которая большей части человѣческаго рода наноситъ смертоносную язву; и дабы сей страхъ отъ всѣхъ какъ наискорѣе отнять: то, не смотря на зрѣлость Своихъ лѣтъ и несравненно большую противъ младолѣтства опасность, изъ любви къ отечеству, предпріяла, не токмо Собственную Свою Особу опыту ново-изобрѣтеннаго прививанія оспы мужественно вдать, но симъ Своимъ великодушнымъ примѣромъ возбудить и ободрить соизволила и Вселюбезнѣйшаго Своего Сына и Наслѣдника на то же поступить, чѣмъ и рѣшила бывшія до сихъ поръ вообще подданныхъ ея сомнѣнія, обрадовавъ изумленную Россію совершеннымъ выздоровляніемъ Обоихъ Сихъ вседражайшихъ для нея Особъ.

Сенатъ, будучи увѣренъ, что всѣ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданные принесутъ за то Всевышнему благодарственныя и всеусердныя молитвы, не оставляетъ объ ономъ благополучномъ окончаніи всякому чрезъ сіе знать дать; самъ же собственнымъ и общимъ всего народа движеніемъ радости побужденъ, за долгъ свой, какъ перваго въ Государствѣ учрежденнаго Правительства, почелъ всеподданнѣйше просить у Ея Величества Всемилостивѣйшаго дозволенія, чтобъ оный, присоединя къ себѣ выбранныхъ отъ управляющихъ Государственными дѣлами мѣстъ и отъ всѣхъ областей Ея Императорскаго Величества присланныхъ и здѣсь находящихся въ Коммисіи сочиненія проекта новаго Уложенія Депутатовъ, которые въ лицѣ своемъ представляютъ жителей всей Имперіи, удостоился изъявить и принести Ея Величеству и Любезнѣйшему Ея Сыну и Наслѣднику Ея Престола, опасностію дражайшей ихъ жизни къ благополучію своихъ подданныхъ жертвовавшихъ, и оказавшихъ симъ подвигомъ чаяніе смертныхъ превосходящую милость, всеподданнѣйшее поздравленіе съ освобожденіемъ отъ опасности и со благополучнымъ толь великодушнаго, знаменитаго и безпримѣрнаго

подвига совершеніемъ. Къ чему и назначенъ отъ Ея Императорскаго Величества сего Ноября 22 день.

А дабы память сего отъ Всевышняго на Россію излияннаго милосердія въ сердцахъ вѣрноподданныхъ Ея Императорскаго Величества незабвенно пребывала, то на будущіе годы установленъ Ноября 21 день торжествовать, какъ въ столичныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ Имперіи Ея Императорскаго Величества городахъ, во всемъ подобно нынѣшнему учиненному здѣсь въ Резиденціи торжеству».

На это поздравленіе послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій отвѣтъ: «Съ удовольствіемъ принимаю Я поздравленіе Сената именемъ всея Имперіи. Я знаю, что Сенатъ ни единого не пропускаетъ случая, чтобъ не оказать своего усердія, ревности и любви ко Миѣ и къ отечеству, слѣдовательно не сомнѣваюсь о искреннемъ участіи, кое вы Миѣ изъявляете въ выздоровленіи, Божіею помощію, Моемъ и Сына Моего отъ прививной оспы. Мой предметъ былъ, Своимъ примѣромъ спасти отъ смерти многочисленныхъ Моихъ вѣрноподданныхъ, кои, не зная пользы сего способа, онаго страшась, оставались въ опасности. Я симъ исполнила часть долга званія Моего; ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагаетъ душу свою за овцы. Вы можете увѣрены быть, что нынѣ и паче усугублять буду Мои старанія и попеченія о благополучіи всѣхъ Моихъ вѣрноподданныхъ вообще и каждаго особо. Симъ думаю вамъ пріятнѣйшій дать знакъ Моего благоволенія».

Послѣ этого отвѣта былъ изданъ слѣдующій Сенатскій указъ о торжествованіи ежегодно въ 21 день Ноября, въ память того знаменитаго подвига привитія оспы: «Правительствующій Сенатъ, по испрошеніи Всемилостивѣйшаго отъ Ея Императорскаго Величества дозволенія о принесеніи Ея Величеству и любезнѣйшему Ея Сыну и Наслѣднику Ея престола всеподданнѣйшаго благодаренія за великодушный и знаменитый подвигъ ко благополучію своихъ подданныхъ привитіемъ оспы и всерадостнаго поздравле-

нія съ благополучнымъ того окончаніемъ, въ назначенный къ тому отъ Ея Императорскаго Величества Ноября 22 день 1. Изтребовалъ отъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода о бытіи по всѣмъ здѣсь въ Санктпетербургѣ церквамъ духовному празднеству за изліянное на Россію Божіе милосердіе, принесеніемъ Всевышнему благодарственныхъ и всеусердѣйшихъ молитвъ, увелича оное всенощнымъ бдѣніемъ, а по Божественной литургіи о здравіи Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества молебствіемъ со звономъ, продолжа сей звонъ во весь оный день. 2. Чтобъ сіе торжество наизнаменитѣйшимъ оказано и каждому вѣрноподданному ко изъявленію всеобщей радости способъ поданъ былъ; то Сенатъ опредѣлилъ, на тотъ же Ноября 22 день, не только въ управляющихъ Государственными дѣлами мѣстахъ присутствія не имѣть, но и отъ публичныхъ работъ дать свободу, а по наступленіи ночи здѣшній Столичный городъ весь иллюминовать, и продолжить такую же иллюминацію и послѣдующіе два, чтобъ всѣхъ было три дня. 3. Равное сему, какъ духовное, такъ и свѣтское торжество учинить и повсей Ея Императорскаго Величества Имперіи во всѣхъ городахъ, по полученіи сего указа, на другой день, да и впредь подобное сему первому во всемъ, кромѣ продолженія иллюминаціи, послѣдующихъ двухъ дней, повсягодное торжество, какъ въ Столичныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ Имперіи Ея Императорскаго Величества городахъ производить Ноября 21 дня».

По всей Россіи давались по этому случаю праздники и парадъ, награвированъ былъ аллегорическій портретъ Императрицы съ атрибутами Эскулапа; какой то Тейльсъ (впослѣдствіи тайный совѣтникъ) написалъ оду на благополучное выздоровленіе Императрицы отъ оспы (1771 г.), поэтъ Майковъ написалъ «Сонетъ ко дню празднованія о благополучномъ выздоровленія отъ прививанія оспы Ея И. В. и Его И. В., придворнаго рос. театра актерами и актрисами пѣтый», СПБ. 1768. 4°, и еще «Торжествующій Парнасъ: Прологъ на выздоровленіе отъ прививанія

оспы Ея И. В. и Его И. В.», Москва 1775. 8° (Геннади и Собко, Справочный Словарь. Берлинъ 1880, II. 274), а архитекторъ Козаковъ распорядился изобразить это событіе на одномъ изъ барельефовъ въ большой Сенатской залѣ, въ Москвѣ.

Старанія Правительства о введеніи въ Россіи коровьей оспы начинаются съ 1802 года. Въ этомъ году изъявилъ желаніе объѣхать Россію съ коровьей оспой докторъ, «иностронецъ Буттатцъ», которому и дали на этотъ предметъ 3,000 рублей подъемныхъ, назначивъ при этомъ и жалованья по 1,500 рублей въ годъ (Полн. Собр. Зак. № 20226). Въ 1804 году послѣдовало предписаніе со стороны Синода, чтобы духовенство убѣждало крестьянъ къ привитію коровьей оспы младенцамъ; поводомъ къ такому предписанію послужило донесеніе, что крестьяне Нижнедѣвицкаго и Воронежскаго уѣздовъ не соглашаются прививать ее своимъ дѣтямъ (Полн. Собр. № 21475).

Въ 1811 году внесена была по Высочайшему повелѣнію на разсмотрѣніе комитета Министровъ многогубчивая записка Министра Полиціи, изъ которой видно, что оспопрививаніе шло въ Россіи путемъ весьма медленнымъ. «Ежели взять», говорится въ ней, «въ сравненіе, что, по опубликованнымъ отъ Святѣйшаго Синода вѣдомостямъ, изъ числа родившихся одного Греко-Россійскаго исповѣданія въ 1807 году 1.334.592 и въ 1808 — 1.334.130 младенцовъ обоого пола привито только, какъ изъ отчетовъ Министра Внутреннихъ дѣлъ явствуетъ, извѣстными Медицинскими чинами, въ первомъ 83.072 и во второмъ 117.948 младенцамъ; да полагая, что такому-жъ числу еще привито врачами вольнопрактикующими и другаго званія людьми, о коихъ Медицинское управленіе вовсе свѣденія не имѣеть: то и за такимъ двойнымъ числомъ, то есть, въ 1807 году считая 166.144, а въ 1808—235. 896, воспользовались только симъ спасительнымъ средствомъ въ 1807 съ небольшимъ осмал, а въ 1808 менѣе нежели шестая часть родившихся, прочіе же оставлены свирѣпству натуральной оспы». Причинами такого неуспѣха выставялись:

1. Предразсудки многихъ людей и въ особенности простаго народа, будто несообразно природѣ человѣческой заимствовать оспенную матерію отъ животнаго, опасаясь отъ сего какого-то поврежденія въ здоровьѣ и даже нѣкотораго худаго вліянія и на самую нравственность. 2. Неимѣніе въ довольномъ числѣ Медицинскихъ чиновниковъ или другихъ способныхъ людей, могущихъ повсемѣстно распространять сію операцію; и 3. Несовершенно достаточные за симъ надзоръ и пособіе со стороны мѣстныхъ чальствъ.

Къ отвращенію первой причины предполагалось предписать духовнымъ лицамъ, чтобы они «всемѣрно старались преклонять прихожанъ своихъ къ принятію сего спасительнаго средства, сравнивали въ приличныхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ дѣйствіе оспы натуральной съ оспою коровьею, злу первой противоплавали благодѣянія второй, и даже, подъ опасеніемъ гнѣва Божія, вперяли бы имъ мысль, что не употребляютъ испытанныхъ и извѣстныхъ уже предохранительныхъ и цѣлебныхъ пособій въ овою или ближнихъ своихъ пользу, по одному предразсудку, упрямству или небреженію, значить отягощать совѣсть свою тяжкимъ преступленіемъ, сопряженнымъ нерѣдко съ самымъ чело-вѣкоубійствомъ. Къ вящему же достиженію успѣха со стороны Духовенства, и въ томъ наипаче разсужденіи, что примѣръ часто болѣе дѣйствуетъ на убѣжденіе человѣка, нежели и самое благо-разумное увѣщаніе, не бесполезно, кажется, учредить, чтобъ тѣ дѣти, а особливо по деревнямъ, у коихъ привита была коровья оспа, по совершенномъ выздоровленіи, приводимы были въ праздни-къ или воскресный день, смотря по удобности мѣстнаго раз-стоянія, и въ самую хорошую лѣтнюю погоду въ церковь для слушанія Божественной литургіи, коихъ и ставить впереди на особомъ, отъ Священника имъ назначенномъ мѣстѣ. Обязанность Священника при семъ случаѣ должна состоять въ томъ, чтобъ, онъ по окончаніи богослуженія, для подражанія другимъ и для увѣренія въ безопасности и пользѣ прививанія коровьей оспы, объявлялъ имена выздоровѣвшихъ, равно упоминалъ бы съ свой-

ственнымъ пастырю духовному увѣщаніемъ и о тѣхъ, кои (ежели гдѣ къ несчастію случится) потеряли по небреженію своему семейваго человѣка отъ натуральной оспы».

Къ отвращенію же двухъ другихъ причинъ положено было устроить повсемѣстно оспенные комитеты, предписавъ имъ: достав-лять о ходѣ оспеннаго дѣла вѣдомости; обучать прививанію по-вивальныхъ бабокъ и учителей; составить руководство для сего на русскомъ языкѣ и перевести оное на всѣ языки, употребляе-мые жителями Россійскаго государства; тѣмъ же лицамъ, кото-рыя окажутъ особое рвеніе по части оспы, обѣщать награды и знаки отличія.

«Такимъ образомъ», сказано въ запискѣ: «3. Если съ сего времени кто изъ Медицинскихъ чиновъ привьетъ оспу коровью не менѣе 2.000 людей въ одинъ годъ, и засвидѣтельствуютъ о томъ мѣстные Комитеты, тотъ получить въ награду отъ щедротъ Монаршихъ подарокъ, а привившему въ годъ не ме-нѣе, какъ 3.000, сверхъ подарка уменьшится къ полученію ордена Св. Владиміра изъ 35 лѣтъ одинъ годъ, буде чиновникъ находится въ службѣ и въ классномъ чинѣ или Лекарскомъ зва-ніи. Уменьшеніе времени къ сему награжденію постепенно мо-жетъ прибавляться по мѣрѣ ежегоднаго успѣха въ прививаніи. Имена отличившихся въ семъ дѣлѣ трудами припечатаны будутъ въ публичныхъ вѣдомостяхъ».

Самый крайній срокъ для совершеннаго выполненія сихъ бла-годѣтельныхъ распоряженій Правительства назначается три года, «въ продолженіе коихъ ни одного не должно остаться во всемъ Государствѣ дѣтяти, коему не было бы привито оспы, исключая вновь родившихся въ послѣдней трети послѣдняго года».

Комитетъ; находя предполагаемая Министромъ Полиціи мѣры къ распространенію коровьей оспы весьма полезными, разсуж-далъ, «что въ пополненіе оныхъ, надлежитъ поставить въ обязан-ность Медицинскому Совѣту, чтобы онъ пекся о достаточномъ всегда заготовленіи матеріи коровьей оспы, а врачамъ подтвер-

дять, чтобы они, при прививаніи сей оспы, избѣгали называть ее между простымъ народомъ коровьею, по причинѣ невѣжественнаго предубѣжденія къ ней, но употреблять сіе названіе только въ донесеніяхъ своихъ и другихъ бумагахъ»; вслѣдствіе чего положеніе комитета было Высочайше утверждено 3 Мая 1811 года (Полное Собраніе, № 24.622).

243. **Денежный дьяволъ.** Картинка эта скопирована точь въ точь съ французскаго оригинала конца прошедшаго столѣтія, причемъ самый текстъ значительно измѣненъ и передѣланъ на русскіе нравы. У Шанфлера (Histoire de l'Imagerie populaire. Paris 1869, p. 209) помѣщена этаже французская картинка, но скопированная съ новѣйшаго изданія, съ значительными измѣненіями въ рисунокѣ: стряпчаго, верхомъ на чертѣ, нѣтъ; нѣтъ тоже ни собаки, ни обезьяны; за хвостъ дьявола тянуть поэтъ и живописецъ, а сапожникъ сзади шьетъ сапоги. Въ русифицированномъ текстѣ нашей картинки называются жители въкоторыхъ губерній и ихъ занятія; подобный же, весьма интересный, списокъ, чѣмъ какой русскій городъ славится, помѣщенъ въ Письмовникѣ Курганова, въ слѣдующихъ виршахъ:

«Въ Санктпетербургѣ есть устерсы и раки,
Хотя привозные чрезъ море, буераки.
Клинъ городъ лаптями, а Муромъ калачами;
Замками славенъ Тверь, а Новгородъ сыртями;
Гусями Арзамасъ, а Угличъ толокномъ;
Россія малая волами и виномъ.
Рѣка Яикъ икрой, Ростовъ же чеснокомъ,
А Глуховъ, древній градъ, папушнымъ табакомъ.
Изъ Вязьмы пряники, изъ Шуи крѣпко мыло;
Изъ Вологды свѣчи иль сальное свѣтило;
Бѣлоозерскіе всѣхъ славнѣе снетки;
Олоонецъ нитяны пускаетъ къ намъ мотки;
А Псковъ сушеными снетками насъ питаетъ;

Ружьемъ и шпагами то Тула снабдеваетъ;
Арбузы Астрахань, а Боровскъ лукъ даетъ;
Изъ Краснаго села набойка къ намъ идетъ.
Козлами, лошадьми прославилась Казань;
А изъ украины всѣхъ лучшая Рязань» (II. 53).

Если прибавить сюда: калужское тѣсто, тульскіе и тверскіе пряники, ржевскую пастилу, астраханскіе балыки, бѣломорскую треску, печорскую семгу, невскіе сига и лососину, кочегурскую осетрину, соловецкіе сельди, — то получится довольно полный списокъ русскихъ произведеній обжорнаго разряда (см. тоже Снегирева: Русскіе въ своихъ пословицахъ, IV. 167).

244. Картинка «мать учитъ сына» скопирована Чуваевымъ съ французской картинки, гравированной крѣпкой водкой, неизвѣстнымъ мастеромъ, съ оригинальной картины Chardin, находящейся въ галереѣ гр. Лихтенштейна въ Вѣнѣ.

244 А. Прибавить: такой же работы, съ монограммой мастера «D S», есть небольшая картинка, представляющая мальчика съ птичкой въ клеткѣ; она скопирована съ голландской народной картинки, на которой помѣщены слѣдующія вирши: «Myn vogeltiens Sijn vlighierom malt ick se Sluÿten Wan beter twe daer in dan driemal twe daer buyten» (наход. въ Парижск. публ. библиотекѣ: collection Hennin, № 91).

244 Б. **Танцмейстеръ** — скрипачъ учитъ барышню танцовать и франтъ съ вееромъ въ рукѣ любезничаетъ съ разряженной дамой; двѣ картинки въ 8-ю долю листа, гравированныя крѣпкой водкой на одной доскѣ, — копія съ французскихъ оригиналовъ конца прошедшаго столѣтія. — Въ моемъ собраніи.

244 В. Два мальчика, спускающіе волчки, и дѣвочка, играющая съ куклой (8°).

244 Г. Два кружечка на одной доскѣ 4°: въ первомъ мальчикъ рубить говядину, дѣвочка смотритъ на его работу; во второмъ мальчикъ поварь готовится рѣзать кошку (?), дѣвочка стоитъ съ уполовникомъ. Полулистовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ Чуваева.—Въ моемъ собраніи.

244 Д. Кавалеръ, приготовляющійся вальсировать съ дамой: онъ въ треугольной шляпѣ, она въ высокому капорѣ; подписей нѣтъ. Полулистовая картинка, гравированная на мѣди, въ манерѣ мастера Чуваева.—Въ моемъ собраніи.

245. У меня есть еще изданіе *ж*, отпечатанное доской изданія *е*, подправленной рѣзцомъ; текстъ картинки почти цѣликомъ выбранъ изъ походовъ шута Совѣстдрала, большого носа (СПБ. 1791): Совѣстдралъ даетъ точно такіе-же отвѣты на вопросы профессора и совершенно сбиваетъ его съ толку. Напримѣръ: «Вопросъ. Кто живота лишася не гниль, или: кто родясь не умиралъ. О. Лотова жена.

В. Гдѣ осель кричалъ такъ громко, что его голосъ весь свѣтъ слышалъ? О. Въ Ноевомъ ковчегѣ.

В. Кто однажды рожденъ, а дважды умираетъ, О. Лазарь.

В. Кто тебѣ вспомошествоетъ въ твоихъ опытахъ: природа или ученіе? О. И то и другое

В. Когда вымыслы разные начались? О. Когда ученые дураками сдѣлались.

В. Какимъ бы титуломъ такихъ людей наименовать? О. Профессорами.

Профессорамъ въ нашихъ картинкахъ вообще не повезло, и въ космографіи назначенъ имъ въ жилище «островъ *пустъ*, живутъ на немъ философы.

245 А. Прибавить: таже картинка, гравированная на мѣди, въ другомъ переводѣ, конца прошедшаго вѣка; первая строка текста заканчивается словами: «а спокоемъ умаля».—Въ моемъ собраніи.

246. Прибавить: у меня есть еще три изданія этой картинки: *з* (1830—40 года), гдѣ первая строка текста оканчивается словами: «М никакъ ибо»; *и*, отпечатанное на бумагѣ 1810 года и въ которомъ строка эта заканчивается такъ: «но скажи мой», — съ помѣтой внизу мастера Чуваева: «Гра Н. П. Ч»; и *к*, отпечатанное доскою изданія *з*, но грубо подправленною рѣзцемъ. **Разговоръ между книжникомъ и мальчикомъ** перепечатанъ дословно изъ Письмовника Курганова (11-е изданіе, стр. 414).

Разказы о мудрыхъ мальчикахъ, замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ (Очеркъ, 98), — мотивъ общезвѣстный: французская народная книга говоритъ о мудромъ ребенкѣ трехъ лѣтъ, которому задавалъ трудные вопросы императоръ Адрианъ (Nisard, Hist. des livres populaires. Paris 1854, 2, 16—19); точно также въ монгольской сказкѣ говорится о мальчикѣ, скакавшемъ безъ сѣдла, въ русской сказкѣ — о сынѣ Васарги; въ сказаніяхъ о Соломонѣ — мальчикъ удивляетъ разумныхъ своими отвѣтами. Разговоры посредствомъ загадокъ, а также и посредствомъ вопросовъ на вопросы, также давно извѣстны въ старинныхъ повѣстяхъ и легендахъ (Пыпинъ, Очеркъ, 116. — Памяти. Кушелева, II. 380).

См. тоже: споръ грубаго поселенна Морольфа съ мудрецомъ Волотомъ, котораго онъ удивляетъ своими выходками, — заимствованный изъ Vita di Bertoldo (Grässe, Sagenkreise, 466 ff. — Dunlop, 328. — Пыпинъ, 104. — Веселовскій, о Китоврасѣ); загадки и разгадки Соломона и южской царицы (Пыпинъ, 116); бесѣду трехъ святителей, напоминающую разговоры №№ 245 и 246 (Тихонравовъ, Памятники Отречен. Литературы, II. 430); пародію на преніе Тарасія съ Елферіемъ или поморный разговоръ Тараски жидовскаго философа съ скоморохомъ (Буслаевъ, Очерки, I. 500) и наконецъ легенду о Петрѣ и Февроніи (Веселовскій, Журн. Мин. Народ. Просв., CLIV. отд. 2. стр. 95). Подобные же разговоры, состоящіе изъ вопросовъ на вопросы, и изъ загадокъ встрѣчаются и въ нашихъ сказкахъ и былинахъ. Очень забавна загадка, которую предлагала Ставрова жена своему мужу, когда тотъ не могъ признать ее подъ богатырскимъ платьемъ (см. IV. 95).

247. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки: *а* и *б*, отпечатанныя одною и тою же доской; въ изданіи *б* доска дала трещину снизу вверхъ, почти во всю картинку.

248. *Щипли самъ себя за носъ.* Въ моемъ собраніи находится нѣмецкій оригиналъ, съ котораго копирована, съ нѣкоторыми перемѣнами, наша русская картинка. Надпись на нѣмецкой картинкѣ: «Nosce te ipsum», а внизу шесть стиховъ:

«Nicht recht ist es seine Fehler inn den hintern Sackh einlegen
Und dess Nächsten unter augen: in den Vordern da hingegen
Heuchler, solst du nicht am ersten, deinen Eignen Balcken ziehen
Ehe du dich um den Splitter deines Bruders wilst bemühen:
Mein wie Kanst du doch So hefftig, nur auf andre Leute rasen.
Kehre fein von deiner Thüre. Nimm Dich Selber bei der Nasen».

Картинка гравирована, судя по знаку въ бумагѣ, въ концѣ XVII вѣка. Притча о сучкѣ и бревнѣ изображена на нѣмецкой картинкѣ иначе, нежели въ русской: въ нѣмецкой бѣднякъ хватается за полѣно, воткнутое въ глазъ богатаго Франта, который указываетъ бѣдняку на то, что и въ его глазу торчатъ сучекъ. Изображеніе это напоминаетъ тоже *химеру*, которая въ такомъ же почти видѣ представлена на одномъ древнемъ камѣ, принадлежавшемъ гр. Каплюсу (Champfleury, Car. ant., 85).

250. Скорѣе слѣдуетъ читать надпись на картинкѣ такъ: «рыба медуза . . .» — Медуза одна изъ трехъ Горгонъ, старшая дочь нимфы Цето и морскаго бога Форка, жила на Ореадскихъ островахъ, въ Эѳіопскомъ морѣ¹⁾, — по книгѣ «Небо новое» она жила «въ морѣ океанскомъ» (стр. 58), а въ нашей космографіи «эѳіопская пуча»²⁾ показана у большаго океана моря (кн. II,

¹⁾ Минерва превратила волосы Медузы въ змѣй, за то, что вмѣстѣ съ Пептуномъ, осквернила ея храмъ. Персей отрубилъ Медузѣ голову; изъ крови ея родились Пегасъ и Хризаоръ, а мертвая голова ея обращала въ камень того, кто на нее взглядывалъ.

²⁾ *Пуча*, въ древней славянской формѣ Пжчина, есть исконное названіе для моря, — тоже, что греческое ποντος (Кирѣевск. IV, прим. П. Безсонова).

№ 590, стр. 270), да и на картинкѣ № 250 Медуза живетъ: «въ окіяне море близъ еѳіопския пучи»; на извѣстную же по западнымъ легендамъ Мелузину на нашей картинкѣ даже нѣтъ никакого намека³⁾.

На нашей картинкѣ Медуза имѣетъ, по описанію, сходство съ аспидомъ, который изображается въ одной рукописи XVII вѣка такъ: «Аспидъ. Лице имѣетъ дѣвичье, хоботъ змѣевъ, ноги василиска, и крылья, которыми желѣзо разсѣкаетъ; боится трубнаго гласа, живетъ въ каменныхъ горахъ; его ловятъ трубнымъ гласомъ, не стерпя котораго онъ прокалываетъ себѣ уши и умираетъ, обливая синею кровью камни кругомъ». По другимъ сказаніямъ: «Аспидъ есть змѣя крылатая, носъ имѣетъ птичій и два хобота; а въ коей землѣ вчинится, ту землю пусту чинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ же трубнаго гласа; видомъ пестра всякими цвѣты; а на землю не садится, токмо на камени. Обояницы, пришедше обояти ю, копаютъ яму, садятся въ яму съ трубами и закрываются дномъ житнымъ, и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себя угліе горящее и разжегаютъ клещи. Егдабо заиграютъ въ трубы, тогда засвищеть, яко потрятиса горѣ, и прилетитъ къ ямѣ и ухо свое положить на землю, и другое зятя-

³⁾ Волшебница Мелузина считается родоначальницей рода Лузиньяновъ. Боги, въ наказаніе за то, что она извела своего отца, присудили, чтобы она каждую субботу обращалась въ полузмѣю, оставаясь женщиною до пояса; при этомъ Мелузинѣ суждено было остаться такимъ чудовищемъ, еслибъ ее кто либо увидалъ во время субботняго превращенія. Легенда рассказываетъ, что Мелузина вышла замужъ за графа Раймунда, прижила съ нимъ много сыновей и жила счастливо, пока Раймундъ не увидалъ ее во время субботняго ея превращенія и не попрекнулъ ей этимъ при всемъ народѣ; тогда Мелузина мгновенно обратилась въ получудовище и скрылась изъ замка Раймунда. Сохранилось преданіе, что она появляется тамъ каждый разъ, когда кому либо изъ дома Лузиньяновъ грозитъ гибель (Görre, Deutsche Volksbücher. Heidelberg 1807, 235.—Simrok, Die Deutshen Volksbücher. Frankfurt am Main 1877, VI Band). Романъ о Мелузинѣ написанъ Иваномъ Аррагонскимъ въ 1387 году въ стихахъ на латинскомъ языкѣ; первое изданіе его напечатано въ Женевѣ въ 1478 году, въ нѣмецкомъ переводѣ, съ большими гравюрами на деревѣ, — единственно полный экземпляръ этого изданія находится въ Вольфенбютельской герцогской библиотекѣ (Hundert Merkwürdigkeiten der Herzog. Bibliothek zu Wolfenbüttel. Hannover 1849, стр. 67). Русскій переводъ романа Мелузины сдѣланъ съ польскаго языка въ XVII вѣкѣ (А. Пынинъ, Очеркъ, стр. 10).

нетъ хоботомъ, начинается биться. Человѣцы же, ухвативше ее клещами горящими, держатъ крѣпцѣ. Отъ ярости же сокрушатся клещи не едины, но двой и трой, и такъ сожженъ клещами умираетъ». О. И. Буслаевъ находитъ въ этомъ повѣствованіи сходство съ однимъ эпизодомъ въ Эддѣ—о змиѣ Фафнирѣ (Архивъ Калачова, т. I, стр. 9).

251. Въ книгѣ «Margarita philosophica» упоминается, что *garthi* у поэтовъ, знаменитыя женщины, — не люди, а монстры; см. примѣч. къ № 310.

251 А. Прибавить: копія въ обратную сторону съ № 251 (голова гарнии обращена влѣво); подпись таже: «Гарния чудовище живущее въ воде и на зѣмле».

252 А. Прибавить: Птица Алконость, дружка Сирину № 252, въ томъ же видѣ, но съ руками; изо рта ея выходитъ подпись: «потщитесь придѣте сотщаніемъ желатели раискихъ блгѣ идѣте скорбевши утешитесь насладѣтесе безсмертнаго наслаждения уготованнаго вамъ ѿ скорбевшаго васъ ради на крѣте влѣки некому уже вы». Надпись въ свиткѣ, который Алконость держитъ въ лѣвой рукѣ: «справеднѣцы|векѣ живуѣ ꙗ ѿ|бгѣа мзда ихъ|и попеченіе преѣ вышѣмъ сего радѣ|приметь ꙗст|вие ꙗ благолеп|ие ꙗ венець до|века». Надпись въ клеймѣ, слѣва: «Алконость та|ковъ венець носѣ|тъ и сѣцевы цветы|израя ꙗзноситъ|хронографъ гъ|лава четвертая». Внизу на полѣ подпись мастера Ахметьевской фабрики Чуваева: «Гратировалъ петръ ако (?) году 1787 года». Листовая картинка, гравированная крѣпкой водкой.—Въ моемъ собраніи.

253 А. Прибавить: на одномъ листѣ—«райские птицы алконость», съ надписью сбоку: «Алконость таковъ венець носить и сѣцевы цветы израя износитъ. хронографе глава 4», и «птицы райскіе сиринь», «О сихъ же птицахъ книга хронографъ сказуетъ достоверно въ 4 главе повествуетъ что пение ихъ святымъ влелоту, которое отъустъ восходитъ нависоту». Внизу, подъ 1-й:

«Потщитесь притти со тщаніемъ желатели райскихъ благъ идите скорбеѣощіи (?) утешитесь инасладитесь безсмертнаго наслаждения уготованное вамъ отскорбевшаго васъ ради накрестѣ владыки некому уже сеі»; надъ 2-й: «Человецы потщитесь еже раи наследити слышати пение райскихъ птицъ и видете райскіе дресеса и весѣлие святыхъ якоже гдѣ рече ихъже око невиде и ухо неслыша уже уготова богъ любящимъ его». Первая строка надписи въ свиткѣ Алконоса: «Правед».

Въ Публичной библиотекѣ есть три изданія этой картинки: 1-е *a*, описанное выше; *b*—повтореніе предыдущаго изданія того же времени, гдѣ первая строка текста въ свиткѣ Алконоса: «справеднѣцы» (Собраніе Даля, II. 106); и *c*—такое же повтореніе, только тутъ первая строка состоитъ изъ слова: «справеднѣць» (*ibid.* 107).

Объ райскихъ птицахъ въ нашихъ рукописныхъ источникахъ содержится много разныхъ свѣдѣній: по однимъ сказаніямъ, райскія птицы не имѣютъ ногъ и потому все летаютъ (Буслаевъ, Очерки, II. 340).

О птицѣ Сиринь въ хронографахъ находится сказаніе, что «въ царство Маврикіево . . . солнцу возсіявшу, явистася въ рѣцѣ Нилѣ два животна человѣкообразна, до пупа мужъ и жена, а отъ пупа птица. Мужъ красенъ персми и власы над-черменъ; женѣ же лице и власы чермны: имяхужъ оба сосца безъ власъ; Ихъ же наричутъ сладкопѣснивые *сирини*. Слышавъ же сихъ, человѣкъ, пѣсни, аще не престають поюще, весь плѣняется мыслію и, вслѣдъ шествуя, умираше. И до девятаго часа эпархъ и все людіе зряще чудяхуся; и паки въ рѣку внидоша» (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, 153). Это тотъ самый *птиицъ*, который увлекъ монаха изъ монастыря своимъ пѣніемъ и котораго монахъ, не замѣтивъ того, прослушалъ цѣлыхъ тысячу лѣтъ (см. № 716).

Птица Сиринь изображена на наружной стѣнѣ церкви Вознесенія на дебрѣ въ Костромѣ; она вырѣзана тамъ на кругломъ клеймѣ изъ бѣлаго камня. Птицы Сирини были написаны на столбахъ въ хоромахъ царя Алексѣя Михайловича.

О другой райской птицѣ Алконость въ азбуковникѣ говорится:

«Алконость птица есть, имѣеть гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря... взимаетъ въ яицахъ чада своя и носить на среду моря и пушаетъ въ глубину... сноситъ яйца на едино мѣсто и насыдетъ на нихъ вверху моря въ глубинѣ сущимъ... и море неколебимо будетъ за 5 дней донезли алконостова чада излупятся во глубинѣ, и вышедши познають родителя своего. Егдажъ море не поколебимо будетъ 5 дней, тогдажъ корабельницы ждуть поносна вѣтра и нарядають тѣ дни алконостовы» (Кн. Вяземскій, Памятн. древн. писмен. изд. Общ. любит. древн. писм. 1878, стр. 51 и 62, Бестиарій). По Голубиной книгѣ Алконость топять корабли съ драгоцѣнными товарами. Райской птицей считали тоже птицу *Гамаюнъ*, которая была поднесена царю въ 1686 году (Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, 193).

256 и 257. Въ моемъ собраніи есть два изданія этихъ картинокъ: *a* и *b*; оба отпечатаны однѣми и тѣми же досками, но въ изданіи *b*—обѣ доски сильно выпечатаны и покрыты трещинами (на № 256).

258. Въ 1490 году посолье Максимилиана Юрій Делаторъ привезъ великой княгинѣ Софьѣ Ѳоминичнѣ, въ даръ отъ короля, птицу «папагалъ»; съ этихъ поръ *папагалъ* сдѣлался постояннымъ обитателемъ царскихъ хоромъ и привозился царямъ нашимъ въ подарокъ послами и заѣзжими купцами (И. Е. Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царей, 191). Въ расходной книгѣ оружейной палаты за 1637 г. записано, что: «въ потѣшную полату сдѣлана *попугаю* постилка изъ киндяка краснаго, длина $\frac{3}{4}$, ширина пол-аршина» (Забѣлинъ, Бытъ царицъ; матер., 154). Изображенія попугая помѣщались въ числѣ украшеній въ заставкахъ и рамкахъ, а на одномъ мѣдномъ бухарскомъ тулумбазѣ XVII в. (литаврѣ) для царя попугай былъ написанъ зелеными красками (Савваитовъ, Древн. одежды, 510).

260 и 261. Въ одной изъ пѣсень, помѣщенныхъ въ сборникѣ Рыбникова, про пѣтуховъ говорится, что они — «казаки

донскіе, того молодцы удалые: по многу жѣнъ они содержатъ, по три жены да почетыре, иной до цѣлаго десятка, и всѣхъ нарядити онъ умѣеть.... Не такъ какъ на Руси у мужа одна его бажоная жѣнушка, и той нарядити онъ неумѣеть, на работу нарядити не разумѣеть» (Рыбник. II. LXXVII):

262 — 264. Въ той же пѣснѣ въ сборникѣ Рыбникова про курицу говорится такъ:

«Всѣ у насъ птицы по работамъ... И всякій перстомъ дыры покопаеть.
Пѣтухи поютъ по сараямъ, Оттуль лицо добываетъ,
Курицы гогочутъ по фатерамъ... И зятю свѣту запасаетъ,
И курица у насъ побѣдна птица: Отъ того теща и честь залучаетъ». И кто ее во дворѣ поймаеть

265 А. Такой-же Филинъ; копія съ № 265, но безъ подписи.—Въ моемъ собраніи.

265 Б. «Der Japanische Pfau. Pavo».

265 В. «Phasianus Meff. Der Fasaner Hahn».

Двѣ полулистовыя картинки заграничной гравировки, отпечатанныя у насъ на синей бумагѣ 1800 года.—Въ моемъ собраніи.

267 и 268. Обезьяны извѣстны при русскомъ дворѣ съ давняго времени. Петръ имѣлъ при себѣ постоянно обезьяну, которая сидѣла у него въ кабинетѣ; онъ возилъ ее даже съ собою въ Англію (Древн. и Нов. Россія 1877, IX). Особенно любила обезьянъ Императрица Елисавета Петровна. Послу Головину отъ нея былъ посланъ указъ: «разсказывалъ де голландскій шкиперъ Кемптесъ, что есть въ Амстердамѣ мартышка зеленого цвѣта, которая входитъ въ индійскій орѣхъ, и ту мартышку купить для двора, при этомъ... о той мартышкѣ чтобы доискаться тайно, не говоря что для двора покупается, а для партикулярной забавы, дабы продавецъ не задорожалъ в'цѣнѣ»; мартышка была куплена и отослана къ двору съ особымъ курьеромъ, гвардіи сержантомъ Валуевымъ (Русск. Стар. 1871, 586).

Наши картинки №№ 267 и 268 сдѣланы въ насмѣшку надъ нѣмцами шарманщиками, которые начали появляться на Петербургскихъ улицахъ уже съ половины XVIII вѣка.

269—277. Эти девять изображеній русскихъ гренадеръ сдѣланы въ память знаменитыхъ кампаній нашихъ въ Пруссіи въ 1757—1762 годахъ (см. №№ 313—319).

280 А. Турецкій всадникъ; ѣдетъ вправо, держитъ саблю на голо. Полулистовая картинка, гравированная въ манерѣ Чуваева.— Въ моемъ собраніи.

282. Охотникъ медвѣдя колетъ. Охота на звѣрей, по Домострою, поставлена наряду съ пляской и чародѣйствомъ. Не смотря на это, она составляла любимое занятіе нашихъ князей и бояръ — съ глубокой древности, какъ это можно судить по фрескамъ, сохранившимся на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора. Въ лѣтописяхъ Никоновской и Новгородской, еще подъ 1135 годомъ, записано извѣстіе, что Новгородцы посадили подъ стражу князя Всеволода Михайловича, за то, между прочимъ, что онъ «возлюбилъ ястребовъ и собакъ собра» (Полн. Собр. Лѣтоп., IX. 159 и III. 7). Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенный охотникъ до соколиной охоты: на потѣшномъ дворѣ его, на примѣръ, было до 100 человекъ сокольниковъ и до 3000 всякихъ потѣшныхъ птицъ; кромѣ того устроены были дворъ для голубей, на которомъ находилось болѣе 100.000 гнѣздъ. Для ловли птицъ на царскую забаву, въ Сибири и въ Россіи, поставлено было до 100 кречетниковъ, и налавливалось такихъ птицъ до 200 въ годъ, и посылались онѣ къ Персидскому шаху, который цѣнилъ ихъ очень дорого: по 100, 200, 500 и до 1000 руб. за птицу (Котошихинъ 2-е изд., 70. 96). См. подробнѣе объ этомъ предметѣ въ статьѣ А. Н. Попова: «Сокола и Кречеты царя Алексѣя Михайловича» (Русск. Бесѣда 1856, II. 72—84) и свѣдѣніе о рукописи: *Урядникъ соколиного пути царя Алексѣя Михайловича*, которымъ, по замѣчанію Ф. И. Буслаева, нанесенъ былъ ударъ стариннымъ предразсудкамъ про-

тивъ охоты (Очерки, I. 497). Въ нашихъ картинкахъ о царскихъ *ловахъ и охотахъ* не упоминается.

283 А. Прибавить: «Охота на кабана». Около него три охотника; три собаки рвутъ его. Полулистовая картинка, гравированная въ манерѣ Чуваева.— Въ моемъ собраніи.

283 Б. Прибавить: «Охота за зайцами». За двумя зайцами скачетъ трубачъ; сбоку идутъ двое пѣшихъ: одинъ съ трубой, другой съ копьемъ; за зайцами бѣгутъ три собаки. Листовая картинка, гравированная на деревѣ, изъ разряда Штелиновскихъ. Въ собраніи В. А. Яковлева.

284. *Превращающіяся головы*. Есть французская картинка (XVIII вѣка), сдѣланная на манеръ нашего № 284,—она носитъ названіе «*Haine aux femmes*»; когда же перевернуть ее, верхъ книзу,—выйдетъ «*Haine aux hommes*» (Vignères, Catal. 373. Paris 1876, № 8).

285. *Постройна житницы*. Это часть четырехлистовой картинки, которая описана въ числѣ притчей, подъ № 768 (отд. 6-е).

287. Есть два изданія этой картинки: въ первомъ *а*—цензурное дозволеніе 1839 г. (Флерова) поставлено слѣва внизу; въ другомъ *б*—оно поставлено внизу, всрединѣ (это другая доска).

287 А. Прибавить: *Послѣдствія роскоши*, листовая картинка рѣзцомъ. За столомъ, должно быть въ Марьиной рошѣ, сидитъ франтъ, на колѣняхъ у него красотка; сбоку играетъ на гитарѣ мамзель, самоварница наливаетъ въ кружку пиво, разнощикъ предлагаетъ ананасъ; справа другая самоварница разговариваетъ съ извощикомъ и какимъ то цилиндромъ, который держитъ въ рукахъ бумагу съ надписями: «въ случаѣ выпить можно только осторожно... съ разсудкомъ». Надпись на одной бочкѣ: «вино все куражить, И смелость даетъ, И дружбой обяжетъ, въ знакомство

въ ведеть»; на другой бочкѣ, подлѣ которой лежитъ оборванный пьяница: «ахъ пѣяницамъ худ безмѣры кто шлетъ творить изни^т чуде себя самъ убѣтъ». Подпись внизу картинки: «Вотъ роскоши или неосторожность человек. находится отъ слабости всемъ убить».

Очень грустно забывать пить безъ мѣры И мата^т.
 Такъ за бочкою валятся себя мото^т представлять.
 А какъ богатъ ты пилъ напитки и красотокъ надѣлялъ
 А теперь во всемъ убытки все за безчинство прогулялъ.
 Нетъ рубашки платью въ тлетѣ
 Сталъ отъ всехъ ты отдаленъ
 Нетъ и должности другой
 Сталъ ты бахусу слугой

Правда игры и пирушки утешать все меня
 Теперь денегъ неполушки нетъ и друга у меня
 Без похмѣлья умираю и никто не охмелитъ
 Вино капли собираю моя глупость такъ велитъ
 Невоздержный мотъ Ленивецъ
 Игрокъ пьяной неучтивецъ
 Ходилъ часто пить вкабакъ
 Сталъ всемъ гнусенъ и дуракъ».

288—291 представляютъ образцы народныхъ картинокъ, которыя гравировались болѣе для средняго класса граверами: Харитоновымъ, А. Леанасьевымъ, Касаткинымъ и н. д. Изъ крестьянъ покупали ихъ одни зажиточные, такъ какъ цѣна имъ противъ «простыхъ» была втрое и вчетверо. Картинки этого ряда копированы съ иностранныхъ образцовъ, при чемъ рисунокъ крайне изуродованъ; гравированы онѣ на мѣди, рѣзцомъ и пунктиромъ. Исторія Матильды копирована съ французскихъ гравюръ, съ оригиналовъ Верне; онѣ были въ ходу въ 1805—1810 годахъ, когда былъ изданъ романъ «Mathilde» г-жи Коттенъ.

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Книга II.

293. **Монархическій колоссъ**; картинка скопирована (какъ сказано въ ней) съ нѣмецкаго образца, въ ту же мѣру, съ незначительными измѣненіями. Нѣмецкая картинка носитъ слѣдующее названіе: «Colossus monarchic. g. Statua Danielis Dan. II. 31 . . . . . Matthaeus Seutter excud. et Venal. exponit. August: Vind». Экземпляръ такой картинки имѣется въ моемъ собраніи; при немъ находится и другая картинка, дружка первой, изображающая такой же колоссъ, съ подписью: «Statua Regum Euroraeorum P. C. N. Nomina continens». Въ нашей картинкѣ русскіе цари, начиная в. кн. Василиемъ и кончая Петромъ III (1762), при которомъ она издана, поименованы съ особенною, противъ царей другихъ странъ, подробностію. Мастеръ Михайла Махаевъ, который гравировалъ нашу картинку, родился въ 1716 году, взятъ въ Академическую школу въ 1726 году, въ 1754 былъ подмастерьемъ у Ив. Соколова и Качалова, и занимался сниманіемъ проспектовъ; труды его по этой части подробно перечислены въ моей книгѣ: «Русскіе граверы и ихъ произведенія», стр. 250—255. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить: Планъ Москвы съ окрестностями на 30 верстъ, съ видомъ Кремля внизу (доска въ Главномъ штабѣ) и съ подписью: «Проспектъ снималъ М. М. Махаевъ». Изъ оригинальныхъ гравюръ Махаева извѣстны: 1) Портретъ Бухвостова (Русскіе граверы, № 1), 2) «Линія баталіи . . .» — очень

рѣдкій листъ, въ Московскомъ Университетѣ, и 3) Монархическій колоссъ, описанный подъ № 293 *).

293 А. Прибавить: **Послѣдній день Помпеи**; народная картинка четырехлистоваго размѣра, составленная по рассказамъ о знаменитой картинѣ К. П. Брюллова, какъ значится внизу ее — «Рис: Ѳеодоръ Бобѣль. Издательница Катерина Бѣлова. Грав. Ѳ. Алексѣевъ» (пунктиромъ). Подъ картинкой помѣщено слѣдующее описаніе ея: «*Послѣдній день разрушенія города Помпеи* (23-го Августа 72-го года по Р. Х). Пятнадцать дней сряду продолжавшееся землетрясеніе увеличилось до такой степени, что почти каждый домъ разрушался, и наконецъ съ 4-хъ часовъ утра всѣ зданія стали колебаться съ ужасною силою, море воздымилось изъ самыхъ нѣдръ своихъ, и отхлынуло изъ береговъ. На противоположной сторонѣ разсѣлось черное, наполненное пламенемъ облако, и разлилось огненными потоками, подобно рѣкѣ растлался густой дымъ (,) въ сіе время ничего небыло слышно кромѣ воплей женщинъ, плача дѣтей, криковъ мужчинъ, мертвая женщина съ младенцемъ, одною рукою онъ держится еще за висящій съ груди матери платокъ (,) а другою опирается на землю и плачетъ (,) его движеніе ясно показываетъ, что мать спасла это невинное твореніе, держа его на рукахъ во время паденія съ колѣсницы, сіе подтверждаютъ разбросанныя кругомъ нѣхъ драгоценная утварь и украшения (,) которыя она хотѣла спасти, колесо съ остаткомъ изломанной оси, и влѣкомая въ нѣкоторомъ отдаленіи бѣшеными конями самая колесница, изъ которой падаетъ полумертвый супругъ ея. На противоположной сторонѣ три сына спасаютъ отца. Старецъ, опираясь на плечо сильнейшаго изъ нихъ воина, и поддерживаемый младшимъ, обращаетъ взоры на негодующее небо, заслоняясь правою рукою отъ падающаго пепла, и обхвативъ лѣвою сына, старающагося идти съ крайнею осто-

*) Въ христіанскомъ музеумѣ СПБ. Академіи Художествъ этотъ монархическій колоссъ написанъ въ величину нашей гравюры № 293 на полотнѣ, масляными красками.

рожностію, между тѣмъ какъ средній сынъ хочетъ поднять съ мѣста мать и уговариваетъ ее послѣдовать за нимъ, но она увѣщеваетъ его спасти только самаго себя, оставивъ ее на жертву неизбѣжной судьбѣ. Юноша поддерживаетъ находящуюся въ безпамятствѣ или даже можетъ быть лишенную жизни супругу свою, съ которою недавно соединилъ его Гименей (,) въ самомъ близкомъ разстояніи отъ молніеноснаго и гремящаго метеора (,) взбѣшенный конь старается сбросить съ себя спасавагося всадника, поднимается на дыбы, между тѣмъ какъ всадникъ отвращаетъ глаза отъ ослепительнаго блеска. Окружающіе ихъ люди спѣшатъ устраниваться отъ копытъ коня, но въ это самое мгновеніе подземный ударъ поколебалъ близъ стоящій надгробный памятникъ и съ онаго падаютъ двѣ статуи (,) сдѣсь же бѣдное семейство готовится бѣжать, но отецъ онаго (,) обхвативъ правою рукою супругу, распростираетъ надъ дѣтьми своими плащъ (,) дабы сколько возможно защитить ихъ отъ низвергающихся камней и пепла (,) левою же держитъ онъ такъ, что при свѣтѣ молніи можно было видѣть предстоящій имъ путь. Около скауровой гробницы съ крикомъ толпится народъ. Жрецъ (,) который держа въ рукахъ орудія жертвоприношенія, съ отчаяніемъ и негодованіемъ бросаетъ взоры на небо, и позади его идетъ живописецъ (,) неся на головѣ принадлежности своего искусства, и (,) какъ спокойный наблюдатель, ищетъ въ семъ явленіи природы только предмета для творческой кисти своей. На ступеняхъ Скауровой гробницы смятеніе въ большой степени: некоторые (,) пораженные страхомъ, при видѣ разрушающагося зданія (,) спѣшатъ назадъ и сталкиваются съ другими, стремящимися къ нимъ на встрѣчу. Скупой наклонился, дабы подобрать нѣсколько золотыхъ монетъ высыпавшихся изъ мѣшка. Тутъ еще стоящая на колѣняхъ мать между двухъ дочерей, которыхъ она съ нѣжностію обнимаетъ; къ ней подходитъ старецъ; символъ искупленія, висящій на груди его, и церковная утварь, завернутая въ покрывало, показываетъ, что это Христіанскій пастырь. Въ правой рукѣ онъ держитъ горящій факелъ (,) дабы освѣщать путь страждущимъ братьямъ сво-

имъ». «Ценз. И: Снигиревъ. 1834 года Апреля 11 дня». Картинка передѣлана на русскіе нравы, съ русскими костюмами, и не имѣетъ ничего общаго съ картиною К. П. Брюллова.

294—297. Битва Царя Александра Македонскаго съ Поромъ Царемъ Индійскимъ. Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ, произведеніе Псевдо-Каллисена, была любимымъ чтеніемъ всего Запада съ давняго времени и переведена на всѣ языки, съ сообщеніемъ ей въ каждомъ переводѣ мѣстнаго колорита (Dunlop, 163); въ болгарской, сербской и русской литературахъ она заимствована изъ того-же источника; на польскомъ языкѣ она напечатана въ первый разъ въ Краковѣ въ 1550 году (Чешское изданіе 1513 г.—Статья А. Гильдебрандта: Древ. и Нов. Россія 1878, XII. 342). По замѣчанію Пыпина, повѣсть эта написана не сразу, а составлялась постепенно изъ разныхъ источниковъ, и съ разными добавленіями (27); у него-же перечислены и описаны разныя редакціи этой повѣсти. Нашъ русскій переводъ ближе всего подходит къ сербскому, причемъ въ немъ даже сохранены всѣ переначенія на сербскій ладъ имена собственныя; въ картинкѣ нашей конь Александра тоже названъ по сербскому—*дочупаломъ*.

Вотъ вкратцѣ содержаніе Псевдо-Каллисеновой повѣсти по спискамъ сербско-болгарской редакціи, какъ оно изложено А. Веселовскимъ въ Исторіи русской литературы Галахова (397): «Говорятъ, что Александръ былъ сынъ Филипповъ; это ложь: онъ былъ сынъ египетскаго царя—волхва Нектанеба (Нектенабъ, Нектеванъ). Когда Дарій, царь персидскій, напалъ на Египетъ, Нектанебъ узналъ чарованіемъ, что его войску быть поражену, и ночью бѣжалъ переодѣтый, оставивъ по себѣ рукописаніе. Въ немъ онъ объявлялъ своимъ милымъ египтянамъ, что удалется отъ нихъ, не будучи въ состояніи видѣть ихъ горя, но черезъ 30 лѣтъ вернется юный и сильный и подклонитъ къ ихъ стопамъ ихъ враговъ персовъ. Прибывъ въ Македонію, Нектанебъ сказывается врачомъ и звѣздочетомъ. У царя македонскаго Филиппа была прекрасная жена Олимпіада; объ одномъ онъ горевалъ, что

она была неплодная. Однажды, отправляясь на войну, онъ призвалъ ее и сказалъ: если ты не зачнешь до моего возвращенія, знай, что очи мои тебя болѣе не увидятъ и сердце къ тебѣ не пристанетъ. Олимпіада скорбитъ и по совѣту рабыни рѣшается обратиться къ помощи врача-волхва Нектанеба. Какъ увидѣлъ ее Нектанебъ, прельстился ея красотою и говоритъ: сами боги хотятъ посѣтить тебя; если ты ихъ допустишь, наречешься матерью великому царю. Самъ онъ является къ ней въ образѣ бога Аммона; а образъ этотъ былъ таковъ: глава орлиная, рога василисковы, хвостъ (опашь) аспидовъ, ноги львиныя, крылья грифа золотыя и червленныя. Такъ прельстилъ онъ царицу. Когда настало время рожденія, Нектанебъ снова является къ ней: потерпи, говоритъ онъ ей, пока не наступитъ благополучный часъ; если ты родишь теперь, то родишь раба и непотребнаго человѣка; если потерпишь, «докле небеске планите на уставу стану», то родишь царя царямъ и мудрѣйшаго мужа. Она родитъ Александра, которому оракулъ Аполлона пророчитъ, что онъ будетъ царемъ по всей подсолнечной, благочестивъ и разумомъ великъ, убьетъ отца своего и на сороковомъ году вернется къ матери своей землѣ».

«Возвратившійся Филиппъ обрадованъ рожденіемъ сына, который отданъ въ науку къ Аристотелю и Нектанебу; у перваго онъ изучаетъ Иліаду и Одиссею, у втораго всякую небесную и Виргиліевскую («верзилійской») хитрость, устроеніе небеснаго круга и зодіака и т. п. Одно изъ Аполлоновыхъ прорицаній исполняется: Александръ убиваетъ своего отца Нектанеба, причемъ узнаетъ впервые тайну своего рожденія. Слѣдуетъ далѣе рассказъ о первыхъ подвигахъ Александра, о томъ какъ онъ добылъ чуднаго вологлаваго коня (Букефала), о его войнѣ съ куманами (скифами греческаго текста) и т. п.»

Далѣе Александръ «осаждаетъ Аены, которыми правили въ то время 12 мудрецовъ, державшихъ въ Эллинской землѣ господство судомъ правымъ и разумомъ. Діогенъ, перешедшій на сторону Александра, научаетъ его взять городъ хитростью. Онъ велитъ поджечь его, при чемъ сгорѣла и церковь аенская со

всѣми своими богами. «И увидѣвъ то, Александръ сказалъ: если бы вы были боги, сами отъ огня сохранили бы себя...» Затѣмъ «Александръ приходитъ въ Римъ. Римляне, услышавшіе объ участи аѳинянъ и подобно имъ управлявшіеся «общинной», встрѣчаютъ его съ дарами и изъявленіями покорности. Въ числѣ даровъ упоминаются 12 одеждъ Соломона, его вѣнецъ, стемма царицы южской Сивиллы, оружіе, принадлежавшее Парису и Аяксу и т. п. Эллинскіе философы толкуютъ Александру пророчество, бывшее о его пришествіи въ Римъ; услышавъ его, онъ сказалъ: какъ изволитъ божій промыселъ, такъ и будетъ: сильные надъ слабыми пали, а немощные подвинулись въ крѣпости. Цари запада посылаютъ ему дары и молятъ пощадить ихъ. Смиловался надъ ними Александръ и, поставивъ Лаумедонта царемъ въ Римѣ и надъ всѣмъ западомъ, отправляется далѣе въ южныя страны».

«Вернувшись въ Македонію, гдѣ онъ нѣкоторое время отдыхаетъ послѣ своихъ подвиговъ, Александръ замышляетъ покорить востокъ. Дарій напрасно пытается остановить его грознымъ посланіемъ. Первый походъ направленъ противъ Іерусалима. Въ то время іерусалимскимъ господствомъ и царствомъ обладалъ пророкъ бога Саваоа, Іеремія. Пророкъ Даниилъ вѣщаетъ ему во снѣ, что явился предвозвѣщенный имъ освободитель отъ персидскаго ига. Александръ вступаетъ въ Іерусалимъ, настроенный благоговѣнно вѣщимъ сновидѣніемъ. Узнавъ, что евреи поклоняются единому Богу, творцу неба и земли, онъ говоритъ: «да вѣрую и азъ въ нь и исповѣдоую его... и богъ вашъ да боудеть мнѣ богъ, и миръ его съ мною да боудеть»—и отказывается отъ дани. Онъ идетъ въ Египетъ, и Іеремія благословляетъ его: не видать тебѣ болѣе этой земли, о Александръ! Но и далѣе онъ не оставляетъ его, являясь ему въ сновидѣніяхъ и наставляя, чтобы въ битву онъ вступалъ съ именемъ господа Саваоа на устахъ. Благочестіе Александра было въ рукахъ славянскихъ перескащиковъ однимъ изъ способовъ народнаго пріуроченія».

«Египтяне сопротивляются Александру, хотятъ подкупить его врача Филиппа, чтобы онъ отравилъ его; когда тотъ отказался,

пишутъ Александру письмо, въ которомъ Филиппъ обвинялся въ злоумышленіи противъ его жизни. Подозрѣнія царя разсѣялись, когда врачъ выпилъ половину лѣкарственнаго зелья, которое онъ ему подалъ; Александръ показываетъ ему подметное письмо. «О великій царь, восклицаетъ Филиппъ, отъ главы твоей зависятъ главы всѣхъ царей земныхъ; еслибы я хотѣлъ учинить такое, паденіе твоей главы поколебало-бы весь свѣтъ—а весь свѣтъ ея не стоитъ». Египтяне начинаютъ молить о помилованіи: помилуй насъ царь Александръ, нашего царя Нектанеба сынъ; старымъ онъ отъ насъ удался, молодымъ вернулся!—Они толкуютъ Александру предсказаніе Нектанеба и знаменіе, по которому они могутъ узнать его: надъ кѣмъ сорвется вѣнокъ, который держитъ въ рукѣ его статуя и на чью голову падетъ—это будетъ онъ самъ, вернувшійся къ намъ и поюнѣвшій. Чудо совершается надъ Александромъ, который велитъ поставить четыре столба великихъ и на нихъ столько же статуй: свою и своихъ трехъ полководцевъ. Всѣ онѣ обращены къ востоку, гдѣ съ тѣхъ поръ посредоточивается интересъ дѣйствія: уже Дарій стоитъ съ войскомъ на Евфратѣ и его битвы съ Александромъ, отвѣчая близко историческимъ фактамъ, обставлены романическими подробностями. Дарій побѣжденъ, даже помощь индѣйскаго царя Пора не помогла ему... Дарій убитъ своими властелями, и умираетъ, утѣшаясь тѣмъ, что его дочь Роксана (Роксандра, Роксанда) выйдетъ замужъ за побѣдителя: жалость моя на радость мою право обратися».

«... На блаженномъ (макарійскомъ) островѣ Александръ находитъ потомковъ Сіоа (нагомудрци), ведущихъ ангельскую жизнь, непричастныхъ людскимъ смутамъ; ему жаль своихъ македонянъ, а то бы онъ остался съ ними. Эвантъ, царь блаженныхъ людей, говоритъ ему: иди съ миромъ; когда ты овладѣешь всею землею, ты возвратишься въ нее, не выдавъ своей родины. Надпись въ городѣ Солнца вѣщаетъ ему смерть; челоукообразныя птицы останавливаютъ его словами: пусть не идетъ далѣе, ему не видать рая; пусть вернется: его ждетъ Индія и Порова царство».

«... Александръ побѣждаетъ Пора, Амазонки признаютъ его

господство; онъ идетъ посломъ, подъ именемъ Антигона, къ царицѣ Кандакiи и по дорогѣ посѣщаетъ жилища боговъ и отжившихъ героев». А потомъ «Александръ затворилъ за двумя горами, сошедшимися по его молитвѣ, нечистые народы сѣвера».

«Онъ готовится идти въ Вавилонъ; пророкъ Іеремія является ему во снѣ и вѣщаетъ: «се бо число 40-го лѣта свершается, четверосъставнаго тѣла твоего естество возвратится имать въ землю, отъ неяже взято бысть». Отсюда и до конца романа, быстро приближающагося къ развязкѣ, мысль о смерти не оставляетъ Александра: среди празднествъ въ Вавилонѣ, куда собрались всѣ народы и властители, гдѣ являются къ нему Аристотель и Олимпіада, она сказывается во всякомъ его словѣ. Онъ умираетъ отравленный. Роксана убиваетъ себя надъ тѣломъ Александра и похоронена вмѣстѣ съ нимъ въ золотыхъ ковчегахъ на столбѣ, донинѣ стоящемъ посреди Александрiи».

Александръ Македонскій, кромѣ славнаго имени героя и побѣдителя, заслужилъ репутацію человѣка гениальнаго и любознательнаго. Повѣсть говоритъ, что онъ понималъ птичій языкъ, что онъ поднимался на небеса на четырехъ птицахъ (сравни жизнеописаніе Езона), и спускался въ колоколѣ на морское дно, куда приплыли къ нему рыбы всѣхъ породъ.

Для славянъ имя Александра было памятно еще и потому, что онъ далъ имъ, какъ говоритъ преданіе, грамоту на свободу (Dlugossi, Histor. Polon. Lips. 1712, I. 14). По словамъ Сарницкаго, эта грамота на разныя привилегіи сохранилась еще въ его время въ Богемiи (тамъ-же, II. 1). Таже выдумка повторяется и у чешскаго писателя XVI вѣка, Гайка, и въ разныхъ славянскихъ хронографахъ (Востоковъ, Румянц. Музей, 767. — Лавровскій, Изслѣдов. о Якимовской лѣтоп. СПб. 1855, стр. 33), а также и въ Синописисѣ Гизеля, напечатанномъ въ Кіевѣ въ 1680 году. Въ одномъ хронографѣ 1679 года обстоятельство это описано слѣдующимъ образомъ:

«О князѣхъ Рускихъ бывшихъ при Александрѣ Македонскомъ. Начальницы убо въ Словенехъ и Русехъ князи быша, имъ же

суть имена первый Великосанъ, второй Асанъ, третій Авесхасанъ. Сіи же бяху храбрствомъ и мудростію многихъ превозшедше, всеяже вселенныя тогда самодержецъ многосчастный Александръ сынъ Филиппа Македонскаго, о сихъ же выше реченныхъ Словянехъ и Русехъ отъ всѣхъ странъ жалостенъ слухъ и самому самодержцу возгремѣ во уши, пресвѣтлый же самодержецъ и всесвѣтлый царь нача размышляти съ подданными своими рече, что сотворити подобаетъ съ сыроядцы сими, ратьми ли ополчитися многими и разбити ихъ и покорити въ вѣчную работу, но неудобно сему быти никакоже зельнѣйшаго ради дальнаго разстоянія пути, и неудобъ проходныхъ морскихъ водъ и превысокихъ, но обаче посылаетъ къ нимъ съ дары многими, и писаніе всякими похвалами украшено и самага царя высокодержавнаго десницею златопернатыми письмены подписано, писаніе-же имяше образъ сицевъ. Посланіе Александра Македонскаго къ Русскимъ княземъ. Александръ царемъ царь и надъ цари бичъ, божій презвитяжный рыцарь и всего свѣта обладатель, и всѣхъ иже подъ солнцемъ грозный повѣлитель, къ непокоривымъ яростный мечъ и страхъ, всего свѣта честнѣйшихъ надъ честнѣйшими въ далномъ разстоятельномъ и незнаемомъ крае вашемъ отъ нашего величества честь и миръ и милость вамъ и по васъ храбросердому народу Словенскому, княземъ и владѣльцомъ отъ моря варяжскаго даже до моря Хвалимскаго дебелимъ и милымъ мимъ храброму Великосану, мудрому Асану, счастному Авесхасану вѣчнѣ поздравляю, яко самѣхъ васъ любезно лицемъ къ лицу цѣлую сердечнѣ приемлю, яко други по сердцу моему, и сію милость даю вашему владычеству, аще каковый народъ вселится въ предѣлехъ вашего княженія отъ моря Варяжскаго и до моря Хвалимскаго да будетъ вамъ и роду вашему подлежащими вѣчной работѣ, во иные же предѣлы отнюдь да не вступитъ нога ваша. Сіе же достохвалное дѣло замкнено нашимъ листомъ и подписано царскою высокодержавною правицею и за природнымъ нашимъ государскимъ златоконаннымъ гербомъ привѣшеннымъ. Дано вашей чести въ вѣчность въ мѣстѣ нашего предѣла въ велицей

Александріи изволеніемъ великихъ Боговъ Марша, Юпитера и богини Минервы и Венусы мѣсяца примоса началѣйшаго дня. А припись царскія руки сверхъ строкъ златопернатыми писмены написано сице: Мы Александръ царь царемъ и надъ царьми бичь, сынъ великихъ боговъ Юпитера и Венуса въ небѣ, земски же Филиппа сильнаго царя и Алимпіады царицы нашею высокодержавною правцею утвердилъ вѣчнѣ. Сии же князи Словенорустии, иже таковыя. высокія чести сподобилися отъ вседержавнаго того самодержца пріяша сію пречестнѣйшую епистолю, почитаху велми и обѣсиша ю въ божницѣ своей по правую страну идола Велеса и честиѣ поклоняхуся ей, и праздникъ честенъ творяху въ начальный день примоса мѣсяца».

Въ сказочной рукописи дьякона Каменевича Рвовскаго, писавшаго около 1699 года: «О древностехъ Россійскаго Государства» (Москов. Синод. библ. № 529), приведена подобная-же грамота, данная Александромъ Македонскимъ Славянскимъ вождемъ, на обладаніе занятыми отъ нихъ землями*): «Братъ Славеновъ Руссъ»; рассказываетъ Каменевичъ, — «основалъ городъ Русу и назвалъ тамъ одну рѣку Порусьею, а другую Палистою: такъ именовались жена и дочь его. Потомки сихъ князей обогатились и прославились мечемъ своимъ, завладѣвъ всеми странами сѣверными до Ледовитаго моря и *желтовидныхъ водъ*, и за высокими каменными горами, въ землѣ Сибири до Оби, и до устья *блловидныхъ млечныхъ рѣки*, гдѣ ловятъ звѣри *дынку* или соболя. Они воевали въ Египтѣ, въ странахъ Іерусалимскихъ, Еллинскихъ и варварскихъ, міръ ужасался ихъ храбрости. Во время Александра Македонскаго управляли Словенами и Руссами Князья: Великосанъ, Асанъ, Авехасанъ». Далѣе рассказывается сходно съ редакціей хронографа 1679 года.

По свидѣтельству Пыпина, въ одной Публичной Библиотекѣ около ста списковъ сказанія объ Александрѣ Македонскомъ; основныя редакціи русскихъ списковъ — одна болгарская, а другая

*) Такая же грамота напечатана Гильтебрандтомъ въ Древней и Новой Россіи 1877, т. XII. См. также у Попова грамоту изъ Хроники Бѣльскаго, II. 440.

сербская. А. Поповъ указалъ на тѣсную связь отдѣльныхъ сказаній объ Александрѣ съ хронографами; ученый Ягичъ сдѣлалъ опытъ критическаго изданія этихъ сказаній сербской редакціи (Исторія Сербско-Хорватской Литературы. Русск. перев. Казань 1871 г.—Starine, III. 1871). Въ 1-й книжкѣ Извѣстій Казанскаго Университета помѣщенъ литературно-философическій очеркъ отрывковъ чешской поэмы объ Александрѣ Македонскомъ И. А. Снегирева (Древ. и Нов. Россія 1878, XII. 343).

297. Есть еще изданіе (d) этой картинки, конца прошедшаго столѣтія; въ немъ первая строка подписи (вверху) оканчивается словами: «а вои». — Въ моемъ собраніи.

298. **Люди дивіе, найденные Александромъ Македонскимъ.** Въ одномъ славянскомъ сборникѣ XVII вѣка рассказывается, что войско Александра «жены обрѣтоша дивіи и долги, всякая жена 3 сажени, косматижъ: космы аки свиный, очи же аки звѣзды, и на войско Александрово наѣхаша». Въ Александріи съ миниат. XVII в. (въ собр. Забѣлина) говорится, что Александръ «людіе обрете величествомъ только локоть. . . . и ти людіи птицы наричуются челоуѣцы . . . . все тѣло ихъ челоуѣческо, глава же песія. . . . челоуѣцы. . . отъ пояса горѣ челоуѣкъ, а отъ пупа конь, исполниже наричуются. . . . Дѣвица Горгонѣя: имуще же лице и перси и руки челоуѣски, а ноги и хвостъ имѣеть аки у коня; на главѣ же ей за власъ мѣсто змѣи имѣеть, и вырасташа всякими лица».

Въ словѣ Мееодія Патарскаго ¹⁾ рассказывается, что Александръ Македонскій встрѣтилъ этихъ народовъ, называемыхъ имъ Гогомъ и Магогомъ, въ солнечной странѣ; они жили какъ дикіе

¹⁾ Слово Мееодія Патарскаго о томъ, что случится въ концѣ міра, ложно приписывается этому писателю, такъ какъ въ немъ говорится о завоеваніи Св. земли Сарацынами и др. происшествіяхъ, о которыхъ Мееодій Патарскій, умершій въ 810 г., не могъ и знать. Порфирьевъ полагаетъ, что это словѣ написано Мееодиємъ, патр. Константинопольскимъ, умершимъ въ 846 г. (95); оно напечатано у Тихонравова (Отреч. Книги, II. 213. 281). Старообрядцы основываютъ на этомъ словѣ свое ученіе объ антихристѣ (Порфирьевъ, 97).

звѣри, ѣли все нечистое, гнусное и скверное — комаровъ, мышей, кошекъ и змѣй; мертвыхъ не хоронили, но ѣли ихъ трупы. Види все это, Александръ убоялся, чтобы они какъ нибудь не дошли до святой земли и не осквернили ея разными сквернами. Помолвившись Богу, онъ погналъ ихъ къ сѣвернымъ горамъ. Богъ повелѣлъ соединиться двумъ горамъ; горы сошлись и заключили въ себѣ нечистые народы; между горами осталось пространство только на 12 локтей; его заперли желѣзными воротами и замазали эти ворота асинхитомъ (въ лат. — Assurim, въ слав. — асвигнитомъ, сунклитомъ), чтобы нельзя было ихъ ни желѣзомъ разсѣчь, ни огнемъ расплавить; ибо таково свойство асинхита, что его ни желѣзо не разсѣкаетъ, ни огонь не сожигаетъ. Въ послѣдніе дни, при кончинѣ міра, Гогъ и Магогъ и всѣ нечистые народы выйдутъ изъ этого заключенія. Знаменіемъ наступленія послѣднихъ временъ считаются завоеванія по всей землѣ Измаильтянъ и страшныя опустошенія и бѣдствія, которыя они произведутъ (Порфирьевъ, 96).

По Луцидаріусу²⁾ мѣсто замураванія тѣхъ же народовъ опредѣляется нѣсколько иначе: «въ Индѣи же есть нѣкая гора, нарицаемая Каспинусъ, и оттуду идетъ Каспанійское море, и промежъ того моря горы, гдѣ замуравалъ великій царь Александръ Македонскій два племени людей нарицаемыя Гогъ и Магогъ. Тѣ люди не ѣдятъ иного кромѣ животныхъ сырыхъ мясъ и человѣческихъ мясъ же» (Тихонравовъ, Лѣтописи Литерат., I. 44. Луцидаріусъ³⁾).

²⁾ «Книга именуемая *Луцидаріусъ*, сирѣчь златый бисеръ» — представляетъ отчасти извлеченіе изъ латинскаго сочиненія: «*Elucidarius dialogicus theologiae tripartitus*», многократно издававшася и приписываемаго разнымъ авторамъ, и состоитъ изъ вопросовъ ученика и отвѣтовъ учителя: о Богѣ, объ ангелахъ, о раѣ, объ адѣ и пр. Къ предметамъ богословскимъ присовокуплены космографическіе и естествословныя, коихъ нѣтъ въ латинскомъ *Елucidаріусѣ*; напримѣръ описаніе Европы, Азии и Африки, перемѣшанное съ баснословными сказаніями древнихъ географовъ, изъясненія о моряхъ, вѣтрахъ, земномъ шарѣ и т. п. (Востоковъ, Румянц. Музей, 550).

³⁾ Въ народѣ рассказываютъ, что Александръ загналъ Гога съ Магогомъ въ горы, одну гору на другую сводомъ поставилъ, и трубы на нихъ наложилъ.

О дивныхъ людяхъ говорится и въ посланіи царя Ивана Индѣйскаго Греческому императору Мануилу: «Есть у меня въ одной странѣ живутъ люди немья, а въ другой люди рогатые (въ другомъ спискѣ *ропатые*), а иные люди травоядцы, а иные люди десяти сажень высота их, а иные люди половина человѣка, а другая пса; а иные люди шесть рукъ имѣютъ; а иные люди въ волосахъ рты ихъ і очи; а иные люди вверхъ рты ихъ. Есть у меня люди бледные: единъ ударитца въ полкъ на 1000 человѣкъ; да родятся въ моемъ царствѣ звѣри слоны, древодоры (по др. списк.: *драмадаре*, т. е. дромадеры?); водятся у насъ велбуды і коркодилы звѣри лютые, і киторасы звѣри: головы человѣчьи, власы женскія, і зверки скамалдры, которы во огни скачютъ, а не згораютъ, а на что онѣ прогниваются, на человѣка или на древо, помочится по сердцу і згоритъ ѡт мочи его тотъ час. Есть у меня птица, имя ей нагавняъ, свиваетъ гнѣздо на пятнадцати древецахъ. Есть у меня птица чараентъ. . . .» (Тихонравовъ, Лѣтописи Литерат., т. II. отд. III. стр. 100).

Извѣстія о существованіи разныхъ царствъ съ дивами пользовались общимъ довѣріемъ въ XV и XVI вѣкахъ. Жители Цейлона, съ волчьими головами, изображены въ путешествіи Марко Поло (Champfleury, Caricat. du moyen âge, 52); о нихъ-же рассказываетъ Павелъ дьяконъ (De gestis Longobard., I. XI. — Буслаевъ, Очерки, II. 146). Въ исторіи Guerino Meschino (Dunlor, 313) описаны лунныя и солнечныя деревья, люди съ собачьими головами и человѣкъ-диво объ одной ногѣ, который ею закрывается, на манеръ зонтика, отъ солнца; такой-же чудакъ представленъ въ Нюренбергской хроникѣ Шеделя. Въ Космографіи Мюнстера, рядомъ съ научными свѣдѣніями, приведены и описанія дивъ, существовавшихъ будто-бы въ Африкѣ близъ озера Мерое, съ собачьей головой, одноногихъ, одноглазыхъ, безголовыхъ, двухголовыхъ, съ лицомъ на груди (Scheible,

Какъ полуетъ вѣтеръ, трубы и подымутъ вой; Гогъ и Магогъ затрепещутъ, думая, что живъ еще Александръ; а выдутъ они передъ самую кончину міра (Аванасьева, Сказки, III. 173. Записанъ въ Саратовской губерніи).

Schaltjahr, II. 329); въ Маргаритѣ философской есть цѣлое разсужденіе о такихъ дивахъ⁴⁾.

Въ Бесѣдѣ трехъ Святителей упоминаются люди, живущіе подь негасимымъ огнемъ и которые не пьютъ, не ѣдятъ, а какъ паутина летятъ туда, куда ихъ вѣтеръ гонитъ.

Въ одномъ сборникѣ XVII вѣка (Царскаго № 314) есть слѣдующая статья о дикихъ людяхъ: «Люди зовомые исаторы (сатиры), живутъ и въ лѣсахъ и по горамъ; хожденіемъ скоры, никто ихъ не догонитъ, ходятъ нагіе, обросли шерстью, рѣчи не имѣютъ, только кричатъ (л. 111).

Врахмани человѣцы суть иже живутъ близъ рая, въ дрязгу древесъ, нази пребываютъ; и ничто же свѣта сего имуще (л. 110).

Гиганты есть люди объ одномъ глазѣ, велики аки Волотове, а живутъ въ Сицилійской земли, подь горою, зовомою Етна.

Опокентавръ звѣръ Китоврасъ, иже отъ главы яко человѣкъ, а отъ ногъ аки осель (л. 120 об.).

О Андронахъ. Люди именуеміи Андрони, а живутъ они въ Орицкой земли, а имѣютъ у себя плоть половину страну мужскую, а другую женскую, у всякаго человѣка правой сосокъ мужскъ, а лѣвой женскъ.

О Аримаспахъ. Люди Аримаспи живутъ въ дальнихъ земляхъ Татарскихъ и имѣютъ по одному глазу или оку, а воюются съ грифы за жемчугъ и злато.

О Астромовехъ. Люди Астромове или Астави живутъ въ Индѣйской землѣ, сами мохваты, безъ обонхъ губъ, а питаются отъ древа и коренія пахнучего, и отъ цвѣтовъ, и отъ яблокъ лѣсныхъ, а не ѣдятъ, ни пьютъ, только нюхаютъ. А покамѣста у нихъ тѣ запахи есть, по та мѣста и живутъ.

О Атонасіяхъ. Люди есть Атонаси, живутъ на полунощи окіана моря, уши у нихъ столь велики, что покрываютъ ими все свое тѣло.

⁴⁾ См. также сказанія о людяхъ-собакахъ у Китайцевъ (Буслаевъ, Сравнит. изуч.: Русск. Вѣст., I. 708), и о людяхъ съ лошадиными головами у Индѣйцевъ (Минаевъ, Индѣйскія сказки. СПб. 1877, 243).

О Поподесехъ. Люди Поподеси живутъ надь моремъ окіяномъ, главы у нихъ человѣчии, а руки и ноги какъ конскіе ноги, а ходятъ на всѣхъ четырехъ ногахъ.

О Неурилахъ. Люди Неурили живутъ въ дальнихъ Татарскихъ земляхъ, и умѣютъ обращаться въ человѣка, въ волка, а изъ волка паки въ человѣка.

О Пилмѣяхъ. Люди есть зовомые Пилмеи, живутъ въ Индѣйскихъ земляхъ, ростомъ невелики, толко локтя единого, и недолговѣчны, толко по осми лѣтъ вѣкъ ихъ. А жены ихъ родятъ въ пятый годъ, а дерутся съ журавлями о корму, а ѣдятъ на козлахъ, а стрѣляютъ изъ луковъ.

О Каталпахъ. Люди зовоми Каталпи живутъ въ Сицилійской странѣ подь горою именемъ Етна, тѣ люди велики какъ волотове, а имѣютъ по одному оку, а иные слѣпы, а мнятъ, что и нѣтъ такихъ людей на земли, чтобы у нихъ было по два ока, а родомъ тѣ люди добрѣ хороши, и молятся солнцу и мѣсяцу.

О Щиритахъ. Люди Щиритове живутъ въ Татарской земли безъ ушей, толко лишь дыры за ушей мѣста.

О Троглодитахъ. Люди Троглодиты живутъ въ Оритской странѣ по горамъ, а ѣдятъ змѣй.

О Мантикоряхъ. Люди Мантикоры живутъ въ Индѣйскихъ странахъ, зубы у нихъ въ три ряда, главы у нихъ человѣчи, а тѣло лютаго звѣря.

О Мономерахъ. Люди Мономери зовомы, а и индѣ Монокули, объ одной ногѣ, а коли солнце печетъ и онъ можетъ покрытися ногою какъ лапою.

О Потоміяхъ. Люди зовоми Потомія ходятъ на рукахъ и на ногахъ, брады у нихъ долги, половина человѣка, другая конь. А у женъ ихъ власовъ на главахъ нѣтъ, а живутъ въ водѣ. Много и иныхъ всякихъ чудныхъ какъ въ Оритскихъ и во Индѣйскихъ и въ Сирскихъ странахъ; у иныхъ песьи главы, а иные безъ главъ, а на грудѣхъ зубы, а на локтяхъ очи, а инья о двухъ лицахъ, а иные о четырехъ очень, а иные по шти рогъ на главахъ

носятъ, а у иныхъ по шти перстовъ у рукъ и у ногъ, а всѣ тѣ люди на вселенную пошли отъ единого человѣка, рекше Адама, и за умноженіе грѣховъ тако ся учинилса, можемъ разумѣти отъ жены Лотовы и отъ прочихъ, ихъ же множество и окаменѣша» (Поповъ, Обзор. Хронографовъ. Москва 1866, вып. 1, стр. 97; сравните также прим. къ № 590).

Въ одной изъ русскихъ легендъ (Памятники старин. русск. литер., III. 52) разсказано, что Китоврасъ, послѣ освобожденія его Соломономъ, подарилъ ему человѣка о двухъ головахъ, который, по разсказамъ его, жилъ подъ землею, куда солнце отъ запада, а луна отъ востока сходитъ; Соломонъ далъ ему жену, отъ которой у того человѣка родилось два сына—одинъ о двухъ головахъ, а другой объ одной. Послѣ смерти отца сыновья заспорили о его наслѣдствѣ: двуголовый требовалъ себѣ двойную часть. Соломонъ приказалъ принести кипятку, сказавъ, что: если польють на одну голову и другая обжогаетъ не почувствуетъ, то дастъ имѣнія двуголовому вдвое противъ одноголоваго; конечно опытъ кончился въ пользу послѣдняго. Самъ Китоврасъ⁵⁾ принадлежалъ тоже къ числу людей-дивъ. У Попова находимъ подобное-же сказаніе о человѣкѣ Янусѣ и Центаврѣ: «Послѣ Ноева потопа бысть человѣкъ на земли именемъ Янусъ о дву главахъ, и обѣими главами владѣлъ и языкомъ говорилъ. И тотъ первый послѣ потопа научилъ человѣки письма и азбуки и знаменія небесныя указалъ и годъ учинилъ имъ, и по солнечному теченію онъ же раздѣлилъ годъ, и по лунному теченію на 12 мѣсяцевъ и иныхъ всякихъ премудростей научилъ и на земли насади древа всякія. При томъ же Янусѣ бысть человѣкъ въ Италіанской земли дороденъ, разуменъ, бородачь, по поясъ человѣкъ, а отъ пояса—человѣкъ на конскихъ ногахъ, а жилъ онъ на землѣ 120 лѣтъ, трижды умиралъ и трижды оживалъ» (по хронограф. русск. редакц.: Поповъ, II. 115; заимствов. изъ Хроники Конрада Ликостена: Памятн. старин. русск. литерат., III. 52).

⁵⁾ Передѣлано изъ греческаго Кентавроса.

Есть еще два изданія этой картинки—копіи съ изданія *a*; въ нихъ послѣднія слова первой строки въ подписи— слѣдующія: въ изд. *з*—«о^т нихъ прои», въ изд. *и*—«люди на нихъ»; оба изданія—конца прошедшаго столѣтія.

299. **Смотрины греческой Царевны.** Этотъ листъ гравированъ А. Zubovымъ. Алексѣй Zubovъ, граверъ на мѣди, сынъ извѣстнаго иконописца Ѳедора Евтихіева Zubova; до 1699 года онъ былъ тоже иконописцемъ при Оружейной Палатѣ, а 14 августа 1699 года отданъ въ наученіе грядоровальному мастерству къ новоприбывшему голландскому мастеру Адриану Шхонебеку, у котораго учился гравировать сперва орловъ для гербовой бумаги, а потомъ и фигурныя доски. Въ 1701 году онъ представилъ первую такую доску, съ изображеніемъ сошествія Св. Духа (см. карт. № 1000), и получилъ за нее прибавку жалованья. Первые десять лѣтъ А. Zubovъ провелъ при Оружейной Палатѣ и произвелъ въ это время, подъ смотрѣніемъ Шхонебека, лучшія свои доски (невошедшія въ настоящее описаніе); въ 1711 году Zubovъ уже работаетъ въ С.-Петербургѣ (этимъ годомъ подписана имъ свадьба карлика; см. IV. 332), и состоитъ старшимъ мастеромъ при типографіи. Въ 1717 году Санктпетербургская типографія была закрыта; граверы распушены и Zubovъ, въ числѣ прочихъ, получилъ отставку; ему даже не додали жалованья; тогда онъ просилъ, въ случаѣ недостатка наличныхъ денегъ, добавить ему книгами и инструментами, оставшимися въ типографіи для печатанія гравюръ, что и было исполнено (Пекарскій, II. 652). Не имѣя средствъ производить на свой счетъ большія многодѣльные гравюры, Zubovъ принялся работать изъ заднезнаго пропитанія. Въ 1732 году онъ уже работаетъ въ Москвѣ, копируетъ картинки изъ голландской библіи, и гравюруетъ подносные листы, посвящая ихъ разнымъ благодѣтелямъ. Послѣдній гравированный имъ въ Москвѣ листъ помѣченъ 1741-мъ годомъ; вѣроятно въ этомъ году А. Zubovъ кончилъ многотрудную свою жизнь. Въ настоящее сочиненіе попали листы только этого послѣдняго времени, съ прибавленіемъ учениче-

скаго произведенія его (сошествія Св. Духа); всѣ они ниже всякой посредственности (см. Русскіе граверы, 193).

300 А. Похищеніе Прозерпины. Полулистовая картинка, гравированная грубымъ пунктиромъ и рѣзцемъ, безъ всякихъ подписей. Плутонъ везетъ Прозерпину въ колесницѣ парой (влѣво); копія съ иностраннаго оригинала.—Въ моемъ собраніи.

301. Освобожденіе Бѣлграда отъ осады Печенѣговъ. Здѣсь говорится о Кіевскомъ Бѣлградѣ на рѣчкѣ Рупинѣ, что нынѣ мѣстечко Бѣлгородка (Снегиревъ, Луб. карт., 70). Текстъ картинки заимствованъ изъ Синописа Гизеля*), изданнаго въ Кіевѣ въ 1674 году (2-е изд. 1678 г., 3-е 1680 г.). Въ изданіи 1680 года извѣстіе «о бѣлгородѣ како киселемъ ѿ ѿсады свободися»—напечатано на листѣ А и оборотѣ его, безъ перемѣнъ. Самый Синописъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, есть сколокъ съ хроники Софоновича, съ разными баснословными добавленіями. Въ немъ рассказывается, на примѣръ и то, что Славяне происходятъ отъ Іафета Мосоха и т. д. и что грамоту свою на свободу они получили отъ Александра Македонскаго (Изслѣдов. о Якимовск. лѣтоп.: Уч. Зап. II Отд. Ак. Н., кн. II. вып. 1. стр. 77—160).

За всѣмъ тѣмъ, по замѣчанію митрополита Евгенія, Синописъ этотъ, до изданія Ломоносовскаго лѣтописца, былъ у насъ единственнымъ учебникомъ по части русской исторіи.

303. Мамаево побоище (1380). Этой огромной картины существуетъ три разные перевода, которые могутъ быть отличены по числу коронъ и вѣнковъ, спускающихся изъ облака подъ словами: «егоже божіею»; въ изданіи а, описанномъ подъ № 303,—коронъ 7, вѣнцовъ 3; въ изданіи б—коронъ 7, вѣнецъ 1 (оба у П. А. Ефремова); въ изданіи в—коронъ 7, а вмѣсто вѣнцевъ—

*) Иннокентій Гизель, архимандритъ Кіево-печерскаго монастыря, род. въ Польской Пруссіи отъ родителей реформатскаго вѣроисповѣданія; поступилъ въ монахи въ Кіево-печерскую лавру, гдѣ и умеръ въ 1684 г. О разныхъ изданіяхъ Синописа см.: Справочный Словарь, Геннади и Собко, II. 59 и 387.

3 обруча; надпись вверху: «исполченіе і походъ великаго князя» (вмѣсто «исполченіе и походъ великаго князя» . . .). Въ изданіяхъ б и в текстъ сокращенъ, число фигуръ уменьшено.

303 А. Таже картина, другой переводъ: текстъ внизу, надписей на самой картинѣ нѣтъ, все выгравировано очень грубо крѣпкой водкой, въ манерѣ мастера Чуваева.

304. Исторія о походѣ В. К. Дмитрія Ивановича. Заголовокъ, въ четырехъ извѣстныхъ мнѣ изданіяхъ этой тетради, слѣдующій:

Изд. а: «Исторія О походѣ» . . . . . Оно описано подъ № 304. Изд. б: «Исторія О походе» . . . Изд. в—съ тѣмъ-же заголовкомъ; это таже доска, съ прибавленіемъ цензурной помѣты цензора Снегирева «23 Іюня 1839 года», на первой страницѣ. Изд. г: «Исторія о походе» . . . у П. А. Ефремова. Изд. д: позднѣйшее изданіе съ той-же доски, подновленной рѣзцемъ. Всѣ эти изданія—нынѣшняго столѣтія.

Описаніе Мамаева побоища дошло до насъ во многихъ редакціяхъ; старѣйшая изъ нихъ, извѣстная подъ именемъ *Задонщины*, представляетъ описаніе битвы въ поэтической формѣ въ подражаніе Слову о полку Игоревѣ¹⁾. Составленіе его приписывается рязанскому іерею Софронію (Карамзинъ, Ист. Гос. Рос., V. Прим. 65 и слѣд.); но дошедшій до насъ древнѣйшій списокъ его (Румянц. № 378), по замѣчанію Буслаева, принадлежитъ перу не самаго Софронія, а только заимствованъ у него, такъ какъ въ немъ встрѣчается такое выраженіе: «азъ-же помяну Рязанца Софронія» (Христоматія, 1324). Въ лѣтописцахъ и хронографахъ кромѣ того

¹⁾ Древнѣйшій изъ списковъ этой редакціи, Кирилло-Бѣлозерскій, относится къ XIV вѣку. И. И. Срезневскій напечаталъ сводный текстъ его съ текстомъ Задонщины, по списку Ундольскаго (XVII в.), въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ (IV. 22 и 23); оба списка эти весьма бѣдны подробностями о Куликовской битвѣ, которыми изобилуютъ другія сказанія, записанныя въ лѣтописи и Синописѣ. Списки другихъ редакцій напечатаны во *Временникѣ* Московскаго Общества Любителей Исторіи 1852 г., кн. XIV, и въ *Историческомъ сборникѣ* 1838 г., III. I.

встрѣчаются отдѣльныя, болѣе краткія, описанія Куликовской битвы въ разнообразныхъ редакціяхъ (Поповъ, О Хронограф., I. 204). Затѣмъ до насъ дошли о Куликовской битвѣ сказанія книжныя, записанныя въ лѣтописяхъ: Новгородской, первой и четвертой, Софійской и первой Ростовской, и сказанія народныя, занесенныя во множество сборниковъ, а также въ Никоновскую лѣтопись и въ Синописисъ. Подробности, помѣщенныя въ сихъ послѣднихъ, свидѣтельствуютъ во первыхъ о томъ, что, кромѣ извѣстныхъ намъ, существовало много и другихъ сказаній о Мамаевомъ побоищѣ; во вторыхъ, что и послѣ составленія первоначальныхъ редакцій, въ нихъ вносились разные эпизоды, вслѣдствіе различныхъ вліяній и притомъ спустя много времени послѣ составленія основнаго сказанія, что подтверждается ихъ анахронизмами: такъ на примѣръ въ подробномъ сказаніи, изданномъ Сахаровымъ, вмѣсто Герасима, какъ сказано въ Софійской и въ Новгородской лѣтописи, является Кипріанъ, пріѣхавшій только въ 1381 году, а также разсказывается, что великій князь, отправляясь на битву, молился передъ иконою Богоматери, перенесенной въ Москву изъ Владиміра уже въ 1395 году, слѣдовательно черезъ 15 лѣтъ послѣ Куликовской битвы²⁾. Текстъ нашей картинки № 303 заимствованъ почти безъ измѣненій изъ Синописиса Гизеля (3-е издание, Кіевъ 1680 г., лл. ѓв—ѣг).

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ, неудачно подновленное, издано въ Москвѣ 1837 г., въ 16°. Въ числѣ сказокъ Аванасьева есть тоже разсказъ про Мамаю безбожнаго: о томъ, какъ къ нему посоль отъ великаго князя, Захарій Тютринъ, пріѣзжалъ, — обругалъ Мамаю и былъ имъ высланъ; и какъ Мамай послалъ вслѣдъ за нимъ 29 татаръ — изъ этихъ татаръ Захарій 24 человекъ побилъ, а пятерыхъ отпустилъ къ Мамаю. Затѣмъ описывается Куликовская битва; разсказъ этотъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ сказаніемъ, записанъ онъ г. Ларивоновымъ въ г. Шенкурскѣ (III. 164). О Куликовской битвѣ поется и въ Калич-

²⁾ П. Полевой, Опыты сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи германской и славянской. СПб. 186, стр. 103.

ихъ пѣсняхъ, гдѣ силу Мамаеву топчетъ великомученикъ Дмитрій (Безсоновъ, Калики, I. 576). Поминовеніе по убійнымъ на Куликовскомъ полѣ производится въ родительскую Дмитріевскую субботу, между 18 и 26 октября.

До нашего времени сохранилась память о нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ Куликовской битвы. По словамъ Макарова, посохъ Пересвѣта, простая толстая дубинка изъ яблони, аршина два вышины, находился въ 1825 году, въ Скопинскомъ Дмитріевскомъ Монастырѣ (Русск. предан., II. 79). А въ Голутвинскомъ Монастырѣ, еще въ 1840 г., показывали костыль, съ которымъ преподобный Сергій вышелъ встрѣчать в. к. Дмитрія Ивановича послѣ Куликовской побѣды (тамъ же, II. 94)³⁾.

305. **Описание Россійской Имперіи 1794 года.** Въ моемъ собраніи находится два изданія этой картинки: *а* и *б*; въ изданіи *а*, орнаменты кругомъ выгравированы одной крѣпкой водкой; фоны внизу, всрединѣ, еще несовсѣмъ отчищены. Въ изданіи *б*—орнаменты пройдены рѣзцемъ.

305 А. Снегиревъ упоминаетъ еще одно: **Описание разстоянія столицъ, нарочитыхъ градовъ, славныхъ государствъ и земель, также знатныхъ острововъ и проливовъ воднымъ и сухимъ къ тому путемъ, съ изображеніями городовъ, между коими не помѣщено С.-Петербурга; конца XVII в. и другой переводъ тогоже листа (б), начала XVIII вѣка** (Луб. карт. — стр. 74).

305 Б. **Описание Россійской Имперіи** временъ Елисаветы, двух-листовое, съ слѣдующимъ текстомъ (описано по Снегиреву: Луб. карт., стр. 74 и 75): «Описание славныхъ и великихъ и провинціальныхъ городовъ всероссійской Имперіи и исчисленіе верстъ отъ высокопрестольнаго и славнаго и великаго града Москвы и

³⁾ Мамаева могила находится между Теодосіей и Старымъ Крымомъ. Разсказываютъ, что Мамай довѣрилъ свои сокровища Генуезцамъ, которые умертвили его по жадности (Карамзинъ).

въ Москвѣ соборовъ, церквей, монастырей и пустынь **кѣ**, а во всей Синодальной области оныхъ же **дѣмд.** въ Крутицкой **цѣд.** съ изображеніемъ самыхъ городовъ въ 50 мѣстечкахъ». Въ заглавіи, подъ тремя коронами, двоглавый орелъ съ поднятыми къ верху крыльями, въ одной лапѣ у него скипетръ, въ другой держава, на персяхъ, вмѣсто всадника, или ѣздеца, стремглавъ распятый Св. Андрей первозванный. Подъ гербомъ слѣд. буквы: С. Р. I. П. Н. Подъ изображеніемъ новой столицы написано: «Царствующій Санктъ-Питеръбургъ новопрестольная Россійская столица построениемъ блаженныя и вечно достойныя памяти, яко отца отечества, Его Императорскаго Величества Петра перваго и великаго, еще же устройшаго и утвердившаго корабельной и галерной флотъ, крѣпость и утверждение Россійскаго Государства отъ ближнаго сосѣдства Шведскаго Королевскаго и отъ иныхъ политическихъ странъ, которые на Россійскую Имперію брань начинаютъ сами, прежде побѣжденные бывають при рѣкѣ Невѣ. Вразстояніи отъ Москвы чрезъ Новоградъ **флѣд** версты». О Киевѣ сказано: «Богохранимый славный градъ Киевъ, первопрестольная Россійская столица, въ немъ же множество честныхъ монастырей и святыхъ церквей, отъ него же благодать Божія возсіяла въ Россійскую землю чрезъ сѣ того Апостола Андрея и сѣ того равноапостольнаго великаго Князя Владимира, иже Россійскій народъ стымъ крещеніемъ просветившихъ и отъ тмы идолослуженія къ христіанской вѣре обратившихъ. Въ Киевской епархіи соборовъ **кѣа**, церквей **амі**, монастырей и пустынь **ма**; въ растояніи отъ Москвы и до Киева чрезъ Калугу **цѣх** версты». Переяславль Рязанскій здѣсь смѣшанъ съ Переяславлемъ Малороссійскимъ. Въ концѣ читаемъ слѣдующее замѣчаніе издателя сего чертежа: «Буди же известно, яко оныя грады и провинціи кто присовокупилъ подъ Московскую протекцію; понеже первый собиратель Московскій Князь Іоаннъ Васильевичъ великій, и по истинѣ великій не словомъ, но дѣломъ; ибо разсыпанное отечество въ разделеніе дѣтей Владимировыхъ, во едино собралъ и наки утвердилъ честь имени своему и славу Россійской Имперіи, иже и нынѣ Ея Императорскаго

Величества Елисаветъ Петровна и Самодержица всероссійская благополучнымъ здравіемъ и непремѣннымъ щастіемъ всероссійская Имперія славою и честію процвѣтаетъ. Любезнѣйшій мой читателю, буди о Бозѣ подражателю! Кая намъ погрешенія, да молимъ о семъ прощенія, самъ исправиши любезно, дабы было все́мъ намъ полезно».

308 (309, 321 и 344). **Изображеніе испанскаго мужика.** Испанія, какъ видно, была главною поставщицею разныхъ чудищъ въ Европѣ. Еще въ романѣ Мендозы «Lazarillo do Tormes» (1553 г.) рассказывалось, что Лазарилло потерпѣлъ крушеніе на пути въ Алжиръ и былъ обращенъ въ морское чудо; впоследствии онъ пойманъ рыбаками и показывался въ Испаніи по разнымъ городамъ, потомъ освобожденъ и обратился въ пустынножителя (Dunlop, 336). По всей вѣроятности, легенда эта подала поводъ къ сочиненію разныхъ картинокъ о «морскомъ чудѣ» и къ перенесенію ихъ и въ наши картинки. Въ хроникѣ Шеделя тоже говорится о пойманномъ въ С. Мартино морскомъ чудѣ, которое имѣло сходство со львомъ, а плакало и кричало, какъ человѣкъ. Въ Англии встрѣчаемъ, въ XVII вѣкѣ, объявленіе о драконѣ въ 9 футъ длины, вполовину человѣкъ, вполовину звѣрь, появившемся въ полу милѣ отъ Хорзкома, причемъ прибавлено, что его видѣли и могутъ засвидѣтельствовать о томъ двое гражданъ, названныхъ по фамиліямъ, и одна вдова (Hindley).

310. **О рожденіи урода въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1730 году.** Въ книгѣ Пекарскаго «Наука и Литература при Петрѣ I» находятся подробныя извѣстія о началѣ и умноженіи академической кунсткамеры, для которой Петръ купилъ анатомическія собранія у аптекаря Себы и у старика Рюйша (I. 53); вслѣдъ за симъ изданъ былъ Петромъ повторительный указъ, 13 февраля 1713 года, о томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ приказано было приносить въ кунсткамеру уродовъ, но принесено съ того времени всего два младенца, каждый о двухъ головахъ, и еще два, кото-

рые срослись тѣлами. Потому подтверждалось, чтобы такіе «человѣчьи, скотскіе, звѣриные и птичьи уроды приносили въ каждомъ городѣ к комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую по 10 р., за скотскую и звѣриную по 5, а за птичью по 3 р. за мертвыхъ. А за живыхъ: за человѣческую по 100 р., за скотскую и звѣриную по 15 р., за птичью по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною противъ обыкновеннаго, то меньше». Причемъ комендантамъ не приказано спрашивать, отъ кого уродъ родился (стыда ради); а уродовъ, когда умрутъ, класть въ спирты или двойное вино и закрыть крѣпко, дабы не испортились, за которое вино заплачено будетъ изъ аптеки особливо (I. 54).

Извѣстія о рожденіи разныхъ уродовъ записывались въ лѣтописяхъ и хронографѣхъ съ давняго времени. Такимъ образомъ, въ византійскомъ хронографѣ Георгія Амартола (грѣшнаго) занесено извѣстіе, что при Маврикіѣ: «жена дѣтищъ роди, въ Костянтинѣградѣ, безъ очію и безъ руку, въ чресла ему бѣ рыбій хвостъ прирослъ, бѣ въ образѣ черепокожныя рыбы. И песь родися шестоногъ, главу имѣя львообразенъ; бысть же превелій зело. Тако же и во Фракіи два дѣтища родистася, единъ о четырехъ ногахъ, а другой о двою главу. Глаголють бо нѣціи образники, не знаменуется благое во градѣхъ, идѣже еще тако родися» (Рукопись Толстовск., отд. I. № 89. л. 445). Эти извѣстія занесены и въ лѣтопись Нестора (Труды Моск. Истор. Общ. 1828, IV. 176). Въ Ростовскомъ лѣтописцѣ записано подъ 7047 годомъ о рожденіи уродовъ о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ въ Новгородѣ. Въ хронографѣ XVII вѣкѣ русской редакціи (Поповъ, II. 104) записано: «въ лѣто 5495 въ Луканѣ градѣ родилось два барана, съ конскими ногами, а глава какъ у пивка, тогда же огонь вышелъ отъ земли, и отъ того огня пламень былъ до неба». «Въ лѣто 5408 въ Умынѣ градѣ родилась дѣвка о дву головахъ, да о четырехъ рукахъ, тогда же падало и каменіе съ небеси аки дождь, и небо горѣло». «Въ лѣто 5414 на Мутыненскихъ поляхъ сходилися двѣ горы великія и толкались».

«6472.... въ градѣ Алцене жена родила слона, а дѣвка ужа».

У Ѳ. И. Буслаева (въ Очеркахъ) приведено извѣстіе о рожденіи въ 1543 г. ребенка съ коровьимъ рогомъ вмѣсто носа; на груди двѣ звѣриные морды... сзади хвостъ съ крючкомъ на концѣ и спина поросла сабачьею шерстью. Извѣстія о такихъ чудесныхъ рожденіяхъ встрѣчаются во множествѣ и въ западныхъ источникахъ. Въ хроникѣ Шеделя помѣщены извѣстія, съ рисунками, о рожденіи собаки съ человѣчьей головой, ребенка съ двумя головами (стр. 247); въ хронографѣ Іогана Вольфганга (*Lectio memoralium*, 1600; *tomus primus et secundus*) разсказывается о рожденіи въ Бельгіи, въ 1544 году, ребенка съ змѣинымъ хвостомъ, съ лапами вмѣсто ногъ и шестью собачьими мордами на тѣлѣ (стр. 510); о рожденіи въ 1494 году поросенка съ человѣчьимъ лицомъ (903) и медвѣженка съ человѣчьей головой (906); о рожденіи въ 1492 г. ребенка съ нижней частью, до пояса, собачьей «semicapo» (стр. 911)¹⁾; который *родился отъ кобеля и отъ женщины*. Такому происхожденію отъ связи животныхъ съ женщинами, а также людей съ демонами вѣрили не только простой народъ, но даже люди образованные и ученые, какъ напримѣръ Лютеръ, о которомъ въ *Promptuarium exemplorum* 1574 г. разсказывается анекдотъ, какъ онъ призналъ одного безобразнаго мальчика за бѣсовскаго подкидыша и требовалъ даже его уничтоженія²⁾.

Подобныя извѣстія распространяются и въ наше время. Такъ напримѣръ въ 1876 году было напечатано въ одной газетѣ, что въ селѣ Успенскомъ корова отелилась бычкомъ съ человѣческой головой: голова и все лицо человѣка, а туловище четвероногаго. Когда этотъ феноменъ захочетъ пить, то кричитъ какъ ребѣнокъ. Онъ жилъ три дня. Старшина села Иванъ Васильевъ Крючковъ, собравъ сходку, міромъ порѣшилъ зарыть его живаго въ землю;

¹⁾ Сравни Полкана, въ сказкѣ о Бовѣ королевичѣ.

²⁾ См. примѣч. къ № 721 А.

но крестьяне не согласились и просто выбросили его изъ хлѣва на огородъ, гдѣ его тотчасъ же разорвали собаки.

Въ нашихъ рукописныхъ извѣстїяхъ дается по этому же предмету слѣдующее наставленіе, заимствованное «изъ великой и предивной науки Раймунда Люлїа»³⁾: «Подобаетъ вѣдать, что не всякое существо, имѣющее плотской образъ человѣка, есть человѣкъ. Сирены-рыбы морскія, отъ головы до чрева имѣютъ видъ человѣка, но они не истинные люди. Сказываютъ, что и райскія птицы бываютъ съ человѣческими лицами, но они не люди; также и гарпіи, знаменитыя у поэтовъ женщины, тоже не люди; сатиры или косматые лѣсняки подобные людямъ, но не люди, потому что истинный человѣкъ познается не по плотскому образу, сходному съ человѣческимъ, но по разуму и провѣданію» (см.: Великая и предивная наука богомъ преосвященнаго учителя Раймунда Люлїа: Хрестоматїя Буслаева стр. 1364).

О томъ, какъ поступать съ новорожденными дивами, находимъ въ сборникѣ XVII—XVIII вѣка (принад. Ѳ. И. Буслаеву) особую статью: «Вѣдати подобаетъ о крещенїи дивовъ или чудъ родящихся. Яко аще бы ся родило отъ жены полъ-звѣря, и полъ-человѣка, то имать крещено быть подъ прилогомъ сичевымъ: «аще сей человѣкъ, крещается рабъ божїй» и прочее. Аще-ли рожденное ни коего образа человѣка, не имать быти крещено».

311. Извѣстіе объ этомъ явленїи записано и въ рукописныхъ сборникахъ (Снегиревъ, Луб. карт., 72). Вообще же сверхъестественныя явленїя заносились и въ лѣтописи и въ хронографы. Въ одной лѣтописи на примѣръ записано, что въ 1584 году на небѣ видна была между церквами Ивана Великаго и Благовѣщенїя комета съ крестообразнымъ знаменїемъ; Иванъ Грозный принялъ явленїе ея за предзнаменованїе своей смерти; по приказу его было собрано до 60 астрономовъ изъ Россїи и Лапландїи, которые

³⁾ Тоже въ Маргаритѣ философской.

и предрѣкли царю смерть (Карамзина Ист. Гос. Рос., IX. прим. 328).

Въ одномъ хронографѣ русской редакціи записано: «Въ лѣто 5370 лучъ съ небеси огненъ великъ былъ, а дождь кровавый шолъ, тогда же въ Оризиноне граде родился младенецъ о дву головахъ, да петель о пяти ногахъ» (Поповъ, II. 114). «Въ лѣто отъ Адама 5384 въ Римѣ былъ дождь молокомъ шолъ, въ то время и земля тряслась и рѣвѣла яки волъ, а на небеси три солнца видѣти было». Въ Очеркахъ Буслаева (I. 508) помѣщено подробное извѣстіе о видѣнїи, бывшемъ въ 1662 и 1663 годахъ.

Всѣ эти извѣстія во многомъ сходны съ лицевыми явленїями нашихъ картинокъ XVIII вѣка.

Кромѣ описанныхъ изданїй картинки № 311 мною прїобрѣтено въ послѣднее время еще три изданїя: *д*, конца прошедшаго столѣтїя, — первая строка подписи заканчивается въ немъ такъ: «образомъ подобно»; *е*, того-же времени, — окончанїе первой строки: «власы же»; *ж*, изданїе 1820 — 30 гг., отпечатанное доскою изданїя *е*, но поправленою рѣзцемъ, — въ немъ правая сторона шен чудовища тушевана въ двѣ черты на крестъ (въ изданїи *е* въ одну черту).

315. По случаю побѣды надъ Пруссакими въ то время были выгравированы слѣдующїя картинки:

1) «Изображенїе Баталїи Одержанной Россїйскимъ войскомъ подъ Командою Генерала-Аншефа и Кавалера Графа Салтыкова надъ Прускою арміею подъ Командою Генерала Веделя при Деревнѣ Пальцигѣ 1759 года Юня 12 дня. Вырѣзывали Ник. Саблинъ и Патр. балабинъ 1761 года». Гравиров. на мѣди рѣзцомъ на двойномъ листѣ; доска находится въ Главномъ штабѣ и даетъ еще очень хорошіе отпечатки.

2) «Изображенїе баталїи, выигранной Россїйскою Императорскою арміею, подъ командою Генерала-аншефа и кавалера графа Петра Семеновича Салтыкова, надъ Прускою арміею, подъ командою генерала Веделя, при деревнѣ Палцигѣ, близъ мѣстечка

Цилихау въ Шлезіи. Іюня 12 дня 1759 года»; справа тотъ же текстъ по французски. Рисунокъ совершенно другой противъ предыдущей картинки; гравировано крѣпкою водкой на мѣди, въ большой листъ.

3) «Изображеніе баталіи, выигранной Россійскою Императорскою арміею, подъ командою Генерала-аншефа и кавалера Графа Петра Семеновича Салтыкова, надъ Прусскою арміею, предводительствуемою самимъ Королемъ Фридрихомъ II, близъ города Франкфорта на Одерѣ, подлѣ деревни Кунерсдорфа. 1-го августа, 1759 г.»; слѣва тотъ же текстъ по французски. Гравировано черною манерою, контуры проведены иглою. На листѣ, на первомъ планѣ, влѣво отъ середины, изображены двѣ собаки, которыя пьютъ изъ рѣпки, и солдатъ, который черпаетъ воду манеркой.

4) Изображеніе той же баталіи, но другое сочиненіе; подпись внизу таже самая, слово въ слово и строка въ строку; картинка той же работы и того же размѣра. На первомъ планѣ, въ лѣвомъ углу, огромный камень и дерево; изъ за нихъ выѣзжаютъ пять всадниковъ.

5) Изображеніе той же баталіи, съ тѣми же подписями, той же работы и той же мѣры; сочиненіе другое: слѣва большое дерево, обвитое плющемъ, на первомъ планѣ въ срединѣ двѣ собаки.

6) Изображеніе той же баталіи и съ тѣми же подписями; сочиненіе другое (работа и размѣръ тѣже); справа дерево, подлѣ котораго видна пирамида, а впереди большой камень.

Всѣ пять картинокъ, 2—6, находятся въ Олсуфьевскомъ собраніи (XII, листы 62—66).

По поводу Прусской кампаніи были вырѣзаны на деревянныхъ доскахъ изображенія русскихъ гренадеръ, описанныя подъ №№ 269—277.

Въ сборникѣ Кирѣвскаго напечатано много пѣсень, относящихся къ Прусской кампаніи; во всѣхъ нихъ слышатся жалобы на большія потери въ войскахъ и лишеныя, перенесенныя солдатами (Кир. IX, 92 и слѣд.); есть впрочемъ и похвальба на счетъ побѣды, одержанной надъ Прусскимъ королемъ, а также и жалобы на

странный миръ съ Прусскимъ королемъ Петра III, которыя начинаются такъ: «что за диво за диковинка, отдаютъ нашу армеюшку непріятелю, непріятелю королю Прусскому» (Кир. X. 29).

317. Слѣдуетъ читать: «прускою драгунъ»; буква «п» въ оригинальной доскѣ скололась при печатаніи.

319 А. Прибавить: Малороссійскій козакъ; внизу подпись: «воина сего знакъ, то есть гербовый козакъ храбрыхъ кои судъ родъ, волныи Оны И|здвеле побѣду носили Надъ турски Лядски И татарски Сили въ вѣрности своей россійской державы| котори Съединясь добровольно сами живутъ вволности своей всегда цѣли Истерегутъ ѿчизны| своей предѣли». Козакъ представленъ въ ростъ, въ полномъ вооруженіи; у ногъ его два знамени—одно съ турецкою луною, другое съ прусскимъ орломъ. Листовая картинка, гравированная на мѣди въ половинѣ прошедшаго столѣтія.—Въ моемъ собраніи.

320. Мною приобрѣтено еще изданіе этой картинки—2, конца прошедшаго столѣтія; первая строка текста заканчивается въ немъ такъ: «получено изве».

324. Хотя при нашемъ Дворѣ скоморохи находились съ давняго времени, однако публичныя представленія по этой части иностранныхъ комедіантовъ начались только при Петрѣ Великомъ; при немъ показывали народу и перваго великана (Отеч. Зап., II. 321). Еще до того времени привезенъ былъ Петромъ Великимъ изъ Кале, Николай Буржуа, котораго онъ нанялъ въ свою службу во Франціи, за его огромный ростъ; Буржуа при Петрѣ I состоялъ гайдукомъ; чучело его находится въ кунскамерѣ (Анекд. Нартова: Москвит. 1842, VI. 128). Особенный охотникъ до великановъ былъ въ то время Прусскій король, который набиралъ ихъ въ свое войско; Петръ I подарилъ ему немало русскихъ солдатъ-великановъ¹⁾.

¹⁾ Русскіе великаны въ Пруссіи, изд. Коммисіи при Москов. Архивѣ Минист. Иностр. Дѣлъ.

Свой доморощенный тульскій великанъ и скороходъ появился въ Москвѣ только въ 1820 году (Отеч. Зап., II. № 4. стр. 228); въ 1825 году онъ уже былъ ростомъ 3 арш. 8 верш.; тѣломъ этотъ великанъ былъ довольно пропорціоналенъ; но голосъ у него былъ тонкій, «съ огромностью его несообразный» (Отеч. Достопамятности. Москва 1823, II. 51). Въ древности огромнымъ ростомъ славились наши Калмыки: въ исторіи великаго короля Егинарда рассказывается, какъ въ Ротенъ и Прагу приходили изъ странъ Калмыковъ великаны съ разными требованіями; какъ наконецъ рыцарь Юліусъ побѣдилъ четырехъ изъ нихъ, избавилъ Богемское королевство и женился на дочери короля Алексія. «Въ нашей землѣ Калмыковъ», говорилъ великанъ Іеду Цальки, «живутъ самые сильные люди въ цѣлой землѣ» (Simrok, VII. 167).

Кромѣ великана при Петрѣ показывалъ свои фокусы какой то силачъ, тотъ самый, который, назначивъ экстренный спектакль и собравъ много публики, вдругъ объявилъ всѣмъ, что, согласно Высочайшей волѣ, представленіе дано не будетъ, — сегодня де 1-го апрѣля (Пекар. I. 434).

325. Первая компанія жонглеровъ, подъ командой Югана Карла-фонъ-Еденберга, давала свои представленія въ Петербургѣ, въ 1721 году, причемъ были мастера, которые на веревкѣ танцуютъ (Древн. и Нов. Россія 1877. Янв., 23)²⁾. Англійская компанія жонглеровъ была въ Москвѣ около 1762—65 г.

Петръ любилъ смотрѣть шутовство въ чужихъ земляхъ; но изъ Петербурга онъ приказалъ фигляровъ выслать, съ тѣмъ, чтобы народъ не платилъ имъ даромъ деньги (Анекдоты Нартова: Москвит. 1842 г., 6 п. 4. стр. 24).

326. Мною приобрѣтено еще два издавія этой картинки: изд.

²⁾ Въ 1629 г. канатный плясунъ нѣмчинъ (послѣ переименованный въ Ивана Семенова Ладыгина) остался въ Москвѣ на постоянной службѣ и давалъ представленія въ кремлевской потѣшной палатѣ и въ Покровскомъ Рубцовѣ.

е, конца прошедшаго столѣтія, — въ немъ подпись внизу въ одинъ столбецъ, четвертая строка ея заканчивается такъ: «смотря рассуждали»; стѣны въ комнатѣ бѣлыя; и изд. 2, — таже доска, но стѣны комнаты затушеваны въ одну черту.

332. Обрядъ покаянія убійцъ Жуковыхъ. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ помѣщены К. П. Побѣдоносцевымъ въ его книгѣ: «Историческія изслѣдованія» (СПБ. 1876, стр. 269). Убійство Жуковыхъ, матери съ дочерью, случилось 10 сентября 1754 года въ Москвѣ, на Большой Никитской, въ домѣ Жукова, нынѣ принадлежащемъ г-жѣ Мещериновой. 13 сентября были отысканы двѣ дѣвки, находившіяся въ услуженіи у Жуковыхъ; онѣ повинились на первыхъ же допросахъ и, по ихъ указанію, тотчасъ же открылось, кѣмъ совершено убійство.

Кол. сов. Жуковъ, Пензенскій воевода, находился въ это время въ г. Пензѣ подѣ слѣдствіемъ, за взятки; жена его съ пятнадцатилѣтнею дочерью переселилась въ Москву; туда же переѣхалъ и старшій сынъ Жукова, Алексѣй. Этотъ Алексѣй былъ мотъ и человекъ распутный и съ матерью не ладилъ, а съ весны 1754 года, послѣ того какъ онъ женился, безъ ея позволенія, на дочери поручика Варварѣ Полтевой и переѣхалъ жить къ тещѣ, нелады ихъ обратились въ открытую вражду. Между тѣмъ Алексѣю Жукову нужны были деньги; онъ зналъ, что у матери его подѣ кроватью хранился мѣдный сундучекъ съ деньгами и брилліантами, и составилъ вмѣстѣ съ женою планъ отдѣлаться отъ матери. Оставалось найти нисшихъ исполнителей злодѣйства. Для этого Алексѣй Жуковъ обратился сначала къ крѣпостному дворовому человеку своей матери, крещеному Калмыку, Александру Александрову, черезъ дѣвку Авдотью, и обѣщаль дать ему 20 руб. и отпустить на волю, если убьетъ мать и доставитъ ему изъ подѣ постели мѣдную скриню съ деньгами. Калмыкъ согласился. Дѣвку Авдотью и другую, Катерину, Алексѣй подговорилъ еще прежде: содѣйствіе ихъ было необходимо, потому что обѣ онѣ всегда были при старой барынѣ и спали около нея: одна

въ спальнѣ, другая въ ближней комнатѣ, у дверей. Потомъ приговорили и другихъ участниковъ. Молодой Жуковъ съ женой жили у Полтевой въ саду въ палаткѣ; людей своихъ при немъ не было, а служилъ ему человекъ Полтевой, Михайла Григорьевъ; и его недѣли за двѣ подговорилъ Жуковъ, чтобъ онъ помогъ Калмыку задавить старуху на постелѣ, а если нужно, то и дочь вмѣстѣ съ нею, для того, чтобы дочь не могла потомъ показать на нихъ; наконецъ, за нѣсколько дней до 16 числа, подговоренъ былъ къ тому же еще столяръ Иванъ Сизовъ, бѣглый человекъ поручика Шереметева, работавшій по найму въ домѣ у Аграфены Жуковой, — ему обѣщано дать 100 рублей и выкупить его на волю у помѣщика. Нѣсколько разъ велись переговоры о задуманномъ дѣлѣ въ присутствіи жены и тещи Жукова, наконецъ день былъ назначенъ: дѣвкамъ сказано, чтобы ждали въ комнатахъ, а Калмыку положено дожидаться ночью у забора, подлѣ сада. Къ вечеру Иванъ Сизовъ пришелъ въ домъ къ Полтевымъ и легъ спать въ людской. Часовъ въ 11, поужинавъ, всѣ были готовы, заложили карету — Иванъ сѣлъ на дроги передъ каретой, а Михайло на козлы; сзади кареты поставили человека Полтевыхъ, ни о чемъ незнавшаго, Тимофея Ефремова, на случай, для сторожи у кареты. Въ карету сѣли Алексѣй Жуковъ съ женой, а Настасья Полтева провожала ихъ съ крыльца. Около полуночи карета подъѣхала къ забору Жуковского дома, гдѣ ожидавшійся Калмыкъ сказалъ, что старуха уже спитъ. Жуковы остались въ каретѣ съ человекомъ, стоявшимъ назади, а прочіе люди перелѣзли черезъ заборъ, прошли садомъ и вслѣдъ за Калмыкомъ влѣзли по лѣстницѣ, черезъ окно, въ пустыя комнаты большаго каменнаго дома Жуковыхъ. Дѣвка Катерина отперла имъ дверь средней комнаты, а Авдотья пустила въ спальню и тотчасъ погасила горѣвшій огонь. Тутъ они бросились на Аграфену Жукову и на дочь ея Надежду, спавшихъ рядомъ на одной постели и, ухватя за горло, задушили обѣихъ; въ это время дѣвки держали барыню за ноги, чтобы не билась. Старуха успѣла только прокричать: «Иванъ, что ты дѣлаешь?» Между тѣмъ

пришла изъ Полтевскаго дому по уговору третья дѣвка, Матрена Семенова, приданая горничная Варвары Жуковой, и вздула огонь. Сыскавъ ключъ отъ сундука, убійцы вынули скрыню съ деньгами и захватили подъ столомъ бутылку съ водкой; дѣвки взяли себѣ по бархатной шубѣ, и всѣ отправились обратно къ каретѣ объявить ожидавшимся Жуковымъ, что все исполнено. На это Алексѣй Жуковъ сказалъ, что сестры ему жаль, а матушка — Богъ съ ней! Скриню поставили въ карету, туда же сѣли обѣ дѣвки, и съ пѣснями поѣхали всѣ къ Мясницкимъ воротамъ, въ домъ къ Нестеровой, гдѣ хозяйка встрѣтила ихъ и поднесла людямъ по чаркѣ водки. У нея оставили двухъ дѣвокъ и воротились со скрыней домой къ ожидавшей ихъ Настасьѣ Полтевой. Въ скрынѣ оказалось деньгами 563 рубля 20 коп.

Всѣ подсудимые по этому дѣлу были неоднократно пытаны и сѣчены плетми, при чемъ всѣ участники въ убійствѣ повинились, а Полтева созналась въ томъ, что подговаривала зятя къ убійству; она умерла вслѣдствіе пытки; умерли отъ пытки и убійцы: Михайла Григорьевъ и калмыкъ Александръ и, совершенно стороннее къ дѣлу лицо, семидесятилѣтній старикъ Захаръ Ивановъ, у котораго Григорьевъ проживалъ послѣ убійства. Тѣла умершихъ преступниковъ *оттащены* по обычаю въ *убойце* дома, для погребенія. Затѣмъ составлена выписка, по которой генералъ-полицеймейстеръ Татищевъ приговорилъ всѣхъ преступниковъ къ смертной казни: «Алексѣя Жукова, жену его Варвару, тещу Наталью, калмыка Александра и Михайла Григорьева, пятерымъ: отсѣчь руки и ноги и голову; дѣвкамъ Авдотьѣ Ионовой и Катеринѣ Даниловой отсѣчь головы; дѣвкѣ Матренѣ, которая хотя при самомъ томъ смертномъ убійствѣ и не была, однакожъ о томъ умыслѣ вѣдала и въ то самое время, какъ то убійство учинено, входила въ палату, а нигдѣ о томъ не донесла, почему явилась такою-же убійцею, отсѣчь голову». Но какъ, по указу 1 мая 1746 года, велѣно было генералъ-полицеймейстеру о смертныхъ винахъ доносить Государынѣ, то приговоръ былъ представленъ Елисаветѣ,

при докладѣ 25 октября 1754 года; онъ оставался безъ утвержденія до 1766. года, а между тѣмъ преступники содержались при полицеймейстерской канцеляріи, прикованные цѣпью къ стулу; ключи отъ цѣпей хранились у солдата, носившаго названіе «старосты при замкахъ и желѣзахъ». Алексѣй Жуковъ и жена его помѣщены были въ особенныхъ камерахъ, какъ важные преступники, подъ стражей; за исключеніемъ очныхъ ставокъ, имъ не позволено было видѣться другъ съ другомъ, но попытки къ тому были. Въ 1758 году у Варвары Жуковой нашли ключъ, которымъ отпирала она цѣпь свою, и однажды поймали ее поздно вечеромъ на дворѣ, когда, надѣвъ на себя принесенные солдатомъ гренадерскій плащъ и шапку, она хотѣла подь видомъ гренадера пробраться въ мужскую половину, для свиданія съ мужемъ.

Рѣшеніе участи преступниковъ послѣдовало не ранѣе 1766 года, уже при императрицѣ Екатеринѣ II, и подало поводъ къ слѣдующему манифесту, всенародно объявленному.

«Учиненное убійство въ 1754 году матери и сестры своей родной бывшимъ въ нашей лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка каптенармусомъ Алексѣемъ Жуковымъ и женою его Варварою Николаевою, по отцѣ Полтевыхъ, и сообщниками ихъ — столь страшное злодѣйство, что не токмо въ христіянскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное. Мы довольно вѣдаемъ, сколь ужасное сіе преступленіе поразило челоуѣколюбивое сердце покойной тетки нашей, императрицы Елисаветы Петровны. Но какъ такое окаянное дѣло, въ цѣлыхъ вѣкахъ рѣдко случающееся, невѣдомыми судьбами Божиими по сіе время не рѣшалось, а передъ немногимъ только временемъ подано намъ отъ Сената нашего докладомъ ¹⁾, и между тѣмъ, нѣкоторые участвующіе, яко орудіе въ семъ убійствѣ, уже померли, главные же самыя убійцы и прямые содѣятели: сынъ и братъ убитыхъ матери и сестры и

¹⁾ Неизвѣстно, когда именно и по какому поводу дѣло это было отослано Императрицею на разсмотрѣніе Сената, и въ чемъ состояло самое опредѣленіе сената.

жена его живы на землѣ остаются въ тюремномъ заключеніи, то сіе самое столь долговременное продолженіе ихъ жизни наипаче привело насъ въ размышленіе, угоднѣ ли Богу будетъ лишеніемъ живота, по законамъ строжайшимъ, сихъ злодѣевъ наказать и яко прямо отступившихъ отъ вѣры Христовой и отъ закона естественнаго истребить, или, видѣвъ ихъ преступленіе отчаянное, соблюсти души ихъ отъ вѣчной муки истиннымъ къ Богу покаяніемъ, безъ нарушенія нашего правосудія и безъ соблазна народнаго, оставя дни и животъ ихъ въ рукѣ Всевышняго Судіи, на собственное совѣсти раскаяніе и всесчасное ихъ сокрушеніе. Въ такомъ духа нашего смущенія, повелѣли мы изъ первѣйшихъ нашихъ духовныхъ, а именно: Димитрію, митрополиту новгородскому, Иннокентію, епископу псковскому, и Гавріилу, епископу тверскому, изслѣдовать въ исторіи церковной и въ правилахъ святыхъ отецъ, какія въ древней церкви нашей православной употреблялися подобнымъ злодѣямъ наказанія, и какимъ образомъ души ихъ предавалися въ помилованіе Богу, на что намъ всеподданнѣйше отъ нихъ представлено, что хотя по древнѣйшему церкви православной обычаю монархи христіянскіе, яко властители сами духовные и мірскіе, будучи власть предержащая отъ Бога, сохраняли правосудіе въ народахъ по законамъ, отъ нихъ же установленнымъ, и казнь таковымъ злодѣямъ состояла въ волѣ и власти ихъ; но по истинному христіянству прежде всего пеклися они о соблюденіи душъ погибающихъ отъ вѣчной муки, потому что церковь Божія, по слову евангельскому и апостольскимъ поученіямъ и по силѣ правилъ святыхъ, ожидаетъ истиннаго обращенія къ вѣрѣ Христовой и прямаго покаянія отъ самыхъ злодѣевъ отчаянныхъ и вовсе закона отпадшихъ. Вслѣдствіе такого злоключенія душъ сихъ осужденныхъ, повелѣваемъ: Алексѣя Жукова и жену его Варвару, яко первыхъ виновниковъ душегубству родства и сродства своего, предать церковному предъ народомъ покаянію, такъ, какъ въ приложенномъ обрядѣ предписывается. По исполненіи котораго послать повелѣваемъ Алексѣя Жукова въ Соловецкій монастырь, а жену его Варвару То-

больской епархіи въ Далмацкій монастырь, гдѣ имъ, по правиламъ святыхъ отецъ о убійцахъ, двадцать лѣтъ, включая и время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, ходить на всякое церковное пѣніе и становиться не въ церкви, но въ трапезѣ, и всякій постъ исповѣдаться, токмо не причащаться кромѣ смертнаго случая. Настоятели же тѣхъ монастырей должны употреблять ихъ въ сносныя, по силѣ каждаго, монастырскіе труды. Сверхъ того, поручить ихъ въ смотрѣніе искуснѣйшимъ изъ монашествующихъ, которые должны наблюдать ихъ жизнь и чаще имъ напоминать силу вѣры и закова и страшный и неизбѣжный нераскаявающимся грѣшникамъ судъ Божій. По прошествіи сего времени покаянія, ежели съ явными знаками раскаянія оное препроводятъ, то, по силѣ упомянутыхъ же правилъ, приобщить ихъ къ церкви и сподобить причастія Св. Таинъ, а потомъ намъ доложить. Что же касается до сообщниковъ сего убійства, о которыхъ дѣло сіе также рѣшено, съ оными поступить такъ, какъ посланными изъ Сената въ 1754 году указами таковыхъ подлежащимъ смертной казни чинить повелѣно ²⁾. И по сему Сенатъ нашъ исполнить имѣетъ немедленно, а сей нашъ манифестъ, напечатавъ, публиковать всенародно» (Полное Собр. Зак.).

Обрядъ покаянія, происходившій въ силу этого манифеста, подробно описанъ въ текстѣ, помѣщенномъ подъ картинкою.

Картинка, изображающая обрядъ покаянія Жуковыхъ, какъ уже было замѣчено при описаніи ея (II. 78), сдѣлана съ довольно хорошаго рисунка; нѣтъ сомнѣнія, что она была пущена въ народъ по приказанію самой Екатерины, какъ это дѣлалось ею и въ другихъ выходящихъ изъ ряду случаевъ (см. картинку № 174).

По дѣлу Жуковыхъ, какъ уже сказано выше, всѣ подсудимые и свидѣтели были во время слѣдствія неоднократно пытаны. Относительно того, какъ производилась у насъ въ старину пытка,

²⁾ Указомъ этимъ *натуральной смертной казни впродъ до разсмотрѣнія и точною о томъ указа* производить не велѣно, а предписано вмѣсто нея наказывать кнутомъ и, вырѣзавъ ноздри и поставивъ клейма,сылать въ тяжкую работу (какъ то указано и въ сенатскомъ докладѣ 1753 года).

сохранился въ дѣлахъ Тайной канцеляріи (1735—1754 г.) чрезвычайно важный документъ: справка, составленная по этому предмету для Императрицы Екатерины II, подъ названіемъ:

«Обрядъ како обвиненный пытается. Для пытки приличившихся въ злодѣйствахъ, здѣлано особое мѣсто, называемое *застѣнокъ*, огороженъ палисадникомъ і покрытъ для того, что при пыткахъ бывають судьи і секретарь; и для записки пыточныхъ речей подъячей; і въ силу указа 1742-го года, велено записавъ пыточныхъ речи, крѣпить судьямъ, не выходя изъ застенка.

Взастенке-жъ для пытки здѣлана дыба, состоящая втрехъ столбахъ, іскоторыхъ два вкопаны вземлю, а третьей сверху, поперегъ. І когда назначено будетъ для пытки время, то катъ или палачъ явиться долженъ взастенокъ с своими инструментами, а оныя есть: хомутъ шестяной, хкоторому пришта веревка долгая; кнутъ і ремень, которымъ пытанному ноги связываютъ.

По приходе судей въ застенокъ і по разсужденіи въ чемъ подлежащаго к пыткѣ спрашивать должно, приводитца тотъ, котораго пытать надлежитъ, і от караульнаго отдаецца палачу; которой долую веревку перекинетъ чрезъ поперечной въ дыбѣ столбъ, і взявъ подлежащаго к пыткѣ, руки назадъ заворотитъ, і положа ихъ вхомутъ, чрезъ приставленныхъ для того людей встягиваетъ, дабы пытанной на земле не стоялъ; у котораго руки и выворотитъ со всею назадъ, і онъ на нихъ виситъ; потомъ свяжетъ показаннымъ выше ремнемъ ноги, і привязываетъ к здѣланному нарочно впереди дыбы столбу; і рястянувши сямъ образомъ бьетъ кнутомъ, гдѣ и спрашивается о злодѣйствахъ і все записывается, что таковой сказывать станеть.

Если-жъ ісподлежащихъ к пыткѣ такой случитца, которой избличается во многомъ злодѣйствѣ, а онъ запирается, і по дѣлу обстоятельства доказываютъ его к подозрѣнію, то для изысканія истины употребляются нарочно: 1-е тиски здѣланныя изъ желѣза въ трехъ полосахъ съ винтами, в которые кладутся злодѣя персты сверху большія два ізъ рукъ, а внизу ножные два і свинчиваются от палача до техъ поръ, пока іли повинится, іли не можно будетъ

больше жать перстовъ і винтъ не будетъ дѣйствовать. 2-е На-
 ложа на голову веревку і просунувъ кляпъ³⁾ і вертятъ такъ, что
 оный ізумленнымъ бываетъ; потомъ простригаютъ на головѣ во-
 лосы до тѣла і на то мѣсто льютъ холодную воду только что
 почти по капле, отъ чего также въ изумленіе приходитъ. 3-е При
 пыткѣ, во время таково-жъ заперательства, і для изысканія істины
 пытанному, когда виситъ на дыбѣ, кладутъ между ногъ на ремень,
 которымъ они связаны, бревно и на оное палачъ становится за
 тѣмъ чтобъ на виске потянуть его, дабы болѣе істязанія чувство-
 валь. Есть ли же і потому істины показывать не будетъ, снимая
 пытаннаго съ дыбы правятъ руки, а потомъ опять на дыбу такимъ
 же образомъ поднимаютъ для того, что і чрезъ то боли бываетъ
 больше.

Хотя по законамъ положено только три раза пытатъ, но ког-
 да случится пытаной на второй іли на третьей пытке рѣчи пере-
 мѣнитъ, то еще трижды пытается. И если переговаривать будетъ
 въ трехъ пыткахъ, то пытки употребляются до тѣхъ поръ, пока
 съ трехъ пытокъ одинаковое скажетъ, ібо сколкобъ разъ пытанъ
 ни былъ, а есть ли вчемъ нибудь разнить в показаніяхъ будетъ,
 то въ утвержденіе долженъ еще три пытки вытерпѣть; а потомъ
 і огонь такимъ образомъ: палачъ отвязавъ привязанныя ноги отъ
 столба, висячего на дыбѣ ростянетъ і зажегши вѣникъ съ огнемъ
 водить по спинѣ, на что употребляетца вѣниковъ три или больше,
 смотря по обстоятельству пытаннаго.

Когда пытки окончатся, і пытаной подлежать будетъ по ви-
 намъ ссылки на каторгу, то при посылке от палача вырываются

³⁾ Кляпъ кромѣ того вкладывали въ ротъ подсудимому, чтобы не позволить
 ему говорить съ народомъ, когда везли его на казнь; отсюда угрозная пого-
 ворка: «кляпъ тебѣ въ ротъ»,—которая только въ новѣйшее время получила
 какое-то, не принадлежащее ей, срамное значеніе. Особенно характеристичны
 еще пыточные пословицы: «въ три погубели согнуть» и «въ утку свернуть»,—
 человѣку привязывали голову къ ногамъ, просовывали шесть и вертѣли (надъ
 огнемъ), подтянувъ голову къ самымъ пяткамъ (Снегиревъ. Русск. въ послов.
 III. 181); при чемъ человѣкъ на самомъ дѣлѣ сгибался «въ три погубели».
 Другая пословица: «выпытаетъ всю подноготную», напоминаетъ о забиваніи
 подъ ногти деревянныхъ спицъ (Карамз., И. Гос. Рос. VII. 204).

ноздри здѣланными нарочно клещами. Есть ли же которые под-
 лежатъ смертной казни, то і таковыхъ, в силу указовъ, до буду-
 щаго о дѣйствительной казни опредѣленія, велено ссылать на
 каторгу жъ а при посылке также ноздри вырезаются. І сверхъ
 того особляемыми присланными штемпелями на лбу и на щекахъ
 кладутся знаки (вор); въ техъ же штемпеляхъ набиты желѣзныя
 острия спицы словами, і ими палачъ бьетъ в лобъ і щоки, і на-
 тираетъ порохомъ, і отъ того слова видимы бывають» (Русская
 Старина 1873 года. Июль, 58).

Едвали и въ древнѣйшія времена существовали на Руси болѣе
 сложныя пытки; какъ чудилъ надъ своими подданными царь Иванъ
 Грозный мы хорошенько не знаемъ; знаемъ только, что при немъ
 точно такъ, какъ и по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, фаль-
 шивымъ монетчикамъ заливали горло оловомъ, убійцъ и разбойни-
 ковъ четвертовали, колесовали, сажали на колъ, а изрѣдка и сдирали
 съ живыхъ кожу. При Петрѣ, въ дѣлѣ царевича Алексѣя, попа-
 дается какой-то *медведь ящикъ со инструментами*, которые
 привозились въ застѣнокъ для пытокъ. Преданіе говоритъ, что въ
 немъ была желѣзная *лапа*, которою царапали человѣка по брюху,
 да мѣховая шапка съ желѣзными спицами, въ видѣ медвѣжьей
 головы⁴⁾. Для личнаго врага своего, Глѣбова, Петръ придумалъ

⁴⁾ Петръ пыталъ всѣхъ, безъ разбора и часто безъ всякой надобности,
 когда дѣло было уже совершенно ясно. Коллекція пыточныхъ инструментовъ
 въ его время находилась въ приказѣ, чѣ у церкви Петра и Павла, отчего и
 взялась пословица: «живетъ правда у Петра и Павла».

Такой же порядокъ выпытыванія собственнаго сознанія существовалъ во
 всей средней Европѣ во время слѣдственнаго процесса; только тамъ онъ былъ
 установленъ съ большею важностію и съ большимъ стараніемъ оградить обви-
 няемаго отъ произвола судьи. Въ Австрійскомъ кодексѣ императрицы Маріи
 Терезіи съ нѣмецкою пунктуальностію и мельчайшими подробностями препо-
 даны правила, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ пытать заподозрѣннаго; множество
 рисунковъ, приводящихъ въ ужасъ современнаго человѣка, изображаютъ об-
 ряды самой пытки. Представленъ, напримѣръ, человѣкъ поднятый «посредст-
 вомъ особаго механизма на дыбу», съ вывернутыми руками, съ подвѣшенными
 къ ногамъ чугунными гириями; представленъ и испанскій сапогъ, утыканный ту-
 пыми желѣзными шипами внутри, который надѣвался на ногу заподозрѣннаго и
 завинчивался ключемъ. На особой картинкѣ изображено какъ забивовываютъ
 руки тонкой бичевкой, стягивая локти вмѣстѣ, какъ защемяютъ пальцы между

подушку съ гвоздями, на которой тотъ трое сутокъ мучился, а затѣмъ былъ посаженъ на колъ ⁵⁾. Вообще же говоря, хотя наши пытки были проще противъ чужеземныхъ, но за то и жесточе: запытать человѣка на допросъ ничего не значило; подѣлу Жуковыхъ большая часть подсудимыхъ перемерли на другой день послѣ пытки. Отъ судей при этомъ не требовалось даже простаго канцелярскаго объясненія.

Официально пытки уничтожены манифестомъ императора Петра III, закрывшаго тайную уголовныхъ дѣлъ канцелярію; на дѣлѣ же они оставались по прежнему: и въ дѣлахъ государственныхъ и въ убійствахъ пытали всѣхъ, даже малолѣтнихъ ⁶⁾.

железными полосами и наконецъ какъ жгутъ заподозрѣннаго огнемъ; для этого палачъ растягивалъ его на лѣстницѣ, бралъ пучекъ свѣчъ, зажигалъ ихъ и жегъ ему бока, повыше пояса (у насъ должность свѣчъ исправляли простые вѣшники). У Scheible (Das Kloster, XII. 1100) описаны разные роды пытокъ; однѣхъ *жельзныхъ двоушекъ*, сохранившихся до XIX вѣка, насчитываетъ онъ въ Германіи 12.

⁵⁾ Глѣбовъ получилъ 34 удара кнутомъ, былъ пытанъ горячими угольями и раскаленнымъ желѣзомъ; на колѣ Глѣбовъ оставался живымъ цѣлые сутки, послѣ чего отрубили ему голову. Черезъ три года Петръ опять вспомнилъ о Глѣбовѣ и приказалъ Синоду предать его «анаѳемствованію», въ недѣлю православія.

⁶⁾ Въ 1739 году шесть разъ пытали и жгли огнемъ малолѣтнюю дѣвочку, подозрѣвавшуюся въ поджогѣ, отъ котораго, впрочемъ, ничего не сгорѣло. Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ, что пытать ее, за малолѣтствомъ, не слѣдовало; но затѣмъ рѣшеніе свое все таки основалъ на сознаниі дѣвочки, данномъ съ пытки. Въ 1742 году былъ возбужденъ общій вопросъ о пыткѣ несовершенно лѣтнихъ; Сенатъ полагалъ освободить отъ пытокъ всѣхъ подсудимыхъ моложе 17-ти лѣтъ; но Синодъ находилъ, что такая льгота будетъ слишкомъ велика, что въ 12 лѣтъ узаконено подданнымъ присягать Его Величеству, и что поэтому признано, что человѣку и меньше 17 лѣтъ *смыслъ имѣть можно*. Мнѣніе Синода было принято. Въ Полномъ Собраніи однакоже есть указы: 1) 1742 г. № 8601 о томъ, чтобы не пытать дѣтей моложе 15 лѣтъ; 2) 1744 г. № 8996, чтобы не пытать моложе 17 лѣтъ; 3) 1752 г. № 9923, чтобы не пытать въ Остзейскихъ провинціяхъ; 4) чтобы не пытать въ кн. Литовскомъ (1794 г. № 17.264, ст. 536); 6) чтобы пытать осторожно (1769 г. № 11, 706); 8) чтобы избѣгать пытки по возможности (1762 г. № 11. 445. п. 5). Наконецъ 11-го ноября 1767 года Екатерина, по неотступному ходатайству Новгородскаго губернатора Сиверса, подписала секретное повелѣніе губернаторамъ: не пытать подсудимыхъ, по *дѣламъ*. За всѣмъ тѣмъ еще въ 1781 году Петербургскій губернаторъ показывалъ Джону Говарду разные инструменты для пытки и въ томъ числѣ машину, посредствомъ которой ломали руки и ноги казненнаго (т. е. колесовали); машина эта впрочемъ, какъ замѣчаетъ Говардъ

Въ общихъ дѣлахъ изъяты были отъ пытки, въ силу военныхъ процессовъ, старики свыше ста лѣтъ, знатные люди и дворяне, малолѣтние и беременныя женщины. Екатерина II не отмѣнила пытки на чисто: «пытка», сказано въ указѣ 10 февраля 1763 года, «не можетъ быть должнымъ изобличеніемъ оговоренному, а особливо, когда онъ не *подлагъ состоянія*». Объ оговоренныхъ предписывалось производить повальный обыскъ, и если по этому обыску окажутся явныя подозрѣнія и, къ тому же представить человѣкѣ *подлогъ*, то тогда уже слѣдуетъ его пытать въ изысканіе истины. Но и затѣмъ пытки употреблялись подъ техническимъ названіемъ *допроса съ пристрастіемъ* и въ царствованіе Павла I-го и послѣ него; такъ что Императору Александру I-му пришлось издать по этому случаю подтвердительный указъ 27-го сентября 1801 года «дабы самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству на-носящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной» ⁷⁾.

Несмотря на это, допросы «съ пристрастіемъ» и истязанія, пытками употреблялись и послѣ того, не только по уголовнымъ дѣламъ, но и въ помѣщичьемъ обиходѣ, въ числѣ мѣръ къ исправленію строптивыхъ холоповъ ⁸⁾. Не далѣе какъ въ пятидесятыхъ

больше не употреблялась (The state of prisons in England and Wales, with preliminary observations and an account of some foreign prisons and hospitals by John Howard, 3 edition. Warrington 1784; съ рисункомъ древней московской тюрьмы.

⁷⁾ «Съ крайнимъ огорченіемъ», сказано въ этомъ указѣ, «дошло до свѣдѣнія моего, что по случаю четырехъ пожаровъ въ Казани взятъ былъ, по подозрѣнію въ зажигательствѣ, одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе, и онъ преданъ суду. Втеченіе суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность. Но жестокость и предубежденіе не вняли его гласу, осудили на казнь. Въ среднѣ казни и даже по совершеніи оной, тогда какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога въ свидѣтели своей невинности, и въ этомъ признаніи умеръ». Указомъ этимъ повелѣвалось навсегда уничтожить пытки въ судахъ. Около тогоже времени женѣ умершаго отъ пытокъ мѣщанина Яковлева, а также ремесленнику Мухину, доведенному пытками до такой степени разслабленія, что онъ лишился всякой возможности снискивать себѣ пропитаніе, назначено было по 150 рублей ежегодно (Древняя и Новая Россія 1878 г., XI. Статья Гильдебрандта, стр. 259).

⁸⁾ Недавно разсказано Г. Славитинскимъ въ Древней и Новой Россіи дѣло генерала Измайлова; оно представляетъ полную картину тѣхъ пытокъ и съ-

годахъ нынѣшняго столѣтія частный приставъ Стерлиговъ, въ Москвѣ, связывалъ одному мѣщанину руки бичевками, выворотивъ ихъ назадъ, и вѣшалъ его въ такомъ видѣ на перекосякъ, исправлявшій при этомъ должность дыбы; мѣщанинъ впоследствии лишился возможности владѣть руками, а приставъ былъ преданъ суду.

Кормленіе соленымъ сельдемъ⁹⁾ составляло тоже самый обыкновенный приемъ полицейскаго слѣдствія, и только съ учрежденіемъ суда присяжныхъ, когда прошла надобность выбивать изъ подсудимаго *собственное, чистосердечное* сознание, *сіе лучшее доказательство всего свѣта*,—и пытка и допросъ съ пристрастіемъ потеряли свое значеніе и почти совершенно исчезли изъ нашего уголовного міра.

Въ заключеніе сдѣлаю краткое описаніе разныхъ орудій, употреблявшихся при тѣлесныхъ наказаніяхъ (у меня есть довольно полное собраніе ихъ).

Кнутъ состоитъ изъ толстаго кнутаовища, длиною вершковъ въ десять; къ верхней части его привязанъ на мѣдномъ колечкѣ обрѣзокъ кожаной плети, вершка въ четыре длиною, называемый *головкой*; къ этой головкѣ подвязывается кнутъ,—твердый, прямой какъ палка сыромятный ремень, выдѣланный желобкомъ и загнутый на концѣ ногтемъ; этимъ-то ремнемъ,

которымъ подвергались еще въ 20-хъ—30-хъ годахъ крѣпостные. Въ 1827 году въ арсеналѣ Измайлова найдено слѣдователемъ: 36 рогатокъ шейныхъ; изъ нихъ 12—по полтора фунта каждая, 18—по фунту и три четверти, 3—двухфунтовые, одна въ два фунта съ четвертью, одна въ три фунта, и одна въ четыре фунта. Желѣзь ножныхъ найдено 9, вѣсомъ отъ 2-хъ до 4-хъ фунтовъ; ручныхъ—одна пара, въ два фунта. Два подвижныхъ цѣпныхъ стула, съ двумя деревянными кандалами; вѣсомъ: одинъ въ пудъ 9 фунтовъ, другой — въ пудъ 7 фунтовъ; къ нимъ цѣпи: одна въ 12, другая въ 5 фунтовъ. Кромѣ того еще двѣ стѣнные цѣпи: одна въ четыре съ половиною фунта и другая въ шесть съ половиною фунтовъ (Древ. и Нов. Россія 1876. Декабрь, стр. 370. Г. Измайловъ и его дворня) Авторъ этой статьи говоритъ, что были у Измайлова рогатки въ 10, 15 фунтовъ и болѣе (тамъ же).

⁹⁾ Накормивъ соленымъ сельдемъ, сажали въ жаркую баню и оставляли тамъ, не давая пить, пока обвиняемый не *сознавался* (Снегиревъ, Русскіе въ пословицахъ. III, 196).

спинкой его, т. е. выпуклой стороной, и наносятся удары преступнику. Въ древности били кнутомъ на козлѣ (Улож. Алексѣя Михайловича, XXV. 11 и 16), послѣ чего преступникамъ вырывали ноздри и обрѣзывали носы; впоследствии козла употребить перестали, а стали наказываютъ на «живомъ козлѣ», при чемъ помощникъ палача подхватывалъ приговореннаго за обѣ руки черезъ свои плечи и подбрасывалъ его къ себѣ на спину; еще позднѣе, для исправленія должности такого козла, ловили на улицѣ перваго попавшагося. У Charpe d'Auteroche (Voyage en Sibirie) представлено производившееся такимъ способомъ при Елизаветѣ Петровнѣ наказаніе кнутомъ извѣстной красавицы Лопухиной; Екатерина II отмѣнила этотъ обычай и приказала наказывать на станкѣ, носившемъ имя козы или козла (1788 г., 28 апрѣля); впоследствии такой станокъ названъ кобылой. Хотя число ударовъ кнутомъ при пыткѣ и было установлено закономъ (указомъ 1673 г. № 561), но правило это не выполнялось, и число ударовъ, а равнымъ образомъ и болѣшая или меньшая жестокость самаго наказанія, зависѣли отъ судьи и исполнителей приговора. Въ одномъ лечебникѣ XVII вѣка помѣщено нѣсколько рецептовъ *«битому человеку отъ кнута»* отъ московскаго, а не отъ сельскаго: «доброй въ скорѣ захватить овчиною сырою тотъ часъ, какъ бить; и привязывать мездрую къ битому, и кровь битую овчиною высосеть все, и скоро жить станетъ». Отъ сельскаго кнута: «молокомъ коровимъ парнымъ мазать, перомъ или топленнымъ грѣтымъ молокомъ» (Мулловъ, лекарства отъ правежа, л. 97 и 98).

Плеть, толщиною въ палець, плетеная изъ кожаныхъ ремешковъ, длиною около пяти четвертей. До 1840 года плеть съ середины раздваивалась, т. е. была двухвостая; Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета Министровъ 10 мая 1839 года, установлена плеть трехвостая. Плетью, точно такъ какъ и кнутомъ, били сперва по спинѣ, а въ послѣднее время, вслѣдствіе секретнаго предписанія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, плеть переселилась на заднія мягкія части.

Кошка—четырёххвостая плеть, съ узелками на концѣ.

Линьки—отрубокъ морскаго каната, толщиною въ большой палець.

Шпицрутены—тонкій хлыстъ, потолоще ружейнаго шомпола, и въ 5—6 четвертей длиною.

Въ 1847 году установлены и разсланы по Губернскимъ Правленіямъ «образцовыя розги» для наказанія преступниковъ, по судебнымъ и полицейскимъ приговорамъ. Онѣ состояли изъ связанныхъ пучковъ, 10—15 тонкихъ березовыхъ прутьевъ, длиною въ пять четвертей; послѣ каждаго десяти ударовъ пучки приказано было перемѣнять.

Тѣмъ преступникамъ, которыхъ били кнутомъ или плетью, ставили штемпельные знаки на лбу и щекахъ: до 1846 г., — «в-о-р», а послѣ 1846 г.—«к-а-т». Штемпеля были деревянные съ мѣдной дощечкой на головкѣ, на которой были насажены стальные иглы, образующія вышеприведенныя буквы. Палачъ наставлялъ клеймо преступнику на лобъ и щеки, ударялъ по рукояткѣ рукою, отчего иглы вонзались въ тѣло и производили ранки, которыя затирались, до 1846 года, порохомъ, а съ этого времени особо изобрѣтеннымъ для того, въ Медицинскомъ совѣтѣ, составомъ. Для наложенія клеймъ на ссыльно каторжныхъ «С—К» и ссыльно бѣглыхъ «С—Б» сочинены были въ тоже время особыя машинки съ куркомъ и пружиною; это послѣднее изобрѣтеніе было весьма неудачно: пружина скоро портилась и не вдавливала какъ слѣдуетъ клейма въ руку преступника, такъ что палачу приходилось налегать на штемпель всѣмъ тѣломъ, или накалчивать его кулакомъ.

Въ статьѣ Студенкина «Заплечные мастера» (Русская Старина 1873 г. Августъ, 215) описано съ большою подробностію, какимъ порядкомъ производилось въ С.-Петербургѣ наказаніе плетью. Послѣ объявленія приговора, преступника заковывали въ ножные кандалы и сажали въ одиночную камеру. Въ день наказанія его везли на позорной колесницѣ на площадь, въ сопровожденіи военнаго караула, при чемъ на груди преступника привѣши-

валась дощечка съ названіемъ совершеннаго имъ преступленія. По прибытіи на мѣсто, его взводили на эшафотъ и привязывали къ позорному столбу; судебный чиновникъ прочитывалъ приговоръ и преступникъ отдавался въ руки палачей, которые, разорвавъ на немъ рубашку и обнаживъ до пояса, растягивали его на такъ называемой кобылѣ (толстая деревянная доска съ вырѣзками для головы, рукъ и ногъ), привязывали къ ней ремнями и подтягивали такъ, чтобы спина выгнулась кверху. «Приготовивъ преступника къ наказанію», палачи брали плети, дотолѣ лежавшія въ углу эшафота, покрытыя рогожею, становились въ ногахъ осужденнаго, клали конецъ плети на эшафотъ, и, перешагнувъ черезъ этотъ конецъ правою ногою, ждали приказа начать наказаніе. Начинать сперва стоявшій съ лѣвой стороны палачъ, медленно поднимая плеть, какъ бы какую тяжесть, онъ съ крикомъ: «берегись! ожгу!» наносилъ ударъ; за нимъ начиналъ свое дѣло другой. При наказаніи наблюдалось, чтобы удары слѣдовали въ порядочные промежутки одинъ послѣ другаго. Наказаннаго преступника отвозили въ особомъ фургонѣ (положивъ брюхомъ на матрасъ) обратно въ тюремной замокъ». Въ Москвѣ наказаніе производилось съ мѣншею помпою: палачи словъ «берегись! ожгу!» при первомъ ударѣ не кричали.

Палачи набирались по преимуществу изъ преступниковъ, при чемъ они освобождались отъ слѣдовавшаго имъ тѣлеснаго наказанія. Бить плетью новички учились у стариковъ; для этого кобыла устанавливалась въ тюремной банѣ; на нее клали вырѣзку изъ лубка, въ видѣ человѣческой спины; по этой вырѣзкѣ били плетью, ударъ за ударомъ, на крестъ, такъ чтобы не тронуть головы и боковъ. Въ Москвѣ палачъ Алешка, старикъ лѣтъ под семьдесятъ, разрѣзалъ плетью толстый лубокъ съ одного удара пополамъ. Что касается до послѣдствій телѣсныхъ наказаній, то сильные удары кнута, независимо отъ страшнаго сотрясенія сердца и всѣхъ внутренностей, пересѣкали надреберныя мышцы и вели къ медленной чахоткѣ. Наказаніе плетью взбивало кожу и мясо на спинѣ и дѣйствовало въ родѣ обжога; старая кожа сходила почти

на чисто. Для слабыхъ натуръ и это наказаніе грозило тоже чухоткою. Наказаніе розгами, при безчеловѣчныхъ исполнителяхъ и продолжительномъ сѣченіи, представляетъ во многихъ случаяхъ болѣе жестокое наказаніе, нежели самое наказаніе плетью; съ нѣкоторою настойчивостію и умѣньемъ не трудно было засѣчь и до смерти. Въ «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго весьма ярко переданы все ужасы этого наказанія.

Въ доброе старое время «сѣкуціи» производились въ Частныхъ домахъ поутрамъ; части Городская и Тверская, въ Москвѣ, славились своими исполнителями; пороли всѣхъ безъ разбора: и крѣпостному лакею, за то что не накормилъ въ время барыни собаку, — всыпать сотню, и расфранченной барышниной камердинершѣ, за то что баринъ дѣлаетъ ей глазки, — и той всыпать сотню, — барыня де особенно попросила частнаго; никому не было спуска, да и не спрашивали даже, въ чемъ кто виноватъ, — присланъ поучить, значить и виноватъ, — ну и дери кожу. Хорошее было время: стонъ и крики стояли въ воздухѣ кругомъ, часто цѣлое утро; своего рода хижина дяди Тома, — да не одна, а цѣлые десятки.

Теперь, какъ извѣстно, розги, безъ суда, почти отмѣнены; по суду онѣ служатъ замѣною тюремнаго заключенія, въ тѣхъ только случаяхъ, когда мѣста въ таковыхъ не имѣется. Кромѣ того поретъ своихъ сочленовъ волостной судъ за разные проступки, а главное за податныя недоимки. Будемъ надѣяться, что съ устройствомъ мѣстъ для ареста и съ уничтоженіемъ несоразмѣрной личной подати, при которой взысканіе недоимки безъ пособія розги оказывается невозможнымъ, — уничтожится и послѣдняя надобность въ этомъ инструментѣ, столь поэтически описанномъ въ циркулярѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сопровождавшемъ разо- сланные въ 1848 году образцы розогъ (Русск. Стар., тамъ-же 213).

332 А. Прибавить: Снегиревъ въ своей книгѣ о лубочныхъ картинкахъ (стр. 67) упоминаетъ еще о другой народной картинкѣ, изображавшей казнь знаменитой вдовы Дарьи Николаевой Салты-

ковой, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Салтычихи, обвинявшейся въ умерщвленіи до 138 человекъ крѣпостныхъ крестьянъ своихъ обоюга пола. Въ указѣ, поправленномъ собственною рукою Государыни, Салтыкова, вмѣсто женскаго рода, написана въ мужскомъ «въ томъ предположеніи, что въ женскомъ полѣ не могло быть такого изверга и чудовища». По повелѣнію Екатерины, въ назначенный день Салтычиха выведена была въ саванѣ на первую, т. е. на Красную, площадь (гдѣ нѣкогда закапывали мужеубійцъ по плечи) и поставлена палачемъ на особо устроенномъ эшафотѣ; по прочтеніи предъ всѣмъ народомъ сентенціи Юстицъ-Колегіи, она оставалась прикованною къ столбу цѣлый часъ, съ листомъ на груди, на коемъ крупными буквами написано было: «мучительница и душегубица». Послѣ этого, закованная въ желѣзо, она заключена была, по смерти своей, въ подземельную тюрьму при церкви, въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, чтобы, какъ выражено въ указѣ, «лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердающее ея тѣло предать собственному промыслу Творца всѣхъ тварей». Тамъ она сидѣла сорокъ лѣтъ до самой смерти своей, сперва въ подземельной тюрьмѣ, потомъ у церкви, въ застѣвкѣ, гдѣ, черезъ узенькое окошечко, могла слушать божественную службу. «Позорная эта казнь», прибавляетъ Снегиревъ, «какъ увѣрялъ насъ одинъ почтенный любитель русской старины, была олицетворена на лубочной картинкѣ, которую онъ обѣщалъ намъ доставить». Такой картинки мнѣ не случилось однакоже видѣть *).

*) Народныя картинки съ изображеніями знаменитыхъ преступниковъ и ихъ казни были въ ходу и въ западной Европѣ, съ давняго времени. Въ числѣ древнѣйшихъ укажемъ на англійскіе летучіе листки, помѣщенные въ «Hindley, The old book collector's miscellany. London 1872»: The drimming of Thomas Nash. Lond. 1597, — The arraignment and execution of the late traitors (восьми человекъ). Lond. 1606 (II. 37), и на кровавое повѣствованіе о томъ, какъ Анна Гамптонъ отравила своего мужа въ Лондонѣ, въ сентябрѣ 1641 года, при помощи и по совѣту Маржерета Гарвуда, Лондонъ, съ двумя картинками (II), а равнымъ образомъ и на знаменитыя картинки по этой части карикатуриста Гогарта.

343. Въ моемъ собраніи находятся три изданія этой картинки, всѣ одного времени и одного перевода; въ нихъ 1-я строка текста, справа внизу, заканчивается словами: въ изд. *а* — «храбре», въ изд. *б*, «веліча» и въ изд. *в* — «ретраншаменту».

344. Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки: *б*, — таже доска, только нижняя подпись: «сія оигура . . . . году» затерта (но слова видны), и *в*, работы мастера Чуваева (безъ его имени); подпись таже, но подъ картинкой помѣчено: «сія оигура переведена с немецкой на руссикой 1779 году».

345. Праздникъ на Ходынкѣ. 23 іюля 1775 года былъ спущенъ на Ходынкѣ фейерверкъ въ четырехъ отдѣленіяхъ; онъ былъ награвированъ тогда же на трехъ картинахъ большаго размѣра, изъ подписей подъ которыми видно, что «идея», т. е. сочиненіе, фейерверка принадлежала поручику Мартынову, исполненіе было М. Нѣмова, а рисовалъ проэктъ М. Козаковъ. На первомъ листѣ представлено: «Дѣйствіе I-е и II-е нарушаемой покой Россій возъ обновляемъ мудростію и попѣченіемъ Великія *Екатерины*». На второмъ: «Дѣйствіе III-е. Памятникъ славныхъ дѣлъ Великія *Екатерины* сооруженной усердіемъ вѣрностію и Благодарностію сыновъ Россійскихъ». На третьемъ: «Дѣйствіе IV-е утѣшенная Россія приноситъ фиміамъ Великой *Екатерине* за изливаемыя на нея Щедроты и Матернее о ней попеченіе». Это отдѣленіе, состоящее изъ длиннаго ряда фантастическихъ зданій и храмовъ, контуры которыхъ очерчены свѣчнымъ огнемъ, было устроено съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ. 26 ноября 1770 г. былъ

*) В. И. Майковъ издалъ по поводу Ходынскаго праздника двѣ книги: 1. «Описаніе разныхъ увеселительныхъ зрѣлищъ, представленныхъ во время мирнаго торжества, заключеннаго между Росс. Имп. и Оттоманскою Портою . . . близъ Москвы на Ходынкѣ 1775 г. Іюля 16.» и 2. «Описаніе увеселительныхъ огней, которые представлены въ продолженіи мирнаго торжества, заключеннаго между Росс. Имп. и Оттоманскою Портою 1795 г. Іюля 16. Москва, 4^о съ 4 гравюрами. (Геннади и Собко, Словарь. II. 275).

зажженъ передъ зимнемъ дворцомъ въ С.-П.-Бургѣ такой же великолѣпный фейерверкъ въ пяти отдѣленіяхъ.

347 А. Въ томъ же 1775 году праздновался торжественный въѣздъ въ Москву гр. Румянцева. Въ моемъ собраніи находится пять картинокъ, съ изображеніемъ триумфальныхъ воротъ, устроенныхъ по этому случаю: 1-й листокъ безъ нумера, съ заголовкомъ: «Arcs de triomphe erigés à Moskwa au Maréchal Comte de Rumaenzow», и тоже по нѣмецки; внизу: Vue de l'Arc Triomphal de St Nicolas avec une partie de l'Arsenal». 2-й листокъ съ «№ 3. Vue de l'Arc Triomphal entre la Biblioth. de l'Université et la Cour de Monnoye». 3-й съ «№ 4. Vue de l'Arc Triomphal Sur la rue Twerkaja dans le Bielgorod». 4-й съ «№ 5. Vue de l'Arc Triomphal dans le quartier nommé Semljanoi Gorod». 5-й съ «№ 6. Vue de l'Arc Triomphal dans le Semlenoy gorod du Côté de la Yamskoi de Twer». Всѣ рѣзаны на мѣди, въ 4^о, кажутся для приложенія къ придворному календарю.

348. У меня есть еще изданіе (*б*) этой картинки, съ тѣми же подписями; внизу, подъ картинкой, прибавлено: «Переведена скиевскаго (такъ) на руской 1786 года».

354. Въ то же время картинка эта была выгравирована при Академіи Наукъ, съ такимъ заголовкомъ: «Изображеніе страшнаго изверженія горы везувія, бывшаго 8 числа Августа въ вечеру, 1779 года. Представленный здѣсь огненный столбъ въ три минуты подвнялся въ вышину на три Италіанскія мили. Грав. И. Саблинъ»; рѣзцомъ, въ листъ.

354 А. Прибавить: Взятіе крѣпости Измаила. Большая картинка 6-ти листового размѣра; надпись вверху: «На сихъ дняхъ присланы къ Ея Императорскому Величеству отъ господина генералъ фельдмаршала князь Григорія Александровича потемкина Таврическаго съ генераломъ маіоромъ поповымъ, какъ обстоятельныя реляція о взятіе приступомъ города и крѣпости измаила

такъ и другія разныя объ успехахъ, оружіемъ Ея Величества надъ непріятелемъ одержанны донесеніе состоящее въ слѣдующемъ»; внизу подробная реляція о взятіи Измаила. Отпечатокъ на синей бумагѣ, съ водянымъ знакомъ 1809 года.—Въ моемъ собраніи.

354 Б. Прибавить: **Взятіе Бендеръ 9 Ноября 1789 года.** Трехлистовая картина; вверху надпись: «Отъ господина фельдмаршала Князя Григорія Александровича Потемкина таврическаго присланы къ Ея Императорскому Величеству съ генераломъ маіоромъ Поповымъ ключи крепости Бендерской при реляціи отъ 9 минувшаго ноября 1789 году [следующаго содержания]; внизу газетная реляція о взятіи Бендеръ и помѣта: «гравировалъ (это слово затерто) Илья Петровъ». Отпечатокъ на синей бумагѣ, съ знакомъ 1809 года. Въ моемъ собраніи.

354 В. Прибавить: Копія съ иностранной карикатуры по случаю неудачнаго нападенія на Гибралтаръ (1773 г.); представлены вѣсы: на одной доскѣ ихъ стоитъ богиня правосудія, на другую цѣпляются разные народы; вдали видна крѣпость «Гибралтаръ—Gibraltar». Подписи: «1. Равновѣсіе правосудія. 2. Никто меня не можетъ озлобить безъ наказанія. 3. Мечъ правосудія. 4. Родней разрушилъ нашъ флотъ. 5. Государь мой, помоги намъ или мы пропали. 6. Моя неблагодарность наказана такъ какъ и весь разумъ. 7. Я сделаю что нибудь за деньги. 1. la balane de la puissance. 2. ne persone m'offence sans puni. 3. l'eepe de la justice. 4. Rodney a ruiné notre flotte. 5. Monsieu aidez a nous ou somes perdu. 6. mon ingratitude est punt com tous raison. 7. je ferai qulque chosse pour l'argent».

Полулистовая картинка, гравированная на мѣди; въ моемъ собраніи. Иностраннѣй оригиналь, съ котораго она скопирована, въ свою очередь скопированъ съ англійской карикатуры мастера R S, озаглавленной: «The Ballance of Power. London, published . . . Jan. 17, 1781» . . .

355. Есть еще два изданія этаго листа: б, на синей бумагѣ 1800 года; доска пройдена и помѣчена: «Гра Илья Пѣтро».—У гр. Толстаго; и в, безъ имени гравера (другая доска); предпоследняя строчка подписи въ немъ заканчивается словомъ «солдаты» (въ изд. а—полусловомъ: «сал»).—Въ моемъ собраніи.

355 А. **Взятіе Очакова;** тотъ-же переводъ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Картинка, гравированная рѣзцемъ, двухлистоваго размѣра; внизу помѣщена только одна солдатская пѣсня, безъ реляцій. Въ моемъ собраніи находятся два изданія ея—а и б: а, съ помѣтою гравера «І П» (Илья Петровъ), и б, безъ помѣты гравера—изданіе 1810 года.

355 Б. **Взятіе Очакова;** другой переводъ, съ тою же солдатскою пѣснею, послѣ которой помѣчено: «Конѣцъ. І. П.» (т. е. Илья Петровъ гравировалъ); описанія, которое находится на № 355, нѣтъ. Картинка двухлистоваго размѣра. Въ моемъ собраніи.

356 А. Прибавить: «Слонъ персидскій» двухлистовая картинка, гравированная на мѣди; бумага синяя 1801 года. Впереди скороходъ ведетъ лошадь; за нимъ скачетъ на свинѣ татаринъ, а позади его идетъ огромный слонъ, съ вожакомъ на шеѣ. Понизе, во второй полосѣ, восемь фигуръ: два персидскіе всадника, два музыканта, еще всадникъ и трое зрителей.— Въ моемъ собраніи.

356 Б. Въ моемъ собраніи есть эта же двухлистовая картинка въ другомъ переводѣ: персіанинъ въ верхнемъ ряду скачетъ верхомъ на свинѣ, съ закорюченнымъ хвостикомъ; отпечатана она на синей бумагѣ.

356 В. Прибавить: «Силны зверь слонъ земли персидскія страны»; листовая картинка, гравированная на деревѣ. На слонѣ сидятъ два вожака; сзади идутъ два персіанина: одинъ съ копьемъ, другой съ винтовкой на плечѣ.—Въ собраніи В. А. Яковлева.

357. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (с) этой картинки, скопированное съ изданія а въ обратную сторону: слонъ идетъ вправо.

357 А. Прибавить: **Коронація Императора Александра I**; большая картинка листового размѣра, гравированная крѣпкою водкой; на ней представлено, въ десяти продольныхъ полосахъ, шествіе: «Его Величества благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Павловича самодержца всероссійскаго и Ея Величества Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны въ большой Успенскій соборъ изъ Грановитой палаты для воспріятія коронованія и священнѣйшаго миропомазанія и обратно изъ онаго Сентября 15-го 1801 года.

1. Взводъ Кавалергардовъ подъ предводительствомъ 1 офицера кой останавливается дошедъ до церкви и раздѣляются по обѣ стороны пути.

2. Двадцать шесть пажей и камеръ-пажей съ ихъ гофмейстеромъ прошедъ сквозь церковь ожидаютъ окончанія службы въ Крестовой синодальной Палатѣ.

3. Два церемонійместера съ жезлами показавъ идущимъ въ церемоніи мѣста становятся передъ Императорскимъ мѣстомъ, равно какъ и бывшіе для показанія мѣсть Церемонійместеры.

4. Депутаты отъ всего Россійскаго купечества по 2 человѣка изъ каждой губерніи, изъ коихъ по одному старшему остаются въ Церкви а прочимъ проходить сквозь оную.

5. Купцы иностранные, изъ коихъ старшіе остаются въ Церквѣ.

6. Войска черноморскаго Кошевой съ депутатами; изъ коихъ Кошевой съ старшимъ депутатомъ остается.

7. Войска Донскаго атаманъ съ депутатами, изъ коихъ атаманъ со старшимъ депутатомъ остается въ Церкви.

Московскія: 8. Городское Правленіе, 9. Московскій Императорскій Университетъ, 10. Опекунскій Совѣтъ, 11. Палаты Московской Губерніи, 12. Губернское Правленіе, 13. Московскій

Архивъ Старыхъ дѣлъ, 14. Вотчинный Департаментъ, 15. Департаментъ Камеръ-Коллегіи, 16. Департаментъ ревизскихъ коллегій, 17. Банковыя Конторы, 18. Бергъ Контора, 19. Монетный Департаментъ.

Присутственные мѣста: 20. Государственное Казначейство для статныхъ и для остаточныхъ суммъ, 21. Межевая Канцелярія, 22. Главная Соляная Контора, 23. Медицинская Контора, 24. Мануфактуръ Контора, 25. Московское Депо провианскаго Коммисія, 26. Комиссаріатъ, 27. Московской Почтъ Амт. Начальствующій каждаго присутственнаго мѣста съ двумя старшими чиновниками остаются въ Церкви, а прочіе проходятъ сквозь оную.

28. Депутаты Дворянства всѣхъ губерній отъ каждой остаются въ Церкви по два, а кои не суть христіанской вѣры обходятъ мимо.

29. Правительствующій Синодъ, 30. Государственный Совѣтъ, всѣ вышписанные особы и чиновники идутъ въ процессіи по три врьдъ, 31. Два Оберъ-Церемонійместера съ жезлами, 32. Верховный Церемонійместеръ съ жезломъ, 33. Два Герольдмейстера со знаками, 34. Императорскія Регалии, несомыя назначенными для сего особами съ ихъ ассистентами въ таковомъ же порядкѣ какъ перенесены были въ Ауедиенцъ Контору, 35. Взводъ Кавалергардовъ, 36. Два Гофмаршала а въ срединѣ, 37. Оберъ Гофмаршалъ съ своимъ жезломъ, 38. Верховъ Маршалъ, 39. *Его Императорское Величество* имѣтъ при Особѣ своей двухъ Ассистентовъ по сторонамъ Двухъ Генераль-Адъютантовъ, и Шефа Каваліергадскаго корпуса съ обнаженною шпагою, 40. *Ея Императорское Величество* имѣтъ при Особѣ своей Двухъ Ассистентовъ; балдахинъ надъ *Ихъ Императорскими Величествами* несутъ 16 Генераль-Мапоровъ, а шнуры держатъ 16 Генераль-Лейтенантовъ, 41. Придворныя Дамы, 42. Взводъ Каваліергардовъ, 43. Корпусъ знатнаго Россійскаго Дворянства по одному изъ каждой фамиліи, по три въ рядъ подъ предводительствомъ одного между ими изъ знатнѣйшихъ чиновниковъ, остаются при

входѣ въ Церковь, 44. Корпусъ Мануфактурщиковъ и заводчиковъ по три въ рядъ, 44. Знатное Московское купечество по три въ рядъ, 46, въ заключеніи взводъ Каваліергардовъ».

358 А. Прибавить: **Воздушное путешествіе Гжи Гарнеренъ въ 1804 г.**—«1804 года 8-го мая и 15 чиселъ въ москве ваксале происходящее воздушное путешествіе гжи гарнеренъ съ російскою дамою и ихъ неустрашимость плавания въ свирепое время отпроисходящихъ за полъ часа громовыхъ ударовъ и силнаго дождя и въ 7 часо пополудни оне поднялись на воздухъ более 900 таузовъ и уведомляютъ что оне въ высоте чувствовали несной жаръ и чрезъ три четверти часа опустились воокрестностяхъ Царицына за 20 верстъ о вансала а опущение ихъ послѣдовало небеструда и опасности по притчине сильного ветра дунувшаго на тотъ расъ отого бывъ брошены на лесъ и на деревья где сопутница гжи Гарнеренъ ударила нарочито болно потомъ оне понесенны копширному пруду наткаторымъ поднялись вверхъ и миновавъ оной несколько разъ ударялись о землю наконецъ бросили якорь и такъ остановился съ помощью подоспевшихъ людей и дамы сошли на сухой путь не потерявъ духа которой небставляя ихъ во все продолженія сего путешествія». Листовая картинка, гравированная на мѣди; на ней представлено поднятіе шара при большомъ стеченіи публики.—Въ моемъ собраніи.

Это кажется было первое путешествіе на воздушномъ шарѣ, произведенное въ Россіи; второе было произведено въ томъ же году 30 іюня академикомъ Захаровымъ съ ученою цѣлю, по назначенію Академіи Наукъ. Объ этомъ путешествіи въ С.-Петербургѣ. Вѣдомостяхъ было помѣщено слѣдующее извѣстіе. «Прoшедшаго іюня мѣсяца, 30-го дня (1804 года), совершено было здѣсь въ С.-Петербургѣ — воздушное путешествіе, назначенное императорскою академіею наукъ для учиненія разныхъ опытовъ и наблюденій въ высшей части атмосферы. Академія предложила принять на себя трудъ сей академику Захарову, который, изъявивъ на то свое согласіе, дѣйствительно исполнилъ оный къ

совершенному ея удовольствію. Шаръ для сего путешествія сдѣланъ былъ въ С.-Петербургѣ господиномъ професоромъ Робертсономъ и имѣлъ 27 французскихъ футовъ въ діаметрѣ. Приборъ къ оному и наполненіе водороднымъ газомъ Академія произвела своимъ издженіемъ. Наполненіе производимо было въ саду перваго кадетскаго корпуса, откуда господинъ академикъ Захаровъ въ сопровожденіи господина Робертсона, въ присутствіи господъ членовъ Академіи наукъ и другихъ ученыхъ мужей, отправился на семь шарѣ, въ 7 часовъ 15 минутъ пополудни и, поднявшись вверхъ слишкомъ на двѣ версты, опустился, не встрѣтивъ никакихъ неудобствъ, того же вечера въ 10 часовъ 45 минутъ, въ 60-ти верстахъ отъ С.-Петербурга, въ деревнѣ Сиворицахъ, принадлежащей тайному совѣтнику Петру Григорьевичу Демидову (С.-Петерб. Вѣд. 1804, 8 Іюля; см. Воздухоплаватель за 1879 г.) Въ 1812 году сдѣлана была попытка устроить воздушный шаръ для военныхъ цѣлей, оказавшаяся впрочемъ неудачною (см. прим. къ № 458). Въ 1820 — 30 годахъ въ Москвѣ предпринималъ неоднократныя увеселительныя воздухоплаванія механикъ-самоучка Иванъ Семеновъ, въ бумажномъ шарѣ собственнаго издѣлія, наполняемомъ нагрѣтымъ воздухомъ; подымался онъ въ немъ во время народныхъ гуляній для общей потѣхи, конечно невысоко; Семеновъ нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ прорвавшимся своимъ шаромъ, падалъ и, по словамъ В. Θ. Щербакова, въ одно изъ такихъ паденій, покончилъ расчеты съ здѣшною жизнію. Позднѣе, въ 1850 годахъ, славился своими воздушными путешествіями г. Бергъ.

360. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки; третья строка подписи въ нихъ заканчивается такъ: въ изданіи а—«часовъ непрія,» въ изданіи б—«часовъ непр».

362 А. Прибавить: битва при Вишау. Двухлистовая картинка, отпечатанная на синей бумагѣ, съ знакомъ 1801 года; гравирована рѣзцемъ. Въ моемъ собраніи. Надпись на самой картинкѣ: «Городъ Вишау», пониже: «росіиское войско»; подъ картинкой:

«Изъ № 16 Московскихъ Вѣдомостей. Изъ донесеній генераль отъ инфантерій Голенищева-Кутузова, между прочимъ напечатано: По принятіи мѣръ къ наступательному дѣйствию нашей арміи, авангардъ подъ командою Генераль-Лейтенанта князя Багратіона пошелъ 14 ноября тремя отдѣленіями къ Вишау, который занятъ былъ четырьмя неприятельскими конными полками. Одно отдѣленіе слѣдовало по большой дорогѣ а два другія по двумъ сторонамъ оной. Неприятель видя намѣреніе Князя Багратіона, окружить его въ Вишау, немедленно выступилъ изъ сего города. 4 эскадрона гусаръ и 2 казачьихъ полка, по данному имъ повелѣнію, атаковали непріятели; но онъ получивъ подкрѣпленіе почти всей кавалеріи съ поспѣшностію ретировался, не взирая на превосходство силъ своихъ, былъ преслѣдуемъ, тѣснимъ и поражаемъ до самаго мѣстечка Раусницъ, гдѣ соединился онъ съ новыми войсками. Князь Багратіонъ прибылъ туда съ авангардомъ, построилъ оный на высотахъ въ боевой порядокъ, и дѣйствіемъ артиллеріи принудилъ замолчать непріятелискія батареи, противъ него поставленныя. Между тѣмъ въ Вишау находящійся непріятелискій гарнизонъ препятствовалъ маршу перваго отдѣленія слѣдовать по шоссе; посему князь Багратіонъ отрядилъ для взятія сего города по баталіону 6-го егерскаго и псковскаго мушкатерскаго полка, подъ командою генераль-адъютанта князя Долгорукаго, по нѣкоторомъ сопротивленіи городъ очищенъ и бывшіе въ ономъ сто человекъ нижнихъ чиновъ съ четырьмя офицерами взяты въ плѣнъ».

365. Нутно Русскіе солдаты... Эта пѣсня напечатана въ сборникѣ Кирѣевского, X. 146.

370 А.—Г. Липранди упоминаетъ еще о восьми сраженіяхъ изъ отечественной войны 1812 года, изданныхъ по распоряженію начальника штаба гвардейскаго корпуса Г. А. Сипягина; доски этихъ гравюръ уничтожены. Въ 1814 году изданы были «двѣнадцать побѣдъ, одержанныхъ надъ французами въ 1812 году», полулубочной гравировки Беггрова и Федорова, подъ смотрѣні-

емъ придворнаго гравера Карделли,—двѣнадцать большихъ листовъ* въ длину, подъ каждой подписи: *D. Scotti invenit 1814. S. Cardelli direx.* (и имя гравера). *Издано въ С.-Петербурѣ 1814 года*; подписи на русскомъ и француз. языкѣ.

1) *Сраженіе при Бородинѣ 26 авг. 1812. Fedoroff sculp.* Впереди слѣва видѣнъ кн. Голенищевъ-Кутузовъ.

2) *Побѣда при Тарутинѣ, 6 окт. 1812. Fedoroff sculp.* На полѣ сраженія изображены: кн. Голенищевъ-Кутузовъ, бар. Бенингсенъ, гр. Орловъ-Денисовъ и гр. Остерманъ.

3) *Взятіе Полоцка гр. Витгенштейномъ, 6 окт. 1812. J. Beggrow sculp.*

4) *Побѣда при Маломъ-Ярославѣ 12 окт. 1812.* Впереди генералы: *Дохтуровъ и Дороховъ. J. Beggrow sculp.*

5) *Быство французовъ изъ Москвы 12 окт. 1812. Г. М. Иловайскій 4-й преслѣдуетъ ихъ. Beggrow sculp.*

6) *Побѣда при Колодецкомъ монастырѣ 18 окт. 1812.* одержан. гр. *Платовымъ. Fedoroff sculp.*

7) *Взятіе г. Вязьмы, 22 окт. 1812. ген. м. Милорадовичемъ. Beggrow sculp.*

8) *Побѣда при Духовщинѣ, 26 окт. 1812., одержан. гр. Платовымъ. Fedoroff sculp.*

9) *Разбитіе Маршала Давуста при г. Красномъ, 6 нояб. 1812. S. Cardelli direx Sculp. St.-P.* На полѣ сраженія кн. Голенищевъ-Кутузовъ, ген. Тормасовъ, Милорадовичъ, кн. Голицынъ и бар. Розенъ.

10) *Разбитіе маршала Нея, 6 нояб. 1812 г., при Красномъ.* На полѣ сраженія гр. Милорадовичъ.

11) *Разбитіе Наполеона при переправѣ черезъ Березину 16 и 17 нояб. 1812. Fedoroff sculp.*

12) *Разбитіе Маршала Виктора при г. Старомъ Борисовѣ, 25 и 26 нояб. 1812.* Впереди справа гр. Витгенштейнъ. *Beggrow sculp.*

376. Карикатуры 1812 года художника Терebeneва имѣли въ 1812—14 гг. обширный сбытъ и продавались въ высшемъ об-

ществѣ, въ хорошей раскраскѣ и на хорошей бумагѣ по 1½ и по 2 руб. за листъ, а въ болѣе сѣромъ видѣ, для людей по проще, много дешевле. Затѣмъ цѣна ихъ все таки была слишкомъ висока для народа, и потому народными картинками, въ настоящемъ значеніи этого слова, ихъ назвать нельзя.

Въ 1815 году, послѣ смерти Терebeneва, тетрадка изъ 24-хъ его карикатуръ (раскрашенныхъ) продавалось въ квартирѣ редактора Сына Отечества по 25 руб. за экземпляръ*). Эту тетрадку можно было еще найти въ продажѣ въ пятидесятыхъ годахъ, въ магазинахъ Сленина, Улитина и Кольчугина. На обложкѣ книги: «Жизнь Кн. Голенищева Кутузова, соч. Синельникова. СПБ. 1813 г.», помѣщено объявленіе о продажѣ коллекціи 30 карикатуръ или «изображеніе великихъ подвиговъ Россіянъ и звѣрство французовъ въ незабвенную компанію 1812 года; цѣна за всѣ 40 руб.; особенно по 1 р. 50 к.». Въ каталогѣ Плавильщикова обозначена коллекція въ 200 листовъ за 120 руб.; это однакоже было не особое изданіе карикатуръ, а просто книга, въ которой были собраны всѣ выходившія за то время карикатуры. Нѣсколько такихъ сборныхъ экземпляровъ продавалось еще въ 1870 годахъ у книгопродавца Лисенкова. Въ 1855 году Траншель издалъ 10 листовъ Терebeneвскихъ карикатуръ по 3 руб. сереб. за экземпляръ.

Карикатуры Терebeneва вполне художественны и оригинальны и только въ немногихъ изъ нихъ проглядываетъ нѣкоторое подражаніе французскимъ карикатурамъ конца прошедшаго столѣтія: такъ напримѣръ № 391, входъ въ Парижъ, напоминаетъ «convoi du très haut et très puissant seigneur des abus. 4 mai. 1789» (Jaime, Mus. de Car., I. pl. 34. g); плѣнные козаки (№ 409), поставка искалѣченныхъ рекрутъ (404), воздушная экспедиція (458) и пусканіе мыльныхъ пузырей (401)—имѣютъ сходство съ революціонными карикатурами, помѣщенными у Жема

*) Терebeneвскія карикатуры 1812 года. С.-П.-Бургскія вѣдомости 1855 г. № 284, статья Григ. Данилевскаго; въ этой тетрадкѣ помѣщены были слѣдующіе номера карикатуръ: 376, 378—380, 383, 384, 386, 397, 400—412, 414—416.

(подъ №№ 46. г. I, 108 и 109. g.), 145. g. II.; но за всѣмъ тѣмъ карикатуры нашего Терebeneва и замысловатѣе и несравненно художественнѣе французскихъ.

Иванъ Ивановичъ Терebeneвъ родился въ 1780 году, умеръ 16 января 1815 года, 35 лѣтъ. Онъ готовился сперва быть живописцемъ, но послѣ завялся скульптурою и, при выходѣ изъ Академіи, былъ назначенъ въ число пенсіонеровъ, однако отсталъ отъ Академіи и предпочелъ заняться своимъ художествомъ безъ казенной помощи. Изъ произведеній его замѣчательны: большіе барельефы для новаго Адмиралтейства и барельефы и статуи для торжественныхъ воротъ въ честь гвардіи (1814 г.). Всего же болѣе онъ прославился своими карикатурами на войну съ Наполеономъ. Семейство Терebeneва осталось послѣ его смерти въ крайней бѣдности. Книгопродавецъ Сленинъ тогда же возвратилъ въ его пользу всѣ доски, прежде купленныя имъ у Терebeneва; раскрашенные отпечатки съ нихъ, въ числѣ 24-хъ листовъ, какъ сказано выше продавались за счетъ вдовы Терebeneва издателемъ Сына Отечества по 24 р. за экземпляръ (вмѣсто прежде назначенныхъ 35). Сынъ Отеч. 1815 г. № 4. стр. 164 (См. также Отеч. Запис. 1819 г. и Сынъ Отеч. 1820. LXIV. 332).

377. Наполеонъ послѣ сожженія Москвы. Гр. Сегюръ въ своей Исторіи Наполеона (II. гл. VII) рассказываетъ, какъ императоръ, спасаясь изъ Кремля отъ пожаровъ, пробирался съ своею свитою, среди горѣвшихъ домовъ и разрушавшихся сводовъ. «Мы шли», говоритъ Сегюръ, «по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ; сильный жаръ жегъ глаза наши, удушливый воздухъ и дымъ спирали наше дыханіе, пламя обжигало руки наши и искры прожигали наше платье. Въ этомъ то ужасномъ положеніи, когда лишь скорое движеніе казалось единственнымъ способомъ спасенія, нашъ проводникъ, сбившійся съ пути и смущенный, остановился. Здѣсь окончилась бы наша жизнь, еслибы случайное обстоятельство не спасло императора отъ неизбежной гибели Грабители изъ корпуса Даву нат-

кнулись на его свиту, вывели императора по пожарищамъ къ Москвѣ рѣкѣ, къ Дорогомиловскому мосту, а оттуда берегомъ въ Петровскій дворець (Séguir, Hist. de Napol., II. гл. VII. — Поповъ, Русск. Арх. 1876. I. 330).

Наполеонъ предвидѣлъ уничтоженіе Москвы; еще прежде говорилъ онъ Пав. Алексѣев. Тучкову, взятому въ плѣнъ: я желаю мира, иначе я займу Москву и какія бы я мѣры не принималъ къ сбереженію ея отъ раззоренія, никакихъ достаточно не будетъ: завоеванная провинція, или занятая непріятелемъ столица похожа на дѣвку, потерявшую честь свою. Что хочешь послѣ дѣлай, но чести возвратитъ уже невозможно (Русск. Арх. 1873, Записки Тучкова. О пожарѣ Москвы подробно говорится въ заключеніи).

377 А. Наполеонъ бесѣдующій съ сатаною. На обложкѣ книги: Жизнь Кн. Кутузова-Смоленскаго, напис. Синельниковымъ (СПБ. 1813 г.) помѣщена публикація о двухъ картинкахъ на эту тему: 1) «Разговоръ Наполеона съ сатаною послѣ сожженія Москвы и подорванія Кремлевскихъ стѣнъ; 2 руб.» (это нашъ № 377), и 2) «Наполеонъ бесѣдующій съ сатаною, послѣ сожженія Москвы»; 1 р. 50 к. (у насъ 377 А).

380. Русская баня. Во второмъ изданіи этой картинки сдѣлана надпись: «Н . . . нъ у Русскихъ въ банѣ»; стихи тѣже, равно и подпись Теребенева.

381 А. Попляши подъ нашу дудку. Прибавить: Копія точь въ точь съ № 381-го; надъ Наполеономъ сдѣлана надпись: «Ахъ тошно мнѣ на чужой сторонѣ». Въ собраніи Ефремова. Въ 1812 году была сочинена пѣсня *), которая и вдохновила составителя

*) Передѣлана ли она съ французскаго илиже сама послужила оригиналомъ для французской пѣсни, какъ полагаетъ П. А. Безсоновъ, опредѣлить трудно. Сочинилъ ее кажется гр. Ростопчинъ, который особенно хорошо владѣлъ французскимъ языкомъ. Впопльнѣ напечатаны оба текста, русскій и французскій, въ X выпускѣ пѣсень Кирѣевского, стр. 139.

этихъ картинокъ. Наполеону захотѣлось потанцовать; сперва онъ прошелъ Англезу, потомъ Экосезу и Польскій; скоро однакоже Польскій ему наскучилъ, музыкантовъ (Сарматовъ) перемучилъ:

Сѣмъ на Русь пойду
Тамъ я Барыню, пройдуся,
Фертонъ въ боки подопруся
Пляску заведу! . . .
Знавши вывертки французски
Заиграть велѣлъ по Русски
Музыкѣ своей:
Наши грянули по свойски—
Мы не знаемъ по заморски—
Нутка козачка!
Чуть прослышалъ Корсиканецъ:
Провались проклятый танецъ,
Дастъ онъ мнѣ толчка.
Видно хватъ ты изъ французовъ,
Говоритъ ему Кутузовъ:
Нѣтъ братъ погоди!
Захотѣлъ плясать по Русски
Присядайко по французски
Ты Наполеонъ!
Бонапарту не до пляски:
Растерялъ свои подвязки,
Хоть кричать «шардонъ».
Сталь онъ въ стороны кидаться,
Мелкимъ бѣсомъ извиваться,
Дрогнула нога.
Его музыки не стало,
Скрипокъ будто не бывало:
Пляска дорога!
Моргонулъ онъ Коленкуру:
Сѣмъ-ка, выкинемъ фигуру

На цыганскій ладъ!
Бросивъ пышныя ухватки,
По цыгански безъ оглядки
Шаркнули назадъ.

(Вѣстникъ Евр. 1813 г., I. 147).

385. Проѣздъ высокаго путешественника изъ Варшавы въ Парижъ. Наполеонъ бѣжалъ изъ Москвы въ Варшаву съ Коленкуронъ и Дюрокомъ (См. № 438).

385 А. Прибавить: есть хорошая копія съ этой картинки, безъ подписи Терebeneва; отличить ее отъ оригинала можно по буквѣ *В* въ словѣ *Варшавы*: въ копіи эта буква прописная, а въ оригиналѣ она вышла на манеръ печатной; хвостъ у лошади въ оригиналѣ состоитъ изъ отдѣльныхъ прядей волосъ, а въ копіи онъ сплошной.

387. Въ 1812 году продавались бумажные вѣера, съ такою подписью: СульТъ, мюрАтъ, Даву, Ожеро, Сюне, Викторъ И НЕЙ; читая большія буквы, выходитъ: стадо свиней (Русск. Стар. 1874, III).

389. 468 и 469. Чѣмъ онъ побѣдилъ врага своего?—нагайкой. Эта картинка объясняется слѣдующимъ рассказомъ; послѣ стычки козаковъ съ Вестфальской конницей, которая была при этомъ разсѣяна, одинъ козакъ примѣтилъ въ сторонѣ офицера, въ блестящемъ мундирѣ, и захотѣлъ около него пожитья. Смѣло налетѣлъ онъ на него съ своею пикою, но офицеръ успѣлъ перерубить его пику; тогда козакъ выхватилъ саблю, но и ее офицеръ выбилъ у него изъ рукъ; тогда козакъ въ одну минуту очутился сзади офицера и такъ окрестилъ его по спинѣ нагайкой, что тотъ упалъ безъ чувствъ съ лошади (Сынъ Отеч. 1842. № 7. 43).

390. Крестьянинъ увозитъ у французовъ пушку. Здѣсь изображено подлинное происшествіе: французскіе артиллеристы, оставивъ около одной деревни на Калужской дорогѣ пушку, бросились на

грабежъ. Одинъ крестьянинъ, увидавъ такое дѣло, сѣлъ на пушку, махнулъ по всѣмъ по тремъ, и привезъ пушку въ нашъ лагерь (Сынъ Отеч. 1812. № V. 216).

391. 463. 464. Французы, испугавшіеся козы. Происшествіе это случилось въ Бѣльскомъ уѣздѣ. Мародеры застали въ избѣ одну старуху и стали ее просить: «хлѣба и млека». Хлѣба корку она имъ дала, «а молока», говоритъ, «у меня нѣтъ; коровъ французы порѣзали; одна коза осталась». «Куда коза?» закричали испуганные французы, принявъ козу за козака. «А вонъ тамъ на дворѣ», отвѣчала старуха. «На дворъ казака!» закричали французы и опрометью побѣжали вонъ изъ избы (Сынъ Отеч. 1812. IX. 128)*).

Французы ненавидѣли и боялись козаковъ. Въ французской исторіи Шантро (II. 578) говорится, что: «Козаки трусливы и подлы, они суть поношеніе челоуѣчества. Двѣ тысячи сихъ малодушныхъ и ничтожныхъ всадниковъ не отважатся напасть на одинъ французскій эскадронъ, если только онъ твердо будетъ ихъ ожидать» (Русск. Вѣстн. 1812 г. № 8). Англичане, напротивъ того, не находили достаточныхъ похвалъ для козаковъ (конечно въ то время, когда они дрались въ ихъ пользу). Козакъ Землянутинъ три раза награвированъ съ своей длинной пикою въ Лондонѣ (см. мой: Словарь русскихъ портретовъ. СПб. 1872, стр. 62); о пребываніи у нихъ другаго козака въ Сынѣ Отечества (1813 г. № 17. 14) помѣщено слѣдующее извѣстіе: Русскій капитанъ Бокъ привезъ съ собой въ Лондонъ 18—6 марта козака Александра Витиченкова; ему 54 года, росту онъ 6 футъ; плотенъ и силенъ; въ обхожденіи непринужденъ; бороду имѣетъ длинную, сѣдую, кудрявую. 14—2 апрѣля его привозили на биржу и оттуда къ лордъ-меру, которой угостилъ его за столомъ и сказалъ, что, въ качествѣ верховнаго чина въ городѣ, считаетъ

*) Монахи Саввинскаго подворья тоже рассказываютъ, съ какимъ страхомъ спрашивали у нихъ застрявшіе въ монастырѣ французы: есть ли казака или еще нѣтъ казака? (Тромонинъ, Достопамят. Москвы. М. 1843, 93).

за честь и счастье пожать руку столь отличному воину, хотя онъ не имѣетъ ни титула, ни чина. Старый воинъ отвѣчалъ просто: готовъ де умереть за Государя и отечество». Вслѣдъ за тѣмъ была устроена подписка одѣть его, вооружить и отослать обратно на родину; 19—7 апрѣля художникъ срисовалъ его въ аккерманской увеселительной залѣ, желая выгравировать его изображение. На вопросъ, сколькоихъ онъ убилъ своей пикою, Витченковъ отвѣчалъ: трехъ офицеровъ, а сволочи нѣсколько четвериковъ. Лордъ мѣръ увѣрялъ его именемъ, что онъ перебилъ 39 человекъ (изъ англійскаго современнаго летучаго листка). Въ тоже время была сочинена какимъ то поэтомъ пѣсня «Cossack, War Song., — оканчивавшаяся восклицаніемъ»: *Hourra Cossack!* О томъ какъ боялся козаковъ Фридрихъ Великій см. въ заключеніи.

392 А. Прибавить еще карикатуру въ листъ: «Руской Геркулесъ загналъ французовъ въ лѣсъ и давилъ какъ мухъ» (Въ Публ. библ.) *) Г. Н. Геннади рассказывалъ мнѣ, что этотъ геркулесъ г. Сычевки былъ никто иной, какъ староста его дѣда Дениска, который пошелъ въ ратники и съ ватагой своихъ односельчанъ занимался истребленіемъ французскихъ мародеровъ или по тогдашнему народному прозвищу *міродеровъ*.

393 (и 408). **Русскій Сцевола.** Въ арміи Наполеона вступающимъ въ войско накладывали на руку клеймо; такое клеймо наложили одному крестьянину, котораго думали заманить на французскую службу; крестьянинъ, увидивъ клеймо на рукѣ своей, схватилъ топоръ и отсѣкъ себѣ клейменую руку **) Такъ раз-

*) Рисунокъ этой картинки напоминаетъ англійскую карикатуру, изображающую Бююхера, наказывающаго розгами Наполеона I, съ подписью: «old Blucher Beating the Corsican Big Drum, pub. april 8 th. 1814».

**) Такое клейменіе существовало и у насъ при Петрѣ I; сохранилось письмо Петра I къ кн. Якову Ѳеодоровичу Долгорукову съ приказаніемъ клеймить всѣхъ взятыхъ въ рекруты (ради побѣга), выжигая крестъ на лѣвой рукѣ (при письмѣ приложенъ и рисунокъ клейма). Хотя указъ объ этомъ не былъ опубликованъ, но въ народѣ это клеймо прозвали печатью антихриста (Русск. Архивъ 1873 г., 2070). По указу новобранцевъ пятнали рекрутскимъ пятномъ въ лѣвыя руки.

сказавъ сюжетъ этой картинки въ Сынѣ Отечества (1812. IV. 168). Ростопчинъ въ своей Правдѣ о пожарѣ Москвы (Сочинен., стр. 251) говоритъ о томъ же въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Всѣмъ извѣстна исторія Смоленскаго крестьянина, замѣченнаго на рукѣ, чтобы быть признаннымъ, который отрубилъ ее однимъ ударомъ топора».

394 (и 487). **Твердость русскаго крестьянина.** Во время французскаго нашествія крестьяне подмосковной деревни Планковой выселились въ лѣсъ. Разъ уговорили они восьмидесятилѣтняго старика, изъ своихъ односельцевъ, сходить въ оставленную деревню, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Старика увидѣли мародеры, схватили его и начали допрашивать: «куда дѣвали крестьяне свои пожитки?» Старикъ на все отвѣчалъ: «говорите погромче, глухъ батюшки, ничего не слышу». Били его, таскали, кололи въ грудь штыкомъ, — а ничего такъ и не добились; поплевали ему въ лице, и пошелъ старикъ назадъ къ своимъ, съ недобрымъ извѣстіемъ; такъ рассказанъ случай, изображенный на нашей картинкѣ въ Сынѣ Отечества (1813. IX. 133).

395 (и 434. 459. 460). **Французскій вороній супъ.** Очевидцы рассказывали, что французы въ Москвѣ каждый день выходили стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ «Soupe aux corbeaux» (Сынъ Отеч. 1812. VII. 44). Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ въ № VIII Сына Отечества была напечатана басня Крылова «Ворона».

396. Торжественный выѣздъ Наполеона въ Парижъ былъ описанъ въ англійскомъ журналѣ «The Courier», слѣдующимъ образомъ: 1. Везены были въ саняхъ двѣ Сибирскія кошки, немного поврежденныя при взятіи Кремля. 2. Кибиточка для Римскаго короля. 3. Колпакъ и туфли, которые Карлъ XII потерялъ при Полтавѣ. 4. Гренадеръ покойной французской Императорской Гвардіи замерзшій въ Смоленскѣ, но весьма хорошо сохрани-

вшійся. 5. Подарки, присланные непобѣдимыми гвардейцами Парижскимъ ихъ подругамъ. 6. Искусно сдѣланная изъ льду модель деревеньки, въ которой Его Величество стоялъ на бивуакахъ послѣ блистательныхъ побѣдъ, одержанныхъ маршалами Даву и Неемъ, 5 и 6 Ноября. 7 Двѣнадцать чучель, представляющихъ казаковъ, Калмыковъ и Башкировъ, заключали шествіе. Король Римской, сей возлюбленный младенецъ, изволилъ смотрѣть на сіе зрѣлище изъ драгоценной своей колыбели съ великимъ удовольствіемъ (Сынъ Отеч. 1813. III. 149).

396 А. Прибавить: Точная копія съ № 396, съ подписью: «Торжественный въѣздъ въ Парижъ, не побѣдимой Французской Арміи».—У П. А. Ефремова.

402. Наполеонъ грибъ съѣлъ. Картинка эта напоминаетъ слѣдующій неудавшійся проэктъ Наполеона: узнавъ о союзѣ Пруссіи и Россіи, Наполеонъ велѣлъ послу своему сказать въ Вѣнѣ: Если Императоръ Александръ не согласится вступить въ переговоры, то мы предложимъ слѣдующее—Пруссія будетъ раздѣлена на 3 части. Въ ней 5 миліоновъ жителей: одинъ миліонъ на востокѣ отъ Вислы останется ей; два миліона, т. е. лучшую часть получить Австрія, 1 миліонъ Саксонія, и 1 миліонъ Вестфалія (Древн. и Нов. Росс. 1877. 12. 353).

404. Усердная и добровольная поставка рекрутъ. Въ разговорѣ съ плѣннымъ французскимъ интендантомъ Пюисбюскомъ Кутузовъ спросилъ его: «еслибы Наполеонъ ушелъ изъ-подъ Березины, неужели французскія войска снова стали бы жертвовать ему своею кровію а Сенатъ поощрять къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ?». «Народъ утомленъ постоянными войнами, скоро неостанетъ рукъ для земледѣльческихъ работъ, торговля страдаетъ, новые наборы произволятся только насильственными способами», отвѣчалъ Пюисбюскъ. «А Сенатъ», замѣтилъ снова Кутузовъ, «какъ онъ будетъ поступать, когда Наполеонъ, потерявъ всѣ арміи, потребуетъ новой».

Пюисбюскъ признался, что Сенатъ будетъ покоренъ его волѣ. «Въ такомъ случаѣ», говорилъ Кутузовъ, «если онъ уйдетъ изъ подъ Березины, то послѣдуетъ еще много бѣдствій и кровопролитія». Такъ и было впоследствии; слова Пюисбюска о «насильственныхъ способахъ, которыми производились новые наборы», носившіе въ бюлетеняхъ иезуитское названіе «добровольныхъ и усердныхъ пожертвованій», послужили темою для настоящей картинки; съ нея была сдѣлана въ тоже время копія въ Лондонѣ.

410. Собранная на Эльбѣ армія. Приказъ командовавшаго Эльбскою арміею генерала Лористона появился въ Гамбургѣ 14 февраля 1813 года. Приказъ этотъ наполненъ бранью на противниковъ, крайнею лестію Наполеону и шутовскою похвалой, и заканчивается на манеръ Наполеоновскихъ рѣчей, словами: «Солдаты. Вашъ Генералъ чтитъ и уважаетъ васъ. Вы должны поведеніемъ своимъ послужить образцами народамъ, которыхъ должны защищать и покровительствовать. Подписано: Главнокомандующій (*небывалою*, замѣчено редакторомъ Сына Отеч.) обсервационною арміею на Эльбѣ, Г. Лористонъ» (Сынъ Отеч. 1813. X. 189).

412. Вывозъ рѣдкостей. Во вторыхъ отпечаткахъ этой гравюры на бюстѣ Пугачева сдѣлана надпись «Аттила», но самое изображеніе Пугачева осталось прежнее (и схожее).—У П. А. Ефремова.

416 А. Прибавить: Освобожденіе Европы; копія съ № 416, гравированная въ однихъ очеркахъ.—У И. И. Ваулина.

419. Французское воспитаніе. Французскіе гувернеры приглашались для воспитанія русскаго юношества высшихъ слоевъ съ давняго времени; еще въ 1726 году графъ Александръ Ѳедоровичъ Головинъ нанялъ къ сыновьямъ своимъ французскаго гувернера Пирара, преподавать не только французскій языкъ, но и хорошія манеры (Древн. и Нов. Россія 1877. Январь, 12 2).

Въ Мысляхъ вслухъ на Красномъ крыльцѣ Ефремовскаго старо-свѣтскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева, гр. Ростопчинъ говорить: «Спаси Господи! чему дѣтей нынче учать! выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову . . . . . Русскихъ они считаютъ за медвѣдей . . . всему у нихъ свое названіе: *холопъ—mon ami*, Москва—*ridicule*; Россія—*fi donc*». Господи помилуй! только и видимъ, что молодежь одѣтую, обутую по французски. Отечество ихъ на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное Парижъ. Старухи и молодья сошли съ ума. Одѣты какъ мать наша Евва въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мяснаго ряду . . . *Это мнѣ ужъ тридцать у насъ завелось*» (Соч. Ростопчина, изд. Смирд., стр. 10).

Въ письмѣ къ Богатыреву, другаго Ростопчинскаго философа Правдина, Ростопчинъ языкомъ Правдина говоритъ, что въ Россіи только и видишь молодежь, по всѣхъ отношеніямъ французскую (324). Отецъ только и твердитъ: у меня братецъ лучшей аббе за сыномъ ходить; а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу Мадамъ? она и пекись о дочеряхъ моихъ . . . А какія Мадамы то! . . . я самъ знаю нѣкоторыхъ, которыя нѣсколько мѣсяцевъ были мадами, а теперь сидятъ у модницъ, шьютъ тряпки (327) . . . Войдешь въ знатный домъ—только и услышишь по Русски: человекъ! подай стаканъ воды съ виномъ . . . Пойдешь и не къ знати даже—къ купцамъ, тоже да тоже (Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра Великаго въ СПБ., или посланіе Силы Сидоровича Правдина къ Силѣ Андреевичу Богатыреву, стр. 227).

421 А. Прибавить: «Французской магазинъ помады и духовъ». На столѣ стоятъ стклянки и банки съ надписями: *d'Esprit—pour la bouche—pour les moustaches*. Мамзель продаетъ франту помаду; другая мамзель сзади. Подпись: «1-й французское ли это? 2-я. О мосіе! самое свѣжее». Картинка очеркомъ, въ листъ, вдлину.—Въ собраніи М. О. Вольфа.

423. Дѣятельность француженки въ магазинѣ. Въ числѣ первыхъ выслана была въ 1812 году изъ Москвы содержательница моднаго магазина Оберъ Шальме (*Auber Chalmé*), которую въ публикѣ, за дороговизну ея товаровъ, называли Оберъ Шельмой. Оберъ Шальме, кромѣ модъ и шляпокъ, торговала красивыми француженками и сводничала *).

Магазинъ Шальме, при ея высылкѣ, былъ разграбленъ полиціей; Волкова пишетъ объ этомъ Ланской слѣдующее: «ты представить не можешь, что здѣсь (т. е. въ Москвѣ) творится. Всему виной Ростопчинъ; за то и ненавидятъ же его здѣсь! Онъ просто плутъ, злодѣй, съ этимъ согласны всѣ его прежніе поклонники. Сноснымъ его находятъ лишь тѣ, которымъ онъ помогаетъ воровать, грабить и наживаться. Я говорю о полицейскихъ чиновникахъ. Представь, что графъ и его агенты подѣляли между собою всѣ товары изъ магазина мадамъ Оберъ-Шальмѣ. Ты можешь судить, какъ велика была пожива. Мой двоюродный братъ, Волковъ,—единственный человекъ, не участвовавшій въ дѣлѣжѣ. Каждому частному приставу досталось бронзовыхъ вещей тысячъ на десять или на пятнадцать. Весь магазинъ оцѣненъ былъ въ шестьсотъ тысячъ рублей. Замѣть, что это не изъ худшихъ поступковъ» (Письма Волковой къ Ланской: Русск. Вѣстн. 1879 г.).

426. Изгнаніе изъ Москвы французскихъ актрисъ. Французскимъ актерамъ при Петербургскомъ и Московскомъ театрахъ дано было въ это время увольненіе (Сынъ Отеч. 1812. X. 181).

427. Въ 1812 году Рязанскій губернскій предводитель дворянства Измайловъ пріѣхалъ во главѣ депутаціи, заявить о готовности дворянъ собрать ополченіе. Министръ полиціи Балашевъ выругалъ дворянъ и выслалъ изъ Москвы, за то, что они осмѣлились явиться безъ спросу съ такимъ предложеніемъ (Древн. и Нов. Росс. 1876. 9).

*) Этими же дѣлами занимались и парикмахеры по дамской части; они, вмѣстѣ съ парфюмеріями, доставляли имъ средства имѣть любовныя утѣхи, немня при этомъ дѣтей.

429. 6-го Ноября, на другой день послѣ сраженія при Красномъ, въ которомъ корпусъ Даву былъ уничтоженъ, Кутузовъ сидѣлъ на коврѣ за чашкой чая, окруженный офицерами, и торжественно читалъ имъ новую басню Крылова: Волкъ въ овчарнѣ. Когда дошло до словъ: «ты сѣръ, а я пріятель сѣдъ», Кутузовъ снялъ фуражку съ сѣдой головы своей и громкое ура раздалось въ воздухѣ (Поповъ, Р. Арх. 1876, 307).

432. **Духъ неустранимости Русскихъ.** Подмосковные крестьяне ежедневно хватали большое число французовъ, отправлявшихся на грабежъ, и убивали ихъ. Чтобы утратить ихъ, французскіе начальники приказали схватить нѣсколько крестьянъ изъ соседнихъ деревень; похватили человѣкъ двадцать, привели въ Москву, приговорили къ смерти; прочли имъ приговоръ, переведенный на русскій языкъ, и разстрѣляли. Передъ смертью крестьяне о пощаду не просили и, кланяясь міру говорили: помилуй меня Господи! прощайте добрые люди (Сынъ Отеч. 1812. V. I. 244). Въ напечатанномъ процесѣ о зажигателяхъ сказано, что было представлено 30 поджигателей, при чемъ всѣ они названы по именамъ; изъ нихъ тринадцать, уличенные въ поджигательствѣ, были приговорены къ смерти. Это было въ первыхъ числахъ сентября; сперва всѣхъ тридцать человѣкъ вывели изъ Хамовническихъ казармъ и пригнали, подъ сильнымъ прикрытіемъ къ Петровскому монастырю (что на бульварѣ); здѣсь ихъ продержали цѣлый часъ, поставя въ одну линію; затѣмъ отчитали справа переднихъ тринадцать, поставили ихъ къ монастырской стѣнѣ, и разстрѣляли. Тѣла ихъ были подняты на фонарные столбы съ французскою и русскою надписями; гласившими что они зажигатели. Другіе семнадцать были отпущены, и впредь уже не тревожимы (гр. Ростопчинъ, Правда о пожарѣ Москвы: его соч., стр. 216).

433. **Наполеонъ занимается въ Москвѣ выжигою.** Сюжетъ этой картинки взятъ изъ дѣйствительности; въ первые же дни занятія

французами Москвы, въ Успенскомъ соборѣ, на мѣстѣ паникадила, были повѣшены вѣсы, на которыхъ взвѣшивали выплавленное золото и серебро изъ награбленныхъ церковныхъ и другихъ сокровищъ; по уходѣ непріятеля на иконостасѣ были еще видны цифры: 325 пудъ серебра и 18 пудъ золота. Тутъ же стояли плавильные горны и были устроены стойла для лошадей (Статья А. Н. Попова: Русск. Арх. 1876, I. 445). Войска водили на грабежъ по очереди, по нѣсколько ротъ разомъ, какъ говорилось въ приказахъ «для приготовленія свѣжихъ припасовъ продовольствія» (Поповъ, Руск. Арх. 1876, I. 335). Полагая, что каждому достанется грабить по одному разу, солдаты грабили начисто, разбивая окна, двери, кладовыя и погреба; грабили и свои солдаты и арестанты, выпущенные гр. Ростопчинымъ изъ острога. Хуже всѣхъ были Поляки, которые позволяли себѣ безцѣльныя жестокости съ обывателями; Баварцы ломали и разрушали все, а Виртембергцы даже разрывали могилы. Совѣстливѣе всѣхъ были сами Французы.

434. **Кухня главной квартиры.** Не только въ Москвѣ, но и въ Штетинѣ французскіе рестораторы жарили водяныхъ крысъ и кормили ими почтенныхъ своихъ воиновъ (Сынъ Отеч. 1813, № 41).

436. **Смотръ французскимъ войскамъ.** Поправить въ подписи: «1812. № 480 письмо изъ Варшавы отъ 14 ноября Иванъ Тербеневъ». Большинство экземпляровъ этой картинки обрѣзаны справа.

✓ 437 А. Прибавить: «Бѣгство Наполеона великаго». Онъ ѣдетъ въ санкахъ въ одну лошадь; править ознобленный мамелюкъ; сзади бѣгутъ три маршала. Надписи: надъ мамелюкомъ:— «Не слушайте его, ну гдѣ ему править; у него обѣ руки отморожены»; надъ Наполеономъ— «полно ворчать, погоняй, погоняй бездѣльникъ, а то вѣло тебя тутъ же разстрѣлять»; надъ марша-

лами—«Ваше величество! силъ нѣтъ бѣжать, да и не ремесло это для маршала великой націи: позвольте мнѣ имѣть щастіе сѣсть на блучокъ вмѣсто мамелюка?»—«Какъ живъ былъ покойный мой корпусъ, то всегда намъ было жарко, теперь умираю отъ стужи».—«Отъ самой поганой Москвы дуетъ намъ все противный вѣтръ». Подъ маршалами подписаны ихъ фамиліи: «Давустъ, Ней, Ле-февръ». Крѣпкая водка, въ листь, вдлинну. Въ собраніи М. О. Вольфа.

438. Рыцарская поѣздка Наполеона изъ Варшавы. Въ декабрѣ Наполеонъ бѣжалъ подъ именемъ Коленкура; французы острили на его счетъ, говоря, что это *Colin qui court*; у самой Вильны, въ то время, когда Наполеонъ завтракалъ, кучеръ его замерзъ на козлахъ (Русск. Старина. Декабрь 1879. Записки Шуазель Гутье, 601).

438 А. Въ азбучномъ списокѣ карикатуръ 1812 года, составленномъ И. П. Липранди (Опытъ каталога всѣмъ отдѣльнымъ сочиненіямъ по 1872 годъ объ отеч. войнѣ 1812 года. Москва 1876 г.) помѣщена еще слѣдующая карикатура: Наполеонъ, ѣдущій въ изодранной бричкѣ. На встрѣчу ему офицеръ съ ремонтными лошадьми. Наполеонъ кричитъ: «Сейчасъ дай мнѣ дорогу!» А Офицеръ отвѣчаетъ: «Остановись негодяй, и жди до тѣхъ поръ, покуда пройдутъ ремонтныя лошади». Попадаетъ на встрѣчу сему офицеру Коленкуръ съ тремя генералами; спрашиваетъ: «Невидалъ ли Императора, проѣхавшаго въ бричкѣ?» Онъ отвѣчаетъ, что никого, кромѣ одного, ѣхавшаго съ быстротой, который перепортилъ было ремонтныхъ лошадей (стр. 44. № 42).

439 А. Прибавить: «Выездъ Наполеона изъ Москвы въ сопровожденіи Ней и Мюрата». Наполеонъ верхомъ на ослѣ. Ней, верхомъ на свинѣ, подаетъ ему кусокъ хлѣба, съ словами: «Скушайте Ваше величество рускаго хлѣба; вамъ гораздо легче бу-

детъ». Мюрать на быкѣ; около него надпись: «Увы! только двѣ галки осталось! что будетъ со мною завтра» . . . . Плохая листовая картинка, грав. крѣпкой водкой.

440. Эта картинка имѣетъ много сходства съ «Schlittenfahrt aus Moscau», изображенной на картинкѣ: «Napoleons Stufenjahre». На этой оригинальной картинкѣ представлена лѣстница на двѣ стороны; слѣва, по шести ступенькамъ, взбирается Наполеонъ, какъ «Corsicher Knabe—Militair Schüler—Lieutenant—General—Consul»—и наконецъ «Kaiser». Справа представлено, на четырехъ ступенькахъ, его паденіе: «Abschied aus Spanien—Schlittenfahrt aus Moscau—Lebwohl aus Deutschland» и «Ende». Подъ лѣстницей Наполеонъ лежитъ на Ельбѣ; около него бумага съ надписью: «Das grosse Reich—Insel Elba» (Подлинникъ въ моемъ собраніи).

441. Отступление въ полномъ порядкѣ. Картинка эта намекаетъ на то, что во время войны 1812 года какъ русскіе, такъ и французы предполагали воспользоваться воздушными шарами, для нанесенія вреда другъ другу. Императоръ Александръ писалъ изъ Вильны Н. В. Обрѣзкову, чтобы отвести мѣсто посылаемому въ Москву иностранцу Шмидту, для изготовленія воздушнаго шара; мѣсто это было отведено ему на казенномъ дворѣ въ Тюфелевой рошѣ, близъ Симонова монастыря, гдѣ шаръ этотъ и изготовлялся. При назначеніи Ростопчина главнокомандующимъ города Москвы, Императоръ Александръ въ другомъ письмѣ приказывалъ Обрѣзкову сообщить о шарѣ Ростопчину, съ тѣмъ, чтобы онъ содѣйствовалъ предпріятію Шмидта (Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитриева. М. 1869, стр. 244). Въ одной изъ своихъ афишекъ Ростопчинъ объявляетъ о воздушномъ шарѣ жителямъ Москвы: «Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человекъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра или

послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и гибели» (Сочин. Ростопчина, стр. 171).

Въ Русской Старинѣ за 1877 годъ напечатано свѣдѣніе о томъ, что проэктъ объ устройствѣ воздушнаго шара, съ тѣмъ, чтобъ съ него осыпать непріятели снарядами, былъ представленъ французомъ Леппихомъ сперва Наполеону, а за отказомъ его Императору Александру, который приказалъ дать Леппиху всѣ средства къ тому. Леппихъ помѣстился въ селѣ Ростопчина Вороновѣ, подъ Москвою, и подъ ревностнымъ покровительствомъ Ростопчина истратилъ на свое изобрѣтеніе до 320.000 франковъ. 30 іюня 1812 года Ростопчинъ писалъ Государю, что онъ увѣренъ въ успѣхѣ его предпріятія, что Леппихъ предлагаетъ ему самому летѣть съ нимъ для пробы, но что онъ не смѣетъ рѣшиться на это безъ дозволенія Его Величества; а черезъ два мѣсяца потомъ донесъ, что шаръ, устроенный Леппихомъ для подъема пяти человѣкъ, не могъ поднять и двухъ человѣкъ; машина оказалась неготовою и крылья слабыя; словомъ—предпріятіе кончилось полною неудачею (Русск. Стар. 1877. Сент., 718).

442 А. Прибавить: маленькая гравюрка крѣпкой водкой in 8°. Наполеонъ бѣжитъ съ козой на плечахъ; козакъ погоняетъ его морковью; отъ него идетъ надпись: «Съ праздникомъ»; внизу подпись: «Ich schoss den Bok im vorgehen Jahr!

Als ich zu lang in Moscau war!

Er lebt und schreit, ich glaub beinah:

Das Thierchen ist aus Corsica!

Ich seh's am Lorbeerschweif am Bonen bart

Kein anders Reich zieht Böke dieser Art».

И дружка къ ней: такая же маленькая картинка in 8°, съ одною нѣмецкою надписью: «Russ. Wunder Elixir. . .». Наполеонъ стоитъ у стола съ рецептомъ въ рукахъ, на которомъ надпись:

«Secret». См. тоже картинку: Черный глазъ въ прим. къ № 122.

446. И на нашей улицѣ праздникъ, кричитъ пруссанъ. На союзъ Русскихъ съ ненавистными имъ, до того времени, Прусаками была сочинена «въ Берлинѣ» застольная пѣсня:

Веселись солдатъ съ солдатомъ,
Русскій съ храбрымъ Прусакомъ:
Онъ привыкъ тебя звать братомъ
И владѣть какъ ты штыкомъ
Обними солдатъ солдата
Русской храбра Прусака . . .

(Кир. X. 165).

449 и 450. Зимнія квартиры. Бивуаки французовъ подъ Борисовымъ были сдѣланы изъ снѣгу и изъ тѣлъ замершихъ ихъ товарищей—семнадцати тысячъ человѣкъ! . . . Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замерзали французы цѣлыми толпами: съ отмороженными по локоть руками и по колѣна ногами уподоблялись они истуканамъ изъ слоновой кости. Въ Вильнѣ не успѣвали хоронить умирающихъ. . . . Известно, что французы пожирали другъ друга, но неизвѣстно еще, что они сего ни мало не скрывали, а еще хвастались, говоря тѣмъ, которые ихъ въ томъ упрекали: Mais, monsieur, ça vaut mieux que de la charogne (это лучше падали). Очевидцы рассказываютъ, что французы вырѣзали для того *лучшія части* изъ павшихъ товарищей (Сынъ Отеч. 1813. VIII. 90).

452. Ночной Кошмаръ. Этотъ листъ скопированъ К. Аванасьевымъ, съ нѣкоторыми измѣненіями*), съ англійской карикатуры: «Dutch Night Mare Or The Fraternal Hug—returned with a

*) Въ оригиналѣ Наполеонъ, въ рубашкѣ, покрытъ одѣяломъ (ушитымъ орлами), изъ подъ котораго высовываются въ корчахъ голыя ноги; въ копіи Наполеонъ лежитъ въ мундирѣ и ботфортахъ.

dutch squeeze». Pub^d nov^r 29 1813 by R. Ackermann № 101, Strand».

454. Обратный проходъ Наполеоновой гвардіи черезъ Вильну. Въ одномъ письмѣ изъ Вильны отъ 1 декабря рассказывалось, что гвардія, проходившая черезъ Вильну, была покрыта рубищами; защищаясь отъ холода, люди надѣвали на себя что могли: женскія юбки всѣхъ цвѣтовъ, рогожи, платки, шкуры и т. п. Въмѣсто шапокъ на головахъ ихъ были наверхены мундиры; башмаковъ не было; а ноги они обертывали сукномъ, старыми шляпами и кожею. У одного отморозило носъ, у другаго уши; ружья они побросали. Самъ Наполеонъ бѣжалъ 24 ноября, въ сопровожденіи 15 польскихъ уланъ и 14 неаполитанскихъ солдатъ (Сынъ Отеч. 1812. XII. 271). На нашей картинкѣ нѣкоторые французы представлены въ поповскихъ рясахъ. У Тромонина помѣщенъ рассказъ монаховъ Саввинскаго подворья о томъ, какъ французы, забравшись въ ризницу, оборвали ризы съ иконъ и жертвенниковъ, доискиваясь все серебра и золота, а все, что было аплике, побросали; потомъ надѣли на себя двѣ архіерейскія митры и ушли (Тромонинъ, Достопамят. Москвы, 92).

455. Ретирада французской арміи. Картинка эта, работы М. Богучарова, была приложена къ № 19 Сына Отечества за 1813 годъ, въ которомъ помѣщено слѣдующее объясненіе нумеровъ, поставленныхъ подъ изображеніями на картинкѣ: «Конница: I. Trompette major des chevaux legers. Староста трубачей легкой конницы. II. Colonel de la garde. Гвардейской Полковникъ. III. Colonel du 1 regiment des chasseurs legers. Полковникъ 1 легко-егерскаго или конно-егерскаго полку. IV. Mameluc de la garde. Гвардейской Мамелюкъ.—Пѣхота: V. Tambour major de la garde. Гвардейской барабанной староста. VI. Colonel des chasseurs de la garde. Полковникъ гвардейскихъ егерей. VII. Sergent major de la garde. Гвардейской фельдфебель. VIII. Elite de la garde. Отборная гвардія. Рисунокъ сдѣланъ съ натуры и еще весьма далеко отстоитъ отъ подлинниковъ, возбуждавшихъ состраданіе и ужасъ».

455 А. Прибавить: при № 27 того же журнала за 1813 г. приложена другая гравюра того же мастера (безъ его подписи), на которой изображенъ: «Бивакъ Французскихъ войскъ, подъ Вильною, на попятномъ ихъ пути; рисовано съ натуры, въ концѣ 1812 года. Bivouac de troupes Françaises, près de Wilna, à leur retour—dessiné d'après nature, à la fin de 1812». Здѣсь представлены почти тѣже лица, что и на предыдущей картинкѣ. Они (9 человекъ) грѣются у костра; одинъ воинъ жаритъ воткнутый на шпагу лошадиный окорокъ; кругомъ стоянки разбросаны обнаженные мертвыя тѣла. По случаю изгнанія французовъ въ 1812 году была напечатана цѣлая шуточная книжка, подъ заглавіемъ: Ретирада большой французской арміи, или Наполеонъ горе-богатырь, каррикатурное пѣснопѣніе на подвиги прослывшаго было непобѣдимымъ на возвратъ въ Парижъ на конкордаты и на регенство и проч. Соч. въ Енисейскихъ поляхъ покойнымъ придворнымъ шутомъ Балакиревымъ, изданное П. Лобысевичемъ. СПБ. 1813. 8^о (Геннади и Собко, Справочный Словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, II. 244).

459 А. Прибавить: французская артиллерія; четыре канонира тащутъ лафеты, на коихъ лежитъ приготовленная къ ужину мертвая лошадь; послѣднюю же пушку заколачиваетъ артиллеристъ, съ восклицаніемъ: «Vive la grande armée» (Липранди, Опытъ каталога 1812 г., стр. 48. № 84).

461. Французы, голодные волки, терзаютъ барана. Сюжетъ этой картинки рассказанъ въ Сынѣ Отечества такъ: козаки привязали, около пушки, барана на веревку; тотчасъ же накинулись на него французскіе гусары, побросали оружіе и начали уже дѣлить барана, какъ вылетѣли изъ за пушки козаки и перехватили ихъ безъ боя (Сынъ Отеч. 1812 г. III. 126).

462. Хлѣбосольтво русскихъ. «Герои Русскіе подъ начальствомъ графа Витгенштейна, послѣ одной побѣды (кто ихъ всѣ упомя-

нить), одержанной мужественнымъ графомъ Витгенштейномъ надъ французами, Русскіе храбрые солдаты сидятъ уже около горячихъ щей съ говядиной, а тамъ недалеко взвизываетъ къ облакамъ паръ отъ кипячей кашицы. Въ сіе время ведутъ плѣнныхъ французовъ; они тощіе, блѣдные, насили ноги тащатъ, но лишь взвидѣли человѣческую пищу, остановились несчастные, нейдутъ впередъ, вперили глаза полумертвые отъ голода на пищу. Тогда нѣсколько Русскихъ солдатъ, оставя ложки, встали и говорятъ товарищамъ: «ребята! что намъ стоитъ день не поѣсть! уступимъ наше горячее бѣднымъ плѣннымъ французамъ; вѣдь они тоже люди, не ѣли, какъ мы сами знаемъ много дней, а можетъ быть только по приказу Бонапарта злодѣйствуютъ». Вдругъ все встали и плѣнные французы бросились ѣсть. . .» (Сынъ Отеч. 1813. № XI. 295).

466. Французская атака русской бани. Партія мародеровъ зашла въ какую то опустошенную деревушку, близъ Москвы. Двѣ бабы, случившіяся въ деревнѣ, бросились спасаться отъ нихъ въ баню, и зарылись въ кучу вѣшниковъ. Между тѣмъ мародеры завидѣли гдѣ то на задворьѣ курицу и начали ловить ее; курица, перелѣтая съ крышки на крышку, взлетѣла на баню,—мародеры за нею, она въ баню, въ вѣшники. Одинъ французъ, доставая ее, наступилъ на ногу спрятавшейся бабы; баба вскочила, другая за ней тоже, и бросились съ крикомъ вонъ. Испуганные мародеры побѣжали тоже сломя голову, а тотъ, который залѣзъ было на банную крышку за курицей, упалъ, вывихнулъ себѣ ногу и остался на мѣстѣ» (Сынъ Отеч. 1813. III. 150).

471. Французы въ Россіи. Это одна картинка съ № 456. «Во время ограбленія Полоцка, одинъ французскій капитанъ добылъ на свою долю щегольскую карету. Заложивъ въ нее четверню и пригласивъ товарищей, французы поѣхали прокатиться, но подъѣхали близко къ кордону. Здѣсь казаки подшутили съ ними: быстро налетѣли на четверню, сшибли кучера съ козелъ, вмѣсто

его сѣлъ козакъ, лошадей повернули, и помчали незванныхъ гостей по кочкамъ и буеракомъ въ русскій лагерь; французовъ привезли они къ полковнику полумертвыхъ, отъ кареты же остался одинъ кузовъ безъ колесъ. Вотъ, Ваше Высокоблагородіе, гости незваные и нежданные; примите ихъ по ласковѣй, а мы свое дѣло сдѣлали» (Сынъ Отеч. 1812. VII. 44).

475 А. Прибавить: «Козаки на форпостѣ»; листовая картинка крѣпкой водкой; справа стоитъ священникъ, слѣва разведенъ костеръ.

475 Б. Прибавить: «Эстампъ, представляющій козаковъ, летящихъ въ атаку, посвященный не союзнымъ англійскимъ народомъ Великому Наполеону. СПБ. 1813». Объ этомъ листѣ упоминаетъ Липранди въ своемъ каталогѣ 1812 г. стр. 49.

477. Освобожденіе Винцингероде и Нарышкина. Полковникъ Чернышевъ взялъ въ плѣнъ трехъ кабинетъ-курьеровъ, съ важными бумагами и при этомъ освободилъ находившагося въ плѣну у французовъ генер.-лейт. барона Винцингероде и майора Нарышкина. Въ № 6 Сына Отечества (стр. 40) освобожденіе это описано слѣдующимъ образомъ: «Винцингероде и Нарышкина сопровождали всего три жандарма; по дорогѣ имъ встрѣтился русскій казакъ, которому Винцингероде успѣлъ закричать: я русской генераль. Козакъ ускакалъ; но вскорѣ вернулся съ товарищами; они освободили плѣнныхъ, пересадили ихъ изъ коляски на лошадей, и доставили въ русскій лагерь (Сынъ Отеч. 1812. VI. 247).

477 А. Прибавить: «Генераль-Лейтенантъ баронъ Винцингероде освобожденный изъ плѣну Флигель-Адъютантомъ Чернышевымъ Ноября 3 дня 1812 года: посвящено Ея Превосходительству Баронессѣ Винцингеродѣ» и таже подпись по нѣмецки. Листовая картинка, грав. крѣпкой водкой.

477 Б. Прибавить: «Изгнаніе изъ Москвы непріятели отрядомъ легкой кавалеріи подъ командой Генералъ-Маіора Иловайскаго 4-го (составлявшимъ Авангардъ корпуса Генералъ-Лейтенанта Барона Винценгероде, октября 10-го 1812 года). И: Ивановъ». На картинкѣ представлена кремлевская площадь; гравиров. рѣзцемъ.

479 А. Прибавить: **Иди козырь не вертися.** Картинка въ пять фигуръ, in 4°, въ ширину, гравированная крѣпкой водкой; внизу стихи:

«Иди козырь Невертися!
 А часами непрелщай
 Сказакомъ не гаречися
 Нашихъ русскихъ не стращай
 Знай мы войны прямыя.
 Не какъ взятокъ не беремъ,
 Наши руки не кривыя
 Схватя за волосы съ ведѣмъ. —
 васъ въ росіи было много
 все кричали пардоне
 Ихъ наказывали строго.
 Мы нагайкой по спине
 Пушки ружья мы отбили
 всехъ заставили бежать
 Все мятежи усмирили
 Стали русскимъ подражать
 Я крестьянка скажу проста
 Покажу какъ куриць есть
 Я въ топтала васъ здѣсь соста
 Утоплю и вашу честь
 И другому тоже будетъ
 Пусть стоитъ болваномъ тутъ
 Онъ вовеки не забудетъ
 Что короткій вамъ здесь судъ».

Подъ картиной поставлена подпись мастера: «І. С. Чернышовъ».

На картинкѣ представлены: казакъ, замахнувшійся нагайкой на французскаго офицера, который предлагаетъ ему, въ подарокъ, часы, и крестьянка, которая тащитъ французскаго солдата за волосы въ воду. Слева стоитъ еще солдатъ, привязанный къ дереву. Вдали разведенъ огонь, на которомъ французики собирались зажарить воткнутую на шпагу курицу (У И. И. Ваулина).

480. 481 (и 504). Французы, голодныя крысы, въ командѣ у старостиhi Василисы. «Староста одной Сычевской деревни отправился съ партией плѣнныхъ французовъ; между тѣмъ крестьяне наловили еще плѣнныхъ и привели ихъ къ старостиhѣ Василисѣ, которая важно усѣлась на клячу, взяла въ руку косу и scomандовала: ну злодѣи французы во фронтъ! ступай, маршъ! Одинъ было французикъ заорточился, такъ она его косою по головѣ на тотъ свѣтъ спровадила, предупредя прочихъ: всѣмъ вамъ, ворамъ, собакамъ, тоже будетъ! ужъ я двадцати семи такимъ озарникамъ сорвала головы! маршъ въ городъ!» (Сынъ Отеч. 1812. XI. 225).

485. Саксонскій офицеръ взялъ къ себѣ въ деньщики плѣннаго русскаго кирасира. Этотъ кирасиръ сказалъ ему, что въ одной деревнѣ, въ огородѣ, зарыто въ землѣ множество съѣстнаго. Покуда Саксонецъ сталъ отрывать съѣстное, кирасиръ убѣжалъ отъ него, собралъ бабъ, которыя схватили саксонца, связали его, а одна баба привела его, на рогатинѣ, къ передовымъ постамъ. (Сынъ Отеч. 1812. III. 125).

486. Бабушка Нузминична угощаетъ французскихъ мародеровъ щами. Въ Смоленской губерніи зашли тощіе французы въ одну избу и просятъ старуху чего нибудь поѣсть; та сжалилась на нихъ и подала имъ щей. Не понравились щи французамъ; стали они въ нихъ плевать и ругать старуху. Тогда онахватила одного

француза горшкомъ въ голову, выбѣжала на улицу, приперла дверь ухватомъ и созвала народъ (Сынъ Отеч. 1812; XI. 225).

✓ 487. Твердость русскаго крестьянина. Поправить въ подписи:... 1813 г. № 9 стр. 133 (а не 186); картинка въ листъ, въ длину. Въ 1812 году въ господскихъ имѣніяхъ грабили не одни французскіе мародеры, но за частую и свои собственные крестьяне. Въ объявленіи отъ 20 октября 1812 года гр. Ростопчинъ прямо обращается къ «крестьянамъ Московской губерніи», и говоритъ: по возвращеніи моемъ въ Москву, узналъ я, что вы недовольны бывъ тѣмъ, что ѣздили и таскали, что попадалось на пепелищѣ, еще вздумали грабить дома господъ своихъ по деревнямъ и выходить изъ послушанія. «Гей ребята! живите смирно, да честно; а то дураки, забіячныя головы, кричатъ: батюшки, не будемъ» (Сочиненія Ростопчина, 194). Въ письмѣ Волковой къ Ланской по этому предмету находимъ слѣдующее: «Подвиги французовъ ничто въ сравненіи съ поступками русскихъ войскъ и крестьянъ изъ окрестностей города. Были офицеры, раззорявшіе Москву съ помощью солдатъ; затѣмъ, притворяясь ранеными, они продолжали грабить за Москвой. Въ Коломнѣ и по ту сторону Оки намъ рассказывали про нихъ такія исторіи, отъ которыхъ я пришла въ крайнее негодованіе... Вообрази, что по удаленіи враговъ мужики начали дѣйствовать по ихъ примѣру. Только-что непріятель оставилъ Москву, тысячи крестьянъ явились туда съ повозками, сначала увозили самыя цѣнныя вещи, и потомъ снова возвращались за добычей. За то и разбогатѣла губернія».

491. Владимирцы. Французскіе мародеры сдѣлали набѣгъ на село Владимірово, на Серпуховской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы. Въ господскомъ домѣ (М. И. Прянишниковой) они перерыли все, даже всю бібліотеку, думая найти за книгами деньги. Чтобы избавиться отъ грабителей, крестьяне толпою собрались у дома, и стали кричать: «казаки, казаки!». Испуганные мародеры побросали добычу, и обратились въ бѣгство (Сынъ Отеч. 1812. X. 180).

492. Гвоздила и Долбила. Названіе *Долбилы* заимствовано изъ просьбы монаховъ (№ 174), которую подписали: Колотила, Долбила, Сустила, да дьяконъ Хоботила.

495 А. Прибавить: «Што, Мусье, кувырнулся, разъ, два, три; ась не прибавить ли Мусье?» Картинка in 4°, хорошо гравированная по способу, называемому *au lavis*.

497 А. Прибавить: точная копія въ обратную сторону, — французъ лежитъ головой вправо; по сторонамъ придѣлано два дерева.

498 А. Прибавить: «Русскій Сцевола». Онъ только что отрубилъ себѣ топоромъ руку; отрубленная кисть руки, заклеянная вензелемъ Наполеона «N», лежитъ на столѣ, за которымъ сидятъ французскіе воины. Подъ картинкой: «сочинялъ И. Тупылевъ», и вирши:

«Вотще Порсена Римъ громами потрясаетъ
Кай Муцій твердостью одинъ его спасаетъ
Ктожь, кто поколебать возможетъ тотъ престоль
Который держитъ тьмы Сцевола? 1812 года».

Гравировано очеркомъ, на манеръ Теребеневскихъ листовъ. Въ моемъ собраніи.

498 Б. Прибавить: «Русской Сцевола Въ Арміи Наполеона клеймили Всѣхъ солдатъ вступавшихъ въ Его Службу Слѣдуя Сему обыкновенію на Ложки Клейма на Руку одного Русскаго крестьянина попавшаго въ руки французовъ Едва узналъ онъ что сіе значитъ; тотъ часъ схватилъ Топоръ и отсекъ клейменую свою руку прочь».

499. Русскій Курцій. Когда Мюратъ вошелъ въ Кремль и сталъ распрашивать находившихся тогда въ зданіи арсенала больныхъ, раздался изъ Кремля выстрѣлъ, и вслѣдъ за тѣмъ

высочилъ ратникъ Московскаго ополченія, который тутъ-же прикололъ пикой одного польскаго полковника, принятаго имъ за самаго Мюрата. Ратникъ былъ въ ту-же минуту изрубленъ (Сынъ Отечества 1812 г. VI. 244). Сцеволы и Курціи выискивались и въ войскѣ: партизанъ Фигнеръ собрался убить Наполеона и объявилъ объ этомъ Кутузову, который долго раздумывалъ объ его предложеніи; но наконецъ позволилъ таки ему взять 8 козачковъ (Русская Старина. Июль 1875, 450). Генералъ Милорадовичъ тоже брался осадить Петровскій дворецъ и взять Наполеона живымъ или мертвымъ (Русскій Архивъ 1864, 790).

499 А. Прибавить: **Русскій Курцій**; тотъ-же предметъ, другое сочиненіе. Ратникъ прикалываетъ французскаго гусара, въ виду двухъ кавалеристовъ и трехъ солдатъ Наполеоновой арміи. Внизу подпись: «Сочинялъ И. Тупылевъ».

«Зачѣмъ въ исторіи примѣровъ намъ искать?
Спартанцы, Римляне престаи удивлять:
Коль Россы въ наши дни блескъ славы ихъ затмили
Весь міръ геройствомъ удивили.»

Случившееся въ Москвѣ 1812 года». Гравировано въ малый листъ, въ вышину, въ манерѣ Тербеневскихъ картинокъ, и раскрашено; это дружка № 498 А.

499 Б. Прибавить: «Русской герой 1812. Le Héros Russe. D: de Scotti fecit 1814». Отличная гравюра крѣпкой водкой талантливаго мастера, итальянца Скотти, работавшаго въ Москвѣ въ 1810—20 гг., и расписывавшаго аль-фреско стѣны собора въ Донскомъ монастырѣ.

503. Поправить: картинка вдлинну (а не въ 4°).

504. **Сычевцы**. Городъ Сычевка и уѣздъ его отличились особенною храбростію въ истребленіи французовъ. Особенно прославился богатырь-силачъ бурмистръ села Левшина; онъ, съ помощію дру-

гаго крестьянина, заперъ 31 французъ въ избѣ, и не выпускалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не собрались прочіе крестьяне и не перехватили мародеровъ. Самъ богатырь былъ при этомъ смертельно раненъ; передъ смертію онъ просилъ не избивать французовъ, что его односельцы и обѣщали, ради его памяти, исполнить (Сынъ Отечества 1812. VI. 246; сравни №№ 392 и 392 А.).

504 А. Прибавить: Русскій великанъ держитъ за шиворотъ Наполеона; внизу подпись: «Блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ». Листовая картинка крѣпкой водкой.

505. **Корнюшка Чихиринъ**, подраженіе русскимъ народнымъ картинкамъ; гаерный текстъ написанъ самимъ гр. Ростопчинымъ. Картинка была издана 1 іюля 1812 года, т. е. за два мѣсяца до входа французовъ въ Москву, и чрезвычайно рѣдка (Въ Публич. Библіотекѣ). См. афишки гр. Ростопчина въ его сочиненіяхъ, стр. 161; куда они перепечатаны изъ Историч. Статистическ. и Географич. журнала (1812 г. за Августъ); въ этомъ послѣднемъ они названы дружескими посланіями отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея.

Вотъ одно изъ такихъ посланій, выпущенное одновременно съ Чихиринскою картинкою: «А свѣтлѣйшій говоритъ: что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть на улицахъ драться. Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два; а теперь не надо; я и молчу! хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогаткой; а всего лучше вилы тройчатка; французъ не тяжело снопаржаного. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую Богоматерь въ госпиталь къ раненымъ: тамъ воду освятимъ, они скорѣе выздоровѣютъ; и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба! (Соч. гр. Ростопчина, изд. Смирнымъ, стр. 175).

506 А. Прибавить: точная копія съ № 506; въ надписи буква «т» въ словѣ «тріумфальное» маленькая, а въ оригиналѣ она большая.

506 Б. Прибавить: «Вшествіе Наполеона въ Парижъ. Шествіе происходило слѣдующимъ порядкомъ: 1-е Впереди скромный герой въ Еврейскомъ платьѣ, въ сопровожденіи побѣдоноснаго Маршала Нея. 2. Ведена была подъ уздцы, вѣрный въ походахъ товарищъ Наполеона, изранена Кобыла украшенная Трофеями, Колпакомъ и Туфлями Карла XII-го потерянными имъ при Полтавѣ. 3. Двѣ Сибирскія кошки, немного изувеченныя при взятіи Кремля, везли колясочку для Е. В. Короля римскаго. 4. Гренадеръ покойной Французской гвардіи замерзшій въ Смоленскѣ, но весьма хорошо сохранившійся, на подпоркахъ. 5. Модель деревеньки въ которой Е. В. стоялъ, послѣ побѣдъ 5. 6. Ноября, несомая Министромъ Полиціи, возлюбленный младенецъ король римской въ мундирѣ Италіанской гвардіи смотрѣлъ на все сіе зрѣлище съ великимъ удовольствіемъ». Листовая картинка крѣпкой водкой, очень плохая; сравните прим. къ № 396.

512 А. Прибавить: Наполеонъ сидитъ за столомъ съ толстымъ англичаниномъ; они пьютъ чай; англичанинъ накладываетъ себѣ сахаръ, говоря: «Goddem» . . . . Наполеонъ помѣшываетъ въ чашкѣ, свеклой; сзади нянька держитъ его сына, который ѣстъ свеклу; она говоритъ ему: «Кушай Королечекъ Кушай; папенька сказываетъ Что это сахаръ». Листовая картинка крѣпкой водкой.

519 А. Существовала народная картинка съ подписью: «Пребываніе наполюна на островѣ святыя елены»; мнѣ не случилось еѣ видѣть. Какъ сказано въ примѣчаніи къ № 122, картинка эта была счищена, а на доскѣ вырѣзана другая картинка: «Черный глазъ, поцѣлуй хоть разъ».

519 Б. Прибавить: «Генераль Вандамъ, при Кульмскомъ сраженіи взять въ плѣнъ 30 Августа 1813 г.» Листовая картинка, грав. крѣпкой водкой.

520. Это есть копія, въ уменьшенномъ видѣ, англійской картинки («Pub^d by R. Askermann 101 Strand London»), съ нѣмецкимъ и французскимъ текстомъ внизу.

Ни одинъ человекъ не пользовался такою громадною популярностію въ русскомъ народѣ, какъ Наполеонъ I-й. Замѣчательна судьба этого человека по отношенію къ Россіи. Въ 1789 г. во время войны съ Турками онъ подавалъ генералу Тамара, имѣвшему порученіе устроить флотилію въ Средиземномъ морѣ, прошеніе о принятіи его на русскую службу; но не былъ принятъ, ибо требовалъ чина маіора, тогда какъ былъ подполковникомъ въ Корсиканской національной гвардіи. — «Я имѣлъ это письмо много разъ въ своихъ рукахъ», — говоритъ гр. Ростопчинъ въ своихъ запискахъ (227).

522. Голова Наполеона представляетъ подражаніе гравюрѣ рѣзцемъ прошедшаго столѣтія, на которой изображена голова Ирода, составленная изъ труповъ Виѣлемскихъ младенцевъ; внизу гравюры подпись: «Caput Herodis compositum ex Infantibus innocetibus. Symbolum. Quit fiat ratione, ne scepidus sis in actione» (у И. П. Новово, въ Кіевѣ).

522 А. Прибавить: большая картина съ изображеніемъ Бородинской битвы; внизу отдѣльные эпизоды изъ подвиговъ Василысы и другихъ героев, прославившихся въ 1812 году.—П. А. Ефремовъ имѣлъ еѣ въ рукахъ; мнѣ же видѣть еѣ не случилось.

523 А. Прибавить: «Портреты матушки и сынка: Летиціи Ранніони (такъ въ надписи) и Н. Бонапарте; послѣдній съ очками; ему оныя подарены подъ Малоярославцемъ. Цѣна за оба 4 коп. (и этого довольно). Москва 1812», — объ этой картинкѣ упоминаетъ Липранди (стр. 45).

523 Б. Прибавить: еще профиль Наполеона въ треуголѣ и очкахъ, съ надписью: «Н. Бонапарте». Если перевернуть картинку, то получится изображеніе старухи въ капорѣ, съ надписью: «Л. Раніоли». 4°.

523 В. Прибавить: еще маленькая картинка, съ надписью: «Дѣдушка Бона, и дядюшка Фешъ». — «Мясникъ корсиканскій и Кардиналъ Лионскій». Двѣ карикатурныя фигуры; вверху надпись: «Бонапартевы». — Въ моемъ собраніи.

524. Подарокъ дѣтямъ въ память 1812 года. Въ азбукѣ этой повторены слѣдующіе нумера карикатуръ 1812 г.: А—487, Б—440, В—395, Г—406, Д—454, Е—481, Ж—382, З—398, И. I—481, К—393, Л—388, М—499, Н—404, О—462, П—447, Р—506, С—408, Т—397, У—407, Ф—482, Х—445, Ц—436, Ч—386, Ш—389, Щ—472; Ъ—410, Ы—446, Ь—383, Ъ—390, Э—475, Ю—421, Я—414, Ѳ—402, V—512.

526. Поклоненіе царей. Прибавить еще четыре изданія этой картинки, одного перевода съ нашимъ № 526:

Изд. а: грав. на мѣди, въ 8°; въ Пуб. биб., портреты Петра I. № 1. — Изд. б: тамъ же № 2; тоже въ 8° Обѣ гравюры конца XVIII вѣка (см. мой Словарь русскихъ портретовъ, стр. 64).

Изданіе в: точная копія съ № 526, въ ту же мѣру, на синей бумагѣ 1801 года; послѣднее слово въ виршахъ въ ней: «дастя», вмѣсто «дастся». — Въ моемъ собраніи.

Изданіе г: такое же повтореніе, 1820—30 гг.; въ Пуб. биб., собр. Даля I. 2.

На нашей картинкѣ изображены цари Иоаннъ (умъ) и Петръ (слово) и малолѣтній царевичъ Алексѣй Петровичъ *), а по угламъ—тезоименитые имъ святые: св. Иоаннъ Предтеча, св. Петръ апостолъ и св. Алексій человекъ божій (См. № 1651); кромѣ того изображенъ въ клеймѣ и св. Алексѣй Митрополитъ, тезоименитый царю Алексѣю Михайловичу.

Такимъ образомъ картинка наша сочинена между 1690 годомъ (годъ рожденія царевича Алексѣя Петровича) и 1696-мъ (годъ смерти царя Ивана Алексѣевича).

*) Въ моемъ Словарѣ портретовъ неправильно показаны вмѣсто того цари Феодоръ, Иванъ и Петръ Алексѣевичи.

527. Василій Кипріяновъ, которій упоминается на этомъ листѣ, былъ начальникомъ Московской гражданской типографіи, состоявшей подъ надзоромъ Я. В. Брюса. Его трудами (тщаніемъ) изданы почти всѣ учебныя пособія, книги, карты и таблицы для навигаторовъ Петровскаго времени, *подъ надзрѣніемъ* Я. В. Брюса. Кипріяновъ самъ гравировалъ на мѣди; самое громадное изданіе его—большой Брюсовъ календарь; позднѣйшій листъ посвященный имъ Петру II, помѣченъ 1728 годомъ (портретъ Петра II).

534. Иванъ Зубовъ, гравировавшій портретъ Петра II,—граверъ на мѣди, ученикъ Адриана Шхонебека; съ 1708 года онъ значится подмастерьемъ при Петрѣ Пикартѣ въ Московской типографіи; въ типографскихъ бумагахъ онъ называется ученикомъ тогоже П. Пикарта. Въ 1727 году Иванъ Зубовъ былъ уволенъ изъ Московской типографіи съ тѣмъ, что если въ немъ и другихъ граверахъ будетъ надобность, то нанимать ихъ временно, а не держать на постоянномъ жалованьи (Пекарскій, II. 652); послѣ чего И. Зубовъ продолжалъ работать въ Москвѣ плохія картинки, описанныя въ настоящемъ сочиненіи. Позднѣйшая гравюра его, портретъ Петра II, помѣчена іюнемъ 1728 года и посвящена Императору отъ бібліотекаря Василя Кипріянова (См. Русскіе Граверы, стр. 207).

538. Портретъ Елизаветы Петровны. Представляю переводъ сдѣланной рукою Штелина помѣты на экземплярѣ этого портрета, находящемся въ Публичной бібліотекѣ (изъ собранія Погодина): «Эту омерзительно великолѣпную гравюру купилъ я въ одной картинной лавкѣ въ Москвѣ подъ Кремлевскими воротами и представилъ ее черезъ одного придворнаго Ея Императорскому Величеству осенью 1742 г. Вслѣдъ за тѣмъ 6 апрѣля 1744 года вышло изъ Сената Высочайшее повелѣніе: всѣ экземпляры этого портрета у продавцовъ отобрать, и дальнѣйшую продажу ихъ подъ большимъ наказаніемъ воспретить, съ тѣмъ, чтобы никто на будущее время не осмѣливался портретовъ Ея Императорскаго

Величества безъ апробаціи Санктпетербургской Академіи гравировать или продавать».

Портретъ, приведенный подъ № 538, тотъ самый, по поводу котораго состоялись Высочайшіе указы 6 апрѣля 1744 года и 11 марта 1747 года. Изъ этихъ указовъ видно, что для «одобренія Императорскихъ портретовъ» учреждена была совершенно особая цензура. Указомъ 1723 года 21 января поручено было суперъинтенданту Зарудневу осмотрѣть всѣ какъ продающіяся, такъ и въ домѣ у частныхъ лицъ находящіяся «парсуны» Императора и Императрицы, и тѣхъ изъ нихъ которыя окажутся писанными не вѣждами неискусно и недобрымъ мастерствомъ» отобрать и затѣмъ имѣть наблюденіе, чтобъ впредь такія персоны писались искусными и свидѣтельствованными мастерами. Въ 1744 году указано было академическому граверу Ивану Соколову награвировать примѣрный портретъ Императрицы, который и былъ изданъ при Академіи Наукъ въ 1746 году, съ плохаго оригинала Каравакка. Портретъ этотъ, одно изъ самыхъ посредственныхъ произведеній Соколова, въ указѣ 1747 года апробованъ, и затѣмъ приказано прочимъ мастерамъ, чтобы они «дѣлали и писали на подобіе вышеписаннаго и апробованнаго Ея Императорскаго Величества портрета», подъ опасеніемъ наижесточайшаго истребанія безъ всякой пощады. При этомъ поручено живописцу Вешнякову впредь имѣть надзоръ за писаніемъ царскихъ портретовъ въ Санктпетербургѣ, а въ Москвѣ, для таковаго надзора, приказано Главному Магистрату выбрать особаго мастера.

Въ цензурномъ уставѣ 10 іюня 1826 года постановлено (§ 183, п. 3), чтобъ портреты лицъ Августѣйшей фамиліи имѣли художественныя достоинства, приличествующія изображенію особъ Высочайшаго Дома, и желательное въ сихъ случаяхъ сходство; въ позднѣйшее время по этому предмету изданы были особыя постановленія, которыя до нашихъ народныхъ картинокъ не относились. Въ заключеніи замѣчу, что оригинальныя мѣдныя доски портретовъ Елисаветы Петровны и Петра Θεодоровича отысканы у Конона Тимоѣева, который и гравировалъ ихъ; о другихъ

работахъ этого лубочнаго мастера см. въ алфавитномъ указателѣ.

Иванъ Соколовъ, гравировавшій апробованный портретъ Елисаветы Петровны, — искусный граверъ на мѣди (род. 1717 г.), ученикъ Еллигера и Вортманна, а послѣ отставки послѣдняго мастеръ (первый изъ русскихъ) въ гридоровальномъ департаментѣ Академіи Наукъ по части портретовъ; онъ умеръ въ 1756 году. Произведенія его описаны подробно въ моей книгѣ: Русскіе Граверы, стр. 282—290; портретъ Елисаветы Петровны, выгравированный имъ вслѣдствіе Императорскаго указа, какъ уже замѣчено выше, не изъ лучшихъ работъ Соколова и недалеко ушелъ отъ оригинала, писаннаго бездарнымъ живописцемъ Каравакою.

Привожу въ подлинникѣ замѣчательные указы 1744 и 1747 гг:

А. 8912, 1744 г. Апрѣля 2. Именной, объявленный изъ Сената Генераль-Прокуроромъ. О запрещеніи живописцамъ писать неискуснымъ мастерствомъ портреты Высочайшей фамиліи.

Въ собраніи Правительствующаго Сената господинъ Генераль-Прокуроръ и Кавалеръ словесно предлагалъ: Ея Императорское Величество соизволила отдать ему господину Генераль-Прокурору два листа, на которыхъ напечатаны портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, неискуснымъ мастерствомъ, и нимало несходны, съ такимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, чтобы такіе листы, такіе же и доски, которыми тѣ листы печатаются, обобравъ во всѣхъ мѣстахъ и впредь таковыхъ неисправныхъ по силѣ прежняго указа печатать и продавать запретить; и потому Ея Императорскаго Величества изустному указу показанныхъ листовъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ собрано, а именно въ Спасскихъ воротахъ печатнаго двора у батырщика Θεодора Елизарова 22, Архангельскаго собора у дьячка Андрея 22 же, за Спасскими вороты Новгородскаго подворья, у воротъ Барашской слободы купца Никифоровской жены Ивановской, у вдовы Прасковьи Васильевой 29, и того 73, въ томъ числѣ Ея Императорскаго Величества 50, Его Императорскаго Высочества 23, да большой таможи у сторожа

Конона Тимофеева досокъ мѣдныхъ 2, таковыхъ же листовъ большихъ и малыхъ 18, которые при томъ объявлены. А понеже въ состоявшемся блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго, 1723 года Генваря 21 дня, указъ напечатано: Его Императорское Величество указалъ, продаваемыя въ Москвѣ по разнымъ мѣстамъ и обрѣтающіеся по домамъ Его Императорскаго Величества и благовѣрныя Государыни Императрицы, персоны, которыя неискусно невѣждами писаны, усмотря прилежно Суперъ-Интенданту Зарудневу, обратъ въ Синодъ, и впредь такъ неискусно невѣждамъ писать, и никому продавать, и въ домахъ имѣть отнюдь не велѣтъ, а о томъ учинить жестокое запрещеніе, а велѣтъ такія персоны искусно писать свидѣльствованнымъ въ добромъ мастерствѣ живописцамъ со всякою опасностію и прилежнымъ тщаніемъ, чего надъ ними оному Зарудневу въ Синодѣ указъ объявленъ, и къ тому дѣлу былъ опредѣленъ; а потомъ онъ Зарудневъ умре. А справкою изъ Святѣйшаго Синода объявлено, что по смерти того Заруднева къ тому смотрѣнію другаго никого по нынѣ не опредѣлено: того ради не соизволеноу будетъ о всемъ томъ надлежащее опредѣленіе учинить? Приказали: вышеписанные собранные листы, на которыхъ напечатаны портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, и 2 доски мѣдныя, запечатавъ, отдать въ Сенатской архивъ; а вышеписанныхъ продавцовъ батырщика Елизарова и дьячка Иванова, вдову Прасковью Васильеву допросить, не имѣютъ ли они, или другіе кто въ домахъ своихъ, и въ прочихъ гдѣ мѣстахъ таковыхъ же листовъ и досокъ, и буде имѣютъ, то потомужъ, обобравъ и запечатавъ, отдать въ архивъ же, и впредь имъ, таковымъ неисправнымъ и неискуснымъ письмомъ мастерамъ Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества, портретовъ печатать и писать и въ продажу употреблять запретить, и въ томъ имъ объявить указъ съ подпискою, такожъ и прочимъ всякаго чина людямъ, таковыхъ неискуснымъ мастерствомъ портретовъ не печатать и не писать же; и буде у кого въ домахъ таковыя

портреты на листахъ и на картинкахъ и доски, которыми такіе портреты печатаны, есть, оныя велѣтъ объявить имъ въ Сенатѣ немедленно, и о томъ чрезъ Полицію публиковать, и обывателямъ объявить съ подписками; а для смотрѣнія надъ живописцами, чтобы такіе портреты писаны были по силѣ вышеобъявленнаго, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго, 1723 года указа, добрымъ искуснымъ мастерствомъ, Главному Магистрату, выбравъ живописнаго мастера, челоуѣка въ томъ мастерствѣ совершенно искуснаго, представить въ Правительствующій Сенатъ немедленно, и о томъ, куда надлежитъ, послать указы; а въ Сенатскую контору сообщить вѣденіе, въ которомъ написать, чтобы въ Санктпетербургѣ за живописцами, дабы портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества писаны были самымъ добрымъ мастерствомъ, какъ вышеписанный указъ повелѣваетъ, смотрѣніе поручить до будущаго указа живописцу Ивану Вешнякову.

Б. 9371. Марта 11, 1747 г. Сенатскій. О написаніи портретовъ Ея Императорскаго Величества неискуснымъ мастерствомъ.

Объявляется во всенародное извѣстіе. Понеже по Именному, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государя Императора Петра Великаго указу, состоявшему въ 1723 году Генваря 21 дня, повелѣно, продаваемыя въ Москвѣ по разнымъ мѣстамъ обрѣтающіеся по домамъ живописныя Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны персоны, которыя неискусно невѣждами писаны, усмотря прилежно Суперъ-Интенданту Зарудневу обратъ въ Синодъ, и впредь такъ неискусно невѣждамъ писать, и никому продавать, и въ домахъ имѣть отнюдь не велѣтъ, и о томъ учинить жестокое запрещеніе, и велѣтъ такія персоны искуснымъ писать, свидѣльствованнымъ въ этомъ мастерствѣ живописцамъ, со всякою опасностію и прилежнымъ тщаніемъ, чего надъ ними оному Зарудневу надзирать. А въ 1744 году Апрѣля 4 дня, Ея Императорское Величество указать соизволила: листы, на которыхъ напечатаны

портреты Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества весьма искуснымъ мастерствомъ, и ни мало не сходные, такожъ и доски, которыми тѣ листы печатаются, отобразивъ во всѣхъ мѣстахъ, и впредь такихъ неисправныхъ, по силѣ прежняго указу, печатать и продавать запретить; и потому Ея Императорскаго Величества указу, по опредѣленію Правительствующаго Сената, показанные листы и доски въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ отобраны; а чтобъ впредь таковыхъ неисправныхъ и искуснымъ письмомъ мастерамъ, Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества портретовъ не печатать, и въ продажу не употреблять, а у кого такіе въ домахъ есть, оныя отъ нихъ объявлены были въ Сенатѣ немедленно, о чемъ чрезъ Полицію опубликовано, и обывателямъ объявлено съ подписками. А сего 1747 года Января 20 дня, въ Правительствующій Сенатъ Канцелярія Наукъ доносила, что въ прошломъ 1745 году Ея Императорское Величество указать соизволила Академическому мастеру Ивану Соколову вырѣзать на мѣди самымъ добрымъ и чистымъ мастерствомъ портретъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше опробованъ, чего ради одинъ экземпляръ высокореченнаго портрета Ея Императорскаго Величества въ Правительствующій Сенатъ при томъ донесеніи внесенъ, съ такимъ отъ Канцеляріи Наукъ представленіемъ, чтобы въ настоящіе мѣста подтвердить указами, дабы наподобіе онаго Высочайшаго портрета, худымъ мастерствомъ и нестойкою работою высокихъ портретовъ Ея Императорскаго Величества нигдѣ недѣлали; того ради Правительствующій Сенатъ *Приказалъ*: въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ публиковать указами, чтобы мастера худымъ мастерствомъ тѣхъ высокихъ портретовъ Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ отнюдь нигдѣ не дѣлали и не писали, а дѣлалибъ и писали наподобіе вышеписаннаго опробованнаго отъ Ея Императорскаго Величества портрета самымъ добрымъ и искуснымъ мастерствомъ, подѣ опасеніемъ, ежели къмъ искусно тѣ портреты Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ дѣ-

ланы будутъ, наижесточайшаго истязанія безъ всякой пощады. И для того крѣпкое смотрѣніе имѣть въ Москвѣ опредѣленному отъ Главнаго Магистрата, а въ Санктпетербургѣ живописному мастеру Вешнякову; и у кого понынѣ портреты Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ худымъ мастерствомъ находятся, оныя имъ всѣ отобрать и объявить въ Санктпетербургѣ въ Сенатѣ, а въ Москвѣ въ Сенатской Конторѣ.

№ 539. Екатерина II съ В. К. Павломъ Петровичемъ. Переводы портретовъ великихъ князей и царей на этой картинкѣ— другіе, чѣмъ на портретѣ Петра I, который гравированъ Пикаромъ въ 1717 году, и расположены они иначе. Тексты подписей въ описаніи № 539 скопированы съ портрета Петра I, такъ какъ во время описанія № 539, всѣ находившіеся въ рукахъ моихъ экземпляры его были изорванные и крайне неполные; затѣмъ въ 1879 году, уже послѣ отпечатанія II-й книги, куплено мною нѣсколько экземпляровъ этого листа въ полномъ видѣ; за незначительною разницею текста въ Петровскомъ и Екатерининскомъ портретахъ, варьянтовъ не предлагается. Кромѣ царей, вошедшихъ въ число изображенныхъ на портретѣ Петра I, на Екатерининскомъ листѣ помѣщены: Петръ I, Екатерина I, Петръ II, Анна, Елисавета и Петръ III. Всѣ извѣстные мнѣ отпечатки этого листа сдѣланы на синей бумагѣ.

549 А. Прибавить: **Кн. Суворовъ и Кн. Багратионъ**, на коняхъ, другъ противъ друга; листовая картинка на мѣди. Текстъ: «Гласъ Суворова -Князю Петру Ивановичу Багратиону Марта 3 дня 1806 года.

Еще при мнѣ бросать ты громы научился—

И лавры смѣло пожиналъ;

Ко славѣ ревностно стремился—

И я наперсникомъ тебя избралъ:

Наслѣдуй въ славѣ мнѣ, герой! се часть твоя, въ тебѣ
воскресну я!

Кантата князю багратиону.

Славой лаврами вѣнчанный
 Послѣ громкихъ, дивныхъ дѣлъ;
 Россю честь, Герой избранный;
 Рокъ тебя сюда привелъ!
 Послѣ брани успокойся.
 Въ кругѣ мирныхъ согражданъ
 Здѣсь носился многократно
 Слухъ о всѣхъ твоихъ дѣлахъ;
 Сколько же всей Москвѣ пріятно,
 Зреть тебя въ своихъ стенахъ!
 Пос. бр. усп. въ кр. мир. согрж.
 Вся Европа изумленна
 Взоръ къ тебѣ простерла свой:
 Галловъ сила сокрушенна,
 Гдѣ лишь громъ ударилъ твой,
 Пос. бр. успо. въ кр. мир. согр.
 Отъ монарха вдохновенный
 Ты явилъ въ его глазахъ,
 Что Его рукой веденный
 Россю враговъ разсыплетъ въ прахъ
 Духъ Суворова конечно
 Надтобой въ бояхъ леталъ,
 Такъ какъ онъ блистаетъ вѣчно,
 Ты подобно возблисталъ.
 Ты предметъ рѣчей и взоровъ,
 Всѣ тебѣ текутъ во слѣдъ;
 Буть ты новый нашъ Суворовъ
 Цепью блещущихъ побѣдъ
 Тщетны Россамъ все препоны
 Храбрость—есть побѣдъ залогъ!
 Есть у насъ Багратионы:
 Будутъ всѣ враги у насъ!
 Когда ты громъ бросалъ, разя врага надменно,
 Отъ страха трепеталъ Дунай въ своихъ брегахъ;

А нынѣ вся Москва весельемъ восхищена,
 Увидя здѣсь тебя въ столь блещущихъ вѣнцахъ,
 Отечества сыны, покрыты сѣдинами,
 Оконча подвигъ, вкушаючи покой,
 Твоими храбрыми плѣняея дѣлами,
 Шитають радостью, чтобъ въ мѣстѣ быть съ тобой.

Для блага общаго, живи благополученъ, да будетъ зелень
 ввѣкъ лавровый твой вѣнецъ, съ побѣдой, съ славою пребуди не
 разлученъ—се общій россювъ гласъ желанье всѣхъ сердець». Вь
 моемъ собраніи.

550. Федоръ Ивановичъ Дмитріевъ Мамоновъ—чудодѣй прошедшаго столѣтія и астрономъ-самоучка; его система міра описана подь № 594. Въ Словарѣ Геннади и Собко указаны другія куріозныя творенія Мамонова, невошедшія въ народныя картинки.

Василій Иконниковъ, который гравировалъ портретъ Мамонова и прочія изобрѣтенныя имъ а также посвященные ему листы, состоялъ грыдоровальныхъ дѣлъ мастеромъ на мѣди при Московской Синодальной типографіи въ половинѣ XVIII вѣка. 18 іюля 1757 г. онъ представилъ въ типографскую контору заказанныя ему двѣ доски съ изображеніями Евангелистовъ Марка и Иоанна въ листъ; подь каждымъ подписано: «Грыдоровалъ Василей Иконниковъ, рисовалъ Семенъ Второвъ 1737 года», Онъ обучалъ своему мастерству Стефана Ефимова.

550 А. Студентъ холодныхъ водъ Иванъ Яковлевичъ Курейша. Портретъ всѣмъ извѣстнаго Московскаго прорицателя Ивана Яковлевича расходился, въ свое время, въ народѣ въ огромномъ числѣ экземпляровъ. Въ 1860 году было издано жизнеописаніе его, подь заглавіемъ: «Житіе Ивана Яковлевича извѣстнаго пророка въ Москвѣ. Соч. И. Прыжева. С.-Петербургъ 1860. 50 стр., къ книгѣ приложены: портретъ, сходный съ оригиналомъ № 550 А, и одна таблица заключающая два факсимиле съ записокъ и подписи Ивана Яковлевича. Житіе Ивана Яковлевича имѣеть для

насъ особенное значеніе, такъ какъ оно наглядно представляетъ тогдашнее религіозное настроеніе русскихъ дамъ средняго и даже высшаго круга, въ особенности же Московскихъ купчихъ, немного уступающихъ въ этомъ отношеніи ревностнымъ католичкамъ.

Иванъ Яковлевичъ Курейша, изъ Смоленскихъ священническихъ дѣтей, учился въ духовной семинаріи, но курса не кончилъ; жилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ, около 1816 года, ушелъ въ лѣсъ юродствовать. Крестьяне нашли его тамъ копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку и стали посѣщать его, какъ блаженнаго; вскорѣ имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрестности; далеко шла молва о совершавшихся въ кельѣ его явленіяхъ. Въ то время жила въ Смоленскѣ одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь, богатая невѣста, сговоренная за одного изъ военныхъ, отличившихся въ войнѣ 1812 года. Свадьба уже была назначена, но невѣстѣ вздумалось съѣздить къ Ивану Яковлевичу. Вотъ мать и дочь ѣдутъ къ нему въ лѣсъ, входятъ къ нему въ келью и спрашиваютъ: счастлива ли будетъ за мужемъ такая-то раба Божія? Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, вскакиваетъ съ своего мѣста, стучитъ кулаками о столъ и кричитъ: «разбойники, воры, бей! бей!» Воротившись домой, невѣста объявила матери, что замужъ за своего жениха не пойдетъ, потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ. Получивъ неожиданный отказъ и разузнавъ о причинѣ онаго, женихъ отправился къ Ивану Яковлевичу, сильно избилъ его, а потомъ обратился къ Смоленскому губернатору на него же съ жалобою.

Ивана Яковлевича заарестовали и отвезли въ Москву въ *сумасшедшій домъ*. Судя по собственноручнымъ подписямъ Ивана Яковлевича, называвшаго себя студентомъ холодныхъ водъ, его здѣсь первоначально пользовали общимъ для сумасшедшихъ лекарствомъ, поливаньемъ холодной водою; но вскорѣ слава о его *прозорливости* припелась и въ Москву; ему отвели особую комнату, у дверей которой устроили особую кружку, для сбора добротныхъ приношеній за входъ къ Ивану Яковлевичу и за по-

лученіе отъ него прорицаній и благодати (не менѣе 20 коп. серебромъ съ каждаго изъ несмѣтныхъ его почитателей). Этотъ сборъ употреблялся въ то время на улучшение пищи содержащихся въ безумномъ домѣ.

Вотъ описаніе комнаты и обстановки Ивана Яковлевича, сдѣланное Прыжевымъ около 1858 года: стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня. На полу, передъ образомъ, стоитъ большой высеребрянный подсвѣчникъ съ мѣстной свѣчей; въ подсвѣчникъ *ставятъ* свѣчи. На лѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами. На право, въ углу, молится баба; прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, а на полу извѣстная купчиха Заливская. Увидавъ насъ, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое къ верху, чтобъ не замарать его на полу, подвела *къ нему* подъ благословеніе своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала ему руку и ладонь, перекрестила его и вышла. На право въ углу, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ уже предпочитаетъ лежать. Рубашка, одѣяло и наволочка у него изъ темнаго ситца; лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки; ему около 80 лѣтъ; лобъ высокій, голова лысая, лице какое-то придавленное. Ёсть онъ руками, кушанья, скоромныя и постныя, перемѣшиваетъ вмѣстѣ, самъ ёсть и другихъ кормитъ, производя при этомъ разныя эксцентричности. Приносятъ ему, на примѣръ, кочанъ капусты съ лукомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмокнетъ его въ сокъ, и положитъ его къ себѣ на плѣшь; и сокъ течетъ съ его головы; остальную же капусту смѣшаетъ съ горячимъ горохомъ, ёсть и другихъ кормитъ: скверное кушанье, а всѣ ѣдятъ. За обѣдомъ и ужиномъ не запрещена Ивану Яковлевичу водочка (Прыжовъ, стр. 22).

Мнѣ самому случалось видѣть, какъ Иванъ Яковлевичъ намѣшаетъ въ чайникъ съ чаемъ табаку, помакиваетъ въ это снадобье ручку отъ калача и заставляетъ ёсть не только купчихъ, но и дворянскихъ дамъ; это, какъ объяснялъ приставленный къ нему

дьяконъ, «сильно ужъ онѣ ему надоѣли». И чтоже, плачутъ, а бдятъ.

Иванъ Яковлевичъ прорицаетъ своимъ поклонникамъ изустно, — отсутствующія посылаютъ ему записочки; на послѣднія онъ отвѣчаетъ тоже записочками, которыя прежде писалъ самъ, а въ послѣднее время (около 1860 года) сталъ писать за него богадѣленный дьяконъ, главный толкователь всѣхъ его прорицаній.

«Дамы носятъ записочки Ивана Яковлевича на крестѣ; онѣ исцѣляютъ отъ зубной боли, но главное, по смыслу написаннаго въ нихъ, угадывается судьба. Пишетъ Иванъ Яковлевичъ очень хорошо, но нарочно дѣлаетъ каракульки вмѣсто словъ, съ тѣмъ, чтобы въ его писаніи представлялось больше чудеснаго. Съ этой же цѣлю употребляются имъ греческія и латинскія слова. Пророчества его и записочки всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно видѣть все, и ничего не видѣть, а потому, объясняемая съ извѣстной цѣлю, они постоянно сбываются» (Прыжевъ, стр. 18) ¹⁾. Особенно не любитъ онъ дураковъ и надоѣдливыхъ барынь; съ ними онъ поступаетъ очень цинично. Прибѣгающимъ къ его прозорливости, Иванъ Яковлевичъ провозглашаетъ отрывочныя, перепутанныя съ смѣхотворною латынью и никому непонятныя, фразы, которыя могли быть истолкованы только однимъ приставленнымъ къ нему снотолкователемъ, богадѣленнымъ дьякономъ.

¹⁾ Къ книгѣ Прыжова приложено много вопросительныхъ записокъ, писанныхъ почитательницами Ивана Яковлевича, съ отвѣтными записками, написанными самимъ Иваномъ Яковлевичемъ. Привожу примѣры. Вопросъ: Идти ли ей въ монастырь?—Отвѣтъ: Цорная риза ни спасаетъ, а альпа (бѣлая, альба) риза у ереси нѣ уводитъ, будьте мудры, яко ехидны и цели, яко колюмны (голуби) и нетлѣнны, яко арпоръ (деревья) кипариси, и пѣвки и кедрі . . . 185 д. рока, мензисъ іеулаѣ XXII. Студентъ холодныхъ водъ Іоаннусъ Яковлевъ. В. Женится ли X?—Отв. Безъ працы небенды кололацы. В. Выдули я замужъ? Отв. Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили. В. Что ожидаетъ Петра, женитьба или монастырь? О чемъ думаетъ Петръ?—Отв. Я не думала и не гадала, ни о чемъ во свѣтѣ тужить. А когда пришло времѣнцо взяла грудь тамитъ. Несте подь лексомъ (закономъ), но подь благодатію (Прыжевъ, стр. 48 и 49).

Многія Московскія дамы до того вѣрили въ Ивана Яковлевича, что не начинали никакого дѣла, не посовѣтовавшись съ нимъ. Прыжевъ называетъ одну институтку, которая болѣе двадцати лѣтъ питала къ нему неограниченное довѣріе и посылала записочки за совѣтами (стр. 27). Я зналъ весьма умныхъ и почтенныхъ людей (А. П. Ерм., Г. В. Лих., Пог., Ф. И. Иноз., Преосв. Фил., Θεοο., и мн. др.), которые положительно признавали въ Иванѣ Яковлевичѣ даръ прорицанія.

Иногда прорицанія Ивана Яковлевича сопровождались разными смѣхотворными жестами эмблематическаго характера. Приѣхала къ нему, на примѣръ, извѣстная нѣкогда красавица купчиха Ш—а, и спрашиваетъ его о чемъ-то, а онъ поднялъ ей подоль, да и говоритъ: «все растресла поди прочь» (Прыжевъ, 24); другая купчиха К—а спрашиваетъ его: «скажи Иванъ Яковлевичъ, что будетъ съ моимъ сыномъ». «Смотри въ окошко», говоритъ ей Иванъ Яковлевичъ. Нагнулась купчиха, смотритъ въ окно; вскопчилъ Иванъ Яковлевичъ на нее, сѣлъ верхомъ и ну колотить ее по бокамъ ногами. «Это значитъ», объяснилъ потомъ богадаленный дьяконъ, «что сынъ вашъ перейдетъ скоро въ кавалерію». Иванъ Яковлевичъ умеръ 6 Сентября 1861 года и погребенъ на Черкизовскомъ кладбищѣ. Вскорѣ послѣ его смерти, начала ходить молва о разныхъ явленіяхъ и исцѣленіяхъ, совершавшихся на его могилѣ скоро однакожь она стала раздаваться все рѣже и рѣже, — не до того въ то время было, — и наконецъ мало по малу совсѣмъ затихла память объ Иванѣ Яковлевичѣ ²⁾.

По прежней службѣ моей, въ 1850—54 годахъ, мнѣ приходилось посѣщать Московскій сумасшедшій домъ почти ежемѣсячно: чрезвычайная грязь и зловонная обстановка, окружавшія Ивана Яковлевича, и католическое изуверство его поклонниковъ произ-

²⁾ Въ книгѣ И. Прыжова помѣщены любопытныя извѣстія о существованіи около того же времени въ Москвѣ и другихъ блаженныхъ: Семена Митрича, блаженнаго, ходившаго съ желѣзнымъ посохомъ, на который былъ посаженъ свинцевый голубь; гадальщика Саида персіянина и т. д. Въ то же время славилось въ Москвѣ нѣсколько гадальщицъ, турчанокъ, гречанокъ и цыганокъ, прорицавшихъ на картахъ, кофе и на бобахъ.

водили дѣйствительно впечатлѣніе отталкивающее; но дѣтское добродушіе Московскаго прорицателя и необыкновенная его безсребренность (онъ ничего себѣ не запрашивалъ и ничего себѣ не оставлялъ), при приближающемъ знакомствѣ съ нимъ, способны были даже возбудить нѣкоторое сочувствіе къ бѣдному страдальцу; въ этомъ отношеніи Иванъ Яковлевичъ представлялъ настоящій типъ блаженнаго XVI вѣка и нисколько не походилъ на тѣхъ лживыхъ пророковъ и *штыней*, которые изъ своего пророчества дѣлали ремесло для выманиванія денегъ у довѣрчивыхъ православныхъ *). Вся ошибка Ивана Яковлевича была въ томъ, что опоздалъ онъ явленіемъ своимъ на цѣлые 300 лѣтъ.

555. Есть множество портретовъ Императора Александра I въ сопровожденіи козацкаго гетмана Платова, который отличался своими подвигами въ 1812—15 гг. и обѣщалъ дочь свою и за нею приданаго 50.000 червонцевъ тому, кто доставитъ къ нему Наполеона живаго или мертваго *). Платовъ пользовался особенною симпатіею со стороны солдата и народа. Солдатъ сложилъ ему пѣсню: «Совьемъ Платову вѣнецъ изъ своихъ чистыхъ сердецъ» (Кирѣевск. X. 38). Въ этомъ отношеніи онъ представляетъ совершенную противоположность съ другимъ любимцемъ Императора Александра, съ ненавистнымъ народу Аракчеевымъ, про котораго сложена пѣсня совершенно въ другомъ характерѣ:

*) О которыхъ говоритъ Даніилъ Заточникъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Чернецы и черницы, бабы и дѣвки, мужи и жонки, лживые пророки, старицы и старцы волосатые, то въ рубищѣ, то босые, въ однихъ рубашкахъ, то совсѣмъ нагіе, одержимые бѣсами и блаженные, святоши и окаянныя, лишенные разума, прокураты и цѣлые строи каликовъ и лазарей, чудотворцы, подъячье и *нагабные* ходять, ползають и лежатъ, гремятъ веригами, трясутся, скитаются по улицамъ и по селамъ, и по деревнямъ, и въ волостяхъ. Одни собирають на церкви, другіе пророчествуютъ объ антихристѣ: эти поють стихи, а тѣ показываютъ раны. Во время службы по церкви бѣгають шпыни, человекъ по десяти и больше, съ пеленами на блюдахъ, собирають деньги, являються малоумными.

**) Въ Англіи былъ выгравированъ въ 1814 г. портретъ «Miss Platoff» съ извѣстіемъ о такомъ обѣщаніи ея отца. См. мой Словарь Русскихъ Портретовъ стр. 137.

Пловцы плывутъ, пѣсни поють...

Разговоры говорятъ, всё Ракчеева бранятъ:

Ты разбестія, каналья, Ракчеевъ дворянинъ!

Всю Россію разорилъ, солдатъ бѣдныхъ погубилъ:

Пропиваешь — проедаешь наше жалованье,

Харчевое, пьяновое, третье денежное!

Какъ на эти — то деньжонки графъ палаты себѣ склалъ...

(Кир. X. 210).

582. Въ моемъ собраніи есть другое изданіе (б) этой картинки, начала 1800 года, точная копія съ изданія а — колчанъ у Аги Паши тушеванъ въ немъ въ три черты, тогда какъ въ изданіи а — въ одну черту.

590. *Космографія*. Прибавить: есть еще три изданія *с*, *г* и *д*, половины XVIII вѣка; первая строка надписи заканчивается въ нихъ словами: въ изд. *с* — «съ римскаго язы:» (въ собраніи В. И. Яковлева); въ изд. *г* — «перевѣдена бысть»; въ изд. *д* — «переведена бысть» (оба въ моемъ собраніи *). Текстъ нашей картинки былъ напечатанъ въ Московскомъ Телеграфѣ 1831 г. № 34, съ приложеніемъ снимка съ нея въ уменьшенномъ видѣ; о ней говоритъ Даль въ *Dorpat. Jahrbücher* (1835. 1); впрочемъ ни тамъ, ни тутъ не обозначено откуда она заимствована. Сходная съ нашею картинкою космографія напечатана во *Временникѣ Моск. Истор. Общ.* (1853 г. кн. 16. смѣсь 1), тоже безъ всякаго изслѣдованія. Весьма подробная космографія напечатана Д. Минаевымъ въ *Сынѣ Отечества* 1857 г. (№ III. 1—44). Въ изслѣдованіи А. Попова о хронографахъ напечатана космографія въ трехъ редакціяхъ: первая и вторая изъ нихъ относятся къ XVII вѣку, а третья 1696 года. Текстъ нашей картинки представляетъ сокращенное извлеченіе изъ текстовъ 1-й и 3-й редакцій Попова; привожу здѣсь нѣкото-

*) Листы съ изображеніями космографіи составляли необходимую принадлежность дворцовъ и палатъ частныхъ людей; такъ на примѣръ въ одной описи XVII вѣка домовою казны Патриарха Никова поименованы, въ числѣ 270 фряжскихъ листовъ: на большомъ листу *часть Космографіи* и еще на большомъ же листу *Космографія* (*Временникъ Историч. Общ.* XV. 114).

рыя существенныя дополненія къ тексту № 590 по всѣмъ тремъ редакціямъ.

Въ первой, по хронографу конца XVII в. (Поповъ, III. 461):

Королевство Сербское... вкупѣ съ нимъ Волошское государство... подъ турскою дланью; имѣеть въ своихъ предѣлахъ аеонскую гору съ 12.000 черноризцовъ. По обилію хлѣба нѣтъ подобной земли въ Европѣ до сего дня; люди въ нихъ благообразны и благонравны, вѣру свою хранятъ крѣпко, мало же воинскихъ людей, но больше купецкихъ.

(9). Французы... люди воинскіе, зѣло храбры, храбрѣе ихъ силою не обрѣтается, и битися нанимаются по многимъ королевствамъ. Много въ нихъ и купеческихъ людей.

(10). Земля Германія. Человѣцы ласковы и смиренны и слабы ко пшанству и къ покою тѣлесному; короля у нихъ нѣтъ, а правятся разными Арцысами.

(11). Поляки къ наукамъ тщательны, къ войнѣ храбры; государей своихъ подданные у нихъ не слушаютъ, но вольно живутъ, платя же носятъ зѣло цвѣтно и слабы ко пшанству и ко всякимъ сластямъ.

Земля Россійская славна благочестіемъ церковнымъ, иконами, колоколами; люди въ ней подобіемъ сановиты, бородаты; нравомъ непостоятельны. Много у нихъ воинскихъ людей и купецкихъ богатыхъ. Есть въ ней монастырь Соловецкій, ограда же дикого камня зеленого.

(15). Королевство англійское; много въ нихъ купеческихъ людей, а воинскихъ мало. Человѣцы мудры и доктуроваты.

Извѣстія о Рахманахъ (15), о рѣкахъ едемскихъ (17), о стекляннхъ горахъ (18) и дѣвической землѣ—тѣже, что и въ нашей космографіи; при извѣстіи о райскихъ птицахъ (28) названы ихъ имена: «Гамаюнъ и Фениксъ», а къ извѣстію о драгоцѣнныхъ камняхъ (30) прибавлено: «яко одна жемчужина тянетъ поллуда».

Въ космографіи второй редакціи очень подробно говорится о томъ, что земля есть шаръ; за тѣмъ описываются одни европейскія государства; свѣдѣнія о разныхъ народахъ во многомъ схо-

дятся съ другими космографіями; свѣдѣнія о Россіи (какъ сказано въ самомъ текстѣ) выписаны изъ Герберштейна, а именно: Женскаго полу житіе и чинъ ихъ бѣдный, потому что ни единую за честную и за добрую не имѣютъ, развѣ которая живетъ въ дому въ затвореніи. Народъ хитеръ и обманчивъ, которой больше любить неволю, нежели воду, всѣ сказываются невольниками и холопами великаго князя; они же никогда въ покою не живутъ, потому что князь великій либо противъ Литвы, либо противъ Литовской земли, либо противъ татаръ воюетъ... Брюхо или чрево не опоясаютъ, но только уды, и столь низко поясъ спускаютъ, чтобы брюхо выставилось.

Англинское государство. Старый нѣкой мудрецъ написалъ, что прежде сего въ томъ государствѣ былъ сицевой нравъ: егда кто изъ друзей въ домъ своего друга придетъ званный и онъ бы прежде всего съ женою друга своего, къ которому въ домъ придетъ, прироженное совокупленіе сотворилъ, чтобы былъ любовно въ дому принятый; таково же въ дорогѣ сообщая требуютъ жену друзей своихъ, и небывало то у нихъ безчестно, егда жены и дочери ихъ отъ того оберемеваютъ. А люди въ томъ государствѣ богатые и воинскіе.

Франція. Въ Ременской церевѣ есть суденко, въ которомъ хрисмо неисчерпаемое для помазанія королевскаго при венчаніи, изъ неба сосланное. Другое чудо есть, что король французской дотнненемъ самымъ желѣзы и пухлины на шею лѣчитъ, говоря тѣми словами: король ся тебя дотыкаетъ, а Богъ тебя уздавливаетъ.

Прусія; пишутъ, что прежде сего живали въ немъ тѣ люди, которые при Дону рѣки жили, а тѣ для неплодovитой земли пошли отъ Дону ищущи плодovитой земли и прошли до Прусской земли, а тамъ засѣли.

Въ Трансильвани люди зѣло воинскіе, межъ которыми нѣтъ боярскаго сына и мужика, всѣ одново чину люди.

Изъ не европейскихъ государствъ въ этой космографіи помѣщены: Египеть, Кароагенъ, Абиссинія и Варварія; списокъ повидимому неконченый.

Въ третьей космографіи, изъ хронографа 1696 года (Поповъ, III. 518), описаніе странъ сдѣлано съ болѣею подробностію противъ 1-й космографіи, съ которою она впрочемъ сходна по расположенію статей и по извѣстіямъ о разныхъ баснословныхъ народахъ. О Россіи находимъ въ ней между прочимъ, слѣдующія извѣстія: «Градъ Москва крѣпокъ, тремя стѣнами каменными огражденъ; ему же величествомъ и крѣпостію едва ли во всей Европѣ подобенъ градъ обрѣтается. Люди къ царямъ своимъ никогда противленія не показываютъ; въ вѣрѣ крѣпки и еретиковъ казнятъ дальними заточеніями и смертію. По чужимъ государствамъ не ѣздятъ точию въ посольствѣ, боясь перенять въ нихъ что и впасть въ ересь; ученыхъ людей и докторовъ и философовъ имѣютъ у себя мало, потому что книжному писанію учены не всѣ, только вельможи, воинскіе люди, да купеческіе лучшіе люди; рабы же и поселяне зѣло неучени и мятежни... за что отъ государей своихъ по многу наказуемы и казнимы смертію».

Относительно первоначальныхъ источниковъ нѣкоторыхъ статей замѣтимъ слѣдующее: описаніе земли Рахманской (или Брахманской)—заимствовано изъ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ; описаніе Китайскаго царства—изъ космографіи Мюнстера (Поповъ, II. 226); Врахманское царство упоминается и въ житіи преподобнаго Зосимы, который ходилъ къ Рахманамъ и перешелъ для этого облачную стѣну, которую до него никто не переходилъ, и большую рѣку, черезъ которую перенесли его два дерева на своихъ вѣтвяхъ (Тихонравовъ, Памятники отречен. литерат., II. 78 и 92). Въ Амартолѣ говорится, что Врахманы, жены и мужья, живутъ на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки, а въ рѣкѣ той живеть страшный звѣрь, пожирающій по цѣлому киту за разъ: только на 40 дней звѣрь этотъ уходитъ изъ рѣки, и тогда мужья переходятъ къ женамъ и совокупаются съ ними (Сухомлиновъ, О русскихъ лѣтописяхъ. СПб. 1856, 87). Врахманское царство, съ царемъ Вахрамеемъ Вахрамеевичемъ (Афромей, Афронъ) упоминается и въ народныхъ пѣсняхъ (Рыбниковъ, II. CLXXXII), при чемъ Макарицкій берегъ обращенъ

въ Макарьевскіе желтые пески (что подѣ Нижнимъ-Новгородомъ).

Въ нашей космографіи № 590 упоминаются люди челоуѣкоядцы (№ 33, стр. 268), о которыхъ въ средніе вѣка существовало много рассказовъ. Въ отрядѣ Готфрида Бульонскаго было до 20.000 «Ribbaus и Taffurs», которые питались челоуѣчьимъ мясомъ враговъ и находили «с'uns rayens bien un cras mouton vault, et le mettent en rost com la char de biersault» (Becker, Monatschrift der Berliner Acad. Juli 1867, 437 — 439. — Миллеръ, Илья Муромецъ, 153).

Въ заключеніе привожу любопытныя сказанія объ Индіи богатой и о чудесныхъ дѣвицахъ, заимствованныя въ текстѣ нашей картинки изъ хронографовъ XVII вѣка:

1. Изъ повѣсти о Сивильскомъ царствѣ (по рукописи XVII—XVIII в., принадлежащей О. И. Буслаеву): «Межь юга и запада, за Нилою рѣкою, за Политарскою землею, есть гора, имя ей Скала, чрезъ юже никому же прейти неможно, никакому челоуѣку, высоты ради тоя. Скрозъ юже есть пещера, а ити ею 8 дней со свѣщами. И прошедь пещеру и увидятъ свѣтъ неизреченный. Земля же та равна, нѣсть на ней ни горъ, ни раздолей, только много на ней различнаго винограду; злата же тамо весьма много и каменія драгаго безъ числа много, сребра же у нихъ ни во что есть. А живутъ въ герѣ той въ пещерахъ все дѣвицы нескверни и безсмертнн божимъ повелѣніемъ и ихъ умоленіемъ (?). Одежду же на себѣ носятъ златомъ соткану, токмо до пояса, а отъ пояса все тѣло ихъ наго; а по тѣлу ихъ врѣзвано каменье драгое, самоцвѣтное. А царствуетъ у нихъ въ той землѣ дѣвица Сивилла Царица нескверна же и безсмертна. А приходятъ къ ней послы Политарскіе и Коревскіе и Италинскіе и Шпанскіе и Виницѣйскіе и Цысарскіе и изъ иныхъ многихъ земель. А приводятъ къ нимъ послы, въ даръ мѣсто, все дѣвицы до десяти лѣтъ или до 12-ти, а больше того годами не приводятъ. А емлютъ тѣ послы злата и сребра и каменія многоцѣннаго, сколько восхотятъ. Да и тѣ у нихъ приводныя дѣвицы безсмертныя же бываютъ Божимъ по-

велѣніемъ. Есть бо у нихъ источникъ живои воды, и какъ тѣхъ приведенныхъ дѣвицъ тою водою измоютъ, и тѣ дѣвицы такъ же безсмертны бывають, якоже и они. А измывъ водою тою, да по тѣлу рѣжутъ бритвами и вставляють въ тѣ раны камень многоцвѣтное. А болѣзни тѣ дѣвицы никакія на себѣ никогда же не имѣють: въ той часъ рана и заживаетъ. А пословъ тѣхъ учать премудрости разумѣти небесному двизанію и земному колловрату. А ходять съ тѣми послы по 12-ти человекъ, а 10 ихъ выдутъ, а двучеловѣкъ они у себя оставливають.

2. Сказаніе *объ Индіи богатой*, изъ письма пресвитера Іоанна къ Греч. Имп. Мануилу: по русскому тексту ему повинуются 72 царя, въ его странахъ родятся *потапы*—полчеловѣка а полпса,—рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ и сатиры; люди тамъ не лгутъ, потому что отъ всякой лжи бледнѣють какъ мертвецы; улицы вымощены у нихъ драгоценными камнями и т. д. Позднѣйшія космографіи помѣщаютъ это царство въ Абиссиніи. По Румянц. Космогр. XVII в. (№ 380 и 90) «Кролевство попа Яна, земля великая, пространна, на мысу великаго моря, вѣра же въ ней евангилицкая и еретическая; толикожъ горды имѣють нравы—аще пріѣзжіе гости не учнутъ вѣры вѣровать и они у нихъ на главахъ положить бумажны шляпки, зажигають, и оттого згорають; изобилно же плодомъ и всякимъ богато» (Пыпинъ 91; сравните тоже прим. къ № 298).

590 А. Прибавить: *Солнце съ зодіаками*; огромная картина четырехлистоваго размѣра, гравированная на деревѣ въ концѣ прошедшаго вѣка; въ срединѣ солнце съ луною и звѣздами, кругомъ его двѣнадцать знаковъ зодіака, а по четыремъ угламъ изображены четыре времени года, въ видѣ женщинъ: «весна—лѣто—зима—осень». Подпись кругомъ солнца: «вообласть нерукотворшему свѣтла велия единому сонце вообласть день и ночь и звезды». Надъ знаками зодіака: «мѣцъ мартъ овенъ естествомъ теплъ сухъ иматъ дней 34»; «мѣцъ апрель телець естествомъ студенъ и сухъ иматъ дней 30»; «мѣцъ маи близнецы теплъ и мокръ иматъ

дней 31»; «мѣцъ іюнь ракъ естествомъ студенъ и мокръ иматъ дней 30»; «мѣцъ іюль левъ естествомъ теплъ и сухъ иматъ дней 31»; «мѣцъ августъ дева естествомъ студенъ иматъ дней 31»; «мѣцъ сентябрь весь естествомъ теплъ и мокръ иматъ дней 30»; «мѣцъ октябрь скорпня естествомъ студенъ и мокръ иматъ дней 31»; «мѣцъ ноябрь стрелець естествомъ теплъ и сухъ иматъ дней 30»; «мѣцъ декабрь естествомъ студенъ сухъ има дней 31»; «мѣцъ генварь естествомъ теплъ водолея иматъ дней 31»; «мѣцъ февраль естествомъ студенъ и сухъ рыбы имейи дней 28 высокосъ 29». На единственномъ извѣстномъ экземплярѣ этой картины, находящемся въ моемъ собраніи, сзади карандашемъ помѣчено: «Изъ Коломенскаго дворца».

Въ XVII вѣкѣ *Звѣздотечное небо* писалось неоднократно на плафонахъ царскихъ теремовъ, а также изображалось въ видѣ рисунковъ на бумагѣ и на полотнѣ. Въ книгѣ «Домашній бытъ царей русскихъ», Е. Забѣлина, находимъ по этому предмету слѣдующія свѣдѣнія: «Въ столовой, построенной царемъ Алексѣемъ въ 1662 году, въ подволокѣ написано было *звѣздотечное небесное движеніе, двѣнадцать мѣсяцовъ и были небесныя*, вѣроятно по вымыслу инженера и полковника Густава Декенпина, который строилъ эту Столовую Избу¹⁾. Въ сочиненіи Адольфа Лизека о посольствѣ римскаго императора Леопольда къ царю Алексѣю Михайловичу сохранилось описаніе этого изображенія; 13-го октября 1675 г. въ Столовой была дана цесарскому посольству отпускная аудіенція, которую и описалъ Лизекъ, секретарь посольства²⁾: «Стѣны Аудіенцъ залы (говоритъ онъ) были обиты дорогими тканями, а на потолкѣ изображены небесныя свѣтила ночи, блуждающія кометы и неподвижныя звѣзды, съ астрономическою точностію. Каждое тѣло имѣло свою сферу, съ надлежащимъ уклоненіемъ отъ эклиптики; разстояніе двѣнадцати знаковъ небесныхъ такъ точ-

¹⁾ Въ Расходной книгѣ Казеннаго Приказа, 7170 года, именно сказано что инженеръ и полковникъ Густавъ Декенпинъ «былъ у вымыслу Столовой Избы деревянной, у подволоки и у рѣзныхъ оконъ». Подволоку писали, какъ значитъ въ другой Расходной книгѣ, Поляки Иванъ Мировской, Степанъ Петровъ, Андрей Павловъ и Юрій Ивановъ (№ 1082 и 1020, арх. Оруж. Пал.).

²⁾ «Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1837 г., Ноябрь, отд. II, стр. 377.

но размѣрено, что даже пути планетъ были означены золотыми *тропиками* и такими же *колорами* равноденствія и повороты солнца къ веснѣ и осени, зимѣ и лѣту». *Звѣздотечное небесное движеніе* царской Столовой Палаты пользовалось въ то время особеннымъ уваженіемъ и нѣсколько разъ служило образцомъ при украшеніи другихъ комнатъ (преимущественно также столовыхъ, на постельной половинѣ дворца); такъ, въ 1683 году, оно было написано въ столовой царевны Софьи Алексѣевны, на деревянной подволоку, по грунтованному холсту, живописцами Салтановымъ и Безминымъ; а въ 1688 году — въ деревянной передней царевны Татьяны Михайловны и въ верхней каменной комнатѣ царевны Марьи Алексѣевны. Кромѣ того, столовыя избы загородныхъ царскихъ хоромъ, въ Коломенскомъ ³⁾ и въ Алексѣевскомъ, и столовая въ новыхъ хоромахъ царевича Ивана Алексѣевича, въ 1681 году, также были украшены изображениями *небесныхъ глобовъ*. Но несравненно большее значеніе получаетъ для насъ этотъ плафонъ въ томъ отношеніи, что онъ служилъ, можетъ быть, руководствомъ въ первоначальномъ обученіи Петра Великаго. Вотъ современное свидѣтельство по этому предмету: въ 1679 году живописнаго дѣла мастеръ Карпъ Ивановъ Золотаревъ писалъ на александрійскомъ большомъ листѣ (бумаги), золотомъ и красками, «двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные, противъ того, какъ въ Столовой въ подволокахъ написано». — «Тотъ листъ (отмѣчено въ запискѣ) принялъ въ хоромы къ Государю Царевичу и великому князю Петру Алексѣевичу бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрешневъ» ⁴⁾. Составленіемъ подвальныхъ *чертежей* съ 1681 г. занимался живописецъ Иванъ Миrowsкой, которому 1 марта велѣно было «знаменить чертежъ звѣздотечнаго небеснаго движенія противъ того, каково написано въ подволоку въ большой Столовой Палатѣ, и иные чертежи иными образцы» (Забѣлинь, Бытъ царей русскихъ, стр. 130).

³⁾ Наша картинка № 590 А. и сдѣлана повидимому съ Коломенскаго плафона передъ сломкой дворца, послѣдовавшей въ концѣ прошедшаго столѣтія.

⁴⁾ Приходо-расходная Книга Оружейной Палаты 1188 года, № 248.

Въ 1680 г. живописецъ Иванъ Безминъ написалъ на полотнѣ въ 63 аршина, въ Верхъ къ Государю — лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ, звѣзды; а въ 1694 году и для царевича Алексѣя Петровича была написана картина на полотнѣ — «солнце, луна, кругомъ двѣнадцать мѣсяцовъ» (тамъ-же, стр. 166); въ томъ же году и для него же писана картина, на четырехъ листахъ, иконописнымъ письмомъ, — «четыре стихіи, двѣнадцать мѣсяцовъ» (тамъ же, стр. 167).

592. *Глобусъ географическій*. У меня есть еще изданіе (б), отпечатанное съ этой же доски въ началѣ нынѣшняго вѣка, на синей бумагѣ. Оба глобуса, описанные подъ №№ 591 и 592, работы мастера Ростовцева.

Алексѣй Ростовцевъ, граверъ на мѣди первой половины XVIII вѣка, состоялъ при Московской типографіи, гдѣ учился гравированію у бібліотекаря Василія Кипріянова (см. 1-й листъ Брюсова календаря, шестилистоваго); въ 1711 году онъ переведенъ въ Петербургскую типографію, гдѣ работалъ подъ смотрѣніемъ Пикара и находился еще въ 1726 году; въ этомъ году смотритель Аврамовъ писалъ о немъ въ докладѣ Синоду, что Ростовцевъ «не только грьдоровальному (искуству), но и небеснымъ и земнымъ глобусамъ обучился», при чемъ въ 1725 году награвированный имъ земной глобусъ отосланъ къ освидѣтельствуванію въ Академію Наукъ къ академику Блюментросту (См. Русскіе Граверы, стр. 275).

598. Въ стихотвореніи къ двуглавному орлу, сочиненномъ по случаю побѣды надъ Шведами (Румянц. сборн. 1790 г., № 408), находимъ подобныя же вирши:

«Радуйся орле двоеглавый

Ты бо еси нѣ въ всемъ мирѣ славный и т. д.»

Это есть повтореніе герба Петра Великаго, въ которомъ Гюйсенъ передѣлалъ въ бытность свою въ Вѣнѣ цвѣта, согласно съ тогдашними правилами геральдики, и который велѣно было

вырѣзать на мѣди; въ этомъ видѣ російскій гербъ былъ два раза отпечатанъ, съ объясненіями въ Саксоніи (?).

599 А. Прибавить: Виды Москвы, Петербурга и 48 русскихъ городовъ—огромная шести листовая картина, гравированная рѣзцомъ въ концѣ прошедшаго столѣтія; вверху в серединѣ російскій гербъ, по бокамъ его виды Москвы и Петербурга, съ слѣдующими надписями: «Описаніе славныхъ и великихъ и правінціальныхъ градовъ всеросійской имперіи і исчисленіе верстѣ ѿ высокопрестолнаго и славнаго и великаго града Москвы. во всеиже Москве находятъ соборовъ 10, монастырей мужескихъ 15, женскихъ 9, церквей каменныхъ 265. деревянныхъ 6, во оныхъ престоловъ 862.

«Царствующій градъ санктпетербургъ ново(пос)* прѣстолная російская столица построеніе блженныя и вечно достойныя памяти яко оца отчества его императорскаго велѣчества петра перваго и великаго еще же устроившаго и утвердившаго карабелной и галерной олотъ крепость и утвержденіе російскаго государства оѣ близняго соседства шведскаго королевства и оѣ иныхъ политическихъ странъ которые на російскую имперію брань начинаю самі побежденіе бываюѣ: прі реке неве врасстояніи оѣ Москвы 730 версты». Далѣе въ трехъ продольныхъ полосахъ помѣщено по четыре вида въ каждой, а затѣмъ въ пяти слѣдующихъ полосахъ, по восьми видовъ въ каждой.

«бгохранимыи славныи градъ Киевъ наместничество первопрестолная російская столица внемже множество честныхъ монастырей стыхъ црквей оѣ негоже блгодать блжія воссияла вросійскую землю чреѣ стѣаго айстла андрея и стѣаго равноапостолнаго князя владимера иже російскіи народъ стымъ крѣщениемъ просветившихъ и оѣ тмы идолослуженія и христианской вере обратившихъ. врасстояніи оѣ Москвы 852 версты».

«великіи новъ градъ наместничество въ стране полунощной надъ озеро ильмеромъ надрекою болховымъ вяще бо красотю

* Слово «пос» перечеркнуто.

преизряденъ и многолюденъ внемже множество стыхъ угодинокъ блжнихъ и честныхъ монастырей и блжнихъ црквей множествоож внемже княжилъ рюрикъ князь призванный оѣ варягъ. врасстояніи оѣ Москвы 544 версты».

«Градъ Нарва санктпетербургской губерніи такоже славный и великіи крепостію и красотю преизрядны прежде именовашеся ругодевъ но по взятіи оѣ страны шведскія великіи гдремъ нашимъ императоромъ петромъ первымъ и великимъ повелено звати нарва понеже стоитъ при реке нарове врасстояніи оѣ Москвы 875 версты».

«Градъ псковъ наместничество славное и великое крепостію и красотю преизрядныи и многолюдныи стоитъ при реке пскове отнеяже и наречеся псковъ градъ которая совокупляется свеликою рекою врасстояніи оѣ Москвы 717 версты».

«наместничество Архангелскій градъ изъ окіана моря такоже всякимъ блгополучіемъ исполненъ и всякимъ зданіемъ или строеніемъ исправенъ ѣщеже внемъ славное російское купечество исполняется и сыноземскими иностранными купцами совокупляется врасстояніи оѣ Москвы 1236½ версты».

«Наместничество градъ владимеръ построениемъ великаго князя владимера киевскаго егда восприя христианскую веру тогда поиде востраны суждалекіи и ростовскія стремя епископы и обрете место нареке клязьме весьма красно и возлюбилъ его и поставилъ градъ во имя свое врасстояніи оѣ Москвы 175 веѣ».

«Градъ ревель наместничество такоже славныи і великіи крепостію і красотю преизрядныи прежде именовашеся колывань когда взяѣ оѣ страны шведскія великіи гдръ нашъ императоръ петръ первы повеле звати ревель стоитъ при варяжскомъ море велми хкарабелному пристанищу угоденъ: врасстояніи оѣ москвы 1070 версты».

«Славныи и великіи градъ рѣга наместничество крепостію и красотю преизрядныи стоитъ пре реке двѣне которая совокупляется смитавою внемже великое и славное иностранное купечество исполняется врасстояніи отъ Москвы 1053 версты».

«Наместничество новопоселенный градъ Нижней Построениемъ великаго князя Ивана Васильевича московскаго перваго собирателя крепостию и утверждениемъ о^т варварскіе страны отжестокихъ набеговъ отказанскихъ татаръ и тако по устроению онаго града блгополучнымъ здравиемъ и неизменнымъ щастиемъ и са^м поиде подказа^н сроссійскимъ войнство^м и блгополучно взялъ и все татарское войско сокруши и самаго царя здетми его вполонъ получи^л, нже городское наместничество; вра^н о^т мѣк 390».

«Казанскаго наместничества градъ Свяжскъ на реке свяже о^т неже наречеса градъ свяжскъ построениемъ великаго гд^{ря} нашего ц^{ря} Иоанна Васильевича втораго пооступленію града казани о^т россійской державы и тако по смерти о^тца своего великаго князя Василия Иоанновича подказанъ сроссійскимъ войскомъ и блгополучно взялъ и подроссийскую протекцію утвердилъ в^{ра}стоянн^и ѿ Москвы чрезъ валадимеръ 715 верстъ».

«Градъ углечъ ярославскаго наместничества такожде преизрядны внемже убиень ст^{ыи} блговерныи димитр^ии ц^рвичь московскіи о^т боярина бориса годунова мужа великаго коварства и дальныхъ замысловъ и безмерной амбиціи которои видя слабость своего гд^{ря} ц^{ря} Феодора Иоанновича московскаго восхотель самъ похит^ит^ь россійскій престо^л і тако коварны^м свой^м умысло^м ц^{ря} Феодора Иоанновича о^травою уморилъ і московскіи пр^тл^ь сілою і властолюбіемъ си^м воспр^ял^ь в^{ра}стоянн^и о^т Москвы 180 верстъ стои^т при реке волге».

«Градъ Переяславль рязанской наместничества построениемъ великаго кн^{зя} владімера егда услыша владімеръ яко печенегі мнози собрашася при реке трубеше и прошаше у кн^{зя} борца неки мужъ о^т села резані рече кн^{зю} гд^{рь} сынъ у меня есть братіся противъ печенега кн^я же возвеселіся и прізва борца борець же нача братіся спеченегомъ і победі и зубы о^т него скровію іскорені і душу о^т него істрясе і того раді кн^{зь} владімеръ нарече градъ переяславль резанскій ідеже преславіся победа содеяшася. в^{ра}стоянн^и о^т Москвы 180 верстъ».

«Градъ Астрахань кавказскаго наместничества сторона калмыцкая прежде именовала^с преизрядныи и великіи і всякі^м блгополучіе^м ізобилень а напаче рыбны^м промысло^м іли купечество^м превосходи^т все^х градовъ россійскіхъ внемже множество рождается внограду і арбузо^м ин^х блгополучны^х вещей ізобилно в^{ра}стоянн^и отмосквы 1412 верстъ».

«Градъ Тобольскъ наместничество востране синбирской б^ыше бо сія хлебородна и всякіи вещами ізобилная вней же соболеніи куніць лисіць и всякіи звермі исполнено в^{ра}стоянн^и о^т москвы 2155 верстъ».

«Градъ Ярославль наместничество славное и великое и многолюдное похвалное и красотою преизрядное внем же множество ст^ыхъ бж^иихъ ц^ркви еще же внемъ три честныи обітели стои^т при реке волге и котрости в^{ра}стоянн^и о^т москвы 243 версты».

«Градъ Казань наместничество страна татарская построениемъ ц^{ря} татарскаго сайна егда пріиде на место сіе и возлюбилъ его понеже хлебородно и лесисто внемже великій зміи жівяше пріскорбень бысть і обрете некоего волхва и возвесті ему о зм^ии тойже волхвъ хитростію своею уморі змія і тако сайнъ поставі юртъ ічасто іскараковъ пріе^жаше і зело любляше і нарече градъ Казань идеже показалася место ему река казань совокупляется сволгою. в^{ра}стоянн^и отъ Москвы 735 верстъ».

«Градъ Тверь наместничество такожде преизрядныи и блгополучныи доволныи строениемъ и бж^иихъ ц^ркви и доволножъ стои^т при реке волге и тверце в^{ра}стоянн^и о^т москвы 162^в».

«новопоселенный градъ Ладога санктпетербургской губерніи велими преизрядныи построение^м гд^{ря} нашего Петра великаго, сто^ит^ь пріезере невско^м и болховымъ в^{ра}стоянн^и о^т москвы 744 вер.».

«градъ Суждаль володімерскаго наместничества блгополучныи такожде преизрядныи в^{ра}стоянн^и о^т москвы 209 верстъ».

«Градъ Бѣлозерскъ Новгородскаго наместничества. прі беломъ езере такожде преизрядныи славныи похвалныи. в^{ра}стоянн^и отъ Москвы 540 верстъ».

«Градъ Смоленскъ наместничество такожде славное великое и преизрядное врасстоянїи о^т москвы 384 ве^р.».

«Градъ Черниговъ наместничество славное і великое стои^т прї реке десне врасстоянїи о^т москвы 676 верст^ь».

«Невель градъ великій и преизряденъ построеннемъ кнѣзя владимера кїевского врасстоянїи о^т москвы 658 вер. кїевского наместничества».

«Градъ Переславль залеской наместничества владімерскаго врасстоянїи о^т москвы 125 верст^ь».

«Градъ Олоонецъ наместничество: преизобіленъ великъ такожде и преизрядный врасстоянїи о^т москвы 874 вер^{ст}».

«Градъ вологда наместничество славное и великое врасстоянїи о^т москвы 426 верст^ь».

«Градъ Устюгъ вологоцкаго наместничества. славный и великій: врасстоянїи отмосквы и 899 верст^ь и $\frac{3}{4}$ ».

«Нововаселенный градъ Аренбургъ рижскаго наместничества врасстоянїи о^т москвы 1356 верст^ь».

«Градъ воронежъ наместничество врасстоянїи отъ москвы 490 верст^ь».

«Градъ Орелъ наместничество славное и великое и блгополучное внемже главное русское хлебное купечество. врасстоянїи о^т Москвы 367 ве^р.».

«Градъ Тула наместничество врасстоянїи о^т москвы 182 версты».

«Градъ Калуга наместничество врасстоянїи о^т москвы 160 верст^ь»

«Градъ Каргополь славный и преизрядный и блгополучный врасстоянїи отъ москвы 1078 верст^ь Олонецкаго наместничества».

«Градъ Саратовъ наместничество славное и великое стои^т при реке волге врасстоянїи о^т москвы 902 версты».

«Градъ Уѳимскъ наместничество преизрядное врасстоянїи отъ Москвы 1183 верст^ь».

«Градъ Сибирскъ наместничество славное и похвальное врасстоянїи и отъ Москвы 745 верст^ь».

«Градъ Серпуховъ Московской губернїи врасстоянїи отмосквы 38 верст^ь».

«Градъ Батуринъ въ стране черкасской врасстоянїи о^т москвы 633 вер^{ст}».

«Крепость Азовъ. екатеринославскаго наместничества стои^т въ стране восточной врасстоянїи отмосквы 1268 верст^ь».

«Градъ Севскъ орловскаго наместничества славный и многолюденъ врасстоянїи о^т москвы 512 верст^ь».

«Градъ Царицынъ Саратовскаго наместничества такожде преизрядный врасстоянїи о^т Москвы 1042 версты».

«Градъ Самоленскъ благополученъ врасстоянїи отъ Москвы 384 версты наместничество».

«Градъ Галичъ Костромскаго наместничества славный и преизрядны и врасстоянїи о^т москвы 396 верст^ь».

«Градъ Глуховъ Новгородскаго наместничества такожде преизрядны врасстоянїи отмосквы 550 верст^ь».

Орловскаго наместничества градъ брянскъ похвалны и блгополучны врасстоянїи о^т Москвы 347 верст^ь».

«Градъ Коломна Московской губернїи такожде преизрядны стои^т прї реке оке врасстоянїи отъ Москвы 100 верст^ь».

«Градъ Ростовъ Ярославскаго наместничества славный и велики стои^т прї озере врасстоянїи о^т Москвы 189 верст^ь».

«Будїже известно яко оныя грады и провинціи кто прїсовокупи под московскую протекцію понеже первый собиратель московской кнѣзь иоанъ васїльевичъ великій и поїстинне великій не словомъ но деломъ ибо рассыпанное отечество вразделенїе детен владімеровыхъ воедино собралъ и паки утвердїлъ честь имени своему и славу русскаго имперїи яже и ныне ея Императорскаго величества *екатерина Алексѣевна* всероссійская самодержїца блгополучны^м здравїемъ і непрременнымъ щастїемъ всероссійская имперїя славою и честїю процветае^т».

Въ моемъ собранїи.

600. Москва упоминается въ лѣтописи впервые въ 1147^л году; во время нашествїя (1238 г.) Батїя она была еще ничтожна;

первый устроитель ея былъ кн. Данилъ, сынъ Александра Невского, скончавшагося въ 1303 г. Сынъ его, Иоаннъ I Калита, успѣлъ переманить Петра митрополита изъ Владиміра въ Москву; съ тѣхъ поръ Москва стала престольнымъ градомъ. Въ началѣ 1340 г. построень градъ дубовый; весною 1367 г. заложенъ каменный Кремль; нынѣшній каменный Кремль построень Ивановъ III въ 1485—1492 гг. Новый или Китай городъ, т. е. посадъ около Кремля, обложенъ каменною стѣною въ 1535 году; въ 1586 году обнесенъ новою стѣною построившійся кругомъ Китая-города Царевъ или Бѣлый городъ. Наконецъ четвертая часть или кольцо Москвы названо Землянымъ городомъ; Замоскворѣчье обнесено стѣною и ровомъ въ 1591—1681 гг. Въ 1742 году Камеръ-Коллегія присоединила къ Москвѣ огромныя прирѣзы, окруженные камеръ-коллежскимъ валомъ, имѣющимъ до 30 верстъ окружности.

Пожары, обновлявшіе Москву, неисчислимы; Москва почти цѣликомъ выгорала въ слѣдующіе годы: Юля 14, 1445 г.; Юля 28, 1493 г.; Юня 21, 1547 г.; Мая 24, 1571 г.; Мая 3, 1626 г.; Мая 29, 1737 г.; Сентября 3, 1812 года (Выходы Царей, Строева; Алфав., 56).

Образцомъ для вида Кремля въ нашей картинкѣ № 600 послужилъ большой видъ Москвы, который подробно описанъ въ моей книгѣ: Русскіе Граверы (М. 1870), на стр. 159, гдѣ этотъ видъ ошибочно приписанъ мастеру Бликландту, на самомъ же дѣлѣ онъ гравированъ Петромъ Пикаромъ (но безъ его подписи), а Бликландтомъ награвированъ другой видъ Москвы отличной работы, въ ту же мѣру, отъ Воробьевыхъ горъ (Пикаровъ видъ снятъ отъ Каменнаго моста). Послѣдній видъ приобрѣтенъ мною уже послѣ напечатанія моей книгѣ о русскихъ граверахъ; на немъ особенно хорошо выполнены монастыри въ московскихъ окраинахъ; подпись мастера подъ тѣмъ видомъ приведена въ Русскихъ Граверахъ вѣрно. Оба вида, Пикаровъ и Бликландтовъ, изданы до 1714 г., такъ какъ о нихъ уже упоминается въ описи типографской книжной лавки за этотъ годъ (Пекарскій, Наука и Лит., II. Прибавл.).

Снегиревъ (Лубочн. карт., 76) называетъ еще видъ Москвы съ южной стороны, изображающей Кремль и часть Китая и Бѣлаго города, гравиров. А. Зубовымъ. По его словамъ, на немъ представлены многія зданія, теперь уже не существующія въ Кремлѣ, какъ то: другая стѣна къ Москвѣ рѣкѣ, съ бойницами и съ навѣсомъ для пушекъ; шесть воротъ при вѣздѣ съ юга на Каменный мостъ и Всехсвятыхъ на западъ, съ лавками на немъ и съ мельницей при быкахъ его. На гребнѣ Кремлевскаго холма видны соборы: Срѣтенія, Александровскій, Черниговскихъ Чудотворцевъ, разобранные въ концѣ XVIII вѣка, и св. Николая Гостунскаго, въ 1818 г. уступившій мѣсто плацъ-параду, церковь Рождества Іоанна Предтечи, верхній и нижній сады на этихъ холмахъ, двухъ этажные приказы и другія зданія. Вида этого мнѣ не случилось встрѣтить; судя по приведенному описанію, это есть большой видъ Пикара, который Снегиревъ ошибочно описалъ въ другой разъ.

602. Успенскій соборъ. Первая каменная церковь заложена 4 авг. 1326 г.; освящена 14 авг. 1327 г.; весною 1472 г. сломана и сложена вновь въ болѣе обширномъ видѣ въ 1474 г. выстроенная вторично развалилась. Въ 1475 г. 17 апр. вызванный изъ Италіи зодчій Аристотель началъ строить соборъ вновь; въ 1479 г. 12 авг. соборъ освященъ; въ 1515 росписанъ стѣнописью; въ 1642 росписанъ вновь по золоту; въ 1652 устроенъ новый иконостасъ; обновленъ послѣ 1812 года (Выходы Царей, Строева; алфав. указ.); въ послѣднее время иконостасъ возобновленъ масляными красками, а стѣнопись переписана вновь, масляными же красками, московскимъ художникомъ Н. И. Подключниковымъ. На нашей картинкѣ весьма замѣчательно перечисленіе образовъ и святыхъ, находящихся въ соборахъ; въ числѣ упоминается и о ризѣ Спасителя, гречески матизма, хитонъ нешвенъ. Въ небѣ новомъ сказано (стр. 26, изъ Іоанна Картаг.), что она была соткана Богородицею, когда Христосъ былъ еще малымъ отрокомъ,—риза эта росла вмѣстѣ съ нимъ. О томъ, какъ

доставлена эта риза царю Михаилу Теодоровичу и положена въ Москов. соб., см. въ опис. Успен. Соб. (стр. 170)—слово о ризѣ Господней.

602 А. Таже картинка, копія точь въ точь; изданіе на синей бумагѣ (Моск. фабр. 1800 года). Надпись въ картушѣ: «Краткое изображеніе... (а въ № 602:» Краткое изображение); текстъ скопированъ безъ измѣненій.—Въ моемъ собраніи.

602 Б. Прибавить: Видъ трехъ Московскихъ соборовъ; картина трехлистоваго размѣра (квадратная), работы мастера Петра Николаева Чуваева, монограмма котораго: «П. Н. Ч». стоитъ внизу, въ правомъ углу картины. Вся картина раздѣлена на три поперечныя полосы, изъ которыхъ, вверху, изображены: «сѣтый соборъ благовѣщенской», — «сѣтый соборъ успѣнской» — и «сѣтый соборъ архангельской», а внизу помѣщенъ текстъ, скопированный съ № 602, почти безъ измѣненій.—Въ моемъ собраніи.

605 и 606. Троицкая Сергіева Лавра находится въ Дмитровскомъ уѣздѣ, въ 60 верстахъ отъ Москвы, недалеко отъ существовавшего въ древности города Радонежа. Основана она преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ около 1341 года (ум. 1392 г. 25 сентября; мощи его открыты 1423 г.). Ученикъ и преемникъ его былъ преподобный Никонъ (ум. 17 ноября 1427 г.). Въ 1610 г. Троицкая Лавра, при архимандритѣ Діонисіѣ и келарѣ Аврааміѣ Палицынѣ, отразила осаждавшихъ ее Поляковъ. При Императорѣ Петрѣ I въ Лаврѣ построена трапезная церковь и двухъ-этажный дворецъ; къ этому времени относятся обѣ картинки №№ 605 и 606.

Троицкая Лавра, издревле пользовалась особымъ уваженіемъ нашихъ Царей; в. к. Дмитрій Донской ходилъ туда за благословеніемъ преподобнаго Сергія, передъ отправленіемъ своимъ на Куликовскую битву. Позднѣе царь Алексѣй Михайловичъ ежегодно совершалъ *походъ Троицкій* осенью, къ празднику св. Сергія

(25 сентября), кормилъ братію и самъ кушалъ въ трапезѣ; передъ входомъ въ монастырь царю подносили посохъ Троицкій. Въ выходахъ царскихъ упоминаются поѣздки въ Лавру царя Теодора Алексѣевича (Алфав., стр. 97). Въ позднѣйшее время походы въ Троицкую лавру совершали Императрицы Елисавета и Екатерина II (см. Троицкіе походы И. Забѣлина).

607. Воскресенскій монастырь Новый Іерусалимъ, въ 46 верстахъ отъ Москвы; устроенъ патриархомъ Никономъ на подобіе Іерусалима въ 1656 году *). По порученію его, посланный въ Іерусалимъ (для сравненія нашего богослуженія съ греческимъ) старецъ Арсеній Сухановъ снялъ точную модель съ храма Гроба Господня, по которой и былъ въ 1657 году устроенъ соборный храмъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, при чемъ сосѣднія урочища и воды названы Палестинскими именами: Іорданъ (рѣка Истра), Кедронъ, Фаворъ, Назаретъ село Скудельничье, гора Елеонская... Во время ссылки Никона въ 1666 г. постройка Новаго Іерусалима была остановлена; въ 1679 г. она снова начата и окончена въ 1685 году. Въ 1749 году, послѣ посѣщенія Новаго Іерусалима Императрицей Елисаветой Петровной соборная церковь была возобновлена графомъ Растрелли, при чемъ каменный куполь былъ замѣненъ деревяннымъ.

608. Николаевскій Угрѣшскій монастырь, въ 15 верстахъ отъ Москвы, основанъ въ 1381 г. по обѣту в. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго (данному передъ Куликовскою битвою); сожженъ татарами въ 1521 году; возобновленъ при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ.

*) Патриархъ Никонъ, извѣстный вводителъ новизны въ церковные обряды и книги и гонитель старообрядцевъ, въ 1642—1646 игуменъ Кожеозерскаго монастыря; 1646 — 48 архимандритъ Новоспасакаго монастыря; 11 марта 1649 г. митрополитъ Новгородскій; 25 іюля 1652 г. Патриархъ всея Россіи; 10 іюня 1658 г. оставилъ патриаршество (Акты Археог. Эксп. IV. 149); въ 1666 г. декабря 1, 5 и 12 сужденъ соборомъ, низложенъ и посланъ въ Ферапонтовъ монастырь (Собр. Госуд. Грам., IV. 182); умеръ въ Ярославлѣ 17 августа 1681 г. (Выходы Царей, Строева; алфав. 61).

608 А. Видъ села Измайлова, находящагося въ 7 верстахъ отъ Москвы, и славившагося звѣринцемъ, устроеннымъ въ немъ въ 1731 году,—гравированъ на мѣди Иваномъ Зубовымъ. На картинкѣ представлены дворцовыя зданія и соборъ, Измайловскій прудъ и каменный мостъ, черезъ который императоръ Петръ II, съ князьями (двумя) Долгорукими, въ коляскѣ, шестерикомъ, цугомъ, отправляется на соколиную охоту, въ сопровожденіи конныхъ и пѣшихъ охотниковъ; сверху, на лентѣ, надпись: «ИЗМАЛОВО»,—внизу: «Грыдоровалъ Иванъ Зубовъ». Картинка листовая. Экземпляры перваго изданія съ непоправленной доски очень рѣдки (въ Публич. библ., у г. Макова, въ моемъ собраніи); въ Олсуфьевскомъ собраніи находится экземпляръ 2-го тисненія, съ грубо выправленной доски и лубочной печати, которое и описано подъ № 608 А.

610. Основателями Спасо-преображенскаго Валаамскаго монастыря почитаются греческіе монахи Сергій и Германъ, которыхъ одни относятъ къ X, а другіе къ XIV вѣку. Въ XVI и XVII вв. монастырь этотъ совершенно запустѣлъ; въ 1721 г. онъ обновленъ, а въ 1785 г. устроенъ за ново (Ротшинъ, Полное собр. историч. свѣд. о монастыряхъ. Москва 1852, стр. 474).

610 А. Въ моемъ собраніи есть Видъ спасо-преображенскаго первокласнаго Валаамскаго монастыря. Рис. Снатур. Шелковниковъ, четырехлистоваго размѣра, лубочной работы.

613 А. Кіевскія Пещеры. Древнѣйшія изображенія Кіевскихъ пещеръ гравированы на деревѣ монахомъ Ильею, для перваго изданія Патерика (Кіевъ 1661 г.)¹⁾ на двухъ картинкахъ, каждая двухлистоваго (книжнаго) размѣра; надписи на нихъ слѣдующія:

1. «Изображеніе пещеры Прѣбнаго Θεодосія. юже первѣе начатъ копати Сѣый Іларіонъ. таже Преподобный Антоній иско-

¹⁾ Изъ котораго онъ, по большей части, бывають выдраны; попадаютъ эти листы и отдѣльно отъ книги.

павъ совершеннѣ Пребысть вней лѣтъ четыредцать. и преиде воину гору. Послѣдже Преподобный Θεодосія нетокмо Подвизася. но втойже и погребенъ бысть».

2. «Изображеніе пещеры преподоб Антонія юже той ископа по прешествіи Ѡ пещери яже подветхимъ монастыремъ. и вней пребысть лѣтъ шеснадцать. Таможе преставися и погребенъ бысть».

Въ рамкѣ каждой изъ картинокъ поставлено имя гравера «ИЛІЯ».

Планы пещеръ сдѣланы весьма отчетливо; церкви представлены съ «птичьяго полета»; надъ мощами угодниковъ сдѣланы надписи. Въ пещеру пр. Θεодосія показанъ одинъ ходъ изъ церкви св. Андрея Первозваннаго; надъ крайнею улицею сѣверной части пещеры надписано: «тою пещерѣ конецъ завалився. тая улочка втой пещери барзо тѣсна»; надъ крайней улицею южной части пещеры надписано: «той пещерѣ конецъ завалився»; на пещерной горѣ разсаженъ виноградъ. Въ пещеру Преподобнаго Антонія показано два входа: «входъ чрезъ церковь впещеру», и: «сія улица пошла зюлтара впещеру». Въ пещерѣ препод. Антонія помѣщенъ и «Илія Муроме».

Съ этихъ двухъ плановъ сдѣлано много копій: 1) въ точъ въ точъ, и ту же величину на мѣди, безъ подписи мастера, съ помѣтою на каждомъ планѣ—«р. 36» и съ надписями на латинскомъ языкѣ, въ книгѣ: «Religiosae Kijovienses cryptae, sive Kijovia subterranea: In quibus labyrinthus sub terra, Et in eo emortua, à sexcentis annis, Divorum atque Heroum Graeco-Ruthenorum, et nec dum corrupta, corpora, ex nomine atque ad oculum, é ПΑΤΕΡΙΚΩ Slavonico detegit M. Iohannes Herbinus. Ienae, Impensis Martini Hallervordi. Literis Iohannis Nisii. Anno M. DC. LXXV». 16°. *).

*) Копіи точъ въ точъ, но въ уменьшенномъ видѣ, грав. на мѣди Б. Пикартомъ, съ помѣтами: надъ пещерою преп. Антонія—«fol. 120», а надъ пещерою преп. Θεодосія—«fol. 128», и съ надписями на голландскомъ языкѣ, находятся въ книгѣ: «Religie der Muscoviters. . . Tot Thiel, By Ian van Leeuwen,

2) Точь въ точь и въ ту же величину, грав. на деревѣ съ надписью, надъ пещерою преподобнаго Антонія—«Помощію божіею молитвами пречистой богородицы преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Θεодосія и прочихъ святыхъ печерскихъ; благословеніемъ господина отца Іоасафа Кроковскаго, изобразися пещера сія іеромонахомъ Никодимомъ Зубржицкимъ въ св. лаврѣ печерской року . . .», а на другомъ листѣ помѣчено—«1705»²⁾. Планы Зубржицкаго вклеены въ экземпляръ Патерика 3-го Кіевского изданія 1702 года, напечатаннаго при митрополитѣ Іоасафѣ Кроковскомъ, съ гравюрами на деревѣ монаха Ильи.

3) Тоже, гравюры на мѣди: 1-я съ плана пещеры препод. Антонія, съ подписью: «Знаменіе пещеръ святыхъ изобразися року . . . (1700?) мѣсяца марта. Leo Tarasewitz delineavit» (въ Публичной библіотекѣ), и 2-я съ плана пещеры препод. Θεодосія, съ подписью: «Leo Tarasewicz sculpsit»³⁾. Этотъ послѣдній листъ, изданный въ видѣ летучей народной картинкѣ, на простой сѣрой бумаги, находится въ моемъ собраніи⁴⁾.

Описанные подъ № 613 планы пещеръ, скопированные Нехорошевскимъ съ плановъ Тарасевича, представляютъ однакоже много разницы противъ плановъ сего послѣдняго, а равно и плановъ монаха Ильи. Во первыхъ, планы Нехорошевскаго, по размѣрамъ, нѣсколько больше плановъ Ильи; мощей угодниковъ въ планахъ Нехорошевскаго обозначено тоже гораздо большее число; на планѣ пещеры преподобнаго Θεодосія, съ южной стороны, въ томъ

Воекверкорет 1698. 16° (сочиненіе Шлейссинга, писавшаго подъ псевдонимомъ Вармунда).

²⁾ Никодимъ Зубржицкій—плодовитый кіевскій граверъ на деревѣ, работавшій въ 1695—1724 гг. См. мою книгу: Русскіе граверы и ихъ произведенія, гдѣ работы его (въ числѣ 65 досокъ) описаны подробно (стр. 211—214).

³⁾ Леонтій Тарасевичъ, черниговскій граверъ на мѣди конца XVII и начала XVIII в., ученикъ Кишіановъ, былъ вызванъ въ 1690 году для гравирования портрета царевны Софьи Алексѣевны и другихъ досокъ, уничтоженныхъ впоследствии по приказанію Петра Перваго. Подробное описаніе его произведеній помѣщено въ моей книгѣ: Русскіе граверы, на стр. 292—299.

⁴⁾ Замѣчательное изображеніе пещеръ (въ уменьшенномъ видѣ) находится тоже на тезисѣ, гравированномъ Иваномъ Стекловымъ и посвященномъ Гедену Грембеку въ іюль 1711 г. (внизу справа подпись: «Іванъ Стекловскій гридороваль»), см. Русскіе граверы, 291.

мѣстѣ, гдѣ на планѣ Ильи показанъ: «той пещерѣ конецъ завалился», у Нехорошевскаго помѣщено продолженіе пещеры—шесть колѣнъ, съ двумя кельями, студней и тремя углубленіями съ мироточивыми главами; надъ послѣднимъ длиннымъ колѣномъ пещеры, съ выходомъ у Днѣпра, поставлена у него надпись: «пещера прежде бывшая варяжская». На планѣ пещеры преподобнаго Антонія, кромѣ двухъ ходовъ, чрезъ церковь и чрезъ алтарь, означенъ у Нехорошевскаго еще: «входъ вторый», идущій тоже отъ церкви; за тѣмъ прибавлена церковь преподобнаго Варлаама и пещерный переходъ отъ нея въ церковь преподобнаго Антонія. Въ числѣ мощей преподобныхъ помѣщенъ на планѣ Нехорошевскаго «Илья воинъ».

Въ первой четверти нынѣшняго столѣтія были изготовлены мѣдныя доски съ видами Кіево-Печерской Лавры и въ числѣ ихъ огромная доска (шестилитоваго размѣра) съ планами пещеръ и перечисленіемъ находящихся въ нихъ церквей и мощей св. угодниковъ. Доска эта сохраняется до настоящаго времени въ типографіи Кіево-Печерской Лавры; отпечатокъ съ нея находится въ числѣ оттисковъ, сдѣланныхъ съ Лаврскихъ досокъ ученымъ археологомъ, игуменомъ Амфилохіемъ. Этотъ планъ сдѣланъ вновь, по всѣмъ правиламъ землемѣрія, и во многомъ не сходится, въ очертаніяхъ, съ планами Ильи и Нехорошевскою. Въ сто церкви Андрея первозваннаго, изъ которой показанъ входъ въ пещеру преподобнаго Θεодосія у Ильи и у Нехорошевскаго, на новомъ планѣ показаны: «8. каменный вертѣпъ изъ котораго входъ въ пещеры». «Варяжскія пещеры» (№ 69) и въ тѣхъ пещерахъ келии» (65) обозначены на большомъ планѣ гораздо подробнѣе и со многими развѣтвленіями. Подъ № 66 показана: «Полата каменная для содержанія безумныхъ»; а подъ № 52: «Келии внутрь пещеръ при коихъ столбы съ цепями для привязыванія безумныхъ»⁵⁾.

⁵⁾ По указамъ 1723 г. января 19 и 1725 г., мая 12 (Полн. Собр. Зак. № 4718), бѣснующихся опредѣлено посылать въ Синодъ для размѣщенія по монастырямъ, гдѣ содержать ихъ въ особомъ мѣстѣ.

614 А. Въ моемъ собраніи есть еще: «Видъ Кіево-Печерской Лавры изъ за Днѣпра» — плохая гравюра на мѣди, начала нынѣшняго столѣтія.

616. Кирилловъ бѣлозерскій монастырь въ уѣздномъ городѣ Кириловѣ; основанъ въ 1391 г. препод. Кирилломъ, удалившимся сюда изъ Симонова монастыря; въ 1764 г. этотъ монастырь имѣлъ во владѣніи своемъ болѣе 21,000 душъ крестьянъ; онъ окруженъ высокою каменною стѣною, и имѣетъ 12 церквей (Ратшинъ, стр. 374).

616 А. Видъ Кирилловскаго Бѣлозерскаго монастыря; четырехлистовая картинка, гравированная рѣзцемъ, въ 1742 году, Мартиномъ Нехорошевскимъ. Вверху картины два ангела держатъ образъ Успенія Богородицы, а по сторонамъ—образъ Преображенія и Введенія во храмъ Богородицы. По бокамъ изображены въ ростъ: слѣва Богоматерь со Спасителемъ на рукахъ, а справа преподобный Кириллъ Бѣлозерскій. Внизу тропарь, кондакъ и молитва Святому, и объясненіе монастырскихъ зданій, находящихся на видѣ, по нумерамъ: «Зри калико имать въ себѣ сія обитель зданій: а: црковъ успенія бѣы. б: црковъ введенія бѣы. г: црковъ преображенія. На вратехъ: д: црковъ чудорворца Кирилла: е: црковъ, князя владімера: з: црковъ архангела гавріила. э: црковъ болншная евоимія велікаго: ѵ: црковъ епѣаніа кипрскаго: ѿ: врата свѣтые: и: мнѣтырь прѣтченской: аі: часовни юже свѣтыи самъ созда: кі: црковъ іованна прѣтчи. гі: црковъ Сергія радонежскаго чудотворца: ді: Болнцы: еі: кузница: сі: житнцы: зі: житенной дворъ: ѵі: житенноі дворъ новой: ѿі: огородъ: к: архімандріческа келья: кї: келья казначейская; кк: келья келарская: кг: приказъ келарской: кд: келья новые: ке: келья житеннаго: кз: кз: келья поповскіе: кн: келья ризничего: кѿ: келья братскіе: л: хлебной дворъ: ла: мушной анбаръ: лб: мельница: лг: мелншныя врата: лд: солодовни: ле сушила. лз: поварня. лэ: оружейная: лн: черная. лѿ: погребы: зри* м: караулна: ма: палата

казенная: мѣ йконная: мг: гостіной дворъ: мд: тюрьмы: мѣ: плотнишной дворъ: мс: Башня вологоцкая вышїна: кї: сажень кругъ ея. мѿ сажень: мз: башня кузнїшная. вышїна. ді: сажень кругъ ея. ѵ. сажень: кн: башня свитошная вышїна по^а ѿ: сажени: мѿ: башня хлебная по^а к: сажени: ѵ: Башня поваренная: на: Башня мереженная вышїна: еї: сажень кругъ ея. ѵ. сажень: ѵб: врата троицкіе: нг: Башня косая вышїна еі сажень кругъ ея. мд: сажень: нд башня Оеропѣнтовская вышїна еї сажень кругъ ея ѵ сажень: ѵе: врата казанскіе вышїна і. сажень.

Зри вне обители зданій. а: црковъ казанскіе Бѣы. б: црковъ андреа первоуваннаго. г: црковъ modesta патрїарха Іерусалимскаго д: гостіной дворъ: е: таможня: з: анбаръ свитошной: э: баня. ѵ: Изба мереженная: ѿ: анбаръ мереженной: і: мельница аї: конюшей дворъ: кі: санной дворъ: гї: Избы въ которыхъ кормятъ датошныхъ ді: козница.

Прѣбнныи ѿцз Кириллъ родомъ бѣ црѣтвующаго града москвы ѿ родителей благородныхъ і изученъ бысть книжнаго чтенія. і шедъ въ мнѣтырь Симоновъ і пострѣжеса ѿ архімандрїта Теодора і нареченъ воиноцехъ Кириллъ и труждаяся служаше братїи вхлѣбне і вповарне избранъ на архімандрїю и паки сеі санъ ѿстави. і служба вбездомвіи во ѿсобоі келліи. і преїде ѿтуда въ мнѣтырь рѣтва пресвѣтїя Бѣы завомай старїи і пребываше тамъ і начать молїтїся. і абие услыша гласъ вне келліи издавеча свысоты воздуха глѣющъ: кирилле Изыде о҃сюду і гряди на бѣло озеро тамо бо тебѣ уготовахъ мѣсто нанемже спасешїся. Имѣаше же прѣбнныи дховнаго брата именемъ Оерапонта бывалже оерапонтъ ѿный набелѣ озерѣ. і соглашавшеса оба убо їзыдоста їзмонастыря и ястася пути кбелу озеру. і прїдоша коуказанному въ вїденїи ему мѣста. і возлюбї е зело. і водрузи на немъ крестъ. і разлучштася другъ о҃ друга і о҃иде оерапонтъ недалече о҃туда. яко запетватца^а попрїщъ. і обре^а место угодное і вселіся. і деже потомъ і монастырь устрои иже їдоныне Оерапонтовъ нарицается. мѣсто ідѣже прѣбвнныи кирилъ вселіся красно и кругло а водами ѿкрестъ огражде^ано. і мнози прїходящїи пострѣзахуся. созїдо-

вахуся келїи. і стрїшеся мѣтырь и создана бысть цѣковь во имя пресвѣтыя бѣы честнаго і славнаго ея успенїя. потомъ научаше приѣбныи братїю общежителнаго жїтїя кого угодіти. еже къ Бѣгу посихъ всехъ препѣбный Кирилъ старостїю изнемогъ прїблїжїся къ блаженнѣи кончїне своеї і призвавъ Братїю тогда Бяше: нѣ: брата іпоучивъ доволно. Таже прїчастївса Бжественныхъ тайнъ честную і свѣтую свою дїшу предаде вруце бжїи. мѣа юнїа въ ѿ. въ лѣто бытїя мїра: „ѿцѣ. е оѿвоплощенїи бѣа слова: „ауѣкз. прежївъ всѣхъ лѣтъ жїгїя своего: ѿ: кѣ т. вбелозерскую пустыню прїиде. ѿ. лѣт. идѣже состави обитель поживе лѣтъ: ѿ:

Новоиздадеса ітїсенїе^м ізобразїся сїя свѣтая лавра совсемї вней зданїи юже вся изобразїся вышепїсаннїми числы показуется влѣто оѿ рождества Бѣа слова: аѿкг: сеї обители приархимандрите Іринархе. а возобновлена: 1742 го^{лѣ}. прї бытностї архимандрита Вавилы. Бѣгу блѣгодаренїе ітру^мши^ася прошенїе. ѿ: Бжѣ преблгїи будї слава тебѣ. ве^депрїсущу и вземлїи внебѣ. кѣ: яко да^а есї на^м тру^а сеї начатї. здравы^м бе^дедны^м і коне^м ско^ччатї г: помозї і впре^а тебѣ ся трудити дондеже в мїре дасѣ на^м пожити. Грыдоровалъ в москвѣ маргїнъ нехорошевски.

616 Б. Есть видъ Бѣлозерскаго монастыря на образѣ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, въ большой листъ, съ надписью: «Ново издадеса тїсенїемъ ізобразїся аѿкг при архимандрите іринархе всанктъ пїтеръ бурхе Грыдоровал Алеѿѣ ростовцевъ». (Пуб. биб. Собр. Дала, 80).

617. Коневскїй Рождественскїй монастырь, на островѣ Ладожскаго озера, основанъ препод. Арсенїемъ 1392 г.; былъ разоремъ Шведами въ 1577 и 1610 гг. и возобновленъ въ 1825 году.

620. Добавить: внизу этого листа подпись: «Видъ Новгородскаго Сквородскаго Монастыря отстоящаго отъ Нова Града въ 3-хъ верстахъ, гдѣ на вскрытїи почиваютъ мощи Святителя Мои-

сея. Усердіемъ Архимандрита Герасима съ братїєю 1818 году». Гравюра въ листъ, рѣзцомъ, въ манерѣ А. Степанова.

621—629. Соловецкїй монастырь, мужской 1 класса, ставропигїальный, на Бѣломъ морѣ; существуетъ съ первой половины XV столѣтїя; основатели и первые строители его препод. Савватїй, Германъ и Зосима. Въ 1590 году построена вокругъ монастыря каменная ограда; въ 1651 г. учреждена здѣсь архимандрїя. Въ 1667 г. иноки Соловецкїе девять лѣтъ бунтовали противъ царя и не хотѣли принимать новыхъ Никоновскихъ книгъ; воевода Мещерскїй взялъ обитель послѣ двухлѣтней осады 22 января 1776 года, причемъ предалъ монаховъ жестокимъ истязанїямъ и казнямъ.

Въ 1764 г. Соловецкїй монастырь сдѣланъ первокласнымъ, а въ 1765 г. ставропигїальнымъ; онъ имѣлъ у себя до 5000 душъ крестьянъ и сохранилъ до настоящаго времени громадныя земли и угоды (Ратшинъ, 1—6). О значенїи Соловковъ въ народномъ обиходѣ и путешествїяхъ туда богомольцевъ черезъ поморье подробно говорится въ заключенїи, въ главѣ о русскомъ богомольѣ.

Въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря находятся еще слѣдующїя мѣдныя доски съ видами и планами Соловецкаго монастыря и принадлежащихъ къ нему скитовъ ¹⁾:

1. «Рисунокъ св. Лавры преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Савватїя Соловецкихъ чудотворцевъ иже въ отце окїана моря». Внизу: «печатана втоиже Лавры и г года». «Грыдоровали вмосквѣ Иванъ и Алексѣй Зубовы 1744 года». Огромная картина, награвированная на семи доскахъ листоваго размѣра.—Въ моемъ собранїи.

2. Видъ Соловецкаго монастыря съ дѣянїемъ преподобныхъ Зосимы и Савватїя въ 10 отдѣленїяхъ, съ подписью: Сїя доска издадеса лѣта 1748. Маїа 10 дня. Печатанъ г г года. 20 ко. № г.

¹⁾ Въ это описанїе досокъ включены и виды, описанные во II книгѣ подъ №№ 621—629, съ тѣмъ, чтобы представить полный перечень всѣхъ Соловецкихъ видовъ.

3. Видъ Соловецкаго монастыря съ четырьмя преподобными, описанный подъ № 622; на оригинальной доскѣ, кромѣ приведенныхъ затертыхъ подписей поставленъ: «№ 22».

Слѣдую хронологическому порядку, сюда должны быть поставлены подъ №№ 4 и 5, виды, описанные въ текстѣ II книги подъ №№ 623 и 624.

6. Видъ Соловецкаго монастыря; внизу тропарь и кондакъ преподобнымъ. Гравированъ въ 1762 году; доска листового размѣра.

7. Видъ Соловецкаго монастыря; кругомъ рамка изъ особыхъ полосъ, въ которыхъ помѣщено дѣянье преподобныхъ Зосима и Савватія, въ двадцати отдѣленіяхъ. Большая гравюра на семи доскахъ; внизу подпись: «Штыховаль на мѣди Дмитрій Пастуховъ 765. Печатанъ втойже Лавры 1765 года. 80 ко (цѣна листу)». Отпечатки есть въ моемъ собраніи.

8. Видъ монастыря съ дѣяньемъ преподобныхъ кругомъ, въ восьми отдѣленіяхъ; гравированъ на двухъ доскахъ; всрединѣ подпись мастера: «Грид. тѣпаніемъ и иждивеніемъ сея обители Архимандрита Досиоея съ братією 1768 года. Старался С^x почтитель. Акад. Наукъ. М. Міхаило Махаевъ».

9. Видъ монастыря «гравироваль Иванъ Саблинъ», граверъ второй половины прошедшаго столѣтія; во вторыхъ отпечаткахъ позднѣйшаго времени обозначено, что этотъ видъ изданъ при Архимандритѣ Иларіонѣ, въ 1837 году.

10. Сюда слѣдуетъ помѣстить № 621 (по тексту II книги), работы Баскакова; доска отпечатана первымъ изданіемъ съ помѣтою 1821 года, а во 2-мъ съ помѣтою 1837 года ²⁾.

11. Видъ Соловецкаго монастыря, на двухъ доскахъ; вверху Богоматерь на престолѣ и преподобные Зосима и Савватій; кругомъ ихъ дѣянье, а внизу видъ монастыря и подпись: «Издадеся сія доска 1791 года в'ставропигіально^m Соловецкомъ мнѣрѣ Пріархимандритѣ Геронімѣ збратією Грид: Лука Зубковъ».

²⁾ При житіи препод. Зосима и Савватія (Москва 1825 г. 4°) помѣщено изображеніе преподобныхъ съ подписью того-же мастера: «Грав. Серг. Баскаковъ».

12. Видъ Соловецкаго монастыря 1772 г., описанный подъ № 625.

13. «Планъ островамъ Соловецкому Анзерскому заецкимъ муксульминскимъ і протчѣмъ вокругъ ихъ лежащихъ съ показаніемъ монастыря вваливѣ окіана бѣлаго моря. А рѣзанъ при Архимандритѣ Іонѣ 1800 года». Картина огромнаго размѣра, гравированная на 11-ти доскахъ.

14. Планъ Соловецкаго монастыря 1800 г.

15. Часть Соловецкаго острова и т. д.; 1801 года, — видъ описанный подъ № 619-мъ.

16. Сюда по хронологическому порядку слѣдуетъ поставить № 629.

17. Преподобные Михаилъ и Елеазаръ Анзерскіе, съ видомъ Анзерскаго скита — «1802 года. Грид. Лука Зубковъ». Картинка листового размѣра, описанная подъ № 627.

18. Видъ и планъ Соловецкаго монастыря, двѣ доски — «1802 г. Грид. Лука Зубковъ»; съ изображеніями Елеазара Анзерскаго и Михаила Малейна (Пуб. биб. Собр. Даля II. 85.).

19. Видъ, описанный подъ № 626; грав. Касаткинымъ.

20. Богоматерь съ преподобными Зосимою и Савватіемъ и видомъ ихъ обители; кругомъ рамка рококо; внизу десять строкъ виршей; подпись гравера счищена. Доска квадратная, листового размѣра.

21. Соловецкіе чудотворцы (четверо), съ видомъ монастыря; внизу четыре строки виршей; въ листъ.

22. Видъ Соловецкой обители, гравированный въ 1827 году при Архимандритѣ Досиоеѣ; подпись гравера стерта; повтореніе № 9-го.

23. Видъ Соловецкаго монастыря, изданный при архимандритѣ Макаріѣ въ 1825 году, двухлистового размѣра.

24. Такой же видъ, изданный «при Архимандритѣ Иларіѣ въ 1837 году Гр. . . . (подпись затерта) № 33». Въ экз. пуб. биб. (Собр. Даля II. 87) подпись эта цѣла: «Гр. Сергѣй Баскаковъ». (другой противъ № 10).

25. «Изображеніе ставропигіального Соловецкаго монастыря, изданное при Архимандритѣ Иларіонѣ въ 1837 году . . . № 82»; въ листъ.

26. Большой видъ Соловецкаго монастыря съ рисунка А. Заливскаго гравировалъ Алексѣй Афанасьевъ въ Москвѣ въ 1850 г.; двухлистоваго размѣра.

27. Соловецкіе святые (четверо), съ видомъ монастыря; изданіе 1837 года.

28. Видъ Соловецкой обители, гравированный въ 1850 году (отцомъ Александромъ), безъ имени гравера; двухлистоваго размѣра.

29. Такой же видъ въ четвертую долю листа, гравированный въ 1852 году.

30. Знаменіе Богородицы съ преподобными Зосимой и Савватіемъ. Доска въ листъ, гравирована анзерскаго скита монахомъ, граверомъ Иваномъ Александровымъ Александровымъ въ 1859 году (безъ его имени).

Въ настоящее время монаховъ-граверовъ въ Соловецкомъ монастырѣ нѣтъ и отпечатковъ съ описанныхъ выше досокъ не дѣлается, за неимѣніемъ печатнаго стана. За тѣмъ виды монастыря литографируются и печатаются въ Москвѣ.

630. Тихвинскій Введенскій женскій монастырь 3 класса, въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ; неизвѣстно когда основанъ; въ 1613 г. сожженъ Шведами, когда здѣсь жила въ заточеніи 4-я супруга Ивана Грознаго Анна Алексѣевна Колтовская, которая возобновила монастырь въ 1616 году, и погребена здѣсь въ 1626 г. (Ратшинъ, 391).

630 А. «Изображеніе тихвинскаго веденскаго дѣвичьяго монастыря усердіемъ игуменіи таисій, съ сестрами. 1809-го года. сіе тщаніемъ: С: К: Н: Р:» (Собр. Даля II, 79).

631. Тихвинскій большой Богородицкій монастырь, мужскій 2 класса, въ уѣздномъ городѣ Тихвинѣ; основанъ архіепископомъ

Новгородскимъ Пименомъ въ 1556 году на томъ мѣстѣ, гдѣ явилась икона Тихвинской Богородицы. Въ немъ находятся иконы Тихвинской Богородицы, письма евангелиста Луки, и Старорусской, перенесенной сюда лѣтъ за 250 изъ Старой Руссы, гдѣ оставленъ съ нея списокъ (Ратшинъ, 379).

632. Григорій Качаловъ, который вырѣзалъ этотъ видъ, граверъ на мѣди XVIII вѣка, род. въ 1711 году; учился гравировать у Вортманна; въ 1754 году состоялъ мастеромъ въ гридировальной типографіи фигуръ въ одно время съ главнымъ мастеромъ Иваномъ Соколовымъ (см. русскіе граверы стр. 230).

Прибавить еще слѣдующіе виды монастырей полулубочной гравировки, которые печатались въ типографіяхъ на равнѣ съ народными картинками:

632 А. Видъ Александро-Свирскаго Монастыря: «изобразися благословеніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода члена Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія митрополита Новгородскаго и С.-^тПетербургскаго и кавалера, попеченіемъ онаго монастыря Архимандрита и Кавалера Товін» . . . «Рис. съ натуры и гравир. И. Ивановъ». Въ двойной листъ; грав. рѣзцомъ. (Собр. Даля II, 821).

632 Б. Видъ Святоезерскаго Иверскаго Богородицкаго (что на Валаамскомъ озерѣ) монастыря. Двухлистовая картинка рѣзцомъ, съ описаніемъ внизу зданій, помѣщенныхъ на видѣ. «Рис. Архитекторъ А. Макушовъ. Грав. А. Степановъ» (Собр. Даля II, 75).

636 А. Прибавить: Изображеніе монастыря Пива въ Герцеговинѣ. Всрединѣ представленъ образъ Успенія; подъ нимъ подпись: «Сіе изображеніе стагѡ Общежительнагѡ Мнѣтыря, называемагѡ Пива во Херцеговинѣ сѣщагѡ храма оупенія престѣя Бѣы

съ прочими стѣми во время Блженнѣйшаго Патрїарха Сербскаго Гдина Гдина Василя Іванновича, и пресвщеннаго Митрополита Гдина Стефана Радивоевича, при преподобнѣйшемъ Ігуменѣ. Гдарь Мѡусей Лѡкичъ свободныя королевскія Вароши Новагѡ сада житель собственнымъ своимъ иждивеніемъ сооржити изволилъ и реченномъ Мнѣтырю Пиви за свои, и своихъ Родителей и сродниковъ вѣчный споменъ въ своемъ Отечествѣ даровати оусердствовалъ. Лѣта Гдня 1735. Мѣа Августа 17 дне въ Віеннѣ.

Надъ Успеніемъ изображено коронованіе Богоматери; а кругомъ всего листа рамка, съ изображеніями слѣдующихъ святыхъ: Стѣй пррокъ Исаиа, Стѣй пррокъ и црѣ Давидъ, стѣй пррокъ Мѡусей, с. пррокъ Аронъ, с. пррокъ Соломонъ, с. пррокъ амось стѣй пррокъ Езекил, с. пррокъ Аввакумъ, с пр Захарія; стѣй Оеоктистъ стѣй Давидъ, с. Стефанъ кр. алб. серб., стѣй Владиславъ Краль Сербскій; Св. Анна Царица; с. Стефаннеманъ а црѣ серб., стѣй Никодимъ Архіеп сербск; стѣй Савва к. Архіеп Сербскій, с. Савва а. Архіеп сербскій, с. Арсеній чудотв. к. архіеп сербскій стѣй Стефанъ архіеп серб. стѣй Стефанъ первовѣч. црѣ серб., стая Елена црїца, с. Милѣтинъ а. крлѣ сербск., стѣй Стефанъ м: крлѣ гер., стѣй урошъ црѣ серб. неман., с вѣ князь Лазарь серб., с пррк. Еремїя, св. пррокъ Міхей, г пррокъ Даниилъ.

637 А. Прибавить: Горы Синайская и Аеонская. «Новая радость всѣмъ православнымъ христіанамъ для вѣчнаго прославленія имени Господа нашего Іисуса Христа въ знакъ пресвятыя Троицы изображеніе сихъ стародавнихъ мѣсть Синайской горы и Аеонскія горы и всѣхъ досточудныхъ святыхъ мѣсть Іерусалима». Картина четырехлистоваго размѣра, гравирована крѣпкой водкой въ манерѣ мастера А. Аѡанасьева (Пуб. биб. Собр. Даля, VI).

638 А. Прибавить: копія съ № 638, съ незначительными измѣненіями; текстъ тотъ же; подписи Нехорошевскаго нѣтъ, а вмѣсто нея прибавлено въ концѣ объясненіе нумеровъ: «Ѣа здѣ

падаша манна и птицы евреемъ їдѣже мїрры горкїя воды кгалото^а глава д». Изданіе на синей бумагѣ 1810 года.—Въ моемъ собранїи.

638 Б. Прибавить: видъ Синайской горы, изд. В. Кириановымъ.

638 В. Прибавить: тотъ же видъ, съ подписью внизу: «Къ галатомъ глава 4»; начала XIX вѣка (Пуб. биб. Собр. Даля, VI).

638 Г. Прибавить: гора Синай, большая гравюра 1820—30 гг. послѣдняя строка подписи ея: «томъ глава 4-я». (Тамъ же).

638 Д. Прибавить: «бгѡшественная гора синавская»; большая картина четырехлистоваго размѣра, съ означеніемъ внизу святыхъ мѣсть показанныхъ на планѣ.

638 Е. Прибавить: «Изображеніе Синайской горы»; четырехлистовая картина съ надписью: «Архіепископъ священной горы Синайской въ Аравїи Афанасїя привѣтствуетъ всѣхъ въ Европѣ Господь христіанъ». «Грав. М. Курочкинъ»; Во второмъ изданїи этой картины внизу прибавлено: «Печатать позволяется, декабря 9-го 1844 года цензоръ морскаго собора Тимофей Никольскій». Грав. рѣзцемъ, (Собр. Даля, II. 76).

642. Виды Іерусалима и Константинополя, работы А. Гошемскаго. Адамъ Гошемскій, награвировавшій виды Іерусалима и Константинополя, и Іосифъ Гошемскій, награвировавшій множество картинокъ духовнаго содержанія,—Почаевскіе граверы второй половины прошедшаго столѣтія. Кромѣ гравюръ, поименованныхъ въ настоящемъ описанїи, Іосифомъ Гошемскимъ награвированы еще на мѣди: а) заглавный листъ, съ изображеніемъ Распятія съ предстоящими и разныхъ святыхъ (съ монограмою I. G.), для служебника, изд. въ Уневскомъ монастырѣ въ 1747 г.¹⁾; и б)

¹⁾ Въ Русскихъ Граверахъ (М 1870, стр 185) ошибочно приписана ему гравюра: Соборъ Архистратига Михаила, въ Киевскомъ Акафистѣ 1674 г.

заглавный листъ для Праздней, печ. въ Почаевѣ 1757 г. (съ полной подписью гравера: Ioseph Goczemski Sculp. 1757).

643. Исправить: изображеніе Іерусалима гравировано Ростовцевымъ *на мѣди*, а не на деревѣ, какъ показано по ошибкѣ на 324 стр. II книги.

644 А. Прибавить: Планъ-видъ Іерусалима, по птичьему полету, грав. двухъ съ половиной листового размѣра въ 1823 г.; сверху подпись: «Зою Павловичу Зосимѣ съ истиннымъ усердіемъ и преданнѣйше посвящаетъ издатель»; внизу: «Сіе изображеніе представляетъ Іерусалимъ, древнюю столицу Іудеевъ; городъ извѣстный въ исторіи человѣчества, по множеству важныхъ и достопамятныхъ происшествій, случившихся въ немъ самомъ, такъ и въ окружностяхъ его; здѣсь показано все заслуживающее достойное вниманіе и особенное замѣчаніе, какъ внутри такъ и внѣ стѣнъ Іерусалимскихъ; какъ то: храмъ Соломоновъ во всѣхъ частяхъ его, дворецъ Соломоновъ и тронъ сего премудраго Государя, домъ и гробница Давидова, мѣста судебныхъ гдѣ судили Спасителя нашего, жилище Первосвященника; Овчая Купель, Лобное мѣсто на коемъ принесъ крестную жертву Богу Отцу Изкупитель рода человѣческаго, Вертоградъ Воскресенія гдѣ Богочеловѣкъ совокресилъ съ собою всяческая; Гора Елеонская, столь извѣстная по проповѣдямъ Христа; Виоелеемъ драгоцѣнное мѣсто гдѣ родился тотъ, который стеръ главу змія и учинилъ насъ быть сонаслѣдниками славы Своея; также всѣ примѣчательныя зданія, врата, горы, рѣки, источники, долины и все освященное чудесами Христа Спасителя; ибо сія картина представляетъ Іерусалимъ таковымъ каковымъ онъ былъ за 1823 года, то-есть, когда былъ на землѣ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ; она гравирована съ оригинала изданнаго Адамомъ Рейснеромъ за 265 лѣтъ до нашихъ временъ*); а по таковой древности заслуживаетъ особенное вниманіе. Въ сей картинѣ изображена совершенная точность и подобіе на-

*) То-есть, въ 1558 году.

стоящаго оригинала». «Въ Москвѣ издалъ книгопродавецъ Василій Логиновъ 1825 года продается у него на Никольской улицѣ».

645. **Описаніе Іерусалима**, на русскомъ языкѣ, издано было два раза въ Вѣнѣ. Одно изъ этихъ изданій, вышедшее въ 1748 году, скопировано точь въ точь въ нашемъ изданіи въ четверку, съ тою разницею, что въ Вѣнскомъ изданіи на 2-й страницѣ (помѣченной цифрами 2 и 3) помѣщенъ слѣдующій текстъ, котораго нѣтъ въ русскомъ изданіи: «Описаніе стаго Бжія града Іерусалима Цркви животноснаго Гроба Гдѣня и прочіхъ стѣхъ мѣсть внхже по свидѣтельству стыхъ Евѣлистоувъ Ѡ Рож^а до Вознесени хртова многая ко спсенію члѣческому содѣяшася Пресщеннѣйшій и словеснѣйшій Гдѣнь Гдѣнь **Исаіа Антоновичъ** православный Архіепопъ и Митрополітъ Всегѣ вдержавъ вышняго и всеславнѣйшаго дома аустрійскаго обрѣтающагѣся сербо Славенскаго и Валахійскаго народа, и ихъ Цесаръ королевс. велич. дѣйствителный дворный совѣтникъ на понизнѣйшее прошеніе стнѣйшаго гдѣна симеона сумоновича архимандрита Іерусалимскаго во еже желающихъ ради слышати читати и разумѣти тѣпомъ издати и в народ Ѡпущати сѣ блгословляетъ в' віеннѣ 1748-го ноембрія 30».

Въ концѣ тетради, послѣ словъ: «Ѡ спасеніи всѣхъ бга молити непрестанно», сдѣлана тоже прибавка: «Всесмиранный и недостойный рабъ животноснаго Гроба Гдѣня, Сумеонъ Сумоновичъ Архимандритъ Іерусалимскій».

Всего въ этомъ Вѣнскомъ изданіи 52 страницы, занумерованныя цифрами: «1 — 53» (на второй страницѣ текста два нумера: «2 и 3»¹⁾).

¹⁾ Въ экземплярѣ этого изданія, находящемся въ собраніи Дурова, сдѣлана приписка, что въ 1819 году составленъ съ греческаго перевода Ревельскимъ епископомъ Филаретомъ «чертежъ Іерусалима», и что *о напечатаніи этой книги* (?) трудился, по благословенію Патріарха Іерусалимскаго Поликарпа, іеромонахъ Лука, — кіевскій монахъ, оставленный Поликарпомъ при гробѣ Господнемъ, и жалованный отъ Императора Александра I золотымъ наперсткомъ крестомъ (Сообщено Н. П. Дуровымъ). О Вѣнскихъ изданіяхъ Описанія говорится въ Библиогр. Запискахъ за 1859 годъ, стр. 279 и 280. Изданіе 1771 г. поименовано у Сопикова подъ № 7720 и у Смирдина подъ № 9810.

Наше листовое описаніе скопировано съ другаго Вѣнскаго изданія тоже въ листъ, въ которомъ, какъ и въ нашемъ листовомъ изданіи, на 2-мъ заглавномъ листѣ поставлены №№ 1, 2, 3 (вмѣсто 2 и 3), а впереди прибавленъ планъ въ большой (сложенный) листъ, съ слѣдующею подписью: «Вѣрный Чертежь Величайшаго и Божественнаго храма Спасительнаго Воскресенія Господа Нашея Иисуса Христа и святыхъ и Божественныхъ горы Голгофы, и молитвеннаго дома жертвы Авраамовой и дома Благочестиваго Патріарха православныхъ Восточныхъ христіанъ и другихъ нѣкоторыхъ лицъ, сдѣланный Геродиакономъ, общественнымъ живописцемъ Сербскъ Христ. Зес. Sp. V изданіе²⁾»).

646 А. Исправить подпись: Вѣрное изображеніе города Виллеема и прочихъ окрестностей взятое со стороны Иерусалима съ присовокупленіемъ означенія тѣхъ мѣстъ которыя нынѣ прославляются и почитаются отъ христіанъ съ великою набожностью. Сіе изображеніе тщательно нарисовано и вырѣзано однимъ Германскимъ урожденцемъ членомъ ордена братій Св. Франциска, которой въ тѣхъ святыхъ мѣстъ находился съ 1749 по 1752 годъ». Картина четырехлистоваго размѣра, гравирована въ манерѣ А. Аванасьева, рѣзцомъ. Внизу—означеніе церквей и мѣстъ по нумерамъ. (Пуб. биб. Собр. Даля VI).

648. И. М. Снегиревъ замѣчаетъ, что въ этомъ росписаніи не поименованъ Петербургъ, и упоминаетъ о двухъ изданіяхъ его, одномъ XVII и другомъ начала XVIII вѣка (Лубочн. картинки, 74).

651 А. Прибавить: Видъ Константинополя 1829 г. Картинка въ большой листъ, гравированная на мѣди рѣзцомъ; подлинникъ находится въ моемъ собраніи. Подпись внизу картинки: «Видъ Кон-

²⁾ Во всемъ прочемъ, текстъ Вѣнскаго листового изданія сходенъ съ текстомъ изданія 1748 года; только въ концѣ его вмѣсто: «непрестанно», поставлено: «молити не престану».

стантинополя или Царя града. Примѣчаніе цифровъ. 1. Сарачи то есть Царя Турскаго полаты. 2. Канцелярія. 3. Цейгаусъ. 4. Храмъ Святыхъ Соѳіи нынѣже мечеть Турецкой. 5. Ипподромъ. 6. Переѣздъ. 7. Темничная башня въ Перѣ. 8. Султана багіязита мечеть. 9. Сулейманова мечеть. 10. Султана Махометъ Сулейманова сына мечеть. 11. Водоважда и каналы. 12. Столпъ на Аурѣтъ Пашѣ. 13. Замокъ въ Эдикулѣ. 14. Мехмета Паши мечеть. 15. Султана Мехмета мечеть. 16. Султана Селима мечеть. 17. Отсюда начались палаты Константина Царя до конца града. 18. Алмаратръ. 19. Часть Константиновыхъ палатъ. 20. Врата Константиновы. 21. Обведенный стѣнами садъ кипарисныхъ дровъ. 22. Града и Замка Константинова конецъ. 23. Арсеналъ мѣсто гдѣ корабли строятъ. 24. Церковь Святаго Венеранда. 25. Церковь Святыхъ Галатины. 26. Церковь Святаго Іакова. 27. Высокій столпъ. 28. Ибраима Паши домъ. 29. Темничная башня. 30. Старой Сераль въ которомъ женскій полъ. Гравирова: Позволя: Москва 1829 года Августа 13 дня въ должности Предѣдатель Сергей Аксаковъ».

654. По поводу этого герба припомнимъ Черногорскую пѣсню, затрогивающую нашу народную честность. Петръ I посылалъ посла своего Милорадовича уговаривать Черногорцевъ стать противъ Турокъ; стали Черногорцы, но турки одолѣли Петра подъ Прутомъ, и недѣлю длилось веселье; обернулось оно на Сербское горе и бездолье, Петръ по неволѣ помирился съ Туркомъ; Милорадовичъ ушелъ въ Россію и оставилъ въ Россіи Черногорцевъ. «А у насъ», прибавляютъ Черногорцы, «ведется какъ тогда, такъ и доселѣ, до послѣдняго будетъ оборона противъ всякаго и паче Турки; не тѣнь одна союзъ Черногорскій, еще нѣтъ того, ктобъ обьярмилъ ихъ» (Кир. VIII. 272).

655 и 656. Листы сошнаго письма. Текстъ № 655 былъ перепечатанъ гражданскимъ шрифтомъ въ типографіи II Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи (съ измѣненіемъ орѳографіи). Листы,

подобные нашимъ, напечатаны въ Описаніи Холмогоръ Крестинина и въ книгѣ: «Опытъ историч. изслѣдов. о межеваніи земель въ Россіи», Иванова. Свѣдѣнія о сошномъ письмѣ, а частію и изданія такихъ писемъ, можно найти въ слѣдующихъ книгахъ:

1. Въ статьѣ митрополита Евгенія: «О старинной Славяно-русской ариметикѣ», въ Вѣстникѣ Европы 1813 г. № 17; 2. Въ статьѣ: «Нѣчто о древнемъ народосчисленіи и взиманіи податей въ Россіи», въ Сѣверномъ Архивѣ 1823 г. Июль, № 13. ст. IV, 46—49; 3. Въ Трудахъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, V, 147—148; 4. Сошное письмо и межеваніе, въ Вѣстникѣ Европы 1822. №№ 3 и 4; 5. Печатный списокъ съ рукописи Трехлѣтова во Временникѣ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, 1853 г. Кн. XVII. №№ 9 и 10. Смѣсь Стр. 35—65 (по рукописи 1629 г.); 6. Роспись полевой мѣрѣ 1709 г.—тамъ же, Стр. 66—90,—и 7. Счетная мудрость, изданіе Общества любителей древней письменности, 1879 г. № 114 (подъ этимъ именемъ напечатаны три рукописи). Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ Н. В. Калачовымъ, который составляетъ обширное изслѣдованіе по этому предмету.

Василій Андреевъ, рѣзавшій листъ сошнаго письма, описанный подъ № 655, состоялъ въ числѣ граверовъ серебряниковъ при Московской Оружейной Палатѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Онъ учился мастерству своему у Аѳанасія Трухменскаго и награвировалъ много небольшихъ картинокъ чрезвычайно тонкимъ и блестящимъ рѣзцемъ. Листъ сошнаго письма замѣчательнъ по микроскопическому размѣру буквъ въ надписяхъ и текстѣ; другаго произведенія въ этомъ родѣ ни въ XVII ни въ XVIII вѣкѣ не встрѣчается. Всѣ работы Андреева описаны въ настоящемъ изслѣдованіи, а краткій перечень ихъ помѣщенъ кромѣ того и въ алфавитномъ указателѣ, подъ именемъ Андреева.

658. Брюсовъ календарь, шестистрочной, напечатанъ мѣдными досками, а не деревянными, какъ показано у Сопикова (Опытъ росс. библіогр. 1813, I. СХХVII). Въ этихъ шести листахъ за-

ключается два отдѣльныхъ календаря: одинъ на 1711 годъ, въ пяти листахъ (л. 1, 2, 3, 4 и 6), и другой на 1716 годъ на одномъ листѣ. Первый изъ нихъ гравировался два года: 1-й листъ конченъ 12 марта 1709 года, 2-й—1 ноября того же года, 3-й въ 1710 году (4 и 5-й безъ года). Составленъ онъ, какъ сказано въ помѣтѣ, «подъ надзрѣніемъ» извѣстнаго Брюса и по повелѣнію Петра I, «тщаніемъ и трудами библіотекаря Василія Кипріянова»; при этомъ обозначено, что текстъ 4-го листа «съ предназначеніемъ дѣйствъ по теченію лунѣ» переведенъ изъ нѣмецкой Астрологіи Вольфганга Гилдебрандта, а изобрѣтенъ онъ Мартыномъ Албертомъ «оофрастическимъ медикомъ изъ Кемницъ»; луна представлена здѣсь: «какъ она была въ лѣто 1694 г.» 3-я таблица «переведена съ латинскаго изъ книги Іоанна Заганъ»; эту послѣднюю таблицу Кипріяновъ представлялъ на «апробацію Брюса» еще въ 1709 году въ Москвѣ, подъ именемъ: «абрисъ карты о инфлюенціи планетъ» (Русск. Архивъ 1866, 129). Первая и вторая таблицы, съ изясненіемъ долготы дней въ Москвѣ и показаніемъ лунныхъ теченій на 19 лѣтъ, составлены тоже «подъ надзрѣніемъ Брюса».

Въ послѣдней таблицѣ изложены правила, какъ пользоваться четырьмя предыдущими таблицами, причемъ всѣ примѣрныя выкладки сдѣланы на 1711 годъ; въ этомъ 1711 году и былъ изданъ въ первый разъ полный пятилистовой Брюсовъ календарь.

За тѣмъ, въ 1715 году, стѣнной календарь награвированъ вновь, но вмѣсто прежнихъ пяти листовъ, всего на одномъ листѣ. Хотя на немъ и обозначено, что онъ изданъ тоже по повелѣнію Петра I и подъ надзрѣніемъ Брюса, но въ описаніи прибавлено, что онъ составленъ непосредственно «изобрѣтеніемъ ѿ биб. В. Кипріянова.» Этотъ календарь не представляетъ впрочемъ никакого новаго *изобрѣтенія*,—это простая, сокращенная компиляція прежнихъ четырехъ таблицъ: свѣтцы, пасхалія и лунникъ заимствованы изъ 2-й таблицы; таблица астрономическихъ часовъ въ Москвѣ—изъ 1-й; предназначеніе дѣйствъ по планетамъ—изъ 3-й, а дѣйствъ по лунѣ—изъ 4-й.

Три листа изъ перваго Брюсова календаря, а именно 1-й, 4-й и 6-й, съ прибавленіемъ стѣннаго календаря 1715 года Кипріянова (листъ 5-й) встрѣчаются въ продажѣ довольно часто; мѣдныя доски, которыми они отпечатаны, находились во владѣніи фабриканта народныхъ картинокъ въ Москвѣ Ахметьева и печатались до конца прошедшаго столѣтія.

Составитель календаря Василій Кипріяновъ былъ взятъ къ типографскому дѣлу изъ мѣщавъ Кадашевской слободы; въ 1715 году ему положено быть во второй гражданской типографіи въ Москвѣ, писаться *библіотечаремъ* и печатать книги и картины, которыя, какъ видно изъ подписи подъ 1-мъ листомъ Брюсова календаря, онъ самъ и гравировалъ съ ученикомъ своимъ Алексѣемъ Ростовцевымъ (См. выше стр. 451, а также мою книгу: Русскіе граверы. М. 1870. 233).

Генераль-фельдцейгмейстеръ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ — сынъ шотландца Брюса, состоявшаго въ русской службѣ полковникомъ. Яковъ Брюсъ родился въ Москвѣ, въ 1676 году; при взятіи Азова состоялъ въ чинѣ капитана, былъ губернаторомъ въ Новгородѣ, съ 1705 года завѣдывалъ книгопечатнымъ дѣломъ. Это былъ ученѣйшій изъ сподвижниковъ Петра и, за свои познанія въ математикѣ и астрономическія наблюденія, слылъ въ народѣ колдуномъ. Брюсъ умеръ въ Москвѣ, 19 апрѣля 1735 года; похороны его были назначены 6 мая, но по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ происходили 14 мая. Библиотека его и музей, по его завѣщанію, перешли въ академическую кунсткамеру; опись оставшихся послѣ него книгъ, и вещей напечатана И. Е. Забѣлинымъ (Лѣтоп. Тихонр. I отд. I. 31). Изъ описанія, помѣщеннаго подъ № 657 видно, что главныя свѣдѣнія, заключающіяся въ Брюсовомъ календарѣ, представляютъ слѣдующіе отдѣлы: святцы, пасхалія, предсказаніе погоды по планетамъ и наставленіе, что каждый день дѣлать и предпринимать, сообразно съ луннымъ теченіемъ. Всѣ эти свѣдѣнія помѣщались въ рукописныхъ сборникахъ нашихъ съ давняго времени. О святцахъ сказано будетъ ниже (въ прим. къ № 957). Для опредѣленія

пасхи въ Россіи руководствовались, какъ это видно изъ лѣтописей, великимъ кругомъ или индиктіономъ (составленнымъ на 532 года); двѣнадцатый великій индиктіонъ окончился въ 876 году.

«Въ лѣто 7000 въ сентябрѣ мѣсяцѣ былъ собранъ соборъ, на которомъ опредѣлено написать пасхалію на 8-ю тысячу лѣтъ, которую Зосима митрополитъ и поручилъ составить Новгородскому архіепископу Геннадію (7001 г. ноября 27); Геннадій составилъ ее на 70 лѣтъ; расчисленіе его было разослано при окружной грамотѣ по церквамъ, съ изложеніемъ правилъ для вычисленія пасхаліи до конца міра. Впослѣдствіи митрополитъ Макарій поручилъ составить пасхалію Новгородскому священнику Агаѳону, которымъ написанъ такъ называемый миротворный кругъ (подлинникъ находится въ библиотекѣ Троицко-Сергіевой Лавры); въ этомъ кругѣ не представляется ничего новаго: Агаѳонъ только упростилъ систему Геннадія и способъ пасхальныхъ выкладокъ» (См. статью Ундольскаго, въ Архивѣ Калачова. I, отд. III, 3).

Индиктіонъ, или Пасхалія зрячая, начался съ 1 марта; періодъ годовъ сентябрскихъ (введенныхъ съ девяностыхъ годовъ XIV вѣка) называется индиктомъ; индиктъ предшествуетъ индиктіону на полъ года. Въ XVII вѣкѣ опредѣленіе пасхи дѣлалось и посредствомъ нестряднаго ученія или ручной пасхаліи «сирѣчь руки Богословли» (тамъ же, стр. 13; и въ Чтен. Моск. Истор. Общ. 1846, II, въ ст. И. Бѣляева).

Постановленіе о томъ, что дѣлать и чего не дѣлать въ какіе дни, встрѣчается у насъ въ первый разъ въ сборникѣ Святослава (1075 г.). Въ немъ находимъ такія напримѣръ указанія: «априля 30, рѣпы не яждь... мая 31 поросяте не яждь». Объ этомъ же предметѣ существуютъ и особыя рукописи, поименованныя въ Памятникахъ отреченной литературы И. Тихонравова: «О часахъ добрыхъ и злыхъ» (II, 382); 2) о дняхъ добрыхъ и злыхъ (II, 386); 3) о дняхъ лунныхъ, въ какой день луны что дѣлать и чего не дѣлать (II, 388; рукоп. XVI в.) и 4) Мартолей сирѣчь Астрологія, рукопись XV в., которая заключаетъ предсказанія: «о лѣтномъ обхожденіи и воздушныхъ перемѣнахъ», что дѣлать и чего

не дѣлать и не ѣсть, чтобы не нажить себѣ бѣды и жить въ покоѣ и счастіи ¹⁾, а также и наставленія, какъ лечить разболевшагося человѣка и т. д. Въ этой рукописи помѣщено, между прочимъ, изображеніе двѣнадцати знаковъ зодіака, которые воспроизведены въ книгѣ И. Тихонравова (II, 398) ²⁾.

Наставленія, въ какіе дни не слѣдуетъ пускать крови, творить браковъ, когда бываетъ звѣзда полезна или вредна, встрѣчаются въ рукописяхъ XV в., въ такъ называемыхъ травникахъ и планидникахъ (Пуб. биб. Q. № 58 и 68). Въ травникѣ Соловецкой библіотеки (1562 г. № 44) упоминается даже о быліи, которое наводитъ страхъ на непріятельское войско, даетъ успѣхъ въ борьбѣ на звѣрей; легкое разрѣшеніе въ родахъ даетъ и отъ лихорадки избавляетъ; рѣзь тяжелую исправляетъ, тѣлесную похоть возбуждаетъ (каломунъ трава); есть и такое быліе, «кое вкушившему человѣку можно семьдесятъ кратъ со женою совокупиться»; есть и другое, подъ названіемъ спинная вошь, которое производило совершенно обратное дѣйствіе. «Аще хочешь вѣрность жены своей извѣдати», сказано тамъ же, «привяжи ей у горла въ маломъ пузырькѣ склянномъ кафры; аще кафръ счезнетъ, тогда нѣтъ отъ ней вѣрности, аще же цѣль будетъ, то есть вѣрность» (Древне-русск. отречен. вѣрованія, О. Керенскаго: Журн. Мин. Народ. Просв., т. 172, стр. 66).

¹⁾ Такія же предостереженія встрѣчаются въ Каличьихъ пѣсняхъ и въ народныхъ повѣрьяхъ. Въ сказаніи о 12 пятницахъ говорится, что будетъ тѣмъ, кто не будетъ въ эти дни поститься; «а кто эти пятницы не сохранитъ и совокупится съ женою, у того зародится дѣтище либо глупо, либо клеветникъ, либо воръ, либо разбойникъ, или всякому злу начальникъ будетъ» (Калики VI, 147).

²⁾ Въ Соловецкомъ сборникѣ XVII в. упоминаются относящіяся къ тому же отдѣлу запрещенныя книги: «путникъ, о часахъ злыхъ и добрыхъ и о дняхъ луны; звѣздочетецъ звѣздъ и другой звѣздочетецъ, ему же имя стоднець, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній рожденій своихъ, саномъ полученія, урока житія и бѣдныхъ напастей, и различныхъ смертей и казней въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслѣхъ, ищутъ своимъ безуміемъ и, оставя божію помощь, призываютъ бѣсовъ на помощь и невѣдуще божіихъ судьбъ» (Буслаевъ, Очерки, I. 486).

Къ отдѣлу о предузнаваніи времени относятся статьи, помѣщенныя у Тихонравова подъ заголовками: Громникъ, собранный царемъ Иракліемъ (II, 361), Молніяникъ (II, 375) и Колядникъ или Колядарникъ пророка Ездры, содержащій въ себѣ предсказаніе о томъ, что будетъ, если рождество Христова случится въ тотъ или другой день (по рукописи XV в.—II, 377). У него же упоминается еще (II, 422) звѣздочетецъ: «мудрость знаменію небесному, по чему разсудити планеты небесныя, что на кой годъ будетъ; избрана многими сія премудрость» (рук. XVIII в.).

Цари наши издавна занимались астрологіей и алхиміей. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ читалъ астрологію и алхимию фонъ деръ Гейдена и посылалъ за астрономическими разъясненіями къ Ангельгардту въ 1654 году. Этотъ послѣдній подробно разъяснилъ значеніе планетъ въ жизни человѣка и вліяніе ихъ и кометъ на разныя событія на землѣ (Рихтеръ, Исторія медицины въ Россіи, II, стр. 20—96). У царя Алексѣя были постоянные придворные альманашники; попъ Лазарь даже обличалъ его: «Царю благородный! како время сего не испытуешь: имѣши у себя мудрыхъ философвъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадають. Государь! Таковыхъ ли въ чести имаша и различными брашны питавши и хоцещи внѣшними ихъ плехами власть свою мирну управити!» (Керенскій, 78). Петръ I былъ тоже порядочный суевѣръ и заказывалъ себѣ гороскопы.

Календарь-Альманахъ, въ полномъ составѣ, переведенъ въ первый разъ на славянскій языкъ, по мнѣнію Ундольскаго, съ польскаго языка, въ 1664 году ³⁾, подъ слѣдующимъ названіемъ: «Альманахъ на многія впредь будущія лѣта отъ Германъ, еже есть отъ нѣмецъ изъображенъ, художествомъ ученія пресвѣтлѣи-

³⁾ До этого времени, еще при Иванѣ Грозномъ, одинъ иностранный купецъ привезъ въ Россію книгу календарь (конечно на иностранномъ языкѣ). Царь вытребовалъ ее и такъ какъ ничего въ ней не понялъ, то и велѣлъ сжечь (Сказан. о Димитріи Самозв. V. 67, замѣтка Маскѣвича).

шимъ разумомъ просвѣщенъ». Послѣ листа 77 присоединена къ нему: «книга глаголемая математика, новопреложенная съ Еллинска и Латинска, и Полска языковъ на Славянскій, въ Москвѣ, въ лѣто отъ созданія міра 7172 года, а еже отъ воплощенія Бога Слова 1664 го» (Архивъ Калачова I, отд. III, 3). Затѣмъ слѣдуютъ: переводный календарь, посвященный царю Алексѣю Михайловичу, на 1670 годъ, переводный календарь Фохта на 1696 годъ, поляка Словаковича на этотъ же годъ, и мн. др., которые подробно описаны въ Наукѣ и Литературѣ при Петрѣ I, П. Пекарскаго (I, 283).

20 Декабря 1699 года изданъ указъ впредь начинать новый годъ не съ сентября, какъ было прежде, а съ 1-го января, какъ принято, сказано въ указѣ, не только въ Европейскихъ земляхъ, но и въ народахъ славянскихъ, «которые съ восточною православною церковью во всемъ согласны, какъ: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Е. И. В. подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра нами православная принята». «А въ знакъ добраго начинанія новаго года» приказано было въ Москвѣ на домахъ сдѣлать украшеніе изъ сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ вѣтвей «противъ образецъ, каковы сдѣланы на гостинномъ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе»; «людямъ же скуднымъ каждому хотя по древцу или вѣтвь на ворота или подъ крышкою своею поставить; а стоять тому украшенію до 7 января»; 1-го января, когда на большой Красной площади огненные потѣхи зажгутъ «въ знакъ веселія поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ»; палить изъ пушечекъ у кого такія есть по трижды и пускать ракеты; и также до 7-го января по ночамъ зажигать костры изъ соломы, хворосту и дровъ, и старыя смоляныя бочки; «а передъ бурмистерскою ратушею быть стрѣльбѣ и огнямъ по ихъ усмотрѣнію».

Первый печатный русскій календарь изданъ въ Амстердамѣ Копіевскимъ на 1702 годъ. Единственно извѣстный экземпляръ его находится въ Московской синодальной типографіи; въ Пуб-

личной библиотекѣ есть изъ него одни святцы (изъ собр. Каратаева)⁴⁾.

За нимъ слѣдуетъ первый стѣнной календарь 1705 г., гравированный Фосбейномъ въ Голландіи и описанный подъ № 657; подлинная доска находилась и печаталась до конца прошедшаго столѣтія на фабрикѣ Артемьева. 28-го декабря 1708 года напечатанъ типографскимъ шрифтомъ первый календарь въ Москвѣ, а въ 1710 году изданъ описанный подъ № 658 стѣнной Брюсовъ календарь на пяти листахъ. Въ Петербургѣ первый календарь, въ видѣ книги, отпечатанъ на 1713 годъ. Кромѣ своихъ календарей въ Россію ввозились и календари, печатанные въ Польшѣ (см. № 666); въ Полномъ Собраніи Законовъ находимъ подъ 1738 годомъ указъ (26 декабря № 7715), которымъ предписывалось сжечь отобранные у одного мѣщанина въ Кіевской губерніи календари на 1739 годъ на польскомъ языкѣ, Львовской печати двухъ авторовъ, Астрономовъ Францишка Невскаго и другаго безымяннаго, по 150 экз. каждаго, такъ какъ въ этихъ календаряхъ въ прогностикахъ находятся «о нашей Имперіи, а особливо о Украинѣ зловымышленные и непристойные пассажи, чѣмъ неразсудительно народъ можетъ легко придти въ какой соблазнъ и сумнѣніе»; при этомъ запрещено и впредь провозить такіе календари черезъ границу, а употреблять приказано каждому календари, издаваемые въ Академіи Наукъ.

Указомъ 20 февраля 1780 года (Полн. Собр. № 14, 985), послѣдовавшимъ по донесенію директора Академіи Наукъ Домашнева о томъ, что изданіе календарей Академіи «особо съ самаго начала ея принадлежитъ» и приращеніе отъ продажи календарей

⁴⁾ При введеніи Юліанскаго календаря, 1699-й годъ получилъ 16 мѣсяцевъ (См. статью Д. Перевошикова о печатныхъ календаряхъ, — въ Магазинѣ земледѣнія Фролова, III, 509, гдѣ перечислены всѣ годовые календари, начиная съ перваго годоваго календаря, напечатаннаго Матвѣемъ Ленсбергомъ въ Люттихѣ въ 1636 году и 1-го русскаго, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1710 году). Обстоятельное и подробное перечисленіе русскіхъ календарей за 1725—1825 гг. составлено Н. Собко и помѣщено во II т. Словаря русскіхъ писателей Г. Геннади (стр. 93 и 363).

и книгъ идетъ на поупку спирта и камфары и приращеніе кунскамеры,—запрещено содержателю типографіи Артиллерійскаго и Инженернаго корпуса Клеону печатать впредь календари, а напечатанные имъ календари, не производя онымъ продажи, приказано отослать въ Академію Наукъ.

Въ 1800 году поданъ былъ на Высочайшее усмотрѣніе президентомъ Академіи Наукъ барономъ Николаи докладъ о томъ, что календари, издаваемые отъ Академіи, расходятся весьма въ ограниченномъ количествѣ, всего въ 16 или 17 тысячахъ экземплярахъ, что происходятъ отъ изданія календарей частными лицами въ Кіевѣ и Вильнѣ, и что слѣдовало бы, по примѣру прусскаго короля Фридриха II, отдавшаго изданіе календарей въ исключительную привилегію Академіи Наукъ, постановить тоже для Санктпетербургской Академіи. Докладъ этотъ Высочайше конфирмованъ, частные календари дозволено было выпустить въ послѣдній разъ на 1801 годъ, а затѣмъ изданіе календаря составляло исключительную привилегію Академіи Наукъ, до 1865 года ⁵⁾.

Указомъ 14 іюня 1801 года (Полн. Собр. № 19, 915) опредѣлено было даже, какія свѣдѣнія слѣдуетъ помѣщать въ календаряхъ: 1) въ обыкновенномъ—роспись праздникамъ и торжественнымъ днямъ, хронологію вещей и событій, росписи городамъ съ разстояніемъ ихъ отъ столицъ, «при чемъ», сказано, «само тамъ по себѣ разумѣется, что Мальту въ число городовъ россійской имперіи включать не слѣдуетъ»; 2) въ мѣсяцесловѣ съ росписью чиновныхъ особъ—печатать ихъ по губерніямъ, какъ было до 1797 года; 3) въ придворномъ календарѣ переписываются: совѣтъ, придворный штатъ, орденскіе кавалеры (въ томъ числѣ и состоящій подъ покровительствомъ Е. И. В. орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго).

Указомъ 27 іюля 1801 г. (Полн. Собр. № 19, 959) дозволено издавать въ Ригѣ календари на латышскомъ, эстскомъ и еврей-

⁵⁾ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія 27 сентября 1865 г., эта привилегія отмѣнена, и издавать календари дозволено всѣмъ.

скомъ языкахъ «простонародные, содержащіе въ себѣ, по засвидѣтельствованіи цензуры, статьи весьма нужныя и полезныя для обывателей тѣхъ языковъ (Академія же оныхъ не печатаетъ, и потому отъ продажи тѣхъ календарей ей убытку быть не можетъ)»; а указомъ 29 декабря 1801 года (Полн. Собр. 20, 081) дозволено печатать вообще провинціальныя календари «во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде они издаваемы были, съ наблюденіемъ въ точности всѣхъ правилъ, цензурой предписанныхъ». Предложеніями Министра Народнаго Просвѣщенія Московскому Цензурному Комитету, отъ 21 января и 28 февраля 1829 года, 24 января 1830 года и 7 февраля 1833 года, предписано не дозволять печатаніе календарей вопреки привилегіи Академіи Наукъ, и вообще книгъ, «въ коихъ будутъ хотя и подъ другимъ названіемъ, заключаться свѣдѣнія, исключительно принадлежащія календарю, издаваемому Академіею Наукъ». При этомъ впрочемъ дозволялось въ астрологическихъ книгахъ (?) перепечатывать святцы, а равно издавать и перепечатывать полныя христіанскіе календари, издаваемые совершенно по другому плану, нежели академической. Не смотря на всѣ эти запрещенія въ народѣ обращались старинныя стѣнные календари и Брюсовъ календарь книжкой, которые печатались съ прежнимъ годомъ, въ огромномъ количествѣ, не только въ прошедшемъ вѣкѣ, но и въ первой четверти нынѣшняго; печатались на равнѣ съ ними и таблицы съ предсказаніемъ погоды по планетамъ (см. № 658—671). Стѣнной календарь 1831 года, описанный подъ № 672, издавъ уже Академіею Наукъ.

Въ заключеніе упомянемъ о такъ называемыхъ *разныхъ* народныхъ календаряхъ, рѣзанныхъ на палкахъ, табакеркахъ, дощечкахъ и т. д., и обращавшихся у сѣверныхъ обитателей въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ и въ Сибири. Большинство этихъ календарей придерживается мартовскаго года и только немногіе сентябрьскаго. П. И. Савантовъ описываетъ деревянный зырянскій календарь, состоящій изъ шестигранной палочки, вершка четыре длиною; на граняхъ ея сдѣлано 365 зарубокъ, по числу дней простаго года, а на ребрахъ вырѣзаны знаки непо-

движныхъ праздниковъ; календарь этотъ изобрѣтенъ (въ половинѣ XIV в.) препод. Стефаномъ Пермскимъ, составителемъ зырянской азбуки (Труды 1-го археологическаго съѣзда. М. 1869, 409). Въ сочиненіи В. И. Срезневскаго, разобранномъ въ 16-мъ Отчетѣ о присужденіи Уваровскихъ наградъ въ 1873 году, подробно описаны памятники этого рода, хранящіеся въ Санктпетербургской Академіи Наукъ, Гельсингфорсѣ и другихъ мѣстахъ.

660 А. Есть еще другое изданіе этого листа, начала нынѣшняго вѣка, отпечатанное на синей бумагѣ; подпись также, но внизу помѣчено: «1787 года».

661 А. Въ моемъ собраніи есть повтореніе этого листа, скопированное точь въ точь съ гравированнаго Нехорошевскимъ въ 1756 году; внизу помѣчено: «1787 года».

662 и 663. Брюсовъ календарь на 47 листахъ заключаетъ въ себѣ тѣже свѣдѣнія, что и пятилистовой, съ прибавленіемъ многихъ новыхъ таблицъ, поименованныхъ въ оглавленіи, помѣщенномъ на 1 листѣ его, и подробныя прогностики о томъ, какого будетъ права и жизни человѣкъ, родившійся подъ извѣстнымъ знакомъ Зодіака. На листѣ 45, въ этомъ календарѣ (№ 662), находится карта Московской губерніи, съ помѣтою: «1726 году мѣа августа тѣцан.: в: к:» (II. 431), т. е.: тѣцаніемъ Василя Кипріянова (который составилъ календари, описанные подъ № 658), между тѣмъ какъ самые ранніе экземпляры 47-ми листоваго календаря посвящены Елисаветѣ Петровнѣ, и потому относятся ко времени гораздо позднѣйшему. По всей вѣроятности часть досокъ была изготовлена для изданія 47 листоваго календаря самимъ Василемъ Кипріяновымъ, за тѣмъ послѣ его смерти трудъ Кипріянова былъ продолженъ другими мастерами. Это предположеніе подтверждается и поставленнымъ на картѣ Россіи (листъ 46-й) именемъ гравера Нехорошевскаго.

666. Календарь Квасовскаго, тайнаго секретаря и присяжнаго транслятора его королевскаго Прусскаго величества. 1-е изданіе

его напечатано въ 1720 г. въ Кіевской Лаврѣ (на 1721 годъ); 2-е напечатано въ друкарнѣ Кролевца Прусскаго въ 1727 г.: оно посвящено Θεофану Прокоповичу, Феофилакту Лопатинскому и др. лицамъ (этимъ посвященіемъ наполнены цѣлыя двѣ страницы). Календарь двойной: старый православный и римскій (Фроловъ, Магазинъ землевѣд., III. 524. — Геннади и Собко, Справ. Словарь, II. 95 а).

Въ Публичной Библиотекѣ есть другое изданіе его, такой же печати, на 1730 годъ (20 листовъ: Строевъ Дополнен. 1841 г. № 155—Геннади и Собко, II, 84 а). Изъ Календарей Квасовскаго, печатанныхъ гравированными досками, въ Библиотекѣ есть два изданія: въ 8°, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Календарь греку русски По штилю пулианскому. . . .», всего 44 листа; 2-е изданіе того же года, въ 8° же, съ слѣдующимъ заголовкомъ: » Календарь на сто лѣтъ. По штилю. . .»; оба напечатаны въ Кенигсбергѣ (сообщено Каратаевымъ).

674. Времена года. Текстъ этихъ картинокъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, взятъ изъ старинныхъ пасхалій (Забѣлицъ, Бытъ русск. царей, 154); такой же почти текстъ находимъ и въ сборникѣ Буслаева, но нѣсколько подробнѣе (Очерки, II. 314). Въ хоромашъ царя Θεодора Алексѣевича времена года были написаны живописцемъ Салтановымъ на подстоляхъ.

Аванасій Трухменскій, рѣзавшій эти картинки, искуснѣйшій изъ всѣхъ граверовъ-серебренниковъ второй половины XVII вѣка; онъ находился при Оружейной палатѣ фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастеромъ, обучилъ мастерству своему хорошаго гравера Василя Андреева и награвировалъ множество разныхъ гравюръ, чрезвычайно тонкимъ и красивымъ рѣзцомъ. Съ его времени, кажется мнѣ, появляются у насъ украшенія и рамки, составленные изъ цвѣтовъ (въ горшкахъ), птицъ и животныхъ, напоминающія обои и шкафныя доски, до нынѣ существующія въ Дамаскѣ и другихъ Малоазіатскихъ городахъ. Произведенія Трухменскаго подробно описаны въ книгѣ: Русскіе граверы (стр. 310); въ настоящемъ изслѣдованіи прежнее описаніе значительно пополнено.

675. Предсказанія Мартына Задени. У меня есть еще два изданія этого предсказанія, въ 8 картинкахъ: б, съ надписью— «примечанія достойное предсказаніе». . . . на бумагѣ 1820 года, и в, точно такое же и съ той же доски, но пройденной рѣзцемъ (напримѣръ земля съ правой стороны въ 5-й картинкѣ въ этомъ изданіи затѣнена въ двѣ черты на крестъ, тогда какъ въ изданіи б, она затѣнена въ одну черту). Этого предсказанія есть много изданій, напечатанныхъ типографскимъ шрифтомъ, начиная съ 1770 года. Онѣ перечислены въ книгахъ: Матеріалы для русской библіографіи 1725—1800. Н. В. Губерти. М. 1878, стр. 270, и Справ. Словарь Геннади и Собко, II. 21—22 и 377. Въ 1854 году они были перепечатаны отдѣльной брошюрой (безъ картинокъ), съ прибавленіемъ другаго предсказанія—о разрушеніи Турецкой имперіи. Въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ брошюра эта была представлена на усмотрѣніе государя Николая Павловича, который собственноручно положилъ на ней слѣдующую резолюцію: «лучше избѣгать, ибо пользы отъ сего нѣтъ».

677. Гадательная книжка царя Соломона представляетъ извлеченіе разныхъ поученій изъ Кдль, описанныхъ подъ №№ 731—733, и Случаевъ сказанія за № 734, а также изъ №№ 735, 736, 759 и 761.

679. Букварь Каріона Истомина былъ составленъ для обученія царевича Алексѣя Петровича, и поднесенъ Истоминымъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, въ 1692 году; рукописный экземпляръ его находится въ собраніи гр. Уварова; Леонтьемъ Бунинымъ¹⁾ выгравированъ онъ въ 1694 году. Въ 1829 г. въ СПБ. азбука Истомина была напечатана типографскимъ шрифтомъ (Словарь Геннади и Собко, II. 70).

¹⁾ Леонтій Бунинъ, граверъ на мѣди и знаменщикъ (рисовальщикъ) серебряной палаты при Оружейной палатѣ, учился гравированію у А. Трухменскаго; послѣдняя доска его помѣчена 1714 годомъ; гравюры его рисованы и рѣзаны плохо, тѣни проложены короткими и грубыми черточками. Въ описаніе народныхъ картинокъ вошли всѣ произведенія Л. Бунина, безъ исключенія.

О букварѣ К. Истомина есть статья въ Сѣверномъ Архивѣ (1822. IV. 7—17), съ факсимиле съ буквы Ж. Сопиковъ говоритъ въ своемъ Опытѣ библіографіи, что букварь этотъ былъ изданъ два раза, и что оба изданія вышли въ 1694 г. (I. 168 и 169); Но какой либо разницы въ извѣстныхъ мнѣ экземплярахъ букваря Истомина мною не замѣчено.

До этого лицеваго букваря были напечатаны (шрифтомъ) слѣдующіе славянскіе буквари: 1-й, въ Вильнѣ въ 1596 году, въ друккарнѣ православнаго братства, подъ заглавіемъ: «Наука кучитаню и разумѣню писма словенского, тутыжъ и о святой троици и о въ человекеніи Господни (Сахаровъ Обзор. библ. I. 2. № 101); въ этомъ букварѣ помѣщены: азбука, склады, символъ вѣры, молитвы, изложенія о православіи Стефана Зизанія и о знаменіи крестномъ (Стефанъ и Лаврентій Зизаніи, извѣстные противники папства, изложили здѣсь главные догматы православной вѣры). 2-й, въ Вильнѣ же въ 1621 году (Пекарскій, Наука и Литература при Петрѣ В., I. 168); 3-й—въ Москвѣ въ 1634 году, трудами Вас. Ѳед. Бурцова, дьякона при Москоскомъ патріархѣ, и 4-й—тамъ же въ 1637 году,—оба съ картинками, изображающими школу (послѣднія впрочемъ находятся рѣдко при книгѣ)²⁾.

Затѣмъ идутъ буквари, изданные въ Вильнѣ въ 1652 году; въ Москвѣ и Кіевѣ въ 1664 г.; въ Львовѣ въ 1671 г. и въ Москвѣ въ 1679 г.; въ этомъ послѣднемъ помѣщены образцы риторическихкихъ привѣтствій къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе св. Духа и новое лѣто, и поученіе, въ стихахъ, о пользѣ розги (Забѣлинъ: Отеч. Зап. 1854. 12; см. выше IV. 336). Рядомъ къ этимъ печатными букварями и лицевымъ букваремъ Истомина, въ народѣ ходили азбуки рукописныя; одна изъ такихъ азбукъ 1707 года описана въ Архивѣ Калачова (III. отд. 3).

Относительно художественнаго исполненія букваря Каріона Истомина, замѣчу, что *буквары* такого рода съ роскошными много-

²⁾ См. Сѣвер. Архивъ 1823. I. 480—493 и VI. 314—327.

дѣльными украшеніями встрѣчаются въ рукописномъ обиходѣ XVII вѣка довольно часто: 1. Въ СПб. Публичной Библиотекѣ хранится рукописная «буквица», сдѣланная искуснымъ каллиграфомъ конца XVII вѣка. Буквица эта состоитъ изъ двухъ столбцевъ, имѣющихъ до 12-ти аршинъ длины (оба вмѣстѣ) и наполнена заставками, рамками, клеймами съ вязью и всевозможными украшеніями, которыя представляютъ много общаго съ украшеніями, встрѣчающимися въ Синодикѣ Бунина 1702 года, съ рамками (на черномъ фонѣ), рѣзанными мастеромъ Василиемъ Андреевымъ, и съ рамками, въ которыя вставляли свои произведения граверы-серебряники конца XVII вѣка. Монахъ Каріонъ Истоминъ несомнѣнно имѣлъ въ виду эту буквицу, при составленіи своего букваря (№ 679): образцы буквъ обѣихъ книгъ очень сходны; только въ буквицѣ они сложнѣе и красивѣе, въ букварѣ же выпущено все то, что было не подъ силу граверу Бунину. Буквица Публичной Библиотеки издана въ 1877 году Обществомъ любителей древней письменности; она отлично выполнена посредствомъ фотолитографіи мастеромъ Рейнгардтомъ; жаль только, что издатели не потрудились прочесть находящіяся въ ней клейма и подписи вязью— 2. Въ Патріаршей Синодальной Библиотекѣ есть другая «азбука фряжская словенскаго языка», писанная вязью на 28 листахъ (это расклеенный столбецъ). Заставки и украшенія въ ней одного стиля съ Румянцевскою (№ 3); на одномъ изъ первыхъ листовъ представленъ левъ и попугай въ коронахъ, сходные по рисунку съ буквицей Публичной Библиотеки.— 3. Въ Румянцевскомъ Музеумѣ имѣется буквица, состоящая изъ широкаго столбца въ 13 аршинъ; впереди 3 листа съ разными украшеніями, въ числѣ которыхъ помѣщена птица *Сиринъ*. Обѣ послѣднія азбуки, точно такъ какъ и буквица Публичной Библиотеки, сдѣланы посредствомъ перевода на зельт: въ этомъ процессѣ иконникъ дѣлаетъ свои рисунки на левкашеной доскѣ, выводя ихъ посредствомъ кисточки и пера— сажей стертой на лѣпкомъ чесноковомъ соку; готовый просохшій рисунокъ *подсырятся* посредствомъ дыханія, за тѣмъ на него накладывается бумага, по которой осторожно притираютъ ног-

темъ или гладкимъ камнемъ; при этомъ способѣ искусный иконникъ можетъ получить съ жирно *проложеннаго рисунка* два и даже три послѣдовательные снимка или перевода; выгода такой рисовки заключается еще и въ томъ, что во время работы иконникъ можетъ дѣлать поправки, т. е. стирать свою рисовку и замѣняетъ ее новымъ рисункомъ³⁾.— 4. Въ Румянцевскомъ Музеумѣ есть еще столбецъ въ полулистовую ширину и въ 8 аршинъ длины, съ буквицей, выполненной несравненно хуже предыдущихъ и прямо перомъ по бумагѣ, а не посредствомъ перевода.

Каріонъ Истоминъ, іеромонахъ Московскаго Чудова монастыря и справщикъ Московской духовной типографіи, обучался въ Московской духовной академіи у братьевъ Лихудовъ (См. Словарь писателей духовнаго чина Митрополита Евгенія). Кромѣ вышеприведеннаго букваря, онъ сочинилъ: 1. цѣлую книгу прिवѣтственныхъ стиховъ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ въ 1681 г., (она хранится въ числѣ рукописей въ Академіи Наукъ); 2. стихотворную поэму на бракъ царя Петра съ Евдокіей Ѳеодоровной въ 1689 г. и т. д. Въ 1712 г., когда Лихуды завели при домѣ Іова митрополита Новгородскаго, греко-латинское училище, Каріонъ былъ вызванъ туда для перевода книгъ съ греческаго языка; черезъ годъ онъ вернулся въ Москву и умеръ въ Чудовомъ монастырѣ (Словарь Евгенія. СПб. 1827, I. 310). Каріонъ былъ наставникомъ при царевичѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ (См. выше, IV стр. 136).

684. **Ариометика.** Въ продолженіе XVII столѣтія, по удостоверенію Пекарскаго, въ Россіи издано было только одно математическое сочиненіе, именно: «Считаніе удобное, которымъ всякій человѣкъ купующій или продающій зѣло удобно изыскати можетъ число всякія вещи. Москва 1682 года». Въ предисловіи такъ объяснялось употребленіе этого руководства: «Сія книжка, читателю любезный, надобна человѣку для скорого всякія вещи цѣны

³⁾ Объ этомъ способѣ см. подробнѣе въ моемъ сочиненіи О русскомъ иконописаніи.

обрѣтенія, который кто купити или продати хоцетъ: а мѣра и цѣна за сколько чего, сколько денегъ дати или взяти, объявляется въ сей книжкѣ на всякой страницѣ въ верхнихъ, да въ постороннихъ верхнихъ строкахъ въ клѣточкахъ. И мощно считати всякія вещи, хотя мѣру положить, сколько чего продаетъ или покупаетъ въ верхней строкѣ, а цѣну въ посторонней строкѣ, и ты отъ того числа поиди рядомъ клѣточками и дойди до той клѣточки, которая стоитъ противъ верхняго числа—столько будетъ за тотъ товаръ и цѣны копѣйками или алтынами, или рублями. . . . И о семъ, читателю, буди тебѣ извѣстно, что въ сей книжкѣ положено счету, краткости ради, только одно это. А если мѣра или цѣна превзойдетъ число счета, который положенъ въ сей книжкѣ, и тому возможно по сему же счету, мѣру и цѣну умножая, хотя многія тысячи счесть. Здравствуй и о трудившихся въ семъ дѣлѣ, моли Бога» (Наука и Лит., I. 263). Книжка эта была перепечатана въ 1714 году въ Санктпетербургѣ, съ замѣной славянскихъ цифръ арабскими; въ народѣ расходилась она плохо, такъ что въ 1715 году ея было на лице въ типографіи 980 экземпляровъ; въ 1717—21 гг. отпущено въ книжную лавку 678 экземпляровъ, а въ 1752 г. въ Московской синодальной типографіи она употреблена, въ числѣ 566 экземпляровъ, на обертку (Пекарск. II. 330). Въ 1715 году издана пространная ариѳметика Магницкаго, которую онъ, какъ самъ говоритъ, собралъ изъ многихъ разноязычныхъ книгъ, греческихъ, латинскихъ и старо-переводныхъ.

685. Сочинитель Альфы и Омеги Симонъ *Тодорскій*—переводчикъ съ нѣмецкаго языка; нѣсколько переведенныхъ имъ книгъ напечатано шрифтомъ типографіи Кошіевскаго въ Галлѣ (Пекарскій, Наука и Лит., I. 18). Тодорскій былъ наставникомъ Петра III и былъ назначенъ къ Екатеринѣ II, для обученія ея закону божію (Древн. и Нов. Россія. 1878, Февраль, 118).

ПРИМѢЧАНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Книга III.

686—689. Притча о Лазарѣ была въ большомъ ходу въ Европѣ въ XVII вѣкѣ, лицевыя изображенія изъ нея помѣщались даже въ альманахахъ; они, впрочемъ, не имѣютъ съ нашими картинками №№ 686—689 никакого сходства (Nisard, I. 91). У насъ притча эта помѣщалась издавна на иконѣ Страшный судъ, а въ XVII вѣкѣ она была написана въ алтарѣ Московскаго Архангельскаго собора на стѣнахъ, гдѣ и сохранилась до настоящаго времени (Прохоровъ, Христіанскія Древности, 1876 г.).

Наши Калики перехожіе поютъ пѣсни о Лазарѣ преимущественно передъ прочими. По ихъ причитаніямъ оба Лазаря были родные братья; бѣдный просилъ у богатаго милостыни, но тотъ не подалъ ему и ушелъ пировать въ садъ; когда оба Лазаря умерли, Богъ послалъ по душу бѣднаго Лазаря тихихъ ангеловъ, а душу богатаго грозные ангелы вынули сквозь ребра, взоткнули ее на копье и увесли въ таръ-тарары; за тѣмъ слѣдуетъ причитанье о томъ, какъ богатый Лазарь, истязуемый въ аду, взываетъ къ бѣдному Лазарю о помощи (Безсоновъ, I. 43—97). Въ одномъ изъ нашихъ рукописныхъ сборниковъ начала XVIII вѣка попадаетъ комедія—мистерія, сочиненная на эту же притчу (Пекар-

скій, Наука и Литература, I. 437 и 438). Притча о Лазарѣ, въ томъ видѣ, какъ она изображена на народной картинкѣ, помѣщается и на церковныхъ стѣнахъ. Описание ея въ греческомъ подлинникѣ Дидрона тоже согласно съ переводомъ нашей картинки (Didron, Manuel d'iconographie chrétienne. Paris 1845, 221).

686 А. Прибавить: Въ моемъ собраніи находятся два полулисточка, остатки большой картины притчи о Лазарѣ, гравированной на деревѣ, въ иконномъ пошибѣ; на нихъ (сложенныхъ вмѣстѣ) въ верхней полосѣ представленъ пиръ богатаго; справа лежитъ Лазарь въ гноищахъ; въ нижней полосѣ ангелы несутъ душу умершаго Лазаря, съ подписью: «несоша аггли гдѣи дшу Лазаря|убогаго наono свѣтаго|абраама». Вся картина была повидимому четырехъ — листового размѣра.

696. Комедія притчи о блудномъ сынѣ бываемое въ лѣто 1685. Картинки этой книжечки награвированы на 64 отдѣльныхъ досочкахъ, судя по работѣ, русскими мастерами, подъ надзоромъ Петра Пикарта, прибывшаго въ Россію въ 1687 году (См. Русскіе граверы, 262), и вѣроятно по его инвенціямъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мнѣ не случалось видѣть ничего подобнаго въ иностранныхъ изданіяхъ.

Изъ внимательнаго обозрѣнія одиннадцати неполныхъ экземпляровъ этой комедіи въ разныхъ собраніяхъ, оказывается, что она была издаваема три раза, — и всѣ три раза съ однѣхъ и тѣхъ же досокъ. Первое изданіе сдѣлано съ досокъ неподправленныхъ; во второмъ доски грубо пройдены рѣзцемъ, при чемъ на картинкѣ № 2, въ нижней части, на плащѣ актера, говорящаго прологъ, видна черта, снизу вверхъ, происшедшая отъ сорвавшагося рѣзца, которымъ граверъ проходилъ доску; третье изданіе напечатано въ концѣ прошедшаго столѣтія, на тогдашней желтоватой бумагѣ, съ досокъ, сохранившихся еще въ исправномъ видѣ. Бумажныхъ знаковъ ни въ одномъ изъ трехъ изданій не имѣется.

Комедія о блудномъ сынѣ написана въ виршахъ Симеономъ Полоцкимъ; монологи ея нѣсколько напоминаютъ: «Acolastus, de filio prodigo comaedia 15 29» (Fullonius: Nisard, Hist. des livres popul., I. 191); но текстъ нашей комедіи пространнѣе и въ самомъ расположеніи пьесы много перемѣнъ и прибавленій, такъ что она должна быть сочтена произведеніемъ вполне оригинальнымъ*) (См. тоже Сынъ Отеч. 1838. XII, VI, 110—112; Древняя и Новая Россія 1877 года). Авторъ нашей комедіи, Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полотскій, род. въ Полоцкѣ въ 1628 г.; послѣ присоединенія Малороссіи и Смоленска къ Россіи, онъ пріѣхалъ въ числѣ многихъ тамошнихъ ученыхъ людей въ Москву въ 1667 г., гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ ему воспитаніе сына своего Θεодора Алексѣевича. Полотскій составилъ множество книгъ, написалъ большое количество поздравительныхъ и прославительныхъ виршей царямъ Алексѣю Михайловичу и Θεодору Алексѣевичу; онъ первый началъ говорить экспромптомъ проповѣди; онъ же предполагалъ поставить Никона папою, а митрополитовъ сдѣлать патриархами; умеръ 52 лѣтъ, 25 августа 1680 г. Виршевыя произведенія его собраны имъ самимъ въ книгѣ Риеномологіонѣ (Москва 1678 г.); въ нее включена и наша комедія о блудномъ сынѣ, а также и трагедія о Навуходоносорѣ (Евгеній, Слов. духовн. писат., II. 216). — Мастеръ, подъ надзоромъ котораго сдѣланы картинки комедіи о блудномъ сынѣ, Петръ Пикаръ, голландскій граверъ прошедшаго столѣтія, вывезенъ въ Россію самимъ Петромъ, въ первую поѣздку его за границу. Въ челобитной, подаваемой въ 1727 году, Пикаръ пишетъ, что отецъ его служилъ Россіи до 1708 года, и что онъ (слѣдуетъ читать *вмѣстѣ съ своимъ отцемъ*) находится на службѣ русской близъ сорока лѣтъ, то-есть съ 1687 года (?); по этому не подлежитъ сомнѣнію, что доски комедіи блуднаго сына гравированы по инвенціи (рисункамъ) Пикара отца, имъ самимъ и подъ его смотрѣніемъ нашими граверами Леонтіемъ Бунинымъ и Григоріемъ Тепчегорскимъ, рука которыхъ видна на нѣкоторыхъ картинкахъ комедіи. Пикаръ сынъ, съ 1708 года, значится *грьдывалнаго дѣла мастеромъ* при

Московской типографіи, а при немъ подмастерьями Иванъ Зубовъ и Петръ Бунинъ; въ 1714 году онъ высланъ въ Петербургъ въ новозаведенную типографію (въ 1711 г.), въ качествѣ перваго гравера; здѣсь при немъ работали: старые мастера Алексѣй Зубовъ, Ростовцевъ и Мякишевъ. Пикарь пробылъ здѣсь до закрытія типографіи, т. е. до 1727 года; съ этого года онъ жилъ въ крайней бѣдности, дряхлости и чахоточной болѣзни и подавалъ тщетныя просьбы о выдачѣ ему какого либо содержанія; послѣдняя изъ этихъ просьбъ помѣчена 1732 годомъ. Пикарь награвировалъ множество картинъ для книгъ, нѣсколько большихъ портретовъ, видовъ и баталій, которые подробно описаны въ книгѣ: Русскіе граверы, на стр. 262—269.

697. Не поминай имени дьявола. Въ западной литературѣ есть много назидательныхъ легендъ о томъ, какъ опасно помянуть и призывать дьявола. Въ *Promptuarion*'н пастора Гандорфа (Франкф. на Майнѣ, 1574; лл. 63 и 64) рассказываются объ этомъ слѣдующіе случаи: 1) во время одной охоты, въ которой участвовалъ самъ Лютеръ, подъ однимъ дворяниномъ, гнавшимся за зайцемъ, пала лошадь; самый же заяцъ исчезъ въ воздухѣ, потому что онъ былъ ничто иное, какъ бѣсовскій призракъ; послѣ охоты все общество въ замкѣ разсуждало о томъ, какъ опасно во время охоты, перегоняя другъ друга, кричать «задній къ чорту»; при этомъ вспомнили и о томъ, какъ однажды изъ за этой клятвы бѣсъ поднялъ на воздухъ отставшую лошадь. 2) Одинъ богатый человѣкъ изъ Герлица звалъ къ себѣ гостей, и когда никто не пришелъ къ нему, то онъ въ досадѣ крикнулъ: «хоть бы одинъ чортъ пришелъ!» — тотчасъ же явилось къ нему въ гости нѣсколько чертей, которыхъ онъ узналъ по ихъ когтямъ.

Любопытная легенда о похищеніи чертями женщины рассказана въ одной Шотландской пѣснѣ (W. Scott. Paris 1826. III, 121). Каталонецъ Петръ Кабинамъ, разсердясь однажды на свою дочь, сказалъ: «чтобъ чертъ тебя побралъ». Дочь его исчезла и пропала цѣлые семь лѣтъ, по истеченіи которыхъ

Кабинамъ, по совѣту одного человѣка, находившагося въ услуженіи у бѣсовъ, ходилъ къ нимъ въ указанное ему мѣсто, требовать возвращенія дочери; бѣсы отдали ему ее больную, исхудалую и почти безумную. У Аванасьева есть подобная же сказка о поповской дочери, которой отецъ сказалъ: «черти бы тебя побрали», и которая вслѣдствіе этого была похищена водяными чертями (II, 370—373)¹⁾. У Якушкина приведенъ мѣстный рассказъ про Ноя и Евгу (жену его): дьяволъ научилъ Евгу сдѣлать вино и напоить Ноя; отъ упившагося Ноя Евга узнаетъ, что будетъ потопъ и всѣ люди, кромѣ его да жены его Евги, будутъ потоплены. Тогда дьяволъ, задумавъ спастись, уговорилъ Евгу не слушаться зова Ноева и не идти въ ковчегъ, покуда онъ не назоветъ ее проклятою. Когда насталъ потопъ, Ной вошелъ въ ковчегъ, и зоветъ Евгу, чтобы та тоже вошла въ него. «Сей часъ говорить, Евга, надо горшки захватить». «Иди скорѣй», кричитъ Ной въ другой разъ, видя уже потопленіе. «Погоди, Ной праведный, надо ложки да плошки забрать». «Да иди же ты, проклятая», закричалъ Ной въ третій разъ. Тутъ вошла Евга въ ковчегъ, а за нею и проклятый дьяволъ, который сидѣлъ у нея подъ платьемъ, и послѣ слова Ноя, который обозвалъ Евгу проклятою, получилъ право войти въ ковчегъ (Буслаевъ, Очерки, I. 440). Во время потопа дьяволъ хотѣлъ потопить ковчегъ и, обратившись въ мышъ, сталъ прогрызать его; но по молитвѣ Ноевой «прысни лютой звѣрь (левъ), и выскочиша изъ ноздріи его котъ и кошка, и скочиша и удавиша мышъ».

Текстъ нашей картинки, какъ сказано въ концѣ его, заимствованъ изъ Великаго Зерцала²⁾. Зерцала, или сборники повѣстей назидательнаго характера, были въ большомъ ходу въ средне-вѣковой Европѣ; въ Россіи Зерцало извѣстно въ многочисленныхъ

¹⁾ У Боричевского рассказано превосходное польское повѣрье о томъ, какъ одинъ отецъ отдалъ сатанѣ своего ребенка, не зная даже, что онъ у него родился (I. 137). См. ниже примѣч. къ № 721 А.

²⁾ Глава 57: «О гордости и ярости, иже славній подручныхъ своихъ нехочетъ имяны звати; но глаголютъ: поиди чортъ или дьяволъ или бѣсъ».

спискахъ XVII вѣка. Въ одномъ такомъ списокѣ, принадлежавшемъ патриарху Адриану, сказано, что Великое Зерцало притчей или прилоговъ отъ многихъ исторій и отъ церковныхъ многихъ учителей собранное неизвѣстнымъ писателемъ сперва было написано на латинскомъ, потомъ римляниномъ (униатомъ) іеромонахомъ Симеономъ Высоцкимъ переведено на польскій, а наконецъ, по желанію и повелѣнію Царя Алексѣя Михайловича, переложено на Славяно-Россійскій языкъ въ 1667 году (Пыпинъ, Очеркъ, 199); въ этомъ Зерцалѣ 821 главы. Въ Румянцевскомъ музеѣ и у Н. С. Тихонравова есть экземпляры еще полнѣе, въ 862 главы и болѣе. Великое Зерцало напечатано на латинскомъ языкѣ, съ такимъ заглавіемъ: *Magnum Speculum exemplorum ex plusquam octoginta auctoribus, pietate, doctrina, et antiquitate venerandis, variisque historiis tractatibus et libellis excerptum, ab Anonymo quodam, qui circiter annum Domini 1480 vixisse deprehenditur. Opus variis notis, actorumque citationibus illustratum, centum et sexaginta exemplis locupletatum, quae stellulae *) signo dignoscuntur, studio R. P. Ioannis Majoris Societatis Iesu Theologi. Editio novissima et correctissima, Citationibus, nec non ex Floribus Exemplorum, seu Catachismo historiali R. P. I. Dauroultii Societatis Iesu Theologi, aliquot ex selectioribus excerptis (quae in Indice stellulis **) insignita dignoscuntur) auctior. Cum tribus indicibus utilissimis. Coloniae Agrippinae, Sumptibus Haeredum Ioan. Wilhelmi Friessem, p. m. Anno M. DCC. XVIII. 683 страницы 4^о, кромѣ указателя.*

Изъ предисловія издателя, іезуита отца Іоанна старшаго, видно, что составитель Великаго Зерцала былъ нѣмецъ, жившій около 1480 года; приведенное выше Зерцало было издано на латинскомъ языкѣ въ 1481, 1485, 1487 и 1519 годахъ; всѣхъ исторій въ немъ было перепечатано 1215; отецъ Іоаннъ прибавилъ къ нимъ еще 160, такъ что въ изданіи 1718 года общее число исторій доходитъ до 1375. Исторія эти раздѣлены по содержанію и размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ: *Abstinencia, Constantia* и т. д. Въ концѣ приложенъ алфавитный индексъ исторіямъ, а

впереди индексы авторовъ, изъ которыхъ заимствованы исторіи въ Зерцало³⁾. Зерцало это названо большимъ въ отличіе отъ существовавшихъ до него (до 1480 г.) малыхъ Зерцалъ т. е. такихъ же собраній анекдотовъ и легендъ.

Въ Россію Великое Зерцало, какъ сказано выше, проникло въ польской редакціи; по замѣчанію П. Владимірова, оно было переведено на церковно-славянскій языкъ не вполне, а съ значительными сокращеніями и измѣненіями въ содержаніи нѣкоторыхъ повѣстей. «Еще въ концѣ XVII в. оно стало извѣстно у насъ въ двухъ главныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ вторая представляетъ нѣсколько вариантовъ, отличающихся отъ первой редакціи, какъ въ заглавіяхъ, такъ и по значительнымъ подробностямъ въ содержаніи. Русскіе книжники XVII в. смотрѣли на Великое Зерцало, какъ на душеспасительную книгу, забывая о ея католическомъ, иноземномъ происхожденіи. Они видѣли въ немъ много знакомаго и прежде всего сблизили Великое Зерцало съ проложными повѣстями. Затѣмъ въ XVIII в. повѣсти Великаго Зерцала вошли въ составъ синодиковъ и дубочныхъ картинокъ и даже отразились въ духовныхъ стихахъ, народныхъ легендахъ и сказкахъ. О распространенности Великаго Зерцала среди народныхъ грамотниковъ можно судить по 50 полнымъ спискамъ, извѣстнымъ въ настоящее время по разнымъ библіотекамъ и содержащимъ до 900 главъ, не говоря уже о массѣ рукописныхъ сборниковъ, въ которыхъ встрѣчаются отдѣльныя повѣсти этого сборника»⁴⁾.

698. Притча о томъ, какъ дьяволъ обличилъ священника, заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она составляетъ 78 главу, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «како въ службѣ святыя литургіи священника раздвоена мыслію демонъ обличи».

³⁾ Экземпляръ изданія 1718 г., находится въ библіотекѣ Москов. университета; польскаго перевода мнѣ не случилось видѣть; изслѣдованіе о Великомъ Зерцалѣ кандидата Михайловскаго напечатано въ Трудахъ Кіев. Духовн. Акад. (Мартъ 1876).

⁴⁾ Сообщено П. В. Владиміровымъ, который составляетъ о Великомъ Зерцалѣ обширную монографію.

699. Отецъ съ сыномъ другъ друга взаимно проклинають. Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зеркала, глава 212.

700—703. Притча о грѣшной матери заимствована изъ Великаго Зеркала, гдѣ она занесена въ 213 главу въ очень подробной редакціи и подъ заглавіемъ: «О нѣкоемъ священникѣ, иже о матери своей моляся, и каково ему показася за преизлишнее тѣлесное украшеніе ея». Повѣсть о грѣшной матери напечатана на мало-россійскомъ нарѣчїи въ первомъ выпускѣ Памятниковъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородко; стр. 101), по рукописи Пуб. библіотеки (Погод. № 1333); редакція ея вполне сходна съ текстомъ нашихъ народныхъ картинокъ. Тамъ же напечатана притча, подъ названіемъ: «видѣніе мукъ грѣшницы въ адѣ» (Погод. рукоп. № 1377), которая сходна съ притчею «о дѣвицѣ умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія», съ тою разницею, что въ видѣніи говорится о женѣ, «творившей чужеложство со сроднымъ своимъ», а въ народной картинкѣ о простомъ блудномъ грѣхѣ (стр. 105).

Подобная же исторія рассказана въ золотой легендѣ Іакова де Ворагине (*La legende dorée*. Paris 1843, I. 389); у него начало легенды подробнѣе, а конецъ короче: одна вдова, оставшаяся въ большой нищетѣ послѣ мужа, не знала что дѣлать съ горя; явился ей дьяволъ и обѣщаль богатство и помощь, если она исполнитъ четыре приказанія его: во первыхъ будетъ соблазнять на блудъ всѣхъ монаховъ, которые у нея будутъ останавливаться, принимать нищихъ только днемъ, а на ночь немилосердно выгонять ихъ изъ дома, не давая благочестивымъ молиться, прерывая молитвы ихъ болтовнею, и никогда не исповѣдываться. Условія эти были вдовою выполнены и домъ ея наполнился гостями. Когда пришло время ей умереть, она созналась во всемъ своему сыну, человѣку очень благочестивому; онъ уговорилъ ее исповѣдаться; но демоны не допустили ее до исповѣди, бросились на нее и загрызли; сынъ ея исповѣдался за нее, и роздалъ въ поминки большія милостыни; черезъ нѣсколько времени мать явилась ему и съ благодарностію

объявила, что она получила избавленіе. Легенда эта самимъ Ворагине заимствована изъ діалоговъ святаго Григорія.

701. Притча о дѣвицѣ, умершей безъ покаянія. У меня есть еще два изданія этой картинки, конца прошедшаго вѣка; первая строка оканчивается въ нихъ такъ: въ изданіи ж — «Смертны грехъ»; въ изданіи з — «умре отъ» (въ изд. б первая строка заканчивается словами: «блудный»).

704. Притча о воинѣ, простившемъ убійцу своего брата, заимствована изъ Великаго Зеркала, гдѣ она напечатана въ главѣ 32-й, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «Совѣтъ зло за зло братня ради убіенія ради страсти дня отда, и велику мзду воспрія». Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка (Румянц. № 164) повѣсть эта помѣщена съ слѣдующимъ началомъ: «иже зло за зло братня убіенія не отда» (л. 623). Скитскій Патерикъ, о которомъ упоминается въ текстѣ нашей картинки, перешелъ въ Россію изъ Болгаріи въ XI—XII вв.; на болгарскій же языкъ онъ былъ переведенъ съ греческаго. Патерикъ этотъ имѣлъ вліяніе и на составленіе нашего Кіево-Печерскаго Патерика (Труды Кіев. Дух. Академіи 1875 г. Ноябрь, статья А. Петрова).

705. О женѣ нѣмецкаго Краля. Извѣстіе о томъ, что «дочь Генриха Брабантскаго, брата бывшей жены краля нѣмецкаго» родила вдругъ 364 дѣтей, помѣщено въ 514 главѣ Великаго Зеркала; въ Зерцало же она заимствована изъ книги: Egidius Albertini, *Der Teutschen recreation oder Lusthaus* (1619, стр. 1043), посвященной Мельхиору, аббату и прелату монастыря св. Георгія въ Шварцвальдѣ. Голландская графиня Маргарита, рассказываетъ тамъ, надсмѣхалась надъ тѣми женами, которыя рожали двойни, заподозрѣвая, что они рожали ихъ не отъ одного отца, а отъ двухъ. Вскорѣ она сама забеременела и родила за одинъ разъ 363 ребенка, которые были величиною по орѣху: всѣхъ ихъ однако окрестили.

706. Притча о покаяніи нѣкоего Князя заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она помѣщена въ 92 главѣ и озаглавлена такъ: «О еже князь нѣкій дивное покаяніе сотвори и вся демонскія прилоги побѣди». Она напечатана (дословно съ текстомъ нашей картинки) въ Памятникахъ старинной русской литературы, изд. гр. Куселева Безбородко, гдѣ рядомъ съ нею помѣщена такая же легенда на малороссійскомъ нарѣчїи (по списку Пуб. биб.: Погодинск. № 1333), сходная съ нашей, но въ очень сокращенной редакціи и съ измѣненіями въ подробностяхъ *).

708. Аптека духовная. Дополнить слѣдующими подписями: на столѣ—«Исаїа тако глаголетъ гдѣ вси жаждущїи прїидите ксеи воде ꙗ которыя неимеете пенязеи прїидите купите и пїйте беспенязеи и даромъ обою вино и млеко пїйте»; на лекарствахъ: «кореніе крестное—состраданіе трудо-терпен—постоянство—мїръ—вера—надежда—любовь—кротост—благост—прїятства—благоут—терпѣніе—чистота—благопрїятство—учливост—никтоже сея любви совершитель токмо распятый на кресте спаситель—девства смиреніе—правд—щедрост—честь—благода—достої—радость—трезвость—покорность—умеренность—болше сея любви небываетъ кто за друга своего умираетъ». Вверху изображены: «солнце» и «луна», надъ ними надпись: «твой есть день и твоя есть ночь»; у пришедшаго брата—надпись: «мои грехи тяжки суть и велицы каюся всемъ сердцемъ».

709. Притча о двухъ юношахъ заимствована изъ Великаго Зерцала, гдѣ она помѣщена въ 74 главѣ, съ слѣдующимъ заголовкомъ: «О еже слушающїе литургію отъ бѣдъ спасаются, а не слушающїе погибають».

710 и 711. Текстъ картинки заимствованъ изъ книги, составленной св. Дмитріемъ Ростовскимъ по приказанію епископа

*) Князь обращенъ въ ней въ рыцаря и т. д.

Лазаря Барановича: «Руно орошенное», Черниговъ 1683 г.; въ этой книгѣ содержится описаніе чудесъ отъ иконы Ильинской богородицы, а также и другія назидательныя исторїи, переведенныя изъ католическихъ подлинниковъ; въ наши картинки изъ этихъ исторїй перешли: 1. Повѣсть Іакова де Ворагине о нѣкоемъ богатомъ челоувѣкѣ (л. 27), 2. Повѣсть о Петрѣ Мытарѣ (л. 84 об) и 3. картинка описанная, подъ № 710.

712. Судъ Царя Соломона. Добавить надписи такъ: надъ царемъ—«Суд премараго цря Соломона»; вверху—«нищїи збираетъ на окупъ». Экземпляръ этой картинки находится также въ собранїи Кн. Вяземскаго.

Въ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣковъ встрѣчаются статьи съ заголовкомъ: «судове Соломоне». Въ наиболѣе полномъ спискѣ ихъ, перепечатанномъ у Пыпина (стр. 119, по Толстов. рукоп.) помѣщено всего шесть судовъ *); въ числѣ ихъ нашего суда о вельможѣ не находится. Легенды, былины, стихи и сказанїя о дѣянїяхъ Соломоновыхъ подробно разобраны и приведены въ системѣ Безсоновымъ, въ предисловіи его къ пѣснямъ Рыбникова (II. ССXXXVII—ССCLXIII). Сказанїя о томъ, какъ Соломонъ леталъ на страусахъ (по примѣру Езопы) и какъ онъ нырялъ на морское дно (Аванас., Сказки, IV. 235), а равно и сказанїя о прерѣканїяхъ Соломона съ Китоврасомъ—въ народныя картинки наши не вошли; за то вошло въ нихъ подробное описаніе Соломоновой печати, см. № 798. Что касается до текста нашей картинки, то уплата *тѣнью* за *тѣнь* составляетъ довольно обыкновенный прїемъ

*) Разказы о судахъ Соломона вошли въ разные легендарные сборники, напр. въ Gesta Romanorum и во французскія Fabliaux и Contes; они были также предметомъ мистерїй (Migne, Dict. des Apoc.). Эти разказы, какъ и другія апокрифическія сказанїя, на западѣ подвергались разнымъ переработкамъ. Черты, напримѣръ, въ которыхъ изображается Асмодей въ Іудейскихъ сказанїяхъ о Соломонѣ, въ западной легендѣ перенесены на Морольфа и Мерлина. Исторїя развитїя этихъ сказанїй о Соломонѣ изложена въ сочиненїи А. Н. Веселовскаго: Славянскїя сказанїя о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. См. также у Порфирьева, Апокриф. сказ., 127. Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ фанецїй.

восточныхъ повѣстей: такъ наприимѣръ одна прелестница, увидѣвъ во снѣ, что ее опозорилъ нѣкоторый юноша, пришла жаловаться на него въ судъ; тяжбу разрѣшилъ умный попугай: велѣлъ отвѣтчику положить требуемую сумму денегъ передъ зеркаломъ, для того, чтобы прелестница, посмотрѣвъ на нихъ въ зеркалѣ, тѣмъ получила себѣ удовлетвореніе за свою обиду. Другой молодой человѣкъ поцаловалъ въ зеркалѣ отраженное лице нѣкоторой дѣвицы, и будучи призванъ ею въ судъ, былъ наказанъ тѣмъ, что его тѣнь высѣкли плетью (Benfey, Pantsch., I. 127. — Буслаевъ, Отеч. Зап., разб. книги Снегирева, Луб. карт., 46).

713. Надпись, сдѣланная бѣсомъ въ Римѣ. Эта картинка напоминаетъ сказаніе о папессѣ Іоаннѣ VIII: около 857 года дѣвица изъ Майнца, по имени Ангелика, выдававшая себя за мужчину, за свою необыкновенную ученость и умъ была избрана, по смерти Льва IV, въ папы подъ именемъ Іоанна VIII. Однажды, шествуя въ Латеранскую базилику, она на мѣстѣ между Колизеемъ и церковью св. Климента родила и на томъ же мѣстѣ умерла отъ родовъ, на второмъ году свосго папства¹⁾; на этомъ мѣстѣ находилась ея статуя съ младенцемъ на рукахъ, и съ тѣхъ поръ по этой дорогѣ папы въ базилику никогда не ходятъ, хотя она и короче другихъ. Послѣ ея смерти опредѣлено было, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ многіе писатели, передъ возведеніемъ папы на первосвященнической престолю ошупывать его половые органы, на сѣдалищѣ, съ особымъ для того устроеннымъ отверстіемъ. Подроб-

¹⁾ *Іоанна папесса*, Джильберта или Агнеса, дочь англійскаго миссіонера, уѣхала отъ отца своего съ любовникомъ, англичаниномъ, въ Авиньонъ, гдѣ училась греческой литературѣ, а по смерти своего любовника переѣхала въ Римъ, и переодѣвшись мужчиной, назвалась Иваномъ англичаниномъ (*Ioannes anglicus*). Здѣсь она завела школу, а въ 854 г. избрана въ папы подъ именемъ Іоанна VIII (между Львомъ IV и Бенедиктомъ VIII). Она умерла отъ родовъ близъ Колизея, во время процессіи въ 851 г. и тамъ же и похоронена. Первый разсказалъ эту исторію въ своей хроникѣ *Marianus Scotus*. Писатель Блондель (въ своей книгѣ: *Eclaircissement sur une femme*, 1649) отвергаетъ это событіе; Фридр. Шпангеймъ, въ книгѣ: *de Iohanna papissa*, напротивъ того, доказываетъ его дѣйствительность (Старчевскій, V. 287).

ное описаніе этой церемоніи находится въ рѣдкой книгѣ «*Roma triumphans*» 1645 г., гдѣ разсказывается объ избраніи и посвященіи папы и въ особенности Климента X (стр. 90 и 91). На одной изъ картинокъ, находящихся въ этой книгѣ, представленъ папа въ тройственной тіарѣ, стоящій въ прорѣзномъ мраморномъ сѣдалищѣ: около него, по обѣимъ сторонамъ, кардиналы; одинъ изъ нихъ, стоя на колѣнахъ около сѣдалища, всунулъ руку въ сдѣланное съ боку отверстіе; отъ рта его идутъ слова: «*Pontificalia habet*» (первосвященническая имѣть). О самой церемоніи въ книгѣ говорится слѣдующимъ образомъ: «Послѣ сего (врученія папѣ ключей и цѣлованія ногъ) его (папу) понесли къ мраморному сѣдалищу съ отверстіемъ, находившемуся не въ дальнемъ разстояніи, чтобы, поставивши его въ немъ, осмотрѣть его половые органы, какъ объ этомъ я упоминалъ уже на стр. 91. Никто да не сомнѣвается въ этомъ: извѣстно достовѣрно, что мраморное сѣдалище съ отверстіемъ находилось въ Латеранской базиликѣ, и мы сами многократно видѣли оное; также достовѣрно извѣстно, что новоизбранные папы, прежде чѣмъ допускались до свѣтской власти, были поставляемы въ этомъ сѣдалищѣ, какъ о томъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, и сами католики: *Platin et Sabin. in vit. Ioh. VIII. Stella sacerdot. Venet. in ejusdem vit. Marian. Schot, qui vixit circa annum 1000. Raph. Volater. Anthropol. lib. 22 — pag. mihi 794. Balaeus in vita Pontif. Petr. Greg. Thaloss. Sintagm. jur. univers. lib. 15. cap. 3. num. 23*» (Русская Старина 1872 г. VIII. 889). О папессѣ Іоаннѣ написалъ цѣлую книгу англичанинъ Егбертъ Гриммъ, который приводитъ о ней свидѣтельства 135 авторовъ. На русскомъ языкѣ о папессѣ Іоаннѣ есть обстоятельное изслѣдованіе г. Бильбасова (Кіевъ 1870)²⁾.

Забавный обрядъ ошупыванія *genitalia* перенесенъ Петромъ I въ шутовской церемоніалъ избранія князя-папы, исполнявшійся въ декабрѣ 1717 года. Церемоніалъ этотъ составленъ самимъ

²⁾ Греческій хронографъ, изъ котораго заимствованъ текстъ нашей картинки, есть по всей вѣроятности хронографъ Дороея, Монеувасійскаго митрополита, въ переводѣ грека Арсенія (Замѣтка А. Е. Викторова).

державнымъ юмористомъ и заключаетъ въ себѣ по этому предмету слѣдующія правила: «III. Утру бывшу, его князь-цесарское величество придетъ на мѣсто свое и сядетъ; тогда изъ конклавн и прочихъ мѣстъ придутъ всѣ по чину и, поклонясь, сядутъ на своихъ мѣстахъ. . . . IV. Пошлется отъ князь-цесаря и отъ собора ключарь къ архи-игуменѣ, дабы баллы прислала къ князь-игуменѣ. V. Пришедъ князь-игуменья (съ) носящимъ за нею балы дяконимомъ съ музыкою и, поклонясь, сядетъ противу князь-цесаря; балы же поставятъ предъ нею на столѣ. VI. Избранные-же кандидаты да посадятся въ особой каморѣ на прорѣзанныхъ стульяхъ. VII. Тогда отъ собора посылаются папины архи-діаконъ, ключарь и протодиаконъ свидѣтельствовать ихъ *крѣпкимъ* осязаніемъ. Они-же осязая воскликнуть: «Габеть, Габеть, габеть (т. е. habet) оорамень!» VIII. По семъ свидѣтельствѣ, архиерецы и протчіе сидящіе въ соборѣ идутъ по чину и берутъ балы, по одному, отъ руку князь-игуменья по два: бѣлое и черное, цѣлуя оную въ перси³⁾. Потомъ возгласитъ ключарь имя перваго кандидата».

Относительно самага процесса *крѣпкаго осушыванія*, государь объясняетъ въ особой запискѣ, что «князь-цесарь повелѣваетъ служителямъ князь-папы осматривать избранныхъ, которые служители (по) его указу, осматриваютъ: аще совершенное естество имѣютъ? Сіе чинятъ тако: сѣдѣщу оному или онимъ на прорѣзанномъ стулѣ, и открытъ епанчею; тогда подъ покрывало протягиваетъ руку, ему же повѣрено отъ кесаря; и щупаетъ по подобію: и аще обрящетъ довольно, да возгласитъ велегласно: «Габеть, габеть!» аще-ли ни то: «нонь габеть» (Русская Старина, VIII. 864).

714. Въ старинной англійской литературѣ есть комедія: *Belphégor or the mariage of the Devil*, 1691. Дьяволъ Бельфе-

³⁾ Балы эти состояли изъ куриныхъ яицъ, простыхъ и обшитыхъ матерію; обшитыя подавались въ знакъ отрицанія, а необшитыя яйца означали утвердительный голосъ.

горъ бѣжалъ отъ своей жены точно такъ, какъ и бѣсъ изъ ямы отъ жены крестьянина (Dunlop, 275).

715. Превращеніе немилосердаго Чеха въ пса случилось въ Чешскомъ королевствѣ, близъ города Праги, въ 1673 году, какъ о томъ рассказывается въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII вѣка (Въ Синод. биб. л. 337, л. 234—8; Буслаевъ, Очерки, II. 55).

У Шейбле (*Das Schaltjahr*, I. 169) находимъ подобный же рассказъ о томъ, что г. Шотенбергъ, въ Италіи, обращенъ былъ 14 августа 1798 года въ крапчатаго пса, за то, что отнял у бѣднаго мужика, за долгъ, послѣднюю корову и т. д.

716. Тысяча лѣтъ яко день единъ. Поправить: первая строка надписи въ изданіи *a* оканчивается словомъ—«преидеть», а въ изданіи *b* словами—«како преи»; изданіе, помѣченное на стр. 64 буквою *b*, слѣдуетъ помѣтить буквою *e*. Эта исторія заимствована изъ Великаго Зеркала *); она рассказана и въ книгѣ Hagen, *Gesamtabenteuer*, III. 464—623, съ нѣкоторыми измѣненіями: молодой монахъ Феликсъ, отличавшійся необыкновеннымъ благочестіемъ и любовію къ Богородицѣ, вышелъ однажды изъ монастыря, читая священную книгу и прославляя Бога. Богъ послалъ къ нему маленькую птичку, всю бѣлую, какъ снѣгъ, которая пѣла такимъ прелестнымъ голосомъ, что монахъ закрылъ книгу свою и, заслушавшись пѣсней, думалъ, что онъ попалъ въ рай. Вдругъ въ монастырѣ ударили къ обѣднѣ; Феликсъ встрепенулся и пошелъ къ монастырскимъ воротамъ. «Кого тебѣ надо», спросилъ его монастырскій сторожъ. «Я монахъ Феликсъ здѣшняго монастыря и хорошо извѣстенъ настоятелю», отвѣчаетъ тотъ. «Я уже тридцать лѣтъ сторожемъ, но тебя не знаю и монаха съ такимъ именемъ въ нашемъ монастырѣ нѣтъ», сказалъ сторожъ и затѣмъ отвелъ Феликса къ настоятелю. Никто не призналъ

*) Гдѣ она помѣщена въ 35 главѣ, съ заголовкомъ: «О славѣ небесной и радости праведныхъ».

Феликса, только одинъ монахъ, лежавшій въ больницѣ, который жилъ въ монастырѣ уже болѣе ста лѣтъ, вспомнилъ, что когда онъ еще былъ послушникомъ, въ монастырѣ жилъ монахъ Феликсъ, который ровно сто лѣтъ тому назадъ изъ монастыря пропалъ (сравни J. Paulis, Schimpf und Ernst 1535, cap. 536). Въ тойже редакціи этотъ рассказъ помѣщенъ въ сказкахъ Чудинскаго, подъ названіемъ: «Райская птичка» (Сказки. М. 1864, стр. 92). Въ сокращенной редакціи эта повѣсть находится въ числѣ древнихъ «Predigtmärlein», напечатанныхъ Пфейферомъ въ его журналѣ «Germania» (Stuttgart 1858 № 23, стр. 431.) подъ заглавіемъ: «*Wie tusent Iare vor gottes anegesichte kürzer sint wanne der Tag der gestern was uf ertriche*». Эту же легенду напоминаетъ и сказка объ Адольфѣ Лапландійскомъ (см. I, 43), а также сказка въ сборникѣ Аванасьева (III. 270) о томъ, какъ два пріятели дали другъ другу слово, чтобы кто изъ нихъ первый женится, долженъ пригласить на свадьбу другаго, хотябы и умершаго. Одинъ изъ пріятелей померъ; другой ѣдетъ мимо кладбища съ невѣстой въ церковь, остановился на кладбищѣ и зоветъ умершаго товарища на свадьбу; тотъ встаетъ изъ могилы, благодаритъ за приглашеніе и зоветъ жениха къ себѣ въ гости выпить водки. Пьютъ они первый стаканъ, проходитъ 100 лѣтъ; пьютъ другой, проходитъ 200; пьютъ третій, проходитъ 300. Когда женихъ вышелъ изъ могилы, то не нашелъ на землѣ даже никого изъ знакомыхъ; только одинъ священникъ, по его указанію, отыскалъ въ книгѣ замѣтку, что 300 лѣтъ тому назадъ пропалъ безъ вѣсти на кладбищѣ женихъ, ѣхавшій вѣнчаться въ ихъ церковь.

717. Притча св. Варлаама о томъ, яко не по внѣшнимъ подobaетъ судити, помѣщена въ 6 главѣ Исторіи о Варлаамѣ и Иосафѣ царевичѣ; она помѣщена и въ прологѣ подъ 28 ноября (Буслаевъ, Очерки, I. 446). Наша картинка издана еще разъ въ другомъ переводѣ, съ цензурною помѣтою 19 апрѣля 1843 и подписью мастера: «гр.: Алексѣй Петровъ» (на мѣди), въ двухлистовомъ размѣрѣ.

718. Повѣсть Іакова де Ворагине. Переставить: вмѣсто изданія *жс*, поставить изд. з. Прибавить: въ моемъ собраніи еще три изданія этой картинки: *и*, отпечатанное истертой доскою изд. *а*, при чемъ на правомъ полѣ доски произошло 8 трещинъ; *к*, съ тѣмъ же окончаніемъ, какъ и въ изд. *д*, только въ изд. *д* вторая строка подписи внизу заканчивается словами: «воста і паде», а въ изданіи *к* — словами: «дрожаще и»; и *л*, въ которомъ текстъ 1-й картинки заканчивается такъ: «также востребую», — изд. на бумагѣ 1810 года. Притча эта заимствована изъ Великаго Зеркала, гдѣ она помѣщена въ 25 главѣ, съ заголовкомъ: «О воинѣ непостояннаго житія, и о неизрѣченной благодати пресвятыя богородицы»; она помѣщена и въ книгѣ: Руно орошенное (см. № 710); текстъ заимствованъ изъ Золотой легенды Іакова де Ворагине (Legende dorée. Paris 1843, I. 275). Іаковъ де Ворагине родился около 1230 г. въ Вараджіо, около Савонны. Въ 1244 г. онъ поступилъ въ доминиканцы, въ 1292 г. былъ единогласно избранъ въ Генуезскіе архіепископы; онъ примирилъ Гвельфовъ съ Гибелинами и умеръ въ 1298 году (69 лѣтъ). Онъ написалъ много сочиненій, но самое распространенное изъ нихъ это его Золотая легенда (Legenda aurea) — сборникъ жизнеописаній и повѣствованій о разныхъ святыхъ и чудесахъ Богородицы, въ духѣ нашихъ Четій Миней. Въ первой разъ Золотая легенда отпечатана (на латинскомъ) около 1473 года (Brunet, Manuel. P. 1820, III. 579). У Панцера поименовано 74 изданія ея, вышедшія до 1500 г., и тридцать переводовъ на разные языки.

719. Сказаніе о Петрѣ Мытарѣ заимствовано изъ книги: «Руно орошенное» (См. № 710).

720. Видѣніе нѣкоего святаго *) (сравни тоже № 765). Видѣніе это помѣщено было въ притчѣ, написанной въ Золотой Палатѣ, въ XVII вѣкѣ; описаніе всей стѣнописи было сдѣлано иконо-

*) Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зеркала (замѣтка г. Владимірова).

писемъ Симономъ Ушаковымъ; Карамзинъ, имѣвшій въ рукахъ это описаніе, приводитъ изъ него одни отрывки, изъ которыхъ видно, что на сводѣ былъ написанъ Спасъ Еммануилъ въ кругѣ: «и въ томъ кругу отъ ногъ Еммануиловыхъ до большаго круга врата, и во вратѣхъ Ангель съ скипетромъ; въ лѣвой рукѣ держитъ свитокъ . . . а около ангела облако раздвоилось; а подъ Ангеломъ и подъ облакомъ, среди тѣхъ-же вратъ, человѣкъ стоящій съ посохомъ; а отъ круга внутрь, въ кругъ, шесть крылъ; а среди круга солнце; а между тѣхъ крылъ сверху лице человѣче обвито змѣинымъ хоботомъ, конецъ хобота къ солнцу; на правой сторонѣ лице львово, межъ крылъ обвито также хоботомъ, конецъ хоботу къ солнцу; на лѣвую сторону глава змѣина, окружена хоботомъ къ тому-жъ солнцу; съ правую-жъ сторону межъ крылъ-же, глава орля, обвита хоботомъ . . . А по правую сторону человѣка въ вратѣхъ подпись: узкимъ бо путемъ вводятся души праведныхъ въ Царство Небесное. А по лѣвую сторону человѣка того надъ змѣинымъ кругомъ подпись въ тѣхъ же вратѣхъ: широкимъ бо путемъ вводятся души грѣшныхъ во врата лютаго ада . . . Подлѣ вратъ написано дѣвичьимъ образомъ воздухъ, надъ тѣмъ воздухомъ и подлѣ того, Ангель летящъ въ клинѣ огненномъ; а отъ того клина къ затворѣ вратной, къ низу, написанъ діаволь: по земли бѣжить заяць. А на діавола изъ полукругу большаго стрѣляетъ изъ лука Ангель . . . Ниже Ангела сидитъ смерть, держитъ въ обѣихъ рукахъ трубу; и ту трубу положила, широкій конецъ въ половину во временной кругъ». Карамзинъ, читавшій подлинникъ описанія вполнѣ, дѣлаетъ общій очеркъ стѣнописи въ Золотой палатѣ въ слѣдующихъ словахъ: «на сводахъ и стѣнахъ палаты представлялись священная и російская исторія, вмѣстѣ съ нѣкоторыми аллегорическими лицами добродѣтелей и пороковъ, временъ года и феноменовъ природы (весна изображалась отроковицею, лѣто—юношею, осень—мужемъ съ сосудомъ въ рукѣ, зима—старцемъ, съ обнаженными локтями; четыре Ангела съ трубами знаменовали четыре вѣтра) (Исторія Госуд. Росс. X, примѣч. 453.—Забѣлинъ. Бытъ русск. царей, 125).

721 А. Прибавить: Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи. По свидѣтельству московскаго старожила Щербакова картинка эта была трехлистоваго размѣра, гравирована на мѣди въ половинѣ прошедшаго столѣтія, съ текстомъ весьма сходнымъ (но сокращеннымъ) съ тѣмъ, который напечатанъ въ Памятникахъ стариной русской литературы, изданныхъ гр. Кушелевымъ-Безбородко (I. 153). Повѣсть эта, написанная, какъ сказано въ предисловіи, со словъ двухъ пресвитеровъ,—слѣдующаго содержания: Соломонія, дочь іерея Дмитрія и жены его Улиты, была выдана родителями замужъ за земледѣльца Матѳея. Въ первую ночь брака этотъ Матѳей вышелъ «на предверіе храмины, телѣсныя ради нужды, і по изшествіи его, иже искони ненавидяй добра злый старый врагъ діаволь сатана, иже не престаяше человѣки боря, умысля такова самъ іли посланъ отъ человѣка недобра на погубленіе жены тоя, і прииде аки нѣкто ко храминѣ, и толкійся во двери без молитвы, и глагола человѣческимъ гласомъ: Соломоніе! отверзи! Она же воста от ложа своего і отверзи двери храмины тоя, мня мужа своего пришедша, і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, і явился аки пламя нѣкое огнено і сине. Она же усумнѣся, і въ недоумѣніи бысть; і паки помале прииде і мужъ ея къ ней во храмину, наипаче ужасеся. І бысть во всю ночь без сна; прииде на нея трясенье і великій лютый ознобъ, і в третій день она очюти у себя во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то врея во иступленіи ума от живущаго в ней демона. І в девятый день во брацѣ, по захожденіи солнца, бывши ей в клѣтцѣ с мужемъ своимъ, на одрѣ восхотѣста почити, і внезапу видѣ она Соломонія демона, пришедша к ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имуща кнохти, и ляже к ней на одрѣ. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ, абие же она очютися на утрия в третій часъ дня, і не повѣда никому бывшее дьявольское казнодѣйство, і с того же дни окаянный демони начаша к ней приходити кромѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, яко-же нѣкоторіи прекрасніи юноши, і тако нападаху на нея, і скверняху ея,

і отхождаху, людемъ же ничто же видевшимъ сего». Мужъ Соломоніи со страху отвель ее къ отцу; но и тамъ «окаяніи демони хождаху и скверняху ее». Наконецъ на нее стали нападать и сквернить демоны водяные, которые похищали её, уносили въ воду, держали тамъ по три дня, и всяческими истязаніями принуждали перейти въ ихъ вѣру, и остаться у нихъ жить навсегда. У водяныхъ Соломоніи встрѣтила дѣвку Ярославку, которая научила её не поддаваться бѣсамъ; «таже дѣвка Ярославка рече ей: аще ты, Соломонія, жити здѣ не хоциши, і ты у нихъ не яждь, ни пій, и ничто же имъ не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. І по малѣ времени демони придоша, вопрошаху: вѣруеши ли в насъ? Она же имъ ничтоже отвѣща. І много прещаху ей, угрожающе, дабы вѣровала. Она же молчаше. І по мнозѣмъ прещеніи взяша же они лукавіи дуси і отнесоша на лѣсъ едва живу суцу от многоаго мученія і с великимъ трудомъ ко своему дому едва она дойде. І живши в дому отца своего шесть дній, паки они демони, пришедше невидимо, взяша ея і унесоша къ себѣ. И бысть у нихъ два дни і двѣ нощи, і зача у нихъ въ утробѣ, і носила ихъ полтора года. Приде же ей время родити, і бѣ она в дому отца своего, і выслала отца своего из дому вонъ со всѣми живущими, сказа ему, еже хотяше родити і еже бы ихъ темнозрачныхъ не убили. І в кое время нача она родити, и приде к ней от тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ жена, і нача с нею водитися; и роди ихъ шесть, а видѣніемъ они сини, и взя ихъ та жена, что с нею водилась, і унесе из храмины подъ мостъ». «Жена же, которая с нею водилася, приде і принесе ей сосудъ крови, і веляше ей пяти. Она же не можаше пити. І рече к ней темнозрачная жена: когда ты не пьешь крови, і ты заколи отца своего. Она рече имъ: дадите мнѣ еще урочное время, і язъ заколю отца. Того ради глаголаше имъ, яко не можаше уже терпѣти мученія от тѣхъ демоновъ, ихъ же родила; понеже ссаху ея за сосцы яко зми лютыи; і три дни і три нощи не внидоша в домъ вси домашніи, страха ради смертнаго от каменнаго метанія, і в четвертый день едва внидоша і не видѣша никого же. Соломонію же паки

демони с собою унесоша и скверниша ю. І паки зачатъ во утробѣ от насилія диявольскаго, і носила, і родила двоихъ демоновъ в дому же отца своего, і невидимо унесоша ихъ отъ нея. Во ино же время родила одинаго демона, и паки родила еще двоихъ демоновъ, а когда она, Соломонія, раждая, хлѣба не ядыше ни мало, но приношаху ей невидимо темнии они синцы птичью кровь, і траву, і коренье, тѣмъ ея питаху. І не помнозѣ времени, они окаяннии взяша ея невидимо і унесоша ю к себѣ в воду». Здѣсь дѣвка Ярославка назвала ей имена главныхъ бѣсовъ, и научила её, когда вернется на землю, проклясть тѣ имена въ святомъ алтарѣ. «І приде та дѣвка Ярославка ко онымъ темнозрачнымъ демономъ, и глагола имъ: отпустите Соломонію ко отцу проститися; и простясь она со отцемъ, будетъ здѣсь вѣчно жити. Они же послушаша ея, и понесоша Соломонію ко отцу, и принесоша на нѣкое блато; бяше же ихъ окаянныхъ многое множество, и начаша ея Соломонію во блате топити; і в то время бысть туча велия смолниною і со громомъ страшнымъ, і тресканиемъ зѣльнымъ, и нача ихъ молниєю палити, і убиша ихъ многое множество. І бяше ихъ блато і озеро исполнено аки смолою, і видя ихъ погибаемыхъ, и побѣже от нихъ и скрыся в нѣкую яму; они же окаянни оставшии демони і тамо ея нашедше, і всякими муками неудобосказуемыми паки начаша мучити; і в той часъ бысть паче буря велия, і громъ, і молнія, і они лукавіи, страху дѣля бури, едва отъ нея отступивше, она же у нихъ убѣже, і дойде до дому отца своего с великою скорбию, понеже истомлена; узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаявшеся, яко уже вѣчно ей не быти из воды от нихъ окаянныхъ демоновъ». Средство Ярославки подѣйствовало, и проклятые водяные бѣсы на время оставили Соломонію. Тогда въ ночномъ видѣніи явилась ей преподоб. муч. Феодора и объявила, что всѣ ея страданія происходятъ отъ того, что ее «попъ пьянъ крестилъ, и половины святого крещенія не исполнилъ». Соломонія вернулась въ домъ отца: «я бывши ей въ дому у отца своего нѣколько времени, і во единъ от дней по захожденіи солнца придоша нечистиі дуси темнии демони, і

начаша кликати ея іменемъ: Соломоние! гласомъ рекуще: полонянка! А гласъ ихъ слышаху отецъ ея і мати ея, і всѣ ту живущіи людіе на погосте; і бывши ей у отца своего осмь недѣль, і они окаяннии демони по многіи времена прихождаху, і кликаху какъ і прежде, і глаголаху отцу ея в слухъ і всѣмъ слышащимъ: попе, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ живота сколько тебѣ годно; и паки блядуще они окаяннии: намъ ея, полонянку, отдалъ братъ нашъ; аще вы ея нынѣ і не отдадите намъ, у васъ унесемъ же, что намъ отдали братья наша водянии демони, а насъ она оболгала і проманула; не можемъ ли унести ея в лѣсъ. І по вся нощи прихождаху они оканнии, кричаще і ревуще, і храмину ломающе, идѣже она пребыше». Вслѣдъ затѣмъ, въ 179 году, Соломонія снова почувствовала въ себѣ бѣса, который началъ въ утробѣ ея рваться «і прогрызе у нея лѣвый бокъ на сквозь». Соломонію стали водить по церквамъ, въ которыхъ она вопила, видѣла разныя видѣнія, имѣла разговоръ съ Богородицей, и получила наконецъ въ два пріема исцѣленіе отъ чудотворцевъ Прокопія и Іоанна. Въ первый разъ, какъ рассказываетъ она, святые явились ей на единѣ: «Прокопій перекрестилъ рукою своею утробу мою, а святой Іоаннъ держа копейцо въ рукѣ малое, і той приступи ко мнѣ и разрѣза утробу мою, і вся из меня демона, і подавъ его Святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і витися в руцѣ его, і святой Прокопій показа ми демона, і рече: Соломоние! видиши ли демона, иже бысть во утробѣ твоей! Азь-же зря его видѣниемъ чернъ и хвостъ бяше у него, уста же дебела и страшна; и положи его окаяннаго на помость і закла его кочергами. Святой же Іоаннъ паки нача изнимати из утробы моея по единому и давати святому Прокопію; онъ же закалалаше ихъ по единому. І рекоста святіи: Соломоние! нынѣ мы у тебя ізяли половину демонския силы вражия, а совершение исцѣления пріимши в дому моемъ, у гроба святаго Прокопія». Тамъ и произошло окончательное исцѣленіе Соломоніи, которая послѣ молитвы святому Прокопію объявила: «І во утробѣ же моей не почюях силы вражия, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и

язва, иже отъ дьявольскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ» (стр. 161).

Повѣрье о смѣшеніи духовъ добрыхъ и злыхъ съ людьми существовало издавна; прежде всего обвиняють въ такой связи прародительницу Еву. Слова Моисея, что Адамъ жилъ сто тридцать (по другимъ источникамъ 230 и 930) лѣтъ и родилъ (сына) по подобію своему и нарекъ ему имя Сиѡъ (Бытія, 5. 3), талмудисты толкуютъ такъ, что Каинъ не былъ сыномъ Адама, а произошелъ отъ сѣмени злаго оболстителя: до рожденія Сиѡа Адамъ воздерживался отъ сношенія съ Евою, а совокуплялся съ первою женою своею Лилитъ, и народилъ отъ нея демоновъ, духовъ и ламій (Bartol. I. 74); Ева, въ свою очередь, совокуплялась съ демонами и родила множество демоновъ женскаго пола. Мученикъ Іустинъ (105 — 166 г.) въ первой апологіи говоритъ, что ангелы, поставленные Богомъ для охраненія людей, впали въ совокупленіе съ женами человѣческими и родили сыновъ, такъ называемыхъ демоновъ (Порфирьевъ, 80).

По другимъ источникамъ, отъ такихъ совокупленій съ женщинами добрыхъ духовъ произошли великаны и волоты. Въ еврейскомъ текстѣ книги Бытія (6, 2. 4) о томъ-же предметѣ сказано слѣдующее: «когда люди начали умножаться на землѣ, и родились у нихъ дочери, тогда сыны Божіи ¹⁾ увидѣли дочерей человѣческихъ, что онѣ красивы, и брали ихъ къ себѣ въ жены, каковую кто выбралъ . . . . Въ то время были на землѣ исполины, особенно съ того времени, какъ сыны Божіи стали входить къ дочерямъ человѣскимъ, и онѣ стали рождать имъ. Это сильные, издревле славные люди» (Порфирьевъ, 28). Въ хронографѣ Іоанновомъ, говорится, что, по изгнаніи изъ рая, Адамъ поселился на островѣ Абфулинѣ, на которомъ дѣланъ ковчегъ Ноевъ, и что въ то время «вхождаху сѣнове Бжїи рекше Сифови къ дочеремъ

¹⁾ Въ греческомъ переводѣ поставлено «ангелы Божіи». Тоже рассказываетъ и Іосифъ Флавій, что ангелы совокуплялись съ дочерьми человѣческими, произвели дѣтей въ родѣ древнихъ мифологическихъ гигантовъ (Antiqu. Lib. I. cap III).

Каиновымъ и ѿ тѣхъ рождахуся *волотови* (Поповъ, I. 7). Тамъ же помѣщено и извѣстіе о томъ, какъ гиганты взбунтовались противъ Бога и были «уничтожены, како списа Воудій» (т. е. Овидій), равно и другія статьи, представляющія смѣсь библейскихъ сказаній съ древней греческой мифологіею. Въ книгѣ Эноха даже перечислены имена 18-ти главныхъ ангеловъ, которые смѣшались съ женами человѣческими и произвели племя исполиновъ; старшій изъ нихъ былъ Саміаза, подъ нимъ: Уракабарамеель, Акибеель, Таміель, Рамуель, Донель, Азкеель, Саракуяль, Азасель, Армерсъ, Батрааль, Анане, Заребе, Самсареель, Ертаель, Турель, Жоміель, Аразеаль (Порфирьевъ, 201). Въ сектахъ Манихейскаго склада (Павликиане, Богумилы, Катары, Альбигойцы), приписывавшихъ твореніе *женской половины* злomu духу, тоже господствовала легенда о смѣшеніи Евы съ сатаною; самое совокупленіе съ женщиною почиталось *нечистымъ*. По византійскому обычаю, женщины, имѣвшія совокупленіе съ мужьями (а также и носившія крови), не могли въ тотъ день входить въ храмъ и должны были стоять на паперти. Этотъ обычай, по свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, существовалъ въ XVII в. и у нашихъ дамъ; молодые люди собирались посмотрѣть и посмѣяться надъ женщинами стоявшими на паперти, зная, почему онѣ не входятъ въ церковь²⁾. У женщинъ существуетъ еще правило не прикладываться во время очищенія ко кресту; есть даже касаціонное рѣшеніе, которымъ онѣ въ новѣйшее время уполномочены на такое отступленіе отъ общепринятыхъ правилъ присяги.

Въ средніе вѣка смѣшенію бѣсовъ съ женщинами не только вѣрили, но даже производили отъ такихъ смѣшеній извѣстныя личности, какъ на примѣръ Полоцкаго князя Всеслава и Роберта Нормандскаго (Scheible, Das Kloster, 177 ff. — Dunlop, 468), былиннаго Волха Всеславича, цѣлое племя гунновъ и т. д. Особенно много извѣстій о такихъ противуестественныхъ сношеніяхъ дошло къ намъ изъ Испанскихъ извѣстій; въ нихъ рассказы-

²⁾ Есть даже легенда о женщинѣ, которая вошла въ храмъ нечистою и тотчасъ же сдѣлалась за это бѣсноватою (Кушелевъ Безбородко, I. 210).

вается на примѣръ, что въ 1565 году въ Кельнскомъ монастырѣ Назаретѣ монахиня Гертруда 14 лѣтъ вела переписку съ самимъ Сатаною, въ половинѣ тогоже XVI вѣка одна игуменья изъ Кордовы, Магдалина Крусса, покаялась самому папѣ въ томъ, что бывши еще 12-ти лѣтней дѣвочкой совокупила съ дьяволомъ, и за тѣмъ 40 лѣтъ жила съ нимъ въ связи. Пикъ де Мирандола называетъ двухъ *огнеупорныхъ* монаховъ, одного 75, другаго 80 лѣтъ, которые по сороку лѣтъ жили въ совокупленіи съ демонами женскаго пола; у одного такой демонъ назывался Гермелиною, у другаго Пигнетою. У Шейбле приведенъ летучій листокъ о томъ, какъ жена Гаутмана, въ Фельдквирхенѣ, родила трехъ злыхъ духовъ³⁾.

Въ то время всему этому вѣрили не только простые смертные, но даже реформаторъ Лютеръ; онъ самъ совѣтовалъ *известить* одного мальчика, въ котораго, по его мнѣнію, вселился бѣсъ. Меланхтонъ тоже рассказываетъ совершенно серьезно объ одной умершей дѣвицѣ, которая выходила изъ гроба и странствовала цѣлыхъ два года по землѣ (Буслаевъ, I. 6). Сравните тоже прим. къ № 298, 590 и 697.

722. Легенда о бѣсѣ Зерферѣ, искушавшемъ калугера *), напечатана (съ незначительными варьянтами) въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. Кн. Кушелева-Безбородки, вып. I, стр. 203) по рукописи Пуб. биб., Погод. древлехр. № 1300 (по опредѣленію редактора конца XV или XVI вѣка). Эта же легенда рассказана въ житіи Анастасія Великаго. Замѣчу здѣсь, что соименный съ нашимъ бѣсомъ Зереферомъ бѣсъ Зееоусъ упоминается въ повѣсти о водвореніи христіанской вѣры въ Ростовѣ (Памятн. Кушел., I. 223).

723. О простолюдинѣ, не хотѣвшемъ слушать слово Божіе. Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зеркала, главы 43-й:

³⁾ Scheible, Das Schaltjahr, IV. 125.

*) *Калугеръ*, греческій монахъ, отъ καλός (хорошій) и γέρων (старецъ или священникъ) — Didron, 402.

«О проповѣди слова Божія и како симъ иже нехотятъ слушати его».

724. Притча о завистливомъ заимствована оттуда же, глава 67: «о клеветницѣ, иже по смерти осужденъ бысть языкъ свой ясти».

725. Притча о нѣкоемъ беззаконникѣ заимствована оттуда же (замѣтка Владимірова).

726. Повѣсть о нѣкоторомъ немилостивомъ человекѣ. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки е, на сивей бумагѣ 1800 года, въ которомъ вторая строка текста первой картинки заканчивается словами: «сырыхъ има».

727. Казнь лихоимцамъ. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки з, въ которомъ предпоследняя строка текста заканчивается словами: «его мона^х же»; а подъ картинкой поставлена монограмма мастера: «Гр. ИМ», т. е. «Гравировалъ Иванъ Мякишевъ». Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ Великаго Зеркала*). Отдача денегъ въ ростъ, т. е. на проценты, даже на самые умѣренные, считалась встарину большимъ грѣхомъ, а деньги, нажитыя ростомъ, деньгами нечистыми; въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. Куселева-Безбородки, вып. I. стр. 22) помѣщена объ этомъ предметѣ исторія о Щилѣ посадникѣ Новгородскомъ, который скопилъ большое имѣніе, отдавая деньги въ ростъ, впрочемъ за очень умѣренные проценты. На скопленное имѣніе Щила, съ благословенія архіепископа Ивана, построилъ церковь. Въ день, назначенный для освященія ея, Иванъ спросилъ Щилу, на какія деньги построена церковь; Щила исповѣдалъ ему истину, «яко отъ лихвенскаго собранія создана бысть церковь». Тогда архіепископъ упрекнулъ его въ обманѣ, что онъ, подобно Исаву, лестію взялъ отъ него благословеніе на божественное дѣло, скрывъ грѣховное происхожденіе жертвуемаго на то имѣнія, и приказалъ Щилѣ устроить въ церкви, въ

*) Глава 62: «страшное сказаніе».

стѣнѣ, гробъ, исповѣдаться, одѣться въ саванъ, и лечь въ гробъ. Щила исполнилъ приказаніе архіепископа, и когда надъ нимъ было совершенно отпѣваніе, гробъ его внезапно провалился и на мѣстѣ его образовался провалъ. Тогда архіепископъ Иванъ приказалъ иконописцамъ написать на стѣнѣ адъ и Щилу, сидящаго посреди ада, запечаталъ церковь, а сыну Щилову наказалъ молить Бога «о погибели отчей», сорокъ дней у сорока церквей «сорокоусты дати священникомъ съ причетники довольно», служить панихиды и литургіи и безпрестанно творить милостыню.

По истеченіи этихъ 40 дней архіепископъ послалъ въ церковь архидіакона, который донесъ, что адъ написанъ на стѣнѣ по прежнему и Щила въ немъ, но что голова его «внѣ ада».

Затѣмъ сынъ Щилы, по приказанію архіепископа, повторяетъ сорокоусты, — а архидіаконъ доноситъ, что Щила уже выльзъ изъ ада до пояса; наконецъ послѣ третьихъ сорокоустовъ архидіаконъ «видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила внѣ ада съ гробомъ всего изшедша», послѣ чего построенная Щилою церковь была освящена и на мѣстѣ томъ устроенъ монастырь, называемый Щиловъ. «Нѣщии же глаголють (прибавлено въ рукописи Буслаева): архіепископъ заповѣда сыну Щилову по трижды на годъ по сту литургій пѣти в три лѣта. И сіе до здѣ» (стр. 22). Н. И. Костомаровъ относитъ это сказаніе къ началу XIV вѣка, такъ какъ построеніе Щилова монастыря относится къ 1309 году (тамъ-же, стр. 25).

727 А. У Снегирева (Лубочн. карт., стр. 47) упоминается еще о слѣдующей народной картинкѣ: «Слово св. Антіоха о мздоиманіи, — изъ Пролога. Здѣсь изображенъ дьяволъ сидящимъ на огненной колесницѣ съ сундукомъ; онъ погоняетъ бичемъ четырехъ запряженныхъ въ нее человекъ, представителей лихоимства, мшелоимства, рѣзоимства и мздоимства. Возница гонитъ ихъ прямо въ адъ. Изъ міра зрительнаго Зеркала». Мнѣ не случилось видѣть такой картинки.

728. **Хождение св. Θεодоры по мытарствамъ** заимствовано изъ житія Василя Новаго, которое попадаетъ въ нашей рукописной литературѣ и преимущественно XVII и XVIII вѣка, въ разнообразныхъ редакціяхъ и съ многочисленными иллюстраціями *). Текстъ нашей картинки значительно передѣланъ и поновленъ противъ рукописнаго текста XVII вѣка (Буслаевъ, Очерки, I. 435).

Въ Соловецкомъ монастырѣ, въ переходѣ изъ соборной церкви въ трапезу, по стѣнамъ написаны изображенія изъ хождения Св. Θεодоры, въ живописномъ стилѣ нынѣшняго столѣтія.

728 А. **Хождение Богородицы по мукамъ** *). Эта народная картинка мнѣ не попадалась, о существованіи же ея сказывалъ мнѣ Московскій старожилъ В. Θ. Щербаковъ; по его словамъ, текстъ картинки былъ заимствованъ изъ легенды, напечатанной въ Памятникахъ старинной русской литературы (III. 118). Въ началѣ хождения Богородица проситъ архангела Михаила показать ей сколько есть мукъ, въ которыхъ мучится родъ христіанскій. Михаилъ повелѣлъ явиться ангеламъ отъ полудня, которые и отворили адъ съ его мученіями; здѣсь: 1) множество женъ и мужей мучались за то, что не вѣровали въ Бога, а въ солнце, мѣсяцъ и гады, и устроили изъ камня Трояна, Харса, Велеса и Перуна; 2) грѣшники, пребывающіе въ вѣчной тьмѣ, за то, что не вѣровали ни въ Бога, ни въ Христа, ни въ Богородицу. Потомъ ангелы извели Богородицу на полудень, гдѣ текла огненная рѣка: 3) множество женъ и мужей стояли въ рѣкѣ той, которые до пояса, которые до пазухи, иные до шеи, другіе же «до верха». До пояса погружены, сказалъ Михаилъ, тѣ, которые прокляты

*) Житіе преподобнаго Василя Н. (944 г.) написано его ученикомъ Григоріемъ Мнихомъ; въ первой части этого житія Григорій передаетъ рассказъ кормилицы Василя Новаго, Θεодоры, какъ она ходила по мытарствамъ, а во второй Григорій описываетъ, какъ онъ сподобился увидѣть въ видѣніи страшный судъ, послѣ чего получилъ исцѣленіе отъ всѣхъ своихъ сомнѣній.

1) Хождение Богородицы по мукамъ по рукописи XV в. (Троицко-Сергіев. лавры. № 12. 30—38) и еще другое, сходное съ первымъ, хождение по мукамъ апостола Павла, по рукописи XV в. (Новгород. Софійск. соб. № 1264), помѣщены въ Памятникахъ отреченной литературы Тихонова (II. 40).

своими родителями; до пазухи, тѣ, которые «присныя куми были, карящися а другіи блудъ творяху»²⁾; до шеи тѣ, которые ѣли человѣческое мясо, — до верха же погружены тѣ, которые лже-клялись, держа честный крестъ. 4) И увидѣла Богородица мужа, повѣшеннаго за ноги; черви ѣли его, и спросила Богородица «кто сей есть?» и отвѣчалъ ей Архистратигъ: «это тотъ, который бралъ на свое злато и серебро приклады (проценты)». 5) И увидѣла жену, повѣшенную за зубъ, и различные змѣи исхождали изъ устъ ея и ѣли ее. «Эта женщина», сказалъ Архангелъ, «ходила по сосѣдямъ своимъ, подслушивала и сплетничала и ссорила». Потомъ пошла Богородица на полунощъ. 6) Тамъ въ огненномъ облакѣ на пламенныхъ одрахъ лежали мужи и жены, — это тѣ, которые во Святую недѣлю къ заутрени не ходили, а лѣнились и спали. 7) Тутъ-же на столахъ огненныхъ горѣло множество людей, которые не почитали поповъ. 8) И увидала Богородица дерево желѣзное, имѣющее вѣтви желѣзныя и на верхнихъ вѣтвяхъ его желѣзные крюки, и на нихъ повѣшено за языки много женъ и мужей. Это клеветники и «свадницы», которые ссорили братьевъ между собою и женъ съ мужьями. 9) На другомъ мѣстѣ увидѣла Богородица «мужа висяща за четверо»; кровь выходила у него изъ ногтей. «Это служитель церкви, который продавалъ церковные сосуды и имѣніе», сказалъ Архангелъ. 10) «И видѣ попы висяща, исхождаше огнь отъ тѣмени ихъ и опаляше я». «Эго недостойные пресвитеры, егда проскомисаху просвиру роняху крупы на землю», сказалъ Архангелъ. 11) И увидѣла крылатаго трехглаваго змѣя, который непрестанно мучилъ мужа. «Этотъ мужъ», сказалъ Архангелъ, «людей училъ и Евангеліе читалъ, самъ не творилъ воли Божіей, жилъ блудно и беззаконно». 12) Далѣе мучились огнемъ и червями тѣ, которые носили на землѣ чины ангельскій и апостольскій, патриархи: епископы и звавшіеся на землѣ святыми, но не названные святыми на небеси;

2) Въ одномъ хронографѣ XVII в. рассказывается о Тезіорѣ, который былъ прельщенъ прелестницею; душу его стегали плетью на воздухъ ефіопы (Буслаевъ, Очерки, I. 629).

13) пресвятая жены, которыя повѣшены были за ногти; пламень исходилъ изъ устъ ихъ и опалялъ ихъ, и змѣи исходили изъ того пламени и лѣпились по нимъ. «Это», сказалъ Архангелъ, «черницы, которыя тѣлеса свои продали на блудъ; попады, которыя не почитали своихъ поповъ и по смерти ихъ повышли замужъ». 14) Тутъ-же лежали въ огнѣ другія жены и различныя змѣи жалили ихъ. 15) И увидѣла Пресвятая рѣку огненную, текущую аки кровь и посреди волнъ ея множество грѣшниковъ; тутъ были блудницы, любодѣи, тати, клеветники, «иже чужіе нивы уживаху или урояху... иже ѣдятъ труды чюжы, женъ съ мужьями различають, пьяницы, немилостивы князи, епископы, патріархи, цари и ростовщики».

Потомъ повели ангелы Богородицу на лѣвую страну (16), и увидѣла она рѣку смоляную съ огненными волнами, — въ ней мучались жиды, которые мучили Спасителя, христіане, вѣрующіе въ демоновъ, творящіе блудъ съ кумами, съ матерями и дочерьми, отравители, убійцы и дѣтоубійцы. Наконецъ подошли они къ огненному озеру, въ которомъ мучился родъ христіанскій за то, что «крестъ словомъ нарицаху, а діаволя дѣла творяще». Пречистая, которая о прочихъ грѣшникахъ замѣчала, что «по дѣломъ мука ихъ», пожалѣла христіанъ и просила Архангела, «да вниду и азъ (въ озеро) да ся мучу со крестьяны», на что Архангелъ отвѣчалъ ей: «почивай въ раи». Но Богородица, возвратившись на небо, начала молить о помилованіи христіанъ Бога отца; къ ней присоединились Моисей пророкъ, Павелъ апостоль, Іоаннъ Богословъ, Михаилъ Архистратигъ, всѣ Ангелы. Тогда умилосердился Господь, и послалъ сына своего, который за милосердіе отца своего, и за молитвы матери, и за Михаила Архангела, далъ покой мучающимся день и ночь отъ великаго четверга до святаго пантукостія³⁾; и отвѣщаша вси: «слава милосердію твоему»⁴⁾.

³⁾ По Талмуду, грѣшники въ аду мучаются шесть дней, а въ субботу получаютъ отдыхъ. Рѣка Саббатонъ, составляющая границу между раемъ и адомъ, течетъ тоже шесть дней, а на субботу останавливается (Диминскій о Талмудѣ: Труды Кіев. Духовн. Ак. 1868. I. — Порфирьевъ, 35).

⁴⁾ Въ стихахъ Кирѣвскаго (Чтен. Москов. Общ. Истор. 1848. IX. 207)

На этотъ-же предметъ существуетъ слѣдующая старинная нѣмецкая легенда, замѣчательная по чрезвычайной наивности изложенія. Однажды Христосъ сдѣлалъ праздникъ всѣмъ святымъ; апостолу Петру приказано было принимать только самыхъ короткихъ знакомыхъ: четыре евангелиста разсѣлись по четыремъ угламъ съ трубами и волторнами; ангелы курили омиамомъ; всѣ веселились; наконецъ самъ Христосъ съ Богородицей и Магдалиной привялъ участіе въ общей радости. А между тѣмъ души грѣшниковъ мучились въ вѣчномъ пламени и еще болѣе усиливались ихъ страданія тѣмъ, что до нихъ долетали звуки веселыхъ пѣсень съ неба. Тогда Богородица приступала ко Христу съ словами: «сынъ мой возлюбленный, ты царь неба, но вспомни, что ты мнѣ сынъ, — изъ благодарности ко мнѣ, прошу тебя, освободи отъ мученія на сегодняшний день и на завтра эти несчастныя души, которыя приходятся мнѣ братьями и сестрами по міру». «Мать», отвѣтилъ Христосъ, «пусть будетъ по твоему желанію, я освобожу ихъ не только на два дня, но на цѣлые три дня». Съ этими словами апостоль Петръ растворилъ райскія двери, и души погибшихъ вознеслись въ рай, чтобы принять участіе въ общемъ веселіи. Вотъ почему, прибавлено въ легендѣ, за днемъ всѣхъ святыхъ слѣдуетъ праздникъ всѣхъ душъ: въ этотъ день, каждый годъ, потухаетъ огонь въ чистилищѣ (Fegefeuer); но это только въ чистилищѣ, проклятые же, помѣщенные въ адъ, не пользуются этой льготой: ихъ страданія не прерываются (F. W. Genthe, Jungfrau Maria. Halle. 1852, 81).

729. Притча о великихъ мукахъ въ чистилищѣ. Эта притча напечатана въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Бозбородки. Вып. I, стр. 109), подъ названіемъ: «легенда о временномъ посѣщеніи ада»; разницы въ текстѣ ея съ текстомъ народной картинки почти нѣтъ. Въ приложеніи къ легендѣ редакторъ говоритъ, что въ народѣ существуетъ вѣрваніе,

есть подобное же моленіе Богородицы за грѣшниковъ, а въ сербской литературѣ существуетъ подобное же хожденіе Богородицы по мукамъ.

что впадающіе въ летаргическій сонъ, похожіи на смерть (т. е. обмирающіе), и снова возвращающіеся къ жизни, особеннымъ призываніемъ Божіимъ отпускаются обратно въ земную юдоль изъ загробнаго міра, сохраняя воспоминаніе о томъ, что души ихъ видѣли въ томъ мірѣ (стр. 110). Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ 37 главы Великаго Зеркала: «Яко лучше здѣсь скорби терпѣти и пріимати бѣды нежели тамъ».

730. О явленіи нѣкоему священнику Богоматери. Текстъ этой картинки заимствованъ изъ Великаго Зеркала, гдѣ онъ напечатанъ въ 28 главѣ, съ заголовкомъ: «Священнику благополучныя щедроты богородицы».

732 А. Коло. Прибавить: Въ моемъ собраніи находится подлинникъ, съ котораго скопировано (въ обратную сторону и въ меньшемъ размѣрѣ) изданіе а № 732; внизу его подпись мастера: «Знамени^а и рѣза^а Аоанасій Тру^уменскій». За этотъ единственно извѣстный мнѣ экземпляръ фортуны Трухменскаго заплочено мною на аукціонѣ гравюръ, оставшихся послѣ смерти Н. М. Дмитріева (въ октябрѣ 1879 г.), ничтожная, сравнительно, цѣна—12 руб. Переводъ картинки Трухменскаго несомнѣнно заимствованъ съ хорошаго западнаго, повидимому голландскаго, образца. Фортуна представлена съ высоко взбитыми кверху волосами, въ туникѣ и сандаляхъ; особенно хорошо сдѣланы и довольно правильно нарисованы скелеты, сидящіе по сторонамъ мертвой головы, помѣщенной внизу картинки, а также и самая голова и кундонъ, пускающій тутъ же мыльные пузыри.

733. Наше Коло принадлежитъ къ числу *рафлей*, о которыхъ упоминается въ стоглавѣ, и употреблялось, наравнѣ съ №№ 734 (случаевъ сказаніе), 735, 736, 759 и 761, для гаданія по оному зерномъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи всѣ эти гадательные листы замѣнены Соломоновою головою, которая и представляетъ ничто иное, какъ усовершенствованныя гадательныя *рафли* прежняго

времени, которыя были строго запрещены и ставились на ряду съ волхвованіемъ*).

734 А. Прибавить: есть еще листовая картинка подъ названіемъ «Суета суеть», гравированная пунктиромъ въ 1820—21годахъ; изданіе полулистовое. На ней всрединѣ представлено колесо, за ось котораго цѣпляются три человѣка (средній изъ нихъ царь). Кругомъ надпись «сице такъ на свѣтѣ все превратно»; сверху: «суета суеть всяческая суета, стихъ 1 и глава 1». Вверху и внизу аллегорическія изображенія суеты: дѣти, спускающія мыльные пузыри, фортуна, биліардъ, кости, карты, корона, шпага, ордена и т. д. Подъ картинкой подпись:

«Чуденъ всветѣ человѣкъ
Суется цѣлою вѣкъ
Щастія Сыскать желаетъ
А того не воображаетъ
Что Судба имъ управляетъ».

735. Притча житія человѣческаго. Совершенно сходная съ нашей картинкой карикатура «свинья прядетъ нитки» находится въ «Musée de caricature», Жема (II, 161, D); впрочемъ тамъ она имѣетъ политическое значеніе.

Въ моемъ собраніи есть экземпляръ картинки № 735, отпечатанный на синей бумагѣ 1800 года.

735 А. Прибавить: Притча житія человѣческаго; текстъ изложенъ въ вопросахъ и отвѣтахъ.—Въ собраніи г. Яковлева.

*) Въ 136 году дьячекъ Семейка Григорьевъ за имѣніе *рафлей* (въ тетрадкѣ) былъ закованъ въ ножныя желѣза и велено ему быть годъ въ черныхъ монастырскихъ службахъ (Акты Археогр. Экспед. III. № 176). Рафля значить рѣшетка, а также и рошперъ (кура рафленое т. е. жареное на рошперѣ), рафлить—линовать; отсюда и гадательные листы названы *рафлями*, такъ какъ они раздѣлены или *раз-рафлены* на отдѣленія, въ которыхъ показаны, за нумерами, разные случаи и дѣйства.

737. **Возрастъ человѣческой.** Въ одномъ алфавитѣ XVII в. помѣщено «коло родства члѣа», въ которомъ возрасты обозначены слѣдующимъ образомъ: «а млѣнцъ до семи лѣтъ егда бываетъ зубомъ испадение. б отроча до двѣ лѣтъ и до испущения сѣмене и о҃теле отрок. г дѣтище до ка лѣта и о҃толѣ юноша. д ѿ ка лѣта до кѣ юноша и оттолѣ мужъ. е муѣ ѿ кѣ до лѣ лѣта и ѿтолѣ средовѣченъ. з средовѣченъ ѿ мѣ до мѣ стерѣблѣ. ѣ мѣ до нѣ го старецъ посемъ матерство» (Востоковъ, Опис. рукоп. Румянц. муз. № II*).

742. **Зерцало грѣшнаго,** складное, гравировано Иваномъ Тесингомъ въ Амстердамѣ. Иванъ Андрѣевъ Тесингъ (Tessinb)—амстердамскій купецъ, типографъ и граверъ на мѣди; въ 1700 году Петръ первый выдалъ ему привиллегію печатать въ городѣ Амстердамѣ: Европейскія, Азіатскія и Американскія земныя и морскія картины и чертежи и всякіе печатные листы и персоны, и о земныхъ и морскихъ ратныхъ людѣхъ, математическія, архитектурскія и городостроительныя и иныя художественныя книги на славянскомъ и на голландскомъ языкѣ вмѣстѣ, также славянскимъ и голландскимъ языкомъ порознь по особну, съ подлиннымъ размѣромъ и съ прямымъ извѣствованіемъ, кромѣ церковныхъ славянскихъ греческаго языка книгъ, и подъ его клеймомъ и печатью безошлинно чрезъ Архангельскъ провозить, а у другихъ привозимыя книги отбирать и брать штрафъ по 1000 эфимковъ за каждый привозъ (Полн. Собр. Зак. IV, 1751). Тесингъ умеръ въ 1701 г. (Пекарск. I. 12); данная Петромъ привиллегія принесла ему, повидимому, мало пользы; изданы имъ басни Езоповы (Амстерд. 1700 г.) и глобусъ небесный (1699 г.), да еще описанное подъ № 742 зеркало, и кажется другое зеркало № 741,—вотъ и вся память широкой привиллегіи, данной Амстердамскому купцу Ивану Андрѣеву

*) Сравни: Лавровскаго, Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Словенъ (Прилож. 2-е къ XII т. Зап. Акад. Наукъ); въ колѣ родства здѣсь показаны: младенецъ до 7 лѣтъ, отрокъ до 14 лѣтъ, дѣтище до 21, юноша до 29; мужъ до 35, средовѣченъ до 42 и старецъ до 56. См. тоже О. Миллера, Илья Муромецъ, 764.

Тесингу. Одно Зерцало его имѣло хорошій успѣхъ и было повторено много разъ, съ измѣненіями и безъ измѣненій; съ небольшими передѣлками оно было даже вставлено въ другія картинки.

744. **Зерцало грѣшнаго.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки: з, отпечатанное на синей бумагѣ 1810 года; въ немъ 1-я строка кончается: «адъ стонеть»—также какъ и въ изданіи в, но вторая строка состоитъ изъ словъ: «и рыдаетъ грешъ», въ изданіи же в эта строка состоитъ изъ словъ: «и рыдаеть»; и д, отпечатанное доскою изданія а, но по словамъ: «приходить чреда» (справа) видна продольная трещина.

747. **Притча житія человѣческаго.** Прибавить: есть другое изданіе (б) этой картинки, отпечатанное на синей бумагѣ 1800 года; средняя строка надписи въ 1-мъ вопросѣ кончается въ немъ словами: «егда онъ», въ изданіи а она кончается словами: «егда I». въ моемъ собраніи.

751. **Аника воинъ и смѣръ.** У меня есть еще два изданія этой картинки: з—листовое, конца прошедшаго вѣка; первая строка подписи въ немъ заканчивается такъ: «пришла когу», и другое и, отпечатанное доскою изданія д, но пойденою вновь: щеча лежащаго Аники въ этомъ изданіи тушевана въ двѣ черты, тогда какъ въ изданіи д—она тушевана въ одну черту.

751 А. Прибавить: **Аника воинъ и смѣръ**—точное повтореніе предыдущей картинки, но увеличенное, въ четырехлистовомъ размѣрѣ; гравюра на деревѣ на манеръ Штелиновскихъ, отпечатана на бумагѣ съ знакомъ 1808 года. Вверху, въ срединѣ, надпись: «храбры воинъ езде по чисту полю и приде к нему смѣръ и виденіемъ страшна носяща съ собою оружіе и кривую косу (.) ты еси кто (.) она же рече азъ есмь смѣръ хошу ты взять и погубит кривою косою (.) воинъ же рече азъ тебя небоюся на ратномъ деле бывалъ и много силы побивал (.) я хоша и одна а собою невзра-

шна по сильныхъ и храбрыхъ побиваю (.) воинъ же отстраху ея паде на землю животъ свой умре».

Разсказы о борьбѣ война со смертью встрѣчаются въ рукописяхъ XVII вѣка довольно часто; въ сборникѣ Царскаго № 410, л. 272—278, помѣщено «прѣніе смерти съ животомъ», начинающееся слѣдующими словами: «бѣ нѣкій человекъ, воинъ удалый, ѣздилъ по полю чистому и по раздолью широкому, избивалъ полки многія...» Въ другомъ позднѣйшемъ сборникѣ XVII—XVIII в. № 1773 помѣщена подобная же повѣсть: «ободрости человѣческой», съ слѣдующимъ началомъ: «человекъ нѣкій ѣздише по полю чистому, по раздолью широкому, конь подъ собой имѣя крѣпостью обложенъ, звѣровиденъ». Встрѣтившая его смерть убѣждаетъ богатыря въ своей силѣ, между прочимъ такими примѣрами: «отъ Адама и до сего дни сколько было богатырей сильныхъ, никто же противъ меня стояти не могъ... Царь Александръ Македонскій храбръ и мудръ и самъ былъ сильный и онъ говорилъ тако: «аще было колцо въ землю вдѣлано азъ бы и всѣмъ свѣтомъ поворотилъ», — да и тутъ не смѣлъ со мною драться; да еще каковъ былъ Акиръ премудрый, и тотъ спорится не смѣлъ; да и тѣхъ азъ есмь всѣхъ взяла, яко единого отъ сиротъ убогихъ» (Пыпинъ, Очеркъ, 136. — Буслаевъ, Очерки, I. 635)¹⁾. Въ Памятникахъ старинной русской литературы напечатаны двѣ подобныя легенды съ разными измѣненіями въ подробностяхъ, одна изъ коихъ на малороссійскомъ нарѣчій (Вып. II. стр. 439); всѣ эти легенды оканчиваются побѣдою смерти надъ воиномъ.

Объ Аникѣ воинѣ сохранилось много народныхъ преданій и пѣсень. Въ пѣсняхъ говорится, что Аника жилъ 220 (по другимъ даже 390) лѣтъ, въ славномъ городѣ Евлесѣ (Едесѣ?); разорялъ

¹⁾ Подобный же разговоръ ведетъ со смертію Добрыни въ пѣсни Рыбникова (П. 36. XLIV). Царице Демьянице басурманище тоже упрашиваетъ Георгія храбраго пощадить, неубивать его три года, три мѣсяца и три дня (Калики, I. 467). Есть много миниатюрныхъ изображеній борьбы живота со смертію, несхожихъ съ нашею картинкою по переводу; Буслаевъ описываетъ ихъ Очерки, I. 325) съ приложеніемъ самыхъ изображеній.

монастыри, грабилъ церкви, много покорилъ царей и богатырей и много пролилъ русской крови (Кирѣевскій, IV. 115—130). Собрался разъ онъ въ путь разорять Іерусалимъ градъ; и вотъ на встрѣчу ему выѣзжаетъ смерть въ видѣ какого-то полкана: голова человѣчья, туловище звѣриное, а копыта лошадиныя (Кирѣевскій, тамъ же. — Рыбниковъ I, 465). Аника начинаетъ ругать ее и похваляться своею силою, точно такъ, какъ и въ преніи живота и въ народной картинкѣ; но смерть объявляетъ ему, что часъ его пришелъ, что жили на землѣ сильные и могучіе богатыри: Молоферъ (Олофернъ) и Святогоръ и Самсонъ²⁾, и «тѣ мнѣ, смерти, покорилися; былъ сотворилъ небо и землю Богъ, и то меня смерти не миновалъ» (Кирѣевскій, I. 131). Увидавъ, что дѣло плохо, Аника началъ принижаться, просить ее дать ему сроку на три года, три мѣсяца, три часа... «Въ чемъ ты застану въ томъ и сужу», сказала смерть Аникѣ (въ рукопис. сборн. XVII в.) и подкосила его. Тогда Господь сослалъ двухъ ангеловъ, которые вынули душу Аники *сквозь реберъ*, взоткнули ее *нечестно* на копьѣ, и низринули въ тьму кромѣшную (Кирѣевск. IV. 135). Кромѣ легендъ и пѣсень, сказаніе объ Аникѣ послужило сюжетомъ для одной интермедіи, которая по словамъ г. Котляревскаго разыгрывалась фабричными (Русск. Архивъ 1864 г., 78). Интермедія эта начинается задорнымъ разговоромъ Аники съ нѣкимъ рыцаремъ Морицомъ (ужъ не Саксонскимъ ли?); по окончаніи разговора дѣйствующія лица дерутся; Аника убиваетъ Морица и произноситъ самъ себѣ лубочно-хвалебную рѣчь: онъ и воинъ славный, и царей побивалъ, и смерти не боится, и если она явится, «шлюха мякинное брюхо», то такъ ударить ее въ високъ, что «посыпется у нея изъ ж...ы песокъ». На эту похвальбу выходитъ смерть, и сразу осаживаетъ его; Аника начинаетъ упрашивать ее обождать расправой, какъ и въ нашей картинкѣ, но смерть непреклонна. Тогда Аника торжественно прощается съ востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ, съ царями,

²⁾ Въ одной былинѣ смерть рядомъ съ Соломономъ богатыремъ упоминаетъ и о славномъ богатырѣ Полканѣ (Кирѣев. I, IV, 117).

богатырями и красными дѣвицами; смерть подкашиваетъ его и онъ падаетъ.

Что же касается до народныхъ преданій, то верстахъ въ восьми отъ г. Вологды и до сихъ поръ существуетъ Аникіевскій лѣсъ и Заоникіевская пустынь, а въ лѣсу показываютъ могилу Аники (Русск. Архивъ 1874, стр. 71). Погодинъ приводитъ народное преданіе, по которому разбойникъ Аника жилъ въ лѣсу, въ избушкѣ безъ оконъ. Разъ встрѣтилъ онъ прохожаго старика-богомольца; въ котомкѣ его не нашлось ничего, кромѣ узелочковъ съ мощами да разными святыми вещами; Аника разбросалъ все это по землѣ, не смотря на мольбы старика, который въ концѣ пригрозилъ ему божіимъ гнѣвомъ. Аника выхватилъ было ножъ, чтобы зарѣзать его, но старикъ исчезъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и Аникина избушка. Оставшись безъ крова, Аника сѣлъ на лошадь и выѣхалъ на дорогу; здѣсь встрѣтилась ему смерть, и произошелъ между ними разговоръ, который переданъ на нашей картинкѣ, а затѣмъ конецъ Аникѣ. Кромѣ того въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о разбойникѣ *Аникѣ*, казненномъ при Петрѣ I и доставившемъ любопытный матеріалъ для Академической кунсткамеры. По увѣренію нѣкоторыхъ старожиловъ, тотъ Аника одно лице съ Вологодскимъ разбойникомъ; въ этомъ вѣроятно заключается и причина той извѣстности, которую получила народная картинка объ Аникѣ воинѣ и смерти, имѣвшая такое множество переводовъ и изданій.

А. Н. Веселовскій (Вѣстникъ Европы 1875. Апрель), а за нимъ И. В. Ягичъ (Archiv für Slavische Philologie. Berlin, I. 103), доказываютъ, что нашъ Аника заимствованъ изъ средневѣковой, византійской, повѣсти, въ которой описываемому воину, въ числѣ прочихъ эпитетовъ, придано и прилагательное *ἀνίκητος*; изъ этого прилагательнаго русскій разсказчикъ сдѣлалъ имя собственное. Веселовскій приводитъ рядъ греческихъ пѣсень о борьбѣ богатыря Дигениса съ Харономъ, напоминающихъ бой Аники съ смертью; въ одной изъ нихъ Дигенисъ дерется съ Харономъ три дня и побѣждаетъ его; но Богъ посылаетъ золотого орла, который пронзаетъ

клювомъ голову Дигениса и умерщвляетъ его. Въ другой пѣсни Дигенисъ зоветъ себя Аникитомъ (*ἀνίκητος*), т. е. непобѣдимымъ; но замѣчанію Веселовскаго, тоже значеніе имѣетъ и имя нашего Аники (Отзывы византійскаго эпоса въ русскомъ: Вѣстн. Евр. 1875, II, 766.—Пыпина, Очерки, 135—6.—Тихонрав. Лѣтопись, II, 185.—Пѣсни Кирѣевск. IV. Зам. Безсонова, CVIII.—Пѣсни объ Аникѣ, *ibid.* 115—138 (5).—Пѣсни Рыбникова, I. 465—466; II, 255—258.—Варенцовъ, Сборн. русск. духовн. стих., 100—127 (3).—Русское Слово, Янв). Весьма любопытны еврейскія апокрифическія сказанія о смерти Моисея, напоминающія борьбу живота съ смертію: узнавъ отъ Бога, что ему назначено умереть, Моисей безуспѣшно упрашиваетъ его отмѣнить этотъ приговоръ и Богъ посылаетъ взять его душу—сперва ангеловъ Гавріила, потомъ Михаила и Зингіеля, которые со страхомъ отказываются отъ этого порученія, и наконецъ—ангела Самаэля, который, опоясавшись мечемъ, съ великою радостію отправляется къ Моисею; онъ однако пришелъ въ ужасъ отъ лица Моисеева и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: *Самаэль*: для тебя настала послѣдній часъ; дай мнѣ твою душу! *Моисей*: кто тебя послалъ? *Самаэль*: тотъ, кто создалъ міръ и души, которые всѣ отъ начала міра предалъ моей власти. *Моисей*: я сильнѣе всѣхъ тварей, я отрѣзанъ отъ чрева матери моей, я въ тотъ-же день, какъ увидѣлъ свѣтъ, говорилъ съ отцемъ и матерью; на третьемъ году я уже пророчествовалъ, чрезъ меня Богъ далъ Израильтянамъ законъ... на 80-мъ году сотворилъ я многія знаменія и чудеса, 60 тѣмъ (600.000) я вывелъ изъ Египта... раздѣлил море на 12 частей... кто изъ людей можетъ справиться со мной? Самаэль въ ужасѣ удаляется отъ него; наконецъ самъ Богъ сходитъ съ тремя ангелами, чтобы принять душу Моисея, и послѣ довольно долгаго упорства, поцѣловалъ Моисея и только этимъ способомъ извлекъ изъ него душу (Порфирьевъ, Апокрифич. сказ., 67) ³⁾.

³⁾ Соломонъ тоже просилъ ангела смерти не вынимать изъ него душу до тѣхъ поръ, пока не отстроится храмъ; но, получивъ отказъ, онъ ушелъ въ храмину, сталъ въ ней, опершись на свой жезлъ, и въ такомъ положеніи умеръ.

753 А. Прибавить: Жизнь грѣшника; листовая картинка, гравированная рѣзцомъ; въ моемъ собраніи. Грѣшникъ стоитъ по срединѣ, кругомъ его разныя аллегорическія изображенія пороковъ и соблазновъ; внизу подпись: «Притча Евангельская о луки глава 6. зачало 27 Стихъ 41 Изобраз. 2-хъ путей жиз. нашей: Христіанинъ вѣруй въ бога въ путь къ спасенію спеша Бѣ все възвѣстятъ съ тебя строга ты покайся негрѣши Мирскихъ суетъ удаляйся Постомъ страсти побеждаи вера щитъ твои защищаи дель чужихъ неосуждаи въ жизни есть всемъ две дороги всякъ любую выбираи куды самъ направитъ ноги влево адъ на право враи. Изволь грѣшникъ вселитя вотъ богатство изволь брать коль умѣешь вооружитя честь и совесть потерять вотъ Мирскія утешенія ты любое выбираи. Нежитай за согрѣшенія пей плеша вкарты играй въ слѣдъ за мною ступа вчертоги Я тебя всемъ угащу А патомъ Скававши ноги воадъ прямо Поташу».

755. Спасеніе челоѣка, раздающаго милостыню. Авторъ этой картинки, Иванъ Стекловъ (писался иногда и Стекловскій), упоминается въ числѣ живописцевъ Оружейной Палаты въ концѣ XVII вѣка—онъ писалъ ландшафты; гравюры его крѣпкой водкой сдѣланы въ фряжскомъ пошибѣ и ниже всякой посредственности. Кромѣ картинокъ, описанныхъ въ настоящемъ изслѣдованіи, имъ награвировано еще два листа: гербъ Петра перваго и Тезисъ Гедсона Грембека, 1711 г. (см. Русскіе граверы, стр. 291).

757. Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ. О трапезѣ благочестивыхъ людей въ поученіи Θεодосія Печерскаго говорится такъ (Правосл. Собес. 1866.—Учен. Запис. Акад. Наукъ, кн. 2. в. 2. 1866): «обѣдъ поставится, Христосъ Богъ славится и сѣсти пяти лѣпо есть. А обѣдая пустошнаго не говорить, вспоминая видѣніе

Демоны, видя его стоящимъ съ жезломъ, не замѣтили его смерти и продолжали рабѣту; между тѣмъ черви подточили жезлъ Соломоновъ, онъ упалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упало и тѣло Соломоново; но зданіе храма было уже кончено, къ большой досадѣ чертей, которые увидѣли, что проработали долгое время попустому.

Нифонта, какъ онъ видѣлъ нѣкотораго челоѣка, съ женою и дѣтьми обѣдающаго. Передъ ними стояли нѣкіе въ прекрасныхъ ризахъ, числомъ столько-же, сколько ихъ обѣдало. И чудился тому Нифонтъ и молилъ Бога, да проявитъ ему, что знаменуетъ то видѣніе. Обѣдавшіе были люди убогіе, а стояли передъ ними въ чистыхъ ризахъ. И открылъ ему Богъ, что стоявшіе были ангелы. Никогда они не отходятъ, соблюдая вѣрныхъ. А если начнется смѣхъ или кощунство, и клевета и осужденіе, то ангелы отходятъ, и бѣсы, пришедши, насѣваетъ зло». Въ Домостроѣ тоже сказано, что на трапезѣ людей благочестивыхъ невидимо предстоятъ ангелы, и пишутъ дѣла добрая. Если же на трапезѣ происходитъ плясаніе и скаканіе, игры и пѣсни бѣсовскія, то какъ дымъ отгоняетъ пчелы, такъ и ангелы отходятъ прочь, а бѣсы возрадуются и нисходятъ на трапезу; и начинаются всякія безчинства, игры, зернь, шахматы, ѣда бросается на полъ, питье проливается; а дьяволы записываютъ дѣла нечестивыхъ, и приносятъ къ сатанѣ, и вмѣстѣ съ нимъ радуются (Гл. XI. 13). По сказанію нашихъ легендъ, тоже самое дѣлается бѣсами и во всякое другое время, кромѣ трапезнаго; въ Памятникахъ старинной русской литературы (изд. гр. Кушелева-Безбородки. Вып. I, стр. 201) напечатанъ такой рассказъ о двухъ монахахъ, удалившихся въ пустыню. У одного изъ нихъ былъ сынъ отрокъ. Однажды старцы собрались побесѣдовать «духовнѣ» и незамѣтно свернули на житейское; подъ конецъ однако-же опомнились и стали просить другъ у друга прощенія въ прегрѣшенія. Сынъ отрокъ, бывший при этомъ, сталъ «безстыдно смѣяться». Вопрошенный святыми отцами, о чемъ онъ такъ смѣялся, онъ рассказалъ имъ, что видѣлъ въ началѣ ихъ бесѣды двухъ ангеловъ, которые нашептывали имъ святое, каждому въ правое ухо; когда-же монахи стали говорить о житейскомъ, ангелы отошли отъ нихъ, а на мѣсто ихъ пришли бѣсы и начали записывать разговоръ монашескій на хартихъ; когда же исписаны были харти, то бѣсы стали продолжать писаніе на себѣ «и уже исписались бѣсы, еже не останется просту мѣсту на нихъ». А когда монахи снова обратились на разумъ, и стали творить

другъ другу прощеніе, то хартіи и писаніе на бѣсахъ загорѣлись, и бѣсы, палимые огнемъ, начали скакать по кельѣ съ воплемъ: «охъ намъ оувы! сами себя погубихомъ».

757 А. Трапеза благочестивыхъ. Въ моемъ собраніи находится верхняя правая часть такой-же четырехлистовой картины, гравированной на деревѣ, съ разницею въ переводѣ. Надпись надъ трапезою поставлена не сбоку, какъ въ № 757, а вверху. Въ правомъ углѣ изображено солнце (въ № 757 оно помѣщено въ лѣвомъ углѣ).

758. Еще трапеза благочестивыхъ. Кромѣ перечисленныхъ изданій *а*—*ж* и изданія *з*, скопированнаго съ изданія *б*,—въ моемъ собраніи есть еще два изданія, отпечатанныя на синей бумагѣ 1810 года: изданіе *и*,—въ немъ послѣдняя строка текста (въ одинъ столбецъ): «видитъ бесы веселящіяся сними», и изданіе *к*, въ которомъ строка эта состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: «а плачетъ яко видитъ бѣсы веселящіяся снимі» (текстъ въ 2 столбца).

758 А. Прибавить: Миръ дому сему и внею живущимъ,—надпись эта сдѣлана надъ тремя мушкетерами, сидящими въ комнатѣ, за круглымъ столомъ; надъ ними три иконы (Дѣисусъ), а внизу подпись: «здравіе живущимъ». Слева подходятъ къ комнатѣ трое; подъ ними написано: «миръ входящимъ». Справа трое только что вышли изъ нея; подъ ними подпись: «впуть ѿходящимъ». Картинка полторалистового размѣра, гравирована рѣзцемъ и отпечатана на синей бумагѣ 1800 года.—Въ моемъ собраніи.

759. Лѣствицы, ведущія въ рай и адъ. Въ моемъ собраніи есть экземпляръ изданія *а*, съ затертой подписью мастера Тихомирова; это будетъ по счету изданіе *ж*.

760. Душа чистая и душа грѣшная. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки, *з*, отпечатанное въ 1840—50 гг. доскою изданія *д*, сильно потертою, и на мягкой бумагѣ того

времени, и кромѣ того два изданія, отпечатанныя съ одной и той-же доски: одно (*и*)—на бумагѣ 1800 года, другое (*к*), съ подправленной доски,—на бумагѣ 1810 года; расположеніе подписей этого перевода сходно съ изданіемъ *г*, первая строка надписи вверху заканчивается въ немъ словами: «двѣ преук» (Въ моемъ собраніи). Душа чистая и душа грѣшная изображены въ Кіевскомъ акаѳистникѣ 1629 года и въ синодикѣ 1702 года, на листѣ 24-мъ. Въ Крестовой палатѣ царевны Софьи Алексѣевны была написана на стѣнѣ притча: «Душа чиста, аки дѣвица преукрашена всякими цвѣты, стоитъ превыше солнца, луна подъ ногами ея». Эта-же притча писалась и на иконахъ въ XVII вѣкѣ и позднѣе; три изъ такихъ иконъ находятся въ христіанскомъ музеѣ Академіи Художествъ. На одной изъ нихъ (половины XVII в.) находится слѣдующая надпись: «Душевная чистота яко невѣста преукрашена всякими цвѣтами, имѣя на главѣ вѣнецъ царскій и сіяющъ солнечными лучи; равна есть ангельскому существу. Души святіи стоятъ у Престола Господня». Здѣсь, вверху, изображенъ Спасъ Вседержитель; подъ ногами у него солнце; слева ангелъ *), Справа отъ Спасова образа стоитъ чистая душа, въ женскомъ образѣ, въ царскомъ одѣяніи, въ вѣнцѣ, держа въ правой рукѣ чашу съ цвѣтами—знакъ ея красоты, а въ лѣвой—сосудъ, изъ коего летитъ вода, обозначающая, безъ сомнѣнія, слезы, ибо надпись говоритъ: «терпѣніе грѣховное слезами угаси». Изъ устъ написана красная черта—огонь, объясняемый надписью: «молитва же ея исходитъ изъ устъ, аки огонь до небеси». Подъ ногами ея луна, въ видѣ чернаго шара, съ надписью: «луна подъ ногами, пребысть выше небеси и солнца». Подлѣ изображены левъ, змѣя, дьяволъ, съ надписями: «постомъ и молитвою льва связа; смиреніемъ змѣя укроти; позавиде дьяволъ добротѣ ея, паде предъ нею». Въ углу изображена: «грѣшная душа тмою помрачена», въ человѣческомъ образѣ;

*) Ю. Д. Филимоновъ дѣлаетъ замѣчательное сопоставленіе иконы чистой души съ иконою Софїи премудрости Божіей, Вѣстникъ Общ. древне-русс. искусства 1874, 1—3.

она: «сидитъ въ темнымъ мѣстѣ, ожидаетъ вѣчныя муки» (Забѣлинъ, Быть русск. царей, I. 135).

Въ Вѣнскомъ *Ambraser Sammlung* находится образъ монастырскаго письма XVIII вѣка, 3-хъ вершковой мѣры, на которомъ изображена чистая душа въ такомъ-же видѣ, какъ и на нашихъ картинкахъ, а на поляхъ у него приписаны святые; слѣва: Аверкій Еропольскій и Варлаамъ преподобный, а справа: Кн. Михаилъ Черниговскій и *Насея* (?)

761 А. О добрыхъ друзѣхъ. Прибавить: при брошюрѣ И. Гольшева «Лубочныя старинныя народныя картинки. Владиміръ 1879» приложенъ отпечатокъ со старой деревянной доски XVIII вѣка, съ слѣдующимъ текстомъ (безъ картинокъ): «ѡ добрыѣ друзѣхъ, кѣ. Друѣ правда.... (сколоно) Друѣ чистота, къ бѣгу приводитъ... Друѣ любовь, идѣ же любовь ту и бѣгъ.... Друѣ труды, дѣлу честь дѣи споможеніе.... Друѣ послушаніе, стѣе дѣло, скорыѣ пуѣ ко спѣнію... Друѣ смиреніе со бѣгодареніе^м се^м и са^м сатана трепещ.... Друѣ воздержаніе, сему нѣсть заповѣди... Друѣ разсужденіе, всѣхъ добродѣтелей выше... Друѣ покаяніе, самая радость бѣгу и аггѣло^м... Друѣ мѣлтва спосто^м, съ бѣгомъ соединяетъ... Друѣ милость, самага бѣга дѣло. Ѡ члѣче имѣй сихъ кѣ друговъ, зѣло много добра ими получиши его^{мо} и нечаеши воздаду^т тебѣ сугубо. Не зо сто, но паче тысяще. И люби сѣи друзи паче всѣхъ члѣков и дражайши имѣй злата и сребра и камени многоцѣнныѣ и сладши паче меда.... понеже бо».. (сколоно).

768. Вѣ темницѣ бѣхъ. На этой картинкѣ представлена, между прочимъ, темница (отъ слова *темно*). Какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ¹⁾, и тюрьмахъ (отъ слова *Thurm* = башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣш-

¹⁾ Устраивать подземельные остроги было запрещено еще въ 1566 году (Никитина, Тюрьма и ссылка: Истор. Вѣст. 1880. Июнь, 374).

ковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь; такіе мѣшки, по свѣдѣтельству Снегирева, можно было видѣть еще весьма недавно въ Спасо-Прилуцкомъ Вологодскомъ монастырѣ (Русск. въ послов. IV. 198)²⁾. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодахъ, отъ которыхъ и назывались колодниками³⁾, или скованные желѣзами по рукамъ и по ногамъ⁴⁾,—на шею надѣвалась имъ рогатка; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, т. е. къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоуважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные кляпы (клинья), чтобы они не могли говорить,—отсюда и поговорка «кляпъ те въ ротъ»; такой кляпъ можно видѣть на портретѣ Арсенія Мацѣевича, или, какъ прозвала его Екатерина II, Арсюшки Вралева (см. мой Словарь портретовъ, стр. 18). По завѣренію Снегирева, въ крытомъ коридорѣ, ведущемъ къ Константиновской Кремлевской башнѣ, еще въ 1832 году видны были въ стѣнѣ пробои и кольца, къ которымъ приковывались подсудимые, ожидавшіе пытки (Русск. въ своихъ послов., 171. 199). Подробнѣе объ этихъ предметахъ говорится въ заключеніи, по поводу убійства Жуковыхъ. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, какъ вообще грязны и тѣсны наши крестьянскія избы и до сихъ поръ; накоплялось въ нихъ народу тьма тьмушчая: одни

²⁾ Я видѣлъ ихъ тоже въ 1877 году, но уже въ совершенно разрушенномъ положеніи.

³⁾ Названіе колодниковъ появляется съ XVII вѣка; съ начала XIX вѣка, съ уничтоженіемъ колодокъ, колодниковъ стали называть *арестантами* и заковывать въ *кандалы*. При Алексѣѣ Михайловичѣ колодники назывались *сидѣльцами* и, вступая въ темницу, должны были платить сторожамъ *глазную пошлину*.

⁴⁾ Въ желѣза приказано было *сажать* еще по воинскому уставу 1710 г. (Полн. Собр. Зак. № 2310 и указъ 1716 г. № 3006); дворянъ запрещено было ковать указомъ 1803 г.; престарѣлыхъ и умалишенныхъ отсылали въ монастыри (указъ 1727 г.; Полн. Собр. № 5034); мушкетеръ отъ женщинъ приказано было содержать отдѣльно (указъ 1744 г. № 8877). Съ 1825 г., въ предупрежденіе побѣговъ, установлено было брить половину головы: операція чрезвычайно мучительная, отмѣненная только въ нынѣшнее царствованіе по почину Московскаго Губернскаго Прокурора.

сидѣли за слѣдствіемъ, другіе, уже осужденные на битье кнутомъ, сидѣли часто по долгу за тѣмъ, что палачъ былъ боленъ и *пороть* ихъ было некому (Русск. Архивъ 1868, 1064). Кормъ колдовикамъ шелъ плохой, почему имъ дозволялось ходить, подъ конвоемъ, для прошенія милостыни (Указы: 1736 г. Полн. Собр. № 7132; 1744 г. № 9068; 1761 г. № 11.242)⁵⁾.

771 А. Прибавить: 72 руки, вруцелѣтія, круга солнечнаго, тріоди постной, Петрова поста и т. д. для вклеиванія въ рукописныя богослужебныя книги; награвированы рѣзцемъ въ трехлистовомъ размѣрѣ, на Ахметьевской фабрикѣ. — Въ моемъ собраніи.

772. Темница святыхъ осужденникъ. Картинка эта была вклеена въ рукопись Іоанна Лѣствичника; по своему формату, въ листъ въ ширину, она не могла принадлежать къ печатной книгѣ, такъ какъ книгъ такого формата (вдлинну) между старопечатными не встрѣчается; за тѣмъ картинка эта составляетъ самый ранній до селѣ извѣстный, летучій (отдѣльный) листъ (непринадлежавшій ни къ какой книгѣ). Находящаяся на ней монограмма: ПБ съ луною и звѣздой съ боку, находится еще на другой картинкѣ, на которой изображены «чистота яко дѣвица преукрашена» и «душа грѣшна», въ Кіевскомъ акафистѣ 1629 года; по работѣ эта послѣдняя картинка имѣетъ большое сходство съ темницею осужденникъ № 772; въ обѣихъ картинкахъ, замѣчаетъ В. Стасовъ, «одна и также манера гравюры тонкими и отчетливыми штрихами, одна и также манера выражать темныя мѣста (адъ, темница) посредствомъ одной, сплошной массы дерева, нетронутой рѣзцемъ. Буквы надписей не мало взаимно похожи. Но на гравюрѣ Акафиста стоитъ, кромѣ ПБ, монограмма ЛМ, что заставляетъ предполагать, что буквы ПБ означаютъ не имя гравера, а имѣютъ особенное значеніе, и что темница осужденникъ гравирована не ПБ, а граверомъ ЛМ. Въ пользу этого предположенія говоритъ въ особенности то, что

⁵⁾ Были неоднократно издаваемы и указы, запрещавшіе такое хожденіе: въ 1737 г. (№ 7499); въ 1753 г. (№ 10. 121).

нѣтъ другаго примѣра, гдѣ-бы имя гравера было, какъ здѣсь, поставлено на самомъ верху эстампа». Къ работамъ этого-же мастера ЛМ Стасовъ относитъ слѣдующіе отдѣльные листки: неопалимая купина; смерть съ косою на бѣломъ конѣ съ 1627-мъ годомъ; Памва Берында въ Ливіи 1627 г.; Антоній великій, идущій къ Павлу Фивейскому, 1627 г., и Преп. Акилина, 1627 г. (№ 1346 А).

773. Лѣствица монастырскаго подвижничества. Картинка эта несомнѣнно гравирована Леонтіемъ Бунинымъ.

774. Лѣствица преподобнаго Іоанна Лѣствичника. Въ греческомъ подлинникѣ Дидрона описана *лѣствица спасенія души и небесной дороги*, сходная по переводу съ № 774 (Didron, 405); подобная же лѣствица, но съ бѣльшими подробностями и вычурами, находится въ Страсбургской рукописи 1160 года: *Hortus deliciarum* (тамъ же, стр. 406).

775 А. Прибавить: Снегиревъ упоминаетъ объ изображеніи этой лѣствицы въ другомъ переводѣ, котораго мнѣ не случилось видѣть: «лѣствица св. Іоанна Лѣствичника; одна о 37 ступеняхъ, вводящая къ небу, другая, съ такимъ-же числомъ ступеней, низводящая въ адъ; каждая ступень носитъ тамъ названіе грѣха, а здѣсь добродѣтели. Небо и адъ въ обыкновенныхъ символическихъ чертахъ своихъ. Такое изображеніе взято изъ книги св. Іоанна Лѣствичника, — Лѣствица, изд. въ Москвѣ 7155 (1647 г.), въ десть: къ ней приложена гравированная на мѣди картинка, представляющая восхожденіе иноковъ по тридцати-степенной лѣствицѣ на небо — достиженіе однихъ и паденіе другихъ» (Снегиревъ, Луб. карт., 44).

777. Изображеніе монашеской чистоты. Подобное изображеніе написано въ Соловецкомъ монастырѣ, въ переходѣ изъ соборной церкви въ трапезную (въ живописномъ стилѣ нынѣшняго вѣка):

представленъ распятый на крестѣ монахъ, губы его сомкнуты висячимъ замкомъ; слѣва *плоть*, въ видѣ прелестницы, посылаетъ въ его сердце стрѣлу изъ лука; *миръ*, въ видѣ воина, прельщаетъ его, показывая скипетръ и т. д. *). Такія-же изображенія, но живописныя и совершенно новаго пошиба, были находимы, при обыскахъ, у скопцевъ; г. Мельниковъ упоминаетъ объ одномъ такомъ «Распятіи плоти», написанномъ на доскѣ и стоявшемъ, въ видѣ мѣстной иконы, въ Чернухинскомъ скитѣ (поповщинскаго толка) на Керженцѣ (На горахъ: Русск. Вѣстн., СХХХV. 216). Къ этому-же разряду принадлежала символическая икона, почитаемая, по удостовѣрѣю г. Мельникова, скопцами—«изліяніе благодати»: она изображаетъ отрока въ бѣлой рубашкѣ, съ поднятыми къ небу руками и очами. Въ небесахъ изображенъ окруженный ангелами Святой Духъ въ видѣ голубя, изливающей на отрока благодать, въ видѣ сіянія и огненныхъ языковъ. Въ моемъ собраніи есть гравюра,—отпечатокъ съ мѣдной доски, отобранной при обыскѣ у скопцевъ,—на которой представленъ раскольничій праведникъ въ длинномъ балахонѣ, съ процвѣтшимъ жезломъ въ правой рукѣ и лѣстовкою въ лѣвой; кругомъ разныя аллегорическія изображенія: глаза, зубы, уши, сердце; монахъ, окруженный щитами, пронзенными стрѣлами, и пылающее сердце; внизу различныя поученія: «обнищай, чтобы тебе обогатить. Обезчестихся, чтобы тебе прославить. Узавихся, чтобы тебе исцѣлить. Умерь, чтобы тебе оживить. Ты согрѣшилъ, а я грѣхъ твой на себя взялъ. Ты виноватъ, а я казнь пріялъ. Ты должникъ, а я долгъ заплатилъ. Ты на смерть осужденъ, а я за тебя умеръ. Но къ сему любовь моя, милосердіе мое привлекло мене» и т. д. Изображенія эти напоминаютъ хитросплетенныя масонскія картины и толкованія, которыя были у насъ въ ходу въ первой четверти нынѣшняго вѣка и распространялись открыто тогдашнимъ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ Лабзинимъ. Въ рескриптѣ, при которомъ

*) Въ греческомъ подлинникѣ Дидрона описано аллегорическое изображеніе жизни настоящаго монаха, вполне сходное по переводу съ нашею картинкою № 777 (Didron, 402—404).

былъ пожалованъ ему орденъ Владимира 2-й степени, было даже сказано, что оный пожалованъ: «за труды и ревность, употребляемые Вами для изданія на отечественномъ языкѣ многихъ книгъ, руководствующихъ къ образованію духа и жизни по началамъ религіи, единымъ твердымъ и истиннымъ» (Петровъ, Матеріалы для исторіи Академіи Художествъ за сто лѣтъ, II. 85).

778. Семь смертныхъ грѣховъ. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки, отпечатанныя—одно (з) на синей бумагѣ 1800 года, а другое (и) на сѣрой бумагѣ 1810 года; въ нихъ адъ съ правой стороны, вторая строка текста внизу оканчивается въ обоихъ словами: «ні теплѣ ні». Изъ дѣла дьякона Висковатова (1554 г.) видно, что смертные грѣхи были написаны на стѣнѣ, въ царскихъ палатахъ. Висковатовъ, жалуясь на введеніе новизны въ иконописи, говорилъ, что «и въ палатѣ царской притчи писаны не по подобію, написанъ образъ Спасовъ, да туто-же близко него написана жонка, спустя рукава, кабы пляшетъ; и подписано подъ нею блуженіе, а иное ревность и иныя глумленія». Созванъ былъ соборъ. Митрополитъ Макарій разрѣшилъ недоумѣніе Висковатова и объяснилъ ему, что въ палатѣ написано было «притчнѣ Спасово челоуѣколюбіе еже о насъ, ради покаянія». «А писано было въ палатѣ большой (средней золотой) въ небѣ на срединѣ, Спасъ на Херувимѣхъ, а подпись: премудрость Исусъ Христосъ; съ правыя страны у Спаса дверь, а пишеть на ней: 1. мужество, 2. разумъ, 3. чистота, 4. правда. А съ лѣвыя страны у Спаса же другая, а пишеть на ней: 1. блуженіе, 2. безуміе, 3. нечистота, 4. неправда. А межъ дверей, высподи, діаволь седмиглавный, а стоитъ надъ нимъ жизнь, а держитъ свѣтильникъ въ правой руцѣ, а въ лѣвой копіе; а надъ тѣмъ стоитъ Ангелъ, Духъ страха Божія. А за дверью съ правыя стороны писано земное основаніе и море, и предложеніе тому во сокровенная его; да Ангелъ, Духъ благочестія, да около того четыре вѣтры. А около того все вода, а надъ водою твердь, а на ней солнце, въ землю падая при водѣ; да Ангелъ, Духъ благоумія, а держитъ

солнце. А подъ нимъ отъ полудни гоняется послѣ дни ночь. А подъ тѣмъ добродѣтель да Ангель; а подписано: раченіе, да ревность, да адъ, да заецъ. А на лѣвой сторонѣ, за дверью, писано тоже твердь, а на ней написанъ Господь, аки Ангель; а держитъ зеркало да мечъ; Ангель возлагаетъ вѣнецъ на него. И тому подпись: благословиши вѣнецъ лѣту благи Твоея. А подъ нимъ колесо годовое; да у году колесо; съ правую сторону любовь да стрѣлецъ, да волкъ; а съ лѣвыя стороны году зависть, а отъ ней слово къ зайцу: зависть лютъ вредъ, отъ того бо наченъ и прыскачи братоубійць; а зависть себѣ пронзе мечемъ; да смерть; а около того все твердь: да Ангелы служатъ звѣздамъ и иныя всякія утвари Божія. Да 4 Ангелы по угламъ: Духъ премудрости, 2. духъ свѣта, 3. духъ силы, 4. духъ разума». (Чтенія Москов. Общ. Истор. 1847. № 3, отд. II, стр. 7.—Буслаевъ, Очерки, II. 312.—Забѣлинъ, Бытъ русск. царей, I. 124).

Симонъ Ѳеодоровъ Ушаковъ (въ монашествѣ Пименъ), который гравировалъ картинку № 778, былъ знаменитый царскій иконописецъ Оружейной палаты въ XVII вѣкѣ, гдѣ дѣлалъ рисунки для гравировки; самъ онъ награвировалъ два листа, описанные подъ №№ 778 и 1056. Рисунки, дѣланные имъ для другихъ гравировъ, слѣдующіе: 1) Пророкъ Давидъ, гравированный А. Трухменскимъ для псалтыри Симеона Полоцкаго (7188 г.); 2) Христосъ съ крестомъ, описанный подъ № 1080; 3) картинка для житія Варлаама и Иосафа; 4) заголовокъ для Вечери душевной (М. 1683). Всѣ они описаны въ книгѣ: Русскіе граверы, стр. 314. Въ Московскомъ публичномъ музеумѣ есть его же рисунокъ перомъ: Зосима и Савватій, приготовленный для гравировки (В. Андреева).

779 А. Еще семь смертныхъ грѣховъ. Прибавить: таже картинка листового размѣра, съ подписью: «тяжко есть иго на сынехъ адамлихъ» . . . . и т. д. Гравирована на мѣди въ 1830—1840 гг. Въ моемъ собраніи.

780. «Лимонарь сирѣчь цвѣтникъ Иже во сѣбѣ оца нашего Софронія Патріарха Герлімскаго. Составленъ же Иоанномъ Геромо-

нахом. Влѣто Шестьсотное. Нѣтъ же изданъ Тупо^м, в' дворѣ Іова Борецкогѡ Митрополита К: Въ градѣ Киевѣ. Спиридономъ Соболе^м Тупографомъ. в' Року Ѡ Рѣтва Хѣба „ахкѣи.“ 4°. Книга эта содержитъ въ себѣ разныя краткія исторіи о святыхъ отцахъ и повѣсти духовно-нравственнаго содержанія; въ ней впрочемъ нѣтъ ничего, относящагося къ тексту нашей картинки.

783. О злобахъ женскихъ. Слово о злыхъ женахъ несправедливо приписывается Иоанну Златоусту¹⁾, ибо въ этомъ словѣ сдѣлана ссылка на св. Григорія Исповѣдника, который жилъ послѣ него, въ VII вѣкѣ. Древнѣйшій источникъ писаній по этой части есть книга *Пчела* (Μελίσσα) или собраніе разныхъ изрѣченій изъ св. Писанія, отцевъ церкви и еллинскихъ мудрецовъ. Составъ Пчелы относятся въ VI вѣку; древнѣйшій славянскій переводъ ея сдѣланъ въ XV вѣкѣ; другой переводъ Антипія и Максима сдѣланъ въ 1597 году въ Дерманскомъ монастырѣ, въ Острогѣ (Москвитянинъ 1843 г. № 9). Изъ этой Пчелы почерпалъ свои притчи Даниилъ Заточникъ, который неизвѣстно кѣмъ и за что былъ сосланъ (около 1378 г.) на Лачезеро, Олонецкой губерніи, Каргопольскаго уѣзда. Легенда говоритъ, что моленіе свое къ заточившему его князю Даниилъ залилъ въ воскъ и бросилъ въ воду; большая рыба проглотила восковой шарикъ; она была поймана и подана на столъ князю, который и нашелъ въ ней моленіе; что было потомъ — неизвѣстно. Разсужденіе Соломоново о злыхъ и добрыхъ женахъ приводится въ нашихъ летописяхъ; за тѣмъ общій сводъ изъ разныхъ сочиненій по этой части представляетъ поученіе, написанное въ XVII вѣкѣ, и носящее названіе: «Сказаніе и бесѣда чадолюбиваго отца, преданіе і поученіе къ сыну, снискателна отъ различныхъ писаній богѡмудрыхъ отецъ, и премудраго Соломона, Исуса Сирахова, и отъ многихъ философовъ і искусныхъ, о женстей злобѣ» (Памятн. старин. русск. литературы, изд. гр. Кушелева-Безбородки. Вып. 2, стр. 461).

¹⁾ Отрывки изъ бесѣдъ І. Златоуста: 1. объ умной женѣ и 2. о томъ, какъ мужья должны исправлять своихъ женъ, — помѣщены въ Православномъ обозрѣніи 1829 г., XXXVI. 178.

Поученіе написано въ видѣ вопросовъ сына, клонящихся къ защищенію женскаго пола, и отвѣтовъ отца, въ которыхъ женщина и женитьба изображаются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Горе граду, въ немже владѣтельствуесть жена! Горе дому тому, имже владѣетъ жена! Зло и мужу тому, иже слушаетъ жены!»—говоритъ отецъ²⁾. Всѣхъ жена погубила: «Ной праведный от жены напоен бысть квасомъ смѣшеннымъ с травою... Давида жена соблазнить, Иосифа погубить безвинно хотѣла, Самсоновой силы не убоялась и продала его филистимлянѣ, храбрый Александръ отъ жены отравленъ и скончался, Иродъ въ угоду женѣ Іоанну голову отсѣчь повелѣлъ³⁾. Горе злая жена! «кротима высится и биема бѣсится, сварится, подобно болѣзни нѣкакой». «Но», возражаетъ сынъ, «Богъ даетъ мнѣ жену добронравну, послушливу, добродѣтелями украшену, съ нею радость навсегда въ дому моемъ будетъ». «Хорошо если такъ будетъ», отвѣчаетъ отецъ, «а если ты возьмешь злонравную, пронырливую, льстивую, лукавую, крадливую, блядливую, злоязычную, обовницу, еретицу, медвѣдицу, львицу, змію, скорпію, василиску, аспиду? Жена василиска какъ змѣй зрѣніемъ человѣка убиваетъ, прехитро себя украшаетъ, приятни сандаля обуваесть, і вежда свои ощицълетъ, і духами учинить, и лице и вью вапами повапитъ, и черности въ очесѣхъ себѣ украсить, і во одѣяние себѣ облечетъ, и перси на рудѣ возлагаетъ, і верхъ главы своя златомъ и каменіемъ драгимъ украшаетъ, и на лукавья дѣла тѣщится; егда же ли грядетъ, ступаетъ тихо і вью кротце обращаетъ, и очима не въскоре, і зрѣніемъ умилно взираетъ, и усть не гладце отверзаетъ, і вся составы свої к прелести ухищраетъ, і многая души огне палными стрѣлами устрѣля-

²⁾ Въ поученіи къ своимъ дѣтямъ Мономаха между прочимъ говорится: жену же свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти (Поли. собр. русск. лѣтоп., I. 102). «Не мужъ въ мужехъ, коимъ своя жена обладаетъ», говоритъ Данила Заточникъ (Изв. II Отд. Ак. Н., X. 270).

³⁾ Подобное же перечисленіе человѣческихъ паденій отъ женщины помѣщено въ сочиненіи Jean de Marconville, De la bonté et mauvaistie des femmes.... Lyon 1571.

етъ яко ядомъ зминымъ видѣніемъ своимъ юныхъ убиваетъ, яко разслабленны удове ихъ бываютъ»⁴⁾).

Еще хуже жена льстивая и блядливая; такая жена мужа льстивно, съ улыбкою, встрѣчаетъ и одежду съ него снимаетъ, цѣлуетъ и льстивно говоритъ: свѣтъ мой, сладость моя, сердце мое, только и радуется, что глядя на тебя, братъ ты мой любезный. «И аще будетъ онъ мужъ ея, и она его вскорѣ оболститъ; аще в дому его не прилучится, і она близ оконъца приседитъ, сѣмо и овамо колеблющися, а со смиреніемъ не седитъ: скачетъ и пляшетъ, и всѣмъ тѣломъ движетъ, сандалями стучитъ, руками плещитъ, и пляшетъ яко прелстившаяся блудница Іродиада, бедрами трясетъ, хрепомъ вихляетъ, головою киваетъ, гласомъ поетъ, языкомъ глаголетъ, бѣсовскія ризы многи пременяетъ, і воконце часто призираетъ, подобна Іродиаде чинитца, и многимъ юнымъ угодитъ, і всякаго к себѣ льститъ».

Плохо если навяжется на тебя «обовница и еретица. Издѣтска начнетъ она у проклятыхъ бабъ обовничества навикать и еретичества іскать, і вопрошати будетъ многихъ како-бо еі замужъ вытѣтитъ и какъ бы еі мужа обавити на первомъ ложе і в первой бане».

Взаключеніе отецъ рассказываетъ сыну три повѣсти: въ первой повѣсти нѣкій добронравный мужъ злую жену свою, имѣвшую 7 дѣтей, «многого ради злонравия ея наказа жезломъ; она же, окаянная, убѣжа вѣвѣкую пустыню, к затворнику старцу тол-

⁴⁾ О томъ, до чего дѣйствительны прелести женскія, въ книгѣ Лимонарь сирѣчь цвѣтникъ (Кіевъ 1628, л. 3) рассказана слѣдующая легенда съ предложеніемъ противъ нихъ скопческаго средства, до котораго чадолубивый отецъ не договорился въ своемъ наставленіи къ сыну: жилъ въ одномъ монастырѣ священникъ Кононъ и крестилъ приходившіе къ нему невѣрные; только жены сильно смущали его. Разъ пришла къ нему креститься Персіянка такой красоты, что не возмогъ Кононъ «наготы ея зрѣти ниже помазати мѣромъ», и ушолъ отъ соблазна изъ монастыря. На горѣ встрѣтилъ его Іоаннъ креститель и обѣщаль помочь его горю, съ тѣмъ, чтобы онъ вернулся въ монастырь; онъ посадилъ Конона и, открывъ его ризы, перекрестилъ ему «трижды крестнымъ знаменіемъ подъ пушомъ». Послѣ того Кононъ вернулся въ монастырь, продолжалъ крестить и даже окрестилъ Персіанку «ни какоже ощутивъ женѣ ей быти».

книся, глаголюще: «сего ради пришла к твоей святыни, да избуду напрасно смерти». Старецъ приютилъ ее «и по малу прелести его окаянная и падеся с нею»; послѣ этого, — какъ мужъ за палку, такъ жена къ затворнику; надоѣло ей и такъ жить: извела она мужа и шесть сыновей, но седьмой сынъ ушолъ въ городъ и объявилъ обо всемъ; собрался народъ, допросилъ жену и старца и сжегъ ихъ обоихъ въ пещерѣ. Въ другой повѣсти нѣкій человѣкъ женился на вдовѣ, которая оказалась зѣло злонравною. Черезъ нѣсколько лѣтъ она умерла. Мужъ началъ продавать дѣтей ея. Зачѣмъ ты это дѣлаешь, спрашиваютъ его сосѣди; «если выростутъ да пойдутъ по матери, то тогда и меня продадутъ», отвѣчалъ мужъ. «Зачѣмъ же ты по женѣ плачешь? А плачу я дабы другая такова небыла!» Нѣкій человѣкъ говорилъ: «былъ я въ трехъ нуждахъ: въ темнице, и шибоницы, и отъ дву нуждъ убѣжахъ, а отъ третия нужды, отъ злыя жены, не могу убѣжати» (сравни № 784). Третья повѣсть о женской болтливости: въ одно время въ римскомъ сенатѣ происходилъ совѣтъ о весьма важныхъ дѣлахъ; на этотъ совѣтъ, вслѣдъ за своимъ отцомъ, сенаторомъ, вошелъ и отрокъ Папиръ, и со вниманіемъ слушалъ Сенаторскія рѣчи и рѣшенія. По возвращеніи домой, мать Папира начала его всячески спрашивать, что дѣлалось въ Сенатѣ. Не желая пересказывать матери слышанныхъ имъ рѣшеній, Папиръ, чтобы отвязаться отъ нея, сказалъ, что сенаторы совѣтовались между собою, чтобы всякому мужу по двѣ жены имѣть; иные же были мнѣнія противнаго, чтобъ каждой женѣ имѣть по два мужа; но что порѣшили на первомъ. На завтра мать Папира объявила о слышанномъ своимъ подругамъ, — всѣ онѣ, скопомъ, отправились къ сенаторамъ съ прошеніемъ, чтобы они измѣнили свое рѣшеніе и чтобъ порѣшили «единой женѣ имѣть два мужа». Сенаторы удивились такой просьбѣ своихъ женъ; но когда дознано было, что слухъ о необываломъ рѣшеніи былъ пущенъ Папиромъ, то сенаторы, одобрявъ его поведеніе въ этомъ случаѣ, «зѣло возлюбили его и прияша его въ сенаторство; учиниша же ему надъ многими высочайше мѣсто».

Четвертая повѣсть представляетъ повтореніе 5-го суда царя Соломона. Соломонъ, желая испытать «что есть смыслъ мужескій и женскій», призвалъ боярина своего Декира и сказалъ ему: «отруби голову своей женѣ и я дамъ тебѣ половину моего царства». Декиръ отказался исполнить приказъ Соломона, и рѣшился скорѣе подвергнуться его гнѣву. Затѣмъ Соломонъ сдѣлалъ тоже предложеніе женѣ Декира; та тотчасъ-же согласилась погубить мужа изъ за царской милости. Въ заключеніи этого суда прибавлено: «Соломонъ же царь славный повелѣ въписать (въ) соборникъ повѣстей сію и сказа вельможемъ своимъ о томъ, яко дивитися имъ, и рече царь: обрѣтохъ въ тысящи мужей мудрыи многи, а жены не обрѣтохъ во тмѣ ни единой мудрыя, — во всемъ свѣтѣ». (Пыпинъ, Очеркъ, 121).

Въ Западной литературѣ есть довольно число книжекъ, повѣствующихъ о женскихъ коварствахъ; въ Парижѣ, въ 1566 году, напечатано цѣлое сочиненіе о злыхъ и добрыхъ женахъ, совершенно несходное съ нашими Пчелами и поученіями (Nisard, I. 422). Другая книга «La malice des femmes, contenant leurs ruses et fines-ses» относится къ числу шуточныхъ произведеній; болѣе сходства съ нашими притчами представляетъ сочиненіе Марковилля: *De la bonté et mauvaistie des femmes* (Lyon 1571)⁵). Язычники полагали что женщина сотворена въ одно время съ дикими звѣрями, что всѣ ядовитыя животныя вмѣстѣ не содержатъ въ себѣ столько яда, сколько его на языкѣ злой женщины, а что разумная женщина столько же рѣдка какъ и фениксъ. Въ сказаніи Езопы приводится слѣдующее златое Еврипидино слово: «многъ гнѣвъ имѣютъ волны морскія, и много дыханіе огненно, зло велико есть и убожество, и

⁵) Къ такимъ-же шуточнымъ рассказамъ должны быть отнесены и польскіе разговоры Совѣсть—драла большого носа (1781 г.) съ профессоромъ, изложенные въ слѣдующихъ вопросахъ и отвѣтахъ, по этой части: «В. Какая вода обманчива? О. Женскія слезы. В. Сколько дней пріятныхъ съ женою? О. Два: первый, какъ бракомъ сочетается; другой, когда умершую со двора вынесутъ. В. Что есть жена? О. Жена есть нужное зло для размноженія рода человѣческаго, для утѣхи, скорби, сладости, горести, покоя и злости, и все что есть хорошее и худое».

ина многа сла, но всѣхъ болшее сло, слая жена (стр. 286. т. I)⁶⁾. Въ доказательство что въ женщинѣ бѣсовскаго больше, нежели въ мужчинѣ, приводятъ и то, что при крещеніи мальчика имя изгоняемаго бѣса произносится всего двадцать разъ, а при крещеніи дѣвочки—тридцать разъ; ибо изъ дѣвочки его гораздо труднѣе изгнать, чѣмъ изъ мальчика (изъ неизд. примѣч. Ѳ. И. Буслая). О другихъ источникахъ по этой части подробно упоминается въ сочиненіи И. Некрасова о Домостроѣ (Москва 1873).

784. Слово св. Василія Великаго. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки: *в*, послѣднія слова текста 1-й картинки «слезами ты неопалися», какъ и въ изданіи *а*; но въ верхней надписи въ этомъ изданіи *в*—стоитъ: «василія великаго» (а въ изданіи *а*: «василия великаго»).

787. Слово Златоуста о покаяніи. Прибавить еще два изданія *г* и *д*; вторая строка снизу заканчивается въ нихъ словами: въ изд. *г* — «огнь и воду» (конца прошедшаго столѣтія), въ изд. *д* — «огнь и во» (1820—30 гг.).

791. Притча о хромцѣ и слѣпцѣ въ русскихъ источникахъ встрѣчается въ первый разъ у Кирилла Туровскаго, писателя XII вѣка (Калайдовичъ, Памятники Росс. Слов. XII в. М. 1821, стр. 132—152). Текстъ нашей картинки представляетъ значительное сокращеніе притчи Кирилла Туровскаго, занимающей цѣлыхъ 20 печатныхъ страницъ въ четвертку. Въ картинкѣ выпущены почти всѣ толкованія и нравоученія, которыми переполнена притча XII

⁶⁾ У Боричевскаго приведенъ Мазовецкій рассказъ о томъ, какъ чортъ женился на злой бабѣ и вскорѣ послѣ свадьбы незналъ куда отъ нея дѣться; онъ даже отказался отъ души, слѣдовавшей ему по договору, когда его начали страшать, что вотъ-де идетъ къ нему жена его (III. 199). Въ другой, чернорусской, повѣсти у него-же рассказано, какъ добрая собака, въ угоду своему хозяину, столкнула жену его въ яму, въ которой поселился чортъ, и какъ на другой же день чортъ пришелъ умолять мужика, чтобы вытащилъ ее изъ ямы, ибо ему отъ жены его житья нѣту (III. 20).

вѣка; гораздо болѣе сходства представляетъ текстъ ея съ рассказомъ, помѣщеннымъ въ Тысячѣ и одной ночи: владѣлецъ одного сада пріютилъ хромца и слѣпца въ своемъ саду, изъ одной жалости, и, нарвавъ имъ плодовъ, просилъ ихъ ничего въ саду не портить. Плоды прилились имъ по вкусу и они начали придумывать какъ-бы достать ихъ прямо съ дерева. Пришедшій на ту пору сторожъ сперва отговаривалъ ихъ отъ этого, а потомъ, вслѣдствіе неотступной просьбы ихъ, научилъ какъ приступить къ дѣлу. За тѣмъ хромой сѣлъ на слѣпаго, наломалъ вѣтокъ и нарвалъ плодовъ. Когда пришелъ хозяинъ, оба заперлись въ своихъ дѣйствіяхъ: мы не могли надѣлать этого, говорили они, ты видишь, что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ. Но хозяинъ обвинилъ ихъ, и за заперательство приказалъ заключить въ темницу, гдѣ они и погибли. Въ концѣ прибавлено слѣдующее нравоученіе, которое находится и въ нашей картинкѣ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ: «Слѣпой представляетъ тѣло, хромой—душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и Творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сторожъ—разумъ, предостерегающій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. По сему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію». Пальцеръ, въ статьѣ о странствованіи восточныхъ повѣстей (Monatschrift für Geschichte... des Judenthums... von Frankel... Febr. 1873. S. 75—77), находитъ въ этомъ рассказѣ большое сходство съ разговоромъ императора Антонина съ раввиномъ, приведенномъ въ Вавилонскомъ Талмудѣ. На этой-же канвѣ основанъ и рассказъ, содержащійся въ Римскихъ дѣяніяхъ; привожу его по переводу, сдѣланному академикомъ Сухомлиновымъ (Два семитическихкія сказанія, въ Запискахъ Акад. Наукъ): «жилъ-былъ царь, который задумалъ устроить пиръ на весь міръ, и разослалъ по всему своему царству бирючей сзывать на пиръ всѣхъ и каждого, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ: на пиру этомъ раздавались не только роскошныя угощенія, но и драгоценныя сокровища. Въ то время какъ бирючи объѣзжали земли и замки, возвѣщая царскую волю, въ какомъ-то городѣ жили хромецъ и слѣпецъ: слѣ-

пой былъ силенъ и крѣпокъ, а хромой слабъ и хилъ, но имѣлъ весьма хорошее зрѣніе. Слепой говоритъ хромому: другъ ты мой, бѣда намъ обоимъ! по всей странѣ объявлено, что царь въ такое-то время даетъ великолѣпный пиръ, на которомъ будутъ раздаваться не долька яства, какихъ кто пожелаетъ, но и большія богатства; но ты хромъ, а я слѣпъ: значить ни ты, ни я на пиръ не попадемъ. Хромой возразилъ на это: если ты хочешь послушаться моего совѣта, то и мы, какъ всѣ другіе, будемъ на пиру и получимъ сокровища. Слепой объявилъ, что готовъ послѣдовать всякому полезному совѣту. Тогда хромой сказалъ: ты силенъ и крѣпокъ тѣломъ, а я хилъ и хромъ; возьми меня на спину и понеси, а я буду указывать тебѣ дорогу, потому что хорошо вижу, и мы оба попадемъ на пиръ и получимъ часть свою подобно всѣмъ другимъ. На это слѣпой отвѣтилъ: аминь говорю тебѣ, совѣтъ твой хорошъ, садись сейчасъ же мнѣ на спину. И такимъ образомъ вышло, что хромой указывалъ слѣпому дорогу, а слѣпой несъ хромаго, и оба пришли на пиръ и получили обѣщанныя сокровища.

793 А. Прибавить: Слово Ефрема Сирина; листовая картинка, грав. на мѣди; въ собраніи Яковлева.

795. Корабль, знаменующій церковь. Есть новѣйшее повтореніе этой картины, первой половины нынѣшняго столѣтія, гдѣ надъ еретиками именъ не поставлено; мѣдная доска (съ фабрики Логинова) находится въ литографическомъ заведеніи г. Гольшева, въ селѣ Мстерахъ; отпечатки пускаются въ продажу.

Низъ картинки, т. е. изображеніе еретиковъ, заимствованъ въ № 795-мъ изъ огромнаго тезиса (8 листового размѣра, печат. съ двухъ досокъ; обѣ доски въ Акад. Худ.), поднесеннаго Ерошеемъ Іозефовичемъ епископу Суздальскому и Юрьевскому Варлааму Леницкому, въ 1720 году; на этомъ тезисѣ находится и портретъ Леницкаго (въ ростъ); въ числѣ еретиковъ, на этомъ тезисѣ, кромѣ помѣщенныхъ въ № 795, прибавлены: Социнъ

Фотинъ, Несторій, Ебѣонъ, Македоній, Лютеръ, Евномій и самъ Папа (этотъ послѣдній безъ надписи), но пропущены: оба Уніата, Оригенъ, Епикуръ, Евтихъ, Ляхъ и Іезуитъ.

Мотивъ нашей картины, описанной подъ № 795-мъ, заимствованъ изъ слова св. Иполита, въ которомъ церковь представляется въ видѣ корабля, плывущаго по бурному морю и терпящаго гоненіе отъ невѣрныхъ; но кормчій на кораблѣ — Христось, который и охраняетъ его отъ напастей (Невоструевъ, Слово св. Иполита. Москва 1868, 91). Въ числѣ народныхъ картинокъ Ганса Сакса находится одна, напоминающая нашу: на ней изображено христіанское терпѣніе въ видѣ женщины, плывущей въ лодкѣ; въ нее пускаютъ стрѣлы: смерть, дьяволъ и свѣтъ (см. IV, прим. къ № 82).

795 А. Прибавить: таже картинка четырехлистоваго размѣра — точная копія съ предыдущей; текстъ внизу заканчивается словами: «ядъ свой изливати». Въ моемъ собраніи.

795 Б. Таже картинка, другаго перевода, полутора-листоваго размѣра, вдлинну; текстъ тотъ-же, что и въ № 795; въ числѣ еретиковъ прибавленъ «лютеръ». Въ моемъ собраніи.

797. О сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія. Текстъ этой картинки перепечатанъ дословно (но въ извлеченіи) изъ книги: «Извѣщеніе чудесе ѿ сложенія тріе^х первыхъ перстовъ, въ знаменованій чѣнаго и животворящаго крѣта, напечатася повелѣніемъ благаго честивѣйшаго великаго Гдѣря нашего Црѣя, и Великаго Кнѣзя Θεодора Алеѣевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя руссіи самодержца: Блгвеніемъ же в дхѣвно^м чину оца егѣ и бѣгомльца, великаго Гдѣна стѣйшаго куръ Іоакима, Патріарха московскаго и всея руссіи в прѣтвующе^м великомъ градѣ Москвѣ, в лѣто ѿ сотворенія міра, зрѣ: ѿ рѣтва же по плоти Бѣа Слова, «хѣз. индікта, ѣт, мѣа Іуліа».

При этомъ текстъ нашей картинки представляетъ значительныя измѣненія и пропуски противъ текста «извѣщенія», а въ са-

момъ началъ въ немъ выпущена слѣдующая исторія о ясельничемъ Теодорѣ: «Бѣжимъ посѣщеніемъ мужъ нѣкто бл҃гочестивый, бывшій прѣкаго величества Ясельничей, именуемый Теодоръ вышеславцевъ, тяжкою на долзѣ времени содержимый болѣзнію, лежаще на одрѣ своемъ еле движимъ стѣя четьредесятницы, в нлю кр҃топоклонную, в часъ шестый дне, и ѡжидаже часа смертнаго: лежаше же на правомъ боцѣ, десницу свою низвѣсивъ из ложа, юже придержаше ему раба егѡ двѣца маріна и внезапно нача десница егѡ трястися, и тайною силою бж҃іею разведошася нужднѡ персты десницы егѡ, и жилы в рудѣ ѡстрѡ напрягошася. Онъ же нача гду бгу молитися тайнѡ, да извѣститъ ему, поне при кончинѣ жизни егѡ, како єсть дшеспасеннѡ персты согибати, во изобразеніи кр҃та ст҃аго: [ибо усумнѣніемъ удержи^м бяше]. И абіе невидимою силою бж҃іею, три персты первіи совокупишася: великій, оуказательный, и средній: два же послѣдніи, мизинець и со близь егѡ сущимъ ко длани пригнушася не разводима. То видящи раба егѡ маріна, нача персты разгибати, но не возможе якѡ ѡкрѣпли бяху. И того ради оужаснувшись, нача велми плакати. А онъ теодоръ лежаше молча. потомъ содержахуся, даже до четверти часа, и посе^м сами разведошася». (Извѣщенія лл. к об., г и л). Далѣе идетъ описаніе, какъ объ этомъ чудѣ донесено было патріарху, по приказу котораго произведенъ розыскъ и воздано благодареніе Господу за показаніе такого славнаго чуда на увѣреніе и спасеніе православныхъ христіанъ. За тѣмъ въ текстѣ картинки перепечатаны, почти безъ измѣненія, вины 1—5 извѣщенія; *шестая вина* извѣщенія: «яко бл҃горазумнѡ єсть первоѣ ляце бга, первымъ: второе, вторымъ: а третіе, третіе^м перстомъ изобразжати, неже второе четвертымъ, и третіе пятымъ», — въ картинкѣ выпущена; за тѣмъ *седьмая вина* извѣщенія помѣщена въ картинкѣ подъ именемъ шестой вины; слѣдующія же за нею вины 8-я, 9-я и 10-я извѣщенія тоже выпущены, а именно:

«Осмая вина, якѡ персть первый, и два послѣдніи не могутъ числитися сяце: первый персть, вторый, и третій: но первый, четвертый, и пятый. Въ бж҃твеннѣй же тріцѣ нѣсть лѣтъ гл҃ати,

лице четвертое, и пятое убо ниже лѣнѡ єсть сими персты образovati, но трети первыми персты, ѡнихже праведнѡ гл҃ется: первый, вторый, и третій.

Девятая вина єсть, іакѡ между первымъ персто^м, четверты^м, и пятымъ, єсть дву перстѡ посредство. Между отцемъ паки, и снѡмъ и стѣмъ дхѡмъ никоеже ѡбрѣтаєтся посредство. оубо нѣсть лѣпо тѣми образovati персты. Но первы^м, вторы^м, и третій^м, между ими же никоеже ѡбрѣтаемо єсть посре^дствіе.

Десятая вина, якѡ то треперстное сложеніе, велики^м соборомъ, въ цр҃ѣ градѣ, ѡ курь Паісія патріарха константинопольскаго, собраннымъ въ лѣто 373, осмюдесять Архіереами, и многими клирїки великія цр҃кве оутвердися».

Конецъ тоже значительно сокращенъ въ картинкѣ, а слѣдующее обращеніе къ раскольникамъ совсѣмъ выпущено: «Вы оубѡ ѡ раскололюбцы, зрите кому противитесь; не противу ли рожну ваше праніе; Не на солнце ли, ваше стрѣль дшевредныхъ изпущаніе; Жалость ны ѡбемлетъ ѡ безумїи вашемъ: болѣзнуемъ душами, видяще оупорную погибель вашу. Тѣмже оумиленія движими дхѡм, паки къ вамъ вопіемъ; возвратитесь братіе во^овратитесь, ко рождшей вы дхѡвнѡ мтри цр҃кви, Яже такѡ готова єсть васъ прїяти, Яко-же блуднаго сына, оцѣмилостивнѡ прїяль єсть. Престаните ѡ себѣ мудрствовати, то бо єсть буйство. но якѡ цр҃ковь, такѡ и вы мудрствуйте, сеже єсть истинная мудрость и спасеніе. Ѡставьте кзніи ваша, и лукавства, имитесь же незлобія и правды, да ѡ праведнаго, и пребл҃гаго бга помиловани будете. Исцѣляйте язвы душъ вашихъ пластырми дхѡвными: язву непослушанія, пластыремъ послушанія: рану непокорства, бл҃гопокореніемъ: язву раскола, согласіемъ: рану суетности, смиреннымъ ѡ себѣ разумѣніемъ: язву выныхъ прелщенія, пластыремъ ко познанію правды оувѣщанія: рану оупора, единосовѣтіемъ: и прочія язвы, прочими противными имъ врачевствы. То егда аще сотворити, исцѣлѣетъ члѣкъ вашъ внутренній, и оугодни будете на служеніе всѣхъ цр҃ю и творцу, ѡ негѡ-же и оудостоятся

мзды вѣчныя, вѣнца славы, во нбѣомъ его прѣтвѣи: ему же ѿ всея твари буди честь, и слава, во вѣки вѣковъ, аминъ».

Довольно подробный, хотя и односторонний разборъ всего, что было сказано по предмету перстосложенія, помѣщенъ въ книгѣ Лопатинскаго, поименованной въ предыдущемъ номерѣ (796) «обличеніе неправды расколическія». М. 1745. Въ этой книгѣ приложены три любопытныя картинки: 1) собраніе 105 рукъ, съ подписью внизу: «Сколко то трудились раскольщики, и сколько то рукъ любившихся имъ с'ікѣ собирали, а нигдѣ любимѣйшаго имъ арменскаго кукиша настоящаго не сыскали и не показали, и потому явственно сами свое суевѣрное оупрямство и зблужденіе изобличили»; 2) изображеніе руки преподобнаго Іосифа многоболѣзненнаго и руки препод. Ильи Муромца, у которыхъ, по ложному увѣренію раскольниковъ, персты сложены по расколически, а по удостовѣренію соборныхъ старцевъ Кіевской Лавры сложены по православному уставу, — и 3) картинка расколическихъ толковъ, описанная подъ № 796. (Сравни статью: «о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и благословенія» въ Православномъ Обозрѣніи 1835. IV. 56). На древнѣйшихъ памятникахъ христіанскаго искусства встрѣчаются весьма разнообразныя перстосложенія, и правилъ на этотъ предметъ, въ первые вѣка христіанства, когда форма не заходила впередъ дѣла, установлено не было. Вотъ что было заявлено относительно перстосложенія на диспутѣ г. Кондакова, бывшемъ въ 1877 году (Исторія визант. искусства по миниатюрамъ, Одесса 1876): въ Царьградскомъ Софійскомъ соборѣ, палатумѣ восточнаго православія, на открытыхъ мозаикахъ VI-го вѣка, изображены фигуры отцовъ церкви, стоящія рядомъ и воспроизведенныя, очевидно, по рисункамъ одной и той же руки, но благословляющія неодинаково: одни *дву-перстисемъ* (указательный и средний пальцы вытянуты, остальные соединены), другіе *имянословно* (указательный палецъ вытянутъ, большой и безымянный сложены крестообразно, средний и мизинецъ слегка согнуты, такъ что получается анаграмма ІС. ХС.). Двойное изображеніе одного и того же символа повторялось и въ

рукописяхъ, и на иконахъ до X-го вѣка, и проникло на Русь; по мѣрѣ утверженія христіанства на Востокъ, имянословная форма перстосложенія встрѣчается несравненно чаще и ко времени разединенія церквей была окончательно канонизована восточною церковью; западная же удержала двуперстіе.

798. Печать Царя Соломона. Точно такое-же изображеніе печати, съ словами: «сатор арепо тенет опера ротас», находится въ Румянцевскомъ сборникѣ XVII в. (Востоковъ, стр. 541. № 368. л. 65); сбоку тамъ надпись: «сты^м дхо^м всякая тварь обновляется паки текущи на первое». Около печати страница исписана слѣдующими виршами: «сія печать премудраго Соломона прѣ... толкъ же ея сие разположися яже здѣ ниже сего пред'явися: Протолкована ѿ мудраго нѣкоего ритора зри опасно увѣждь извѣстно. Вначалѣ бо ея о миробытно^м состояніи пред'явися елико всесилою бжїею рукою сотворися. Вконцы^х ея о вочеловѣченіи бжїи і второ^м пришествіи его глѣть. яже бысть прежде и хоцетъ паки быти вконецъ лѣтъ». На оборотѣ листа помѣщено описаніе сотворенія міра, грѣхопаденія первыхъ чловѣковъ, потопа, рождества Христова и страшнаго суда (всего 25 строкъ). Описаніе это заканчивается такъ-же латинскими словами: «сатор арепо тенет опера ротас».

Въ другомъ Румянцевскомъ сборникѣ (Восток. № 375, л. 45) помѣщено другое толкованіе этой печати, въ концѣ котораго прибавлено: «я сего недостойно похвалити кто печать его переве^т на російской языкѣ и грамоту и разумъ и большія слова растолкова^т. весно всемъ имѣющи^м умъ у соломона прѣ не наша російская грамота была но и^т настоящая». Въ рукописной ариметикѣ 1685 года (Востоковъ, Рум. муз. № XII) упоминается о Соломоновой печати (л. 136), на которой были изображены разныя астрономическія выкладки. О печати, или перстнѣ, посредствомъ котораго Соломонъ управлялъ духами, у магометанъ составила слѣдующая басня: однажды къ Соломону явилось восемь ангеловъ, имѣвшихъ множество крыльевъ разныхъ цвѣтовъ; они сказали, что приставлены къ восьми вѣтрамъ, и Богъ по-

слалъ ихъ служить ему. При этомъ главный изъ нихъ подалъ Соломону драгоценный камень, на которомъ были написаны слова: Богъ есть величїе и сила, и сказалъ: когда тебѣ нужно будетъ приказать намъ что-нибудь, подними этотъ камень къверху, и мы тотчасъ явимся къ тебѣ. Когда эти ангелы удалились, явились четыре существа разныхъ видовъ: одно имѣло видъ кита, другое орла, третье льва, четвертое змѣя: они объявили о себѣ, что они начальники всѣхъ животныхъ на землѣ, въ водахъ и въ воздухѣ, и получили отъ Бога повелѣніе находиться подъ его властью и исполнять его волю. Они также дали Соломону драгоценный камень, который имѣлъ надпись: «все одушевленное хвалитъ Господа». Соломону стояло только опять поднять камень надъ своей головой, чтобы заставить ихъ явиться къ нему за приказаніями. Потомъ явился ангелъ земнаго шара, на которомъ было написано: «небо и земля суть слуги Божїи». Наконецъ еще другой высшій ангелъ представилъ Соломону четвертый камень, на которомъ было написано: «иѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ его пророкъ». Поднявши этотъ камень, Соломонъ могъ вызвать цѣлый міръ духовъ, ангеловъ и демоновъ. Всѣ эти четыре камня Соломонъ приказалъ вставить въ одинъ перстень, который и доставлялъ ему власть надъ всѣмъ твореніемъ, видимымъ и невидимымъ (Порфирьевъ, 75 и 76). Отправляясь въ баню, Соломонъ свой перстень, на которомъ четыре раза было вырѣзано великое имя Божїе и который давалъ ему власть надъ всей природою, обыкновенно отдавалъ одной изъ своихъ женъ, по имени Аминѣ. Этою неосторожностію Соломона вздумалъ воспользоваться демонъ Асмодей (по арабскимъ сказаніямъ Саккаръ). Принявъ видъ Соломона, онъ явился къ Аминѣ, взялъ у нея чудесный перстень и занялъ престолъ Соломона, а Соломонъ былъ изгнанъ изъ дворца и долженъ былъ странствовать какъ нищій. Это наказаніе Соломона продолжалось 40 дней, столько же времени, сколько во дворцѣ его почитался идолъ, который былъ сдѣланъ для другой жены его Тереды (см. тоже: IV. 163). Послѣ этого времени Богъ простилъ Соломона, и онъ возвратился на царство, а демонъ

убѣжалъ и бросилъ перстень въ море. Но перстень проглотила рыба, которую поймали рыбаки и представили Соломону. Нашедши перстень, Соломонъ заставилъ демона явиться къ себѣ и, навязавъ ему на шею камень, бросилъ его въ Тиверїадское море, гдѣ Асмодей началъ производить бури. Посредствомъ этого же перстня Соломонъ управлялъ демонами, которые по его приказанію строили Іерусалимскій храмъ; при этомъ они производили такой страшной шумъ, что во всемъ Іерусалимѣ нельзя было между собою разговаривать. Однажды Соломонъ приказалъ остановить работы и спросилъ: не знаетъ-ли кто, какъ обдѣлывать камни безъ шума. На это одинъ духъ отвѣчалъ, что знаетъ такой способъ одинъ Асмодей, но что онъ не подчиненъ Соломону. «Но какъ я могу заставить его придти къ себѣ?»—спросилъ Соломонъ. Асмодей, сказали демоны, каждый день восходить на небо, для преставленія Богу, и потомъ сходить на землю около одной горы, гдѣ у него вырытъ колодезь; изъ этого колодезя онъ пьетъ воду и напившись закрываетъ его камнемъ и запечатываетъ перстнемъ. Они посоветовали Соломону послать одного изъ своихъ придворныхъ вельможъ къ этому мѣсту, давши ему цѣпь, на которой было написано имя Божїе, желѣзные узы, на которыхъ было вырѣзано то же имя, связку шерсти и мѣхъ съ виномъ. Вельможа долженъ былъ выкопать новый колодезь пониже колодезя Асмодеева, и вылить въ него воду изъ колодезя Асмодеева, а отверстіе задѣлать шерстію; потомъ выкопать другой колодезь, выше Асмодеева, и наполнить его чистымъ виномъ, а колодезь Асмодеевъ засыпать пескомъ, чтобы онъ не могъ узнать его. Сдѣлавъ все это, вельможа спрятался на деревѣ. Пришедши къ колодезю и найдя въ немъ вмѣсто воды вино, Асмодей сначала не хотѣлъ пить, сказавши: *писано есть: невинно вино, укориженно же пьянство, и всякъ, пребывая въ немъ, не будетъ премудръ* (Притч. 20, 1); но потомъ, когда уже больше не могъ выносить томившей его жажды, онъ началъ пить, опьянѣлъ и легъ спать. Тогда вельможа сошелъ съ дерева, надѣлъ на него цѣпь и стянулъ ему шею. Асмодей хо-

тѣль разорвать цѣпь, но вельможа дважды произнесъ: *имя Господа твоего да будетъ надъ тобою*. Асмодей смирился и пошелъ за вельможей. На дорогѣ онъ встрѣтилъ пальму и вырвалъ ее съ корнемъ; проходя мимо одного дома, онъ разрушилъ его; встрѣтивъ хлѣбную печь одной вдовы, разломалъ ее. Отъ этого Асмодея Соломонъ узналъ о червякѣ *Шамиръ*, который имѣлъ подобіе ячменнаго зерна и хранился у предводителя орловъ, жившаго въ одной приморской странѣ. Чтобы взять у него Шамира, нужно было поставить предъ нимъ зеркало; увидѣвъ въ зеркалѣ свое изображеніе и принявъ его за орлицу, онъ бросился на него и въ это время выронилъ Шамира, который хранился подъ его крыломъ. Подъ *Шамиромъ*, очевидно, разумѣется алмазь, употребляемый при рѣзаніи стекла и камней; въ другомъ сказаніи онъ и называется камнемъ. Когда Соломонъ спросилъ Асмодея, говорить это сказаніе, какъ можно обдѣлывать камни безъ шума, онъ сказалъ, что научить этому можетъ воронъ: «положи на гнѣздо, въ которомъ находятся его яйца, хрустальную пластинку, и ты увидишь, какъ онъ будетъ пробивать ее». Соломонъ положилъ на гнѣздо вороны хрустальную пластинку. Прилетѣвшій воронъ пытался разбить хрусталь, но замѣтивъ, что не можетъ этого сдѣлать, улетѣлъ и чрезъ нѣсколько часовъ принесъ въ своемъ клювѣ камень, которымъ коснулся пластинки, и она тотчасъ раскололась. Гдѣ ты взялъ этотъ камень?—спросилъ Соломонъ. Этотъ камень есть *Шамиръ*, отвѣчалъ воронъ; онъ находится на краю востока, на высокой горѣ. Соломонъ приказалъ геніямъ отправиться туда съ ворономъ и принести такихъ камней, какъ можно больше. Принесенные камни онъ роздалъ работникамъ храма, и съ тѣхъ поръ они начали работать безъ всякаго шума (Порфирьевъ, 72). Разказы о подчиненіи Соломону демоновъ вошли и въ коранъ; въ 21 главѣ Богъ говоритъ: мы подчинили Соломону бурный вѣтеръ, и между демонами мы подчинили ему тѣхъ, которые ныряли для ловли ему жемчуга и исполняли другія его порученія; геніи работали на его глазахъ, по изволенію Господа его, а кто изъ нихъ удалялся отъ нашего повелѣнія, того мы предавали мученію

въ пламени. Они исполняли для него все работы, какія онъ хотѣлъ, дворцы, статуи, подносы, широкіе, какъ водоемы, котлы, твердо поставленные... (гл. 34-я).

Извѣстіе о томъ, что Богъ подарилъ Соломону перстень и черезъ него власть надъ демонами, въ то время когда Соломонъ задумалъ построить храмъ, попадаетъ и въ нашихъ отреченныхъ книгахъ (Тихонравовъ, Памят. отреч. лит., I. 310). Слова, вырѣзанныя на Соломоновой печати «*Sator arepo tenet orega rotas*», имѣютъ такую силу, что стоитъ написать ихъ на тарелкѣ съ обѣихъ сторонъ, и бросить ее въ огонь,—и огонь тотчасъ погаснетъ.

Изъ древнѣйшихъ памятниковъ восточной литературы, Соломонова печать упоминается въ исторіи Гюльвары (въ 1001 ночи): на ней были вырѣзаны слова на языкѣ морскихъ жителей (водяныхъ); морской царь Салекъ, ныряя съ племянникомъ своимъ, земнымъ жителемъ, въ море, произносилъ надъ нимъ эти слова, и этимъ сообщалъ ему способность жить подъ водой. Печать царя Соломона, съ приведенною на ней надписью (*Sator arepo tenet orega rotas*), извѣстна была и у нѣмцевъ (Scheible, Das Kloster, III. 876). По удостовѣренію Іосифа Флавія, царь Соломонъ писалъ притчи о всехъ деревьяхъ и животныхъ, и сочинялъ заговоры противъ злыхъ духовъ. «Я самъ видѣлъ», говоритъ Флавій, «какъ одинъ человекъ, по имени Елеазаръ, изгналъ бѣса изъ бѣсноватаго, приложивъ къ ноздрямъ сего послѣдняго печать съ корнемъ, указаннымъ Соломономъ: и бѣсъ вышелъ изъ него» (Antiq. L. VIII. С. II).

Изъ апокрифическихъ книгъ, въ которыхъ говорится о Соломонѣ и его мудрости, въ индексѣ папы Геласія и у другихъ писателей упоминаются: *Contradictio Salomonis*; *Clavis, sive clavicula Salomonis et thesaurus omnium scientiarum regi Solomoni per angelum Dei juxta altare revelatarum*; *Hygromantia Salomonis ad filium Roboam*; *Annulus Salomonis*; *Liber de lapide minerali sive philosophico*. *Sera Salomonis*; *De sigillis Salomonis*; *Somnia*

Salomonis (Fabricii. Cod. Vet. test. I. 1052—1056; Migne, Dict. des Aposr. II. 842—844; Порфирьевъ, 127).

799. **Синодики.** Рукописные Синодики, или помянники «о посыланіи мертвымъ», ведутся въ русскихъ храмахъ и въ домашнемъ обиходѣ издавна; церковь записываетъ на вѣчное поминовеніе тѣхъ покойниковъ, по которымъ внесены на ихъ поминанье вклады; каждая православная семья вносила въ свои поминанья умершихъ своихъ членовъ, а также и добрыхъ знакомыхъ. Въ XVII вѣкѣ начали составляться синодики, со включеніемъ впереди разныхъ душеспасительныхъ исторій¹⁾. Синодикъ получилъ опредѣленный составъ и отпечатанъ гравированными досками въ концѣ XVII вѣка. Въ этотъ Синодикъ включено много разныхъ повѣстей изъ Зеркала Великаго, Новаго Неба и другихъ источниковъ, а именно: Легенда объ отсѣченной головѣ разбойника, которая потребовала іерея и произнесла передъ нимъ исповѣдь, — заимствована изъ Новаго неба (въ которое перешла изъ Великаго Зеркала, — *Magnum Speculum*, XI. 455); легенда о явленіи сыну его матери, въ блудѣ жившей, заимствованная изъ Великаго же Зеркала; рассказы о исходѣ души изъ тѣла и ея похожденияхъ заимствованные изъ твореній Кирилла Александрійскаго (Тихонравовъ, 33-е присуд. Демидовской преміи, 216). Нѣкоторыя картинки изъ Синодика, какъ напримѣръ: зеркало грѣшнаго человѣка (№ 742), притча о грѣшной матери, умершей безъ покаянія (№ 700), Адамова голова (№ 756) и чудо о литургіи, совершенной на китѣ, который только по окончаніи оной пошелъ въ море (№ 803), изданы впоследствии отдѣльными листами.

Вирши на картинкахъ о мытарствахъ заимствованы изъ сочиненія Авраамія Смоленскаго о Страшномъ Судѣ и Мытарствахъ,

¹⁾ Какъ напримѣръ о Цилѣ посадникѣ Новгородскомъ, котораго сынъ избавилъ отъ адскихъ мукъ, заказывая по немъ панихиды (см. примѣч. къ № 727); о пресвитерѣ Кипріянѣ, любившемъ ходить часто въ баню; о юношѣ и распутной дѣвицѣ и т. д.; при чемъ повѣсти украшались картинками (Буславъ, Очерки, I. 623).

которое приведено Шевыревымъ и приписано имъ Кириллу Туровскому (III. 15)²⁾. О значеніи синодиковъ см. въ заключеніи.

²⁾ Это-же слово приведено прежде того у Казаидовича въ Памят. Росс. Слов. XII в. стр. 92. Предлагаю здѣсь выписки изъ греческихъ патериковъ по Уваровскому сборнику (XVIII в. № 823) объ этомъ же предметѣ, которыя тоже отчасти вошли въ текстъ синодика: «Исходъ души праведнаго. Ангелъ Господень приходитъ по душу съ радостію, и взимаетъ честно, и благословеніе бываетъ той, діаволу же бѣжащу посрамену отъ мѣста того» (л. 17 об.). «Исходъ души грѣшнаго. Тогда Ангелъ хранитель души той стоитъ прискорбенъ и плача, діаволу же пришедшу радующуся и кажущу свитки, дѣлаетъ ей множество» (л. 18 об.). «Въ третій день восходитъ душа поклониться Христу, и того ради творимъ память за усопшихъ». (л. 19 об.). «Два бо дни носима душа ангеломъ по земли, идѣже хоцетъ, ово въ дому, овога же къ тылу» (л. 20 об.). «Третины-же творимъ яко въ третій день человѣкъ вида измѣняется» (л. 21 об.). «Девятины же творимъ, яко въ той день все зданіе растечется, токмо сердцу единому цѣлу». . . (л. 22 об.). «Четырдесятый же день творимъ, яко въ той день и то самое сердце погибаетъ, и костемъ развалившимся» (л. 23 об.). «Потомъ повелѣтъ Господь ангелу показати души той различныя райскія красоты и жилища святыхъ. Аще праведна душа, то радуется; аще грѣшна, то большую скорбь пріемлетъ, яко таковыхъ благъ лишися». (л. 25 об.). «Егда іерей совершаетъ понахиду и молится получитьи души той мѣсто свѣтло и мѣсто покойное, тогда ангелъ хранитель радостенъ восходитъ на небо» (л. 28 об.). «И возшедъ на небо, напишетъ имя то въ вѣчныхъ обителяхъ» (л. 29 об.). «Тогда ангелъ Господень сходитъ въ темная мѣста и сноситъ души той свѣтъ небесный и освѣщаетъ ея» (л. 30 об.). «Егда священникъ совершаетъ литургію и поминаетъ имя умершаго, тогда ангелъ Господень стоитъ съ радостію» (л. 31 об.). «И сходитъ во удалная мѣста и темная, и сноситъ души той одѣяніе и вѣнецъ, и облачаетъ ея и возноситъ на небо» (л. 32 об.). «И посаждена бываетъ душа та въ райскихъ свѣтлыхъ мѣстахъ, хранима херувимомъ, и сѣдитъ ту отъ утра и до вечера» (л. 33 об.). «И по совершеніи вечерняго пѣнія сноситъ Ангелъ душу ту облакомъ, и облачаетъ ея отъ одѣянія и вѣнца, и посаждаетъ ея въ прежнее мѣсто» (л. 34 об.). «Въ девятый день по умертвіи восходитъ душа праведная на небеса поклониться Христу, и Ангели Господни стрѣтають ея на первомъ небеси съ радостію и начнутъ душу ублажати, глаголюще: блажена еси, душе! Яко жила еси на земли по закону Господню, и нынѣ-же приходиши въ вѣчный покой и радостна душа та» (л. 36 об.). «Такожде восходитъ и грѣшная душа на небеси поклониться Христу. Стрѣтають ея Ангели съ плачемъ глаголюща: О многгрѣшная душе и окаянная! жила еси на земли не по закону Господню, нынѣ же идиши въ вѣчное мученіе; и печальна бываетъ душа та» (л. 37 об.). «Въ четьрдесятый день душа грѣшная восходитъ на поклоненіе Христу, и гнѣвъ Божій приходитъ на душу ту, и шестокрилати херувими закрываютъ лице Господне, и ризы престолъ, не хотяще показати славы лица Господня. И гонима бываетъ душа та пламеннымъ оружіемъ» (л. 38 об.). Въ параллель къ разрушенію человѣческаго тѣла привожу выписку относительно зачатія и рожденія человѣка (Румянц. рукоп. № 461): «Яко сѣмя оубо во утробу вшедшее

803. **Чудо о совершении литургии на китѣ.** Текстъ картинки заимствованъ изъ Великаго Зеркала, главы 76-й: «о слушающихъ литургію, како великій китъ не повреди». Эта легенда нѣсколько напоминаетъ персидскую повѣсть о Синдибабѣ, который причалилъ съ судномъ своимъ къ одному зеленому острову; Синдибабъ вышелъ съ товарищами на берегъ, и развелъ огонь. Вдругъ весь островъ потрясся; это была земная рыба Хуть, которая грѣлась на солнцѣ; почувствовавъ на спинѣ жжение огня, она проснулась, оборотилась на другой бокъ, и опрокинула Синдибаба и его товарищей въ море.

808. **Эмблематъ духовный,** судя по рисункамъ, заимствованъ изъ какого нибудь нѣмецкаго сочиненія. Онъ имѣетъ большое сходство съ «Geistliches Sittenspiegel. Würzburg 1732», приведеннымъ у Шейбле (Das Kloster, I. 198); въ этомъ сочиненіи представлены, въ разныхъ фазахъ, сердца челоуѣка—праведнаго, грѣшнаго, порочнаго, покаявшагося и т. д.; грѣхи изображены въ видѣ свиньи, павлина, змѣи, жабы и пр.; двѣ картинки изображаютъ смерть праведнаго и смерть грѣшнаго, довольно схоже съ нашимъ Эмблематомъ. Сочиненіе это, замѣчаетъ Шейбле, переведено съ французскаго; Низаръ упоминаетъ о новомъ французскомъ изданіи (Елиналъ, 1822) подобной книги, подъ названіемъ «зерцало грѣшнаго, составленное отцами капуцинами», но это зеркало во многомъ разнится отъ нѣмецкаго Sittenspiegel и отъ нашего Эмблемата. Въ славянской литературѣ есть духовно-нравственное сочиненіе Діоптра (Евю, 1612), которое содержаніемъ своимъ напоминаетъ Эмблематъ: въ 1-й части его говорится о суетѣ міра, во 2-й—о развратности его, а въ 3-й—о томъ, какъ слѣдуетъ презирать суету мірскую.

809. **Лицевая библия гравера Ильи.** Библия эта, какъ видно изъ подробнаго перечня всѣхъ составляющихъ ее 133-хъ картинокъ, втретій день примѣняется въ кровь и живописуется сердце; вдевятый же день согустѣвается во уды членовы; вчетырдесятый же день въ видѣніе совершенно воображается подобно яко по числу дней и мѣсцевъ, третій бо мѣсяцъ движется во утробѣ одушевлено ѿтроча мужеска полу, женскій же вчетвертый и полъ въ ѿ же растворяется.

гравирована вся рукою монаха Ильи; экземпляры ея чрезвычайно рѣдки; полные находятся въ моемъ собраніи и въ Публичной библиотекѣ; въ этомъ послѣднемъ къ Библии присоединена тетрадка съ картинками изъ Новаго заветъа, работы разныхъ мастеровъ и съ досокъ уже бывшихъ въ употребленіи (хотя и отпечатанныхъ въ одно время съ Библией, судя по бумажнымъ знакамъ обѣихъ). Экземпляръ такой же тетрадки съ картинками изъ Новаго заветъа есть и въ Московскомъ музеумѣ. Въ этой тетрадкѣ картинки расположены въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ помѣщены въ Мечѣ духовномъ (Кіевъ, 1666 г.) и въ Вѣнцѣ Христовѣ (Кіевъ, 1688 г.) (кромѣ пяти картинокъ, которыхъ въ поименованныхъ книгахъ нѣтъ). При этомъ замѣчу, что № 33 (притча о Самарянинѣ) въ «Вѣнцѣ» нѣтъ; а картинка Страшный Судъ, гравера KZ 1676 г., помѣщена только въ «Вѣнцѣ Христовомъ», а въ «Мечѣ» доска другая.

Въ числѣ картинокъ Новаго заветъа работы Ильи всего двѣ—подъ нумерами 10-мъ (Троица) и 45 (Іоанна Лѣствичника). Изъ произведеній другихъ мастеровъ, въ тетрадку картинокъ изъ Новаго заветъа попала одна картинка, № 41. Страшный судъ, съ монограммой «ак „ахсз»—мастера Аванасія К, гравера на деревѣ, работавшаго въ Кіевѣ и Львовѣ въ 1663—1688 гг.; три доски Кіевскаго гравера к или кр, а именно: № 1. Воскресеніе, № 51. Исторія Іосифа, въ четырехъ отдѣленіяхъ,—обѣ съ монограммою «к», и № 54. Распятіе съ подписью: «к р к. „ахл» (гравированы для Кіевской Тріоди 1631 года); одна доска, № 11. Страшный судъ, съ монограммой неизвѣстнаго мастера «KZ»; одна доска, № 9. Сошествіе св. Духа, съ монограммой (Тимошей Петровичъ, Кіевскій граверъ первой половины XVII вѣка), отпечатанная въ первый разъ въ бесѣдахъ Іоанна Златоуста, Кіевъ 1624 года, и еще одна доска, № 44. Воздвиженіе съ помѣтою: «року „ахзс», съ именемъ мастера, но котораго нельзя разобрать. Большинство прочихъ досокъ заимствовано изъ досокъ отпечатанныхъ въ первый разъ въ Кіевской тріоди 1631 года и затѣмъ, какъ сказано выше, въ позднѣйшихъ Кіевскихъ изданіяхъ конца XVII вѣка. Бумажные знаки, какъ въ Библии Ильи и

Новомъ завѣтѣ Публичной бібліотеки, такъ и въ моемъ экземплярѣ бібліи Ильи, одни и тѣже: 1) шутовская голова имѣющая сходство съ №№ 1316, 1317 и 1684, въ книгѣ Тромонина (Знаки писчей бумаги, Москва 1842), изъ которыхъ первые два отнесены къ 1676 г., а послѣдній къ 1686-му; 2) двуглавый орелъ, нѣсколько сходный съ бумажнымъ знакомъ Кіевской толковой псалтыри 1697 года (у Тромонина №№ 1342 и 1362), и 3) корона, составляющая верхнюю часть знаковъ, приведенныхъ у Тромонина подъ №№ 545 и 857 и относимыхъ, первый—къ 1681, а второй къ 1701 годамъ. Съ полною достоверностью можно заключить, что біблія Ильи и тетрадка съ картинками изъ Новаго завѣта изданы въ концѣ XVII вѣка, самыя же доски Библии награвированы Ильею гораздо ранѣе, что видно изъ №№ 6 и 7, на которыхъ, вмѣстѣ съ подписью Ильи, стоитъ 1645 годъ. Всѣ 133 картинки этой Библии скопированы Ильею изъ знаменитой въ исторіи русскаго художества Библии Ивана Пискаatora. Этотъ Пискааторъ тотъ самый, который въ 1631 году издалъ карту Россіи (исправленный переводъ карты, составленной по повѣленію царя Бориса Годунова и которую еще въ 1614 г. издалъ Hesselus Gerardus) и посвятилъ ее царю Михаилу Ѳеодоровичу. Первое изданіе лицевой Библии Пискаатора носитъ слѣдующее заглавіе: «Theatrum Biblicum hoc est historiae sacrae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae. Opus praestantissimorum huius ac superioris seculi pictorum atque sculptorum, summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem. Anno 1650, въ листъ, вдлинну; отлично выполненное громадное изданіе, выправированное по рисункамъ Гемскерка, Мартына Дево и др., подъ надзоромъ И. К. Вишера, граверами Садлерами и мн. другими. Картинки этой Библии выходили до 1650 года тетрадками; въ этомъ году онѣ были соединены въ книгу, состоящую изъ 459 листовъ¹⁾. Граверъ Илья, копируя картинки Пискаатора,

¹⁾ Въ Библии Пискаатора рисунки заимствованы изъ другой древнѣйшей

уменьшалъ ихъ изъ листового формата въ четвертку; при этомъ онъ выбрасывалъ изъ нихъ все то, съ чѣмъ не умѣлъ справиться: фигуры, разныя мелочи и даже цѣлыя партіи фигуръ; иногда онъ соединялъ двѣ картинки Пискаатора въ одну (С. 2 и 3), а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныя измѣненія: такимъ образомъ многимъ сыновьямъ Іакова приданы совершенно другіе атрибуты противъ Библии Пискаатора; въ Лотовомъ паденіи, одна изъ дочерей (та, которая сидитъ у Лота на колѣнахъ) представлена голая, тогда какъ у Пискаатора она одѣта и т. д.

Граверъ на деревѣ, Кіево-печерскій монахъ Илья вырѣзалъ множество досокъ для Кіевскихъ и Львовскихъ изданій (болѣе 370), начиная съ 1636 года. Подписывался онъ подъ своими работами

ЛАН ила, ила а, ил, и а, ила илак (въ Львов. апостолѣ 1639 г.), Helias, Hel, Heli, ила С. 1656—и и с (Илія священникъ), при чемъ часто выставялъ и годъ работы.

Наибольшій трудъ онъ положилъ на гравировку Библии, которая, какъ сказано выше, рѣзана вся его рукою, а также и на вырѣзку досокъ для Кіево-Печерскаго патерика, изданія 1661 года, съ которыхъ тоже были дѣланы отдѣльные отъ книги отпечатки (они описаны ниже, подъ заголовкомъ: «Кіево-печерскіе святыя»²⁾).

810. Библия и Апокалипсисъ Кореня рѣзанъ на деревѣ грубо и аляповато, на манеръ другихъ народныхъ картинокъ на деревѣ; единственно извѣстный неполный экземпляръ ихъ (36 листовъ), раскрашенный несравненно тщательнѣе противъ обыкновенныхъ народныхъ картинокъ, находится въ С.-Петербургской Публичной бібліотекѣ. Рѣзаны картинки съ рисунковъ мастера Григорія, который заимствовалъ свои рисунки для—Библии изъ славянской Пален съ примѣсю западныхъ образцовъ, а рисунки для Апокалип-

Библии: «Biblia ad Vetustissima exemplaria nunc recens castigata... Francoforti ad Moenum 1566. fol.»

²⁾ Труды его подробно перечислены въ моей книгѣ: Русскіе граверы и ихъ произведенія. Москва 1870 г., стр. 214—226; всѣ картинки его рисованы весьма посредственно и гравированы на скоро, съ иностранныхъ образцовъ.

сиса—пзъ библии Пискатора (см. прим. къ № 809), въ которой, переводы картинокъ заимствованы, въ свою очередь, изъ книги: «Apocalypsis S. Joannis. Die Offenbarung S. Iohannis. Francofurti, Excudebat Hermannus Gulffericus. 16°»; 24 картинки гравированныя на деревѣ. Мастеръ Григорій не рабски копировалъ Пискатора: напротивъ того, онъ многое измѣнилъ (№№ 21, 26, 30), другое совершенно переименовалъ (№№ 32, 26); въ №№ 27, 28 и 36 соединилъ по двѣ Пискаторскія картинки въ каждомъ (10+11, 12+13, 25+26); придалъ фигурамъ своимъ польскіе типы и одѣлъ ихъ въ польскіе костюмы (№№ 29, 32, 35: «сіи суть куплены злюдей первенцы»); не говоря уже о томъ, что картинки Григорія размѣромъ вчетверо болѣе картинокъ Пискатора. Этотъ Григорій есть никто иной, какъ извѣстный Григорій Тепчегорскій, — маляръ, гридеръ (см. № 959) и стихотворецъ (Ш. 712), который награвировалъ большіе святцы, коштомъ Агапитова, участвовалъ (въ санѣ іерея) въ гравированіи Библии, описанной подъ № 811, да и написалъ для нея вирши; онъ-же упоминается и у П. А. Безсонова, какъ сочинитель духовныхъ виршъ, положенныхъ на ноты монахомъ Александромъ Мезенцемъ; въ то время Григорій былъ еще клирикомъ, какъ это видно изъ одного стихотворенія, въ которомъ онъ говоритъ: «Воспомянухъ житіе свое клирское Азъ недостойный Григорій» . . . . (Калики переходже, II. XI). Въ числѣ этихъ стихотвореній есть такія, которыя прямо служатъ какъ-бы толкованіемъ картинокъ его Библии. Представляю объясненіе нѣкоторыхъ картинокъ Библии Кореня, сочиненіе которыхъ заимствовано изъ текста Палеи и другихъ апокрифическихъ книгъ:

Картинка 1-я. Саваоѣ изображенъ на ней, какъ и на послѣдующихъ пяти картинкахъ, въ ангельскомъ образѣ, съ крыльями, по Исаяну пророчеству: «Велика свѣта Ангель яко съ нами Богъ!» (Соборъ на Башкина: Чтен. Москов. Общ. Исторіи 1847, III. 3). На немъ восьмиугольный вѣнецъ, означающій: «семи вѣкамъ творца и будущаго вѣка отца».

Картинка 4. Въ этотъ 4-й день, какъ показано на ней, низверженъ сатана. По Вавилонскому талмуду ангелы сотворены во

2-й день міробытія (Порфирьевъ, 27); Сатанаилъ съ его сообщниками низвержены въ бездну за четыре дня до созданія Адама (Памяти. Кушелева, III. 168). Въ Палеѣ паденіе Сатанаила рассказано слѣдующимъ образомъ: «Въ снѣ оубо день единъ отъ ангель, нарицаемый Сатанаилъ, иже оубо бѣста старѣйшина 7-му чину и видѣ яко украси Богъ твердь ту, о ней же рѣхомъ и землю. и развеличаша гордостію. и рече въ помышленіи своемъ. коль красна поднебесная си. и не вижу живущаго на ней. да прииду на землю и прииму землю и обладаю ею и буду яко Богъ. и поставлю престолъ мой на облацѣхъ. ту абіе сверже ѿ Господь с небесѣ за гордость помысла его. по немъ же спадша иже быша подъ нимъ чинъ 7-й. и аки песокъ просунушася съ небесе. и проразисаша въ преисподняя. друзіи же ихъ на земли быша. другія же отъ нихъ на воздусе повѣси архангельскій гласъ. Архистратигъ Михаилъ съи начальникъ и воевода силы Господня иного чину старѣйшина видѣвъ отступника спадша съ чиномъ своимъ. и звучнымъ гласомъ крѣпко и страшно рече. вонемъ и гласомъ силы похвалимъ всѣхъ Бога. . . . Слышавше же дѣмони гласъ архангела. и абіе повѣшени бывше на аере. первіи же тии спадшии дѣмони проразисаша въ преисподняя и суть глуши. и тии оттоле не свѣдятъ ничтоже въ мире, а иже отъ нихъ на землю спадша. то тии дѣлають ходяще по земли злая своими прелестями. послѣдняя же ихъ устави архангельскій гласъ по аеру и тии же оубо висяще и что могуще пакости творити и то творять. . . . Спадшии же той сатана погреша помысла своего и наречеша противникъ Божій. въ него же мѣсто постави Господь старѣйшину Михаила. спадшии же чинъ нарекошася дѣмони. отъ нихъ же Господь отъятъ славу и честь и свѣтлость бывшую на нихъ преже. и преложи я въ духъ темень и по воздуху облетати повелѣ. спадшаго же мѣсто чина 7-го оумысли Богъ сотвори челоуѣка» (Порфирьевъ, 135).

Картинка 6. По одному сказанію, внесенному въ Румянцевскій сборникъ: «Вземъ Богъ земли горсть отъ осьми частей: 1) отъ земли тѣло, 2) отъ камени—кости, 3) отъ моря—кровь, 4)

отъ солнца—очи, 5) отъ облака—мысли, 6) отъ свѣта—свѣтъ, 7) отъ вѣтра—дыханіе, 8) отъ огня—оттепла. И поиде Господь Богъ очимати отъ солнца, и остави Адама единого лежаща на земли; пріидеже окаянный Сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиною и възгрями. И пріиде Господь ко Адаму и восхотѣ очю вложити во Адама, и видѣ его мужа измазанна; и разгнѣвася Господь на діавола и нача глаголати: окаяние діаволе, проклятый, не достоинъ-ли твоя погибель? Чего ради человѣку сему сотворилъ еси пакость, измаза его? и проклять ты буди,—и діаволъ исчезе, аки молнія сквозь землю отъ лица Господня. Господь-же, снемъ-съ него пакости Сотонины, и въ томъ сотвори Господь собаку и смѣсивъ со Адамовыми слезами и теслою очисти его аки зеркало отъ всѣхъ сквернъ, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама, а самъ Господь отъиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адамлево. И пріиде вторые Сотона и восхотѣ на Адама нацустити злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлехъ, лежаща, и убояся вельми сотона. Собака начала зло лаяти на діавола, окаянный же Сотона, вземъ древо, и истыка всего человека Адама и сотвори ему 70 недуговъ. И пріиде Іисусъ изъ горнаго Іерусалима... и прогналъ діавола и «обрати вся недуги въ него» (т. е. внутрь Адамова тѣла.—Румянц. сборн. XVII в. № 370. Памятн. Кушел. III. 12).

По Талмуду, ангелы говорили Богу противъ сотворенія человека. По арабскимъ сказаніямъ, задумавъ сотворить Адама, Богъ послалъ ангела Гавріила взять для того земли всѣхъ слоевъ. Земля пришла въ ужасъ, узнавъ объ этомъ; Гавріиль не рѣшился исполнить данное ему приказаніе и оно было выполнено ангеломъ Азраиломъ, который принесъ Богу семь горстей отъ разныхъ слоевъ земли, изъ которыхъ и созданъ первый человекъ. Оттого одни люди на землѣ бѣлые, другіе черные, третьи желтые и т. д. За исполненіе этого порученія Азраиль получилъ назначеніе: отдѣлять души отъ тѣла и названъ ангеломъ смерти. Вначалѣ тѣло Адама было громадно: онъ распростерся отъ Востока до Запада и касался тверди небесной; ангелы пришли въ ужасъ, и

сказали Богу: теперь двѣ власти (силы) въ мірѣ. Тогда Богъ сократилъ тѣло Адама до 1000 локтей (Bartoloni, *Bibliot. rabbinica*, I. 65).

Картинка 8. Потомъ приступилъ Богъ къ сотворенію Евы; онъ сказалъ при этомъ: не сотворю ее ни изъ головы, чтобы она не поднимала головы своей, не превозносилась, ни изъ глазъ, чтобы не смотрѣла по сторонамъ, ни изъ ушей, чтобы не подслушивала, ни изъ устъ, чтобы не была болтлива, ни изъ сердца, чтобы не была ревнива, ни изъ руки, чтобы не воровала, ни изъ ноги, чтобы не шаталась; но сотворю ее изъ самаго скромнаго мѣста (изъ ребра), которое даже тогда, когда обнажать его, бываетъ открыто, чтобы она была скромна (Bartol. I. 64)²⁾.

Картинка 9. Въ бесѣдѣ Панагіота съ Фрязиномъ Азимитомъ (изъ рукописи Григоровича XVI в., волошкаго письма съ юсами, 8^о) рай описывается слѣдующимъ образомъ: «посреди рая древо животное, еже есть божество. И приближается верхъ того древа до небесъ. Древо то златовидно, въ огненной красотѣ. Оно покрываетъ вѣтвями весь рай. Имѣеть-же листья отъ всѣхъ деревьевъ и плоды тоже. Исходитъ отъ него сладкое благоуханье; а отъ корня его текутъ млекою и медомъ 12 источниковъ» (Бусл. Оч. I. 501). Древо познанія добра и зла, по мнѣнію однихъ (Талмудистовъ и Богомиловъ)—было виноградное, по мнѣнію другихъ—смоковичное: потому ее Христосъ и проклялъ; изъ листьевъ его первые люди сшили себѣ одежды; по мнѣнію третьихъ это было хлѣбное дерево. Аѳанасій Великій тоже полагаетъ, что древо познанія было смоковница (Написаніе Аѳанасія мниха Іерусалимскаго, въ Кормчей XVI в.: Румянц. муз. № 231. Памятн. стар.

²⁾ Первая жена Адамова была Лилить и, по Талмуду, создана изъ земли въ одно время съ нимъ; она убѣжала отъ Адама, не желая признавать его главенства надъ собою; ангелы Сенной, Сансенной и Самонгеловъ не могли вернуть ее, несмотря на приказаніе Бога. Лилить сказала имъ: оставьте меня, я создана для того, чтобы дѣлать вредъ новорожденнымъ дѣтямъ, мальчикамъ въ теченіе 8, а дѣвочкамъ 20-ти первыхъ дней. Ангелы отпустили ее, заставивъ поклясться, что она не будетъ вредить тѣмъ дѣтямъ, которыя будутъ носить талисманы съ ихъ именами или изображеніями. Такіе талисманы и теперь привѣшиваются еврейскимъ дѣтямъ (Bartol. I. 70).

русск. лит. (III. 84). Иосифъ Флавій рассказываетъ при этомъ, что до паденія Адама, всѣ животныя въ раю говорили однимъ языкомъ; змій былъ лишень голоса и ногъ за искушеніе первыхъ человѣковъ. Относительно мѣстонахожденія рая существуетъ краткое сказаніе св. Агапія (изъ Пролога XIII в.) и другое сказаніе препод. Макарія, о томъ, какъ три монаха: Сергій, Течиль и Югинь, нашли въ пещерѣ, подлѣ рая, преподобнаго Макарія, который рассказалъ имъ, что за 20 поприщъ отъ того мѣста есть два города: одинъ желѣзный, другой мѣдный; за тѣми градами рай, и стерегутъ его херувимы и серафимы. Херувимы отъ ногъ до пупа человѣки, а перси львовы, а глава «иною тварью, а рудъ яко ледяни» и оружіе пламенное въ рукахъ ихъ. Тутъ и поясы небесные, идѣже почивеетъ небо» (Памятн. старин. литерат., III. 134; изъ сборниковъ XIV и XVII вв.— ср. тоже у Буслаева, Оч. I. 497).

Картинка 10. Когда Адамъ и Ева вкусили отъ запрещеннаго плода, тогда со всѣхъ райскихъ деревьевъ опали листья, кромѣ одной смоковницы. Адамъ и Ева тотчасъ-же почувствовали похоть, «и бысть тако»; потомъ увидали, что они *наги* и сшили себѣ изъ листьевъ смоковницы одежды. Въ словѣ-же Меодія Патарскаго (по рукописи XV в., въ Памятникахъ отреченной литературы Тихонравова, II. 226) говорится, что, по выходѣ изъ рая, Адамъ и Ева были еще «дѣвственны», и что Каинъ и сестра его Калмана родились у нихъ черезъ тридцать лѣтъ; послѣ другихъ тридцати родился Авель и сестра его Девора; а въ 130-е лѣто сынъ Сноѣ. Въ четырехсотое лѣто «сыновья Каиновы насакаху на сестры братій своихъ; а ко второй тысящицѣ сыновья Сноовы составили брань на дщерей Каиновыхъ». По другимъ сказаніямъ, Каинъ зачатъ Евой отъ соблазвившаго ее дьявола (см. прим. къ № 721 А).

Какъ только Адамъ согрѣшилъ, ангелы Аза и Азаель поспѣшили сказать объ этомъ Богу, который низвергъ ихъ за это съ неба (Bartol. I. 352). Въ раю Адамъ пробылъ всего 6 часовъ: онъ созданъ въ 9 часу утра, а изгнанъ изъ рая въ 3 часа по-

полудни, въ тотъ же день (Bartol. I. 64). По другимъ сказаніямъ, онъ былъ въ раю отъ шестаго часа до девятаго.

Карт. 11 и 12. Послѣ изгнанія изъ рая Адамъ «*сѣде прямо раю и горько плача*»; на эту тему поется каликами множество плачей (Безсоновъ, Калики, VI. 236—314). Архангелъ Іоилъ непрестанно молилъ Бога о прощеніи Адама и Евы; наконецъ, послѣ пятнадцати-дневнаго плача, имъ отдѣлена была для житія седьмая часть рая; архангелъ Михаилъ научилъ Адама пахать. Но дьяволъ не позволилъ Адаму воздѣлывать данную ему землю; «земля моя», говорилъ онъ, «только небо и рай божій; дай мнѣ на себя рукописаніе, и тогда бери ее». Адамъ зналъ, что отъ Дѣвы родится Спаситель міра и спасетъ міръ, потому и далъ дьяволу на себя рукописаніе: «чья есть земля, того и азъ и чада моя». Получивъ это обѣщаніе, дьяволъ отдалъ ему землю³⁾.

Картинка 14. Послѣ изгнанія изъ рая, Адамъ и Ева получили отъ Бога ризы кожаны (Бытія, 3. 38); одни, талмудисты, замѣчаютъ, что эти ризы были сдѣланы изъ шкуры змія соблазнителя; по другимъ, это были кожи оленя или зайца; онѣ были покрыты изображеніями животныхъ и птицъ. По сказанію Яшаръ, одежды Адама и Евы передавались ихъ потомкамъ и находились въ ковчегѣ у Ноя. По выходѣ изъ ковчега Адамову одежду взялъ себѣ Хамъ и передалъ сыну своему Нимроду, къ которому, вслѣдствіе того, сошлись всѣ звѣри и поставили его царемъ надъ собою. Потомъ одежда эта досталась Исаву, который черезъ нее сдѣлался искуснымъ охотникомъ (Migne, Diction. des Apocryphes, II. 1102.— Порфирьевъ. 40). По другимъ апокрифамъ Богъ сказалъ Адаму: «идите на берегъ моря, тамъ вы найдете кожи овецъ, которыхъ растерзали львы; возьмите ихъ и сдѣлайте себѣ изъ нихъ одежду».

³⁾ Чтобы искупить свое преступленіе Адамъ пошелъ поститься въ Иорданъ рѣку, гдѣ и былъ 40 дней. Ева же, по приказу Адама, стала въ рѣку Тигръ, подложивъ себѣ подъ ноги камень и на голову камень же. Здѣсь дьяволъ пытается прельстить ее, то въ видѣ ангела, то въ образѣ самаго Адама. Послѣ этого поста Адамъ и Ева были освобождены отъ дьявола (Тихонравовъ, Памятн. отречен. лит., I. 1—6). Тоже самое рассказывается и въ исповѣданіи Евы (Тамъ-же, I. 298).

Нашедши кожи они не знали что дѣлать съ ними; тогда Богъ послалъ къ нимъ ангела, который указалъ имъ на иглы кустарниковъ и научилъ шить ими кожи (Порфирьевъ, 188).

Картинка 16. Больной Адамъ сидитъ въ вѣнкѣ изъ древа познанія, о которомъ въ апокрифахъ находится слѣдующее толкованіе: передъ смертію Адама сынъ его Сиѳъ ходилъ въ рай просить у Архангела вѣтвь отъ древа познанія и, получивъ ее, принесъ къ Адаму; Адамъ свилъ себѣ изъ этой вѣтви вѣнокъ, возложилъ его на главу свою, и погребенъ въ немъ. Впослѣдствіи изъ вѣтви этой выросло дерево, изъ котораго былъ сдѣланъ крестъ для распятія Спасителя (Тихонравовъ, Памят. Отреч. Лит., I. 303). По еврейскимъ апокрифамъ, когда Сиѳъ ходилъ въ рай за елеемъ милосердія для больного Адама, то ангелъ далъ ему вѣтвь отъ древа познанія добра и зла; Адамъ сдѣлалъ изъ него вѣнокъ и возложилъ его на свою голову; въ этомъ вѣнцѣ его и похоронили, и изъ этого вѣнца выросло дерево, которое и раздѣлилось на три части. По другимъ сказаніямъ, ангелъ далъ Сиѳу только три зерна, которыя Сиѳъ положилъ въ ротъ умиравшему Адаму; изъ этихъ зеренъ выросли три древа, изъ которыхъ былъ сдѣланъ крестъ Спасителя (Порфирьевъ, 110.—См. примѣч. къ № 892).

Картинка 18. Когда Каинъ убилъ Авеля по наущенію дьявола челюстью, а по сказанію Палеи камнемъ⁴⁾, то «заповѣдалъ Господь звѣрю трижды на всякій день пожирать Каина и выметать изъ себя, и еще триста лѣтъ трястись повелѣлъ и крови отъ крови отливаться». Абель-же 30 (300)? лѣтъ лежалъ на землѣ, Адамъ не зналъ, что сотворить съ нимъ. И послалъ Господь двѣ птицы горлицы, и убила горлица горлицу, и расклевавъ землю погребла ее; тогда и Адамъ похоронилъ сына своего Авеля въ землю».

Картинка 19. Апокрифъ объ этомъ погребеніи заимствованъ изъ Палеи и занесенъ оттуда въ лѣтопись Нестора, гдѣ прилетаютъ не горлицы, а просто двѣ птицы; одна летитъ и умираетъ, а

⁴⁾ Въ Лавр. Лѣтописи говорится такъ: «рече ему сатана: возми камень и удари, и возмъ камень и уби» (Полн. Собр. Лѣтоп., I. 38).

оставшаяся погребаетъ ее. Такое же извѣстіе находится и въ еврейскомъ вѣтхозавѣтномъ кодексѣ: Codicis pseudepigraph. Veteris Testament. Vol. alter., 47 (Сухомлиновъ, О древн. лѣтописи, СПб. 1856, 60). Впрочемъ въ краткой Палеѣ говорится, что похоронить тѣло Авеля научилъ Адама ангелъ. Адамъ погребенъ тоже ангеломъ на островѣ Афулисѣ (Рукоп. Румянц. Муз. № 367. листъ 57).

Картинка 20. Душа Адамова, послѣ его смерти, по однимъ сказаніямъ, перешла въ Еноха, а по другимъ—въ царя Давида, изъ сего же послѣдняго, послѣ грѣха его съ Вирсавіею, въ Мессію. Относительно продолженія рода Адамова Св. Епифаній приводитъ изъ еврейской апокрифической книги Юбилеевъ слѣдующія свѣдѣнія: «Когда Адамъ родилъ сыновей и дочерей, сдѣлалось необходимымъ въ то время, чтобы его сыновья вступили въ бракъ съ своими сестрами. И сыновья его были въ супружествѣ, Каинъ со старшею сестрою, называемою Савою, а третій сынъ, рожденный послѣ Авеля, Сиѳъ—съ сестрою своею, называемою Азурою⁵⁾. По Малому Бытію у Адама было двѣ дочери и 12 сыновей (Порфир. 87). По Кедрину у Адама было 27 дочерей и 33 сына, а умеръ онъ 930 лѣтъ (Порф. 90). На основаніи апокрифической книги *Малаго Бытія* Каинъ погибъ подъ развалинами своего дома; животныя до грѣхопаденія имѣли даръ слова и змѣй разговаривалъ съ Евою человѣческимъ голосомъ (Порфир. 82).

Въ книгахъ Яшаръ, Талмудъ, Каббала и др. о смерти Каина рассказывается иначе: въ старости Ламехъ ослѣпъ; его водилъ всюду сынъ его Тубалкаинъ. Однажды Тубалкаину показалось, что онъ видитъ дикаго звѣря; онъ сказалъ объ этомъ Ламеху, который натянулъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу по указанному направленію; но это былъ не дикій звѣрь, а братъ Ламеха Каинъ, который и убитъ стрѣлою. Узнавъ объ этомъ Ламехъ пришелъ въ отчаяніе; по слѣпотѣ своей, онъ схватилъ Тубалкаина, и раз-

⁵⁾ Потомки Сиеа изобрѣли астрономію. Каинъ изобрѣлъ вѣсы и мѣры, построилъ первый городъ, назвавъ его именемъ старшаго своего сына Аноха (Иосифъ Флавій, Antiq. Lib. I стр. I—II).

давилъ его въ своихъ объятіяхъ (Migne, II. 1094). Это сказаніе, составившееся вѣроятно на основаніи словъ Ламеха (Быт. 4. 23), перешло и въ Славянскіе апокрифы (Тихонравовъ, Отречен. книги, I. 24.—Порфирьевъ, 42). Въ нашу картинку оно пошло изъ слова Меодія Патарскаго (Порфир. 96).

811. Лицевая Библия мастера I Д. Монограммы двухъ мастеровъ, встрѣчающіяся на листахъ этой Библии, судя по работѣ картинокъ, означаютъ: 1-я «д па» и «грыдороваль ид»=іерей Димитрій Пастуховъ, тотъ самый, который награвировалъ огромный видъ Соловецкаго монастыря и другіе духовные листы; а другая «ггг»=грыдороваль іерей Григорій, граверъ большихъ Святцевъ (№ 959), т. е. Григорій Павловичъ Тепчегорскій. Картинки этой Библии скопированы съ нѣмецкаго образца, а вирши сочинены подъ польскимъ вліяніемъ. Въ описанномъ экземплярѣ, находящемся въ Московскомъ музеумѣ, кромѣ перемѣты славянскими буквами, почти на всѣхъ картинкахъ находится двойная нумерація арабскими цифрами. Такая тройная нумерація даетъ поводъ предполагать, что первыя изданія этой Библии, до насъ не дошедшія, были выпущены безъ перемѣты картинокъ славянскими буквами. Картинка съ помѣтою: «ик» и арабскимъ «№ 95», помѣщенная въ Библии вовсе не на своемъ мѣстѣ,—подтверждаетъ это мнѣніе и указываетъ на то, что для перваго изданія Библии было изготовлено болѣе шести-десяти досокъ *).

814 А. Прибавить: есть одинъ изъ дней творенія съ подписью: «№ 2. Прелщеніе отъ змія. Прозябѣ . . . бѣша. Гр. Р. Курятниковъ, И. А. S. Печатать позволяе: Москва. 1845. Юля 13 Ценсо: И. Зерновъ». Въ собр. Даля въ Пуб. биб.

818. Апокалипсисъ іерея Прокопія (1646—1662 гг.) скопированъ изъ Библии Пискатора (см. прим. къ № 809), причемъ

*) На многихъ другихъ доскахъ номера тоже перепутаны (№5=54, №3=37. 31, 49, 29, 50, 21; 21-я картинка тоже не на своемъ мѣстѣ.

Прокопій увеличилъ картинку вдлину, опустилъ въ нее разныя подробности и тонкости, съ которыми не могъ совладать при передачѣ мѣдной гравюры на деревѣ, а въ нѣкоторыхъ (№ 2, 15, 16, 17, 21) сдѣлалъ значительныя измѣненія. Всего картинокъ въ Апокалипсисѣ Прокопія 23 (у Пискатора ихъ 28). Лицевое Отче нашъ, слѣдующее за Апокалипсисомъ, тоже скопировано у Пискатора. Работа іерея Прокопія (въ 1646 и 1647 гг. еще дьякона) весьма плохая, грубая, нечистая и неумѣлая. Полные экземпляры его Апокалипсиса чрезвычайно рѣдки и цѣнны; изъ него заимствованы одиннадцать картинокъ, приложенныя къ толкованію на Апокалипсисъ Андрея Кападокійскаго, Москва 1712.

819. Лицевой Апокалипсисъ. Привожу вирши (по изданію б) №№ 6 и 16, которыхъ недостаетъ въ Олсуфьевскомъ изданіи а: «6 (нумера изданія б помѣчены арабскими цифрами) шестую агнецъ печать отрѣшаетъ | солнце и луну мрачны объявляетъ | звезды небеса весма разорена | всяже зелнеиши* ветро* прекращена | рабовъ гдѣ и царей текущихъ | взоры тамо же погубелі ждущи^х»; «16. Стѣны потрехъ днехъ возстановляются | побиты бывше внебо ввождаются | ихъ же улучи зверь избездны сущи | прежде брань сними злѣ воздвигающи | по семъ часть града десятая паде | И погубели многи^х людеи предаде». Въ моемъ собраніи есть позднѣйшее изданіе (в) этого Апокалипсиса, отпечатанное съ грубо подправленныхъ досокъ изданія б.

819 А. Еще лицевой Апокалипсисъ. Прибавить: одинъ листъ изъ Апокалипсиса: «5. И пятый аггль воструби. . . отъ татьбы ихъ» (16 строкъ); листовая картинка, отпечатанная на синей бумагѣ 1808 года; переводъ скопированъ съ иностраннаго образца. Въ моемъ собраніи.

819 Б. Также картинка, точная копія или скорѣе оригиналь предыдущей; сверху помѣчено: «5. Апокалипсисъ глава 5.»; гравюра рѣземъ, отпечатанная на бумагѣ 1790 года; низъ съ текстомъ обрѣзанъ. Въ моемъ собраніи.

823. **Изображеніе Вавилонской блудницы.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картинки: *в* и *г*, отпечатанныя съ Ахметьевской доски (*а*), пройденной рѣзцомъ на ново. Въ этихъ изданіяхъ послѣднія слова 3-й строки слѣдующія: «чашу злату вру»,—тогда какъ въ изданіи *а* въ нихъ ошибка: «чашу злото вру».

823 А. Смерть на блѣдномъ конѣ. Картинка эта описана подъ № 1346.

824. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе (*г*) этой картинки, 1830—40 гг., гдѣ первая строка текста заканчивается словами: «Ѹ вина».

826. О созданіи Вавилонскаго столпа есть статьи въ Амартолѣ, Палей и лѣтописяхъ (Поля. собр. лѣтоп., I. 2). О происхожденіи языковъ см. Очерки Буслаева, I. 499.

829. **Житіе Іосифа прекраснаго.** Въ Еврейскихъ апокрифахъ есть множество сказаній о Іосифѣ и о необыкновенной красотѣ его; привожу здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя отчасти относятся къ нашимъ народнымъ картинкамъ и былинамъ:

Колодезь, въ который бросили Іосифа его братья, былъ наполненъ змѣями и скорпіонами, которые однако не тронули его (кн. Талмудъ и Яшарь); по другимъ сказаніямъ глубокой колодезь этотъ былъ наполненъ водою, но архангелъ Гавріилъ спустилъ въ него камень, на который Іосифъ и усѣлся. Когда братья принесли Іакову окровавленную одежду, сказавъ, что онъ съѣденъ хищнымъ звѣремъ, тогда Іаковъ приказалъ имъ привести ему перваго звѣря, который попадется. Они поймали волчицу; когда Іаковъ закричалъ на нее, зачѣмъ она пожрала Іосифа, волчица отвѣтила человѣческимъ голосомъ, что она не видала Іосифа, а что сама потеряла своего волченка и шла отыскивать его.

Когда Измаильскіе купцы проѣзжали мимо могилы Рахили, Іосифъ бросился на могилу и сталъ просить мать свою о защитѣ.

Рахиль ободрила его изъ своей могилы и увѣрила, что все обойдется для него благополучно. Этотъ рассказъ занесенъ въ слово Ефрема Сирина, въ четвъ Миней св. Дмитрія Ростовскаго и въ духовные стихи каликъ (Житіе Іосифа, 31 марта.—Калики Безсонова, I. 37 и 38.—Кирѣев. VIII.—Порфирьевъ, 53).

О красотѣ Іосифа въ книгѣ Яшаръ помѣщенъ слѣдующій рассказъ, занесенный Магометомъ въ Коранъ (гл. 12): «жена Пентефрія, Залиха, угнѣтаемая страстію къ Іосифу, сильно заболѣла. Всѣ знатныя женщины Египта пришли посѣтить ее и при этомъ выражали недоумѣніе, отчего она такъ страдаетъ, когда окружена всѣми возможными благами. Желая объяснить имъ причину своего страданія, Залиха приказала подать своимъ гостямъ апельсиновъ и для чищенія и разрѣзыванія ихъ самыя острые ножи, и когда это было сдѣлано, велѣла позвать къ себѣ Іосифа. Увидѣвъ Іосифа всѣ женщины такъ были поражены его красотой, что не могли отвести глазъ отъ его лица и изрѣзали свои руки; апельсины, которые онѣ держали, покрылись кровью, а онѣ этого не замѣчали. «Что вы дѣлаете?»—сказала имъ Залиха, «вмѣсто апельсिनновъ вы рѣжете свои руки». Женщины признались ей, что красота ея невольника такъ поразила ихъ, что онѣ только на него и смотрѣли и не видѣли ничего другаго. «Но вы», замѣтила имъ Залиха, «видѣли его только на короткое время, и вотъ чему подверглись: какъ же вы хотите, чтобы я не страдала, когда онъ живетъ въ моемъ домѣ, и я могу видѣть его каждый часъ». ¹⁾

Когда Фараонъ рѣшилъ сдѣлать Іосифа правителемъ Египта, жрецы объявили, что онъ рабъ, купленный за 20 серебряниковъ, и что если онъ дѣйствительно царскаго рода и можетъ быть назначенъ правителемъ, то долженъ знать 70 языковъ. Архангелъ Гавріилъ сошелъ ночью въ темницу Іосифа, вставилъ въ его имя одну букву изъ имени Іеговы (Iehoseph) и обучилъ 70 языкамъ; послѣ чего Іосифъ признанъ правителемъ (Migne, Dict. des apocr., II. 1195.—Порфирьевъ, 54).

¹⁾ См. въ былинахъ исторію о Чурилѣ Пленковичѣ и княгинѣ Апраксѣвнѣ.

Въ апокрифической книгѣ: «Завѣты двѣнадцати патріарховъ», которые вошли въ наши народныя картинки (№ 832), Іосифъ рассказываетъ свою исторію съ большою подробностію и многими прибавками противъ библейской редакціи ²⁾.

Исходнымъ пунктомъ Завѣтовъ 12-ти патріарховъ служитъ завѣщаніе патріарха Іакова своимъ дѣтямъ, изложенное въ книгѣ Бытія, 49. 1—28. Благословляя своихъ дѣтей, Іаковъ указываетъ на ихъ характеръ и сообразно съ ихъ характеромъ дѣлаетъ предсказанія о будущей ихъ судьбѣ и всего ихъ потомства; въ Завѣтахъ патріарховъ эти предсказанія распространены и украшены разными нравственными наставленіями и разными рассказами и подробностями, касающимися жизни патріарховъ (Порфирьевъ, 257). Каждый изъ патріарховъ рассказываетъ замѣчательныя черты изъ своей жизни, даетъ наставленія своему роду и дѣлаетъ предсказанія.

Когда купившіе Іосифа Измаильтяне стали спрашивать его, кто онъ такой, Іосифъ сказалъ, что онъ рабъ тѣхъ, кто продалъ его: «чтобы не осрамить братіи моей». Старшій изъ нихъ грозилъ ему смертію, если онъ не скажетъ правды, такъ какъ онъ видѣлъ, что Іосифъ совсѣмъ не походитъ на раба; но Іосифъ продолжалъ утверждать, что онъ рабъ. Прибывши въ Египетъ,

²⁾ Первое указаніе на Завѣты 12-ти патріарховъ мы встрѣчаемъ у Оригена, въ толкованіи на книгу Іисуса Навина. Въ греческихъ спискахъ апокрифическихъ книгъ они отдѣльно не упоминаются, но вѣроятно разумѣются подъ общимъ указаніемъ: Патріархаи. По общему мнѣнію, Завѣты первоначально написаны были на еврейскомъ языкѣ, съ котораго очень рано были переведены на греческій языкъ; съ греческаго на латинскій языкъ они переведены были въ XIII в. Робертомъ, епископомъ Линкольнскимъ. Въ XVII в. Грабе издалъ ихъ въ *Specilegium Patrum et haereticorum saeculi 1. Oxoniae 1699*; Фабрицій по изданію Грабе напечаталъ ихъ въ *Cod. pseudep. Vet. Test. tom. 1. pag. 519—748*. На французскомъ языкѣ они напечатаны въ *Dictionnaire des Aposyphes, tom. 1. pag. 854—918*. Когда Завѣты были переведены на славянскій языкъ, неизвѣстно, но, вѣроятно, еще въ Болгаріи или Сербіи и вошли въ славянскія Палеи. Въ Памятн. Отреч. Лит. они напечатаны по двумъ редакціямъ—по краткой съ Палеи XIV в. (т. 1. стр. 96—145) и пространной—съ Палеи Моск. синод. библіотеки 1477 г. (томъ 1. стр. 146—232); кромѣ того, въ Памятн. старин. рус. литер. (ч. 3. лист. 33—38) напечатаны два завѣта—Рувима и Симеона съ Палеи 1494 г.

купцы заспорили между собою о томъ, кому долженъ принадлежать Іосифъ, и вздумали оставить Іосифа на время у одного египетскаго купца, а сами отправились въ торговое путешествіе. Богъ расположилъ сердце купца къ Іосифу, и онъ поручилъ ему управлять своимъ домомъ. Домъ купца, по благословенію Божию, наполнился золотомъ и серебромъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, пока жилъ Іосифъ. Въ это время увидѣла его *Мемфія* (Μεμφις—такъ названа жена Пентефріа) и увлеклась его красотою. Она сказала своему мужу, Пентефрію, что Іосифъ украденъ купцомъ въ землѣ Ханаанской и посоветовала ему осудить купца и взять Іосифа къ себѣ. «Возьми отрока къ себѣ, говорила она, да благословитъ домъ твой Богъ еврейскій, потому что на немъ почиваетъ благословеніе неба». Купецъ рассказалъ Пентефрію, какъ попалъ къ нему отрокъ, и велѣлъ ему самому испытать, кто онъ такой. Когда привели Іосифа къ Пентефрію и спросили, кто онъ такой, рабъ или свободный, Іосифъ опять сказалъ, что онъ рабъ Измаильтянъ, купленный ими въ землѣ Ханаанской. Пентефрій не повѣрилъ и велѣлъ его бить. Мемфія, которая стояла въ дверяхъ въ то время, какъ били Іосифа, убѣдила мужа взять его къ себѣ въ слуги: «она хотѣла, замѣчаетъ Іосифъ въ своемъ Завѣтѣ, видѣть меня по своей похоти, а я не зналъ объ этомъ». Но Пентефрій сказалъ, что у Египтянъ нѣтъ обычая отнимать чужое прежде изслѣдованія дѣла, и повелѣлъ пока заключить Іосифа въ темницу. Спустя 24 дня послѣ этого возвратились Измаильтяне. Они узнали, что Іосифъ сынъ Іакова, великаго мужа въ землѣ Ханаанской, и начали упрекать Іосифа за то, что онъ назвалъ себя рабомъ, и прибавили, что отецъ его скорбитъ о немъ. Услышавъ о скорби отца, Іосифъ хотѣлъ заплакать, но, чтобы не выдать и не опозорить братьевъ, онъ воздержался отъ слезъ и сказалъ, что онъ не понимаетъ, о чемъ они говорятъ, — что онъ рабъ. Боясь мести Іакова, Измаильтяне положили освободиться отъ Іосифа и продать его. Узнавъ объ этомъ, Мемфія убѣдила Пентефріа купить Іосифа и послала евнуха къ Измаильтянамъ, но евнухъ возвратился и сказалъ, что за отрока просятъ слишкомъ большую цѣну.

Мемфія послала другаго евнуха и велѣла купить его, еслибы запросили и 200 драхмъ золота. Евнухъ далъ за Іосифа 80 драхмъ, а сказалъ, что далъ 100. Весьма подробно и въ романическомъ свѣтѣ представлено въ Завѣтѣ развитіе страсти въ египтянкѣ и трудная борьба съ нею Іосифа. «Сколько разъ египтянка, говоритъ Іосифъ, угрожала мнѣ смертію, сколько разъ подвергала наказаніямъ, когда я отказывался имѣть съ нею дѣло. Она говорила мнѣ: ты будешь господствовать надо мною и надо всѣмъ, что принадлежитъ мнѣ. Но я, помня завѣтъ отцевъ моихъ, удалялся въ опочивальню и въ продолженіе 7-ми лѣтъ молился и постился». Сначала египтянка только ласкала Іосифа и говорила, что она хочетъ имѣть его вмѣсто сына, потому что у нея не было дѣтей мужескаго пола. Іосифъ помолился Богу, и она родила сына. Потомъ она уже открыла свою страсть и стала убѣждать его раздѣлить ее. Іосифъ опечалился и увѣщевалъ ее отступить отъ своей мысли; она начала хвалить Іосифа предъ мужемъ, какъ человека мудраго, и говорила Іосифу, что если бы кто и донесъ на него мужу, то онъ не повѣритъ. Видя, что не успѣваетъ, египтянка объявила Іосифу, что изъ любви къ нему она готова отступить отъ идоловъ и можетъ склонить къ этому и мужа; но Іосифъ сказалъ ей, что Богъ не благоволитъ къ людямъ, живущимъ въ нечистотѣ. Однажды она призвалась ему, что хочетъ уморить своего мужа, и тогда можетъ сдѣлаться его законною женою. Услышавъ это, Іосифъ въ ужасѣ разодралъ свои одежды и заклиналъ ее не дѣлать этого беззаконія. Разсердившись, египтянка вздумала отравить самого Іосифа и послала ему кушанье съ ядомъ; но Богъ открылъ ему ея злое намѣреніе, и Іосифъ, желая показать, какъ Богъ защищаетъ надѣющихся на него, взялъ кушанье и началъ его ѣсть предъ нею; она бросилась къ нему въ ноги и начала плакать. Отъ страсти она заболѣла и говорила, что или удавится, или бросится со стѣны. Наконецъ однажды она схватила Іосифа за одежду, которая осталась у нея въ рукахъ, а Іосифъ убѣжалъ. Въ бѣшенствѣ она оклеветала его предъ мужемъ, и тотъ послѣ сильныхъ истязаній посадилъ его въ темницу. Но

страсть не успокоилась въ египтянкѣ и послѣ этого случая. Въ темницѣ Іосифъ молился и тихимъ голосомъ славилъ Господа; египтянка приходила слушать его голосъ и предлагала освободить его, если онъ согласится исполнить ея волю. Іосифъ долженъ былъ переставать молиться, когда узнавалъ, что она слушаетъ его. «За долготерпѣніе я взялъ въ супруги дочь господина моего и съ нею мнѣ дано было сто талантовъ золота». Въ Библии (Быт. 41, 45) сказано, что Фараонъ далъ Іосифу въ жену Асенеу, дочь Потифера, жреца Иліопольскаго. Авторъ Завѣта, очевидно, смѣшиваетъ этого Потифера, съ Пентефриемъ, начальникомъ тѣлохранителей, у котораго жилъ Іосифъ³⁾. Въ концѣ Завѣта Іосифъ рассказываетъ сонъ. Онъ видѣлъ, что 12-ть оленей паслись; 10-ть изъ нихъ раздѣлились и разсѣялись по землѣ. Онъ видѣлъ потомъ, что отъ Іуды родилась Дѣва, облеченная въ полотняную одежду. Изъ нея вышелъ агнецъ непорочный, который съ лѣвой стороны былъ подобенъ льву. Всѣ звѣри устремились на него, но агнецъ одолѣлъ и ниспровергъ ихъ. И возрадовались о немъ ангелы и люди и вся земля. Разказавъ этотъ сонъ, Іосифъ убѣждаетъ дѣтей своихъ почитать Іуду и Левія, потому что отъ нихъ произойдетъ агнецъ Божій, имѣющій спасти языки и Израиля.

Исторія о Іосифѣ прекрасномъ распѣвается въ очень подробной редакціи Каликами переходими (Безсоновъ, I. 155—205); въ причитаньяхъ ихъ между прочимъ рассказывается, какъ купившіе Іосифа Измаильтянскіе купцы ссорятся кому владѣть имъ, хотятъ, во избѣжаніе ссоры, бросить его въ море, и наконецъ соглашаются, по его-же совѣту, продать его въ рабы въ Египтѣ. Соблазны, творимые Іосифу женою князя *Перфулія* (т. е. Пентефрія) и ея клевета на Іосифа мужу рассказываются тоже съ большою подробностію. Затѣмъ въ каличьей пѣснѣ причитается сказанье, какъ Іосифъ при первомъ свиданіи съ отцемъ поставилъ Іакову

³⁾ Впрочемъ Оригенъ замѣчаетъ, что по еврейскимъ апокрифамъ, тесть Іосифа Потиферъ есть одно лице съ Пентефриемъ и что онъ отдалъ за Іосифа дочь свою Асенеу, которая открыла отцу козни матери противъ Іосифа (Порфирьевъ, 84).

вмѣсто себя столпъ,—какъ Іаковъ обнялъ этотъ столпъ и изъ обоихъ концевъ столпа сокъ выступилъ; спасибо, говоритъ Іаковъ, что ты чадо не шелъ теперь ко мнѣ въ руки; зажалъ бы я съ тоски тебя до смерти (Калики, I. 171). Въ числѣ каличьихъ пѣсней есть особыя плачи Іосифа на гробѣ матери его Рахили (I. 187, 199, 204, 732). Въ XVII вѣкѣ изъ житія Іосифа была написана у насъ комедія—мистерія.

Исторія Іосифа представлена съ особенною подробностію на входныхъ дверяхъ, находящихся въ мужскомъ монастырѣ въ Устюгѣ Великомъ; эти двери составлены изъ мѣдныхъ, гравированныхъ рѣзкомъ досокъ⁴⁾, наколоченныхъ на деревянный остовъ. Всѣхъ досокъ сохранилось сорокъ пять (было прежде 52); на нихъ вырѣзано: 1—7, семь дней творенія,—Саваоѡвъ въ видѣ безбрадаго юноши, какъ и въ Библии Кореня, 6 и 7 недостаетъ; 8, изгнаніе изъ рая; 9, Ной строитъ ковчегъ; 10, столпотвореніе Вавилонское; 11, Авраамъ поклоняется троицѣ; 12, недостаетъ; 13, Авраамъ угощаетъ троицу; 14, жертвоприношеніе Авраама; 15, Авраамъ провожаетъ троицу; 16, гибель Содома; 17, изведеніе Лота; 18, Іаковъ видитъ лѣствицу; 19, Моисей видитъ купину; 20, переходъ черезъ Красное море; 21, Моисей получаетъ скрижали; 22, жертвоприношеніе его Богу; 23—25 недостаетъ; за симъ слѣдуетъ Исторія Іосифа на 18-ти доскахъ, 26—43; рисунокъ, а частію и сюжеты другіе противъ нашихъ картинокъ, а именно: 26, Рожденіе Іосифа; 27, обрѣзаніе его; 28, Іосифъ толкуетъ видѣнные имъ сны; 29, Іосифъ посаженъ въ ровъ; 30, братья продаютъ его; 31, Іосифъ плачетъ надъ гробомъ Рахили; 32, братья Іосифа приносятъ Іакову ризы Іосифа; 33, Іосифъ бѣжитъ отъ жены Пентефрія (переводъ сходитъ съ № 4 нашей картинки); 34, Іосифъ толкуетъ сны въ темницѣ; 35, толкуетъ сны Фараону; 36, Фараонъ ставитъ его царемъ; 37, братья плывутъ за пшеницею; 38, Іосифъ угощаетъ

⁴⁾ Такія-же гравированныя двери находятся въ Псковскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

братьевъ; 39, Іосифъ требуетъ Венъямина; 40, братья объявляютъ объ этомъ Іакову; 41, Іаковъ переселяется къ Іосифу; 42, пиръ; 43-й недостаетъ (всерединѣ).

За исторіею Іосифа слѣдуютъ изображенія 12-ти сивилль, очень многочисленныя переводы; изъ числа ихъ сохранилось девять: Самія, Персика, Фригія, Либика, Дельфика, Европа, Димаѡла, Симера (?) и Тибуртина.

Всѣ доски гравированы въ манерѣ Л. Бунина; поля канфарены и вызолочены; размѣръ досокъ около 4½ вершковъ въ ширину и вышину; между досками проложены валики, обитые басменною мѣдью съ выгравированными и выканфаренными на ней узорами; судя по работѣ, доски эти гравированы граверомъ Оружейной Палаты второй половины XVII вѣка Леонтіемъ Бунинымъ; всѣ подписи на нихъ вырѣзаны не на оборотъ, какъ это дѣлается на доскахъ, назначаемыхъ для печатанія, а прямо.

830. *Житіе Іосифа прекраснаго*. Въ моемъ собраніи есть еще три изданія этой картины, трехлистоваго размѣра: *a*—на синей бумагѣ 1810 года; въ немъ приведенная надпись вырѣзана такъ: «Іосифъ же волхвуетъ». . . .; въ этомъ изданіи нумеровъ на картинкахъ нѣтъ, и картинка «Іосифъ волхвуетъ» поставлена пятою, а не восьмою; *d*—новое изданіе 1830—40 гг., съ подписью: «Іосифъ же волхвуетъ»; и *e*, изданіе того-же времени, — съ подписью: «Іосифъ же волхвуетъ».

830 А. Прибавить: такая же трехлистовая исторія Іосифа въ 12 картинкахъ, скопированныхъ съ западныхъ образцовъ; картинки безъ нумеровъ; подъ 8-й подпись: «Іосифъ Воегипте Заготовляетъ Хлѣбъ». Въ моемъ собраніи.

834 А. Прибавить: *Моисей предъ купиною*; внизу подпись: «Не приближайся сѣмо иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ мѣсто бо на немже ты стоиши земля свято есть. Книги 2 Моисеовы глава 3 стихъ 5: Дѣлано: Нафа: М: а»; на рамкѣ (рококо) картинки—монограмма: «Р: Д: П:» (Рѣзалъ Дмитрій Пастуховъ). Картинка, въ четверку,

довольно хорошо выгравирована крѣпкой водкой съ иностраннаго оригинала (Олеуф. Собр. IV. 790).

837 А. Прибавить: **Давидъ смотритъ на купающуюся Вирсавію.** Отчаянная копія (листовая) съ иностраннаго образца, гравированная на мѣди, въ концѣ прошедшаго вѣка; внизу вирши: «вѣ нравы добрые поправы здѣсь давидомъ... Гдѣ вирсавіинимъ нѣжнымъ видомъ». Въ моемъ собраніи.

840. **Пѣсни пѣсней;** скопированы А. Зубовымъ изъ библіи Пискатора (см. IV. № 809).

851. **Виолеемскіе младенцы** побиты по приказанію Ирода и погребены подъ алтаремъ Виолеемской церкви. Одинъ изъ младенцевъ, задѣланный въ гробикѣ, находится въ Кіевскихъ пещерахъ; родильницы служатъ ему молебны *ради легкихъ родовъ* (см. заключеніе).

852. Еще **Избиеніе младенцевъ.** Въ моемъ собраніи есть другое изданіе (б) этой картинки—копія точь въ точь, отпечатанная на синей бумагѣ 1810 года; въ концѣ заголовка читается: «четыре-надесять тысячъ», а въ изданіи а: «четыренадесяти тысячъ».

861. **Страсти, работы П. Бунина,** скопированы въ ту же мѣру и сторону изъ Библіи Пискатора (см. IV. № 809), причемъ прекрасный оригиналъ Пискатора совершенно обезображенъ. №№ 1 (тайная вечеря) и 3-й (Иуда получаетъ серебряники) у Пискатора награвированы въ листъ, въ длину; Бунинъ передѣлалъ ихъ въ поль-листа, въ вышину; №№ 18, 19 и 21 придрѣланы Бунинымъ съ совершенно другихъ (иконныхъ) образцовъ.

862. **Страсти Господни.** Эти страсти, хотя и представляютъ по сочиненію большое сходство съ предыдущими (№ 861), но дрѣланы съ другаго образца, а не копированы изъ Библіи Пискатора, какъ это сказано на стр. 323 (т. III); при томъ онѣ и размѣромъ меньше Пискаторскихъ.

862 А. Прибавить: есть еще повтореніе этихъ 14-ти картинокъ, гравированное рѣзцемъ въ обратную сторону; экземпляръ его находится въ собраніи кн. Вяземскаго; впереди въ немъ приложено два изображенія: Спаса (пояснаго) и Богоматери, въ красивыхъ рамкахъ (овальныхъ), составленныхъ изъ завитковъ и раковинъ,—работы граверовъ серебрянниковъ.

868. Другое повтореніе (б) тѣхъ-же 16-ти картинокъ,—изданіе на синей бумагѣ 1810 года; текстъ тотъ-же, но безъ заголовковъ; картинка листовая. Въ моемъ собраніи.

870. **Страсти, трехлистовыя.** Въ этихъ страстяхъ истолкованы монограммы, которыя поставлены на разныхъ отдѣленіяхъ страстей; въ дополненіе къ нимъ присоединю другія монограммы, встрѣчающіяся на священныхъ изображеніяхъ:

м л р в. Мѣсто Лобное Рай Бысть (подъ распятіемъ), по гречески: τ κ π γ, т. е. «Τόπος Κρανίου Παράδεισος Γέγονε».

ε η η γ. Елена Нашла Находку на Голгоѣ; по гречески: ΕΕΕΕ, т. е. «Εύρηκεν Εύρημα Ελένη Ἐν γολγοθαῖ».

б к к ч. Божіе Видѣніе Божественное Чудо; по гречески: Θ Θ Θ Θ, т. е. «Θέα Θεοῦ Θεῖον Θαῦμα».

д л л д. Древо Даруетъ Древнее Достояніе.

н н н н. Невидимая, Непостижимая, Неизрѣченная, Неизглаголанная.

п п п п. Пою, Почитаю, Поклоняюсь Подножію (твоему Владыко).

ц ц ц ц. Цвѣти Церковни Цвѣтъ Церкви.

ч ч ч ч. Честна, Чиста, Чтущимъ Человѣкомъ.

с с с с. Спасъ Сотвори Сѣтъ Сатанѣ.

Эти подписи встрѣчаются въ множествѣ на стѣнахъ и иконахъ въ монастыряхъ въ Палестинѣ и на Афонѣ (Савваитовъ, Древ. одежды, 471).

870 А. Прибавить: **Страсти господни,** двухъ съ половиной листового размѣра, изданіе на бумагѣ 1810 года; переводъ пред-

ставляетъ повтореніе № 870, но съ нѣкоторыми измѣненіями; первая строка нижней подписи заканчивается словами: «Лавась воинъ логи». Въ моемъ собраніи.

870 Б. Прибавить: **Страсти господни**, четыре гравюры на деревѣ полулистоваго размѣра, очень плохой неумѣлой и грубой работы съ западныхъ оригиналовъ. Судя по смѣшенію въ надписяхъ славянскихъ буквъ съ русскими гражданскими, доски эти рѣзаны около половины прошедшаго столѣтія. Изображенія и надписи на нихъ слѣдующія:

1. «При ве доша іса хс каяф». Воинъ замахивается на Христа рукою, слѣва Каіафа раздираетъ на себѣ ризы.

2. «Сѣде пилать и уми руцѣ» (такъ). Христосъ передъ Пилатомъ, который опускаетъ одну руку въ чашу съ водой, сзади видны воины и народъ.

3. «(тер) нови вѣнецъ возложиша». Три воина ругаются надъ Христомъ; двое изъ нихъ надѣваютъ на него терновый вѣнецъ, а третій подаетъ ему жезлъ; справа сзади видѣнъ первосвященникъ.

4. «поемъ пилать іса и бие еі вѣ». Три воина бьютъ Христа: одинъ розгами, другой плетью, третій рукою; сзади слѣва видѣнъ Пилать.

Эти четыре доски находятся въ музеумѣ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи, куда онѣ пожертвованы Кіевскимъ купцомъ, Митюкомъ; подъ наблюдениемъ г. секретаря общества, профессора Петрова, которому музей обязанъ своимъ существованіемъ, съ этихъ досокъ сдѣланы хорошіе отпечатки.

872. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (i), трехлистное же, въ которомъ первая строка подписи внизу заканчивается словомъ: «вребро лаба».

873. **Образомъ разговоровъ устроена лядина**. Этотъ листъ пользуется уваженіемъ со стороны хлыстовъ; на немъ иносказательно представлено ихъ круговое радѣніе.

875. **Крестное знаменіе узломъ положися**. Буслаевъ въ критикѣ на кн. Снегирева (Отеч. зап. СXXXVIII. отд. III. стр. 66) называетъ *печатный листъ*, одинаковаго содержанія съ нашей картинкой, но съ значительными измѣненіями въ подробностяхъ; предлагаю полный текстъ этого листа: «Сказаніе отъ житія святыхъ отецъ како притерпѣ Христосъ Господь вольное страданіе нашего ради спасенія. Старцу единому святому, иже всегда размышляя страданія Христова горцѣ рыдаше, явися Христосъ и сказа ему подробну, како притерпѣ, и колико крове спасенія ради человѣческаго пролія. Самыхъ рече воздыханій сердечныхъ испустихъ, сто девять. Кровныхъ капель отъ тѣла моего истече всѣхъ одиннадцать кратъ сто тысящей, осемъ тысящей двѣсти двадцать и пять. Воиновъ вооруженныхъ, посланныхъ яти мя, сто осемнадесятъ. Къ нимъ же прилучися отъ простыхъ безчинныхъ людей, двѣсти тридесять, яко быти всѣхъ, триста четьредесать и осемъ. Три воина ведоша мя и пакости различныя дѣяху. За власы и браду торганъ бѣхъ и влачимъ седмъ десятъ седмъ кратъ. Поткновенъ падохъ на землю, наченъ онъ вертограда до Архіерея Анны, седмижды. Дланми по устамъ и ланитамъ претерпѣхъ удареній, сто пять. Пястми въ лице двадесать. Порыванъ и друченъ отъ начала страсти до конца сто семьдесятъ кратъ. Синихъ удареній имѣхъ, тысяща сто девять десятъ и девять. Въ ноги ударенъ быхъ сто четьредесать, въ голени тридесать два. О столпъ смертнѣ ударенъ бѣхъ единого. При столпѣ ранъ пріяхъ, тысяща шестьсотъ шестьдесятъ шесть. Смертного о землю ударенія три. Егда возложиша на мя терновъ вѣнецъ, удариша мя по главѣ тростію и палицею со всей силы, четьредесать кратъ. Отъ тѣхъ удареній, пять остей отъ тернова вѣнца пронзоша ми кость до мозгу, отъ нихже три приомлены осташа во главѣ, съ ними же и погребоша мя. Отъ прободенія вѣнца терновнаго истече крови каплей три тысящи. А ранъ бѣше въ главѣ терновымъ вѣнцемъ прободенныхъ тысящи, понеже вѣнецъ возложенъ на главу спаде разовъ осемъ. Егда отъ претора веденъ быхъ на Голгоу, нося крестъ, падѣхъ на землю пять кратъ. Тогда подѣяхъ удареній

смертныхъ девять на десять и подношенъ бѣхъ отъ земли за власы, и усы, двадцать три. На землѣ лежа донележе прибить на крестъ и поднесенъ, плевотинъ въ лице подъяхъ семьдесятъ три. Тогда и въ выѣ удареній подъяхъ, двадцать пять. Въ лице и въ уста удариша мя пястми разовъ пять, отъ которыхъ удареній крове изъ усть и изъ ноздрей много истече. Тогда и два зуба избиша ми. Между очію удариша мя пястми трижды. Терзаху за носъ разовъ двадцать, за уши тридцать. Ранъ великихъ бѣху ми семьдесятъ двѣ. Удареній великихъ въ перси и въ главу пріяхъ, пятьдесятъ осмь. Обаче три наибольшія болѣзни тогда во страданіи своемъ имѣхъ; 1-я яко не много кающихся видѣхъ, и аки веуе кровь моя проливашеся. 2-я. Болѣзнь тяжчайшая матерѣ моея стоящая подъ крестомъ, и горцѣ плачущія. 3-я. Болѣзнь егда въ руцѣ и нозѣ на крестѣ распенше пригвоздиша мя. Яко сбытися реченію Давида пророка: «счетоша вся кости моя». Подобный этому переченьъ есть и во французскихъ народныхъ изданіяхъ, подъ заглавіямъ: «Райскій ключъ и путь къ небу, или откровеніе, данное самимъ Исусомъ Христомъ святой Елизаветѣ, святой Бригитѣ и святой Мельхидѣ, которыя желали освѣдомиться о числѣ ранъ, полученныхъ имъ во время страстей его» (Nisard, Hist. des livres pop., II. 7—9); начало въ немъ такое: «внемлите мнѣ сестры! За васъ пролилъ я 62.000 слезъ и капель крови въ Гефсиманскомъ саду 97.307. Я принялъ на свое святое тѣло 1.666 ударовъ; по моимъ нѣжнымъ ланитамъ 110 ударовъ» и т. д. (всрединѣ включена легенда о св. Вероникѣ); въ возмездіе за все это видѣлъ я толко одинъ подвигъ милосердія отъ св. Вероники, которая убрусомъ отерла мое лице. И на этомъ убрусѣ моею кровью отпечатлѣлось мое изображеніе». Въ концѣ помѣщено увѣреніе въ отпущеніи грѣховъ и въ другихъ спасительныхъ льготахъ тому, кто будетъ читать «Райскій ключъ» въ теченіе сорока дней (Бу-слаевъ, стр. 68).

Изъ святыхъ останковъ (реликвій) отъ страстей Господнихъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ хранится одинъ изъ гвоздей, которыми Христосъ былъ распятъ; на Западѣ такіе останки по-

казываются во множествѣ¹⁾; тамъ сохранился и цѣлый рядъ легендъ о ихъ происхожденіи.

Въ романѣ Мерлина разсказывается, что онъ сдѣлалъ, по заказу короля Артура, круглый столъ, а въ немъ мѣсто для Saint Grahl (Greol) или чаши, изъ которой Спаситель причастилъ апостоловъ во время тайной вечери. Въ эту же чашу во время распятія Христова была собрана Іосифомъ кровь его. Чаша эта впоследствии привезена Іосифомъ въ Англію и за тѣмъ потеряна; рыцари круглаго стола долгое время отыскивали ее по желанію Артура и подвиги ихъ послужили предметомъ для цѣлаго ряда романовъ. Отыскалъ ее наконецъ рыцарь Персиваль; у него она и хранилась. Въ день смерти этого рыцаря св. чаша, а также и святое копье, которымъ былъ прободенъ Спаситель на крестѣ (и серебряное блюдо) улетѣли на небо (Dunlop. 469)*. Существуетъ пространная легенда Іоанна Гильдесгеймскаго (1375 г.) о 30 серебряникахъ, которые были первоначально поднесены Христу царемъ Мельхиоромъ, а впоследствии были уплачены Іудѣ за предательство (Le Roman du Saint Graol, publié pour la première fois par Francisque Michel. Bordeaux 1841. 8°). По этой легендѣ серебряники были вылиты по приказанію Месопотамскаго царя Нимиса, отцемъ Авраама Таномъ; они перешли въ руки Авраама, который купилъ на нихъ въ Ебронѣ землю для погребенія своихъ родныхъ. За эти тридцать монетъ Пентефрій купилъ Іосифа; во время голода братья Іосифа принесли ихъ назадъ въ Египетъ въ уплату за хлѣбъ; по смерти Іакова деньги эти были отосланы царицѣ Сабѣ за купленное у нея для погребенія муро; Саба принесла ихъ въ даръ Соломону; по смерти же Соломона и по разо-

¹⁾ О многихъ изъ нихъ занесено въ записки русскихъ путешественниковъ и жизнеописанія святыхъ; такъ напримѣръ, въ прологѣ, изд. въ Москвѣ въ 1643 г., находится подробное жизнеописаніе препод. Михаила Малена, который былъ въ Хиландарѣ и видѣлъ тамъ въ стеклянномъ крестѣ кровь Спасителя, власы изъ браны его, св. пелены и крестъ.

²⁾ Гецуезцы хвалились, что получили чашу изъ Іерусалима въ XI в.; они показывали ее Лудовику XII (Grässe 138 ff; сравните о нерукотворенномъ образѣ прим. къ № 1062).

ренія Иерусалима монеты перешли въ собственность одного Аравійскаго короля, отъ котораго перешли по наслѣдству къ Мельхиору. Богородица завязала эти монеты, а также и принесенные Спасителю муро и ладонь въ платокъ, и потеряла ихъ въ пустынь; пастухъ поднялъ все это и долгое время хранилъ, никому не показывая. Однажды онъ сильно заболѣлъ, и узнавши, что въ Иудеѣ есть Христосъ, который исцѣляетъ все болѣзни, отправился туда; Христосъ исцѣлилъ его; въ благодарность пастухъ поднесъ ему найденные имъ монеты и дары. Затѣмъ по указанію Христа они были пожертвованы въ храмъ и впоследствии выданы жрецами Иудѣ, продавшему Христа; по возвращеніи отъ него, половина монетъ пошла на уплату войнамъ, сторожившимъ гробъ Спасителя, а другая половина обращена на покупку кладбища для бѣдныхъ богомольцевъ. Изъ муро было приготовлено горькое питье, которымъ былъ напоенъ распятый на крестѣ Христосъ; другая часть муро была употреблена Никодимомъ на умащеніе тѣла Спасителя, при его погребеніи. Въ писаніи эти тридцать монетъ Мельхиора несправедливо названы серебряниками: онѣ были вылиты изъ самаго чистаго аравійскаго золота, на одной сторонѣ имѣли изображеніе царской головы въ лавровомъ вѣнкѣ, а на другой халдейскую надпись, которую въ настоящее время никто прочесть не можетъ.

882—888. Судъ надъ Спасителемъ. Переводъ этой картинки имѣетъ большое сходство съ переводомъ такого же Суда, гравированнымъ на деревѣ, на восьми доскахъ, и изданнымъ въ половинѣ XVI вѣка Георгомъ Лангомъ въ Нюрнбергѣ (до 1½ арш. ширины и до 1 арш. вышины). Фигура Спасителя, сидящаго въ терновомъ вѣнкѣ со связанными руками, вполне схожа съ русскимъ переводомъ; впереди судей (24-хъ) сидитъ Пилатъ, а справа Каиафа; судьи клеймъ съ надписями не имѣютъ; вдали виднѣтъ народъ, требующей смерти Спасителя. Копія съ верхней части этого рѣдчайшаго листа (четыре доски) помещена въ: *Galerie der Meisterwerke altdeutscher Holzschneidekunst. Eye und*

Falke. Nürnberg 1857. Gr. fol. ¹⁾). Имя одного изъ судей «Иозеоба» Буслаевъ читаетъ: *Ioseph* (Очерки, II. 63). Картинка суда надъ Христомъ продавалась въ 1718, изъ казенной книжной лавки, по 6 денегъ (Пекарск., Наука и Лит., II. 694).

Въ текстѣ № 885 говорится, что начертаніе этого суда надъ Спасителемъ вырѣзано на доскѣ, которая найдена въ Вѣнѣ; Буслаевъ полагаетъ, не замѣненъ ли здѣсь французскій городъ Виенне австрійскою столицею?—такъ какъ средневѣковыя преданія ставятъ личность Пилата въ связи съ Франціею и именно съ городомъ Вьенною. Одни рассказывали, что Пилатъ родился въ Лионѣ, другіе—въ Майнцѣ; что будто-бы мать его звали Пила, а отца (дѣда) Атъ, отчего и составилось имя Пилатъ; что будто-бы Тиберій, разгнѣванный на Пилата за то, что онъ выдалъ Христа на мученіе, вызвалъ его къ себѣ изъ Иерусалима и заточилъ въ Вьеннѣ (а *Tiberio in exilium Viennam Burgundiae mittitur*), гдѣ онъ и умеръ, будто-бы въ то время, когда мылъ свои руки; жители и доселѣ показываютъ его могилу. По другимъ преданіямъ, разгнѣванный Тиберій вызвалъ къ себѣ Пилата, и тотчасъ-же смягчился и ничего не могъ ему сдѣлать, потому что Пилатъ имѣлъ на себѣ ризу Иисусову, и только тогда погибъ, когда ее сняли съ него. Было еще преданіе, что тѣло Пилата брошено въ море (иначе въ рѣку) и что отъ зловонія его околѣли все рыбы, а корабли тонули, подѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ оно было погружено (Massmann, *Kaiserchronick*, III. 594.—Буслаевъ, *Отеч. Зап.*, CXXXVIII. отд. III. стр. 65).

Въ русскихъ легендахъ сохранилось преданіе, занесенное въ апокрифическія «страсти», будто бы, по вознесеніи Христа, пришли къ Кесарю въ Римъ сотникъ Логинъ, сестры Лазаря, Марѳа и Марія, и Марія Магдалина, и повѣдали о чудесахъ Христа; будто-бы Логинъ имѣлъ на себѣ Иисусову ризу, и оттого, когда входилъ въ палаты Кесаря, производилъ въ нихъ страшное трясеніе и коле-

¹⁾ Въ Акад. Наукъ (русск. библ.) есть новая нѣмецкая картинка, съ такою же подписью, что и на картинкѣ Матвѣева, но другаго перевода.

баніе; будто бы самъ Кесарь утерся этою ризою, исцѣлился отъ гнойныхъ струповъ на лицѣ, увѣровалъ въ Христа и крестился; потомъ призвалъ къ себѣ въ Римъ Пилата, Анну и Каиафу, для того, чтобы предать ихъ казни. Когда палачъ готовился отсѣчь голову Пилату, этотъ послѣдній обратился ко Христу съ теплою молитвою и раскаяніемъ, и былъ казненъ, уже примиренный съ Богомъ. «Ангель Господень сниде съ небесе и взя главу его и паки взыде на небо. Сіе же чудо видѣвъ Кесарь, повѣлъ погребсти тѣло Пилатово съ великою честію» (Буслаевъ, тамъ-же, стр. 66). У Тишендорфа сказано, что Пилать, присуждая Христа къ смерти, дѣйствовалъ по принужденію; потомъ раскаялся и претерпѣвалъ всякія мученія; по этому онъ и жена его Прокла причислены къ лику праведныхъ. Иосифъ Аримаѳейскій *вѣчно живеть* въ Арменіи (Tischendorff, Pilati circa Christum iudicio... Leipzig 1855, 458). По замѣчанію, занесенному въ одинъ хронографъ XVII вѣка, Каиафа былъ застрѣленъ на охотѣ Кесаремъ, который принялъ его за оленя (Поповъ, Хроногр.; II. 81)²⁾.

Сравни въ Православ. обозр.: О томъ, какъ Императоръ Тиверій принялъ донесеніе Пилата объ Иисусѣ Христѣ (1838. II. 81) и о самоубійствѣ Пилата (1838. II. 90).

882 А. Соборъ и суда изрѣченіе. Новѣйшее повтореніе (1820—30 гг.) картинки № 882, въ листовомъ же размѣрѣ; надписи у судей передѣланы на русскій языкъ, напримѣръ: «раванъ: но для чего-же учредили законъ ежели не ради сохраненія онаго». Въ моемъ собраніи.

882 Б. Прибавить: Христосъ, сидящій на гробницѣ (надпись: «гробъ гдѣнь»); въ рукахъ у него трость; по сторонамъ—орудія страстей; сверху: «гдѣ Саваошвъ», а справа надпись: «ѡцѣ на сѣа свыше призираше во царство его призываше ісѣ по кресто^м се-

²⁾ Сказаніе Страстей Христовыхъ подробно разобрано Ф. Булгаковымъ въ Памятникахъ древней письменности, стр. 153.

дьяша страсти своя помышляше багрянцу терновець на себѣ носаше». Листовая картинка, грубой работы на деревѣ; оригинальная доска находится у извѣстнаго археолога Гольшера; она гравирована съ двухъ сторонъ; отпечатки съ нея приложены къ брошюрѣ Гольшера: «Оттиски съ двухъ старинныхъ гравировальныхъ досокъ, съ изображеніемъ: Распятія Христова и Иисусъ Христосъ, сѣдящій на гробѣ въ багрянницѣ» (Владимір. Губ. типогр. 1879). См. № 900 Б.

889. Несеніе креста; текстъ заимствованъ изъ поученія Тихона, епископа Воронежскаго (Снегир., Луб. карт., 35).

892. Распятіе. Кресты, на которыхъ были распяты Христосъ и разбойники, были сдѣланы изъ райскаго дерева; по славянскимъ апокрифамъ, происхожденіе этого дерева объясняется слѣдующимъ образомъ: когда Господь садилъ въ раю деревья (виноградъ). Сатанаилъ крадь отъ него тихонько отсадки (по другому пересказу *сымена*) и сажалъ особо; и выросло отъ тѣхъ отсадковъ дерево. Но дерево это выгнало Сатанаила изъ рая, и почернѣлъ Сатанаилъ. Дерево же разрослось на три ствола: средній въ Божье имя, другой стволъ Адама, третій Евинъ. Средній стволъ отданъ Сифу ангеломъ, изъ него тотъ сдѣлалъ вѣнокъ Адаму, въ которомъ онъ и погребенъ; впоследствии стволъ этотъ проросъ въ большое дерево,¹⁾ изъ котораго былъ срубленъ крестъ, на немъ-же былъ распятъ

¹⁾ Въ другой легендѣ о путешествіи Сиеа въ рай (Жизнь Господа нашего Иисуса Христа), бывшей въ ходу на Западѣ въ средніе вѣка, рассказывается, что въ раю Сиеа получилъ отъ ангела не вѣтвь отъ дерева познанія, а три зерна, которыя онъ и положилъ въ ротъ умершаго Адама; изъ этихъ зеренъ выросли три прекрасныя дерева, и каждое изъ нихъ имѣло особый родъ кедра, кипариса и пегва (Порфирьевъ, 111); изъ нихъ то и сдѣланъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Въ церкви св. Креста, во Флоренціи, живописецъ XIV вѣка Аньоло Гадди написалъ исторію креста въ лицахъ, какъ Сиеа сажаетъ вѣтку райскаго дерева надъ тѣломъ Адама, и какъ Сабская царица узнаетъ святое дерево въ бревнѣ, положенномъ черезъ рѣку, и поклоняется ему (Булс. Р. В. CIV. 638).

Спаситель. Евино древо, во время потопа, уплыло изъ рая въ пустыню, гдѣ нашель его Моисей, который насадилъ его вѣтви крестообразно на Морской рѣкѣ и усладилъ тѣмъ воды оной; изъ этихъ вѣтвей выросло то древо, на которомъ былъ распятъ невѣрный разбойникъ. Адамово же древо упало въ рѣку Тигръ, которая вынесла его изъ рая на пески; Снеъ, желая сотворить память по отцѣ своему Адамѣ, зажегъ то древо; зажженный имъ огонь горѣлъ непрестанно, и лютые звѣри стерегли его. Когда Лотъ согрѣшилъ съ дочерьми своими, и пришелъ покаяться предъ Авраамомъ, Авраамъ приказалъ ему принести три головни отъ Ниловой рѣки, которыя стерегутъ звѣри, посадить эти головни и поливать ихъ; когда выростетъ изъ нихъ древо и дастъ плодъ, тогда и грѣхъ его будетъ прощенъ Господомъ. Такъ и сдѣлалъ Лотъ: досталъ три головни и выростилъ изъ нихъ большое древо, на которомъ былъ распятъ впоследствии благоразумный разбойникъ (Тихонравовъ, Памятн. Отреч. Литер., I, 305—313)²⁾. Легенда эта заимствована изъ Фабриція³⁾, но тамъ говорится, что изъ Адамова дерева былъ срубленъ крестъ для самаго Спасителя, а не для благоразумнаго разбойника; такую-же развязку находимъ и въ русскомъ апокрифическомъ сказаніи Северьяна, епи-

²⁾ Объ отношеніяхъ вѣрнаго или благоразумнаго разбойника ко Христу существуетъ въ нашихъ апокрифахъ слѣдующая легенда: во время бѣгства Іосифа съ Богородицею, Спасителемъ и Іаковомъ братомъ Божиимъ въ Египетъ отъ преслѣдованія Ирода, они были пойманы двумя разбойниками. У этихъ разбойниковъ были жены; одна изъ этихъ женъ была уже 6-й день сильно больна и не могла кормить своего ребенка, который умиралъ съ голоду; жена другаго разбойника была объ одномъ соскѣ и могла прокормить только одного своего ребенка. Разбойникъ первой жены обѣщалъ не дѣлать худа бѣглецамъ, лишь бы Богородица «воздоила» его ребенка. И «воздои Богородица разбойничье отроча». Впоследствии сыновья разбойниковъ сдѣлались сами разбойниками и были распяты по сторонамъ Спасителя; одинъ изъ нихъ Дизманъ, тотъ самый, котораго воздоила Богородица, призналъ Христа и былъ спасенъ, другой-же, именемъ Геста, не позналъ Бога, и погибъ (Сказаніе св. Григорія Богослова о крестѣ... Въ Румянц. сбор. XV в. № 358: Памятн. стар. лит., III. 79). Эпизоды изъ этой легенды написаны на стѣнахъ въ одномъ изъ придѣловъ Суздальскаго собора.

³⁾ А Фабриціемъ она заимствована изъ примѣчаній къ хроникѣ Глики (Cod. Vet. Test. I, 428—431. Порфирьевъ, 114).

скопа Авасильскаго (т. е. Гавальскаго), «о древѣ спасеннаго креста гдѣ обрѣтается и како бысть»⁴⁾. Въ одномъ спискѣ этого сказанія, напечатанномъ въ Памятникахъ старинной русской литературы (III. 82), головни приносятъ и поливаетъ, по совѣту Авраама, не Лотъ, а просто мужъ грѣшникъ, сидѣвшій у мѣста впаденія рѣкъ Иора и Дана въ рѣку Іорданъ. Древо это имѣло три ствола отъ одного кореня; за тѣмъ три ствола эти срослись въ одно дерево, а на высотѣ дерева оно опять раскинулось на три вѣтви. Соломонъ, поставивъ его въ храмъ, украсилъ 30-ю вѣнцами, каждый цѣною въ 30 серебряниковъ; одинъ изъ тѣхъ вѣнцовъ былъ назначенъ ученику Христову за преданіе Спасителя; изъ самого же древа былъ срубленъ крестъ, на которомъ распятъ Спаситель. Древо это имѣетъ естество трехъ деревьевъ: елоя, кедра и кипариса. Есть еще третья редакція легенды о крестномъ древѣ, принадлежащая, по замѣчанію А. Веселовскаго (Истор. Лит. Галахова, 469), Богомильскому изводу, гдѣ древо, на которомъ былъ распятъ Спаситель, произошло изъ древа Евинова, которое насадилъ Моисей при Морской рѣкѣ, сказавъ: «се образъ Святыя Троицы древо будетъ спасенію, се древо жизни, на семъ дрѣвѣ святыи истинный вознесетъ отъ руки ждущихъ спасенія, и осудятъ старѣйшины жидовскія, іереи Старци людстии хотящаго судити всему миру, живымъ и мертвымъ. Се слово Моисей прорече о крестѣ».

Относительно того, какъ попали райскія деревья въ Іерусалимъ, въ нашихъ апокрифахъ существуютъ слѣдующіе рассказы: когда Соломонъ строилъ храмъ, то Господь далъ ему перстень— «да обладаетъ бѣсы всѣми». Когда пришло дѣло покрыть храмъ, онъ приказалъ срубить для того древо, которое посадилъ Моисей на Мѣрѣ рѣкѣ; древо это, во время перевоза, потонуло въ

⁴⁾ Хотя въ сборникѣ Комберфиза, между сочиненіями Іоанна Златоустаго, дѣйствительно напечатано слово о крестѣ Северіана Гавальскаго: in pretiosam et vivificam crucem, но въ этомъ словѣ нѣтъ сказанія о трехъ головняхъ, поливаемыхъ Лотомъ, и ничего не говорится о происхожденіи дерева, на которомъ былъ распятъ Спаситель (Порфирьевъ, 113).

Иорданъ. Тогда Соломонъ перевезъ для храма другое дерево— «иже израсти отъ трехъ главенъ»; но и это дерево не могли уставить на храмъ. Услышавъ это, пришла посмотрѣть на дерево Сивилла «и сѣдоша на древо, и подпали ихъ огонь». Тогда Сивилла и народъ возопили: «о треблаженное древо, на немъ же распятыся (хочетъ) Царь и Господь». Въ это время одинъ плотникъ именемъ Елисей, работая на Иорданъ уронилъ въ воду сѣкиру, и сѣкира его «улучи въ первое древо», которое потонуло во время перевозки; древо это было вынута изъ воды, но не пригодилось для храмовой крыши. Тогда Соломонъ, узнавъ отъ демоновъ иже держаша печать Господню, что въ Едемѣ есть еще древо, выросшее изъ главы Адамовой, завѣщалъ ихъ печатью Господнею (яже ми дастъ Богъ)⁵⁾, принести его изъ Едема. Демонъ добыли это древо и вмѣстѣ съ Адамовою главою, въ которую проросли корни, принесли его къ храму⁶⁾; но и это древо не пригодилось для храма⁷⁾. Сначала Адамову голову не замѣтили въ корнѣ, который отрубили отъ дерева и оставили безъ вниманія; но однажды, во время охоты Соломона, одинъ изъ его отроковъ, отставъ отъ свиты, попалъ въ пещеру и замѣтилъ, что она состоитъ не изъ камня, а изъ кости. Соломонъ приказалъ засыпать пещеру кам-

⁵⁾ См. печать Царя Соломона, картинка № 798.

⁶⁾ Migne, Dictionnaire des Apocryphes (tome I, page 387—389). Здѣсь указано содержаніе и дальнѣйшая исторія деревъ, выросшихъ изъ головы Адама: «Моисей нашель эти три дерева и принесъ ихъ къ Черному морю; Давидъ перенесъ ихъ въ Иерусалимъ съ торжественной церемоніей, при звукѣ инструментовъ; при этомъ деревья издавали чудное благоуханіе, всѣ больные получили отъ нихъ исцѣленіе. Давидъ посадилъ ихъ въ цистернѣ и обложилъ желѣзными обручами. Соломону, при построеніи храма, понадобилась балка въ 30-ть локтей; онъ приказалъ срубить кедръ, но дерево оказалось слишкомъ коротко и не годилось для той цѣли, для которой было срублено. Соломонъ велѣлъ положить его въ храмъ. Иудеи, по злобѣ, бросили святое древо въ купель и потомъ сдѣлали изъ него мостъ. Приходившая въ Иерусалимъ царица Савская узнала святое древо, и потому не хотѣла идти по этому мосту. Иудеи впоследствии сдѣлали изъ этого дерева крестъ, чтобы распять на немъ Господа» (Порфирьевъ, 111).

⁷⁾ Соломонъ поставилъ всѣ добытыя деревья въ церкви, и спросилъ демоновъ: повѣдайте ми, колико есть отъ Иерусалима до Едема? Отвѣщаеи демоны): и ѡгъ мили сии рече „А, вскъS поприщъ (Памяти. Кушелева. III 8).

нями, изъ коихъ образовалась Голгова. Когда Иудеи предали Иисуса Христа на распятіе съ двумя разбойниками, Пилатъ велѣлъ сдѣлать три креста изъ тѣхъ трехъ деревъ. Крестъ Спасителя былъ водруженъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась голова Адамова; во время распятія Спасителя, кровію изъ ранъ его и водою изъ прободеннаго ребра крестился Адамъ (т. е. голова его, находившаяся подъ крестомъ) и освободился отъ клятвы⁸⁾. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ рассказовъ, а равно и легенды о насажденіи крестнаго древа Сатанайломъ и о происхожденіи его отъ Евиной поросли,—рассказовъ приписываемыхъ Болгарскому попу Богомилу,—послѣдователи его, Богомилы, считаютъ, что крестъ измыслили демоны, чтобы погубить Христа, и называютъ его враждой Богу; вмѣстѣ съ тѣмъ они не покланяются и иконамъ, почитая такое поклоненіе за идолопоклонство (Порфирьевъ, 138).

893 А. Прибавить: **Распятіе**, съ виршами внизу: «и будетъ знамение гдѣ глаголаше влунѣ и звѣзда^x и что бгѣ нѣтъ пре³видяше се видѣлъ встра⁶те^x яко сѣнце втму смѣ¹⁰ преложитися лунѣ вкровь потреб⁸ было Се видѣлъ после что дне⁶ стрела возлетела якъ Ѡ лука Ѡ луны все⁷ сѣнца вперна^x». Листовая гравюра на мѣди, въ манерѣ И. Любецкаго. Въ моемъ собраніи.

900 А. **Распятіе**. Прибавить: такое же распятіе съ Богородицей и Иоанномъ; картинка листовая, внизу подпись: «Стояху же при кресте ісусове мати его и сестра матери его мария магдалина и мария

⁸⁾ Изложенныя сказанія о главѣ Адамовой и о крестномъ дрѣвѣ ходили на Востокѣ и въ устныхъ преданіяхъ. Въ XII в. нашъ игуменъ Даніилъ слышалъ въ Иерусалимѣ преданіе о главѣ Адамовой и внесъ его въ свое путешествіе: «и ту», говоритъ онъ, описывая мѣсто распятія Спасителя, «былъ водруженъ крестъ Христовъ. Исподи же подъ тѣмъ камнемъ лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господне, егда на крестѣ Господь нашъ Иисусъ Христосъ предасть Духъ свой тогда раздрася церковная катапетазма, и каменія распадеса, тогда же той камень просѣдеса надъ главою Адамовою, и тою разсѣлиною сице и вода изъ ребръ Иисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и быи грѣхи рода чловѣча. Есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего времени».

клеопова исусть) . . . . (3 строки). Въ моемъ собраніи. Подножіе у креста съ правой стороны приподнято и главу Спасъ склонилъ на десную сторону: «да преклонитъ вся языки вѣровати въ него; десную же ногу облегли: «да облежчатся грѣхи вѣрующіхъ въ него»; а лѣвую отягчи: «яко невѣрующіе въ него отягчаютъ и снудутъ въ адъ». О монограммахъ см. прим. къ № 870.

900 Б. Прибавить: **Распятіе** съ предстоящими Евангелистомъ Иоанномъ и Богоматерью; изъ подножія креста проросло виноградное дерево; вверху изображеніе луны и солнца, а вдали видѣнъ Іерусалимъ. Надписи въ двухъ круглыхъ клеймахъ по сторонамъ креста: «гѣла матери се снѣ твой» и «гѣла ученику се матери твоя»; на подножіи креста: «мѣто лобно раи бытъ». Листовая картинка, грубо вырѣзанная на деревѣ; оригинальная доска находится у И. Гольшева; гравирована съ двухъ сторонъ *); отпечатки съ нея приложены къ брошюрѣ И. Гольшева: «Оттиски съ двухъ старинныхъ гравировальныхъ досокъ, съ изображеніемъ Распятія Христова и Иисусъ Христосъ, сѣдящій на гробѣ въ багрянницѣ» (Владим. Губ. типогр. 1879 г.). Въ другой брошюрѣ г. Гольшева: «Новыя приобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзбы на деревѣ» (Владиміръ 1878 г.) помѣщены два отпечатка: 1) съ деревяннаго рѣзнаго креста, который, какъ видно изъ подписи на немъ, построенъ лѣта 1600) рабомъ Божиимъ Яневымъ, и 2) съ деревянной рѣзной доски съ молитвой, на которой всрединѣ написано красками распятіе. Надписи на крестѣ и вокругъ доски съ распятіемъ, а также и молитва, вырѣзаны *прямо*, а не на оборотъ; изъ чего слѣдуетъ заключить, что и крестъ и доска сдѣланы не для печатанія, а для постановки ихъ на ряду съ образами.

925. **Азъ есмь лоза.** Прибавить: у меня два изданія этой картинки — *а* и *б*; въ изданіи *а* — земля слѣва отъ креста, на которомъ

*) На другой сторонѣ вырѣзанъ Спаситель въ багрянницѣ, описанный подъ № 882 Б.

распятъ апостоль Симонъ, тушевана въ одну черту; въ изданіи *б* — она тушевана въ двѣ черты, въ клѣтку. Переводъ № 925 совершенно сходенъ съ № 920.

926 А. Прибавить: «**Азъ есмь лоза, Выше Рождіе**» — всрединѣ распятый Спаситель; слѣва ангель собираетъ въ чашу его кровь; кругомъ, въ 12-ти клеймахъ, перевитыхъ вѣтвями, — мученія апостоловъ. Въ моемъ собраніи.

938 А. Прибавить: **Изображеніе пятиглаваго собора** (видны только три главы), внутри коего — три креста; кругомъ въ четырехъугольной рамкѣ надпись: «Крестъ твой Господи жизнь и заступленіе людѣмъ твоимъ ѣсть и нанѣ надѣющесе тебе распятаго бога нашего поемъ помилуй насъ». Подлинная деревянная доска находится у И. Гольшева; отпечатокъ съ нея (8^о) приложенъ къ его статьѣ: «Новыя приобрѣтенія старинныхъ образцовъ рѣзбы на деревѣ. Владиміръ 1871».

940. **Антиминсъ 1680 года**, въ 9 фигуръ, сходенъ по переводу съ образомъ «не рыдай меня мати», находящимся въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ и писаннымъ въ 1554 году Псковскими иконописцами: Останею, Якушкою и Семеномъ Высокимъ Глаголемъ (См. мою Исторію русскихъ школъ иконописанія, въ VIII томѣ Запис. Археолог. Общ., стр. 169); фигуръ въ немъ тоже девять: Богоматерь поддерживаетъ Спасителя за голову, Іосифъ лобзаетъ его ноги; — они полагаютъ тѣло его во гробъ, Іоаннъ Богословъ наклонился къ тѣлу Спасителя; слѣва двѣ жены мученицы, справо Никодимъ, а сзади два ангела. Антиминсъ этотъ освящался въ 1661—1703 гг. (Никольскій, 178); оригинальная оловянная доска (гравюра вырѣзана на ней обронно, какъ на деревянной доскѣ), которою онъ печатанъ, сохраняется въ Московской Синодальной типографіи; она была вырѣзана казначеемъ Знаменскаго монастыря, іеромонахомъ Іасафомъ, въ 1678 году за 30 рублей, по рисунку, сдѣланному знаменщикомъ старцемъ Паи-

сіемъ. Въ дѣлахъ Синодальной конторы упоминается еще объ антиминсной доскѣ, вырѣзанной Алексѣемъ Нефедьевымъ, который вступилъ въ рѣзцы въ типографію въ 1661 году, а выбылъ изъ нея въ 1692 (См. мою книгу: Русскіе граверы, стр. 363 и 368).

945 А. Прибавить: Положеніе во гробъ, въ 10 фигуръ, сходное съ предыдущимъ, — «с̄ іоаннъ бгослосъ» наклонился надъ Спасителемъ. Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ; издаііе на бумагѣ 1810 года. Въ моемъ собраніи.

946 А. Прибавить: такой же переводъ въ 10 лицахъ; картинка двухлистовая 1820 — 30 гг.; подпись внизу: «Положеніе Во гробъ Гда Бога и спаса нашего іисуса хри с та». Въ моемъ собраніи.

953 А. Прибавить: Антиминсъ въ 9 фигуръ, гравированный на деревѣ; академическаго рисунка, половины прошедшаго столѣтія. Въ углахъ поясныя изображенія Евангелистовъ, а по сторонамъ орудія страстей; сверху и внизу пустыя мѣста для надписей. Въ моемъ собраніи.

954 А. Прибавить: мною куплена въ 1879 г. эта же картинка (изданіе а) безъ цензурной помѣты; затѣмъ № 954 слѣдуетъ назвать изданіемъ б.

Антиминсъ¹⁾, — пелена, освященная архіереемъ и полагаемая на престолъ при совершеніи литургіи, — упоминается у духовныхъ писателей уже въ VIII вѣкѣ. На Московскомъ соборѣ, бывшемъ въ 1675 году, указано было полагать антиминсъ на каждый престолъ, хотя бы престолъ былъ освященъ архіереемъ лично: въ этомъ послѣднемъ случаѣ мощей въ антиминсъ не зашивали.

Дошедшіе до насъ древнѣйшіе антиминсы (XII в.) сдѣланы изъ холста; изъ холста же дѣлались они и до конца XVIII вѣка, что видно между прочимъ изъ указа 1766 г. (Полное Собр. Зак. т. XVII; № 12. 379), которымъ запрещалось брать какіе либо

¹⁾ Собственно *освященная пелена*, замѣняющая освященный престолъ.

поборы при освященіи церкви, кромѣ 50 коп. за холстъ, при отдачѣ антиминсовъ. Но въ тоже время, еще ранѣе XVIII вѣка, стали входить въ употребленіе антиминсы, отпечатанные на шелковыхъ матеріяхъ. До нашего времени сохранились два антиминса на атласѣ: одинъ 1655 года въ Ростовскомъ Авраміевскомъ монастырѣ, другой 1652 г. въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Указомъ 6 апрѣля 1722 г. уже предписывалось имѣть антиминсы печатные на приличной матеріи; а указами 16 іюля 1704 г., 31 іюня 1753 г. и 28 августа 1794 года рекомендовались антиминсы на атласѣ. Но въ 1862 году св. Синодъ снова дозволилъ приготовленіе холщевыхъ антиминсовъ наряду съ атласными. Одновременно съ антиминсами, отпечатанными на шелковой матеріи и холстѣ, появляются антиминсы, отпечатанные на писчей бумагѣ; въ ризницѣ Новгородскаго Софійскаго собора есть такой антиминсъ, освященный для служенія въ 1653 году, а въ Калужскомъ Лаврентьевскомъ монастырѣ такой же антиминсъ, освященный въ 1650 году (Историч. опис. Лаврент. монаст., Иеромонаха Леониды. Калуга 1862, стр. 37).

Рисунки, сдѣланные отъ руки и помѣщаемые на антиминсахъ до половины XVII вѣка, состояли изъ изображеній: креста осьмиконечнаго (1623—1644 г.), съ подножіемъ (1610—1658), съ копьемъ, тростию и губою (1515—1654), и наконецъ съ Адамовою головою (1558—1667 г.); креста шестиконечнаго на подножіи (1581—1627); креста четырехконечнаго (1623); креста семиконечнаго съ копьемъ, тростию, Голговою и головою Адама, согласно съ изображеніемъ его въ тремникѣ 1651 г. (Москва); наконецъ вовсе безъ всякихъ изображеній (1551—1612).

Съ XVII вѣка печатные антиминсы начали вытѣснять ручные; а въ указныхъ статьяхъ патриарха Адріана (1697 г.) предписано было вездѣ въ церквахъ имѣть антиминсы печатные, новые²⁾.

²⁾ Свѣдѣнія эти по большей части заимствованы мною изъ обширнаго труда священника Никольскаго объ Антиминсахъ, снабженнаго многочисленными примѣчаніями и рисунками (Спб. 1872).

На древнѣйшемъ печатномъ Кіевскомъ антиминосѣ 1627 года изображена гробница, въ которой стоитъ, по поясъ, Спаситель, опирающійся на края ея; сбоку стоитъ чаша, въ которую льется его кровь³⁾; сзади большой крестъ; по сторонамъ два ангела съ копьемъ и губою, а по четыремъ угламъ картины четыре Евангелиста. Подлинникъ находится въ ризницѣ Александро-Невской Лавры; снимокъ съ него приложенъ къ изслѣдованію объ Антиминсахъ священника Никольскаго (№ 1). Точно такое-же изображеніе находится и на антиминосѣ, освященномъ въ 1637 году Сильвестромъ Косовымъ, епископомъ Мстиславскимъ, Оршанскимъ и Могилевскимъ. Подлинникъ находится въ Уфимскомъ соборѣ (Уфимск. Губ. Вѣд. 1865 г. № 35; статья г. Игнатъева).

Въ ризницѣ Александро-Невскаго монастыря сохранился печатный антиминосъ простѣйшаго перевода, московской работы, освященный въ 1668 году (см. снимокъ, приложенный къ книгѣ священника Никольскаго, рис. 2. стр. 165); на немъ изображенъ семиконечный крестъ на подставкѣ (Голгоѣ), подъ нимъ Адамова голова, а по сторонамъ копье и губа, съ обычными надписями. За тѣмъ на всѣхъ прочихъ антиминосѣхъ, печатавшихся во второй половинѣ XVII вѣка, изображено положеніе во гробѣ, которое перешло на антиминосъ, по справедливому замѣчанію священника Никольскаго, съ шитыхъ плащаницъ и воздуховъ, такъ какъ переводы шитыхъ изображеній въ большинствѣ случаевъ сходятся съ переводами печатными⁴⁾.

³⁾ Этотъ переводъ чисто западнаго католическаго пошиба не былъ принятъ для нашихъ антиминосовъ.

⁴⁾ К. Невоструевъ помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Археолог. Общ. (VI томъ) сравнительное описаніе пяти такихъ плащаницъ: 1) плащаницы Митрополита Фотія 1410—1431 г., 2) Новгородскаго Софійскаго собора, шитой въ 1456 г., 3) шитой въ Новодѣвичьемъ Московскомъ монастырѣ въ 1545 г., 4) положенной кн. В. А. Старицкимъ въ Троицкую-Сергіеву лавру въ 1561 г. и 5) имъ же въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь въ 1568 году. Во всѣхъ пяти плащаницахъ Спасителя поддерживаетъ за ноги св. Іосифъ, а за голову Богородица, согласно канону на павечеріи св. великаго пятка: «положи на колѣну, молящи его со слезами»... Позади Іосифа стоитъ Никодимъ, а лѣвѣе, всрединѣ, припалъ къ тѣлу Спасителя Іоаннъ Богословъ. Позади Богородицы на Фотіевской плащаницѣ 1410 года изображенъ ангелъ съ ризиною; на плаща-

Подъ №№ 939—954 описаны тѣ въ антиминосовъ и положеній во гробѣ, которые печатались на фабрикахъ народныхъ картинокъ, или уцѣлѣли въ отпечаткахъ на писчей бумагѣ, въ собраніяхъ любителей; въ настоящемъ же примѣчаніи, съ цѣлю представить болѣе полный обзоръ печатныхъ антиминосовъ, предлагается описаніе всѣхъ вообще антиминосовъ, отпечатанныхъ гравированными досками; здѣсь упомянуты: 1) антиминосы описанные въ книгѣ священника Никольскаго; 2) поименованные въ текстѣ III-й книги подъ №№ 939—954 и 3) находящіеся въ богатомъ музеѣ церковныхъ древностей въ Кіевской Духовной Академіи. Всѣ они расположены по числу изображенныхъ на нихъ фигуръ.

1) Антиминосъ 1668 г. (упомянутый выше)—крестъ съ Адамовой головою; изображенъ въ книгѣ священника Никольскаго, рис. 2-й.—2) Кіевскій Антиминосъ 1627 г.: Спаситель стоитъ въ гробу и по сторонамъ его два ангела (упомян. выше); изображенъ въ книгѣ священника Никольскаго, рис. 1-й.—3) Всрединѣ Спаситель, стоящій во гробѣ, по сторонамъ его два ангела, а въ углахъ четыре клейма съ евангелистами; находится въ музеѣ

ницахъ Новгородской 1456 г., Троицкой 1561 г. и Волоколамской 1668 г.—одна Марія Магдалина» а на Новодѣвичьей 1545 г.—двѣ «жены мурносоицы». Позади гроба Спасителя служатъ ангелы, въ дьяконскихъ одеждахъ; въ Фотіевской и Новгородской плащаницахъ ихъ по шести; на Троицкой и Волоколамской по четыре, а на Новодѣвичьей два—Михаилъ и Гавриилъ; на небѣ представлены летящіе ангелы, а на четырехъ древнѣйшихъ плащаницахъ солнце и луна. Въ Новодѣвичьей плащаницѣ кругомъ каймы вышита пѣснь: «святыи боже, святыи крѣпкій»... Въ Златоустникѣ (собраніе проповѣдей), въ проповѣди на великій пятокъ, находимъ относящееся къ этому апокрифическое сказаніе, будто-бы Спаситель, несомый на погребеніе, сказалъ Іосифу: «что ради несеши мя ко гробу молча, а не поеша ничтоже?» и повелѣлъ ему пѣть: «святыи Боже». На это же сказаніе указываетъ слово Кирилла Туровскаго; въ проповѣди на недѣлю мурносоиць Іосифъ говоритъ: «тѣмъ же сиде возгласихъ погребу ты, милостиве, якоже Святымъ наученъ быхъ Духомъ: Святыи Боже (Описаніе Славянск. рукописей Синод. библ. Отд. II, ч. 3, стр. 98. см. 130). Въ Волоколамской плащаницѣ внизу вышитъ платъ, назначенный на главу Спасителя, о которомъ говорится въ Ев. отъ Іоанна (20. 7). Въ каймѣ и углахъ, кругомъ плащаницы, изображались четыре евангелиста, или преображающія ихъ животныя, а также пророки и разные святыя; въ срединѣ же верхней полосы, преображеніе Господие (1410 г.), Успеніе Богородицы, св. Троица, знаменіе Богородицы и другія изображенія.

Кіевской духовной академіи — 4) Три ангела спускаютъ тѣло Спасителя на плащаницѣ въ гробницу; въ большой листъ, съ монограммой Кіевского мастера А; гравированъ на деревѣ; находится въ музеѣ Кіевской духовной академіи ⁵⁾).

Переводъ въ 6 фигуръ: 5) живописный, съ надписью гравера: «Joseph Goczemski sculpsit 1762»; гравюра рѣзцомъ; тамъ-же. — 6) Копія съ предыдущаго; гравюра на мѣди: «АС. 1773 г.», тамъ же — 7) Еще подобный же антиминсъ, съ подписью мастера: «Filipowicz sculp. Leopolis». — 8) Положеніе во гробъ, со страстями, описанное въ III книгѣ подъ № 952. — 9) Положеніе, описанное подъ № 954 въ III книгѣ и подъ № 954 А.

Переводъ въ 8 фигуръ (безъ Маріи Клеоповой): 10) Антиминсъ 1765 г., грав. на мѣди; рисунокъ съ него помѣщенъ въ книгѣ священника Никольскаго подъ № IX. ⁶⁾

Переводъ въ 9 фигуръ: 11) Описанный въ книгѣ III подъ № 939; грав. на мѣди 1670 г. — 12) Тамъ же, № 940; антиминсъ 1680 г. — 13) Сходный съ ними антиминсъ, освященный въ 1659 г. (другой въ 1662 г.); въ книгѣ священника Никольскаго рисунокъ № 4, стр. 174. — 14) Антиминсъ 1798 г., академической работы на мѣди; у священника Никольскаго рис. XII ⁷⁾. 15) Антиминсъ, описанный въ книгѣ III подъ № 944. — 16) Описанный въ книгѣ IV подъ № 953 А.

Переводъ въ 10 фигуръ: 17) У Никольскаго подъ № V, 1713 г., очень большаго размѣра (12 и 10¹/₄ вер.), въ десяти лицахъ, по переводу сходный съ описаннымъ подъ № 3. Вверху изображенъ Господь Саваоѣ; отъ него исходитъ св. Духъ, въ видѣ голубя.

⁵⁾ Въ рисункахъ Солицева есть подобный же антиминсъ, освященный Петромъ Могилою въ 1645 году; на немъ, кромѣ трехъ ангеловъ, полагающихъ тѣло Спасителя, видѣнъ еще четвертый, въ моленіи.

⁶⁾ Съ этой доски антиминсы печатались болѣе 30 лѣтъ. Такого же рисунка антиминсы печатались въ Тобольской губерніи (Никольскій, стр. 201); это было дозволено Синодомъ въ 1754 году и запрещено въ 1709, а затѣмъ снова дозволено.

⁷⁾ Рисунокъ для этой доски былъ сдѣланъ мастеромъ Антроповымъ въ 1775 году и вырѣзанъ сперва на грушевой доскѣ, а потомъ на мѣди крестьяниномъ Герасимомъ Ефесниковымъ въ 1783 году.

Грав. на мѣди. — 18) У него же рис. № VI, около 1721 года; такого же размѣра, какъ и предыдущій, и того же перевода но вмѣсто Господа Саваоѣ здѣсь поставлено одно имя Бога по еврейски, согласно запрещенію впредь писать Саваоѣ въ человѣческомъ образѣ, сдѣланному по опредѣленію св. Синода отъ 6 апрѣля 1722 года; этимъ же опредѣленіемъ запрещено было писать евангелистовъ въ видѣ символическихъ животныхъ (Полн. Собр. постановленій по вѣдомству православи. испов. Росс. Импер. 1872, II. 163). Грав. на мѣди — 29) У Никольскаго рис. VII, 1756 г.; переводъ живописный — 19) У него же рис. VIII, 1732 г.; академической работы: кромѣ 10 фигуръ въ переводѣ, по сторонамъ поставлены апостолы Петръ и Павелъ; кругомъ былъ бордюръ съ 12 клеймами, съ изображеніемъ страстей господнихъ грав.; на мѣди (Никольск., 190) ⁸⁾. — 21) Антиминсъ, описанный въ III книгѣ подъ № 941; 22) Тамъ же № 942; 23) Тамъ же № 943. 24) Тамъ же № 945; 25) Тамъ же № 947; 26) Тамъ же № 948; 27) Тамъ же № 953. — 28) У Никольскаго рис. X, 1787 г.; рисунокъ этотъ сдѣланъ академическимъ рисовальщикомъ Гриммелемъ ⁹⁾; 29) У него же рис. XV, 1788 года; 30) У него же рис. XIV, 1797 г., — всѣ грав. на мѣди; 31) У него же рис. XIII, 1823 г.; то же. — 32) Описанный въ III книгѣ подъ № 945; 33) Тамъ же № 946; 34) Тамъ же № 949; 35) Тамъ же № 950; 36) Описанный выше, въ IV кн. № 945 А; 37) Тамъ же № 946 А; 38) Въ III книгѣ № 953.

Переводъ въ 11 фигуръ: 39) Антиминсъ съ подписью гравера на мѣди: «Joseph Goczemski Sculps: 1760»; въ музеѣ Кіевской духовной академіи. — 40) Съ видомъ Іерусалима, описанный въ кн. III подъ № 951.

⁸⁾ Эти бордюры, всего четыре доски, были куплены митрополитомъ Гаврииломъ за 10 руб., съ аукціона, въ Академіи Наукъ; пятая же доска утратилась; тогда же помощнику синодальнаго живописца Алексѣя Антропова, Михайлѣ Уткину, приказано было сдѣлать рисунокъ середины (положеніе во гробъ).

⁹⁾ Илья Гриммель, изъ Мемингена, былъ вызванъ въ Академію Наукъ въ 1738 году, въ качествѣ учителя рисованія; онъ умеръ въ С.-Петербургѣ въ 1759 году (Русскіе граверы 1870 г., 39).

Еще антиминсъ 1795 г. академической работы рѣзцомъ, въ большой листъ. Внизу изображены евангелисты и пророки и кромѣ того «Европа, Азія, Африка и Америка», въ видѣ четырехъ голыхъ женщинъ. Въ музеумѣ Кіевской духовной академіи¹⁰⁾.

Въ 1774 году Московская Синодальная контора хотѣла приобрести антиминсную доску у владѣльцевъ бывшей фабрики Михаила Артемьева—Алексѣя Колокольниковъ и Петра Белавина; владѣльцы запросили за нее 120 руб. Тогда Синодъ вытребовалъ къ себѣ оттискъ съ нея, нашелъ, что изображеніе и текстъ на ней неправильны, и затѣмъ предписалъ конторѣ: если владѣльцы фабрики возьмутся исправить доску, то купить оную у нихъ по оцѣнкѣ, въ противномъ же случаѣ, въ опасеніи, что они будутъ печатать и распространять такіе неправильные антиминсы между раскольниками, доску отъ нихъ вытребовать, сгладить и отдать имъ мѣдь обратно. Послѣ такой странной развязки, владѣльцы принесли свою доску конторѣ въ даръ—и доска была сглажена.

Въ 1781 году Никита Демидовъ представилъ въ Московскую контору антиминсную доску, гравированную черной маперой (вѣроятно на той же Артемьевской фабрицѣ). Мастеръ рисовальнаго искусства Семенъ Второвъ и грядоровальнаго Алексѣй Андреевъ отказались исправить эту доску, и ее назначено было тоже стереть и награвировать на ней антиминсъ вновь (Никольск., стр. 215).

Въ 1783 году была выгравирована антиминсная доска граверомъ Челнаковымъ за 85 руб. (Никольск., стр. 222); а въ 1813 г. двѣ мѣдныя антиминсныя доски Никитою Плотцовымъ (стр. 223); въ 1816 году заказаны двѣ такія же доски граверу Василю Петрову, по 400 руб. за каждую; изъ нихъ одну онъ выгравировалъ самъ, а другую награвировалъ подмастерье Сер-

¹⁰⁾ Въ книгѣ священника Никольскаго упоминаются еще гравированные антиминсы: 1827—1856 гг., сходный по переводу съ его рисункомъ № VI; 1844 г., съ Господомъ Саваоомъ вверху, благословляющимъ обѣими руками; и 1857—1862 гг.

гѣй Дмитріевъ (Баскаковъ). Въ 1827 году шли опять переговоры о выгравированіи антиминсныхъ досокъ: Скотниковъ и Флоровъ объявили цѣну по 1.500 руб. за доску; Московскій мѣщанинъ Александръ Аванасьевъ по 700 р. и Аркадьевъ по 800 р.: Московскіе граверы Андрей Васильевъ и Сергѣй Дмитріевъ отказались отъ работы.

Въ 1854 году рисунокъ для антиминса былъ сдѣланъ академикомъ Солнцевымъ; на мѣди вырѣзалъ его академикъ К. Аванасьевъ; а въ 1855 г. сдѣланъ Солнцевымъ новый, исправленный по указаніямъ Синода, рисунокъ, съ котораго выгравирована К. Аванасьевымъ стальная доска (Никольск., стр. 228).

Цѣна антиминсамъ (въ 1753 г.), съ большой грядоровальной доски, заведенной патриархомъ Адрианомъ, была 1 р. 75 коп. (въ томъ числѣ мастерамъ за работу по 15 копѣекъ); съ вырѣзанной вновь мѣдной доски (1753 г.)—по 50 копѣекъ (въ томъ числѣ мастерамъ по 10 коп.), а съ оловянной—по четыре копѣйки (въ томъ числѣ печатнику 2 к.). Въ 1725 году директоръ Замятинъ приказалъ было брать за нихъ по 25 к., но въ 1727 г. возстановлена прежняя цѣна. Указомъ 1765 года велѣно брать съ антиминса только за холстъ 50 коп. Этой продажей выручалось въ годъ отъ 4 руб. (въ 1748 г.) до 48 р. (1731 г.) и до 92 руб. (1733) (Никольск., стр. 284). Определеніемъ Синода 21 января 1868 года положено впредь брать за каждый антиминсъ по одному рублю серебромъ (Ник., 290).

Въ заключеніе упомяну, что антиминсныя доски гравировались въ Россіи и для другихъ патриаршествъ: такъ въ 1729 году епископу Оивайдскому Арсенію дозволено было Синодомъ выгравировать три доски, съ обозначеніемъ патриарховъ Александрійскаго, Іерусалимскаго и Антиохійскаго, съ тѣмъ, чтобъ тѣми досками антиминсовъ въ Россійской Имперіи не печатать (Никольскій, 250).

959. Святцы работы Тепчегорскаго. Изданіе *a* находится не въ Публичной библиотекѣ; а въ Олсуфьевскомъ собраніи (подписи вверху и внизу во многихъ листахъ срѣзаны).

Издание б, съ 1714 годомъ (вм. 1713), съ полными не срѣзанными надписями и подписями находится въ Публичной библиотекѣ (изъ собранія гр. Толстаго). Въ моемъ собраніи есть два изданія святцевъ Тепчегорскаго: в—точно такое же, какъ и изданіе б, но іюнь мѣсяць другая доска, безъ подписей мастеровъ (прочія надписи и подписи тѣже); эта доска заимствована изъ копій со святцевъ Тепчегорскаго, описанныхъ подъ № 959 А (съ прибавкою подписи въ картушѣ); и г—такое-же, какъ и изданіе в, но августъ мѣсяць другая доска, безъ подписей мастеровъ; внизу помѣта: «1722 году, мѣа Апрѣля». Подписи: «календарь... Постнікова», находящейся въ предыдущихъ изданіяхъ, въ изд. г нѣтъ; эта доска тоже заимствована изъ копій, описанныхъ подъ № 959 А, съ прибавкою подписи въ картушѣ). *)

Затѣмъ слѣдуетъ поставить изданіе д, описанное въ III томѣ (стр. 374) какъ изданіе в. Описание этого послѣдняго изданія доставлено мнѣ извѣстнымъ Московскимъ любителемъ древностей И. М. Остроглазовымъ.

959 А. Точныя копіи съ святцевъ Тепчегорскаго, 12 листовъ; рамки и подписи тѣже, но подписей мастеровъ нѣтъ и картуши внизу пустыя. На январѣ, мартѣ, августѣ и сентябрѣ, внизу слѣва, помѣчено: «1722 году мѣа Апрѣля»; на мартѣ, кромѣ того, справа, поставлены буквы: «в: ж:», т. е. Василій Кипріяновъ.

960 А. Прибавить: Святцы, повтореніе святцевъ Тепчегорскаго, въ меньшемъ размѣрѣ; подписи и надписи тѣже, но сокращены; подписей мастеровъ нѣтъ. Гравированы грубо крѣпкой водкой, въ первой половинѣ XVIII вѣка. Внизу, на іюнь мѣсяцѣ, вирши, оканчивающіяся словами: «Царя Петра росіиска во брани бгѣ умудрялъ самфонъ же лва свіискаго дахрябре раздилалъ (такъ)», — тоже, что и на гравюрѣ Тепчегорскаго. Въ моемъ собраніи.

*) Изъ этого слѣдуетъ заключить, что копіи святцевъ, описанныя подъ № 959 А, были выпущены прежде изданій в, г и д.

960 Б. Прибавить: такое же повтореніе святцевъ Тепчегорскаго, въ мѣру предыдущихъ святцевъ; рамокъ изъ акантовыхъ листьевъ кругомъ нѣтъ. Очень грубой работы рѣзцемъ, второй половины XVIII вѣка. Надпись на 1-мъ листѣ: «мѣсяць септемврій». Въ моемъ собраніи.

960 В. Прибавить: такое-же повтореніе святцевъ Тепчегорскаго; надпись на 1-листѣ: «мѣъ септемврій»; на іюнь вирши кончаются такъ: «Цря Петра Росіиска въ брани умудра бгѣ». Въ моемъ собраніи.

960 Г. Прибавить: такое-же повтореніе (вольное) святцевъ Тепчегорскаго, съ незначительными измѣненіями въ переводѣ; рамка кругомъ изъ клѣтокъ, въ которыя вставлены восьмиугольныя звѣздочки; такія-же звѣздочки поставлены и по четыремъ угламъ. Грубой работы рѣзцемъ, конца XVIII вѣка. Надпись на 1-мъ мѣсяцѣ: «мѣсяць септемрій»... Одной мѣры съ № 959. Въ моемъ собраніи.

961. Въ моемъ собраніи есть другое изданіе этихъ святцевъ, б (одинъ апрѣль мѣсяць), отпечатанное досками изданія а, но грубо подправленными рѣзцемъ; въ апрѣлѣ мѣсяцѣ мантия (на головѣ) препод. Евѳимія тушевана въ изд. б въ двѣ черты на крестѣ, а въ изданіи а—только въ одну черту.

962 А. Прибавить: такія же святцы, копія съ № 962; на сентябрѣ мѣсяцѣ поставлена надпись: «Мѣъ Септември». Въ собраніи В. И. Яковлева.

966 А. «Краткія святцы показывающія господскія=высококротжественныя праздники, и вѣкторіальныя дни 1808 года». Стѣнные святцы двухъ съ половиною листового размѣра, съ 24-ю изображеніями праздниковъ и святыхъ, въ небольшихъ кружечкахъ. Въ моемъ собраніи.

967. Поправить: **Святцы Аванасьева** въ 24 картинкахъ, въ малый листъ (по двѣ на каждый мѣсяць); на всѣхъ картинкахъ подпись Аванасьева, за исключеніемъ: 1, 3, 5, 15, 17, 19, 21 и 23 (считая январь первой картинкой).

969 А. Точная копія съ № 969; различить ихъ можно по сентябрю, въ которомъ надписи орфографированы слѣдующимъ образомъ: въ № 969—«Благословиши венець . . .», а въ № 969 А—«благослови всенець» . . . Въ моемъ собраніи.

Изъ гравированныхъ святцевъ, описанныхъ подъ №№ 957—969, только Бунинскіе № 957, изданные въ концѣ XVII вѣка, вырѣзаны въ иконномъ пошибѣ, — всѣ прочіе, начиная съ Тепчегорскихъ, изданы въ XVIII вѣкѣ въ Фряжскомъ живописномъ пошибѣ и представляютъ въ иконографическомъ отношеніи мало замѣчательнаго. Тоже самое должно замѣтить и о двухъ русскихъ святцахъ, напечатанныхъ за границею: 1) Такъ называемые Болландскіе святцы, 12 мѣсяцевъ съ русскихъ оригиналовъ XVII вѣка, рисунки въ листъ въ ширину; на каждомъ мѣсяцѣ, вверху, вирши и изображенія знаковъ зодіака. Надписи въ родѣ слѣдующихъ: «Февруарій. послѣдняя година есть и антихристъ грядеть а нынѣ антихристи мнози быша отъ сего разумѣваемъ послѣдние есть». Рисунокъ напоминаетъ гравюры Тепчегорскаго. Эти святцы помѣщены въ рѣдкомъ изданіи: «Bollandus, Acta Sanctorum. Antverpiae, 1643—1858», гдѣ они приложены къ мѣсяцу маю. — 2) Другіе святцы, на пяти доскахъ, составляющихъ вмѣстѣ крестъ, написаны русскими мастерами XVIII вѣка: Андреемъ Ильинимъ, Никитою Ивановымъ и Сергѣемъ Васильевымъ; они были подарены Петромъ Первымъ священнику Герасиму Фокѣ, Кефалонитянину (какъ говорятъ, духовнику Петра), и послѣ его смерти проданы маркизу Каппони за 300 червонцевъ, а послѣднимъ подарены въ Ватиканскую бібліотеку, гдѣ находятся и до нынѣ. Описывавшіе ихъ ученые относили ихъ: Кульчинскій (Specimen Ecclesiae Ruthenicae)—къ временамъ вел. кн. Владимира; Ассеманій (Kalendar. Eccles. Univ. 8. I), имѣя въ виду, что

въ нихъ помѣщены святые, признанные таковыми послѣ Владимира, и нѣтъ святыхъ, канонизированныхъ въ XIV вѣкѣ, — отнесъ ихъ къ XIII вѣку. Любопытно, что ученые итальянцы взялись за это дѣло, не зная ни слова по славянски и не обративъ никакого вниманія на подписи, которыя помогли бы имъ сразу сойти съ ученыхъ ходулей на твердую почву. Вотъ что говорятъ они о технической части этихъ святцевъ: «*la vernice e bellissima, e le figure non avendo corpo, ci fanno sospettare che i colori delle medesime sieno composizione de sughi d'erbe, o di mistura somigliante all' alchimio*»; а между тѣмъ святцы эти писаны на желткѣ, по левкасу на тряпкѣ, точно такъ, какъ писали свои картины и старыя итальянцы. При сочиненіи Ассеманія приложены и гравюры со всѣхъ пяти иконъ; оригинальныя доски этихъ гравюръ находятся въ настоящее время въ С.-Петербургской публичной бібліотекѣ.

Въ XVII—XVIII вв. святцы составляли принадлежность каждой церкви, такъ какъ они замѣняли собою собраніе иконъ на круглый годъ. Въ XVII вѣкѣ они уже писались иконниками во множествѣ; съ этого же времени въ рукописной литературѣ появляются такъ называемые подлинники, или правила какъ писать святыхъ и праздники на каждый день года, причѣмъ нерѣдко помѣщались въ такихъ подлинникахъ лицевыя изображенія ихъ. Первообразомъ такихъ подлинниковъ считаютъ Аѳонскій подлинникъ, XIV или вѣрнѣе XVI вѣка, изданный археологомъ Дидрономъ; впрочемъ подлинникъ этотъ, какъ по своему составу, такъ и по формѣ описанія, представляетъ значительную разницу съ нашими. Въ Аѳонскомъ подлинникѣ или руководствѣ къ иконописанію, какъ онъ названъ его составителемъ, содержится подробное и систематически расположенное наставленіе, во 1-хъ, какъ писать иконы, левкасить доску, составлять краски, золотить, покрывать лакомъ, писать на полотнѣ и по штукатуркѣ, — и во 2-хъ, какъ составлять самыя переводы или рисунки образовъ. Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ изложены правила, какъ писать: 1) сотвореніе міра и библейскія дѣянія; 2) исторію Спасителя, его страсти

и воскресеніе; 3) притчи; 4) страшный судъ; 5) богородичные праздники; 6) изображенія апостоловъ и разныхъ святыхъ (въ систематическомъ порядкѣ, а не по мѣсяцамъ) и чудеса ихъ; 7) мучениковъ, по мѣсяцамъ и наконецъ 8) разныя аллегорическія изображенія. Въ концѣ руководства приложена особая глава о размѣщеніи различныхъ изображеній въ церкви и прибавленія, состоящія изъ мелкихъ замѣтокъ о возрастѣ и земномъ видѣ Спасителя и Богородицы, о надписяхъ, которыя пишутся въ свиткахъ у святыхъ и надъ ихъ иконами, объ изображеніи благословящей руки и т. д.

Въ нашихъ подлинникахъ техническія наставленія о выдѣлкѣ краски, писаніи иконъ и золоченіи ихъ, встрѣчаются только въ видѣ отдѣльныхъ статей и приписокъ, неимѣющихъ между собой связи ¹⁾. Только въ одной рукописи XVII в., напечатанной мною въ Исторіи русской иконописи, свѣдѣнія эти собраны въ нѣкоторой системѣ и представляютъ довольно полное руководство для иконописца по технической части. Затѣмъ въ подлинникахъ нашихъ впереди всего стоитъ самое краткое описаніе святцевъ, т. е. изображеній праздниковъ и святыхъ, расположенныхъ по мѣсяцамъ; здѣсь главное значеніе представляютъ надписи, поставляемыя надъ каждымъ святымъ или праздникомъ. Писать святцы по такому подлиннику иконникъ не можетъ: для него необходимо кромѣ того имѣть прориси или рисунки, калькированные съ подлинныхъ иконъ, съ тѣмъ, чтобы припорошить или перевести ихъ

¹⁾ Еще большее несходство представляетъ древнѣйшій греческій лицевой подлинникъ или менологіумъ съ нашими лицевыми святцами; въ этомъ менологіумѣ, сдѣланномъ въ X вѣкѣ, по заказу императора Василія младшаго, первое мѣсто занимаютъ изображенія истязаній мучениковъ, выполненныя въ античномъ стилѣ; между тѣмъ какъ такихъ мученій въ нашихъ подлинникахъ нѣтъ вовсе; въ переводахъ праздниковъ разница тоже значительная. Менологіумъ изданъ кардиналомъ Альбани въ гравированныхъ снимкахъ, весьма неточно передающихъ превосходныя миниатюры подлинника, подъ заглавіемъ: «Menologium graecorum jussu Basilii imperatoris Graece olim editum, munificentia et liberalitate sanctissimi domini nostri Benedicti XIII, In tres Partes divisum nunc primum Graece, et latine prodit, studio et opera Annibalis Tit. S. Clementis presbyteri Card. Albani . . . Urbini MDCCXXVII.

на свои доски и за тѣмъ уже раскрасить сдѣланные рисунки согласно съ цвѣтами, указанными въ подлинникѣ, и выставить оттуда же надъ иконами надписи.

Кромѣ святцевъ въ нашихъ подлинникахъ, въ концѣ и въ началѣ, встрѣчаются разныя наставленія о томъ, какъ писать чудеса того или другаго святаго, подробное описаніе праздниковъ, страшнаго суда, притчей; но все это въ видѣ отрывочныхъ прибавокъ, и ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ намека на попытку сдѣлать *руководство къ иконописи*, на манеръ Аѳонскаго подлинника.

Наши подлинники сведены по разнымъ редакціямъ извѣстнымъ археологомъ нашимъ Ю. Д. Филимоновымъ и напечатаны въ двухъ порядкахъ, алфавитномъ и мѣсячномъ (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства 1875); остается свести и напечатать прибавочныя статьи, которыя помѣщены въ концѣ нашихъ подлинниковъ и представляютъ едва ли не самый главный интересъ въ нихъ. О составѣ подлинника и различныхъ редакціяхъ его подробно писалъ Ѳ. И. Буслаевъ (Очерки, II. 223 и 224, 342 и 412).

Изъ лицевыхъ святцевъ лучшія изданы г. Бутовскимъ съ подлинника 1629 года, Строгановскаго письма, принадлежащаго гр. С. Г. Строганову ²⁾.

987. **Образъ воскресенія Христова съ сошествіемъ.** «Исусъ воскресъ изъ мертвыхъ смертію на смерть наступи и гробнымъ животоу дарова», какъ пишется на древнихъ (до Никоновскихъ) иконахъ. Такая икона есть въ Сергіевской церкви въ Устюгѣ Великомъ.

989. **Воскресеніе.** Въ разныхъ изданіяхъ этой картинки, въ крещеніи, въ 1-й строкѣ, надпись сдѣлана такъ: въ изд. *а*—«трѣское я»; въ изд. *б*—«явіся»; въ изд. *в*—«явился». Всѣ три изданія въ моемъ собраніи.

²⁾ Рядомъ съ этимъ превосходнымъ подлинникомъ въ иконографическомъ отношеніи можно поставить еще Сійское Евангеліе съ мѣсяцесловомъ и миниатюрами на 934 листахъ, лицевую Годуновскую псалтырь и Евангеліе Опракосъ 1690 г., находящееся въ Серпуховскомъ Рысоцкомъ монастырѣ.

991. **Дванадцатые праздники.** Въ моемъ собраніи есть позднѣйшее изданіе этой картинки (1816 года), отпечатанное попорченой доской (правый уголъ ея отколотъ).

992. **Шестнадцать праздниковъ.** Прибавить: изданіе *e*, точная копія съ изданія *z*; но рамка въ немъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ черточекъ, съ пустой серединой, тогда какъ въ изданіи *z* середина эта оттушевана съ двухъ сторонъ картинки черточками; и изданіе *ж*, на синей бумагѣ 1800 года; надпись въ послѣднемъ клеймѣ въ немъ: «воздвиженне крѣта гдѣня». Въ моемъ собраніи.

998. **Вознесеніе.** Исключить вовсе отсюда: это одна и таже картинка съ № 995, только неправильно описанная и по неполному экземпляру.

1000. Копія съ **Сосѣствія св. Духа**, гравированнаго А. Зубовымъ (копировалъ А. Касаткинъ), приложена къ сборнику Есипова о Петрѣ Великомъ (М. 1872).

1001. О значеніи Космоса на иконѣ сосѣствія Св. Духа см. Очерки Буслаева, II. 292.

1006 А. Прибавить: остатки гравюры на деревѣ конца XVII вѣка, грубой работы (наклеенные на внутренней сторонѣ переплетныхъ досокъ), въ листъ: 1) На двухъ переплетныхъ половинкахъ остатки большой гравюры, изображавшей праздники: слѣва видны тайная вечеря и благовѣщеніе (съ надписями); съ боковъ еще по два изображенія. Въ собраніи Кіевского любителя древностей Кибальчича. 2) Остатокъ изображенія (трехъ головъ) церкви; сверху видна надпись: «я того копачу». 3) Остатокъ изображенія сидящей фигуры съ оголенной ногой; справа дьяконъ подаетъ ей потиръ.

1007. **Образъ страшнаго Суда.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картины: *e*, на бумагѣ 1800 года; послѣдняя

строка праваго столбца состоитъ изъ словъ: «века бесконечныя»; и *ж*, новѣйшее изданіе 1830—40 гг., гдѣ столбецъ этотъ заканчивается такъ: «сконечныя|аминь». По лѣтописнымъ сказаніямъ, икона страшнаго суда занесена къ намъ еще въ X вѣкѣ. Когда велик. кн. Владиміръ испытывалъ разныя вѣры, то греческій философъ Кириллъ показывалъ ему заповѣдь «на нейже бѣ написано судище Господне»¹⁾. Въ концѣ XII вѣка св. Авраамій Смоленскій, духовный писатель и иконописецъ, написалъ образъ страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ (Четыи Миней, Августъ); а въ 1399 году подобный же образъ былъ присланъ Тверскому вел. князю Михаилу Александровичу отъ Цареградскаго патріарха (Софійск. Времен., II. 421).

Мысль о близости втораго пришествія Христова и о кончинѣ міра, бывшая въ ходу еще въ концѣ IX вѣка и послужившая по

¹⁾ См.: Поли. Собр. Лѣтоп. I. 31; Лавр. 45; Русск. Врем. I. 31. По сказанію Строгановскаго подлинника, это былъ не Кириллъ философъ, а Меодій Моравскій, братъ Константина философа (Буслаевъ, Очерки, II. 57); икона же, которую онъ показывалъ вел. кн., была написана имъ самимъ. Въ славяно-русской хроникѣ разсказывается, что послѣ отъѣзда Кирилла философа, Владиміръ созвалъ своихъ бояръ во Владиміръ, для разсужденія о вѣрѣ (Журн. Мин. Народн. Просв. Апр. 1871. 236); въ Никоновской лѣтописи подъ 1001 годомъ говорится: «посла Володомеръ гостей своихъ, аки въ послѣхъ въ Римъ, а другыхъ въ Іерусалимъ, и въ Египетъ и въ Вавилонъ съглядати земель ихъ, и обычаевъ ихъ» (Поли. Собр. Русск. Лѣтопис., IX. 68); въ числѣ этихъ пословъ былъ Иоаннъ Смера, докторъ в. кн. Владиміра изъ Александрии, который и прислалъ ему цѣлое донесеніе о разныхъ вѣрахъ; въ первый разъ это донесеніе было приведено въ рукописи поляка Будзина «Церковная исторія отъ начала реформаціи до 1593 г.»; въ 3-й главѣ этой книги (оставшейся неизданною) Будзинъ говоритъ, что списокъ съ донесенія Смеры былъ снятъ русскимъ Витебскимъ дьякономъ Андреемъ Колодинымъ, и въ 1567 г. переведенъ сперва на новорусскій, а потомъ на польскій языкъ; отъ него Будзинъ и досталъ это описаніе. Подложность всѣхъ этихъ извѣстій и самаго описанія несомнѣнная (Евгеній, Слов. свѣтск. писат., I. 256). Сандій, напечатавъ это посланіе въ своемъ «Nucleus Historiae Ecclesiasticae» (Кельнъ 1676), разсказываетъ, что оригиналъ, сдѣланный на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами (?), найденъ въ 1567 году въ Перемышльскомъ Спасовѣ монастырѣ. Кириллъ философъ особенно старался отвратить в. кн. Владиміра отъ принятія Болгарской вѣры, говоря, что Болгары уподобились Содому и Гоморѣ, «омываютъ оходы своя, въ ротъ вливаютъ и по брадѣ мажутся... также и жены ихъ творять ту же скверность, и ино пуще отъ совокупленія мужьска и женьска вкушаютъ» (Поли. собр. лѣтоп., I. 36).

всѣмъ вѣроятіямъ главной причиной составленія иконописныхъ изображеній страшнаго суда, возобновилась, съ особенною силою въ исходѣ XIII великаго индиктіона и въ началѣ осьмой тысячи отъ сотворенія міра (1492 году). Полтора вѣка спустя суевѣры опять стали ждать конца міра въ 1666 году, въ которомъ они видѣли звѣриное число 666 и мнимое явленіе антихриста въ Іерусалимѣ (Снегиревъ, Луб. карт., 40)²⁾.

Въ это смутное время составилось множество различныхъ переводовъ страшнаго суда и цѣлыя книги съ лицевыми миниатюрными изображеніями воздушныхъ мытарствъ, по видѣнію Григорія ученика Василія Новаго: слово Палладія Мниха о второмъ пришествіи Христовомъ, хожденіе по мукамъ св. Θεодоры, толкованіе Апокалипсиса и притчи для Синодика, относящіяся тоже къ мытарствамъ³⁾. Всѣ они составлены подъ сильнымъ вліяніемъ католицизма и особенно размножились съ возникновеніемъ уніятства, въ которомъ принято католическое ученіе о мытарствахъ челоувѣческой души послѣ смерти.

²⁾ Развитіе ученія о концѣ міра начинается у Евреевъ со времени плѣна Вавилонскаго; самый же источникъ этого ученія находится въ канонической книгѣ пророка Давида, написанной во время плѣненія Вавилонскаго; книга эта и сдѣлалась источникомъ апокалипсическихъ идей (Порфирьевъ, Апокрифич. сказанія. Казань 1873. 26). Подъ вліяніемъ этой книги составлена была и книга Эноха. По индѣйскимъ сказаніямъ предсказывается тоже конецъ міра, а признаки послѣдняго времени будутъ слѣдующіе: между людьми, одни будутъ исполнять святыя законы единственно изъ послушанія и томиться въ той апатіи, которая ставитъ всѣхъ въ одинъ уровень; другіе, одержимые духомъ пытливи сти, будутъ съ жаромъ предаваться размышленіямъ; третьи, въ самообольщеніи отъ своей мудрости, стануть отвергать все, что не можетъ быть доказано путемъ философіи и анализа . . . будутъ такіе, которые съ гордостію скажутъ, что они ничему не вѣрятъ и не признаютъ никакихъ обязанностей. Тогда увидимъ мы глупцовъ и безумцовъ одѣтыхъ въ докторскія мантии (Harivansa, trad. par M. Langlois. Paris 1835, II. 281). По увѣренію нашихъ раскольниковъ предпоследніе дни міра сего ознамяются тѣмъ, что въ каждомъ домѣ будетъ *кипящій змѣй*, сирѣчь самоваръ (Гильтебрандтъ, Древн. и Нов. Россія 1877. Июнь, 181).

³⁾ Важнѣйшія произведенія литературы по этой части соединены въ большомъ Іосифовскомъ сборникѣ: 1) слово Палладія мниха о второмъ пришествіи и о будущей муцѣ, 2) Ипполита, папы римскаго, о скончаніи міра и о антихристѣ; 3) Кирилла Александрійскаго о исходѣ души изъ тѣла (Тихонр., 33-е присуд. Демид. нагр. 216).

По правиламъ иконописнаго подлинника страшный судъ пишется въ церкви на западной стѣнѣ; особенно полные переводы его можно видѣть въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ Успенскомъ соборѣ; переводы этихъ двухъ судовъ вполнѣ сходны съ переводомъ народной картинки, описанной подъ № 1007. Для сравненія съ текстомъ этой картинки предлагаю описаніе «полной» иконы страшнаго суда изъ Клипцовскаго подлинника XVIII вѣка (л. 131—133). «О страшномъ Судѣ Христовѣ, како писать его. Первое скрая горній Іерусалимъ и внемъ полаты и церкви и в дверяхъ ангели и 6 ликъ: 1 ликъ выше праведныхъ женъ, 2 ликъ мученицы по ряду, 3 ликъ страстотерпецъ, 4 ликъ праотецъ, 5 ликъ святитель, 6 ликъ пророкъ; отъ града облакъ, силы во облацѣ; на престолѣ херувимы около маленки; сынъ благословляется, сынъ опять грядетъ ко отцу; отецъ и сынъ сѣли на облацѣ, под ними аки львица, а подъ ногами у нихъ многоочити; отъ ногу пошла рѣка, тутъ отпадшій ликъ, и престолъ лѣжить криво, гдѣ Господь сѣде судити на престолѣ, облакъ кругл а херувимы маленки; пресвятая Богородица и Предтеча стоятъ. Адамъ и Еува, у ногу апостоли с книгами и 2 ангела, у нихъ апостоли сидятъ. скрая Оома младъ риза киноварь. Варѣоломей русъ. рис. празел. дич. испод. лазор: Іяковъ аки Петръ риз. верхъ багор. испод. лазор. Іоаннъ Богословъ верхъ дич. испод. лазор. Петръ апостолъ сѣдъ брада кругл а; тѣ апостоли с правую сторону. апостолъ Матѣей сѣдъ космать брадою верхъ празел. испод. лазор.; лука рус. риз. верх. празел. испод. лазор.; марко над. сѣд. верх. лазор. киновар.; Симонъ рус. верхъ дич. Филиппъ млад. риз. багор., испод. лазор. сидятъ на стулахъ подъ господемъ. Престолъ, на престолѣ капетазма и евангеліе и крестъ, подъ престоломъ сосудецъ и гвозди и за престоломъ два ангела держатъ по свитку, во свитку глаголетъ: приидите благословеніи отца моего наследуйте уготованное царство, и в другомъ свитцѣ: престолъ господень стояше и свѣтъ возсіяше праведнымъ. Надъ престоломъ облакъ изъ него рука въ руцѣ души праведныхъ, и на персту мѣрила праведная висятъ, и подъ мѣриломъ, стоятъ душа нага. И другой рядъ грядуть на

судъ: 1) ликъ пророкъ и апостоль, 2) мученикъ, 3) ликъ святитель, 4) преподобныхъ отецъ, 5) мученицъ, 6) преподобныхъ женъ. На сторонѣ Мойсей показуетъ жидомъ Христа. вруцѣ свитокъ, в свиткѣ глаголетъ: «азъ вамъ далъ законъ, а вы не послушасте меня»; 1. стоятъ жидове, 2. стоятъ Литва, 3. синіе аравяне, 4. пидіане, 5. измаилтенѣ, песіи главы, 6. турцы, 7. срацыны, 8. нѣмцы, 9. ляхи, 10. русь, под ними море и земля кругла мертвыя отдаеть, да тутже правда кривду стрѣляетъ, и кривда паде со страхомъ⁴⁾ да Хс. Еленемъ вкругу о единомъ рогу; да в другомъ убилъ антихристово царство под море шло; по выше убійство канново авель падъ на колѣну плачяся оглянулся назадъ, діаволь под локоть тычетъ канна, и от того мѣста идутъ бѣси къ мѣрилу со грѣхи и на мѣрило подаютъ, 5, ихъ всѣхъ, и два ангела скипетры колютъ отъ мѣрила. У ада из горла вышелъ змій а по немъ мытарства; ангель несетъ души праведныхъ, а отъ ангела по краю гора, на горѣ одръ, на одрѣ лазарь убогій; у главы царь Давидъ сидитъ с гуслями да три ангела наклонились принимаютъ душу. Иоаннъ синайскія горы в ногахъ, сѣд. брада долѣ власіевы на концѣ уже. в другомъ мѣстѣ отъ края Иоаннъ идетъ в рукѣ клюки, ряска вохра збѣлиломъ, левъ, оглянувся, унесъ мантию во ртѣ. Подъ тою горою предтеча в виноградѣ и два ангела, одинъ держитъ крестъ, а другій копіе и трость, а пречистая сидитъ на престолѣ; отъ винограда пониже ангель показуетъ 4 царства погибельныхъ вавилонское, перское, римское, антихристово. На морѣ огненномъ подъ тѣмъ мѣстомъ гора: на горѣ ангель скипетромъ бьетъ грѣшныхъ во озеро огненное. Діаволи ведутъ обвѣзавъ ихъ во огонь, а иныя молотами біють. а идутъ во адъ плачущесе игумены и игуменіи и старцы блудники, а подъ ними лѣжатъ блудницы жены главами во огонь, грѣшніи в порцѣхъ лица помраченіи сут. за ними князи и бояря и судіи немилостивіи и неправедніи. За ними цари немилостивіи плачутся и обращаются вспять. За ними попы иже слу-

⁴⁾ Эпизоды Кривды, побиваемой правдою, встрѣчаются въ Голубиной книгѣ (Буслаевъ, Очерки, II. 151),—а бѣсъ, мечущій красные цвѣты, помѣщенъ даже въ лѣтоп. у Нестора (въ образѣ Ляха: Собр. Лѣтоп. I. 82, Бусл. Очерки. II. 150).

жать несправяся и нерадяще о своемъ стадѣ, за ними млади, иже не слушаютъ отцевъ своихъ и матерей, и до вѣнца блудъ творять, сами наги и ноги у нихъ перевязаны. Сатана сидитъ во огни. на адѣ стоитъ столпъ прикованъ цѣпю и замокъ. Июда на колѣнѣхъ огненъ, сила тутже его тмообразныхъ. Надъ огнемъ одръ, на одрѣ Лазарь богатый, и бѣси у него душу принимаютъ. Ангель ударилъ скипетромъ в груди, 3 раба у него плачущесе. А за главою 4 царства погибельныхъ звѣриными образы: 1, что медвѣдь, а 2, аки лютый звѣрь глава человѣча, свѣнцомъ, 2 крылаты и у единого 5 главъ. а отъ огня гора да столпъ, да стоитъ у столпа блудникъ привязанъ, и тутъ стоитъ ангель; подпись глаголетъ: что человѣче станеша, позираеша на рай и на муку, блуда ради лишентъ блаженнаго рая, а милостыни ради избавленъ вѣчныя муки⁵⁾. За тѣмъ лики святыхъ идутъ в рай⁶⁾. Петръ отмыкаетъ. Павелъ держитъ свитокъ вверхъ, а в свиткѣ глаголетъ: пріидите праведніи в рай невозбранно. Ангель сверху вѣнцы накладываетъ, в раю сидитъ Авраамъ и Исаакъ и Іаковъ. Авраамъ сѣд. космать риз. вохра, испод. лазор. Исаакъ сѣд. космать. риз. празел. испод. киновар. Іаковъ рус. риз. верх багоръ дич. испод. празел. — Въ нѣдрѣхъ у нихъ младенцы и межъ ими разбойникъ со крестомъ и оттуду иноки

⁵⁾ Полуправедникъ изъ чистилища, стоящій у столба, напоминаетъ иноковъ, о которыхъ говорится въ житіи препод. Василия Новаго: возлюбленная Богомъ милостыня, пришедшая на страшный судъ въ видѣ красной отроковицы, ходатайствовала у Бога за иноковъ и простую чадъ, осужденныхъ въ муку вѣчную. Великій Судія изрекъ имъ: «яко милостыни вашей ради огня вѣчнаго избавляю; блуда же ради и иныхъ нечистотъ и страстей въ царство мое не увидите и благихъ моихъ не насладитесь и радости святыхъ не узрите. И повелѣ имъ дати мѣсто на сѣверѣ, да будутъ потребныхъ скудни» (Макаріев. Минея; Снегир. Луб. карт. 42). Въ одномъ лицев. хроногр. XVII в., находящемся въ Моск. духовн. акад., есть такое-же извѣстіе о чловѣкѣ нѣкоемъ, иже милостыню творя а блуда не остави, выписанное изъ Амартола л. 204 (Поповъ, Хроногр., II. 142).

⁶⁾ На раскольничихъ образахъ Петровскаго времени грѣшники, осужденные на вѣчное мученіе, изображены безбородыми, а праведники, назначенные въ рай, съ длинными бородами; въ Каличьихъ стихахъ о страшномъ судѣ праведныхъ перевозитъ въ рай Михаилъ Архангелъ, а въ Сербскихъ народныхъ сказаніяхъ Николай чудотворецъ (Тихонрав., 33-е присуд. Демидовск. наградъ 216).

полѣтъли Иосафъ, Иосифъ, Евфимія, Сава; а митрополитамъ и попамъ и владыкамъ и діакономъ и старцомъ котель кипящъ; 8) мука клеветницы за языки повѣшены, а плесуны за пупъ, 9) мука татемъ и разбойникомъ за ноги повѣшены во огонь, 10) мука княземъ и бояромъ и судіямъ неправеднымъ⁷⁾ червь неусыпающій. 11) мука росты емлющимъ и сребролюбцемъ бѣси сребро в горло лютъ, а они во огни сидятъ, и они нехотятъ пити, и бѣси шелепами біютъ; а который человекъ блудъ творилъ с попадьями и сестрами и с старицами, и с просвирницами, и с кумами ни покался бѣси человекъ за хрептомъ во огни. Да бѣсъ мохнатъ весь, носитъ цвѣтки в рукѣ красныя и кидаетъ на люди, на коего прилипнетъ, тотъ человекъ стоячи в церкви пѣнія Божія не слушаетъ, но о зломъ дѣлѣ мыслить, а который стоячи въ церкви молитву творитъ и бога призываетъ на того человекъ цвѣтъ не прилипнетъ. Подпись. Даніилъ видѣхъ яко сынъ человеческій идяше по облакамъ да ветхими денми» (Клинц. подл. 131 об. до 133 об.).

Описание страшнаго суда у Дидрона довольно сходно съ описаниемъ нашего подлинника (Didron, 262—278). Въ западной литературѣ есть по этой части особое сказаніе, подъ названіемъ: «Истинное описание страшнаго суда господня въ Иосафатовой долині». Въ немъ сперва приведены пророчества св. Іоила, Софронія, Григорія, Соломона и Іова; далѣе идетъ описание страшнаго суда по пророчеству Іеронима, по которому сперва на землѣ совершаются разныя опустошенія и несчастія въ продолженія пятнадцати дней; за тѣмъ слѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ, при трубномъ звукѣ трехъ ангеловъ: Михаила, Гавріила и Рафаила; Христосъ приказываетъ четыремъ ангеламъ отдѣлить вѣрныхъ отъ невѣрныхъ (разговоръ Христа съ вѣрными); невѣрные молятъ его о пощадѣ, но Христосъ, не смотря на заступничество Богоматери, отдаетъ ихъ во власть Люцифера и сатаны, которые и

⁷⁾ Въ Саламинскомъ монастырѣ въ числѣ грѣшниковъ идутъ: Пилатъ, Кесарь, Несторій, Арій, Диоклитіанъ; а въ монастырѣ св. Георгія, на Аѳонѣ, въ числѣ воскресшихъ: Киръ, Поръ, Дарій и Александръ Македонскій. Изъ сравненія этого описанія съ гравированными картинками видно, что въ послѣднихъ очень много эпизодовъ выпущено.

уводятъ грѣшниковъ въ адъ; самъ Христосъ замыкаетъ двери адовы ключемъ, прячетъ ключъ, и удаляется на небо вѣчнаго блаженства, гдѣ апостолы привѣтствуютъ его (Simonsk, XII. 1). Въ заключеніе замѣчу, что въ древнее время въ Кремлѣ происходило всенародно такъ называемое дѣйствіе страшнаго суда на площадкѣ у алтаря Успенскаго собора, которое состояло въ молебнѣ передъ иконою страшнаго суда (Древн. Росс. Вивл., XI. 3); дѣйствіе это прекратилось съ уничтоженіемъ патріаршества.

1007 А. Прибавить: повтореніе 1007 нумера; правый столбецъ заканчивается такъ: «поемлютъ воа | дѣ на веки | бесконечныя». Мученія начинаются: «мука ростов | щикамъ та | те дшегубц | и т. д. Изданіе на синей бумагѣ начала нынѣшняго вѣка (съ знакомъ: pro patria). Въ моемъ собраніи.

1008. Страшный судъ. Прибавить: изданіе *e*, точная копія съ изданія *a*; но въ немъ столъ, который летитъ внизъ (вверхъ ногами) справа, и черти, которыхъ поражаетъ ангелъ, — тушеваны въ двѣ черты на крестъ, тогда какъ въ изданіи *a* они тушеваны въ одну черту. Въ моемъ собраніи.

1014. Древнѣйшій образъ Софіи премудрости, Новгородскаго перевода, находится въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ числѣ мѣстныхъ иконъ, на правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ (вышиною съ нижней приставкой 3 ар. 5½ вер.; шир. 2 ар. 2½ вер.).

На соборѣ 1554 года, знаменитый Сильвестръ удостовѣрялъ, что образъ св. Софіи, греческій переводъ, написанъ одновременно съ постройкой собора, т. е. въ XI вѣкѣ (Акты археогр. экспед., I. 248); но соборъ горѣлъ въ 1341 году и въ этомъ году архіепископъ Василій покрылъ его вновь свинцомъ, и иконы исписа и кивотъ доспѣ (Новгород. 1-я, стр. 80); за тѣмъ возобновленъ соборъ при архіепископѣ Макаріѣ въ 1528 году (Поли. Собр. Лѣтописей, VI. 285); а въ 1706 г. священникъ Георгій Тихвинецъ всѣмъ образа, въ томъ числѣ и мѣстные, чинилъ и олифилъ (Новг. III лѣтопись подъ 7214 г.).

По личнымъ моимъ наблюденіямъ въ теперешнемъ видѣ своемъ икона Софіи должна быть отнесена къ концу XVI или первой половинѣ XVII вѣка; въ это время она написана вновь, а въ 1706 году только поолифина; подробныя свѣдѣнія о ней, а равно и о разныхъ повтореніяхъ ея, помѣщены: въ описаніи Кіево-Софійскаго собора г. Соловьева (Записки археол. общ. т. XI),—въ статьѣ преосвященнаго Игнатія объ иконѣ Софіи (тамъ же, стр. 260),—въ описаніи Кіево-Софійскаго собора митрополита Евгенія (Кіевъ 1825 г.) и въ замѣчательныхъ изслѣдованіяхъ объ этой иконѣ Ю. Д. Филимонова (Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства. М. 1874 г., 1—3).

Толки о томъ, какой имѣетъ смыслъ Новгородскій переводъ иконы св. Софіи, велись съ давняго времени. Въ посланіи Патриарха Филофея 1160 года къ кн. Андрею Боголюбскому (Никоневск. лѣтоп., II. 180) находится подробное разъясненіе по этому предмету; это-же разъясненіе, нѣсколько сокращенное и упрощенное, помѣщено въ Клинцовскомъ подлинникѣ (XVIII в.), принадлежащемъ гр. Строганову; оно же помѣщено и на поляхъ многихъ иконъ Софіи, въ томъ числѣ и на поляхъ замѣчательной иконы ея Новгородскихъ писемъ XVI вѣка, принадлежавшей извѣстному Московскому любителю Гаврилѣ Трифоновичу Молошникову, а именно: «У Софіи премудрости Божіи писано смѣстнаго образа иже ввеликомъ новѣ градѣ церкви Божіи Софія пречистая дѣва Богородица сирѣчь дѣвственныхъ душа и неизглаголаннаго дѣвства чистота смиренныя мудрости, истина имѣетъ надъ главою Христа. *Толкъ.* Слово бо мудрость сынъ слово Божіе. Простерша небеса, выспръ господа. *т.* Преклонъ небеса и сниде въ дѣву чисту. Елико бо любятъ дѣвство подобятся Богородицы, сія бо роди сына слово Божіе Господа Иисуса Христа, любящіе бо дѣвство раждають словеса дѣтелна рекше неразумныя поучають. — Сію возлюби іоаннъ и креститель крести Господа. *Т.* Уставъ дѣвства показавъ о Бозѣ жестокое житіе. Имаъ же дѣвство лице дѣвиче огненно. *Т.* Огнь бо есть божество попадая страсти тлѣнныя просвѣщая же душу чисту. Имаъ-же надъ ушима тороцы, еже ангели

имуть. *Т.* Житіе бо честно со ангелы равно есть тороцы же покоище святаго духа. На главѣ же ея вѣнецъ царскій. *Т.* Смирненіе бо царствуетъ надъ страстьми. Санъ препоясанія во чресла. *Т.* Образъ же старѣйшинства и святительства. Вруцѣ же держитъ скипетръ. *Т.* Царскій санъ являетъ. Креслѣ же огненіи. *Т.* Высокопариво пророчество и разумъ скоръ являетъ зѣло бо зрительная сія птица любящіе мудрость, егда видитъ ловца, выше возлѣтаетъ, тако-же любящіе дѣвства не удобъ уловленіи отъ ловца діавола. В шуйцѣ же ея имаъ свитокъ написанъ в немже суть написаныи недовѣдомыя сокровенныя тайны. *Т.* Рекше преданная писанія вѣдати непостижна бо суть божественная дѣйства ни ангеломъ ни человѣкомъ. Одѣяніе же свѣта престоль на немже сѣдитъ. *Т.* Онаго будущаго свѣта покоище являетъ і утверженна седмю столпъ. *Т.* Седмю духа дарованіи что во Исаниѣ пророчествѣ писано. Нозѣ имаъ на камене. *Т.* На семь рече камени созижду церковь мою, и врата адова неодолютъ ю, и паки рече на камени мя вѣры утверди: печать дѣвства отъ дѣвы родися Господь, прежде бо рождества дѣва, и в рождестве дѣва дѣвство бо его наполняетъ горнія бо тварь отъ падшая ангелы елико бо ангелы честнѣе человѣкъ смертныхъ, толико дѣвственныхъ чистота женившихся честнѣе, и тако Господь плоть свою отъ дѣвы пріятъ и дѣвство сохрани невреждено» (Клинцов. подл. 115 и 116).

Значеніе Новгородскаго перевода пытались объяснить многіе изъ нашихъ ученыхъ археологовъ; мнѣнія ихъ сведены и разобраны Ю. Д. Филимоновымъ въ его замѣчательномъ изслѣдованіи объ этой иконѣ (Вѣстникъ Общества древне-русскаго искусства. М. 1874, 1—3). Онъ полагаетъ, что сидящій на престолѣ среди образа огневидный ангелъ представляетъ олицетвореніе премудрости Божіей; Ѳ. И. Буслаевъ находитъ, что ангелъ этотъ изображаетъ самаго Христа, который и есть сама премудрость. Въ Новгородской иконѣ сочиненіе распадается на трое: вверху престоль, на которомъ лежитъ Евангеліе,—это сама премудрость, предвѣчное слово Божіе, ему поклоняются ангелы; въ срединѣ звѣздное небо, «его-же преклони Господь», и самъ Спаситель въ

человѣческомъ образѣ; наконецъ въ нижней части иконы, всрединѣ Спаситель, сидящій въ видѣ грознаго, огневиднаго апокалипсическаго «ангела», будущаго вѣка «судіи и отца», а по сторонамъ его Богоматерь, храмъ, заключавшій въ себѣ премудрость сошедшую на землю*), и Предтеча, прежде всѣхъ возлюбившій и познавшій эту премудрость. Всѣ три фигуры съ крыльями, въ знакъ того, что они сохранили въ земной жизни своей дѣвство.

Въ заключеніе назову нѣсколько иконъ св. Софіи премудрости Божіей, заслуживающихъ вниманія въ иконографическомъ отношеніи.

1) Въ собраніи купца Глотова, въ Москвѣ, была икона Софіи отличнаго письма, Строгоновскихъ первыхъ иконописцевъ, — на ней, кромѣ ангеловъ, вверху помѣщены и другіе святые.

2) У Семена Кузмича, бывшаго настоятеля Преображенскаго кладбища въ Москвѣ, была икона Софіи, по преданію письма Андрея Рублева, съ четырьмя ангелами (вмѣсто шести); Богоматерь и Предтеча держатъ, каждый, по клейму съ изображеніемъ Спасителя.

3) У него-же былъ образъ Софіи, обыкновеннаго Новгородскаго перевода, съ присоединеніемъ внизу святыхъ, тезоименитыхъ семейству Максима Яковлевича Строгонова; сзади образа подпись мастера: «письмо Івана Соболева ученика».

4) Въ церкви Ильи Пророка, въ Ярославлѣ, на иконѣ св. Софіи прибавлены Іоаннъ Богословъ и Іоаннъ Златоустъ.

5) Изображеніе Софіи премудрости, — тотъ же переводъ помѣщается на иконѣ: «явися Богородица на преломленіе хлѣбовъ». Два такихъ образа: одинъ съ акаѳистомъ, другой безъ онаго, находятся на женской половинѣ Московскаго Преображенскаго кладбища.

6) Въ Кириловскомъ монастырѣ, въ Новгородѣ, находится большой образъ, тоже въ переводѣ «явися Богородица на преломленіе хлѣбовъ», но особаго состава. Вверху, цѣлую полосу составляютъ семь мѣстъ, съ изображеніями семи вселенскихъ

*) Почему и праздники образу Софіи назначены Богородичные.

соборовъ. Верединѣ, слѣва, кругъ, въ немъ икона Софіи премудрости, Новгородскаго перевода, и кругомъ восемь клеймъ съ ангелами (по два въ клеймѣ); пониже два херувима и два престола; справа Богородица съ Спасителемъ на престолѣ (Печерская Богородица); а въ срединѣ «ста Соломонъ передъ жертвенникомъ». Въ нижней части иконы народъ и святой Козьма (всѣ со стаканами «жаждущіе напятся премудрости»).

1014 А. Прибавить: тотъ же переводъ, съ тою же молитвою внизу; у Предтечи въ рукѣ вмѣсто свитка съ надписью — чаша, а въ чашѣ Спаситель-младенецъ; на персяхъ Богородицы, въ клеймѣ, Спасъ Еммануилъ; изданіе на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1015. Образъ Софіи премудрости, переводъ Кіевскій, — онъ написанъ по приказанію митрополита Петра Могилы въ западномъ, польскомъ, стилѣ; дружкой ему можно указать другой образъ, новѣйшей работы, о которомъ упоминаетъ И. М. Снегиревъ Лубочныя картинки. М. 1861 г.).

Въ Московской церкви Благовѣщенія на Бережкахъ находился образъ Софіи премудрости фряжскаго письма, начала XVIII вѣка, съ надписью на свиткѣ: «Логика Перипатетика, подъ смотрѣніемъ въ праотцахъ отца Варлаама Ясинскаго, Божією милостію Архіерея Митрополита Кіевскаго и всея Россіи, свидѣтельствовавшая при великомъ собраніи православномъ Кіевскомъ».

На этой куріозной иконѣ, западнаго измышленія, помѣщено множество разныхъ фигуръ, ангеловъ, мученицъ и русскихъ святыхъ, и даже портретъ и гербъ самаго Варлаама Ясинскаго. Подробное описаніе этого образа и самое изображеніе его помѣщено въ изслѣдованіи Ю. Д. Филимонова объ иконахъ Софіи премудрости (Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства. М. 1874. 1—3).

1016—1018. Объ антихристѣ см. книгу Невоструева: Сказаніе объ антихристѣ, и разборъ этой книги М. И. Срезневскаго;

также христіанскія легенды объ антихристѣ А. Н. Веселовскаго, въ Журн. Минист. Народн. Просвѣщ. т. 178, стр. 283.

1018. Прибавить: изданіе *а*, точная копія съ изданія *б*; только въ немъ земля, въ правомъ углу внизу, тушевана въ одну черту, тогда какъ въ изданіи *б* она тушевана въ двѣ черты, на крестѣ. Въ моемъ собраніи.

1019. Лицевое изображеніе 103 псалма. Картинка эта второй половины XVIII вѣка и замѣчательна тѣмъ, что астрономическіе чертежи въ ней, какъ-то: небесныя планеты, затмѣніе солнца и ущербленіе луны, представлены вѣрно, на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ Брюсова календаря, и не имѣютъ ничего общаго съ свѣдѣніями, содержащимися въ апокрифическихъ сочиненіяхъ. Впрочемъ и въ этихъ послѣднихъ, рядомъ съ сказаніями о великихъ китахъ и громномъ колѣ, попадаются и научныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ слѣдующее извѣстіе, помѣщенное въ Троицкомъ громникѣ: «небесъ семь; на каждомъ небѣ по одной звѣздѣ, а именно: луна, Ермиса, афродита, солнце, Арисъ, Зевсъ, Кронъ. Выше же седьмаго неба другія 12 звѣздъ: овецъ, юнецъ, близнецъ, ракъ, левъ, дѣва, яремъ, скорпію, стрелецъ, козій рогъ, водоліатель, рыбы» (Памятн. старин. русск. лит., III. 156).

Въ апокрифической книгѣ Еноха сказано, что ангелъ Уриилъ объяснилъ Еноху, что такое мѣсяцъ и равноденствіе и что въ году 52 седмицы (Порфирьевъ, 90); въ этой книгѣ Еноха космическое ученіе изложено въ 12-ти главахъ (71—82). Енохъ доходилъ до конца земли; гдѣ кончается небо (на рисункахъ Пален небо надъ землею сходится «яко кожа»): я видѣлъ, говоритъ онъ, шесть воротъ на востокѣ, изъ которыхъ выходятъ солнце и луна, и шесть воротъ на западѣ, въ которыя они возвращаются. Для звѣздъ, которыя имъ сопутствуютъ, есть рядомъ съ тѣми воротами еще по шести воротъ, а около нихъ множество оконъ. Солнце состоитъ изъ блестящаго огня и пламени; орбита его равна орбитѣ неба; вѣтеръ гонитъ колесницу, на которой оно возсѣдаетъ. Луна ше-

стуетъ на такой-же колесницѣ; орбита ея тоже равна орбитѣ неба, по четыремъ сторонамъ находится двѣнадцать воротъ, изъ которыхъ дуютъ 12 вѣтровъ; изъ тѣхъ восточныхъ воротъ дуютъ: удушливый, жаркій вѣтеръ, несущій засуху и гибель, умѣренный вѣтеръ, дающій плодородіе, и холодный, производящій стужу и сухость. Съ юга дуютъ: жаркій вѣтеръ, несущій благораствореніе, жизнь и ароматы, и вѣтеръ, несущій гибель, дождь и ржавчину. Сѣверные вѣтры и западные имѣютъ для своего выхода тоже трое воротъ. Далѣе объясняется: теченіе и измѣненія луны, и обращеніе свѣтилъ; все это объяснялъ Еноху ангелъ Уриилъ (Migne, Diction. des apocryphes, I. 426.—Порфирьевъ, 216).

Въ одномъ сборникѣ XVII в., въ вопросахъ и отвѣтахъ, въ родѣ бесѣды 3-хъ святителей (Памятн. стар. русск. лит., III. 178), читаемъ: В. Коль велики планиты? Т. философи намъ повѣдаютъ, еже луна столь широка, яже всю землю кромѣ рѣкъ и морь покрываетъ; а солнце величествомъ вдвое, а планиты якоже луна.

В. Какъ намъ мнится, звѣзды малы суть? Т. Сія есть тварь земная высота, яко аще бы стояло солнце толь высоко, что и звѣзды, и намъ бы такожь видѣлось, что и звѣзды.

В. Нынѣ повѣждь о лунѣ. Т. Луна есть меньшая планита и течетъ нижеи всѣхъ къ землѣ, того (ради?) судится по ней весь миръ.

1022. Символъ вѣры. Въ Клинцовскомъ подлинникѣ гр. Строганова икона символа вѣры описана слѣдующимъ образомъ:

1) Вѣ-рую во единого . . . . невидимымъ. — Сиде стояще Адамъ і Ева вверху во облакахъ Саваоѣ а на земли море, и рыбы, древа и трава, звѣри и скоти и птицы по воздуху по сторонамъ облака мѣсяцъ и солнце и звѣзды вся.

2) И во единого Господа. Преображеніе.

3) Насъ ради человекъ и прочая. Благовѣщеніе.

4) И Маріи дѣвы и вочеловѣчшася. Сиде рождество Христово и волсви и родовы идутъ.

5) Распятаго-же за ны и проч. Распятіе, а по сторону снятіе со креста, а по другую положеніе во гробъ, а внизу у креста градъ; а подъ крестомъ глава Адамова и два сосуда, по сторону Богородица, а по другую Іоаннъ Богословъ.

6) И воскресшаго въ третій день по писаніемъ. Воскресеніе Христово.

7) Возшедшаго на небеса и проч. Вознесеніе Господне.

8) И паки грядущаго со славою судити и проч. Спасъ на облацѣхъ, благословляетъ; на сторонѣ Богородица, а на другой Предтеча, за ними апостолы и пророки и праотцы и вси святіи мученицы, подъ ними на облакахъ три ангела съ трубами, а во облакахъ души праведныхъ, а ниже ангель стоитъ и народи голы на земли плачють и кричатъ всяко.

9) И в духа святаго Господа и проч. Сошествіе святаго духа.

10) Во едину святую соборную и апостольскую церковь и проч. Церковь о пяти верхахъ, а в ней апостолъ Петръ в руцѣхъ евангеліе, а преднимъ странны и стары народи, жены и чада, на правой сторонѣ у Петра Богословъ в руцѣхъ чаша и подаетъ народомъ изъ нея, а передъ нимъ странны и стары, и жены и млады сидятъ и просятъ, а по сторону церкви колоколна и полата, а за ними градъ и все.

11) Чаю воскресенія мертвымъ. А среди Ісаія пророкъ, вверху Саваоѡъ, по угламъ главы дуютъ, а около по земли мертвыя встають.

12) И жизни будущаго вѣка аминь. Градъ на четыре угла, а на немъ восемь башенъ а во вратѣхъ у башенъ стоятъ ангели, а по сторонѣ града земля и гора, а противъ над сторону зданія стѣны два пророка стары, предъ ними стоятъ по ангелу и указуютъ, а во градѣ среди спасъ с крестомъ в сіяніи благословляетъ а надъ нимъ духъ святый, а посторонь богородица и предтечь а за ними 12 апостоловъ, а выше земля и святыя припали, а выше градъ (Клинцов. подл. 120 об. и 121).

Въ дѣлѣ Висковатова упоминается о трехъ изображеніяхъ Символа вѣры. Одно изображеніе принадлежало Василию Ма-

мыреву; оно было написано на трехъ доскахъ, постановленныхъ въ трехъ разныхъ кіотахъ; на двухъ доскахъ было написано *отррую*, а на третьей отдѣльно Духъ святой въ голубиномъ видѣніи. Впослѣдствіи всѣ эти три иконы, по приговору собора, положено поставить въ одинъ кіотъ вмѣстѣ «благочинія ради церковнаго, и почести ради иконныя» (Дѣло Висковатова, стр. 37).

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ были кромѣ того еще двѣ иконы *Втрую*, съ нѣкоторыми существенными различіями въ переводѣ; одна въ самой церкви, другая на паперти. Эти различія подали поводъ соблазнительнымъ рѣчамъ, которыми Висковатовъ смущалъ православныхъ, утверждая, что «неподобаешь писать на иконахъ невидимаго Божества и безтѣлсныхъ силъ, какъ это было сдѣлано на тѣхъ иконахъ, а писать бы на иконѣ только словами: Вѣрую во единого Бога Отца Вседержителя творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ и т. д. а оттолѣ бы, писать иконнымъ воображеніемъ: во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, и прочее до конца». Противъ этого Висковатову, на соборѣ было объяснено, что онъ говоритъ о томъ не гораздо, что это мудрованье и ересь Галанскихъ еретиковъ, которые запрещаютъ невидимыхъ и безплотныхъ на землѣ плотію описывать. А живописцы невидимаго Бога не описываютъ, а пишутъ по пророческому видѣнію и по древнимъ образцамъ, по преданію Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отцовъ (Буслаевъ, Очерки, II. 285).

1026. **Всякое дыханіе да хвалитъ Господа;** картинка представляетъ олицетвореніе 108 псалма (Снегиревъ, 33). Въ Талмудѣ слова этого псалма объясняются въ буквальномъ смыслѣ: «когда Давидъ утомлялся отъ пѣнія псалмовъ, то горы, деревья, птицы и всѣ части творенія, одушевленнаго и неодушевленнаго, замѣняли его и облегчали въ прославленіи Бога» (Bartol. II. 125). Тоже повторяется и въ Коранѣ, гдѣ Богъ говоритъ: «Мы дали Давиду даръ, который исходитъ отъ насъ (умѣніе пѣть); мы сказали: о горы и птицы! чередуйтесь съ нимъ въ пѣсняхъ» (гл. 34, стихъ 10; Порфир., 70). Греческій писатель VIII в. Синкеллъ, а за нимъ

и Кедріць (XI в.), рассказываетъ, что Адамъ далъ названія всѣмъ животнымъ; въ 600 году, послѣ своего покаянія, онъ получилъ разные откровенія, а въ томъ числѣ и о томъ, что въ опредѣленные дни и часы архангелъ покаянія и князь ангеловъ Уриилъ возноситъ къ Богу молитвы отъ всѣхъ земныхъ тварей. Въ первый часъ дня совершаются первыя молитвы на небѣ; во второй—молитвы ангеловъ; въ третій—птицъ; въ четвертый—животныхъ; въ пятый—звѣрей; въ шестой—предстояніе ангеловъ; въ седьмой—восхожденіе и нисхожденіе ангеловъ; въ осьмый—хваленіе и жертвы ангеловъ; въ девятый—приношенія и молитвы людей; въ десятый—смотрѣніе водъ и молитвы небснаго и земнаго; въ одиннадцатый—безмолвное исповѣданіе и всеобщее ликованіе; въ двѣнадцатый—воззваніе людей къ благоволенію Божию (Порфир., 90). Въ апокрифическомъ *завѣтѣ Адама* служеніе тварей въ различные часы ночи изложено въ слѣдующемъ видѣ: «1-й часъ ночи: это часъ поклоненія демоновъ; въ это время они перестаютъ дѣлать зло и вредить человѣку, потому что сила Творца вселенной удерживаетъ ихъ. 2-й часъ: это часъ поклоненія рыбъ и всего, живущаго въ морѣ. 3-й часъ: поклоненіе глубинъ, или безднъ преисподнихъ. 4-й часъ: трисвятое Серафимовъ». Прежде моего паденія», рассказываетъ Адамъ, «я слышалъ въ этотъ часъ въ раю шумъ ихъ крыльевъ; ибо Серафимы, обыкновенно, ударяли крыльями, производя гармоническій звукъ въ храмѣ, назначенномъ для ихъ служенія; но съ того времени, какъ я согрѣшилъ и преступилъ заповѣдь Божию, я пересталъ видѣть ихъ и слышать шумъ ихъ». 5-й часъ: служеніе водъ прѣвыше небесъ... 6-й часъ: собраніе облаковъ (тучъ) и великій священный ужасъ, который знаменуетъ средину ночи. 7-й часъ: покой силъ и всѣхъ природъ, когда воды покоятся, и если въ этотъ часъ взять воды, которую священникъ Божій соединяетъ съ святымъ елеемъ, и помазать этимъ елеемъ тѣхъ, которые страдаютъ и не спятъ, то они выздоравливаютъ. 8-й часъ: благодареніе Богу за произведеніе травъ и сѣмянъ, въ то время, когда роса небсная нисходитъ на нихъ. 9-й часъ: служеніе ангеловъ, которые стоятъ предъ престоломъ величія. 10-й

часъ: поклоненіе людей: врата небсныя отверзаются, чтобы дать возможность войти туда молитвамъ всего живущаго; онѣ повергаются и потомъ выходятъ. Въ этотъ часъ Богъ благоволяетъ ко всему, чего человѣкъ ни проситъ у Бога, въ ту минуту, когда Серафимы ударяютъ крыльями и когда поетъ пѣтухъ. 11-й часъ: великая радость по всей землѣ, въ минуту, когда солнце восходитъ отъ рая Божія и поднимается надъ вселенною. 12-й часъ: чаяніе и глубокое молчаніе между всѣми чинами свѣтовъ и духовъ до того времени, когда іереи поставятъ оуміамъ предъ Богомъ, и потомъ всѣ чины и силы небсныя раздѣляются (расходятся)». (Migne, Diction. des Apocryphes.—Порфирьевъ, 169).

1029. **Благовременное покаяніе.** Картинка эта уважается хлыстами; г. Мельниковъ описываетъ ее подъ именемъ «Ликовствованія», въ которомъ кающійся грѣшникъ замѣненъ пляшущимъ царемъ Давидомъ (На горахъ: Русск. Вѣстн., томъ 136, стр. 601).

1031 А. **Благовременное покаяніе.** Прибавить: таже картинка въ двухъ съ половиною листовомъ размѣрѣ; отпечатана на синеватой бумагѣ 1800 года; переводъ тотъ-же; надпись вверху: «сн истинное|изображеніе|—і благовремя|ннаго покаянія». Въ моемъ собраніи.

1034. **Какимъ святымъ отъ какихъ болѣзней молиться.** Объ этомъ листѣ подробно говорится въ заключеніи; всего болѣе молитвъ, заговоровъ и разныхъ рецептовъ встрѣчается въ старинныхъ рукописяхъ отъ лихорадки, трясавицы—огневицы тожъ—и зубныхъ болей. Въ одномъ заговорѣ, помѣщенномъ въ раскольничьемъ сборникѣ апокрифическихъ статей новѣйшаго письма, упоминается 7 дѣвицъ лихорадокъ, простовласыхъ, которыя рассказываютъ о себѣ слѣдующее: «А имена наши сія суть: 1-я Лилія, 2-я Хорторія, 3-я Зыгрѣя, 4-я Невета, 5-я Тухія, 6-я Немія, 7-я Жыднѣя; еще старшая Трясавица, а меньшія всѣ повинны насъ слушать, и кто будетъ наши имена при себѣ носить, тому жадная въ нашихъ не можетъ входить» (Арх. Калач. II. 57). Въ другомъ заговорѣ онѣ

являются въ видѣ 12-ти дѣвъ простовласыхъ, дочерей Иродовыхъ, выходятъ изъ огненного столпа: первая—Невѣя, вторая—Сивя, третья—Легкая, четвертая—Трясуница, пятая—Желтуница, шестая—Мученица, седмая—Огненная, осмая—акиледъ, девятая—временная, десятая—безъименная, одиннадцатая—вешняя, двѣнадцатая—листопадная (Библ. для чтен. ХС. III. 51—52.—Сахаровъ, Сказ. Русск. Нар. 1841 г. о чернокижии I. 21.—Архивъ Калачова, II. 58). Отъ лихорадки указывается молиться Саввѣ Вишерскому и Евфимію Новгородскому; образа съ изображеніемъ двѣнадцати лихорадокъ описаны Ѳ. И. Буслаевымъ (въ селѣ Пушкинѣ; Очерки, II. 47 и 50) и И. Гольшевымъ (въ селѣ Холуѣ). (Сравните: Щапова, Русск. расколъ 1859, I. 449, и Буслаева, Очерки, I. 482). У Ѳ. И. Буслаева (Очерки, I. 499) выписаны тоже имена ангеловъ, кому изъ нихъ отъ чего молиться; въ Памятникахъ отреченной литературы Тихонравова (II. 353) помѣщены молитвы слѣдующимъ святымъ на разные случаи: Апостолу Павлу—отъ укушенія змѣиного; священно-мученику Антипію—отъ зубной боли; препод. Сисинію и архангелу Михаилу—отъ лихорадки, и св. Іоанну Златоусту—отъ всякихъ недуговъ. «Ангелу Вавилону молись, когда наливаешь воду; ангелу Потопилу, когда ложишься спать; Анастосиму, когда находишься въ печали; Михаилу, когда идешь на судъ; Рафаилу, когда шествуешь въ путь и начинаешь какое дѣло; ангелу Петру, когда идешь на пиръ: и все тебѣ рады будутъ. Ангелу Макарію, когда начинаешь строить домъ. Ангелу Воестаму, когда гремитъ громъ (раскольничья новая рукопись въ Памятникахъ отречен. литерат. Тихонравова, II. 346). Тамъ же: 1-й Ангелъ Полутось—напиши имя его на крестѣ, поставь на ниву или виноградникъ, и оградить отъ града. 2-й Ангелъ Ефимъ избавляетъ домъ отъ бѣсовъ. 3-й Ангелъ надъ водами. 4-й Ангелъ Михаилъ—молись ему когда просыпаешься (Памят. отречен. литерат. Тихонравова, II. 347; по сербск. рукоп. XV в.).

Въ сборникѣ Святослава говорится, между прочимъ, о томъ, что пророкъ Іеремія погребенъ близъ дома Фараонова, и что

земля отъ могилы его исцѣляетъ отъ укусовъ аспида и прогоняетъ крокодиловъ и другихъ водяныхъ звѣрей (Святославовъ Изборникъ, л. 257—258). Въ Кіевскихъ пещерахъ есть мощи Виодемскаго младенца во гробикѣ, которому беременныя женщины служатъ молебны *ради легкихъ родовъ*, причемъ гробикъ кладется на брюхо молящейся.

1046. **Родословіе Спасителя.** Въ апокрифическихъ сказаніяхъ родство Спасителя дополняется слѣдующими свѣдѣніями: Іосифъ обручникъ, супругъ Богоматери, отъ первой жены своей Саломеи имѣлъ четырехъ сыновей: Іакова, Симона, Іуду и Осію и трехъ дочерей: Есфирь, Ѳамарь (т. е. Марѳу) и Саломею; послѣднюю онъ отдалъ за Іосифа Заведеева; отъ нихъ родились: Іаковъ и Іоаннъ Евангелистъ (Сборн. XVII в.; Памятн. стар. русск. лит., III. 90). Родословіе Спасителя на иконахъ не пишется, но пишется на стѣнахъ, на церковной паперти.

1047. **Родословіе Спасителя.** Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картины, отпечатанныя одною и тою-же доской: а) на твердой бумагѣ 1820—30 гг.; и б) съ истертой доски, на мягкой бумагѣ 1830—40 гг.

1049—1055. **Троица** пишется на иконахъ: 1) въ видѣ трехъ ангеловъ, сидящихъ за столомъ; 2) съ прибавленіемъ угощающаго ихъ Авраама; 3) съ прибавленіемъ еще Сарры, смотрящей изъ за дверей храмины; 4) съ прибавленіемъ юноши, закалывающаго тельца (съ античнаго образца), и наконецъ 5) съ дѣяньемъ кругомъ, состоящимъ изъ шести отдѣленій: Ангелъ останавливаетъ Авраама, собирающагося принести въ жертву Исаака; Господь является Аврааму; выходъ Лота изъ Содома; Авраамъ умываетъ ноги Господа; упрашиваетъ его пощадить Содомъ и обѣтованіе Аврааму (Изъ Клинцов. подл. гр. Строгонова XVII в.). Въ молебель А. Е. Сорокина былъ образъ Троицы, письма первой половины XVII вѣка, съ дѣяньемъ кругомъ, въ ко-

торомъ было представлено, кромѣ выше приведенныхъ отдѣленій, и сотвореніе міра.

1053 А. Прибавить: еще св. Троица; картинка въ листъ, гравированная на деревѣ въ половинѣ XVIII вѣка; подлинная липовая доска находится въ Музеумѣ Академіи Художествъ: «сѣая трѣца сидитъ за столомъ»; «Авраамъ» подносить кушанье; «Сарра» видна сзади, въ дверяхъ дома; впереди юноша, закалявающій вола.

1056. Отечествомъ называется троичная икона, въ которой Богъ отецъ и Богъ сынъ возсѣдаютъ на облакахъ, а Духъ святой посреди ихъ, въ видѣ летящаго голубя. У Семена Козмича (бывшаго настоятеля Московскаго Преображенскаго кладбища) было отечество, въ которомъ и Духъ святой былъ представленъ въ видѣ юноши, посреди двухъ другихъ лицъ Троицы, — икона Строгановскихъ вторыхъ писемъ. Наша картинка, описанная подъ № 1056-мъ, гравирована крѣпкой водкой знаменитымъ иконописцемъ Оружейной палаты Симономъ Ушаковымъ; о немъ смотри подробнѣе въ прим. къ № 778.

1061 А. Прибавить: на листѣ синеватой бумаги 1806 года отпечатано шесть слѣдующихъ картинъ, награвированныхъ на одной доскѣ:

1) Царь Царемъ, съ подписью внизу: «намирно знамени судіе молю меренъ судъ грешну мне|да сотвориши мѣте на всякомъ судѣ хвалима бы|ваетъ сѣя пане на твоємъ душа моя чаеть» (подпись скопирована вѣрно).

2) Отечество; въ книгѣ, которую держитъ Спаситель, читается: «плю |вамъ|»... Подписи внизу нѣтъ (см. № 1061 А).

3) Печерская Богородица; внизу подпись: «неприкосновенный Бгъ наруки двѣца зрится вси побегнете кнему члвцы ибо всехъ призываетъ вое благи прїидіте азъ краи есмъ желанія мене полюбете» (см. № 1275 А).

4) «Азь есмь хлѣбъ животнымъ сошедыи снебесе аще кто снѣсть Ѡ хлеба сеи но жи^н буде^т въ векъ». Внизу изображенъ Іоаннъ Златоустъ и, въ двухъ клеймахъ, таинство причащенія; ниже подпись: «вкусите и видите яко благъ гдѣ». Это копія съ № 1115 А.

5) Богородица поручница грѣшныхъ, съ подписью: «азъ поручница грешны^т кмоему |сну сей даръ мнѣ за ні рудѣ слыща^т мая дати іже радость выну мне принося радоватся вечне чрезъ мене іспрося» (см. № 1275 Б).

6) Христось, источающій кровь въ чашу; внизу подпись: «стела и крове хвы сила есть торлиа (такъ) совокупляе^т весма |и бгбмъ члвѣка іже недостоине ты стыню вкушае^т |сеи отъ бга во веки о^тлученъ бывае^т». Это копія съ № 1112 А.

1062. Нерукотворенный образъ. Въ Клиnceвскомъ подлинникѣ XVIII в. упоминается о четырехъ нерукотворенныхъ образахъ: первый изъ нихъ былъ подаренъ семилѣтнимъ Христомъ Египетскому царю Евфродизію, пришедшему поклониться ему; этотъ образъ названъ: «Еммануилъ, еже есть сказаемо съ нами Богъ». Второй образъ посланъ Христомъ Едесскому князю Авгарю, который послалъ живописца своего Ананію звать Христа исцѣлить его, а если Христось откажется идти за нимъ, то списать съ него портретъ. Ананія засталъ Христа на проповѣди, началъ списывать съ него портретъ; но дѣло не ладилось, такъ какъ Христось «пременяше себе подобіи». Видя вѣру и заботу Ананія, Христось взялъ у него полотно, попросилъ у апостола Петра воды, умылся, отерся полотномъ, и отпечатлѣлъ на немъ свой ликъ. Этому образу дана надпись: «Божіе видѣніе, божественное чудо»; имъ исцѣленъ Авгаръ отъ болѣзни. Въ третій разъ Христось «отре потъ», когда несъ святой крестъ; нерукотворенный ликъ, который произошелъ при этомъ на платѣ, онъ далъ апостолу Фомѣ. Наконецъ, уже послѣ своего вознесенія, Христось приходилъ въ домъ мученицы Акиліаны (въ Камиліанѣхъ); здѣсь онъ умылся и отеръ лице свое убрисомъ, отчего произошелъ четвертый

нерукотворенный образъ (см. у Григорія Нисскаго, объ убрусь) ¹⁾.

Легенды этѣ повторяются въ другихъ отреченныхъ рукописяхъ (Тихонравова, Памяти. отреч. лит., II. 11), гдѣ живописецъ, писавшій портретъ Христа, названъ Лукою, а не Ананіемъ, какъ въ Клиновскомъ подлинникѣ, и гдѣ Христосъ, отираясь убрусомъ, воды отъ апостала Петра не требовалъ.

Въ западныхъ источникахъ кромѣ того есть легенда о нерукотворенномъ образѣ, который данъ Христомъ св. Вероникѣ (отъ Vera icon), подавшей ему, во время несенія креста, убрусъ, которымъ онъ отерся. Въ Ватиканѣ есть статуя св. Вероники, держащей убрусъ съ изображеніемъ Спасителя ²⁾; а въ нашей Пицундѣ есть древній генуезскій колоколь съ такимъ же изображеніемъ (Грузія и Арменія, III. 314).

Едесскій убрусъ, посланный Авгарю, былъ наложенъ на доску и поставленъ надъ воротами, какъ упоминають объ этомъ Византійскій писатель XI вѣка Кедринъ, а до него Евагрій и Евсевій, и какъ это пояснено и въ текстѣ нашей картинки № 1063. Много лѣтъ спустя образъ этотъ былъ заложенъ въ стѣну Едесскимъ епископомъ, укрывшимъ его отъ иконоборцевъ; вмѣстѣ съ нимъ была заложена и горящая свѣча. Когда Персидскій царь Хоздрей взялъ Едессъ, стѣна была разломана, образъ найденъ въ цѣлости и передъ нимъ горящая свѣча (III. 432). Затѣмъ образъ этотъ подаренъ въ X вѣкѣ Константину порфирородному; при взятіи же Константинополя, при дѣлежѣ добычи, отданъ Венеціанскому дожу Дандоло и во время перевозки, въ Венецію, потонулъ въ морѣ, вмѣстѣ съ кораблемъ. По другому западному преданію, Едесскій образъ подаренъ Іоанномъ Палеологомъ въ XIV вѣкѣ дожу Леонарду Монтальто; онъ хранился въ Генуѣ за одинад-

¹⁾ Въ Клинецв. подлинникѣ упоминается еще объ иконѣ Спаса нерукотвореннаго, бывшей на островѣ Критѣ и творившей много чудесъ.

²⁾ Pistolesi, Il Vaticano descritto. Roma 1829, I.—Въ Клиновскомъ подлинникѣ упоминается о боярынь Веринкии, отлившей статую Иисуса Христа, которую царь Юліанъ повелѣлъ разбить.

цатью замками и выставялся на поклоненіе богомольцамъ одинъ разъ въ году. При освидѣтельствованіи комисарами, посланными Наполеономъ I въ 1810 году (для оцѣнки и вывоза сокровищей), образъ этотъ оказался, по ихъ приговору, «не древней живописи и малоцѣнный».

Точно также, безъ всякихъ основаній, называется Едесскимъ подлинникомъ образъ Спаса, находящійся въ Московскомъ Верхоспасскомъ соборѣ (Вельтманъ, Достопамят. Москов. Кремля. М. 1846, стр. 51). и привезенный будто бы въ Москву изъ Константинополя вел. кн. Софьею Ѳоминичною, супругою Ивана III.

Въ Римѣ, до настоящаго времени, въ соборѣ св. Петра хранится нерукотворенный образъ, который выдается за Едесскій подлинникъ; онъ и скопированъ въ нашихъ картинкахъ №№ 1062 и 1063. Образъ этотъ извѣстенъ съ 1249 г. (Scheible, Das Kloster, VIII. 153). Первый, извѣстный намъ списокъ съ этого убруса, хранящагося въ Римѣ, появился на Москвѣ въ XVI вѣкѣ; его прислалъ царю Ивану Васильевичу Римскій императоръ Рудолфъ; снимокъ съ него находится въ алтарномъ иконостасѣ придѣла въ честь св. Логина сотника, при церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, что въ Барашахъ на Покровкѣ. Этотъ образъ писанъ на доскѣ, длиною 4½ верш., вышиною 8 вершковъ. Лице Спасителя въ натуральную величину, въ 5 верш. длиною. Пошибъ живописи составляетъ переходъ отъ Греческой къ Фряжской. На поляхъ иконы читается слѣва любопытная надпись:

«Сіи образъ Слова Бога 7092 сентября 26-го, по прошенію великаго государя царя Іоанна Васильевича, отъ цезаря Рудольфа, сребромъ позлащеннымъ украшенъ, по обычаю Грековъ, списанъ съ сущаго образа, которой съ самого Творца, нашего Иисуса, въ Эдессѣ ко Авгарю посланъ бѣше, иже и чинѣ въ Римѣ, и свидѣтельствуеть о томъ грамота въ посольскомъ приказѣ и по отшествіи жизни его, государя, сыну ево Ѳедору Іоанновичу отданъ въ чертоги царскія, и потомъ въ келіяхъ святѣйшаго патріарха Филарета Никитича и по кончинѣ его, отданъ въ иконохранильницу чертоговъ царскихъ; свидѣтельствуеть о томъ опись Па-

тріаршаго Приказу. 7187 году великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ въ иконохранилищѣ некогда въ пришествіи своемъ за многую свою милость сію святую икону пожаловалъ аптекарскія палаты дяку Андрею Виніусу³⁾, и о семъ свидѣтельствуеть расходная книга той палаты. Съ списка вторично списанъ въ 1761 году».

Надпись на оборотъ доски: «Сей есть пришедый водою, кровію и духомъ Іисусе Христѣ Сыне и Слове Божій Отца Бога въ себѣ имый всегда и Самъ въ немъ пребывая со Святымъ Духомъ Богомъ. У кого прежде сія Святая икона была и впредь У кого будетъ, помилуй Ради имени Своего Іисусе Сыне Боже, не Лиши тѣхъ и всѣхъ Своего Божія небеснаго Царствія, идеже Царствуютъ вси со Отцемъ и со Святымъ Духомъ вѣчно и нескончаемо.

(Статья И. М. Снегирева въ № 73 Моск. Вѣд. 1852 г.).

Кромѣ того существуетъ легенда, что на доскѣ, на которой былъ наложенъ св. убрूसъ, тоже отпечатался (съ убруса) образъ Спасителя; эта доска принесена была въ Грузію однимъ изъ тринадцати Сирскихъ отцевъ, но при нашествіи Тамерлана, доску эту Марткобскій епископъ Георгій заклалъ въ стѣну. Списокъ съ него находится въ Тифлискомъ Сіонскомъ соборѣ. Другой подлинный отпечатокъ, происшедшій подобно Марткобскому и тоже на доскѣ, показывается въ Ангисхатскомъ соборѣ (Грузія и Арменія. Спб. 1848, III. 28)⁴⁾.

³⁾ Андрей Денисовичъ Виніусъ, родомъ Голландецъ, въ 1632 устроилъ первые чугуно-плавильные заводы (Энциклопед. Лексик. Плюшара, X).

⁴⁾ Въ Соловецкомъ монастырѣ, надъ вратами, есть колоссальный нерукотворенный спасъ (мокрая брада), написанный препод. Елеазаромъ Анзерскимъ по подобію Едесской иконы. *Вятская* чудотворная икона, такая же колоссальная копія съ Едесскаго Спаса, принесена въ Москву изъ города Хлынова (Вятки), по волѣ царя Алексѣя Михайловича, 14 янв. 1647 г. и поставлена въ Успенскомъ соборѣ. 19 сентября ее перенесли въ Новоспасскій монастырь, а въ Хлыновъ посланъ съ нея списокъ. Въ монастырѣ Зографъ есть тоже икона Спаса нерукотвореннаго (отъ нея и монастырь называется Зографскимъ); объ этой иконѣ разсказывается чудо, что одинъ невѣрующій мазалъ ее перстомъ, и персть его присталъ къ иконѣ: «и такъ видимо есть это дѣло» (Краткое опис. Авонск. мон., л. 6). Въ католической письменности есть множество описаній лица Спасителя; такое описаніе есть и въ нашихъ рукописяхъ см. По-

Въ заключеніе замѣчу, что по легендамъ существуютъ нерукотворенные образа не одного Спаса, но и Богоматери и другихъ святыхъ. По патерику Печерскому Богородица дала такую икону греческимъ мулярамъ; ангелы написали преподобному Алимнію, во время его сна, нѣсколько иконъ для собора; Богоматерь сама избразилась на стѣнѣ храма мусією; рука на иконѣ Богородицы троеручицы сама собою возобновлялась двукратно; тоже самое было съ иконами спаса Мануилова письма и Спаса во главѣ Новгородскаго Софійскаго собора. Въ католическихъ храмахъ есть не мало такихъ же иконъ, написанныхъ ангелами и пр.

Царскій иконописецъ Іосифъ Владиміровъ, имя котораго упоминается въ текстѣ № 1062, извѣстенъ, какъ хорошій изографъ; онъ состоялъ при Московскомъ печатномъ дворѣ знаменщикомъ съ сентября 1660 года по 1664 г. (См. мои: Исторію иконописанія и Русскіе граверы, въ статьѣ В. Румянцова, стр. 374).

1065. Эта картинка принадлежитъ тоже къ подноснымъ листкамъ (она поднесена отцу Лаврентію).

1066. Прибавить: изданіе *в*, отпечатанное доской изданія *а*, пройденною рѣзцемъ; надъ усами и брадою Спасителя видны грубыя черты рѣзцемъ. Въ моемъ собраніи.

1068. *Спасъ оплечный*. Слова «*Ѱон*», находящіяся въ вѣнцѣ Спасителя, въ Клиновскомъ подлинникѣ XVIII вѣка толкуются слѣдующимъ образомъ: «*Толкъ словамъ яже у Христа писаны вѣнцѣ Ѱон*: азъ есмь сынъ. *Другій толкъ*. Жидовѣ узрять его встрашный день и рекуть: вонъ онъ нашъ. *Толкъ греческій Ѱ*: отъ небеси приидохъ. *о*: ониже мя непознаша. *н*: на крестѣ пригвоздиша мя». Толкованіе этихъ словъ см. у Максима грека (рукоп. XVI в.; Востоковъ, Румянц. кат., ССLXIV. об. — Буслаевъ,

пова, Хроногр. XVII в. II. 82. — Буслаева, Очерки, II. 260. У Шейбле (Schaltj. IV. 303) приведена народная картинка 1655 года, съ изображеніемъ креста и съ означеніемъ роста Спасителя.

Очерки, II. 30). Богу есть 70 именъ: власть, сила, слово, животъ, милость любви, мудрость, сотирь, пандократоръ, параклитъ, свѣтъ и т. д. (Тихонравовъ, Памяти. отречен. лит., II. 339; по рукоп. XVII в.). Подобное же перечисленіе именъ Бога приведено по католическимъ источникамъ у Низара (Hist. des livres popul., I. 150). Имя *Ἰησοῦς*, по объясненію сивиллы Кумейской, составляетъ число 888. О разныхъ написаніяхъ этого имени см. у Невоструева: Слово св. Иполита (М. 1861, стр. 172). Въ числѣ символовъ, замѣняющихъ изображеніе Спасителя, въ древнихъ памятникахъ чаще всего употребляется рыба «*ἰχθύς*», такъ какъ она состоитъ изъ начальныхъ буквъ имени: Исусъ Христосъ Божій сынъ, спаситель.

Въ Клинецкомъ подлинникѣ XVIII вѣка, вслѣдъ за объясненіемъ имени Исуса, помѣщено перечисленіе: О Исусехъ колико есть: 1) Исусъ наввинъ воевода израильскій. 2) Исусъ Сираховъ мужъ мудрый былъ. 3) Исусъ Седековъ священникъ бѣга в вавилонѣ. 4) Исусъ медіаловъ святая святыхъ обновл. 5) Исусъ былъ апостолъ и пророкъ бѣ в плененіи Иерусалима. 6) Исусъ Христосъ Богъ нашъ.

1071. Спасъ поясной и въ ростъ. Оригиналномъ для изображенія пояснаго Спаса служилъ образъ Спаса, написанный въ главѣ Новгородскаго Софійскаго собора, о которомъ въ Ростовскомъ лѣтописцѣ, подъ 6558 годомъ, записано, что писцы писали его съ благословящею рукою, къ утру-же рука оказывалась сжатою; и такъ было до трехъ разъ; на третье-же утро отъ Спаса бысть гласъ, чтобы писать руку его *сжатою*, ибо въ рукѣ той онъ держитъ Великій Новгородъ, и когда рука та распрострется, тогда будетъ Новограду скончаніе (Лѣтопис. XVII в. въ Москов. Арх. Иност. Дѣлъ). Предсказаніе это однако-же со взятіемъ Новгорода не сбылось. Спаса иконописцы пишутъ не съ сжатою, а съ благословящею рукою, съ какою онъ перешелъ и въ народныя картинки. Спасъ стоящій по большей части копировался съ такъ называемаго Спаса Смоленскаго, что на Спасскихъ воротахъ, напоми-

нающаго старинные итальянскіе типы (Джіов. Беллино); а Спасъ, сѣдящій на престолѣ во образѣ вѣчнаго Архіерея, представляетъ большею частію подражаніе образу Спаса, письма греческаго царя Мануила, находящемуся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. По легендѣ этотъ образъ былъ написанъ съ благословящею рукою. Однажды Мануилъ встрѣтилъ на пути своемъ священника «иже не подобная творяше»; священника этого онъ приказалъ строго наказать, «покрыть ранами»; тогда во снѣ явился ему Спаситель и, укоривъ его за то, что онъ принимаетъ на себя не данную ему власть судить священство, приказалъ ангеламъ наказывать царя. Проснувшись царь увидѣлъ себя покрытымъ ранами, а руку Спасителя на иконѣ указывающую «долу». Если по сторонамъ Христа, во образѣ вѣчнаго Архіерея, представлены Богоматерь и Предтеча, — то икона называется «Царь Царемъ». Если при этомъ приписаны архангелы Михаилъ и Гавриилъ (служба которымъ въ понедѣльникъ), апостолы Петръ и Павелъ (служба въ четвергъ), и другіе святые (служба въ субботу), — то икона называется «Седмицею», такъ какъ на ней тогда находятся для поклоненія святые на каждый день *). Три иконы: Спасъ, Богоматерь и Предтеча вмѣстѣ, называются Деисусомъ; Спасъ при этомъ пишется по большей части благословящій съ Евангелиемъ въ рукѣ, а иногда и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ положенъ во гробъ (Спасъ уныніе—итальянская *pieta*). На груди Богоматери иногда бываетъ изображеніе Спасителя: «слово плоть бысть»; Предтеча тоже держитъ иногда чашу съ лежащимъ въ ней Спасителемъ; такихъ изображеній, впрочемъ, на нашихъ картинкахъ не встрѣчается и потому въ объясненіе символическаго значенія ихъ вдаваться здѣсь не приходится. Замѣчу, что отъ трехъ иконъ Деисуса, составляющихъ необходимую принадлежность втораго тѣбла иконостаса, все это тѣбло получило названіе «*деисуса*».

*) Спасителю служба въ воскресенье, а кресту его въ пятницу, Богоматери служатъ въ среду, а Предтечѣ—во вторникъ.

1083 А. Прибавить: **Деисусъ**; срединѣ Спаеъ на престолѣ, по сторонамъ: «С Іоанъ прча, Мр Оу, архаггль Міхаилъ» и «архаггль Гаврїилъ». Грав. на мѣди; полулистовая картинка вдлину. Въ собраніи В. И. Яковлева.

1086 А. Прибавить: «Сей агнецъ божїи вземляи грехи всего мира»; картинка листовая, рѣзанная на мѣди и отпечатанная на бумагѣ 1810 года. На ней изображенъ лежащїй въ сіяніи Христосъ младенецъ, которому поклоняется множество ангеловъ. Въ моемъ собраніи.

1098. Исключить: это подносный листъ, описанный подъ № 1684.

1104 А. Прибавить: Спаситель съ св. Сергіемъ и Варлаамомъ. Точно такая же листовая картинка (какъ и № 1104), съ надписями на святыхъ: «прѣбны ва^рлаами» и «прѣбны сергїи». Изданіе на синей бумагѣ 1809 года. Есть и другое изданіе этой же доски на бумагѣ 1810 года. Въ моемъ собраніи.

1110. См. 1061 А.

1115. «Азъ есть хлѣбъ животный шедый съ небесе», слова изъ бесѣды Іоанна Златоуста. См. Христ. Чтен. 1851. О. I. II. 4. 177.

1120. **Изображенія Богородицы.** Въ одномъ подлинникѣ XVII вѣка (Царскаго, № 314) находится слѣдующее описаніе ея: Возрастомъ была средняя, другіе-же говорятъ выше средней, руса, съ желтыми волосами, и съ черными очами, благозрачна; черныя брови, лице кругловатое, долгиа руки, и долгоперстна, исполненна непомысленнаго, непостыдна, непреложна смиренїя...¹⁾ Одежду-же

¹⁾ Относительно описанія Богородицы и Спаса по западнымъ источникамъ см. у Емерика Давида, въ его: Histoire de la peinture au moyen âge.

тмозрачную любила и всегда носила, какъ свидѣтельствуеъ и святыи покровъ ея (О. Буслаевъ, Очерки, II. 360). Въ католическихъ картинкахъ есть указанія роста Богородицы (Scheible, Das Schatzj. IV. 437), а въ нашемъ хронографѣ XVII в. указаны ея лѣта (Поповъ, II. 82)²⁾.

О житїи Богородицы въ Клиновскомъ подлинникѣ сказано, что: «отъ рожденїя ея до введенїя 3 лѣта, а в церкви была 11 лѣтъ. Пищу прїимала отъ ангела в дому Іосифове 12 мѣсяць; тутже и благовѣщенїе прїяла Марта въ 25 день, тогда бысть 15 лѣтъ и дву^х мѣсяцевъ, а по вознесенїи Господни успе в вѣчную жизнь».

Ома епископъ Кантуарїйскїй въ молитвахъ своихъ поздравлялъ ее съ 7-ю радостями: 1-я радость была ей, когда она зачала Спасителя, 2-я, когда носила его, 3-я, когда родила его, 4-я, когда ему поклонялись волхвы, 5-я, когда обрѣла его во храмѣ, 6-я, когда Христосъ воскресъ, и 7-я, когда сама взята была на небо (Небо новое, 50).

На главѣ и персяхъ Богородицы пишутся три звѣзды; значать онѣ, что Богородица до рождества была дѣва, во время рождества «дѣвства двери невредны соблюде, Еммануилъ бо естествомъ двери отверзе яко человекъ, дѣвства же затворъ разверзи яко Богъ»; и по рождествѣ осталась «паки дѣвою». По другому толкованїю три звѣзды этѣ означаютъ: «образъ рождшїа намъ Единого отъ Троицы Христа Бога нашего» (Буслаевъ, Очерки, II. 29).

Монограмма мр ѣу, т. е. мать Бога, толкуется въ нѣкоторыхъ подлинникахъ такъ: «Марїа роди Фарисеямъ учителя»; самыя буквы, изъ которыхъ составлена монограмма должны обозначать драгоценные камни: Маргаритъ, Адамантъ, Рубинъ и Іаснисъ. Именъ у Богородицы, по отреченной рукописи XVII вѣка, 72: купина, жезль, корень, земля, святая, и т. д. Главное же имя

²⁾ Въ этомъ же хронографѣ помѣщено апокрифическое сказанїе изъ ея жизни, о томъ какъ она воздоила разбойничьяго ребенка; это сказанїе написано на одной изъ стѣнъ Суздальскаго соборнаго храма. См. выше прим. къ № 892.

«Марія» (Тихонравовъ, Памятн., II. 339). Точно такое-же исчисленіе имени Богородицы находится и въ католическихъ источникахъ (Nisard, hist. des livres popul., I. 150)³⁾.

1123 А. Прибавить: «Мѣръ Бѣіа: Делано при фа⁶: м: а. -ре-заль Дмитрей пастухо^в». Богоматерь $\frac{3}{4}$ влѣво, въ овальной рамкѣ; картинка гравирована грубымъ рѣзцомъ, въ полъ листа. Въ моемъ собраніи.

1125. Богоматерь на лунѣ изображается по видѣнію апокалипсиса: «явися жена облеченна въ солнце и луна подъ ногами ея и на главѣ вѣнецъ отъ звѣздъ двоинадесяти» (Апок. 12. 1—6, 13—17). Гравіюра мастера Трухменскаго; одинъ экземпляръ ея есть у Ѳ. И. Буслаева, онъ вклеенъ въ рукопись: «звѣзда пресвѣтлая». Въ такомъ видѣ изображена Богородица и въ апокалипсисѣ Кореня № 810, л. 33.

1131 А. Прибавить: Богоматерь съ Спасителемъ; картинка 4°, которую гравировалъ крѣпкой водкой: «Иванъ Никитинъ»; внизу вирши: «Стая два бѣа величаетъ, приять на рупѣ хвалу возсылаеть несказанно всю тварь уповающу и мѣтливо вѣрныхъ спасающъ». Въ собраніи В. А. Яковлева.

1159 А. Богоматерь со Спасителемъ (переводъ: умиленіе); вверху солнце и луна, на поляхъ: «о Антоніи» и «о Θεодосіи»; сверху и снизу рамка изъ завитковъ. Отпечатокъ съ оригинальной деревянной доски, принадлежащей В. А. Прохорову (хранится въ музеѣ Археологическаго Института Н. В. Калачева). Картинка листового размѣра; по работѣ напоминаетъ доски, описанныя подъ №№ 1459 А и 1459 Б и гравированныя въ 1695 году.

³⁾ Въ землѣ Влосской (Валахія), въ церкви св. Лаврентія, показывается перстень, которымъ была обручена Богородица съ препод. Иосифомъ; о ея поясѣ и ризѣ см. въ примѣчаніи къ № 1218; въ числѣ святынь, въ соборѣ св. Марка и въ Московскомъ Успенскомъ, сохраняется млеко пресв. Богородицы.

1159 Б. Прибавить: еще Богоматерь съ препод. Антоніемъ и Θεодосіемъ. Внизу подпись: «блѣжимъ тя въ тябо|... съ тобою». Листовая картинка, гравированная на мѣди. У В. И. Яковлева.

1172 — 1184. Успеніе Богоматери празднуется съ VI вѣка; прежде праздновалось 15 января, а съ 582 г., по приказанію греческаго императора Маврикія, 15 августа; церковное празденство продолжается съ 14 по 23 августа. Икона Успенія Богоматери пишется разными переводами: 1) успеніе простое, съ апостолами, окружающими одрѣ Богоматери; 2) облачное, въ которомъ апостолы изображаются на облакахъ, въ воздухѣ, и 3) съ жидовиномъ, которому ангелъ отсѣкаетъ руки. О послѣднемъ происшествіи сохранилось апокрифическое преданіе: когда апостолы провожали съ пѣніемъ тѣло Богородицы, Іудейскій первосвященникъ (жидовинъ) хотѣлъ остановить ихъ; но только что онъ коснулся святаго тѣла, огонь попалилъ его руки. Тогда первосвященникъ обратился съ мольбою къ апостолу Петру, по заступленію котораго и получилъ исцѣленіе (Іаковъ де Ворагине, *Legenda aurea*. Paris 1843, I. 275).

1183 А. Успеніе Богородицы. Прибавить: копія съ № 1183-го, отпечатанная на синеватой бумагѣ 1810 года. Надпись ореографирована такъ: «туть положены мощи святыхъ мученикъ... и т. д.». Въ моемъ собраніи.

1194. Покровъ. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (d) на синей бумагѣ 1810 года; въ немъ 1-я строчка кондака заканчивается словами: «свѣтыхъ невидимо».

1196. Покровъ. Этой картинке есть три изданія: а — на бумагѣ 1800 года; б — на бумагѣ 1810 года, съ подправленной доски; въ надписи, изъ буквы р (пресвятія) вышла, кверху, черта отъ соскочившаго рѣзца гравера (оба въ моемъ собраніи); в, изданіе 1820—30 гг., въ собр. Даля I. 57. Происхожденіе праздника Покрова

слѣдующее: въ 911 г. 1-го октября, во время нападенія на Царьградъ Сарацынъ, въ Влахернской церкви, на всенощномъ бдѣнїи, Андрей Юродивый увидѣлъ на воздухѣ Богоматерь, съ апостолами и ангелами, осѣняющую своимъ покровомъ христіанъ. Видѣніе Юродиваго не было однако возведено греками въ чинъ праздника и не было внесено въ мѣсяцесловы, празднество же Покрову установлено позднѣе (Жизнь Богородицы, 329). У насъ икона Покрова пишется на два перевода: въ одномъ Богородица пишется вверху, в серединѣ; а въ другомъ она представляется съ боку, подходящею принимать молитвенные свитки («молящая»).

1199. **О тебѣ радуется.** Здѣсь олицетворены: ангельскій соборъ, человѣческій родъ и освященный храмъ, которые упоминаются въ этомъ задостойникѣ (Снегиревъ. Луб. карт., 37).

1199. А. Прибавить: такая же полулистовая картинка работы мастера серебряника; первая строка молитвы заканчивается словомъ: «анггльскі»; въ собранїи В. И. Яковлева.

1203. **Икона Похвалы Богородицы.** Празднованіе ей по случаю (троскратнаго) избавленія Царяграда отъ нашествія Кагана Аварскаго совершалось сперва въ Влахернской церкви, а съ IX в. повсемѣстно, на 5-й недѣлѣ великаго поста въ субботу на утрени, отчего самая суббота эта называлась похвальною. Праздникъ похвалы назывался тоже праздникомъ акафиста, или похвалы Богородицѣ, состоящаго изъ 24-хъ стиховъ, начинающихся съ каждой изъ буквъ греческой азбуки, по очереди. Каждый гимнъ заканчивается или возгласомъ аллилуїа! или привѣтствіемъ архангела Богоматери; самый акафистъ заканчивается молитвою о заступленїи Богородицы за христіанъ (Воскресное Чтеніе № 49, стр. 416).

Древнѣйшій гравированной акафистъ въ 29 картинкахъ, работы мастера АК, изданъ въ Кіевѣ, въ 1674 г. Подробное описаніе образа Похвалы Богородицы помѣщено въ Вѣстникѣ древне-русскаго искусства. М. 1874. №№ 4—5, стр. 38.

1215 № подробно не описанъ, ибо экземпляръ его неполный.

1216. **Изображеніе 116 иконъ Богородицы.** Въ моемъ собранїи есть другое изданіе (б) этой картины, точная копія съ № 1216. Раздѣленіе строкъ въ подписи въ послѣдней иконѣ — слѣдующее: «Образъ прѣты Бдѣы вѣленскія явися 6849 лето|апреля 14 дня»,—въ оригиналѣ же № 1216 подпись эта раздѣлена слѣдующимъ образомъ: «образъ прѣтыя бѣы|вѣленскія явѣся 6849|лета апреля 14 дня».

1218. **Изображеніе 160 иконъ Богородицы.** Съ этого листа скопированы (рѣзкомъ) картинки въ книгѣ: Изображеніе иконъ пресвятыя Богородицы въ православныхъ церквяхъ прославляемыхъ съ краткими о нихъ сказанїями и съ присовокупленїемъ умилительныхъ моленїй къ Божїей Матери. Второе изданіе исправленное и дополненное. Въ типографїи Семена на Софїйской улицѣ 1853. 8°. VI и 39 страницъ, съ изображенїемъ 182-хъ иконъ Богородицы, съ текстомъ (41—67 стр.), молитвами и перечисленїемъ иконъ въ алфавитномъ порядкѣ. Тѣже изображенїя, но литографированныя, помѣщены въ книгѣ: Жизнь пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, 2 части. С.П.Б., въ типографїи В. Прохорова, 1860. 8°. Они же повторены и въ книгѣ: Сборникъ изображенїй явленныхъ и чудотворныхъ иконъ пресвятыя Богородицы, въ православной церкви прославленныхъ, съ 179 литографированными изображенїями. Москва. Изданіе книгопродавца Манухина. 1866. 8°.

Кромѣ этихъ лицевыхъ описанїй, издано свящ. Пановымъ весьма обстоятельное: «Историческое, хронологическое и иконографическое описаніе 218 наименованїй и изображенїй пресвятыя Богородицы. С.-Петербургъ 1871». Другое подобное же перечисленіе иконъ помѣщено въ большомъ календарѣ г. Гатцука на 1878 годъ.

Надо сказать однакоже, что не смотря на всю добросовѣстность гг. изслѣдователей вышепоименованныхъ описанїй,

иконографія Богородичныхъ иконъ представляется до настоящаго времени еще въ состояніи самомъ неудовлетворительномъ, въ особенности же по отношенію къ изображеніямъ, которыя въ большинствѣ случаевъ сдѣланы съ народныхъ картинокъ и несходно съ подлинными иконами. Желательно было бы видѣть такой трудъ, въ которомъ изслѣдователь собралъ бы лицевыя изображенія Богородицы съ подлинниковъ всѣхъ иконъ, поименованныхъ въ описаніи, или же съ древнѣйшихъ и извѣстныхъ по вѣрности своей списковъ, и уже на основаніи ихъ составилъ подробное иконографическое описаніе, а равнымъ образомъ и излѣдованіе о ихъ происхожденіи и *дьяны*. При настоящемъ номерѣ прилагаю, съ своей стороны, алфавитный указатель Богородичнымъ иконамъ (числомъ около 340), въ надеждѣ, что этотъ *сырой материалъ* пригодится ожидаемому изслѣдователю Богородичной иконографіи.

Абалацкая — Знаменіе, съ изображеніями св. Николая чудотворца и препод. Маріи Египетской по сторонамъ; въ Абалацкомъ монастырѣ, Тобольской губ.; явилась въ 1637 г., празднуется ей 7 и 20 іюля (Тобольской Губ. Вѣд. 1850. № 32 и 33. — Странникъ 1865. Ноябрь, 68. — Сказаніе о ней священника А. Сулоцкаго. Москва 1849).

Абалацкая; названа по селу Абалакамъ, Тобольск. губ.; явилась 7 іюля 1636 г. (такъ значится въ подписи на иконѣ; Пановъ; Историч., хронологич. и иконографич. описаніе 218 наименованій и изображеній пресвятыя Богородицы. СПб. 1871, 5). Въ рукахъ ея свитокъ съ подписью: «радуйся царица матеродѣвственная». Это д. б. списокъ съ предыдущей иконы.

Абульская; явилась въ 692 г. въ Сербіи, въ царствованіе Викентія Савина (Клинец. подлн. XVIII в. Гр. С. Г. Строгонова). Празднуется ей 11 іюня.

Азовская; упоминается въ Клинецовск. подл.

Азуровская; явилась 1 сент. 856 г. близъ горы Азуры въ Амасійскомъ монастырѣ, въ Македоніи.

Анафистная; находится въ Аѳонскомъ Зографскомъ монастырѣ;

осталась цѣлою во время пожара, бывшаго въ монастырѣ при нашествіи панистовъ (Пановъ, 5).

Анафистная; въ Хиландарскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; не сгорѣла во время пожара, бывшаго въ монастырѣ въ 1837 г. (Въспнній покровъ надъ Аѳономъ. 1867, 69—73). Еретика пона утопила въ морѣ (Краткое описаніе 20 монастырей Аѳонскихъ. Солунск. типогр. 1839, л. 4 об.).

Александрійская; празднуется ей 1 сентября.

Алтарница; находится въ Ватопедскомъ Аѳонск. монастырѣ; во время нашествія Сарацынъ она скрывалась 70 лѣтъ въ колодецѣ, и передъ нею все это время теплилась свѣча (Барскій. С.П.Б. 1800, 618). Рисунокъ съ нея изд. Общ. Любит. Др. Письмен. № II. Упом. въ кратк. опис. 20 монаст. Аѳонск., л. 6.

Амартійская; въ Амартійской обители (Изобр. иконъ Богородицы. 1848, 21); празднуется ей 17 августа въ память избавленія отъ иконоборцевъ.

Антиохійская — **Никейская**; явилась 23 марта 1142 г. (по Клинец. подл., а по № 1216, — въ 5680 г.); праздн. 28 мая. Отвратила лице свое отъ Анатолія брадобритца. На 1-мъ вселенскомъ соборѣ (325 г.) установлено пѣть ей: «бысть чревъ твое святая транеза».

Ануфриевская; см. Онуфриевская.

Аравійская или **Арапетская**; явилась 6 сентября 322 г. (у Панова, стр. 6, — съ 1322 г.), когда апостоль Тѳома обратилъ Индію въ христіанство (Клинец. подл.).

Ахремская; см. Яхромская.

Ахренская — **Шахматница**; явилась 17 окт. 1491 г. за 15 верстъ отъ г. Юрьева Польскаго, на р. Вазузѣ, преподобному Косьмѣ, игумену Ахренскому (Слава пресв. Богор. 1853 г., III. 106).

Ахтырская; въ г. Ахтыркѣ, Харьков. губ. Явилась 2 іюля 1739 г. священнику Данилу Васильевичу. Вода, которою омывають икону, исцѣляетъ отъ лихорадки (Слава пресв. Богородицы, III. 92). См. №№ 1219, 1220, 1221 (III. 486).

Байбузская; явилась въ селѣ Байбузахъ, Черниг. губ.; перене-

сена въ Кіево-Печерскую лавру въ 1832 г.; празднуется ей 26-го декабря.

Балыканская, въ г. Орлѣ; празднуется 30 іюня.

Балыклей (отъ балыкъ = рыба); находится въ часовнѣ, на дорогѣ изъ Соловецкаго монастыря въ Муксальму; это копія съ иконы живоноснаго источника, сдѣланная въ 1869 г. въ Царьградѣ по заказу Соловецкаго архим. Александра. Сравн. № 1245, прим. къ живоносни. источнику.

Барбарская; по Клинец. подлин. въ Районіи (?); жидъ поколотъ ее кинжаломъ, отъ чего изъ нея кровь текла; она же Барбарійская.

Барградская, въ Барѣ градѣ; упоминается въ Богогласникѣ, пѣснь 130.

Барловская, или **Блаженное чрево**; явилась 26 декабря 1392 г. (6900—Клинец. подл.). Наход. въ Москов. Благовѣщ. монастырѣ. Празднуется ей 25 дек. и 26 марта (Сказан. о земн. жизни Богор. Спб. 1869., 98).

Бердичевская; сказаніе о ней помѣщено въ Воскресн. чтен. 1869, XXI. 702. Она коронована папою; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 128.

Благовѣщеніе Устюжское, въ Москов. Успенск. соб.; празд. 8 іюня (№ 1216) и 25 Марта.

Благовѣщеніе; икона, написанная по штукатуркѣ, на стѣнѣ въ житномъ дворѣ, въ Москов. Кремлѣ (Слава пресв. Богор., III. 54). См. Здѣсь III. 457—459; 708.

Благодатное небо (что ты наречемъ), въ Москов. Арханг. соб. Принесена вел. княг. Софьею Ѳоминичною изъ Литвы. Переводъ западный (III. 465). Праздн. 6 марта (Клинец. подл.).

Благоуханный цвѣтъ; празднуется ей 15 ноября.

Блаженное чрево; въ Сибири (?), празднуется 6 окт. (Пановъ, 7).

Боголюбская; въ Боголюбов. монаст., Владимірской епархіи. Принесена княземъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1157 г. (III. 491—492). Празднуется ей, кромѣ 25 Марта, еще 18 Іюня, въ память избав. города Владимира отъ моровой язвы въ 1771 году.

Боголюбская, у Варварскихъ воротъ въ Москвѣ; копія съ предыдущей. Прославилась въ 1771 г., во время моровой язвы (Дни Богослуж., I. 190).

Боголюбская, въ селѣ Зимаровѣ, Рязанск. губ., прослав. въ 1771 и въ 1848, во время холеры. Копія съ Боголюбской Владимірской (Москов. Вѣд. 1848. 30 Нояб. № 144; Пановъ, 9).

Богородица. Безымянныя иконы: *а*) что въ Русскомъ монастырѣ на Афонѣ (*з*); *б*) что указала св. Саввѣ сокровище (*ε* об.); *в*) что въ Сибири (въ № 1216); *г*) и *д*) что въ Успенскомъ соборѣ (въ № 1216, два раза); *е*) юже Царь Ѳеофилъ вверже въ огонь, и не изгоре (Кратк. опис., ѿ обор.—См. Вангангійская); *ж*) явленіе Сергію и Михею (№ 1622—1625); *з*) явленіе разбойнику Домицеллу (№ 799—802; *и*) явленіе священнику (№ 730).

Бодянская, въ Сербіи; о ней поется въ стихахъ каличьихъ (П. Безсоновъ, Калики, I. 790).

Борисоглѣбская; въ Борисоглѣбск. монаст., гдѣ мощи кн. Бориса Глѣба; явилась въ г. Познани (?) 1 іюня 1191 г. (По Клинец. подлин.).

Братская Вышгородская; въ 1662 г. 10 мая во время нашествія Татаръ и Поляковъ, брошенная въ воду, приплыла изъ Вышгорода въ Кіевъ, гдѣ и находится теперь въ Братскомъ монастырѣ (Пановъ, 10). См. III. 492. № 1224.

Братская — Кіевская; въ Братскомъ монастырѣ, въ Кіевѣ. Явилась въ 1654 г. (По № 1216 яв. 7162. въ Іюлѣ). Празднуется ей 10 мая, 6 сент. и въ субботу на 5-й недѣлѣ Великаго поста (Клинец.).

Братская Кременецкая; упом. въ Клинец. подл. См. № 1224 А. и 1224 Б. и въ Богогласникѣ, пѣснь 121.

Буцневская; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 133.

Бысть чрево твое; явилась 28 мая 5118; упом. въ № 1216.

Бѣжаніе въ Египетъ пресвятыя Богородицы. См. № 1708. 23.

Бѣлобережская; см. Троеручица, № 1302.

Бѣлостоцкая; наход. въ Бѣлостоцкомъ монастырѣ. Упом. въ Богогласникѣ (твореніе инока Базиліана, пѣснь 123).

Валкурійская; явил. 25 окт. 182 г. Ее написал Мартинъ, епископъ Валкурійскій, ученикъ Апостола Петра (Клинц. подл.).

Ванганглійская; явил. 12 февр. 849 г. на Аѳонѣ, юже царь Θεофилъ хотѣлъ сжечь и «не изгоре» (Клинц. подл.).

Ватопедская—Отрада и утѣшеніе—предвозвѣстительница—живопріятная (Слава Богор., I. 167), въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Писана не вапами, а изображена *хитростно*, мощами святыхъ (Клинцев. подл.); избавила отъ потопленія Аркадія, сына императора Θεодосія, 872 г. избавила лавру отъ разбойниковъ (Пановъ, 11). Явилась 24 нояб. 882 г.? (Клинц. подл.). Въ 382 г. (?) она запретила женщинамъ входить на Аѳонъ (Письма Святогорца, I. 94).

Введеніе во храмъ Богородицы; праздникъ извѣстенъ съ VIII вѣка; празднов. ему съ 20 по 25 нояб.

Великоустюжская; см. Благовѣщеніе.

Венеційская; явилась 3 апр. 1092 г. Привезена изъ Венеціи кн. Зборовскимъ въ Мытищи (Клинц. подл.).

Вертоградская (садовница); упоминается въ Клинцев. подл. Встрѣчается въ Строгоновскихъ 3-хъ письмахъ.

Взыграніе; яв. 7 ноября 1795 г.; наход. въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ, въ 15 в. отъ Москвы. Отличная икона Взыграніе есть въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ, Московскихъ царскихъ иконописцевъ; въ Ватопедскомъ Аѳонскомъ монастырѣ есть съ нея копія.

Взысканіе погибшихъ; праздн. 5 февр.; въ Москвѣ, въ церкви Рождества въ Палашахъ и въ церкви въ Александровск. сиротск. институтѣ, устр. 1835 г. (Слава Богор., III. 70).

Взятіе на небо Богородицы; см. №№ 1185—1186 и 1210.

Византійская; праздн. 7 апр. и 1 мая принесена изъ Рима; яв. 30 мая 960 г. (Клинц. подл.). Ей Петръ I молился послѣ Полтавской баталии.

Византійская, еще разъ у Панова (стр. 12); съ нѣкоторою разницею въ переводѣ противъ предыдущей; праздн. 1 Мая.

Виленская; праздн. 14 апр.; находится въ Виленской Троиц-

кой обители; это копія съ иконы Остробрамской, взятая въ Кармелитскомъ монастырѣ. Явил. 1341 г.; привезена въ Вильну дочерью Ивана III и женою Литовск. кн. Александра (Христ. чтен. 1845. III. 145. — Пановъ, 13 Русская Вильна. 1865). Сходна со Смоленской; у Панова эта икона поименована два раза.

Виленская Остробрамская; наход. на воротахъ въ г. Вильнѣ (Острыхъ). Праздн. 26 дек. (у Панова—14 апр.).

Вильневская; яв. 14 апр. 1341 г. въ г. Вильнѣ, въ церкви св. Николая; принесена изъ Рима, и писана Ев. Лукой (Клинц. подл.).

Вихромская; яв. 3 дек. 1472 г. (Клинц. подл.).

Виелеемская; упом. въ Клинц. подл.

Владимірская; о ней см. № 1925 и прим.

Владимірская, что въ Красногорскомъ монастырѣ, на рѣкѣ Пянегѣ; чудотворная.

Владимірская Заоникіевская, см. Заоникіевская.

Влахернская — многочисудесная, въ Московскомъ Успенскомъ соб.; принесена изъ Іерусалима 17 октября 1653 г.; другая въ селѣ Кузминкахъ, близъ Москвы. Явилась греческимъ Мулерамъ, и приказала имъ идти въ Кіевъ для украшенія Печерской лавры (№ 1519. III. 632. лѣ). Она вылита изъ воску, смѣшаннаго съ цепломъ изъ святыхъ костей, и раскрашена. Стояла эта икона первоначально во Влахернскомъ храмѣ въ Константинополѣ; оттуда, по взятіи Турками Константинополя, перенесена на Аѳонъ, а изъ Аѳона въ Москву въ 1654 г.

Вододательница; праздн. 11 окт. (Пановъ, 15).

Волоколамская; яв. 3 марта 1697 г. (Клинц. подл. — у Панова 1677 г.); перенесена Іосифомъ въ Волоколамскій монастырь изъ Москвы.

Волинская, въ монастырѣ Дворцы, на рѣкѣ Ротѣ; принесена изъ Аѳона; яв. 5 февр. 1092 г. (Клинц. подл.).

Воспитаніе; праздн. 5 марта; помѣщена на № 1216.

Всѣхъ скорбящихъ радость; наход. въ церкви Преображенія на Ордынкѣ, въ Москвѣ (III. 494); явил. 1688 г. (Древн. Росс. Вив-

любоика, VIII. 148). Списокъ съ нея наход. въ Дымковской церкви въ Устюгѣ Великомъ (писанъ въ 1753 г.). См. №№ 1229—1234.

Всѣхъ скорбящихъ, въ Тобольской Захарьевской церкви. Сказаніе о ней въ Странникѣ 1860 г., 43.

Вутиванская; яв. 2 Мая 5740. См. № 1216.

Выдропуская (Смоленская Одигитрія), въ селѣ Выдропускѣ, Вышневолоцк. уѣзда Тверской губ. Въ памяти древн. лит. Кушелева (IV. 180) помѣщено сказаніе о ней, составленное кн. Георгіемъ Звенигородскимъ-Токмаковымъ въ 1570 г.

Вычегодская, въ Вычегодск. монаст.; явилась 21 іюля 1555 г. (Клинц. подлин. — И. Тихонравовъ, Лѣтописи Литерат., IV. отд. III. 23).

Вѣнская, что въ Уграхъ изъ Аѳонск. монаст. св. Діонисія; возвращена въ Аѳонъ. Праздн. 12 февр. (Клинц. подл. — у свящ. Панова, 18, — явил. въ 62 г.).

Галатская или **Галацкая**, въ Персіи (Клинц. подл.). Списокъ съ нея находится въ Москвѣ, въ церкви Тихона, что у Арбатскихъ воротъ. Праздн. 4 іюня.

Галичская или **Чухломская**; яв. Авраамію Галичскому или Чухломскому чудотворцу около 1350 г. (Клинц. подл. — 20 іюля 1378 г., на озерѣ Чухломѣ), въ Галичской пустыни Костромск. губ., напротивъ г. Галича. Наход. въ Успенск. Городецкомъ монастырѣ, почему именуется тоже и Городецкою.

Галенская; яв. 772 г. 4 іюня въ Бургундіи (Небо новое, 119). Въ другомъ мѣстѣ показана въ Персіи (Клинц. подл.).

Гваделупіанская; упом. въ Клинц. подл. См. № 1234 А.

Гевсиманская; упом. въ Клинц. подл.

Гемынская; упом. въ Клинц. подл.

Гербовицкая, въ Успенск. Гербовицк. мон. близъ Кишинева; яв. 30 сент. (Странникъ 1866. Февр.).

Германовская или **Ерманская**; яв. 7 апр. 732 г. въ Царьградѣ (Небо новое, 121). Празд. 12 окт. (Пановъ, 26).

Геронтисса, т. е. Старица; въ Аѳонск. монастырѣ Пантокра-

тора; умножила елей въ пустыхъ сосудахъ монастырскихъ (Вышній покровъ Аѳона 79).

Гидлянская; явил. 3 марта 1082 г. въ землѣ Лядской, назыв. Гидля; сдѣлана изъ камня (Клинц. подл.).

Гиспалская, въ г. Гиспалѣ (? Клинц. подл.).

Гликофилусса, т. е. сладкое лобзаніе; въ Аѳонск. Филоѳевск. обители. Праздн. въ понедѣльникъ св. Пасхи (Вышній покровъ, 81).

Глушицкая, рѣзной образъ; въ Глушицкой обители, куда она поставлена препод. Діонисіемъ Глушицкимъ (Поморскіе отвѣты, Рукопись Ундольск. № 503. Москов. Пуб. Муз., л. 37 об.).

Голубицкая; рѣдная икона; отличнаго письма образъ находится въ Москвѣ, въ Преображенскомъ въ Николаев. мол.

Городецкая; см. Галичская.

Городищенская; упом. въ Клинц. подл. См. № 1234 А.

Гребневская, въ Москвѣ, въ церкви Успенія, что на Лубянкѣ. Жители с. Гребни поднесли ее в. к. Дмитрію Донскому, когда онъ возвращался послѣ Мамаева побоища. Поставлена на Лубянку въ 1471 г. Иваномъ III, который бралъ ее съ собою въ походъ на Новгородъ; по его приказанію на поляхъ ея написанъ акафистъ, вмѣсто написанныхъ на нихъ прежде того чудесъ ея (Пановъ, 21. — Жизнь Богор., 295). Праздн. ей 28 іюля (По Клинц. подл. — 21 авг.).

Григоріанская, въ Аѳонск. Григоріанск. монаст.; два раза во время пожаровъ оставалась невредимою (особенно 30 нояб. 1760 г. — Вышн. покр., 97). Пишется на подобіе Аѳонск. Зографск. (свящ. Пановъ, 21).

Грузинская; обрѣтева въ Двинск. области въ Черной горѣ, откуда перенесена въ Красногорскій монастырь, называвшійся прежде Черногорскимъ. Явил. 1733 г. 22 авг. Принесена въ Россію изъ Персіи 21 авг. 1629 г. Празд. установ. въ 1650 г. (Свящ. Пановъ, 21). Списки съ этой иконы находятся въ Москвѣ: въ церкви св. Троицы у Варварскихъ воротъ (Истор. Росс. Іер. IV. 796—798) и въ Алексѣевскомъ монастырѣ, а также въ

Раифской Богородицкой пустынь, въ 30 в. отъ Казани (Свящ. Пановъ, 22). См. Черногорскую Богородицу.

Далматская, въ Успенск. Далматск. монастырѣ въ Пермской губ. Принесена строителемъ Далматскаго мон. (Истор. Росс. Иер. IV. 3). Явил. 15 Февр. 1646.

Дамаскинская или **Дамасская**; праздн. 4 дек. (когда праздн. Иоанну Дамаскину). По Клинцов. подл. явилась 9 Февр. 732 г. въ г. Дамаскѣ.

Двинская; по преданію принадлежала Клименту, папѣ Римскому; находится въ деревнѣ Цигломинѣ, Арханг. губ. (Отеч. Зап. 1827 г. № 43).

Девпетерувская; яв. 1392 г.; праздн. 29 Февр.

Дектеурская; упом. у свящ. Панова; пишется на подобіе Амартійской (23).

Дехтеревская; находится въ мѣстечкѣ Дехтеревѣ близъ Кіева; яв. въ апр. 1392 г. (Клинц. подл.).

Долинская; праздн. 13 Февр.; наход. во Франціи, въ Долисеѣ; сдѣлана изъ камня (Клинц. подл.).

Домницкая, въ Домницк. монаст. Черниговск. губ. Явил. 8 сент. 1696 г. (Истор. Росс. Иер. IV. 51.—См. III. 498. № 1235). Въ № 1216 она названа Думницкой.

Донская; см. № 1236 и примѣч.

Евстратьевская; явил. въ 792 г. въ Палестинѣ. Апостать Константинъ потопталъ ее ногами, за что былъ убитъ (Клинц. подл.).

Египетская; явил. 11 янв. 1060 г. (свящ. Пановъ, 24). По Клинц. подл. явил. 29 дек. 82 г. въ Египтѣ.

Египетская, въ Египтѣ; на иконѣ изображены св. Савва Сербскій и Богородица *чернымъ зракомъ преобразена* (Клинц. подл.).

Едесская; явил. 12 марта 411 г. Отъ нея былъ гласъ понамарю ввести Алексѣя челоуѣка божія въ церковь (Клинц. подл.).

Екатериненская; явил. въ 304 г.; была дана старцемъ св. Екатериной (во время ея невѣрія), которая была обручена Христу два раза (Небо новое, чудо 9 и 10).

Елеотчивая или Келарница; см. *Мироточивая*.

Елецкая, въ г. Ельцѣ, въ соборѣ (Орловск. губ.—Истор. Р. Иер. IV. 84). Праздн. 11 янв. Явил. 1060 г. (по Календарю г. Гатцука въ 1550 г.).

Елецкая Черниговская, въ Успенскомъ Чернигов. мон.; явил. 5 Февр. 1552 г. (по Клинц. подл. въ 1060 г.; по № 1216—6 Февр. 6400 г. на елкѣ, на горахъ Болдинскихъ). Описаніе чудесъ ея издано Иоаникіемъ Гаятовск., на славянск. и польск. (Типогр. Новгородъ Сѣверска 4^о).

Ерманская; см. *Германовская*.

Ефесская; см. *Корсунская*.

Живоносный источникъ, см. № 1245 и примѣч.; то же №№ 1239—1244.

Живодательница; см. *Ватопедская*.

Живопріятная или **Предвозвѣстительница**, см. *Ватопедская*; у свящ. Панова она поименована въ видѣ особой иконы: (27).

Жировицкая (у свящ. Панова, 28 **Жировская**; то же и въ № 1216), въ **Жировицкомъ** монастырѣ Гродненск. губ. Явил. 1191 г. 7 мая. (Свящ. Пановъ, 28), а по Гаятовскому въ 1470 (Небо новое).

Загаетская, въ монаст. Загаетскомъ (Упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 125).

Загоровская, въ Загоровскомъ мон.; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 119.

Закланая, въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ; одинъ дьяконъ ранилъ ее ножомъ въ ланиту и потекла кровь, у дьякона же изсохла рука (Краткое опис., лг об.); по другому преданію дьяконъ былъ наказанъ слѣпотой (Письма святоторца, II. 207).

Заоникиевская — **Владимірская**; находится въ Заоникиевской пустыни Вологодской губ. Это списокъ съ Владимірской иконы; явил. въ 1588 г. (Истор. Росс. Иер. IV. 134). По Клинц. подл. явил. въ 1589 г.

Звѣзда пресвѣтлая; явил. въ 792 г. на Аѳонск. горѣ одному старцу во время службы (Клинц. подл.).

Зимнянская, въ монаст. Зимнянскомъ. Упом. въ Богогласникѣ,

(пѣсьнъ 127); съ нея есть гравюра: «Filorowicz sc. Leopoli» (около 1762 г.).

Знаменіе; см. Абалацкая.

Знаменіе — Курская; см. № 1254, прим.

Знаменіе — Мирожская.

Знаменіе — Новгородская.

Знаменіе, что въ Оптинск. пустыни; см. № 1245.

Зографская; находится въ Зографскомъ Аѳонскомъ монастырѣ; явил. въ XII в. Изображеніе ея въ изд. Общ. любит. древн. письмен. № II.

Зосимо-Савватѣевская или Соловецкая, въ соборномъ храмѣ Соловецк. монастыря; изображена съ преподобными Зосимомъ и Савватіемъ; написана въ 1313 году. Упоминается въ поморскихъ отвѣтахъ (Рукоп. Ундольск. № 503. Москов. Публ. Муз., л. 40).

Иверская; см. примѣч. въ № 1258.

Иверская Валдайская; тамъ же.

Играніе двухъ младенцевъ; рѣдкій переводъ, встрѣчающійся въ Строгоновскихъ 3-хъ письмахъ; подраженіе западнымъ образцамъ.

Игрицкая — Смоленская; наход. въ Костромскомъ Игрицкомъ монастырѣ; явил. 1624 г. Праздн. 28 іюля (Истор. Росс. Іер. IV. 288). Это копія со Смоленской (свящ. Пановъ, 33).

Избавительница; въ русскомъ монаст. на Аѳонѣ; пишется на подобіе Григоріанской (Вышній покровъ надъ Аѳономъ, 105).

Избавленіе отъ бѣдъ страждущихъ; въ селѣ Боръ, Тарусскаго уѣзда Калужск. губ.; чудотворная (Свящ. Пановъ, 33).

Ильинская Черниговская; см. №№ 1259—1263, прим.

Ипатьменская или Ипатмецкая; праздн. 15 ноября; въ № 1216.

Исааковская; икона Рождества Богородицы; явил. 492 г. Она помогала Греч. царю Исааку прогнать Кондрата Лонгобардскаго (Клинцев. подл.).

Исааковская; явил. 8 сент. 1659 г. и наход. въ Исааковск. пустыни, Ярославск. губ. Пошехонск. уѣзда, въ верстѣ отъ села Исакова. На иконѣ предст. поясной образъ Богоматери, кото-

рый несутъ священникъ и три инока (Истор. Росс. Іер. IV. 303. — Свящ. Пановъ, 35).

Іерусалимская; находится въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; принесена изъ Царьграда в. кн. Владиміру въ 988 г., а написана апостолами (Клинц. подл.). Подлинникъ похищенъ Французами въ 1812 г.; на мѣсто его поставленъ списокъ, находившійся въ церкви Рождества Богородицы, что на сѣняхъ. Другой списокъ съ нея находится въ Аѳонѣ (Вышн. покровъ, 99). Празднуется 12 окт.

Іерусалимская; наход. въ Троицкой Кривоезерской пустыни. Сказаніе о ней въ Странникѣ 1861 г. Іюнь.

Казанская; см. №№ 1264—1266 и примѣч. къ нимъ. См. Тобольская.

Казанская, что въ Симоновомъ монастырѣ. См. № 1266 А.

Калистратовская; явил. въ Римѣ въ 292 г.; писана Еванг. Лукою (Клинц. подл.).

Калужская; наход. въ церкви села Калуженки, Калужск. губ., а списокъ съ нея въ Калужскомъ соборѣ; Богоматерь изображена на иконѣ живописно, одна, въ образѣ монахини. Икона найдена на чердакѣ служанкою г. Хитрово, въ 1748 г. Праздн. 2 сент. и 12 окт. (Дни богосл. Правосл. Ц. I. 142. — свящ. Пановъ, 37).

Каплуновская; наход. въ Вологодскомъ мужск. монаст.; это д. б. копія съ иконы, находящейся въ Ахтыркѣ и найденной около села Каплунова въ 1689 г. (Слава Богор. III. 18. — Свящ. Пановъ, 37).

Касперовская; наход. въ селѣ Касперовѣ, близъ Херсона. Съ 1852 г. ее носятъ крестнымъ ходомъ въ Херсонъ, и обратно приносятъ въ Касперовку, 29 іюня. Въ находящейся на ней надписи она называется: «прославленная святѣя тысячелѣтняя благосостоянія Россіи», въ числѣ 12-ти наиболѣе православныхъ чудотвореній св. иконъ Богородицы: Киево-Печерской, Боголюбской, Иверской, Грузинской, Владимірской, Черниговской, Смоленской, Казанской, Тихвинской, Курской и Ахтырской; Касперовская занимаетъ въ числѣ ихъ 11-е мѣсто (Свящ. Пановъ, 38).

Нинская; см. Милостивая.

Кипрская; явил. 2 Июня 392 г. (по Клинец. подл. въ 480 г. 10 апр. на мѣстѣ гдѣ погребенъ Лазарь, а по № 1216 июля 9 5900 г.); наход. въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Изобр. икон. Богор., 19). Празд. 20 апрѣля, 9 июля и въ день сошествія св. Духа. Списокъ съ нея наход. въ церкви Никола въ Голутвинѣ, въ Москвѣ. См. тоже Стромынская икона Богородицы.

Кипяжская; праздн. 20 апр.

Китайская; упом. въ Клинец. подл.; не въ Китаевой ли пустыни, что подъ Кіевомъ?

Кіево-Печерская; см. Печерская.

Коломенская; праздн. 9 июля.

Колочская; наход. въ Колочскомъ монастырѣ Смоленск. губ. близъ г. Можайска; явил. въ 1413 г. Списокъ съ нея, заказанный мастерами Оружейной Палаты, находится въ Успенскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Петра и Павла. Праздн. 9 июля.

Коневская; принесена изъ Афона препод. Арсеніемъ чудотв. въ 1393 г. июля 10. Наход. въ Коневскомъ монастырѣ, что на Ладожскомъ озерѣ (Истор. Росс. Іер. IV. 616). Праздн. 10 Июля.

Константинопольская, съ лиліей въ рукѣ. Явил. 11 мая 829 г. (Упом. въ Клинец. подл.).

Коренная; см. Знаменіе—Курская.

Коронованіе Богородицы; см. №№ 1188—1193.

Корсунская—Ефесская; находится въ соборѣ г. Торонца; явил. въ 989 г. 9 окт.; принесена изъ Греціи въ 1162 г. отъ императора Мануила и патріарха Луки княгинею Ефросиніею. Въ одномъ актѣ Торонецкаго собора говорится, что Ефросинія принесла эту икону въ Торонецъ изъ Полоцка и, по заключеніи брака съ кн. Александромъ Невскимъ въ г. Торонцѣ, поставила ее тамъ въ соборѣ подъ именемъ Ефесской (Русск. Вильно 1869 г.; свящ. Пановъ, 26); въ житіи св. Ефросиніи говорится, что икона эта письма Еванг. Луки (Истор. свѣд. о жизни препод. Ефросиніи. 1841, II. 42). Праздн. 9 окт.

Корсунская; копія съ нея въ г. Торонцѣ назыв. *Торонецкой* (?).

Корсунскія упом. у свящ. Панова (40), празд. 9 Окт.; два списка съ предыдущей: одинъ въ уѣзд. городѣ Симбирской губ. Корсунѣ, другой въ селѣ Глинковѣ Владим. губ.

Костромская, см. Федоровская.

Красногорскія иконы Грузинской и Владимірской Богородицы (въ Красногорскомъ монастырѣ, что на рѣкѣ Пинегѣ).

Крымская; яв. 13 июня 982 г. «Сама собой на горѣ изобразилась» (Клинец. подл.).

Ктигорская; см. Алтарицкая.

Кукузелиса, принадлежавшая пѣвчему императ. Алексѣя Комнена—Іоанну Кукузелѣ; наход. въ Лаврѣ св. Аванасія на Афонѣ (Письма Свѣтогорца, I. 177).

Купина неопалимая; см. №№ 1267 и 1268, и прим.

Купятицкая; см. № 1269.

Ласковая; наход. въ Львовскомъ кафедральномъ соборѣ (Клинец. подл.).

Лакернская; см. Влакхернская.

Лидская или **Рымляня;** изобразилась сама собою на столпѣ храма, устроеннаго апостолами Петромъ и Іоанномъ (Клинец. подл.). Списокъ съ нея приказалъ снять патр. Германъ и назвалъ его Римскимъ, пбо икона сама собою ушла изъ Царьграда въ Римъ и пребыла тамъ 112 лѣтъ. Праздн. 26 июня. Сходна съ Тихвинск. Сказаніе о ней въ Воскресн. чтеніи, XVII. 91. См. Тихвинскую, о которой тоже разсказывается, что и о Лидской.

Лопатинская; упомин. въ Клинцов. подл. См. № 1266 Б.

Лорецкая; наход. въ Италіи, въ монастырѣ г. Лоретто; явил. въ 1291 г.

Львовская; явил. 28 апр. 1182 г. въ Львовѣ дьячку Иларіону Симашкѣ (Клинец. подл.).

Любечская; явил. 7 мая 1691 г. Перенесена изъ мѣст. Любечи (Черниг. губ.) въ Кіево-Софійскій соборъ митрополитомъ Гедеономъ (по № 1216. — Силверстомъ). Сказаніе о ней въ Воскресн. чтеніи 1870 г. VIII. 235.

Максимовская; написана въ 1299 г. по видѣнію Максима (грека),

митроп. Владимірскаго, и наход. въ Москов. Успенск. соборѣ. Праздн. 18 апр. (Дни богос., I. 178.—Взглядъ на достопамят. г. Владиміра. М. 1846, 46).

Малетинская, Мальстинская или Мальтійская; праздн. 26 марта. Не она ли *Филермская*?

Мателикійская; яв. въ X в. (991 г.). Праздн. 29 мая (Небо новое, 128).

Мателинитская; изобр. ея наход. въ изд. Общ. любит. древн. письмен. № I.

Мати дѣво, или по № 1216: Мати и дѣва.

Межецкая; явил. 1492 г. близъ Кіева; праздн. 26 февр. наход. въ Кіевѣ, въ Богородицкомъ монастырѣ (По Клиню подл.—явил. 1491 г.).

Милостивая; праздн. 12 нояб. (свящ. Пановъ, 45).

Милостивая—Никская; праздн. 12 окт. (по № 1261—12 нояб.). Наход. на островѣ Кипрѣ (Слава Богор., II. 224 и Жизнь Богор., 335). Тамже есть и другая икона *Милостивая*,— по преданію, одна изъ трехъ, написанныхъ Еван. Лукою и поднесенныхъ имъ Богоматери; она написана безъ Спасителя. У свящ. Панова (45) Кикская написана Ев. Лукою; назыв. отъ горы Кикской; долгое время была въ Египтѣ, потомъ перенесена въ Константинополь, гдѣ находилась до 1082 г. Она закрыта на половину пеленою, такъ что лика Богоматери и Спасителя никто не можетъ видѣть, и дерзновенно подниманіе пелены строго наказывается (Дни Богосл. I. 160).

Минская была въ Кіевѣ при св. Владимірѣ; брошенная Татарами въ Днѣпръ, она явилась въ Минскѣ; теперь она въ правосл. церкви въ г. Минскѣ (Слава пресв. Богор., III. 110).

Мирожская; см. Знаменіе, № 1254.

Мироносицкая; упом. въ книгѣ: Краткое сказаніе о чудотв. иконахъ: Казанской, Седмезерской (Смоленской), Раифской (Грузинской) и Мирносицкой. Москва 1849.

Мироточивая; наход. въ Аѳонскомъ монастырѣ св. Діонисія (Кратк. опис. 20 монаст., л. ѳ. — Вышн. покровъ Аѳона, 63).

Мироточивая; см. Пименовская и Писійская.

Міасинская; праздн. 1 сент. 842; находилась сперва въ Міасинской обители въ Арменіи, близъ г. Милетина; во время иконоборства была брошена въ озеро, откуда черезъ 100 лѣтъ явилась безъ всякой порчи (Свящ. Пановъ, 47).

Млекопитательница, или Типикарница; наход. въ Аѳонск. Хиландарскомъ монастырѣ въ часовнѣ, по правую сторону церковной двери (а не по лѣвую, по принятому правилу.—Слава пресв. Богор., III. 104). Принесена на Аѳонъ Саввою Сербскимъ изъ Саввинскаго Звенигор. монастыря; изображеніе ея помѣщено въ изд. Общ. любит. древн. письмен. № II.

Моденская; праздн. 20 іюня; наход. въ селѣ Косинѣ Московскаго уѣзда, куда привезена гр. Шереметьевымъ изъ г. Модены (Письма святог. II. 170). Замѣчу при этомъ, что въ Устюжскомъ уѣздѣ есть Моденскій монастырь на рѣкѣ Моденкѣ.

Молдавская; праздн. 13 марта; наход. въ Старониколаевскомъ Молдавскомъ монастырѣ въ г. Николаевѣ (Небо новое).

Молдавская на Аѳонѣ; наход. тамъ въ Молдавскомъ скитѣ Лавры св. Аванасія. Прославилась чудесами въ 1863 г. (Вышній покровъ надъ Аѳон., 115).

Молченская; явил. 24 апр. 1606 г. на болотѣ Молче; перенесена въ Молченскую Софроніевскую обитель, близъ г. Путивля, въ 1656 г. (Истор. Росс. Іер. V. 97; VI. 186).

Мохнатинская; см. № 1271 и *Руденская*.

Муромская; наход. въ соборѣ Рожд. Христова въ Рязани, куда перенесена изъ Мурома въ 1291 г. архіеп. Василиемъ. Празднованіе установлено съ 1810 г. 12 апрѣля (Дни богосл., I. 175.—Жизнь Богородицы. Спб. 1860, 245).

Нарвская; явилась въ г. Нарвѣ, при осадѣ ея русскими войсками, въ 1558 г. (Слава Богор., III. 101).

Неаполитанская, въ церкви Monte Vergine, письма Ев. Луки.

Небо Новое; см. III. 514. **Неопалимая купина;** см. *Купина*.

Непорочная дѣва; изображеніе этой иконы находится въ числѣ

гравюръ Почаевской Лавры (Труды Кіев. Дух. Акад. 1880. № 4, 679).

Непрская, или Днѣпрская; см. III. 515 Онаже *Ченстоховская*.

Нерушимая стѣна; мозаическое изображеніе Богоматери въ ростъ, съ поднятыми кверху руками, на алтарной стѣнѣ Кіево-Софійскаго собора. Въ продолженіи 8 вѣковъ стѣна, на которой изображена Богоматерь, оставалась нерушимой.

Не рыдай мене мати; съ западнаго перевода: это Итальянская Pieta, или Богоматерь, оплакивающая Спасителя, стоящаго во гробѣ.

Неувядаемый цвѣтъ; праздн. 3 апр. (Упом. въ Клинци. подл.). См. № 1273 А.

Нечаянная радость; явленіе, описанное въ Рунѣ Орошенномъ (на л. 90). См. №№ 710 и 711.

Никейская; см. Антиохійская.

Новгородская — Сѣверская; явил. 20 дек. 1301 г.; наход. въ Новгородѣ Сѣверскомъ, Чернигов. губ.

Новгородская, что въ Воскресенскомъ монастырѣ на Красномъ полѣ; явилась въ 3-мъ году. Упомян. въ Поморскихъ отвѣтахъ (Рук. Ундольск. № 503. Моск. Публ. Муз., л. 43).

Новгородская; явил. 6677 г. 27 нояб.; упом. въ № 1216.

Новгородская; написана Петромъ Митрополитомъ во время пребыванія его въ Волынской землѣ, въ устроенномъ имъ монастырѣ надъ рѣкою Рѣтью, въ урочищѣ Новый Дворецъ; во время унии вынесена въ Елецко-Чернигов. монастырь, а теперь наход. въ Суражскомъ Чернигов. монастырѣ. По Клинцов. подл. явил. 20 дек. 6870 г. и наход. въ обители Дворцы, подлѣ г. Курска, гдѣ Петръ Митрополитъ былъ игуменомъ. Списокъ ея наход. въ дворцовой церкви Спаса Преобр. въ Москвѣ.

Новоникитская; явил. 15 сент. 312 г. великомуч. Никитѣ. Въ Москвѣ у Спаса за золотой рѣшеткой находится списокъ съ нея (свящ. Пановъ, 53).

Новосамборская; упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 134.

Овиновская — Успеніе; праздн. 15 авг.; наход. въ Паисіевскомъ

монастырѣ въ Костромск. губ.; принадлежала Иоанну Овинову. Празднованіе ей установлено при в. к. Василіѣ Васильевичѣ, 15 авг. 1433 г., когда онъ взялъ г. Галичъ и унесъ оттуда эту икону; но икона возвратилась на прежнее мѣсто.

О всепѣтая мати; праздн. 6 октября (Свящ. Пановъ, 54).

Огневидная; праздн. 10 февр.

Одигитрія, — по гречески это слово значитъ: «Путеводительница». См. № 1225. Примѣч.

Одигитрія, что на Авоиѣ; наход. въ обители Канофской; прославилась съ 1730 г., когда перенеслась невидимо изъ Ватопеда въ Канофскую обитель.

Одигитрія, что въ Вознесенскомъ монастырѣ въ Москвѣ (свящ. Пановъ, 55). См. № 1225.

Одигитрія — Смоленская; см. Смоленская.

Одигитрія, что въ Христофоровой Богородицкой пустыни, въ Вологодской епарх.; копія съ предъд. (Свящ. Пановъ, 55).

Озерянская; явил. въ XVI в.; находится въ Преображенскомъ Курежскомъ монастырѣ въ Харьковск. губ. Приносится въ крестныхъ ходахъ въ Харьковъ 30 сент. и 23 апр.

Оковицкая; явил. 8 июля 1539 г. Наход. въ г. Ржевѣ въ приходской церкви ея имени. По Клинци. подл. явил. 11 іюня 1539 г.

Оранская; праздн. 21 мая; наход. въ Оранской пустыни въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода. Явил. въ 1629 г. Это копія съ иконы Владимірской Богородицы (Нижегород. Губ. Вѣд. 1840. № 12. — Свящ. Пановъ, 59). Каждую весну икона эта приносится въ Нижній Новгородъ.

Орловская; яв. 28 мая 1643 г. во Владимірѣ: «бысть гласъ Григорью Павлову купить ея въ ряду у Ивана Калистратова, и перенести въ Устюгъ на мѣсто Орловскія власти» (Клинци. подл.).

О тебѣ радуется; см. №№ 1199 и 1200.

Отрада и Утѣшеніе; см. Ватопедская.

Пахромская; явил. 3 дек. 1472 г. на рѣкѣ Пахрѣ, около Москвы; изъ нея шла кровь (Рукопись Моск. Общ. Истор. № 213, л. 149. об.).

Пермская; празднуется 4 июля (Указат. Хавскаго. М. 1856, I. 21.)

Петровская; праздн. 24 августа. Въ Москов. Успенск. соб. Писана Петромъ митрополитомъ и имъ принесена въ Москву въ 1323 г. Въмѣстѣ съ Ѳеодоровской Богородицей она была выносива во время избранія на царство Михаила Ѳеодоровича (Истор. Росс. Иер., VI. 648).

Печерская—Кіевская, Успеніе; праздн. 9 мая; наход. въ соборной церкви Кіево-Печерской Лавры надъ царскими воротами (подъемная). Украшена драгоценностями отъ кн. Потемкина Таврическаго. Принесена греческими мулярами въ 1703 году (Обозр. Кіева Фундукля. 1847, 66).

Печерская Кіевская; см. №№ 1274 и 1275, а также *Ярославская Печерская*.

Пименовская; явил. 6 іюня 6896 г. (8 Іюля 1388 г.—Свящ. Пановъ, 58). Въ Москов. Благовѣщ. соборѣ; принесена изъ Царьграда митрополитомъ Пименомъ въ 1381 г. (1368?); въ Благовѣщ. соборѣ перенесена въ 1491 г.; называется мироточивою, ибо источала миро (Слава пресв. Богор., 106).

Писійская или Писидійская; явил. 692 г. 10 сент. въ г. Созополѣ. Изъ рукъ ея текло миро (Клинц. подл.).

Подгорѣцкая; упом. въ Богогласникѣ (пѣснь 122).

Поддубецкая; упомин. въ Богогласникѣ (пѣснь 120) эта икона находилась въ западно-русскомъ краѣ; съ нея есть гравюра на мѣди: «Andreas Holota Sculp. A. D. 1733» (Труды Кіев. Дух. Акад. 1880. № 4, 679).

Подмебеченская; см. № 1275 А.

Поднаменецкая, упом. въ Богогласникѣ (пѣснь 135).

Покровъ Богородицы; см. №№ 1194—1197.

Положеніе пояса Богоматери; праздн. 31 авг. Поясъ былъ отданъ Богородицею Апостолу Ѳомѣ, который не присутствовалъ при ея успѣнїи и вернулся только на третій день послѣ онаго;—онъ не повѣрилъ ея успѣнїю; тогда Богородица сбросила ему съ неба свой поясъ и за тѣмъ самъ Ѳома былъ принесенъ къ ней на

облакъ (Небо новое, 28). Повѣсть эта рассказана въ Золотой Легендѣ Іакова де Ворагине (Legenda aurea. Legende dorée. Paris. 1843, I. 275)*. Поясъ этотъ хранился въ ковчегѣ, въ церкви Богоматери, построенной императ. Ѳеодосіемъ младшимъ. Празднество положенія пояса установлено въ X вѣкѣ, по случаю исцѣленія имъ императрицы Зои (Четыи Миней, 31 августа).

Положеніе ризы Богородицы; праздн. 2 іюля; риза эта была похищена въ Іерусалимѣ Гальбіемъ и Кандидомъ, принесена ими въ Царьградъ и положена въ особо для нее устроенномъ Влахернскомъ храмѣ (Богослуж. правосл., церкви протоіерея Дебольскаго).

Полонская (Полоцкая?); упомин. въ Клинци. подл.

Попская (т. е. Іерейская) въ Аѳонск. Хиландарск. монастырѣ (Сказан. о земн. жизни пресвят. Богор., 275).

Похвала Богородицы; см. №№ 1203—1207.

Почаевская; см. №№ 1276—1296.

Предста царица яко царь царемъ; такъ называется образъ, въ срединѣ котораго возсѣдаетъ на престолѣ Спаситель, а по сторонамъ его предстоятъ Богородица и Предтеча. Древній образъ «Предста царица» находится въ числѣ мѣстныхъ иконъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; о немъ упоминается и въ Поморскихъ отвѣтахъ (Рукопись Ундольск. № 503. Моск. Пуб. Муз., л. 43 об.).

Предвозвѣстительница — Ватопедская. У свящ. Панова она поставлена особой иконой, въ Аѳонской Костамонитской обители. Прослав. 2 августа (Вышній покровъ надъ Аѳономъ, 85).

Прежде рождества дѣва; празднов. 17 октября.

Прибавленіе ума; г. Виноградовъ видѣлъ такую икону въ г. Рыбинскѣ (Извѣст. Спб. Археолог. общ. IX).

Призри на смиреніе; въ Псковскомъ соборѣ; явил. 16 сент. 1420 г. на Каменномъ озерѣ. См. № 1297.

*) Въ церкви св. Лаврентія, въ землѣ Влоской (Валахїи) находится перстень, которымъ препод. Іосифъ былъ обрученъ съ Богородицею (Небо новое, 28).

Прилуцкая, наход. въ Прилуцкомъ монастырѣ; ей молился препод. Дмитрій Прилуцкій. Упоминается и въ поморскихъ отвѣтахъ (Рукописи Ундольскаго. № 503 въ Моск. Публ. Музеѣ, л. 36).

Присно Дѣво; праздн. 25 марта, съ III в. Принята во всѣхъ церквахъ съ VII в.

Псково-Печерская, Успеніе; праздн. 15 авг., 7 окт. и въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ. Наход. въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. Явилась 1472 г. въ 56 верст. отъ г. Пскова. Праздн. съ 1523.

Псково-Покровская; наход. въ Псковской Покровской церкви, а списокъ съ нея въ Москов. Успен. соборѣ, въ прид. Петра и Павла; праздн. 4 ноября съ 1581 г., послѣ осады Пскова Батріемъ. Богородица написана на иконѣ вмѣстѣ съ препод. Антипіемъ и Корниліемъ, княз. Кіевск. и Псковск. Гавріиломъ и Тимоѣемъ и съ Николаемъ Юродивымъ Псковскимъ. Чудесное шествіе ея по воздуху и избавленіе ею Пскова отъ осады описано у свящ. Панова (стр. 61).

Псковская; явил. въ Чирской волости 16 іюля 1420 г.; отсюда перенесена въ г. Псковъ, въ соборъ (Свящ. Пановъ, 60).

Пугинская, въ монаст. Пугинскомъ. Упом. въ Богогласникѣ, пѣснь 127.

Путивльская; явил. 1238 г. 2 мая; наход. въ Путивльскомъ Печерскомъ монастырѣ Курской губ. Сходна съ Молченской (Пановъ, 62). По Клинец. подл. она явилась въ 1632 г.

Пѣнежская; упом. въ Клинец. подл.; это вѣроятно одна изъ иконъ, находящихся въ Красногорскомъ монастырѣ: см. *Грузинская* и *Черногорская*.

Раифская; см. *Грузинская*.

Ратьковская; явилась въ селѣ Руднѣ въ 1867 г. — Календ. Гатцука на 1876 г.

Решневская, въ селѣ Решневѣ близъ Почаева; съ нея есть гравюра на мѣди, работы Адама Гошемскаго (Труды Кіев. Духовн. Акад. 1880. № 4, 679).

Ржевская Одигитрія; явил. 11 іюля 1540 г.. Въ 1540 г. была

приносима вмѣстѣ съ крестомъ изъ Ржева въ Москву для поновленія (Выходы царей, Строева; Алфавитъ, 79). Находится въ Москвѣ, въ церкви Ржевской Божіей Матери, что у Пречистенскихъ воротъ.

Римская, см. *Лидская*; по Клинец. подл. это другая икона противъ Лидской. Она явилась 696 г. 12 марта папѣ Григорію Римскому; наход. въ придѣлѣ Павлиновомъ въ Римѣ; письма Еванг. Луки; блѣднѣла во время страстной недѣли и пасхи. Вырѣзана она изъ камня *Маферъ* (Небо новое, 125). Въ Москов. Благов. соборѣ есть съ нея копія, съ означеніемъ что самая икона явилась 8 іюня 1388 г.—Сказан. о чудесахъ ея см. Небо новое, 71 и въ Соборникѣ, Москва 1647 г.

Рождество Богородицы; праздн. 8 сент. установлено въ IV вѣкѣ; (Дни Богосл., II. 113) и продолжается 6 дней (7—12). См. *Исаковская Богородица*.

Ростовская; см. № 1297 А.

Ругодивская; упом. въ Клинец. подл.

Руденская (Рудневская); явил. 12 окт. 1687 г., въ монастырѣ Руднѣ Могилевск. губ.—По Клинец. подл. явил. 1191 г. 15 апр. въ селѣ Мохнатинкѣ, близъ Кіева; перенесена въ Кіево-Софійскій соборъ. См. тоже № 1271; *Мохнатинская* (она же?)

Рышковская; упом. въ Клинец. подл.

Рѣпицкая; въ г. Черниговѣ, въ Борисоглѣбск. церкви; явил. въ селѣ Рѣпкахъ (Истор. Рос. Іер., IV. 35).

Радитенская; явил. 6 іюля 1338 г. въ Новгородѣ, въ церкви Троицы (Клинец. подл.) при митрополитѣ Теононостѣ; стояла на воздухѣ и источала слезы (Поморскіе отвѣты—Рукоп. Ундольск. № 583. Московск. Пуб. Муз.)

Сабавдѣйская; явил. 11 дек. 1192 г.; Лютеръ укололъ ее мечемъ, и пошла кровь (Клинец. подл.).

Свинская; явилась при кн. Даніилѣ Александровичѣ и при митрополитѣ Максимѣ Грекѣ въ 1288 г.—Упомян. въ Поморскихъ отвѣтахъ (по листу съ изображеніями 80 Богородицъ, явленіе

ея означено 17 августа 6726 года). Въ концѣ XVII столѣтія существовала еще извѣстная Свинская ярмарка.

Свѣнская-Печерская; писана препод. Алимпіемъ, иконописцемъ Кіево-Печерской Лавры, гдѣ и находилась. Въ 1288 г. ослѣпшій князь Романъ Мих. Черниговскій получилъ отъ нея исцѣленіе и построилъ ей Свѣнскій монастырь, гдѣ она и поставлена (въ 3-хъ верстахъ отъ г. Брянска, Орловск. губ.). Праздн. 3 мая. Богоматерь изображена на ней вмѣстѣ съ препод. Антоніемъ и Феодосіемъ.

Святогорская; явил. въ 1569 г. на Святой горѣ и находится въ Святогорскомъ монастырѣ, въ Псковск. губ. По Клинцов. подл. явилась 1 нояб. 1092 г., а по № 1216—17 іюля 6256.

Святоильинская; праздн. 10 марта.

Себежская, въ селѣ Липкахъ, Смоленск. губ. — См. календ. Гатцука 1879 г.

Седміезерская; въ Седміезерской Богородицкой пустыни, въ 19 верст. отъ Казани на семи озерахъ, составляющихъ нынѣ одно озеро. Съ 26 іюня по 26 іюля приносится въ Казань, въ память моровой язвы, бывшей въ 1654 и 1771 годахъ. Еще праздн. ей 13 октября въ память перенесенія ея изъ Устюга монахомъ Ефиміемъ. Сходна со Смоленской (Истор. Рос. Іер., IV. 75). Смотри: Сказаніе о Казанской Б. м. М. 1849.

Селигерская; наход. въ Ниловой пустыни на озерѣ Селигерѣ, Тверской губ.; называется келейной чудотв. Владимірск. иконой. Праздн. ей 26 мая и 7 дек. Принесена препод. Ниломъ Столбенскимъ.

Семигородская — Успеніе Богоматери; явил. 1593 г.; исцѣлила старицу, которая для нея построила Семигородскую обитель въ Вологодск. губ., въ Кадниковскомъ уѣздѣ, гдѣ она находится и до нынѣ (Истор. Рос. Іер., IV. 81). Она писана препод. Діонисіемъ Глушицкимъ въ XV в.

Силуанская; праздн. ей (1 авг.) установлено императоромъ Мануиломъ, по поводу побѣды надъ Сарацынами въ 1158 г.

Синайская; явил. 18 сент. 1491 г. на горѣ Синаѣ въ церкви (Клинц. подл.).

Сихомская; упомин. въ календарѣ Гатцука на 1879 г.

Сицилійская; явил. 1082 г. 5 февр.

Скоропослушница; въ Афонск. монаст. Дохіарѣ (Кратк. опис., л обор.); явил. въ 1664 г.—Праздн. во вторникъ Пасхи (Письма Святог., II. 136).

Сладкое лобзаніе; см. Гликофилуса.

Сладколюбивая; наход. въ монастырѣ св. Ильи на Афонѣ. См. № 1297 Б.

Словенская; явил. 1635 г. 23 сент.; находится въ упраздненной Словенской Богородичной пустыни, Костромск. губ. По Клинц. подл. явил. 21 сент. въ Нижегородск. губ.

Слово плоть бысть; праздн. 9 марта по Клинц. подл. (1 марта по свящ. Панову, 66).

Смирневская; явил. 6 февр. 892 г. въ г. Смирнѣ (Новое Небо, 10).

Смоленская; см. Игрицкая.

Смоленская Одигитрія; наход. въ Смоленскѣ въ соборѣ. Принесена изъ Греціи въ 1046 г. дочерью Константина Порфиророднаго, который, выдавая ее за кн. Всеволода Ярославича Черниговскаго, благословилъ этою иконою (3 мая 1101 г.). Въ 1239 угодникъ Божій Меркурій убилъ при ея помощи исполна въ полчищахъ Батыевыхъ. Праздн. установлено ей въ 1525 г. 28 іюля въ память принесенія ея изъ Москвы въ 1404 г. (Дни Богослуж. I.—Свящ. Пановъ, 54). *Смоленскую* икону Богоматери (съ другими иконами) привезъ въ Москву въ 1404 г. послѣдній князь Смоленскій Юрій Святославичъ, изгнанный Витовтомъ. По ходатайству Смоленскаго епископа Михаила, икона эта возвращена въ Смоленскъ, въ 1456 г. 18 янв., списокъ же съ нея оставленъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ 28 іюля (Выходы царей, Строевъ; алфав., 67). Другой списокъ со Смоленской находится въ церкви Рождества на сѣняхъ, третій въ Благовѣщен-

скомъ соборѣ. Она писана Еванг. Лукой. Въ 1669 г. икона эта была еще разъ въ Москвѣ.

Смоленская; см. Седмезерская.

Смоленская, что подъ Ярославлемъ; праздн. 12 окт.

Соболевская; явил. 20 ноября 1282 г., подъ Кіевомъ (Клинц. подлин.).

Сокольская; явил. 25 февр. 1172 г.; наход. въ Сокольскомъ монастырѣ Полтавск. епархіи, въ 3-хъ верстахъ отъ мѣстечка Соколки (Истор. Росс. Іер., VI. 174.). Это списокъ съ Ченстоховской. См. № 1315. Прим.

Соловецкая; см. Зосимо-Савватіевская.

Сосновская; явил. у Сосновской губы въ Соловецкомъ монастырѣ; наход. тамъ въ соборн. церкви Преображенія (Опис. Соловецк. мон. 1836 г., стр. 234—236).

Спасительница утопающихъ; въ селѣ Ленковѣ, въ 8 верстахъ отъ Новгорода Сѣверска, Чернигов. губ. Около этого села водоворотъ; пловцы, сгоняя барки, бросаютъ здѣсь жребій, кому остаться на баркѣ и проходить водоворотъ, при чемъ служатъ молебень этой иконѣ (Извѣст. Русск. Геогр. Общ. 1848. Вып. 3).

Споручица грѣшныхъ; наход. въ Николаевск. Одринѣ монастырѣ г. Карачева, Орловской губерніи. Списокъ съ нея (сдѣлан. Ѳоминымъ въ 1849 г.) наход. у Николаы въ Хамовникахъ въ Москвѣ. Праздн. 29 мая и 7 марта. Сказаніе о ней въ Странникѣ 1867 г. Февр.

Старусская; праздн. 4 мая; явил. въ 1570 г. По свящ. Панову это точный списокъ съ Тихвинской; наход. въ мужскомъ монастырѣ въ Старой Русѣ. Подлинная Тихвинская была приносима въ Старую Русу и оставалась тамъ по долгу; но по случаю мора была обратно унесена въ Тихвинъ. Старорускій списокъ огромнаго размѣра: болѣе сажени длиною и болѣе 2-хъ аршинъ шириною (Свящ. Пановъ, 69). По Радшину, Старорусская икона находится въ Тихвинскомъ мужскомъ монастырѣ, куда принесена 250 лѣтъ тому назадъ по случаю мора, а въ Старой Русѣ оставленъ съ нея списокъ (стр. 379).

Стисоново прореченіе; у свящ. Панова стр. 65. По описанію, это есть Умягченіе злыхъ сердець № 1305.

Страстная, см. № 1298.

Стромиловская или Струмболово-Каменецкая; въ Львовскомъ монастырѣ. Стромилово-Каменецкомъ; явил. въ 7161 (1653) 15-го ноября. Упомянута въ Богогласникѣ, пѣснь 132.

Стромынская; въ селѣ Стромыни Москов. губ.— По свящ. Панову это копія съ Кипрской, находящейся въ Москов. Успенскомъ соборѣ (38); но по изобр. Иконъ Богор. 1853 г.—это другая икона противъ Кипрской. На ней изобр. Богородица, два ангела, препод. Поташій и Фотинія. См. изд. Общ. любит. древн. письм. II.

Суражская, въ г. Суражѣ; явил. въ XIII в.; праздн. 20 дек. (Указатель Хавскаго, 26).

Сурдецкая; явил. въ 1530 г. въ вотчинѣ Сурдекъ, Ковенск. губ. Вилькомирск. уѣзда, въ 36 в. отъ Поневѣжа. Наход. въ Сурдецкомъ монастырѣ; праздн. 15 авг. (Западн. русск. мѣсяцесл. М. 1868, 74).

Сырковская; списокъ съ Владимірской; присланъ въ Сырковъ Новгородскій монастырь въ половинѣ XVI вѣка (Истор. Росс. Іер. VI, 340—356).

Сямская; праздн. 8 сент.; явил. въ 1524 г. (по Клинц. подл. въ 1591 г.); наход. въ Сямскомъ монастырѣ въ Вологодск. уѣздѣ, въ 70 в. отъ Вологды (Истор. Русск. Іер., VI. 359).

Тамбовская; въ Тамбовѣ, въ церкви Архид. Стефана. Явил. 16 апр. 1692 г.

Терванская; явил. 14 мая 892 г. Избавила отъ нашествія нѣмцевъ (Клинц. подл.—Небо новое, 105).

Теребинская, въ Теребинской Николаевской пустыни Тверской губ.; праздн. 14 мая. (Истор. Росс. Іер. VI, 364).

Тернопольская, въ г. Тернополѣ; упомина. въ Богогласникѣ, пѣснь 131).

Тивровская; въ г. Тивровѣ; упом. въ Богогласникѣ; пѣснь 129.

Типикарница; см. *Млэкѣпитательница.*

Тихвинская; см. № 1299—1301.

Тихвинская, что въ Новгородѣ, въ кладбищенской Воскресенской церкви. Тамъ же.

Тихвинская: «явилася Богородица понаморю Юрьшу». Тамъ же. См. тоже *Старорусская*.

Тобольская; праздн. 5 августа (Свящ. Пановъ—5 июля); наход. въ Тобольскомъ каедр. соборѣ. Это списокъ съ Казанской, найденный у колодца и обезображенный татарами (Странникъ 1860. Май, 136).

Толгская; явил. 8 авг. 1314 г. архіепископу Ярослав. Трифону или Прохору, въ 7 верст. отъ Ярославля, на р. Толгѣ, при впаденіи ея въ Волгу, и поставлена тамъ въ Толгскомъ монастырѣ, въ кедровомъ бору.

Торопецкая; копія съ *Корсунской*, въ г. Торопцѣ (Клинц. подл.).

Тотемская; см. *Тумбовская*.

Трапезонтская; явил. 9 марта 781 г. въ Антиохіи; сама изобразилась на доскѣ, которую Еванг. Лука приготовилъ для написанія иконы.

Требовльская; явил. 6 апр. 1655 г., въ Малороссіи, у рѣки Буга; плавала (Небо новое, 128).

Трехъ радостей; явил. 26 дек., въ церкви Троицы на грязяхъ въ Москвѣ (на Покровкѣ). Одна молещница получила отъ нея три радости: мужа изъ ссылки, сына изъ плѣна и имѣніе изъ казны (Москов. Епарх. Вѣд. 1869 г. № 11.—Свящ. Пановъ, 74).

Тригурина; упом. въ Клинц. подл.; см. № 1304 В.

Троеручица; см. № 1302—1304.

Троеручица; въ Бѣлобережск. пустыни Орловск. губ.; принесена изъ Аѳонск. Хиландарск. монастыря въ 1661 г. Праздн. 28 іюня (Воскресн. чтен. XVII. 114).

Троеручица; списокъ съ Хиландарской, въ церкви Покрова въ Голикахъ въ Москвѣ. Праздн. 12 іюля.

Тумбовская или **Тотемская**; явил. въ 992 г. апр. 16 (№ 1216) на *«выспе названной тумба»* (Клинц. подл.). Праздн. 9 сент.

Тупичевская; праздн. на другой день пятидесятницы (свящ. Пановъ, 76), 15 авг. и въ день сошеств. св. Духа. Наход. въ Туши-

чевскомъ Святодуховскомъ монастырѣ, въ Могилевской губерніи; перенесена изъ г. Мстиславля. Сказаніе о ней въ Воскресн. чтеніяхъ. XXII. 275 (Отчетъ Оберъ-Прок. св. Синода за 1847 г. 28).

Туровецкая; что на Туровецкомъ погостѣ въ Великомъ Устюгѣ. Рукописное сказаніе о ея явленіи, со спискомъ ея чудесъ, находится въ Обществѣ Любит. Древн. Русск. письмен. (Подарено туда Л. Майковымъ въ 1879 году).

Тягтюревская; упом. въ Клинц. подл.

Умиленіе; явил. въ 1103 г. 19 марта; наход. въ Смоленскѣ (Свящ. Пановъ, 76).

Умиленіе; въ Псково-Печерскомъ монаст.; извѣстна съ 1524 г. Прослав. въ 1581 г. при осадѣ Пскова Баторіемъ. Праздн. на 7-й недѣлѣ по Пасхѣ и 7 окт. въ память освобожденія Пскова въ 1812 г. отъ Французовъ (Изобр. иконъ, 34.—Свящ. Пановъ, См. № 1304 А).

Умиленіе, что на Черной горѣ (Упом. въ № 1216), въ Святогорскомъ монастырѣ Опочкаго уѣзда Псковск. губ.; явилась въ 1563 г.—Праздн. 17 іюля (Истор. Росс. Іер., VI. 65).

Умягченіе злыхъ сердецъ; см. № 1305—1307.

Услышательница; наход. въ Аѳонскомъ Зографскомъ монастырѣ; поучила св. Косму, како спастися въ безмолвіи (Краткое опис. 20 монастырей Аѳонск., л. ̅ обор.).

Успеніе Богородицы; см. №№ 1172—1184.

Успеніе, что въ Крестовоздвижской церкви, въ городѣ Шуѣ, съ греческ. надписью: «Моленіе раба божія Николая Сокара и матери его Домны 1567 г., мѣсяца іюля 14-го».

Успеніе — Овиновское, см. Овиновская.

Успеніе — Печерское; см. Печерская.

Успеніе — Псково-Печерское, см. Псково-Печерская.

Успеніе — Семигородское, см. Семиградская.

Успеніе, что въ Успенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ; упомин. въ № 1216.

Устюженская, въ г. Устюжнѣ Новгородской губерніи; избавила

Устюжну отъ Ляховъ и Нѣмцевъ. Пишется она какъ Смоленская (Свящ. Пановъ, 80).

Устюжская — Благовѣщеніе; ей молился въ 1290 г. препод. Прокопій Устюжскій о избавленіи города Устюга Великаго отъ каменнаго дождя; празд. по этому случаю установлено 8 іюня. Въ 1567 г. икона эта перенесена въ Московск. Успенск. соборъ, а копія съ нея оставлена въ Устюгѣ.

Утоли моя печали; празд. 25 янв.; наход. въ бывшемъ Воскресенск. монаст. въ Шкловѣ, Могилевск. губ. (Ш. 524); епископъ съ нея въ церкви Николая на Пупышахъ, въ Москвѣ.

Утѣшеніе въ скорбѣхъ и печаляхъ; въ Аѳонск. русскомъ Свято-Андреевскомъ скитѣ; подарена туда въ 1843 г. игуменомъ Виссаріономъ; была приносима въ 1863 г. въ г. Слободской (Свящ. Пановъ, 81); при Богородицѣ изображены на иконѣ: св. Іоаннъ Предтеча, св. Іоаннъ Богословъ, препод. Антоній, Евѳимій, Ануфрій, Савва, Спиридонъ, Георгій Побѣдоносецъ, Николай Чуд. и Димитрій Селунскій.

Филермская; по преданію, писана Евангелистомъ Лукою; принесена изъ Іерусалима въ Царьградъ императрицей Евдокіею и поставлена во Влахернской церкви; отсюда она взята въ XIII вѣкѣ и вывезена рыцарями св. Іоанна Іерусалимскаго сперва на островъ Родосъ, а потомъ на островъ Мальту (въ XVI в.). Когда французы овладѣли Мальтою, рыцари избрали своимъ великимъ магистромъ Императора Павла Петровича и прислали ему въ 1799 году, въ даръ, въ г. Гатчину: эту икону Филермской Богоматери, часть животворящаго древа и правую руку Іоанна Предтечи. 12 октября святѣиши эти перенесены въ Петербургскій Зимній дворецъ; въ этотъ день установлено и празднованіе иконѣ (Воскресн. Чтен. 1844 г. № 90, стр. 263).

Флоренская — Благовѣщеніе; явил. въ 1092 г. Написана Ангелами въ итальянскомъ стилѣ. Упом. въ Клинец. подл. Въ моемъ собраніи есть съ нея древняя гравюра.

Хиленская; явил. 2 авг. 192 г. въ Хиленскомъ королевствѣ (по Клинец. подл.).

Хлѣбная; явилась святому Филиппу, когда онъ былъ на послушаніи въ Соловкахъ, гдѣ она и находится въ церкви Преображенія (Опис. Солов. Мон. 1836 г., 234—237.—Свящ. Пановъ, 82).

Холмская, въ г. Холмѣ Чернигов. губ.; она спасла Холмъ отъ татаръ; ранена ими въ двухъ мѣстахъ саблею и стрѣлою. О ней смотри въ книгѣ: «Phenix tertiatio redivivus sive imago longe vetustissima Virginis Matris Chelmensis gloria gratiarum et miraculorum illustrata. 1684. an. Zamoscii typis» (Небо новое, 115).

Царевоконшайская; явилась въ веси Дальнихъ Кузнецовъ, 1 мая 7155 (1647); наход. въ заштатной пустыни Царевоконшайской въ Казанск. губ.—Вырѣзана на аспидной доскѣ (Клинец. подл.). Истоп. русск. Іер., VI. 647.

Цареградская; явилась въ 1071 г.; праздн. 25 апр. и 17 сент. По Клинец. подл. написана Еванг. Лукою.

Цареградская; явилась 17 сент. 1701 г. (Свящ. Пановъ, 82).

Цесарская; явил. въ 792 г. (по Клинец. подл. 9 апр. 1092, а по свящ. Панову въ 1157 г. 9 апр.) (Крестн. календарь Гатцука на 1869 г.). Наход. въ Аѳонской Ватопедской обители (Клинец. подл.).

Цѣлительница; явил. 18 сент. (Ш. 527). См. № 1316.

Ченстоховская; см. № 1315. См. тоже № 1273: *Непрская и Сокольская*, что на Бугѣ.

Черногорская; въ Двинскомъ уѣздѣ, на Ясной горѣ, на р. Пинегѣ. Явил. 13 авг. 1603 г.; наход. въ Красногорскомъ монастырѣ. Въ этотъ же монастырь былъ принесенъ и образъ Богородицы Грузинской (Клинец. подл.). См. *Грузинскую*.

Черская; явил. 16 іюля 1420 г. близъ Пскова, въ Черской веси (Упом. въ Клинец. подл.).

Численская; праздн. 31 окт. (Клинец. подл.). Пишется какъ Боголюбская, но безъ предстоящихъ (Свящ. Пановъ, 85).

Что ты наречемъ; см. *Благодатное небо*.

Чухломская; см. *Галичская*.

Шуйская; наход. въ городѣ Шуѣ, Владимірской губ., въ соборѣ

Воскресенія Христова. Избавила г. Шую отъ мороваго повѣтрія 11 іюля 1654 г. Праздн. (по этому случаю) 2 ноября, 28 іюля, въ память избавленія отъ холеры въ 1831 г., и во вторникъ св. Пасхи (по поводу исцѣленія бѣсноватаго юноши Іакова). Сходна со Смоленской (свящ. Пановъ, 85).

Югская Одигитрія или Южская; по имени Югской обители, основан. въ 1615 г. старцемъ Дорошеемъ, при рѣкахъ Югѣ Черной и Югѣ Бѣлой, въ 15 верстахъ отъ г. Рыбинска. Праздн. 28 іюля. Пишется подобно Смоленской (свящ. Пановъ, 86). Привезена Дорошеемъ изъ Псково-Печерск. монастыря въ 1615 г. (Жизнь Богородицы, 298.—Истор. Росс. Іер., VI. 55. 56).

Яноборская (по № 2116 Яногорская); пишется на подобіе Лидской и Тихвинской (свящ. Пановъ, 86).

Ярославская, въ Ярославск. кафедр. соборѣ; принесена кн. Василиемъ Константиновичемъ; праздн. 8 іюля.

Ярославская—Печерская; наход. въ церкви принесенія честныхъ древъ при Ярославскомъ архіерейскомъ домѣ; это списокъ Богородицы Печерской. Въ 1823 г. исцѣлила какую то Александру Добычкину (Истор. Росс. Іер., IV. 566.—Дни Богосл., 159). Праздн. 14 Мая.

Яскинская или Яскино-Печерская; принесена въ Кіевъ изъ Царьграда въ 1085 г. По Клинцев. подл. явилась Іоанну пустыннику подлѣ Іерусалима; по № 1216 явилась 6190 г. 5 мая. Праздн. 3 мая. По свящ. Панову явил. 682 г.; праздн. 2 мая (стр. 87).

Яхромская или Ахремская; мѣдный, литой образъ (Клинц. подл.); явил. 14 окт. 1482 г. отроку Косъмѣ при истокѣ р. Яхромы; наход. въ Козьминѣ монастырѣ, въ Юрьевскомъ Польскомъ уѣздѣ, въ 40 верст. отъ г. Владиміра. Подлинная Яхромская икона, по замѣчанію свящ. Панова, находится въ Кіево-Печерской Лаврѣ (стр. 87).

Федоровская—Костромская, Одигитрія, въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ; явилась въ 1239 г. 16 авг. кн. Георгію Квашинѣ, на сосновомъ деревѣ; перенесена въ Кострому изъ Городца, при вел. кн. Василіѣ Георгіевичѣ Костромскомъ и Галич-

комъ. Праздн. ей 14 марта въ память избранія на царство Михаила Федоровича, въ 1613 году. Праздн. ей и 16 авг. въ день явленія. По Клинцев. подл. и по № 1216, принесена въ Кострому великомуч. Феодоромъ Стратилатомъ (отъ котораго и названа Федоровскою), 16 авг. 6147 г. въ *Батыево плыненіе*. Описание чудесъ этой иконы находится въ книгѣ: Жизнь Богородицы. Спб. 1860, стр. 233. Списокъ съ Федоровской иконы поставленъ царемъ Михаиломъ Федоровичемъ въ 1613 г. въ церкви Рождества Богородицы, что на Сѣняхъ, съ установ. празднованія ему 14 марта (Древн. Росс. Вивлюэика, VI. 193; X. 237).

Федотьевская (Феодотьевская); явил. въ 1487 г. въ селѣ Фодотьевѣ, Рязанск. губ.; перенесена въ Рязанск. Успенскій соборъ, гдѣ и находится. Въ 1611 г. съ нея снятъ списокъ, который посланъ въ село Фодотьево. Праздн. 2 іюля въ память избавленія Рязани отъ нашествія Запорожскихъ козаковъ въ 1618 г. (Жизнь Богородицы, 280). По Клинцев. подл. явил. 7 іюля 1294 г.—По № 1216—праздн. 7 іюня.

1120. **Ахтырская Богородица.** Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картины: *г*, копія съ Бекетовской, на синей бумагѣ 1810 года; первая строка молитвы къ Господу заканчивается въ немъ словами: «предлагаю мѣръ»; и *д*, копія съ изд. *в*; послѣднія слова 1-й строки молитвы «многогрѣшныи предлага».

1221. **Образъ Боголюбской Богородицы;** къ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ текстѣ картинки, прибавимъ, что списокъ съ этого образа былъ тоже у Варварскихъ воротъ и что изъ за него началось извѣстное Московское возмущеніе, окончившееся убійствомъ архіепископа Амвросія. Память образу празднуется 25 марта и 18 іюня.

1223. *Тоже.* Въ моемъ собраніи есть первое изданіе (*в*) этого листа, на синей бумагѣ 1810 года, послужившее образцемъ для изданій *а* и *б*; первая строка молитвы въ немъ заканчивается словами: «еси обидімы».

1224 А. Образъ Братской Кременецкой Богородицы, поясной (безъ Спасителя), находящійся въ монастырѣ Братскомъ Кременецкомъ (Bratskim Kremienieckim) Базилианскаго ордена. Гравюра на мѣди, въ листъ, съ подписью: «Joseph Goczemski scul: et excudit 1768».

1224 Б. Повтореніе предыдущей картинки въ четвертку гравированное на мѣди, съ подписью: «Joseph Goczemski sculp. Rzeczaiow: 1767». Оба листа въ моемъ собраніи.

1225. Образъ Владимірской Богородицы въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Празднованіе ей 21 мая въ память поновленія ея въ 1514 г. и избавленія Москвы отъ нашествія Крымскаго хана Махмета Гирея; 23 іюня — въ память избавленія Москвы отъ нашествія (въ 1480 г.) Ордынскаго хана Ахмеда, и 26 августа, — въ память избавленія Россіи отъ нашествія Тамерлана въ 1395 г.; всѣ три съ крестными ходами въ Срѣтенской монастырь. По указу Синода 1722 г. ходъ 21 мая упраздненъ (Древн. Росс. Вивл. X. 299), а потомъ возобновленъ, и совершается въ церковь Владимірской Богоматери (Выходы Царей, П. Строева; Алфав., 13) (Т. III. 493. 494. Сказаніе о ней. М. 1849 г. 472). О принесеніи этой иконы въ Россію, въ Лаврентьевской лѣтописи сказано: «1155... иде Андрей отъ отца своего Суждалю и принесе ида икону святую Богородицу, юже принесоша въ единомъ корабли съ пирогицею изъ Царяграда; и вкова въ ню болѣ тридесять гривень золота, кромѣ серебра и камня драгаго и женчюга, и украсивъ ю постави и въ церкви своей Володимири». Въ Густитской лѣтописи (стр. 303) прибавлено, что икона эта «рукописанія святаго апостола Луки» и взята Андреемъ въ Вышгородѣ, изъ церкви Пирогощи. По другимъ преданіямъ икона эта была принесена въ Константинополь, въ 450 году, при императорѣ Θεодосіѣ младшемъ изъ Іерусалима, а въ половинѣ XII вѣка прислана въ даръ велик. кн. Юрію Владиміровичу Долгорукову, Цареградскимъ патріархомъ Лукою Хризоверхомъ, и поставлена въ Вышгородѣ

въ женскомъ монастырѣ (Степен. кн. I. 295), гдѣ выходила изъ иконостаса на воздухъ (Карамз. II. прим. 383). Нѣкоторые изслѣдователи принимаютъ *Пирогощю* за другую икону Богородицы, отдѣльную отъ Владимірской; иные же, въ томъ числѣ Карамзинъ, основываясь на словахъ Степенной книги, полагаютъ, что изъ Царяграда въ Кіевъ принесена только одна икона Богоматери, *юстемъ кунцемъ Пирогощю* (Степен. кн. I. 253. — Карамз. II. Г. Р. II. прим. 383. — Сравни текстъ картинки, III. 488). Въ 1175 году Ярополкъ отдалъ эту икону князю Глѣбу Рязанскому (Карамз. III. 25 и 27), который однако возвратилъ ее на прежнее мѣсто въ томъ же году.

Въ 1395 году, 26 августа, при вел. кн. Василю Дмитріевичѣ, икона Владимірской Богородицы перенесена въ Москву. Въ Степенной книгѣ подробно описаны чудеса этой первоклассной святыни Московской. Она была поновляема два раза: 1) митрополитомъ Варлаамомъ въ 1514 году и 2) въ 1566 году митрополитомъ Аванасіемъ, который описываетъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «апостоль Лука изящне видѣніе тоя и прочая подобія начерта въ образѣ возраста средня мѣры: святое и благодатное лице ея мало окружіа, продолжающійся носъ достосладности лежашъ на десно, приблизъ пречестнаго лица превѣчнаго ея младенца; персты-же богопріемныхъ ея рукъ тонкостію истонченны» (Снегиревъ, Древн. Росс. Госуд., стр. 5). На этой иконѣ было множество привѣсокъ, которыя по приказанію Петра I-го были сняты и разобраны.

Владимірская икона называется Одигитріей, письмо же ея приписывается Евангелисту Лукѣ. *Одигитрія* по гречески значитъ путеводительница или наставница въ пути. Въ церковномъ Словарѣ Алексѣева сказано, что это названіе было присвоено образу, писанному Еванг. Лукой и поставленному царицей Пульхеріей въ храмѣ въ Царьградѣ; образъ этотъ давалъ исцѣленіе слѣпымъ, которые затѣмъ проводниковъ (*одиγῶ*) уже не требовали. Имя это присвоено въ лѣтописяхъ и актахъ иконамъ: Владимірской, Влахернской, Смоленской, Страстной, Тихвинской, Θεодоровской

и др. Древняя икона *Одигитрія Смоленская* въ Вознесенскомъ монастырѣ, обновленная въ 1483 года (Карамзинъ, Исторія, VI. пр. 629; VIII. пр. 173), почиталась одною изъ главныхъ въ Москвѣ (Акты Археогр. Экспед. II. 29. — Выходы Царей Строева; Алфав. 63). Емерикъ Давидъ называетъ семь иконъ, приписываемыхъ кисти Луки (Hist. de la peinture au moyen âge. Edit. Chagr.); четыре изъ нихъ находились въ Римѣ. Въ нашихъ документахъ упоминаются слѣдующія заграничныя иконы письма Еван. Луки: Вильневская, Римская, Калистратовская (въ Римѣ), Милостивная и Кикская (на островѣ Кипрѣ), Лоретская (въ Лоретѣ), Неаполитанская въ церкви Monte Vergine), Трапезонтская, которая сама изобразилась на иконѣ, для которой св. Лука приготовилъ только доску *). Въ Россіи письма Ев. Луки считаются иконы: Богородица Владимірская, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; Тихвинская, которая сама пришла по воздуху изъ Рима въ Царьградъ, а оттуда на рѣку Тихвинку, Корсунская въ Торопецкомъ соборѣ; Ченстоховская и Филермская.

1228 А. Прибавить: Владимірская Богородица; по сторонамъ поясныя изображенія двѣнадцати апостоловъ; внизу молитва. Листовая картинка, въ моемъ собраніи.

1229. Богоматерь всѣхъ скорбящихъ. Въ моемъ собраніи находится экземпляръ, обозначенный въ описаніи (кн. III) № 1229 какъ изданіе в и напечатанный на синеватой бумагѣ 1810 года.

1234 А. Прибавить Гваделупіанская Богородица съ Спасителемъ на рукахъ; оба въ коронахъ, въ ростъ. На Богородицѣ надѣтъ орденъ золотого руна. Изъ подписи видно, что оригиналь, письма Ев. Луки, находился въ костелѣ Гваделупіанскомъ, а настоящий списокъ съ него сдѣланъ въ Римѣ, по рассказамъ Григорія (Parieza), и поставленъ въ костелѣ Кодненскомъ. Грав.

*) На Scala Santa въ Римѣ показываютъ образъ Спасителя, тоже начатый Ев. Лукою и оконченный ангелами.

на мѣди, въ листъ, съ помѣтою внизу: «Wisztuchowany w R. 1801».

1234 Б. Прибавить: **Городищенская Богородица**. Образъ Богоматери съ Спасителемъ и Антоніемъ Падуанскимъ, находящійся въ Кармелитскомъ костелѣ въ Городищѣ, на Волыни, въ Кременецкомъ повѣтѣ. Грав. на мѣди 8°, съ польскою подписью; въ моемъ собраніи.

1235. Икона **Домниціи Богородицы** находится въ Домницкомъ монастырѣ Черниговской губ.; явилась 8 сентября 1696 г. на р. Домницѣ, въ 9 верстахъ отъ г. Березны (Истор. Росс. Iер. IV. 50).

1236. Икона **Донской Богородицы** находится въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ; она была съ в. к. Дмитріемъ Ивановичемъ на Куликовомъ полѣ; ему же подарена въ 1380 г. отъ Донскаго войска (Дни богос. правосл. I. 236); въ 1591 г. помогла царю Оедору Ивановичу отразить Крымцевъ, вслѣдствіе чего былъ построенъ Донской монастырь, а иконѣ Донской Богородицы установлено праздновать 19 августа. Списокъ съ нея находится въ Донскомъ монастырѣ (по свящ. Панову тамъ находится подлинникъ, стр. 24).

1245. Икона **Богородицы живоноснаго источника** находится въ храмѣ при Балыклеѣ или живоносномъ источникѣ, въ 10 верстахъ отъ Константинополя. Превосходный образъ живоноснаго источника, царскихъ писемъ, есть въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Списокъ, сдѣланный прямо съ подлинника, по заказу епископа Александра, въ 1869 году, находится въ часовнѣ Соловецкаго монастыря, на дорогѣ въ Муксальму. Чудеса иконы подробно перечислены въ книгѣ: «Небо Новое» (30 л.)*); празднество ей установлено въ пятницу на святой, ибо въ этотъ день царь Левъ излѣчилъ водою Балыклея глаза слѣпцу.

*) *Небо Новое*. . . т. е. Преподобная Дѣва Марія Богородица чудами своими, Составленное трудолюбіемъ Иеромонаха Іоанкія Голятовскаго, ректора

1250. **Знаменіе со святыми.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе б, этой картинки (1810 года), съ подписью: «сія похвала прѣвятей богородице напечатана вкниге новаго неба чуда седмаго». Сюда же слѣдуетъ переставить изъ № 1251 и изданіе в, — которое ошибкой занесено подъ тотъ номеръ.

1251. Прибавить: есть еще изданіе г, копія съ предыдущаго; 1-я строка молитвы заканчивается словами «еси радуся». Въ моемъ собраніи. Такая же цѣлебная сила приписывается въ отреченныхъ памятникахъ ношенію слѣдующаго сна Богородицы: «Богородица опочивала въ Виолеемѣ и видѣлась ей во снѣ вся жизнь Спасителя, его страданія и воскресеніе. Возставъ отъ сна она разсказала сонъ Спасителю, и тотъ сказалъ ей, что все видѣнное ею совершится. Въ концѣ прибавлено, что кто этотъ сонъ Богородицы спишетъ и будетъ при себѣ имѣть, того домъ сохраненъ будетъ, и тотъ помилованъ будетъ отъ бури, отъ грома и діавольскія силы, отъ всякаго гада, укушенія змѣи, отъ напрасныя смерти, отъ царя, отъ немилостиваго судьи, отъ лихаго человѣка, отъ падучія болѣзни и «чернижныя смерти»; адъ не приметъ того человѣка, и желѣзо на бою не ранитъ; если прочесть эту молитву надъ женщиною въ тяжелыхъ родахъ, то безъ болѣзни родитъ и будетъ здрава (напечатанъ съ новой рукописи въ Памятн. старин. русск. литературы, III. 128).

1254. На иконѣ Знаменія, Богородица пишется съ воздѣтыми къ небу руками; Спаситель—младенецъ на раменахъ ея. У насъ извѣстны слѣдующія иконы Знаменія:

и игумена м. брат. Кіевс. Могилевъ, типогр. Максима Вошанки, 1699. 4^о. Заглавный листъ этотъ, съ изображеніемъ Богородицы и звѣзднаго неба, гравировалъ на деревѣ, какъ видно изъ подписи, «Василии в.», т. е. Вошанко; на оборотѣ изображено крещеніе Спасителя, той же работы. Впереди книги помѣщенъ пророчества десяти (изъ 12-ти) Сивилль о Богородицѣ; потомъ описаніе чудесъ, бывшихъ при рождествѣ Богородицы (4), рождествѣ Христовѣ (6), бѣжаніи въ Египетъ (11), при жизни Богородицы (7), при ея Успеніи (11), и т. д. Чудеса эти выписаны изъ разныхъ византійскихъ и западныхъ писателей. Въ особыхъ главахъ перечислены чудеса, бывшія отъ иконъ Богородицы Иверской (17), Печерской (40) и Купятицкой (15). Первое изданіе Неба новаго, на польскомъ и польскорусскомъ языкѣ, напечатано во Львовѣ, въ 1665 году.

1. **Абалацкой Богородицы;** ей празднуется 7 и 20 іюля.

2. **Знаменіе Курское — коренное;** явил. 8 сентября 1295 году, въ лѣсу, при корнѣ древа, гдѣ и произошелъ въ то время ключъ. Перенесено въ г. Рыльскъ по приказу кн. Шемяки, который не увѣровалъ въ икону, за что, и былъ наказанъ слѣпотою; послѣ исцѣленъ ею же и построилъ въ честь иконы церковь въ г. Рыльскѣ. Икона отсюда однако возвратилась сама въ Коренную пустынь; затѣмъ она была изрублена Татарами, но найдена іереемъ Боголюбомъ и снова сама срослась въ одну доску. Въ 1597 г. икона эта была приносима въ Москву, гдѣ царями Феодоромъ Иоанновичемъ и Годуновымъ украшена жемчугомъ и серебряною доскою *). Въ 1612 г. при помощи ея Куряне одержали побѣду надъ Поляками, а потому построили въ честь ея въ г. Курскѣ монастырь Знаменскій, гдѣ она и находится доселѣ. Въ память явленія ея въ 1726 г., она ежегодно переносится изъ г. Курска на мѣсто явленія ея въ пустынь, послѣ праздника св. Пасхи въ пятницу 9-й седмицы, — и остается тамъ до 12 сентября (Истор. Росс. Іер. IV. 195 — 204). Сказаніе о Курскомъ Знаменіи напечатано въ 1792 г. въ Курскѣ. Рукопись съ добавленіями, писанная въ 1818 г., находится въ Румянц. Муз. № 391.

3. **Знаменіе Мирожское;** явил. въ 1198 г.; находится въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ; праздн. ему 24 сент. 1567 г. въ память избавленія Пскова отъ моровой язвы. На немъ по правую руку Богоматери изображенъ въ моленіи благовѣрный Псковской кн. Довмонтъ (Тимофеей), а по лѣвую руку его супруга Марія Дмитріевна (Дни богосл. православ. ц. I. 151).

4. **Знаменіе Новгородское,** находящееся въ Знаменскомъ соборѣ въ Новгородѣ, что на Ильиной улицѣ (построенномъ въ 1356 г.); празднованіе установлено ему въ честь чуда, бывшаго 27 ноября 1167 г. во время нашествія на Новгородъ Владимірскаго, Рязанскаго, Муромскаго, Полоцкаго и другихъ князей. Когда вынесъ

*) Икона вставлена въ доску, на которой приписаны, по приказу царицы Ирины Феодоровны въ 1594 г., Саваоель и пророки (Курск. лѣтописецъ). Образъ этотъ носилъ съ собой въ полкахъ Гришка Отрепьевъ (Клинц. подлин.)

икону на стѣну архіепископъ Іоаннъ, одна изъ стрѣлъ непріятельскихъ ударила въ ликъ Богоматери, которая отвернула лице свое отъ осаждающихъ и начала источать слезы; послѣ чего Новгородцы одолѣли враговъ своихъ (Дни богосл. прав. ч. I. 164).

5. **Знаменіе, что въ Оптиной**—введенской пустыни, изображенное на № 1254.

1256 А. Прибавить: «Образъ Пресвятыя Богородицы Иверскія. Грав. Поз. 1834. Декабря 30. С. Г. Филаретъ». Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ и пунктиромъ (лицо и руки); въ моемъ собраніи.

1258. **Образъ Иверской Богородицы.** Въ 1647-мъ году пріѣзжалъ въ Москву собирать подаянія архимандритъ Аѳонскаго Иверскаго монастыря Пахомій; патріархъ Никонъ просилъ его прислать въ Россію хорошій списокъ съ иконы Иверской Богоматери; списокъ этотъ былъ сдѣланъ и присланъ Царю Алексѣю Михайловичу въ 1648-мъ году съ епископомъ Пахомиемъ, іеродіакономъ Дамаскинымъ и келаремъ Игнатіемъ. Написаніе иконы описано Иверскими старцами въ письмѣ Пахомія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Какъ есми пріѣхалъ Пахомій въ нашъ монастырь, собравъ всю свою братію, триста шесть десять пять братьевъ, и сотворили есма великое молебное пѣніе съ вечера и до утра, и святили есмы воду со Святыми мощами, и Святою водою обливали чудотворную икону Пресвятыя Богородицы старую Портанскую, а въ великую чашу ту Святую воду собрали, и собравъ паки обливали новую доску, что сдѣлали всю отъ кипариснаго дерева и опять собрали ту Святую воду, и потомъ служили Божеественную и Святую литургію съ великимъ дерзновеніемъ и вѣрою, и послѣ Святой литургіи дали ту Святую воду иконописцу, преподобно-Иноку Свящяннику и духовному отцу Іамвлиху Романову, чтобы ему смѣшавъ Святую воду съ красками, написать Св. Икону». Во время писанія иконы Романовъ принималъ пищу только въ субботу и воскресенье; а братіи совершали по два раза

въ недѣлю всенощныя и литургіи. «И та икона не рознится ничѣмъ отъ первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни ликомъ,—однимъ словомъ новая, аки старая» (Истор. Росс. Іер. VI. 103). Икона была встрѣчена Царемъ и Патріархомъ у Воскресенскихъ воротъ съ большимъ торжествомъ и поставлена сперва въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ, а 19 мая 1669 года перенесена въ особо для нея устроенную Иверскую часовню (Жизнь пресв. Богородицы. СПБ. 1860. 228)*. Празднуется иконѣ 12 февраля и во вторникъ св. Пасхи, по примѣру Аѳонской обители (Истор. Росс. Іер. IV. 1004).

Списокъ съ Иверской иконы XVII в. находится въ Иверскомъ мужскомъ монастырѣ, Новгородской губер. Валдайскаго уѣзда; на немъ, на поляхъ, написано 12 апостоловъ, вверху два ангела и надпись: ἡ Ποδοτικισσά τῶ ἡβησῶ, т. е. вратъ хранительница, а подъ правымъ плечемъ Богородицы ηδευσά, т. е. «Милостивая» (Жизнь Богор. 333).

1259—1263. **Ильинская—Черниговская Богородица;** находится въ кафедральномъ Троицкомъ Ильинскомъ монастырѣ въ Черниговѣ. Прославилась съ 16 апрѣля 1662 г. Точный списокъ съ нея находится въ Московской церкви 12-ти апостоловъ. По Исторіи Росс. Іер. она напис. въ 1658 г. инокомъ Геннадіемъ. Сказаніе о чудесахъ ея помѣщено въ Рунѣ орошенномъ, л. 103 (текли слезы въ 1662 г.).

1264. **Икона Казанской Богородицы** явилась 8 іюля 1579 г., списокъ съ нея находился при кн. Д. М. Пожарскомъ въ 1612 г. и прославился при очищеніи Кремля 22 октября 1612 г. отъ Поляковъ; по поводу этихъ двухъ событій Царемъ Михаиломъ Оеодоровичемъ установлено праздновать иконѣ 8 іюля и 22 октября,

*) Чудеса отъ иконы Иверской Богородицы перечислены въ книгѣ Небо Новое. Калики переходящія сложили пѣсню о томъ, какъ эта икона была украшена патріархомъ Никономъ (Безсоновъ, Калики, I. 788).

съ крестными ходали (Никоновск. лѣт. VIII. 167. 209.—Выходы Царей, Строева; Алфав. 35). Царь Алексѣй Михайловичъ, по случаю рожденія сына Дмитрія Алексѣевича 21 октября, повелѣлъ день 22 октября праздновать по всей Россіи (Акты Археогр. Эксп. IV. 61.—Никоновск. лѣт. VIII. 209).

Подлинный образъ находится въ Богородицкомъ монастырѣ, въ г. Казани, а списокъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Въ средней Россіи Казанская почитается особенно по тому случаю, что 8 іюля производится перерядка рабочимъ, плотникамъ, каменщикамъ и т. д. Первая ряда имъ идетъ отъ весны до 29 іюня, т. е. до Петра и Павла; вторая отъ 29 іюня до 8 іюля, третья отъ 8 іюля до 15 августа (Успеневъ день) и четвертая отъ 15 августа до Покрова (1 окт.) или же до Кузьмы и Демьяна.

1264 А. Прибавить: **Образъ Казанской Богородицы, съ дѣяньемъ въ 20-ти отдѣленіяхъ.** Картина въ 2½ листа. Всрединѣ представлено какъ «блѣчестивы воеводы и войство російское вооружихася приступити ко граду и вскоре взяша град китаи. праздновати октября 22» и: «во граде кремле велію тѣноту сотвориша ляхомъ и видяше онѣ себе неизбежнуги ѿворіша кремль и предашася». Пониже: «Вдень неделныи собрашася блѣчестивыи воеводы сошвенныи чинои и воинствои. вземъ честныи крты и стыи иконы. поидоша на лобное мѣсто и тамо молебное совершашася». Подъ картинкой: «По смерти блѣчестиваго цря и великаго князя Василія Ивановича всеа Россіи цртвующемъ великому граду Москве грехъ ради нашии ѿ злочестивыхъ ляховъ взяту бывшу тогда убо все росіское воинство ѿ различныхъ градовъ російскія земли подвижеса к нему возложіша все хртіан-

*) По словамъ Свиньина, въ Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ находится списокъ Казанской Богородицы, принесенный изъ г. Казани въ Москву въ 1579 году; списокъ этотъ оставался до 1721 года въ Москвѣ, и за тѣмъ по приказанію Петра I-го перенесенъ въ Петербургъ (Достопамят. С.-Петерб. 1817 г.).

стїи воіни трїдневныи постъ и призывая впомощь Бга и прѣтгую Бга Мтръ и видя Бгъ людей свои к нему ѿбращеніе вскоре милосердіе показа. бысть явленіе внутрь Москвы архіепіскопу некоему гречїну Галасунскаго града. арсенію имянемъ ѿзлочестивыи ляховъ нуждою воосадѣ удержану бывшу его-же дои злочестивїи раграбиша, и уже ѿ глада конечно и немощающу и на конечномъ издыханїи бывшеи внезапно являеся препобный сергїи слышитъ бо архіепіскопъ яко пришедъ некто хкелїи тихо мѣтву соворъ: и видѣ и абие свет вося и гла ему арсеніе се гдѣ услыша молитву рабов свои и мѣтв ради всенепорочныи мтрѣ своея и великии чудоворцевъ Петра Алезїа ионы и а ходатаи бы заутра град сеи гдѣ предаеъ вруце хртїаномъ и враговъ и ниложит. архіепікопже воведе очи свои и видѣ ст҃аго сергїя бл҃га одра поклонїся он же невидѣ бысть и свѣт разыдеса и ощути себе здрава. Грыдоровалъ Мартинъ Нехорошевскїи». Надъ средней картинкой надпись: «влѣто зрѣка Октября. кв. уставїся праздновати чудотворною иконе. пресвтой вл҃цы нашей б҃цы явленной во граде Казанїи вонже день цртвующїи градъ Москва ѿ ляховъ освободїся». Надпись вверху всей картины: «влѣто зпзѣ. При державе бл҃говернаго и хртїолюбиваго гдря цря и великаго князя иванна васильевича всеа росіи самодержца прї свѣтїшем (уголъ оторванъ) . . . нїи Московскомъ и вся росіи и прї архіепіскопе казанскомъ перемїи бысть явленіе сея иконы прѣтгя б҃цы во граде Казани сидевымъ образомъ . . . . . (уголъ оторванъ).

Подписи въ дѣянїяхъ: 1) «явіся икона прѣтгя б҃цы некоего воина дщери именемъ матроне и веляше ей воградити і сказати о иконе архіепіскопу і воеводам да шедше возмут из земныхъ недръ двїца же ѿ неразумїа бояшеса повѣдати».

2) «ѿ оцѣ (?) повременї сказа мтри своей матиже ея ниво-чтоже ѿ семъ вмени».

3) «последїже пакї вїденїи явіся тоїже девїце тояжде икона прѣтгя б҃цы и веляше ей безсомненїя поведати сіе вїденїе двїцаже неедїною но многжды сказоваше мтрї своей явленїе и нїчтоже успеваше ей».

4) «и гласъ бысть ѿ иконы страшен кдевіне аще убо непо-
ведаши взяти икону мою азъ бо имам инде явитися двѣца же
ѿ страшнаго сего вѣденія зело ужасеся паде на землю яко мертва
и лежаша на многъ часъ».

5) «и возопі к матері своей велѣим гласомъ да поведаетъ ар-
хїепіскопу и воеводамъ града того явльшеіся ей иконе престыя
бѣды исказа еі все гл҃гы реченныя яже слыша ѿ стѣя іконы
и место указа».

6) «матѣже ея иде воград к воеводам и двѣу преднімі поставі
и повеле еі да сама глаголь двѣца же поведе имъ гл҃гы яже слыша
ѿ стѣя иконы и место еі указоваше онѣже неверіемъ ѿдержіми
нѣвочтоже о семъ вменіша».

7) «виде мти ѿрковіцы нічто успеваеть прослезися и взявше
дщерь свою иде ко архіепіскопу и поведаетъ ему глаголы и место
сказуетъ дабы велель изяти стѣю икону архіепіскопу не внять
реченыѣ ѿ нея и отсла ю безделну».

8) «тогда к воеводамъ и архіепіскопу мца іюліа въ 6 день
въ 7 часу дне въ часъ же 12. дне взявши жена мотыку и по-
шедшу к показанному месту начат копати многое время и не-
обрете искомаго».

9) «по малеже убо ініи пачаша копати и все мѣсто воскопаше.
и нічтоже ѿбретоша».

10) «дѣца нача копаті явіся чудотворная икона прѣтыя бѣды са-
мая же икона чудотворная светлостію сіяя якоже въ нове вапы
начертана двѣца же взявши пречестную икону со страхомъ и ра-
достію постави на томъже мѣсте».

11) «Люді еже ту во граде слышавше сътекошася бесчїсле-
ное множество непредѣвное то чудо. вопіюще со слезами гл҃юще
спасины».

12) «и пославше вѣсть ко архіепікпу и к первымъ града».

13) «архіепікопъ же и воеводы сплачемъ моляху припадающе
чудотворней иконе мліті просяше ѿ престыя бѣды ѿ согрешеніи
неверіа своего весьже народъ стекшіся хвалу Бг҃ѣ бѣ ѿ обре-
теніи могобогатаго сокровіща во^всылаху».

14) «и повеле архіепіпъ стѣю икону спротчимі стѣими ико-
намі и чт҃ными кр҃ты нести вблѣзь сущую ту цр҃ковь ст҃аго Николая
име зовется толскіи и тамо молебная совершаше».

15) «паки ѿ иконы чюдо ісцели чл҃вка убога имянемъ посѣфа
очіма невідзша три лета также прѣстая бѣа исцели имянемъ Ни-
квту очи болящи и певше молебная всоборней цр҃кви разыдошася
въ дома своя со страхомъ и радостію».

16) «наутрїеже архіепіскъ служивъ бж҃ественную литоргію
народъже собравшеся в церковь к чудотворному ѿбразу овъ злато
овъ сребро і ино что кїждо посіле своего даяше».

17) «архіепіскопъже и воеводы ону икону препісавше явленіе
ея и чудеса напісавше послаше в цр҃твующіи градъ Москву к са-
модержавному гд҃рю цр҃ю і великому кнзю іоантѣ».

18) «яже вѣдеша зело удѣвишася изрядному начертанію ея».

19) «на томъ месте идѣже чудотворныя икона обретесе по-
ставиша цр҃ковь воімя престыя бѣды чт҃наго ея одігитрїа древяную
и мѣтырь двѣ възградіти».

20) «чт҃ную-же эту икону новоявленную престыя бѣды прово-
дїша в мѣтырь смолебнымъ певіемъ яже и до ныне сверою прї-
ходящїмъ многое исцеление подаваетъ». Въ моемъ собраніи.

1265 А. Икона Казанской Богородицы. Въ моемъ собраніи есть
еще изданіе (d) этой картинки, на бумагѣ 1808 года; первая
строка молитвы въ немъ заканчивается словами: «Бг҃а нашего».

1265 Б. См. № 1161 А.

1266 А. *Тоже*. Листовая картинка, гравированная пункти-
ромъ; на поляхъ образа Казанской Богородицы изображены, въ
ростъ, св. Тихонъ и св. Марѣа; внизу подпись: «Истинное Изоб-
раженіе и мѣра Преч. Чудотв. Образа Казанскія Пре-Святыя Бо-
городицы что въ Симоновомъ монастырѣ 183 (? здѣсь сорвано)
въ Москвѣ». Въ моемъ собраніи.

1267 и 1268. Образъ Богородицы купина неопалимая пишется
по видѣнію вѣтхозавѣтнаго пророка Моисея, какъ о томъ поется

въ канонѣ: «Иже во огни показавый Моисеови, еже по плоти на землѣ приходъ твой... Предочистимся и мы божественно во Дусѣ и въ горы Синайскія вѣроу изыдемъ, да видимъ тамъ купину огненосную Дѣвы провозвѣщающія рождество... Якоже бо купина не сгараше опаляема, тако Дѣва родила еси и Дѣва пребыла еси». По четыремъ угламъ иконы пишутся лицевые каноны: 1) «Видѣ Моисей на горѣ Синайской купину огнемъ палиму и не сгорасму»¹⁾; причемъ въ горящей купинѣ изображенъ Спасъ Еммануилъ; 2) «жезлъ отъ корене Іакова и цвѣтъ отъ него Христосъ... отъ Дѣвы прозяблъ есть»; 3) «Іаковъ видѣхъ лѣствицу утвержену на земли и до небеси, ангели божіи восхождаме и низхождаше, Господь же утверждаше на ней», и 4) «Іезекіиль видѣ отъ востока врата затворена, и никто же проиде ихъ, токмо единъ Господь Богъ нашъ». Всрединѣ иконы изображена Богоматерь съ младенцемъ Спасителемъ на колѣнахъ; лице свое она отвратила влѣво, а въ рукахъ ея находятся символы видѣній, написанныхъ въ углахъ иконы: прозябшій жезлъ Іессеевъ, лѣствица Іакова и врата Іезекіиля²⁾; за этими символами въ нѣдрахъ Богородицы видно изображеніе Спасителя, въ образѣ вѣчнаго архіерея. Въ Клинцовскомъ подлинникѣ особенности эти толкуются слѣдующимъ образомъ: «чего ради пречистая пишется въ силахъ; на рукѣ имать младенца трехъ лѣтъ; отъ негоже лице свое отвративше, а въ нѣдрахъ имать другій младенецъ, руками своими пріяте его держаще». Внутри младенецъ отъ отца прежде вѣкъ вѣка невоздоенъ; а еже рукама пріяше внутренняго

¹⁾ Когда Моисей возносился въ облакѣ на Синайскую гору, то на пути встрѣтились ему сперва Ангелъ *Кемуэль*, начальникъ надъ 12.000 ангеловъ, потомъ Ангелъ *Гадраніэль*, который привелъ его въ великій страхъ, ибо имѣлъ ужасный голосъ, раздававшійся въ 200 000 сферахъ, окруженныхъ огнемъ. Обоихъ этихъ ангеловъ Моисей обратилъ въ бѣгство, сказавъ имъ имя Бога: первому изъ 12 буквъ, а второму изъ 72 буквъ (Порфирьевъ, Апокрифич. сказ., 81). Тамъ же упоминается объ ангелѣ *Акрэзіэль*, наблюдающемъ за молитвами; онъ принимаетъ молитвы человѣческія и возноситъ ихъ къ Богу (64).

²⁾ Въ древнѣйшихъ переводахъ неопалимой купины четырехъ угловыхъ приписокъ или *дѣлий* небываетъ; они замѣняются въ нихъ символами, находящимися въ рукахъ Богородицы.

младенца се образъ новаго закона иже млади суще дѣти срътаху Христа с ваиями и вѣтми. А сидящій на рукахъ младенецъ рожденный отъ дѣвы трехъ лѣтъ, есть триличное божество: 1) младенецъ, 2) Царь Іудейскій и 3) Богъ; и еще триличенъ: Іисусъ, Назарянинъ и царь Іудейской; и еще: отецъ, сынъ и святыи Духъ. А что отвратила богоматерь лице свое, — то образъ Іудейскаго отверженія: многи племена отвергошася Христа».

Кругомъ изображенія Богоматери размѣщены изображенія четырехъ евангельскихъ животныхъ, десять ангеловъ съ разными символическими принадлежностями и одиннадцать ангеловъ съ кадилами; названія десяти ангеловъ заимствованы изъ Палеи, въ которой разсказывается, что, кромѣ ангеловъ для служенія Богу и спасенія человѣка, есть ангелы, приставленные къ разнымъ стихіямъ: «ангели облакомъ, ангели мракомъ и ангели градомъ, ангели ледомъ и ангели мгламъ, ангели голотемъ, ангели инію, ангели мразу, ангели росамъ, ангели гласомъ, ангели молніямъ, ангели грому, ангели зноєви, зимѣ, лѣту, весни, осени и всѣмъ созданіемъ его» (Порфирьевъ, 134)³⁾. Эти апокрифическіе ангелы пишутся при Богоматери только на иконѣ неопалимой купины; во всѣхъ же прочихъ переводахъ ей служатъ семь старѣйшихъ ангеловъ: Михаилъ (кто якъ Богъ, съ мечемъ въ рукѣ), Гавріилъ (крѣпость Божія, съ фонаремъ), Рафаилъ (лекарство Божіе, съ алавастромъ), Уріилъ (свѣтлость Божія, съ огненнымъ мечемъ), Селафіилъ (молитва Божія, съ кадиломъ), Егудіилъ (хвала Божія) и Варахіилъ (благословленіе Божіе, съ винограднымъ гроздіемъ) (Небо новое, стр. 159). Замѣчательно, что одиннадцать ангеловъ, помѣщенные на иконѣ купины, независимо отъ апокрифическихъ названій, заимствованныхъ изъ Палеи, несутъ и поименованные выше символическіе знаки, присвоенные семи старѣйшимъ ангеламъ.

³⁾ Въ апокрифическомъ маломъ бытіи говорится, что Богъ въ 1-й день сотворилъ небо, землю, воду и всѣхъ духовъ, которые служатъ передъ нимъ, ангеловъ лица, хваленія, огня, вѣтра, облаковъ, ангеловъ тьмы и града, инея, долинъ, грома и молніи, ангеловъ холода и зноя, зимы и весны, осени и лѣта, и всѣхъ духовъ своихъ твореній на небесахъ и на земли и во всѣхъ долинахъ, и ангеловъ мрака и свѣта, и утренней зари и вечера (Порфирьевъ, 234).

Образъ неопалимой купины въ сельскомъ обиходѣ служить охраною отъ огня; въ листѣ: «какимъ святымъ и отъ чего молиться» (№ 1034), подъ 4 числомъ сентября, означено: «неопалимой купинѣ, о сохраненіи отъ пожара и молній». Въ нашихъ подлинникахъ упоминается объ одномъ образѣ купины, написаномъ на самомъ томъ камени, на которомъ Моисей видѣлъ купину; образъ этотъ находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ и принесенъ Московскимъ князьямъ въ даръ Палестинскими старцами въ 6898 году. Въ Поморскихъ отвѣтахъ указано, что этотъ образъ со створами, и что находится онъ въ Московскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ (Рукописи Ундольск. № 503. Моск. Публ. Муз., л. 36 об.). Другой образъ купины проявился въ царствованіе Алексѣя Михайловича и поставленъ въ церковь Рождества Богородицы, что на Дмитріевкѣ (Буслаевъ, Очерки, II. 375).

Подробный обзоръ и обстоятельное сравненіе разныхъ переводовъ неопалимой купины сдѣланы въ замѣчательной статьѣ А. Виноградова, въ Записк. археолог. общ. 1877 г., т. IX).

1267. *Тоже*. Въ моемъ собраніи есть еще листовое изданіе этой картинки (б), на бумагѣ 1800 года; 12 надписей орфографированы въ ней такъ: «1) творяи аггли своя | духи сиречь племе | ни мразу и снегу | служебны суть».

См. еще неопалимую купину, описанную въ примѣч. № 1346.

1269. **Купятицкая Богородица** явилась 15 ноября 1180 г. (въ мѣсяц. Гатц. — 1182 г.) въ селеніи Купятичъ, Минской губ. Пинскаго уѣзда, при рѣкѣ Ясолдѣ, гдѣ и построена церковь. Тамъ же прославилась чудесами. Въ 1656 г., вслѣдствіе смуть униатскихъ, перенесена православными въ Кіево-Софійскій соборъ (Слава пресв. Богор. III. 106). Чудеса ея описаны Купятицкимъ игуменомъ Иларіономъ Детесовичемъ (Мигурой), и напечатаны, вмѣстѣ съ защитою Кіевской святыни, Кальнофойскимъ въ Кіевопечерской Лаврѣ въ 1638 г. 4°, съ изображеніемъ самой иконы, гравиров. на деревѣ. Чудеса ея тоже перечислены въ кн. Небо

новое (л. 194 об.). Сказаніе о ней въ Воскр. Чтеніи, XVII. 299 и Кіевск. Епархіальн. Вѣдом., 1867. IV. 105.

1269 А. Прибавить: **Лопатинская Богородица**, находящаяся въ костелѣ Лопатинскомъ; гравюра на мѣди 8°, съ польскою подписью. Въ моемъ собраніи.

1271. **Мохнатинская**; по всему вѣроятію, одна икона съ *Руденской*.

1273. **Непрская Богородица**. Прибавить изданіе *в*, отпечатанное доскою изданія *б*, пройденною рѣзцемъ; щека Богородицы оттушевана въ изд. *в* въ двѣ черты, а въ изданіи *б* — въ одну. Въ моемъ собраніи.

1273 А. Прибавить: изобр. иконы **Богородицы Неувядаемъ цвѣтъ**, съ акафистами и чудесами, въ 24 отдѣленіяхъ, четырехлистовая картина, издана въ 1851 году В. Шераповымъ.

1274 и 1275. **Икона Печерской Богородицы — Успеніе**; празднуется ей 3 мая; явилась мулярамъ, приказавъ имъ идти въ Кіевъ для украшенія ея монастыря, вновь основаннаго препод. Феодосіемъ и Антоніемъ (пишется съ этими преподобными). Принесена мулярами изъ Царьграда въ 1085 г. Исторію ея см. въ Печерск. Патерикѣ и въ кн. Новое небо (стр. 169; 40 чудесъ). По Клици. подл. и по № 1216 — явил. 3 мая 1069 г. См. тоже Богор. *Свинская*.

1275 А. Прибавить: **Богородица Подембеченская Базилианская**; наход. въ алтарѣ Базилианскаго Подембеченскаго монастыря. Гравюра на мѣди, въ поль-листа, съ подписью мастера: «Joseph Goczemski sc. 1778».

1276—1296. **Икона Богородицы Почаевской**; наход. въ Успенской Почаевской Лаврѣ, Волынской губ., на горѣ Почаевской,

на которой остался отпечатокъ правой стопы Богородицы (въ 1340 г.); икона принадлежала помѣщицѣ Гайской, которой подарена была греческимъ митроп. Неофитомъ въ 1559 г.; въ 1595 г. передана въ Почаевскую Лавру; въ 1773 году коронована діадимомъ, присланною папою Климентомъ XIV¹⁾; въ 1831 г. поступила въ вѣдомство православнаго духовенства²⁾ (См. Гора Почаевск. 1803. Почаевъ; статья свящ. Хайнацкаго въ Душеполезн. чтеніи 1873 г.). Турки осаждали Почаевскую обитель въ 1675 г. 20, 21 и 22 іюля; въ ночь явилась Божія мать въ сопровожденіи препод. Іосифа Желѣзы и Турки были прогнаны отъ обители. Викарій Волинской епархіи, Анатолій, изобразилъ это событіе въ картинѣ, находящейся до нынѣ въ Почаевскомъ монастырѣ; вѣроятно съ нея сдѣлана гравюра съ виршами и подписью: «in monasterio Poczaïowiensi invenit et sculp. Nicodem Zubrzycki. A. 1704». Доска сохраняется до сихъ поръ въ Кіево-Лаврской типографіи.

1295. **Почаевская Богородица.** Картинка, поименованная подъ этимъ номеромъ, какъ изданіе б, гравирована на мѣди.

1297 А. Прибавить: **Образъ Богородицы Ростовской, Козмодемьянской.** «Истинное подобие образа престоія бѣи яже обрѣтается во граде ростове вохраме-стѣхъ чудотворцевъ безсребреникъ Космы и дамїана». По сторонамъ, въ клеймахъ, изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ, а внизу тропарь, кондакъ и молитва: «О престоія влчце моя бѣе . . . вековъ аминь». Листовая картинка, гравированная на мѣди въ прошедшемъ столѣтіи. Въ моемъ собраніи.

¹⁾ Въ теченіи XVIII вѣка въ капитулѣ св. Петра короновано болѣе 100 иконъ Богородицы; онѣ перечислены въ книгѣ: «Raccolta delle immagini della Beatissima Vergine, ornate della corona d'ora. Roma. 1792. 4 vol.—Pietro Bombelli»; тотъ самый, который гравировалъ № 1276.

²⁾ У переходжихъ Каликъ есть нѣсколько причитаній о Почаевской обители (Безсоновъ, Калики, I. 680—690). Сборникъ пѣсень въ честь ея помѣщенъ въ Богогласникѣ.

1297 Б. Прибавить: **Сладнолюбивая Богородица.** «Изображеніе иконы, обрѣтающейся въ Общежительномъ скитѣ св. Іліи Пророка на Афонской горѣ, устроенномъ русскими монахами. Издана при настоятелѣ Пахоміѣ, тщаниемъ монаха Игнатія Кривенко въ 1847 г.» Рѣз. на камнѣ, въ большой листъ, съ видомъ обители. Богоматерь изоб. въ коронѣ; лѣвою рукою она обнимаетъ Спасителя, а правою держитъ его за ногу. Спаситель обнявъ ее обѣими руками за шею. Надпись: «И ΩΔΗΓΗΤΡΙΑ».

1298. **Страстная Богородица;** перенесена въ Москву изъ отчины кн. Бор. Мих. Лыкова (Нижегородскаго), изъ села Палець, въ 1641 г. Ее встрѣчалъ самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и въ 1654 г. построилъ для нея Страстной монастырь на мѣстѣ ея срѣтенія. Празднов. въ воскресенье послѣ Пасхи. Въ Клинецк. подлинникѣ показано три списка съ нея: 1) въ страстномъ Московскомъ монастырѣ, 2) въ церкви зачатія Богоматери въ Углѣ, у Китайской стѣны въ Москвѣ, и 3) Нижегородской губерніи въ селѣ Палицахъ.

1298 А. Прибавить: «Образъ престоія бѣи страстныя»; переводъ сходный съ предыдущимъ; внизу молитва Богородицѣ (о престоія гѣже влчце . . . аминь), въ которой поминаются: Императрица Екатерина II, в. к. Павелъ Петровичъ, в. к. Марья Ѳеодоровна, Александръ и Константинъ Павловичи и Александра, Елена, Марья и Екатерина Павловны. Листовая картинка, гравированная на мѣди. Въ моемъ собраніи.

1299. **Икона Тихвинской Богородицы.** По рукописному сказанію XVII вѣка (у гр. Уварова № 804 съ миниатюрами и у Буслаева, рукопись 4^о), икона эта принесена изъ Константинополя за 70 лѣтъ до взятія его Турками, т. е. въ 1387 г.; она находится въ Тихвинскомъ Успенскомъ монастырѣ. Списокъ съ нея есть въ Москвѣ (Выходы Царей, Строева, Алфав. 96). По другому сказанію икона эта называется Римляныня или Лидская, и была списана

по приказанію патріарха Германа, въ городѣ Лидѣ (см. Лидская); во время иконоборства икона ушла сама въ Римъ; а черезъ 130 лѣтъ вернулась въ Константинополь*), и оттуда въ 1383 году перешла на рѣку Тихвинку, гдѣ и была построена во имя ея церковь и положено было на оную водрузить желѣзный крестъ. Но Богородица явилась въ лѣсу, въ сопровожденіи св. Николая Чудотворца, пономарю Юрьшу, и объявила, чтобы крестъ былъ поставленъ на ея церковь деревянный (на этотъ предметъ пишется особая икона: «явися Богородица пономарю Юрьшу»), что и было исполнено; самый же крестъ былъ сдѣланъ изъ колоды, на которой видѣлъ пономарь Юрьшъ Богородицу. Есть другая чудотворная икона Тихвинской Богородицы: она находится въ Новгородѣ въ Кладбищенской Воскресенской церкви, что на красномъ полѣ; Новгородцы Василій и Дмитрій Воскобойниковы нашли ее на островѣ Біорко у одного ксендза, у котораго она служила дверью, купили ее за 15 ефимковъ, и въ 1643 году привезли въ Новгородъ (Жизнь Богородицы, 361). По преданію, Тихвинская икона писана Евангелистомъ Лукой (Клинц. подл. гр. Строганова. № 9). Въ 1614 г. икона эта спасла Тихвинъ отъ Шведовъ, вѣлѣдствіе чего установленъ ей праздникъ 26 іюля (Истор. Росс. Іер. VI. 367). Пишется на подобіе Лидской или Римской (свящ. Пановъ, 72).

1299 А. Повтореніе предыдущей картинки (изд. 1808 года); въ молитвѣ упоминаются: Императоръ Александръ Павловичъ, Имп. Елисавета Алексѣевна и проч. Въ моемъ собраніи.

1301 А. *Тожже*. Прибавить: «изображенія чудотворнаго образа прѣстѣя бѣи тихвинскія яже по воздуху из рима приде въ градъ потомъ вроссию на тихвинну реку идеже создана: і цѣвъ 6891-го лета явіся праздноство іюнія 26 дня чѣтнейшая и славейшая всехъ чиновачаліи нѣбныхъ дво богородице мѣе рода христіанскаго». Листовая гравюра на мѣди, конца прошедшаго столѣтія. Въ моемъ собраніи.

*) Въ текстѣ № 1221 (III. 486) тоже самое рассказывается объ иконѣ Владимірской Богородицы.

1301 Б. Прибавить: **Образъ Богородицы Тригуренской**, находившійся въ 1700 г. въ Базиліанской обители; грав. въ листъ на мѣди; Богоматерь изображена съ Спасителемъ на рукахъ; изобр. поясныя. Подъ гравюрою подпись мастера: «Т. Rakowiecki sc. Berdicz». Почаевской работы; всѣ подписи на польскомъ языкѣ. Въ моемъ собраніи.

1302. **Икона Богородицы Троеручицы**; находится въ Аѳонскомъ славяно-сербскомъ Хиландарскомъ монастырѣ, въ которомъ она заступаетъ мѣсто игумена, игумена-же въ монастырѣ нѣтъ вовсе (Жизнь Богор. 270). О происхожденіи этой иконы въ житіи Іоанна Дамаскина, написанномъ Іоанномъ Іерусалимскимъ, рассказывается слѣдующее: императоръ Левъ Исаврянинъ, негодуя на преподобнаго Іоанна Дамаскина за обличеніе его въ иконоборствѣ, написалъ отъ имени его измѣнническое письмо князю Амиру. Князь Амиръ тотчасъ-же приказалъ отсѣчь святому руку; Іоаннъ Дамаскинъ долго молился Богоматери и, подвязавъ отсѣченную руку убрусомъ, уснулъ. Во снѣ явилась ему Божія Матерь и исцѣлила его. Въ ознаменованіе этого чуда Дамаскинъ привѣсилъ къ образу серебряную руку (См. тоже Небо Новое, 53). «Зрите въ полномъ писаніи изографи и сребрите третію руку необлажняйте народи», прибавлено въ одномъ рукописн. подлинникѣ XVIII вѣка (гр. Строганова)¹⁾.

Списокъ съ такою посеребренною рукою (хорошей работы) находится въ церкви св. Іоанна Малеина (въ Москвѣ). Другіе списки, присланные изъ Хиландарскаго монастыря, находятся: одинъ въ Бѣлобережской пустыни, въ Орловской губерніи (празднество 18 Іюня); другой въ церкви Покрова въ Голикахъ, въ Москвѣ (празднество 2 іюля); третій въ Воскресенскомъ Новоіерусалим-

¹⁾ Исторія эта рассказана въ Великомъ Зерцалѣ (Magnum speculum exemplorum. Coloniae. 1718. Noxae saponicae, стр. 333), а туда заимствована изъ соч.: Vincentius Beluacensis, писателя, жившаго около 1256 г. (Ord. Praedicator. in Speculo suo historiali et morali). См. Magnum Speculum, лл. 2 об. и 4 об. Здѣсь впрочемъ о серебряной рукѣ, привѣщенной Дамаскинымъ къ образу Богородицы, не говорится.

скомъ монастырѣ; это тотъ самый, который описанъ подъ № 1304, и въ которомъ приведенъ рассказъ Аѳонскаго архимандрита о значеніи третьей руки (III. 523).²⁾ Рассказъ этотъ повторяется и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ подлинниковъ, но въ нѣсколько иномъ видѣ. См. тоже Небо новое.

Текстъ № 1302 составленъ изъ описанія иконы (1700 года), приложеннаго къ дѣлу, заведенному о ней въ 1722 году, когда икона была вытребована по указу Св. Синода въ Москву. Въ концѣ этого описанія приведено еще слѣдующее свидѣтельство, выпущенное изъ текста нашей картинки № 1305: «О сей бо стѣй иконѣ воспоминается і вжити при^абнаго ѿца михаила малейна впрологе. мѣа іюля въ кѣ^а, сказуеть же убо сия вотопе^а еже есть обитель славная, вне^а же повѣсть о чудеси прѣтые бѣы, давно пре^алежи^т таже і хила^адарь по рускиі лвова уста сказуется обитель вне^а же црѣковъ прѣтыя бѣы чѣнаго ея ввѣденія идѣже поведають влѣки хрѣта бѣа нѣшего крове всклянично^а крѣтъ, і власы брады его, еже терзаху без^ааконниі іюдеи во время стѣя волныя страсти его і стѣя пелены его и крѣтъ, таможе і чѣная икона прѣтыя бѣы, яже глаголе^тся троеручица, і мѣтръ то^т іверъ нарицаемы, а сия стѣя икона списана вто^аже сто^а обители хила^адарско^а, ссущия самыя то^а чудотворныя іконы греческимъ ісуграфомъ і принесена ѿ стѣя горы тоя^а обители а^ахима^адрито^а Ѳеоовано^а во обите^а сию воскресес^аскую (еже есть новы іерлимъ) свѣѣишнему Никону Патриарху влѣто ѿ со^адания мира зрѣса го^а мѣа

²⁾ Подобная же легенда рассказываетъ и о папѣ Львѣ великомъ, жившемъ въ V-мъ вѣкѣ. Во время обряда цѣлованія папской руки на пасхѣ, къ рукѣ папы Льва, въ числѣ прочихъ вѣрующихъ, приложилась одна хорошенькая женщина. Святой отецъ мгновенно почувствовалъ къ ней грѣховное вожделѣніе и, чтобы обуздать себя, отрубилъ опороченную руку. Вскорѣ ему стало жаль отрубленной руки и онъ обратился съ просьбой объ исцѣленіи къ иконѣ Богородицы, письма Евангелиста Луки, находившейся въ церкви Санта Марія Маджоре въ Римѣ и пользовавшейся особеннымъ уваженіемъ. Богородица услышала его молитву и наростила ему новую руку; но съ этихъ поръ вышелъ указъ, вмѣсто папской руки, цѣловать на пасхѣ папскую туфлю (Zimmerman, ueber die Einsamkeit, I. 368.—Genthe, Die Jungfrau Maria. Halle 1852, 32). Въ легендѣ однако-же не сказано, привѣсилъ-ли папа къ образу своей исцѣлительницы благодарственную *ручку* по этому случаю.

октоврѣя дня 5; і написана сія таблица вѣденія ради сумнѣннѣя імуци^а о иконѣ се^а прѣтыя бѣы троеручице лѣта ѿ рѣтѣва хрѣтова ѿѿѣ^а году августа дня іг^а» (Собраніе гравировъ, изобр. иконъ Божіей матери. СПб. 1878. Изд. Общ. Любит. древн. письменности, лл. 4—7).

Обычай приносить иконамъ металическія привѣски, изображающія разныя части тѣла (нога, рука, голова, спина, и цѣлыя куколки), въ память чудесныхъ исцѣленій, сохраняется и до сихъ поръ въ сѣверныхъ губерніяхъ. Въ Архангельскѣ я видѣлъ такія привѣски, вырѣзанныя изъ тонкаго листоваго серебра, которыя продавались во множествѣ на столахъ, на рынкѣ (1876 г.); многіе образа щедро увѣшаны ими, какъ напримѣръ образъ Николая Чудотворца въ церкви его имени, въ селѣ Дымковѣ въ Устюгѣ Великомъ, и мн. др.

1303 А. Прибавить: «Изображеніе Прекрасныя Црѣкве Црѣкія И патріаршескія Славено-сербскія хилондарскія обители Введеніе Прѣтыя Бѣы Яже въ святой Горѣ Аѳонской и внеи чудотворны^а образовъ Напечатано Поспешествомъ тояже Обители Архимандрита Киръ Елісея». Вверху надъ обителью изображенъ: «Образъ Прѣтыя Бѣы Троеручицы»; а по сторонамъ: «Рождество прѣтыя Бѣы.—Благовѣщеніе Прѣтыя Бѣы.—Введеніе Во храмъ Прѣтыя Бѣы.—Успеніе Прѣтыя Бѣы.—Сѣтыи Димитріи. Сѣтыи Георгіи.—Сѣтыи аплѣ Павелъ. Сѣтыи аплѣ Петръ». Двухлистовая картинка, рѣзанная на мѣди; изданіе 1806 года. Въ моемъ собраніи.

1304 А. Прибавить: «Образъ пресветыя бѣы Умиленіе»; внизу молитва: «честнейшая . . . . рода христьянскаго». Листовая картинка, гравированная на мѣди; изданіе 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1304 Б. Повтореніе предыдущей картинки, новѣйшее изданіе 1830—40 гг. Молитва таже; первая строка ея заканчивается словами: «бга слова бе». Въ моемъ собраніи.

1305. **Икона Богородицы Умягченіе злыхъ сердець.** Богородица съ 7-ю мечами, воткнутыми въ сердце, а также со Христомъ (умершимъ) на колѣнахъ, называлась на Западѣ Mater Dolorosa (К. F. Klöden, Zur Geschichte der Marienverehrung. Berlin. 1840, 74). У насъ списковъ ея ранѣе половины XVIII вѣка не встрѣчается.

Въ католическомъ мірѣ былъ установленъ особый праздникъ семи страданій Богородицы (Festum septem dolorum); эти семь страданій претерпѣла Богородица: 1-е) когда Христосъ съ нею прощался, 2-е) когда онъ былъ выведенъ въ терновомъ вѣнцѣ, 3-е) когда онъ былъ распятъ на крестѣ, 4-е) когда онъ былъ напоенъ виномъ и желчью, 5-е) когда онъ зывалъ къ Богу отцу: Господи! Господи! вскую оставилъ мя еси, 6-е) когда Христосъ испустилъ духъ и 7-е) когда Богородица держала на колѣнахъ тѣло умершаго Спасителя (Тамъ-же, стр. 63). Праздникъ этотъ совершался въ субботу передъ Лазаревымъ воскресеньемъ.

1310 А. **Утоли моя печали.** Прибавить: копія съ № 1310, съ тою же молитвой внизу; тропаря слѣва нѣтъ. Листовая картинка. Въ моемъ собраніи.

1312. **Образъ Богородицы Ченстоховской,** написанія Ев. Луки, привезенъ изъ Константинополя въ Бельзскій замокъ русскимъ княземъ Львомъ (?), который будто-бы получилъ его отъ Карла Великаго; а по другому преданію подаренъ городу в. к. Владиміромъ, который получилъ его въ приданое за греческой царевной Анной (Душенолезн. Чтен. 1873 г., статья свящ. Хойнацкаго); за тѣмъ, послѣ покоренія юго-западной Россіи Поляками образъ этотъ достался князю Владиміру Опольскому, а въ 1352 году перенесенъ королемъ Владиславомъ на Ясную гору Ченстоховскую, въ монастырь Паулинскаго ордена (Небо новое, 117). Король Янъ Казиміръ въ одномъ манифестѣ поручаетъ все государство свое покровительству Ченстоховой Богородицы и именуеть ее Польскою королевою (Всеобщ. Памятн. VI. 164). Въ 1813 году, по взятіи Ченстоховской крѣпости русскими, икона эта была подне-

сена генералу Сакену, а затѣмъ поставлена императоромъ Александромъ I въ Казанскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ, въ придѣлѣ Рожд. Богородицы (Жизнь Богородицы, 232). Въ Небѣ Новомъ рассказана легенда, о томъ, что въ XVII вѣкѣ иконописецъ Иванъ Вежинъ дѣлалъ списокъ съ Ченстоховской иконы, но никакъ не могъ дописать его; однажды, вернувшись въ свою камору, онъ увидѣлъ икону, написанную неизвѣстною рукою; прославивъ Бога, онъ отнесъ свой списокъ въ городъ Соколь, что на Бугѣ (Небо Новое, 126). «Описаніе иконы Ченстоховской Божіей Матери» составлено капелланомъ Ставиславомъ Фелинскимъ (3-е изд. его, вышедшее въ 1879 г., было переведено на франц. языкъ).

1331 А. **Апостолы союзомъ любви связуемы.** Тоже изображеніе, но безъ рамки изъ акантовыхъ листьевъ; вверху представленъ Господь Саваоѣъ. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки: а, на бумагѣ 1800 г., и б, съ подправленной доски (облако около Саваоѣа перекрещено).

1331 Б. **Тоже изображеніе;** вверху представленъ св. Духъ въ видѣ голубя, по угламъ символы евангелистовъ; изданіе на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1332. **Евангелисты.** По старинному Іоаннъ Богословъ писался со Львомъ, а Маркъ съ Орломъ; изъясненіе этихъ символовъ читается въ Клинецкомъ подлинникѣ, л. 141 об. (а гуда заимствовано, какъ помѣчено въ немъ, изъ лексикона, стих. 695 и 369): «св. Іоаннъ Богословъ пишется со львомъ: понеже царство есть левъ и владычествено. Іоанъ бо отъ царскаго и владыческаго сана божества слову начать рекъ, «вначалѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ слово и прочее». В. Чего ради Маркъ Евангелистъ образомъ орлимъ пророку Іезекилю проявленъ; отв. Понеже Маркъ отъ пророчества Благовѣстіе начать; пророческая бо благодать проводителна суть и страдалняя видящи, орелъ есть глаголють орла острозрителна быти, якоже и единъ точію отъ инѣхъ животныхъ къ солнцу

можетъ зрѣти не помизая отъ предотечева бо пребыванія и показанія Марко начать рече бо: зач. Евангелія Иисусъ Христова и прочая».

1333. Эта гравюра П. Бунина скопирована съ оригинала Дюрера (изъ числа пяти апостоловъ); въ сборникѣ Есипова (о Петрѣ I. М. 1872) приложена съ нея копія. Петръ Бунинъ, ученикъ А. Шхонебека представлялъ эту работу въ Оружейную Палату въ 1696 году при удостовѣреніи Шхонебека, «что тотъ листъ работы ученика его Петра Бунина, и что сверхъ того ко инымъ его Андреяновымъ мастерства вещамъ прилежаніе Бунина имѣетъ тцаливое со усердіемъ»; вслѣдствіе чего опредѣлено ему Бунину, «за его во ученіи вышеписаннаго дѣла прилѣжное радѣніе и во искусствѣ познаніе къ прежнимъ ево кормовымъ деньгамъ придать еще по четыре деньги, всего и съ прежними по 2 алтына на день», противъ Алексѣя Зубова, который получалъ тогда 2 алтына 4 деньги на день (Русскіе граверы, стр. 164).

1336. Образъ Іоанна Богослова и Прохора. Въ Клинцовскомъ подлинникѣ житіе Богослова описывается только въ 9-ти отдѣленіяхъ, но подписи подъ нимъ полнѣе, а именно: «надпись подписывать у житія Іоанна Богослова.

1) Гусарь пасяше гуси и писаше перстомъ на песцѣ образъ Іоанна Богослова: и несовершаше: и прииде къ нему святой Іоаннъ Богословъ и глагола ему: хоцеша ли иконы писати, и рече гусарь хошу Господи.

2) И написавъ писаніе пославъ гусаря въ Царьградъ къ цареву иконописцу Хенарю и глаголати повелѣ: послалъ мя къ тебѣ Іоаннъ Богословъ да научиши иконы писати.

3) Гусарь же скоро тече во градъ: и во утрѣи срѣте ѣдуща на конѣ Хенаря отъ церкви святыя Софіи: и даде ему грамоту запечатлѣнну и иде по немъ: писецъ же прочетъ грамоту подивися.

4) И повелѣ писецъ гусарю терти вапы самъ отыде на орудіе и умедли до обѣда: и прииде къ гусарю Іоаннъ Богословъ: и

рече ему, что дѣши гусарь онъ же рече вапы тру мастеру моему писати образъ Іоанна Богослова: и вземъ его святой за руку и повелѣ писати икону и абіе написа и просвѣтися яко солнце.

5) Прииде мастеръ нача дивитися, и повѣдаша цареви яко ученикъ Хенаревъ написавъ икону Іоанна Богослова: свѣтитса палата яко отъ солнца: и приесоша въ церковь: царя же объять страхъ а мастеру бысть зазоръ.

6) Глаголаху людіе что ученикъ гораздѣ мастера пишетъ, другіе рѣша мастеръ лучше пишетъ. и повелѣ царь написати два орла, и рече, аще пуцу ястреба и котораго орла начнетъ драти, тотъ и гораздѣ. и вси рѣша право судилъ еси царю.

7) Шедша вскорѣ написаста два орла: и постависта на стѣнѣ царь же пусти ястреба, и нача хватати ученичу птицу: и оттолѣ пріять царь гусаря во своя палаты, и бысть гораздѣ мастера.

8) Представленіе святаго Іоанна Богослова и погребенъ бысть седмю ученикъ внѣ града.

9) Написати повелѣ Прохору ученику своему въ горѣ сиди и постыся святое Евангеліе, и предаде вѣрнымъ въ Патмѣ островѣ».

1337. Ев. Іоаннъ Богословъ. Доска изданія б была подправлена; въ моемъ собраніи есть оттискъ послѣ такой подправки—это будетъ изд. в.

1338 А. Прибавить: «Святой Еваѣлість Лука. Делано Вмѣсквѣ на фа^б. Т. А^х». Въ моемъ собраніи.

1338 Б. Прибавить: «Святой Еваѣлість Матѣей. Делано Вмѣсквѣ на фа^б. Т. А^х». Листовыя картинки, очень плохо выгравированныя пунктиромъ.

1340. Это Обращеніе Павла скопировано точъ въ точъ изъ Библии Пискатора; см. № 810. прим.

1346. Прибавить: описанное подъ этимъ номеромъ изображеніе *Акилины*, отпечатанное на летучемъ листкѣ, повидимому для

раздачи богомольцамъ, вклеено въ книжечку, вмѣстѣ съ другими картинками, рѣзанными на деревѣ (раб. того же мастера)¹⁾.

Книжка эта состоитъ изъ 7 листовъ въ четвертку; на первыхъ четырехъ помѣщена: «отъ отечника скитскаго повѣсть удивительна, о діаволѣ, како приде къ Великому антонію, во образѣ челоуѣчествѣ, хотя каятися», — та самая, которая напечатана подъ № 722 (но безъ картинки). На оборотѣ 4-го листка типографскимъ шрифтомъ напечатано слѣдующее повѣствованіе: «Ѡ патеріка Алфавітна. Знаменіе п. Моли авва Феодур Феремскій авву Памва. Рци ми слово: п многою нуждею рече ему: Феодуре, иде и имѣи мѣтнню свою на всѣхъ: ибо мѣтннѣя обрѣте дръзновеніе предъ Бѣмъ. и паки рече. Аще имаши срѣдце трезвенно, можеши спастися. Гѣаху Ѡ аввѣ Памвѣ. яко николиже не оуслабился лице егѠ. Въ единъ же дѣнь хотяще бѣсѠве сѣтворити егѠ смѣтися. привязаша къ древу Перо, и тягяху молву творяще, и вопіюще: алли алли. Видѣвъ же ихъ авва ПамвѠ, вѣсмѣлся. Бѣсове же начаша ликоствовати, глаголюще: оуа, оуа, ПамвѠ смѣлся ПамвѠ смѣлся. Онъ же Ѡвѣщавъ, рече имъ. Не смѣхся, но посмѣхъся немощи вашей, яко толици суще, понести перо не можете: Влѣто Гѣе, по осмѠсугубѣи сѣтннѣи два десѣтно шесто, Октоврѣа, кѣи. Кругъ сѣлицу, кѣи. Кругъ лунѣ, ѣи. Усрѣдствующа Ѡ семъ имя, пятописмено, двоскладно же. Прѣвѣи тресложенъ съ гласѠвны три, гласѠвны же, двѣ. число ему, девѣтсотно съ двѣдѣсятьми и трѣми»; и еще надпись глаголическими буквами, которая повторена и на картинкѣ, изображающей душевную чистоту (эта надпись скопирована въ атласѣ, приложенномъ къ настоящему изслѣдованію).

На передней страницѣ 5-го листка изображены: 1) «Неопалимая купина и похвала пресѣтѣя бѣбѣ»; на оборотѣ-же этого 5-го листка изображена: 2) смерть на блѣдномъ конѣ, вверху мечъ, цѣточная вѣтка и песочные часы; внизу «свѣрїе» рвутъ на части челоуѣка, «адъ» и годъ «ахкс».

¹⁾ Единственный экземпляръ этой книжки находится въ СПбургской Публ. Библіотекѣ, изъ собранія Каратаева; по замѣчательности находящихся въ ней первыхъ летучихъ картинокъ здѣсь предлагается описаніе ея вполнѣ.

На передней страницѣ 6-го листка: 3) крошечная картинка, изображающая препод. Памву Беринду. «Маланья» и «Аммонъ» приносятъ ему деньги для раздачи нищимъ; сзади расіяте, Адамъ, Моисей, Египетъ, а внизу надпись: «Лівія». На этой страницѣ типографскимъ шрифтомъ напечатано житіе преподобнаго Памвы²⁾. На оборотѣ 6-го листка представлено въ лицахъ: 4) «Ст. Антоніе великій: ѣ лѣте^н сы^н обрѣте павла фивеско^т в пещерѣ в пустыни внутрней. ъ лѣ^т та^н живша іаннуар. ѣи»; пониже, справа: «Ерміл дѣлн глав: ад». Препод. Антонія встрѣчаютъ: «Сатірѣ» и «Сатиренята», еще ниже его встрѣчаютъ: «іппокентаврѣ» и «Александрѣ макид (онскій)»; справа сидитъ: «павел фивескѣ в пещерѣ», ему «вран хлѣбѣцѣ несет». Внизу «волкъ» и годъ: «ахкс мѣа ноем: кѣи». Подъ картинкою текстъ типографскимъ шрифтомъ, о томъ, какъ Антоній встрѣтилъ въ пустынѣ разныхъ чудъ, поклонившихся Богу, и Александра Македонскаго, «иже Бога незна» (который явился вслѣдствіе того, что Антоній ударилъ жезломъ своимъ землю).

На 7-мъ листкѣ изображены: 5) слѣва семиконечный крестъ, а справа «С. М. акулина». На оборотѣ этого листка типографскимъ шрифтомъ напечатано извлеченіе изъ пролога: «о дѣвичестей чистотѣ».

Въ Публичной библіотекѣ есть еще летучій листокъ, который несомнѣнно принадлежитъ къ составу этой же книжки; на немъ, съ одной стороны изображена: 6) *чистота*, съ монограммами «ЛМ 1626», съ луною и звѣздою, и «ПБ»; подъ картинкой помѣщена таже надпись глаголическими буквами, которая находится на оборотѣ 4-го листка книжки; на другой сторонѣ изобра-

²⁾ Эта картинка отпечатана въ Лексиконѣ Памвы Беринды. Кіевъ, 1627. Памва Беринда, Молдованинъ, въ началѣ XVII в. прибылъ изъ Іерусалима въ Кіевъ; былъ надзирателемъ при типографіи; его сочиненія: Лексиконъ славяно-россійскій именъ толкованіе, съ приложеніемъ именъ отъ еврейскаго, греческаго, латинскаго и отъ иныхъ языковъ; приданы же суть имена преложенія на постриженіи Калугерства, знаки Калугеромъ, або Инокомъ. . . . . Первое типомъ изобразился въ Киновіи св. Вел. Чудотв. Лавры Печерск. Кіевск. лѣта 1627 (2-е изд. Кугейск. монаст. лѣта 1653). Евгений, Слов. дух. писат. изд. 1827, II. 151

жена: 7) лѣствица препод. Іоанна лѣствичника. При картинкѣ *Чистоты* отпечатанъ на полѣ слѣдующій текстъ: «Постнику единому, в'скитѣ готовящу^е скръби ра^а ѿйти ѿ пресѣдѣнія колѣп своєа и се в'нощ яви^о ему блг^ат Бжї^а я^а Два: и умн^а глїци не ѿв^а никамо^о, но съ^а зде съ мною и не бждет ти никое^о зла. в'рова^о же съде и абїе исцѣли^о ѿ скръби ср^аце егѡ. Па^а, С^а: ѿ». На картинкѣ представлена: «Чистота аки двѣа преукрашена, равна агг^алкому е^отству. имѣя^а на главѣ в'бнец Цр^кїй; и сіаю^т зне^о луча не престано Врука^а имѣе^т съ суды»; сосудовъ этихъ два, въ одномъ изъ нихъ произрастаетъ цвѣтъ, изъ другаго Чистота заливаетъ пламень: «Трѣнїе грѣха слъзами угася». Душа чистая стоитъ на луцѣ: «луна под ногама ея свѣтигъ, всему міру» — здѣсь монограмма мастера «АМ» и подпись: «ахкз. крт ѡ пасха (луна и звѣзда) ПБ». Душа держитъ на веревкѣ Льва: «Лва постомъ и безмолвїемъ связа», «дьяволь (отъ нея) падеся аки котъ», «смѣренїемъ смїа укроти». Вверху изображена «чїтота», предстоящая предъ Спасителемъ, возсѣдающимъ на престолѣ, — по правую сторону престола стоитъ «ар^а Мїхаилъ»; изъ усть чистоты къ Спасителю тянется веревочка: «Дїша чїта пре^астои^т у Пр^ала Гїй. Млтва ея исходи^т изъ ус^т въ уши Гїй». Внизу, въ темной пещерѣ, сидитъ нагая «дїша грѣшна» — «Дїша грѣшна въ тмѣ плачася грѣхъ свой^а». Подъ картинкой, какъ упомянуто выше, помѣщена также глаголическая надпись, которая находится на оборотѣ 4-го листка книжки. На лѣствицѣ (карт. 7), вверху изображенъ рай; слѣва Богородица посреди двухъ архангеловъ; справа праотцы держатъ на полотенцахъ души праведныхъ. Всрединѣ поставлена лѣствица, по которой восходятъ къ небу монахи; демоны сталкиваютъ и сбрасываютъ ихъ въ адъ; справа дьяволь записываетъ дѣла ихъ; въ правомъ верхнемъ углу Господь принимаетъ на лоно свое души праведныхъ, которыя возносятся къ нему ангелы. Внизу сонмъ монаховъ и впереди ихъ преподобный Іоаннъ Лѣствичникъ; въ рукахъ его свитокъ съ надписью: «въсходите». Подъ картинкой от-

³⁾ Эта доска отпечатана въ книгѣ: Акафистъ. Кїевъ 1629.

печатанъ типографскимъ шрифтомъ слѣдующій текстъ: «лѣствица, пя^т степеней, иже къ съврѣшенїю ведущы^а има^т. а, ѿврѣженїе. б, Повинованїе. г, Пѡлушанїе. д, Смиренїе. е, Бжтвная Любо^а, яже е^от Бгѣ. Съ краще^т пѣкїи цу^т к' вы^шнему ц^ртвїю, малою Лѣ^свицею до^бродѣтеле^а нѣ^от пнѣ якоже сіп, е, ѡбрази и Послушанїа, иже и Пяте^а стастемъ съ противя^тся. Преслушанїа, глїю, и неповиновенїа, самоугодіа же и ѡправ^анїа, и всепагубнагѡ в^зношенїа. Сїп бо уды и Пища, лукавому велїару, поглытающему повинующи^ася лжею. и съвѣдѣющему сїа в' съкровища адова, к тамо живущему смїю. Преслушанїе же убо е^от, уста несытаго ада. Прекѡловіе же, язы^а егѡ яко остры^а гїдеч. Самоугодіе же, зубы его ѡправданїе же Перся е^т. в^зношенїе же несытая его утроба, яже въ адъ посылающая. Иже бо прѣвое Пѡлушанїе^а побѣди^т, прочая единѣ^а сїа ѿсѣче^т: и единѣ^а въсходо^а на пбса въстече^т: якоже и единѣ^а преслушанїе^а, в^з до^аная аду сходи^т. Грї^т: сїнаи^т, г^т, к^т. л. рѣа. в^т е^т ве^т: Ла^а П. К. а^а: к^т. р^т: ахкз. к^т і пасха», т. е.: въ святой великой Лаврѣ печерской Кїевской.

По моему мнѣнїю всѣ выше описанныя семь картинокъ, а также и темница святыхъ осужденникъ, описанная подъ № 772, должны были составлять иллюстрацію къ «приложенїю на постриженїе калугерства», составленное Памвою Берындюю. Монограмма стоящая подъ картинками: «МЛ» можетъ обозначать Монаха Леонтїа — можетъ быть того монаха Леонтїа Земку, который напечаталъ, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Тарасїемъ, Авву Дорошею, въ Кїевѣ въ 1628 году (См. Русскїе граверы, стр. 245). Монограма ПБ, находящаяся на большинствѣ изъ этихъ картинокъ, безъ сомнѣнїа означаетъ имя самаго сочинителя: Памву Барынду.

1348 А. Повторенїе точь въ точь № 1348; надъ видомъ крѣпости надпись: «сайктъ питеръ бургъ»; изданїе конца прошедшаго вѣка. Въ моемъ собранїи.

1350 А. Повторенїе точь въ точь № 1350; надпись ороографирована такъ: «Кїзъ Александръ нарицае^тца неvesки поне-

же | . . . . .»; изданіе конца прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи. Празднованіе дня кончины Александра Невскаго 23 ноября установлено на Московскомъ соборѣ 1547 года (Карамзинъ, И. Г. Р., IX. прим. 87); другой праздникъ ему 30 августа назначенъ Петромъ I (Выходы Царей, Строева; алфав. 4).

1353. Есть изображеніе Александра Невскаго съ видомъ Александро-Невской Лавры, въ листъ; оно тоже можетъ быть отнесено въ картинкамъ народнымъ, хотя и гравировано академическимъ мастеромъ Григоріемъ Качаловымъ. Свѣдѣнія о житіи Александра-Невскаго см. у Ключевского: 62, 238, 251, 258 и 312.

1355. Св. Алексѣй Митрополитъ управлялъ Кіевскою и всея Россіи Митрополіею съ 1354 г.; скончался 12 февраля 1378 г.; святымъ признанъ на соборѣ 1519 г. (Карамз. Истор. VII. 189). Память ему празднуется: 12 февраля—день его кончины; 20 мая—перенесеніе его мощей и 5 октября—въ день трехъ святителей.

1356 А. Препод. Алексѣй, человекъ Божій. Повтореніе № 1356, точь въ точь; внизу, послѣ молитвы, поставлена монограмма мастера: «РМИ». Изданіе на бумагѣ 1800 года; въ моемъ собраніи.

1357. См. тоже аканѣистъ Алексѣю человекъ Божію, посвященный царевичу Алексѣю Петровичу (№№ 1651 и 1652); сказаніе житія сходно съ французскимъ народнымъ: *Cantique spirituel à l'honneur de S. Alexis, vrai miroir de patience et de chasteté* (Nisard, II. 181 и 183). Объ Алексѣѣ человекѣ Божіемъ поются Каѣиками переходими разные стихи (Безсоновъ, I. 97—154. 723—743), представляющіе однако мало общаго съ нашимъ житіемъ; жена Алексѣя называется въ нихъ Лизаветой, мать—Агладой, а отецъ княземъ Ефимьяномъ (см. №№ 1356, 1357, 1651 и 1652).

1358—1366. Ангелъ хранитель. Серіозный образчикъ иконографическаго изслѣдованія объ иконѣ Ангела хранителя, съ дѣ-

яньемъ (XVII вѣка) напечатанъ гр. Уваровымъ въ Русскомъ Архивѣ (1864 г., 29); любопытныя статьи по этому же предмету помѣщены въ Православн. Обозр. 1823 г. X. 301; 1824. XIII. 84; 1842. IV. 276. О начертаніи ангела см.: Буслаевъ, Очерки, II. 314, 414.—Памятн. отречен. литерат., II. 349 (никто же видѣлъ ангела нагимъ естествомъ токмо пресвятая Богородица видѣла Архангела Гавріила нагимъ естествомъ). Всѣ наши лицевыя изображенія ангела—новѣйшаго пошиба.

1364 А. Прибавить: «Ангелъ хранитель», въ ростъ, съ мечемъ въ лѣвой рукѣ; правою онъ поддерживаетъ большой крестъ. Внизу подпись: «лѣта гдѣня ,аѣгѣ издадеса в соловецко^м мѣтрѣ при архимандритѣ еврсеѣ сбратіею а рѣзалъ монахъ того же мѣтры. .» (стерто).

1365 А. Повтореніе въ другую сторону: ангелъ стоитъ справа; вторая строка молитвы, снизу, оканчивается словами: «Бѣа і молсея»; изданіе 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1370. Антипія преподобнаго церковъ была въ Чертольѣ (нынѣ таковая находится противъ Колымажнаго двора); царь Алексѣй Михайловичъ ежегодно бывалъ въ ней, въ день преп. Антипія—11 апрѣля (Выходы Царей, Строева; Алфав. 6).

1374. Бѣсы искушаютъ препод. Антонія. Прибавить: изданіе *жс*; верхняя надпись въ ней расположена такъ: «генваря 17 дня видение Антоніе» | . . (1820—30 гг.). Въ моемъ собраніи. См. тоже № 1346.

1374 А. Прибавить: старинный образецъ картинки, описанной подъ № 1374; грав. на мѣди въ листъ; изданіе конца прошедшаго вѣка. Чертей въ этомъ образцѣ гораздо больше числомъ и они гораздо курьезнѣе, чѣмъ въ № 1374. Подпись внизу въ четыре строки; 1-я кончается словами: «множество бесов». Въ моемъ собраніи.

1379. **Св. великомуч. Борисъ и Глѣбъ.** Прибавить: изданіе *d*, отпечатанное доскою изданія *e*, но совершенно истертой, и на мягкой бумагѣ 1840—50 гг. Въ моемъ собраніи. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, написанное въ XII вѣкѣ монахомъ Іаковомъ, издано г. Срезневскимъ въ Изв. II Отд. Акад. Наукъ 1852 и 1853 гг. С.-Петербург. Археологич. Обществомъ издано сводное лицевое житіе Бориса и Глѣба. Пѣсни каликъ о нихъ см. у Безсонова: Калики, I. 625—669.

1381. Эта картинка описана вторично подъ № 1688.

1390. **Изображеніе великомученицы Варвары,** работы Кончаковского, рѣзцемъ, въ четвертку, приложено къ Акафисту великомученицы (Кіевъ 1794?). Въ честь великомученицы Варвары поется каликами множество пѣсней (Безсоновъ, Калики, I. 605; 763—767).

1390 А. Прибавить: повтореніе точъ въ точъ; окончаніе 1-й строки: «твоемъ боже^твено^т»; внизу монограмма мастера «Р. М. І» Въ моемъ собраніи.

1398 А. Снегиревъ упоминаетъ еще о слѣдующей народной картинкѣ: Притча Св. Варлаама *о временнѣмъ семѣ птицѣ* или (по Толстовск. рукоп.) *объ ингрозѣ*, т. е. единорогѣ. Изъ Пролога Ноября 19. Сравненіе жизни человѣческой съ мужемъ, который, бѣжавши отъ разсвирѣпѣшаго единорога, падаетъ въ глубокой ровъ, гдѣ шипитъ страшный змѣй; но въ своемъ паденіи онъ хватается за дерево, коего корень подгрызаютъ двѣ мыши, бѣлая и черная. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ держался, изъ стѣны выдаются четыре аспидовы головы. Среди угрожающихъ со всѣхъ сторонъ опасностей привлекаетъ его медъ на деревѣ. Это символическое изображеніе такъ объясняется въ текстѣ: «се подобіе въ прелести сущимъ сего житія: ибо единорогъ, гоняй выну, образъ есть смерти яти послѣдствуй Адамля рода; ровъ же весь міръ есть, испол-

ненъ сый всѣхъ смертоносныхъ сѣтей; древо, еже отъ двою мышію безпрестани грыземо, путь есть житія нашего, яко живущимъ намъ комуждо, безпрестани погибаемъ часовъ ради дневныхъ и ноцныхъ и усѣкновение коренное приближается. Четыре аспиды, еже отъ безмѣстныхъ стихій, составлено человѣческое тѣло, имъ же, безчинствующимъ и мятущимся, тѣлесный разрушается составъ. К симъ же огненный онъ и не милостивый змій страшное изобразуетъ адово чрево, зѣвующе пріяти иже нынѣшнихъ красоть паче будущихъ благъ изволившихъ. Медвеная же капля сладость являетъ сего міра сладкихъ: богатство, златолюбіе, словохотіе: яже мы, вѣдуще будущую смерть и безъ конца муку и вѣчное царство Божіе, не лишаемся словохотія свѣта сего, ищуще богатства, гордыни, пиянства, велерѣчія и тако въ невѣдѣніи приходящи смерть, напрасно вся ны восхищаетъ и во адъ сводитъ. Да лѣпо намъ, братіе, остатися сея славы и суетнаго богатства и всѣхъ злыхъ дѣлъ и воспріяти дѣла добрая и плоды духовныя, ими же обрѣсти царство небесное». Подобное изображеніе помѣщено на Васильевскихъ дверяхъ Успенскаго собора въ Александровскомъ монастырѣ Владимірской губерніи *). (Лубочн. картинки, стр. 46).

1398 Б. **Исторія Варлаама и Іоасафа.** Прибавить: точное повтореніе 4 хъ листовой картины № 1398, въ листовомъ размѣрѣ, повидимому работы Нехорошевскаго, — отпечатанное на бумагѣ 1800 года; въ моемъ собраніи. Исторія Варлаама и Іоасафа, или Іоасафа, — духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ обратился въ христіанство Индѣйскаго царевича Іоасафа, не смотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира. Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоценный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою. Авторомъ этого произведенія нѣкоторыя

*) Древности Россійскаго Государства, И. Снегирева, отдѣл. VI

старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина ¹⁾, другія просто Іоанна; въ иныхъ Греческихъ текстахъ имя автора есть Іоаннъ Синайскій или Іоаннъ Лѣствичникъ; въ заглавіи издавнаго Греческаго текста поставлено имя Іоанна, монаха изъ монастыря св. Савы; иные считаютъ эту исторію сочиненіемъ какого нибудь восточнаго, быть можетъ Эіопскаго или Абиссинскаго, христіанина — сочиненіемъ, перешедшимъ потомъ въ Греческую литературу. Что пустынный Варлаамъ былъ лицо историческое, видно изъ свидѣтельствъ Василя Великаго и Іоанна Златоуста, по словамъ которыхъ Варлаамъ жилъ въ III—IV столѣтіи по Р. Х., въ землѣ Сennaаръ, въ Азіи. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іосафата былъ Греческій текстъ, переданный въ Латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго (Georgius Trapezuntius); легенда принесена была въ 1220 — 33 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва нѣсколько Нѣмецкихъ и Французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по Сѣверно-французской передѣлкѣ сдѣланъ былъ въ началѣ XIV вѣка переводъ Итальянскій и т. д. Русскій или вѣрнѣе Старо-славянскій переводъ Варлаама давно уже примкнулъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV—XV столѣтіямъ (Пыпинъ, Очеркъ, 124). Въ XVII вѣкѣ было начато два изданія этой исторіи, одно для Бѣлорусскихъ читателей, въ Кутейнскомъ монастырѣ, съ грубо вырѣзанными на деревѣ изображеніями Іоанна Дамаскина, Варлаама, Іосафа и Авенира на заглавномъ листѣ (въ 1637 г.); другое въ Москвѣ, въ 1680 году, съ двумя гравюрами, отлично вырѣзанными на мѣди Аонасіемъ Трухменскимъ, по рисункамъ Симона Ушакова (см. Русскіе Граверы, 312). О. И. Буслаевъ, въ одной изъ своихъ ста-

¹⁾ Тамъ разсказывается, что при дворѣ калифа Алмансура въ Багдадѣ находился казначеемъ нѣкто Сергій изъ христіанъ и сынъ его первосовѣтникъ калифа Іоаннъ Дамаскинъ, удалившійся впоследствии въ монастырь св. Савы, что близъ Іерусалима. Преданіе приписываетъ ему повѣсть о пустынникѣ Варлаамѣ и царевичѣ Іосафѣ, для которой оригиналомъ послужило индѣйское сказаніе о Буддѣ (Буслаевъ: Русск. Вѣстн. СХ. 677).

тей о сравнительномъ изученіи быта и поэзіи (стр. 639), замѣчаетъ, что, по изслѣдованіямъ новѣйшихъ ученыхъ ²⁾, вся эта исторія есть ничто иное, какъ передѣлка на христіанскія понятія и нравы житія самаго Будды, въ сочиненіи, извѣстномъ подъ именемъ *Далита-Вистара*, при чемъ буддійскія стремленія къ отшельнической жизни послужили образцомъ для стремленій юнаго царевича Іосафа. Отецъ Будды тоже былъ царь. Когда родился у него сынъ, было предсказано, что онъ стяжаетъ великую славу и будетъ или знаменитымъ царемъ, или же вмѣстѣ съ собою возведетъ на престолъ отшельническую жизнь и прославится по всему міру. Чтобы отклонить сына отъ мысли о лишеніяхъ, составляющей принципъ буддійскаго отшельничества, царь окружилъ своего сына во дворцѣ и садахъ всевозможными удовольствіями жизни, чтобы погрузить юную душу его въ чувственныя наслажденія, чтобы внушить и воспитать въ ней отвращеніе ко всякимъ бѣдствіямъ и болѣзнямъ; для того, такъ же какъ и предъ Іосафомъ царевичемъ, строжайше было запрещено дѣлать малѣйшіе намеки на болѣзни, старость или смерть. Но и здѣсь все старанія были напрасны. Черезъ нѣсколько времени, когда царевичъ получилъ отъ отца позволеніе дѣлать увеселительныя прогулки, онъ выѣзжаетъ трижды, и каждый разъ встрѣчаетъ въ мірѣ тревоженій для себя новости о бѣдствіяхъ человѣческихъ и извлекаетъ изъ нихъ назиданіе. Въ первую прогулку, выѣхавъ въ восточныя врата, онъ встрѣчаетъ дряхлаго старика, и узнаетъ, что такое старость; во вторую прогулку, въ южныя врата, онъ видитъ изможденнаго страшною лихорадкой, и знакомится съ болѣзнію; въ третью прогулку, въ западныя врата, встрѣчаетъ похороны, и узнаетъ, что все люди умираютъ. Возмущенный пріобрѣтеннымъ опытомъ, царевичъ остается въ сильномъ раздумьи и волненіи, до тѣхъ поръ, пока новая встрѣча не рѣшаетъ его недоумѣнія и самой судьбы его. Однажды, выѣзжая на прогулку черезъ сѣверныя врата, онъ встрѣчаетъ

²⁾ Liebrecht, *Die Quellen des Barlaam und Iosaphat*, въ журналѣ Эберта *Jahrbuch für roman. u. engl. Literatur* 1860. II, стр. 314. А. Н. Веселовскаго, *Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ*, стр.—158.—Макса Миллера, *Essays* 1872. III, стр. 322 и слѣд.

необыкновенно страннаго человѣка. Смиреніе соединилось въ немъ съ величіемъ. «Что это за человѣкъ?» спрашиваетъ царевичъ своего возницу. «Господинъ, отвѣчаетъ возница, это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ называютъ нищими. Онъ отказался отъ всякихъ удовольствій и желаній и проводитъ жизнь строгую. Онъ стремится только къ одному, чтобы покорить самого себя, и избралъ житіе созерцательное. Безъ страстей и безъ зависти обходить онъ міръ и просить милостыню». «Вотъ это хорошо сказано, восклицаетъ царственный юноша: мудрецы всегда восхваляли созерцательную жизнь. Таково будетъ и мое прибѣжище и всѣхъ другихъ людей: это поведетъ насъ къ истинной жизни, къ счастью и безсмертію!»³⁾.

Содержаніе романа о Варлаамѣ и Іоасафѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: Индійскій царь Абеннеръ (Авениръ), идолопоклонникъ, гонитъ христіанъ и христіанство, начинавшее проникать въ его страну. Когда одинъ изъ главныхъ приближенныхъ царя пошелъ въ отшельники, ненависть Абеннера къ христіанству усилилась еще болѣе. Въ это время у него, долѣ бездѣтнаго, родился сынъ необыкновенной красоты, котораго нарекли Іоасафомъ. Царь призываетъ звѣздочетовъ и спрашиваетъ о судьбѣ сына. Всѣ пророчатъ ему будущее богатство и могущество; одинъ только искуснѣйшій изъ всѣхъ говоритъ, что царство его будетъ не въ этомъ мірѣ, а въ другомъ, лучшемъ, и что царевичъ, по видимому, будетъ послѣдователемъ новой религіи, которую теперь преслѣдуетъ его отецъ. Чтобы избѣгнуть исполненія этого пророчества, царь приказалъ построить сыну отдѣльную палату съ богатыми покоями, окружилъ его молодыми и прекрасными воспитателями и строго запретилъ имъ пускать постороннихъ или доводить до свѣдѣнія царевича, что на свѣтѣ существуетъ смерть, старость, болѣзнь или бѣдность, или что-бы то ни было печальное, дабы, наслаждаясь настоящимъ, душа его не обращалась къ будущей жизни и онъ не могъ ничего услышать объ ученіи Христа.

³⁾ Архим. Хрисанова, *Религіи древняго міра*, I, 377—371.—Буслаева, 640.

Въ своемъ искусственномъ заключеніи Іоасафъ совершенствовался и тѣломъ и душой, удивляя учителей и царя остроуміемъ своихъ вопросовъ. Понявъ, что его держатъ въ заключеніи по волѣ отца, онъ спрашиваетъ о причинѣ того у одного изъ своихъ воспитателей, а за тѣмъ у и самого Абеннера. Отвѣтъ царя его не успокоилъ. «Знай, говоритъ ему царевичъ, что не радость, а высшую скорбь причиняешь ты мнѣ такимъ способомъ», и даже, что онъ не иначе можетъ освободиться отъ этой скорби, какъ получивъ позволеніе выходить, куда онъ захочетъ. Царь принужденъ былъ согласиться, но строго приказалъ удалять съ дороги царевича все, могущее возбудить въ немъ скорбныя мысли. Приказанія Абеннера исполнялись нѣкоторое время въ точности. Но вотъ однажды, по небрежности слугъ, царевичъ увидалъ двухъ мужей, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ проказою, а другой слѣпъ, и впервые узнаетъ изъ распросовъ, что такое болѣзнь. Нѣсколько дней спустя, онъ увидѣлъ старика съ сморщеннымъ лицомъ, дрожащими ногами, бѣлыми волосами и безъ зубовъ,—и узнаетъ, что такое старость и неизбѣжная для всякаго человѣка смерть. «Горестна эта жизнь», подумалъ царевичъ, «и какъ человѣкъ можетъ наслаждаться ею въ ожиданіи неизбѣжной смерти! И меня она постигнетъ, и всѣ обо мнѣ забудутъ! Но что будетъ потомъ со мною? Обращусь-ли я въ ничто? Или есть еще другой міръ и другая жизнь?» Послѣ этого царевичъ искалъ человѣка, который могъ бы успокоить его и утѣшить. Въ это время въ пустынѣ Сенаарской жилъ одинъ пустынный, достигшій высшаго совершенства въ знаніи и жизни, по имени Варлаамъ. Узнавъ по откровенію о душевномъ гладѣ царевича, онъ покинулъ пустыню и въ образѣ купца приобрелъ въ землю Индійцевъ. Здѣсь, явившись къ воспитателю Іоасафа, онъ говоритъ, что привезъ драгоценный камень, который готовъ продать царевичу; такой драгоценности еще не видано: сердца слѣпыхъ онъ освѣщаетъ свѣтомъ истины, глухимъ открываетъ слухъ, нѣмымъ даетъ голосъ, больныхъ исцѣляетъ, глупыхъ умудряетъ, демоновъ изгоняетъ; обладатель его пользуется всѣми благами,—но онъ видимъ лишь тому, кто имѣетъ чи-

стое, здоровое зрѣніе и цѣломудренное тѣло. Царевичъ проситъ показать ему этотъ камень. «Прежде нежели исполнить твое желаніе, отвѣчаетъ Вараамъ, я долженъ испытать твой разумъ. Если въ сердцѣ твоёмъ я найду благодарную почву, я безъ колебанія вложу въ нее божественное сѣмя. Я надѣюсь на успѣхъ; изъ за тебя совершилъ я этотъ далекій путь, чтобы показать тебѣ то, чего ты не видѣлъ, и научить тому, о чемъ ты не слышалъ прежде. Варлаамъ тайно креститъ царевича, который хочетъ послѣдовать за нимъ въ пустыню; но Варлаамъ совѣтуетъ ему повременить, отказывается отъ денежнаго подарка и удаляется, оставивъ на память царевичу, и по его просьбѣ, свою грубую одежду, вмѣсто которой беретъ одежду Іоасафа, также старую и изорванную. Между тѣмъ начальникъ надъ дворцемъ царевича, Зарданъ, слѣдитъ съ безпокойствомъ за частыми посѣщеніями Варлаама. Узнавъ тайну его сношеній съ Іоасафомъ и боясь отвѣтственности передъ царемъ, онъ все ему открываетъ. Огорченный царь призываетъ своего любимаго совѣтника Арахеса, человѣка мудраго и опытнаго звѣздочета. Арахесъ совѣтуетъ царю сейчасъ же послать въ погону за Варлаамомъ, поймать его и мучить до тѣхъ поръ, пока онъ не сознается передъ царевичемъ въ ложности своего ученія. «Если же онъ успѣетъ скрыться, говоритъ Арахесъ, то я укажу вамъ мудраго пустынника нашей вѣры, моего бывшаго учителя математики, Нахора: онъ такъ похожъ на Варлаама, что ихъ отличить невозможно; мы уговоримъ его въ присутствіи царевича вступить въ преніе съ язычниками подъ именемъ Варлаама и какъ бы для защиты христіанства; поспоривъ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ». Погоня, посланная за Варлаамомъ, не удалась; Нахоръ, явившійся въ спорѣ защитникомъ христіанства съ цѣлію дать побѣдить себя, самъ увѣровалъ въ истиннаго Бога и, укрѣпленный царевичемъ въ истинахъ правой вѣры, тайно бѣжалъ въ пустыню. Тогда жрецы, опасавшіеся, какъ бы самъ царь не сдѣлался равнодушнымъ къ ихъ религіи, послали за волшебникомъ Теудасомъ, который, при помощи подвластныхъ ему демоновъ, обѣщаетъ обратить царевича. По со-

вѣту Теудаса, Іоасафа окружили красавицами, съ цѣлью возбудить его страсти; волшебникъ наслалъ на него демона вождельнія, который, вселившись въ самую красивую прислужницу Іоасафа, смущалъ его всѣми мѣрами. Царевичъ избѣжалъ искушеній, прибѣгнувъ къ молитвѣ и посту, — демоны посрамлены; самъ Теудасъ обратился въ христіанство.

Видя безплодность своихъ начинаній, Абеннеръ, слѣдуя совѣтамъ Арахеса, раздѣлилъ свое царство на двѣ части и одну изъ нихъ предоставилъ сыну. «Можетъ быть, заботы о житейскихъ дѣлахъ привлекутъ его въ нашу сторону, говорятъ Арахесъ; еслижъ этого и не случится, ты все-же не лишишься сына». Іоасафъ не сопротивлялся волѣ отца, хотя его и влекло въ пустыню къ Варлааму. Прибывъ въ назначенный ему городъ, онъ наставлялъ народъ въ истинной вѣрѣ, сдѣлалъ изъ своей страны образецъ христіанскаго царства; подъ конецъ самъ Абеннеръ раскался въ своемъ нечестіи и увѣровалъ въ истиннаго Бога. Послѣ того, онъ передалъ все царство сыну, а самъ каялся въ грѣхахъ своихъ. Когда черезъ четыре года онъ умеръ, Іоасафъ его оплакалъ; затѣмъ, собравъ во дворцѣ вельможъ и нѣкоторыхъ гражданъ, объявилъ имъ о своемъ желаніи удалиться въ пустыню. Кого желаютъ они, чтобы онъ поставилъ надъ ними царемъ? Огорченные граждане не хотятъ отпустить его; тогда, назначивъ на свое мѣсто одного изъ вельможъ, Варахию, Іоасафъ скрывается отъ нихъ ночью. Напрасно погнались за нимъ горожане и привели назадъ: Іоасафъ далъ клятву, что не останется съ ними, и удаляется, сопровождаемый общимъ плачемъ. Отдавъ свое платье бѣдняку и оставшись въ власяницѣ, подаренной ему Варлаамомъ, царевичъ отправляется искать его въ Сенаарскую пустыню. Два года скитается онъ здѣсь среди лишеній и искушеній, уготованныхъ ему дьяволомъ; наконецъ одинъ пустынникъ указалъ ему путь къ Варлааму. Учитель и ученикъ свидѣлись, Іоасафъ поселился въ пещерѣ Варлаама и показалъ такую способность къ лишеніямъ, бдѣнію и неустанной молитвѣ, что превзошелъ самаго учителя. Проживъ 35 лѣтъ въ пустынѣ, схоронивъ своего на-

ставника, Іоасафъ мирно скончался. Въ самый часъ кончины пришелъ пустынный, когда-то указавшій ему путь къ Варлааму, и похоронилъ его рядомъ съ нимъ. Этому пустыннику явился во снѣ страшный мужъ и приказалъ идти въ царство Индійское возвѣстить о смерти угодниковъ. Варахія, услышавъ эту вѣсть, пришелъ въ пустыню Сенаарскую съ толпой народа, нашелъ тѣла нетлѣнными и благоухающими и съ торжествомъ перенесъ ихъ въ свою столицу (Веселовскій въ Истор. Лит. Галахова, стр. 422—425).

У Безсонова приведены разные варианты *разговора* царевича Іоасафа съ пустынею (Калики, I. 205—268), а также и русская побывальщина о жизни царевича: у невѣрнаго царя Ѳевдула въ землѣ Идолской былъ сынъ Асафъ царевичъ. Не ходитъ Асафъ царевичъ по гуляньямъ, не бываетъ онъ на бесѣдахъ, а сидитъ себѣ въ особой горницѣ затворникомъ. Стало тое дѣло королю, его батюшкѣ, не любо, пошелъ онъ къ нему въ особую горницу и говоритъ: «Что же ты, сынъ мой любезный, Асафъ Ѳевдуловичъ, сидишь не весель, не радостенъ? Какъ повѣровалъ ты вѣру не нашу, повѣровалъ вѣру христіанскую, не выходишь изъ особой горницы. Пошелъ бы хоть на гулянье». — Не хочу прогнѣвить тебя, батюшка, иду». — Даетъ король указы, чтобы старые на тотъ день не показывались на улицу. «Ступай же, сынъ мой любезный, забавляйся, сколько душѣ угодно». — «Не все батюшка, забавиться: надобно и о смертномъ часѣ подумать; вѣдь когда нибудь постарѣемъ и помремъ». — «Коли будешь, сынъ мой любезный, вѣру вѣровать нашу, не постарѣешь и не помрешь». Идетъ Асафъ царевичъ на гулянье; на улицахъ дородные молодцы, красныя дѣвицы, молодья молодичи: поютъ, пляшутъ, забавляются; выкачены сороковыя бочки вина, накрыты столы на цѣлый городъ: пей, ѣшь, чуди, что хочешь. Асафъ царевичъ не глянетъ ни на молодцевъ, ни на дѣвокъ, идетъ за городъ. Встрѣтился ему старъ человекъ, такой ветхій, что и поле пахать не можетъ. Говоритъ Асафъ царевичъ: «Батюшка сказалъ мнѣ, что въ его царствѣ не старѣютъ и не умираютъ, а вотъ какой есть старъ человекъ». От-

вѣчаетъ ему старъ человекъ: «Ой, дитятко! какъ въ лѣта войдешь, хуше меня будешь, да и помереть надо дитятко». Съ того слова прошелъ Асафъ царевичъ въ пустыню. Здѣсь однажды говоритъ ему Ангелъ Господень: «Ты въ пустынѣ живешь—спасаешься; а есть крестьянинъ — мужикъ на деревнѣ, есть у него жена и любовница, — онъ выше тебя». Стало не любо такое слово преподобному Асафу: «Я, де, въ пустынѣ живу, женскаго пола не вижу, а тотъ мужикъ двухъ бабъ держитъ и выше меня!» — Ангелъ Господень отлетѣлъ прочь, а Асафъ царевичъ отправился провѣдывать мужика, отчего онъ выше его. Прощелъ онъ верстъ десять, глядитъ: мужикъ оретъ. «Богъ помочь, крестьянинъ». — «Пожалуй старецъ ⁴⁾, милости просимъ». — Разговорился съ нимъ старецъ, а того не знаетъ, что это и есть мужикъ, который выше его. Ёсть захотѣлось старцу, онъ и говоритъ мужику: «Крестьянинъ, пора обѣдать». — «Рано старецъ». — Второй разъ напоминаетъ Асафъ царевичъ; слышитъ тотъ же отвѣтъ: «Рано, старецъ». — Наконецъ третій разъ крестьянинъ говоритъ: «Почти что тое время приходитъ; поди ступи на мою правую ногу. — Ступилъ старецъ на его правую ногу: трезвонъ слышитъ небесные, на небеси обѣдня отходить. Сълъ крестьянинъ обѣдать и старца накормилъ, а потомъ сталъ опять орать. Между тѣмъ ночь подходит и Асафъ царевичъ собрался въ путь. — «Куды, старецъ, идешь?» — «Иду, куда въ путь несеть, да не знаю хорошенько дороги, тебя сожидая». До вечера мужикъ пахалъ, а потомъ пошли вмѣстѣ со старцемъ въ путь. Поужинали въ избѣ крестьянина. Мужикъ помолился Богу, три раза поклонился и легъ спать: законную жену взялъ на руку, незаконную на другую. Старецъ легъ въ большомъ углу и глядитъ на мужика. Поутра высталъ Асафъ царевичъ, вымылся, помолился и мужика за хлѣбъ-соль поблагодарилъ. Поблагодаривши, говоритъ ему: «Вотъ ты двухъ женъ держишь, а мы въ пустыни во вѣку женскаго пола не видимъ». — «Хорошо было тебѣ смотрѣть, старецъ, а ты поди, лягъ

⁴⁾ Іоасафъ здѣсь называется *старцемъ*, будучи еще юношей; см. Безсоновъ Калики, I. 239.

на мою постель». — Пошелъ старецъ и хочетъ лечь. Анъ среди постели, гдѣ спитъ мужикъ, гвоздь въ палець. — «Какъ молодъ я былъ, сказалъ крестьянинъ, такъ спотѣшалъ и красную дѣвицу въ стыдъ ввелъ. Вѣдь не бросить же ее, вотъ долженъ кормить до старости». — Старецъ простился съ нимъ и пошелъ на свое мѣсто. Въ пустыни записка писана, на столъ кладена: «Когда ты чужіе грѣхи провѣдываешь, такъ вотъ яма: буде наполнишь ее водою, избудешь грѣхи, а не наполнишь, попадешь прямо въ адъ кромѣшный; вотъ пенъ смоливый: буде выростутъ листья, яма водою наполнится». Худо стало жить старцу: не придетъ Ангелъ Господень, не принесетъ пищи. Сталъ онъ воду таскать и лить въ яму: вода сквозь землю идетъ, а когда-то еще на нѣ листья выростутъ. А былъ отъ пустыни не далеко городъ. «Пойду хоть въ городъ, говоритъ старецъ, ѣсть хочется, а нечего». Когда пришелъ онъ къ городу, солнышко было на закатѣ. Подошелъ къ церкви и черезъ церковную ограду видитъ, покойницу несутъ, а церковь-то заперта. Постояли, подождали, да и оставили покойника на паперти, а сами пошли спать. Видитъ старецъ: бѣжитъ молодецъ къ церкви; а покойница, красная дѣвица, при жизни надъ нимъ тѣшилась и издѣвалась. Вотъ онъ захотѣлъ хоть мертвой помстить, и надругался надъ дѣвицей. Думаетъ себѣ старецъ: не хорошо дѣвушка въ срамѣ въ могилу итти. Взялъ старецъ омылъ покойницу въ рѣкѣ, положилъ во гробъ, простился, приложился и пошелъ прочь въ пустыню по своимъ слѣдамъ. Глядитъ яма полнымъ полнехонька воды, на нѣ листья выросли, прилетѣлъ Ангелъ Господень и говоритъ: «Теперь ты избылъ грѣхи, пищи писаніе про свою жизнь». Старецъ написалъ писаніе и прославился. По три дни, по три ночи явился въ церкви гласъ: «Ищите кругъ града святаго». Идетъ на градъ темняный (ладонный) духъ, дымъ столбомъ валитъ изъ пустыни. Пошли градскіе люди туды, нашли святаго старца и его писаніе. Писаніе это состояло изъ разговора Юасафа царевича съ пустыней и его плача (Безсоновъ, Калики).

1400. О житіи Василя и Максима см. у Ключевского, 319 и 245.

1401. **Св. Василій Великій**, работы Карновскаго, долженъ быть отнесенъ къ подноснымъ листамъ.

1406. Въ моемъ собраніи есть изданіе этого листа (а) на синей бумагѣ 1800 года; первая строка молитвы заканчивается словами: «учителие пастырие».

1407. **Вѣра съ крестомъ въ рукѣ**; гравировалъ ее Адрианъ Шхонебекъ (Adrian Schoonebeck), голандскій граверъ 1661—1714, ученикъ Ромейна де Хогхе (de Hooghe). Въ 1698 году онъ познакомился съ Петромъ Первымъ вѣроятно у собирателя древностей де Вилде, къ которому Петръ часто хаживалъ смотрѣть музей и дочь котораго, Марія, училась у Шхонебека гравированію вмѣстѣ съ Петромъ. Въ 1698 году Шхонебекъ поступилъ на царскую службу при Оружейной Палатѣ, обучилъ своему искусству А. Зубова, П. Бунина и Василя Томилова и награвировалъ множество громадныхъ и неряшливо выполненныхъ крѣпкою водкой баталій, картъ и триумфальныхъ картинъ, описанныхъ въ «Русскихъ Граверахъ», на листахъ 343—353. Шхонебекъ заставлялъ учениковъ своихъ копировать изъ Библии Пискатора, онъ-же привезъ съ собой и нѣсколько экземпляровъ Дюреровыхъ страстей *для продажи* (одинъ экземпляръ ихъ съ такою помѣтою находится въ библіотекѣ Александро-Невской Лавры) и даже доску работы своего учителя, описанную подъ № 1340-мъ. Изъ картинокъ Шхонебека, попавшихъ въ народное обращеніе, описаны: Христосъ и Богородица № 1102 (гравиров. въ его манерѣ) и фигура Вѣры съ крестомъ № 1407.

1407 А. Прибавить: «Сѣтя Мчѣцы союя и дщері ея вера Надежда і любовь», въ ростѣ. Листовая картинка, рѣзанная на мѣди въ концѣ прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи есть два

изданія ея: *a*, — доска внизу надтреснула, но оттискъ еще хорошъ; и *b* — трещина усилилась, голова св. Вѣры отпечаталась очень плохо.

1407 Б. Прибавить: Архангелъ Гавріилъ, съ лиліей въ рукѣ (изъ Благовѣщенія), съ подписью: «Аѳонасіѣ Трухменской». Выш. $3\frac{3}{4}$ шир. $2\frac{1}{4}$ вершка. Картинка эта, вмѣстѣ съ тремя другими (Богоматерь на лунѣ, № 1126; Богоматерь: «красна яко луна», № 1246 и Знаменіе съ молитвой, № 1130), вклеена въ рукопись: «Звѣзда пресвѣтлая», принадлежащую Ѳ. И. Буслаеву.

1414 А. Св. Великомуч. Георгій. Прибавить: таже картинка, съ тѣми-же подписями; внизу, въ правомъ углѣ, подпись мастера: «Григорова^а марти^а нехорошевски». Въ моемъ собраніи отпечатокъ на бумагѣ 1800 г. О Георгіи поется много стиховъ каліками и особый стихъ о томъ, какъ онъ избавилъ отъ змѣя царицу Алексафію (Елисавету). — См. О. Миллеръ, Опытъ, 321. См. также Георгіево мученіе въ Памятн. отреч. лит. Тихонравова, II. 100, и диссертацию г. Кирпичникова (СПБ. 1879), въ которой изслѣдованы всѣ матеріалы по этой части. — Въ наши картинки апокрифическія сказанія о великомуч. Георгіѣ не вошли.

1415. Св. Георгій на конѣ. Это долженъ быть подносный листъ.

1418. Св. Георгій, Михаилъ, Бориеъ и Глѣбъ. Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще четыре изданія этого листа, съ слѣдующими надписями надъ кн. Борисомъ: изд. *a*, — «сѣ блговернии кнѣзь борисъ»; изд. *i*. 1820—30 гг. — «страстотерпецъ великий Князь боризъ»; изд. *d*. 1830—40 гг. — «стастотерпоцъ ве князь боризъ»; и наконецъ изданіе *e* 1830—40 гг. съ совершенно истертой доски изданія *a*.

1420. Препод. Герасимъ съ дѣяньемъ. Прибавить еще изданіе *e*, въ которомъ послѣдняя строка текста кончается словами: «близъ гроба стѣ». Въ моемъ собраніи. Исторія о препод. Герасимѣ, какъ онъ излѣчилъ льва и какъ левъ служилъ ему, заимствована,

съ значительными измѣненіями, изъ книги: «Лимонарь, сирѣчь цвѣтникъ. Кіевъ 1624», листъ 69 об. Легенда объ излѣченіи льва приписывалась также и св. Иерониму: въ СПБ. Пуб. Биб. есть древняя картинка, рѣзанная на деревѣ, которую г. Минцлофъ относитъ къ 1400 году; на ней представленъ св. Иеронимъ въ кардинальской шапкѣ, извлекающій изъ лапы льва занозу (Minzloff, Souvenir de la bibliothèque Impériale publique de St. Petersbourg. Leipzig 1863. Тамъ приложена копія съ этой картинки). Бароній однако-же замѣчаетъ, что легенда о левѣ приписана св. Иерониму безъ достаточныхъ основаній и должна относиться къ преп. Герасиму (Baronii, Annales. Paris 1724. III. 413).

1423. Св. муч. Григорій Армянскій. Это долженъ быть подносный листъ.

1424. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ находится глава св. Григорія Богослова, принесенная туда въ 1643 г., вмѣстѣ съ иконою Влахернской Богородицы.

1427. Образъ девяти мучениковъ. Прибавить изданіе *e*, въ которомъ первая строка молитвы заканчивается словами: «руе антипатре». Въ моемъ собраніи.

1428 А. Прибавить: Образъ девяти мучениковъ «иже въ китцѣ». «Гра. А. Петровъ»; ценз. въ 1846 г.; изд. Лопухина; въ металлогр. Цвѣткова. Грав. на мѣди, въ большой листъ.

1429—1442. О портретахъ св. Димитрія Ростовскаго см. мой: Словарь русскихъ портретовъ (стр. 43); о брадобритіи (№№ 1435 и 1436) говорится подробно въ заключеніи; картинка № 1437, по предположенію Снегирева, есть копія съ той, которую запрещено было продавать, ибо она была выпущена въ то время, когда чудеса святаго еще «не были апробованы».

Св. Димитрій, митрополитъ Московскій, род. въ 1651 г. въ городѣ Макаровѣ близъ Кіева; вступилъ въ монахи 17-ти лѣтъ; съ 1684 года, по порученію Варлаама Ясинскаго приступилъ къ составленію Четьихъ Миней (которыя до него уже изготовлялись Петромъ Могилою и Гизелемъ); съ 1702 года состоялъ митрополитомъ Ростовскимъ; умеръ въ Ростовѣ 28 октября 1709 г.; признанъ святымъ 22 апрѣля 1757 года. Изъ его твореній упоминаются въ нашемъ изслѣдованіи: Руно орошенное (чудеса иконы Черниговской Ильинской Богородицы); Разсужденіе о образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ (Москва 1707, 1714, 1717. 8°); Книжка противъ защитниковъ бороды (она перепечатывалась часто по приказанію Петра I-го), и включена въ сочиненія Димитрія Ростовскаго противъ раскольниковъ: *Розыскъ*. — Св. Димитрій написалъ тоже нѣсколько библейскихъ драммъ (Евгеній, Слов. духовн. писат. 1827 г., I. 153).

1439 А. **Св. Димитрій Ростовскій**. Прибавить: повтореніе точъ въ точъ № 1439, съ незначительными поправками и прибавками въ текстѣ; внизу прибавлено: «чудо ѿз. Ярославсково уѣзду вотчины капітана аполона Иванова сына хомутова деревни вникі крестьянина егора савельева жена ево дарья ѿдержима была ѿ нечистаго духа девять мѣвъ в тою болезни страдала билась ламалась и тосковала дни и ноци видеже мужъ ея зело страдающе положилъ намѣрениа какъ бы ѿвестъ ю в ростовъ кновоявлѣнному чудотворцу стѣлю димитрию сего ѿѣз году привесъ мужъ ея в'яковлевской мѣтръ тогда мужъ хотяще совѣсти ю въ црковь ко гробу стѣго димитриа то паки мучима ѿ бѣса зело тогда народъ въ ведѣ ю вцрковь ко гробу стѣго она-же ѿ великаго мучения паде на землю на долгъ часъ тогда сщеникъ ѿпѣвъ панахиду патша стала здрава». Въ моемъ собраніи.

1443 А. **Димитрій Селунскій**. Таже картинка, изданіе 1808 года; въ тропарѣ — 8 строкъ. Въ моемъ собраніи.

1443 Б. Прибавить: Св. Великомученикъ Димитрій, на конѣ, поражаетъ дьявола. Выш. 11, шир. 9. 1 (Франц. дюймовъ). Гра-

виора на мѣди, которую дѣлалъ, какъ видно изъ подписи: «Анастасіи», — плохой граверъ половины XVIII вѣка (Русскіе граверы, стр. 150).

1444 А. Прибавить: «Святѣи Велико мѣнкъ Димитрій» въ ростъ, съ пальмовой вѣтвію въ правой рукѣ; кругомъ рамка рококо. Листовая картинка, гравированная на мѣди въ половинѣ прошедшаго вѣка. Въ моемъ собраніи экземпляръ на бумагѣ 1801 года. Въ Дымковской церкви, въ Великомъ Устюгѣ, находятся два замѣчательные образа Великомученика Димитрія Селунскаго. На первомъ изъ нихъ Великомученикъ изображенъ въ моленіи передъ Спасителемъ; внизу подпись: «725 года Октября въ день повелѣніемъ Преосвященнаго Боголѣпа писалъ сей образъ Иванъ Кондаковъ». На второмъ — Великомученикъ представленъ сидящимъ на престолѣ (на подушкѣ), съ мечемъ въ рукѣ, до половины вынутымъ изъ ноженъ; внизу подпись: «Лѣта отъ рождества христова тысяча семь сотъ десятаго мѣсяца Апрѣля повеленъ сей образъ». По преданію, этотъ образъ подаренъ въ Дымковскую церковь в. к. Шемякой; на великомученикѣ огромный вѣнецъ и цата, эмальированные по мѣди, — Сольвычегодской работы (смѣсь перегородочной и наплавной — *champlevée*).

1445. **Димитрія Царевича** въ моленіи Спасителю есть замѣчательный образъ въ Серпуховскомъ Владычномъ монастырѣ, сходный по переводу съ № 1445, съ надписью на окладѣ: «Влѣт зрѣт. іюня в. къ^н Поставле^н бысть сїи стѣий образъ стѣго великомника цркви прчтѣя бѣа чтѣнаго і славнаго ея введенія. Повеленіе^н блгочѣтиваго и хртолюбиваго цря и великаго кнзя василія ивановича всея русїи вїны ради сичевья. в то убо время бысть междоусобица попускающе бгѣу. а врагу дѣйствующу грѣх ради нашихъ. понеже людїе завистїю побѣждаеми і гордостїю. воста оубо сѣверная страна на московское гдѣрство корысти ради велики^х наочени бѣсовскими лєстѣми. і крови пролишася тогда яко воды на землю. и бжїею млгїю. и молитвами стѣа прѣвича димитрія бы^т

побѣда велія на бѣопротивныя тѣя люди и лютыя разбойники пришествіе^н стѣго сего образа с москвы в серпуховъ. іюня в. е^лна память стѣго м^нка дорожія еп^а Тирьского» (Историческое описаніе Серпуховскаго Владычнаго монастыря. Москва 1866, стр. 63). Икону эту видѣлъ я въ совершенной цѣлости въ 1879 году.

1449 А. Св. Евдонія. См. подъ № 1479 А.

1454 А. Прибавить: **Преподобный Елеазаръ**, съ видомъ устроеннаго имъ Анзерскаго скита; листовая картинка, гравированная на мѣди; изданіе на синей бумагѣ 1800 г. Подпись внизу картинки: «Во дни Благодетиваго Цр^я Михаила Феодоровича, приде Преподоб. Елеазаръ въ соловецкы м^нтырь и приедемъ бысть Ігуменомъ Иринархомъ и помалу времени преселися на анзерскій островъ отстоящъ отъ Соловецкаго острова моремъ 5 верстъ и пострижеса тамо въ лѣто 1616 по нѣколицѣхъ лѣтѣхъ церковь каменную воздвиже и братію собра поживѣ во иночес на вышеречен остро 40 лѣтъ и преставися 1656 погребень ту честно». Въ моемъ собраніи.

1455. **Зосима и Савватій**. Изображенія ихъ кромѣ того находятся почти на всѣхъ видахъ Соловецкаго монастыря, перечисленныхъ во II-й и IV-й книгахъ. Въ Московскомъ Музеумѣ есть иконное изображеніе этихъ святыхъ, рисованное перомъ, въ листъ, и приготовленное для гравировки, съ подписью: «изобразилъ Симонъ Ушаковъ 194 г., рѣзалъ Василій Андреевъ»; гравюры съ этого рисунка мнѣ не встрѣчалось. Въ Соловецкомъ монастырѣ находится икона Зосимы и Савватія съ дѣяньемъ въ 30 отдѣленіяхъ, домашняго, монастырскаго, письма XVI вѣка, довольно хорошаго; въ ризницѣ сохраняются два вырѣзанные изъ дерева изображенія Зосимы и Савватія на ихъ гробовыхъ крышкахъ; тамъ-же сохраняется чрезвычайно замѣчательное лицевое житіе ихъ, описаніе котораго, здѣсь предлагается: Книга въ большой листъ; 7 листовъ предисловія и 630 листовъ нумерованные (а — іх). На первомъ листѣ предисловія текстъ: «Сія дшеполезная

книга житія пр^бныхъ и бѣоносныхъ оцѣ нашихъ, первоначальныхъ основателей, и строителей стѣя ч^тныя соловецкіе киновіи, зосимы, и савватія, и германа, и прочихъ оугодниковъ бж^тихъ соловецкихъ написаса вълѣто ѿ созданія міра ,зсѣи, ѿ воплощенія же бга слова ,аѿаи. въ Православное и преславное цр^твѣе бл^гочт^виваг^ω и х^ртолюбиваг^ω, великаг^ω гд^ря нашег^ω цр^я. и великаг^ω кн^зя петра але^зевича.... тцаніемъ всец^тнаго гд^ина отца Ѳурса архімандрита, казначеа іеромонаха дор^ωея, тоя же ч^тныя соловецкія киновіи съ братією. По ихъ же оусерднѣйшему тцанію писали сію книгу (садъ с^псенія); зуграфное мастерство тоя-же Соловецкіе киновіи постриженникъ мона^х Никонъ; да жители сава н^икифоровъ, григорій смесоновъ, черниложе, новгородскаго и великолудскаго архіереа, прес^вщеннаг^ω митрополита іова писецъ, д^имитр^й михайловъ але^зандровец...» Каждая страница окаймлена рамкою съ незатѣйливыми украшениями изъ завиточковъ; въ концѣ каждой статьи заставка; все это раскрашено соковыми красками, часто съ позолотою на чесноковомъ сокѣ. Послѣ двухъ листовъ предисловія слѣдуетъ оглавленіе на пяти листахъ: листъ а—въ красивой рамкѣ заголовокъ: «садъ с^псенія, сирѣчь, житія»....; на оборотѣ—заглавный листъ съ поколѣнными изображеніями въ медальонахъ: Преображенія Господня, Филиппа митрополита, препод. Зосимы, препод. Савватія, препод. Германа, препод. Василія, препод. Иринарха, препод. Васіана, препод. Іовны, св. Іоанна, препод. Антонія и св. Логина. За тѣмъ слѣдуютъ текстъ и житіе и чудеса преподобныхъ, въ лицахъ*). Нѣкоторыя изображенія сдѣланы въ цѣлую страницу, остальные занимаютъ не болѣе половины страницы; лица на желткѣ писаны корпусными красками (съ бѣлилами); вѣнцы вызолочены на чеснокѣ; украшения, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, росписаны золотою краскою, кистью (по иконному); по колеру и манерѣ рисунки эти напоминаютъ иконы второй половины XVII в. Московскихъ царскихъ писемъ. По множеству рисунковъ и не-

*) На л. 128 обор. находится изображеніе вел. кн. Василія Васильевича и его бояръ.

обыкновенной тщательности ихъ отдѣлки, рукопись эта должна быть отнесена къ самымъ цѣннымъ и замѣчательнымъ иконографическимъ памятникамъ. Нѣкоторыя заставки — съ изображеніями изъ житія святыхъ; другія же составлены изъ однѣхъ травъ, и писаны простыми соковыми красками. Вполнѣ оконченныхъ рисунковъ въ цѣлую страницу 12; а въ полъстраницы 263; заставокъ 24, изъ нихъ съ лицами 3 и одна отлично исполненная съ изображеніемъ Успенія Богородицы (стр. 2). Всего 275 изображеній и 24 заставки.

1456. **Они же.** Прибавить: изданіе *г*, съ окончаніемъ «зосимо и саватїи». Въ моемъ собраніи.

1459 А. **Преподобные Зосима и Савватїи, Соловецкіе Чудотворцы;** они изображены въ ростъ, съ хартіями въ рукахъ; позади ихъ видѣнъ Соловецкій монастырь, а посрединѣ столбецъ, на которомъ помѣщены тропарь и кондакъ преподобнымъ: «яко свѣтилница явистеса . . . ѿ всѣхъ насъ» (всего 20 строкъ). Листовая гравюра на деревѣ, отпечатана съ подлинной гравированной доски, принадлежащей В. А. Прохорову (временно находящейся въ музеѣ Археологическаго института Н. В. Калачова).

1459 Б. «**Молитва Ангелу Хранителю**», вырѣзанная на оборотѣ той же доски № 1459 А. «Аггле Хртвъ стый к тебѣ припадаю молю тя | хранителю мой . . . . . и во вѣки вѣковъ аминь. | Издадеся на семь листу. зсз го^л, мѣа сентября въ нѣ ден» (1695 г.). Листовая картинка.

1465. **Пророкъ Илья.** Прибавить: въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки, на бумагѣ 1810 года; первая строка молитвы заканчивается въ немъ словами: «еси въ убїе». Привожу изъ Клиновскаго подлинника XVIII вѣка толкованіе о колесницѣ и коняхъ Ильи Пророка. «Лексиконъ стихъ 661. *Вопр.*: Колесница огненныи кони огненни в божественныхъ явленіяхъ свя-

тымъ пророкомъ что есть? *Отв.*: Навыкаемъ отъ святыхъ писаній, яко святїи дуси служебнїи приточнїѣ тако пишутся конемъ являютъ ихъ благопокоривое и благообразное ко творцу богу всѣхъ а еже бѣлообразни кони симъ знаменуетъ свѣтлое и яко паче божественнаго свѣта сродное. а еже черны се являютъ сокровенное, червленнымъ же являютъ огневидное и сильное — смѣнныхъ же отъ бѣлаго и чернаго . . . совокупчинныхъ прїобщенїе — . . . крилата . . . невозвратнѣ . . . шествующе» (Подл. Клинов. 140 об). Тамъ же приведена подпись у житія святаго пророка Іліи: «1) Пророчество философа о рожденїи святаго пророка Іліи. 2) Рождество святаго пророка Іліи. 3) Святый пророкъ Ілія молитвою заключи небо да не будетъ дождь на землю. 4) Святый пророкъ Ілія сѣдѣ при потоцѣ хараооѣ и вранове приношаху ему пищу. 5) Святый пророкъ Ілія прїидѣ въ домъ жены вдовицы. 6) Св. пророкъ Ілія прїиде ко вратомъ града и ту жена собираще дрова. 7) Умре сынъ вдовы у нея-же св. пророкъ Ілія пребываше. 8) Святой пророкъ Ілія молитвою воскреси сына вдовича. 9) Прїиде святый Ілія ко Ахаву царю. 10) Срѣте Ахавъ с. п. Ілію и рече ты ли еси развращаяи израїля. 11) Св. Ілія повелѣваетъ жерцамъ уготовати жертву. 12) Жерцы Вааловы молятся о жертвѣ. 13) Св. Ілія молитвою огонь сведе на жертву. 14) Св. Ілія закла жерцовъ Вааловыхъ ножемъ. 15) Моленіе о дождѣ св. пророка Іліи. 16) Св. пророкъ Ілія ляже подъ дровомъ усне и се ангель Господень явися ему. 17) Святый пророкъ Ілія пожже огнемъ два пятдесятника. 18) Святаго пророка Ілію вопрошаше царь о животѣ своемъ. Въ полныхъ переводахъ къ этимъ 18 отдѣламъ дѣянїя прибавлены еще: 1) Пророку Іліи Богъ приказываетъ идти изъ Хорива въ пустыню Дамаскову; 2) Ілія пророкъ помазуетъ *Азаила* на царство, а Елисея на пророчество; 3) Елисей раздѣляетъ воды Іордана своею монатьею; 4) Тоже дѣлаетъ Ілія пророкъ и 5) Восхожденіе Іліи въ огненной колесницѣ на небо.

1465 А. Тоже изображеніе, картинка двухлистоваго размѣра въ вышину (1820—30 гг.). Въ моемъ собраніи.

1471. **Св. Исидоръ Ростовскій.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки *e*, копія на оборотъ съ изданія *a*, но съ упоминаніемъ Императрицы Екатерины Алексѣевны; окончаніе первой строки молитвы: «воспети і восхва». О житіи препод. Исидора см. у Ключевского, стр. 280.

1474 А. Прибавить: препод. **Іоаннъ Власатый**, съ дѣяньемъ въ 12-ти отдѣленіяхъ; листовая картинка, которую гравировалъ на мѣди, какъ это видно изъ подписи внизу: «Петръ Николаевъ». Всреднѣ изображенъ: «сѣтый блженный іоаннъ власатыи | Ростовскій Чюдотворецъ». Дѣянъе: «1) преставленіе сѣаго блженнаго іоанна милостиваго. 3) Блаженный іоаннъ мѣтвѣли іцели Кирилла Митрополита ѿ ра^аслабленія. 4) блаженныи іоаннъ мѣтвѣли іцели жену Огрипену нему и сухоруку. 5) Чудо сѣ іоанна мѣтвѣаго о дѣвѣ Матроне како прозрѣніе получи очесемъ. 6) Чудо сѣ іоанна мѣтвѣаго како нѣкоего монаха Мануїла іцелѣ ѿ кровной болѣзни. 7) Чудо сѣаго іоанна мѣтвѣаго и неизреченно^а болезни Колістрата Алезеева. 8) Чудо сѣ іоанна мѣтвѣаго како іцели отрока Петра отлихорадки. 9) Чудо сѣ іоанна мѣтвѣаго како іцели ігумена Леонтия отрясавицы. 10) Чудо сѣ іоанна мѣтвѣаго о второй (?) иголкине како іцеле ѿ болезни главной и горлянѣи. 11) Чудо сѣ іоанна милостиваго о болящихъ Михаила Светикова. 12) Чудо сѣаго іоанна мѣтвѣаго како іцели жену іменемъ Анну ѿ ра^аслабленія». Внизу тропарь и кондакъ въ два столбца и молитва святому Іоанну Власатому въ одинъ столбець. Въ моемъ собраніи.

1474 Б. **Св. Іоаннъ Власатый.** Точная копія съ № 1474 А, но кондакъ и тропарь напечатаны въ одну строку (а не въ два столбца), точно такъ, какъ и молитва святому; изданіе 1800 г.—Въ моемъ собраніи.

1475. Объ **іоаннѣ воинѣ** см. Каличьи пѣсни у Безсонова (I. 406—782).

1479 А. Прибавить: **Св. преподобная Евдокія**, съ дѣяньемъ въ десяти отдѣленіяхъ. Изданіе 1848 года, съ болѣе древней доски. Въ Акад. Наукъ.

1489 А. Прибавить: **Св. Іоаннъ Милостивый**, съ дѣяньемъ въ 30-ти отдѣленіяхъ. Четырехлистовая картина, гравированная на мѣди, во второй половинѣ прошедшаго столѣтія; въ моемъ собраніи отпечатокъ на синей бумагѣ 1790 года. Всреднѣ изображенъ «Сѣтый іоаннъ Мѣтвѣый», раздающій милостыню нищимъ; внизу подпись: «мѣа ноемврїа во кѣ день, житіе иже во сѣтыхъ оца нашего іоанна мѣтвѣаго патріарха Алезандрїйскаго. Іоаннъ сѣтый Купрянинъ бѣ родомъ Епифанїа князя сынъ ѿ юности въ добромъ наказанїи воспитанъ, имѣ вкорененъ въ срѣцѣ своемъ страхъ Бжїи, иже бѣ ему начало премудрости. Пришелъ же въ возрастъ, принужденъ бысть ѿ родителей пояти жену, и роди съ нею чада но не въ долземъ времени первѣе лишися чады, потомъ и супружнаго союза разрѣшися: ибо первѣе чада умроша, потомъ супруга вслѣд ихъ поиде, тако Бгѣу изволившу, да Іоаннъ свободшися работы плотскїа воспрїиметь житіе дѣховное: свободу убо бывъ, блгодаряше Бгѣа». Повиже тропарь и кондакъ святому. Подписи въ отдѣлнїяхъ: «1. И отъ толе Безъ всякаго препятїа прилежнее нача работати господу въ частей упражняся молитве. 2. И егда престоль патріаршества Алезандрїйскаго безъ пастыря бе: ираклїи царь по божїю стренїю Іоанна сего темъ санома почте. 3. Наченъ же пасти словесныя христовы овцы очисти отъ ереси яже тогда возрасташе къ трисвятому пенїю хулная словеса. 4. Повеле святыи преписати коликое число убогихъ обретается и бе число убогихъ семь тысящ и пять сотъ и всехъ святый пропиташе. 5. Сѣтый іоаннъ посла корабли сошеницею излатомъ во іерусалимъ икуповати пленныя. 6. Возвестиша святому яко девицы добре одеяныя милостыни просяще подобаетъ ли подаяти онже повеле аще Христовы есте дадите. 7. Сказуетъ сѣтый яже виде ввиденїи милостыню въ девическомъ подобїи. 8. сѣтый іоаннъ трикратно милостыню подаетъ единому еже измени ризы

своя. 9. Сѣи управляетъ кормиломъ на корабле у купца яже бе отбури колеблемъ бѣше. 10. Милосердствуетъ святѣи о некоемъ благороднемъ человеке приказа тайно слуге дати пятнадцатъ литръ злата они-же преслушаше даше ѿ. 11. Жена некая даде сѣому Хартію внешне написа яко даруетъ въ церковь пятсотъ литръ злата сѣи по благодати узна яко не все даде еже въ умѣ своемъ положи. 12. Сѣи обличаетъ икономовъ въ преслушаніи повелеваетъ яко ихъ ради жена удержа дати въ церковь они-же прося прощенія со слезами у сѣаго. 13. Святѣи укоряетъ единого клирика за святокулство. 14. Святѣи оставя божественную литургію примиряетъ склирикомъ. 15. Племянникъ прося о защищеніи сѣаго онъ-же утеша его и приказа невзимати дана которѣи обиде. 16. Повеле святѣи ради памяти смертныя создати себе гробъ. 17. Принесе некѣи сѣому одеяніе он-же повеле продати и раздати нищимъ той-же покупа три кратно обратнѣ принося сѣому. 18. Блаженныи принуди троила подаяти болнымъ и нищимъ милостыню иже бе скупъ зело. 19. І виде троилъ ввиденія уготова богъ святому іоанну домъ на небеси. 20. сѣаго корабля потопше в мори он же рече гдѣ даде гдѣ і отягъ буди имя гдѣне благословенно ѿ нѣе и до века. 21. Срете сѣаго на пути вдовица прося о ѿбиде зятя своего икономъ рече егда возвратишися послушаеші он же не сосупи сместа утеша ю. 22. Юноша некѣи прѣя отродителя образъ пресвятѣи богородицы вместо злата и сребра. 23. узна сѣи о юноше томъ посла икономъ схартією да речетъ ему яко родственникъ есть и призвати повеле. 24. И повеле святѣи обогатити юношу и обогатися зело. 25. По единомъ плененномъ творяще поминовеніе трикраты в годъ освобождашеса отъ узъ в тѣя дни. 26. сѣи виде инока оболганнаго узавлenna ранами просяще прощенія яко незная сего учини. 27. святѣи сказуетъ повесть иже бе въ тире и научаетъ неосуждати никого-же. 28. сѣому на пути явися некѣи мужъ имея златой скипетръ и рече господь зоветъ тя сѣи уведа о кончине своей. 29. Погребен бысть сѣи въ отечестемъ граде своемъ между двема епископовъ и тая телеса даша место святому. 30. Чудо сѣаго іоанна еже некая

жена прося у сѣаго о ѿпущеніи греховъ он же воста из гроба даде писаніе заглаждено».

1493 А. Св. Іоаннъ Предтеча. Повтореніе № 1493; рамка простая, съ цвѣточками; изданіе на синей бумагѣ 1800 г.: на свиткѣ подпись таже: «Азъ видѣхъ | свидѣтельство о немъ се агнецъ Бжїи». Въ моемъ собраніи.

1498 А. Тоже. Копія № 1498 въ обратную сторону. Изданіе, отпечатанное на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1502. Весьма распространено у старообрядцевъ **Сказаніе о главѣ Іоанна Предтечи**, сочиненное архимандритомъ Маркелломъ (въ Торжественникѣ XVI в.—Румянцев. рукоп. 434; листъ 357—359). По западнымъ легендамъ Иродъ заключилъ Іоанна Предтечу въ темницу, гдѣ были закопаны его сокровища, — отсюда вѣроятно вышелъ обычай отыскивать клады въ ночь на Ивановъ день (Ивана Купала); объ Иродіадѣ разсказывается, что она питала преступную страсть къ Предтечѣ и потребовала его казни въ отмщеніе за его холодность; страсть Иродіады не угасла и послѣ смерти Предтечи; по одному нѣмецкому сказанію, когда она несла его голову, орошая ее слезами и лобзая, тогда изъ устъ усѣченной главы дохнулъ вѣтеръ, поднявшій Иродіаду на облакъ, гдѣ она осуждена носиться на вѣчныя времена (Буслаевъ: Русск. Вѣстн. CIV. 631).

1503. Эта картинка описана подъ № 1610.

1505 А. **Соборъ Кіево-печерскихъ святыхъ**. Точная копія съ № 1505, съ подписью гравера: «изобрази Аверки Козачковски». Въ моемъ собраніи.

1517. Тоже. Въ моемъ собраніи еще три изданія этой картинки: одно, (а) на бумагѣ 1800 года; первая строка заканчивается въ немъ словами «по¹спудомъ са»; въ другомъ (б) она заканчивается

словами: «подспудомъ самому»; въ третьемъ (с) — словами: «потспудомъ».

Въ Клиновскомъ подлинникѣ Печерскіе чудотворцы перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ: **Правая сторона.** 1) Преп. Антоній, 2) преп. Θεодосій, 3) св. Михайль, 4) св. Макарій митроп., 5) св. Нифонтъ еписк., 6) св. Стефанъ Владимірск., 7) св. Никита Новгородск., 8) Симеонъ Сузд. 9) св. Меркурій Смолен., 10) св. Ефремъ Переяславск., 11) пр. Алексѣй затворникъ, 12) препод. Лаврентій затв., 13) преп. Аѳанасій затв., 14) препод. Никита затв., 15) препод. Сисой затв., 16) препод. Θεοφάνη затв., 17) препод. Несторъ діаконь, 18) п. Анастасій діаконь, 19) препод. Онисимъ пустынный, 20) преп. Θεοφάνη пустынный, 21) препод. Пимень постникъ, 22) муч. Іоаннъ, 23) препод. Іоаннъ постникъ, 24) препод. Пимень многоболѣзненный, 25) препод. Никонъ сухой, 26) препод. Даміанъ цѣлебникъ, 27) препод. Агапийтъ врачъ, 28) препод. Матѳей прозорливый, 29) препод. Іеремія прозорл., 30) препод. Арефа чудотворецъ, 31) препод. Григорій иконописецъ, 32) препод. Алимній иконописецъ, 33) препод. Іоаннъ, 34) препод. Θεοδωρ, 35) препод. Нектарій послушникъ, 36) препод. Ануфрій молчальникъ, 37) препод. Исаія пустынный, 38) препод. Спиридоній чудотв., 39) препод. Прохоръ Лободникъ, 40) препод. Сергій, 41) препод. Никодимъ просвирникъ, 42) препод. Еразмъ, 43) препод. Макарій, 44) препод. Варлаамій трудовникъ, 45) препод. 12 муровщиковъ церкви печерскія.

Лѣвая сторона. 1) Св. Θεοφίλη епис. Новгорода, 2) препод. Игнатій арх., 3) препод. Поликарпъ архим., 4) препод. Никонъ игумен., 5) препод. Варлаамъ игум., 6) препод. Авраамій игум., 7) препод. Кв. Никола святоша, 8) препод. Θεοδωρ кв. Острожскій, 9) препод. Іоаннъ многострадальный, 10) препод. Моисей Угринъ, 11) препод. Евстратій, 12) препод. Лука економъ, 13) препод. Онисифоръ исповѣдникъ, 14) препод. Паисій Келейникъ, 15) препод. Евфросинія Полоцкая, 16) св. Уліанія княгиня Ольшанская, 17) препод. Агаѳонъ чудотв. 18) священ. муч. Лукіанъ, 19) св. праведн. Титъ воинъ, 20) препод. Логинъ вратарь, 21)

препод. Арсеній трудовникъ, 22) препод. Θεοδωρ молчальникъ, 23) препод. Моисей чудотв., 24) препод. Евфимій схимникъ, 25) препод. Силуанъ схимн., 26) препод. Іосифъ болѣзненный, 27) препод. Зинонь схимн., 28) препод. Иларіонъ сх., 29) препод. Григорій сх., 30) п. Сисой сх., 31) препод. Ипатій цѣлебникъ, 32) препод. Павелъ послушникъ, 33) препод. Касіанъ затворникъ, 34) препод. Руѳъ затв., 35) препод. Мардарій затв., 36) препод. Аѳанасій затв., 37) препод. Діонисій затв., 38) пр. Θεοδωρ молчал., 39) препод. Панкратій затв., 40) препод. Аммонъ затв., 41) препод. Захарія постникъ, 42) препод. Веніаминъ, 43) препод. Сафроній затв., 44) препод. Лаврентій затв., 45) препод. Пафнуцій затв., 46) препод. Меркурій, 47) препод. Несторъ не книжникъ, 48) препод. Пимень постн., 49) преподоб. Анатолій, 50) препод. Мартирій діаконь, 51) препод. Ахила діаконь, 52) священ. муч. Кукша, 53) препод. Ілія Муромецъ, 54) препод. Марко гробокопатель, 55) препод. Григорій чудотв., 56) преп. Матѳей, 57) Пимень многоболѣзненный, 58) препод. Василій, 59) препод. Θεοδωρ, 60) препод. Титъ священ., 61) препод. Исакій затв., 62) препод. Елладій затв., 63) препод. Леонтій Канархистъ 64) препод. Геронтій канархистъ, 65) Святыя младенцы убитые Иродомъ (Клинов. подлин.).

1519. Кіево-Печерскіе святыя. Тетрадь съ отдѣльными отпечатками 38-мъ досокъ, изъ Кіевского Патерика изданія 1661 года (тѣже доски и въ изданіяхъ 1678 и 1701 годовъ), и съ 8-ми досокъ, невошедшихъ въ Патерикъ и отпечатанныхъ въ первый разъ въ описанной подъ № 1519 тетради. Большая часть досокъ гравированы Кіевскимъ мастеромъ Ильею, о которомъ уже было говорено въ примѣчаніи подъ № 809. Нѣкоторыя изъ картинокъ безъ его подписи, другія съ подписями: «иля» и «иля св.» (Ілія священникъ); большинство съ годами: 1655 и 1656-мъ, одна съ 1658 годомъ; одна (28-я—преп. Титъ) съ монографіею Кіевского мастера «кп» (см. Русскіе Граверы, стр. 241) и еще двѣ (19. препод. Θεοδωρ и Василій и 23. препод. Кукша и Пимень), работы извѣ-

стнаго мастера Іерея Прокопія, выгравировавшаго въ 1646—1662 годахъ лицевой Апокалипсисъ (№ 818). Въ числѣ новыхъ восьми досокъ, невошедшихъ въ изданія Кіевскаго Патерика 1661, 1678 и 1701 годовъ и отпечатанныхъ только въ описываемой тетрадкѣ, находится весьма любопытное изображеніе преподобнаго Іліи Муромскаго, о которомъ подробно говорено въ примѣчаніи къ № 1. Описываемая тетрадка отпечатана, какъ видно, послѣ 1678 года, такъ какъ въ ней помѣщено изображеніе препод. Нестора, сдѣланное съ доски попорченной и неполной (см. въ описаніи картинки *л*); тогда какъ въ Патерикѣ изданія 1678 года доска эта отпечатана еще въ цѣльномъ видѣ.

1521 А. Св. Муч. Кирикъ и Улита. Прибавить: повтореніе № 1521; внизу подпись: «мѣтва свѣты мчнѣко кирѣку ї улитте»; изданіе на синеватой бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1524. Житіе Кирила Бѣлозерскаго сочинено Іеромонахомъ Пахоміемъ въ 1555 году (Востоковъ, Опис. Румянцевскаго собр., № СLII).

1526. Св. Косма и Даміанъ. Въ моемъ собраніи есть два изданія этой картинки, изъ которыхъ одно отпечатано съ доски, грубо подправленной рѣзцемъ.

1527. Эта картинка описана во второй разъ подъ № 1685.

1532. Преп. Макарій и бѣсъ въ тыквахъ. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (*e*), на синей бумагѣ 1800 года; первая строка текста заканчивается въ немъ словами: «слагола препо». Исторія о препод. Макаріѣ, видѣвшемъ бѣса, обвѣшаннаго тыквами, которыя онъ предлагалъ желающему, одну за другою, пока которая нибудь изъ нихъ не приходилась ему по вкусу, заимствована изъ книги: «Руно орошенное», л. 72.

1533 А. Прибавить: «Преподобный Макарій Калязинскій чудотворецъ» съ видомъ монастыря; кругомъ рамка съ дѣяньемъ препо-

добнаго въ 10 клеймахъ; внизу тропарь и кондакъ ему, а подъ гравюрой подпись: «... калязина мѣтра архимандрита варлаама грьдороваль в москве мартинъ нехорошевски. 1754 го^{лѣ}». Картинка двухлистоваго размѣра, гравирована на мѣди.

1535. Св. Марія Египетская. Въ моемъ собраніи есть еще два изданія этой картины: *i*, отпечатанное на бумагѣ 1810 г.; третья строка снизу оканчивается въ немъ словами: «копати лев же»; и *к*, съ такимъ окончаніемъ 1-й строки: «не могу копати». Житіе Маріи Египетской написано Софроніемъ патриархомъ Іерусалимскимъ (Небо новое, 33). Текстъ нашей картинки заимствованъ изъ Золотой легенды Іакова де Ворагине (La legende dorée Paris. 1846, II. 63). Дунлопъ указываетъ на то, что одинъ изъ эпизодовъ этого житія сходенъ съ исторіею о томъ, какъ львы ископали могилу для св. Павла (при погребеніи его св. Антоніемъ), находящуюся въ той-же Золотой легендѣ (Dunlop, 305).

1542 А. Архангелъ Михаилъ на конѣ, поражающій копіемъ дьявола; по сторонамъ дѣянье его въ 11-ти отдѣленіяхъ, сходное съ № 1542-мъ, но безъ подписей; толкованіе же ихъ помѣщено внизу, справа. Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ, — судя по манерѣ, работы Ивана Любецкаго. Въ моемъ собраніи.

1545. Архангелъ Михаилъ работы Щирскаго. Іоаннъ или Иннокентій Щирскій, Черниговскій граверъ XVII вѣка, кажется былъ вызванъ въ Москву для гравированія портрета царевны Софьи Алексѣевны въ одно время съ Тарасевичемъ; гравюра его для книги Лазаря Барановича: Благодать и истина (Черниговъ, 1683 г.) напоминаетъ одну изъ досокъ, описанныхъ въ дѣлѣ Шакловитаго (Русскіе граверы, стр. 353 и 354).

1553. Архангелъ Михаилъ; изданіе *a* оканчивается словами: «памет шумомъ» (а не памятомъ). Въ моемъ собраніи.

1558. **Соборъ Архистратига Михаила.** Въ моемъ собраніи есть еще изданіе *e* (1830—40 гг.), въ которомъ первая строка заканчивается словами: «недостойніи да васи».

1559. **Онъ же.** Этой картинки есть въ моемъ собраніи два изданія; первая строка подписи въ нихъ заканчивается словами: въ изданіи *a*—«воинні», въ изданіи *b*—«архистратізе».

1561. **Московскіе митрополиты Петръ, Алексѣй, Іона и Филипъ.** **Св. Петръ** митрополитъ съ 1308 г.; скончался 21 декабря 1326 г.; причтенъ къ лику святыхъ при митрополитѣ Феогностѣ (Степен. Кн. I. 422). Дни его памяти: 21 декабря—кончина, 4 августа (только до 1652 г.)—обрѣтеніе и 24—перенесеніе его мощей октября 5 въ день трехъ святителей. **Алексѣй** митрополитъ род. въ Москвѣ въ 1293 г.; въ митрополиты избранъ въ 1354 г. в. кн. Симеономъ гордымъ; въ то же время Константинопольскій патріархъ Филофей назначилъ въ Россію другаго митрополита Романа, которому подчинилась Литва и Волинь и съ этого времени произошло отдѣленіе западной митрополіи отъ восточной. **Алексѣй** Митрополитъ преставился въ 1378 г.; мощи его обрѣтены въ 1439 г. и почиваютъ въ Чудовомъ монастырѣ. Память ему празднуется 12 февраля, 20 мая и 5 октября. **Іона** митрополитъ, съ 1433 г. епископъ Рязанскій и правитель митрополіи Кіевской и всея Россіи; въ 1448 г. митрополитъ; умеръ 1461. марта 31; святымъ утвержденъ на соборѣ 1547 г. (Карамз. Истор. IX. пр. 87). Празднованіе ему въ день кончины 31 марта, въ день трехъ святителей 5 октября, и въ *другія числа* (Выходы Государей, Строева; Алфавитъ 33). **Филиппъ**, св. митрополитъ; съ 1546 г. игумень Соловецкій; 25 іюля 1566 г. митрополитъ Московскій и всея Русіи; 4 ноября 1568 г. сосланъ въ Тверской Отрочъ монастырь; 23 декабря 1569 г. умерщвленъ. Его мощи перевезены въ 1591 г. въ Соловки, а лѣтомъ въ 1652 г. въ Москву. Память его празднуется 9 января и 3 іюля; но прежде праздновалась 23 декабря; тоже 9 и 10 января (съ 1662 г.) и

20 февраля (кончина его); также іюля 1, 6, 9, 16 и 18 (перенесеніе мощей) (Выходы царей; алфавитъ 100).

1564 А. Прибавить: **Св. Николай Чудотворецъ**, съ подписью: «Василій» (т. е. гравировалъ Василій Андреевъ); см. Русскіе Граверы, стр. 187—52. О принесеніи изъ Корсуни иконы Николая Зарайскаго въ 1225 г., см. въ Румянцевскомъ сборникѣ 1689 г. № 378, л. 57.

1568. Древнѣйшее гравированное дѣянье св. Николая въ 25 картинкахъ, работы мастера АК, помѣщено въ Агаѳистѣ, Кіевъ 1674 г. Въ «Памятникахъ старинной русской літературы» (издан. Кушелева-Безбородки. Вып. 1, стр. 71) помѣщена въ видѣ отдѣльнаго сказанія (изъ рукописи Пуб. биб. 293) повѣсть о томъ, что въ Кіевѣ жилъ нѣкій человекъ, имѣвшій великую вѣру въ святителя Николая. Въ домѣ его цѣлое лѣто содержался въ желѣзахъ плѣнный Половчанинъ; вотъ и говоритъ онъ ему: «доколѣ хочешь ты сидѣть у меня? дай мнѣ выкупъ и иди въ свою землю или дай поруки». «Отпусти меня, и принесу тебѣ выкупъ», говоритъ Половчанинъ, «а поручиться за меня здѣсь, ты самъ знаешь, некому». Привели его въ церковь и показали ему образъ св. Николы, съ вопросомъ: «хощешили, дамъ ты на поруки св. Николѣ». Половчанинъ, умышляя обмануть христіанина, согласился на такую поруку съ радостію. Тогда христіанинъ далъ ему коня и все нужное на дорогу и отпустилъ его. Вернувшись на родину, Половчанинъ забылъ о выкупѣ; св. Никола два раза являлся ему съ напоминаніями и угрозами; въ третій же разъ, когда приключилось «сонму быти княземъ и велможамъ», на который пріѣхалъ и Половчанинъ, «и, егда ставшю на кони въ сонмищи съ ними, стороже его съ коня сила невидимая . . . и невидимо яко батоги бѣяше его». Тогда Половчанинъ повѣдалъ «роду своему» все бывшее съ нимъ, приказалъ рабамъ своимъ «нарядиться и стадо коней отлучити» и пригналъ оное къ церкви святато Николы своего поручителя. По замѣчанію Ко-

стомарова, сказаніе это принадлежит къ татарскому періоду (стр. 14). Про чудо св. Николая съ Агриковымъ сыномъ поется и въ Каличьихъ стихахъ. По народному повѣрью Никола главный покровитель на морѣ и на водахъ; такимъ онъ является и въ былинѣ о Садко богатомъ, въ подводномъ царствѣ морскаго царя.

1576. Онъ-же. Прибавить изданіе *с*, въ которомъ первая строка молитвы заканчивается словами: «скорый помощникъ». Въ моемъ собраніи.

1604. Поправить: картинка эта листовая, а не полулистовая.

1604 А. Прибавить: **Образъ Николая Чудотворца, что на Липне.** Листовая картинка, гравированная рѣзцемъ и пунктиромъ. Верднѣ поясное изображеніе Николы, а вверху и внизу дѣянье, въ трехъ мѣстахъ; подписи подъ нимъ слѣдую ія: «болящему Кнзю Мстиславу явися свят. Никола чуд: въ сонномъ видѣніи и рече ему: чѣ скорбиши село Кнже и вопіешъ ко мнѣ? послѣ въ киевъ градъ за иконою моею показуя ему імеру иконы той и ѿпѣвше молебная получиши исцеленіе и аще здоровъ будещи сотвори память ко иконе моей и въ предбудущіе годы и сіе рекше невидимъ бысть. Князь воставъ от сна призвалъ къ себѣ дворецкаго боярина и повелѣлъ ему со освященнымъ клиромъ ѿправиться на ладіи по ильмену езеру въ киевъ градъ за иконою св. николы чудотворца: давъ ему и меру той иконы; ѿправившуся же боярину склиромъ вдругъ востала сильная буря и жестокий вѣтръ коимъ ладію принесло къ острову липну и тамо вводе обрѣте икону быстрого искор. помощника св. ник. чуд. и возвратися внов градъ и сретѣша икону изграда со кресты и принесе ко князю князь же воставъ обლობыза икону ст. николая чѣ лѣт. И повеле нести икону В церковь и себя Вести За иконою и остиша Воду и покропѣся и получи совершенное исцелен: лѣт. Подпись подъ картинкой слѣдующая: «Сей чудотворный образъ стителя никола обретенъ на езере ильмене у острова завомаго липно а оный островъ

отстоитъ отъ великаго нова града за семь поприщъ в лѣто отъ сотворенія мѣра 6621-е, при благоверномъ Великомъ князе Мстиславе святославичѣ и тогожъ лѣта Великий оный князь съ бабою своею Благоверною княгинею Анною в память обретенія ѿнаго образа и въ ознаменованіи своего благодаренія за полученное отъ него исцелѣніе отъ лютой и тяжко^а болести на острове липно создаша николипенскій монастырь ѿный монастырь побѣдности его давно уже изпражненъ и приписанъ къ сковородскому мѣрю и зъзданій внемъ находится нынѣ одна толко каменная церковь Авновѣ градѣ на торговой сторонѣ на ярославлѣ дворѣ воздвигнуша церковь каменну прекрасну, которая и ныне подъ именемъ николаевскаго дворещскаго собора существуетъ всовершенномъ благоустройствѣ и великолепій молитвами стителя и чуд. николая ему-же по бозе да будетъ отъ насъ честь и слава во веки вѣковъ аминь».

1604 Б. «Преподобный Никола святоша». «ПД» (т. е. гравировалъ Дмитрій Пастуховъ). Картинка на мѣди, выш. 5 и 8 (французск. дюймовъ и линій), шир. 4 и 1½ (Русскіе Граверы, стр. 261).

1610. Св. Павелъ Ѧвейскій; слѣдуетъ поставить годъ 1732, вмѣсто 1742. Эта же картинка описана и подъ № 1503.

1616 А. Прибавить: **Ростовскіе Чудотворцы.** Вверху: «образъ прѣстыя бѣи владимерскія», а внизу изображены въ ростъ святые: «прейбныи сергій радонежскій. — кнзь василій — прейбный іринархъ затворни^а — стый ісидоръ блженный. — стый димитрій митрополи^т. — стый іоаннъ христа ради юр — стый еодоръ архиепископъ — стый петръ царевичъ. — стый іяковъ еікп. — стый Аврамій архимандритъ — стый ігнатій еікп^т. — Стый еікп^т леонтий. Стый еікп^т ісайя». Вверху, кромѣ того, надпись: «образъ ротвскихъ чудотворцевъ». Листовая картинка, гравированная на мѣди; изданіе на бумагѣ 1809 года. Въ моемъ собраніи.

1617. Повѣсть «de Septem dormientibus» въ Ефесѣ помѣщена въ Золотой легендѣ Іакова де Ворагине.

1618. Въ моемъ собраніи есть еще изданіе этой картинки (e), отпечатанное на синей бумагѣ 1800 года; первая строка молитвы въ немъ заканчивается словами: «насъ всегда во». Превосходное лицевое житіе препод. Сергія (текстъ XVII вѣка) издано въ Троицкой Лаврѣ (въ 1870 г.?) въ немъ помѣщено и явленіе Сергію Богоматери. Перечисленіе учениковъ Сергія см. у Булаева въ Очеркахъ (II. 355); о житіи его у Ключевского.

1620. Препод. Сергій. Въ изданіи a первая строка заканчивается такъ: «и тому»,—въ моемъ собраніи; изданіе d отпечатано одною доскою съ изданіемъ e, но въ послѣднемъ доска подправлена рѣзцемъ.

1624. Въ моемъ собраніи есть еще два новѣйшія изданія этой картинки 1830—40 гг. e и g въ которыхъ вторая строка тропаря заканчивается такъ: въ изд. e—«втя прѣсвѣтъ» и въ изд. g—гдѣ она кончается словами: «веліся втя».

1633. Страданіе трехъ отроковъ. Въ Серпуховскомъ Владычномъ онастырѣ есть огромная картина письма Петровскихъ мастеровъ, изображающая исторію трехъ отроковъ, по переводу сходная съ нашей картинкой (но безъ отдѣленій). Въ память страданія трехъ отроковъ было установлено особое *Пещное дѣйствіе*, которое отправлялось въ недѣлю Праотецъ, предъ Рождествомъ, въ Москвѣ, Новгородѣ и другихъ каедральныхъ городахъ. Чинъ этого дѣйства напечатанъ въ Древней Россійской Вивлюиѣ (VI. 183, 363). Оно отмѣнено при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (Выходы царей, Строева; Алфав. 69). Пещное дѣйствіе совершалось въ недѣлю свят. отецъ, въ память трехъ отроковъ: Ананія, Азарія и Мисаила, которые были ввержены въ халдейскую печь и тамъ «невредимы пребыша»; въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сохранилась и деревянная халдейская печь, въ которой происходило это дѣйствіе*) Печь эта, окруженная зажженными свѣчами, устанавливалась

*) Такія-же печи были и въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (Русск. историч. биб. Тимов. III. 309) и въ Вологодскомъ (Изв. Имп. Археолог. Общ. III. 242). О Новгородской печи въ Новгородѣ въ лѣтописи подъ 1553 годомъ сказано, что архіепископъ Макарій: «постави въ Соборной церкви св. Софіи въ ве-

посреди собора, и въ воскресенье, послѣ заутрени, Халдеи вводили въ нее трехъ отроковъ, державшихъ зажженные свѣчи и пальмы въ рукахъ, и бросали на горнъ съ угольями, установленный внизу подъ печью,—плаунъ (ликоподій), отъ чего происходило польмя. Затѣмъ ключарь спускалъ въ печь, сверху, картоннаго ангела съ трещетками (въ трусѣ велицѣ зело съ громомъ), дьяконы опаляли плауномъ Халдеевъ, а отроки въ это время, взявъ ангела за крылья, кружились съ нимъ трижды въ печи; наконецъ ангелъ улеталъ «выспрь», и мистерія заканчивалась угощеніемъ отроковъ и Халдеевъ съ ихъ учителемъ въ Патріаршей палатѣ. Кромѣ пещнаго дѣйствія всенародно разыгрывались еще слѣдующія мистеріи: обрядъ шествія святителя на осляти, который совершался съ большимъ противъ пещнаго обряда торжествомъ изъ Успенскаго собора къ лобному мѣсту и обратно, причемъ весь путь на разстояніи 234-хъ сажень былъ устилаемъ краснымъ сукномъ. Впереди шествія везли на саянхъ огромную вербу, разукрашенную разною разностію, а подъ нею пять пѣвчихъ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ; далѣе двигался крестный ходъ изъ духовенства, юноши со свѣчами, шесть кадокъ съ вербами и наконецъ патріархъ на осляти, котораго за поводъ велъ самъ царь. На лобномъ мѣстѣ святитель служилъ молебенъ и раздавалъ всѣмъ вербы, затѣмъ садился на своего осла, и шествовалъ тѣмъ же порядкомъ назадъ въ соборъ, гдѣ передъ южными дверями стрѣльцы бросались на вербу, общипывали съ нея украшенія и обдирали съ саней сукно (Снегиревъ, Памятн. Моск. древн., 55). Другой обрядъ—умовеніе ногъ—производился въ четвергъ на страстной недѣлѣ, послѣ вечерни; въ Иерусалимѣ для этой мистеріи устраивается и по нынѣ большое возвышеніе, на дворѣ храма. Изъ пещнаго дѣйствія было составлено еще въ XVII вѣкѣ полное комедіальное дѣйствіе, а

ликомъ Новгородѣ *амбонъ*, весьма чуденъ, и всякія лѣпоты исполненъ: святыхъ на немъ отъ верха въ три ряда тридцать». По замѣчанію г. Артебена, въ описи собора, составленной въ половинѣ XVII вѣка, она названа просто: «печь дровяна рѣшетчата» (Изв. Имп. Арх. Общ. III. 377); въ настоящее время она находится въ Христіанскомъ музеѣ С.-П.-Бургской Академіи Художествъ (Замѣтка Б. Гильтебрандта въ Древн. и Нов. Россіи 1878. I. 87).

вслѣдъ за тѣмъ появляется въ рукописной литературѣ нашей цѣлый рядъ такихъ-же пьесъ-мистерій, по большей части переводныхъ, назначенныхъ для театральныхъ зрѣлищъ; подробный списокъ этихъ пьесъ, составленный въ 1709 году, помѣщенъ въ 1-мъ томѣ книги: «Наука и Литература» Пекарскаго (стр. 428). Семинаристы и ученики Духовной Академіи разыгрывали въ торжественные дни эти виршевыя мистеріи; они тоже въ праздникъ Рождества ходили съ вертепомъ или кукольнымъ театромъ, въ которомъ представляли цѣлую импровизованную драму на данный случай (представленія съ вертепомъ описаны Безсоновымъ, въ его Бѣлорусскихъ пѣсняхъ стр. 104, и Пекарскимъ, Наука и Литер. I. 381; у послѣдняго находимъ объ этомъ предметѣ весьма любопытныя свѣдѣнія).

1633 А. Прибавить: «Святой мученикъ Флоръ— святой мученикъ Лавръ» въ ростъ; посреди ихъ храмъ. Листовая картинка, гравированная на мѣди въ концѣ прошедшаго столѣтія. Внизу тропарь и кондакъ святымъ, и подпись: «Сии свѣтыи мученицы бяху въ лѣто 1633. братія и близнецы художествомъ каменосечьцы иже въ студенець глубокъ въ вержени быша ѿ ликинія мучителя и тако скончашася, мѣсяца Августа 11 дня». Въ моемъ собраніи.

1635 А. Прибавить: Священномуч. Харлампій съ дѣяньемъ; повтореніе № 1635-го. Въ послѣднемъ дѣяньи слѣдующая подпись: «Блаженная Голина дщи царева взяша тело мученика и положи взылатыи ковчегъ славяще Бга израилева». Изданіе на бумагѣ 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1639. Св. Муч. Христофоръ. Въ № 1639 еще видны слѣды затертой волчьей головы, которая была на доскѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она отпечатана и описана подъ № 1637.

1640 А. Прибавить: въ собраніи А. Н. Оленина находился отломокъ липовой доски, гдѣ было вырѣзано изображеніе

святаго князя, отъ котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами; по всей вѣроятности, это былъ отломокъ отъ иконы Ярославскихъ святыхъ. Снегиревъ, упоминая объ этомъ отломкѣ, ошибочно замѣчаетъ, что доска была толщиною $\frac{1}{4}$ аршина: старинныя гравированныя доски дѣлались немного толще $\frac{1}{2}$ вершка (Снегиревъ, Лубочн. карт., стр. 16).

1644 А. Св. Муч. Феодоръ Стратилать. Повтореніе № 1644. Первая строка послѣдняго дѣянія заканчивается такъ: «тракликское все оставі». Изданіе 1800 года. Въ моемъ собраніи.

1646. Переводъ этого изображенія напоминаетъ мѣдную доску, которая была вырѣзана граверомъ Тарасевичемъ въ честь Феодора Шакловитаго и по его заказу, въ 1689 году (см. мой: Словарь русскихъ портретовъ. СПб. 1872).

1648 А. Прибавить: «Преподобный Феодосій Тотемскій чудотворецъ. Преставился въ 1568 году тенваря 28-го дня стѣія его мощи обрѣтены въ 1796-мъ году, празднество генваря 28-го дня». Листовая картинка, гравированная на мѣди въ концѣ прошедшаго столѣтія; въ моемъ собраніи. Преподобный изображенъ въ ростъ, въ рукѣ его свитокъ съ словами: «не скорбите . . . . во вѣки»; справа «градъ Тотма», а надъ нимъ два ангела держатъ на воздухѣ «образъ вознесенія гдѣня». Подъ картинкой текстъ: «Въ прошломъ 1796-мъ году Вологодской Епархіи въ городѣ Тотмѣ въ спасо Суморине монастырѣ при компаніи рва подъ фундаментъ новостроющейся церкви вознесенія господня обрѣтенъ гробъ и внемъ лежащее покрытое схимою тѣло погребенное въ 1568 году Генваря 28 дня, у коего голова, руки весь корпусъ и одежда цѣла; по усмотреннымъ же вышитымъ на схимѣ литерамъ открылось, что тело сіе есть преподобнаго Феодосія суморина бывшаго того тотемскаго суморина монастыря начальника и основателя, котораго по происходящимъ чудотвореніямъ вся тотемская округа и

другія окрестныя мѣста издавна почитаютъ стѣмъ и изображаютъ на иконахъ почему и служба на память преставленія его на 28-е число генваря еще въ 1729-мъ году сочинена и по ней отправлялись ему в томъ суморине монастыре (монастыре) молебствія а при учиненныхъ оному телу трехъ свидѣлствахъ сперва въ томъ-же 796-мъ году чрезъ двухъ присутствующихъ вологодской консисторіи при строителѣ того монастыря и при другихъ градскихъ церквей священникахъ съ светскими Города тотмы чиновниками и лучшими гражданами потомъ въ 797-мъ преосвященными Архіепископом ростовскимъ и кавалером арсеніемъ и епископомъ вологодскимъ арсеніемъ же а на послѣдокъ и сего 798 года августа 21-го числа симъ же епископомъ вологодскимъ обще стамошнимъ гражданскимъ губернаторомъ шетневымъ оказалось оное тело нетлѣнно: бывшіе же по вынятїи его изъ земли чудотворенія и многихъ исцеленія совершенно удостовѣрили что сіе нетленное тело есть помятаго прибнаго Феодосія тотемскаго Чудотворца». О житїи преподобнаго Феодосія см. у Ключевскаго, стр. 349.

1650. Сивиллы. Текстъ этихъ картинокъ заимствованъ, почти дословно, изъ одного подлинника XVII вѣка (Царск. № 314); къ числу 12-ти Сивиллъ¹⁾ въ подлинникѣ прибавлена: «Царица южская рече: О трблаженное древо на немъ же распятся Христосъ Царь и Господь». Подобныя же сказанія о Сивиллахъ, извлеченныя изъ хронографа Бѣльскаго, помѣщались въ русскихъ хронографахъ XVII вѣка (Поповъ, II. 105); въ одномъ Румянцевскомъ рукописномъ сочиненїи Максима грека (XVI в.—Восток.

¹⁾ Въ исторїи Сивиллъ трувера Германна (около 1167 г.) перечислено ихъ всего десять: Персидская, Ливійская, Дельфійская; Chimera, родомъ изъ Лонгобардіи; Эриктрейская, Кассандра, 7-я Chimera или Elmateia, 8-я Elisprotia, 9-я Margutia и 10-я Tiburtina или Vulaea, которая путешествуетъ въ Вавилонъ, Сидонъ и Іерусалимъ, гдѣ бесѣдуетъ съ Соломономъ и т. д. и подъ конецъ становится святой Клодвиной (Веселовскій, Христіанскія Легенды: Журн. М. Н. П. 1875. томъ 178. стр. 302). Въ одной рукописи XIII вѣка послѣдняя изъ десяти Сивиллъ названа Tiburnica или Alburnea; она дочь Траянскаго Кассандры (ibid. 302).

ССLXIV) есть особая книга о Сивиллахъ, съ двѣнадцатью поясными изображеніями ихъ, написанными масляными красками, въ фряжскомъ стилѣ; книга, эта какъ видно изъ приписки, назначалась для печати: «совершися и издася сія новая книга повелѣніемъ великаго нашего монарха цря и августа Алезіа Михайловича . . . въ лѣто „зрѣа“, но осталась неизданною; текстъ ея переведенъ съ латинскаго, по всей вѣроятности изъ книги того-же «мудреца Маркуса», о которомъ упоминается въ изображенїи 1-й Сивиллы Нехорошевскаго (III. 681)²⁾. Изъ печатныхъ источниковъ, сказаніе о Сивиллахъ находится въ книгѣ: «Небо новое» Голытовскаго. Сивиллы изображались въ нашихъ храмахъ ради того, что «они пророчествоваху о пречистѣй Дѣвѣ Марїи и о воплощенїи Божїя Слова. Сїи пророчествоваша въ различныя времена до Христова Рождества. Аще и суть невѣрны; но честнаго ради житїя ихъ открылася имъ земныхъ ради глаголаша предбудущая» (Подлин. Царск. № 314). Изображенія ихъ, помѣщенные на входныхъ дверяхъ, можно видѣть въ Москвѣ, въ церкви Словущаго Воскресенія, въ соборахъ Успенскомъ и Благовѣщенскомъ, въ соборѣ города Суздаля, въ Костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ и въ мужскомъ монастырѣ въ Великомъ Устюгѣ. Въ этомъ послѣднемъ, въ соборной церкви, находятся деревянныя двупольныя двери, на которыя наколочено внизу двѣнадцать мѣдныхъ дощечекъ, а на нихъ награвированы 12 Сивиллъ, иконописнаго перевода; каждая Сивилла представлена въ ростъ, въ дѣяньи. (См. прим. къ № 829). Кромѣ Сивиллъ, въ церквяхъ писались изображенія древнихъ языческихъ философовъ, какъ на примѣръ въ притворѣ Новоспасскаго монастыря, въ Благовѣщенскомъ соборѣ и даже на нѣкоторыхъ иконахъ (Буслаевъ, Очерки, II. 362). Выписываю сюда краткое извѣстіе о нихъ изъ подлинника XVII в. (Царскаго № 314), изъ котораго заимствуются иконниками тексты надписей, находящихся въ ихъ свиткахъ:

²⁾ Есть латинское изданіе книги о Сивиллахъ: «Crisp. Passaeus. Duodecim Sibillarum imagines in aes eleganter incisae, studio labore et aere Cr. Passaei. Arhhenai, apud. Ianssonium 1615. fol.»

«О Еллинскихъ философахъ. Понеже и тіи прозменованія вѣры и чистаго ради житія ихъ оснушася истиннаго Духа святаго глаголюще будущая человѣкомъ, гранографъ главъ 52. 1) Θαλε Θαλεсъ и Θουκιδιδъ философъ. Сей бысть во царство 4-го царя Вавилонскаго Дарія Мидянина, иже по меркновеніи солнца мудрствова, сице рече: едино тріе и тріе едино безплотно образно есть троица. 2) О Еремїи. Еремїй тревеликій бысть мужъ хитръ разумѣвъ златую руду и копати и первіе нача злато копати сице рече: заклинаю тя небо великаго бога дѣло мудрое, заклинаю тя гласомъ отчимъ, иже провѣща прежь егда весь міръ утвердивъ и отцу прогла. ко и однородному слову своему и паки той же рече Господа разумѣти убо ниудобъ ниже рещи возможно есть бо тріипостасенъ Богъ а несказаненъ. Существо-же его и естества неимущее въ человѣцѣхъ уподобленія. 3) О Аристотели. Аристель бысть во царство Александра Царя Македонскаго; сей мудрствова о правѣхъ человѣческаго естества благихъ и злыхъ, разсуждаѣи уды телѣсныя прилагающія разумомъ смысла своего и добрѣ живущимъ и человѣкомъ паки-же и ко злымъ на ней есть благословенная вещь почтенъ бо есть самовластіемъ человѣкъ и спасенъ поканіемъ. яко и разбойникъ при крестѣ Господни. Сей философъ рече неусыпное естество Божіе существа неимущи начала отъ негожъ все крѣпкое существится словомъ. 4) О Стисихорѣ. И Стихоръ философъ бысть въ лѣта Еліакима архіерея иже во Іерусалимѣ бысть; сей во Еллинѣхъ писмененъ слагатель сице рече: почтемъ Маріамъ яко добрѣ скрывшую таинство вѣка, яже хошетъ родитися Богъ. 5) О Фиксудисѣ. Фиксудисъ или Филодисъ иже и аонейскій писатель сице рече прежь. Богъ такожъ слово и духъ съ нимъ. 6) О Платонѣ. Платонъ рече понеже Богъ благъ есть и благимъ виновенъ злымъ же никако же. 7) О Діонисіѣ. Сей убо не философъ но кумиръ иже отвѣты дая жерцу своему. Діонисіевъ кумиръ рече пропію жерцу нынѣ отъятя отъ насъ честь иже отъ несытія въ сытіе приведшее слово божіе прїиде ново творя всяческая. 8) Ино сказаніе о нѣкоемъ философѣ было по воплощеніи Слова Божія отъ третія лѣта въ царство Кон-

стантина благовѣрнаго и матери его Ирины. обрѣтоша гробъ мраморенъ подъ долгою стѣною града Антиохійскаго, на немже штуканина писмена глаголюща сице: Христосъ хошетъ родитися отъ Дѣвы Маріи иже во адъ сходящи никто же отъ Еллинъ прежь мене никто же вѣрова въ него во дни благовѣрныхъ Царей Константина и Ирины, о солнце паки мене узриши и ниже глаголюще сего роду крестина костей его и погребоша и честно. 9) О Валаамѣ волхвѣ. Валаамъ волхвъ сынъ Веоровъ иже бысть во дни моисеовы не отъ волхвованія о христѣ сказаніе позна но отъ духа святаго, яко-же рече и бысть Духъ Божій на немъ, сице на немъ возсіяетъ звѣзда отъ Іакова, и возстанетъ человѣкъ отъ Израїля сіе пишехъ въ четвертыхъ книгахъ Моисеовыхъ кд главѣ. Слышавъ же сіе Валаамовы ученицы назряху таковыя звѣзды отъ рода и въ родъ даже и до рождества Христова. 10) Плутархъ рече Исусъ мужъ умру аще мужа того подобаетъ предъшняяго вина бываетъ. 11) Анакоридъ рече придите низ сущїи и препростыи существо отъ всечестія дѣвицы и благообразныя невѣсты общее воскресеніе дарующи. 12) Солонъ рече чаю неприкосновенному родитися отъ дѣвы и воскресити мертвыя и паки судити имать. 13) Афродитіанъ рече Христу Богу родитися на земли отъ дѣвицы чистыя Маріи въ него-же и азъ вѣрую. 14) Омпроръ рече свѣтило на земли возсіяетъ во языцѣхъ Христосъ сходити начнетъ странно и совокупи хотя небесная со земными». Въ Клинцовскомъ подлинникѣ новѣйшей редакціи (XIX вѣка) перечисленъ двадцать одинъ мудрецъ, а именно: Валаамъ, Фукидидъ, Еремїи, Аристотель, Стоикъ, Филодо°, Платонъ, Солонъ, Еврипидій, Олоръ, Алсаматъ, Аполонъ, Менандръ, Діогонъ, Хелонъ, Плутархъ, Афродитіанъ, Омпръ, Діонисъ, неизвѣстный философъ, тѣло котораго найдено въ гробѣ при царяхъ Константинѣ и Еленѣ, и Египетскій Царь Птоломей Филадельфъ.

1653. Варлаамъ Ясинскій въ 1669 г. избранъ ректоромъ Кіевской Академіи, а съ 1690 г. былъ Кіевскимъ митрополитомъ.

1658. Даниль Апостоль служилъ полковникомъ въ Миргородскомъ полку въ царствованіе Петра I и оставался во все время вѣренъ ему. Въ 1727 году онъ былъ избранъ въ гетманы на 70-мъ году отъ рожденія. Фамилія его *Апостоль Катариси*— молдаванская (Минцловъ, Петръ Великій, СПб. 1872, стран. 572).

1668. Юсифъ Туробойскій, архимандритъ Симонова монастыря, былъ префектомъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи; онъ написалъ книгу: Торжественныя врата, вводящія во храмъ безсмертныя славы», съ изъясненіемъ аллегорическихъ картинъ, бывшихъ на триумфальныхъ вратахъ, построенныхъ Петру I по поводу побѣды подъ Полтавою 1709 г. (которыя имъ и изобрѣтены); еще листы съ изъясненіемъ: Эмблемъ триумфальныхъ вратъ 1704 года, подъ названіемъ: Торжество Православное Свободителя Ливоніи (Евгеній, Слов. писат. духовн. чина 1827 г., I. 318; см. ниже № 1691).

1669 А. Прибавить: Изображеніе Препод. Льва Катанскаго,— подносный листъ съ аллегорическими фигурами, посвященный Леониду, епископу Сарскому и Подонскому, и гравированный Иваномъ Зубовымъ. Грав. крѣпкой водкой, въ малый листъ. Въ собраніи П. Я. Дашкова.

1672. Даниль Галаховскій—Кіевскій граверъ на мѣди начала XVIII вѣка; работы его перечислены въ книгѣ: Русскіе Граверы, стр. 179, гдѣ подробно описана и картинка № 1672.

1683. Стефанъ Яворскій род. 1658 г. въ январѣ (на Волыни); съ 1702 г.—Администраторъ, Блюститель, Викарій и Екзархъ Московскаго Патріаршаго престола, а съ 1721 Президентъ Синода; покорный слуга, прославитель подвиговъ и любимецъ Петра I-го; Творенія его подробно перечислены въ словарѣ духовныхъ писателей митрополита Евгенія, II. 251 (изд. 1827 г.). Умеръ въ 1722 г. ноября 27, 65 лѣтъ.

1684. Христось; посвящ. С. Яворскому; это таже самая картинка, которая описана подъ № 1098-мъ.

1685. Царь Константинъ и царица Елена; это таже самая картинка, которая описана подъ № 1527-мъ.

1688. Св. Великомуч. Варвара; это таже самая картинка, которая описана подъ № 1381-мъ.

1691. Теофилактъ Лопатинскій, изъ шляхты, былъ префектомъ въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи съ 1706 по 1780 гг. вмѣстѣ съ Юсифомъ Туробойскимъ сочинилъ книгу въ 1709 г.: «Политиколѣпная Апоеосисъ достохвальныя храбрости Всероссійскаго Геркулеса... Петра Алексѣевича... возвращающагося въ Москву... (послѣ Полтавской баталіи); 178 страницъ, съ описаніемъ триумфальныхъ вратъ (Евгеній, Слов. писат. духовн. чина; изд. 1827, II. 325).

1708—1782. Артемьевская фабрика находилась въ 25 верстахъ отъ Москвы; доски на ней гравировались черной манерой подъ руководствомъ академическаго гравера Ивана Штенглина. Граверъ этотъ родился въ Аугсбургѣ и учился своему мастерству у Боденера; въ 1741 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, по приглашенію академика Штелина и работалъ разные портреты по заказамъ Академіи Наукъ; съ 1744 года работы эти производились имъ сдѣльно; а около 1750 года, поссорившись съ Академіей, онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ въ крайней бѣдности, писалъ миниатюрные портреты и работалъ для Артемьевской фабрики. Листы, вышедшіе съ этой фабрики (75 листовъ), имѣютъ одну фабричную помѣту; только три изъ нихъ подписаны дѣлавшими ихъ мастерами: Тихоновымъ, Дружиннымъ и Лебедевымъ. Въ 1765 году Штенглинъ вызванъ снова въ Петербургскую академію, сдѣланъ шварцкунстнымъ мастеромъ, съ порученіемъ обучать своему мастерству двухъ учениковъ: Василя Соколова и Елисея Ѳедорова (см. Русскіе граверы. М. 1870 г., стр. 338).

Въ моемъ собраніи есть рисовальная азбука, гравированная крѣпкой водкой Дмитріемъ Пастуховымъ, съ надписью на главномъ листѣ: «Делано на фабрике изобретателя тушеванно-тисненнаго искусства михаила артемева».

1708—1782. № 18 А. Прибавить «Сѣй Митрополитъ Дмитрій | Ростовскій Чудотворецъ | Дѣ: в: на^о: м: а^р»; на фонѣ, внизу справа, монограмма гравера: «Р Д. П», т. е.: рѣзалъ Дмитрій Пастуховъ. Копія съ портрета, гравированнаго Яковомъ Васильевымъ съ оригинала графа Ротари; погр., $\frac{3}{4}$ влѣво; грав. рѣзцемъ, лице пунктиромъ. Выш. 13. 11; шир. 9. 4.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

	<i>стр.</i>
Прибавленія и поправки къ тремъ первымъ книгамъ.....	1
Перечень вновь описанныхъ въ IV книгѣ картинокъ, не вошедшихъ въ книги I—III.	
11 А. Бой Еруслана Лазаревича съ змѣемъ, другой переводъ...	142
28 А. «Царь Салтанъ Салтановичъ»; другой переводъ.....	151
54 А. «Храбрыи витезь віниціанъ французъ».....	165
54 Б. «Походъ славнаго рыцаря Колеандра Лодвика».....	166
55 А. Повѣсть: «О дворянине и мужике».....	176
90 А. «Притча орлы и скворцы».....	202
135 А. «Семь бабъ за штаны дерутца, а что внихъ да тово недо- берутся».....	777
172 А. Громадный котъ, картинка гравиров. на деревѣ.....	170
202 А. Драка на кулачкахъ казака съ солдатомъ.....	307
209 А. Фарносъ красный носъ.....	311
209 Б. Шуть Гоносъ.....	311
227 А. Компания нюхающихъ табакъ.....	329
227 Б. Компания курящихъ табакъ.....	329
227 В. Два табачника.....	330
238 А—Л. 11 листовъ, изображающихъ ѣзду въ саняхъ и на дрож- кахъ; картинки полулистовыя, чрезвычайно любопытныя въ этнографическомъ отношеніи.....	334
238 А. Дама на извожикѣ, въ саняхъ.....	334
238 Б. Дама съ дѣвочкой; также.....	334
238 В. Двѣ дамы въ саняхъ.....	334
238 Г. Господинъ въ треуголкѣ.....	334
238 Д. Кавалеръ съ дамой на волочкѣ.....	334
238 Е. Тоже.....	334
238 Ж. Тоже.....	334

№	стр.
238 З. Одна дама на волочкѣ...	334
238 И. Кавалеръ съ дамой; также...	335
238 К. Кавалеръ въ коляскѣ парой...	335
238 Л. Дама въ такой же коляскѣ...	335
238 М. Пастушекъ развязываетъ поясъ у снящей пастушки...	335
238 Н. Пастушекъ подносить ей овечку...	335
238 О. Дама съ бубновымъ тузомъ въ рукѣ и два кавалера по сто-	
ронамъ...	335
212 А—Е. Шесть картинокъ, изображающихъ ужасы наносной оспы.	338
242 А. «Куда хорошъ дѣтина»...	338
242 Б. Двѣ бабы съ ребятами...	339
242 В. Рябой старикъ и молодухи...	340
242 Г. Рябая Акулина и гладкая Степаньда...	340
242 Д. «Оглянись назадъ Ипатка»...	341
242 Е. «Полно Фекла пустомѣлить»...	341
242 Ж. Наставленіе прививаніи оспы...	341
244 А. Мальчикъ съ птичкой...	351
244 Б. Танцмейстеръ Скрипачъ...	351
244 В. Мальчики спускающіе волчки...	351
244 Г. Дѣтскія занятія...	352
244 Д. Вальсеръ...	352
265 А. Еще Филиппъ...	359
265 Б. «Der Iaponische pfau»...	359
265 В. «Phasianus Metf»...	359
280 А. Турецкій всадникъ...	360
283 А. Охота на кабана...	361
283 В. Охота за зайцами...	361
287 А. Послѣдствія роскоши...	361
293 А. Послѣдній день Помпей...	365
300 А. Похищеніе Прозерпины...	380
303 А. Мамаево Побойще, гравиров. въ манерѣ Чуваева...	381
305 А. Описаніе разстоянія столицъ...	383
305 Б. Описаніе Россійской Имперіи временъ Елисаветы Петровны	383
319 А. Малороссійскій козакъ...	391
354 А. Взятіе крѣпости Измаила...	411
354 Б. Взятіе крѣпости Бендеръ...	412
354 В. Карикатура на осаду Гибралтара...	412
355 А. Взятіе Очакова...	413

№	стр.
355 Б. Взятіе Очакова; другой переводъ...	413
356 А. Слоноу персидскій, двухлистовая картинка на мѣди...	413
356 Б. Также картинка; другой переводъ...	413
356 В. Слоноу персидскій; гравюра на деревѣ...	413
357 А. Коронація Александра I...	414
358 А. Воздушное путешествіе госпожи Гарнеренъ...	416
362 А. Битва при Вишау...	417
370 А. Восемь сраженій, изданныхъ Синягинымъ и 12 сраженій, изданныхъ граверомъ Карделли...	418
381 А. Копія съ № 381...	422
385 А. Копія съ № 385...	424
392 А. Русскій Геркулесъ...	426
396 А. Торжественный въѣздъ,—точная копія съ № 396...	428
416 А. Освобожденіе Европы, копія съ № 416, гравированная въ однихъ очеркахъ...	439
421 А. Французскій магазинъ помады и духовъ...	430
✓ 437 А. Бѣгство Наполеона великаго...	434
438 А. Послѣдняя поѣздка Наполеона и встрѣча его съ ремонте- ромъ...	434
439 А. Выѣздъ Наполеона изъ Москвы; въ сопровожденіи Нея и Мюрата...	434
442 А. Наполеонъ бѣгущій съ козой на плечахъ...	436
455 А. Бивакъ французскихъ войскъ...	439
459 А. Французская артиллерія...	439
475 А. Казаки на форпостѣ...	441
477 А. Освобожденіе Генераль-Лейтенанта Винцингероде; другой переводъ...	441
477 Б. Изгнаніе изъ Москвы французовъ Пловайскимъ 4-мъ...	442
479 А. Иди козырь не вертись...	442
495 А. Што Мусье кувырнулся?	445
497 А. Копія съ № 497 въ обратную сторону...	445
498 А. Русскій Спевола; сочин. Тупылева...	445
499 Б. Еще русскій Спевола...	445
499 А. Русскій Курцій; сочин. Тупылева...	446
499 Б. Еще Курцій; D.Scotti fec. 1814...	446
550 А. Иванъ Яеовлевичъ Курейша, студентъ холодныхъ водъ Мо- сковскаго сумасшедшаго дома...	459
504 А. Русскій великанъ...	447
506 А. Копія съ № 506: Триумфальное вшествіе въ Парижъ...	447

№	страниц.
506 Б. Вшествіе Наполеона въ Парижъ.....	448
512 А. Кушай королечекъ.....	448
519 А. Наполеонъ на островѣ св. Елены.....	448
519 Б. Взятіе въ плѣнъ Вандома.....	448
522 А. Бородинская битва, съ прибавленіемъ Теробневскихъ карикатуръ кругомъ.....	449
523 А. Портреты Равіоли и Н. Бонапарта.....	449
523 Б. Еще профиль Наполеона.....	449
523 В. Бонапарты родственники Бона и Фешъ.....	449
590 А. Солнце съ зодіаками.....	470
599 А. Видъ Москвы и 48 городовъ.....	474
602 А. Успенскій Соборъ; копія съ № 602.....	482
602 Б. Видъ трехъ Московскихъ соборовъ работы Чуваева.....	482
608 А. Видъ села Измайлова.....	484
610 А. Видъ Валаамскаго монастыря, раб. Шелковникова.....	484
613 А. Перечисленіе плановъ Кіевскихъ пещеръ.....	484
614 А. Видъ Кіево-Печерской Лавры.....	488
617 А. Видъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, гравированной Нехорошевскимъ въ 1742 году.....	488
621—629 Перечисленіе 30 видовъ Соловецкаго монастыря.....	491
630 А. Изображеніе Тихвинскаго дѣвичьяго монастыря.....	494
632 А. Видъ Александрo-Свирскаго монастыря раб. Иванова.....	495
632 Б. Видъ Святозерскаго Иверскаго монастыря.....	495
636 А. Монастырь Пива въ Герцеговинѣ.....	495
637 А. Горы Синай и Аѳонъ.....	496
638 А. Копія съ № 638 безъ подписи Нехорошевскаго.....	496
638 Б. Видъ Синайской горы, изд. Кипріянова.....	497
638 В. Тотъ-же видъ.....	497
638 Г. Гора Синай.....	497
638 Д. Она же.....	497
638 Е. Она же.....	497
644 А. Планъ—видъ Іерусалима 1823 г.....	498
660 А. Повтореніе № 660; но съ 1787 годомъ.....	512
661 Б. Повтореніе № 661; но съ 1787 годомъ.....	512
686 А. Еще притча о Лазарѣ; грав. на деревѣ.....	520
721 А. Повѣсть о бѣсноватой женѣ Соломоніи.....	537
727 А. Слово св. Аптіоха о Мздоиманіи.....	545
728 А. Хожденіе Богородицы по мукамъ.....	546

№	страниц.
732 А. Коло или Фортуна, работы А. Трухменскаго.....	551
734 А. «Суета суеть» листовая картинка, грав. пунктиромъ.....	557
735 А. Притча житія человѣческаго, въ вопросахъ и отвѣтахъ.....	551
751 А. Аника воинъ и смерть; четырехлистная гравюра на деревѣ.....	553
753 А. Жизнь грѣшника.....	558
757 А. Еще гранеца благочестивыхъ гравиров. на деревѣ.....	560
758 А. «Миръ дому сему и внемъ живущимъ».....	560
761 А. «О добрыхъ друзѣхъ».....	562
775 А. Лѣствица св. Іоанна Лѣствичника о 37 ступеняхъ.....	565
779 А. Еще семь смертныхъ грѣховъ.....	568
793 А. Слово Ефрема Сиріина.....	576
795 А. Корабль, знаменующій церковь; картинка полуторалистоваго размѣра.....	577
795 Б. Тоже картинка.....	577
814 А. «Прелщеніе отъ змій».....	600
819 А. Листъ изъ апокалипсиса: и пятый ангель.....	601
819 Б. Листъ изъ апокалипсиса, глава, «Ф».....	601
830 А. Житіе Іосифа.....	609
834 А. Моисей передъ кущиною.....	609
837 А. Давидъ смотритъ на кунающуюся Вирсавію.....	610
862 А. Страсти, 14 картинокъ.....	611
870 А. Страсти Христова, въ размѣрѣ 2½ листовъ.....	611
870 Б. Еще страсти господни, четыре картинки, гравированныя на деревѣ.....	612
882 А. Новѣйшее повтореніе картинки Суда Господня.....	618
882 Б. Христосъ сидящій на гробѣ, доска у И. Голышева.....	618
893 А. Распятіе работы Любецкаго.....	623
900 А. Распятіе съ подписью: «стояхуже при кресте Ісусове».....	623
900 Б. Распятіе грав. на деревѣ, доска у И. Голышева.....	624
926 А. Азъ есмь лоза, еще разъ.....	626
938 А. Изображеніе пятиглаваго собора.....	625
945 А. Положеніе во гробъ въ 10 фигуръ.....	626
946 А. Такое-же положеніе, другой переводъ.....	626
953 А. Антиминсъ въ 9 фигуръ.....	626
954 А. Перечисленіе гравированныхъ Антиминсовъ съ дополненіями къ описаннымъ въ III-й книгѣ.....	626
959 А. Святцы; копія съ Тепчегорскаго.....	634
960 А. Святцы, повтореніе св. Тепчегорскаго.....	634

№	страниц.
960 В. Такое же повторение.....	635
960 В. Тоже.....	635
960 Г. Тоже.....	635
962 А. Копія съ № 962.....	635
966 А. Краткія святцы.....	635
969 А. Копія съ № 969.....	636
1006 А. Остатки гравюръ на деревѣ, наклеенныя на переплетахъ.....	640
1007 А. Повторение № 1007.....	647
1014 А. Образъ Софіи премоудрости.....	651
1031 А. Благвременное покаяніе; 2½ листового размѣра.....	657
1053 А. Троица; грав. на деревѣ; доска въ Академіи Художествъ.....	660
1061 А. Царь Царемъ и пять другихъ изображеній грав. на одной доскѣ.....	660
1083 А. Денеусъ.....	668
1086 А. Сей агнецъ Божій.....	668
1104 А. Спаситель съ св. Сергіемъ и Варлаамомъ; изданіе на бумагѣ 1809 года.....	667
1123 А. Богородица работы Д. Пастухова.....	670
1131 А. Тоже; грав. Ив. Никитинъ.....	670
1159 А. Богоматерь съ препод. Антоніемъ и Θεодосіемъ.....	670
1159 Б. Такая-же гравюра на мѣди.....	671
1199 А. О тебѣ радуется; раб. мастера серебряника.....	672
1224 А. Образъ Богородицы Братской, Кременецкой; грав. Гошемскій въ 1768 году.....	672
1224 Б. Тоже; грав. Гошемскій въ 1767 году.....	672
1234 А. Гваделупіанская Богородица.....	708
1234 Б. Богородица Городищенская.....	709
1256 А. Богородица Иверская; изд. 1834 г.....	712
1264 А. Икона Богородицы Казанской съ дѣяньемъ.....	714
1266 А. Богородица Казанская, что въ Симоновѣ монастырѣ.....	713
1266 Б. Богородица Ловатинская.....	713
1273 А. Икона Богородицы Неувядаемый цвѣтъ.....	771
1275 А. Богородица Подембеченская.....	—
1297 А. Икона Богородицы Ростовской, Козмодемьянской.....	—
1297 Б. Икона Богородицы Сладколюбивой.....	—
1298 А. Богородица Страстная времянь Екатерины II.....	—
1299 А. Тихвинская съ чудесами.....	—
1301 А. Она-же, безъ чудесъ.....	111
1304 В. Образъ Богородицы Тригуренской.....	725

№	страниц.
1331 А. Апостолы союзомъ любви связуемы; изданіе на бумагѣ 1800 года.....	711
1331 Б. Тоже изображеніе, съ евангелистами по угламъ.....	711
1346 А. Икона св. Акулины, Памва Берында, душевная чистота, кушина неопалимая и др.....	711
1348 А. Св. Александръ Невскій, съ видомъ Петербурга.....	111
1350 А. Онъ-же; повторение № 1350.....	111
1356 А. Повторение № 1356; работы мастера «Р М И».....	111
1364 А. Ангелъ хранитель; повторение № 1364.....	737
1374 А. Еще Испушеніе св. Антонія.....	734
1390 А. В. М. Варвара, работы мастера Р. М. I.....	738
1398 А. Притча св. Варлаама о временимъ семь вѣтѣ.....	738
1398 Б. Повторение четырехлистовой картинки.....	739
1407 А. Св. муч. Софія, Вѣра, Надежда и Любовь.....	749
1407 Б. Архангелъ Гавріиль.....	750
1414 А. Великом. Георгій съ дѣяньемъ, грав. М. Нехорошевскій.....	750
1428 А. Образъ девяти мучениковъ.....	751
1439 А. Еще образъ св. Димитрія Ростовскаго съ дѣяньемъ.....	752
1443 А. Св. великомуч. Димитрій.....	752
1443 Б. Онъ-же.....	752
1444 А. Онъ-же, изданіе 1801 года.....	753
1454 А. Препод. Елеазаръ.....	754
1459 А. Преподобные Зосима и Савватій, съ тропаремъ и кондакомъ. Гравюра на деревѣ 1695 года.....	756
1459 Б. Молитва ангелу хранителю, награвированная на обратной сторонѣ доски № 1459 А, въ 1695 году.....	756
1465 А. Св. Пророкъ Ілья; двухлистового размѣра.....	757
1474 А. Препод. Іоаннъ Власатій.....	758
1474 Б. Онъ-же; изданіе на бумагѣ 1800 г.....	758
1479 А. Преподобная Евдокія съ дѣяньемъ.....	759
1489 А. Св. Іоаннъ Милостивый.....	759
1493 А. Повторение № 1493.....	761
1498 А. Копія съ № 1498 въ обратную сторону; изданіе на бумагѣ 1800 года.....	761
1505 А. Соборъ Киевопечерскихъ святыхъ, грав. Казачковскій.....	761
1521 А. Повторение № 1521; изд. на бумагѣ 1800 года.....	764
1542 А. Архангелъ Михаилъ съ дѣяньемъ.....	765
1564 А. Николай Чудотворецъ работы гравера Василя.....	767
1604 А. Никола, что на Липяѣ.....	768

